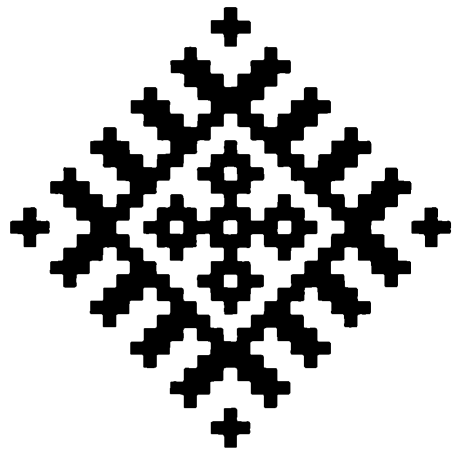

Наталія Яковенко

ОЧЕРК
ИСТОРИИ
УКРАИНЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ
НОВОЕ
ВРЕМЯ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ УКРАИНЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ
НОВОЕ ВРЕМЯ

Наталя Яковенко

НАРИС
ІСТОРІЇ
СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ
ТА РАННЬОМОДЕРНОЇ
УКРАЇНИ

Київ
Критика

2005

Наталия Яковенко

ОЧЕРК
ИСТОРИИ УКРАИНЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ
НОВОЕ ВРЕМЯ

Авторизованный перевод
с украинского
Владимира Рыжковского

Новое
Литературное
Обозрение

2012

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)4
Я47-

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Института украинских исследований Гарвардского университета
(Harvard Ukrainian Research Institute), США*

Яковенко, Н.

Я47 Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. Авторизованный перевод с украинского Владимира Рыжковского; Научн. ред. перевода Алексей Толочко. М.: Новое литературное обозрение, 2012.— 768 с. : ил.

ISBN 978-5-86793-969-4

Книга профессора Киево-Могилянской академии Наталии Яковенко, ставшая украинским интеллектуальным бестселлером последних лет, предлагает взгляд на десять столетий украинской истории (IX–XVIII вв.), альтернативный традиционному национальному нарративу. Повествованиям о страданиях народа, жаждущего обрести свое государство, автор противопоставляет историю Украины как длительный процесс цивилизационных встреч (Запада и Востока, православия и ислама, католичества и православия) и результат взаимодействия и конфликтов различных государств, этнических и социальных групп, творивших неповторимые культурные очертания того, чему суждено было стать нынешней Украиной. В свете этой концепции находят новую и разностороннюю трактовку также и дискуссионные узлы общей украино-российской истории. Кому принадлежит наследие Древней Руси? Была ли Переяславская рада 1654 г. «воссоединением»? Как объяснить противоречия личности Ивана Мазепы? Строгость научного описания и изящность стиля делают книгу Яковенко одновременно и серьезным, и увлекательным чтением. На данный момент это наиболее полное из опубликованных на русском языке введение в предмодерную историю Украины, которое может служить учебным пособием.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)4

© Яковенко Н., 2012
© Оформление ООО «Новое литературное обозрение», 2012

ВВЕДЕНИЕ

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Еще Самойло Величко в своей «Летописи» отмечал, как непросто разобраться в том, кто из предшественников «истинствует, а кто от правды рознствует». Это извечное сомнение порождает афоризмы наподобие общеизвестного «Каждое поколение переписывает историю по-новому» или же ренановского «Неправильное понимание истории — это часть бытия нации». «Неправильное» здесь не означает сознательно искаженное. Несколько профессиональных историков на основании одних и тех же фактов могут написать принципиально отличающиеся истории. Многовековая перспектива с ее мерцающим калейдоскопом людей, событий, перемен, объединенных лишь воображением исследователя, подвержена самым разнообразным интерпретациям. Ведь, обращаясь к прошлому, историк имеет дело не с физическим объектом, а с порождением собственного воображения. Поэтому нам никогда не суждено познать, какой была история на самом деле, ведь, как отметил один из выдающихся медиевистов современности Арон Гуревич, «реконструируя историю, мы ее конструируем». Как именно, зависит не только от знаний или таланта. Историк всегда остается человеком своего времени, поэтому в прошлом выпукло видит то, что кажется «интересным», «важным»

или «нужным» его современникам, а в объяснении событий опирается на присущие его эпохе ценности.

Здесь не место повествованию о том, какими путями сегодняшняя наука, сосредотачивая внимание на объяснении логики действий людей прошлого и обуславливающих ее факторов, пытается преодолеть субъективность исторического познания. Вместо этого стоит подчеркнуть, что XIX век — «век великих историков», твердо убежденных (согласно знаменитой формуле классика немецкой историографии Леопольда фон Ранке) в познаваемости прошлого «*wie es eigentlich gewesen*» («как оно было на самом деле»), — дал плеяду блестящих имен и в Украине: Николай Костомаров (1817–1885), Владимир Антонович (1834–1908), Михайло Грушевский (1856–1934). Свойственная науке XIX в. непоколебимая вера в эволюционный прогресс, осуществляемый через цепочку причинно-следственных связей, а также в способность некоего социального сообщества («класса», «нации», «народа») целенаправленно влиять на ход истории ради достижения заранее намеченной цели, дополнялась в их трудах еще и патриотическим настроем. Это наложило особый отпечаток на концепции трех «отцов украинской историографии», и прежде всего Михайлы Грушевского. Как и другие «национальные истории» XIX в., его монументальная многотомная «История Украины — Руси» является прекрасным образчиком того, как прошлое становилось основанием национальной идентичности путем соединения прошлого и настоящего бытия этноса в непрерывной последовательности (по выражению Грушевского, «от начал, или даже праначал исторической жизни, через все перипетии его исторического развития до наших дней»). Этот концепт долгое время считался единственно возможным и пошатнулся лишь относительно недавно вследствие сомнений, а можно ли вообще говорить о непрерывности в «перетекании истории». Ведь эту непрерывность на самом деле «выдумывают» сами историки, дабы легче было описать прошлое посредством всеохватной схемы, тогда как реальная жизнь живших в нем людей была наполнена разрывами и перепадами.

В то же время еще одно фундаментальное положение Грушевского — ссылка на «народ» как на единственного героя истории — было подвергнуто сомнению значительно раньше. Вслед за Николаем Костомаровым и Владимиром Антоновичем Михайло Грушевский под народом подразумевал прежде всего низы, «народные массы» (со временем это окрашенное идеями раннего социализма направление в историографии назовут народническим). Ход истории представлялся реализацией «народных усилий» в борьбе за одну и ту же «ведущую идею», которая, по выражению Грушевского, «проходит сквозь

череду веков, в столь непохожих политических и культурных обстоятельствах». Определяющей чертой ведущей идеи украинского народа, согласно убеждениям историков народнического направления, является приоритет общественного начала и приверженность социальной справедливости и равноправию (воплощенных, например, в казачестве). Логическим дополнением такого видения стала негативная оценка государства и его институций как аппарата насилия, а также неприятие политической элиты — носителя власти и, наоборот, симпатия по отношению к стихийным народным движениям, в которых реализовывалось право народа на восстание во имя идеалов свободы или лучшего будущего.

Подобная система взглядов не стала монополевой. Бурные события общественно-политической жизни первой четверти XX в., общий кризис либеральных идеалов, а вскоре и установление тоталитарных режимов спровоцировали появление альтернативного историографического видения, за которым закрепилось довольно упрощенное название государственнического. Его появление связано с именем идеолога украинского консерватизма, политолога и историка Вячеслава Липинского (1882—1931). В целом ряде исторических и публицистических работ (особенно в посвященной Хмельнитчине «Украине на переломе») Липинский порывает с такими принципиальными положениями народнической идеологии, как игнорирование роли первенствующих общественных слоев и признание целесообразности разрушительных народных восстаний. Позитивный акцент в его интерпретации украинской истории перемещается со стихийного, деструктивного движения масс на легитимные факторы, воплощенные в институте государства и политических элитах. Элиты, по мнению ученого, обеспечивают законность и стабильность власти, удерживая общество от анархии и хаоса, а следовательно, выступают в роли основной силы, создающей государство (а значит, и нацию). Само же государство, по Липинскому, является стержнем бытия всякого этнического сообщества, которое без упорядоченных легитимных институтов превращается в бесформенную этническую массу. Согласно высказыванию историка, «без организации и без авторитетов сообщество граждан не существует, а существует лишь рассеянное, взаимно себя не знающее и ненавидящее сборище рабов».

Еще одним нововведением Вячеслава Липинского в противовес народническому историописанию стало изображение «человека — героя», двигателя исторического процесса. Посредством этого историографического образа должна была реализовываться и воспитательная миссия историка, которая состоит в создании национальных легенд и символов.

Концепциям Михайлы Грушевского и Вячеслава Липинского была суждена долгая жизнь. В частности, народническая, сменив название на «марксистско-ленинскую», плавно вошла в советскую историческую науку. Изменения в терминологическом аппарате не затронули мировоззренческого каркаса: хотя «народная масса» стала «угнетенной массой трудящихся», а «основополагающая» идея превратилась в «извечное стремление к социальному освобождению», главным творцом истории оставался все тот же «народ» (теперь «класс»), а сама история, понятная и познаваемая, по-прежнему виделась осуществляемой в русле причинно-следственных связей (теперь «законов общественного развития»), прогрессивно устремленной в «светлое будущее». Ныне жесткий канон «единственно правильной методологии» сломан, но многим историкам не хватает отваги перейти сакральный рубеж, установленный «отцом украинской историографии». Поэтому в их работах можно натолкнуться на целый ряд весьма почтенных возрастом, но давно переосмысленных анахронизмов: что «законы социального развития», так же как и категория «прогресса», — не более чем миф исторической науки XIX в.; что общественной эволюции не известен субъект, поэтому она не может быть предопределена; что ни одна социальная группа не способна в течение долгого времени направлять исторический процесс, так как поставленная в сфере политики цель всегда реализуется в непредсказуемых вариантах и т. п.

Идейный отголосок интеллектуального наследия Вячеслава Липинского надолго пережил своего творца. Даже в советской историографии (которая по известным причинам не поощряла ни государственных, ни элитистских устремлений ученого) заменителем неоромантических взглядов на воспитательную миссию историка, создающего символы во имя высокой идеи, стала «партийность» науки, которая превращала ученых в «бойцов идеологического фронта». Впрочем, по ту сторону советской границы под лозунгами примата национальных интересов над научными существовала не менее ангажированная националистическая историография. Обе видели своей основной задачей воспитание нескгибаемых борцов, забывая, что для этого существует пропаганда, в то время как задача науки — беспристрастность, которая партийной не бывает.

Идеям Липинского о государстве как о возвышающейся над судьбами людей ценности, которая является главным смыслом исторического развития, отдали дань в своих обобщающих очерках истории Украины многие ученые эмигрантского поколения — Степан Томашивский, Дмитро Дорошенко, Наталия Полонская-Василенко и другие. Рецидивы своеобразного «неогосударственничества», культивируемого не без наивного рвения, заметны

и в нынешней Украине, в частности в многочисленных биографических эссе и работах по казацкой истории.

Иная судьба была уготована взглядам Липинского на один из главных объектов внимания историографии XX столетия — элиты и их роль в постоянных изменениях общественных структур (что, собственно, и можно метафорически обозначить как «ход истории»). Идеи, впервые провозглашенные Липинским, стали в некоторой степени стимулом для большинства зарубежных трудов, написанных по украинской истории во второй половине XX в., в том числе таких фундаментальных, как книги Джорджа Гаецкого, Франка Сысына, Зенона Когута, Ореста Субтельного. В Украине к истории элит в начале 1990-х гг. обратились Олексий Толочко на материале Киевской Руси и автор этих строк — на материале позднесредневековой Украины.

Наконец, новейшей зарубежной украинистике принадлежит первенство и в разработке на украинском материале еще одной фундаментальной проблемы историографии XX столетия — истории идей и мировоззренческих стереотипов, которые определяли поведение людей прошлого. Здесь не место детальному обзору такого рода работ, поэтому адресурую заинтересованного читателя к списку литературы, в котором имеются соответствующие ссылки на книги и статьи Степана Величенко, Анджея Каминьского, Зенона Когута, Сергия Плохия, Омеляна Прицака, Франка Сысына, Дэвида Фрика, Терезы Хинчевской-Геннель, Игоря Шевченко и других. Эти зарубежные работы, прокладывая совершенно новые пути в разработке конкретных сюжетов украинской истории, стали для меня своеобразной интеллектуальной поддержкой.

Что же касается общих концептуальных установок данного очерка, то я не ставила перед собой честолюбивой задачи «перевернуть» бытовавшие до сегодняшнего дня представления об истории Украины, да и вряд ли бы это удалось. Такая попытка станет гипотетически возможной лишь после исследования проблематики, до сих пор или совершенно неизученной, или же окутанной устаревшими, фальсифицированными или слишком «патриотическими» представлениями. (К этим лакунам можно причислить, скажем, такие мало исследованные в старой и примитивизированные в советской историографии глобальные проблемы, как история крестьянства и — шире — села, процессы урбанизации, анализ экономики, устранение «белых пятен» в истории элит и т. п., и читатель очерка не раз встретит в тексте подтверждение тому, что тот или иной сюжет относится к неизученным.) Моя задача была скромнее: обратить внимание на те аспекты прошлого, которые в предыдущих обобщающих работах фактически не затрагивались, меж тем как без их истолкования нельзя

надеяться на то, что старая Украина «расскажет» нечто о себе нашему современнику. Речь идет прежде всего о попытке приблизить историю, восседающую на высоком пьедестале науки об обществе, к живому человеку этого общества. Это не означает, что само общество недостойно исследовательского интереса, однако ключ к пониманию механизмов его функционирования не может быть ни универсальным, ни заранее заданным, так как система, созданная из «человеческого материала», реализует себя лишь посредством конкретных, различных во времени и пространстве поступков людей. Так что изучением их поведения, изучением «снизу» и должно начинаться исследование системы: на уровне конкретного индивида; на уровне конкретной микрогруппы, к которой он принадлежит; на уровне его социального слоя, сословия и т. д. Поэтому специальное внимание в этом очерке уделено человеку — кругу его прав и обязанностей, способам организации в коллективы, обыденному поведению и вероятным причинам смены его стереотипов в моменты ломки старых ценностей, представлениям о справедливой власти и личных обязанностях, о морально позволенном и табуированном, об отношении к «своим» и «чужим» и т. п. На более общем уровне была осуществлена попытка объяснить кризисы в истории Украины сквозь призму внутренних изменений в присущей обществу системе понятий и ценностей, отбросив привычные историографические образы «соседа-завоевателя», «коварного иезуита» или своего «предателя». Неравномерность видоизменений этой системы в разных группах населения провоцировала столкновение приверженцев «старины» и «нового», а уже на этом — дестабилизированном — фоне появлялся «злой сосед», «предатель» либо еще какая-то сторонняя сила.

Другой аспект, который привлекал мое внимание, касается наполнения конкретным содержанием ныне распространенного взгляда на Украину как на цивилизационный перекресток «между Востоком и Западом». Так что в очерке читатель обнаружит попытку проследить реальные приметы «пограничности» украинской культуры — в сфере легитимных институций и правовых представлений, в области религиозной жизни, в круге символов и идей, которые питали мысль, в интеллектуальных, образовательных или художественных приоритетах. Остается добавить, что, по моему убеждению, степной «восток» был органической составляющей украинского культурно-национального типа не в меньшей степени, чем «восток» византийский, потому-то в книге немало внимания уделено контактам с людьми Степи.

Отдельно стоит остановиться на периодизации — индикаторе, который делает более выпуклым то, что кажется историку «важным». Согласно народническому взгляду на историю как на движение к постижению

«основополагающей идеи», в украинском историческом процессе выделялось четыре периода: княжеская эпоха, то есть Киевская Русь; далее вплоть до Хмельнитчины — польско-литовский период; до ликвидации Гетманщины в конце XVIII в. — казацкое время; с XIX в. — эпоха национального возрождения. Советская историография в периодизации истории опиралась на принцип последовательности общественных формаций: на смену первобытнообщинному строю на земли будущей Украины приходил феодализм, который длился до 1860-х (!) гг., за ним — капитализм и т. д. А так как под феодализмом подразумевалась не сеть связей личной зависимости (чем он и был на самом деле), а система производственных отношений, то в нее должна была каким-то образом уложиться непослушная живая история, которая совсем не желала, по ироническому замечанию Ивана Лысяка-Рудницкого, быть однообразной «от Рюрика до Николая I». На событийном уровне к формационным изменениям приспособили народническую периодизацию, наделив ее хронологические ступени иными названиями. Скажем, польско-литовский период терминологически обозначался как время «нарастания антифеодальной и освободительной борьбы», а период казацкий был поделен на несколько стадий: 1) освободительная борьба 1648–1654 гг., которая привела к воссоединению с Россией, 2) антифеодальная борьба трудящихся масс (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.), 3) разложение феодально-крепостнической системы (со второй половины XVIII в.).

Схема периодизации, которая опиралась на государственническое видение, ярче всего представлена в «Истории Украины» Натальи Полонской-Василенко, написанной в 1964 г. (первое издание: Мюнхен, 1972–1976). Опираясь на те же категории «княжеского», «литовско-польского» и «казацкого» периодов, автор будто бы ведет читателя крутой тропой государственно-политической жизни украинского народа, в самих названиях разделов акцентируя чередование взлетов и падений: «Украинское государство X–XIV вв.»; «Украинское государство XVII в.»; «Политический строй Украины — Гетманщины»; «Украина под Польшей»; «Под чужой оккупацией» и др. Этот жестко заданный интерес придавал другим проблемам — экономики, культуры, права и т. п. — вид искусственно включенных в структуру книги. (Показательно, что блестящий эрудит, историк государственнического направления Дмитро Дорошенко в своем «Очерке истории Украины», впервые изданном в 1932 г. в Варшаве, вообще отказался от ярко выраженной периодизации, организовав повествование по хронологическому принципу.)

Стоит добавить, что в 1978 г. зарубежные украинисты посвятили проблемам периодизации украинской истории специальную дискуссию (ее

материалы под заголовком «Rethinking Ukrainian History» см. в перечне литературы). Среди новых идей здесь особенно выделяется попытка Ивана Лысяка-Рудницкого соотнести украинскую историю с большими европейскими эпохами — Античностью, Средневековьем и Новым временем: Средневековье представлялось во временных рамках от домонгольской Руси до Люблинской унии (1569), а раннее Новое время — до конца XVIII в. Такая схема, по мысли Лысяка-Рудницкого, органично интегрирует украинское прошлое в европейский исторический процесс, соединяя политическую историю с основными культурно-мировоззренческими эпохами, нашедшими отголосок в Украине: с Ренессансом, Реформацией, Контрреформацией, Барокко, Просвещением. Впрочем, если жестко придерживаться этой схемы, слишком много локальных особенностей было бы утрачено, что и констатировалось участниками дискуссии. В итоге за каждым историком сохранялось «право» на собственное периодизационное деление, адекватное направлению его поисков.

В этом очерке я и воспользовалась таким правом, пытаюсь объединить в одной цепочке изменчивую политическую жизнь и скрывающийся под поверхностью видимых изменений водоворот мировоззренческих мутаций, созвучных этим переменам и подталкивавших общество к обновлению. Под этим углом зрения выделено шесть хронологических периодов, которым соответствуют определенные разделы книги. «Княжеский период» рассматривается прежде всего как процесс выхода Руси на орбиту христианской (византийской) цивилизации (разделы I—II); так называемый «литовско-польский» период поделен на две половины, отличные не столько по характеру взаимоотношений Украины с государствами, под сюзеренитетом которых она находилась, сколько по специфике внутренней жизни. Вплоть до Люблинской унии 1569 г. продолжалось постепенное расхождение социальных укладов и политической культуры двух обломков бывшей Киевской державы — галицкого и киевско-волынского, что и рассмотрено в разделе III. Объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в Речь Посполитую Двух Народов оставило за бортом политической жизни третий элемент — украинский; факторам, подтолкнувшим украинцев к осознанию себя народом одного исторического корня, посвящен раздел IV. Непосредственным следствием этих процессов стал огромный энергетический взрыв, катализированный казатчиной и описанный в разделе V. По многим причинам этот взрыв так и не достиг своей цели, поэтому в разделе VI пойдет речь об Украине XVIII в., которая вновь утратила самостоятельность и была поделена между двумя большими соседями — Речью Посполитой и Российской империей.

Наконец, оставив в стороне противоречивость общеисторических схем, стоит уделить несколько слов и более конкретным спорным узлам прошлого Украины, единогласного объяснения которым не удалось подыскать до сих пор. Перечислю для примера несколько дискуссионных проблем: кто такие русы и какую роль они играли в создании Киевской державы? Как стоит воспринимать культурное наследие Киевской Руси? Как толковать церковные католическо-православные или православно-униатские взаимоотношения в Украине XV–XVII вв. и чем стала для нее Брестская уния? Какую роль играла Польша (власть, церковь, шляхта) в периодически вспыхивавших казацких войнах? Чем была Хмельнитчина — сословной казацкой революцией, гражданской войной, войной за национальное освобождение? В чем заключаются причины Руины? В каких формах существовало (и существовало ли вообще) украинство на Правобережной Украине XVIII в.?

Ответы на эти и другие спорные вопросы читатель найдет в этой книге. Часто они не будут совпадать с общепризнанными в предшествующей историографии взглядами. В таких случаях я предлагаю свои собственные гипотезы с соответствующими оговорками, а если те или другие нетрадиционные суждения опираются на уже высказанные кем-то из предшественников идеи, всегда указываю их источник (жанр очерка не предполагает постраничных ссылок, однако в перечне литературы читатель найдет названия соответствующих работ каждого из упомянутых в тексте авторов).

В завершение, дабы не возвращаться к этому в тексте очерка, добавлю несколько более широких пояснений относительно того, что я буду иметь в виду под территорией Украины, какие названия для ее обозначения буду употреблять (и почему), какое содержание буду вкладывать в понятия «азиатский Восток» и «европейский Запад» — тот фон, на котором будут развиваться события украинской истории.

ТЕРРИТОРИЯ УКРАИНЫ:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯДРО И ПОЗДНЕЙШИЕ ПРИРАЩЕНИЯ

Визуально знакомые контуры территории Украины оформились в XX в. Постепенное слияние региональных единиц, из которых она в конце концов сложилась, длилось чуть ли не тысячу лет. Присоединяясь при разных исторических обстоятельствах и в разное время к первоначальному — Киевскому — протоукраинскому ядру, игравшему роль своеобразного центра притяжения, они постепенно формировали единое осознанное целое. А первое упоминание

о территории, которая воспринималась как нечто целостное, встречается в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (948–952 гг.): «Внешней Руси» (землям между Новгородом и Смоленском) здесь противопоставляется «Внутренняя Русь» — Киевская, Черниговская и Переяславская земли. Согласно видению автора «Повести временных лет» — летописи киевского происхождения, составленной в конце XI — начале XII в., понятие «Русь» уже охватывало весь восточнославянский ареал: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новгородьци, полочане, дръговичи, сѣверо, бужане, зане съдять по Бугу, послѣже же волыняне».

Понадобилось еще несколько столетий для того, чтобы из этой размытой территории современники выделили пространство, соотносящееся с территорией современной Украины.

Достаточную четкость его очертания приобрели только в первой половине — середине XVII в., отождествляясь, как будет детальнее показано ниже, с Киевщиной, Чернигово-Северщиной, Волынь, Подольем и Галицией. Одновременно более точно были обозначены и границы. Например, в 1670-х гг. гетману Ивану Самойловичу западные пределы Украины видятся охватываемыми «Подолье, Волынь, Подлясье, Подгорье и всю Червонную Русь, где стоят славные города Галич, Львов, Перемышль, Ярослав, Люблин (!), Луцк, Владимир, Острог, Заслав, Корец».

Другой тогдашний гетман, Петро Дорошенко, отождествляет Украину на Западе с землями «за Перемышлем и Самбором вплоть до Сянока», а на востоке — «до Севска и Путивля». Сакральным же ядром этой территории представлялась Руськая* земля княжеского времени с центром в Киеве, или Внутренняя Русь Константина Багрянородного. Именно ее казацкий

* В данном издании украинское прилагательное «русский» оставлено в своей оригинальной форме. Оно употребляется в нескольких значениях. Применение его для описания реалий княжеской эпохи призвано подчеркнуть отказ от идеологизированной телеологии, легко угадываемой в обозначении этого периода как «русского» в российской историографии имперского периода или же как «древнерусского» в историографии советской. Отдавая предпочтение слову «русский» применительно к этой эпохе, мы также подчеркиваем необоснованность притязаний на исключительное владение общим прошлым Киевской Руси, которое национальные историографии пытаются окрасить в «древнеукраинские», «древнерусские» или «древнебелорусские» цвета, — выбор, полностью согласующийся с концепцией автора книги. Также слово «русский» используется для обозначения населения и элит юго-западных земель распавшейся Киевской державы, инкорпорированных Великим княжеством Литовским и Польским государством. Наконец, употребление слова «русский» вместо «украинский» предостерегает от упрощенных представлений о формировании украинского этноса и «продления» его исторического бытия в далекое прошлое. (*Примеч. перев.*)

историк Самойло Величко назовет в начале XVIII в. «предвечной отчизной нашей, которая сияет истинным и непоколебимым благочестием от святого и равноапостольного князя Владимира Киевского, который просветил Русь крещением».

Итак, в представлении людей конца XVII — начала XVIII в. западные рубежи украинской общности очерчивались речкой Сан и понизовьем Западного Буга, северно-восточные тянулись по Новгород-Северщине до Стародуба, восточные ограничивались рубежами Гадячского и Полтавского полков, а южные — обжитой полосой предстепной зоны: Чигиринщиной, Уманьщиной, Брацлавщиной. Выдвинутым далеко в степь форпостом оставалась Запорожская Сечь. Такой географический образ собственной территории удерживался в восприятии украинцев и в более позднее время, невзирая на многократные переделы между Россией и Речью Посполитой, Речью Посполитой и Турцией, Россией и Австрией, Советским Союзом и Польшей.

Упоминания южных и восточных земель современной Украины в документах XVII в. отсутствуют: людям того времени показалась бы абсурдной мысль о принадлежности ей татарских кочевий в Приазовье, а Закарпатье и Буковина воспринимались как органичные части Трансильвании и Молдавии. Постепенное распространение на эти земли представлений об их связи с украинским жизненным пространством растянулось с конца XVII до середины XX в., отражая как миграционные процессы, так и политические изменения, в особенности те, что привели к перекраиванию карты Европы вследствие Первой и Второй мировых войн. На востоке во второй половине XVII — в начале XVIII в. фактически украинскими стали земли незаселенных степных окраин Московского государства, на которых вследствие казацкой колонизации образовалась так называемая Слободская Украина — более поздние Сумщина, Харьковщина, Курщина (Курск), Воронежчина (две последние, как населенные смешанным украинско-русским населением в ходе административно-территориальной реформы 1923–1925 гг., были отнесены к Российской Федерации). На протяжении XVIII в. украинское, преимущественно казацкое население, продвигаясь вдоль реки Северский Донец в сторону моря, вытесняет из Приазовья Едычкульскую и Джамбойлуцкую ногайские орды, способствуя при этом ослаблению Крымского ханства. Именно так были колонизованы территории современных восточных областей Украины — Донецкой и Луганской (в 1778 г. российские власти принудительно выселили туда из Крыма всех проживавших на территории полуострова христиан — греков, армян и христианизированных тюрков-кипчаков,

одновременно начав расселять здесь же иммигрантов из Турции, Австрии и Пруссии; несмотря на русификаторские усилия царского, а потом и советского правительств, этот регион по сей день остается одним из наиболее пестрых в этническом отношении).

Параллельное наступление на земли Едисанской и Буджацкой орд шло в Причерноморье. Вследствие Русско-турецких войн 1768–1774 и 1789–1791 гг. и особенно после ликвидации Крымского ханства (1783 г.) экспансия Российской империи на юге приобрела масштабы организованного колониационного движения. А так как часть причерноморской степи (приблизительно современные Запорожская, Днепропетровская и частично Кировоградская и Николаевская области) к тому времени уже считалась владением Запорожской Сечи, то после ликвидации Сечи в 1775 г. она была заселена переселенцами с Балкан, из Молдавии и Валахии, Пруссии, России. Стабильное земледельческое население, осевшее на землях бывших татарских кочевий и запорожских зимовников, приблизительно на две трети состояло из украинского и быстро украинизированного румынско-сербского компонента. А взятая целиком, эта пестрая, лишь недавно обжитая полоса от Дона до Дуная, будто бы «подшитая» к старой Украине, получила название Новороссии (в отличие от Малороссии, то есть казацкого Гетманства). Ее южной оконечностью был Крымский полуостров, присоединенный к Российской империи в 1783 г.

Распад империи на отдельные государственные образования (в конце 1922 г. объединенные в СССР) впервые поставил вопрос о демаркации границ Украины. Среди регионов, украинскость которых не вызывала сомнений, были и земли бывшей Новороссии. В то же время в составе России остался, вопреки географической логике, Крым (Верховный Совет СССР официально передаст его Украине в 1954 г. как доказательство «вечной дружбы» по случаю празднования 300-летия Переяславского соглашения). В ходе уточнения межреспубликанских границ в 1923–1925 гг. к Российской Федерации отошла также часть старой казацкой территории — Стародубщина (теперь в составе Брянской области).

Вторая мировая война принесла новые приращения. В соответствии с установленным после ее окончания разделом земель к СССР (формально — к Украине) были присоединены старые территории Австро-Венгрии, которые после 1918 г. принадлежали Польше, Румынии, Чехословакии и Венгрии. В частности, от Румынии перешли Буджацкая степь — причерноморское побережье между реками Днестр и Дунай (сегодня юго-западные районы Одесской обл.) и Буковина (ныне Черновицкая обл.), от Венгрии Закарпатье,

а от Польши — старая историческая территория Галиции, за исключением Саноччины и западных частей Перемышльщины и Холмщины с городами Санок, Перемышль (Пшемысль), Холм (Хелм), Ярослав и др.: именно здесь, в соответствии с договоренностями Ялтинской конференции 1945 г., прошла граница между СССР и Польшей.

Итак, окончательное оформление границ Украинского государства, осуществленное на протяжении XX в., стало итогом политических договоренностей, которые зависели от Украины лишь в том смысле, что факт ее существования использовался в аргументации советскими дипломатами. Интересами украинского народа руководители СССР были обеспокоены в последнюю очередь, однако благодаря их стратегическим расчетам почти все части этноса впервые были объединены в рамках единого политико-географического тела — Украинской Советской Социалистической Республики, чьи внешние границы унаследовало Украинское государство.

Остается добавить, что поскольку этот очерк посвящен отдаленным временам, то наше внимание будет сосредоточено лишь на тех регионах, в которых протекали определяющие для этноса события, то есть на исторических землях Украины, как их понимали в XVII в. Так что читатель не обнаружит здесь прошлого Буковины, Закарпатья, Новороссии или Крыма. По моему убеждению, эти сюжеты требуют не беглых параграфов-вставок (как это делалось до сих пор в обобщающих работах по истории Украины), а отдельной фундаментальной работы, в которой упомянутые регионы рассматривались бы в контексте истории тех государств, в состав которых они входили: Молдавии, Трансильвании, Австрийской империи, Венгрии. То же самое относится и к Крыму, на который стоит смотреть не иначе как через призму самостоятельного Крымского ханства и его сателлитов — ногайских орд, земли которых стали впоследствии южной и юго-западной зонами нынешней Украины.

НАЗВАНИЯ И САМОНАЗВАНИЯ УКРАИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Первое зафиксированное в отечественных письменных источниках название территории будущей Украины — Руськая земля: «В лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу цесарьствовати, нача ся прозывати Руская земля, — говорится в «Повести временных лет». — О семь бо увѣдахом, яко при сем цесари приходиша Русь на Цесарьград».

Ясно, что это утверждение стоит воспринимать как элемент легенды, так как отождествление земли с ее названием — процесс не единовременный, поэтому мы еще вернемся к гипотезам о появлении и значении этнонима «русы» (спорного, как и другие древние названия европейских народов) в разделе о Киевском государстве. Теперь же просто констатируем, что люди X–XIII вв. употребляли понятие «Русьская земля» в двух значениях: узком — для обозначения ядра политической общности, то есть Среднего Поднепровья, и широком — с охватом всех территорий, которые первоначально подчинялись Киеву, а позднее тяготели к нему. Более чем четырехсотлетняя традиция отождествления себя с Русьской землей не исчезла и после распада этого эфемерного единства. Как известно, первыми из сферы киевского влияния вырвались правители северо-западных княжеств (будущей Белоруссии), связав свою судьбу с более близкими соседями, литовцами, в новом государственном объединении — Литовском княжестве; с конца XIII в. начинают концентрироваться вокруг нового — собственного — центра притяжения северо-восточные княжества, заложив тем самым фундамент Московского государства, а первоначальное ядро старой Руси — Киевщина и Черниговщина — вместе с Галицко-Волынским княжеством вступают в полосу утрат и поражений, о чем речь пойдет далее.

Каждый из обломков бывшей Киевской державы при посредничестве Церкви и общей книжной традиции «помнил» о своей причастности к Русьской земле и называл себя Русью. Об этом свидетельствуют сочинения местных книжников, независимо от того, писали ли они в Полоцке, Смоленске, Витебске, Москве и Суздале или в Чернигове, Киеве или Галиче. Однако названия государственных организмов, с которыми впоследствии оказалась связана судьба этих земель, свидетельствовали об их руськости разве что косвенно, через титул правителя. Объединенные московским центром северо-восточные территории начали именоваться Великим княжеством Московским, а приставка «всея Руси» появилась в титуле московских правителей лишь с 1493 г., отражая территориальные претензии к Великому княжеству Литовскому. Те русьские княжества, которые вошли в состав последнего, обозначались региональными названиями — Полоцкое, Витебское, Киевское, Черниговское, Владимирское [Владимир-Волынский] и т. п., однако в титуле правителя это обобщалось: после Кревской унии 1385 г. он называл себя королем польским, великим князем литовским, русьским и т. д. Прямую связь со старой Русью сохранила лишь Галицко-Волынская держава: лишившись собственной династии и войдя в состав Польского королевства, она с первой трети XV в. официально именовалась Русьским воеводством.

Именно в отношении его территории Константинопольский патриархат, столкнувшись с проблемой различения старого, киевского, и нового, галицкого, святейших церковных престолов, в первой половине XIV в. начал использовать понятие «*Micra Rosia*» (Малая Росия), в отличие от «*Megale Rosia*» (Великая Росия). В соответствии с привычной для греков пространственной системой, «Малая Росия» означала первоначальную территорию политического тела, а «Великая» — ее новообразованные части (по примеру Малой, то есть материковой, Греции и ее колоний — Великой Греции). В церковно-административном смысле Константинополь использовал понятие «Малая Росия» для обозначения украинских епархий Киевско-Галицкой митрополии вплоть до их подчинения московскому патриарху в 1686 г. Из патриарших грамот это словосочетание в последней четверти XVI в. перекочевало в церковную словесность как торжественный синоним украинского православного пространства Польско-Литовского государства, а с конца XVII — начала XVIII в. стало отождествляться с территорией казацкого Гетманства. Так что после того как полковое устройство было ликвидировано, а на землях полков создана губерния, она получила название Малороссийская. Впрочем, «малороссами» в XIX в. называли не только жителей административной «Малороссии», но и всех украинцев, проживавших на территории входивших в состав Российской империи украинских земель, тем самым маркируя их отличие от «великороссов» («великорусов»), то есть русских.

Ни константинопольская, ни московская версии термина «Малороссия» не удостоились признания в западноевропейской номенклатуре, которая основывалась на государственно-территориальных признаках. Поэтому, например, на географических картах земли бывших северо-восточных княжеств Киевской державы последовательно обозначались как «*Moscovia*», литовско-белорусская территория как «*Ducatus Lithuania*» или просто «*Lithuania*» (в XVII–XVIII вв. на них иногда выделена «Черная Русь» [*Russia Nigra*], то есть северо-западный регион Белоруссии в Понеманье с городами Гродно, Новогрудок и Слоним). В свою очередь, земли бывших Черниговского, Киевского и Галицко-Волынского княжеств отождествлялись с первоначальной Русью и всегда обозначались как *Russia* или *Ruthenia*, а с XVI в. также «*Roxolania*» (последнее понятие утвердилось с распространением так называемого сарматского мифа, о котором детальнее пойдет речь в разделе IV).

Внутри Польско-Литовского государства для обозначения белорусско-литовских земель, как правило, использовалось понятие «Русь» (лат. *Russia*), а ее жителей называли русинами (лат. *Rutheni*). Параллельно с конца XVI в.,

когда, согласно акту Люблинской унии 1569 г., в рамках Польского королевства была объединена большая часть украинского этнического пространства — Надднепрянина, Волынь, Галиция и Подолье, наравне со словом «Русь» начинают употреблять слово «Украина». Характерно, что, как и бывшая «Русьская земля», оно имело два значения: узкое для Поднепровья и широкое — как синоним украинских воеводств в целом. Например, король Стефан Баторий в одном из универсалов 1580 г. обращается к жителям «Украины Руськой, Киевской, Волынской, Подольской и Брацлавской»; в актах того времени встречаем выражение «украинные воеводства», а киевский католический епископ Юзеф Верещинский в 1594 г. писал, что «Украина... длиннее и шире, чем Малая и Великая Польша» (здесь из самого сравнения ясно, что речь идет не только о Надднепрянщине). Несколько более поздние представления о географическом содержании понятия «Украина» как тождественном понятию «Русь» выразительно сформулировал на переговорах со шведами (1657 г.) гетман Иван Выговский, добиваясь уступки «всей древней Украины, или Руси, где бывала греческая вера и где существует еще язык, вплоть до Вислы».

Как неофициальное название слово «Украина» употребляли для обозначения земель Речи Посполитой на правом берегу Днепра на протяжении всего XVIII в. Об этом свидетельствует тот факт, что российское правительство, присоединив в 1790-х гг. к Российской империи Волынь, Подолье и Западную Киевщину, сперва называло их «бывшей польской Украиной». На казацком Левобережье, как уже упоминалось, название Украина было окончательно вытеснено понятием «Малороссия» во второй половине XVIII в.

Итак, как видим, употребляемое в XVI–XVIII вв. понятие «Украина» вряд ли можно отождествлять только с Поднепровьем, как утверждают иногда для подкрепления мысли о том, что оно якобы этимологически связано со словом «окраина», пограничье. Привлекаемое для подтверждения этого употребление слова «Украина» в древнеруських летописях лишь запутывает дело. Значение его туманно, и используется оно лишь эпизодически.

Каждое из упоминаний касается территории, которая, с точки зрения автора-киевлянина (в Киевской летописи) или автора-галичанина (в Галицко-Волынской летописи), действительно может быть истолкована как «окраина». Скажем, летописец-киевлянин, описывая под 1187 г. смерть переяславского князя, говорит: «Плакашася по немь вси Переяславци... о нем же Украина много постона» (это и есть первая фиксация слова «Украина» в письменных источниках). Подобным же образом можно истолковать и упоминание «Украины Галицкой» (1189 г.), «всей Украины»

в южной Берестейщине (1213 г.) и т. п. Те же самые места в летописях приводятся и для иного истолкования, сторонники которого в слове «Украина» видят синоним понятия «країна (страна), край», производного от праславянского *кгајь или *укгај, то есть «выделенный кусок земли, отдельная часть территории», шире — «определенная территориальная единица». Довольно убедительные доказательства именно такой семантики слова «Украина» привел Сергей Шелухин, сопоставив староукраинский перевод Пересопницкого Евангелия (1561 г.) с евангельским текстом на греческом, латинском, чешском и современном русском языках (приведу их, заменив русский вариант, в данном случае менее показательный, церковнославянским). Итак, вот соответствия понятию «украина», многократно употребляемому переводчиком (например, «И ходил по всей украины Іорданской»):

греческое «chora» [страна, земля]

латинское «regio» [страна, регион] или

«fines» [земля, территория]

чешское «kraĭna» или «konĭna» [земля, край, страна]

церковнославянское «страна» или же

«предѣлы» [земли, территории].

В 1926 г. Сергей Шелухин выдвинул также интересную гипотезу об иерархии уровней понятия «Украина» и «Русь», к которой склоняюсь и я. По мнению Шелухина, понятие «Русь», производное от политонима пришельцев-русов, носило книжный, «высокий» характер. А на более низком уровне могло использоваться самоназвание Украина, которое происходило от славянской праосновы *кгајь в значении [своя] «страна», [собственная] «земля». В пользу этой гипотезы свидетельствует, например, остававшийся еще неизвестным Шелухину феномен территориальной самоидентификации «тутешних» (украинцев с окраин белорусского Бреста) и «тутейших» — белорусов с польско-украинского пограничья. Это, как правило, сельские жители с размытым этническим самосознанием, которые ощущают собственную «инаковость» в сравнении с политическим народом государств, где проживают, но, оторвавшись от материнского этноса, идентифицируют себя не с ним, а со своей малой родиной — селом, округой и т. п. Своеобразным аналогом «тутешних» можно считать и людей средневековой Руси. Не ощущая, в отличие от книжников, политической связи с территорией своего проживания, они называли ее просто «краем, страной».

Понятие «Русь» с утратой политического наполнения переживало как бы второе рождение, постепенно подменяясь словом «Украина», а в письменном употреблении являясь уточнением к значению [наш] «край», [наша] «земля». Ясно, что в подобных случаях путь от сферы бытового к сфере книжного или

официального употребления оказывается долгим. Аналогией может служить ситуация с функциональным статусом украинского языка. В устной речи им пользовались все, но в письменной речи употребляли не его, а книжный славяно-украинский суржик, мало чем напоминающий живой язык. Люди, таким образом, могли называть свою землю Украиной, однако на письме именовали ее, как их деды и прадеды, Русью.

Бытованием двух форм самоназвания, устной и письменной, кажется, можно объяснить раннее, непонятное под другим углом зрения проникновение слова «Украина» в западноевропейскую картографию, где оно фиксируется с последней четверти XVI в. как «Ucraina», «Ukraine», «Uckraina» и т. п. (характерно, что более древний термин «Russia» при этом сужается до пределов Руського воеводства и приобретает уточняющее дополнение — «Russia Rubra», то есть «Червоная Русь», или Галиция). Древнейшая из ныне известных карт с такой надписью была изготовлена в 1572 г. во Франции для Генриха Анжуйского как картографическое изображение Польско-Литовского государства: территория на значительном расстоянии по обеим сторонам Днепра здесь обозначена словом «Ukraine». Однако более всего закреплению этого названия в западноевропейской номенклатуре послужили карты французского инженера Гийома Левассера де Боплана, который на протяжении 1630–1647 гг. работал на украинских землях как наемный инженер-фортификатор, а возвратившись домой, изложил свои впечатления в книге «Описание Украины», напечатанной в Руане в 1651 г., а затем повторно в 1660, 1661 и 1673 гг. (во второй половине XVII–XVIII в. книга не раз переиздавалась в переводе на разные языки). Совместно с гданьским гравировщиком Вилемом Гондиусом (Гондтом) Боплан изготовил комплект карт «Украины», состоявший из так называемой Генеральной и нескольких специальных, то есть региональных, карт. На генеральную нанесены Волынь, Подолье, Киевщина, Чернигово-Северщина и Карпатское Покутье, то есть вся украинская территория, за исключением Галиции (которая обозначена как «Russia»).

Карты Боплана–Гондиуса почти до середины XVIII в. служили топографической основой для многих других изданий. Сам картограф писал, что подготовил «генеральную карту знаменитой провинции... которая в просторечье зовется Украиной [vulgo Ucraina dicta]». Выражение «vulgo dicta» наталкивает на мысль, что Боплан, давая название территории, которую картографировал, опирался не на книжную традицию, а на живое общение со своими информаторами, жителями Украины.

В завершение остается лишь напомнить, что понятию «Украина» было суждено пережить еще и третье рождение — в национальном движении

XIX — начала XX в., когда окончательно оформилось ныне общеупотребительное название этнической территории, вобравшей в себя и главную долгожительницу из украинских «Русей» — Галицию (в составе Австрийской империи она официально именовалась «Королевством Галиции и Лодомерии» [от Галича и Владимира], а сама называла себя «Русью»).

Что касается этой работы, то в ней читатель встретит оба исторических названия — и Русь, и Украина. Второе безоговорочно будет прилагаться только к казацкой Гетманщине, а вот применительно к X–XVI вв. более корректным представляется обозначение «Русь», тогда как для короткого отрезка времени с конца XVI до середины XVII в., когда и в головах людей, и в понятиях-названиях столкнулись две эпохи, используется термин кабинетного происхождения, некогда предложенный Михайлой Грушевским: Украина-Русь.

Восток и Запад в украинском прочтении

Географическое пространство, на котором разворачивалась жизнь украинской общности в домодерную эпоху, можно представить в образе гигантского четырехугольника, ограниченного на севере притоками Днестра (справа Припятью, слева Десной и ее притоком Сеймом), на западе течением рек Сан и Западный Буг, на юге каймой причерноморских степей, на востоке — более или менее четко течением реки Северский Донец. С правой стороны Днестра несколько больших рек — Случь, Стырь, Горынь, Уборть, протянувшись от Центральной Украины до Припяти, образуют ее волынско-полесскую половину, а в противоположную сторону, устремившись через степи к Черному морю, текут Днестр, Южный Буг (в древних источниках Бог) и Ингул. С левой стороны Днестра такое же пространство разрезается его поперечными притоками — Пслон, Ворсклой, Самарой и т. п. Итак, как видим, гидрографическая сеть достаточно отчетливо очерчивает и ось украинского притяжения — Днепр, и стороны света, к которым она развернута.

Однако физическая география не совпадает с «воображаемой географией» в отношении осевых координат восток-запад, север-юг, на чем следует остановиться детальнее. Самым спорным в украинской перспективе оказывается понятие Востока. Скажем, продвижение византийской цивилизации в Поднепровье принято обозначать как влияние византийского Востока, хотя на самом деле Византия в отношении Киева является не востоком, а югом. Таким образом, реально существующая пространственная ориентация

уступает место ментальному конструкту, обязанному своим появлением расколу Церкви на западную и восточную. Точно так же не востоком (как для Европы), а югом на протяжении XV–XVIII вв. для Украины являлся соседний исламский мир — Крымское ханство и его сателлиты Буджацкая и Едисанская Орды, в то время как собственно Восток тянулся левым берегом Днепра по кочевьям восточных ногайцев, которые тогда примыкали к южным окраинам Московского государства. Наконец, не без влияния современной публицистики понятие «Восток» стало прилагаться в украинской мысли и к Московскому государству как символу «азиатчины», хотя относительно Украины российская территория находится не на востоке, а на севере.

Поэтому сейчас в воображении среднего украинца бытует весьма химерический образ Востока, совместивший несовместимое — восточнохристианскую (византийскую, а шире — средиземноморскую) цивилизацию, тюркско-мусульманскую культуру Османской империи и Крымского ханства, «настоящий» степной Восток кочевых орд и, наконец, все многослойное разнообразие русской культуры в ее старой (московской) ипостаси. Окончательно запутала дело яркая метафора Вячеслава Липинского, обозначившая культурное пространство Украины как пространство «между Востоком и Западом», то есть между восточным (греко-византийским) и западным (европейско-латинским) цивилизационными пространствами. В частности, Липинский писал в 1923 г., что соединение в себе Востока и Запада «является сущностью Украины, ее душой, данной ей от Бога в день ее появления на свет, историческим призванием, символом и признаком ее национальной индивидуальности...».

Спустя полвека эту же метафору ярко популяризировал Иван Лысяк-Рудницкий, правда подразумевая под «Востоком» и Византию, и «мир евразийских кочевников». Последний назван «могущественным тормозящим фактором» в развитии украинской культуры, стихией, которая действовала на украинский этнос извне, однако «составляющей частью национального типа не стала» (впрочем, начало отрицанию любых позитивных моментов в контактах украинцев с мусульманским Востоком было положено еще средневековой церковной историографией и публицистикой с их аллергией на «басурман»).

Нет сомнений относительно того, что влияние греко-византийского Востока на духовную традицию, а латинского Запада на политическую культуру и общественные структуры Украины раннего Нового времени Лысяк-Рудницкий определил точно. Однако если мы отстранимся от европоцентричного взгляда на ось Восток—Запад и посмотрим на это окружающее Украину пространство взглядом «изнутри», то система пространственных координат

значительно усложнится. И если Запад в этой визуальной перспективе не поменяет места расположения, ассоциируясь прежде всего с пространством по ту сторону Сана и Западного Буга, то от византийского востока мало что останется. Сыграв свою историческую роль и сойдя со сцены в XV в. (то есть как раз тогда, когда из аморфной «Руси» начал выделяться украинский народ), он превратился в три самостоятельных геокультурных направления: неовизантийский Север (Москву), стабильный и развитой мусульманский Юг (Бахчисарай и Стамбул), «настоящий» Восток, а точнее, Великую степь, которая подступала к Украине в виде так называемого Дикого поля (Приазовье и будущая Слободская Украина). Каждое из этих трех пространств оставило свой собственный след в формировании лица Украины XV–XVIII вв., то есть в эпоху, заложившую основания новой украинской истории.

Лишь принимая во внимание этот взгляд *изнутри* на культурно-историческое окружение, можно постигнуть внутреннюю ткань украинской культуры в широком понимании — от бытовых привычек до способов самовыражения в общественной и политической сферах. Выдающийся византист Игорь Шевченко иллюстрирует метафору «Украина между Востоком и Западом» на примере собора Святой Софии в Киеве — византийского строения XI в. с наслоениями архитектурных дополнений в стиле европейского Барокко. Не менее яркой иллюстрацией к мостику «Украина — азиатский Юг/Восток» является знаковая для украинской истории фигура казака: как христианский герой он защищает «европейский» мир, а между тем его голову украшает древнебулгарский оселедец, одет он в восточную одежду и живет среди военных реалий, целиком перенесенных из кочевой тюркской степи. Так что Украина не только, как писал Лысяк-Рудницкий, «пыталась соединить обе [греко-византийскую и западную] традиции в живом синтезе», но и стихийно синтезировала на своей территории Восток и Запад, Север и Юг.

Можно возразить, что у каждого этноса — собственные Восток и Запад, Север и Юг, тем не менее это не играет определяющей роли в формировании этнической специфики. Однако ситуация с украинским жизненным пространством представляется более сложной. Согласно гипотезе Ярослава Дашкевича, территорию Украины можно отнести к так называемой Великой границе — культурному пограничью между группами цивилизаций. Именно через нее до конца XVIII в. (то есть до промышленных изменений ландшафта и колониционных переселений) проходили, как подчеркивает Дашкевич, несколько важных природных и антропогенных границ: биологическая — между степью и лесом (с промежуточной полосой лесостепи), гидрографическая — между бассейнами Черного и Балтийского морей, социально-экономическая — между

кочевничеством и оседлым земледелием, этноконфессиональная — между славянами-христианами и тюрками-язычниками (со временем мусульманами), культурная — между цивилизациями Запада, то есть широко понятой Европы, и Востока — не менее широко понятой Азии. В то время как биологические и гидрографические расхождения служили внутренним фоном для формирования неоднородности в украинском культурном типе, во внешних влияниях совмещались политические, военные и культурные элементы, привнесенные носителями «чистых» культур — обобщенно выведенных «Европы» и «Азии». Барьер между ними и украинским субстратом, даже по разные стороны политических границ, никогда не был непроницаемым благодаря миграциям масс населения, ассимиляции более мелких этнических вкраплений, а в некоторые промежутки времени и общим типом системы школьного образования, политической, интеллектуальной и художественной культур. Ярким феноменом являлась и языковая коммуникация в старой Украине, население которой не испытывало особых проблем ни с польским, ни с крымско-татарским, ни с молдавским, ни с русским или турецким языком. Не менее причудливо соединялись здесь и навыки хозяйствования, так как в прилегающих к степи полосах оседлое земледелие дополнялось кочевым отгонным скотоводством, а сама земледельческая оседлость нередко находила воплощение во временных хозяйствах пасечно-хуторского типа, в которых обработка земли совмещалась с охотой и другими промыслами.

Очерченное разнообразие переплетений западной («европейской») и восточной («азиатской») цивилизаций наполняло старую украинскую культуру таким пестрым многоголосием, что в нем, как будет продемонстрировано ниже на конкретных примерах, порой едва ли возможно отделить «собственное» от приобретенного.

Предисловие ко второму изданию [2005]

Читательская реакция на первую версию этой книги, увидевшую свет в 1997-м, доставила мне удовольствие и преподнесла урок. Удовольствие заключалось в том, что книга стала популярной — ведь раскупили ее мгновенно; в том, что на нее вышло, насколько мне известно, целых 11 рецензий, среди них восемь украинских, — согласимся, эффект для наших умеренных, в плане интеллектуальной реакции, широт немалый; наконец, в том, что очерк часто цитируют, в том числе без кавычек и целыми страницами, разве что

подправляя (с точки зрения авторского самолюбия, естественно, портя) мой слишком ненаучный стиль, но и в этом можно найти некоторое утешение: тексту выпал шанс превратиться в некое подобие «народного творчества», где имя автора малосущественно.

Урок может показаться кому-то странным, но так оно и есть на самом деле. Читая рецензии, я наконец поняла, для чего писала эту книгу. Вопреки заявленной во введении к ней ритуальной формуле скромности — мол, не собираюсь переворачивать бытующие доселе представления, — первоначальная цель, признаюсь, была более дерзкой: перевернуть-таки кое-что. Перевернуть безлюдную национально-государственную парадигму украинской истории, населенной одними лишь деятелями, будто бы без них и дети не рождаются, и времена года не меняются. Перевернуть уверенность в том, что в истории все заранее определено за нас и без нас некими таинственными закономерностями, которые заставляют нас если уж шагать вперед/назад, так строим, а если любить/ненавидеть, то единогласно. Перевернуть, в конце концов, заикленность на собственных свершениях и бедах, как если бы не существовало широкого мира вокруг, откуда хорошие ли, плохие ли ветры приносили новых родственников, новые устремления, новые ценности.

Не мне судить, удалось ли это. Вместе с тем, обдумывая высказанные в одной из рецензий упреки в попытке «продлить жизнь» анахроничной «национальной истории», я наконец поняла, что стимулом для написания очерка был не только азарт «переворачивания». Не шла речь и об очередном опыте конструирования непрерывности из фрагментарного и обрывочного: в непрерывность я не верю так же, как и мой оппонент, автор той мудрой рецензии. Но не менее скептически я оцениваю шансы историографии, которая сознательно очищает себя от «национального»: такая операция превращает ее в мертворожденное эсперанто — для всех и ни для кого. А если так, то историк, отправляясь в свободное плавание по небезбрежным водам исследуемого им материала, должен удерживать в голове какую-то карту-схему своего национального маршрута. Лично меня не устраивает общепринятая карта, сконструированная «великими», поэтому написание очерка было равнозначно созданию собственной карты, руководствуясь которой я путешествую по сей день.

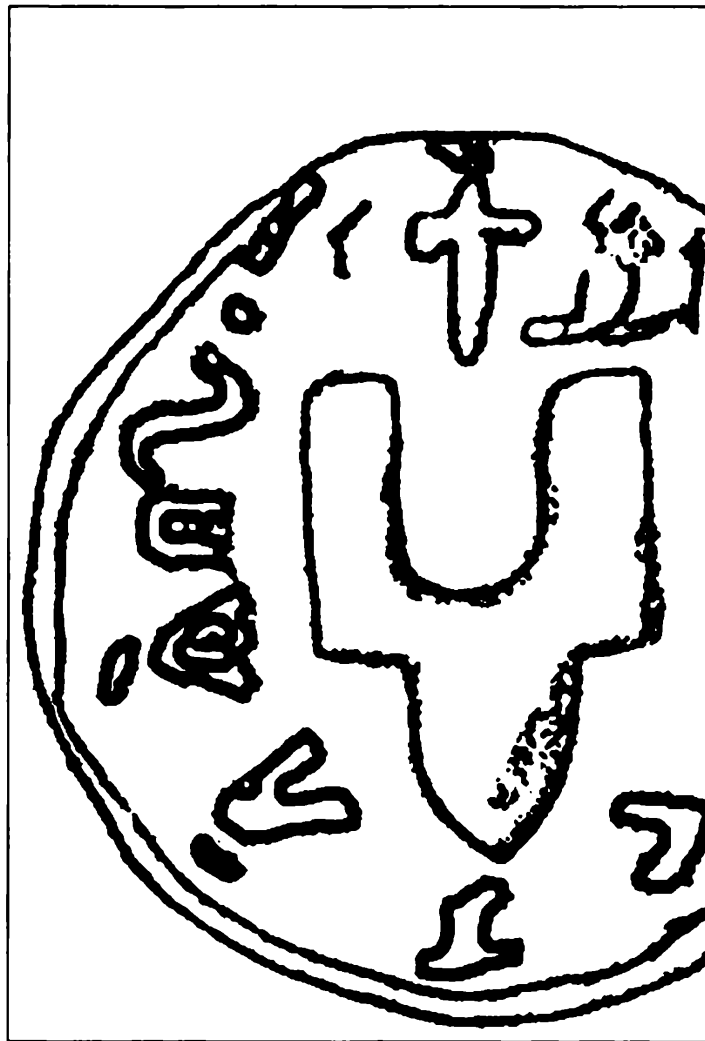
Изменения, внесенные в новую версию книги, являются своеобразным «уточнением карты». Как обнаружит читатель, в ней не обсуждается дописанный период истории, потому что там главный герой очерка, человек, еще не способен рассказать о себе, а значит, и мне сказать нечего. В свою очередь, значительно расширены разделы о XVI–XVII вв., особенно в сюжетах,

посвященных миру тогдашних представлений и идей. Контурсы политической и социальной истории практически не претерпели изменений: это не моя сфера интересов, но полностью обойти ее вниманием было нельзя, ведь человек — существо социальное. Наконец, благодаря достойному удивления терпению издательства, книга дополнена огромным количеством иллюстраций. Поскольку все «картинки» в большей или меньшей степени аутентичны, их предназначение очевидно: визуально очеловечить текст если не портретами (моих героев, к сожалению, еще редко запечатлевали на портретах), то, по крайней мере, вещами и строениями, среди которых они жили, книжками, которые они читали, а кое-кто и писал.

Закончу традиционно — благодарностями. Прежде всего адресую их всем рецензентам первой версии этой книги; надеюсь, вторая не принесет им разочарования. Отдельную, и самую сердечную, благодарность хочу выразить младшим коллегам, участникам семинара Общества исследователей Центрально-Восточной Европы. Ныне исполняется десять лет с начала его работы, так пусть эта книга будет моим скромным подарком к юбилею. Ведь именно на семинаре мне посчастливилось убедиться в том, что предложенная мною «карта» нашла своих энтузиастов, именно на семинарских дискуссиях многое в моих прежних соображениях было уточнено или даже переформулировано. Наконец, искренне благодарю всех сотрудников издательства «Критика», которые приложили огромные усилия, чтобы книга вышла такой ладной.

РАЗДЕЛ I

От Кия
ДО «ПОСЛЕДНЕГО ВИКИНГА»
СВЯТОСЛАВА

Кий и его «поляне» — ребус для историков

Ответить на извечный вопрос, с какого момента началось то, чего до сих пор не было, попытался уже в начале XII в. автор знаменитой летописи «Повесть временных лет». В ее вводной части содержится короткий рассказ о «начале», похожий на распространенные эпонимические легенды, в которых объясняются названия тех или иных местностей:

Полянѣмъ же живуциим о собѣ и владѣющимъ роды своими... И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдѣше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отсюда же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша ѿ Киевъ...

...Сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже сказуютъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при котором приходи цесари.

Эти несколько строк летописи породили гигантскую научную литературу, в которой для их интерпретации привлекались синхронные византийские, армянские, скандинавские, хазарские, болгарские и арабские источники. Сейчас в дискуссиях, которые, по-видимому, не завершатся никогда, достаточно часто звучит мысль о том, что Кий — это не мифический персонаж эпонимической легенды, а реальная личность, вождь племенного объединения полян. Гипотетическое время жизни Кия Борис Рыбаков и его последователи относили к правлению византийского императора Юстиниана II (527–565) или его предшественника Анастасия (491–518), а Михайло Брайчевский — ко времени императора Ираклия (610–641). «Времена Кия», согласно этой точке зрения, оказались переломными в жизни полянского союза племен, ознаменовав

собой начало их предгосударственной истории. Другая группа ученых — последователи Бориса Грекова — отстаивала тезис о существовании в VI–VII столетиях государства антов Куявии (известного по упоминаниям в арабских источниках), центром которого будто бы с VII в. был Киев. Наконец, оппоненты и тех и других считают Кия легендарным персонажем, который понадобился летописцу для того, чтобы соединить истоки Русьского государства со славой и блеском Константинополя, где Кий «принял большую честь»; возвышение же роли Киева как полянского центра относят к IX в.

На проведении языковых и исторических аналогий, вытекающих из неславянской топонимики легенды о Кие — холмов Хоривица и Щекавица, на которых «сидели» Щек и Хорив, а также реки Лыбедь, — основывается несколько гипотез, которые подвергают сомнению ведущую роль славян как первопоселенцев в Киеве. Наиболее древней из этих гипотез является скифо-сарматская версия: она была высказана еще польскими историками XVI в., с уверенностью датировавшими возникновение Киева 430 г. и отождествлявшими его появление с «племенем сарматов» (по тогдашним представлениям, предков славян). Впоследствии в рамках этой гипотезы название Киева стали связывать с иранским словом *kivi* [горы], апеллируя к информации Птолемея (II в. н. э.) о существовании на Днепре, примерно на широте Киева, городов Азагорий, Сар и Метрополис. В настоящее время часть исследователей выводит легенду о Кие из общего скифо-сарматско-славянского протографа причерноморского происхождения, соотнося ее со знаменитой древнеармянской «Историей Тарона», записанной в VII в., в которой также упоминается основание города Куара троими братьями, чьи имена перекликаются с именами Кия, Щека и Хорива. Правда, некоторые историки считают, что эта легенда была занесена на Кавказ славянами, другие же (в частности, Михайло Брайчевский) интерпретируют ее буквально, привязывая к аваро-антским войнам конца VI — начала VII в. в Подунавье.

Распространенной гипотезой, завоевавшей много сторонников, является «готская»: в соответствии с нею Киев отождествляется с упоминавшимся в древнескандинавских сагах городом Данпар-стад [город на Днепре] на «Готской земле». После падения Готского «государства Германариха» в последней четверти IV в. город якобы перешел под власть гуннов (в доказательство последнего приводится одно из более поздних названий Киева, употребленное в арабских источниках, — Хунигард).

Наконец, обширная дискуссионная литература возникла вокруг болгаро-хазарской версии, которая связывает появление Киева с хазарской эпохой, а само название города производит от тюркского слова *kiu* [берег реки]. В пользу

другого варианта этой же гипотезы говорит упомянутое в X в. Константином Багрянородным хазарское название Киева — Самватас, которое одни интерпретируют как словосочетание «Высокая Крепость», а другие связывают с именем Шамбата [Самбата], брата Кубрата II, хана поглощенного в VII в. Хазарией гунно-булгарского государства в Приазовье. Дискуссионность этой версии (как, впрочем, и остальных) ярко иллюстрируется тем, что в настоящее время предлагается около двух десятков вариантов толкования загадочного топонима «Киев» в посвященной этому вопросу обширной научной литературе, которая предлагает армянскую, славянскую, еврейскую, прусско-литовскую и другие версии этимологического (а следовательно, и исторического) объяснения.

В целом же, как видим, в дискуссиях историков тесно переплелись три проблемы: основание Киева как города-крепости, его функционирование как раннеполитического центра местных племен и, наконец, его превращение в столицу уже более или менее очерченного государственного объединения, созданного русами. С обстоятельствами их появления в Среднем Поднепровье связан еще больший разброс мнений, о чем речь пойдет далее, поскольку именно от русов исходил первоначальный импульс, положивший начало связанной с Киевом истории восточных славян.

Что же касается самих восточных славян, то автор «Повести временных лет» не обошел вниманием и их:

Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, древляне, новъгородьци, полочане, дърьговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдять по Бугу, послѣже же волыняне... Поляномъ живушимъ о себѣ, якоже ркохомъ, сущии от рода словѣньска и нарекошася поляне, а древляне от словенъ же и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ... И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати. Дульби же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне, а уличи, тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне...

К «географии Нестора», как иногда называют этот летописный фрагмент по имени условного автора «Повести временных лет», современные исследователи относятся осторожно, поскольку на основании археологических памятников VIII–IX вв. идентифицировать этнические отличия между племенами, различаемыми в летописях, практически невозможно. Запутывает дело и тенденциозность летописца-киевлянина, который выделяет полян как самых «цивилизованных» по сравнению с другими: они якобы «имеют

обычай отцов своих кроткий и тихий», меж тем как древляне и другие «жили звериным обычаем». Объясняя это, историки склоняются к мысли, что «цивилизованность» полян понадобилась автору для того, чтобы объяснить, почему именно здесь, в Киеве, утвердилось христианское благочестие и были заложены основания будущего величия города. Что же до самих полян, то специализирующиеся по ним современные специалисты склонны считать их не отдельным племенем, а продуктом смешения населения, концентрировавшегося вокруг Киева с целью осуществления совместных военно-торговых мероприятий, и именно благодаря притоку этого населения вырос Киев, впоследствии подчиненный русами.

Русы и «Руськая земля» в IX–X вв.

Первое достоверное упоминание о русах зафиксировано под 839 г. во франкской хронике «Бертинские анналы». Повествуя о посольстве византийского императора Феофила ко двору императора франков, хронист-очевидец пишет:

Он также послал с ними [послами] неких [людей], которые утверждали, что их, то есть их народ, называют Рос [Rhos], что их король, по имени Каган [chaganus], отправил их к нему [византийскому императору], как они заявляли, ради дружбы...

Более детальное расследование, отмечает хронист, выявило, что «росы» принадлежали к «народу свеонов» (шведов) и были на самом деле не просителями «дружбы», а разведчиками.

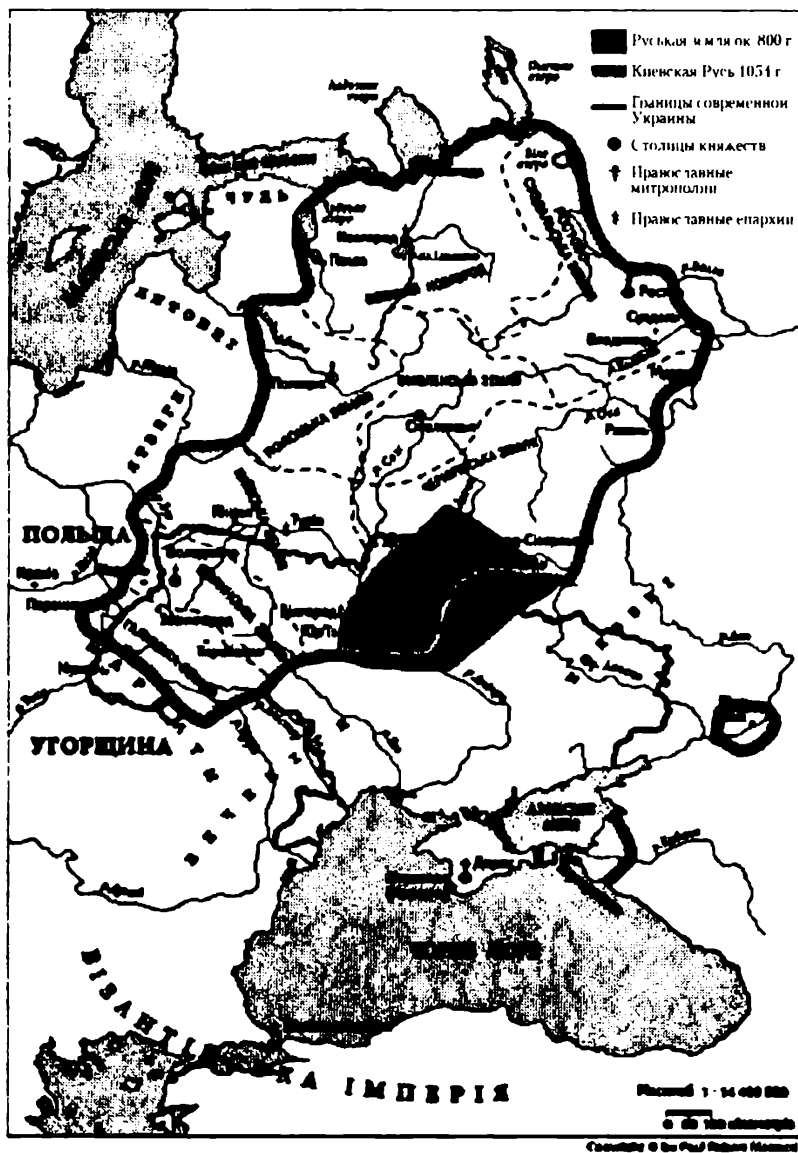
Первые упоминания о росах / русах в византийских источниках относятся также ко второй четверти IX в. В свидетельствах об их нападениях на малоазиатский город Амастриду (842) и Константинополь (860) они характеризуются как народ дикий и жестокий, о котором «много и часто говорят». На известия IX в. опираются и рассказы арабских географов, составленные в начале X в. Ибн-Русте, например, писал между 903–913 гг., что русы живут на «острове», правит ими «хакан», а источником пропитания служит дань со славян и торговля мехом и рабынями (локализация «острова русов» остается дискуссионной). В произведении Аль-Идриси XII в., якобы опирающемся на утраченный труд X в., речь идет о «трех видах» русов, чьи правители живут, соответственно, в городах Кукийяна, Салав и Арса. Невзирая на очевидную мифологическую природу этой тройной формулы, ученые долго пытались произвести идентификацию «трех городов»,

видя в Кукийяне Киев, а в Салаве — Новгород (относительно локализации Арсы согласие так и не было достигнуто). Наконец, детальное описание русов на основании собственных дорожных впечатлений в 922 г. оставил Ибн-Фадлан:

Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль [Волге. — Н.Я.]. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны... С каждым из них (имеется) секира, и меч, и нож, и он (никогда) не расстаётся с тем, о чем мы (сейчас) упомянули... И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и тому подобного (перевод А. П. Ковалевского).

Некоторые детали описания Ибн-Фадлана, в частности рассказ о погребении знатного руса путем сжигания тела в ладье и описание женского наряда, указывают, как и упоминание в «Бертинских анналах», на то, что русы были скандинавами.

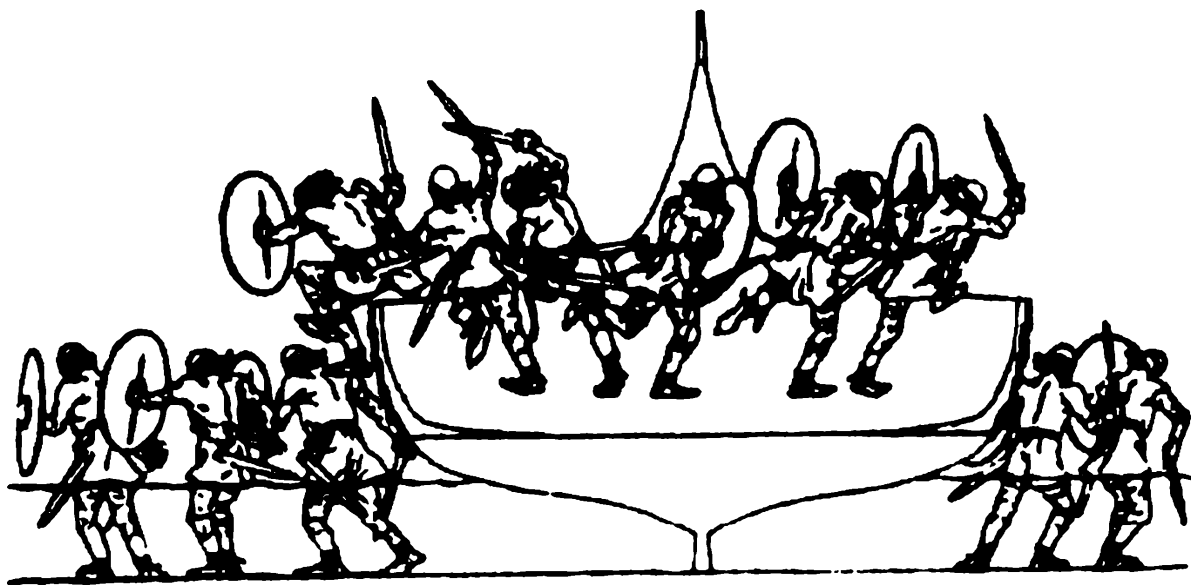
Дискуссии ученых вокруг этимологии «слова» Русь (а следовательно, и вокруг происхождения самих русов) ведутся издавна: еще автор Густинской летописи, составленной в Киеве в 1620-х гг., писал: «Есть недоуминие многим, откуда, и в кая лета, и чесо ради наш словенский народ наречеса Русю». С другой стороны, вполне очевидно, что эту, собственно, лингвистическую проблему не следует отождествлять с проблемой становления древнерусского государства как политической единицы. Многие примеры европейской истории демонстрируют, насколько химерно укоренялись названия государств,

1. Карта-схема расселения восточнославянских племен

к созданию которых подталкивали вооруженные пришельцы, со временем смешавшиеся с местным населением. Скажем, название Болгария основывается на политониме «булгары», которым обозначали кочевников-завоевателей; Франции — от названия франков, одного из германских племен, захвативших Галлию, но вскоре растворившихся в галло-романском окружении; Британии — на имени германского племени бритов, которое завоевало местное кельтское население, и т. д. Не менее важным является и другой момент — второстепенность этнического происхождения воинов, «инициировавших» появление того или иного государства. Как социальный институт, возникающий только на определенной стадии развития сообщества, государство нивелирует «кровь» правителей, выдвигая на первое место властные структуры уже не племенного, а территориального (надплеменного) типа, где правитель — это не этническая примета, а своего рода «профессия». Однако патриотическое прочтение истории до сих пор дает о себе знать в периодически возобновляющемся противостоянии норманистов и антинорманистов, начало которому было положено еще в середине XVIII в. баталиями между Герхардом Фридрихом Миллером и Михайлой Ломоносовым в Санкт-Петербургской академии наук. Первый доказывал, что Киевскую Русь создали норманны, точнее, шведы (русы), а второй был уверен, что это покрывает Россию позором.

На протяжении XIX — первой половины XX в. дискуссии между норманистами и антинорманистами утратили патриотический подтекст, переместившись в научную плоскость. Однако с 1940-х гг. в Советском Союзе «варяжская проблема» (естественно, не по инициативе историков) вновь приобрела идеологическую

2. Высадка викингов с корабля для нападения на побережье
(реконструкция)

окраску, что вынуждало даже таких уважаемых ученых, как Борис Греков, приносить патетические речи против «американо-английских фальсификаторов истории и их белоэмигрантских прислужников-космополитов», то есть норманистов, которые «тщетно пытаются оклеветать славное прошлое великого русского народа».

В настоящее время норманистами (если понимать под ними тех, кто признает скандинавское происхождение и слова «Русь», и династии киевских князей Рюриковичей) является большинство специалистов, поэтому именно с их гипотез относительно корней этнонима «русы» стоит начать беглый обзор толкований этого вопроса. Версия норманистов связывает слово «Русь» с древнескандинавским корнем **rod*, который засвидетельствован в древнешведских понятиях *roder* [гребля, судходство], *Rodslaghin* (*Roslagen*) [округ, поставляющий в ополчение одно весельное судно], *rud* [морской поход на весельных судах], и т. п. Вероятно, что первым передатчиком самоназвания скандинавских мореплавателей стало население побережья современной Финляндии и Эстонии, где шведов, которые стали появляться здесь начиная с середины I-го тыс., называли по-эстонски *Rotsi*, а по-фински *Ruotsi*.

Иными видятся корни слова «Русь» известному востоковеду Омеляну Прицаку, который выводил его из кельтского этнонима *Rut* (*h*)*eni*, в немецких диалектах подвергнувшегося трансформации по схеме **Rut-* / *Ruzz-* / *Ruz-* / *Russ-* / *Rus*. Историческими носителями названия *Ruzzi*, по Прицаку, были фризские купцы, которые вели трансъевропейскую торговлю и, смешавшись со скандинавами, образовали на Волге политическое объединение, которое впоследствии славянизировалось и развилось в государство русов.

В противовес этим этимологиям существует предположение о связи слова «Русь» с ираноязычными обитателями одного из регионов Среднего Поднепровья, чье присутствие здесь отмечено в названиях рек Рось, Роска, Росава и т. п.; следовательно, истоки политонима следует искать в иранском *ruhs* / *gohs* [светлый]. Носителем самоназвания «рос» [рус, русь], как считают сторонники этой гипотезы, могла выступать одна из сармато-аланских, впоследствии славянизированных, племенных групп, которые входили в антский союз племен. С другой стороны, известный российский языковед Олег Трубачев допускает, что слово «Русь» отображало еще дославянскую и дотюркскую региональную традицию называть Северное Причерноморье «белой, светлой стороной», чему соответствовал бы индоарийский корень **russ*.

Наконец, имеются сторонники славянской этимологии понятия «Русь», связанной с праславянским корнем **rud* / *rus* со значением «светлый, русский». На возможность образования политонима от такой основы, как считают,

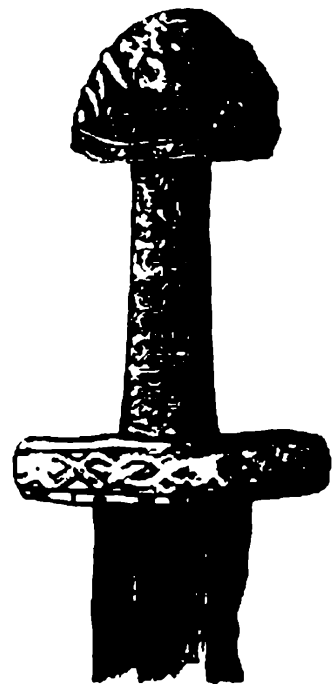
указывает название реки Русса, которая впадает в озеро Ильмень. Согласно гипотезе Бориса Рыбакова, который идентифицировал археологические находки кладов антов в Поднепровье (по мнению оппонентов, безосновательно) как «древности русов», восточнославянское племя с таким названием жило на этих землях уже в VI–VIII вв., доказательством чему может служить упоминание народа Hgos у сирийского писателя VI в. Захарии Ритора (на самом деле «народ Грос» у Захарии является аллюзией на пророчество Иезикииля о приходе народов-чудовищ во главе с Антихристом). Наконец, согласно еще одному варианту славянской версии, носителями названия Русь могли быть ругии (Rugi) — славянское население острова Рюген на Балтике, чьих вождей якобы приглашали для обороны города жители торгового Новгорода.

Из всех перечисленных гипотез, невзирая на некоторые слабые места, наибольшее доверие вызывает скандинавская гипотеза, учитывающая широкий контекст тогдашней европейской истории, в которой период с IX до середины XI в. называют «эпохой викингов» (от древнешведского *viking* [участник морского похода]). Скандинавские дружины профессиональных воинов, которых на западе Европы называли норманнами [«северными людьми»], а на востоке варягами [vaŋingi, от шведского *vaŋ*, клятва], с конца IX — начала X в. стали настоящим бичом Европы. Внутренняя нестабильность выталкивала из небогатых северных земель будущих Дании, Швеции и Норвегии младших членов родовых общин. Согласно обычаю они не получали в наследство ни земли, ни скота, но с самого детства готовились мечом добывать средства к существованию. На скандинавских берегах собирались отряды отчаянных юношей, готовых, снарядив легкий парусник (а все скандинавы были прекрасными мореплавателями), направиться в поисках добычи к любым берегам. Разбойничьи нападения на приморские, а затем и внутренние — достижимые речными путями — земли Англии, Ирландии, Франкского королевства, немецких территорий поначалу сопровождалась лишь бездумными опустошениями. Однако вскоре часть норманнов начала оседать на местах своих победных вылазок. После 870 г. выходцы из Норвегии заселили Исландию, в конце IX в. норвежцы и датчане завоевали значительную часть Северной и Восточной Англии, а на рубеже IX–X столетий образовали собственное королевство в Ирландии и герцогство Нормандию в Северной Франции. Смешиваясь с местным населением, викинги быстро втягивались в культуру покоренных территорий, утрачивали язык и скандинавские обычаи и превращались во французов во Франции, итальянцев в Италии и т. д.

Направляясь к востоку Европы, скандинавы руководствовались скорее торговыми, нежели военно-грабительскими целями. Их влекли большие

реки, которые пересекали славянские и угро-финские пространства с севера к югу. Ладожское озеро и река Волхов служили «въездными воротами» на эти земли с Балтики: отсюда через бассейн озера Ильмень можно было достигнуть Волги и по ней добраться до земель волжских булгар и Хазарии, а пересекши Каспийское море — до арабских стран Средней и Передней Азии. Предприимчивые купцы-воины сплавливали к югу мед, воск и меха, однако не это было главным товаром — скандинавский промысел VIII–XI вв. ориентировался прежде всего на работорговлю. Ведь и набеги на европейский запад, и вылазки на славянские, балтские и угро-финские земли востока сопровождались захватом большого количества пленных. Человеческий товар, который в отдельные годы достигал количества десятков тысяч, перепродавали в Византию и в арабские страны Средиземноморья, Северной Африки и Азии. А поскольку ни мусульманам, ни христианам религия не позволяла (по крайней мере, теоретически) превращать в рабов единоверцев, языческие земли балтов, германцев, угро-финнов и славян превратились в гигантский резервуар потенциальных рабов. Крупными перевалочными пунктами работорговли стали датский город Хёдебю, шведский Бирка, французские Марсель и Верден, немецкий Марбург, славянские Прага и Мекленбург [Рерик]; на востоке аналогичную роль играли приволжские города — Булгар, столица Волжской Булгарии, Итиль — столица Хазарии и Саркел на Дону — один из самых больших хазарских городов. Арабские источники, в которых все рабыни славянского, угро-финского, а вероятно, и германского происхождения названы «сакалиба», сам речной путь по Волге и Дону называли *Nahr as-Şaqaliba*, то есть Главный путь рабов.

С IX в. скандинавские мореплаватели начали осваивать новый торговый путь к югу, который в историографии получил название путь «из варяг в греки». От озера Ильмень по малым рекам и речным волокам их лодки продвигались к верховьям Днепра, а уже оттуда по Днепру спускались в Черное море. Исходным пунктом нового пути на севере стал Новгород на реке Волхов над озером Ильмень, а в начальной точке Днепровского сплава, поблизости современного Смоленска, на рубеже IX–X вв. возникло достаточно крупное поселение Гнёздово, где, как свидетельствуют археологические находки, жили славяне, балты и скандинавы — торговцы, воины и ремесленники. Ниже, над Днепром, на наиболее важных отрезках речного пути постепенно начинают возвышаться как центры густо населенных районов или как опорные точки другие раннегородские населенные пункты. Как и в Гнёздове, здесь обитало пестрое и этнически неоднородное население, имевшее отношение к торговле, ее охране или обслуживанию. В трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), в котором мы находим описание этого сплава,

3. Меч X в.

наряду с Новгородом и Смоленском упоминаются Любеч, Чернигов (на месте ответвления Днепровского пути в Десну), Вышгород, Киев и Витичев — самое южное сторожевое укрепление, ниже которого уже не было обжитых мест. В Киеве сходились речные транзитные пути двух самых больших притоков Днепра — Припяти и Десны, и именно особенность расположения будущей столицы Руси, которая давала возможность контролировать весь Днепровский путь, определила роль города как базы, из которой на протяжении IX в. норманны-русы осуществили постепенное объединение территорий, связанных конфигурацией гидрографической сети с Днепром.

Оседая в укреплениях на берегах рек, скандинавы либо подчиняли ближайшие племена, принуждая их платить дань, либо вступали с ними в союзнические отношения. Арабский географ X в. Ибн-Русте, рассказывая о ежегодных объездах территории этих племен «царем» для сбора дани, пишет, что «русы кормятся лишь тем, что привозят из земли славян». В упомянутом трактате Константина Багрянородного впервые приведено и название этой дани, собираемой путем кружного объезда данников, — «полюдь»:

Когда наступит ноябрь-месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением»... Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же... взяв свои моноксины, они оснащают [их] и отправляются в Романию [Византию] (перевод Г. Г. Литаврина).

О существовании, наряду с данническими, и отношений союзничества свидетельствует то, что, например, Витичев Константин Багрянородный квалифицирует как крепость-пактиот россов (ее название выводится из древнеисландского *viti / vete* [сигнальный огонь]); им же упоминаются славяне, изготовлявшие лодки-долбленки специально для продажи «росам».

Вероятную численность княжеской дружины, которая зимой выходила из Киева на полюдь, а весной, преобразившись в купеческую флотилию, сплавляла добытые товары и рабов вниз по Днепру к византийским берегам, исчисляют приблизительно тысячей лиц. Благодаря Багрянородному известно также,

как звучал в X в. язык россов: в его трактате приведены параллельные названия днепровских порогов — «по-руськи» и «по-славянски», и русьские названия идентифицируются как скандинавские, а славянские сохранялись до тех пор, пока существовали и сами пороги: Ненасытец, Вовнизский, Ревущий и т. п. Итак, норманны-русы в качестве некоторой «политической силы» на протяжении IX в. постепенно оседали на землях расселения восточных славян, а их группы носили характер относительно небольшого и мобильного военного коллектива, который навязывал местным племенам отношения данничества или союзничества. Именно такому «государству без территории», в котором военный коллектив живет отдельно от остального населения, а источником его благосостояния является сбор дани с окружающих земель и ее последующая перепродажа в Византии, русы положили начало и в Киеве, который был ключевым пунктом на торговом пути. Процесс же постепенного объединения славянских племен вокруг киевского (сверхплеменного) центра растянулся на значительно более длительное время, завершившись лишь в конце X — начале XI в. В представлении автора «Повести временных лет» все это выглядит, правда, намного прямолинейнее:

Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же урмани, ангыляне, инѣи и готе, тако и си. Ркоша руси чюдъ, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами». И избрашася три брата с роды своими, и пояша по собѣ всю русь, и придоша къ словѣномъ пѣрвѣе. И срубиша город Ладогу. И сѣде старѣйший в Ладозѣ Рюрикъ, а другой, Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третѣй Труворъ въ Изборьскѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля. По дѣвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ. И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша ѿ Новѣгород, и сѣдѣ ту, княжа, и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити: овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвин *населници* в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася къ Цесарюграду с родом своимъ. И поидоста по Дънепру, идуче мимо и узрѣста на горѣ городокъ. И въспрошаста, ркуще: «Чий се городъ?» Они же ркоша: «Была суть три брата — Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгыбоша, а мы сѣдимъ род ихъ, и платимы дань козаром». Асколдъ же

и Дирь остаа в городе семь, и многы варягы съвокуписта и начаста владѣти польскою землею.

Не останавливаясь на легенде о «призвании варягов», которая казалась столь досадной антинорманистам, остановимся на Аскольде и Дире, потому что относительно идентификации этих персонажей существует наибольший разнобой мнений. Опираясь на свидетельства разнообразных источников, историки дебатируют несколько гипотез. Первая заключается в том, что варяги Дир и Аскольд жили в разное время: Дир, который как раз и был «хаканом русов», упомянутым в «Бертинских анналах», жил предположительно между 838–859 гг., а Аскольд — между 860–883 гг. Вторая гипотеза предполагает, что «Русь Дира», которого арабский географ Масуди называет «первым среди царей славян», сформировалась в первой трети IX в. на основании полянского союза племен, а сам Дир мог быть последним племенным князем из рода Киевичей: этот род находился у власти вплоть до того, как его вытеснил варяг Аскольд (чье имя в переводе означает «сероголовый», то есть воин-волк). Наконец, согласно третьей версии, Аскольд и Дир были современниками и соправителями, аналогом чего является наличие похожей модели власти у тогдашних южных соседей Руси мадьяр, а также в Хазарии, где в то же время правили два человека — «самый большой», то есть собственно царь по крови (хакан [каган]), и его «заместитель» (хакан-бек). В соответствии с этой гипотезой, Дир мог быть «самым большим царем» (не исключено, что действительно из местной племенной знати), а Аскольд — его «заместителем».

Во времена Аскольда (по летописи, между 862–882 гг.) государство русов охватывало прилегающие к Киеву территории племенных союзов полян, древлян, дреговичей и юго-западных северян. Оставшаяся же часть северян (как и племена к северу от Киева) платила дань хазарам, а на юге федератами Хазарии оставались уличи и тиверцы вместе со своими еще более южными соседями — кочевыми обитателями степной полосы между Днепром и Днестром мадьярами, союзом племен угро-финского происхождения. Аскольд не вступал в конфликты с могущественной Хазарией, однако титул хакана [кагана], под которым он упоминается в тогдашних византийских и арабских источниках, опосредованно подтверждает претензии первого руського конунга в Киеве на харизматическую («царскую») власть. При Аскольде было осуществлено несколько довольно громких грабительских походов на Византию, а в 860-х гг. каган и его окружение даже приняли крещение. В окружном послании константинопольского патриарха Фотия 867 г. на этот счет говорится:

Не только этот народ [болгары] переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос — те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на самую Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью! поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере (вновь восклицает Павел: Благословен Бог во веки!), что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды (перевод П. Кузенкова).

Христианство, правда, не вступило на земли русов настолько триумфально, насколько это описывается в послании. Крещение Аскольда осталось личным делом князя и части его дружины, а ко всему прочему он вскоре был убит (по летописи — в 882 г.). Убийцей, согласно летописи, стал пришелец из Новгорода Олег [со скандинавского — Helgi], который сместил Аскольда и Дира под предлогом того, что те не являются ни «князьями, ни рода княжеского». На самом деле и вокруг фигуры Олега не меньше споров, чем вокруг фигур его предшественников. В частности, неясно, действительно ли Олег был родственником ладожско-новгородского князя Рюрика и опекуном малолетнего сына Рюрика Игоря или самозванцем. По летописной версии, именно этот «вещий» князь-колдун открывает генеалогическую цепь киевских князей, осев в Киеве и провозгласив город столицей своих владений: «Се буди мати городом русскимъ».

При Игоре [Ingvar] (912–945), преемнике Олега, государственное образование русов начало приобретать более четкие очертания. Данниками русов, в частности, стали «примученые», как выскажется летописец, племена деревлян и уличей, а после нескольких войн с хазарами и прежние хазарские данники — радимичи, кривичи и северяне. Одновременно власть киевского князя в качестве его федератов признали и севернославянские регионы — Новгород, где отныне сидел наследник или близкий родственник киевского князя, а также Полоцк и Смоленск. Ко времени Игоря относятся и первые письменные договоры киевских князей с Константинополем 911 и 944 гг., где оговариваются основы мирных отношений и способы регулирования коммерческих дел и конфликтов, в частности гарантии безопасности купцам из Руси в Константинополе и наоборот.

* * *

Завершает череду князей легендарного времени фигура «последнего викинга» — сына Игоря Святослава (962–972), одного из наиболее романтических героев летописной традиции. Предполагают, что в посвященных Святославу сюжетах летописец мог использовать какие-то элементы дружинной поэзии: князь храбрый и легкий ступает, «акы пардус» [словно гепард], не берет с собой в походы ни возов, ни котлов, не укрывается ночью в шатре, ибо спит, положив под голову седло, вместе с дружиной под открытым небом, не нападает неожиданно на противника, но всегда бросает вызов: «Иду на Вы». В трудную минуту, окруженный врагами, он подбадривает своих воинов давно уже ставшими хрестоматийными словами:

Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посраим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертвы бо сорама не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ нам.

Впрочем, знаменитая речь, как и остальные характеристики, вероятнее всего, стала следствием начитанности летописца, повторившего византийские (и античные) характеристики идеального вождя, а также известный стилистический прием, при котором в уста полководцев перед битвой вкладываются патетические речи. А в данном случае имелся еще и непосредственный образец для подражания: византийский мемуарист X в., современник

Святослава Лев Диакон, описывая войну русов с греками в Нижнем Подунавье в 971 г., почти дословно приписал руському князю те же призывы, что и летописец. Он же оставил и первый словесный портрет киевского князя:

Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым

4. Печать князя Святослава Игоревича (прорисовка)

и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой (перевод М. М. Копиленко).

Упомянутый здесь прообраз казацкого оселедца на самом деле являлся знаком знатного рода у степных племен; что же касается других черт внешности Святослава, то они, как предполагают, могли быть не его персональными особенностями, а отображением стереотипных представлений византийцев о варваре-степняке.

Смерть, постигшая воинственного князя, была столь же незаурядной, как и его жизнь. Когда русы возвращались из Подунавья с богатой добычей и огромным полоном, на днепровских порогах в 972 г. на них напали печенеги. Князь был убит, а из его черепа, по приказу печенежского хана Кури, изготовили окованную золотом чашу и, как напишет летописец, «пили из нее».

Пребывая все время в походах то в Хазарии и Волжской Булгарии, то в Болгарском царстве в Подунавье, Святослав разделил территории, с которых собирал дань, между троими сыновьями. В Киеве стал княжить старший — Ярополк, в Древлянской земле — Олег, а в Новгороде — Владимир. Однако согласия между братьями хватило ненадолго: в 977 г. вспыхнул конфликт между Ярополком и Олегом и началась война, в ходе которой Олег погиб. Спасаясь от возможной расправы, Владимир убежал, как говорит летописец, «за море», то есть в Швецию. Однако уже в 980 г. ему удалось вернуться с отрядом викингов, и он быстро отвоевал Новгород, Полоцк и Киев, а Ярополка приказал коварно убить. Так, с 980 г., как написано в «Повести временных лет», «нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ». Именно при нем государству русов было суждено превратиться из экономического предприятия княжеского рода в «государство-территорию», что сопровождалось существенными изменениями в характере власти и социальных структурах.

* * *

Государство русов в те полтора года лет, которые отделяли Аскольда от Владимира, не стояло на месте. Наряду со значительным расширением подчиненных киевским князьям земель можно заметить и некоторые внутренние изменения. Прежде всего они касаются отношений между варягами-русами и славянским населением. Отправляясь в поход на Константинополь в 907 г., Олег возглавлял уже не только собственную дружину: с ним были, как говорится в летописи, множество «варягъ, и словѣнь, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверо, и древляны, и радимичи, и хорваты, и дульбы, и тиверци». Речь идет,

очевидно, о племенных отрядах, зависимых от киевского князя. Отношения между племенами и Киевом складывались по-разному. Скажем, борьба Игоря с уличами завершилась тем, что те покинули регион своего расселения — Среднее Поднепровье, переселившись в нижнее междуречье Днестра и Южного Буга. Не менее упорное сопротивление оказали древляне (которые, в конце концов, в 945 г. убили Игоря). Однако Киев постепенно подминал под себя племенные земли, а само «государство» приобретало все более четкую территориальную конфигурацию. Красочная летописная легенда о мести вдовы Игоря Ольги за убийство мужа опосредствованно иллюстрирует эти процессы силовой интеграции: Ольга с помощью хитрости сожгла столицу древлян Искоростень, а также приказала убить племенного князя Мала и старейшин, то есть уничтожила структуры племенной организации. Окончательно же инкорпорацию племенных союзов под власть Киева завершил Владимир Святославич, который, по приблизительной хронологии «Повести временных лет», в 988 г. заменил в главных городах русьской земли местных князей собственными сыновьями, утвердив надплеменное государство, выстроенное по принципу территориального подчинения. В ходе этих событий хоть и постепенно, но существенно менялись и повседневные отношения русов со славянами. Растворение скандинавского элемента в славянской массе происходило прежде всего благодаря приобщению дружинников-варягов к местному языку, а чуть позже и благодаря христианизации. Немалую роль в процессе «ославянивания» варягов сыграли города: ведь торгово-ремесленные поселения IX–X вв. в бассейнах рек Волхов и Днепр и в Верхнем Поволжье сначала были, как и скандинавские и западнославянские города Балтийского бассейна, полиэтническими. Вместе с ними они составляли единую цепь трансъевропейской торговли, которая соединяла северо-западную Европу с Арабским Востоком и Византией. Социальная топография городов, реконструированная на основании археологических находок, предположительно показывает, что скандинавская знать поначалу жила обособленно (например, в Киеве — на будущей Замковой горе). Однако соответствующие направления ассимиляции варягов обуславливались как природным преобладанием местного населения, так и тем, что славянская племенная верхушка постепенно вливалась в состав княжеского окружения, ускоряя «ославянивание» скандинавов благодаря брачным связям. Насколько далеко этот процесс продвинулся в конце X в., видно хотя бы из того, что сын Игоря [Ingvar] и Ольги [Helge] стал первым князем, носившим славянское имя Святослав. Предполагают, что двуязычие — использование наравне славянского и «варяжского» (то есть скандинавского) языков — дольше всего сохранялось в верхах: при княжеском дворе и среди приближенных князя. В частности, как предполагают, двуязычие имело место при

5. Ритуальные танцы. Изображение на браслетах XII–XIII вв.

дворе Ярослава Мудрого, чему дополнительно способствовало то, что его женская половина — свита жены Ингигерды — была шведской. Вероятно, двуязычным был еще и в XII в. двор Мстислава Владимировича (†1132) — его крестным именем было Федор, а вторым именем Гаральд; женой князя была дочь шведского короля; одну из дочерей Мстислава, жену датского короля Кнута Лаварда, звали Ингеборг, а вторую — жену норвежского короля Сигурда Крестоносца — Мальфрид.

Что же касается купеческой и дружинной верхушки, то она уже к середине X в., похоже, была полиэтнической. Если в соглашении Олега с греками 911 г. «от народа руського... сущих русов» выступают лишь лица со скандинавскими именами (Карл, Ингельд, Фарлоф, Руальд и т. п.), то в аналогичном соглашении Игоря в 944 г. среди послов, которые заверили ее клятвой, впервые рядом со скандинавами упоминаются люди со славянскими, балтийскими и финскими именами. Характерно, что политоним «русь» распространяется и на них: в соглашении они названы «от рода рускаго слы и гостье». Этот пример подтверждает то, что под эгидой киевского князя начало постепенно укрепляться надэтническое определение жителей Руси, хотя ее территориальное название было образовано на основании политонима «русы» — «руська земля», то есть собственность / страна русов.

Длительное присутствие скандинавского элемента оставило некоторый след в культуре, особенно в ее дружинном слое, или в так называемом героическом эпосе. Скандинавскую параллель имеет летописная легенда о смерти князя Олега, якобы погибшего от укуса змеи, которая пряталась в черепе его любимого коня: во многих деталях эта легенда совпадает с аналогичным изложением в одной из исландских саг. В легенде о мести княгини Ольги древлянам также проступает скандинавский подтекст: когда древляне, убив Игоря, пришли сватать Ольгу за своего князя, она посоветовала послам

потребовать, чтобы их внесли в замок в «ладье» (то есть в скандинавском гробу). Славяне же не поняли культурного подтекста этого действия, и их вместе с лодкой сбросили в яму и засыпали землей, чем и было положено начало акту мести. По наблюдению Дмитра Чижевского, в некоторых местах летописи используются так называемые кеннинги [kenningar] — устойчивые выражения для обозначения определенных предметов или действий, характерные для скандинавских саг. То же, по его мнению, касается и средств ритмизации языка в легендарных эпизодах, благодаря специфическим аллитерациям (например, в упомянутом рассказе об Олеге и его коне), которые напоминают тип аллитерации норвежских саг. Однако в целом «скандинавский след» в местной культурной традиции маловыразителен. Возможно, это объясняется тем, что вслед за ассимиляцией варягов на смену дружинным языческим ценностям быстро пришли христианские, основательно перекрыв более давние слои культуры с их сложным переплетением славянского, балтийского, готско-скандинавского, тюркского, болгарского и иранского ферментов, причудливо смешавшихся (как именно, в настоящее время можно лишь догадываться) в том пестром этническом котле, в котором на протяжении 1-го тыс. н. э. зарождалась будущая Украина.

РАЗДЕЛ II

ПОД ЗНАКОМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перемены в жизни восточных славян, пришедшиеся на IX–X вв., были созвучны общему движению истории Европейского континента, где в разном темпе проходило втягивание бывших «варваров» в орбиту средиземноморской (греко-римской) цивилизации. Появление ранних государств ускорило формирование институтов власти, постепенно упрочивались социальные структуры обществ, начало утверждаться понятие частной собственности, которое станет основой основ европейской жизни в последующее тысячелетие. Выйдя из колыбели античной культуры — итальянских земель, начали свой триумфальный поход по Европе города: уже не как племенные грады, но как центры ремесла и торговли. Урбанизация, в свою очередь, стимулировала развитие товарного производства и обмена между разными сферами хозяйства и разными странами, а с течением времени превратила город в ячейку, где власти вооруженных кланов («государству») впервые стали противопоставляться ростки гражданского общества в форме городского самоуправления.

Без сомнений, ведущую роль и в «огосударствлении» варварских народов, и в становлении новой системы ценностей, которая санкционировала эти изменения, сыграла универсальная институция Средневековья — христианская Церковь. Ведь именно на нее, кроме спасения душ, была возложена ответственность за политическую и социальную сферы жизни. Освящая восшествия на престолы или принимая присяги при заключении договоров, представители Церкви наделяли светские власти легитимностью. В качестве единственной грамотной группы населения лица духовного сословия сосредотачивали в своих руках высшее административное управление, а как люди, наделенные правом «учить от имени Бога», прививали новые взгляды на власть, семью, брак, добродетель и т. п. Христианизация Европы продолжалась тысячу лет — с конца IV до конца XIV в., волнами продвигаясь из Средиземноморья к окраинам европейского мира. В частности, усилиями миссионеров Римского патриархата в течение V–VII вв. были обращены германские племена, рассеявшиеся после Великого переселения народов от Пиренейского полуострова и Британии

до Восточной Балтии, а во второй половине VIII в. были приведены к христианству жители Карантании, то есть современной Словении и части Австрии. Новая волна христианизации приобщила в IX в. к римской Церкви славян Хорватии и Моравии, а с середины X — начала XI в. жителей Дании, Польши и Венгрии (официальное провозглашение христианства обычно сопровождалось коронаванием папой первых королей ранних государств: Томислава в Хорватии, Стефана I Святого в Венгрии, Болеслава Храброго в Польше и т. п.).

Миссионерская деятельность Восточного (Константинопольского) патриархата, весьма интенсивная в IV–VI вв., когда были христианизированы южные и восточные окраины империи — Эфиопия, Армения, Грузия, Сирия и др., — вновь активизировалась в IX–X вв. В отличие от западного святительского престола, действовавшего автономно, византийское миссионерство всегда отождествлялось с утверждением Византийской империи. По выражению Игоря Шевченко, «каждое завоевание христианства за пределами цивилизованного мира являлось завоеванием империи... каждая миссионерская акция, к которой было причастно византийское правительство, совмещала религию с политикой».

Ареной активной деятельности Византии в IX–X вв. стали Балканы: в конце IX в. были (повторно) обращены сербы и далматинцы, а в 864 г. официальное крещение приняли болгары. Тогда же, в 860-х, состоялось «первое» (Аскольдово) крещение Руси. Комментируя распространенную в последнее время тенденцию датировать крещение Руси временем Аскольда, следует напомнить, что не только на Руси, но и во многих странах Европы христианизация не была одномоментным актом. Скажем, в Норвегии и Швеции она растянулась с начала XI до середины XII в.; повторному крещению подверглись сербы; неудачной оказалась первая попытка христианизировать Паннонию и т. д. Так что крещение дружины Аскольда еще не превратило языческую Русь в христианское государство, а тем более не определило окончательно, к константинопольскому или римскому христианскому берегу прибьется Киев. Во второй половине X в., накануне крещения Руси Владимиром, фиксируются контакты киевской княгини Ольги и ее внука Ярополка Святославича с миссиями Римской курии, а согласно некоторым источникам, и самого Ярополка окрестил посланец папы.

Тем не менее «выбор веры» в пользу Константинополя, сделанный в 988 г. князем Владимиром Святославичем, не кажется случайным. К византийской орбите молодое Руськое государство подталкивали и традиционное географическое тяготение, и издавна объединенные путем «из варяг в греки» торгово-экономические интересы, и политические расчеты. Кроме

того, тогдашний Константинополь был одним из наиболее роскошных городов известного варварам мира, и под впечатлением от его ослепительного блеска выросло несколько поколений руських князей, видевших в «светоносной империи ромеев» землю обетованную.

Так в рамках более широкого общеевропейского христианского сообщества жители будущей Украины оказались связаны с его греко-византийской частью. Византийская литургия, греческие церковно-художественные каноны, книжность и тип духовности стали фундаментом руського культурного мира, который опирался на византийские образцы. Намеченный в XIII–XIV вв. в пограничных с «латинским» Западом галицко-волынских регионах процесс отдаления от византийской пуповины растянулся не на одно столетие, постепенно превращая Украину в пространство взаимовлияния «Востока» и «Запада». Парадоксально, но в восприятии даже ближайших соседей из сферы латинской культуры — поляков — Украина всегда сохраняла черты таинственного «греческого востока», тогда как восточные соседи-московиты видели в ней подозрительный рассадник «латинства». Под знаком византийской цивилизации, то есть в системе ее понятий, формировались и государственные институты, и круг общественных и мировоззренческих ценностей жителей Древней Руси: от великого князя до невольника. Так что именно с освещения взглядов на то, когда и как усваивались эти стереотипы, следует начать этот раздел. Он будет охватывать события с конца X до середины XIV в.: время становления, расцвета и упадка Киевской державы, или, как это традиционно называют в украинской историографии, княжескую эпоху.

1. КИЕВСКАЯ РУСЬ — ГОСУДАРСТВО И ЛЮДИ

Владимирово крещение Руси в легенде и реалиях

Источники, упоминающие о крещении Руси, таят в себе определенный парадокс. В византийских памятниках выразительно запечатлено обращение Аскольда и его дружины в 860-х гг., но почти не комментируется официальное введение христианства при Владимире Святославиче в 988 г. В то же время руським летописям вообще неизвестно принятие новой веры Аскольдом, зато в них превозносится роль Владимира Крестителя. Пытаясь объяснить этот «заговор молчания», исследователи допускают, что беллетризованная и красочная история «Владимирова крещения» была включена в летописные тексты через сто лет после события — в конце XI в. Она опиралась на несколько

предшествующих ей «сказаний» 1040-х гг., которые появились как публицистические произведения, призванные доказать независимость русской Церкви от греческой. Русь в видении автора (авторов?) «сказаний» — это великое и могущественное государство, равное Византии. Ее христианизация — не следствие византийского миссионерства, а осуществление пророчества апостола Андрея, который, придя к киевским горам, якобы сказал ученикам: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияеть благодать Божия: имать и городъ великъ быти и церкви многы имат Богъ въздвигнути».

Предтечей Владимира Крестителя в этой схеме выступает княгиня Ольга, «яко утренняя заря перед солнцем и яко зеница перед миром», которая якобы говорила: «Аще Богъ въсхощеть помиловати роду моего и земли Рускые, да възложит имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова».

Сам же князь Владимир уподобляется византийскому императору Константину Великому: последний сделал христианство государственной религией империи ромеев, а первый официально провозгласил христианство в собственных владениях. Следовательно, «Владимирово крещение» превращалось в сакрализованный рубеж между «предысторией» — языческими временами, когда жители Руси были «погани и невиголоси», и новой христианской эпохой, ознаменовавшей движение из тьмы к свету.

Греческой Церкви в этой схеме отведена скромная роль пассивного образчика. По летописной легенде, крещению предшествовал осознанный выбор веры: князь и его бояре выслушали миссионеров: болгар-магометан, «немцев из Рима», «жидов хазарских», то есть иудеев, и «философа-грека из Византии».

После этого князь разослал «мужей славных и умных, числом десять», дабы те посетили разные края, присматриваясь к их вере. И они, возвратившись, сказали Владимиру, что нет в мире веры лучше греческой: «И приходом же въ Грѣкы, и ведоша ны, идеже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такая, недоумѣемъ бо сказати. Токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ челоуѣкы пребываетъ, и есть служба ихъ паче всихъ странъ».

6. Илья Пророк. Средневековая каменная иконка

Впрочем, «выбор веры» относится к блуждающим сюжетам: по легенде, хазарский царь Булан точно так же принимал иудаизм, выслушав аргументы многих миссионеров, а некоторые детали эпизода с Владимиром подозрительно напоминают сказание об обращении болгарского царя Бориса. На самом деле вряд ли мог встать вопрос о «выборе веры» в стране, среди жителей которой уже не менее ста лет было распространено христианство. Со времен Аскольда число сторонников новой религии постепенно росло, охватывая боевую дружину и купеческую прослойку. Религиозный дуализм довладимирских времен красноречиво засвидетельствован в заключительных формулах соглашения князя Игоря с Византией 944 г., где идет речь о присяге послов: «Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, и подлежащим честным крестом... А некрещеная русь кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться...»

Как видим, русы-христиане и русы-язычники выступают как две равноправные группы в окружении Игоря. В Киеве в конце IX в., якобы на том месте, где Олег убил Аскольда, построили церковь Святого Николая (допускают, что под этим именем был окрещен Аскольд), а в первой половине X в. — церковь Святого Ильи «над ручаем» (по верному наблюдению Михайла Грушевского, храм был посвящен Святому Илье, так как в восприятии новообращенных варягов Илья-громовержец легко отождествлялся с богом грома и молнии Перуном). Христианкой стала во время визита в Константинополь в 950-х гг. вдова Игоря — княгиня Ольга, крещенная самим патриархом при участии византийского императора; в 959 г. Ольга даже обращалась к немецкому императору Оттону II, двор которого славился миссионерами, с просьбой «назначить епископа и священников», то есть, возможно, намеревалась пропагандировать крещение. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться. Адальберт из Трира, позже магдебургский архиепископ, который в 962 г. возглавил миссию на Руси, после краткого пребывания в Киеве вынужден был бежать отсюда «с большими трудностями», коротко записав, что он ничего не смог достичь, ибо просьба княгини, «как выяснилось, была притворной».

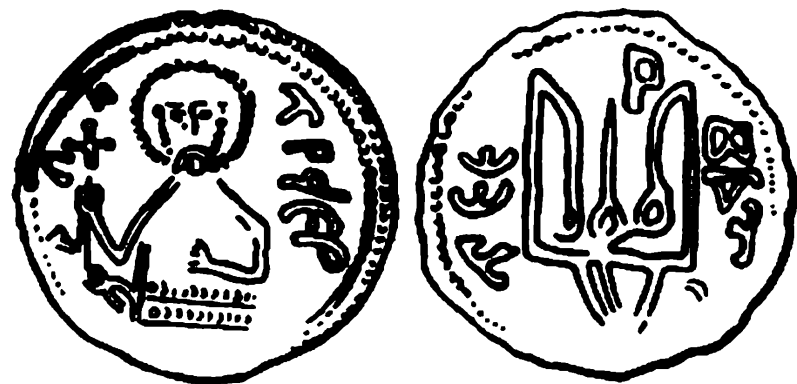
Для того чтобы подчеркнуть «прозрение» Владимира — внука Ольги, который поначалу молился многим богам-идолам, а затем уверовал в единого христианского Бога, летописец рассказывает, что сразу после вступления на княжеский престол Владимир «поставил кумиров», то есть выстроил рядом со своим двором в Киеве капище с фигурами шести идолов. По реконструкции ученых, речь шла о верховных божествах шести славянских племен — полян, древлян, северян, дреговичей, кривичей и ильменских словен.

Это были Перун — бог-громовержец, покровитель войны и оружия, бог ратников; Дажбог и Хорс — божества Солнца; Стрибог — повелитель стихий, бог ветров; Семаргл — бог растительности, земли и подземного царства; Мокош [Макошь] — женское божество плодородия и домашнего хозяйства. Место «главного бога» в «пантеоне Владимира» занял Перун, которому приносили кровавые жертвы, в том числе человеческие. «Богам Владимира» посвящена огромная и противоречивая научная литература, где истолковываются этимология и семантика имен языческих божеств, их племенная привязка, типологическое место в сравнении с германскими, балтскими, иранскими, угро-финскими и тюркскими культурами. С другой стороны, существует весьма скептический взгляд на это летописное сказание, ибо часть исследователей считает его более поздней вставкой, где просто свалены в кучу известные по разным упоминаниям имена поганских идолов.

Так или иначе, но напротив княжеского двора на Старокиевской горе, как свидетельствуют археологические раскопки, стоял храм-капище — олицетворение «государственного» язычества. Окруженная соседями-христианами — византийцами, поляками, чехами, болгарами, Русь словно застыла на поро-

ге перелома, который должен был окончательно вывести ее на христианскую орбиту. К этому ее непосредственно подтолкнули война и политика. Осенью 987 г. главнокомандующий восточной византийской армией Варда Фока провозгласил себя императором; вскоре узурпатора признали Малая Азия, Армения и Грузия. Законному императору Василию II Македонянину (976–1025) это грозило катастрофой, и зимой 987/988 г. он обратился

за помощью к киевскому князю. Тот пообещал помощь, но при условии, что Василий II отдаст ему в жены свою сестру Анну, обязавшись, со своей стороны, окреститься вместе «со всем народом его страны, а они народ большой» (как напишет об этом впоследствии один из арабских авторов-современников). Для Константинополя это был, по тогдашним представлениям, унижительный мезальянс. Напротив, для русьского князя, который, принимая крещение, не только становился членом «христианской семьи» правителей, но и сразу занимал в ней почетное место благодаря «багрянородной (то есть царственной от рождения)

7. Печать князя Владимира Святославича
(прорисовка)

8. Крещение князя Владимира Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

супруге»*, — неслыханная честь, которой добивались годами даже немецкие императоры. Поэтому, когда весной 988 г. шеститысячное войско русов и армия императора, разбив Фоку, спасли трон, Василий II не торопился отдавать сестру за варвара. Тогда Владимир осуществил военный поход на Херсонес (Корсунь), завоевал и разорил город, а в Константинополь отправил угрозу совершить со столицей империи то же самое. Это сделало византийского правителя более покладистым, и Владимир, получив обещанную ему «багрянородную Анну», отбыл с ней к Киеву. Время и место его личного крещения являются предметом дискуссий, тогда как принудительное обращение киевлян, осуществленное сразу после Корсунского похода, летопись уверенно датирует 988 г., описывая его так:

И яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другыя огньви предати. Перуна же повелѣ привязати къ коневу хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемь. ...По сем же Володимирь посла послы своя по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться

* Понятие «семьи правителей» следует воспринимать не как метафору, а как реальный политический институт Средневековья с его иерархической организацией межгосударственных связей, где императора называли «отцом», на самой высокой ступеньке находились его «братья», ниже — «сыновья», еще ниже — «приятели». Коронованные лица считались «братьями» (и именно так обращались друг к другу в дипломатической переписке), а правителей более низкого ранга называли «приятелями», что безошибочно указывало на степень их суверенитета.

кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, убогъ, или нищъ, или работень — противникъ мнѣ да будеть». ...Наутрѣя же изииде Володимѣрь с попы цесарицины и корсуньскими на Днѣпръ, и снидесе бе-щисла людей. И влѣзоша въ воду... поповѣ же, стояще, молитвы творяху. И бѣше видити: радость велика на небеси и на земли, толико душъ спасаемых...

Относительно «радости большой» летописец, судя по всему, преувеличил. Христианизация во всей Европе осуществлялась с трудностями, преодолевая вспышки сопротивления. Например, упорное сопротивление обращению более полувека оказывали саксы; в конце X в. рецидивы язычества вылились в вооруженные конфликты в Чехии; в Польше и Венгрии на протяжении 1030-х гг. вспыхивали восстания, сопровождавшиеся возвращением к старой вере; на исходе XI в. шведский король Свейн возобновил кровавые жертвоприношения и т. д. Не стала исключением из общего правила и Русь. Жителей Новгорода удалось окрестить лишь в следующем году, и то «в злой сече». Почти через сто лет летопись повествует о вспышках языческой реакции в Новгороде, Ростовской земле и Киеве: здесь в конце 1060-х гг. какой-то волхв [жрец] пророчил «от имени пяти богов», что вскоре «Днѣпру по-тещи вспять, а землям преступати на ина места». Насколько устойчивыми были языческие верования, видно, например, из Судебника сербского царя Стефана Душана 1349 г. (а сербы крестились еще в конце IX столетия). Среди прочего, здесь имеется и пункт «О могилах»: «И люди, которые с волхвованием достают [покойников] из могил и их жгут, и село, которое так делает, пусть платит вражду [штраф]. Если же на это пошел поп, пусть будет выброшен из поповства».

* * *

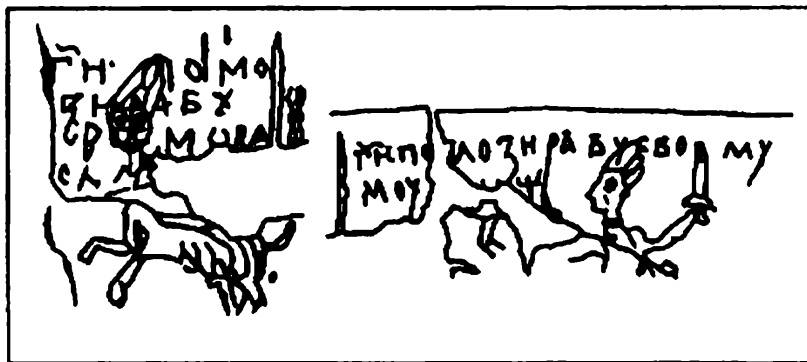
Крещение Руси непосредственно повлекло за собой распространение здесь славянской версии письменной культуры, которая к концу X в. уже имела столетнюю «биографию». Появление кириллической азбуки, как известно, связывается с так называемой моравской миссией Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия, братьев из македонского города Солуни (Салоник). Проповедуя на протяжении 860-х гг. в качестве византийских миссионеров в Моравии, братья на основе греческого алфавита создали славянскую буквенную систему и записали осуществленные ими же первые переводы Евангелия и Псалтыря с греческого на славянский. После насильственного прекращения моравской миссии (в 886 г.) ученики Кирилла и Мефодия Климент Охридский, Наум Охридский, Константин Преславский и другие нашли прибежище на территории Болгарского царства. Именно здесь, в македонском Охриде

и болгарском Преславе, возникли авторитетные центры перевода с греческого на славянский литургических, житийных и поучительных текстов, составлялись сборники поучительных сентенций и т. п. Наконец, именно отсюда тексты христианского содержания распространялись по славянским землям греческой Церкви, в число которых с конца X в. вошла и Русь. По свидетельству Черноризца Храбра, автора «Сказания о письменах» (конец IX — начало X в.), в котором полемически обосновывалось право на использование славянского языка в церковных текстах наравне с греческим, латинским и древнееврейским, творцом кириллического алфавита был Константин (Кирилл) Философ:

Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтеху и гатааху, погани суще. Крестивше же сия, римскими и греческими писмены нуждахусия [писать] словенску речь без устроения... И такой бешу много лета. Потом же человеколюбец Бог... посла имь святого Константина Философа, нарицаемого Кирилла, мужа праведная и истинна, и сотвори имь... писмена...

Другую версию появления кириллической письменности предлагает так называемое Паннонское житие, составленное учеником Кирилла Климентом Охридским: здесь о создателе славянской азбуки сказано, что, находясь в 860-х гг. в Херсонесе, он увидел Евангелие и Псалтырь, «роусьскими писмены писан, и человека обретет глаголюща той беседу, и беседова с нимь, и силу речи преимь», то есть положил в основу нового алфавита «руськи писмена». (Правда, некоторые исследователи считают этот фрагмент Жития более поздней вставкой.)

Так или иначе, но еще до введения упомянутой азбуки среди славян sporadически использовалось греческое письмо, о чем упоминает и Черноризец Храбр, указывая на трудности его употребления «без устроения» (что и понятно, потому как в греческом языке нет многих звуков, характерных для славян). В настоящее время достаточной популярностью пользуется гипотеза, согласно которой местным, руським вариантом такого «устроения», то есть приспособления греческого алфавита к славянской речи, была так называемая

9. Граффити XI в. на стене собора Св. Софии в Киеве (прорисовка)

софийская азбука. Сергей Высоцкий обнаружил ее среди граффити Софийского собора в Киеве: она содержала изображения 23 букв греческого алфавита и дополнительно четырех специфически славянских букв Б, Ж, Ш, Щ.

Из других гипотез, которые тяжело как подтвердить, так и опровергнуть за недостаточностью соответствующих свидетельств, стоит упомянуть дискуссии вокруг так называемого «письма русов», которое связывается некоторыми учеными со скандинавским руническим письмом. О нем упоминают несколько арабских авторов, в частности Ибн-Фадлан, который описывает обряд погребения знатного руса, свидетелем которого он стал в 921-м, следующим образом: «И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились».

Правда, ядро дискуссий, посвященных происхождению русской письменности, иногда перемещается из научной плоскости в сферу патриотических устремлений, отождествляясь с идеей самобытности местной культуры в дохристианскую эпоху. Это, в частности, питает и такие безудержные фантазии, как, например, попытка отыскать «знаки алфавитного типа» на керамике 1 — 2-го тыс. до н. э. Естественно, что в качестве комментария здесь можно лишь напомнить о двух очевидных истинах. Во-первых, абсолютное большинство буквенно-звуковых систем письма возникли не «сами по себе», а путем заимствования (например, от финикийского образца ведут свое происхождение и ныне используемые еврейский, арабский, армянский, грузинский, греческий, латинский и кириллический алфавиты). Во-вторых, письменная традиция — вещь достаточно позднего происхождения: она формируется лишь тогда, когда устная речь перестает удовлетворять потребности сообщества в обмене информацией во времени и на расстоянии. Этому уровню обычно соответствует появление «государственных институтов» — административных, фискальных, религиозных и т. п. Именно такая ситуация впервые сложилась на Руси после образования здесь государства сверхплеменного типа, что совпало с официальной христианизацией. Утверждение новой религии диктовало потребность в книгах, используемых в церковной сфере, а «золотой век» македонско-болгарской культуры рубежа IX–X вв. обусловил появление центров книжности, откуда кириллическая азбука проникла в Киев вместе с переведенными на славянский церковными текстами и постепенно овладела и другими, внецерковными сферами жизни, а следовательно, перестала быть монополией духовенства.

Согласно летописи, основы школьного («книжного») образования заложил Владимир, который сразу после крещения киевлян «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в научение книжное». Так было положено начало обучению «книжных людей», а далее и созданию первых памятников руськой «книжности», которые переписывались в монастырях. В то же время граффити на стенах Софийского собора в Киеве, новгородские берестяные грамоты, надписи и клейма на строительных плитах и оружии свидетельствуют о том, что тогда же, в XI в., грамотность постепенно распространялась и вне стен монастырских келий.

Контурь государственного здания XI в.

Тип ранней руськой государственности можно определить как патримонию, то есть устройство, при котором власть господствующего рода и подчиненная этой власти территория считались неразрывно связанными: право на власть имел каждый член рода, а после смерти очередного правителя территория распределялась между его сыновьями как соправителями. Эту стадию развития государства называют *corpus fratrum* (дословно: «тело братьев»); на более зрелой стадии *corpus fratrum* перерастает в сеньорат (от латинского *senior*, то есть «старший») — главенство старшего брата, далее в монархию — власть одного лица. Патримониальная модель правления не была специфически руським явлением. Она лежала в основе государственной жизни практически всех ранних политических образований «варварской» Европы: Франкского королевства, Норвегии, Британии, Венгрии, Чехии, Польши и др. основополагающая сущность патримонии, корни которой восходят к родо-племенному укладу, заключалась в том, что право каждого члена господствующего рода на участие во власти считалось таким же несомненным, как наследственные права крестьянина-пахаря на землю в пределах своей общины. Функция «правления» являлась неотчуждаемой сущностью данного рода, а подвластная территория воспринималась как его буквальное физическое продолжение, то есть, в соответствии с архаичным мировоззрением, находилась в непосредственной зависимости от здоровья правителя, его удачливости, поведения и т. п. (истоки феномена «родового владения» стоит искать как раз в этих — еще языческих — представлениях о магической связи правящего рода с территорией, на которой реализуется его власть).

Как отмечает Олексий Толочко, на чьи рассуждения я буду опираться, характеризуя древнеруськие властные структуры, принципы, согласно которым функционировала Киевская Русь как государство, оформились вокруг понятия «семьи» с ее коллективным правом владения «руськой землей»

(А.Е. Пресняков называл эту властную модель «семейным владением», В.Т. Пашуто — «коллективным сюзеренитетом», А.В. Назаренко — «родовым сюзеренитетом»). По идеальной схеме этой модели возвышение одного члена рода над другими («самовластье») решительно не одобрялось: каждый князь должен был владеть своей частью, не преступая «предела братня». Метафора «братства» всех членов рода Рюриковичей получила обоснование и в церковной доктрине, согласно которой желать власти большей, чем была дана Богом, значило пренебрегать Божественным промыслом (при случае стоит отметить, что в Западной Европе этот элемент христианской доктрины под воздействием римского права, распространявшегося через канцелярии римской Церкви и университеты, достаточно рано был приглушен идеей авторитета частной собственности и индивидуального наследования).

Параллельно представлениям о равенстве всех членов рода стала оформляться — вероятно, во второй половине X в. — идея старшинства («старейшинства») одного из князей, что давало ему право на киевский («старейший») престол и определенную власть над «младшими»: братьями, сыновьями, племянниками, внуками. Так, уже в XI в. фиксируется появление «столичного» удела — Киевского, обладатель которого носил титул «старейшего» или «великого князя», — что указывает на начало перехода от родового старшинства к политическому лидерству (например, аналогичным путем шло формирование властных структур в Польском государстве, где за одним из князей из рода Пястов признавалось главенство над остальными как за *princeps*'ом [«первым»], а символическим выражением этого служил «удел принцепса» с центром в Кракове).

С проявлениями родового, языческого восприятия личности и власти князя мы сталкиваемся на протяжении всей киево-руськой истории. Вместе с тем уже с первых десятилетий после введения христианства наблюдаются попытки заимствовать византийские образцы. Сразу после крещения киевлян Владимир Святославич построил в Киеве каменную церковь Богородицы (ее строили греческие мастера), предоставив ей десятую часть княжеских прибылей (откуда и ее название — Десятинная). В XI — начале XII в. в Киеве появилось еще три богородичных храма — Успенский собор Киево-Печерского монастыря (1073–1077 гг.), Влахернский храм Кловского монастыря (1090-е гг.) и храм Успения Богородицы в торгово-ремесленной части города (1132–1136 гг.). Вспомнив, что Константинополь тоже считали городом под особым покровительством Богородицы, провести параллель несложно.

Еще более красноречивым доказательством «византийских амбиций» Киева стало сооружение знаменитого собора Святой Софии. Величественный

каменный храм был возведен Ярославом Мудрым между 1037–1044 гг. (по другой версии, его заложили в 1017 г. на месте одноименной деревянной церкви, которую поставил Владимир Святославич). Освященный во имя Софии Премудрости Божьей главный собор киевских князей апеллировал непосредственно к одноименному императорскому храму в Константинополе. София Константинопольская, построенная в VI и отреставрированная в IX в., символизировала священное могущество византийских правителей; София Киевская должна была служить утверждению победы христианства и авторитета Ярослава Мудрого, наследника Владимира Крестителя. Греческие мастера, строившие и украшавшие храм Ярослава, повторили композиционные и художественные приемы византийских прототипов. Однако на ктиторских фресках уже были изображены не члены императорской семьи, а семейство самого Ярослава: он сам, его жена, сыновья и дочери. Некоторые из членов семьи несут большие свечи: согласно византийскому церемониалу, это было связано с пасхальными выходами «багрянородных» к Софийскому храму. Этот параллелизм красноречив: к середине XI в. княжеский род уже претендовал на статус царственного не только по языческим, но и по византийско-христианским меркам.

Характерным примером такого же симбиоза может служить устоявшийся набор так называемых «княжих имен», даваемых только членам рода Рюриковичей. Каждый из князей, кроме крещеного церковного имени, имел собственное «княжье имя» из репертуара языческой антропонимии, и именно так его величали современники, уже на основании имени превознося над другими. В сходном направлении — соединения языческого и христианского восприятия институтов власти — модифицировалась ее внешняя атрибутика. В странах Западной Европы, где прообразом ритуала восхождения на престол стала коронация 800 г. в Риме императорской короной правителя франков Карла Великого, царственные особы получали санкцию на власть от Церкви, освящавшей помазанника Божьего. На Руси коронации соответствовал обряд

10. Княжеская семья. Рисунок из «Изборника Святослава» XI в.

«посаждения на стол». Однако, невзирая на огромное количество летописных упоминаний о том, как тот или иной князь «сел на столе отца своего и деда своего», сама процедура остается не вполне ясной, поскольку описания этого ритуала в источниках отсутствуют. По мнению Олекся Толочко, «невнимательность» современников красноречива: ментальность вчерашних язычников не предусматривала специального обряда, который санкционировал бы вокняжение, ибо каждый князь и так воспринимался как природный властитель, призванный к этой миссии самим фактом своего рождения. Поэтому интронизация при участии церковных иерархов, с перенесением в кафедральный собор престола, на котором после торжественного богослужения «садился» князь, стала обычной практикой лишь с конца XI в., а миропомазание вообще не вошло в обычай, поскольку его идея была в основе своей чужда понятию о прирожденном праве на правление.

Крещение Владимира Святославича и его бракосочетание с «багрянородной сестрой» византийского императора вводило киевских князей, как уже упоминалось, в «христианскую семью» европейских правителей. Этот факт обеспечивал не только моральный престиж, но и легитимность Русьского государства. Ведь только христианский правитель христианской страны мог стать субъектом международного права в считавшихся общепризнанными формах. В частности, границы его владений (по крайней мере, номинально) были неприкосновенны, воинов во время вооруженных конфликтов брали в плен, а не обращали в рабов, сам он мог апеллировать к имевшему значение для соседних королей понятию справедливости и т. п. Понятно, что эти категории «международной» правосубъектности еще достаточно условны, однако характерным примером их истолкования может служить наступление в XIII в. крестоносцев на земли языческих племен Балтии: рыцари тотально истребляли или обращали в рабство население как раз под лозунгом его непринадлежности к легитимному христианскому сообществу.

Непосредственным проявлением приобщения к «христианской семье» правителей были перекрестные династические браки. На протяжении XI в. эта практика быстро распространилась на русьских князей. После смерти «багрянородной Анны», приблизительно в 1012 г. Владимир Святославич женился, как предполагают, на внучке германского императора Оттона I. Широкой была и география брачных связей детей Владимира.

Одна из его дочерей была замужем за польским королем Казимиром, другая — за братом венгерского короля, третья — за маркграфом Северной марки, а что касается сыновей Владимира, то Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа Скотконунга Ингигерде (Ирине), а Святополк на дочери

польского короля Болеслава I Храброго. В свою очередь, в невестках у Ярослава Мудрого были сестра трирского архиепископа, дочь византийского императора Константина IX Мономаха, а также дочери польского короля Мешка II, саксонского маркграфа Оттона, маркграфа Северной марки фон Штаде и венгерского герцога Белы. Самого Ярослава иногда называют «тестем Европы»: его дочь Анастасия была выдана за венгерского короля, Елизавета — за норвежского (а затем, когда она овдовела, за датского), Анна — за французского.

Династические браки способствовали активизации политических и личных контактов. В Киеве при дворе Ярослава Мудрого в разное время проживали норвежский принц, будущий король и соискатель руки княжны Елизаветы Харальд Суровый, племянники венгерского короля Стефана I Святого (старший из них, Андраш, впоследствии сам станет королем, зятем Ярослава), сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого. К началу XI в. относятся первые упоминания о Киеве иностранцев — епископа Бруно из Кверфурта, который как миссионер проследовал через владения Владимира Святославича к печенегам, и архиепископа Титмара Мерзбургского (Титмар в своей хронике под 1017 г. записал свидетельства очевидцев — немецких воинов, помогавших Святополку в борьбе с Ярославом Мудрым за родительский престол). Бруно называет князя Владимира «великим и богатым правителем», а Титмар, описывая «столицу Королевства Русов», говорит, что здесь живет «бесчисленное число люда» и имеется свыше 400 церквей и восемь рынков. Даже если под церквями подразумевались небольшие часовни, все равно размах цивилизационных изменений, выпавших на княжение Владимира и Ярослава, поражает. Поэтому логически обоснованной кажется патетика проповеди «Слово о законе и благодати», обращенной к Ярославу будущим киевским митрополитом, а в то время пресвитером княжеской церкви Спаса на Берестове Илларионом:

Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многах, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычствоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли.

В упомянутой проповеди Илларион впервые акцентирует «столичную функцию» Киева. В предшествующих, языческих понятиях правления «столицы» не существовало: поскольку государство воплощалось в личности

правителя, то и «столица» находилась там, где находился в данный момент он сам (такие «ставки» правителей характерны как для варварских королевств Западной Европы, так и для азиатских кочевых государств). Поэтому идея «столицы», как и упомянутая выше перестройка Киева, была навеяна параллелями с Константинополем, сигнализируя разделение в сознании подданных персоны правителя и института государства.

Еще одним шагом на пути деперсонификации власти стало появление первого писаного свода законов — Руськой Правды. Ясно, что конфликты между свободными мужами регулировались и до этого на основании какого-то устного «закона». Именно он послужил основным источником для писаного права, которое у германских народов так и называли — *lex* [дословно с латыни: «закон», в традиционном переводе — «правда»]. Самым древним сводом законов такого типа стала Салическая Правда франков [*Lex Salica*], составленная при короле Хлодвиге (481–511). Между VII и XI вв. аналогичной письменной фиксации подверглись алеманнская, баварская, рипуарская, фризская и другие германские «правды», а у славян собственные «правды» стали первым этапом законодательства в Болгарии, Сербии, Хорватии, Польше. Согласно Новгородской летописи, Ярослав, утвердившись на киевском престоле, отправил домой отряд новгородцев, на который опирался, отвоевывая Киев, со словами: «По сеи грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите». Дальше в летописи под заглавием «А се есть правда руская» помещен текст так называемой Правды Ярослава, состоящей из восемнадцати статей, которые определяли наказание за разнообразные преступления, от кровной мести за убийство до штрафов «за обиду».

Еще при жизни Ярослава Мудрого (достовернее — после 1036 г.) упомянутые статьи были уточнены двумя княжими уставами о судебных штрафах «за обиду» и кражи, а вскоре после его смерти, в 1054 г., сыновья Ярослава приняли дополнение, согласно которому кровная месть заменялась выкупом (более поздние юридические памятники назовут его «головничество»). В конце концов, дополнения первой четверти XII в., регулировавшие кредитно-долговые обязательства, окончательно оформили свод законов, известный под названием Пространная Руськая Правда. Ее нормы применялись на всей территории Киевской державы и после ее распада: старое «русьское право», как будет подробнее показано далее, начало вытесняться в Галицкой Руси лишь в 1430-х гг., на украинских и белорусских землях Великого княжества Литовского — в 1440–1460-х гг., а в Московском Великом княжестве — после утверждения Судебника 1497 г.

Как и в упомянутых выше ранних законодательных памятниках, над Руськой Правдой тяготеет архаичная процессуальная символика, свидетельствуя о прочности языческих представлений о преступлении и наказании. Однако детализация регулирования криминальных, наследственных, семейных и собственностических отношений показывает, что человек уже заметно освобожден от опеки рода. Надзор же за соблюдением норм социального сосуществования возлагался на княжескую власть: ее административно-судебный аппарат был уполномочен вершить «суд и правду» от имени князя. В этом смысле появление Руськой Правды было действительно событием эпохальным, так как, по сути, она меняла статус князя: из вождя дружины он превращался в правителя всего населения.

Обозревая социальные нововведения XI в., можно утверждать, что главную роль в их воплощении, вне сомнения, сыграла Церковь, которая взяла на себя задачу перестройки ментальности вчерашних варваров — более или менее однородного коллектива, в котором «знатные лица» первенствовали благодаря авторитету силы. Пропагандируя иную модель господства и подчинения, Церковь прививала ее посредством «науки веры», согласно которой деление на правителей и подданных, высших и низших преподносилось как следствие божественного благоустройства мира — дело промысла Божьего. Однако роль Церкви в социализации бывших варваров была намного более сложной, чем прививание повиновения. Ее душпастырский долг, впервые провозглашенный одним из самых авторитетных христианских богословов Аврелием Августином (354–430), заключался в том, чтобы, проповедуя смирение, нести «дух братства» жестокому земному царствию. Признавая неравенство людей на земле и в то же время их равенство перед Богом, когда правитель — такой же раб Божий, как и его подданные, Церковь тем самым и санкционировала, и смягчала социальные антагонизмы. Характерно, что уже первый из известных ныне христианских памятников Руси, упомянутое выше «Слово о законе и благодати», обращается ко всем христианам: «малым и великимъ, рабомъ и свободным, уным и старым, бояромъ и простым, богатым и убогимъ». Пропагандируя социальное примирение, Церковь в то же время брала под свою защиту самые обездоленные группы населения, в частности невольников. Древнеруськая церковная проповедь XII–XIII вв. насыщена призывами сочувственного отношения к рабу и, что более важно, призывами видеть в нем человека, которого нельзя безнаказанно убить, изнасиловать, покалечить. Как видим, преодолевая стереотипы языческих практик, руськая Церковь пыталась привить «добрым христианам» негативное отношение к рабству.

Борьба князей за киевское «причастие» в XII–XIII вв.

Ярославу Мудрому пришлось отвоевывать киевский престол в драматической борьбе с братьями. Сразу после смерти Владимира Святославича, в Киеве в 1015 г. вокняжился Святополк (или сын, или племянник покойного), приказавший убить троих братьев-конкурентов — Бориса, Глеба и Святослава. В свою очередь, Ярослав с помощью новгородцев и наемников-варягов одолел Святополка и нейтрализовал еще двоих братьев: одного из них, Судислава, заточил в тюрьму, а со вторым, Мстиславом, сумел договориться. После этого княжение Ярослава протекало без внутренних конфликтов. Перед смертью в 1054 г. он разделил «грады» между своими пятью сыновьями. Летопись приводит текст этого распоряжения, якобы провозглашенного в форме речи к княжичам:

Се азъ отхожю свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь, понеже вы есте братья единого отца и единой *матере*. Да аще будете в любви межи собою, и Богъ будетъ в васъ и покорить вы противныя подь вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавистно живуще, въ распряхъ, которающеса, то и сами погибнете, и землю отецъ своихъ и дѣдъ погубите, иже налѣзоша трудомъ великомъ; но послушайте братъ брата, пребывайте мирно. Се же поручаю в себе мѣсто столь свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу — Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будетъ въ мене мѣсто. А Святославу — Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль, а Вячеславу — Смолнескъ.

Однако «любовь», которая должна была бы объединять потомков Ярослава Мудрого, не выдержала проверки временем на общей территории правления. Уже в конце XI — начале XII в. можно заметить новое восприятие князьями подвластных земель, опиравшееся на право наследственной собственности. Все более интенсивное разрастание ветвей рода, каждая из которых постепенно начала осознавать себя отдельным родом, способствовало появлению в междукняжеских отношениях понятия «отчины» — земли, на которой утвердилось то или иное ответвление рода. Раньше всего его можно применить к Полоцку, где уже после смерти брата Ярослава, Изяслава (†1001), остался править его сын Брячислав, а с 1044 г. — внук Всеслав (Полоцкое княжество находилось во владении Изяславичей Полоцких вплоть до слияния во второй половине XIII в. с Литвой).

Ко времени смерти Ярослава Мудрого на Руси существовали две потенциальные отчины — Ярославичей и Изяславичей Полоцких (отпрыски Ярослава, «Ярославли внуки», всегда подчеркивали свое отличие от Изяславичей — «Рогволожих внуков»; Изяслав, впрочем, как и Ярослав, был сыном князя Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды, дочери убитого Владимиром князя Рогволода). Собравшись в Любече в 1097 г. на свой первый съезд («снем»), «Ярославли внуки» договорились о разделении до того общей отчины на три отчины старших линий Ярославова дома — отпрысков Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Так впервые был провозглашен принцип наследственного владения подвластными территориями: «Каждо да держит отчину свою».

Постановление Любечского съезда сопровождалось многочисленными неурядицами и перемещениями. Однако в целом, начиная с середины — второй половины XII в., основы раздела устоявшимися. За правнуками старшего из сыновей Ярослава, Изяслава, закрепилось Туровское княжество, впоследствии разделенное на Туровскую и Пинскую половины, которые, в свою очередь, распались на еще более мелкие уделы-отчины с центрами в городах Волынского Полесья: Степане, Четвертыне, Несвиже. Их владельцы под именами князей Несвижских, Городенских, Степанских и др. упоминаются в источниках конца XIII—XV в., однако все эти династии медленно угасают (исключение составил род Четвертенских, с представителями которого мы встретимся на страницах этого очерка в гораздо более поздние времена).

За отпрысками второго сына Ярослава, Святослава, закрепилось Черниговское княжество (по имени сына Святослава Олега эта ветвь стала называть себя Ольговичами). В XIII—XIV вв. черниговские Ольговичи положили начало разветвленному сообществу владельцев мелких уделов в северной части старого Черниговского княжества — Северщине; позднейшая традиция называет местных князей, чьи земли лежали в буферной полосе между Великим

плати жини стору а пскыпшай . прѣмъ славъ брѣни

11. Примирение князей. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

княжеством Литовским и Московией, «верховскими». Среди «верховских князей», которые до конца XV в. служили «с отчиною кому похотя» — Москве или Вильне, а затем оказались в составе России, мы видим предков многих известных русских княжеских семейств, таких как Волконские, Оболенские, Трубецкие, Карачовские, Одоевские и др. Еще одна ветвь Святославичей унаследовала столы Муромского и Рязанского княжеств, со временем также поглощенных Московией.

Отпрыски третьего сына Ярослава, Всеволода, названные по имени киевского князя Владимира Мономаха (1113–1125) Мономаховичами, положили начало двум мощным родовым коленам — Мономаховичей Юрьевичей и Мономаховичей Мстиславичей. Первые после Юрия Долгорукого (†1157) стали правителями Владимиро-Суздальского княжества — исторического ядра будущего Русского государства (последним представителем этого рода был сын Ивана Грозного царь Федор Иванович, умерший в 1598 г.). Линия Мономаховичей Мстиславичей, внуков и правнуков киевского князя Мстислава Великого (1125–1132), положила начало трем ветвям. Самая старшая из них, волынская, — это галицко-волынская династия Романовичей, угаснувшая в 1320-х гг. (от нее же вели свое происхождение позднейшие волынские княжеские роды Острожских и Заславских, похоже, не совсем обоснованно). Младшей ветви Мономаховичей Мстиславичей, смоленской, вплоть до 1404 г., то есть до перехода под протекторат великого князя литовского, принадлежало Смоленское княжество (от смоленских Мономаховичей происходило немало княжеских семейств Белоруссии и России, таких как Жижемские, Соломерецкие, Вяземские, Ржевские и др.). В конце XIII в. от смоленской ветви откололась ветвь ярославских князей, которые признали верховенство великого московского князя лишь в конце XV в. (от ярославского княжеского дома вели начало известные из позднейшей русской истории Шаховские, Прозоровские, Курбские и др.). Процесс «приватизации» коллективного наследия Рюриковичей после смерти Ярослава Мудрого протекал весьма интенсивно. К середине XII в. на землях Руси оформилось около пятнадцати более крупных княжеств, каждое из которых практически жило самостоятельной политической жизнью, признавая «старейшинство» киевского князя лишь номинально. В начале XIII в. понятие «старейшинство» вообще исчезает со страниц летописей, что косвенно свидетельствует об упадке политического института верховенства киевского престола над князьями уделов. Парадоксом, однако, было то, что чем дальше удалялись друг от друга родовые уделы фактически, тем громче пропагандировалась идея общеродового владения и братства Рюриковичей. Благодаря этому тогдашняя элита

не воспринимала так называемую «феодалную раздробленность» (как называют события XII—XIII вв. в историографии) как окончательный распад Киевской державы. Русь, фактически превращенная в конгломерат отдельных политических организмов, в воображении книжников и их «учеников» — князей по-прежнему воспринималась как коллективное наследство единого рода, который ощущал себя «одного деда внуками». Особая роль в этом придавалась Киеву — «ибо то старейший город в земле во всей, Киев».

Эти представления, опиравшиеся не на реальную жизнь, а на виртуальные ценности, заставляли вновь и вновь обращать свой взор к Киеву даже правителей окраинных земель, претендовавших на желанный «золотой стол» и стремившихся к нему с помощью силы, вероломства, братоубийства, опустошения «пределов братских» и разрушительных взаимных войн, практически непрерывно сотрясавших Русь в 1068–1069, 1078–1079, 1094–1097, 1116–1119, 1132–1139, 1146–1157, 1169–1174, 1199, 1202–1203, 1211 и 1234 гг. По подсчетам Степана Томашиевского, между 1146 и 1246 гг. правители Киева менялись 47 раз, в целом же здесь правили 24 князя, причем 35 княжений продолжалось менее года, то есть Киев оставался объектом политических амбиций вплоть до монгольского нашествия, а кровавые усилия княжеских кланов были направлены на захват киевского престола — эфемерного символа единства.

К середине XII в. киевские правители еще пытались удерживать политический контроль над всеми землями Руси, в частности в периоды княжений таких авторитетных князей, как Владимир Мономах (1113–1125) и его сын Мстислав Великий (1125–1132). Однако со временем старая идея коллективного правления Рюриковичей сужается до территории киевского удела, который занимал историческое ядро Руси, то есть «Руськую землю» в узком значении — Киевщину и Переяславщину. Таким образом, сфера юрисдикции киевского князя охватывала Киевскую землю и подконтрольные киевскому столу Туровское и Переяславское княжества, где князь мог наделять «причастием» членов собственных группировок. Поскольку же на «причастие» (часть) в киевском правлении претендовали все достаточно сильные князья, то реально оно достигалось путем захвата Киева определенной коалицией, лидер которой, завладев киевским столом, раздавал в «Руськой земле» волости* своим сторонникам. Но и последнее не проходило мирно, ибо каждый более сильный

* Волость — область, округа (от праславянского *volstь — власть, господство, подвластный край). В Киевской Руси XI–XIII вв. волостью называли не всегда четко очерченный территориальный комплекс, который мог охватывать город с округой, несколько городов или даже небольшую «землю» вроде Туровской.

Рюрикович считал, что ближе, чем «братия», связан с землей «отцов и дедов». Например, конфликтуя с Рюриком Ростиславичем, одним из киевских князей, который сидел на киевском столе целых девять раз между 1173 и 1210 гг., владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич заявлял:

Вы есте нарекли мѣ во своемъ племени. во Володимерѣ старѣшаго а нынѣ сѣдѣль еси в Къевѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалъ еси инѣмъ. моложьшимъ братъи своеи. даже мнѣ в неи части нѣтъ. да то ты а то Кieveъ и Роуская область а комоу еси в неи часть даль. с тем же еи и блюди и стережи...

За понятием «причастия в Руськой земле», то есть на землях исторического ядра Руси, таилось два смысла: видимый, опирающийся на выгоды от правления «городами и волостями», и скрытый, корнями уходивший в упомянутые выше архаичные представления о неделимости правящего рода и подвластной ему территории. Относительно первого следует сказать, что отразившаяся в летописях практика переделов Киевского княжества между очередными «командами» правителей ярко отображает тип феодального вассалитета XII—XIII вв. Временные правители волостей, собирая дань и судебные поборы с населения, были обязаны оказывать киевскому князю военную помощь («подле ездити»), а также политическую и моральную поддержку («ходить в руку»). Он, со своей стороны, мог отнять волость за несоблюдение договорных обязательств — «за вину». Волость не переходила по наследству, не обменивалась, не продавалась. Определенное лицо пользовалось ею до тех пор, пока не происходило очередное перераспределение или не приходил новый правитель, который передавал держание князьям из собственной «команды» (это перекликается с европейской практикой бенефиция — временного владения, которое сюзерен предоставляет вассалу на условиях службы или в награду за службу).

Что же касается скрытого, мировоззренческого содержания «причастия» членов рода Рюриковичей к их гинтерланду — Руськой земле, то оно, по мнению Олексия Толочко, опиралось на совмещение языческих представлений и чинопоследования христианской литургии. Согласно первым, государство мыслилось антропоморфным, как человеческое тело, где князь являлся головой, «земля» туловищем, подданные — ногами. Следовательно, коллективная власть над «землей» должна была реализовываться путем выделения каждому из членов княжеского рода доли («причастия») в этом теле. С другой стороны, понятие «причастие» по своей «телесной сути» соотносимо с Евхаристией — церковным

таинством кормления участников литургии хлебом и вином, символическими плотью и кровью Сына Божьего, раздавшего их Своим ученикам-апостолам. Подобно тому, как причащением достигается телесное единство человека с Церковью, и княжеское «причастие» воспринималось как приобщение к власти, то есть телесной тождественности князей-братьев с землей-государством. Аргументируя свою мысль, Толочко обратил внимание на характерную деталь: согласно летописи, Владимир Святославич, впервые распределяя Киевскую державу между сыновьями, разделил ее по числу апостолов на 12 частей, хотя сыновей у него было больше. На известной ктиторской фреске собора Святой Софии в Киеве тоже изображено двенадцать фигур вопреки тому, что Ярослав Мудрый имел лишь семерых сыновей: сакрального числа удалось достичь путем добавления жены и дочерей. Иконографически Евхаристия изображается как движение к Христу двенадцати апостолов — по шести с каждой стороны. Именно таким образом композиционно построена и ктиторская фреска в Софийском соборе, что должно было, по мнению Олексия Толочко, служить наглядной «демонстрацией» княжеского «причастия».

В тогдашней Европе антропоморфная концепция государства передавалась через понятие «общественного тела» [*societas*], которым обозначали мирское сообщество по аналогии с интерпретацией Церкви как «тела Христова» [*corpus Christi*]. Первое и второе вместе составляли «всеобщее единство» — *universitas*. Однако ни с европейской идеей, ни с ее византийскими параллелями Русь, похоже, не была знакома. Это позволяет предполагать, что восприятие княжеской власти как Евхаристии («причастия») было сугубо руського происхождения.

Абстрагируясь от соотношения языческого и христианского компонентов в восприятии княжеского «причастия», стоит подчеркнуть один, как кажется, важный момент. Уверенность в праве каждого из Рюриковичей на «причастие» во «внутренней земле» династии, «Руськой земле», политическим реалиям XII–XIII вв. уже не соответствовала. Однако благодаря глашатаям тогдашних идеологических доктрин — монахам-книжникам, концепция «причастия» формировала, вопреки очевидному, представление о Киевской державе как о едином политическом организме. Однако самым большим парадоксом стало его поразительно «долгое бытие»: этот фантом пережил не только фактический распад Руси, но и раздел ее между соседями. Ведь разве не та же идея «причастия» в модифицированном виде легла в основу московских претензий XVI–XVII вв. на «вотчину извечную государя нашего Киев»?

В завершение остается добавить, что с укреплением удельных княжеств, фактически независимых от Киева, их правители уже с первой

половины — середины XII в. начали сами осуществлять раздачу волостей в границах собственной юрисдикции на тех же принципах, на каких до сих пор это делал киевский князь. Именно эти перемены и заложили реальный механизм постепенного образования нескольких вполне самостоятельных региональных политических образований, таких как Владимиро-Суздальское, Новгородское, Смоленское, Полоцкое или Галицко-Волынское княжество. Действием, которое стало своего рода итогом «киевского периода» в русской истории, считают поход на Киев владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского в 1169 г., когда силами его коалиции город был взят и разорен. Согласно летописцу, город грабили два дня, никому не давая пощады: церкви горели, одних христиан убивали, других вязали, женщин брали в плен, силой разлучая их с мужьями, а дети рыдали, глядя на своих матерей. Церкви лишились своих икон, книг, риз и колоколов.

Исследователи, правда, со скепсисом относятся к излишне эмоциональному описанию летописцем-киевлянином масштабов опустошений, потому что в погоне за «золотым столом» Киев грабили и жгли и другие князья. Однако красноречив сам характер действий Андрея Боголюбского: ради укрепления собственного авторитета он уже не утверждался в Киеве, а разорял его.

Люди Руси: *oratores, bellatores, laboratores*

Жителей Киевской державы как некоторую общность, изредка выводившуюся книжниками на подмостки истории, дабы оттенить деяния основного героя — князя, те же книжники называли «дружина и люди». Такое обозначение не совпадает с классической триадой средневекового социума, которая, по утвердившемуся на западе Европы мнению, должна охватывать три группы: *oratores* («те, кто молится», то есть церковнослужители), *bellatores* («те, кто воюет» — рыцари), *laboratores* («те, кто трудится» — трудящийся люд). Каждая группа, согласно политическим представлениям того времени, выполняла собственное предназначение в одной из трех сфер: религии, управления и защиты и хозяйственного обеспечения. При этом все три группы взаимодополняли и зависели друг от друга, в совокупности своей образуя гармоничное политическое «тело». На Руси, однако, ни в княжеское, ни в более позднее время духовенство не выделялось так же четко, как на Западе. Очевидно, это можно объяснить доктринальными принципами Восточной Церкви, согласно которым миряне и священники находились ближе друг к другу, чем в «латинском мире». В отличие от западного понимания «католичности» (соборности) Церкви как единого целого, в котором духовный авторитет

архиереев считается неоспоримым, византийская религиозная мысль видела соборность в единении служителей Церкви с паствой. В соответствии с многовековой практикой, пастырь не стоял над мирянами, а, приступая к служению с их согласия, руководил паствой изнутри, в то время как паства должна была следовать за ним с полным осознанием того, что происходит в Церкви. Такие, выражаясь современным языком, «коллегиальные» основания византийской церковной жизни, формировавшиеся начиная с V в., были перенесены на Русь в готовых формах вместе со всей церковной организацией. Об их весе в местных практиках красноречиво свидетельствует та деталь, что словом «собор», то есть собрание архиереев для решения тех или иных вопросов, на Руси стали обозначать как непосредственно собор (синод), так как и центральный городской храм. В нем священники более мелких храмов отправляли литургию поочередно, образуя вместе клирос* соборного храма, то есть некий орган управления церковно-административными делами соответствующей округи. Например, к «соборам» в Киеве уже в XI в. относились Десятинная церковь и Софийский храм; несколько «соборов» в конце XII в. фиксируются в Галицком княжестве; в XIII в. «соборным» был Успенский храм г. Владимира на Волыни и т. п.

Молодое христианское сообщество Руси унаследовало не только византийскую церковную доктрину, но и организационные структуры греческой Церкви. Впрочем, иначе и не могло быть, поскольку созданная в Киеве митрополия была подчинена Константинопольскому патриархату и возглавляли ее, за двумя исключениями, митрополиты-греки (эта традиция оборвется лишь со второй половины XV в.). Появление Киевской митрополии, то есть церковно-административной округи со «столицей» [от греческого metropolis] собственного архипастыря, большинство исследователей датирует временем между 988–998 гг. Среди трех первых митрополитов, чья деятельность находит подтверждение в источниках, мы видим греков Феофилакта (988 — до 1018), Иоанна I (ок. 1018 — ок. 1030) и Феопемпта (ок. 1035–1040-е). Канонически и они, и их преемники зависели от патриарха, рукополагавшего одну из трех предложенных патриаршим синодом кандидатур. Из Константинополя в Киев привозили также святое миро, что служило символом церковной связи. По прибытии на Русь митрополит торжественно возводился в сан в Киеве (этот акт, как и церемонию вокняжения, летописи называют «посажением на стол»). Храмом митрополита считалась Святая София, где архипастырь отправлял

* От греческого *cleros* — духовенство, клир (отсюда «клирик»- церковнослужитель). С XIII в. слово «клирос» начинает вытесняться своим «украинизированным» вариантом — крылос.

торжественные литургии, осуществлял посажение на стол князей, рукополагал епископов, созывал соборы.

В источниках почти не сохранилось свидетельств о пастырской и административной деятельности митрополитов, в которую Константинополь в дальнейшем не вмешивался, то есть самоуправления дочерних церковных институций не нарушал. Вне сомнения, негативную роль должно было играть то обстоятельство, что митрополиты не знали русского языка, поэтому всегда были в известной степени изолированы от паствы и местного клира. Изоляция не ограничивалась языковым барьером: греческие иерархи, приезжая иностранцами и оставаясь ими (тем более что пребывание здесь, учитывая их преклонный возраст, почти никогда не продолжалось долго), не ориентировались во внутренних проблемах Руси. Однако, с другой стороны, чужеземное происхождение имело и свои преимущества. Как людям посторонним, избранным и освященным без вмешательства местных правителей, митрополитам было легче сохранять нейтралитет в княжеских междоусобицах, войнах и интригах. Отстраненность архипастырей опосредствованно распространялась на позицию всей Церкви, которой вплоть до монгольского вторжения, вопреки реалиям политической жизни, удалось избежать дробления (не в последнюю очередь отсюда берет начало и пропаганда церковными книжниками единства «Русьской земли» даже тогда, когда Киевской державы как единого целого уже не существовало).

Наконец, нельзя обойти вниманием и того, что архипастыри-греки вместе со штатом своих переводчиков и служителей привозили книги и иконы, вводили церковные ритуалы и элементы светского этикета, покровительствовали украшавшим русские храмы греческим художникам-иконописцам и ремесленникам. И хотя в целом роль митрополитов в перенесении на Русь византийского образования и книжности была не столь заметной, но именно они и их окружение выступали здесь единственными автентичными носителями греческой культуры — пусть и не привитой, но по крайней мере «показываемой» русскому сообществу.

Создание митрополии предусматривало одновременное появление епископских кафедр в центрах епархий [от греческого *eparchia* — провинция]. В конце княжения Ярослава Мудрого, то есть в середине XI в., вся территория Киевской державы была поделена на епархии (по крайней мере, теоретически). Епископы сидели, в частности, во всех крупных политических центрах: Новгороде, Чернигове, Полоцке, возможно — Турове. По обычаям греческой Церкви провозглашение новых епархий относилось к компетенции митрополита, не требуя согласования с патриархом. Практически же появление новой

епархии зависело от местных князей, предоставлявших епископам материальное содержание. Именно так в конце XI и на протяжении XII в. возник целый ряд новых епархий: Переяславская (в ее состав, кроме Переяславской, сначала входили Смоленская и Суздальская земли); Белгородская (по названию Белгорода — княжеской резиденции под Киевом на р. Ирпень); Владимирская (с центром во Владимире на Волыни); Перемышльская; Юрьевская (город Юрьев, иначе Гюргив [в настоящее время Белая Церковь] основал Ярослав Мудрый на р. Рось, в печенежском пограничье, поэтому создание Юрьевской епархии предполагало миссионерскую деятельность в Поросье; в середине XII в. ее центр был перенесен в Канев); Ростовская, созданная с целью христианизации местных угро-финских племен; Смоленская; Галицкая; Рязанская и др. Позже, в XIII в., появились Холмская и Луцкая епархии, а в целом накануне монголо-татарского нашествия функционировало 16 епископских кафедр, территория которых в целом совпадала с крупными княжествами-государствами, выделившимися из Киевской державы. Собственно, и само дробление первоначальных епархиальных структур стало следствием политической децентрализации: «своя» епископская кафедра как бы фиксировала самостоятельность княжества, и поэтому местный князь охотно обеспечивал ее материально. Характерным примером может служить выделение из первоначально огромной Переяславской епархии Смоленского (в 1137 г.) и Ростовского (ок. 1060-х гг.) епископских столов с последующим выделением из последнего Владимиро-Суздальской епархии (в 1124 г.). Епископы («владыки»), в отличие от митрополитов, были по преимуществу людьми местного происхождения. И хотя их поставление являлось прерогативой митрополита, однако решающую роль играла протекция князя (летописи, «забывая» о митрополитах, неоднократно сообщают о том, что того или иного епископа «поставил» князь). Характерно, что даже обряд поставления епископа состоял из двух церемоний — церковной (хиротонии), проходившей в Софийском соборе, и светской (столования) — в церкви самого древнего великокняжеского монастыря — Георгиевского.

12. Капитель Борисоглебского собора XII в. в Чернигове

Очевидно, уже с XII в. при епископских кафедрах начали формироваться органы управления, в которых хозяйственными делами ведали «владычные тиуны», а судебные функции исполняли «владычные наместники» (согласно церковному уставу, к юрисдикции Церкви относились дела, связанные с семейной жизнью, а также судопроизводство над клиром и принадлежавшими церковным институциям простолюдинами). Епископы выступали также посредниками в междукняжеских конфликтах — и как послы, и как представители Церкви, именем Бога утверждающие взаимные присяги («крестные целования»).

Первые служители рядового клира были выходцами из балканских стран и, возможно, Моравии, то есть людьми, способными отправлять литургию по-славянски. На протяжении правления Ярослава Мудрого число священников увеличивается (как запишет под 1037 г. летописец, «чернорисци поча множитися»). В немалой степени этому способствовал обычай, согласно которому сыновья священников наследовали своему отцу, обучаясь у него порядку богослужения и проведению церковных обрядов. Источники не позволяют выделить сеть приходов, однако можно предположить, что вокруг Киева она существовала уже во второй половине XI в. Что касается правил поставления приходских священников, то они были формализованы лишь собором 1273 г. Этими правилами, среди прочего, предусматривалось то, что епископ должен убедиться в нравственных качествах кандидата, его умении читать Священное Писание и его знании церковного пения. Славянский язык литургии облегчал подготовку к священству, однако, с другой стороны, именно это обстоятельство тормозило развитие школ — в отличие от Западной Европы, где школа,

13. Пострижение в монахи. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

14. Переписывание книг. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

по меткому выражению Софии Сеник, была «обречена на развитие», так как должна была обучить непонятному языку богослужения — латыни.

Вместе с первыми монастырями, основанными на средства князей, на Руси наряду с белым духовенством появляются монахи. Показательным, в частности, является рост числа монастырей в Киеве, где отдельные ветви княжеского дома содержали под наследственным патронатом свои собственные обители, призванные символизировать связь с гнездом рода — Киевом. К концу XIII в. здесь было восемнадцать монастырей, в том числе основанные еще Ярославом Мудрым в 1030-х гг. Георгиевский и Ирининский, а также созданные во второй половине XI и на протяжении XII в. Всеволодом Ярославичем Андреевский и Выдубецкий Михайловский, Изяславичами — Дмитровский и Златоверхий Михайловский, Святославичами (Ольговичами) — Симеоновский, Федоровский и Кирилловский и т. п. Эти монастыри, следуя характерной для балканского христианства традиции «задужбин», то есть мест поминаения покойных членов того или иного рода, в то же время служили и его усыпальницами (этот обычай надолго переживет киево-русьские времена: например, в XV–XVI вв. абсолютное большинство волынских монастырей будет представлять собой, собственно, «задужбины» местных княжеских родов).

Особый, «междукняжеский» статус имел Киево-Печерский монастырь, основанный в 1050-х гг. святым Антонием, боярским сыном из г. Любеча (в настоящее время Черниговской обл.). К концу XI в. здесь проживало уже до 180 иноков. Третий игумен монастыря, святой Феодосий (†1074), сын дружинника из г. Василева (теперь Васильков под Киевом), впервые на Руси ввел здесь монашеский устав одного из основателей византийского монашества

Феодора Студита, по которому предусматривались строгие требования к «братии», обязывавшие ее жить всей общиной в безустанной молитве и труде. В летописи об этом рассказывается следующим образом:

и нача [Феодосий]... искати устава черънець студийскихъ. И обрѣтъ [его]... списа, и устави въ монастыри своемъ, какъ пѣти пѣнія монастырская и поклонъ како держати, и чтения почитати, и стояние въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣдание, и что ясти въ кыя дни, все съ *установленемъ*... От него же монастыря приша вси монастырѣ уставъ по всемъ монастыремъ: тѣмже почтенъ есть монастырь Печерский старѣй всихъ и честию боле всихъ.

Некоторые киево-печерские монахи в своем стремлении к еще большему духовному подвигу уходили в «затвор» — уединение в земляных пещерах. Идеалом святости, которого «затворники» достигали с помощью поста и молитвы, было пробуждение сверхъестественных способностей — пророческого дара, способности силой молитвы освободить от болезни, достигнуть экстаических видений. Поэтому неудивительно, что уже в XIII в. печерские монахи были окутаны ореолом чудотворения, а сам монастырь считался местом, где молитвами святых Антония и Феодосия могут очиститься самые тяжкие грешники.

Тогдашний быт «братии» и случаи чудотворения описаны в Киево-Печерском патерике — сборнике житий монастырских подвижников, составленном в первой трети XIII в. (как каноничный свод, Патерик окончательно оформился в начале 1460-х гг.). На основании этого источника можно также проследить социальные и культурные функции раннего руського монашества. В частности, Киево-Печерский монастырь представлен на страницах Патерика как центр иконописи и переписывания книг, а в то же время как своего рода лечебное заведение и пристанище для обездоленных — калек, нищих, сирот, душевнобольных. Например, в Житии святого Агапита читаем: «И сего ради прозван бысть Лечець, сему бо дарова Господь дар исцеления. И слышано бысть о нем в граде, яко некто в монастыри лечець, мнози болящии прихождаху к нему и здрави бываху».

Еще один пример — из Жития преподобного Феодосия, где говорится о том, как «сътвори двор близ монастыря своего, и церковь възградивъ в немъ святаго первомученика Стефана, и ту повеле пребывати нищим, и слепым и хромым, и трудноватым [душевнобольным], и от монастыря подаваше им еже на потребу, и от того всего сущаго монастырського десятую часть даваше».

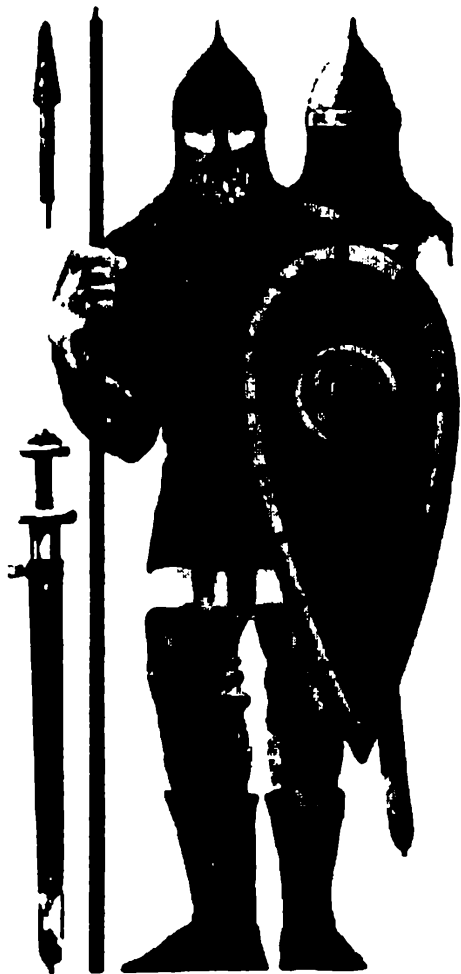
Завершая краткую характеристику церковных институций этого периода, стоит остановиться на материальном обеспечении Церкви, которое со времен Владимира Святославича реализовалось в форме «десятины». Согласно «Повести временных лет», Владимир, завершив строительство Десятинной церкви, сказал:

«Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ от имѣния своего и от моих град десятую часть». И положи, написавъ, клятву въ церкви сей, рекъ: «Аще сего посудитъ кто, да будетъ проклять».

Итак, десятина была отчислением в пользу Церкви десятой части всех поступлений в княжескую казну — от даней, торговой пошлины и доходов княжеского суда (то есть штрафов, которые выплачивались в пользу князя). Отсюда следует, что церковнослужители существовали не за счет разовых дарений, а за счет регулярной денежной ренты, выплачиваемой светской властью. Само происхождение десятины как формы церковного обеспечения остается вопросом спорным. Византийская империя этого не знала совсем, а в европейских странах «право десятины» [*«lex decimationis»*] впервые было введено во Франкском королевстве в VIII–IX вв., однако десятина выплачивалась здесь не из королевской казны, а персонально — каждым свободным землевладельцем (в таком виде она сохранялась и позже). По мнению Ярослава Щапова, обратившего внимание на то, что «централизованная» десятина, аналогичная русьской княжеской, существовала и в раннехристианской Польше XI в., нововведение Владимира можно считать репликой славянской языческой практики содержания культов путем отчисления десятой части добычи божеству.

* * *

«Людьми войны» (*bellatores*) были воины княжеской дружины. Первоначально этот вооруженный коллектив «крепких юношей», подчиненный князю-предводителю (а именно таковыми были Олег, Игорь, Святослав, а в известной степени и Владимир Святославич), проживал на княжеском дворе, кормясь, одеваясь и вооружаясь за счет правителя, а нередко и провоцируя его на походы. Например, гибель Игоря Старого в 945 г., если верить летописи, стала следствием домогательств дружины: «Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». О стоимости содержания дружины свидетельствует следующее упоминание: Ярослав Мудрый, княживший до овладения киевским престолом в Новгороде, треть собранной здесь дани ежегодно оставлял на содержание своих воинов — «даяша дружине на оружие». Нанимая в 1015 г. отряд варягов для

15. Руський воин

похода против брата Святополка, Ярослав, как повествует «Сага об Эгмунде», обязался «пожаловать им дом... никому не отказывать в добре из своих лучших запасов, а также отпустить на каждого воина по унции серебра; если же воинам придется сидеть без дела, то в этом случае жаловать им меньше добра».

Первоначально княжеская дружина была пестрой по составу и включала наемников-норманнов, воинственных угров, оторванное от собственного рода местное юношество и т. п. Однако постепенно вооруженная служба превратилась в наследственную: воин «заступал место отца своего». Таковую преданную дружину, согласно тогдашней шкале ценностей, князь должен был уважать — «веселиться» (то есть пировать) и «беседовать» (то есть советоваться) с ней. Например, в летописи с одобрением упоминается, что Владимир Святославич «бѣ бо любяше... Володимиръ дружину, и с ними *думаа* о строеньи землинемь, и о уставѣ землинемь, и о ратѣхъ»; такое же поведение демонстрировал и его сын Мстислав, черниговский князь: «любяше дружину повелику, и имѣния не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше».

Дружинник, со своей стороны, служил в надежде добиться «чести» от своего князя. Реальное содержание упоминаемого в древнерусских памятниках понятия «честь» является предметом дискуссий. Согласно гипотезе Юрия Лотмана, оно не только являлось символом воинского достоинства, но и было связано с материальным вознаграждением. Как подчеркивает Лотман, честь всегда выступала в контексте дара / отдара: ее «дают», «берут», «принимают», словно получаемую от правителя «в обмен» за верную службу материальную вещь (более поздняя, уже русско-литовская юридическая практика подтверждает правильность этих наблюдений: в Литовских статутах XVI в. под «честями» имеют в виду должностные и земельные бенефиции, то есть материальное вознаграждение, а «отсуженье чти» сопровождается конфискацией имения).

Дружина окружала князя в повседневной жизни, помогая ему во всех делах. Со временем, когда функции правителя усложнились, а управленческие структуры начали приобретать все более разветвленные формы, рядовые дружинники под именем «подъездных», «вирников», «рядовичей», «мечников», «отроков», «дворян», «детских» и др. заняли должности в княжеской администрации,

отвечая за сбор налогов, суд, хозяйственные дела и т. п. Характерное отношение к ним как к людям дерзким и неуправляемым передает совет одного из русьских книжников конца XII в.:

Не имей себе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун бо его яко огонь... и рядовичи его яко искры. Аще от огня устережешися, но от искр не можеши устеречися.

Очень рано из воинской массы выделилась верхушка дружины — входившие в состав совета князя «старшие мужи», которые занимали главные должности в военном командовании и управлении: «тысяцкого», «воеводы», «посадника». Уже в памятниках XI–XII вв. этих людей обозначают словом «бояре» или «боляры», то есть лица высшего ранга придворной иерархии (языковеды, объясняя спорную этимологию слова «боярин», склонны выводить ее от древнетюркского *baliär* [знатный человек] или *bojla* [благородный, знатный]; согласно гипотезе Олега Трубачева, истоки этого понятия коренятся в этнониме *buljär* — болгарин). Именно из бояр и стала формироваться военная аристократия. Боярских отпрысков почитали уже не только за личные заслуги, но и на основании «благородства крови» — якобы унаследованных от предков качеств, которые, по выражению автора «Саги об Эгмунде», «делают человека выдающимся»: воли к победе, ловкости в бою, физической силы, склонности к героическим поступкам.

Пиетет перед «благородством крови» усиливало и то, что в боярскую верхушку постепенно вливалась родо-племенная знать. «Лучшие мужи» той или иной земли, наравне со «старшими мужами» княжеской дружины, упоминаются уже в окружении Игоря Старого и Владимира Святославича. Еще более заметным этот симбиоз становится в процессе дробления Киевской державы. Закрепляясь на своих удельных отчинах, княжеские ветви неизбежно должны были опираться на местную знать — черниговскую, галицкую, смоленскую и т. п. Одновременно, вместе со своими князьями, перемещались в отдельные земли и «старшие мужи» дружины. Сближение военной аристократии с местной родо-племенной знатью создавало уже качественно новую элиту, хотя ее название оставалось прежним — русьские источники всю верхушку вообще называют боярами. Впрочем, «оседание» бояр по землям и их привязка к конкретным княжеским ветвям не носили всеохватывающего характера. Еще и в XII в. сохраняли силу договорные отношения, когда боярин, «приказавшись» одному князю, со временем переходил на службу к другому, что не квалифицировалось как измена, ибо князь мог добровольно «отпустить от себя» вассала. Бояре

получали за службу «кормление» от князя, то есть право удерживать за собой налоги с проживающего на соответствующей территории населения. Спорным остается вопрос о времени появления боярского землевладения. Что касается «княжих сел», находившихся в полной и неотчуждаемой собственности князей, то они упоминаются в летописях очень рано, уже при княгине Ольге и Владимире Святославиче. Напротив, боярская «отчина» сформировалась намного позже, а ее источником гипотетически могло послужить либо княжеское пожалование дружиннику, либо часть земли родовой общины в случае с родоплеменной знатью. Современные исследователи не соглашаются с тезисом Бориса Грекова и его последователей о появлении боярского землевладения в X в.: его существование либо вообще отрицают, либо осторожно датируют для Новгорода и Северо-Восточной Руси двенадцатым, а для Киевской земли — концом XI в.

Не менее спорным является и вопрос о возникновении землевладения, предоставляемого князем боярам или дружинникам не в полную собственность, а на условиях несения службы (это явление западные историки называют «оседанием рыцарей на землю»; в европейских странах его итогом стало формирование поземельной собственности ленного типа*). Согласно предположению Бориса Рыбакова, земельные наделы такого типа должны были существовать в Киевской земле уже с XII в., поскольку ее пограничное положение вынуждало князей содержать особенно значительные резервы конной дружины. Однако большинство специалистов не разделяет этой мысли, считая, что служебных земельных пожалований в древнерусское время вообще не существовало. Исключением могла быть лишь Галицкая земля, где к середине XIII в., по наблюдению Ивана Линниченко, появился даже специальный термин «держанья», обозначающий, в отличие от «отчины», временное владение, предоставленное при условии службы. Более того, в Галицкой земле, согласно гипотезе Миколы Котляра, земельные наделы ленного типа предоставляли своим «оружьникам» в пограничных областях, опасных ввиду вражеских нападений, не только князья, но и крупные бояре, которые могли благодаря этому содержать отряды собственных дружинников. Такие практики, выделявшие Галицко-Волынское княжество на фоне других земель, объясняются влиянием уже втянутых в систему рыцарско-ленных отношений западных соседей — Венгрии и Польши.

* Словами «лен» (от немецкого *Lehen*) или «феод» (латинское *feodum*, французское *fief*) обозначалась земля, предоставляемая сеньором вассалу с правом наследования по мужской линии при условии выполнения определенных обязанностей — военной службы, административно-управленческих услуг и т. п.

«Люди войны» и остальная часть свободных жителей находились будто бы на разных полюсах: первые были «знатными», вторые — «простыми», или «черными люди». Отличие между первыми и вторыми зафиксировано в размере откупа за убийство. Согласно Правде Ярославичей, жизнь «княжего мужа», независимо от того, был он боярином или рядовым дружинником, стоила вдвое дороже, чем жизнь «простого человека». Напротив, «честь» боярина ценилась дороже «чести» дружинника: при похищении или изнасиловании боярской дочери следовало заплатить штраф в 5 гривен золота, а за такие же действия в отношении женщины из дружинной среды — одну гривну золота (для сравнения, насилие над дочерью простого человека стоило 5 гривен серебра). Более детальные различия в статусе «людей войны» проследить не удастся, однако практика несколько более позднего времени, конца XIV — начала XV в., явно возвышает владельцев отчин над военно-служилыми группами, косвенно подтверждая то, что и в княжеское время среди вооруженного сообщества должны были выделяться «знатные» и более «знатные».

* * *

Наиболее многочисленными жителями Руси, так же как и у других народов любой другой эпохи, являлись «люди труда» [laboratores]. В княжеской Руси действия, сопряженные с применением физических усилий, обозначались понятиями «труд» и «работа». «Труд» (дословно: «терпение, тяжесть») был привилегией воина и церковнослужителя, отождествляясь с жертвенным подвигом — «поревнованием». «Трудиться» означало или воевать (отсюда ратный труд), или совершенствоваться в христианском благочестии. Таким образом, древнерусский «почитатель трудолюбия» — совсем не тот, кто любит работать в современной понимании слова, а тот, кто ревностно служит высшим ценностям, — мечом, пером, аскетическим самоотречением. Напротив, физические усилия в материальном производстве нашли отражение в понятиях «работати», «работа», производными от слов «раб, роба», что уже само по себе прозрачно указывает на унижительный оттенок. Работать руками, как раб, — «работати» — было функцией простолюдинов, занятием более низкого сорта, недостойным воина или церковнослужителя. Например, один из персонажей более позднего (XIV в.) памятника говорит своему слуге так: «Холоп еси, не боярин сидя, но поиди работай мні». Занятые «работой» группы населения чрезвычайно разнообразны, а разница между ними не всегда поддается однозначному толкованию. Причиной этого является то, что в поле зрения книжников рабочий люд, в отличие от князей или «людей войны», попадал крайне редко, что не позволяет реконструировать во всей полноте жизнь городского и сельского

населения. Опираясь на письменные и археологические свидетельства, Петро Толочко выделил среди горожан-ремесленников несколько своеобразных «секторов», соотносимых с типами ремесленного производства. Первый, наиболее многочисленный, образовывали зависимые от князя и бояр мастера, жившие и работавшие в усадьбах-дворах своих хозяев, изготавливая для их нужд прикладные и ювелирные изделия, оружие и т. п. Особой производительностью отличались, согласно археологическим находкам, княжеские мастерские, расположенные в городах и пригородных резиденциях (ремесленники, подчинявшиеся князю, часто маркировали свои изделия соответствующим клеймом). Крупные ремесленные артели использовались также в инициированном князьями строительстве оборонных фортификаций, для возведения которых при-

влекались не только соответствующие специалисты — «огородники», но и зависимое население всей округи (более поздние памятники будут называть эту повинность в России «пригоном», а в Украине и Белоруссии «потребою господарскою»). Возведение храмов стало причиной появления еще одной разновидности артелей, подчиненных княжеской администрации. Эти артели обеспечивали потребность мастеров в дереве, плинфе, глазурованной керамике, строительном растворе, резных облицовочных плитах и т. п.

16. Боярский терем. Реконструкция

На аналогичных основаниях, то есть с использованием труда зависимых мастеров, было организовано ремесленное производство в церковно-монастырских центрах, удовлетворявших нужды церковнослужителей в одежде, обуви, предметах быта. Отдельную отрасль здесь составляли ремесла, связанные с иконописанием и изготовлением церковной утвари и книг: инокам-иконописцам помогали ремесленники-подмастерья, переписчикам книг — переплетчики, миниатюристы и ювелиры и эмальеры, украшавшие книжные оклады, и т. п. Наряду с княжескими, боярскими и церковными мастерскими, в городах работали свободные ремесленники. Исследователи связывают их существование с упоминаниями так называемых «посадов» — торгово-ремесленных участков городов, расположенных у подножия княжеских укрепленных «градов». Появление ремесленных приамковых посадов, согласно археологическим данным, датируется X — началом XI в.,

но их более заметное расширение, опосредованно подтверждающее рост экономической активности города, датируется столетием позже. Например, в XII в. значительно увеличились посады Киева, Чернигова, Переяслава, Галича, Смоленска и др. (тогда же вокруг них впервые возводятся собственные укрепления). Свободное посадское ремесло, по мнению Петра Толочко, заняло заметное место в хозяйственно-экономической жизни Руси только в XII–XIII вв., когда увеличение объема производства

расширило рынок сбыта продукции, а сам ремесленник в силу обстоятельств должен был превратиться еще и в продающего собственные изделия купца.

Спорным остается вопрос о том, известны ли были русским ремесленникам какие-то формы самоуправляемых профессиональных объединений (стоит напомнить, что в городах Западной Европы первые цехи появились в конце XI столетия, а в Византии ремесленные корпорации существовали еще раньше). В русских источниках (в целом, как уже упоминалось, скупых на информацию о «рабочем люде») непосредственные свидетельства об этом отсутствуют, однако косвенным свидетельством в пользу того, что некоторые зародыши ремесленных объединений могли существовать, являются упоминаемые летописями названия городских посадов, образованные по профессиональному признаку: в Новгороде — Гончарный и Плотницкий концы, в Переяславе — Кузнечные ворота, в Вышгороде, по археологическим данным, — «квартал гончаров». В целом, однако, развитию городского самоуправления вредило то, что на Руси, в отличие от стран Европы, города были одновременно резиденцией князей и бояр, а городское управление сосредоточивалось в руках княжеских посадников или тысяцких. Юрисдикция князя распространялась на все сферы городской жизни, поэтому его разветвленный административно-управленческий аппарат (сотские, десятские, тиуны, осменники) не оставлял места для развития самоуправления. Без сомнения, это тормозило процесс обособления городской общины, хотя размеры городов свидетельствуют об их многолюдности (например, в Киеве, по подсчетам Петра Толочко, могло проживать до 50 тысяч человек, в Чернигове и Галиче — до 25 тысяч, Переяславе — до 12 тысяч и т. д.).

17. Инициал из Остромирова
Евангелия XI в.

Второй по численности группой городского населения после ремесленников были купцы. Международные маршруты, номенклатура товаров и объем древнерусской торговли являются столь обширной и самостоятельной темой, что ее вряд ли можно коротко охарактеризовать в этом очерке, так что мне придется отослать заинтересованного читателя к специальной литературе. А здесь стоит лишь отметить, что социальный статус занятых в сфере торговли горожан, в силу недостаточности соответствующих источников, остается неясным по сей день. С определенностью можно говорить лишь о существовании своего рода «корпораций», объединявших купцов по принципу торговой специализации. В Киеве известны торговавшие с Византией, Крымом и Кавказом объединения «гречников» и «залозников» (по названиям Греческого и Залозного путей); аналогичное Иванское братство в Новгороде включало купцов, перепродававших воск; в Галиче существовала купеческая группа, монополизировавшая торговлю солью. Ясно, что операциями подобного масштаба занимались только крупные купцы. На внутреннем же рынке сельскохозяйственной и быденной продукции преобладала торговля, осуществлявшаяся самими товаропроизводителями либо мелкими купцами-посредниками. Очень рано торговая площадь («торговище») стала центром городской жизни. Согласно Руськой Правде, именно здесь следовало при всем народе объявить о пропаже или нанесенном кражей ущербе; здесь же оглашались княжеские распоряжения и другие новости. Роль городского центра рыночная площадь сохранила и в более позднее время, и именно на ней впоследствии, после распространения магдебургского права, станут возводить ратуши — коммунальные здания, в которых размещались органы городского самоуправления, проходили заседания городского суда, хранился архив и т. п.

Непосредственное отношение к населению городов — купцам и ремесленникам — имеет такой известный общественный институт Киевской Руси, как вече, то есть общее собрание свободных горожан. Историки XIX — первой половины XX в. были склонны идеализировать вече как символ «народовластия», однако сегодня большинство специалистов относится к подобным интерпретациям весьма скептически. Убедительно показано, что главная роль на вече — этом реликте племенных сходов, созываемых в чрезвычайных случаях, — всегда отводилась не горожанам, а боярско-дружинным группировкам. «Старшие мужи», используя «просту чадь» в целях политической борьбы, манипулировали ее настроениями, а нередко подталкивали созывание веча. Они же нередко провоцировали вспышки анархии, которыми иногда сопровождались вечевые собрания, если шла речь о смещении нежелательного князя или о приглашении на княжеский стол выгодной местной знати кандидатуры.

Примерами могут служить волнения в Киеве 1068, 1113 и 1157 гг., во время которых «черные люди» грабили дворы богатых купцов-ростовщиков и даже самого князя. Князья же, подавляя «крамолу сущую в людях», отвечали суровыми репрессиями. Например, киевский князь Ислав Ярославич, которого взрыв недовольствия киевлян в 1068 г. вынудил даже временно покинуть город, возвратившись, как повествует летописец, «исъсѣче кыяны... числомъ 70 чади, а другыя исъслѣпиша, другыя без вины погубивъ, не испытавъ».

В целом же горожане должны были приносить присягу на верность каждому новому князю. Эта процедура получила название крестного целования («целоваша к нему крест») и сопровождалась присягой, фрагмент текста которой приведен в летописи под 1158 г.: «Ты нам князь еси, и дай Бог с тобой пожить, и измены никакой против тебя и крестного целования не совершить».

Традиция персональной присяги указывает на то, что горожане занимали более высокое место в социальной иерархии, нежели свободные жители сел — смерды (этимология этого слова остается неясной). Что же касается употребляемых в летописях слов «село», «сильце», то их на первый взгляд однозначная понятность не должна вводить в заблуждение. Древнерусское село совсем не походило на современное село с близко поставленными друг к другу домами вдоль нескольких улиц. Под тогдашним «селом» стоит по большей части понимать группу зданий, расположенных на одном дворе — прототипе будущего хутора, где жила большая крестьянская семья (ее еще называют семейной общиной или расширенной патриархальной семьей). Этот связанный кровным родством коллектив охватывал несколько поколений и вел общее хозяйство на пахотных и сенокосных угодьях, прилегающих к дворищу. Земля, в которую уже был вложен труд, считалась собственностью семейной общины. Руськая Правда предусматривает штрафы за нарушение границ, порчу или самовольное перемещение межевых знаков, что косвенно указывает на распространенность понятия поземельной собственности. Крестьянские владения создавались путем заимки, то есть освоения пустующих, необрабатываемых участков. Источники не содержат информации о размерах этих владений, однако, проведя аналогию с Великим княжеством Литовским XV–XVI вв., где дворец превратилось в основную единицу налогообложения, можно предположить, что это могла быть территория около 100–150 га.

Упоминаний о том, что князь, подобно правителю более позднего времени, обладал верховным правом «хозяина» на крестьянские земли, в древнерусских памятниках еще нет. Не исключено, что определенные зародыши таких представлений уже могли появиться, однако взгляд на смердов как на «государственных крестьян», живущих на «государственной земле», еще совсем недавно

распространенный среди историков, является, вне сомнений, безосновательной модернизацией тогдашних отношений власти и собственности. На угодьях, прилегающих к обработанным дворищным участкам, крестьяне занимались хозяйственными промыслами: бортничеством, охотой, рыболовством. Такие общие для соседних сел-дворищ территории в более поздних источниках носят название «судерев» (архаичное звучание дает основания предполагать, что это слово бытовало и в древнерусское время). На бортных деревьях в судеревном лесу насекался знак собственности конкретного дворища — «знамя», а нарушение бортной границы и порча «знамен» подлежали суровому штрафу.

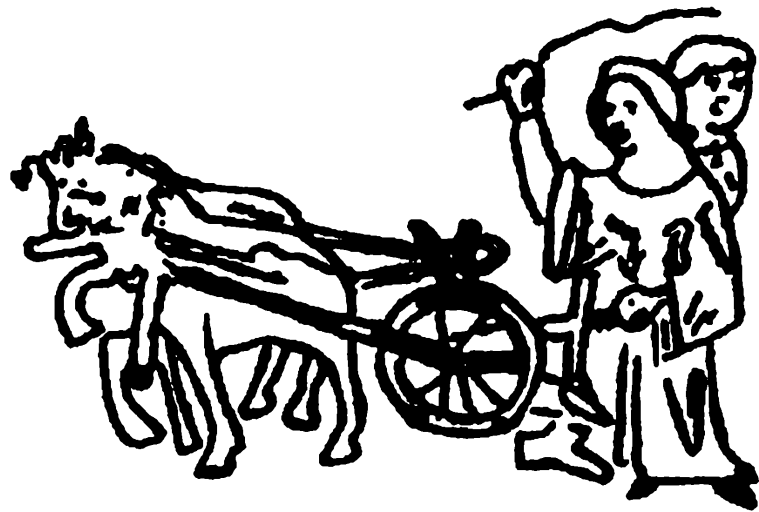
Несколько сел-дворищ образовывали «вервь» — соседское объединение семейных общин. Кроме хозяйственной нагрузки — общего контроля над судеревами и скоординированной уплаты дани князю в обмен на его покровительство, вервь представляла собой своеобразную судебную единицу. В соответствии с архаичными представлениями о коллективной ответственности за преступление, произошедшее на территории соседской округи (такой, как вервь в Древней Руси, ополье в Польше, задруга в Сербии, копа — в более позднее время в Украине и Беларуси), все без исключения ее жители должны были «очистить» себя от подозрения. Осуществлялось это, судя по детализированным памятникам более позднего времени, путем «следогона». Пострадавший «горячим пытом» следовал от округи к округе, а на территории каждой из них крестьяне, «гоня след», то есть проводя внутреннее расследование, должны были «отвести след» к границам следующей округи.

Определенный разнобой в тогдашних упоминаниях о смердах порождает немало спорных вопросов, в частности: были они зависимым или свободным населением? Несло ли слово «смерд» социальную нагрузку, которую можно было бы связать с объемом прав и обязанностей? Могло ли это слово обозначать всю массу сельского населения? В настоящее время преимущество отдается взгляду на смердов как на свободных сельских производителей, связанных с князем отношениями по формуле «опека / дань за опеку». Что же касается «недисциплинированного употребления» русскими книжниками слова «смерд», то объяснение этому, очевидно, следует искать в упомянутом выше пренебрежении к людям физического труда, к которым принадлежал каждый, кто был «от племени смердя». Характерно, что и спустя несколько веков, когда смерды как таковые были уже вытеснены другими группами сельских производителей, это слово сохраняло унижительное значение. Например, в спорах шляхты, фиксируемых судебными книгами Галицкой Руси середины — второй половины XV в., встречаются процессы об оскорблении достоинства на том основании, что недоброжелатель обесчестил подателя жалобы, обозвав его «смердом».

Однако пренебрежительное отношение к смерду не шло ни в какое сравнение с отношением к «холопу» (этим словом в древнерусское время называли рабов — «челядь»). Для каждого свободного жителя Руси невольник был только имуществом — вещью, которой «господин» мог распоряжаться неограниченно, вплоть до убийства. Труд невольников использовали как для бытового обслуживания на городских дворах, так и для возделывания земли в загородных усадьбах. Памятники, в частности, упоминают холопов «княжих», «боярских» и «черньцевых», проживавших не в доме «господина», но в собственных домах вместе со своими семьями (дети, рожденные в неволе, также считались рабами). Источником приобретения рабов служила прежде всего война, «полон». В летописи под 1031 г. рассказывается о том, как Ярослав и Мстислав Владимировичи, «собраста воя многы, и идоста на Ляхы, и заяста *грады* червеньскыя опять, и *повоеваста* Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣлиста я. И посади Ярославъ своя по Рси».

Впрочем, практиковались и другие пути пополнения количества рабов. В частности, холопом становился всякий мужчина, женившийся на рабыне; в холопство попадали обнищавшие люди, продававшие самих себя или своих детей. Наконец, с начала XII в. в источниках впервые фиксируется появление специфической группы полурабов — «закупов», которые попали в долговое ярмо и должны были отработать заем в хозяйстве кредитора. Среди закупов могли оказаться обанкротившиеся купцы, подсудимые, не имевшие средств для оплаты судебного штрафа, поджигатели, конокрады. Тогдашнее законодательство достаточно детально регламентирует положение закупа: за попытку бегства он превращался из временно зависимого человека в полного («обельного») холопа; хозяин мог телесно наказать его «про дело», но если наказывал без причины, то холоп имел право обжаловать эти действия в княжеском суде; закупа, уличенного в краже, владелец превращал в холопа при условии, что он сам возместит ущерб за украденное или перепродает вора третьему лицу, дабы возместить убытки, и т. д.

Между свободным сельским населением (смердами) и невольным (холопами и закупами) существовала пестрая переходная прослойка зависимого

18. Пахота. Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи XV вв.

населения, которое по тем или иным причинам утратило связь со своей социальной средой, а следовательно, и средства к существованию. Покровительствовать этим людям надлежало Церкви. Постепенно отказываясь из христианских соображений использовать в собственном хозяйстве рабов-единоверцев, церковнослужители нашли им замену в этом пестром контингенте, являвшемся предметом их заботы. Тогдашние источники выделяют среди этого зависимого люда «изгоев» (рабов, выкупившихся на волю, но не сумевших найти средств для пропитания), «задушных людей» (рабов и закупов, завещанных монастырям в виде вклада на поминовение души), «прощенников» и «пущенников» (вероятно, преступников, которым пожизненный труд в церковном хозяйстве заменил наказания) и т. п.

Замена рабских рук руками зависимого люда, кроме сугубо христианских мотивов, диктовалась и прагматическими соображениями: труд рабов был непродуктивен. Это хорошо заметно по эпизоду, упомянутому в Киево-Печерском патерике. Киевский князь, которого угощали во время посещений святого Феодосия, весьма удивлялся ловкости монастырских поваров, значительно превосходившей мастерство его собственной прислуги. А Феодосий, объясняя разницу, указывает на то, что на княжеском дворе, в отличие от монастырского, рабы, «кленуще друг друга, многожъды и биемы суть от приставник».

Подводя итог обзору института невольничества в киево-руськое время, можно констатировать, что под воздействием христианского вероучения его острота постепенно смягчалась, а место рабов занимали зависимые группы населения. В будущем им будет суждено слиться со свободными производителями — смердами, но произойдет это значительно позже, о чем речь впереди.

Письменность. Язык.

«Древнерусская народность» или этносы?

Параллельно с так называемым сельским миром, жившим согласно утвердившимся еще в дописьменную эпоху традициям (анализ которых мы уступаем этнологам), в Киевской державе начал формироваться мир широко понятой «высокой культуры» — княжеского или боярского двора, монастыря, епископской резиденции. Тон в этой культуре, невзирая на рецидивы языческого мировосприятия, задавало христианство, которое с помощью храма, иконы, слова Божьего и книги внедряло новую систему мировоззренческих ценностей. Следует, впрочем, предупредить, что речь идет не о тонкостях христианского вероучения. Ведь ни глубокое византийское богословие с его философским

спиритуализмом, ни абстракции политико-религиозных доктрин Царьграда не затронули Русь. Переведенные на славянский книжки, попадавшие начиная с XI в. на Русь с Балкан, составляли доступный (мы бы теперь сказали, «популярный») репертуар: прежде всего избранные места из проповедей и сентенций греческих отцов Церкви, вошедшие в состав поучительных сборников под названиями «Златоуст», «Златоструй», «Маргарит», «Измарагд» и т. п. Изложение христианского вероучения дополнялось житиями святых византийской редакции — патериками, Прологами, Минеями. Познания в области церковной истории русские книжники получали из так называемых «всемирных хроник» византийцев Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Иоанна Зонары и др. Представления о географии и мире природы давали «Христианская космография» александрийского купца Косьмы Индикоплова с рассказами об экзотичных краях Востока и византийские учительные сборники с полуфантастическими сведениями о растительном и животном мире — «Шестодневы» и «Физиологи». Наконец, в роли «светского» набожного чтения выступали блуждающие христианские романы «Александрия», «Повесть об Акире Премудром» и «Варлаам и Иоасаф» — все три греческого происхождения.

Наряду с переводными произведениями в середине — второй половине XI в. было положено начало собственной письменной традиции, представляющей собой по большей части классический пример «культуры цитат» — заготовленных на все случаи жизни отрывков или парафразов из Библии и отцов Церкви. В назидательных «Посланиях» и «Словах», созданных русскими книжниками, а также в сборниках учительного-христианского содержания (многочисленных «Изборниках» и «Пчелах»), составленных из сентенций византийских церковных авторитетов или заимствуемых из византийских текстов, тщетно искать глубокую теологию или философскую мысль. Центр внимания здесь смещен с глубинного содержания веры на повседневные нужды, имеющие отношение к поведению «доброго христианина». Сам же набор христианских добродетелей, подкрепленный набором соответствующих цитат, вполне тривиален: возлюби Господа; часто молись; не возгордись; очисти тело постом и укрась смиренностью; помогай нищим, страждущим и сиротам; не осуждай ближнего и т. д. С одной стороны, это было логическим следствием усвоения неопитами византийской дидактической книжности как не подлежащего интерпретации сакрального авторитета. С другой стороны, русские книжники просто не могли достичь филигранной образованности греков — наследников позднеантичной эрудиции. Чтобы сделать наглядной разделявшую первых и вторых пропасть, напомним, что в современной русичам Византии имелась разветвленная система школ разного уровня — от элементарных провинциальных для простолюдинов

до училищ грамматики, риторики и философии в Константинополе. Здесь же, под покровительством императоров, с IX в. действовали «университеты», где изучались право и философия, а в XI в. была создана Патриаршеская академия — высшая школа теологии. Излишне говорить о том, что молодая, еще вчера варварская Русь не могла сравниться с этой выросшей на античной традиции блестящей армадой. Речь, следовательно, шла лишь о селективном усвоении тех крох византийской учености, которые через балканское языковое посредничество попали на Русь.

В этом контексте весьма характерной кажется «непоследовательность», проявлявшаяся русскими книжниками при копировании греческого отношения к учености. Греки расценивали образование как одну из наивысших добродетелей человека и в духовном, и в бытовом плане: идеальным правителем считали того, кто покровительствует ученым; образованность была главной предпосылкой получения должностей в светской и церковной администрации; простолюдину она давала шанс повысить свой социальный статус и т. д. Отсутствие образования, напротив, расценивалось как существенный недостаток, а то и как физическая неполноценность. Над неграмотными язвительно насмехались. Русские книжники восприняли лишь «позитивную» часть этой модели. Мы неоднократно сталкиваемся в их произведениях с развернутой похвалой «учению книжному» и «книгам» (под которыми имелись в виду «беседы пророков, евангельские наставления и апостольские, и жития святых отцов, ибо сие есть реки, что напаивают вселенную всю»), но бесполезно пытаться искать в них ироничные и насмешливые выпады в отношении необразованных людей. Скорее всего, наоборот: тщеславию и подозрительной гордыней считалось целеустремленное желание посвятить свою жизнь приобретению знаний, «философом себя выставляя». Добродетельному человеку, согласно тогдашнему моральному императиву, достаточно было «присматриваться к божественным писаниям», проще говоря, уметь читать. Например, Даниил Заточник (XII или XIII в.) скажет о себе так: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеный сот; тако и аз, по многим книгам исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мед воды морския».

Причину этой специфической «умеренности» амбиций русской книжности, наряду с мировоззренческими причинами, можно объяснить еще и языковым барьером. Ведь роль греческого языка в стимулировании русской письменности была намного меньшей в сравнении с аналогичной ролью латыни для христиан римско-католического мира. Литургия на славянском языке, а также раннее появление переводной патристики и агиографии, удовлетворяя духовные

запросы, устраняли острую необходимость в знании греческого. И поэтому русский читатель, даже «философ и книжник», за редкими исключениями, не имел прямого доступа к греческой теологической, философской или политической мысли. В феномене ославянивания церковно-культурной сферы конечно же были и свои позитивные моменты — слово Божье и поучительные наставления понимали все. С другой стороны, не используя греческий и латынь, русская культура оказалась отрезанной от обоих первоисточников — и более близкого византийского, и римского, из которого выростала письменная культура молодых варварских народов «латинской» Европы.

Сказанное не означает, разумеется, что школ на Руси вообще не было. Косвенные упоминания о них имеются в летописях, житиях, проповедях. В частности, некоему «учению книжному», как уже упоминалось, положил начало сразу после крещения киевлян Владимир Святославич. Без сомнения, должна была действовать школа при Софийском соборе в Киеве, где, согласно «Повести временных лет», Ярослав Мудрый в 1037 г. «и собра писцѣ многы и прѣкладаше от грѣкъ на словенский языкъ и *писмо*. И списаша многы книги, и *сниска*, *ими* же поучаются вѣрнии людье и наслажаются учения божественаго гласа».

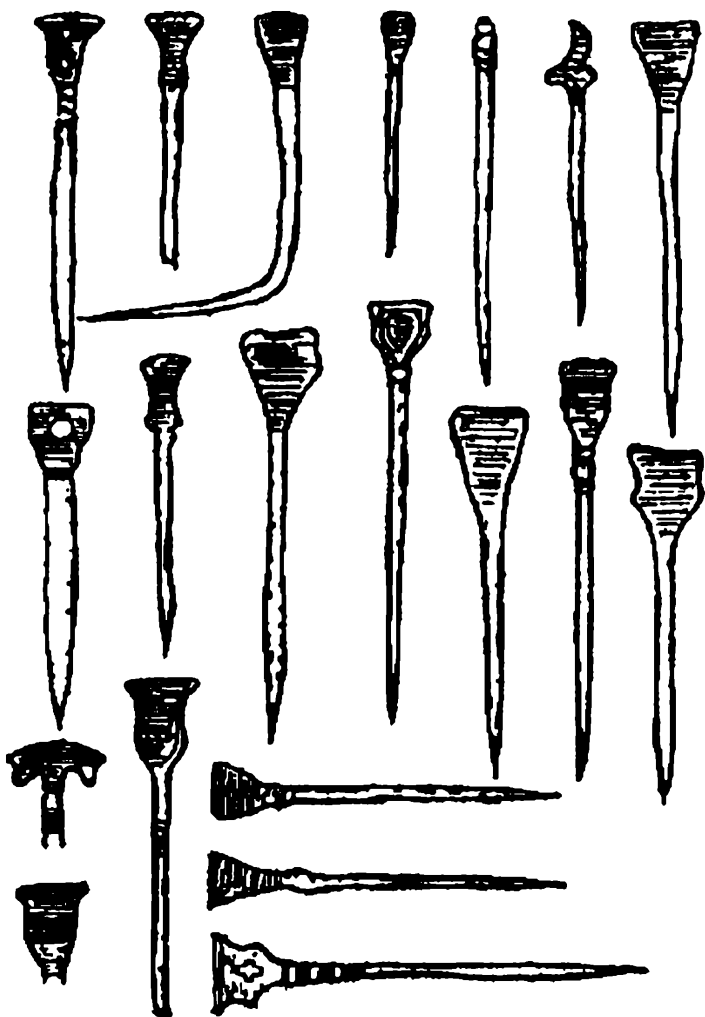
В 1030 г. Ярослав Мудрый основал школу в Новгороде, собрав «от старост и детей попов триста учить книгам»; в 1080-х гг. можно говорить о существовании школы в Курске, где обучался грамоте святой Феодосий Печерский; имеются упоминания XII в. о появлении школ в Галиче, Смоленске и т. п. Распространение грамотности среди горожан подтверждается берестяными грамотами, найденными в ходе археологических раскопок городов Северо-Восточной Руси (по подсчетам Б.В. Сапунова, в Новгороде процент грамотных жителей в начале XIII в. мог достигать 10%). На такое же положение дел в Галицко-Волынском княжестве и Киеве указывают находки многочисленных «писал» (заостренных стержней для писания) и граффити на стенах древнерусских храмов. Однако трудно не согласиться с мнением Евгения Голубинского, высказанным еще в начале XX в., что речь идет о грамотности, а не об образовании. «Философов» и «книжников» в полном понимании слова, то есть безусловно образованных людей, Русь знала немного. К ним, в частности, можно причислить обоих киевских митрополитов-русинов — уже упомянутого Иллариона и Климента Смолятича; епископа Кирилла Туровского; агиографов и летописцев из Киево-Печерского монастыря — Нестора, Никона и Сильвестра; и даже некоторых князей, что для средневековой Европы было подлинной экзотикой. Именно так, например, летописец отзывается о владимирском и брестском князе Владимире Васильковиче (†1288), который

собственноручно переписывал книги: «Был он книжник большой и философ, которого вот не было во всей земле и после него не будет».

Остается лишь добавить, что изложенных здесь взглядов на русьскую духовную культуру придерживаются современные зарубежные исследователи, среди которых Игорь Шевченко, Саймон Франклин, Владимир Водофф, София Сеник и др. Напротив, украинские и русские ученые еще до недавнего времени утверждали противоположное, акцентируя самобытность русьской церковно-учительской книжности, а в компиляциях из византийских памятников видя их творческое переосмысление. Дабы поставить на место эти «патриотические» преувеличения, достаточно напомнить о простейших вещах. Как известно, «детство» средневековой европейской («латинской») культуры датируют временем с V по IX в., следовательно, на протяжении пяти веков она еще балансировала между языческим наследием и христианством, хотя становление образования опиралось здесь на мощный арсенал позднеимперского

наследия: библиотеки, целенаправленную просветительскую деятельность Бенедиктинского ордена и подвижничество «учителей Европы» — ирландских монахов-книжников. Понадобилось целых пять веков, чтобы сформировались духовные основания средневекового Запада, давшего вскоре теологов масштаба Фомы Аквинского и философов масштаба Иоанна Дунса Скота или Марсилия Падуанского. Древнерусьской духовной культуре история, к сожалению, не предоставила времени для такого длительного «детства». Поэтому оставленные ею памятники — как первая заявка, по которой, так же как и по чертам детского личика, еще невозможно угадать образ будущей зрелости.

Напротив, намного более оригинальной в сравнении с церковно-учительной книжностью выглядит струя светской письменности, прежде всего летописи. Самая древняя из них, Киевская, является сводом предшествующих записей,

19. Металлические стилосы XIII в.

упорядоченных в 1198 г. игуменом Киевского Выдубицкого монастыря Моисеем (Киевский летописный свод дошел до нас в нескольких редакциях, получивших названия по самым древним сохранившимся спискам — Лаврентьевский, Радзивилловский, Ипатьевский и Хлебниковский). Региональное летописание, кроме Киева, велось также в Новгороде, Чернигове, Пскове, Смоленске, Владимире-на-Клязьме, Холме, Владимире-Волынском и др. Оставляя в стороне смысловые разночтения и библейские аллюзии в репрезентации отдельных событий и фигур, обратимся к тем особенностям летописания, которые представляют собой первую попытку образного моделирования действительности, то есть превращают событийную фиксацию в литературу. Скажем, в Киевской летописи мы находим такой исключительно выразительный беллетристический материал, или так называемые «новеллы», как: «Сказание об убийстве князей Бориса и Глеба» — первых святых, канонизованных русской Церковью; «Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского»; «Новелла об ослеплении князя Василька Тербовльского соперниками» и т. п. На этих вставках лежит отпечаток яркого литературного дарования, они наделены динамической сюжетной интригой и даже по-своему воспроизводят психологическое состояние героев. Вот, для примера, пронзительный эпизод, повествующий о том, как к ослепленному князю Васильку вернулось сознание:

И пришедъше, сташа с нимъ, перешедъше мость Въздвиженьскы, на торговици, и сволькоша с него сорочьку кроваву и вдаша попадъи *опрати*. Попадъя же, оправъши, узволоче на нь, онѣмъ обѣдающимъ, и плакатися нача попадъя оному, яко мерьтву сущю. Узбуди и плачь, и рече: «Кдѣ се есьмъ?» Они же рекоша ему: «Въ Звѣждени градѣ». И въпроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вѣступи *во нь* душа, и помянуса, и пощюпа сорочки и рече: «*Чему* есте сняли с мене? Да быхъ в сѣй сорочици смерть прияль и сталь предъ Богомъ в кровавѣ сорочицѣ».

Еще более выразительно литературная канва проступает в Галицко-Волынской летописи XIII в. (место и время ее написания, а также вероятное авторство остаются предметом споров). Некоторые исследователи вообще расценивают этот памятник как «воинскую повесть», в которой сведены вместе «светские жития» галицких и волынских князей. Летопись и в самом деле предстает как целостное произведение, основанное не на традиционных для летописания погодных [погодных] статьях, а на попытке представить, по определению Михайлы Грушевского, «прагматический рассказ», в котором внутреннее единство текста достигается путем подгонки друг к другу нескольких

композиционных блоков. Согласно классификации Миколы Котляра, среди них можно выделить: «Начальную Галицкую повесть» (повествующую о борьбе за власть в Галиче после гибели Романа Мстиславича в 1205 г.); «Повесть о собирании Данилом Галицким волынской отчины»; «Повесть о возвращении Данилом галицкого стола»; «Повесть о «побоище Батыевом» и др. Такой необычный для Руси жанр историописания, присущий только этому памятнику, превращает его в уникальное явление тогдашней письменности. Характерно, что в упомянутые «повести» вмонтирован ряд более мелких новелл с собственными сюжетами, и это придает тексту особое многоголосие. Вот, к примеру, отрывок одной из таких небольших новелл — о побежденных Владимиром Мономахом половецких ханах Сырчане и его брате Отроке (убегая от Мономаха, Сырчан осел на Дону, а Отрок переселился в Грузию — «Обези»):

По смерти же Володимерѣ оставъшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во обезы, река: «Володимерѣ умерлъ есть. А воротися, брате, поиди в землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именовъ евшанъ». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье. Оному же обухавшю, и восплакавшю, рче: «Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, и не ли на чюже славну быти». И приде во свою землю.

Что же касается других памятников светской письменности Киевской Руси, то их вершиной считается «Слово о полку Игореве». Знаменитую поэму датируют 1185 г., а посвящена она неудачному походу на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и его брата Всеволода. Различным аспектам «Слова» — проблеме исторических реалий, толкованию темных мест и поискам гипотетического автора — посвящена без преувеличения необозримая научная и популярная литература. Время от времени поднимается волна скептицизма, подвергающая сомнению подлинность поэмы: этот, как высказался один из исследователей, утонченный «куст роз на ржаном поле» выглядит настолько экзотично на фоне остальных тогдашних памятников, что кажется подделкой (в настоящее время этот тезис обосновывает авторитетный знаток московско-русских текстов Эдвард Кинан, который считает автором «Слова» чешского слависта конца XVIII в. Йозефа Добровского). В поэме и в самом деле слишком много удивительного и, для того времени, парадоксального — многоходовая ассоциативная композиция, филигранная изысканность стилистических приемов, и особенно гиперболизированный символизм, которым проникнут весь текст. Великая загадка «Слова», дошедшего до нас

в одном-единственном позднем и к тому же и испорченном списке (да и тот погиб в 1812 г. во время пожара Москвы), дразнит и, по-видимому, всегда будет дразнить исследователей. Нам же, не специалистам по «Слововедению», остается лишь наблюдать за поединком сторонников и оппонентов подлинности поэмы — поединком, в котором вряд ли отыщутся доказательства для окончательного и неопровержимого вердикта.

* * *

Летописи, жития и другие памятники киево-русской словесности неподготовленному читателю без перевода понять тяжело. Язык, на котором они написаны, представляет собой трудноразличимую смесь двух языковых потоков — церковнославянского и древнерусского. Церковнославянский (иначе старославянский) был языком первых переводов Библии, литургических и учительных книг, выполненных выходцами из Македонии, творцами кириллической азбуки Кириллом и Мефодием, а также их учениками. С того времени, как распространение старославянского языка на Руси стало свершившимся фактом, он, по определению Юрия Шевелева, уже превратился «из живого в канонизованный, застывший, письменно-ритуальный язык», который не столько развивался, сколько впитывал местные влияния, закрепляя их в вариантах, называемых редакциями. Скажем, балканские переводы отображали особенности сербской, македонской или болгарской редакций, а переводы, осуществленные на Руси, содержали собственные локальные отличия, которые позволяют специалистам говорить о бытовании здесь так называемого «старославянского языка древнерусской редакции». Однако и этим языком владела лишь узкая прослойка книжников, и, кроме того, в нем отсутствовали названия для многих реалий местного быта. Поэтому очень быстро в письменность начал проникать живой язык, обозначенный в свое время Алексеем Шахматовым как «киевское койне»*, оформившееся в IX–X вв., то есть с появлением государства русов. По мнению ученого, основой русского литературно-письменного языка стал говор жителей княжеской «столицы», переплетенный с говором пришельцев из других земель Руси — дружинников, ремесленников и купцов.

Осваивая византийские литературные формы — хроники, жития, проповеди, — русичи в качестве непосредственного образца опирались на церковнославянский язык, из которого заимствовали абстрактные понятия,

* Койне (греческое «общий диалект») — особенная разновидность языка, формирующаяся как результат приобретения определенным, обычно социально престижным говором сверхдиалектного статуса путем освоения инодиалектной, иноязычной, профессиональной и др. лексики.

фразеологические обороты и усложненный (книжный) синтаксис. С течением времени упрочивались и новые, уже собственные стилистические средства и формировались синонимические ряды с достаточно разветвленными смысловыми оттенками. Соотношение церковнославянских и руських элементов в каждом сохранившемся памятнике тогдашней письменности настолько размыто, что вопрос о том, написан ли данный памятник по-церковнославянски с руськими вкраплениями или же, наоборот, может быть только предметом дискуссии. Определить объем и характер руських вкраплений бывает сложно еще и из-за того, что подлинных текстов почти не сохранилось, а их более поздние (XIV–XV вв.) копии могли подвергнуться редакции в том случае, если язык старого текста казался переписчику «неправильным».

Предполагают, ближе к живому языку был язык юридических памятников, в частности Руськой Правды, насыщенной бытовой и социальной лексикой явно местного происхождения (для примера, церковнославянские «град», «глава», «сребро», «древо», «млеко» и др. здесь уже заменены восточнославянским полногласием: «огород», «голова», «серебро», «молоко»). Языковая канва летописей опиралась на церковнославянский канон, однако в упомянутых выше «вставных новеллах» авторы иногда прибегают к живой речи, особенно при передаче прямой речи, как в следующих фрагментах:

- Не отступай от мене.
- Ты возми Галичь, а язъ Понизье.
- Дай нашу братью, или придемь на тя войною.
- Дай Володимерь Романовичема, Данилови и Василькови. Не даси ли, иду на тя и с Романовичема.
- Господине, не погнетши пчель, меду нѣдать.

Завершая этот беглый обзор языка древнеруського письменного наследия, стоит напомнить, что этот язык на много веков пережил социум, в котором он оформился. Например, в Украине окончательное вытеснение книжного суржика из церковнославянских и законсервированных древнеруських элементов можно датировать только концом XVIII в., в частности появлением в 1798 г. «Энеиды» Ивана Котляревского, увенчавшей, как известно, победу живого украинского языка над книжным. Столь длительное бытование этого, собственно говоря, искусственного языка можно объяснить тем, что с XIV–XV вв. именно он — под названием «руського» — возобладал в канцеляриях и публичном пространстве Великого княжества Литовского, а с конца XVI в. на его основе начало формироваться течение так называемой «староукраинской» книжности с яркими вкраплениями живой речи (слух современников хорошо чувствовал эти новации — тогдашний староукраинский язык называли

«простым», в отличие от церковнославянского). Ясно, что древнерусский книжный язык XI–XIII вв. по составу лексики существенно отличался от «простого языка» XVII–XVIII вв., но оба языка и в дальнейшем «понимали» друг друга. Более того, с развитием «простого языка» древнерусский, вытесненный в сферу церковного применения, все больше и больше перенимает фонетику, даже лексику своего младшего названного брата. Эта ситуация, однако, меняется в середине XVIII в., когда под давлением петербургского Синода украинская струя в церковном языке местной редакции была унифицирована по великороссийскому образцу: «Дабы никакой розни и особого наречия не было». Так, просуществовав восемь веков, прекратил свое существование письменный язык Руси-Украины. С сожалением можно добавить, что в настоящее время его специально не изучают ни в одном учебном заведении. Едва ли можно считать равноценным заменителем такого изучения сокращенные курсы церковнославянского языка балканской редакции, практикуемые в университетах. Именно поэтому даже филологи и историки, цитируя произведения древнерусской и староукраинской литературы, часто произносят текст так, как этого требовал от украинцев Синод в XVIII в., не говоря уже о том, что при таком произношении теряется феномен специфического сочетания церковнославянизмов и живой речи, под знаком которого развивалась домодерная украинская словесность. Отдельным вопросом является история живого языка, на котором разговаривали люди княжеской Руси. Смешивая понятия «разговорного языка» и «языка письменности» в спекулятивном определении «древнерусский язык», советские историки вплоть до недавнего времени убеждали, что его распространение на всех землях-княжествах является чуть ли не главным доказательством существования «единой древнерусской народности». Последняя, как «новая высшая форма этнического сообщества по сравнению с родом и племенем», якобы сложилась в течение IX–X вв., а дальше распалась вместе с распадом Киевской державы, что стало толчком к появлению белорусского, русского и украинского народов, а следовательно, и их языков. Что касается письменного языка, о котором речь шла выше, то он действительно был одинаково понятным всем книжникам — от Киева до Новгорода и от Галича до Курска. Другое дело, что ни один из них на нем не разговаривал, да он и не предназначался для бытового общения. Именно поэтому как порождение общей духовно-церковной традиции этот искусственный язык оставался средством культурного общения и намного позже, когда от Киевской Руси не осталось ничего, кроме исторических воспоминаний. Иной была судьба диалектов живого языка. Хотя отличия между ними не создавали непреодолимого барьера для взаимопонимания, допустим, между киевлянином и псковитянином, однако

фонетические и лексические расхождения были достаточно существенными. Это позволяет специалистам констатировать существование на землях Руси нескольких надплеменных территориальных диалектов, засвидетельствованных благодаря тому, что те или иные региональные языковые отклонения в виде «описок» попадали в устоявшуюся орфографию книжного языка. В частности, на будущей украинской территории выделяют две родственные между собой диалектные макрозоны — северную полесскую (на Северной Волыни, Киевщине и Чернигово-Северщине) и юго-западную, или галицко-волынскую, охватывавшую современную Галицию и Южную Волынь. Невзирая на некоторые отличия, общим для обоих протоукраинских диалектов было то, что, вероятно, уже с VI–VII вв. здесь возобладал украинский звук г [h] вместо праславянского г [g]. «Описки» древнерусских книжников, связанные с этой языковой особенностью, являются ярким примером тех примет, на основании которых исследователи реконструируют тогдашнюю живую речь. По наблюдению Григория Пивторака, чья подборка примеров использована здесь, уже в аутентичных Изборниках 1073 и 1076 гг., а также в ранних Евангелиях попадаются ошибки переписчиков, свидетельствующие о произношении ими украинского г. «снѣх» вместо «снѣг», «хрѣх» вместо «грѣх», «ход» вместо «год», «бѣхство» вместо «бѣгство» и т. п.

Допускают, что тогда же, в VI–VII вв., как результат слияния праславянских гласных *i* и *ы* появился типично украинский звук *и* (это, в частности, приводило к постоянному смешению на письме букв «ы / и»: «хлѣби» вместо «хлѣбы», «язык» вместо «язык», «просыти» вместо «просити» и др.), а также закрепилось произношение буквы «ѣ» [ять] как звука *i*, чем украинский язык отличается от остальных славянских (смешение букв «i» и «и» прослеживается уже в самых ранних памятниках XI в., когда переписчики вновь и вновь ошибаются, выписывая «нимая» вместо «нѣмая», «стина» вместо «стѣна», «вси» вместо «всѣ» и т. д.).

Более детальный анализ явлений, иллюстрирующих эти и другие особенности протоукраинского языка, имеется в специальных работах. Здесь будет достаточно ограничиться констатацией того, что протоукраинские языковые черты можно считать засвидетельствованными уже в первых письменных памятниках Руси XI в., а их оформление, как уже отмечалось, относится приблизительно к VI–VII вв.

* * *

Параллельно с языковыми оформлялись этнические очертания будущего украинского народа, ареал расселения которого совпадал

с давними восточнославянскими землями между Припятью, Днестром, степью и Карпатами, то есть охватывал современные Надднепрянщину, Волынь, Полесье, Галицию и Прикарпатье. Устойчивость заселения этих регионов местными племенами обеспечивала преемственность поколений, что влекло за собой появление постоянных признаков не только в языке, но и в бытовой культуре — жилище, одежде, еде, обычаях и обрядах. Часть местного населения, мигрируя по мере освоения восточными славянами северных и северо-восточных территорий, наслаивалась на землях современной Белоруссии на тамошний балтийский субстрат, а в пределах Европейской России — на финно-угорский. Это порождало локальные этноязыковые особенности, формируя новые диалектные массивы, как, например, псковско-полоцко-смоленский или новгородско-владими́ро-суздальский. Утверждение советских историков о том, что якобы все жители Руси чувствовали «общность своего происхождения» и осознавали «территориальную целостность и единство языка, культуры и веры», является с точки зрения тогдашних реалий абсурдным. Ведь отсутствие единого информационного поля (проще — путей сообщения) на такой огромной, пересеченной непроходимыми лесами и болотами территории, какой была княжеская Русь, исключает возможность формирования сознания такого типа. Более того, вряд ли вообще основная масса населения (а не князья, их политическое окружение и горстка образованных книжников) имела хотя бы приблизительное представление о размерах Руси. А тем более никому бы не пришло в голову, что, живя в Поросье, можно чувствовать «общность своего происхождения» с Новгородом или Полоцком. Одинаковое писаное слово, одна Церковь и общая духовная традиция, конечно, порождали ощущение взаимной родственности, но только в тонком слое образованной элиты. Поэтому утверждать на этом основании, что княжескую Русь населяли люди, осознававшие свою принадлежность к «единой древнерусской народности», — то же, что на основании, скажем, общего латиноязычного образования провозгласить существование «единой латинской народности» в пределах тогдашней Европы. Ведь и там интеллектуальная элита осознавала целостность письменной культуры еще более отчетливо, чем на Руси. Например, на могиле знаменитого философа, шотландца Иоанна Дунса Скота (ок. 1266–1308), учившегося в английском Оксфорде, преподававшего в парижской Сорбонне, а умершего в Кельне, современники выгравировали: «Scotia me genuit, Anglia me suscepit, Gallia me docuit, Colonia me tenet» [«Шотландия меня родила, Англия приняла, Галлия выучила, Кельн держит меня»].

2. Русь и Степь

Кочевые государства — враги / соседи русичей

Пока жители Руси овладевали азами христианской цивилизации, на гигантских степных пространствах, прилегавших к руським землям с юга и востока, протекала своя, иная жизнь. словно приливы и отливы, степями перекатывались волны новых и новых племен, от которых до нашего времени иногда не осталось ничего, кроме загадочного названия, возникали и исчезали царства, развязывались кровавые войны за кочевья и власть. Равнинная приазовско-причерноморская полоса — самый западный отрезок Великой Азиатской степи — в силу своего географического положения превращалась в своеобразный коридор, который вел из Азии в Европу. Входными воротами являлся Дон, а выходными — Дунай. Разделяло же их расстояние, преодолеваемое выносливыми степными скакунами за несколько дней. И если древних жителей приазовско-причерноморских земель — киммерийцев, скифов и сарматов — Европа еще не интересовала, то с началом эпохи Великого переселения народов желающих «посетить» ее было предостаточно. Гунны, которые первыми в 370 г. перешли Дон и, сметая все на своем пути, двинулись к Дунаю и за Дунай, словно разрушили шлюз, до тех пор невидимо отделявший азиатские пространства. С V в. приазовско-причерноморскими просторами, постепенно впитывая в себя местные иранские племена, завладели тюрки, и именно им было суждено в течение более тысячи лет — до конца XVIII в. — оставаться здесь хозяевами. Поэтому для Киевской Руси и для ее наследницы, Руси-Украины, тюркские народы (под разными именами и в разных государствах) станут главным олицетворением Степи — то врагом, то партнером, но всегда неизбежно близким соседом, которого не выбирают. Великое переселение народов, как уже отмечалось, начали гунны. Объединив несколько степных племен, они в 370 г. перешли Дон, вступили в Причерноморье, а дальше, перейдя Дунай, двинулись в Центральную Европу (этноязыковая принадлежность гуннов спорна: в настоящее время специалисты относят их к тюркам или к монгольским народам). Римский автор IV в. Аммиан Марцелин описал внешность гуннов, поразившую европейцев своей необычностью: приземистые и безбородые, они сливаются с конями, будто приросли к ним, воюют только верхом и «кочуют по разным местам, словно вечные изгнанники». После смерти в 454 г. легендарного вождя гуннов Атиллы созданный им союз распался, но вскоре тюрки вновь появились на исторической арене, создав на Азиатском континенте воинственное политическое образование — Первый

тюркский каганат (555–630), ведший войны с Византией и Ираном за прикаспийские и закавказские земли. Во главе этого степного государства стоял род Ашина. С ним связана генеалогическая легенда этноса: когда-то все тюрки погибли в междоусобной войне, и только одного десятилетнего мальчика спасла волчица; впоследствии она стала его женой, и сыновья, родившиеся от этой связи, положили начало десяти родам тюрков. Одного из них, Ашина, избрали правителем, и в знак происхождения от волчицы он изобразил на своем стяге волчью голову.

После падения Первого тюркского каганата род Ашина откатился на запад и осел на территории современного Дагестана, контролируемой племенем хазар. С появлением здесь представителей рода Ашина хазары стали считать себя наследниками каганата, и, пока существовала Хазария, ее каганом всегда был кто-то из рода Ашина, личность которого почиталась как священная. Хазарский каганат быстро вступил в борьбу за приазовские степи с соседним союзом болгарских племен, объединившим как тюркские, так и финно-угорские этнические компоненты. В свою очередь, Великая Булгария (так историки называют это политическое объединение) в 740-х гг., после смерти своего создателя хана Кубрата, распалась на две половины, подвластные его сыновьям Аспаруху и Батбаю. Вследствие болгаро-хазарской войны Батбай остался на своем старом кочевье, признав верховенство хазарского кагана, а Аспарух отошел за Дунай, где вскоре возникнет так называемая Дунайская Булгария — предшественница Болгарии.

Могущественный Хазарский каганат просуществовал до конца X в., занимая степи и предгорья современных Дагестана и Прикубанья, нынешнюю приазовскую и отчасти причерноморскую степь, а также большую часть Крыма. Данниками хазар были также северокавказские, мордовские, приволжские и славянские племена. В самой Хазарии вокруг укрепленных зимовников, особенно в тех случаях, если те оказывались на торговых путях, начали возникать поселения городского типа, населенные этнически пестрым ремесленным и купеческим населением. В частности, именно так, из зимовника-крепости кагана, вырос и столичный город Итиль в устье Волги, а в нижнем течении Дона крупным населенным пунктом стал Саркел. Во второй половине VIII в. были возрождены также разрушенные гуннами старые греческие города на черноморском побережье — Керчь (греческий Пантикапей), Самкерц (греческий Таматарха, русская Тмутаракань), Фанагория. Жители каганата вскоре втянулись в международную транзитную торговлю; в городах интенсивно развивалось ремесло, а в степях — земледельческо-скотоводческое хозяйство. Предполагают, что к середине VIII в. на всей территории каганата

на каспийское побережье в 909, 910, 913, 943 гг., а в 965 г. князь Святослав разрушил столицу каганата Итиль.

Воспользовавшись хаосом, в хазарскую степь вошли новые кочевые племена — мадьяры. В арабских источниках их называют «баджгард» (башкиры), а в греческих — «турки». В действительности же мадьярский союз племен, возникший около 830 г., был этнически смешанным и состоял из финно-угров и тюрков. Часть исследователей даже склоняется к мысли, что среди мадьяр долго бытовало двуязычие, ибо из восьми мадьярских племен, которые в начале 900-х гг. осядут на своей новой родине Паннонии [в настоящее время — часть Венгрии], шесть носили тюркские названия, а два — финно-угорские, и от одного из них, *тагуар* (дословно: «мужчина, человек»), получил название весь союз. На Руси мадьяр называли по-разному: как высказался один из руських книжников, «пеони, глаголеми оугри, иже сами нарицаются магере».

Мадьяры задержались в хазарской степи ненадолго — уже в около 850 г. их принудили откочевать на запад, в степи современной Украины между Днепром и реками Прут и Серет, приаральские степные племена печенегов (тюрк. *беҕенек*), вероятно, тюркизованных иранцев. Вскоре в 890-х гг., пройдя смерчем по крымским поселениям болгар и хазар, печенеги напали на упомянутые кочевья мадьяр, силой выбили их оттуда и полностью завладели причерноморской степью. По данным середины X в., протяженность кочевий восьми печенежских племен охватывала пространство от Дуная до Дона, а на севере, по мнению Светланы Плетнёвой, они достигали на правом берегу Днепра реки Рось, а на левом — низовья Сулы, среднего течения Псёла и верховьев Ворсклы.

Первое упоминание о печенегах в «Повести временных лет» датируется 915 г.: «Приидоша печенѣзи пѣрвое на Рускую землю и, створивше мирь съ Игоремъ, идоша къ Дунаю». На протяжении 915–1036 гг. Русь воевала со своими степными соседями 16 раз, не считая мелких столкновений; в 968, 1017 и 1036 гг. печенеги подступали к самому Киеву, а в 972 г. хан Куря из засады близ порогов разбил князя Святослава и приказал сделать из *княжеского* черепа окованную золотом чашу для питья (такое проявление торжества над побежденным противником было известно и германским племенам Европы).

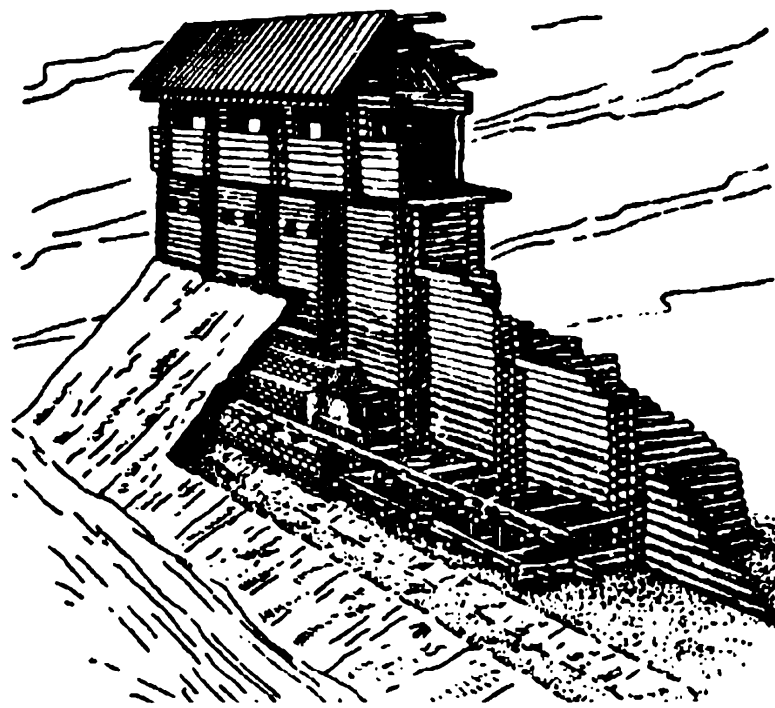
В войнах с печенегами Русь постепенно приобретала навыки сопротивления набегам людей Степи, прежде всего характерной для них тактике ведения боя. Легкие конники-кочевники не применяли ни щитов, ни копий, пользуясь преимущественно луками, то есть оружием дальнего боя, и полагались

главным образом на внезапность нападения. Их кони, хоть и невзрачные на вид, отличались особой выносливостью, а каждый воин, всадник с раннего детства, выступая в поход, брал с собой не менее двух коней и попеременно менял их, чтобы выиграть в скорости. Стремительность передвижения разделенного на небольшие группы степного войска не раз отмечали византийские авторы, называя его конницу «летучими людьми». Другой особенностью степной тактики было то, что кочевники обычно не брали крепостей штурмом, ограничиваясь, как выражаются древнерусские источники, «изъездом» и «облежаньем», то есть набегом и осадой. Следовательно, традиционной тактикой открытого встречного боя рейды стремительной конницы

печенегов остановить было тяжело. Поэтому в конце X в. утверждается новая форма защиты — сооружение деревянно-земляных укреплений, протянувшихся несколькими полосами и отделявших русское порубежье от Степи. Эти непреодолимые для конницы насыпи делали невозможными молниеносные набеги, а также препятствовали перегону скота, то есть служили еще и заслоном от расширения кочевья. Стоит отметить, что аналогичная система укреплений еще с VIII в. практиковалась в Приднестровье и Подунавье, где их начали возводить дунайские болгары (часть исследователей, отталкиваясь от традиционного названия этих валов — Трояновы, считает,

что они возникли раньше, в позднеимперское время); такие же валы окружали земли Волжской Булгарии: их остатки сохранились на территории Чувашии и Татарстана.

Киевские валы с течением времени получили название Змиевых. Согласно легенде, святые кузнецы Кузьма и Демьян укротили огромного змея, пожиравшего местный люд, запрягли чудовище в плуг и принудили его пробороздить границу, за которую тот не смел переступить; грунт, вывернутый из-под лемеха, якобы и оформил насыпи, которые протянулись несколькими полукругами вокруг Киева. В действительности же, конечно, обошлось без змея. Исследуя

21. Укрепления на Змиевых валах
(реконструкция)

сохранившиеся фрагменты валов, специалисты датируют их концом X–XII в., а само появление связывают с необходимостью защиты порубежья от печенегов и, впоследствии, от половцев.

Начало этим масштабным работам летопись относит к 988 г.:

И рече Володимеръ: «Се не добро есть: мало городовъ около Кыева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Устры, и по Трубешеву, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужи лутши от словенъ, и от кривичъ, и от чюдии, и от вятичъ, и от сихъ насели и грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одоляя имъ.

Это упоминание подтверждает письмо немецкого миссионера Бруно Кверфуртского, который в 1008 г. отправился проповедовать христианство среди печенегов, а провожал его «к границам своей земли» князь Владимир, попрощавшись с отважным миссионером у «ворот» одной из построенных на валу небольших деревянных крепостей. На сегодня сохранилось около 950 км остатков Змиевых валов: на левом берегу Днепра от Переяслава до нижнего течения р. Сулы, а на правом — несколькими полосами от Днепра вдоль Роси и Стугны и в междуречье Тетерева и Ирпеня. То есть, как видим, начатое при Владимире Святославиче обустройство защитной линии продолжили его преемники. Как показывает многолетнее изучение валов и привязанных к ним городищ, итог которому подвел Михайло Кучера, валы обычно насыпали вдоль рек или на их пересечении и окружали внутренними и внешними рвами, что создавало многоступенчатую полосу препятствий для конницы. Сама же насыпь представляла собой стену высотой и шириной до 3–3,5 м, построенную из перекинутых крест-накрест колод или четырехгранных срубов, засыпанных землей. Вблизи населенных пунктов и в местах возможного прорыва на валах устраивали укрепления с бойницами или сооружали небольшие деревянные крепости.

Стоит, впрочем, заметить, что более чем столетнее соседство русичей и печенегов не сводилось только лишь к конфронтации. Например, в 943–944 гг. князь Игорь, идя походом на Византию, вел за собой печенежский отряд, а в самом Киеве во второй половине X в. уже жили выходцы из Печенегии. Об этом свидетельствует упомянутый в летописи эпизод осады Киева 968 г., когда некий киевский юноша с целью сообщить дружине, находившейся за Днепром, о критическом состоянии осажденных, вышел из города и ходил среди печенегов, спрашивая: «“Не видѣ ли коня никтоже?” Бѣ бо умѣя печенѣжскы, и ѿ мняхуть и-своихъ».

Последнюю битву русичей с печенегами летопись связывает с именем Ярослава Мудрого, датируя ее 1036 г. Печенеги якобы прорвались «без числа» на Русь и осадили Киев. Князь, который к тому времени находился в Новгороде, «собрав воїв многих, варягов и словен», немедля поспешил домой:

и соступишася на мѣстѣ, идѣже есть нынѣ святая Софья, митрополья руская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бѣ сѣча зла, и одва одолѣвъ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзѣ раздно и не вѣдахуся, камо бѣжаче, и овии, бѣгающе, тоняху в *Ситомли*, инѣи же во инѣхъ рѣкахъ, и тако погибоша, и прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни.

После разгрома 1036 г. печенеги и в самом деле, как отметил летописец, «побежали в разные стороны». Часть откочевала за Дунай и оттуда — на Балканы, где впоследствии смешалась с местным населением, оставшиеся же на своих предыдущих кочевьях через два десятилетия вынуждены были искать помощи у киевского князя, так как в причерноморскую степь пришли новые хозяева — половцы.

* * *

Словом «половец» в руських источниках обозначались племена тюрков-кипчаков, иначе куманов («куман» дословно означает «белый, желтоватый»), отсюда русское — половой, половец; исследователи считают кипчаков тюркизованным сако-иранским этносом). Покинув в IX в. земли современной Киргизии и Казахстана, кипчаки сначала вытеснили печенегов из Приаралья, а в первой половине XI в. начали продвижение в причерноморские степи. Печенеги и близкие им племена торков и берендеев попросили защиты киевского князя. Около 1060 г. их «приняли на поселение»: торки стали кочевать вдоль левых притоков Роси ближе к Днепру, печенеги в верховьях р. Росавы, а берендеи — в нижнем течении Росавы и вдоль западных притоков Роси. Веком позднее, в 1140-х гг., все три племени объединились в Черноклобуцкий союз под верховенством киевского князя. Центром «черных клобуков» был г. Торческ [неподалеку от нынешнего с. Шарки Рокитнянского р-на Киевской обл.; в настоящее время не существует]. Еще одна часть торков поселилась на левом берегу Днепра вблизи Переяславля. К северо-западу от них кочевало родственное торкам племя турпеев, а еще севернее, в междуречье Остра и Сейма, — отдельная ветвь торков, ковуи. И черноклобуцкие, и торческие кочевья пересекались многочисленными укреплениями, а мужская часть населения находилась на военной службе

абла. раѹн амлѣша. ѿ салѹка. абарака тарга.

*22. Битва русичей с половцами. Миниатюра
Радзивилловской летописи XV в.*

у руських князей. За этой своеобразной защитной линией из «своих кочевников» простиралось безбрежное «Половецкое поле» [Дешт-и-Кипчак], растянувшееся от Волги до Дуная.

Эта территория, известная в европейских средневековых источниках под названием Кумания, делилась на две половины — «Черную», от Северского Донца до Волги, и «Белую», охватывавшую низовье Дуная и степи по обоим берегам Днепра. Уже в начале XII в. «Половецкое поле» было распределено между отдельными родами, каждый из которых кочевал в пределах очерченной территории, на которой обустроивал укрепленные зимовники.

Первый удар половцев по Руси пришелся на 1061 г., когда они вступили в Переяславскую землю и нанесли поражение князю Всеволоду Ярославичу; в 1068 г. Всеволод и его братья были повторно разгромлены на р. Альте. В целом же к началу XIII в. степняки осуществили 46 больших походов на Русь, причем 19 из них пришлись на Переяславскую землю, 16 на Киевскую землю, 7 на Чернигово-Северскую и 4 — на Рязань и ее окрестности. Поэтому неудивительно, что половецкая тема очень быстро превратилась в одну из центральных в руськой письменности, неоднократно упоминающей беды и опустошения от «безбожных измаилитян», «окаянных агарян», «нечистого отродья дьявола». Вот, к примеру, что говорит летопись о бедствиях пленников, захваченных после осады и падения Торческа в 1093 г.:

мучими зимою и оцѣпляемѣ, у альчбѣ и в жажѣ и в бѣдѣ, побледѣвши лица и почернивше телесы, незнаемою страною, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и босѣ, ноги имуще избодены терньемъ, съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: «Азѣ бѣхъ сего города», а другой: «*И азѣ сего села*». И тако съвъспрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе, очи *възводяще* на небеса к Вышнему, вѣдущему тайная.

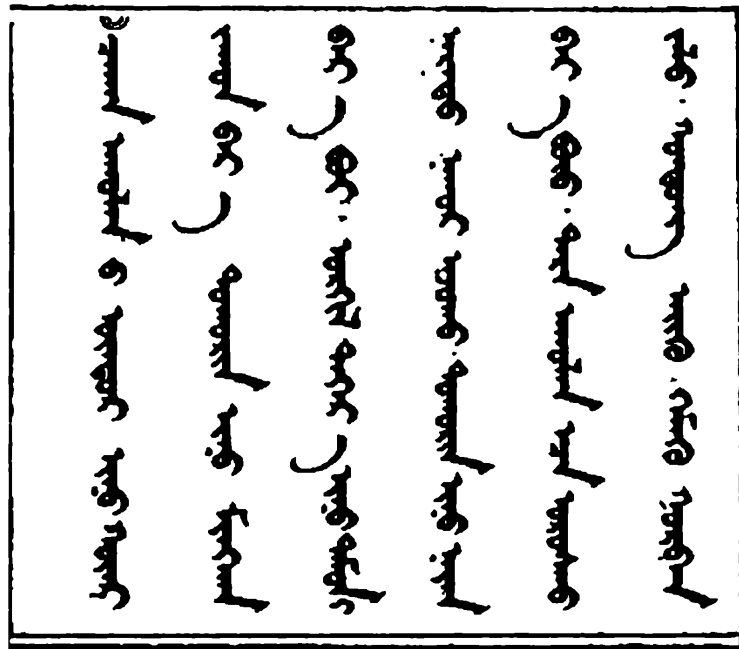
Регулярно повторявшиеся на протяжении почти двух веков битвы со степняками стали главной ареной героических свершений князей, добывавших себе славу, «переломив копие о землю Половецкую». Тогда же, в призывах к согласованной коллективной обороне, оформились первые патриотические лозунги борьбы «за землю Руськую». С другой стороны, территориальная близость половецкого мира, торговые контакты и особенно регулярные браки, которыми скреплялись мирные соглашения между князьями и ханами, постепенно смягчали остроту противостояния, не раз превращая обоюдные вылазки в своеобразные рыцарские поединки. В качестве примера можно привести честолюбивый поход 1185 г. в «Половецкое поле» новгород-северского князя Игоря Святославича: ведь и мать, и бабушка Игоря были, вероятно, половчанками, а своего сына Владимира он (уже после похода) женил на дочке хана Кончака, против которого старался. При таких интенсивных матримониальных связях неудивительно, что уже с XII в. половецкие ханы по приглашению своих руських двоюродных братьев, свояков и родственников активно участвуют в княжеских междоусобицах, с каждым разом все больше погружаясь во внутренние проблемы Руси. Так что неизвестно, чем в перспективе могло бы обернуться это двухсотлетнее противостояние, которое постепенно превращалось в партнерство, если бы на восточных окраинах «Половецкого поля» не появилась новая грозная сила — монголы, что послужило зловещим прологом к крутым переменам и в судьбе Кумании, и в истории Руси.

Империя Чингисхана и Чингисидов перед нападением на Русь

Первое письменное произведение на монгольском языке «Сокровенное сказание», сложенное в 1240 г., начинается генеалогической легендой правящей династии Чингисидов, отпрысков «Бурого Волка» [Борте Чино]. Общий тотем-волк опосредствованно подтверждает генетическое родство монгольского и тюркского этносов, которые во 2—1-м тыс. до н. э. формировались

на просторах Центральной Азии. Собственно монголы в «Сокровенном сказании» упоминаются где-то с VIII в., а их тогдашний ареал обитания, по гипотезе Лидии Викторовой, локализуется по обоим берегам р. Онон в верховьях Амура, то есть в пограничье современной Монголии и Читинской обл. Российской Федерации. Именно здесь жили предки монголов, возглавляемые вождями из рода Борте Чинно — «чиносами». На протяжении X–XI вв. чиносы, породнившись с правителями соседних племен, создали племенной союз, ставший историческим ядром монгольского этноса, который населял территорию так называемого Триречья — в бассейне р. Онон и верховьях рек Толь и Амур.

В ходе длительных войн за власть, сотрясавших на протяжении XII в. Монгольское ханство, победу одержал Темучин — в 1206 г. сторонники объявили его «чингисханом», то есть «правителем правителей». Новый правитель отличался незаурядными военными и дипломатическими способностями, был справедлив и щедр. Умение же держать войско в железной дисциплине и привлекать на свою сторону побежденного противника быстро принесло ему славу харизматического вождя. Истребляя или расселяя непокорных, а покорных при помощи браков приобщая к среде монгольской знати, Чингисхан в течение первого двадцатилетия XIII в. стал правителем всех кочевников Великой Степи — от Маньчжурии до Средней Азии. На покоренных землях, разделенных между сподвижниками Чингисхана, разноплеменное кочевое население занималось хозяйством и несло повинности в пользу своего непосредственного хозяина. В свою очередь, владельцы пожалованных земель (улусов) должны были платить дань кагана и посылать в его армию вооруженные отряды определенной численности. Именно таким образом монгольский этнос стал правящей элитой огромной полиэтнической империи, в которой старые связи подвластных племен, расселенных по разным концам государства, утратили былую силу. Ведущая роль монголов постепенно привела к положению, при котором, как отметил арабский историк Рашид-ад-дин,

23. Монгольское письмо. Образец середины XVII в.

визирь монгольского двора конца XIII — начала XIV в., племена, обладавшие своим собственным самоназванием, называли себя монголами из желания перенести на себя их славу.

Сам Чингисхан считал себя наследником «империи Ляо» — мощного государственного объединения протомонгольского этноса киданов, которое в IX — начале XI в. протянулось от Тихого океана к Алтайскому хребту, охватывая пространства современного Северного Китая и Монголии к северу от реки Хуанхэ. Размах ближней и дальней киданской торговли, развитое товарное ремесло, традиция градостроения (большая часть жителей была оседлой), четкая структура управления огромными, этнически пестрыми территориями, на которых тюркоязычные народы проживали вперемешку с тунгусо-маньчжурскими и монгольскими, а в конечном итоге и введенная в 920 г. иероглифическая письменность служили в известной степени образцом для будущей империи Чингисидов. Характерно, что и сам Чингисхан воспитывался при дворе правителя Эреитского ханства — одного из недолговечных государств, существовавшего еще некоторое время после захвата в 1125 г. столицы империи Ляо тунгусо-маньчжурскими племенами. Не менее показательным и то, что в период становления государства монголов, в 1204 г., была введена киданская письменность, которая к тому времени уже перешла от иероглифической системы к уйгурскому буквенному алфавиту (именно он, с учетом определенных модификаций, поныне является национальным символом Монголии; он же был положен в основу созданных в XII в. маньчжурского, калмыцкого и бурятского алфавитов^{*}).

Последним завоеванием Чингисхана стала Средняя Азия. В течение 1219–1221 гг. друг за другом под ударами монголов пали сказочно богатые, цветущие города Хорезма — Бухара, Самарканд, Ходжент и др. Еще одно двадцатипяти тысячное войско было послано на южное побережье Каспия. Перейдя оттуда в Грузию, оно захватило Тбилиси и вступило в степные предгорья Северного Кавказа, а далее двинулось в сторону Дона. Именно здесь, на Дону, в 1222 г. произошла первая битва монголов с половцами, в которой соединенные половецкие силы под предводительством хана Юрия Кончаковича потерпели поражение. О дальнейших событиях русская летопись рассказывает так:

^{*} В начале 1930-х гг., в соответствии со сталинской национальной политикой, письменность калмыков и бурят была переведена на кириллическую азбуку (тогда же заменили кириллицей и арабское письмо татар, казахов, узбеков, таджиков и др.). Сама Монголия тоже в 1945 г. по указанию Москвы должна была перейти на кириллицу.

Прибѣгшимъ же половцемъ в Рускую землю, глаголющимъ же имъ рускимъ княземъ: «Аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наутрѣ исѣчени будете». Бывшую же свѣту всих князѣй во градѣ Киевѣ, створиша свѣтъ сице: «Луче ны бы есть прияти я на чюжей землѣ, нежели на своей».

Так что в апреле 1223 г. на Днепре, вблизи острова Хортица, было собрано большое половецкое и русское войско: последнее, по свидетельству летописи, включало киевлян, черниговцев, галичан, волынцев, путивльцев, а также смоленскую и курскую дружины. Однако эта соединенная армия, которая 31 мая сошлась с монголами в битве на р. Калке [в настоящее время Кальчик, правый приток Кальмиюса], была полностью разгромлена. Погибло шестеро князей, а дружинников, если верить летописи, легло «бес числа».

Поскольку монгольский (фактически разведывательный) рейд не предусматривал последующего наступления, их войско после битвы на Калке вернулось домой. Тем временем в 1227 г. умер Чингисхан. В последовавший за этим период смены правителей, сопровождавшийся внутренними трениями, Монголии было не до завоевательных походов. После утверждения власти Угедея, третьего сына покойного, Чингисиды на курултае (родовом съезде) 1235 г., как повествует упомянутый выше Рашид-ад-дин, вернулись к мысли о землях, протянувшихся за улусом старшего сына Чингисхана Джучи. Согласно «ясе» [jasaq — свод законов], принятой на курултае еще при жизни Чингисхана, империя монголов была разделена между его сыновьями на несколько владений-улусов, подчиненных верховному правителю (каану), резиденция которого находилась в Центральной Монголии, в Каракоруме. Улус Джучи и его отпрысков Джучидов охватывал земли к западу от рек Иртыш и Чулим до мест, которых смогут «достигнуть копыта их коней». Поход за Волгу — в Дешт-и-Кипчак, Булгарию и на Русь — поручался второму сыну Джучи Бату, или Батыю, как обычно называют его русские источники. На протяжении осени 1236 — весны 1237 г. Батый покорил Волжскую Булгарию, превратив ее столицу, Великий Булгар, в свою временную ставку, а в конце 1237 г. монгольское войско вступило на территорию Рязанского княжества.

Походы Батыя. Создание Ак-орды, или Золотой Орды

Хронология и ход сокрушительных монгольских походов в Европу на протяжении 1237–1242 гг. хорошо засвидетельствованы как русскими, так и западноевропейскими хрониками. Начало им было положено

24. Монгольские воины в бою. Арабский рисунок начала XIV в.

повальным падением городов Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств. 21 декабря 1237 г., на седьмой день осады, Батый взял Рязань и, как напишет автор «Повести о разорении Рязани Батыем», «сий бо град Резань и земля Резанская! Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — токмо дым и пепел».

Через месяц, в январе 1238 г., после пятидневного штурма пала Москва, а 7 февраля стенобитные камнеметы разбили стены Владимира-на-Клязьме, тогдашней столицы Владимиро-Суздальского княжества. Параллельно более мелкие отряды монголов в течение февраля — марта разорили Ростов, Ярославль, Переяславль-Залесский, Тверь, Кострому, Углич, Торжок, Вологду и др. В тех городах, которые оказывали особенно упорное сопротивление, население истреблялось поголовно — «от старца и до уного, и до сущего младенца». Немного не дойдя до Новгорода, Батый повернул к югу и, пройдя вдоль восточных границ Смоленского и Черниговского княжеств, двинулся в половецкую степь между Доном и Волгой, где разбил местного хана Котяна.

Через год, весной 1239 г., наступление на Русь возобновилось. На этот раз настал черед киевских окрестностей: в марте пал Переяславль, в октябре — Чернигов и ряд более мелких городов, расположенных по обоим берегам Десны и Сейма. Еще через год, в ноябре 1240 г., монгольское войско подошло к Киеву:

Приде Батый Киеву в силѣ тяжьцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град в объдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху град. И не бѣ слышати от гласа скрипання телѣгъ его, множества ревеня вельблудъ его, и ржания от гласа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратных... Постави же Баты пороки городу подълѣ вратъ Лядскихъ... Порокомъ же бес престани бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны. И возиидоша горожаны на избыть стѣны, и ту бѣаше видити ломъ копѣйный и щеть скѣпанье, стрѣлы омрачиша свѣтъ.

6 декабря 1240 г. Киев пал. Последние защитники заперлись в Десятинной церкви и даже пробовали прокопать подземный ход к Днепру, однако стены храма по не выясненным до сих пор причинам обвалились, похоронив под собой людей. Из-под разграбленного Киева основные силы Батыя, сметая все на своем пути, двинулись на Волынь и Галицию. Весной 1241 г. одна часть войска под командованием темника [воеводы] Бурундая перешла границы Польши и, нанеся поражение сандомирскому и краковскому князьям, разрушила города Люблин, Сандомир, Краков и др., а другая, возглавляемая самим Батыем, направилась через Карпаты в Венгрию. Король Бела IV был разгромлен, поэтому конница Батыя, не испытав ни единого поражения и смерчем пройдя по территории современных Словакии, Чехии и Венгрии, весной 1242 г. вышла к побережью Адриатического моря, где начала штурм местных городов. Однако знакомство жителей Адриатики с монголами на этом, к их счастью, и закончилось. В марте 1242 г. Батый, получив весть о смерти каана Угедая, через Боснию, Сербию, Болгарию и причерноморские степи вернулся домой — царевичи-чингисиды должны были присутствовать на курултае для выборов нового правителя. Впрочем, империи монголов как единому целому не суждено было просуществовать намного дольше этих событий. Батый, посчитав себя обделенным на выборах, не присягнул новому каану Гуюку. Откочевав в конце 1242 — начале 1243 г. в низовье Волги, он фактически создал здесь собственное государство. При внуке Батыя, хане Менгу-Тимуре, пришедшем к власти в 1266 г., улус Батыя стал уже вполне независимым от монгольских каанов. Его территория начиналась в Сибири от рек Иртыш и Чулим и тянулась на запад по предгорьям Алтая, через Приаралье и север Средней Азии, через приазовские, причерноморские степи и Крым вплоть до нижнего течения Дуная. С самого начала эти огромные территории были распределены в соответствии с принятой у монголов пространственной системой на два крыла: правое и левое. Левым крылом считались подчиненные брату Батыя земли

современного Южного Казахстана и Средней Азии — Кок-орда [Синяя Орда], а правым — остальные земли, известные под названием Ак-орда [Белая Орда], принадлежавшие непосредственно Батыю и его отпрыскам. Нужно отметить, что в модели пространственной ориентации монголов и сопутствующей ей символике каждой стороне мира соответствовал свой цвет: югу — красный, северу — черный, западу — белый, востоку — синий (существует предположение, что именно отсюда ведут свое начало позднесредневековые названия Белой, Черной и Красной Руси).

Ак-орда впоследствии, в русских источниках второй половины XVI в., получила название Золотая Орда (у монголов ордой первоначально называли кочевую ставку хана, а само государство — улусом; части улуса Батыя с XV в. стали именоваться ордами — Великой, Заволжской, Ногайской и др.; что же касается понятия «Золотая Орда», то оно, по мнению Вадима Егорова, возникло как синоним украшенной золотом юрты хана — арабские путешественники тоже называют ее «золотым шатром»). Столицей Ак-орды служил город Сарай в Нижнем Поволжье, вблизи современного Волгограда, впервые упомянутый под 1254 г. как место расположения органов управления (собственная ставка хана и он сам большую часть года кочевали по степи). В правление Батыя, который умер в 1255 г., были заложены государственно-организационные основания Золотой Орды — правительственно-фискальный аппарат, система налогов и повинностей населения, регулярная почтовая связь между регионами, чеканка собственной монеты и т. п. Распространенное представление о Золотой Орде как о диких степных пространствах без оседлого населения не соответствует действительности. При брате Батыя Берке (1255–1266), когда среди ордынцев начал распространяться ислам, быстрыми темпами начали умножаться оседлые полосы с городами. Согласно исследованию Вадима Егорова, они локализовались вдоль рек Волги и Урала, в междуречье Волги и Дона, в понизовье Южного Буга и Ингула, а также по их притокам, пересекающим территорию теперешних Кировоградской и Николаевской областей, равно как и на землях современных Запорожской и Херсонской областей и в устье Днестра и Дуная (для примера достаточно упомянуть такие крупные центры международной транзитной торговли, возникшие здесь в золотоордынские времена, как Аккерман [Белгород-Днестровский] и Килия).

Представление об ордынских городах, населенных пестрым торгово-ремесленным людом, дает столичный Сарай, где, как писал современник, араб Ибн-Батута, «каждый народ живет на своем участке отдельно; там же содержатся и их базары». Если верить свидетельствам арабских купцов, население

этого города-гиганта достигало 75 тысяч; в нем был проложен водопровод и канализация и возвышались роскошные дворцы с бассейнами и садами. Остается добавить, что большинство ордынских городов Прикаспия и Приазовья до основания разрушил во время походов на Золотую Орду в 1395–1396 гг. среднеазиатский полководец Тимур (Тамерлан), а в Причерноморье, то есть на землях современной Украины, они постепенно пришли в упадок сами в конце XIV — середине XV в., вместе с дроблением и упадком Монгольского государства.

Широко раскинувшаяся по Великой Евразийской степи Золотая Орда была по площади одним из самых больших государств Средневековья. Но правители этого политического образования, монгольские ханы, мало интересовались землями, непригодными для расширения кочевий. Поэтому в составе Орды оказались только степные территории кочевых племен — башкир, волжских болгар, кипчаков и т. п. Жители других ландшафтных зон — лесных, лесостепных и горных — были превращены в данников ордынского хана, с сохранением территориальной обособленности и собственных политических структур. То есть для прежних врагов-соседей — половцев и русичей — походы Батыея имели разные последствия. Кумания перестала существовать, став частью Орды. Правда, отношения завоевателей-монголов с половцами складывались своеобразно. Монголы постепенно растворялись в численно превосходившей их кипчацкой среде, и уже в XIV в. они были ассимилированы как в языковом плане, так и антропологически. Один из тогдашних арабских авторов писал об этом так: «Все они стали похожи на кипчаков, словно принадлежали к тому же роду, ибо монголы, поселившись в земле кипчаков, вступали с ними в браки и оставались жить на их земле».

Попутно стоит заметить, что это слияние стало одной из причин курьезной неразберихи в понятиях «монголы» и «татары». Историки XIX в. считали последних представителями тех тюркских народов, которые якобы принимали участие в завоевательных походах монголов. В действительности же в европейских текстах XIII–XIV вв., в том числе и на Руси, «татарами» называли собственно монголов. Это слово европейские книжники заимствовали из Китая, где «татарами» именовали всех кочевых соседей империи. Под впечатлением от монгольских погромов латинизированный вариант слова «татары» (Tartari) начинает отождествляться с мифическим Тартаром — подземным царством, адом, который маркировал монголов («татар») как «исчадий ада», «людей дьявола». Так что широко используемый термин «монголо-татары» (или «татаро-монголы»), введенный русскими историками в первой четверти XIX в. для обозначения монгольской армии, — не более

чем недоразумение, потому что должен был бы дословно переводиться как «монголо-монголы».

Напротив, русские княжества самостоятельного существования не прекратили. Монгольское верховенство над ними реализовывалось в виде взимаемой с населения дани и в виде выставляемой вспомогательной военной силы — дружин князей-вассалов. Кроме того, в ходе периодических грабительских походов с целью наказания «непослушного князя» или поддержки одного из русских правителей во внутренних конфликтах монголы забирали местное население в плен. Уже во второй половине XIII в. становятся заметными некоторые отличия в положении тех или иных русских княжеств, определившие их будущую судьбу. Самые тяжелые испытания выпали Владимиро-Суздальскому и Рязанскому княжествам, где вследствие территориальной близости к Орде вассальная зависимость приобрела особенно унижительные формы и длилась дольше всего. Это, впрочем, стало дополнительным стимулом к консолидации сил, что в конце концов дало возможность Руси вновь обрести независимость и заложило фундамент будущего Русского государства. Не завоеванные монголами Новгород, Псков и ряд княжеств на землях современной Белоруссии начали все более и более сближаться со своими литовскими соседями, что впоследствии приведет к созданию Великого княжества Литовского. А судьбу княжеств на землях будущей Украины — Киевского, Переяславского, Черниговского, Туровского и Галицко-Волынского — в большой мере определили еще домонгольские события. Истошив свои силы в войне «за галицкое наследство», продолжавшейся в 1205–1245 гг., как раз накануне нашествия монголов (о ней детальнее пойдет речь дальше), пограничные Киевская, Переяславская и Чернигово-Северская земли оказались беззащитной добычей Батыя. И хотя апокалиптические масштабы разрушений, причиненных его походами 1239–1240 гг., о которых с пафосом повествуют тогдашние источники, историки и археологи уже давно подвергли сомнению, установление здесь монгольского верховенства стало без преувеличения катастрофой. Парализованные вмешательством ханов во внутреннюю жизнь, обескровленные экономически, самые старые русские княжества потеряли главное — синхронность нарастания темпов культурных изменений с западными соседями. В то время как в Польше, Венгрии и Чехии на протяжении XIII–XIV вв. совершенствовались политические институты, создавались первые университеты, упрочивались самоуправляемые формы организации общества и возрастала роль города, Киев и Чернигов откатились назад. В частности, Киев превратился в некое подобие «переходящего кубка»:

в бывшей столице Руси по ярлыкам золотоордынских ханов «правили» князья, которые никогда и ногой сюда не ступали. Морально деградировала терроризируемая монголами княжеская элита, приходила в упадок городская жизнь, интенсифицировалось беспрестанное дробление княжеств (например, на Чернигово-Северской территории в начале XIV в. их уже было не менее десяти).

В противовес этому галицко-волынской княжеской ветви, которая вышла победителем из войны «за галицкое наследство», удалось на целый век отсрочить исчезновение с исторической арены последних осколков Киевской Руси.

3. Галицко-Волынское княжество — Королевство Руськое

Формирование территории. «Сепаратизм» Ростиславичей

Впервые земли будущего Галицко-Волынского княжества упоминаются летописью в связи с походом Владимира Святославича в 981 г.: «Иде Володимиръ к ляхомъ и зая грады ихъ: Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью».

Насколько можно предполагать, речь шла о переподчинении племен в верховьях Припяти и вдоль рек Западный Буг, Сян и Верхний Днестр. Этническая идентификация упомянутых племен остается предметом дискуссий. В частности, в Побужье древние источники упоминают бужан, дулебов и волынян (допускают, что это — хронологически последовательные названия одного и того же племени), а в Надсянье и Верхнем Поднестровье — уличей, тиверцов и белых хорватов. Также не совсем ясно, кого следует понимать под «ляхами». В 981 г. Краков находился под владычеством чешского короля, поэтому одни исследователи утверждают, будто бы «ляхи» на самом деле — Чехия, а другие вообще считают упомянутое свидетельство летописи позднейшей вставкой.

Так или иначе, однако именно в правление Владимира Святославича судьба будущей Галиции и Волыни была впервые объединена с «Руськой землей», то есть Средней Надднепрянщиной. Тогда же, в конце X в., киевский князь заложил «во имя свое» город Владимир на р. Луг, передав его вместе с новоприсоединенными землями в управление сыновьям — Борису, а позже Всеволоду. Существует рассказ об одновременном учреждении во Владимире в 982 г. епархии, что вряд ли соответствует действительности. Первый владыка

Стефан, поставленный в «Володимерьскую оболость», до этого был игуменом Киево-Печерского монастыря и умер в 1094 г., поэтому епископская кафедра появилась здесь не ранее 1080-х гг. Связь с Киево-Печерским монастырем владимирские иерархи сохраняли и в дальнейшем, а построенный в 1160 г. во Владимире величественный кафедральный собор своими архитектурными особенностями, так же как и посвящением Успению Богородицы, отсылал к одноименной святыне печерских монахов.

До конца XI в. волынские и прикарпатские земли образовывали одну административную единицу, подчиненную киевскому княжескому столу. Однако постепенное увеличение количества городов, часть из которых вскоре превратится в самостоятельные политические центры, свидетельствует о начале выделения. Скажем, на Волыни, кроме Владимирской земли, которая на западе достигала Буга, на севере верховьев Припяти, а на востоке — реки Стоход, сформировалась Луцкая волость. В свою очередь, в Луцкой волости, вскоре превратившейся в отдельное княжество со столицей в Луческе (Луцке), в XII–XIII вв. уже имелось немало укрепленных крепостей: Шепол (Шепель), Полонна (Полонное), Перемышль, Дубень (Дубно), Кремянец, Збараж, Плиснеск (в настоящее время не существует), Чорториеск (Чорторийск) и др. Вокруг большинства из них впоследствии возникнут более мелкие единицы-волости, которым в будущем суждено будет стать отчинами волынских князей. К востоку от Луцкой земли с конца XI в. как отдельная территориальная единица начинает упоминаться Погоринская волость — район бассейна р. Горынь вокруг Дорогобужа, а южнее, вдоль р. Случь и в верховьях Бога (Южного Буга), появится Болоховская земля с центром в городе Болохов [в настоящее время предположительно г. Любар]. Среди более крупных местных городов выделяют Возвягль [позже Звяголь, в настоящее время Новоград-Волынский], Колодежин, Межибоже [сегодняшний Меджибож Хмельницкой обл.].

К северу от Владимирской протянулась Берестейская земля, первоначально принадлежавшая Туровскому княжеству, а в конце XII в. присоединенная к княжеству Владимирскому (наиболее древние местные города в настоящее время расположены отчасти в Беларуси, отчасти в Польше: Бересть (Брест), Кобринь (Кобрин), Камянец, Дорогичин, Бельск, Войнь). К западу от Владимира, в Забужье, пролегла Холмская земля, названная так по заложному около 1237 г. Данилом Галицким городу Холм [в настоящее время Хелм на территории Польши]. В пограничье Волыни и Прикарпатья располагались Червенская и Белзская земли. Первая, упоминающаяся в источниках с X в. под названием «Червенски грады», сформировалась вокруг города Червен

[в настоящее время польское село Чермно]. На ее территории находился Волин, один из самых древних славянских городищ над Бугом [в настоящее время Грудек Надбужны]. Что касается Белзской земли, вскоре ставшей удельным княжеством, то она занимала север нынешней Львовской обл.; ее самые крупные города с неприступными замками посреди болот — это столица земли Белз и Бужеск (Буск).

Земли, которые в будущем станут называться Галицией по названию своей столицы Галича [в настоящее время Ивано-Франковской обл.], а в составе Польского королевства в течение многих веков именовавшиеся Руським воеводством, охватывали четыре земли — Перемышльскую, Звенигородскую, Теробовльскую и Галицкую. Самая западная, Перемышльская земля с одноименной столицей над р. Сян [в настоящее время Пшемысль в Польше], простиралась вдоль русько-польского приграничья*. Звенигородскую землю с центром в Звенигороде [до наших дней не сохранился] можно приблизительно отождествить с центральной частью современной Львовской обл.; около 1256 г. впервые упоминается львовский замок, построенный на пересечении путей из Перемышля на восток и из Владимира и Холма на юг. К юго-востоку от Звенигородской, на границе с заднестрянской степью, лежала Теробовльская земля. Теробовль [Теробовля, в настоящее время райцентр Тернопольской обл.] контролировал также Понижье — пространство над Средним Днестром, позже получившее название Подолья (среди местных городов в источниках XIII–XIV вв. упоминаются Скала, Хотень [Хотин], Бакота, Ушица и др.). Наконец, юг Прикарпатья занимала Галицкая земля, которую (конечно, очень условно) можно локализовать на территории нынешней Ивано-Франковской области. Центром этой земли был Галич, впервые упомянутый под 1098 г.; уже в киево-руськие времена крупным центром солеварения на этих землях стала Коломыя, а одним из крупных пунктов торговли галицкой солью — Зудечив [Жидачив].

Обозначенный конгломерат земель-волостей, как уже отмечалось, подчинялся непосредственно киевскому князю или его наместникам. Однако в 1084 г. эта система зависимости была впервые нарушена, и в Прикарпатье самовольно вокняжились трое братьев — Рюрик, Володарь и Василько Ростиславичи, сыновья тмутараканского князя Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого. Согласовывая свои действия, Ростиславичи при

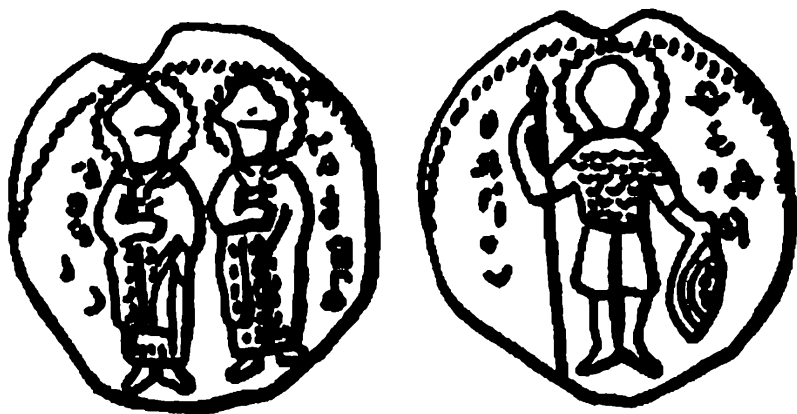
* После Второй мировой войны к Польше отошла, как уже отмечалось в введении к этому очерку, полоса над р. Сян и земли в Забужье, охватывавшие Червенскую и отчасти Холмскую, Белзскую и Перемышльскую земли. Из бывших древнерусских городов на территории Польши оказались Перемышль, Холм, Ярославль [Ярослав], Сянок и Ряшив.

поддержке местных бояр сумели закрепиться в Перемышле, Звенигороде и Теребовле, так что после неоднократных попыток киевского князя выбить их оттуда силой княжий съезд 1097 г. в Любече признал за ними право на эти земли как на «отчину». Независимость, обретенную в упорной борьбе с Киевом, пришлось защищать еще полвека при помощи оружия. В перипетиях этой борьбы Ростиславичи, а потом их сыновья и внуки не раз опирались на помощь заднестрянских соседей-половцев. Именно при поддержке хана Боняка Володарю и Васильку удалось отбить поход привлеченных Киевом угров, а также осуществить несколько совместных русько-половецких экспедиций в ходе пограничных войн с краковскими князьями; в то же время в приграничье Галицкой и Теребовельской земель они расселили кочевников-федератов.

Показательно, что уже второе поколение Ростиславичей не идентифицировало себя с «Руськой землей». Например, если князь Василько Ростиславич свои походы на Польшу мотивировал стремлением «отомстить за Руськую землю», а рейды в Половецкое поле — намерением «сложить голову за Руськую землю», то его племянник Владимир, отсылая посла киевского князя, который требовал принять своих наместников

в галицкие города, насмеялся над ним так: «Уехал муж руський, захватив все волости».

После смерти в 1124 г. Василька и Володаря (Рюрик умер раньше, в 1094 г.) между их наследниками разгорелась война, победителем из которой вышел Владимир Володаревич, или, как его называли, Владимирко (†1153). Человек неистощимой энергии, Владимирко был склонен идти к поставленной цели не оглядываясь. Например, с его именем связан беспрецедентный для того времени эпизод глумливого отношения к крестной присяге. В перипетиях войны 1149–1152 гг. с киевским князем, в очередной раз попытавшимся отбить Галицкую землю, Владимирко был вынужден присягнуть, что вернет волости, однако присяги не выполнил. Когда же великокняжеский посол напомнил ему, что он отступил от крестного целования, Владимирко, кивнув на крест, пренебрежительно бросил: «Сии ли крестець малый?» (как поучительно подытоживает летописец, в ту же ночь кощунствующего парализовало и он умер).

25. Печать князя Романа Галицкого
(прорисовка)

Владимирку выпало стать подлинным творцом Галицкого княжества. В 1141 г. он перенес столицу из Перемышля в Галич, где нашел общий язык с местными боярами, а в войне 1149–1152 гг. окончательно отбил претензии на Галицию у киевского князя и его союзников-венгров. Сын Владимирка Ярослав (1153–1187) закрепил достижения отца. Действуя то с дипломатической осторожностью, то решительно, Ярослав превратил Галицкое княжество в одно из самых сильных на тогдашней Руси. Однако его правление совпало с внутренним кризисом, внешне проявившимся в виде семейных неурядиц, за которыми в действительности стоял конфликт между утверждавшим свое «самовластье» князем и своевольными боярами. Поводом к открытому конфликту послужили семейные дразги. Бояре, якобы возмущенные «аморальностью» князя, в 1171 г. сожгли его любовницу — боярыню «Настаску» из рода Чагров (как предполагает Иван Крипьякевич, половецкого рода) и вернули из изгнания законную жену Ольгу, дочь Юрия Долгорукого, владимиристо-суздальского князя (в свое время вместе с ней в Польшу выехали «многие бояре», и это является дополнительным подтверждением далеко не семейной причины столкновения). Однако Ярослав решил эту дилемму по-своему: умирая, он передал верховную власть внебрачному сыну Олегу «Настасьчичу», а сына Ольги Владимира, нелюбимого и непокорного, посадил на удел в Перемышле.

Завет князя исполнен не был. Как скажет летописец, после смерти Ярослава была смута великая в Галицкой земле, так как галицкие мужи, сговорившись с Владимиром и преступив крестное целование, выгнали Олега из Галича, а Владимир занял в Галиче стол «отца своего и деда своего». Однако вскоре обнаружилось, что и Владимир не удовлетворяет бояр: «Думы не любил с мужами своими». В упрек ему ставили и моральные прегрешения, вряд ли достаточно весомые в этих событиях, — он якобы пьянствовал, имел любовницу-попадью и сверх меры любил женщин. Началась двухлетняя внутренняя война, в которой и Владимир, и враждебные друг другу боярские партии обращались за помощью то к венграм, то к полякам, то к соседним русским князьям. Наконец, в 1189 г. Владимиру при поддержке немецкого императора Фридриха I Барбароссы и польского короля удалось повторно утвердиться в Галиче. А так как собственных сыновей он не имел, то с его смертью (†1199) род Ростиславичей прервался. Наиболее инициативным среди соседей оказался волынский князь Роман Мстиславич: в том же году, опираясь на местную боярскую группу, он овладел Галичем. Так впервые Волынь, Забужье, Приднестровье и Прикарпатье были объединены в рамках одного политического организма.

Появление Романа Мстиславича на исторической арене не было случайным. Ведь в течение века, пока Галицией правили Ростиславичи, на Волыни происходили похожие, направленные на эмансипацию от Киева процессы. До конца 1160-х гг., как уже отмечалось, волынские волости были подчинены или напрямую киевскому князю, или его ставленникам. Однако при Мстиславе Изяславиче, правнуче Владимира Мономаха, княжившем в Киеве в 1167–1170 гг., эта традиция была нарушена. Мстислав передал Луцкую землю своему брату Ярославу, а Владимирскую разделил между сыновьями: старший, Роман, получил Владимир, трое младших соответственно Белз, Червен и Берестье. После смерти дяди и младших братьев Роману Мстиславичу удалось объединить под своим верховенством всю Волынь, а с присоединением в 1199 г. Галиции стать правителем одного из самых крупных княжеств тогдашней Руси.

В посмертной похвале Галицко-Волынская летопись называет Романа «самодержцем», что является калькой с греческого слова «автократор». Именно этот титул использовался применительно к своей власти византийскими императорами, что может рассматриваться как свидетельство того, как именно книжник воспринимал объем власти князя. В то же время Роман назван победителем «всех языческих народов» (потому что он и в самом деле осуществил ряд успешных походов на половцев и на беспокоившее набегами Волынь прусское племя ятвягов), а его боевые победы описаны с выпендренной возвышенностью: «Устремил бо ся бяше на поганя, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ, яко и турь...»

Апокрифическая традиция Нового времени (авторство которой, вероятнее всего, принадлежит самому В. Н. Татищеву, исследователю этих событий) приписывает Роману Мстиславичу авторство выдвинутого в 1203 г. проекта «добротоу порядка», то есть реорганизации модели власти на Руси. В шести крупнейших княжествах — Галицко-Волынском, Владимиро-Суздальском, Полоцком, Черниговском, Смоленском и Рязанском — якобы предлагалось ввести майорат, то есть обязательную передачу княжеского стола старшему сыну, и только эти шесть правителей, подобно князьям-курфюрстам Германской империи, должны были избирать верховного киевского правителя. Какой была бы судьба этого проекта (если он действительно существовал), сказать тяжело: в июне 1205 г. во время пограничного похода в Польшу Роман был неожиданно окружен вместе с небольшим отрядом и убит в бою. Похоронен создатель Галицко-Волынской державы во Владимире, в соборном храме Успения Богородицы, и сразу после этого, по словам летописца, «большая смута встала в земле руский».

Войны за «галицкое наследство».

Данило Галицкий

После смерти Романа осталось два его малолетних сына: четырехлетний Данило и двухлетний Василько. Вдова Романа княгиня Анна, заручившись поддержкой свояка, венгерского короля Андраша II Арпада*, была признана боярами регентшей при малолетнем Даниле, но власти удержать не смогла. Осенью 1205 — весной 1206 г. удельный белзский князь Александр Всеволодович, племянник Романа, при помощи краковского князя Лешка Белого занял Владимир, а в Галиче и Звенигороде утвердились черниговские Ольговичи — братья Владимир и Роман Игоревичи, которые по матери приходились внуками Ярославу Владимировичу, то есть могли законно претендовать на наследство деда. Княгине Анне пришлось сперва бежать из Галича, а затем и из Владимира (во время второго побега кормилица даже выносила маленького Василька через подземный ход — «дырой городской стены»). Так что детство Данила прошло при дворе его дяди, венгерского короля, а самой Анне с Васильком удалось спустя некоторое время вернуться на Волынь, правда в Белз, а не во Владимир.

Братья Игоревичи, осев в Галицком княжестве, быстро вступили в конфликт со строптивыми галицкими боярами. Об остроте противостояния свидетельствует то, что при подавлении какого-то заговора черниговцы в 1210 г. рискнули прибегнуть к репрессиям, во время которых при неясных обстоятельствах якобы было убито 500 бояр, «а другие разбежались» — бежали в Венгрию. Именно там под протекцией короля жил маленький Данило, поэтому галицкие «мужи» объявили королю о своем желании вернуть его на княжение. В течение 1210 г. соединенные силы венгров и местной знати взяли с боями Перемышль, Звенигород и Галич; тогда же произошло уникальное в истории Руси событие: захватив Игоревичей, бояре повесили их «ради мести».

В сентябре 1211 г. девятилетний Данило был торжественно посажен на княжеский стол, однако ненадолго. В сумятице очередного боярского мятежа 1213 г. могущественный галицкий боярин Владислав Кормильчич «въехал в Галич и вокняжился, и сел на столе», а Данила отвезли к матери на Волынь. Но князем на Руси мог быть только сын князя, поэтому это стало прологом к новому столкновению, в результате которого Андраш II передал галицкое княжение своему пятилетнему сыну Коломану [Кальману]. Опорой

* Андраш II и еще один соседний правитель, краковский князь Лешко Белый, были троюродными братьями Романа Мстиславича: первый по линии своей бабушки Ефросинии, дочери киевского князя Мстислава Владимировича, второй — по матери Елене Ростиславовне, приходившейся Роману двоюродной тетей.

ему должны были стать, по замыслу короля, провенгерски настроенные бояре во главе с одним из наиболее богатых людей Галичины, боярином Судиславом. В 1217 г. Кальман, с согласия папы, был коронован на «Королевство Галицкое». Андраш II в своем прошении к папе мотивировал необходимость коронации Кальмана тем, что вследствие этого он станет более любим своими подданными, а кроме того, корона, присланная папой, будет способствовать утверждению его авторитета среди соседей.

Однако вышло наоборот. Такой поворот событий показался опасным краковскому князю Лешку Белому, который, как уже отмечалось, взял под свой контроль расчлененную на мелкие уделы Волынь. Пытаясь избавиться от коронованного соседа, Лешко обратился к своему двоюродному брату Мстиславу Удалому, одному из смоленских Мономаховичей, к тому времени княжившему в Новгороде: «Ты мне брат. Приди и сядь в Галиче!» Поскольку матерью Мстислава, по всей видимости, была одна из дочерей покойного галицкого князя Ярослава Владимировича, это давало ему право «легально претендовать» на галицкий стол. Поэтому, воспользовавшись пребыванием Андраша II в Крестовом походе, Мстислав в 1219 г. выбил венгров из Галича, а в 1221 г. окончательно закрепился здесь при помощи половцев.

В этих перипетиях прямые наследники Романа Мстиславича, Данило и Василько, еще не играли никакой роли. Распорядившись Волынью Лешко Белый поместил их мать сначала в Белзе, позже в Бресте, а с 1213 г. — в маленьком Каменце над р. Горынь. Однако ни вдова Романа, ни юные княжичи не теряли надежды вернуть отчину. Как пишет летописец, они, «на Володимир приглядаючись», говорили: «Так или иначе, а Владимир будет наш, с Божией помощью». Уверенность вселяло и то, что волынская знать, в отличие от галицкой, оставалась верной Романовичам, а Лешко Белый был лоялен в отношении племянников: в 1215 г., когда Данилу исполнилось 14 лет, Лешко принудил Александра Всеволодовича Белзского вернуть княжичу родительский стол во Владимире. Несколькими годами позже летописец вложит в уста венгерского короля реплику о мощности этого города. Будто бы подойдя к городу и «удивившись», король произнес:

«Такого города я не встречал даже в немецких странах». Таким он и был! А на городских стенах стояли воины, блистали щиты и доспехи, подобные солнцу.

На протяжении последующих 15 лет братья «собирали» отцовское наследство, действуя в тесном согласии между собой. И, лишь проведя несколько

войн, в которые были втянуты краковские, киевские, черниговские и пинские князья, им удалось подчинить себе утраченные уделы в Луцке, Чорторийске, Пересопнице, Бресте и др. Как видно из летописного рассказа о походе на Белз и Червенские грады, молодые княжичи действовали согласно обычаям своего времени: «И в ту ночь в субботу Данило и Василько разорили окрестности Белза и Червена, и вся страна была разорена, боярин боярина грабил, смерд смерда, горожанин горожанина, так что не осталось ни одной деревни не разграбленной».

Когда в Галиче вокняжился Мстислав Удалой, Данило попробовал войти с ним в союз, женившись в 1219 г. на старшей дочери Мстислава Анне. Однако существенной выгоды этот брак ему не принес, тем более что Мстислав, по совету могущественного галицкого боярина Судислава, в 1222 г. выдал вторую дочь, Марию, замуж за младшего сына венгерского короля Андраша II королевича Андраша и тогда же передал ему во владение Перемышль. Это привело к новым конфликтам, так что в итоге Мстислав, передав правление Андрашу, в 1227 г. навсегда выехал из Галиции сначала в Понизье, а затем в Торческ, где и умер (†1228). После этого Данило вплоть до смерти короля Андраша несколько раз отбивал и терял Галич, пока на его сторону не встали горожане. Книжник описывает это следующим образом:

Подъехавшу же ему подь городъ и рече имь: «О мужи градъстии, доколѣ хотите терпѣти иноплемьныхъ князий державу?» Они же воскликнувшѣ рѣша, яко: «Се есть держатель нашъ Богомъ даный!» И пустишася, яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику.

Ясно, что далеко не все выглядело настолько идиллически. Времена борьбы за Галич были преисполнены, по словам того же летописца, «многими мятежами, и большими обманами, и многочисленными войнами». Когда Данило взял Галич, здесь княжил приглашенный боярской верхушкой сын черниговского князя Михаила Всеволодовича Ростислав (Михаил был женат на дочери Романа Галицкого, то есть приходился шурином Данилу и, следовательно, тоже имел формальные основания претендовать на галицкое княжение). В 1242 г. Ростислав стал зятем очередного венгерского короля Белы IV и получил солидную военную помощь в борьбе за утраченный из-за Данила стол. Изнурительное соперничество между обоими претендентами на Галич продолжалось до 1245 г., пока не было окончательно разрешено в успешной для Данила битве под г. Ярославом. В ней приняли участие все ближайшие соседи. На стороне Ростислава выступали венгры, а на помощь Романовичам

пришли отряды половцев и литовцев; поляки же воевали на обеих сторонах — одни в полке Конрада Мазовецкого, свата Данила, а другие у союзника Ростислава, краковского князя Болеслава Стыдливого. Эта триумфальная для Данила и Василька Романовичей битва подытожила сорокалетнюю борьбу «за галицкое наследство», одновременно став чем-то вроде стартовой отметки, обозначившей последнее столетие истории княжеской Руси — уже не Киевской, а Галицко-Волынской.

* * *

Героем-творцом Галицко-Волынской державы был, без сомнения, Данило Галицкий, настолько идеальный правитель в глазах летописца, что для его возвеличивания были привлечены библейские параллели:

Бѣ бо дерзь и храборь, от главы и до ногу его не бѣ на немь порока... Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, украси ѣ разнообразными красотами. Бяшетъ бо братолюбьемъ святяся с братомъ своимъ Василкомъ. Сей же Данило бяшетъ второй по Соломонѣ.

Летопись наделяет Данила «полным комплектом» княжеских добродетелей: он не только мудр и отважен, но и красив, пышен, щедр. Например, в битве на Калке он ведет себя наиболее заметно — молодость и отвага позволила ему «не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его»; горожане Галича приходят к нему, «яко жажущи воды ко источнику»; его въезд 1246 г. в город Пожг [ныне Братислава] на встречу коалиции претендентов на австрийское наследство описан так:

Сам Даниил ехал, по руському обычаю, подле короля: конь под ним был на удивленье, позолоченное седло, стрелы и сабля украшены золотом и другими украшениями, достойными удивления: кожух из греческого оловира, обшитый широким золотым кружевом, сапоги из зеленой кожи, шитые золотом. Немцы смотрели и сильно дивились. И сказал Даниилу король: «Я отказался бы от тысячи серебра, лишь бы ты пришел, — по руському обычаю своих отцов».

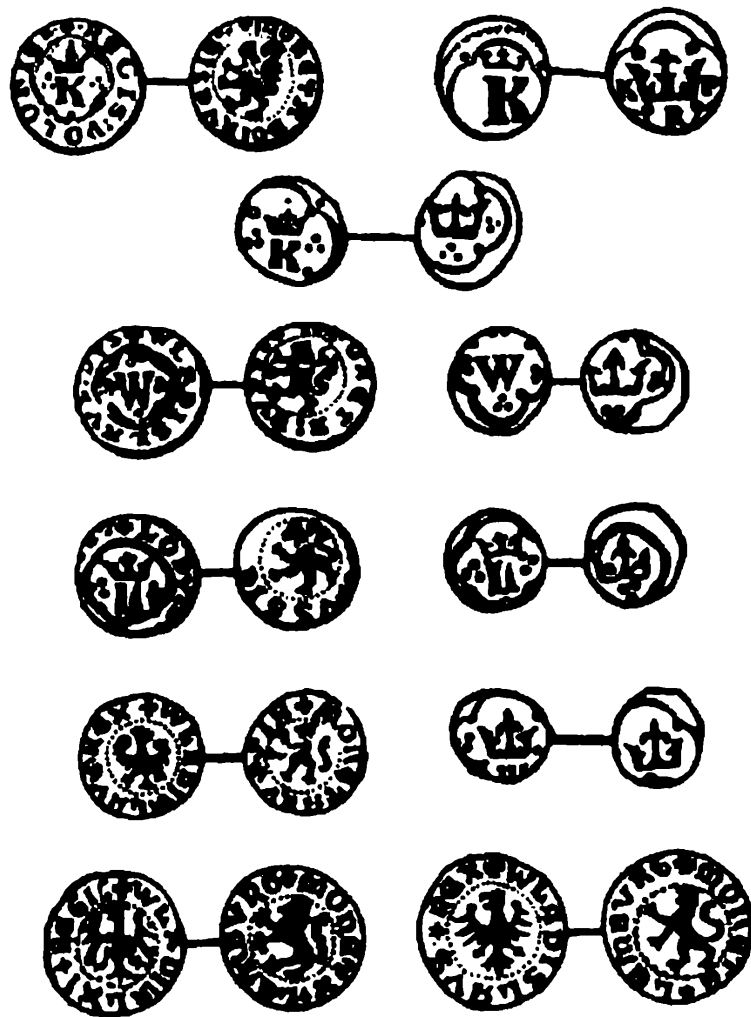
Ореол, возникший вокруг фигуры Данила Галицкого, наверное, все-таки имел под собой основания. Ведь ему удалось осуществить две главные задачи правителя — установить внутренний мир в своих владениях и обеспечить

авторитет среди соседей. На долгое время отошли в тень своевольные галицкие бояре, обращенные в послушных вассалов, а княжескую семью не раздирали кровавые междоусобицы. Сам Данило правил в Холме и Галиче, а его брат Василько — во Владимире, однако важные акции Романовичи осуществляли сообща. После смерти братьев княжество было разделено между сыновьями Данила и сыном Василька. И хотя без некоторых трений личного характера не обошлось, однако они устранялись без войн. Наиболее сложной внешней проблемой оставалась монгольская, однако благодаря дипломатическим усилиям Данила Галицко-Волынского княжеству удалось достичь более мягкой формы зависимости от Золотой Орды, чем Киевскому и Черниговскому княжествам. После поездки Данила в 1245 г. «на поклон» в Сарай правители Галиции и Волыни считались не слугами, а союзниками хана:

они должны были высылать собственное войско в случае монгольских походов, но регулярной дани, сопровождаемой переписью населения, не платили. Что же до совместных военных операций, то их вместе с отрядами хана галичанам пришлось осуществлять не раз: в 1258 и 1277 гг. против Литвы, в 1259–1260 и 1286–1288 гг. против Польши, в 1285 г. — против Венгрии.

Отдаленное от Орды географически и достаточно благополучное экономически Галицко-Волынское княжество привлекало мигрантов из других земель Руси. Этому способствовала также протекционная политика Данила. Вот как повествует летописец о перестройке Холма, заложенного в 1237 г.:

Идяху день и во день и уноты и мастерѣ всяци, бѣжаху ис татарь сѣдѣлници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу, и мѣди, и сребру. И бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле села.

26. Галицкие монеты второй половины XIV — первой четверти XV в. (прорисовка)

Следствием стабилизации стало то, что в 1250-х гг. (с очевидным прицелом на возможную войну с Ордой) развернулись масштабные фортификационные работы, в частности были перестроены и укреплены Владимирский и Кремянецкий замки и некоторые другие крепости. Тогда же Данило провел реорганизацию войска: его тяжеловооруженная конница («оружники») впервые на Руси облачилась в обычное для Европы рыцарское снаряжение, защищавшее и всадников, и коней, а параллельно выделилась легковооруженная конница с луками («стрелки»).

Ханы пристально следили за «благонадежностью» своих окраинных вассалов, прибегая в случае подозрений к карательным акциям. Именно этим обернулись для Данила оборонительные мероприятия: в 1258–1259 гг. монгольский воевода Бурундай, идя «с силой большой» через местные земли на Литву, приказал разобрать только что построенные крепостные укрепления: «Если вы мои союзники, разрушите все укрепления городов своих». Сил для сопротивления Золотой Орде не хватало, поэтому осенью 1259 г. под личным наблюдением Бурундая была срыта и сожжена крепость во Владимире, разобраны укрепления Луцка, Кремянца, Львова и других замков. Тогда же, с середины XIII в., Галиция и Волынь попадают в поле зрения папского престола. На Лионском соборе 1245 г., на котором среди прочего обсуждалась угроза со стороны кочевников, с сообщением о событиях на Руси выступил православный архиепископ Петр (часть исследователей считает его посланцем Данила Галицкого, а часть — человеком черниговского князя Михаила Всеволодовича). Весной 1245 г. папа Иннокентий IV отправил в монгольскую столицу посольство во главе с францисканским монахом Джованни ди Карпини, который должен был собрать информацию о силах и военных планах монголов, а также наладить контакты с подчиненными им христианскими правителями.

Непосредственно руських дел касались семь папских посланий от мая 1246 г., в том числе адресованных непосредственно самому «светлому королю Руси» — Данилу Галицкому. Папа «с особенной лаской и благосклонностью» предлагал ему опеку Святого престола, поощряя к переговорам об объединении руськой Церкви с Римом, — с последующей целью совместной борьбы против монголов. В начале 1247 г. в Лион, где находился Иннокентий IV, отправилось руськое посольство. Ответом на этот визит стала серия писем папской курии августа — сентября 1247 г., в которых папа признавал суверенность прав галицко-волынских князей «на весь их народ и землю». В случае же, если дело дошло бы до объединения Церквей, папа подтверждал согласие на сохранение греческого обряда и славянской литургии (очевидно, это требование выдвигалось как одно из условий согласия).

Как известно, планы папской курии по созданию европейской коалиции для войны с монголами реализовать не удалось, поэтому и проект объединения Церквей потерял в глазах Данила Галицкого политический смысл и выполнен не был. Однако следствием упомянутых контактов стала торжественная коронация галицко-волынского правителя, тем самым якобы принимавшегося под опеку папы, подобно другим правителям христианской Европы. В летописи об акте коронации рассказывается не без сказочно-легендарных деталей: Данило якобы дважды под разными предлогами отказывался от короны и принял ее только с третьего раза, после уговоров со стороны матери и князей-соседей. Так или иначе, известно, что произошло это в Дорогочине в декабре 1253 г., а королевские регалии — «венец, и скипетр, и корону, которые означают королевский сан» — вручил Данилу посланец Иннокентия IV, аббат бенедиктинского монастыря из сицилийского города Мессина Опизо. Характерно, что в дальнейшем летописец титулет Данила уже не «князем», а только «королем», а корону, подаренную папой, называет «венцом от Бога, от церкви Святых Апостолов, от престола Святого Петра, и от отца своего, папы».

27. Печать Юрия Львовича с надписью «Король Руси»

Забегая вперед, остается лишь добавить, что последним, кто использовал титул «короля Руси» [rex Rusiae]*, был внук Данила Юрий Львович (†1308). Сыновья Юрия Лев и Андрей в качестве соправителей Галиции и Волыни титуловались, соответственно, «dux Galiciae» и «dux Ladimirae», то есть «князь Галиции» и «князь Владимирии». Очевидно, уже в начале XIV в. понятие Galicia стало отождествляться с понятием Russia, что прослеживается в одном из вариантов титула Андрея Юрьевича: «dux Ladimirae et dominus terrae Russiae» [«князь Владимирии и правитель русьской земли»]. В связи с недостаточной исследованностью нюансов княжеской титулатуры сложно однозначно утверждать, какое содержание в том или ином случае вкладывалось в слово «Русь». Порой оно ставилось рядом со словами «Галиция» и «Владимирия» (в частности, именно так звучит титул Андрея и Льва Юрьевичей 1316 г.:

* Из документов канцелярий галицко-волынских правителей сохранились преимущественно акты, написанные на латыни, и именно они использованы здесь в качестве примеров.

«duces totius terrae Russiae, Galiciae et Ladimirae»). Наконец, именно в это время, в соответствии с утвердившимся формуляром латинского акта в соседних Чехии, Венгрии и Польше, в руськой княжеской титулатуре впервые появляется формула «Dei gratia» [«Божьей милостью»].

Что же касается самих королевских регалий (кроме короны, скипетра и державы, к ним можно отнести также «престолы», упоминавшиеся в связи со столичными кафедральными храмами Галича и Владимира), то имеется свидетельство, что в 1340 г. польский король Казимир III вывез из Львова казну галицко-волынских князей, в том числе «две драгоценные диадемы, одну очень ценную тунику [княжеское корзно] и престол, украшенный золотом и дорогими камнями». Последующая судьба королевских клейнодов династии Романовичей неизвестна.

Новый передел «галицкого наследства». Финал киево-руськой истории

Около 1323 г. при неизвестных обстоятельствах (допускают, что в походе против Орды) погибли оба последних представителя рода Романовичей — братья Андрей и Лев Юрьевичи, соправители Волыни и Галиции. Претендентов на их наследство хватало, однако показательно, что среди них уже не было ни одного представителя княжеского рода Рюриковичей: столь далеко зашло отчуждение прежней руськой княжеской «братии». Между 1324 и 1325 гг. в роли галицкого и волынского правителей эпизодически упоминаются двое братьев-князей из Силезии, якобы приглашенных боярами, а в начале 1325 г. княжеский стол занял избранный волынскими боярами Болеслав Тройденович — сын мазовецкого князя и сестры покойных Романовичей Марии Юрьевны. Крещенный по православному обряду под именем Юрия, Болеслав с титулом «прирожденного князя и правителя Руси» [«natus dux et dominus Russiae»] осел во Владимире, выбрав его своей столицей. Однако ему не удалось найти крепкую опору в местной знати. Князю ставили в упрек излишнюю протекцию горожанам-иностранцам — чехам и немцам, попустительство католическому духовенству, которое пришло на Русь вслед за ним, а также какие-то неизвестные в подробностях притеснения в правах волынской верхушки. Поэтому все более и более крепла пролитовски настроенная оппозиция бояр, которые ориентировались на зятя покойного Андрея Юрьевича Любарта — сына великого князя литовского Гедимины. В конечном итоге 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был якобы отравлен, а на княжеский стол посажен Любарт, крещенный под именем

Дмитрия. Реально власть Любарта-Дмитрия ограничивалась Волынью, а столица находилась в Луцке, номинально же в его подчинении первоначально находилась и Галиция. Однако вскоре обеим половинам государства Романовичей было суждено разойтись окончательно.

По некоторым свидетельствам (впрочем, достаточно сомнительным), Юрий-Болеслав перед смертью признал своим наследником польского короля Казимира III. Так ли это было или нет, но уже через несколько дней после смерти галицко-волынского правителя Казимир завладел Львовом, однако, столкнувшись с сопротивлением горожан, удержать его не смог. Поэтому фактически на протяжении 1340-х гг. Галичиной распоряжался один из ближайших советников покойного Юрия-Болеслава боярин Дмитрий Дедко. Под титулом «управителя, или старосты руськой

земли» он осуществлял, по сути, независимую от Любарта политику, признавая себя вассалом одновременно трех соседних правителей — Любарта, Казимира III и тогдашнего короля Венгрии Людовика Анжуйского (последний после смерти Юрия-Болеслава выставил претензии на Русь, опираясь на прецедент упомянутого уже правления в Галиче короля Андраша Арпада). Однако дипломатических талантов галицкого самозванца хватило ненадолго. В 1344–1345 гг. Казимир III сумел отторгнуть от земель, контролируемых Дедком, Сяноцкую землю, а в 1349 г. осуществил масштабный поход на Русь, захватив Львов, Белз, Холм, Берестье и Владимир. В следующем году волынянам удалось отбить Владимир, Берестейскую, Белзскую и Холмскую земли, но в повторных войнах 1365–1366 и 1376–1377 гг. Холм и Белз были вновь утрачены, поэтому именно такое распределение земель бывшего Галицко-Волынского княжества установилось в дальнейшем между Польским королевством и Великим княжеством Литовским.

28. Король Людовик Венгерский (Лайош Великий). Дереворит XVI в.

Что же касается борьбы за Галицию, то она с перерывами продолжалась вплоть до 1387 г. В популярной историографической традиции войны «за галицкое наследство» нередко истолковываются как «польско-русские», что является очевидным недоразумением, поскольку немалую роль в них было суждено сыграть третьей — венгерской — стороне. Согласно договору 1350 г. между Казимиром III и его племянником, венгерским королем Людовиком Анжуйским (Лайошем Великим), тот обязывался оказать дяде вооруженную помощь при условии, что «Русское королевство» в случае его завоевания будет передано венгерской короне, а Казимир III будет лишь владеть им пожизненно. Следовательно, после смерти Казимира (в 1370) «Русское королевство» как отдельная единица обширных владений Людовика, охватывавших собственно Венгрию, Боснию, Сербию, Восточную Болгарию, Молдову и Валахию, подчинялось то непосредственно венгерскому королю, то его племяннику — силезскому князю Владиславу Опольскому. Как вассал Людовика, а затем и его дочери Ядвиги Владислав правил в Галиции в 1372–1379 и повторно в 1385–1387 гг., титулуясь «владельцем и наследником русьской земли» (с его именем, среди прочего, связана легенда о вывозе из Безла в монастырь в Ясной Горе Ченстоховской богородичной иконы, якобы написанной евангелистом Лукой, а впоследствии подаренной Льву I Даниловичу византийским императором; вероятнее всего, образ был написан в первой четверти XIV в.; впоследствии Ченстоховская Богородица станет одной из наиболее почитаемых польских святынь, небесной Королевой Польши).

Поскольку Казимир III не имел сыновей, польский трон после его смерти достался Людовику Анжуйскому, племяннику покойного, и на протяжении 1370–1382 гг. Польское и Венгерское королевства были объединены персональной унией под скипетром венгерского короля (в польской традиции Людовика-Лайоша называют Людовиком Венгерским). Поскольку и у него не было сыновей, то после его смерти (†1382) на польский престол после двухлетней неразберихи была коронована одиннадцатилетняя дочь Людовика Ядвига. Таким образом она унаследовала — в качестве личного владения отца — и «Русское королевство». В свою очередь, Ядвига, умирая (в 1399 г.), передала Галицию в собственность своему мужу, королю Владиславу Ягайло, а уже тот, дабы проложить дорогу к трону собственным сыновьям, уступил это личное владение в пользу польской короны, то есть государства. Стоит добавить, что, воспользовавшись смутой междоусобия после смерти Людовика Анжуйского, тогдашний волынский правитель Любарт Гедиминович попро-

бовал в 1382 г. в последний раз вернуть утраченные владения, однако его поход окончился неудачей.

Так завершился растянувшийся более чем на полвека второй цикл войн «за галицкое наследство». О непохожих судьбах двух половин Галицко-Волынской державы — польской и той, что отошла к Великому княжеству Литовскому, речь пойдет в следующем разделе этого очерка. Здесь же стоит подчеркнуть, что именно в это беспокойное время жизнь галичан окончательно переориентировалась на Запад и на заимствуемые у венгерских, чешских и польских соседей образцы. В частности, с середины XIV в. в городах начало распространяться Магдебургское право, занесенное немецкими купцами и ремесленниками; в княжеских канцеляриях под влиянием латиноязычных актов формул оформились каноны руського делового языка; в употребление вошло множество новых реалий социальной жизни, новых понятий и сопутствующих им деталей быта. Более подробно содержание и сам процесс появления этих нововведений будут рассмотрены дальше. Кратко можно лишь отметить, что галицкая половина государства Романовичей, исчезая с политической арены, оставляла в наследство своим жителям достаточно отличающуюся от других земель Киевской Руси культуру. Метафорически суть этих отличий можно обозначить как начало сближения русько-византийского Востока с латинским Западом.

Куда «перетекла» киево-руськая история

Растянувшаяся на сорок лет (с 1340 по 1380-е гг.) агония Галицко-Волынского княжества, завершившаяся разделом государства Романовичей между соседями — Польским королевством и Великим княжеством Литовским, стала в то же время и финальным аккордом многовековой эпохи, которую мы обычно называем эпохой «Киевской Руси». Понятие это, как известно, условно, ведь государства с таким названием не существовало, а само слово «Русь» для людей того времени было своеобразным «суперназванием» для конгломерата княжеств, которые тяготели к «Руськой земле» как символу владений династии Рюриковичей. Киев же возвышался над ними всегда: административно — пока сохранялось государственное единство, политически — пока киевский князь еще выступал в роли (хотя бы и номинального) предводителя локальных княжеских ветвей, морально — когда, лишившись политического лидерства, за киевским престолом, да и за самим городом сохранялся статус ядра, из которого «есть пошла Руськая земля».

На протяжении XIV в. судьбы княжеств, выросших из Киевской державы, разошлись окончательно. Региональные приоритеты, постепенно укреплявшиеся под воздействием географической близости, традиций местных династических связей и военных союзов, обусловили появление нескольких новых политических орбит. Таким образом, решая собственные проблемы, самостоятельной жизнью начала жить группа Северо-Восточных княжеств — прообраз будущей России; другие задачи стояли перед княжествами северо-запада — будущей Белоруссией, третьи — перед землями, ставшими в будущем Украиной, или собственно «Русьской землей», то есть Чернигово-Северским, Киевским и Галицко-Волынским княжествами.

В каждом из трех осколков прежней Киевской державы «историческая память» о Киевской Руси функционировала по-разному. Элита белорусских княжеств, создававшая свое молодое государство совместно с соседями-литовцами, на киевское наследство не оглядывалась: поскольку местные князья и бояре обычно держались в стороне от Киева, то в строгом значении Киевская Русь никогда и не была «их» прародиной и потому не вызывала ни ностальгии, ни потребности в идеологическом переистолковании. Напротив, властная верхушка Северо-Восточной Руси, сбросив золотоордынское верховенство и приступив к формированию централизованного государства, нуждалась в идейном обосновании appetитов своих творцов — энергичных князей из московской династии. Следовательно, уже с середины XV в. (по мнению Ярослава Пеленского, в ходе борьбы Москвы за подчинение Новгорода Великого, а затем — в контексте соперничества с Великим княжеством Литовским) поддается специфической обработке парадигма, на которую опираются все региональные летописи, изображая собственную историю как непосредственное продолжение истории киевской. В истолковании московских книжников второй половины XV — начала XVI в. идея законного «перетекания власти» — одна из наиболее фундаментальных среди византийских политических доктрин — превращается в знаменитую формулу «Киев—Владимир-на-Клязьме—Москва». Таким образом, Киевская держава княжеского периода сливалась с Московским Великим княжеством (впоследствии с Московским царством) в линию непрерывного государственного бытия, обусловленного генеалогической преемственностью царей-Рюриковичей, отпрысков Владимира Мономаха, чьей «извечной вотчиной» якобы был Киев. Научная концепция «перетекания киевской истории» в московскую, детально разработанная русскими историками XIX в., превратилась в своеобразную аксиому, согласно которой Киевская Русь на уровне рядового восприятия стала отождествляться

с Россией, а Киев — с ее давней столицей, насильно оторванной от «общерусского», то есть российского, политического тела.

На землях будущей Украины первые рефлексии об истоках собственной истории фиксируются позже, чем в Московии, только в конце XVI — первой половине XVII в. В основу собственного видения прошлого здесь была положена модель «перетекания истории» по схеме Киев—Галич—Литва, предложенная в изданной в 1582 г. «Хронике» Мацея Стрыйковского. Киевские интеллектуалы 1620–1640-х гг., в свою очередь, дополнили эту схему пунктом собственного авторства. В их произведениях круг замыкается на Киеве — символе преемственности и центре исторического бытия Руси-Украины, а вся формула приобретает вид Киев—Галич—Литва—Киев. В новейшей науке русско-украинский спор о «перетекании киевской истории» наиболее полно отображен в трудах Михайла Грушевского, в частности в его полемично заостренной статье «Обычная схема “русской истории” и задача рационального построения истории восточного славянства» (1904 г.). «Обычной схемой» ученый называет аксиоматичный для тех времен взгляд на историю России как на непрерывный процесс, начало которому было положено Киевской державой и продолжено во Владимиро-Суздальском, а затем и Московском княжествах, между тем как Украине и Белоруссии отведено место вторичных, поздних субъектов, искусственно оторванных от магистральной (русской) линии развития. В противовес этому Грушевский настаивал на том, что княжескую Русь, «присвоенную» русской историографией, надлежит рассматривать как интегральную составляющую прежде всего украинской истории.

Спор о «перетекании киевского наследия» не завершен и по сей день, поскольку слишком тонкая грань отделяет в нем плоскость науки от плоскости политики. В частности, психологической инерции русского национального мифа нередко противопоставляются не менее мифологизированные украинские построения, согласно которым все княжества Киевской державы, кроме Киевского, Черниговского и Галицко-Волынского, объявляются непричастными к «русской» (читай — украинской) истории. Абсурдность этого тезиса очевидна: своеобразное политическое устройство, которое ставило Киев в центр «Руськой земли» и возвышало его над остальными княжествами, было одновременно и стартовой площадкой для «политических биографий» украинского, белорусского и русского народов, так же как Франкская империя дала «начало» будущим французам, немцам, бельгийцам и т. д. Такой взгляд устраняет потребность делить «киевское наследие»: оно действительно было общим, потому что ответвлялось от общего киево-русского

ствола. Что же касается земель будущей Украины, то здесь киево-руський период завершился в жестокой сумятице передела территории более сильными соседями. Когда же через каких-то два века появилась необходимость в «исторических воспоминаниях», то киевский и галицкий осколки прежней Киевской Руси обращались к разным символам, связывая свои истоки соответственно с величественными руинами и святынями Киева или с памятью о «руських королях». Рассказу о том, как постепенно сближались эти «две Руси», будто бы заново «узнавая» друг друга, будут посвящены два следующих раздела.

РАЗДЕЛ III

НЕПОХОЖИЕ ОТВЕТВЛЕНИЯ РУСЬКОГО СТВОЛА (КОНЕЦ XIV — СЕРЕДИНА XVI в.)

Пародия на универсал гетмана Войска Запорожского «к ляхам», написанная около 1653 г. казацким писарем-остряком, приводила следующую гетманскую титулатуру:

Богдан Хмельницкий, Божьей милостью король Галицкий, Великий князь Руський, Северский, Киевский, Подольский, Брацлавский, Волынский, Холмский, Белзский.

Заметно, что перечень якобы подчиняющихся гетману «земель» заимствован не из королевской титулатуры, чего следовало бы ожидать по логике вещей, но, напротив, включает в себя осколки старой княжеской Руси. Но чем подпитывались «воспоминания» о целостности того, что было единым, да и то весьма условно, в течение лишь мига в истории — в Киевской державе Владимира Великого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, ставшей мифической уже для людей середины XVII в.? Когда и откуда они «узнали», что «омосковленная» Чернигово-Северская земля и отдаленная от нее тысячью верст ополяченная Холмщина — это все территории одного и того же народа, рассеянного в пространстве и столь же разнородного по своим бытовым признакам? И как получилось, что это население начало отождествлять себя со «старожитным народом руським» общего корня? Эти вопросы слишком сложны для того, чтобы дать на них однозначный ответ. Ведь украинское Средневековье, в отличие от западноевропейского, слабо отражено в источниках. В распоряжении историка имеется лишь информация о внешней канве событий, свидетелем и участником которых был человек, но почти отсутствуют сведения о том, что он сам при этом думал. Для того чтобы хотя бы приблизительно представить его мысли, историку остается лишь присматриваться к внешним обстоятельствам жизни сообществ, частичкой которых являлся конкретный человек. А ведь ему приходилось подчиняться характерным для его времени и окружения нормам поведения, законам, формам солидарности и культурным предпочтениям,

которые считались «нормальными» в соответствующих кругах! Так что все же попробуем из этой мозаики составить в общих чертах «портрет» украинцев на протяжении двух веков их пребывания в составе двух достаточно непохожих государственных организмов, частью которых со второй половины XIV в. стали прежние киево-русьские княжества.

1. Галицкая и Подольская Русь

Вплоть до 1430-х гг. территория бывшего Галицкого княжества была личной собственностью королевского трона как домен первоначально Казимира Великого и его внучки Ядвиги, а затем ее мужа и наследника, короля Владислава Ягайло. Правда, последний, в соответствии с Едлинским привилеем 1430 г., положил начало переводу русьских земель из домениального подчинения в статус, равный остальным территориям Польского королевства. Однако окончательно этот процесс завершился лишь в 1434 г. уже при сыне Ягайло, короле Владиславе III, когда упомянутый привилей стал действительным как для Галиции, так и для Западного Подолья. Согласно привилею, на территории бывшего княжества создавалось Руськое воеводство со Львовской, Перемышльской, Сяноцкой, Галицкой и Холмской землями, а также Подольское воеводство с центром в Каменец-Подольском. В 1462 г. нормы Едлинского привилея были распространены на отобранное у Мазовии Белзское княжество — с того времени и одноименное воеводство.

До этого момента русьские земли еще сохраняли отличия, напоминавшие о формах общественного уклада княжеского времени (впоследствии период до 1434–1435 гг. характеризовали как *tempus juris Ruthenicalis*, то есть «время русьского права»). И если польская шляхта уже в последней трети XIV в.

29. Гербы Белзского, Руського и Подольского воеводств

добилась от королевской власти признания права собственности на свои имения, с сопутствующим этому распространением локального шляхетского самоуправления и выборного судопроизводства, то «бояре-рыцари» Руси по-прежнему считались личными «слугами» короля, что накладывало существенные ограничения на их землевладение. В частности, под угрозой конфискации имения они были обязаны проживать в собственных селах, лично исполняя конную службу по требованию короля, а в случае крупных размеров имения еще и выставляя для каждого военного похода определенное число вооруженных воинов. Бояре не имели права без разрешения короля или его наместников продавать и дарить свою землю. На них были возложены работы по ремонту и укреплению замков и починке мостов, а иногда и уплата некоторых натуральных податей, например «овсяной дани» хлебом. Местное боярско-рыцарское население, в отличие от самоуправляющейся польской шляхты, подлежало судебной юрисдикции королевских наместников — каштелянов, то есть управителей больших укрепленных замков в Перемышле, Галиче, Сяноке, Холме. Руководство вооруженными отрядами более мелких административных округов — волостей — возлагалось на местных «городовых воевод», подчинявшихся вышеупомянутым каштелянам (считается, что такая сеть подчинения была наследием древнерусьского времени, где функции городских воевод исполняли подчиненные князю-правителю тысяцкие). Наконец, высшие властные и судебные функции до 1434 г. являлись прерогативой генерального русьского (львовского) старосты. В целом же перечисленные формы зависимости местных бояр от короля объясняются не только спецификой осуществления власти над территорией, добытой «правом меча», но в меньшей степени — консервацией местных порядков.

Изменения в этническом составе населения в XV в.

Уже в конце XIV в. начали обнаруживаться некоторые признаки сближения галицко-русьского боярского сообщества с Польским королевством, итогом которого стал Едлинский привилей. Существенную роль в этом сближении суждено было сыграть демографическому фактору. Набеги Ногайской Орды, именно в то время утверждавшейся в междуречье Днепра и Днестра, в дополнение к многолетним войнам в самой Галиции опустошили много еще совсем недавно обжитых в хозяйственном отношении земель. «Недостаток населения», «опустошенное село», «запустевшая местность», «покинутая пустошь» — вот характерные выражения из документов конца XIV — начала XV в., относящихся к этим территориям. С другой стороны, играя роль

пограничного щита для Польши, Русь нуждалась в мощных вооруженных силах, способных отразить нападения извне. Таким образом, по инициативе королевского двора эти плодородные земли, требовавшие рук, одинаково ловких в обращении и с мечом, и с плугом, начинают раздавать в ленное владение (то есть при условии несения наследственной военной службы) мелкой шляхте из Мазовии, Малой Польши, Силезии и т. п. Одновременно в ленных имениях оседают воины-ветераны наемных королевских отрядов — немцы, чехи, венгры, румыны. Крестьян-подданных хронически не хватало, и перед получившим землю рыцарем стояла задача «созвать людей, откуда сможет». Поэтому вместе с шляхтой на Русь прибывал и крестьянский иноэтничный элемент, привлеченный поселенческими льготами. Следом за этой своеобразной «военной колонизацией», которая должна была обеспечить самооборону края, продвигался торгово-ремесленный люд — поляки, немцы, евреи. Таким образом, уже в первой четверти XV в. среди городских жителей Сянока было около 30% немцев, Львова — свыше 70%. Первые упоминания о евреях во Львове датируются 1356 г., Дрогобыче — 1404 г., Подгайцах — 1420 г. и т. д. (по данным на 1500 г., они жили в 18 городах Русьского воеводства, а соответствующие названия улиц и площадей свидетельствуют, что еврейские общины были достаточно большими). Однако самую многочисленную группу прибывших, несомненно, составляли поляки — и среди шляхты, и в городах (например, в Белзском воеводстве, по подсчетам Анджея Янечека, во второй половине XVI в. среди землевладельческого слоя оставалось только 15% русьских шляхетских семей).

Интенсивное переселенческое движение постепенно приводило к изменению состава населения Руси, а так как в пестрой многоэтнической массе преобладал польский элемент, то прибывшие, меняя язык и конфессию, растворялись не в русьском, а в польском субстрате. Эта стихийная полонизация отразилась в равной степени как на местном боярстве, так и на горожанах больших городов.

От бояр и дружинников к шляхте-русинам «польской нации»

Ускорению полонизационных процессов среди русьского боярства способствовало совпадение его жизненных интересов с интересами пришлого рыцарства, которое стремилось уравнивать статус своей новой родины с внутренними регионами королевства, то есть распространить на Русь права и привилегии, добытые польской шляхтой. Переломной точкой здесь можно

считать Едлинский привилей 1434 г., по которому статус Галицкой Руси был приравнен к статусу других воеводств Польши. Поэтому уже в 1436–1437 гг. русины и поляки организуют первую совместную конфедерацию шляхты Львовской, Галицкой, Перемышльской и других руських земель, которая требовала последовательного реформирования социальных практик в духе свобод, обещанных Едлинским привилеем. Таким образом, в соответствии с буквой Едлинского акта, местное рыцарство было освобождено от повинностей и разнообразных служб и наделено всеми присущими польской шляхте прерогативами. В частности, оно освобождалось от подчинения каштелянам, отныне формируя органы локального самоуправления и суда и решая проблемы жизни своей земли на регулярных шляхетских съездах — сеймиках. В то же время были отменены все повинности, наложенные на галицких бояр как «слуг» короля. Отныне бояре, как и польская шляхта, не подлежали никаким обязанностям в отношении королевского трона, кроме ежегодной уплаты двух грошей с поля каждого подданного им крестьянина. У шляхтича нельзя было конфисковать имение, его персона считалась неприкосновенной без судебного приговора; шляхтичу принадлежало право суда над собственными подданными, а его слово приравнивалось к юридическому доказательству. Вскоре, в 1454 г., был провозглашен Нешавский привилей, по которому король обещал не созывать «посполитых рушений», то есть шляхетского ополчения, без согласия сейма, а сеймовая конституция 1505 г. «Nihil novi» [«Ничего нового»] завершила оформление «шляхетской демократии», постановив, что в дальнейшем ни один новый закон не мог быть принят без согласия Посольской избы — нижней палаты сейма, которая состояла из послов локальных сеймиков.

В переменах, последовавших за реформой 1430-х гг., руськая сторона не ставила перед собой каких-то особых целей, отличных от целей земляков-нерусинов: ведь из давних бояр-панов, которые некогда вершили судьбы Галицко-Волынской державы, уцелели немногие. Одни роды угасли, другие, принимавшие активное участие в войнах с польским и венгерским королями, после поражения эмигрировали на Волынь (многих бывших галичан, их сыновей и внуков мы увидим в окружении князя Свидригайло, о котором речь пойдет ниже). Третьи, не менее влиятельные и состоятельные, легко влились

30. Герб «Корчак» Дмитра из Горая

в среду польской знати и заняли «с руки» короля важные административные должности (уряды) на руських землях. Ярким примером может послужить род Дмитра из Горая, вероятно сына галицкого городского воеводы в 1353–1358 гг. Ходка Ивановича Жабы из Княгинич. Дмитро, как и его отец, дяди и братья, уже в 1352 г. принял сторону Казимира III и быстро проложил дорогу к королевскому двору: с 1364 г. он занимал должность (уряд) королевского подскарбия, а с 1388 г., уже при короле Владиславе Ягайло, маршалка [распорядителя] двора. С 1386 г. и до смерти (†1400) вельможный русин постоянно находился при особе короля, осуществив ряд важных политических акций; на склоне лет благодаря королевским пожалованиям он владел четырьмя городами, двумя замками и 80 селами. Его женой стала Беата из Божидара — внучка могущественного краковского воеводы Мстигнева. Семейные связи, приобретенные при помощи этого брака, позволили Дмитру войти в круг высшей владетельной элиты того времени. Поэтому неудивительно, что его дочери Анна, Катажина и Эльжбета вышли замуж за представителей самых могущественных придворных семейств польской аристократии — Анджея Тенчинского, Добеслава из Сенна и Доброгоста из Шамотул.

Руськая верхушка менее крупного калибра приспособлялась к новым порядкам сходным образом, хотя и на более низких социальных ступенях. На протяжении XV в. ее представители постепенно исчезают с политического горизонта Руси. Одни вымирают, как Болестрашицкие, Бибельские, Галки, Дворсковичи, Дядьковичи, Задеревецкие, Лоевичи, Мошончичи, Преслужичи, Слонечковичи, Тептюковичи. Другие вступают в семейные связи с новым кругом равных себе — состоятельным местным панством неруського происхождения, что уже в следующем поколении влекло за собой принятие католичества и постепенное «ополячиванье», как это случилось с Ваповскими, Волчковичами (Ходоровскими), Дидушицкими, Дрогойовскими, Дершняками, Кирдеями, Лагодовскими, Порохницкими, Чурилами и т. п. В начале XVII в. Ян Порохницкий [Прухницкий], львовский архиепископ и потомок одного из таких родов, несколько наивно описывает эти изменения так:

Если случалось, что имелась одинокая панна с поместьем или богатая вдова, то короли посылали на Русь своих поляков-шляхтичей, помогали им, пользуясь своим влиянием, поэтому именно так, часто женясь, наполнили Русь и внедрили правоверную католическую римскую веру...

Естественно, все происходило не так просто. Скорее приходится говорить о социальной престижности принесенного на Русь католицизма. Возможно

также, что религиозная переориентация русской знати началась не в XV в., а раньше, и новая политическая ситуация просто ускорила спорадические до тех пор религиозные обращения. Например, род уже упоминавшегося Дмитра из Горая был, по-видимому, издавна католическим: сводный брат Дмитро Бенько из Жабокрук, перемышльский, сяноцкий, галицкий и снятинский староста, в 1402 г. построил часовню и подарил Львовскому доминиканскому монастырю свое село Зарудцы; 1409–1410 гг. датируются его фундаментальные акты о создании и материальном обеспечении католических приходов в Гумнисках и Дроздовичах на Львовщине. Другим примером может служить свояк Дмитро из Горая Васко Волчкович, который еще до 1394 г. завещал Львовскому францисканскому монастырю село Ганичев.

В отличие от знати мелкий военный люд, которому удалось подтвердить свои имущественные права и добыть в борьбе шляхетский статус, обычно сохранял веру предков. Вот, к примеру, известные из более поздней истории Украины фамилии этой многочисленной и разветвленной мелкой шляхты, населявшей карпатское предгорье: Березовские, Борецкие, Боярские, Братковские, Высочанские (Высочаны), Витвицкие, Гошовские, Грабовецкие, Добрянские, Драгомирецкие, Кальнофойские, Желиборские, Княгиницкие, Копыстенские, Креховецкие, Крушельницкие, Кульчицкие, Лозинские, Монастырские, Попели, Рудницкие, Струтинские, Терлецкие, Чайковские, Шумлянские и т. п. О численности семейных кланов шляхты дают представление военные реестры («пописи») первой половины XVII в. Например, во Львовской земле в 1621 г. среди 628 шляхтичей, внесенных в реестр, насчитывалось 43 Чайковских, 34 Гошовских, 40 Витвицких; в реестре Перемышльской земли в 1648 г. на общее число (около одной тысячи) шляхтичей приходилось 70 Яворских, 46 Кульчицких и др.

Скромный имущественный статус не позволял этим людям пробиться к выборным постам в органах шляхетского самоуправления, что давало бы доступ к рычагам влияния и обеспечивало бы позиции лидерства в местной жизни. Однако, несмотря на незначительный общественный вес, православная шляхта оставалась той питательной средой, которая консервировала свою «русскость» на уровне более высоком, чем этнический. Залогом этого служило

*31. Герб «Сас»,
распространенный среди
многих семей русской
галицкой шляхты*

осознание потенциальных возможностей, имевшихся у представителей привилегированного сословия. А основной «школой» политического поведения для русской шляхты стала парламентская жизнь Польского королевства.

С середины XV в. до середины XVI в. на землях бывшей Галицкой Руси оформилось четыре сеймика, послы которых представляли интересы местной шляхты на общегосударственных сеймах: Русьского воеводства в Судебной Вышне и отдельно для Холмской земли в Холме (в 1563 г. оформился также отдельный сеймик Галицкой земли, который собирался в Тереховле); Белзского воеводства в Белзе; Подольского в Каменец-Подольском. Парламентарная практика, приучавшая сопоставлять аргументы и контраргументы, оказалась прекрасной школой, дававшей политические навыки. Даже небогатый и не очень образованный шляхтич, как обладатель избирательного голоса, привыкал к сфере «политического» благодаря участию в сеймиках, на которых его более красноречивые и влиятельные коллеги обсуждали проблемы государственного строя, политики, права.

Сама процедура заседания на сеймах («сеймирование»), предусматривавшая, среди прочего, составление «инструкций» новоизбранным послам на сейм для обоснования тех или иных местных требований, породила ощущение коллективной причастности к жизни своей «земли», формировала территориальный патриотизм активного гражданина. Отстаивание же региональных интересов на общегосударственных («валных») сеймах нивелировало этническую и конфессиональную неоднородность послов русских земель (например, сеймовые дневники называют послов Русьского, Белзского и Подольского воеводств как поляков, так и украинцев — «русинами»).

Таким образом, не удивительно, что уже в первой трети XVI в. фиксируются проявления идентичности «территориальных русинов»: людей как русьского, так и польского или немецкого происхождения, в чьем сознании переплетались искренняя любовь к Руси как «малой родине» и лояльность по отношению к «политической родине» — Польскому королевству.

С другой стороны, универсальные для всех регионов государства сословные привилегии и монополия шляхты в политической сфере, принимавшая при этом почти одинаковые организационные формы, побуждали каждого шляхтича осознавать свою принадлежность к «польской политической нации». Поэтому параллельно с идентичностью «территориальных русинов» формируется ее, так сказать, более политизированный аналог — ментальный стереотип шляхтича «русьского племени польской нации» [*gente Ruthenus, natione Polonus*]. Совпадение этнической и территориальной идентичности

дополняется здесь, как мы видим, акцентом на принадлежности к «польской нации», то есть к «народу-шляхте» всего королевства.

Вышеприведенное определение связывают с именем самого известного галицкого публициста XVI в. Станислава Ореховского-Роксолана (1513–1566), шляхтича из смешанной католическо-православной семьи из-под Перемышля, воспитанника университетов Кракова, Вены, Витенберга, Падуи и Болоньи, многолетнего жителя Венеции, Лейдена и Рима, наконец, пылкого глашатая идеи «золотых вольностей» шляхты. В трактате Ореховского «Квинкункс, то есть образец устройства Польского государства» (1564) находим удивительно яркий образ «поляка», то есть шляхтича Польского королевства, гордого своей значимостью:

Смотрите на гордого вольностью и святой свободой на свете поляка: знаменитые одеяния носит поляк, то есть имеет одинаковые со своим королем вольности. К тому же носит поляк прекрасный золотой перстень, то есть шляхетство, благодаря которому высший равен в Польше низшему... Как таковой, поляк всегда весел в своем Королевстве, поет, танцует свободно, не неся на себе ни одной рабской повинности, не будучи обязанным королю, господину своему, ничем другим, как только титулом на позове*, двумя грошами с поля и посполитой войной.

Триумфальное утверждение шляхетских вольностей подтолкнуло появление надэтнической и надконфессиональной идеологии «народа-шляхты». В ее основании лежали: а) постулат о равенстве «братии шляхетской», без характерного для Западной Европы деления привилегированного сословия на титулованную аристократию и низшие разряды; б) убежденность в том, что шляхту и простонародье разделяет непреодолимая пропасть «иной крови». Самым выразительным проявлением последнего стала впервые сформулированная около середины XVI в. сарматская этногенетическая легенда, согласно которой библейские родословные шляхты и плебеев выводились от разных сыновей праотца Ноя: у простолюдинов от Хама, а у шляхтичей от Яфета. После долгих путешествий одни из потомков Яфета, «воинственные сарматы», будто бы осели в покоренных ими землях Польши и Руси, положив начало шляхетскому «народу». Для нас едва ли не наиболее важной деталью этой легенды является то, что «сарматы» толковались как «народ» двух колен — польского и русьского:

* Символическое участие короля в судебном процессе, выражавшееся в том, что от его имени писались иски в суд и выносились приговоры.

шляхтичи-русины идентифицировали себя с «сарматским племенем роксоланов» (именно отсюда берет начало традиция называть Русь Роксоланией), то есть были равноправными наследниками «сарматского наследия».

Об интегрированности шляхты руських воеводств в политическую жизнь государства свидетельствует, среди прочего, и активное участие в таких мощных шляхетских движениях 1540-х гг., как борьба за ослабление позиций Католической Церкви и за так называемую экзекуцию прав, то есть возвращение в государственный фонд имений, переданных королями в залог магнатам, а фактически использовавшихся теми в качестве наследственной собственности. Речь шла, собственно, об утверждении сеймового контроля над органами управления, а в основе шляхетских требований лежала идея верховенства общественного блага над частными интересами. Именно это обосновывалось в многочисленных публицистических трактатах, посвященных рассуждениям о способах исправления («направы») якобы «испорченного» государственного организма. Среди наиболее заметных шляхетских идеологов XVI в. мы видим и двух представителей Руси — уже упомянутого Станислава Ореховского-Роксолана и Николая Рея (1505–1569). Знаменитый поэт и публицист, иногда величаемый «отцом польской литературы», Рей родился в городке Журавне под Галичем и, как и Ореховский, был выходцем из конфессионально смешанной семьи; долгое время он проживал на Холмской и Галицкой земле, в селе Темеривцах. Во многих произведениях, изданных еще при его жизни, Рей призывает читателя-шляхтича занимать активную гражданскую позицию, блюсти свои права и обязанности, заботиться об общественном благе.

Более отчетливые «руськие» акценты обнаруживаем у Станислава Ореховского, особенно в сочинениях «Верный подданный» и «Турецкие дела» (1544). Региональный патриотизм автора, в частности, отзывается в призывах защитить Русь от нападений соседей. Наставляя короля на доброе правление, он даже советует тому поселиться на Руси, ведь именно здесь — настоящая «гимназия мужества»:

Август, приди в эту провинцию, осмотри ее укрепления, защити слабые места крепостей, настрой твердынь побольше. Прояви себя королем, который может прогнать от нас скифов [татар. — *Н.Я.*], волохов, турков. Так что докажи здесь, на Руси (а не в Вильне или Кракове), что можно положиться на твою доблесть.

Подводя итог, можно утверждать, что участие в публичной жизни впервые расширило мировоззренческие горизонты руськой шляхты, да и просто

приучило ее к идеологически мотивированной лексике. Поэтому с достаточной уверенностью можно предположить, что не только такие интеллектуальные звезды, как Ореховский или Рей, но и рядовой шляхтич-русин середины — второй половины XVI в. уже вполне свободно ориентировался в том кругу политических абстракций, которые составляли общую для шляхты всего Польского королевства систему ценностей: благо отчизны и активная гражданская позиция, гарантированная законом свобода личности, право на свободное высказывание мыслей. Но все это досталось лишь ценой все более усиливавшейся полонизации образования и письменной культуры. Впрочем, до сих пор не изучено, каким был повседневный быт руськой шляхты, в частности то, на каком языке она говорила дома (а не на сеймиках и сеймах) и придерживалась ли она местных «русских» обрядов, обычаев и суеверий. Последующие события конца XVI — начала XVII в., когда именно шляхта Галицкой Руси возглавит стремительное обновление руського мира, ставят всеохватность ее полонизации под большое сомнение.

Православная и Римско-католическая Церкви: первые опыты сосуществования

История церковной жизни Украины-Руси, так же как и социальный быт шляхты, с конца XIV в. приобретает очертания, отличные от киево-руського времени. Тогда Церковь, находясь под опекой княжеской власти, занимала естественное для себя место стимулятора духовной жизни человека, теперь же превратилась из церкви господствующей в церковь религиозного меньшинства. Церковные дела стали, по меткому выражению Михайла Грушевского, «тем фокусом, в котором сосредотачиваются политические, национальные, и даже общественные устремления украинско-руськой народности... вещи в основе своей совершенно далекие от чисто церковных интересов».

Церковь — синоним руськой идентичности, Церковь — символ пробужденного политического сознания, Церковь — идейный лидер руського сообщества... Эти задачи будут поэтапно вставать перед Церковью на протяжении XV–XVII вв. Институт консервативный и малоподвижный по своей природе, Церковь, как мы увидим далее, не всегда успевала адекватно реагировать на вызовы времени, иногда едва лишь поспевая за изменениями в жизни своей паствы. Именно эта перекличка между нуждами времени и реакцией на них Церкви представляются определяющей линией церковной истории того времени. Первый, наиболее спокойный этап, когда от Церкви не требовалось ничего другого, кроме простой консервации форм, существовавших в прежнее время,

относится к XV — первой половине XVI в. Этой сверхзадаче были подчинены и конкретные действия, направленные на то, чтобы сохранить нерушимость давних церковных структур.

Вскоре после аннексии руських земель король Казимир III (безусловно, с согласия церковной верхушки Галицкой Руси) обратился в 1370 г. к константинопольскому патриарху с просьбой восстановления Галицкой митрополии, которая с перерывами существовала между 1302 и 1347 гг., пока не была отменена постановлением Патриаршего собора. Король писал:

Вся земля теперь погибает без Закона, потому что пропадает Закон. Издавна известен Галич по всем краям как митрополия и митрополичий стол от века веков. Первым митрополитом с благословения Вашего был Нифонт, вторым митрополитом Петр, третьим митрополитом Гавриил, четвертым митрополитом Феодор; все они были на Галицком столе. Князья руськие были нашими свояками, но эти руськие князья погибли, и земля стала пустой, а потом добыл Руськую землю я, король Лехии Казимир. И теперь, Святой Отче, патриарх Вселенского Собора, просим себе от тебя архиереем того, кого милостью Божьей... с нашими князьями и боярами себе выбрали... А если не будет на это милости Божьей и Вашего благословения, то потом не нарекайте на нас: придется крестить русинов в латинскую веру, если не будет на Руси митрополита, потому что земля не может быть без Закона.

В ситуации с поставлением митрополита Галицкого мы впервые отмечаем ту двойственность разрешения руськой конфессиональной проблемы, которая будет характеризовать польскую политику на протяжении нескольких веков: расхождение позиции, декларируемой королевским двором и светской правящей элитой, с позицией высшего католического духовенства и папского престола. В Риме в конце XIV в. руський церковный вопрос воспринимался очень просто. Считалось, что достаточно посадить католических иерархов на епископские кафедры, занимаемые «схизматиками», и это автоматически приведет к латинизации края. Казимир III, осторожный и реалистичный политик, фактически действовал вопреки воле папы, добиваясь восстановления Галицкой православной митрополии.

В мае 1371 г. по предложению Казимира III в митрополиты Галицкие был посвящен галицкий владыка Антоний. Помимо Галицкой, его власти подчинялись давние руськие епархии — Перемышльская, Холмская, Владимирская, Луцкая и Туровская. Однако этот вариант организации просуществовал недолго: Галицкая митрополия прекратила существование уже в 1390-х гг. под

давлением митрополита Киевского Киприана, о котором речь пойдет далее. Несколько позже сложилось правило, по которому титул митрополита Галицкого вошел в полную титулатуру киевского архипастыря — «митрополит Киевский, Галицкий и всей Руси». Тем временем паства бывшей Галицкой митрополии оказалась в достаточно плачевном состоянии, сперва подчиняясь наместнику митрополита Киевского (который не жил в Галиции), а с начала XVI в. — юрисдикции львовского католического архиепископа как возглавляющего христианскую общину региона, что рано или поздно должно было привести к конфликтам. Одним из них стал острый спор середины — второй половины 1530-х гг. между архиепископом и русьским сообществом вокруг кандидатуры епархиального наместника. На этот пост претендовали сразу трое: архиепископский ставленник Яцко Сикора, неизвестный по имени «поп гошовский», кандидат митрополита, и избранник общества «земель руських, и подольских, всех Закона греческого» Макарий Тучапский. На протяжении 1536–1539 гг. дело разбиралось в сеймовых судах и кулуарах королевского двора и привело к обострению ситуации на Руси, а руськая шляхта даже организовала вооруженную охрану Тучапского, побаиваясь, как писали в то время, «аби арцибискуп або котрий лядский пан его не догонил, а не казал его забити».

Наконец, после вмешательства короля и королевы, вопреки сопротивлению клерикальных кругов, спор разрешился в пользу Тучапского, посвященного на галицкое владычество. Повторные столкновения православных с львовским архиепископом в аналогичной ситуации имели место и после смерти владыки Макария, во время номинации* двух его преемников — Арсения и Гедео́на Балабанов. Перипетии борьбы за номинацию прекрасно иллюстрируют контраст между трезвым подходом к проблеме, который демонстрировали королевский двор и сейм, и твердолобым ригоризмом католических иерархов, готовых для достижения желаемого обострить до максимума существующую ситуацию. Показательной, в частности, представляется реакция львовского архиепископа на сообщение 1538 г. о предоставленных Сигизмундом I Старым привилегиях Тупчанскому: «Я этого не оставлю, пока живу. Русь подвластна мне, король не мог выдать подобный привилей без меня».

Скрытая оппозиция польских королей папскому престолу сопровождала также и процесс создания католических церковных структур на Руси. После смерти Казимира III (†1370) курия вновь потребовала устранить «схизматиков» с владыческих кафедр и заменить их католиками. Тогдашние правители Руси Людовик Анжуйский и его наместник Владислав Опольский реализовали

* Поставления, назначения на должность. — *Примеч. перев.*

другую, более реалистичную модель, оказывая протекцию идеи создания католических кафедр, параллельных православным. Так, когда в 1375 г. была издана булла папы Григория XI «*Debitum pastoralis officii*» [«Обязанность пастырского служения»], провозгласившая Галич, Перемышль, Владимир и Холм кафедральными городами, в которых следовало отстранить от богослужения «схизматиков», Владислав Опольский предоставил Галицкому католическому епископству каменную церковь во Львове и несколько имений для поддержания существования, тем самым фактически санкционировал его сосуществование с православным. Точно так же начала свое реальное функционирование Перемышльская католическая кафедра, а Холмская была устроена в 1417 г. при материальной поддержке короля Владислава Ягайло. Таким образом, благодаря действиям светских правителей католические церковные структуры были введены не вместо русских, но наряду с ними, что свидетельствовало о трезвом политическом расчете и понимании реалий местной жизни.

В пользу того, что короли и светская правящая элита воспринимали русскую Церковь без конфессиональных предубеждений, свидетельствует также ряд привилеев, выданных ей на протяжении XV в., как, например, иммунитетные грамоты 1407 и 1469 гг. Перемышльской владычной кафедре привилей Владислава III 1443 г., уравнивший в правах русское и польское духовенство, привилей 1539 г. галицкому владыке на право юрисдикции над всеми приходами и монастырями епархии и т. п.

Однако в повседневной практике взаимоотношения обеих конфессий складывались не столь безоблачно, как в королевских декларациях. В частности, неиз-

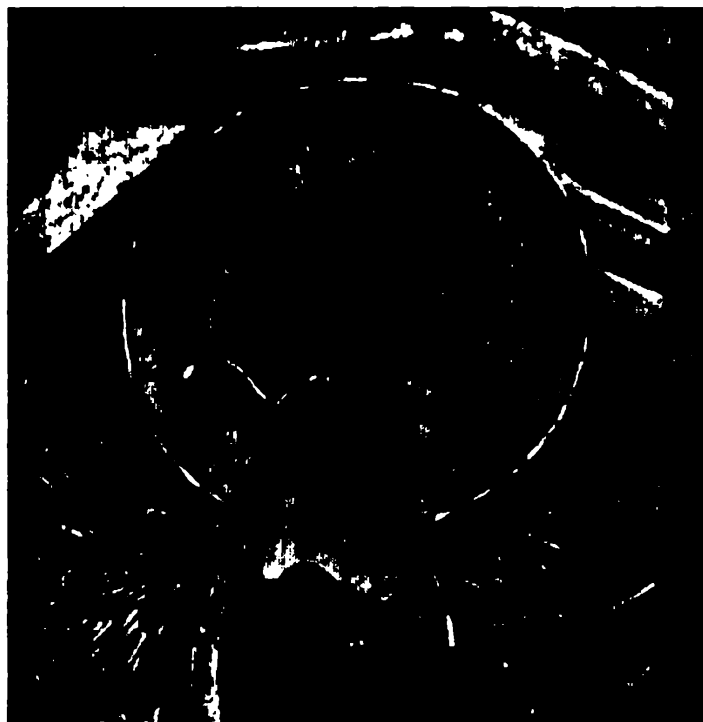
менно напряженными (сопровождаясь частыми бытовыми столкновениями) оставались отношения православных и католиков в больших городах, в которых преобладало католическое население. Закрывая глаза на случаи бытовой дискриминации, власть тем самым ставила Православную Церковь в неравное с Католической положение. Падению общего престижа «греческой веры» способствовало и то, что среди ее прихожан становилось все меньше и меньше состоятельного панства, не говоря уже об аристократах. Следствием этого

32. Церковь XV в. в с. Сутковцы на Подолье.
Современное фото

стала отчетливая диспропорция в материальном обеспечении латинских и русских приходов. Паны-католики (в том числе родовитые русины) с рвением выделяли средства для украшения и обеспечения костелов, чего не могли себе позволить маломощные православные шляхтичи. И хотя русских храмов в целом и в дальнейшем оставалось значительно больше, чем костелов (например, по селам в середине XVI в. пропорция составляла 15:1), они безусловно уступали католическим вследствие невысоких имущественных возможностей своих прихожан. В качестве господствующей Католическая Церковь получала также существенную материальную поддержку от коронованных лиц. При этом протекционистские привилегии и дарственные акты часто носили не только душеспасительный, но и антиправославный подтекст, примером чего может служить обоснование привилегия Владислава Ягайло 1430 г., уравнившего права Львовской архиепископии с правами Гнезненской кафедры: как отмечается в документе, Церковь во Львове испытывает особенные трудности, потому что действует «среди схизматиков».

Одновременно на стихийном уровне, возможно, даже вопреки желанию архипастырей обеих Церквей, появляются первые признаки сближения латинского и русского церковных миров, в конце концов неизбежные в условиях близкого соседства. Характерным примером контактов на духовной ниве можно считать издание в Кракове около 1491 г. первых церковнославянских книг, что стало следствием сотрудничества Перемышльской русской кафедры с печатником-католиком, немцем Швайпольтом Фиолем. Еще на рубеже XII–XIII вв. в галицкую церковную архитектуру проникают романская строительная техника и элементы декора, характерные для католических храмов Чехии и Польши, а с XV в. становится распространенной готическая стилизация русских архитектурных форм. С другой стороны, в Польше в XIV–XV вв. был большой спрос на «греческое рисование» мастеров-иконописцев из Руси. Сохранившиеся по сей день фресковые росписи Висдицкой коллегиаты (1397–1400), Троицкой часовни в Люблинском замке (1418), Сандомирского кафедрального костела (1430),

33. Благовещение. Фрагмент фрески 1418 г. из Святотроицкой замковой часовни в Люблине

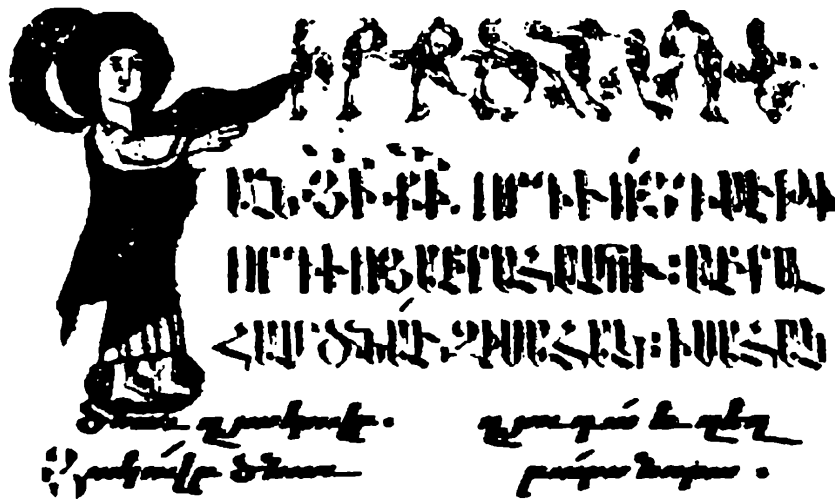
часовни Святого Креста, пристроенной к кафедральному собору Вавельского замка в Кракове (1470), соединяли византийский иконографический канон с готическими интерьерами помещений. Помимо их чисто художественной ценности, красноречивой деталью является то, что заказчиком росписей в Люблине был король Владислав Ягайло, а часовня Святого Креста на Вавеле была построена и отделана согласно воле короля Казимира IV как его будущая усыпальница. Уже с конца XV в. одной из главных святынь Польши, объектом паломничества и поклонения стал чудотворный образ Богородицы-Одигитрии восточной иконописи — Ченстоховская Матерь Божья, которая и сейчас почитается в качестве небесной покровительницы польского народа. Можно предположить, что эти ростки стихийного сближения проецировались и на религиозное мироощущение, отображая трудно улавливаемые, но неизбежные процессы сближения византийской и латинской культурных орбит, силой обстоятельств сошедшихся на одном территориальном пространстве.

Конфессиональная и этническая пестрота городов.

Городские «нации»

Можно без преувеличения сказать, что полем ежедневных контактов разных культурных миров стал многоязычный и многоэтничный галицкий город. Первое появление чужеземного элемента зафиксировано здесь, как уже упоминалось, еще в XIII в. В XV в., в результате демографических изменений, о которых речь шла выше, в наиболее крупных городах Руси, Львове и Перемышле, русское население вообще стало меньшинством, хотя в мелких городах основной массой населения по-прежнему оставались русины.

Первую скрипку среди колонистов играли немцы: например, во Львове в первой четверти XV в. они составляли до 70% жителей. Во второй половине того же века их доля уменьшается до 30%, в начале XVI в. до 14%, а к середине XVI в. — до 8%. Это, однако, не означало, что они выехали. Просто благодаря общей религии и смешанным бракам немцы как христиане-католики растворялись в польском сообществе, а точнее, в сообществе ассимилированных немцев, которое, по подсчетам Мирона Капраля, еще в конце XVI в. составляло свыше 60% жителей Львова; следы их немецкой идентичности прослеживаются даже позже, например в сохранении немецкого языка проповеди в одном из львовских костелов. Именно немцы создали первую магдебургскую общину Львова, жизнь которой зафиксирована в самой старой сохранившейся городской книге 1382–1389 гг. На протяжении XV и в начале XVI в. именно из немецкой среды выделяется городской патрициат — семьи Арнестов,

34. Фрагмент страницы из армянского рукописного Евангелия 1639 г.

Бухгольцев, Гельбеземов, Гернигов, Гольдбергов, Зинрихов, Зоммерштайнов, Клопперов, Линдеров, Раннеров, Смельдфельдов, Темплов, Фридрихов, Чернбергов, Шеллеров, Штейнкелеров, Штехеров, Шротов и др. Некоторые из них, постепенно накапливая капитал и землю, получали шляхетство, меняя при этом старое родовое имя на фамилию, образованную, по распространенному среди тогдашней шляхты обычаю, от названия населенного пункта, которым владел шляхтич (например, именно так, приобретя под Львовом село Малые Винники, стали Винницкими Штехеры).

Второй по экономическому влиянию этнической группой являлись армяне. Их появление во Львове историки относят еще ко времени основания города, то есть к середине XIII в.: В конце 1350-х гг. армянская община начала строительство собственного храма — существующей и сегодня церкви Успения Богородицы, а в 1361 г. католикос рукоположил львовского армянского епископа Киркора в архиепископы трех приходов — Львова, Владимира-Волынского и Луцка. С конца XIV в. прослеживается также торговая активизация львовских армян, что опосредованно свидетельствует о росте торгово-посреднической роли Львова, который, наряду с Венецией и Амстердамом, превратился в один из трех главных армянских центров Европы. В «самой благословенной и величием прославленной матери городов, охраняемой Богом», как высокопарно называют Львов тогдашние армянские источники, армяне населяли отдельный квартал, где проживало более 60 семей (позже, в первой половине XVI в., согласно подсчетам Мирона Капраля, во Львове проживало 790 армян). В качестве хороших ювелиров они играли наиболее заметную роль в работе Львовского монетного двора, который функционировал с середины XIV в. до 1414 г. На армянскую купеческую группу приходился также основной

удельный вес торговли с Востоком, поскольку армяне знали восточные языки и обычаи, а также обладали широкими связями в восточных городах.

Львовские армяне сначала подлежали суду собственного «старшего», но с 1469 г. его компетенция была передана общегородским органам, хотя финансовые, уголовные и гражданские дела между самими армянами регулировались на основании так называемого Армянского устава — свода законов, опиравшегося на Армянский судебник XII — начала XIII в. (в 1519 г. модифицированная версия Судебника была переведена на латынь и вступила в действие по специальному королевскому привилею). Наконец, с 1444 г. во Львове также действовал возглавляемый епископом Армянский духовный суд, который рас-

сматривал брачные и церковные конфликты. Эти особенности внутренней жизни «армянская нация» Львова сохранила вплоть до растворения армян в польском окружении города, условно датируемого XVIII в.

Еще большая по численности армянская колония существовала с конца XIV в. в Каменец-Подольском, составляя отдельную городскую общину («нацию»), чьи права на самоуправление были юридически закреплены королевским привилеем 1496 г. По более поздним данным, относящимся к по-

следней четверти XVI в., здесь проживало до 300 армянских семейств, которым принадлежала треть города — с собственной ратушей, рынком, храмами, лавками. Более мелкие армянские центры существовали в Галиче, Снятине, Язливце, Бродах, Ярославле, Белзе, Жолкве и т. п. Об активной духовной жизни армянских общин, поселившихся на Руси и Подолье, свидетельствуют многочисленные григорианские храмы (среди них — такая жемчужина армянской средневековой архитектуры, как уже упомянутый храм Успения Богородицы во Львове). При храмах работали приходские школы, а во Львове в 1520–1530-х гг. были составлены две армянские хроники с информацией о местных событиях, начиная с середины XIV в.

Отдельные городские общины образовывали евреи. Со времени Казимира III, согласно привилеям 1364 и 1367 гг., они пользовались протекцией королевского двора, заинтересованного в притоке в страну денежных людей, которые, как львовский процентщик конца XIV — начала XV в. Волчко, нередко

35. Львовские евреи. Любительский рисунок XVII в.

выступали в роли главных кредиторов самих королей. Как нехристиане, евреи не могли подлежать «городскому праву», поэтому подчинялись королевской администрации, да и вообще считались «людьми короля». Поскольку в большинстве городов им запрещалось заниматься ремеслами, а частично и торговлей, в руках евреев сосредоточилось ростовщичество и накапливались достаточно крупные капиталы, что способствовало развитию денежного обращения. Во Львове, например, благодаря еврейской инициативе уже на рубеже XIV–XV вв. существовали развитые кредитные отношения со сложившейся процедурой кредитных операций, в том числе в сфере коммерческого кредита между местными и иностранными купцами.

Поворотным в истории еврейского расселения стал конец XV в., когда евреи были изгнаны из Испании, Португалии, Штирии, большинства немецких земель, а также подверглись преследованию в Чехии и Венгрии. Таким образом, центр культурной и экономической жизни еврейства перемещается на восток — в Польское королевство и Великое княжество Литовское. В частности, в первой половине XVI в., по подсчетам Мирона Капраля, евреи составляли 8% львовских жителей, а по данным 1570-х гг., их насчитывалось в городе около 1,5 тысячи. Еврейские общины Кракова, Познани, Львова, Люблина считались наиболее крупными в Европе после Венеции, а всего в Речи Посполитой в конце XVI в. проживало от 100 до 120 тысяч евреев. В Кракове уже в начале этого века появился первый центр талмудической учености, основанный раввином Яковом Полаком, куда съезжались юноши из разных стран. В частности, со школой Полака был связан известный ученый Моше Исерлес, прокомментировавший и дополнивший свод еврейского религиозного и гражданского права «Шулхан арух» [«Накрытый стол»], впервые напечатанный в Кракове в 1578 г. Среди прочего, «Шулхан арух» обязывал:

Каждый отец должен учить своего сына Торе... Если отец не нанимает учителя для своего сына, то его принуждают к этому... Начальные школы должны быть в каждом городе, а если их где-то нет, то обитатели этого города подвергаются херему [отлучению] до тех пор, пока они не пригласят учителей.

Сеть еврейских школ и в самом деле была очень развитой. Наряду с начальными школами грамоты, хедерами, существовали школы высшего типа — ешивы, где изучались комментарии к Талмуду и своды законов; на большие города, в частности Львов, иногда приходилось по две-три ешивы, которые содержались на средства общины. Строилось много пышно украшенных синагог,

при которых действовали религиозные и благотворительные братства прихожан — проповеднические, погребальные, лечебноопекунские и т. п. В 1534 г. выходцы из Галиции Шмуэль, Ашер и Ельяким Галичи открыли в г. Казимеже под Краковом первую еврейскую типографию, которая к середине XVI в. издавала свыше 3,5 тысячи экземпляров религиозной литературы.

В отличие от немецких католических общин армянская и еврейская «нации» не растворялись в славянской массе, а наоборот, с оживлением духовной и культурно-образовательной жизни обособлялись еще сильнее, что делало города более яркими и формировало фон, на котором впервые на землях Руси начал развиваться феномен открытого общества городского типа.

Распространение Магдебургского права. Первые ремесленные цехи

Благоприятными для развития городов были и организационные формы их существования, возникшие в конце XIII в. в качестве эксклюзивной формы жизни немецких общин-колоний в княжеских столицах, Владимире и Львове. С середины XIV в. такой тип городской организации начинает распространяться во всех больших городах Руси и Подолья, становясь общепризнанной нормой. Культурным посредником, при помощи которого этот тип организации проник из Силезии на Русь, стали города Малой Польши, прежде всего Краков. По названию же немецкого Магдебурга, городское устройство которого было регламентировано с особой детальностью, вся совокупность очерчивавших его принципов получила название Магдебургского права. В наиболее полном виде устройство этого типа было представлено во Львове: столица Руси еще в 1356 г. получила привилей Казимира III на «немецкое право, которое по-простому называется магдебургским». Со временем, уже по львовскому образцу, магдебургия стала проникать в глубь украинских земель.

Введение городского права стало подлинной «урбанизационной революцией», поскольку выводило городскую общину из-под юрисдикции королевской администрации, которая отныне была заменена представителями выборного самоуправления. В упомянутом львовском привилее 1356 г. это звучало следующим образом: «Наконец, освобождаем упомянутый город и его жителей от всех юрисдикций каштелянов, воевод, судей, подсудков, возных и от власти кого бы то ни было, чьим бы именем он ни назывался; так, чтобы перед ним или перед кем-то из них в больших и малых делах мещане не отвечали, а только перед своим войтом, а войт — перед нами или нашим старостой, которому мы

это поручим только при условии, что [войт]... будет отвечать только согласно своему немецкому праву».

Городское самоуправление осуществлялось двумя выборными органами — «радой» и «лавой», которые носили общее название «магистрата». Рада, состоявшая из радцев (от немецкого Rahtman), возглавляемых бурмистрами (от немецкого Bürgermeister), выполняла административные функции. Чрезвычайно популярный в Польше и Украине вплоть до конца XVIII в. юридический комментарий Бартоломея Гроицкого к своду Магдебургского права, впервые изданный в 1565 г., а позже неоднократно переиздававшийся, описывает права и обязанности городской рады так:

В обязанность рады и бурмистров входит по крайней мере раз в неделю или каждый раз, когда это будет необходимо, собираться в ратуше, совещаться об общинном благе, приобретать новые преимущества для общины и предотвращать вред, решать и рядить всевозможные споры, выискивать способы, чтобы пища и напитки в городе не были дорогими, и наказывать продавцов, нарушающих распоряжения радцев или общие постановления. Кроме этого, они должны присматривать за пекарями, мясниками и трактирщиками, не допускать обмана в мерах и весах во время продажи пищи, напитков и другого товара... Рада также должна предотвращать ссоры в городе, защищать от несправедливости сирот и вдов, искоренять вредные и бесчестные игры — карты, кости и иные недостойные игрища, каждый год рада должна составлять счет всех городских прибылей перед старшими и наиболее выдающимися людьми общины.

Лава была судебным органом, который возглавлялся войтом (от немецкого Vogt). В роли присяжных этого суда выступали выборные горожане — лавники. Войт, согласно комментарию Гроицкого, «не выносит приговора, а испрашивает решение у присяжных, а те, посоветовавшись, должны через своего старшего высказать свое мнение, и он произнесет его так, как они ему скажут».

Объем независимости города определялся типом войтства. Ведь именно войту король, а в частных городах владелец населенного пункта предоставлял так называемую локационную привилегию, то есть право на обособление самоуправляющейся городской общины. По меткому выражению Андрия Заяца, в глазах тогдашнего общества город, получив такую привилегию, становился словно «законнорожденным». В отношении к королю или владельцу города должность войта носила характер бенефиция — пожизненного или

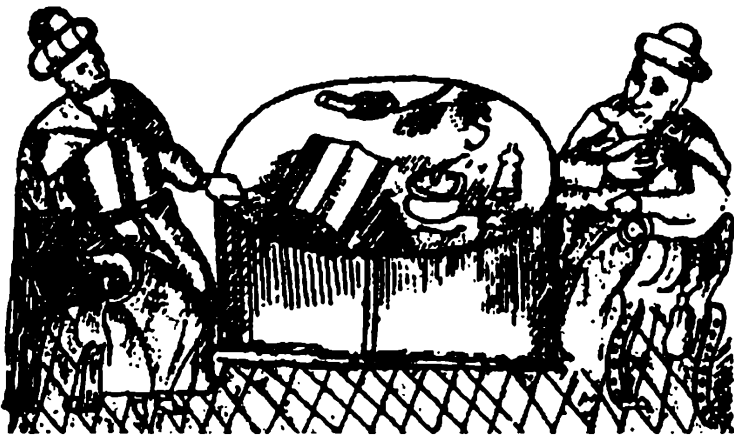
даже наследственного, причем достаточно выгодного с материальной точки зрения: ведь войту принадлежала треть судебных пошлин и определенный процент с городского налога, выплачиваемого в пользу короля или владельца, если речь шла о частных населенных пунктах. Большие королевские города, обладавшие мощным финансовым потенциалом, обычно выкупали войтскую должность (например, Краков в 1311 г., Львов в 1378 г.), после чего она становилась выборной, как и остальные должности городского самоуправления. Таким был способ превращения города в полностью автономную «республику в государстве»: с собственным управлением, налогами и даже гражданством.

Ведь пользовались городским правом только лица, принадлежавшие к городской общине, а стать ее членом можно было или по наследству, или путем «принятия в граждане» — через покупку недвижимости в городе, посредством брака, по особым заслугам и т. п. Новопринятые «граждане», оплатив пошлину за вступление, приносили присягу и записывались в соответствующую городскую книгу. Сказанное, конечно, не означает, что в городе жили лишь «граждане»: значительная часть населения, особенно в предместьях, считалась просто «жителями» (эти люди подлежали городскому праву, не имея избирательного голоса и других льгот).

Членов городской рады обычно избирали из среды самых состоятельных горожан, вследствие чего рада со временем превращалась в замкнутую касту городского патрициата (например, во Львове олигархический характер магистрата обозначился уже в конце XV — начале XVI в.). Одновременно существовали легальные рычаги противодействия злоупотреблениям, поскольку городская жизнь приобретала все более развитые публичные формы. Например, в том же Львове разгоревшийся в 1570-х гг. конфликт между радой и «поспольством» завершился созданием так называемой Коллегии сорока мужей, которая получила право контроля над доходами и расходами города (от русской общины в Коллегию регулярно избиралось по два представителя «депутатами на ратуш»). С обострением религиозного напряжения в конце XVI в. была создана новая львовская организация «сословий и наций», которая, среди прочего, представляла интересы армян и русинов.

Ведь пользовались городским правом только лица, принадлежавшие к городской общине, а стать ее членом можно было или по наследству, или путем «принятия в граждане» — через покупку недвижимости в городе, посредством брака, по особым заслугам и т. п. Новопринятые «граждане», оплатив пошлину за вступление, приносили присягу и записывались в соответствующую городскую книгу. Сказанное, конечно, не означает, что в городе жили лишь «граждане»: значительная часть населения, особенно в предместьях, считалась просто «жителями» (эти люди подлежали городскому праву, не имея избирательного голоса и других льгот).

Членов городской рады обычно избирали из среды самых состоятельных горожан, вследствие чего рада со временем превращалась в замкнутую касту городского патрициата (например, во Львове олигархический характер магистрата обозначился уже в конце XV — начале XVI в.). Одновременно существовали легальные рычаги противодействия злоупотреблениям, поскольку городская жизнь приобретала все более развитые публичные формы. Например, в том же Львове разгоревшийся в 1570-х гг. конфликт между радой и «поспольством» завершился созданием так называемой Коллегии сорока мужей, которая получила право контроля над доходами и расходами города (от русской общины в Коллегию регулярно избиралось по два представителя «депутатами на ратуш»). С обострением религиозного напряжения в конце XVI в. была создана новая львовская организация «сословий и наций», которая, среди прочего, представляла интересы армян и русинов.

36. Заседание городской рады. Фрагмент дереворита XVI в.

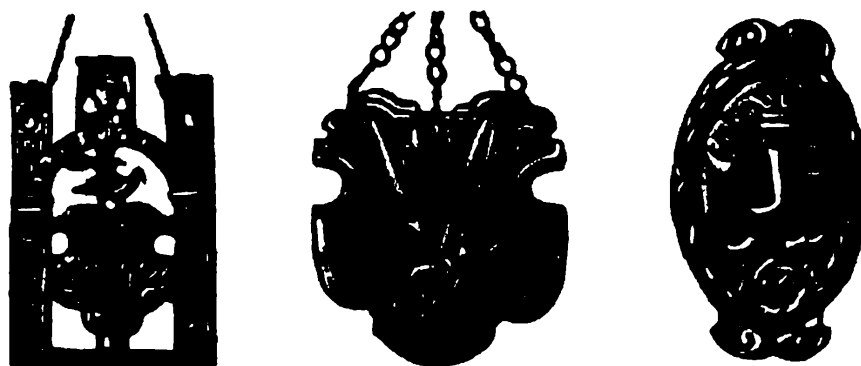
Параллельно с укреплением немецкого права оформлялась цеховая система организации ремесленников. Первые цеховые корпорации отмечены во Львове и Перемышле с конца XIV в. Во Львове, например, в то время существовало не менее четырех цехов (пекарей, мясников, сапожников, портных); в 1425 г. их было уже 10, в конце XV в. — 14, а к середине XVI в. — около 20. Цеховая система была заимствована в готовых формах из Германии, а ее быстрому распространению способствовало то, что ремесленная практика требовала от молодежи «путешествий» в другие ремесленные центры для завершения специального обучения. Переходя из города в город, мастера (от немецкого Meister) переносили и распространяли цеховую модель тех центров (чаще всего немецких), в которых обучались. Поэтому цеховые уставы каждого создающегося цеха обычно повторяли какой-то первоначальный образец: цех ткачей во Львове в 1469 г. создавался по подобию цеха в Ландсхуте, немецком городе на западном пограничье Польши, а ткачи Каменец-Подольского образовали свой цех по львовскому образцу и т. д.

Цех представлял собой самоуправляющуюся группу, возглавляемую выборным старшиной — цехмистром (от немецкого Cechmeister), наиболее авторитетным среди мастеров, составлявших «цеховое братство». Кроме мастеров, в цех входили их помощники — подмастерья («товарищи»), а также ученики («выростки», «ребята»). Цеховое право, опиравшееся на обычаи и уставы (а каждый цех должен был иметь собственный письменный устав, утверждаемый королем или владельцем частного города), регламентировало не только производственную, но и морально-этическую сторону жизни ремесленников. Регламентация первой имела своей целью охрану корпоративных интересов, основываясь на принципах профессиональной выучки, старательности и честности в своем ремесле, служивших гарантией престижа и благосостояния цеха, а также предотвращавших возможные производственные конфликты между мастерами. Что касается моральных предписаний, то их содержание опиралось на тезис, согласно которому цех, подобно сообществу людей, связанных общим религиозным культом и вынесенным из глубин Средневековья принципом тайны для посвященных (по-латыни цех назывался confraternitas [«братство»], что ярко подчеркивает именно этот принцип создания профессиональных объединений), стоял на страже «добрых христианских обычаев». Цеховые уставы предусматривали суровое наказание за разглашение того, что происходило внутри цеха. Особенным значением обладала причастность к общим обрядам, в частности участие в похоронных процессиях, собраниях «при братском пиве» в дни церковных праздников и «братских обедов», устраиваемых по случаю перехода

подмастерья в ранг мастера. На зачинщиков ссор или брани во время общих собраний налагали достаточно большие штрафы, часто уставы содержали и требования, направленные на поддержание престижа членов цеха: например, отдельный пункт устава ткачей Львова и Дрогобыча запрещал мастерам ходить босиком по городу, а устав каменецких портных налагал штраф на подмастерьев, исполнявших срамные песни или непристойно шутивших в присутствии женщин.

Корпоративная потаенность, составлявшая своего рода «идейную основу» цеховой системы, стала на руських землях главным источником межэтнических столкновений. Ведь с одной стороны, цех по своей природе не мог включать в «братство» лиц разных конфессий, а с другой — в пестром этническом конгломерате, которым являлись галицкие города, избежать этого было практически невозможно. А так как цеховая организация была перенесена из немецких земель и Польши, то теоретически членами цехов должны были становиться лишь католики, что в конечном итоге и отмечалось во многих уставах, как, например, в этом: «Львовские ювелиры не должны между собой ни терпеть, ни принимать ни одного мастера-еретика или схизматика, лишь католиков, разве что какой-то еретик из русинов или армян соединился бы с римской Церковью».

Реальная жизнь не укладывалась в рамки этих ригористичных требований. Последовательно антиправославные предписания исполнялись только в тех городах, где руськая и армянская общины составляли меньшинство, хотя даже во Львове они не распространялись на все цехи, напротив, в более мелких городах, где русины численно преобладали, упомянутое правило носило характер необязательной буквы закона, или же вообще цеховые уставы демонстративно подчеркивали равноправие мастеров разных христианских конфессий (евреи, как уже отмечалось, не имели права заниматься ремеслами). На практике это осуществлялось введением простых квот, например во львовском цеху

37. Знаки львовских ремесленных цехов. XVI — начало XVII в.

сапожников, где цехмистровская старшина должна была состоять наполовину из православных (русинов), наполовину из католиков.

Стоит добавить, что попытки устранения из цехов не католиков лихорадили городскую общину в целом, хотя подобные сверхмеры, декларативно объяснявшиеся религиозными лозунгами, на самом деле скрывали обычную конкуренцию. Самым ярким примером может послужить Львов, где русины испытывали особенно ощутимые притеснения со стороны немецко-польского магистрата, а королевские привилегии, направленные на их поддержку, подвергались открытому саботажу. Сопrotивление, направленное на отстаивание своих нарушенных прав, которое с 1520-х гг. легально оказывали львовяне-русины (обращения к правительству в виде депутатий, петиций и жалоб), стало подлинной школой гражданской активности, поскольку воспитывало осознанное знание законов и навыки организованных политических действий, словесных дебатов и совместных акций.

Что касается армян и евреев, то в рамках городских обществ они составляли, как уже отмечалось, отдельные самоуправляющиеся группы — «нации». Армяне жили под руководством своего выборного старшины, который осуществлял судопроизводство внутри общины, а в остальных вопросах подчинялись магистрату, евреи же составляли группу, изъятую из ведения магистрата и подчиненную королевским наместникам. Каждая из таких еврейских общин создавала собственную самоуправляющуюся единицу — кагал, возглавляемый выборными старшинами. Конкретными делами в кагале ведали специальные комиссии: контрольная — для проверки счетов по уплате налогов, судебная — для рассмотрения споров между евреями, школьная — для инспектирования школ, благотворительная — для опеки над бедными и больными, санитарная — для надзора за соблюдением чистоты и порядка на еврейском участке и т. п. Духовным лидером общины был раввин; в отличие от выборных старшин и членов комиссий раввин, приглашенный общиной, получал жалованье и бесплатное жилище, переезжая из города в города по окончании срока контракта, как правило шестилетнего. Раз в два года депутаты еврейских общин съезжались на общее собрание — Ваад (кагалы Великой Польши, Малой Польши, Галиции и Волыни образовывали Ваад четырех земель, или Ваад евреев Короны), происходившее во время больших ярмарок в Люблине или на Руси — в Ярославле. На Вааде избирался общий исполнительный орган, призванный следить за порядком и соблюдением норм поведения, которое не раздражало бы христианское окружение (например, сурово запрещалась вызывающая роскошь в одежде, шелковые и бархатные наряды, драгоценные украшения и т. п.).

«Открытие мира» с помощью книги и путешествий. Латинская школа в руських городах

Динамика городской жизни способствовала постепенному складыванию до тех пор неизвестной на Руси открытой городской культуры полиэтнического типа, которую, воспользовавшись образным выражением Марка Блока, можно было бы назвать «цивилизацией, в гораздо большей степени оснащенной антеннами для восприятия чужого». Изменения в мировосприятии, спровоцированные изменчивым политическим климатом, обновлением социальных форм жизни, разнообразием и многоголосием окружающих явлений, можно в самом общем виде охарактеризовать следующей формулой: новое переставало отпугивать, а чужое — восприниматься как неизбежно враждебное.

Первым признаком, свидетельствовавшим о мировоззренческих сдвигах в городском быте, можно считать новое отношение к книге. Из предмета сакральной или, по крайней мере, приближенной к Богу духовной сферы книга превратилась в утилитарное орудие познания. Подобное явление не было прямым следствием ее удешевления благодаря развитию книгопечатания, потому что, допустим, в тогдашней

Волыни или на Киевской земле бесполезно было бы выискивать следы книжного бума. Зато во Львове и других крупных населенных пунктах Галицкой Руси появляются первые центры регулярной торговли продукцией типографий Франкфурта, Лейпцига, Нюрнберга и т. п. На местный книжный рынок, то есть к широкому читателю, попали произведения античных авторов, теологические и философские трактаты, книги по медицине, пособия по юриспруденции, истории, географии.

Формированию читательского спроса способствовали латинские школы, начавшие создаваться с конца XIV в. при костелах и монастырях. При епископских кафедрах диоцезий — во Львове, Холме, Перемышле, Каменце — возникают школы повышенного уровня, вскоре, как правило, преобразуемые в городские образовательные заведения, находившиеся на совместном попечении у епископа

38. Обучение ученика. Миниатюра из книги «*Ars memorativa*» (Аугсбург, 1479)

и магистратов. По их примеру появляются школы и в кафедральных городах. На протяжении XV и в начале XVI в. их насчитывалось в Перемышльской диоцезии 12, во Львовской — 9, в Холмской — 5. Наиболее крупные из них — Львовская, Перемышльская, Ярославская, Красноставская — вскоре получили статус так называемых «колоний» Краковского университета, то есть преподавание было расширено до «семи свободных искусств» [septem artes liberales] европейской средней школы: арифметики, геометрии, астрономии, музыки, грамматики, поэтики и риторики. Вооружив воспитанников знанием латыни, без которой была немыслима средневековая ученость, школы Руси открыли юношам двери в европейские университеты. Поэтому именно появлению латинских школ украинская культура обязана тем, что уже в конце XV — начале XVI в. стремительно растет число студентов из Руси не только в Краковской академии, но и в университетах Праги, Падуи, Болоньи, Витенберга, Базеля, Лейдена и т. п. В частности, лишь в Кракове, по данным университетской метрики 1400–1500 гг., слушателей родом из Руси и Подолья насчитывалось: из Львова — 73, Перемышля — 28, Ярослава и Санока — по 21, Преворска — 18, Самбора — 6, Бучача и Мостиск — по 3 и т. д. Среди городов, откуда прибывали студенты, упоминаются Коломыя, Галич, Дрогобыч, Делиев, Городок, Свирж и многие другие. Характерно, что с каждым десятилетием выходцев из Руси становилось все больше. Скажем, если между 1400 и 1410 гг. в метрику было записано лишь 11 таких студентов, то между 1490 и 1500 гг. их было уже 75. Показательно также, что почти 80% юношей были сыновьями горожан-ремесленников — скорняков, портных, пекарей и т. п.

Наиболее ярким примером возвышения мещанского сына является судьба Юрия, или Георгия, Дрогобыча (ок. 1450–1494), сына дрогобычского ремесленника Михайлы Котермака (судьбу Дрогобыча детально проследил Ярослав Исаевич). Приступив к обучению во Львовской кафедральной школе, Юрий затем учился в Краковском университете, где в 1470 г. получил степень бакалавра, а в 1473 г. — магистра. После этого он отправляется в Болонью, где

39. *Посвящение папе Сиксту IV в труде «Прогностичная оценка текущего 1483 года магистра Юрия Дрогобыча из Руси» (Рим, 1483)*

40. Отправление в образовательное путешествие. Дереворит из книги Николая Рея «Zwierzyńiec» (Краков, 1562)

искусств и медицины славного Болонского университета». Оно представляет собой небольшую десятистраничную книжечку, которая до сегодняшнего дня сохранилась лишь в двух экземплярах: один в Кракове, второй — в библиотеке Тюбингенского университета в Германии. Произведение Котермака это популярный для того времени астрологический календарь («прогностик»), то есть предвидение событий и природных катаклизмов. С научной точки зрения интересной в нем является первая попытка определить географические координаты нескольких городов Польши, Руси и Венгрии. Трогательно, что из городов «Руського королевства» (именно так называется здесь Галиция) ученый упоминает два: столичный Львов и родной небольшой Дрогобыч. С 1488 г. и до самой смерти Юрий Дрогобыч преподавал астрономию и медицину в Краковском университете, одновременно ведя частную врачебную практику (среди прочего он, очевидно, консультировал и королевский двор, так как получил титул «королевского медика»). Умер в 1494 г. в Кракове, где и был похоронен.

Понятно, не каждый русин, осуществив образовательное путешествие за границу, становился профессором. Но многие, отталкиваясь от приобретенного нового мировоззренческого опыта, могли бы повторить то, что писал Юрий Дрогобыч в адресованном папе Сиксту IV стихотворном посвящении к «Прогностику»:

Ширь небес для наших глаз непостижимо велика;
Разумом, однако, легко можем ее постигнуть.

Расширение интеллектуальных горизонтов, приобретенное в образовательных странствиях по ренессансной Европе, сопровождалось динамичными изменениями в системе представлений об окружающем мире. С точки зрения архаического мировидения, «чужая земля» всегда связывается с чем-то опасным и враждебным. Для древнерусского человека блуждания по чужбине — это скитания, тяжкое наказание. Недоверие к тем, кто отправляется в дальнее путешествие, — характерная черта древнерусского мышления, когда сам рассказ о чужих землях, в которых побывал человек, — грех: «Яко же обичай хитрословесници сим краситься». Поэтому подлинной мировоззренческой революцией можно признать то, что на протяжении XV–XVI вв. странствия в чужие края становятся сопровождающим жизнь обыденным явлением. Неумоимо колесит по миру купец; подмастерье обязан пройти «науку» в чужих городах, чтобы использовать свой шанс и добиться почетного статуса мастера; сыновей ремесленников, которым не хватило места в отцовском ремесле, обстоятельства выталкивают из родного дома в «латинскую науку», для того чтобы по возвращении они могли иметь прибыльную профессию адвоката или врача; в поисках образования и навыков «учтивости» находится и почувствовавшая вкус публичной жизни шляхта. Приезжая из заграничных путешествий, эти люди приносят и распространяют образ чужого края — иного, но не таинственного и не враждебного. Изменение типа информации о мире подводит к сопоставлению ценностей, таким образом барьер средневековой замкнутости оказывается сломанным, общество делает первый шаг в сторону новых культурных ценностей, которые историки обычно причисляют к симптомам «Нового времени».

«Галицкий Ренессанс»:

неолатинская поэзия, архитектура, пластические искусства

Изменения в системе повседневных представлений и «привычек сознания», о которых говорилось выше, шли рука об руку с модификациями элитарной, или так называемой «высокой», культуры. В Польше этот процесс был связан с явлением, которое получило название «рождения гуманизма». У его истоков находились ученые краковского круга, близкие к университету и королевскому двору Казимира IV: итальянец Каллимах (Филипо Буонакорси, 1437–1496), воспитатель сыновей короля, ренессансный новолатинский поэт и писатель, римский изгнанник, преследуемый за вольнодумство папой; поляк Гжегож из Санока (ок. 1407–1477), мещанский сын, который благодаря таланту, настойчивости и блестящему образованию, полученному в Германии

и Италии, стал первым профессором-гуманистом Краковской академии, комментатором Вергилия; немец Конрад Цельтис (1459–1508), поэт и организатор (совместно с Каллимахом) Надвислянского литературного общества [Sodalitas Litteraria Vistulana] — первого в Польше кружка литераторов-гуманистов, объединившего на ученых диспутах профессоров Краковского университета: астрономов, математиков, философов, теологов, поэтов.

Гжегож из Санока, одна из первостепенных звезд польского Ренессанса, с 1451 г. до самой своей смерти занимал стол львовского архиепископа. В Дунаеве подо Львовом, где находилась архиепископская резиденция, возникает первый на землях Польского королевства меценатский двор, организованный по примеру ренессансных дворов итальянских вельмож. Сам архиепископ, человек яркого ума и дарований, писал латинские стихотворения, подражая древнеримским поэтам. Богатая библиотека, привлекательный образ жизни, ежедневные диспуты притягивали сюда людей пера и науки, формируя моду и эстетические вкусы интеллектуальной элиты.

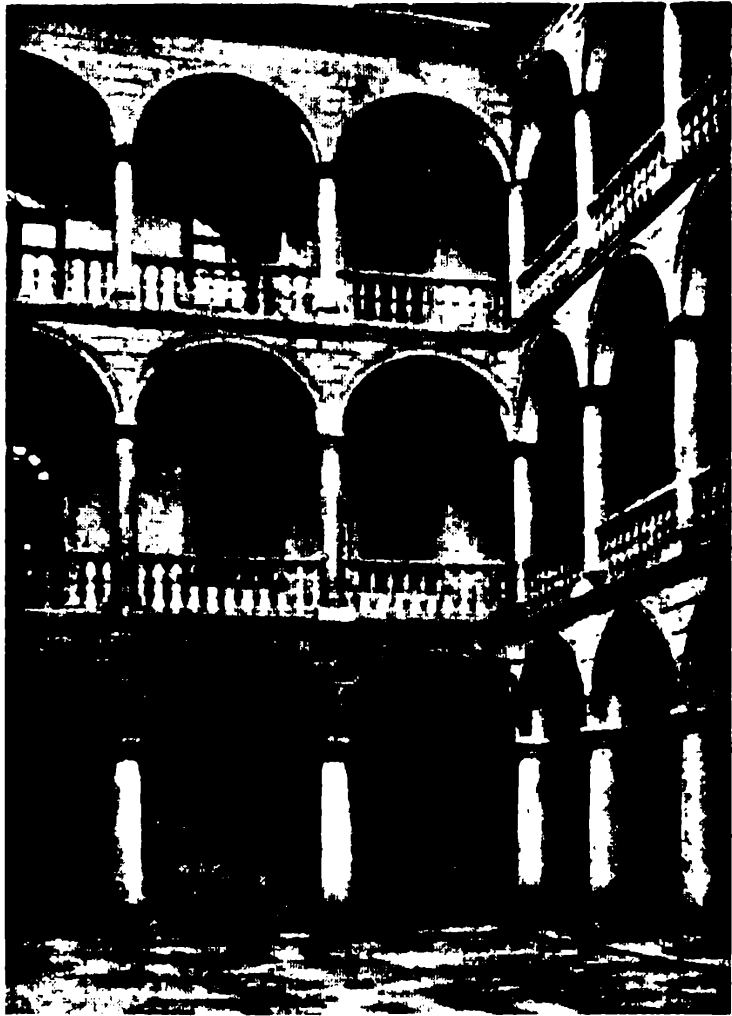
Поэтому неудивительно, что именно руськие земли в конце XV и на протяжении XVI в. разразились мощным потоком так называемой «новолатинской» поэзии, одного из наиболее ярких побегов элитарной позднеренессансной культуры. Среди поэтов, связанных с этим течением и подчеркнуто декларировавших свое родство с Русью, Павел Русин из Кросна (ок. 1470 — ок. 1517), Григорий Вигилянций Русин из Самбора (ок. 1523–1553), Георгий Русин из Тычина (умер после 1548 г.), Ян Русин из Туробина (1511–1575), Себастьян Кленович (ок. 1550–1602). Нет смысла докапываться до того, кем этнически были новолатинские поэты: ни для немца Павла Русина из Кросна, ни для русина Григория Русина из Самбора, ни для поляка Себастьяна Кленовича такой проблемы не существовало. Ренессансный космополитизм не выделял самобытность этнических культур, поскольку служил высокой идее — облагородить современность, следуя образцам Античности, а эти образцы конечно же должны были быть общими для всех народов европейской «Христианской республики», созданной мечтами Эразма Роттердамского. Это не означает, что в творчестве новолатинских поэтов не оставалось места для «малой родины». Для них она — мать-кормилица, место рождения, которое с сыновней благодарностью прославляется путем обращения к тем же античным образцам и параллелям, которые по-своему «санкционируют» вхождение в высокую культуру родных сел, городов, регионов. Самым ярким примером именно таких признаний в любви к «малой родине» — Руси — является поэма поляка Себастьяна Кленовича «Роксолания» (1584), которая начинается патетическим зачином:

Музы, пойте о русах, о пастбищах их благодатных
И селах, которые счастье нашли в этой
животворной земле.

«Роксоланией» Кленович называет земли Киевской и Галицкой Руси. Он беглым взглядом окидывает прошлое русинов — «лучших потомков отца Яфета»; описывает географические параметры их территории «вплоть до литовских угодий» и «московских суровых просторов»; поэтически изображает животный и растительный мир, обычаи, быт и занятие крестьян — пастухов и пахарей (естественно, все это сопровождается античными образами и реминисценциями). Отдельные разделы с живыми описаниями городской жизни посвящены русьским городам — Львову, Киеву, Каменцу, Перемышлю:

Львов священный, скала марпейская,
пусть везет тебе всегда.
Веру старую береги, не покидай в беде.
Киев славный, могучая столица князей древнеруських,
Множество ты видишь еще памятников древности...
О Каменце еще скажем. Кто же
воспеть в состоянии
Славу, сосед, твою
и стены, эту твердь крепкую? <...>
Сила природы тебя возвела
не гений человека
и не искусство его,
сам ты себе был творцом. <...>
Я в своих стихотворениях тебя,
Город Прометея, вспомнить обязан;
Перемышль — так
называют в народе тебя.

В унисон с ренессансным космополитизмом новолатинской поэзии развиваются архитектура и пластические искусства: скульптура, декоративная резьба. Например, уничтоженный почти до основания пожаром 1527 г. Львов отстраивают преимущественно строители-ремесленники из Северной Италии и итальянских кантонов Швейцарии. Вместе с выходцами из других итальянских регионов, такими как Паоло Доминичи-Римлянин, Пьетро Барбона из Падуи, Николо Фракас из Венеции, Христофор де Боцано из Ферары, Перегринус из Болоньи,

41. *Итальянский дворик дворца
Корняктов во Львове. 1580 г. Современное
фото*

в Кракове и Панкрацем Лябенвольфом в Нюрнберге. Однако спрос подталкивает успех скульптуры: при образовании в 1582 г. «цеха строителей» мы находим в нем уже и нескольких скульпторов-львовян. Рядом с ними, выполняя местные заказы, работают нидерландцы Герман ван Гуте и Генрих Горст, воспитанники краковской скульптурной школы мастера-поляки Себастьян Чешек, Ян Бялый, Ян Заремба. Характерно, что на скульптурном надгробии Александра Лагодовского, исполненном Германом ван Гуте в традиционной форме спящего рыцаря, эпитафия выбита по-русски:

Ту лежить урoжений Александр Ванко Лагодовский з Лагодова, котории жил на світі літ 48, преставився місяця стичня 27 дня року 1574. Которий гроб дала справцити на паметку малжонка своего урожоная Барбара з Сінна Лагодовская. Боже, буди милостив души его.

Вырастая из заимствованных, готовых, эклектично смешанных форм, галицкая ренессансная традиция не создала собственного стиля и, строго говоря, для утонченного ценителя искусства не является чем-то особенно ценным. Однако ее мировоззренческая ценность от этого не становится меньшей. «Галицкий ренессанс» сыграл роль катализатора, стимулировавшего модификацию до того скованного конфессиональным каноном русьского искусства. Именно в этой точке отсчета начало формироваться то самобытное лицо художественной Украины, которое метафорически принято называть мостом между «латинским Западом» и «византийским Востоком».

2. Киевская и Волынская земли

После утверждения монгольского верховенства центральные и северные земли будущей Украины — Киевское, Переяславское, Турово-Пинское и Чернигово-Северское княжества — на целое столетие уходят в тень. Их новое появление на исторической арене вызвала неожиданная активность маленькой воинственной Литвы, обитателей которой древнерусьские летописцы снисходительно называли «людьми из болот». Впервые «литва» упоминается под 1009 г. в немецких письменных источниках, которые обозначали этим названием племенную группировку балтов, населявшую юго-восточные регионы современной Литвы и прилегающие земли Белоруссии между реками Неманом и Вилией. В XII в. полоцкие, витебские и минские князья использовали литовские дружины в собственных походах; вероятно, литовские племена некоторое время подчинялись Полоцку. Однако по мере ослабления русьских княжеств Литва начинает превращаться в самостоятельную военную силу: из хроники Генриха Латвийского известно, что между 1201 и 1236 гг. литовские племенные князья (кунигасы) уже сами осуществили несколько грабительских походов на земли Тевтонского ордена, Польшу, Полоцкую землю и Смоленщину. В середине XIII в., когда на Русь накатилась большая степная волна, Литва также не избежала испытания. Оно явилось в образе рыцарей-крестоносцев,

42. Брат-рыцарь Тевтонского ордена. Фрагмент дереворита конца XV в.

создателей двух государств на балтийском побережье: Тевтонского ордена (приблизительно на территории современной Пруссии) и ордена меченосцев (на землях нынешних Латвии и Эстонии). В 1237 г. оба ордена объединились, выдвинув в качестве стратегической цели подчинение разделявшей их территории Жемайтии — северо-западных земель нынешней Литвы. Орденская угроза вынудила аморфные племенные союзы соединиться в крепкую, боеспособную и агрессивную единицу, готовую не только дать отпор рыцарям-крестоносцам, но и расширить границы для потенциального умножения собственных сил. Первые известия об объединении нескольких литовских племен под властью князя Миндовга приходятся на 1240-е гг.; к государству Миндовга с самого начала отошло и Среднее Понеманье, или так называемая Черная Русь, с городами Новогрудок, Гродно, Слоним и др. (в частности, в Новогрудке находилась некоторое время и резиденция Миндовга). В 1251 г. литовский «кунигас» даже был крещен по католическому обряду и коронован, но вскоре в очередных перипетиях войн с Орденом отрекся и от христианства, и от короны, поскольку нуждался в поддержке языческой знати. После гибели Миндовга (1263) началась длительная борьба за власть, победителем из которой только в 1295 г. вышел Витенас — представитель одного из племенных княжеских родов. В его правление (1295–1315) Литовское государство приобрело более четкие формы, однако его окончательное укрепление приходится уже на время правления брата Витенаса Гедимина (1316–1341), который впервые начал титуловать себя «великим князем литовским, руським и жемайтйским», объединив под своим верховенством, кроме литовских и жемайтйских племенных князей, еще и некоторых Рюриковичей — правителей руських княжеств на территории современной Белоруссии.

Наиболее характерной чертой этого политического образования, которое сам Гедимин называл «королевством литвинов и русинов», был этнический и вероисповедный симбиоз язычников-балтов и их православных соседей-славян. И если поначалу речь шла прежде всего об уже упоминавшемся Понеманье, где четкой этнической границы между балтами и славянами не существовало никогда, то постепенно, путем приглашений на княжеские столы и переплетений династий вследствие браков, Литовское государство начало поглощать и остальные белорусские княжества, в том числе наиболее крупные: Полоцкое, Витебское, Минское, Заславское и др. Расширение его территории на юг, на земли будущей Украины, тоже едва ли можно квалифицировать как завоевание в точном смысле этого слова. Например, переход к литовско-белорусскому государству Подляшья и Турово-Пинской земли уже в правление Витенаса (1295–1315) произошел при неизвестных обстоятельствах и прошел совершенно незамеченным

на общем политическом фоне. Еще более направленным становится движение на юг при Гедимине — основателе династии Гедиминовичей, от которой произошло несколько мощных княжеских родов, осевших с последней четверти XIV в. на Волыни и в Киевской земле.

Гедимин и Ольгерд — «собиратели русских земель»

Между 1316 и 1320 гг. начинается сближение Литвы с галицко-волынскими князьями, скрепленное браком сына Гедимина Любарта с дочерью владимирского князя Андрея Юрьевича. После гибели около 1323 г. князя Андрея и его брата Льва, последних Романовичей, Гедимин, согласно более поздней легенде, якобы осуществил военный поход на Волынь, что, впрочем, отрицается современными литуанистами. С уверенностью можно констатировать лишь то, что литовские претензии на галицко-волынское наследство (если такие действительно имелись) не увенчались успехом: в 1324 г. волынские бояре пригласили на престол Болеслава, племянника покойных Льва и Андрея Юрьевичей, сына их сестры и мазовецкого князя Тройдена. Сближение между ним и Гедимином отражено в документах в 1331 г. благодаря браку Болеслава с дочерью Гедимина Офкой. В конце концов, отравив нелюбимого ими Болеслава, волынские бояре в 1340 г. приглашают на княжеский стол уже упомянутого сына Гедимина Любарта — зятя Романовичей, крещенного под именем Дмитрия. По итогам длительных войн «за галицкое наследство», как уже отмечалось, Волынская и Брестская земли были признаны династической собственностью рода Гедимина.

Что касается Киева, то существует легендарное сказание о походе Гедимина сюда в 1320 г., как и в случае с Волынью, недостоверное. Реальные следы продвижения литовцев в Приднепровье относятся ко второй половине 1340-х, когда сыну Гедимина Ольгерду, тогдашнему великому князю литовскому, подчинился, среди прочего, Любеч с волостью. Тогда же, в 1340-х гг., воспользовавшись

43. Въездная башня Луцкого замка. Современное фото

ослаблением Золотой Орды, другой сын Гедимины Кориат-Михаил начинает продвигаться в Подолье — пространство, оформившееся в самостоятельную административно-территориальную единицу уже в монгольское время и охватывавшее земли между Днепром и Днестром с востока на запад и между Русью и Черным морем с севера на юг. Кориат и его сыновья утверждаются прежде всего в западной части этого региона, или так называемом Малом Подолье, охватывавшем округу Каменца [в настоящее время Каменец-Подольский], Смотрича, Червонограда, Скалы и Бакоты.

Тем временем после смерти Гедимины (1345) в Великом княжестве Литовском устанавливается соправление двоих его сыновей — Ольгерда и Кейстута: Кейстуту отошли Жемайтия, Литва и традиционно связанная с ней понеманская Черная Русь, а Ольгерду — остальные русские земли. Поэтому именно при Ольгерде Гедиминовиче (1345–1377) к Великому княжеству были присоединены Чернигово-Северская земля и Надднепрянина. Этому в значительной мере поспособствовал политический раскол в Золотой Орде, ставшей на протяжении 1359–1380-х гг. ареной ожесточенной междоусобной войны и расколовшейся в итоге на две враждебные друг другу половины, постепенно утрачивавшие подвластные им территории (например, именно в 1359 г. между Средним Днестром и Карпатами возникло Молдавское княжество). На рубеже 1350–1360-х гг. Ольгерду удалось вытеснить ордынцев из Гомельской, Черниговской, Переяславской земель. Заметную роль в этом сыграла битва на р. Синие Воды [в настоящее время р. Синюха в окрестностях Ново-архангельска Кировоградской обл.], проходившая, вероятно, между 24 сентября — 25 декабря 1362 г. Войско Ольгерда, лично принявшего участие в битве, состояло не только из его рыцарей, но и из отрядов бояр Киевской и Чернигово-Северской земель и волынских дружинников Любарта и князей Кориатовичей с Подолья. Противниками объединенных русско-литовских сил выступили три татарских бея, или, как их называют более поздние летописи, «цариков»: Кутлубах-солтан (Кутлуг-бей), Качибирей-солтан (Хаджи-бей) и Диментер-солтан (Димитр) — правители Крымской, Перекопской и Ямболукской (Джамбойлуцкой) Орд, выделившихся в первой половине XIV в. из бывшего улуса Ногая и контролировавших Подолье и степи Северного Причерноморья. Победа на Синих Водах, как предполагают одни историки, отодвинула границы территорий, подвластных Золотой Орде, на Днепре к порогам, а на Днестре — к его черноморскому устью; другие же считают, что полное подчинение Надднепрянины и Подолья великому князю литовскому произошло несколькими десятилетиями позже — после некоторого периода двоевластия Ольгерда и золотоордынского хана.

Великое княжество Литовское при Ольгердовичах и Витовте

Созданное без заметных завоевательных усилий Великое княжество Литовское было государством, в котором титульный народ был, по сути, представлен лишь названием. Около 90% его населения составляли русины, то есть будущие белорусы и украинцы, а соотношение территории, населенной ими и литовцами, в первой трети XV в. определяют как 12:1. Если вспомнить, что литовский язык к тому времени еще не был письменным, то станет понятной стремительная карьера в этом государстве «русьского» языка: именно он стал языком двора и органов управления, а несколько модифицированные русские традиции публичного быта и институты власти утвердились в качестве общепризнанных.

До конца XIV в. Великое княжество оставалось конгломератом регионов с весьма пестрым статусом, охватывая домен великого князя; «обезкняженные» земли-аннексы, подчиненные его наместникам; служебные княжения вассалов великого князя; наконец, удельные княжества тех или иных представителей правящей династии. К последним, в частности, относились Киевское, Новгород-Северское, Волынское и Подольское княжества. Киевским и северским удельными правителями стали сыновья великого князя Ольгерда — Владимир и Дмитрий-Корибут; на Волыни брат князя Ольгерда Любарт, а после Любарта его сын Федор; на Подолье утвердились Кориатовичи, сыновья брата Ольгерда Кориата Гедиминовича.

Их удельные княжества являлись своеобразными «государствами в государстве». Потомки Гедимины были обязаны великому князю «повиновением», то есть признавали его верховенство, но в остальных вопросах они распоряжались «с полным правом и панством». Крещенных по православному обряду, женившихся на руських княжнах, приученных к традициям местного быта Гедиминовичей не воспринимали как завоевателей, напротив, они хорошо ладили с руськой знатью, которая считала их «своими» князьями и полностью поддерживала их независимую относительно Вильны позицию. К примеру, собственную монету чеканил в Киеве Владимир Ольгердович, титулуясь «Божьей милостью князем Киевским», то есть суверенным правителем; мало считался с великим князем Дмитрий-Корибут Ольгердович, проводя собственную внешнюю политику в союзе с близкими соседями по пограничью — московским и тверским князьями; не слишком обременяли себя обязанностью «повиновения» на далеком Подолье братья Кориатовичи, озабоченные соседством татар. В руських княжествах разворачиваются масштабные

фортификационные работы, инициированные новыми правителями. В Киеве во второй половине XIV в. на высоком холме над ремесленным подолом и Княжей горой по приказу Владимира Ольгердовича вырастает крепкий замок из дубовых колод, просуществовавший с некоторыми перестройками до середины XVII в. При Любарте Гедиминовиче подвергся существенной модернизации Луцкий замок, построенный в конце XIII — первой четверти XIV в.: в дополнение к его башням надстраивается еще один ярус и на 3–4 м поднимаются замковые стены, оборудованные бойницами, приспособленными для уже распространенного в то время огнестрельного оружия. Поражает размах начатого при Кориатовичах оборонительного строительства на Подолье, особенно коренная перестройка крепости и городских укреплений неприступного Каменца и Скалы Подольской. Все это свидетельствует о том, что Гедиминовичи не чувствовали себя на Руси временными людьми.

Незаметны изменения и в положении коренных жителей. Ведь остались в силе русские законы и обычаи, с конца XIV в. подтверждаемые в договорах («рядах») великого князя с местными землевладельцами и горожанами. За боярами-воинами закреплены их земли, с которых надлежало нести военную службу по вызову удельного князя; в городах, как и ранее, живет торговый и ремесленный люд в «праве городском руськом». Наконец, стремительно растет богатство и влияние Церкви, которая получила в лице новообращенных язычников щедрых благодетелей. Например, на средства Кориатовичей восстает из руин Бакотский скальный монастырь. Ревностным патроном Киево-Печерского монастыря становится Владимир Ольгердович, похороненный впоследствии

в Успенском соборе — главной святыне Руси. О взгляде киевского князя на свою роль в церковной жизни свидетельствует такой красноречивый эпизод: когда в 1383 г. константинопольский патриарх рукоположил на Киевскую митрополию Дионисия, чья кандидатура по политическим соображениям была нежелательна для князя, Владимир приказал заточить новопоставленного иерарха в тюрьму, заявив ему: «Пошел еси на митрополию в Царьград без нашего повеления».

Поэтому неизвестно, как сложилась бы в будущем судьба Украины и не существовало бы теперь на ее землях нескольких независимых государств, выросших из княжеств литовского удельного времени, если бы не случай,

44. Печать князя Дмитрия Корибута Северского

по многим причинам ставший переломным моментом. В 1370 г. умер, не оставив потомков мужского пола, последний польский король из династии Пястов Казимир III. При поддержке польских рыцарей на престол был возведен его племянник Людовик Венгерский. Он также не имел сыновей, но, делая уступки рыцарству-шляхте, добился согласия на то, чтобы престол наследовала одна из его дочерей. Так, после его смерти (†1382) на троне оказалась внучка Казимира III Ядвига, коронованная в 1384 г., едва достигнув 11 лет. Однако, согласно польским обычаям, власть можно было получить лишь «по мечу»: королева царствует, не правя, — и после длинных дебатов придворные магнаты решили пригласить в качестве мужа для юной Ядвиги самого перспективного партнера по борьбе с Орденом, тогдашнего великого князя литовского Ягайло Ольгердовича. А платой за польскую корону должно было стать признание ее верховенства над Великим княжеством Литовским. Эта акция укрепила бы расшатанное внутренними разногласиями Польское королевство и одновременно устраивала Ягайло, чьи собственные позиции выглядели достаточно ненадежными. Предсмертная воля Ольгерда, который, умирая (1377), завещал престол не старшему сыну, а одному из младших, да еще и от второй жены, вызвала вооруженное противодействие других Ольгердовичей — полоцкого князя Андрея и брянского Дмитрия. Одновременно, расчищая дорогу к власти, Ягайло приказал убить своего дядю и опекуна Кейстута (1382), лидера литовских язычников, что ставило молодого князя в оппозицию к Жемайтии — оплоту язычества: именно оттуда в 1383–1384 гг. с помощью Ордена начал наступать сын Кейстута Витовт. И хотя шаткая договоренность была достигнута, сами перспективы правления Ягайло выглядели туманно. В этой ситуации Ягайло с радостью пошел навстречу польскому предложению. Поэтому 14 августа 1385 г. в Криве [в настоящее время городок Гродненской обл. в Белоруссии], в присутствии польских послов и своих братьев-свидетелей Ягайло подписал пункты обязательства, из которых два являлись ключевыми: «обратить свой народ в лоно святой католической Римской Церкви» и «навечно присоединить [applicare] земли Литвы и Руси к Польскому королевству».

45. Владислав Ягайло. Фрагмент донаторской фрески 1418 г. из Святотроицкой замковой часовни в Люблине

Текст обязательства не уточнял, что речь шла о язычниках Литвы, а не христианах греческого обряда, и тем самым заложил едва ли не первый камень в фундамент будущих недоразумений. 15 февраля 1386 г. под именем Владислава Ягайло принял крещение по латинскому обряду, после чего был обвенчан с Ядвигой и коронован в Кракове *pro domino et rege Regni Poloniae* [«как господин и король Королевства Польского»]. Отныне он должен был соединить в одном лице власть короля Польши и великого князя литовского.

Первый пункт обязательства — крещение язычников-литовцев — Ягайло удалось выполнить быстро и без осложнений: в конце 1386 — начале 1387 г. началась акция по крещению последних язычников Европы и было создано первое епископство с центром в Вильне. Напротив, политический аспект унии уже в 1386 г. стал проблематичным, натолкнувшись на оппозицию Андрея

Ольгердовича, князя полоцкого, а в 1389 г. и на сопротивление знати Литвы и Черной Руси. Оппозицию возглавил Витовт Кейстутович, двоюродный брат Ягайло и конкурент в борьбе за великокняжеский престол. После нескольких военных столкновений в 1392 г. Владислав Ягайло был вынужден признать Витовта своим пожизненным наместником, а в 1398 г. тот провозгласил себя полновластным великим князем литовским под номинальным верховенством польского короля, фактически разорвав Кревскую унию.

Человек незаурядного политического и военного таланта, Витовт Великий, как его принято называть в литовской традиции, на протяжении своего почти сорокалетнего (1392–1430) правления сумел поставить сложившийся во времена Ольгерда аморфный конгломерат земель в большую зависимость от великого князя. Жертвами иницилируемых им централизаторских усилий оказались и правители украинских удельных княжеств.

На протяжении 1393–1395 гг. Витовт лишил власти одного за другим уже упомянутых Федора Любартовича Волынского, Владимира Ольгердовича Киевского, Дмитрия-Корибута Ольгердовича Северского, Федора Кориатовича Подольского. Вместо них были посажены или наместники (как в Луцке), или зависимые от Витовта князья-правители (как в Киеве, где с конца XIV и до 30-х гг. XV в. хозяйничали литвины Гольшанские: Иван, его сын Андрей

46. Герб Великого княжества Литовского. Дереворит из книги Себастьяна Мюнстера «*Cosmographia universalis*» (Базель, 1545)

и внук Михаил). Так продолжалось до смерти Витовта в 1430 г., твердой рукой подавлявшего сепаратистские настроения, а в столичной Вильне окружившего себя придворной знатью-католиками, пытаясь из Церкви сделать крепкое основание государства.

Авторитета Витовту добавляла и активная внешняя политика. Соединенным польско-литовским силам (включавшим также киевскую, кременецкую и стародубскую хоругви) удалось разгромить рыцарское войско Ордена в знаменитой битве 15 июля 1410 г. под с. Грюнвальдом [литовское Жальгирис; в настоящее время на территории Ольштинского воеводства Польши]. Дипломатическим отголоском этой победы стало предложение «чешских сословий» передать корону умершего в 1419 г. без наследников Вацлава IV Владиславу Ягайло, а тот, в свою очередь, переадресовал приглашение Витовту. «Наместником Чешского королевства» по воле Витовта стал в 1422 г. один из его племянников — Сигизмунд Корибутович, сын Дмитрия-Корибута Ольгердовича Северского. Чешская акция не получила развития из-за активного противодействия немецкого императора, который, впрочем, предложил в качестве своеобразной компенсации великому князю литовскому королевскую корону, официально заявив об этом на так называемом «съезде монархов» в Луцке в 1429 г. Сам акт коронации был запланирован на 8 сентября 1430 г. в Вильне, куда уже даже начали съезжаться высокие гости: великий московский князь, оба магистра Ордена и др. Однако по приказу Владислава Ягайло, противника возвышения Великого княжества Литовского до ранга независимого королевства, послы императора, которые везли в Вильну корону, были перехвачены, и коронация пришлось отложить. Витовту не суждено было дожидаться его: полтора месяца спустя, 27 октября 1430 г., он внезапно умер.

В памяти жителей Великого княжества Литовского Витовт превратился в символ закона и справедливости — определенную точку отсчета «доброе старое время», с которой началось упорядочение государства. Апелляция к его авторитету все еще встречается и в XVI в. в часто используемой в документах формуле: «Как было при князе Витовте». А вскоре после его смерти анонимный русин, автор панегирика «Похвала князю Витовту», называя покойного «славным царем», высокопарно писал:

Не мощно исповедати, ни писанию передати дела великого господаря, яко не мощно никому испытати высота небесная и глубина морская...

Однако правителя-наследника, равного по силе Витовту, не нашлось. А следовательно, тотчас после его смерти распалось и собранное великокняжеской

волей государственное образование. На долгие годы страна погрузилась в пучину династической войны, которая обнажила до того скрытые внутренние противоречия и сформировала два противоборствующих течения с представителями двух ветвей рода Гедимина во главе. Это распределение косвенно отражало неоднородность составных частей государства, одной из которых было ее первоначальное, преимущественно литовское ядро, а второй — земли бывших русьских княжеств, гораздо более крупных по территории и численности населения. Показательно, однако, что в этом противостоянии уже не имело значения, что «Русь» возглавили такие же потомки Гедимина, как и те, что возглавляли «Литву». Ассимилированные русьским окружением, они сохраняли связь с Вильной лишь в виде символического династического знака, а на самом деле представляли интересы и настроения местных элит. Неустойчивое равновесие политического паритета пошатнулось уже тогда, когда власть принял ставленник «Литвы» Витовт, что выдвинуло на ведущие позиции литовскую и чернорусьскую знать. Еще в большей степени нарушила баланс крутая политика Витовта, направленная на ликвидацию удельной автономии русьских окраин. Главную ставку в своих начинаниях новый великий князь делал на Польшу и Католическую Церковь, что лишь усиливало недовольство русьских аристократов. Так что после смерти авторитетного правителя центробежное движение быстро вылилось в войну за великокняжеский престол, которая длилась с 1432 по 1438 г. между младшим братом Витовта Сигизмундом Кейстутовичем и Свидригайло — самым младшим из сыновей Ольгерда, братом Владислава Ягайло.

Свидригайло в династической войне 1432–1438 г.

Борьба за престол стала фактически непровозглашенной войной литовского центра с русьской (белорусской и украинской) знатью, интересы которой представлял Свидригайло (ок. 1375–1452). Это, впрочем, не означает, что война носила межэтнический или межконфессиональный характер, так как по обе стороны противоборствующих группировок имелись православные и католики, литовцы и русины, поэтому речь шла скорее о борьбе за власть. Однако главной опорой Свидригайло стала все-таки русьская периферия — недаром же современный событиям ливонский источник называет его проводником «все-го русьского языка». Личность этого неординарного человека остается и поныне некоторой загадкой для историков, а его извилистый жизненный путь мог бы стать основой для нескольких приключенческих романов. Польская хроника, не жалея черной краски, наделяет Свидригайло малосимпатичными

чертами изменника, пьяницы и неуправляемого в гневе тирана. Вот как описывает самого молодого из Ольгердовичей Ян Длугош (1415–1480), автор первой фундаментальной истории Польши:

Он был склонен к пьянству и забавам; нрав имел щедрый, однако переменчивый и ярый; не отличался разумом и способностями, не было в нем рассудительности и уважения, в то же время он без ограничений давал волю гневу. Настроение его менялось будто по дуновению ветра, словно в нем боролись разные, противоположные тенденции. Однако, несмотря на это, большой щедростью и участием в пиршествах он приобрел расположение многих людей, особенно русинов, потому что хотя и был сам католиком, но проявлял большую приязнь к их вере.

Подробности описания бурной жизни Свидригайло свидетельствуют о том, что он действительно обладал вспыльчивым и непредсказуемым нравом, а также был безрассуден и неоправданно мстителен. Однако это компенсировалось непостижимой способностью привлекать к себе людей, готовых на самопожертвование и риск ради очередной, нередко авантюрной идеи своего беспокойного кумира.

Свидригайло (Швитригайла) был младшим сыном великого князя Ольгерда и его второй жены, княгини Ульяны Тверской. В 1386 или в 1387 г., после заключения Кревской унии, по распоряжению Владислава Ягайло юноша был выкрещен из православного обряда, в который его окрестила мать, в католичество

47. Панорама Мальборка. Дереворит конца XVI в.

под именем Болеслава (правда, ревностным католиком Свидригайло так никогда и не стал, был женат на православной княжне Анне Тверской, а его ближайшее окружение состояло по большей части из руських князей и бояр).

До 1392 г. княжич жил при матери, которой покойный Ольгерд завещал в качестве вдовьего надела Витебск. Поэтому Свидригайло считал этот город законной частью своего наследства. Когда после смерти княгини Ульяны (†1392) его права на Витебск не были подтверждены, юноша попробовал восстановить справедливость силой: убил присланного наместника и самочинно «засел» в городе. В ответ Витовт при помощи оружия отвоевал спорную «отчину», а мятежника отправил в кандалах ко двору Владислава Ягайло в Краков. Пленник бежал оттуда в Венгрию, одновременно безуспешно пытаясь найти поддержку у прусских рыцарей, но по призыву Владислава Ягайло в 1399 г. вернулся на родину.

Выполняя обещание, Владислав Ягайло в 1400 г. предоставляет брату Подольскую землю — не в удельное княжение, а в «держание», что не помешало непокорному Свидригайло называть себя в документах «Божьей милостью князем Подольским, правителем и дедичным (наследственным) господином Подолья».

Тем временем Владислав Ягайло и Витовт, готовясь в 1401 г. к совместным военным действиям против крестоносцев, вновь подтверждают соглашение об унии Великого княжества Литовского с Польским королевством. Обеспокоенный магистр Ордена в поисках союзников вспоминает о Свидригайло, который обращался к нему за поддержкой, и начинает вести с ним тайные переговоры, в результате чего в конце января 1402 г., переодевшись купцом, Свидригайло прибыл в резиденцию магистра в Мальборк. Летом того же года, во главе прусского отряда и собственного подразделения, состоявшего из беглецов-русинов, он берет в осаду Вильну с намерением низложить Витовта.

Осада не удалась, пришлось возвращаться в Орден ни с чем. А летом 1403 г., когда Владислав Ягайло при посредничестве магистра объявил, что прощает брата, тот опять очутился на родине.

Чтобы нейтрализовать беспокойного соперника, Витовт в 1407 г. предоставляет ему Северское княжество с городами Брянск, Путивль, Трубчевск, Новгород-Северский и Стародуб. Однако уже в следующем 1408 г. буйный нрав Свидригайло вновь дает о себе знать: вместе со двором и собственным войском он покидает Брянск, где находилась его резиденция, и переходит на территорию Московии. В Москве его приняли с почестями, одарив городами Владимиром-на-Клязьме, Переяславлем-Залесским, Ржевом и др.

Почти одновременно началась московско-литовская война, и братьям-врагам, Свидригайло и Витовту, пришлось воевать между собой на чужой территории. Когда же великий князь московский начал мирные переговоры с Витовтом, Свидригайло расценил это как измену и в 1409 г., испепелив в знак мести пограничный русский Серпухов, повторно отправился в Пруссию под защиту магистра.

Но на этот раз Витовт опередил события: поздней осенью того же года его агенты похитили Свидригайло и перевезли в Великое княжество. Характерно, что поначалу тайного пленника перемещали из одной крепости в другую, остерегаясь того, чтобы его не отбили сторонники, и в конце концов заточили в подземелье неприступного Кременецкого замка. Однако в 1418 г. верные Свидригайло волынские князья Дашко Федорович Острожский и Олександр Нос, перебив замковый гарнизон из поляков и литовцев, организовали его побег. В течение одной ночи Свидригайло был перевезен из Кременца в Луцк, где его уже ожидала конница-сопровождение, а далее он был переправлен через Валахию ко двору немецкого императора. Оттуда в качестве гостя императорской семьи Свидригайло отправился в Венгрию, параллельно начав очередной раз переговоры со своим прежним союзником, магистром Ордена.

Обеспокоенный Владислав Ягайло после длительных переговоров уговаривает Витовта еще раз помириться с врагом, возвратив ему северские города, с которых начиналась московская одиссея. Свидригайло принял предложенные условия перемирия и летом 1420 г. вернулся домой, согласившись принести присягу верности Витовту.

После смерти Витовта (†1430) верховная власть в Великом княжестве Литовском, согласно условиям унии, должна была перейти к королю Владиславу Ягайло. Однако виленская верхушка решила по-своему: без согласования с королем на великокняжеский престол был избран Свидригайло. Владислав Ягайло не стал противодействовать этому выбору, невзирая на то что существовала и другая кандидатура — младший брат покойного Витовта Сигизмунд Кейстутович. Утверждали, будто бы король испытывал теплые чувства к беспокойному младшему брату, однако более важную роль в его выборе, следует думать, сыграло его нерасположение к роду Кейстутовичей и опасение создать прецедент прямого наследования ими русьско-литовского престола.

Княжение Свидригайло продлилось недолго. Сразу после восхождения на престол он начал войну с Польским королевством (с собственным братом) за Подолье, которое в первой трети XV в. было яблоком раздора между Литвой и Польшей. Одновременно были установлены интенсивные контакты с мазовецкими князьями, потенциальными соперниками польского короля, а также

заключены соглашения с Орденом, Валахией и Крымским ханством. Кроме того, как и следовало ожидать, на ведущее место при дворе выдвигается русская аристократия: как раздраженно писал в 1432 г. краковский епископ Збигнев Олесницкий, «русины взяли верх над литвинами, чего не было при покойном Витовте». Обеспокоенный активностью Свидригайло польский двор организует тайные переговоры с Сигизмундом Кейстутовичем, чью кандидатуру поддерживала отстраненная от власти группа придворных Витовта. В результате дворцового переворота Сигизмунд в сентябре 1432 г. захватил престол, а Свидригайло был вынужден спасаться бегством. Власть Сигизмунда признали в Литве, Жемайтии и Черной Руси, зато русские земли остались верными Свидригайло. Так началась династическая война, в которой, кроме реального расклада политических сил и интересов, не последнюю роль играла уже упомянутая способность Свидригайло привлекать на свою сторону людей. Имелся и объективный фактор, которым объясняется популярность младшего Ольгердовича среди русской аристократии, готовой, по образному выражению Михайлы Грушевского, положить «за него голову под вражеский меч и топор палача»: глухое возмущение вельмож княжеской крови (как Рюриковичей, так и Ольгердовичей) тем, что нетитулованная знать оттеснила их на второстепенные роли. Ведь именно так делал Витовт, создавая вокруг себя литовско-католическое окружение из мощных панских кланов — Радзивиллов, Гоштовтов, Кезгайлов, Монвидов и др.

На протяжении 1432–1433 гг. война продолжалась с переменным успехом, не принося явного перевеса ни одной из сторон. В 1434 г. ощутимой потерей для Свидригайло стал отход от него приверженцев из Белоруссии, признав-

ших власть великого князя Сигизмунда Кейстутовича после того, как тот провозгласил привилей, уравнивающий в правах православных и католиков.

Теряя силы, 1 сентября 1435 г. Свидригайло отважился дать решающий бой на р. Швянте под Вилькомиром [в настоящее время город Укмерге в Литве]. В этой битве сошлись армия Сигизмунда Кейстутовича, усиленная польскими отрядами, и войско Свидригайло во главе с прибывшим из Чехии героем гуситских войн Сигизмундом Корибутовичем, сыном князя Дмитрия-Корибута Северского, бывшим «наместником Чешского королевства».

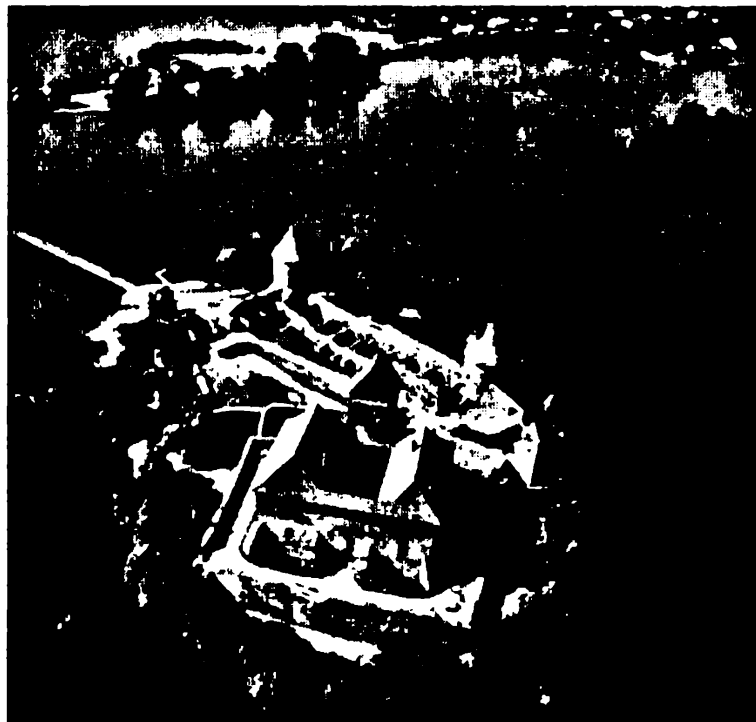

48. Руины въездной башни Кремянецкого замка. Современное фото

Однако удача изменила Свидригайло и в этот раз: его силы были полностью разгромлены и понесли огромные потери. Не считая тринадцати погибших, в плен попало свыше сорока верных Свидригайло русских князей; здесь же погиб магистр Ордена Керскорф, прибывший на помощь с собственным отрядом рыцарей. Полоцк и Витебск были последней опорой Свидригайло в Белоруссии и в 1435 г. еще отбивались от Сигизмунда, однако уже в следующем году признали его власть.

Сам Свидригайло в начале 1436 г. оказался в Киеве; на его стороне остались также чернигово-северские города и союзники-татары, с которыми он осуществил поход на Восточное Подолье, овладев Винницей. Тогда же о подданстве Свидригайло заявила волынская знать. Но и перманентная война завершилась в 1438 г., когда Луцкая земля вынуждена была «принять» Сигизмунда, после чего следы Свидригайло на два года теряются. Ходили даже слухи, будто бы князь убежал в Валахию, где «пас овец» до смерти своего врага Сигизмунда, хотя вероятнее, что он переждал события в одном из своих имений в Галиции.

Так продолжалось до 1440 г., когда от рук заговорщиков погиб великий князь Сигизмунд Кейстutowич (по сообщению более поздней хроники, ими были виленский и троцкий воеводы Довгирд и Лелюша, волынский князь Александр Чорторыйский и киевский боярин Скобейко). Князь был коварно убит в собственном замке в Троках [в настоящее время г. Тракай в Литве] за то, что он якобы вынашивал замысел «рожай шляхецкий погубити и кровь их разлить, а поднести рожай хлопский, песью кровь». Вряд ли «антишляхетский радикализм» Сигизмунда заходил так далеко, но он безусловно окружал себя не старой знатью, а «новыми людьми». Это подрывало позиции аристократов и в конце концов привело к примирению между прежними врагами — католиками-литовцами и русинами, что подтверждается и вышеприведенным перечнем заговорщиков. После гибели Сигизмунда магнатская верхушка, не приняв во внимание претензий сына Сигизмунда Михаила и без

49. Замок в Троках (теперь г. Тракай в Литве). Современное фото

согласования с тогдашним польским королем, старшим сыном Владислава Ягайло Владиславом III, 29 июня 1440 г. провозгласила великим князем литовским младшего сына Ягайло, тринадцатилетнего Казимира Ягайловича. Новый великий князь, а точнее, его опекуны во главе с троцким воеводой Иваном Гаштольдом [Гоштовтом] для восстановления внутреннего мира признали за Свидригайло номинальный пожизненный титул великого князя с уделом в Луцкой земле, которая в то время занимала большую часть Волыни, а неформально к ней относилось еще Восточное Подолье с городами Винница и Брацлав [в настоящее время поселок Немировского р-на Винницкой обл.]. Тогда же была возвращена сыну Владимира Ольгердовича Олельку и его отобранная Витовтом «отчина» — Киевское княжество.

Сам Свидригайло с 1440 г. и до смерти, утомленный жизнью, поражениями и неудачами, безвыездно жил в Луцке, окруженный слугами-русинами. Он умер 10 февраля 1452 г. в Луцком замке, не оставив после себя потомства (его единственный сын, рожденный Анной Тверской, умер малолетним). Тело старого князя перевезли в Вильну и похоронили в усыпальнице великих князей литовских — в крипте Виленского кафедрального собора, рядом с телами ненавистных ему соперников Витовта и Сигизмунда Кейстutowичей.

Две социальные модели XV в.:

Волынь Свидригайло и Киевское княжество Олельковичей

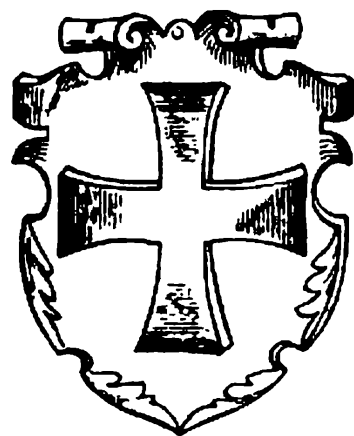
После восстановления удельного статуса Волыни и Киевской земли местная знать как бы самоустраивается от участия в политической жизни Великого княжества Литовского: вплоть до конца XV ст. никто из местных выходцев не занимает высоких правительственных постов и не делает карьеры в столичной Вильне. Очевидно, именно тогда укореняется взгляд из столицы на владения Свидригайло и Олельковичей как своего рода экстерриториальные, о чем выразительно свидетельствует их полуофициальное название — «земли далекие». Эту индифферентность иногда оценивают как приспособленчество и апатию, однако вряд ли такой приговор справедлив. Местные аристократы выполнили свою программу-максимум, то есть отстояли особый статус собственных территорий, а все остальное их просто не интересовало. Жизнь будто бы замкнулась на внутренних интересах Киевской и Волынской земель, сосредоточившись вокруг персоны собственного правителя-князя. Можно предположить, что не последнюю роль в этом играл и конфессиональный барьер, поскольку Католическая Церковь с середины — второй

половины XV в. окончательно утвердилась в качестве официальной опоры великокняжеского двора и центральной власти.

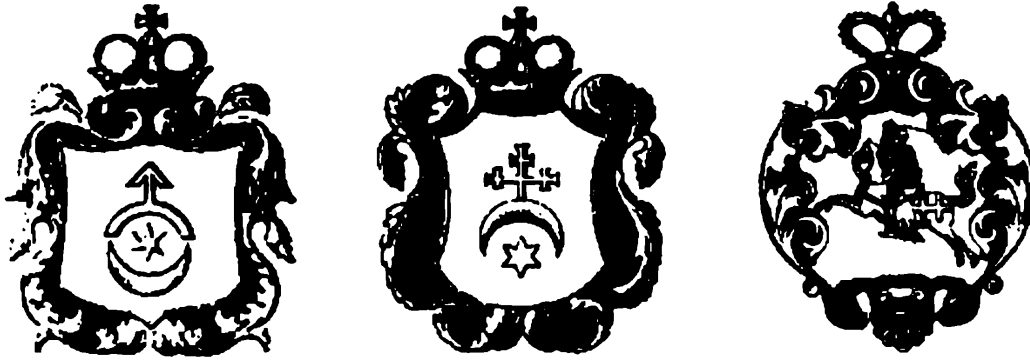
Для Волыни на первый взгляд недолгое правление Свидригайло стало периодом кристаллизации тех традиций общественного быта, которые на длительное время определили основания политического регионализма местной элиты. Особое положение Волынской земли было зафиксировано двумя привилегиями Владислава Ягайло, провозглашенными еще до начала правления Свидригайло: 1392 г. — о предоставлении местным боярам «полностью всех тех прав и законных обычаев, которыми пользуются земляне [шляхта-землевладельцы] Львовской земли» и 1432 г. — об освобождении их от всех повинностей, кроме военной, и о гарантиях равных прав для православных и католиков.

Вокняжение Свидригайло, кумира аристократов, стало своего рода последним камнем, увенчавшим и узаконившим социальную пирамиду, в которой место каждого человека определялось его статусом. На верхней ступени мы видим сподвижников Свидригайло — князей, как потомков прежней династии Рюриковичей, так и нынешней, Гедиминовичей. Именно эта «звездная россыпь», как ее образно назвал когда-то знаток волынских древностей Юлиан Бартошевич, придавала колорит местной жизни. Княжеские владения были маленькой копией удельного княжества самого Свидригайло: обладая ими «со всим правом и панством», князья приносили присягу верности сюзерену и обязывались «по собственному желанию» предоставлять ему традиционные услуги вассалов — «помощь и совет» [auxilium et consilium]. Долг «помощи» заключался в выставлении своих вооруженных отрядов в случае начатой сюзереном войны (о начале такой войны сюзерен должен был оповестить вассала в персонально адресованном письме), а долг «совета» предусматривал причастность к группе его советников (после смерти Свидригайло обе обязанности переместились на личность великого князя литовского: первая изменений не претерпела, а вторая приобрела форму почетной привилегии, принадлежавшей в Великом княжестве Литовском приблизительно пятидесяти семьям, которые «из обычая стародавнего дома своего» принадлежали к Паном-Раде, своего рода сенату государства).

Во всем остальном князья чувствовали себя правителями микрогосударств в государстве — с собственными налогами, судопроизводством, двором, канцелярией, иерархией властных структур. Вот перечень наиболее

50. Герб Волынской земли

51. Гербы Острожских/Заславских (1), Збаражских/Вишневецких (2),
Корецких, Сангушек и Чорторьйских (3)

крупных из таких владений: 1) Острожское, в которое в конце XIV и на протяжении XV в. были включены с помощью браков отчины угасших родов князей Ровенских, Дубровицких, Степанских и Сатиевских; 2) Несвижское, первоначально с центром в с. Несвиже; с середины XV в. оно разделилось на Вишневецкую, Колоденскую и Збаражскую отчины, а из последней позже выделились Порицкая и Воронежская; 3) три отдельных владения трех ветвей рода Сангушко: Ратненское, Ковельское и Кошерское; 4) владение Чорторьйских; 5) владение Корецких; 6) владение Четвертенских (с середины XV в. оно распалось на Четвертенщину, Сокольщину и Вышковщину). Кроме упомянутых, существовал ряд имений меньших размеров: князей Любецких, Острожецких, Буремльских, Роговицких, Ружинских, Галичанских, Тристенских, Велицких.

Княжеские земли, в основе своей преимущественно наследственные, расширялись также за счет «данин» великого князя. И чем более напряженной была внутривполитическая ситуация, тем более щедрыми были пожалования родовитым волынцам. Вместе с «городами и землями», которые великий князь передавал новым владельцам из своего домена, в подчинение к ним переходили сотни мелких так называемых «великокняжеских слуг», то есть военного люда, проживавшего на земельных наделах на условиях несения службы великому князю. Эти люди могли либо покинуть свой надел и искать службу «кому похотя», либо принять власть нового господина в военной, судебной и налоговой сферах, превращаясь отныне в вассалов конкретного княжеского дома — Острожских, Збаражских, Вишневецких, Сангушко и т. п. Контингент княжеских вассалов (это слово тогда не употребляли, называя таких людей просто «слугами») пополнялся и за счет добровольного перехода («подданства под опеку») под верховенство князя в обмен на его покровительство (аналогичная

практика в странах «классического» феодализма известна под названием коммендации). Случалось, что независимый («господарский») боярин оказывался среди княжеских слуг вопреки собственной воле, когда могущественный князь-сосед округлял свои владения, присоединяя к ним смежные земли путем принуждения, а то и прямого захвата. С другой стороны, князья нередко предоставляли имения собственным придворным в вознаграждение за службу или для обеспечения ее исполнения в дальнейшем.

Земли, на которых сидели «княжеские слуги», фактически им не принадлежали, поскольку настоящим их владельцем был князь, а слуга, его дети, внуки и правнуки пользовались имением до тех пор, пока служили княжескому дому (такие земли позже стали называться ленными, от немецкого *Lehen*, то есть феоде — наследственное владение, предоставленное сеньором вассалу при условии выполнения военной или административной службы). В обязанности слуги входило участие в походах в составе княжеских отрядов, а также служба «при крепости», то есть обеспечение силами подданных ремонта замков. Архаичной повинностью было и так называемое «гостеприимство» — обязанность содержать и сопровождать патрона и его свиту во время объезда владений.

Промежуточную иерархическую ступеньку между князьями и господарскими боярами и боярами-слугами занимали так называемые «паны» (в первой известной переписи волынских бояр 1528 г. этим титулом обозначено свыше четверти боярства — 62 из 217 упомянутых там семей). Слово «пан» в Великом княжестве Литовском впервые входит в употребление как раз на Волыни в правление Свидригайло, о чем свидетельствуют многочисленные документы 1440–1452 гг., вышедшие из его канцелярии. Сюда оно попало, в свою очередь, из Галиции, где во второй половине XIV в. было заимствовано из чешского канцелярского языка (последний вообще «подарил» русьской публично-правовой практике немало терминов, не существовавших здесь до того: грод [замок], рицер [боярин], староста [королевский наместник], местич [горожанин], дедич [наследственный владелец], земьянин [шляхетный рыцарь-землевладелец] и т. п.).

Критерием, по которому «паны» отделялись от остального боярства-рыцарства, служило наличие наследственной («отчинной»), а не предоставленной великим князем земли. Показательно, что среди волынского панства почти не было иноэтничного элемента — это или люди местного происхождения, или выходцы из соседней Галиции, давно породнившиеся с волынской элитой. Их отчины не только служили символом определенной материальной независимости, но и свидетельствовали о «значности», то есть обо всем известном древнем происхождении рода, владевшего данным имением с дедовских времен.

Наконец, именно на Волыни в правление Свидригайло впервые утвердился еще один, со временем ставший универсальным, термин для обозначения людей военного ремесла. До сих пор их обозначали древнерусским словом «боярин», правда несколько модифицированным: в древнерусское время боярами называли только верхушку дружины, а с XIV–XV вв. — всякого воина (как синоним слова «боярин» с конца XIV в. становится обиходным, при посредничестве чешского языка, понятие «рыцер», от немецкого Ritter, то есть воин-всадник). Однако оба этих слова указывали скорее на род занятий, чем на социальный статус, поскольку боярскую (военную) службу могли нести все, от родовитого пана до состоятельного простолюдина, который сумел купить коня и военное обмундирование и, конечно, готов был riskовать жизнью, выплачивая великому князю вместо других податей «налог кровью». Однако постепенное обрастание «людей войны» льготами и привилегиями повышало их социальный престиж, делая все большим расстояние между ними и «простыми людьми» — купцами, ремесленниками, крестьянами. Таким образом, военная служба стала постепенно превращаться в семейную «профессию», а «профессиональное» обозначение — «боярин» или «рыцер» — все чаще дополнялось предикатом «шляхетный», то есть «хорошо рожденный» (к таковым относили только наследственных воинов — тех, кто «с века бояре суть»). Остается добавить, что впервые зафиксированное в документах Свидригайло понятие «шляхтич» уже со второй половины XV в. начнет триумфально вытеснять старые определения воинов, превратившись в наиболее часто используемое обозначение родовитого человека (само слово происходит от немецкого Geschlecht [происхождение], которое в чешском языке дало šlechtic, а в польском szlachcic, то есть лицо благородного происхождения).

* * *

Совсем иначе, чем Волынь, выглядит в XV в. Киевская земля — централизованный организм, в котором военная, фискальная, административная и судебная власти были сосредоточены в руках потомков Владимира Ольгердовича — Ивана Владимировича (?–1454), Олелька Владимировича (1441–1454) и его сына Семена Олельковича (1454–1470). Киевская ветвь Ольгердовичей занимала высокое место в иерархии старшинства династии внуков и правнуков Гедимины. Например, князь Олелько, женатый на дочери великого князя московского Анастасии (внучке Дмитрия Донского), как самый старший среди Гедиминовичей считался одним из претендентов на великокняжеский престол после гибели Сигизмунда Кейстutowича. Его сын князь Семен свою

дочь Софию выдал замуж за великого князя тверского Михаила Борисовича, а одну из сестер — за молдавского господаря Стефана Великого. В молдавской хронике в связи с этим событием под 1463 г. отмечается: «Привезли жену Стефану воеводе из Киева, сестру Симеона, царя Киевского». Царский титул, которым хронист почтил Семена Олельковича, недвусмысленно подчеркивает, что соседние правители считали его суверенным правителем. Это и не удивительно, учитывая размеры тогдашнего Киевского княжества, протянувшегося от Мозыря на севере до устья Днепра и Днестра на юге и реки Северский Донец на востоке.

Ветвь Ольгердовичей еще со времен Володимира Киевского была тесно связана с Русью, поэтому ее повторное утверждение на киевском княжеском столе как бы символизировало победу русьского «сепаратизма». Годы правления Олельковичей прошли благополучно для Киева и Киевской земли как в экономическом плане — прежде всего благодаря оживлению транзитной торговли, дававшей хорошие таможенные сборы, — так и в обновлении духовной жизни в Киеве, а особенно в Киево-Печерском монастыре, усыпальнице княжеского рода. Олелько и Семен, в частности, «коштом великим» реставрировали монастырский соборный храм Успения Богородицы, «украси ю красотю, яко же бе мощно, такожде и внутрь иконным писанием, и обогати златом, серебром и сосуды церковными».

Исследователи отмечают также заметное оживление книжности, поддерживаемой князьями-меценатами. Как предполагают (прямых свидетельств об этом не сохранилось), в Киеве в 1460-х гг. по инициативе Олельковичей действовал переводческий кружок. Поэтому не исключено, что именно отсюда вышел ряд переводов на тогдашний руський язык иудейско-арабских произведений поучительного, оккультного и астрологического содержания: трактат Псевдо-Аристотеля «Тайная тайных», или так называемые «Аристотелевы врата», «Шестокрыл» Иммануэля-бар-Якоба, «Словесница», или «Логика» Моисея Маймонида, так называемая «Логика Авиасафа» Аль-Загали и др. Одним из переводчиков, вероятно, должен был быть «жидовин Схария» родом из Кафы — астролог князя Михаила, младшего сына Олелька. В 1470 г., сопровождая избранного на княжение в Новгороде Михаила Олельковича, Схария вместе с двумя другими коллегами-теологами переехал в Новгород. С их пребыванием здесь связан громкий процесс против ереси так называемых «жидовствующих»: все трое были обвинены в том, что они отрицают догмат Святой Троицы и божественное происхождение Иисуса Христа, отвергают иконопочитание и монашество. Один из главных оппонентов жидовствующих, Иосиф Волоцкий, так писал о Схарии:

Сей бьяше диавол сосуд и изучен всякому злодейскому изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и со астрологи живой во граде, нарицаемом Киев.

Немало было сделано в княжение Олельковичей и для укрепления обороноспособности Киевской земли. Можно предположить, что именно тогда утвердилась достаточно стройная система «польных сторож», которая заключалась в регулярных дежурствах боярских отрядов на переправах и татарских путях. Одновременно были укреплены порубежные замки — Любеч, Остер, Канев, Черкассы, Звенигород. В их окрестностях в связи с нуждами обороны интенсивно растет прослойка так называемых «конных слуг» — мелких бояр, наделенных землей и обязанных за это нести военную службу в свите наместника того замка, к которому был приписан надел слуги. Например, по фрагменту сохранившейся ревизии 1471 г., треть мужского населения Житомирской замковой округи (187 из 479) составляли конные слуги. Когда со временем начнется борьба за шляхетский статус, немногие из них попадут в число полноправной, то есть подчиненной непосредственно великому князю, шляхты, а с XVI в. за ними закрепится название «панцирных бояр» — военного контингента лично свободных людей полушляхетского статуса. Вплоть до Хмельнитчины панцирные бояре плотно заселяли окрестности замков Любеча, Овруча и Остра, проживая рядом с крестьянами, но не сливаясь с ними, поскольку «служба конем» гарантировала персональную независимость, что и не ставилось под сомнение правительством, периодически подтверждавшим боярские права, нарушавшиеся излишне усердными замковыми наместниками.

Стоит добавить, что в Киевской земле, как и на Волыни, жили и собственные «паны», то есть родовитые владельцы отчин, а также независимые от замковых властей «господарские» бояре-шляхтичи.

Пестрота профессиональной палитры военного люда Киевского княжества колоритно оттеняется его полиэтническим составом. Нуждаясь для защиты порубежья в значительных вооруженных силах, киевские князья широко принимали на службу (и наделяли землей) пришлых воинов, искавших «рыцарского хлеба» в отрядах правителей пограничья. Среди княжеских слуг упоминаются люди с молдавскими, немецкими, польскими, литовскими именами, однако наибольшее количество воинов поставляла тюркская Степь.

По данным конца XV — начала XVI в., можно предположить, что выходцы из татарских земель составляли не меньше трети общего числа местного боярства, о чем красноречиво свидетельствуют имена: Аксак, Бай-буза, Батура, Бердебьяка, Берендей, Булгак, Бундур, Воропай, Долмат, Жевжик, Кайдаш,

Калантай, Кычкыр, Кобыз, Кожан, Коздаут, Кончак, Кордыш, Котлу-бай, Култак, Кучук, Мазепа, Мормул, Оберней, Тавлуй, Талалай, Ущап, Халаим, Шаула, Шандыр, Шемет, Шепель, Шомака и др.

Приведенные здесь примеры — лишь фрагменты общей картины, поскольку, обращаясь в христианство, воины-тюрки получали христианские имена, а немало первоначальных имен вообще забылось, когда в начале XVI в. началась так называемая «революция фамилий», то есть обычай обозначать шляхтичей собственническими фамилиями, образованными от названия населенного пункта, которым владела их семья (например, от с. Выгов — Выговские).

Адаптация ордынцев в порубежной со Степью Киевской земле началась еще при Ольгерде и Владимире Ольгердовиче, когда часть тюркской знати признала верховенство великого князя литовского и осталась там, где она жила до того: в порубежной полосе. Новый приток степняков наблюдался в первой половине — середине XV в., когда Золотую Орду раздирали междоусобицы и внутренние войны. Иммигранты — тюркская аристократия и рядовой военный люд — получали земли-дани на тех же условиях, что и русские бояре, обязываясь нести военную службу и хранить верность великому князю. На Киевской земле следы таких центров-колоний прослеживаются вокруг Черкасс, в Заушье (за р. Уж на Овруччине), около Чернобыля, в юго-западной части Житомирщины. Через два-три поколения татарские воины-землевладельцы, переходя в христианство, сливались с местным боярством и находили место для себя в его корпорации в соответствии с имущественным положением, родovitостью и характером военной службы, то есть пополняли все группы привилегированного сословия, от князей (как Глинские, Домонты или Долголдаты) до панцирных бояр.

Оценивая место Киевского княжества Олельковичей в Великом княжестве Литовском в общей перспективе, нельзя

52. Битва с татарами. Дереворит 1521 г.

53. Герб Киевской земли

не признать, что уже ко второй половине XV в., в частности после смерти Свидригайло (†1452), оно выглядело в некотором роде анахронизмом, рано или поздно обреченным на поглощение государством, склонявшимся к централизации. Формальным поводом к этому послужила смерть князя Семена Олельковича в конце 1470 г. Как сообщает польский хронист Ян Длугош, киевский правитель, умирая, отослал в подарок великому князю Казимиру Ягайловичу собственного боевого коня и лук, что по рыцарским канонам символизировало передачу на милость сюзерена своих владений и своей семьи. Однако великий князь не подтвердил право собственности на Киев ни Василию, малолетнему сыну

Семена, ни младшему брату Семена Михаилу под предлогом того, что будто бы их дед «бегал на Москву и тем пробегал отчину свою Киев» (Владимир Ольгердович, смещенный с киевского престола Витовтом, действительно искал помощи у великого князя московского). Однако причина крылась, конечно, не в грехах деда. Как замечает тот же Длугош, литовские паны очень хотели, чтобы это княжество, как и остальные русские княжества, было обращено в обычную провинцию Великого княжества Литовского. Так или иначе, но с точки зрения Вильны династическое утверждение в Киеве уже четвертого кряду наследника Олельковича едва ли выглядело желанным. Забегая наперед, остается добавить, что род князя Семена Олельковича Киевского угас уже на его сыне, а потомки Михаила, брата Семена, как владельцы предоставленного еще Владимиру Ольгердовичу Слуцкого княжества с XVI в. стали именоваться Олельковичами-Слуцкими (внучка Михаила, в частности, была матерью князя Василия-Константина Острожского). Слуцкая отчина Олельковичей сохраняла статус княжества до полного угасания рода в 1612 г., после чего перешла в качестве брачного наследства к Радзивиллам.

Мнимым признаком легитимности смещения Олельковичей с киевского княжения явилось то, что вновь назначенный наместник, Мартин Иванович Гаштольд (Гоштовт), был шурином покойного князя Семена, женатого на Марии Гаштольдшне. Киевляне, правда, желая для себя если не Михаила Олельковича, то хотя бы какого-то другого князя, закрыли ворота перед чужаком-литвином, возмущившись, что править княжеством впервые за всю

историю Киева приехал человек, который, как простодушно удивляется летописец, не «токмо не князь бі, но яко лях бі». Однако их сопротивление было сломлено силой.

Ликвидация удельного статуса Киевской земли вызывала акцию протеста, ставшую последним появлением Олельковичей на политическом небосклоне Украины-Руси. Речь идет о так называемом «заговоре князей» 1481 г. во главе с младшим братом Семена Киевского Михаилом Олельковичем, соучастниками которого стали внук Владимира Ольгердовича Федор Бельский и правнук Иван Гольшанский. Как предполагают, заговорщики замыслили убить великого князя Казимира Ягайловича и посадить на престол Михаила или кого-то из ветви Олельковичей, старшей среди потомков Гедимины. Покушение не удалось, заговорщики были раскрыты. Федору Бельскому прямо с собственной свадьбы повезло бежать в Москву, а двух других — Михаила Олельковича и Ивана Гольшанского — Казимир велел казнить. По легенде, заговорщиков публично казнили в Киеве под Замковой горой, а головы их насадили на сваи подъемного моста Киевского замка. На самом же деле обоим лишили жизни, вероятнее всего, в Вильне, и без огласки: как записал летописец, «вина их Богу единому сведуща». Эта казнь поставила последнюю точку в судьбе киевского удельного княжения, потому что с тех пор, по выражению одной из летописей, «на Киеве князи пересташа бити, а вместо князей воеводи насташа».

Изменение расстановки сил между Вильной и Москвой.

Восстание Михаила Глинского

До последней четверти XV в. оба претендента на «собрание руських земель», Вильно и Москва, признавали взаимный паритет на основании территориального раздела, сложившегося еще при Витовте. Согласно этому разделу, литовско-руському государству на востоке принадлежала Смоленская земля, а Рязанское и Тверское княжества представляли своеобразную порубежную нейтральную полосу, склонявшуюся к сфере политического влияния Витовта. На этой же порубежной полосе лежало несколько мелких княжеств, которые назывались «верховскими» по расположению в верховьях р. Оки (Новосильское, Мецецкое, Вяземское, Трубецкое, Одоевское, Можайское, Воротынское). Владели ими князья из черниговской династии Ольговичей, которые признавали себя вассалами великого князя литовского, но с правом перехода на службу «кому похотя» вместе с отчинами, то есть с территорией своих княжеств. Ситуация стала меняться после прихода к власти в Великом Московском княжестве энергичного Ивана III (1462–1505), при котором оформилось основное

территориальное ядро Русского государства и были ликвидированы остатки зависимости от Золотой Орды. Сначала исчезла нейтральная полоса между двумя конкурентами: в 1478 г. к Москве был присоединен Новгород, а затем под владычество московского князя перешли Тверское (1485) и Рязанское (1480) княжества. С последней четверти XV в., на волне подъема Московии, начинается также массовый отток «с отчинами» на службу московскому князю упоминавшихся верховских князей. В перманентных войнах с Московией, которые велись на протяжении 1492–1494, 1500–1503, 1507–1508 гг., великий князь литовский, утрачивая шаг за шагом бывшие позиции, был в конце концов вынужден признать новые реалии, согласно которым прежние вассалы Вильны превратились в слуг московского царя. Это означало потерю практически всего прежнего Черниговского княжества с 319 городами и 70 волостями, включая Чернигов, Брянск, Путивль, Стародуб, Новгород-Северский.

Стоит отметить, что именно в это время, с середины 1480-х, Иван III начинает употреблять многозначительный титул «государя всея Руси», на идею которого отныне будут опираться все политические мероприятия Москвы в отношении белорусских и украинских земель вплоть до их включения в состав Российской империи. При Иване III Московское государство объявляет себя также протектором христиан «греческой веры» в восточных государствах, что объяснялось падением Константинополя (1453), вследствие чего православная Москва провозглашалась «новым градом Константина». И хотя понятно, что это была скорее пропагандистская фразеология, нежели реальные действия, тем не менее необходимый политический эффект был обеспечен. По крайней мере, эти религиозные декларации находили отклик в Литовской Руси, так как именно ими часто оправдывались переходы верховских князей под протекторат московского царя, хотя на самом деле речь шла

54. Венчание на великое московское княжение Дмитрия, внука Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода второй половины XVI в.

о вполне светских вещах — сохранении целостности владений, которой под мощным московским давлением уже не мог обеспечить виленский сюзерен. Это хорошо видно на примере мотивации «отказного письма», направленного в 1492 г. великому князю Александру Казимировичу одним из верховских князей Семеном Воротынским:

Отець твой, господине, был у мене у крестном целованьи на том, што было отцу твоему, господарю нашому, за отчину за нашу стояти и боронити от всякого; ино... твоя милость, господине, мене не жаловал... а за отчину мою не стоял...

На фоне сказанного стоит рассматривать и восстание князя Михаила Глинского 1508 г. Его конечная цель, если таковая вообще имелась, остается неясной, однако возможно, что Глинский надеялся создать на восточных землях Великого княжества Литовского собственное буферное княжество под протекторатом великого московского князя. Такие планы в политических реалиях начала XVI в. выглядят вполне вероятными, если принять во внимание очерченное выше изменение в расстановке сил между соседними государствами.

Михаил Львович Глинский происходил из татарского рода Мамаевичей — потомков знаменитого темника, а впоследствии хана Золотой Орды Мамаю, один из сыновей которого в конце XIV в. признал протекторат великого князя литовского и осел в Заднепровье (по резиденции рода, г. Глинску на Суле, Мамаевичи стали именоваться князьями Глинскими). Михаилу Глинскому, татарину по происхождению, католику по вероисповеданию, русину по кругу связей, европейцу по образу жизни и образованию, позднейшая историографическая традиция приписала роль последнего боевого символа в противостоянии «Литвы» и «Руси», хотя на самом деле речь шла прежде всего об оскорбленной княжеской чести и неумных амбициях.

Первую половину жизни князь Михаил, родившийся около 1470 г., провел в Западной Европе. Он учился в Испании, Италии и Германии, а затем воевал при императоре Максимилиане I Габсбурге, который называл молодого князя своим воспитанником. По словам одного из хронистов-современников, он был «равно смелым духом и быстрым умом, крепкого телосложения и готовым к любой опасности». Возвратившись в конце 1490-х домой, Глинский сразу же начал играть первую скрипку при дворе тогдашнего великого князя Александра Казимировича, одновременно прокладывая путь к властной верхушке своим родственникам из Южной Белоруссии и Киевской земли. Стремительное возвышение молодого магната из Руси пришлось не по вкусу литовской знати,

и уже в 1503 г. разразился острый конфликт между Глинским и троцким воеводой Яном Юрьевичем Заберезинским, впоследствии ставший формальным поводом к вооруженному выступлению.

После смерти великого князя Александра (†1506) положение фаворита резко ухудшилось: преемник Александра Сигизмунд I лишил Глинского урядов (должностей), более того, уклонился от предоставления ему разрешения на поединок с Заберезинским, что лишь усугубляло княжеское «бесчестие». Поэтому в феврале 1508 г. он отомстил по собственной воле в обычаях того времени: напал на двор своего врага и повелел отрубить тому голову. После этого, засев в одной из своих резиденций, Турове, князь обратился за поддержкой к правителям Крымского ханства, Молдовы и Московии. Из последней поступил благосклонный ответ: великий князь московский Василий III обещал взять Глинского под свою протекцию, более того, передать под его власть все завоеванные им территории. В первой половине 1508 г. Глинский попробовал взять силой Минск, Слуцк, Оршу, Житомир, Овруч и несколько других городов, однако безуспешно: его призывы не получили поддержки у русской знати, хотя одним из лозунгов мятежа являлась защита «русской веры». Таким образом, вооруженное выступление превратилось в семейную акцию разветвленного клана Глинских и связанных с ним бояр Киевской, Мозырской и Туровской земель. Когда в июле 1508 г., потерпев поражение от гетмана Константина Острожского, Михаил Глинский эмигрировал в Москву, вместе с ним выехало одиннадцать князей (из них пятеро Глинских) и восемнадцать бояр.

Остается лишь добавить, что мятежный князь не прижился и в Московии. Обидевшись на тогдашнего московского царя Василия III за то, что тот не передал ему занятого в 1514 г. русским войском Смоленска, Глинский попытался вернуться в Литву, но был разоблачен и заточен; он находился в тюрьме до 1527 г. Позиции его укрепились, когда в 1529 г. Василий III женился на племяннице Глинского Елене Васильевне (именно от этого брака родился Иван IV Грозный). После смерти великого князя Глинский стал регентом при племяннице, но ненадолго: в 1534 г. его обвинили в намерениях узурпировать власть и повторно бросили в тюрьму, где он и умер.

«Княжеский синдром» — визитная карточка Волыни XVI в.

Угасание удельных автономий Волынской и Киевской земель не прервало обычного для местных социальных практик преклонения перед княжеским титулом. Его носители быстро занимают опустевшее место прежних удельных

правителей — Свидригайло и Олельковичей, прибирая к рукам реальную власть на местах уже при великом князе Александре Казимировиче (1492–1506), и особенно при его преемнице Сигизмунде I (1507–1548). В частности, с 1490-х гг. под их непосредственным контролем оказывается Восточное Подолье, где наместниками, а впоследствии воеводами вплоть до начала XVII в. были князья Федор Четвертенский (1494–1498), Константин Иванович и Илья Константинович Острожские (1498–1539), Семен Пронский (1539–1541), Федор Сангушко (1542–1547), Богуш Корецкий (1548–1576) и Януш Збаражский (1576–1608). Аналогичные перечни можно привести для Владимира, Луцка и Кременца. Наконец, в Киеве с 1559 г. на полвека в роли киевского воеводы, правителя украинского пограничья, оседает Василий Константинович Острожский. На конец XV — начало XVI в. приходится и первая волна хозяйственной активности волынских вельмож, начавших интенсивную скупку земель, освоение так называемых пустошей и основание городов с последующим переводом их на магдебургское право.

Княжеское владычество над подконтрольными территориями практически фиксировало в новых формах «экстерриториальность» Волыни и Киевской земли относительно Великого княжества Литовского. Обе земли быстро оказались поделенными на зоны влияния между группой семей из числа так называемых «княжат главных», то есть представителей местной аристократической верхушки, к которой принадлежали Острожские и их младшая ветвь Заславские, Збаражские с ветвью Вишневецких, Корецкие, Чорторийские, Сангушки, Четвертенские. Члены этих семей подлежали суду только великого князя, а некоторые для печатей на своих письмах использовали не зеленый, как остальная знать, а красный («королевский») воск. На объявленную великим князем войну их люди выходили не в составе боярско-шляхетского ополчения, а отдельными отрядами, выступавшими под родовым княжеским гербом. В своих владениях князь-собственник считался полным сувереном, пользуясь: а) правом издания уставов, то есть правил внутреннего распорядка, предоставления земель подданным при

55. Князь Роман Сангушко.
Копия с портрета второй
половины XVI в.

обозначенных условиях службы, регуляции налогов и повинностей и т. п.; б) правом суда вплоть до смертной казни.

Что же касается бояр-шляхты, то можно выделить два уровня их зависимости от князей. В первом случае речь шла о «потомственных слугах», то есть васалах, которые испокон веков держали княжеские села (вместе с крестьянами, проживавшими здесь) при условии несения службы княжескому дому. На длительность «потомственных служб», начало которых редко удается проследить по источникам, указывают собственнические фамилии шляхты, образованные по названию соответствующих сел, как будто эти села были не условной, а полной собственностью той или иной семьи: примером могут послужить «слуги» Острожских — Боровицкие в с. Боровичи, Житинские в с. Житине, Краевские в с. Край и т. п. Князья рассчитывались земельными наделами и за дворовую службу, предоставляя их в качестве своеобразной пенсии, или в наследственное, или же в вечное пользование. Вот характерный пример первого: князь Василий Сангушко-Ковельский в 1542 г. дарит несколько дворов в с. Мощоной своему слуге Демиду Войтковичу, «который с детства своего при дворе нашем служил». Взамен Войткович и его потомки должны «конем служить»; князь же, со своей стороны, обещает их «не обижать... беречь, защищать».

Перед нами — хрестоматийный образец «феодалного контракта», основанного на отношениях опеки/службы за опеку. Моральным императивом таких отношений, считавшимся равнозначным «чести» шляхтича-слуги, была его верность своему князю. В системе средневековых понятий «верность» являлась составляющим элементом взаимного обязательства: в обмен на «верность» патрон брал на себя обязательство «благодарности», то есть опеки над слугой и его семьей. Нарушение верности считалось наиболее порочащим поступком и, кроме того, влекло за собой неприятные практические последствия: утрату земли. Со своей стороны, князь должен был защищать слуг от обидчиков и проявлять по отношению к ним «любовь» — заботу, милость и щедрость; ясно также, что он не мог безосновательно лишать их полученного имени. Социальные отношения такого «договорного» типа, скорее всего, оформились впервые именно на Волыни, поскольку более половины ее территории принадлежала князьям, с чьих владений кормились тысячи слуг. Таким образом, именно здесь преклонение перед справедливым и щедрым патроном стало неотделимым элементом мировоззрения рядового боярина-шляхтича.

Более мягкую форму зависимости шляхты от князей представляли собой отношения патроната/клиентелы. С самим словом «клиент» (от латинского *cliens* — зависимый человек) мы сталкиваемся только в латиноязычных источниках. Напротив, по-украински, как и по-польски, клиентов называли,

в зависимости от их социального ранга, или «слугами» — по отношению к мелкой шляхте, вознаграждаемой за службу материально, или «приятелями», если речь шла о знати, которой княжеский дом покровительствовал в обмен на преданность и содействие. В этом значении слово «приятель» (а вероятно, и сама форма таких отношений) известно с последней четверти XV в. Несколько позже «приятелями» стали также называть свояков, некровных родственников. Это опосредованно указывает на один из путей формирования клиентарных сетей — путем установления свояческих связей между князьями и не княжескими семействами. Тот факт, что патронально-клиентарный клан отождествлялся в тогдашнем коллективном сознании с семейством, хорошо иллюстрируется на двух уровнях: 1) в использовании для его обозначения лексики семейной сферы, где патрон это суровый, но заботливый «отец», а клиенты — его верные и послушные «детки»; 2) в патерналистском ритуале личного участия патрона в семейных торжествах и похоронах слуг. «Семейная» форма взаимоотношений князя-патрона и его клиентов — не только патриархальная экзотика, но и основа еще одного (наряду с верностью) морального императива. Согласно ему, обязательства «деток» перед «отцом» были безусловно приоритетными в сравнении с остальными обязанностями, в том числе публичными (последнее приобретет особый вес позже, в связи с активизацией публичной жизни).

Ясно, что форма зависимости слуги-ленника от князя была более крепкой, чем зависимость «приятеля», однако и уровень их запросов был неодинаковым. В случае слуги речь шла о малом: чтобы его сыновья, неся службу при дворе или в войске пана, получили со временем в качестве вознаграждения собственный кусок земли. В то же время «приятель» был озабочен более сложными вещами — административной или духовной карьерой для себя и своих детей, защитой от влиятельного недруга, содействием в заключении выгодного брака и т. п. Поэтому в итоге выходило, что оба в одинаковой мере нуждались в поддержке и протекции, а оплачивалось все это универсальной валютой Средневековья — готовностью исполнять без колебаний княжескую волю.

Эту в целом известную в Европе еще с Античности схему взаимоотношений «больших людей» с «людьми малыми» социальная практика Волыни и Киевской земли дополнила одним весьма своеобразным нюансом. Если для «малых» польских шляхтичей их пан был просто богатым и влиятельным человеком, то русинов буквально завораживал иррациональный ореол, окутывавший «княжескую кровь». Преклонение перед княжеским титулом не было чем-то новым. Как уже говорилось, князь еще с древнерусьского времени рассматривался как сакральная фигура: и в свете языческих представлений, и в свете христианской доктрины о Богом данной власти. Относительно

XV–XVI вв. можно с определенностью констатировать, что княжеское sacrum обуславливалось прежде всего взглядом на князя как на существо, избранное Богом для осуществления власти. Персона князя и недостижимое для всех остальных право, носителем которого он считался уже в силу своего рождения, воспринимались как следствие Божественного промысла, неопровержимый абсолют. А поскольку верховенство Рюриковичей над землями Киевской Руси осуществлялось в рамках модели, согласно которой правителем считалось не одно лицо, а совокупность лиц, которые представляли правящий род, то свет избранности распространялся на все последующие поколения (как предполагают некоторые исследователи, свойственное Рюриковичам sacrum отчасти перешло и на членов рода Гедимины после того, как обе династии породнились). Впрочем, более важным было другое: князем человека не могли сделать ни богатство, ни влияние, ни высокие правительственные должности, а одна лишь «княжеская кровь», то есть рождение в княжеской семье. Это неизмеримо возвышало князей над остальной знатью, не говоря уже о рядовых рыцарях-шляхтичах.

Князей воспринимали как поводырей и защитников собственной «земли», якобы врученной им для опеки Богом, поэтому преждевременную смерть князя объясняли как тревожный знак Божьей немилости — «сиротство земли». Немногочисленные реплики, которые напрямую — физически — связывают князя с «землей», опосредованно отображают специфический, хотя и не артикулированный с достаточной отчетливостью, тип представлений о «политическом». Стоит напомнить, что в средневековом сознании политическая обособленность не отождествлялась с государственным суверенитетом в современном смысле. Человек идентифицировал себя еще не со страной и ее жителями («нашим народом»), а с правителем, которому служит, и с кругом «своих» — людей, находящихся под властью и опекой общего для них господина. Таким образом, объединенные вокруг тех или иных княжеских домов социальные сообщества не беспокоились по поводу объема суверенности «земли», на которой жили. Это относилось к компетенции князя, а не его слуг и подданных, между тем как центром их мира был сам князь — существо, уполномоченное Богом заботиться о вверенных ему людях.

Существовали, конечно, и более конкретные приметы обособленности: местные социальные институты, древние границы своей «земли», ее административные практики, военные и правовые обычаи. Однако там, где сохранились роды носителей «княжеской крови», да еще и обладающих достаточным имущественным потенциалом, именно они выступали стержнем обособленности и в таком конкретизированном смысле. Именно такую модель

власти/подчинения мы наблюдаем в конце XV–XVI в. на Волыни, где принадлежащие князьям территории были фактически квазигосударствами с собственным войском, двором, фискальным аппаратом, сетью судебных органов по замковым округам и даже церковными институтами, которые зависели от милости и щедрости князя-патрона. Понятно также, что формально независимая («господарская») шляхта, проживающая по краям княжеских владений, хочешь не хочешь, но попадала в орбиту влияния мощного соседа или, как тогда выражались, «под крылья протекции», — впрочем, себе же на пользу, потому что «крылья протекции» могущественного патрона делали более безопасной жизнь «маленького» человека.

Обретение самостоятельности Киевской митрополией. Сосуществование православных с католиками

Политические страсти и борьба, бурлившие в Великом княжестве Литовском в ходе перераспределения власти, сопровождались иногда более громкими, иногда почти незаметными церковными конфликтами как внутри православного мира, так и на межконфессиональном уровне — между православными и католиками, составлявшими в государстве меньшинство, поддерживаемое, однако, двором великого князя. Как уже отмечалось, Православная Церковь после перехода русьских княжеств под власть польских королей и великих князей литовских приобрела более широкие функции, чем одна лишь пастырская опека мирян. Это проявилось уже в правление Ольгерда, когда преградой его политическим планам стала церковная связь Киева и Москвы (стоит напомнить, что в 1299/1300 г. резиденция митрополита Киевского была перенесена во Владимир-на-Клязьме, а в 1326 г. — в Москву). Поэтому в 1353 г. в Константинополь впервые прибыло сразу два кандидата на поставление в сан «митрополита Киевского и всея Руси»: от великого князя московского — Алексей и от Ольгерда — Роман. Патриарх «сребролюбия ради» рукоположил обоих: Алексея в иерархи «всея Руси», а Романа в иерархи «Литвы и Малой России», в результате чего, как пишут источники того времени, «наступил мятеж во святительстве», который, впрочем, длился недолго, потому что в 1362 г. умер Роман, а в 1378 г. — Алексей.

Параллельно, по инициативе короля Казимира III, о чем уже говорилось, патриарх в начале 1371 г. восстановил отдельную митрополию в Галиции (ее юрисдикция распространялась на Галицкую, Волынскую и Подольскую Русь). Ввиду борьбы между Польским королевством и Великим княжеством за Волынь и Подолье это противоречило интересам Ольгерда, поэтому он

56. Православные участники Ферраро-Флорентийского собора. Фрагмент дерева

повторно обратился к патриарху с прошением о назначении собственного митрополита для литовских и союзных Великому княжеству земель (его поддержали тверские князья, враждебно настроенные в отношении Москвы). Таким образом, в 1375 г. в качестве митрополита был утвержден болгарин Киприан, человек неумеренной энергии, мастер компромиссов и политических комбинаций. Ставленник Ольгерда, поначалу проигнорированный Москвой, между 1378 и 1380 и 1383 и 1390 гг. Киприан находился в Киеве, однако с 1390 г., достигнув понимания с великим князем московским, переехал в Москву, где и жил вплоть до смерти (†1406). Лишь время от времени он посещал «литовские» епархии, но в целом его авторитет обуздывал центробежные тенденции фактически уже разделенной Церкви.

После смерти Киприана его преемники, кандидаты то одной, то другой стороны, меняются на митрополичьем столе почти с калейдоскопической скоростью. Достаточно сказать, что между 1407 и 1436 гг. митрополитами «Киевским и всея Руси» побывали: грек Фотий, который в Киеве «не жывал» (†1431); болгарин Григорий Цамблак (†1419), который был поставлен в 1415 г. собором белорусско-украинских владык в противовес Фотию, но преданный анафеме Фотием и не утвержденный патриархом; «москвитин» Герасим, поставленный в 1434 г., которого Свидригайло, заподозрив в шпионаже, уже в следующем году приказал сжечь живьем; с 1436 г. грек Исидор, прибывший в Москву в 1437 г., а уже весной 1438 г. выехавший в Феррару, где начинал работу экуменический (так называемый Ферраро-Флорентийский) собор с участием высших иерархов византийской и римской Церквей.

Именно Исидор 5 июля 1439 г., вместе с остальными архипастырями византийской Церкви, принял акт, провозглашающий объединение, или унию, двух ветвей христианства. По пути домой, в Буде, Исидор издал окружное послание, обращенное ко «всем христоименитым людям», призывая как «латинян», так и «греков» принять провозглашенное собором «пресвятое едначество с великою духовною радостью и с честью». В Польском королевстве его приветствовали с должной торжественностью, а признание акта унии католическим королевским двором

было реализовано в привилее 1443 г. о правах и свободах русьской Церкви. Благоклонной была реакция на унию и в Киеве: 5 февраля 1441 г. Исидор провозгласил ее в соборе Святой Софии, а князь Олелько тогда же издал грамоту, в которой митрополит назван «господином и отцом».

По-иному сложились дела в Москве, куда Исидор прибыл в марте 1441 г.: его обвинили в ереси и арестовали, требуя отречения от унии, и только после полугодичного заключения митрополиту удалось бежать в Вильну. Однако и здесь его ожидала прохладная встреча, потому что высшие католические иерархи Литвы встали в оппозицию к унии. Поэтому Исидор должен был выехать в Рим; некоторое время он занимал пост папского легата в Константинополе, а умер в 1463 г. в Риме в сане униатского константинопольского патриарха (от титула митрополита Киевского он отрекся только в 1458 г.).

Тем временем в Москве, вместо изгнанного Исидора, собор местных владык в 1448 г. утвердил в сане митрополита владыку Иону Рязанского, предварительно уже избранного в 1439 г. после получения известий об унии. Благословения патриарха Иона не получил, а вопрос о каноничности его избрания был предметом дебатов вплоть до взятия Константинополя турками в 1453 г. Это событие, истолкованное в Москве как знак Божьего наказания за поддержку Флорентийской унии, стало поводом к провозглашению на соборе 1459 г. автокефалии московской Церкви (канонического признания которой пришлось ждать до 1589 г.).

В Великом княжестве Литовском Иону также признали, правда позже, в 1451 г. Тем временем папский престол, пытаясь сохранить контроль над местной русьской Церковью, после отречения Исидора возвел в митрополиты Григория Болгарина. Согласно булле 1458 г., его святительская власть распространялась на «Нижнюю Русь», то есть на украинско-белорусские епархии, тогда как «Верхняя Русь» (Московия) провозглашалась «землей схизматиков», которой овладел «сын зла» Иона.

Григорий Болгарин, собственно, и стал первым митрополитом русьской Церкви в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, после того как в 1467 г. получил повторное освящение от константинопольского патриарха.

Москва, в свою очередь, не признала Григория, и это стало последней точкой в более чем столетнем процессе распада древнерусьской церковной общности, когда, по словам летописца, «сотворишася два митрополита в Руси, еден на Москве, а вторый в Киеве».

Организационные структуры Киевской митрополии, перечисленные в папской булле 1458 г., охватывали десять епархий: Киевскую митрополицию

(к ней, кроме собственно Киевской земли, относились русские анклавы в Вильне, Новогрудке и Тракае), Луцко-Острожскую, Владимиро-Берестейскую, Галицко-Львовскую (которая охватывала, кроме Галиции, также Подолье), Перемышльско-Самборскую, Холмско-Белзскую, Туровскую, Полоцко-Витебскую, Чернигово-Брянскую и Смоленскую (две последние в 1500–1515 гг. вместе со своими территориями отошли Московии). Во главе епархий стояли владыки (епископы), при которых действовал совещательный орган, состоявший из священников кафедральных городов, — крилос, осуществлявший суд и управление епархией. Члены клироса (крилошане), возглавляемые выборным протопопом, по очереди отправляли службу в кафедральном соборе и выполняли распорядительные и административные функции в епархиальной управе, а после смерти владыки управляли епархией до поставления нового иерарха.

57. Карта-схема епархії Київської митрополії в конці XVI в.

Спасский и Жидичинский Николаевский: в Овруче — два; в Киеве, наряду с древними, возникают новые — Пустино-Никольский, Флоровский, Гнилецкий Пречистенский и др. Немало обителей функционировало и вне крупных городов — в городках и селах. В таких монастырях обычно проживало всего по несколько монахов, но они исполняли пастырский долг по отношению к местному населению, а сами обители служили местом погребения основателей, их семейств и слуг.

Канонически Киевская митрополия подчинялась константинопольскому патриарху, которому принадлежало право посвящения митрополита.

С конца XV в. этот акт был упрощен: митрополиты перестали ездить на посвящение лично, довольствуясь получением письменного благословения — сакры, поэтому функция высшей канонической власти ограничилась формальной процедурой. В связи с этим была осуществлена попытка придать больший вес соборам — съездам епископата и духовенства, на которых решались важнейшие вопросы церковной жизни (сохранилась, в частности, информация о «деянии» собора в 1509–1510 гг. и упоминания о соборах 1514, 1540, 1546 и 1558 гг.). Однако, по мнению исследователей, соборноправное сознание и практика в целом на протяжении XVI в. пришли в упадок. Специфически местной особенностью, в частности, стало участие мирян в церковных соборах, а следовательно, и в решении церковных дел, что было нарушением канонических правил. Однако именно миряне (особенно князья) обеспечивали авторитет того или иного собора в глазах власти.

Создание отдельной церковной общности на украинско-белорусских землях, охватывавших огромные пространства от Балтики до степей, было, безусловно, явлением с долговременными культурными последствиями. Именно таким образом создавалась своеобразная промежуточная — между «латинским Западом» и «греческим Востоком» — церковная культура, гораздо более открытая к диалогу двух христианских конфессий, чем Церковь православной Московии. Правда, последствия взаимной притирки станут заметными значительно позже, в ярких вспышках «Киевской учености» XVII в., тогда как в XV — середине XVI в. культурно-образовательная функция украинско-белорусского православия еще не доминировала над пастырскими обязанностями, и тогда далекими от идеала. С утверждением так называемого права патроната над церковными институтами, по которому светской власти (королю и великому князю, а в частных владениях — магнатам и шляхте) принадлежало право утверждения церковнослужителей, Церковь оказалась в зависимости от политических комбинаций, имущественных интересов, а то и прихотей светских лиц. Все это приводило к коррумпированности в среде высших иерархов. Например, уже с конца XV — начала XVI в. канонический порядок соборного избрания митрополитов становится фикцией, фактически сменившись назначением по воле великого князя. Митрополичий сан превратился в своего рода бенефиций — «хлеб духовный», таким образом фактически продававшийся за деньги наравне со светскими должностями. Аналогичная ситуация наблюдалась и в поставлении епископов и архимандритов. Вопреки канонической практике, по которой кандидатов на владычество должен был избирать собор, епископии и крупные монастыри фактически являлись списком вакансий, которыми распоряжались король и великий князь.

Излишним будет говорить, что это порождало многочисленные злоупотребления, nepoтизм и взяточничество, открывая доступ к высоким церковным постам людям, не только далеким от морального совершенства, но порой даже нерукоположенным, а иногда и без пострига. Один из современников резко характеризует их:

...Вчера со псы по полю за заѣцем, а ныне святительская совершает... Ажели кто вопрошает о книгах, то отвещают глаголюще: убози єсьми, не имзмы чем книг стяжати. Ходят же не яко убози, но носяще ризы светлы и блестящесе...

Коррупцированность высших иерархов дополнялась поразительной необразованностью священников и монахов, ведь заведений для обучения священнослужителей не существовало: от кандидата требовалось лишь умение отправлять литургию и совершать таинства. Кроме того, регулярность церковных служб нередко нарушалась в связи с «правом подавания». Последнее предусматривало рекомендацию на священство и игуменство от владельца населенного пункта, где находился храм, или от основателя монастыря, а представленное им в так называемом «письме подавания» лицо должен был благословить епископ. На самом же деле светские вельможи редко считались с мнением владыки, поставляя священников и игуменов без его ведома и благословения. Конфликты между владыками и магнатами часто приводили к тому, что храмы закрывались, месяцами простаивали «без хвалы Божьей», пока светские и духовные лица выясняли отношения, в которых церкви и монастыри были просто спорными объектами собственности.

Сказанное, однако, едва ли может свидетельствовать об упадке веры как таковой. Неурядицы во внутренней жизни церкви не затрагивают духовного авторитета веры, терпеливо сносящей греховную суетность своих служителей. Глубокой и искренней набожностью проникнуты сохранившиеся от того времени документы, в которых отражено отношение к христианским обязанностям человека. В частности, это особенно ярко видно в завещаниях, в которых знать и состоятельные мещане одаривают храмы и монастыри именьями, драгоценностями, деньгами, книгами. Вот как, например, начинается завещание князя Андрея, одного из сыновей Владимира Ольгердовича Киевского, написанное в 1446 г.:

Се азъ рабъ Божій князь Андрей Владимировичъ приѣздил єсмь въ Кієвь съ своєю женою и съ своими дѣтками, и били єсмо въ дому Пречистыя, и поклонилися єсмы пресвятому образу єя и преподобнымъ и богоноснымъ

отцемъ... печерским, и благословилися есмы у отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу князя Владимира Олькгердовича, и дядь своихъ гробомъ, и всѣхъ святыхъ отцевъ гробомъ въ печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци — колико то гробовъ, а всѣ тыи жили на сем свѣтѣ, а пошли всѣ къ Богу. И помыслилъ есмь: помалѣ и намъ тамо поити, гдѣ отци и братіа наша. И подумалъ есмь съ своею княгинею... и отписалъ есмь...

Традиция сооружения новых и украшения старых храмов как благочестивого памятника, служащего вечным напоминанием об усопшем благодетеле, крепко удерживается в сознании княжеско-боярской элиты. Характерным примером может служить завещание князя Юрия Гольшанского-Дубровицкого (†1537). В числе монастырей и церквей, которым отписаны те или иные вклады, князь перечисляет: Киевский Пустино-Никольский монастырь и отдельно — его соборную церковь, Михайловский Золотоверхий монастырь, Выдубицкий монастырь, киевский собор Святой Софии, все церкви киевских окрестностей, Пречистенский и Троицкий храмы Вильны, Пречистенскую церковь в Новогрудке, Супрасльский и Лавришевский монастыри, соборную и все церкви в округе и Святоникольский монастырь в Гольшанах, Пречистенскую и Никольскую церкви в Турове, Пречистенскую церковь в Пинске, соборные церкви в Зимно, Владимире и Луцке, Жидичинский монастырь, все городские и сельские церкви Дубровицкой волости, соборные церкви в Вышгороде и Глуске. Завершает этот перечень завещатель так:

Тут теж сином моим самим сведомо, што есми в надею милосердя Божего мні и всему роду нашому переднему и последнему вмислил тую церков Божю Святого Спаса Вседержителя муровати, а на штож... приказую сином моим, аби по моим животі... тот храм Божий справили Богу ку хвалі, а себе и щадком своим ку почетности.

* * *

Как видим, православная Церковь, вопреки неурядицам внутрицерковной жизни, пользовалась поддержкой общества, что позволило ей сохранить свои позиции в условиях конкуренции, признаки которой становятся все более ощутимыми в Великом княжестве Литовском по мере католизации виленского двора и придворной элиты в конце XIV — начале XV в. Это, впрочем, не означало того, что поликонфессиональность порождала открытые столкновения, потому что совместная религиозная жизнь протекала в целом мирно. В основе

толерантного поведенческого стереотипа лежали особенности религиозного менталитета населения Великого княжества Литовского, жившего в условиях возможности религиозного выбора. Здесь объективно сложилась ситуация, когда ни одна из христианских конфессий не могла добиться господствующего положения. Этому способствовали как политически-демографические факторы, то есть поиск литовской верхушкой опоры в численно превосходящем русском населении, так и поздняя христианизация языческой Литвы, вступившей одновременно в контакты и с латинским Западом, и с византийской Русью. Религиозное разнообразие, подталкивавшее литовцев к индифферентному восприятию греческой и римской традиций, отзывалось такой же спокойной индифферентностью со стороны православных — таким образом, ни одна ортодоксальная догма не превращалась в единственно возможную. Обыденным явлением было отправление церковных обрядов не в своей, но в ближайшей христианской церкви, а также пожертвования католиков на православные святыни и, напротив, поддержка православными верующими католических костелов.

Мирной совместной жизни православных и католиков способствовало и то, что великий князь считался патроном обеих конфессий: «Верховным оборонцем костелов и церквей Божих и преумножения всякого порядка в церквах закона христианского». Вследствие этого русские владыки в добром согласии с католическими епископами принимали участие в собраниях Панов-Рады и разнообразных публичных акциях. Паритетное существование двух конфессий не раз приводило и к неожиданным последствиям, когда, например, католики Свидригайло и Михаил Глинский выступали в роли лидеров русской (православной) знати.

В конце концов, многое зависело и от внешнеполитической конъюнктуры, а именно от политического противостояния с Московией, ставшего особенно явным с конца XV в., когда великий московский князь вступил на путь «собирания» русских земель. В условиях перманентной войны виленский двор был просто вынужден делать ставку на межконфессиональное согласие и военно-политический консенсус с русской верхушкой своего государства. Удачным примером этого может служить акт Городельской унии 1413 г., согласно которому запрещался доступ некатоликов в совет великого князя и к высшим правительственным постам. И хотя формально данный акт был отменен только в 1563 г., мы постоянно видим православных на самых высоких государственных постах, а что касается Панов-Рады, то в ней «из старожитности рода своего» как до, так и после 1413 г. заседали представители русской княжеской элиты.

Так что в целом религиозную толерантность, присущую Великому княжеству Литовскому, можно считать не столько результатом продуманной политики, сколько стихийным следствием, во-первых, этноконфессиональной пестроты населения, а во-вторых, политической конъюнктуры, которая вынуждала считаться с религиозной традицией большинства жителей.

Город, городское право, городское население

Город на украинских землях Великого княжества Литовского не испытал того яркого перерождения в сообщество нового открытого типа, как в Галицкой или Подольской Руси. Это, впрочем, не означает, что он не развивался совсем: с XV в. здесь, как и столетием ранее в Галиции, постепенно набирала силу урбанизация. На Волыни, в частности, появление новых городов обуславливалось прежде всего утверждением крупной земельной собственности князей. Центры волостей — налогово-административных единиц в их владениях, которые были одновременно и торговыми центрами, — получали так называемый локационный привилей, то есть санкционированное князем право на основание города и введение регулярных торговых дней (естественно, выхлопотанное влиятельным владельцем). С этого документа начиналась официальная «городская метрика» населенного пункта. К примеру, упоминавшийся в летописях с 1257 г. «город» Звягель [в настоящее время г. Новоград-Волынский] с точки зрения закона «городом» не был, пока в 1499 г. не перешел в собственность князя Константина Ивановича Острожского и не получил — по ходатайству князя — в 1507 г. локационный привилей. Согласно ему, князю позволялось «замок справити и место садити, и торг во всякую неделю мети, а ярмарок в кождый год на святого Дмитрия день».

Впрочем, случалось, что города вырастали и самопроизвольно вокруг новых замков, что видно из локационного привилея, предоставленного великим князем *post factum* в 1532 г. Порицку на Волыни:

Бил нам чолом... князь Александро Федорович Збаражский и поведил перед нами, иж он в ыймени отчизном Порицку замок себе збудовал и местечко там себе осадил, и просил нас, абыхмо дозволили ему в том имени его торг и корчмы мети.

В новых местечках должны были существовать какие-то формы самоуправления, однако ввиду недостаточности источников реконструировать их трудно. Определенно можно утверждать лишь то, что таким местечком руководил

иногда назначенный владельцем урядник, иногда войт — в этом случае войтство предоставлялось тем же владельцем определенной семье своих шляхтичей-слуг в качестве бенефиция, пожизненно или с правом передачи по наследству: ведь должность войта приносила достаточно большие доходы благодаря процентам от судопроизводства, торговых сборов, городского налога и т. п. Последний, называемый чиншем, был непременным элементом городских выплат в пользу владельца с мещанских усадеб и земельных участков вне города. Оставшиеся налоги и повинности могли варьироваться от города к городу, включая дань натурой, подводную повинность, разовые отработки при ремонте замка, сенокосе, жатве и т. п.

Некоторым из новых местечек уже в первой четверти XVI в. удалось добиться статуса «привилегированных», то есть получить полное самоуправление на принципах магдебургского права: например, привилеи на магдебургию от великого князя получили такие частные местечки Волыни, как Тучин (в 1513 г.), Дорогобуж (в 1514 г.), Красилон (в 1517 г.), Ковель (в 1518 г.) и др. Однако большинству населенных пунктов городского типа пришлось дожидаться «права майдебургского» до второй половины XVI в. Именно тогда наряду

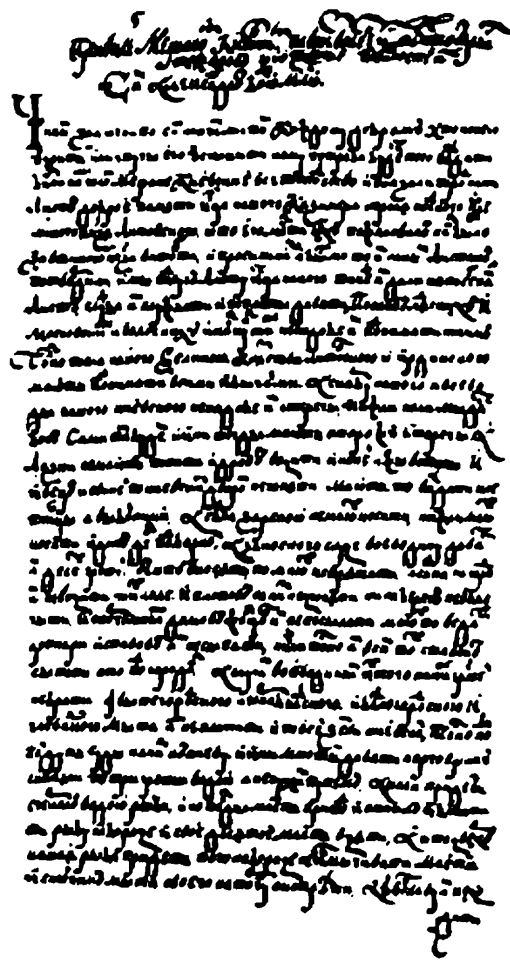
с великокняжескими «привилегированными» городами, получившими самоуправление еще в XV в. (как Киев, Луцк, Кременец, Владимир, Житомир, Винница), на Волыни появляется немало частных магдебургских городов, а на Киевской земле аналогичный статус получают порубежные города с великокняжескими оборонными замками: Белая Церковь, Черкассы, Канев, Чигирин, Корсунь и т. п. Как и в Галиции, городское самоуправление здесь осуществлялось по немецкому образцу — через выборных бурмистров, радцев и лавников, которые вместе составляли «уряд». Число таких урядников колебалось от города к городу, а в частных магдебургских городах часть из них мог назначать владелец, а часть была выборной.

58. Фрагмент карты Вацлава Гродецкого «Polonia finitimarumque locorum» (Базель, 1558) с изображением городов Волыни и Подолья

Вновь созданные города, в отличие от городов Галицкой Руси, еще долго сохраняли полуаграрный характер, а их жители были тесно связаны с сельской округой и сельскохозяйственными занятиями, что тормозило развитие городской жизни как таковой. Например, в первой половине XVI в. «чистое» торгово-ремесленное население Ковеля составляло лишь 36,5% его обитателей, Костянтинова — 23,9%, Степани — 18,7%, Торчина — 20,2%, Литовижа — 15,2%, Овруча — 21,8%, Берестечка — 8,5% и т. д. В качестве рядового примера маленького местечка можно взять Голятин на Волыни, получивший локационный привилей в 1547 г.: из девяноста одной семьи, составлявшей его население, ремеслами здесь занимались лишь десять человек: два бондаря, гончар, кузнец, печник, два шорника и три пекаря. Продукция, которую они производили, шла или на удовлетворение потребностей остальных жителей, или на реализацию в пределах голятинской сельской округи, не давая достаточных средств к пропитанию, поэтому ремесленники обрабатывали еще и пахотные земли. Даже в магдебургском привилее Киева (1494), одного из наиболее крупных городов региона, есть статьи, которые детально регламентируют использование мещанами сенокосов, пахотных земель и бортового леса. Огромные промысловые угодья, которые тянулись по Заднепровью вплоть до Черниговской земли, принадлежали жителям Канева и Черкасс. На этих укладах, как их тогда называли, горожане занимались бортничеством, охотой и рыболовством, заготавливая продукцию на продажу, которая имела мало чего общего с ремеслами.

Вследствие того, что Южная Волынь, Киевская земля и Восточное Подолье жили под постоянной угрозой татарских набегов, на город возлагалась функция местного оборонного центра, под охрану городских укреплений которого по сигналу о приближении татарских отрядов стекались жители близлежащих сел. Показательно, что, скажем, на Киевской земле само возникновение городов было обычно связано с повторным заселением

59. Привилей великого князя литовского Александра киевским мещанам 1494 г. и герб Киева XVII в.

60. Ремесленники-оружейники.
Деревоит XVI в.

военному четко нормируемую. Задачи обороны способствовали и тому, что на Волыни и в Киевской земле намного дольше, чем в Галиции, сохранялось архаичное деление общества того или иного города на десятки и сотни (именно это обстоятельство объясняет на удивление быстрое закрепление сотенного административного деления во время Хмельнитчины, когда каждое местечко со своей округой молниеносно создавало собственную сотню). Например, из ревизского описания Кременца 1552 г. мы узнаем, что здесь «рописаних на десятки для оборони часу потреби на замке и в месте десятков всих 31»; по другим фискальным документам видно, что само понятие «десяток» было условным, охватывая обычно от двух до трех десятков усадеб и перекликаясь с уличной сеткой города.

Что касается объема и характера военной службы, то в каждом регионе они были продиктованы древним обычаем. Например, жители Винницы выставляли регулярные сторожевые разъезды в двух урочищах за городом, а в случае приближения татар должны были выезжать во главе с замковым наместником «в Поле». Содержать боевого коня и оружие для несения внезапной военной службы были обязаны киевляне. Покидая город по торговым делам, они должны были оставить вместо себя заместителя. Выступать «конно оружно» против врага по первому вызову замковых наместников было единственной повинностью жителей Канева, Черкасс, Белой Церкви, Переяслава, Корсуня, Богуслава и др.; кроме этого, согласно ревизской документации, «они не должны ничего», то есть полностью освобождаются от уплаты налогов. Поэтому, как справедливо писал в свое время Митрофан Довнар-Запольский,

старых городищ, когда для постройки городских укреплений использовались древние валы и остатки оборонных сооружений (так, в частности, появились Белая Церковь, Корсунь, Переяслав, Глинск, Олевск, Васильков, Котельня, вероятно, Сквиря и др.).

Нужды обороны налагали отпечаток на весь уклад жизни мещан. Кроме естественных городских занятий — ремесла и торговли, они должны были выполнять военную боярскую «службу конем», по-

под мещанами южных украинских городов ошибочно было бы разуметь городской класс в собственном смысле этого понятия. Он был городским только в смысле оседлости в городе, несения городских повинностей и пользования изстаринными городскими вольностями. По своим же занятиям южное мещанство было низшим военнотружильным классом...

Первой половиной XVI в. датируются первые упоминания о цеховых объединениях ремесленников. Успехи цеховой жизни еще весьма скромны, а ремесло представлено преимущественно практическими профессиями кузнецов, слесарей, портных, скорняков, шорников, котельщиков, гончаров, пекарей и т. д. Наверное, наиболее своеобразной чертой местной цеховой жизни следует признать ее связь с задачами обороны, что выражалось в существовании параллельных цехов: одни подчинялись магистрату, а другие, объединявшие людей той же профессии, зависели от замковых властей. Скажем, в Киеве раздвоение цеховой системы впервые зафиксировано в 1516 г., в привилее Сигизмунда I. Подтверждая магдебургское право города, великий князь (естественно, по представлению горожан) изымал из-под замковой власти портняжный, кузнечный, цирюльницкий, ювелирный, лучницкий, оружейный, скорняцкий и сапожный цехи, передавая их в юрисдикцию магистрата. Зато в ведении замка оставались плотничий цех, а также «по дву ремесников с каждого цеха для и работи потреб замковых». Позднейшая судебная тяжба между воеводой и магистратом, которая велась в последней четверти XVI в., показывает, что желаемое освобождение цехов так и не состоялось, а вместо этого просто образовывались параллельные цеховые организации, которые ожесточенно конкурировали, обвиняя друг друга в незаконных действиях, до тех пор пока в 1591 г. цеховые уставы и права замковых ремесленников не были признаны королем равными правам цеховиков магистрата.

В отличие от пестрых многоэтничных городов Галицкой Руси, поселения городского типа на Волыни и Киевской земле имели преимущественно однородное население с абсолютным преобладанием русьского элемента. Например, в Кременце — одном из «наиболее открытых» городских центров — пришлого люда на середину XVI в. было не более 10% (67 евреев, 12 поляков, 3 немца, 1 чех). Что касается источников притока населения, которое по идее должно было питать город, то миграция шла в основном из близлежащих сел, в меньшей степени — из других регионов Великого княжества Литовского. В Житомире, по данным ревизии в 1552 г., проживали выходцы из Киевской земли (Овруча, Полонного, Мозыря, Слободищ), Волыни (Корца, Милятина и Луцка), а также из Белоруссии (Бобруйска, Турова, Слуцка и Копыля). Кроме того, на Киевской

земле ранним этническим вливанием (к концу XV в. полностью ассимилированным) были выходцы из тюркской степи, о чем уже упоминалось выше, а в крупных городах Волыни — Владимире, Кременце и Луцке — существовали самоуправляемые, как и в Галицкой Руси, еврейские общины, подчинявшиеся не магистратам, а княжеским наместникам. Небольшой удельный вес пришлого элемента не нарушал ситуации, при которой волынско-киевский город оставался практически однородным в языковом, этническом и конфессиональном плане. Обеспечивая внутреннее согласие, это одновременно консервировало патриархальный уклад и не давало возможности сообществам крупных ремесленных сел (которыми в основе своей было большинство местечек) превратиться в социумы открытого типа.

От партикулярных привилегий к законодательной системе: Литовские статуты и реформы 1560-х г.

Средневековое правосознание было тесно связано с сословной принадлежностью человека: общих для всего населения законов не существовало — их заменяли отдельные для каждой социальной группы нормы, которые определяли характер и объем правоспособности, тип подсудности, разновидности наказаний за правонарушение и т. п. Как провозглашало «Саксонское зеркало», один из наиболее авторитетных правовых кодексов зрелого Средневековья, «никто не может присвоить себе никакого другого права, кроме того, которое принадлежит ему по рождению».

По этим принципам функционировали и правовые нормы, устанавливавшие права и обязанности жителей Великого княжества Литовского. Помимо упомянутой социальной пестроты, для них был характерен и региональный партикуляризм. Это проявлялось в том, что те или иные земли Великого княжества получали от правителя так называемые уставные грамоты с подтверждением специфических особенностей внутреннего устройства и судопроизводства под традиционным лозунгом правительственной политики Вильны: «Мы старины не нарушаем, а новин не вводим». В частности, по собственным законам, закрепленным в уставных грамотах, жили земли, расположенные на окраинах государства: Жемайтійская, Полоцкая, Витебская, Смоленская, Дорогичинская, Киевская, Волынская. Считают, что, поскольку их географическое расположение создавало условия для потенциального выхода из состава княжества, это вынуждало центральную власть во избежание недовольства местных элит считаться с традиционными порядками и обычаями.

Уставные грамоты Киевской и Волынской земель исследователи связывают с правлением Витовта (хотя сохранились они лишь в более поздних текстовых редакциях первой трети XVI в.). Некоторые ученые считают эти акты отголоском устных договоров-рядов домонгольского времени между князем и правящей верхушкой конкретной земли. Уставные грамоты оговаривали права и льготы вновь присоединенных территорий и выдавались территориальным боярским сообществам в обмен на признание себя вассалами нового сюзерена. Основным сюжетом уставных грамот являлось подтверждение землевладельческих прав местных бояр и их монополии на осуществление местного управления, как в следующем примере:

А городки и волости киевские кияном держати, а никому иному... А киянина как и литвина во чти держати и во всех врядах ни в чом не понизити.

Параллельно на протяжении XV в. в Великом княжестве Литовском, как и в любом другом государственном организме, постепенно складываются общие правовые нормы, формируемые привилеями великого князя под влиянием тех или иных политических обстоятельств начиная с 1387 г. Наиболее заметным законодательным актом такого типа стал «общеземский», то есть адресованный людям шляхетско-боярского сословия всех земель государства, привилей Казимира Ягайловича 1447 г. Этот акт впервые сформулировал основные права людей «рыцарского» сословия независимо от места жительства: невозможность подвергнуть рыцаря аресту и заключению без приговора суда, нерушимость наследственных владений, признание судебной юрисдикции над собственными подданными, право свободного въезда и выезда из страны, гарантии непредоставления должностей иностранцам. Прошляхетские законодательные тенденции отражены и в еще одном привилее — Александра Казимировича 1492 г. о повышении политической роли великокняжеского совета, который отныне получал право контроля над дипломатическими сношениями и предоставлением должностей и земельных пожалований. Однако уже в первой трети XVI в. стало ясно, что форма правового регулирования, опирающаяся на привилеи, себя исчерпала: шляхетское сообщество нуждалось не в привилеях, издаваемых от случая к случаю «по щедробливой милости» великого князя, но в регулярном своде законов, который бы закрепил нормы юридического быта. Итог постепенному объединению в единое правовое пространство всех земель Великого княжества Литовского подвел Первый Литовский статут 1529 г. — юридический кодекс, определявший как принципы государственного устройства, так и положения гражданского и уголовного права. Исследователи справедливо считают Статут

1529 г. уникальным памятником правовой мысли своего времени. Его кодификаторам (Статут обрабатывала специальная комиссия специалистов-правоведов под руководством канцлера Ольбрахта Гаштольда) в результате целенаправленного отбора и осмысления удалось выработать юридическую систему, которая стала одинаково приемлемой для всех регионов огромного и пестрого в правовом отношении государства. Статут органически соединил строгие юридические понятия римского права, элементы Руськой Правды, некоторые нормы обычного «русского» (то есть белорусского, украинского) и литовского права и ряд предписаний чешских, польских и немецких судебных зеркал, в частности «Саксонского зеркала», имевшего особое влияние на формирование правовых систем в странах Центрально-Восточной Европы.

Будучи относительно поздним памятником правовой мысли тогдашней Европы, Статут вобрал в себя и некоторые из ренессансных политико-правовых идей, например: понятие одинаковой ответственности перед законом правителя, подданных и правительства; институт присяги всех без исключения служебных лиц, начиная с великого князя; законодательно регламентированную охрану интересов частного лица путем введения института адвокатуры, в том числе бесплатной — для немущих; принцип персональной ответственности перед законом, когда вина правонарушителя не распространяется на членов его семьи; детальная выработка имущественных и личных прав женщины; недифференцированное отношение к представителям разных конфессий и этнических групп. Выделяется Статут среди других правовых памятников своего времени и тем, что он впервые, в отличие от партикулярных привилегий боярства-шляхты или мещан, был адресован не отдельному сословию, но всему обществу, определив тем самым понятие «всего поспольства». В введении к Статуту, в частности, провозглашалось, что он предоставляется

ответственности перед законом правителя, подданных и правительства; институт присяги всех без исключения служебных лиц, начиная с великого князя; законодательно регламентированную охрану интересов частного лица путем введения института адвокатуры, в том числе бесплатной — для немущих; принцип персональной ответственности перед законом, когда вина правонарушителя не распространяется на членов его семьи; детальная выработка имущественных и личных прав женщины; недифференцированное отношение к представителям разных конфессий и этнических групп. Выделяется Статут среди других правовых памятников своего времени и тем, что он впервые, в отличие от партикулярных привилегий боярства-шляхты или мещан, был адресован не отдельному сословию, но всему обществу, определив тем самым понятие «всего поспольства». В введении к Статуту, в частности, провозглашалось, что он предоставляется

61. Сигизмунд I Старый. Дереворит из книги Дециуса «*De Sigismundi Regis temporibus*» (Краков, 1521)

прелатом, княжатам, паном... шляхте и всему посольству и их подданным, а тубыльцом земель великого князства нашего Литовского, которого бы колвек стабла и стану были.

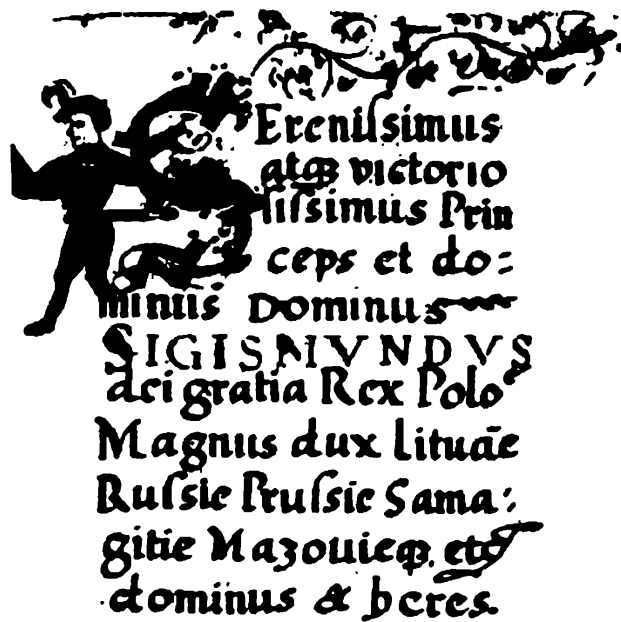
Аналогичный пассаж содержится и в первом разделе (артикул 9):

Тэж хочем и вставляем и вечными часы маеть быти ховано, иж вси подданные наши, так вбогие яко и богатые, которого роду кольве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти.

Эти декларации закреплялись кодификационно: многочисленные предписания Статута касаются в равной степени как привилегированных, так и непривилегированных групп населения: шляхты, мещан, крестьян, даже невольников. Задумываясь о причинах, благодаря которым Великое княжество Литовское — страна, которая в XVI в. не могла похвастаться интеллектуальными достижениями Ренессанса, — сумело кодифицировать право на уровне, опередившем европейскую юридически-правовую мысль, знаток русьско-литовского права Юлиуш Бардах отмечает, что в основе этого феномена лежала внутренняя нестабильность княжества и необходимость в адекватной реакции на ее колебания. Конгломерат входивших в состав государства литовских, белорусских, украинских, а частью и русских земель мог взаимодействовать и образовывать политическое единство только благодаря гибкой общей системе права, которую предложил Статут 1529 г.

Однако один из наиболее острых вопросов внутренней жизни шляхетского сообщества — взаимоотношения рядовых бояр-шляхты с магнатско-княжеской верхушкой — этот кодекс оставил неразрешенным. Статут, к примеру, не ликвидировал разницу в правах политически всевластных магнатов и их «младшей братии», лишенной доступа к рычагам власти. Власть и далее сосредотачивалась в руках представителей около пятидесяти великопанских и княжеских родов, которые «по обычаю стародавнего и старожитного дома своего», то есть с давнего времени, были членами совета великого князя.

Первые и вторые по-разному судились: споры магнатов рассматривал лично великий князь, а шляхта подлежала юрисдикции его наместников. Первые и вторые по-разному выступали на войну: магнаты во главе собственных отрядов, а шляхта — в составе поветовых ополчений во главе с великокняжескими наместниками. Незрелость корпоративных прав русьско-литовской шляхты особенно невыгодно выделялась на фоне бурного развития шляхетского парламентаризма в Польском королевстве, о чем упоминалось выше. Поэтому

62. Титульный лист латинского перевода Второго Литовского статута 1566 г.

с 1540-х гг. начинается упорная борьба рядовой шляхты Великого княжества со своей «старшей братией», которая велась на восьми сеймах между 1547 и 1566 гг. «Поправка Статута» выступала здесь главным пунктом шляхетских требований, охватывая различные сюжеты, за которыми прослеживается общая цель — добиться эмансипации от магнатов. Эта «тихая война» завершилась победой шляхты: в 1564–1565 гг. была проведена серия так называемых «земских реформ», а с января 1566 г. стал действовать Второй Литовский статут, содержавший законодательное обеспечение этих реформ.

Статут 1566 г., по сути, на высоком уровне кодификаторской техники завершил развитие Великого княжества Литовского как

правового государства, подтвердив цикл реформ, предшествовавших провозглашению этого акта. Открывает этот ряд королевский привилей 1563 г. об отмене ограничений православных по сравнению с католиками (что имело, как уже отмечалось, скорее моральное, нежели юридическое значение). Следующий шаг — Бельский привилей 1564 г., по которому и для магнатов, и для шляхты вводились общие выборные шляхетские суды по образцу земского судопроизводства в Польше. Развивая начатые реформы, Виленский привилей 1565 г. провозгласил создание регулярных поветовых сеймиков и вальных сеймов с правом шляхты «на местцах гловнейших поветом... зъездчатися, радити, обмовляти и обмишляти». Создание земских судов и поветовых сеймиков требовало уточнения административно-территориального деления государства, которое было тогда же осуществлено и отражено в так называемом «Реестре поветов Великого княжества Литовского и урядников в них».

В соответствии с новым административным делением на землях будущей Украины были учреждены три административные единицы-воеводства: Киевское с двумя судебными (Киевским и Мозырским) и двумя несудебными (Житомирским и Овручским) поветами; Волынское с Луцким, Владимирским и Кременецким судебными поветами; Брацлавское с одним судебным поветом (Брацлавским) и одним несудебным (Винницким). Это деление, с небольшими изменениями просуществовавшее до конца XVIII в., непосредственно касалось и политических прав шляхты, потому что лишь владение «оседлостью», то есть

имением, в конкретном повете служило основанием для участия в местных сеймиках и давало право голоса в земских органах самоуправления.

Именно таким образом Второй Литовский статут 1566 г. радикально преобразовал всю систему органов власти и управления, окончательно утвердив идею государства «шляхетской демократии», сходного в типе основных политических структур с Польским королевством. Кроме того, Второй статут продемонстрировал высокий уровень системности правовой мысли. Это понимала и политическая элита Великого княжества Литовского, которая считала, что ее страна, по высказыванию канцлера Николая Радзивилла Черного, представляет собой «*respublica bene ordinata*» [«хорошо упорядоченное государство»].

3. Первые сто лет казачества

Дикое поле. Пороги. Великий Луг

Громкая фраза ученого литвина не учитывала тем не менее некоторую аномалию на южных окраинах «хорошо упорядоченного государства». Катаклизмы, перевернувшие после монгольского нашествия русьскую жизнь, взлеты и падения галицко-волынских политических центров, смены династий и цивилизаций в Киеве и Львове если и отозвались, то разве что легкой рябью по степи, которая гигантской полосой окружала Русь-Украину с юга. Летописное Половецкое поле — Дешт-и-Кипчак [Кипчацкая степь] Приазовья и Причерноморья, где любили показаться русьские князья, дабы «преломить копье» в сече со степняками, как и тысячелетие до того, лежало нераспаханным и незаселенным. Включенные после завоеваний Батыея в состав владений Золотой Орды степные пространства были так же хорошо приспособлены к образу жизни новых кочевых хозяев, как и некогда — половцев. Татарские стойбища начинались где-то на 200 км южнее Канева. От Руси их отделяла буферная полоса, северная граница которой на правом берегу Днепра приблизительно совпадала с течением р. Рось, а на левом проходила ниже современного Переяслава-Хмельницкого.

Своеобразная нейтральная «сфера влияния» без четко очерченных границ, оформившаяся в XIII в. между землями русьских княжеств и собственно территорией Орды, использовалась в хозяйстве обеими сторонами и надолго пережила время своего возникновения. Вплоть до конца XVI в. она давала о себе знать периодическим кочеванием татар по «Литовской земле». С русьской же стороны в этой полосе располагались так называемые «уходы» порубежных городов,

то есть находящиеся в бассейнах рек незаселенные земли, где мещане занимались промысловой охотой, пчеловодством, рыболовством. Представление о том, как эта буферная зона воспринималась людьми того времени, дают слова одного из крымских ханов, который в начале XVI в. писал великому князю литовскому о бескрайних просторах к югу от Канева и Черкасс: «То земля не моя и не твоя, только Божова».

В течение небольшого периода времени при великом князе Витовте (1392–1430), который небезуспешно пытался установить контроль над Причерноморьем, буферная полоса считалась частью русско-литовской государственной территории. Последние следы руських застав, выдвинутых далеко к югу, отражены в документах в 1450–1460-х гг. в упоминании о так называемых «князя Семеновых людей», то есть боярах Семена Олельковича Киевского, которые несли караульную службу на косе при слиянии Днепровского и Бугского лиманов, а сама коса получила название Семенова рога. Однако уже ко второй половине XV в. здесь опять протянулась голая степь, получившая в западноевропейской географической номенклатуре название *Campus Desertus* [«Пустынное поле»]. По-славянски его называли Диким полем или просто Полем, так же как и по-татарски *Неуhat* [Степь]. На подошве Поля — в низовье Днепра, Южного Буга и Днестра — крымские ханы в конце XV — начале XVI в. заложили несколько небольших крепостей для охраны северных рубежей ханства и контроля над переправами и выходом в море. Этими крепостями, в частности, были: Исламкерман на Таванской переправе [вблизи современного Берислава Херсонской обл.]; Эзи, или Джанкерман [в настоящее время Очаков] на Днепровском лимане, также на переправе, с которой начинались Черный и Кучманский татарские пути на Русь, и Кильбурун [Кинбурн] здесь же на лимане; на левом берегу Днепра замок Ор [Перекоп, в настоящее время не существует], расположенный над рвом, который пересекал перешеек, соединявший Крым с материком. В устье Днестровского лимана стояла мощная турецкая крепость Аккерман [в настоящее время Белгород-Днестровский].

На руськой стороне Поля обжитая территория на рубеже XV–XVI вв. обозначалась также несколькими оборонительными замками: в Поросье это Канев, Черкассы и Звенигород [теперь Звенигородка, на Черкасской обл.]; в Побужье — Винница и Брацлав; на Подолье — Хмельник и Бар [в настоящее время Винницкой обл.]. Поэтому Поле, протянувшееся между татарскими и руськими крепостями, покрывало чуть ли не пятую часть современной Украины, охватывая южные районы нынешних Черкасской и Винницкой областей, полностью Кировоградскую, Днепропетровскую, Николаевскую и Херсонскую и отчасти Одесскую и Запорожскую области.

Между татарскими и руськими укрепленными полосами в Поле кочевали небольшие степные орды [племенные государства], зависимые от хана: Джамбойлуцкая (Перекопская), кочевавшая от Днепра до впадения р. Берды в Азовское море, и Едисанская (Очаковская) — от Буга к Днестру; места кочевий этих орды называли «татарскими улусами». По обе стороны Поля лежали такие же степные пространства: от Нижнего Днестра к устью Дуная — равнина под названием Буджак, место кочевий Буджацкой Орды, формально подчиненной крымскому хану, позднее султану; на левом берегу Днепра, в Приазовье, начиналась Великая Ногайская степь — стойбища Ногайской Орды, часть которой (Малая Ногайская Орда) с середины XVI в. также приняла протекторат крымского правителя.

Своеобразными «воротами» Поля из Среднего Поднепровья служили пороги — прерывистая гранитная полоса, пересекавшая течение Днепра и протянувшаяся на много километров между нынешними Днепропетровском и Запорожьем (в 1932 г., после сооружения Днепрогэса, пороги были затоплены водохранилищем). Кроме девяти главных порогов-гряд (Кодацкий, Сурский, Лоханский, Дзвонецкий, Ненасытец (Ревущий, или Дед), Вовниговский, Будило, Лишний и Вольный (Гадючий)), над поверхностью рек возвышалось свыше 60 более мелких скалистых выходов, или так называемых забор, и около 60 островов: Монастырский, Сурский, Кизлев, Дубовый, Таволжанский и др. О внешнем виде порогов дают представление размеры самого большого из них — Ненасытца, протяженностью более 2 км; водные массы с ревом падали с его каменных обрывов двенадцатью потоками; высота падения воды достигала 5 м, а скорость течения в водоворотах до 4 м/с.

За порогами, ниже Кичкаской переправы, еще в середине X в. описанной Константином Багрянородным, начинался Днепровский Низ, или Великий Луг, протянувшийся вплоть до урочища Палиивщина [напротив современного Никополя]. Днепр разделялся здесь на рукава, образуя многочисленные озера, заводи и протоки, а само русло было усеяно почти

63. Фрагмент карты Гийома Левассера де Боплана «*Delineatio specialis et accurata Ukrainae*» (Гданьск, 1650) с изображением Дикого поля

двумя сотнями островов — Малая и Большая Хортицы, Томакивка, Базавлук (Чертомлык), Каир, Носаковка, Космаха и т. п.; площадь некоторых из них достигала 300 га. Между началом порогов и островом Космаха в Днепр впадало свыше десятка достаточно крупных рек: Самара, Татарка, Вороная, Кичкас, Конская Вода, Чертомлык, Томаковка, Пидпильна и др. Благодаря этому здесь образовался настоящий лабиринт из плавневых и лесистых островов и островков, где, как писал в середине XVII в. французский инженер Боплан, «ничего не смогли бы поделать все турецкие силы». В 1954 г., после пуска Каховской гидроэлектростанции, Великий Луг, как и пороги, был затоплен водохранилищем.

Древние дубовые леса в устьях днепровских притоков, нетронутые пчелиные рои, несметные запасы рыбы, дичи и птицы, дикая, по-южному роскошная природа создавали в этих местах райский оазис, созданный Богом для смельчаков, сумевших добраться сюда, преодолев степь и пороги. Именно с этим уголком земли обетованной, выдвинутой в глубь Поля, связано появление на исторической арене казаков.

Ранние упоминания о казаках-татарах и казаках-русинах. Спор об истоках украинского казачества

Слово «казак» впервые зафиксировано в латино-персидско-татарском тексте конца XIII в. «Codex Cumanicus», содержащем словарь и переводы христианских богослужебных текстов на крымско-татарский язык (появление этого текста связывают с Кафой [в настоящее время Феодосия], где в 1280-х гг. действовал миссионерский центр монахов-францисканцев). Согласно Куманскому кодексу, словом «казак» обозначали стражника, часового. Во второй раз казаки упоминаются под 1308 г. в Сугдее [современный Судак], но уже не как часовые, а как разбойники. По более поздним свидетельствам, в целом ряде тюркских языков «казаками» называли наемных воинов, покинувших свой род и свои улусы, а в переносном значении — изгнанников, бездомных людей, авантюристов, разбойников, неженатых юнцов.

Современная «Энциклопедия ислама» так описывает тюркское казачество:

Начиная с XV в. турки и монголы называли казаком личность, которая с политической целью отделилась от своего государства и сама или вместе с семьей искала путей овладения степью... Это название распространилось позже и на целые племена или союзы, которые отделились от своего

государства, чтобы стать казаками. И наконец, у некоторых кочевых народов вошло в обычай посылать юношу, способного к военной службе, в степь, чтобы он там закалился...

В крымских источниках второй половины XV в. упоминаются как татарские наемные казаки-часовые, так и казаки-разбойники. Например, с середины XV в. какие-то «казаки» несли конвойную и сторожевую службу в Кафе и других геноуэзских колониях, а в 1474 г. «казаки» золотоордынского царевича Касима ограбили в степях купеческий караван тех же кафинцев, да и вообще, как жаловались кафинские купцы, им постоянно наносят убытки эти степные разбойники — «наши соседи».

Под 1492 г. среди таких опасных соседей впервые отмечены казаки-христиане («кияне и черкасцы»), напавшие в устье Днепра на турецкий корабль. В ответ на жалобу великий князь литовский обещал провести поиск награбленного «среди казаков» в Черкассах. Когда в 1493 г. черкасский наместник князь Богдан Глинский напал на татарскую крепость Ези [Очаков], хан тоже назвал воинов из отряда Глинского «казаками». В привилее 1499 г. киевскому воеводе на взыскание налогов с местного и пришлого населения мы вновь сталкиваемся с казаками, которые мимо Киева «ходят по воде на Низ к Черкассам и далее». А в 1502–1504 гг. хан обвиняет «киевских и черкасских казаков» в нападениях на днепровских переправах на его купцов и послов. Удовлетворяя жалобу, черкасский наместник великого князя «вседши на конь за теми лихими людьми казаками гонял» и, как был поставлен в известность хан, «тех людей многих поймавши шыєю казнил».

Привычное употребление слова «казак» в равной мере и татарскими, и руськими администрациями свидетельствует о том, что в порубежном ареале конца XV в. оно было совершенно привычным и прилагалось как к татарам, так и к русинам, обозначая, с одной стороны, наемных караванных конвоиров и воинов пограничных отрядов, а с другой — разбойников, промышлявших грабежом на степной дороге. Так или иначе, но и первых, и вторых — русинов и татар — кормило «казацким хлебом» (как стали говорить позже) Поле. Когда впоследствии казаки-христиане умножились настолько, что образовали уже отдельную социальную группу, которая осваивала степное порубежье, чередуя разбой с сезонными промыслами, понятие «казак» дополнилось еще одним значением — никому не подчиненный, свободный человек. Христианское казакование (и сторожевое, и разбойничье, и хозяйственное) так быстро и уверенно утвердилось в праве на существование, что само слово «казак» стало ассоциироваться преимущественно с христианином, чья жизнь

связана с Полем, а казаки-татары постепенно исчезают, хотя с эпизодическими упоминаниями о них мы сталкиваемся еще и во второй половине XVI в. Например, под 1561 г. упоминаются «татарские казаки» из Белгорода, которых нанял на службу «господарскую» каневский староста, князь Михаил Вишневецкий.

Так что «исчезновение» казаков-татар, вероятнее всего, было относительным: они просто слились с руськой казацкой массой. Источники (к сожалению, очень немногочисленные) не дают ответа на вопрос о том, как быстро происходила христианизация и языковая ассимиляция степняков-мигрантов. Тюркские имена десятков киевлян, каневцев и черкашан, документально подтвержденные ревизией порубежных замков середины XVI в., косвенно свидетельствуют, что казацкая среда менее всего беспокоилась о «чистоте крови» своих членов. Вот, к примеру, эти характерные имена в главном казацком гнезде — Черкассах: Балиш, Бахта, Байдык, Брухан, Бут, Гусейн, Каранда, Кыптай, Кудаш, Махмедер, Малик-баша, Моксак, Ногай, Охмат, Теребердей, Толук, Чарлан, Челек, Чигас, Чурба и др.

Вплоть до последней четверти XVI в., о чем детальнее пойдет речь далее, казачество все еще оставалось занятием, а не социальным статусом. «В казачество», то есть на степной промысел (от рыболовства и охоты до конвоирования караванов и попутного разбоя на широкой дороге), ходили преимущественно поднепровские мещане и бояре, сбиваясь во временные промысловые ватаги или нанимаясь стражниками и конвоирами. Некоторые шли «в казачество» на сезон, другие, без дома и семьи, жили казачеством постоянно, лишь зимую в поднепровских городах — Киеве, Каневе, Черкассах (таких людей документы называют «прихожими казаками», указывая, как, например, в черкасской ревизии 1552 г., что в городе их находится не «ровно завжды, но яко которых часов»). Вооруженное сопровождение восточных караванов по степным дорогам к Киеву, что было официальной обязанностью черкасского наместника, также осуществлялось казацким контингентом. Другим вариантом казацкой ватаги являлся возглавляемый «атаманом» конный отряд, который собирался с определенной целью: разбойнического нападения на купеческий караван, посольский обоз или на татарских чабанов. Показательно, что, согласно сложившемуся обычаю, великокняжескому наместнику Черкасского замка принадлежала десятая часть награбленной добычи: «панцирь, или конь, или татарин», то есть пленник. С первой четверти XVI в. антитатарские экспедиции начинают организовывать и сами пограничные наместники, вербуя для своих отрядов («почтов») приученных к рискованным приключениям и знающих степные тактики боя казаков (именно с этого времени начнется

медленное превращение степных разбойников в отдельное военное сословие, о чем пойдет речь далее).

Об истоках украинского казачества историки спорят начиная с рубежа XVII–XVIII вв., когда, согласно только что рожденной хазарской легенде (мы к ней еще вернемся), появление казаков стали отождествлять с древним степным людом — воинственными козарами, или хазарами. В историографии XIX–XX вв. роль катализатора казачества приписывалась как прошлому, так и местному населению. На роль первого учеными, в частности, выдвигались: тюркское племя «черных клобуков», которое в древнерусское время обитало в пограничном со Степью Поросье; племя черкесов, или черкасов — ветви «черных клобуков», населявших Тмутаракань, а впоследствии мигрировавших с Предкавказья к Днепру, будто бы основав здесь Черкассы; жителей татарских колоний, образованных на Киевской земле при Владимире Ольгердовиче и Витовте, где тюркский элемент перемешался с местным населением.

В ответ на эти гипотезы некоторые сторонники местного происхождения казачества проводили параллели между казацким сообществом и киево-руськими вечевыми общинами, якобы превратившимися в литовское время в военно-служилые коллективы, подчиненные великому князю, однако сохранившие вечевой строй. По другой версии, корни казачества стоит искать в автономных общинах так называемых «болоховцев», которые после монгольского завоевания вышли из-под власти местных князей и приняли протекторат золотоордынских ханов, или среди «бродников» — славянского населения, проживавшего, согласно летописным упоминаниям, в низовье Дуная. Более гибкая тубильная гипотеза выводит начала казачества из сезонных ватаг обитателей Среднего Поднепровья, которые переезжали на уходы в Поле и низовье Днепра для рыбацкого и охотничьего промысла. Наконец, в советское время «уходническая» версия дополнилась классовым акцентом: согласно этой версии, появление казацкого пограничного населения объяснялось обострением социальных противоречий, будто бы подталкивавших крестьян к массовым побегам на свободные земли. Отрицая такое «окрестьянивание» проблемы, Сергей Лепявко справедливо отметил, что вплоть до конца XVI в. малоподвижные и привязанные к земле крестьяне никоим образом не могли служить базой для казачества, в отличие от военизированных мещан порубежных городов, и прежде всего от полупривилегированной прослойки бояр-слуг. Именно они, по мнению исследователя, составляли реальный резерв казачества как «группа риска», тождественная казачеству по своим военным функциям, а со временем и своими претензиями на «рыцарский» статус.

Как видим, даже краткий перечень мнений свидетельствует о спорности вопроса об истоках казачества. Историки XIX в. принципиально расходились в спорах о том, как расценивать казачество: то ли как органическое явление, выросшее из недр русской жизни, то ли как заимствованный феномен, отголосок тюркского мира. В XX в. этот аспект спора отступил на задний план, а преимущество получила идея местных корней казачества, рекрутировавшегося то ли из горожан-уходников, то ли из крестьян либо мелких бояр Среднего Поднепровья. Наконец, в последнее десятилетие все настойчивее акцентируется фактор так называемой Великой границы — промежуточной территории между оседлой (европейской) и кочевой (степной) цивилизациями, на которой нужды обороны обусловили появление типологически схожих военизированных групп: граничар в Хорватии, секеев и гайдуков в Венгрии, донских казаков в Московии, наконец, запорожских казаков в Великом княжестве Литовском. Идея Великой границы, как видим, также четко отделяет местное оседлое население от тюрков-степняков. В этом противопоставлении, думаю, не так много смысла, хотя бы потому, что живая история — это не расчерченная шахматная доска, и в жизни любого этноса едва ли найдешь явление, которое возникало бы самопроизвольно, не будучи опутанным множеством иногда непрямых и трудноуловимых посторонних влияний. Поэтому и в проблеме генезиса казачества целесообразно искать прежде всего баланс «своего» и «чужого», ведь именно из такого сплава родилось казацкое сообщество.

Строго говоря, тюркское и украинское казакование — это вещи разной генетической природы, объединяемые лишь наличием общего полигона — Поля. Казакование татар было порождено распадом родо-племенных отношений, из которых выламывались своевольные одиночки. Напротив, первые казаки-христиане, кажущиеся почти зеркальным отражением своих татарских коллег, являлись ранними носителями индивидуализма, противопоставленного государству и его контролю. Кроме того, военная сторожевая и разбойничья функции в славянском казаковании с самого начала дополнялись промыслово-хозяйственными занятиями на степных уходах, а вскоре и с пионерским земледелием. Последнее, совершенно чуждое кочевому миру, продвигало в Поле оседлый образ жизни, осуществляясь по собственной воле и инициативе, не только не нуждаясь в поддержке официальных властей, но и, наоборот, избегая их опеки.

С этой точки зрения казацкие ватаги XV в., безусловно, не были кардинальным нововведением. Их отдаленный аналог справедливо видят в полувоенизированном-полупромысловом славянском населении рубежа XII–XIII вв., которое упоминалось в летописях под именами бродников

и берладников, проживавших в понизовьях Дуная и Днестра в тесной близости к половцам и не подчинявшихся непосредственно княжеской власти. В битве на р. Калке в 1223 г. бродники вообще выступали на стороне монголов, что свидетельствует о прозрачности границы между ними и людьми Степи. Поселения в районе Днепровского Низа, в частности на острове Хортица, археологически датируемые XIII–XIV вв., исследователи также условно идентифицируют с «бродницкими». Их жители вели полувоенный-полумирный образ жизни, занимаясь рыболовством, охотой, лоцманством на торговых транзитных путях, а также, как и упоминавшиеся для XIV в. татарские казаки, конвоированием купеческих караванов. Весьма характерно то, что эти поселения были этнически смешанными, славяно-тюркскими. Во второй половине XIV в., вероятно с упадком Золотой Орды, они прекратили свое существование, и вплоть до конца XV в. Поле контролируют татарские казацкие ватаги, пока и те, в свою очередь, не растворяются среди казаков-славян.

Перед нами — будто бы гигантский маятник, где некоторая критическая масса соседства двух этносов, русьского и татарского, перемещается в пользу то одной, то другой стороны. В ее центре, на буферной порубежной полосе между кочевой и земледельческой цивилизациями, по собственным законам выживания существует этноконтактная зона, освоенная отчаянными авантюристами, представителями обеих сторон. Этот мобильный пояс-амортизатор не испытывает этнических и религиозных предубеждений. Ничьи люди на ничьей земле — вот главная суть «людей Поля», которые перенимают друг у друга одежду и еду, язык и обычаи, военные навыки и способы выживания. Политические изменения конца XV — первой половины XVI в., о которых будет идти речь далее, окончательно прибавляют степных разбойников к русьскому берегу. Вряд ли они к тому времени стали однородными по вере: даже намного позже, в 1578 г., королевский посланец писал о черкасских казаках, что они «религии преимущественно магометанской» (пусть это утверждение и навеяно экзотическим видом черкасских «молодцев», однако полностью пренебрегать им не стоит). Что же касается языка, то украинско-татарское двуязычие было в среде казачества достаточно распространенным явлением и в более позднее время, поэтому, без сомнения, оно имело место и тогда, когда тюркский компонент пограничных замков был еще достаточно значительным. Впрочем, по татарскую сторону границы также не существовало проблем с русьским языком: на нем написаны письма крымских ханов XV–XVI вв. великому князю литовскому, а некоторые татарские ханы свободно говорили по-украински. Заимствование же казаками-славянами бытовых реалий у своих татарских коллег убедительно доказывается и их

внешним видом, и изменением названий для обыденных, широко используемых понятий. Как и татары, казаки начали называть свои становища кошами, временные жилища куренями, колчан со стрелами сагайдаками, устья рек, в которых они занимались промыслами, сагами. Руський меч был заменен кривой татарской саблей, руськие гусли кобзой, порты шароварами, длинные славянские волосы — оселедцем. Своих молодых слуг они стали называть уже не отроками, а джурами, свои группы не дружинами, а ватагами; в военную атрибутику вошли тюркские понятия есаул, булава, бунчук, барабан, сурма, табор, майдан и т. п. Недаром турки называли запорожцев «буткалами», то есть смешанным народом.

Это не должно удивлять, потому что порубежная степная полоса, на которой сформировалось казачество, была не территорией «между Востоком и Западом», но органической частью Востока, где тюркские народы проживали веками и имели собственные государства, такие как ханство печенегов, Кумания, Золотая Орда, Крымское ханство, Ногайская Орда, Буджацкая Орда. Здесь, таким образом, кроме битв, происходили постоянные бытовые контакты между степняками и русинами — при переговорах, в торговле, в общении с захваченными с той и с другой стороны невольниками, особенно женщинами, становившимися женами и матерями среди чужого народа, по капле переливая в свои новые семьи элементы традиционной бытовой культуры этноса, из которого они вышли. Влияния на интеллектуальном или духовном уровне были гораздо меньшими вследствие христианско-исламского барьера, поэтому бытовое взаимопроникновение оставалось неосознанным, существуя само по себе, вне сферы письменной культуры. В ней, наоборот, военное противостояние и антимусульманская предубежденность к «бусурманам» создали устойчивый негативный стереотип, перенесенный в науку и изящную словесность нового времени с их своеобразной аллергией на тюркский Восток как символ абсолютной враждебности. Правда, при этом остается невыясненным, почему фамилии многих нынешних украинцев опираются на тюркскую языковую основу, почему каноничным в Украине считается совершенно неславянский тип красоты, а классика украинской фольклорной культуры — дума — является ярчайшим порождением азиатской модели мелоса.

В этом контексте едва ли правомерно считать появление казачества следствием извечного противостояния оседлого земледельческого быта с кочевой цивилизацией, как это обычно утверждается. Напротив, появление казаков — это своего рода компромисс с Полем, где сама жизнь создала эластичную буферную полосу, на которой соединились навыки выживания в Поле

с ориентацией на ценности оседлого мира. Казаки и татары, связанные счетами взаимных долгов, вошли в историю неразделимыми, словно аверс и реверс одной медали. Потому-то их войны и переходили так просто в военное сотрудничество, а обмен пленными и торговые контакты продолжались и во все непрерывно, на что, в частности, указывает весьма характерная пометка, которую приводит под 1572 г. современник Бартош Папроцкий. При впадении р. Конские Воды в Днепр, пишет он, имеется урочище Карайдубина — это «место сбора, или рынок, где татары и казаки осуществляют свои торги».

Крымское ханство — катализатор казатчины

Попыткам завоевать Поле, начатым при Витовте и Олельковичах, когда границы Киевского княжества достигали устья Днепра и Днестра, положили конец кардинальные перемены, наступившие в Причерноморье в середине XV в. после возникновения Крымского ханства. Завладев в эпоху завоеваний Батыея причерноморской Кипчацкой степью, татары распространили свой контроль и на Крым, где проживала пестрая смесь греческого, итальянского, половецкого, армянского и славянского населения. Постепенно оседая в степной части полуострова, татарские орды [племенные государства] приобретали все большую независимость от далекого приволжского Сарая — политического центра Золотой Орды, а ханские наместники становились все более самостоятельными. В конце концов одному из них, Хаджи-Гирею, удалось в 1428–1430 гг. положить начало собственному государству — Перекопской Орде, или Крымскому ханству.

Обретя независимость и престол при помощи великого князя литовского, Хаджи-Гирей до смерти († 1466 г.) пользовался поддержкой русьско-литовской верхушки в борьбе с так называемой Большой Ордой, которая претендовала на главенство над остальными новообразованными ханствами: Астраханским, Казанским и т. п. Союзнические отношения с Вильной поддерживал поначалу сын и престолонаследник Хаджи-Гирея — Менгли-Гирей I (1468–1514). Не получая, однако, достаточно активной помощи ни от Казимира IV, ни от его преемников, крымский хан начал искать союзников в Москве, противнике Вильны. Первыми следствиями этой губительной для Великого княжества Литовского и Польского королевства переориентации стали опустошительные походы крымчаков в 1474 г. на Галицкую Русь и Подолье, а в 1482 г. на Киевскую землю. Эти походы были осуществлены по просьбе Ивана III, который обещал Менгли-Гирею поддержку в борьбе с Большой Ордой в обмен на опустошение земель «вопчего нашего недруга короля».

В частности, в сентябре 1482 г. хан до основания сжег Киев, взяв штурмом замок, пленил множество людей и самого киевского воеводу с семьей, ограбил киевские храмы и с огромной добычей вернулся в Крым, отправив в Москву в знак союзнической верности золотую чашу и дискос [тарель], вывезенные из Софийского собора. Киевский погром 1482 г. открывает драматичную цепь опустошительных походов Менгли-Гирея, его сыновей и беев [вельмож] в Поднепровье, Подолье, Волынь, Галичину, Малую Польшу, Белоруссию, даже далекую занеманскую Литву. До середины 1530-х гг. такие походы проходили практически ежегодно. Вот мрачная хронология первых двадцати лет этого степного урагана: 1485–1487 гг. (Подолье), 1488 г. (Подолье), 1489 г. (Киевская земля, Малая Польша), 1490 г. (Волынь и Галиция), 1493 г. (Киевская земля), 1494 г. (Подолье, Волынь), 1496 г. (Волынь), 1497 г. (Волынь, Киевское Полесье, Брацлавская земля), 1498 г. (Галиция, Подгорье, Подолье), 1499 г. (Белзское воеводство, Подолье, Брацлавская земля), 1500 г. (Берестейская земля, Киевская земля, Волынь, Галиция, Малая Польша), 1502 г. (Волынь, Берестейская земля, Галиция, Малая Польша, Покутье), 1503 г. (Чернигово-Северская земля, Полесье, Подолье, Покутье), 1505 г. (Белоруссия, Литва, Берестейская земля, Подолье, Галиция).

Выше перечислены только самые крупные походы, а случались еще и набегии более мелких татарских отрядов (чамбулов), которые, продвигаясь в глубь страны, сметали все живое на своем пути. Именно во времена Менгли-Гирея сложилась унижительная практика платы Польшей и Великим княжеством Литовским ежегодной дани («упоминков») крымскому хану, что должно было, по идее, удерживать крымчаков от нападения, хотя на самом деле удерживало не всегда. Ведь экономической основой созданного Гиреями государства являлся грабеж соседей и захват пленных (ясырь), которых продавали на известных еще со времен Золотой Орды невольничьих рынках Кафы, а со временем также в Карасубазаре и Аккермане. Ханское войско, представлявшее собой всеобщее ополчение свободного мужского населения (обязанность службы лежала на всех мужчинах в возрасте от 14–15 лет), было идеально приспособлено для молниеносных перемещений. Отправляясь в поход, татарский воин брал с собой трех-четыре коней, пересаживаясь с одного на другого на скаку, что позволяло преодолевать за день до 100 км, то есть было недостижимым ни для одной из европейских армий рекордом. Кроме того, каждый татарин, отправляясь в поход, обязательно вез трех-четырёхмесячный запас сушеной пищи, поэтому войско никогда не было обременено обозом. Ко всему прочему, татары не использовали артиллерию (и вообще не любили и боялись огнестрельного оружия, полагаясь лишь на стрелы и саблю), что придавало их войску еще большую маневренность.

64. Татары уводят пленных. Дереворит из венгерской хроники 1488 г.

Что же касается походов за пленниками, то их тактика была отработана до автоматизма и основывалась на молниеносности нападения, продуманном разделении на малые отряды и отступлении врассыпную, что невероятно затрудняло преследование. Численность захваченных пленников зависела от типа похода. Жертвами общего похода Орды, возглавляемого самим ханом или кем-то из его братьев, становилось до 5 тысяч человек; средние походы войск в несколько тысяч, которые назывались «чапул» (отсюда чамбул), приносили охотникам за головами около 3 тысяч пленников. Типичные грабительские набеги мелких отрядов, так называемых беш-баш [дословно: «пять голов»], чаще всего практикуемые Ногайской Ордой без ведома крымского хана, уводили в неволю по 200–300 человек.

Следствием погромов, которых Русь не видела со времен Батыея, стали огромные хозяйственные опустошения и потери в людях, физически уничтоженных или захваченных в плен. За несколько десятилетий русские земли превратились в главный источник снабжения рабами невольничьих рынков Крыма и Стамбула, где их продавали, как свидетельствуют очевидцы, партиями по десяти связанных за шею человек в самые отдаленные места Передней Азии. В 1548 г., рассказывает посол великого князя литовского, какой-то еврей-меняла в Перекопе спрашивал его, удивляясь бесконечному числу пленников, пригоняемых с севера: «Остались ли еще люди в ваших землях или нет и откуда их там берется так много?»

В последней четверти XV в. перед Великим княжеством Литовским и Польским королевством впервые вблизи предстала и другая грозная сила — турки. Взятие Константинополя (1453 г.) и утверждение на Балканах, где на землях бывших византийских владений были созданы провинции турецкой Румелии, развязывало руки турецким султанам. После греков, болгар и сербов настала очередь ближайших соседей Руси — Крыма и придунайских княжеств. Молдавия и Валахия были обращены в вассалов-данников Османской империи, а в 1475 г. султан Мехмед II Фатиг [Завоеватель] осуществил молниеносный морской поход на Крым, предварительно заточив в тюрьму хана Менгли-Гирея в одной из крымских крепостей. Главной целью похода был захват Кафы [в настоящее время Феодосии] — столицы генуэзской колонии, существовавшей в Крыму с 1260-х гг. После падения Кафы к султану перешли и другие торговые города побережья, подчинявшиеся ей: Матрега [Тамань], Воспро [Керчь], Мапа [Анапа], Чембало [Балаклава], Согдея, или Сурож [Судак]. Освобожденному из заключения Менгли-Гирею не оставалось ничего, кроме как признать себя в 1478 г. вассалом султана, причем в Стамбуле должны были всегда находиться в роли заложников ближайшие родственники хана, а в прямое подчинение турецкой администрации переходила прибрежная черноморская полоса от Балаклавы до Керчи с центром в Кафе, где разместилась резиденция султанского наместника.

Десятью годами позже Турция вытеснила Молдавию из портов-крепостей Килии в устье Дуная и Аккермана [Белгорода] в устье Днестра. Показательно, что походы крымчаков в глубь Польского королевства и Великого княжества Литовского совпали с активизацией турок в Дунайско-Днестровском междуречье, символизируя начало противостояния, которому было суждено растянуться на три последующих века.

Рыцари христианства в мусульманском платье

Разрушительному татарскому нашествию литовские и польские власти не могли ничего противопоставить. Небольшие пограничные замки, в которых население округа могло переждать очередное нападение, не удовлетворяли нуждам масштабной обороны. В казне Великого княжества не хватало средств для содержания регулярного войска на пограничье, а поочередные «польные сторожи» бояр, которые разъездами стерегли татарские пути и переправы, могли остановить продвижение мелких татарских ватаг, но не ханской армии. Немногим лучше выглядела и оборона южных границ Польского королевства, где с конца XV в. правительство содержало наемные конные отряды,

численность которых составляла тысячу-две воинов, то есть была также очевидно малой. А сбор шляхетского ополчения против набегов требовал времени, которого не теряла зря быстрая конная Орда. Поэтому отдельные громкие победы над татарами (например, в 1512 г. под Вишневецом на Волыни или в 1527 г. на р. Вильшанице на Киевщине) не решали проблемы.

Следовательно, главная ответственность за безопасность юго-восточных окраин фактически перекладывалась на инициативу и личную изобретательность пограничных администраторов. В Великом княжестве Литовском к ним принадлежали, кроме киевского воеводы, каневский, черкасский и винницкий замковые наместники (старосты), а в Польском королевстве — каменецкий, хмельницкий и барский старосты, каменецкий каштелян, то есть комендант замка и замкового гарнизона Каменец-Подольского, и так называемый «коронный стражник», в чьи обязанности входила организация сторож и разведок на татарских путях, а также оповещение местного населения о приближении опасности.

В таких обстоятельствах своеобразный «пограничный спорт», который до того проявлялся в «луплении» татарских купцов и чабанов казацкими ватагами, начал приобретать существенно иной смысл. Эпизодические столкновения постепенно перерастали в непрерывную партизанскую войну, которая сначала проявлялась в погоне за татарскими чамбулами с целью отбить пленников, а затем и в карательных походах в глубь ханской территории. Инициаторами таких экспедиций, а часто и их непосредственными вожаками были пограничные урядники, которые собирали и финансировали отряды воинов, широко привлекая к своим военным действиям казачество. Так, уже под 1508 г. упоминается победа над татарами одного из киевских администраторов — Семена Полозовича, которого позднейший хронист называет «Полоз Русак, славный казак». В 1516 г. хмельницкий староста Предслав Лянцкоронский (которого со временем легендарная традиция прославила как первого «запорожского гетмана») осуществил поход на Очаков;

65. Султан Мехмед II
Фатиг. Портрет Джентиле
Белини конца XV в.

рассказывали, что он «прошел всю Европу, побывал также в Иерусалиме и в разных варварских краях и там хорошо обучился военному искусству».

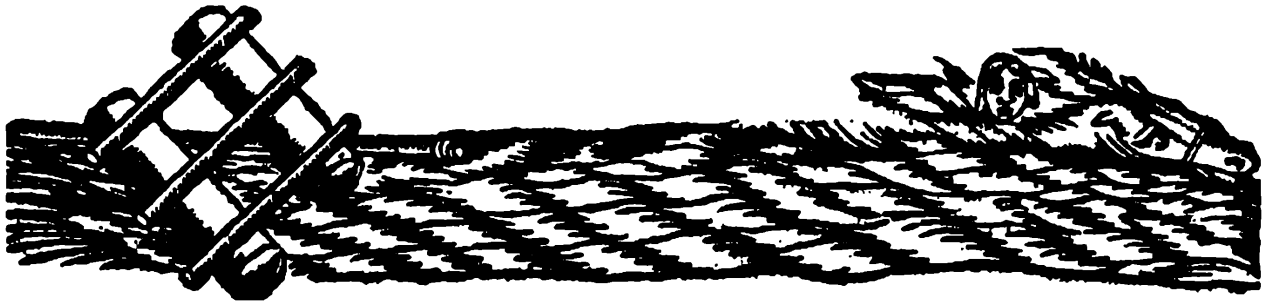
В 1520-х гг. тот же Семен Полозович вместе с черныбыльским наместником Криштофом Кмитичем, «собравши малый почот козаков, на Низ Днепром до Киева и далее до Тованя ходили», где в течение недели выдерживали ожесточенный бой, не пропуская татар через переправу.

Ведущую роль в организации казачества как профессионального военного сообщества более поздняя легенда приписывает каневскому и черкасскому старосте в 1514–1535 гг. Остафию Ивановичу Дашковичу. Эта фигура ярко отражает полутатарский-полурусский колорит тогдашнего Поднепровья. Вероятнее всего, как и множество других родовитых киевских панов, Дашкович имел тюркские корни и органично вписывался в военные законы Поля, то осуществляя походы во главе татарских отрядов против Московии, то воюя с казаками против татар и расправляясь с противником в духе жестоких обычаев своего времени. Один из современников описывает его следующим образом:

Его лицо, вся его наружность и одежда, — все было чисто татарским. Он знал их язык и, часто ходя в разведку, оставался неузнанным в их лагере. Его принимали за татарина, и благодаря этому, узнав об их делах, он разбивал их вдребезги, а посланцам татарским, высланным к нему, учинял страшный позор, сажая на кол в степях в тех местах, где проходили татары.

Из наиболее громких экспедиций Дашковича стоит упомянуть участие в походе Предслава Лянцкоронского в 1516 г. на Очаков и Белгород; в 1523 г. он осуществил собственное нападение на Очаков, когда крепость была взята штурмом и сожжена, а в 1528 г. — повторное нападение на Очаков (вместе с Лянцкоронским). В 1532 г. Дашкович оборонял Черкассы от крымского хана Саадат-Гирея, который пытался овладеть городом с помощью турецкого корпуса янычар, а после безуспешной осады пригласил храброго русина на пир, где, как рассказывает хронист, они «побратались». Впрочем, с предшественником Саадат-Гирея, Менгли-Гиреем, Дашкович в 1521 г. также вполне «по-братски» ходил на Москву и Казань, что можно считать первой из известных совместных казацко-татарских военных акций.

Сколько казаков привлекал Дашкович к боевым операциям, видно, в частности, по тому, что казацкий отряд, принимавший участие в его последнем походе 1535 г. на территорию Московии, насчитывал три тысячи.

66. Татарская переправа через реку. Рисунок Гийома Левассера де Боплана в его книге «Description d'Ukraine» (Руан, 1660)

В 1533 г., приглашенный на сейм Польского королевства, Дашкович изложил свой проект организации регулярной пограничной службы. Согласно ему, одна группа казаков должна была бы на чайках (лодках-долбленках) нести караул около днепровских переправ, а вторая стеречь татарские пути конными разъездами. А на островах ниже порогов опытный воин советовал соорудить несколько крепостей (вскоре именно эту часть проекта реализует князь Дмитрий Вишневецкий на острове Хортица). Сейм одобрил проект, но по нехватке средств он не был реализован. Впрочем, также не осуществились и два предыдущих плана, когда Сигизмунд I в 1524 г. поручил Семену Полозовичу и Криштофу Кмитичу завербовать казацкий отряд для похода в низовье Днепра, а в 1525 г. вынашивал замысел укрепить границу отрядом казацкой сторожевой милиции численностью в одну-две тысячи.

Услугами казаков пользовались урядники польской пограничной полосы — уже упомянутый хмельницкий староста Предслав Лянцкоронский, его старший брат каменецкий староста Станислав, коронные стражники Якуб Струсь и Николай Сенявский, ротмистры пограничных конных рот Ян Сверчовский, Якуб Сецигинёвский, Юрий Язловецкий. В 1540 г. барским старостой (в Баре находилась резиденция пограничных рот) стал шляхтич немецкого происхождения из Силезии Бернард Претвич [Pretfic], который вплоть до смерти (†1561) неутомимо и доблестно осуществлял сторожевые рейды вдоль подольского пограничья, то гоняясь за татарскими ватагами по Полю с целью освобождения захваченных пленников, то организовывая собственные карательные экспедиции под Килию, Аккерман, Очаков и даже в Крым. Современники считали его непревзойденным героем пограничья — «стеной подольских краев»; говорили, что, пока был жив Претвич, татарские пути «заросли травой», так как степной рыцарь за неполный 21 год своего управления в Баре 70 раз вступал в битвы с татарами и столько же раз побеждал.

Связи Претвича с казаками в документах того времени отражены скорее намеками: то он предлагает выставить сторожевые отряды, подразумевая «лежание на Поле между путями, именуемым казачеством»; то отправляется в очередной поход, оставляя вместо себя в Баре отряд во главе со «старшим казаком»; то почти открыто руководит казацким нападением на Очаков в 1545 г., хотя публично и отрицает это. За этой двусмысленностью (которая осознавалась уже современниками, прямо указывающими на то, что Претвич воюет с казацкой помощью) крылась высокая политика. С 1540-х гг. казацкий вопрос начал впервые играть дестабилизационную роль во взаимоотношениях Польского королевства и Османской империи. Казакование, то есть партизанские войны в Поле, было серьезным поводом для конфликта, которого польское правительство пыталось избежать, справедливо остерегаясь военного столкновения с могущественными османами. В официальных ответах на протесты крымчаков и турок регулярно звучит отговорка, будто бы инициаторы очередных вылазок — это «своевольные люди, степной сброд, казаки с Поля, не имеющие постоянного жилища, живущие как дикие звери в полях, грабежом, не подчиняясь ни одной управе, потому их невозможно поймать и наказать».

Королевские послы и секретари, конечно, лукавили, хорошо зная, кто на самом деле стоит за казацкими ватагами, вооружая и снаряжая их в походы и на штурмы ханских крепостей, обходившиеся слишком дорого, чтобы быть по карману «степному сброду». В 1530-х гг. за экспедициями такого рода выразительно просматривается фигура винницкого и брацлавского старосты князя Семена Пронского, в 1540-х — его преемников на посту старосты князей Федора Сангушко и Богуша Корецкого (Претвич, описывая один из своих походов, называет последнего своим «есаулом»). На протяжении 1550-х гг. казаками руководят черкасский староста князь Дмитрий Сангушко и князь Дмитрий Вишневецкий, о котором более подробно речь пойдет далее. «Казаковали», как уже говорилось, и подольские и галицкие магнаты — Лянцкоронские, Язловецкие, Сенявские, Струси. По их протекции, а часто и при личном участии казаки ходили и в Поле, и в татарские улусы, и на Очаков.

Под воздействием крымской агрессии промысловая инициатива простонародья, еще совсем недавно бывшая главной целью казакования, постепенно отступает на второй план, а на первое место выдвигается борьба с набегами. Вооруженное казакование разрасталось за рамками контроля правительства, втягивая все больше бояр, шляхтичей и мещан из пограничных городов. Чтобы избежать конфликта с Османской империей, правительство уже в 1540-х гг. пытается ввести первые штрафные санкции за вылазки в татарские улусы,

на что у пограничных урядников всегда под рукой имелся ответ: они не нападали, а оборонялись или пытались упредить нападение (хотя только одному Полю было известно, как оно было на самом деле).

Впрочем, карали героев пограничья достаточно символично, потому что общие симпатии склонялись в их пользу. Главным фоном для этого служили антитурецкие настроения, которые с конца XV в. надолго стали одной из определяющих тем европейской публицистики, особенно на землях, соседствующих с Османской империей. К примеру, только библиография произведений и трактатов антитурецкой направленности в европейской литературе XVI в. насчитывает около 2,5 тысячи названий. Что и не удивительно: султанские погромы на Балканах, в Болгарии и Венгрии, поглощение нескольких христианских государств, гибель тысяч людей не могли не получить резонанса. Ненавистью и страхом пропитана «турецкая тема» и в словесности Польши, для которой в конце XV в. османская угроза тоже стала актуальной. Антиисламские мотивы питают поэзию, хроники, ученые трактаты и публицистику. Много внимания уделяется мероприятиям, направленным на отторжение турецкой опасности, и здесь свое логическое место находит фигура казака — христианского рыцаря, находящегося на переднем крае противостояния.

«Терпя голод и нужду, стоит он, будто мужественный лев, занеся десницу, и жаждет лишь кровавой беседы с неверными», — напишет в 1575 г. Бартош Папроцкий о казаке-князе Богдане Ружинском в книге «Паноша, или прославление панов и панят руських и подольских земель». Героизированный образ казака как христианского рыцаря сформировался не сразу. Например, в труде краковского интеллектуала Мацея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», напечатанном в 1517 г., казаки еще изображены традиционно: этим словом, говорит Меховский, «называют простолюдина, подданного, пешего или конного бродягу». Но уже в изданной в 1558 г. в Кракове книге Эразма Глигнера мы сталкиваемся с совершенно противоположным отзывом:

Казачество, о котором пекутся достойные и умелые люди, бьет и побеждает неприятелей-татар, грубых варваров, как это было раньше и есть теперь при Претвиче, князе Вишневецком, Прокопе Сенявском и других, поистине совершенных и знаменитых геркулесах... Как школы нужны для обучения, так казаки — для обороны границ. Только тогда или лишь до того времени будет процветать Польша, пока в ней будут добрые казаки.

На 1570-е гг. приходится появление нескольких сборников в Западной Европе, которые послужили основанием для кристаллизации образа

воинственного казака как защитника христианского мира. С симпатией описывает казаков, выносливых мужественных степных воинов, Ян Красинский в трактате «Polonia», изданном в Болонье в 1574 г. Основную заслугу в победах валашского воеводы Ивони над турками приписывает казакам Леонард Горецкий, чья книга «Описание войны Ивони» вышла в 1578 г. во Франкфурте-

на-Майне. В том же году труд Горецкого был переведен с латыни на немецкий и напечатан в Базеле. Его переводчик Генигер внес в текст обобщающие названия эпизодов, многие из которых красноречиво подчеркивают ведущую роль казаков в войне с турками, например: «Падение врага под ударами казаков»; «Казацкая победа и четвертое поражение турков» и т. п.

О храбрости и воинственности казаков повествует в своем «Описании Европейской Сарматии» (Краков, 1578) Алессандро Гваньини; по его словам, казачество «почти непрерывно воюет с перекопскими татарами, осуществляя нападения на их земли и забирая их табуны и все то, что можно найти в том крае». Впрочем, экзотика самого Поля, а также сходство

одежды и внешнего вида казаков и татар иногда создавали курьезную путаницу. Горецкий в упомянутой «Полонии», описывая военную тактику татар, приписывает ее казакам. Андре Теве, автор «Всемирной космографии» (Париж, 1578), характеризует «днепровских черкасов» (так он называет казаков) вообще как мусульман, среди которых «нет ни одного христианского пристанища».

Запорожская Сечь князя Байды-Вишневецкого

Изменения, накапливавшиеся на протяжении первой половины XVI в. и в образе жизни, и в общем представлении о степном разбойнике-казаче, самой логикой собственного развития подталкивали организационное оформление казачества в сообщество, которое способствовало бы выживанию человека в условиях постоянной опасности. Изменчивый ритм жизни, когда каждую секунду нужно было быть готовым к риску, полагаясь лишь на собственное мужество и милость Божью, требовал иных форм социального группирования, внутреннего закона и порядка, отличных от тех, которые предлагались институтами стабильного мира. Поэтому фундаментальные

«законы» казацкого сообщества, сложившиеся в середине XVI в. и достаточно известные по примерам более позднего времени, просто не могли быть другими — иначе не выжило бы само сообщество. Во-первых, это должна была быть группа равных, в которой преимущество отдавалось физической силе, выносливости и быстрой реакции в случае опасности, а не родовитости или состоятельности. Далее, казацкое сообщество не должно было разделяться на «своих» и «чужих» по этническому или какому-то другому признаку (что характерно для стабильного общества того времени), поскольку его членов объединяла высшая общность «мы», противостоявшая угрозе извне. Наконец, чувство принадлежности к «мы» должно было абсолютно подавлять каждое конкретное «я», потому что только это и обеспечивало защиту; таким образом, авторитет вожаков зависел прежде всего от их способности исполнять коллективную волю группы, что гарантировало необходимое в экстремальных условиях единство для достижения цели.

Модель такой замкнутой группы характерна для архаичных корпоративных союзов и мужских воинских братств. Следы глубокой древности действительно заметны во многих внутренних обычаях казацкого сообщества, например: замене крестного имени новым, употребляемым в коллективе (ср. знаменитые казацкие прозвища); способе принятия решений методом «общего согласия», когда оппонентов просто убивают; запрет на допуск женщин к месту пребывания коллектива; практике, согласно которой новички должны обязательно пройти обучение на Сечи (инициацию), живя вдали от человеческого общества и участвуя в походах, то есть в войне и грабеже.

Толчком к объединению распыленных ватаг и общинок в сплоченный коллектив упомянутого типа стало появление яркого лидера, обладавшего и реальным (имущественным), и харизматичным (для Руси, княжеским) потенциалом. Этим требованиям идеально соответствовал авантюрный христианский герой-рыцарь, князь Дмитрий Вишневецкий, который вошел в Историю под казацким прозвищем Байда [по-татарски «беззаботный человек»].

Среди тех представителей общественной элиты, которых толкала в Поле жажда приключений и рыцарской славы или личные честолюбивые устремления, князь Вишневецкий, по образному выражению Михайлы Грушевского, пролетел особенно «блестящим, лучезарным метеором по украинскому небосклону». Родился князь Дмитрий в Вишневце на Волыни, в родовом гнезде князей Вишневецких. В 1550 г. его как заметную фигуру украинско-татарского пограничья впервые упоминает в своей речи на сейме Бернард Претвич; в 1552 г. они вдвоем осуществили поход под Очаков. Тогда же,

в начале 1550-х, Вишневецкий строит укрепления на острове Хортица за порогами, объединяя вокруг себя казаков. Эти укрепления (по последним археологическим исследованиям, деревянные) и есть, собственно, первая Запорожская Сечь.

За два с половиной века существования Сечи место ее расположения менялось семь раз, однако она всегда оставалась символом казацкого единства, о чем казацкая пословица говорила так: «Сечь — мать, Великий Луг — отец, там и нужно помирать».

С лета 1553 по весну 1554 г. Вишневецкий, как писали современники, «со всей своей ротой, то есть со всем казачеством и хлопством, которое он держит подле себя» выезжал по неизвестным ныне причинам в Турцию, а возвратившись, в знак прощения и королевской милости получил титул «стражника на Хортице» (по аналогии с упоминавшимися выше коронными стражниками). На протяжении 1556 г. его отряд осуществил два похода на татарские крепости в низовье Днепра Исламкерман и Очаков, при этом первая из них была сожжена, а ее пушки были вывезены на Хортицу.

В ответ хан Девлет-Гирей подступил в январе 1557 г. к острову, держал казаков 24 дня в осаде, но взять крепость не сумел. Второй поход на «Думитрашка», как называют князя Дмитрия турецкие источники, Девлет-Гирей осуществил в конце лета того же года, окружив Хортицу турецкими лодками, поэтому князь со своими казаками был вынужден отступить в Черкассы.

Тщетно ожидая здесь поддержки от великого князя литовского, он в ноябре 1557 г. выехал, или, как тогда говорили, «сошел», вместе со своим отрядом в Московию, где был принят весьма ласково, получив от царя Ивана IV Грозного «в отчину» г. Белев, несколько сел в Подмосковье, а также 10 тысяч рублей в подарок по случаю приезда — огромную по тем временам сумму. В качестве московского воеводы князь осуществил несколько походов против татар; в частности, только в 1559 г. трижды нападал на турецкую крепость Азов в устье Дона. Однако уже с весны 1560 г. началось охлаждение его отношений с царем, усугубленное отказом поддержать новый поход на Азов. Кроме того, надвигалась война между Московией и Великим княжеством Литовским (военные действия начались в 1561 г.), следовательно, Вишневецкий оказывался в положении изменника: согласно законам Великого княжества, его жители не могли находиться на территории государства, находящегося в состоянии войны с Княжеством. Поэтому уже осенью 1560 г. Вишневецкий тайно обратился к великому князю Сигизмунду Августу с ходатайством о возвращении, а в сентябре следующего 1561 г. вместе со своей неизменной казацкой свитой прибыл домой.

Предполагают, что сразу после возвращения, в 1562 г., он начал строить новую крепость на Монастырском острове перед порогами [в настоящее время в составе г. Днепропетровска], однако она не была завершена, потому что уже в начале 1563 г. Вишневецкий вместе с казаками отправился в поход в Молдавию, где именно тогда началась династическая война. Князя Дмитрия как свояка молдавских господарей Деспотов (согласно новейшим гипотезам историков, он был внебрачным сыном господаря Петра (?) Рареша и Марии Бранкович, впоследствии выданной за Ивана Вишневецкого) одна из боярских группировок пригласила занять престол. Потерпев поражение под Верчиканами [в настоящее время Сучавский уезд в Румынии] от другого претендента, Штефана Томши, князь попал в плен. После короткого заключения в Сучавском замке бояре отослали пленника в Стамбул, где по приказу султана Сулеймана I Великолепного 22 октября 1563 г. он был сброшен на крюки с крепостной стены в одном из стамбульских кварталов — Галате. Как пишет очевидец, генуэзский дипломат Грилло, в ходе трехдневных пыток ему отсекали руку и ногу, «а потом, поскольку князь Дмитрий непрестанно проклинал магометанскую веру, убили стрелой».

Героическая смерть Дмитрия Вишневецкого уже в восприятии современников превратилась в символ победы христианского духа над исламом. По горячим следам история о смерти Вишневецкого пересказывалась, обрастая фантастическими подробностями, а первую элегию о гибели князя буквально через несколько недель после его казни написал проживавший тогда в Сучаве немец Йоган Зоммер. В памяти потомков легендарный князь превратился в героя знаменитой баллады о гуляке-казачке Байде. Подвешенный за ребро в Царьграде и испытываемый предложенными султаном почестями, Байда проявляет высшие казацкие добродетели — презрение к роскоши, покупаемой изменой, и пренебрежение к физическим мукам и смерти. На самом деле неизвестно, действительно ли Вишневецкого называли в казацкой среде Байдой, но тот факт, что он не был женат и почти 20 лет провел в военном мужском окружении, указывает на казацкий образ жизни.

Между гибелью Дмитрия Вишневецкого и первым правительственным мероприятием 1572 г., направленным на оформление казацкого войска (об этом речь пойдет далее), прямых упоминаний о существовании Запорожской Сечи нет. Однако некоторые свидетельства наталкивают на мысль, что организационная инициатива казака-князя имела продолжение. В начале 1570-х за порогами, на островах Хортица и Базавлук, отмечается существование «острогов» (укреплений), в которых располагались казацкие «коши» — опорные пункты казацких ватаг. И когда десять лет спустя за пороги в поисках

поддержки казаков прибыл малопольский магнат Самуил Зборовский, то, как описывает это событие по свежим следам его слуга Бартош Папроцкий, казаки, избрав Зборовского «гетманом», вручили ему булаву и заявили: «Передаем тебе это оружие более давних здешних гетманов, счастливо правивших нами, на добрую славу».

Эти слова едва ли можно относить напрямую к «гетманам», но косвенно они подтверждают, что запорожское сообщество (оно, кстати, уже в 1580-х гг. именуется «сечевым») сохранило какие-то организационные формы, введенные Дмитрием Вишневецким.

РАЗДЕЛ IV

УКРАИНА-РУСЬ —
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
«ДВУХ НАРОДОВ»

В этот день, 1 июля 1569 г., на сейме в Люблине свершилась уния с Литвой, начало которой было положено много лет тому назад еще при короле Ягайло... Король Август в костеле бернардинов в Люблине лета Божьего 1569 благодарил Бога в сопровождении изысканного пения «Тебя, Боже, хвалим».

Такой возвышенной записью сопровождал упоминание о Люблинской унии безымянный шляхтич с польско-украинского пограничья в своей семейной хронике, переполненной заметками о болезнях родственников и будничных хлопотах. Пройдет три четверти века, и коронный гетман Станислав Конецпольский, осматривая в 1638 г. еще не остывшее поле боя с казаками-повстанцами, сокрушенно подытожит: «Вот и уния, лежит Русь с Польшей». Акт, совершенный по согласию дедов, щедро окропили кровью уже их внуки, на многие века превратив унию в рубеж, разделивший украинцев и поляков. Начало взрывной динамике неполных ста лет, на протяжении которых согласие переросло во вражду, отозвавшуюся кровавыми рубцами в перечне взаимных обвинений, было положено двумя униями — межгосударственной Люблинской 1569 г. и церковной Брестской 1596 г. С обзора этих событий мы и начнем этот раздел.

1. Люблинская уния и первые десятилетия после унии

Люблинский сейм 1569 г. стал реализацией намерения, пробивавшего себе дорогу без малого два века и направленного на объединение двух соседних государств — польского и литовско-русского. Ведь в ходе предшествующих попыток, начиная с 1385 и заканчивая 1501 г., уния обсуждалась и даже подписывалась целых восемь раз верхушкой обоих государств, но дело не заходило дальше

династической унии, когда во главе Польского королевства и Великого княжества Литовского находился общий правитель из династии Ягеллонов: Казимир Ягайлович (†1492), его сыновья Александр (†1506) и Сигизмунд I (†1548), а также сын последнего Сигизмунд II Август (1548–1572). Превращение династической связи, установленной Кревским актом в 1385 г., в реальную федерацию без преувеличения имело судьбоносное значение для польского, литовского, белорусского и украинского этносов, чья судьба отныне оказалась связанной с новосозданным государством, одним из наиболее крупных государств тогдашней Европы — Речью Посполитой, просуществовавшей до конца XVIII в. Поэтому для начала обратимся кратко к тем событиям, которые предшествовали унии и подталкивали, пусть и вынужденно, обе соседние страны ко взаимному сближению.

Привлекательность унии

Первым толчком к объединительному движению, заложенному Кревским актом 1385 г., стала внешняя для обоих государств угроза со стороны рыцарей-крестоносцев. Даже триумф в Грюнвальдской битве 1410 г., в которой объединенные силы Польши, Литвы и Руси разгромили Тевтонский орден, не устранил ее полностью. Окончательно она утратила актуальность только в 1466 г., когда обессилевшая Пруссия признала верховенство польского короля. Однако почти одновременно, с последней четверти того же века, на восточных рубежах Великого княжества Литовского появился новый мощный противник — Московия, где во второй половине княжения Ивана III (1462–1505) были провозглашены далекоидущие намерения относительно «собрания русских земель». В затяжных войнах, продолжавшихся на протяжении 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537 гг., Великое княжество Литовское постепенно потеряло почти треть своего восточного порубежья — от верховьев Оки и Днепра на севере до среднего течения Десны на юге, в том числе Чернигово-Северскую землю и такой стратегически важный торговый пункт, как Смоленск. В правление Василия III (1505–1533), сына Ивана III, Московия, расширившаяся за счет завоеваний в Приуралье, Прикамье и Зауралье, превратилась в централизованное и в высшей степени боеспособное государство. Параллельно с ростом государственной территории здесь все более настойчиво обосновывалась концепция династической преемственности московских правителей от древнекиевских Рюриковичей, что, в свою очередь, порождало идею о патримониальном праве на все русские земли, и прежде всего на «первопрестольный Киев, вотчину извечную

государя нашего». Свое наиболее полное выражение эта идея, уже заложенная в принятом Иваном III титуле «государя всея Руси», получила в известной формуле псковского монаха Филофея 1510 г.: «Две Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», освящавшей претензии Москвы — «третьего Рима» — на византийское (а следовательно, и киевское) наследие.

Тем временем промосковские симпатии части православной верхушки Великого княжества Литовского, время от времени проявлявшиеся на протяжении XV в. и в последний раз напомнившие о себе в восстании князя Михаила Глинского 1508 г., окончательно выветрились как под влиянием затяжных войн, так и в результате того, что модели устройства двух государств в XVI в. оказались слишком непохожими. В Великом княжестве Литовском все более заметен был дрейф в сторону ограничения власти великого князя шляхетским самоуправлением и сословными свободами, итог которому подвели уже упомянутые реформы 1564–1566 гг. Напротив, в Московии утверждалось авторитарное правление, которое приобрело признаки извращенного террора после того, как в 1564 г. царь Иван IV Грозный ввел опричнину.

Ощущение угрозы со стороны «московского тирана», как называли Ивана IV публицисты-современники, особенно обострилось с началом очередной войны с Московией — Ливонской, с перерывами продолжавшейся с 1562 по 1583 г. Военные неудачи, прежде всего потеря Полоцка, взятого царским войском в 1563 г., усугублялись слабостью русско-литовской армии, внутренними разногласиями в верхах, тяжестью экономически изнурительной войны. Выход из трудного положения русско-литовская шляхта видела лишь в приобретении надежного союзника для борьбы с Московией, и именно шляхта уже в 1562 г., на посполитом рушении* под Витебском, сформулировала требование «возобновления унии». Это требование активно поддержали и поветовые послы, собравшиеся на Виленском сейме 1563 г. С этого момента начались переговоры верхушки Великого княжества и Польского королевства об условиях унии.

Для украинских земель участие Великого княжества Литовского в Ливонской войне обернулось еще большей беззащитностью перед нападениями татар. Архаичная система обороны пограничья, основанная на так называемой «польной стороже» небольших боярских отрядов, нуждалась в коренной реорганизации. Незамедлительного расширения и укрепления требовали также великокняжеские замки, расположенные на южной порубежной линии в Каневе, Черкассах, Звенигороде, Виннице, Брацлаве. Однако ни достаточного

* Ополчение шляхты. — *Примеч. перев.*

резерва человеческих сил, ни средств для таких масштабных работ у местной элиты не было, как не было и надежды на то, что государство, обессиленное непрерывными войнами с Московией, окажет ей в этом помощь.

Наконец, к сближению с Польским королевством подталкивала не только внешняя угроза, но и внутренняя ситуация в государстве, где начиная с 1540-х гг. продолжалась упорная борьба боярско-шляхетского сословия, направленная на эмансипацию шляхты от магнатской верхушки. Желанным

образцом для первой служило бурное развитие шляхетских вольностей в соседнем Польском королевстве. Поэтому, если высшая аристократия Великого княжества Литовского противилась унии, не без основания усматривая в ней акт политического самоубийства, рядовая шляхта воспринимала перспективу объединения с энтузиазмом, так как надеялась улучшить собственное положение, следуя польскому образцу.

Полонофильские настроения усиливались также благодаря тому подъему, который переживало Польское государство в XVI в., особенно в период правления Сигизмунда II Августа (1548–1572), получивший название «золотого века» Польши — времени наивысшего расцвета ее политической культуры. Действительно, Польское королевство в середине XVI в. было едва ли не единственным островком гражданского мира и внутреннего согласия на фоне кровавых конфликтов,

бурливших в тогдашней Европе, таких, например, как Религиозные войны во Франции, разгул инквизиции при Филиппе II в Испании, жестокое преследование протестантов Марией Тюдор «Кровавой» в Англии, реформационные войны в Германии, опричный террор в Московии. Православным и протестантам Великого княжества не могла не импонировать конфессиональная толерантность, программные лозунги которой в постановлениях польских сеймов 1555 и 1570 гг. звучали так: «Свободно каждому верить по совести своей». До равноправия вероучений, естественно, не доходило: польский король должен был непременно исповедовать католицизм, а церковные иерархи-некатолики не заседали в сенате, в отличие от католических епископов.

68. Московский ратник.
Немецкая гравюра 1579 г.

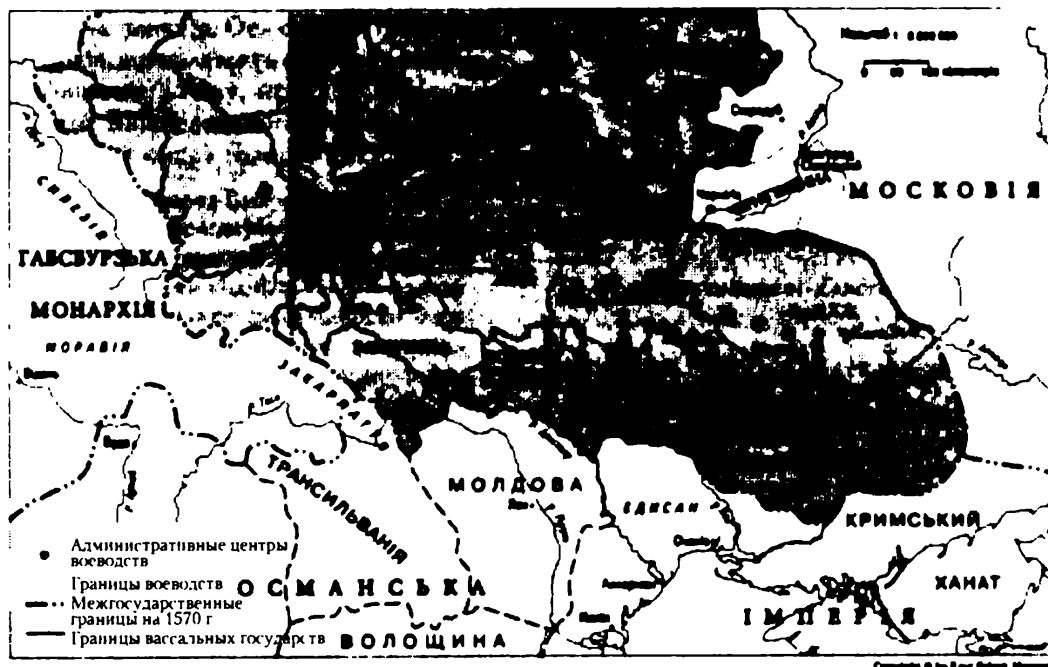
Однако для того времени значительным было уже то, что государство возглавлял индифферентный в вопросах веры Сигизмунд Август, любивший повторять: «Я не хочу быть королем ваших душ», что правительство не провоцировало конфронтацию между разными вероучениями, а общественная мысль последовательно отличала религию от политики, заботясь прежде всего о внутреннем мире. Показательным в этом смысле является акт Варшавской конфедерации 1573 г., провозглашенной во время междуцарствия, то есть после смерти Сигизмунда Августа: «Обещаем друг другу взаимно... на вечные времена, скрепляя это нашим словом, честью и совестью, что те из нас, кто отличается по вере, будут сохранять между собой мир и не будут проливать кровь из-за разной веры и отличий Церквей».

Что касается польской властной верхушки, то она стремилась к унии, исходя как из великодержавных амбиций, так и ради территориальных приобретений — новых земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. К середине XVI в. экономика Польского королевства переживала бурный подъем, поскольку упадок хозяйства в разоренной реформационными войнами Европе вывел Польшу на роль главного экспортера сельскохозяйственного сырья, хлеба и леса. Остается добавить, что с середины XVI в. в балтийскую торговлю, главной артерией которой служила Висла, связывавшая внутренние регионы с внешними воротами польской торговли — Гданьском, все активнее начала втягиваться Волынь. Отсюда по Западному Бугу, а далее по Висле вывозили на европейский рынок хлеб, поташ, смолу, полуфабрикаты корабельного леса. Следовательно, интересы польской шляхты во всем, что касалось балтийской торговли, не были чуждыми волынцам. Неудачи же Великого княжества Литовского в Ливонской войне могли обернуться утверждением Московии на берегах Балтики, и тогда русский вывоз продукции составил бы серьезную конкуренцию польскому и волынскому экспорту.

Торговая лихорадка охватила самые широкие круги купечества и шляхты, а это, в свою очередь, активизировало шляхетскую колонизацию, стимулируя погоню за нераспаханными полями и нетронутыми лесными массивами.

69. Сигизмунд II Август.
Гравюра 1554 г.

70. Карта-схема Речі Посполитої около 1570 г.

Представлению о землях, которые ждут энергичного хозяина, идеально соответствовали степи Киевщины и Восточного Подолья. Образ бескрайней плодородной равнины, которая течет молоком и медом, где рыба появляется «из божьей росы», пшеница родит сама по себе без засеивания, а трава растет настолько буйно, что по ней нельзя проехать на телеге, крепко укоренился в сознании польского читателя благодаря историко-географической и мемуарной литературе. В частности, едва ли не первый раз именно таким образом киевско-подольские земли были описаны в произведении профессора Краковского университета Мацея Меховского «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской», опубликованном в 1517 г. и только в XVI в. выдержавшем 16 переизданий в разных городах Европы. Можно согласиться с мнением одного из наиболее известных польских историков XX в. Оскара Халецкого: «Братия шляхетская, увидев перед собой плодородные украинские просторы, думала прежде всего не о Москве, не о казаках и татарах, а о “новой добыче для польского плуга”».

Волынцы и киевляне на Люблинском сейме 1569 г.; унийный привилей

10 января 1569 г., после многолетних предварительных дебатов, в Люблине начался сейм, «общий для сословий Польской Короны с сословиями Великого княжества Литовского». С первых же дней на нем непримиримо

столкнулись два представления об унии: литовской стороны, в значении федерального объединения двух равноправных государств, с польской, в значении безусловной инкорпорации Великого княжества, для которого будет честью, по выражению уже упоминавшегося Станислава Ореховского-Роксолана, «стать частью такого великого и славного королевства». В острых спорах, нередко доводивших спорщиков до грани разрыва и даже вооруженного столкновения, в конце концов было достигнуто согласие. Утвержденный сеймом акт унии 1 июля 1569 г. провозглашал создание нового федеративного государства «двух народов» (Речи Посполитой) во главе с монархом, который будет одновременно являться и королем польским, и великим князем литовским. Великое княжество Литовское и Польское королевство оставались при этом самостоятельными политическими организмами с отдельной исполнительной властью, собственной казной и монетной системой, войском, правом и судом. Общими же для обоих государств, кроме монарха, являлись законодательный орган — сейм «двух народов» и сенат, в состав которого входили высшие должностные лица как Великого княжества, так и Королевства.

Платой за государственный суверенитет, который удалось сохранить Великому княжеству Литовскому, на тот момент явно более слабому, стали Подлясье, Волынь, Киевщина и Восточное Подолье, то есть земли, которые дольше всего (собственно, до самой унии) сохраняли определенную автономию от центра литовско-русского государства: отныне эти земли переходили под юрисдикцию Польского королевства. Их инкорпорация в состав Польши, подкреплённая звучными «историческими» аргументами, в действительности стала следствием тактической ошибки послов Великого княжества, которые на несколько месяцев — в знак протеста — покинули сейм, а возвратившись, должны были уже смириться с тем, что произошло, и удовлетвориться компенсацией в виде суверенитета своей страны.

Интересы Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств на Люблинском унийном сейме 1569 г. представляло более 30 лиц:

71. Панорама Люблина. Гравюра конца XVI в.

воеводы и каштеляны, князя Василь (Константин) Острожский, Богуш Корецкий, Александр Чорторийский, Роман Сангушко, Андрей Вишневецкий и другие; 12 земских послов, избранных шляхтой из таких известных панских семей, как Олизары и Солтаны от Киевщины, Гулевичи, Костюшки, Бокии, Кирдеи, Семашки от Волыни, Кошки, Шашковичи, Козарины и Стрижовские от Брацлавщины; несколько должностных лиц — старосты и хорунжие; члены выборных земских судов; члены княжеских семей. В бурных сеймовых дебатах этим людям суждено было сыграть скорее роль пассивных наблюдателей, нежели активных участников с правом решающего голоса. Впрочем, такое поведение можно объяснить благосклонным отношением к тому, как именно разворачивались события: в целом ни князя, ни шляхта не противились ожидаемым переменам. В частности, шляхетские послы на Люблинском сейме вообще безмолвствовали, предоставив слово князьям, а те, в свою очередь, придерживались, по выражению исследователя сеймовых дебатов Ярослава Пеленского, «минималистской программы»: отстаивали только свободу вероисповедания и неприкосновенность местных обычаев. Вот одно из показательных выступлений, принадлежащее князю Константину Вишневецкому, младшему брату Дмитрия Вишневецкого-Байды, который «по наказу волынцев» говорил так:

И на этом перед Вашей Королевской Милостью настаиваем, что мы соглашаемся [на инкорпорацию. — *Н.Я.*] как люди вольные, свободные, чтобы это не унизило нашего шляхетского достоинства. Ведь мы столь знатный народ, что ни одному народу в мире не уступим, и уверены, что любому народу равны происхождением... Также просим, поскольку мы [с поляками] разной веры, а собственно мы — греки, то чтобы нас и в этом не унизили и чтобы никого не принуждали к иной вере.

Ожидаемые гарантии были предоставлены. Унийный привилей Волынскому, Брацлавскому и Киевскому воеводствам, провозгласивший их присоединение к Польскому королевству как «равных к равным, свободных к свободным», содержала специальные оговорки относительно целостности их территорий и нерушимости местных обычаев. Отдельный пункт подтверждал сохранение «древних границ» упомянутых воеводств со сложившейся сетью институтов шляхетского самоуправления и судебно-административных органов. Основным сводом законов и впредь оставался Литовский статут; гарантировалось сохранение и публичное использование «русского языка»: «Во всех их судебных делах... так же как и по всем нашим королевским

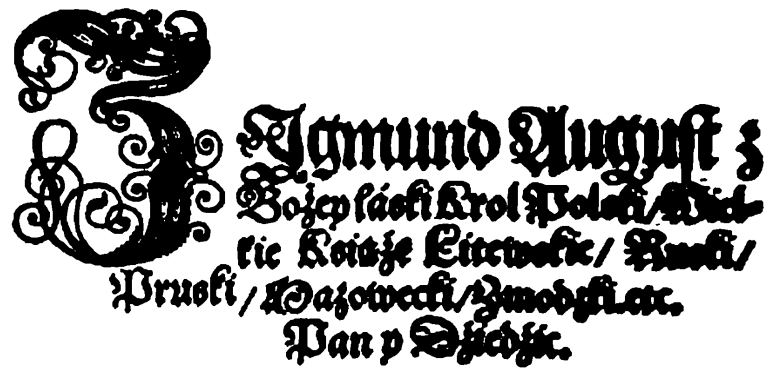
и земским надобностям письма к ним нашей Коронной канцелярии должны писаться и посылаться на вечные времена не каким-то другим, а только лишь руським письмом».

Все местные уряды, почетные титулы и должности, согласно упомянутым привилеям, должны были предоставляться только жителям соответствующей земли (волынцам, киевлянам или брацлавянам) вне зависимости от вероисповедания, так же

как и все льготы, предоставляемые привилеями, распространялись в равной степени на католиков и православных. Следовательно, акт унии не нарушал принципы автономного существования Волыни, Киевщины и Брацлавщины, в составе нового государства, с которым связала их историческая судьба: за ними признавались давние границы и право на собственное судопроизводство, администрацию и язык управления, то есть, говоря современным языком, право на культурно-административную автономию. Вопрос о том, в какой степени правительство оказалось способным обеспечить реальное соблюдение этой автономии, лежит в иной плоскости, так как в сознании руськой шляхты особый статус территории ее проживания гарантировался законом, поэтому ответом на его нарушение явилось впоследствии обострение польско-руських противоречий.

Всплеск княжеского могущества после унии

Характерной деталью связанных с унией перипетий явилось то, что тогдашние украинские источники фактически «не заметили» государственного переподчинения своих земель: судебно-административные книги содержат списки шляхты, которая присягала на верность польскому королю, но никаких реплик или комментариев на этот счет нет, а в летописях даже не отражено само событие. Подобное «молчание источников» симптоматично, потому что косвенно отражает взгляд летописцев на политический статус своего края. В отличие от модерного стереотипа мышления этот статус отождествляется не с государственным суверенитетом, а с собственным правителем. В мире, где человек был подчинен не абстрактному государству, но другому человеку, само государство воспринималось как условная категория, воплощенная в личности

72. Фрагмент сеймовой конституции 1569 г. (Краков, 1569)

правителя. Поэтому обособленность конкретной территории воплощалась в представителях «своей» династии, даже когда те служили правителю другого («большого») государства. А коль скоро великий князь литовский и король соединились в одной персоне — Сигизмунда Августа, то смена государственной юрисдикции воспринималась вообще как нечто несущественное, тем более что местная структура общества, административный уклад и правовая система оставались прежними, и несущим элементом их как до унии, так и после нее были собственные князья — символ династической обособленности.

Стоит также добавить, что волна шляхетской борьбы с магнатской верхушкой, которая с 1540-х гг. охватила белорусско-литовские земли Великого княжества Литовского и подтолкнула земские реформы 1564–1566 гг., практически не имела никакого резонанса ни на аристократической Волыни, ни в далекой пограничной Киевщине. Поэтому, когда волна реформизма спала и жизнь под новыми вывесками вернулась к привычным, от века выработанным формам, стало очевидно, что княжеские кланы не только не проиграли, но, наоборот, получили после унии еще более обширные возможности для самоутверждения. Как уже упоминалось, Литовский статут 1566 г. закрепил «одно равное право» перед законом и для лица княжеской крови, и для обычного шляхтича. Однако унийный привилей, подтверждая древние права и обычаи украинских земель, при этом добавлял:

Так что обещаем сохранять в старинном почете и достоинстве, свойственном с древнейших времен и поныне, всех княжат, проживающих в Волынской [и Киевской. — *Н.Я.*] земле, а также их потомков как римской, так и греческой, веры, обязуемся возвышать их на уряды сообразно достоинствам каждого из них на основании нашего собственного выбора, не учитывая артикулов коронного права, касающихся князей.

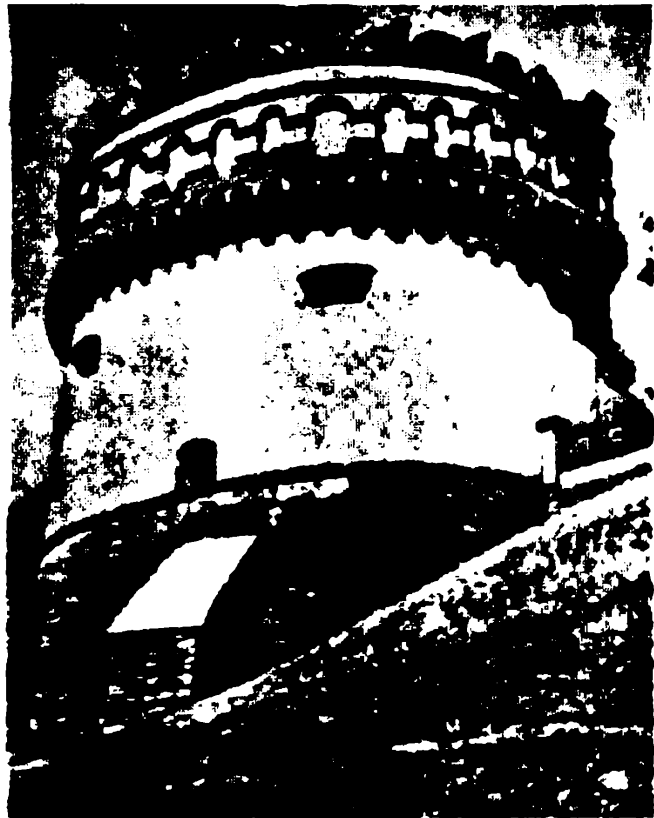
Как видим, уступка руськой княжеской традиции была сделана уже на Люблинском сейме 1569 г., который признал за князьями особый статус, хотя это принципиально противоречило обычаям Польского королевства, где одним из главных принципов социальной структуры шляхетского сообщества был принцип тотального равенства шляхты. Князья, которые подписали акт унии, и первые послеунийные поколения княжеских потомков были еще неизмеримо далеки от той интеграции в польский шляхетский мир, которая заметна на примере ополяченных княжеских правнуков. Ощущение своей чужеродности в кругу польской элиты, безразличие к придворным интригам, презрительная пренебрежительность к низшим по крови (а именно таковой

являлась средняя шляхта, заправлявшая на сеймовых баталиях) направляют всю энергию руських вельмож на концентрацию власти у себя дома. Поэтому вскоре именно они, эти «удельные князья нового поколения», как их метко называл Михайло Грушевский, становятся настолько мощными правителями инкорпорированных в Польское королевство земель, что на фоне их потенциала верховная власть превращается в пустой звук.

Данный процесс осуществлялся несколькими путями. После унии князья формально потеряли право на участие в Государственном совете (сенате), потому что по обыкновению Польского королевства такой совет был не наследственным, а должностным и включал лишь носителей высших церковных и светских урядов: католических епископов, воевод, каштелянов и министров (канцлера, подканцлера, великого и надворного маршалков, коронного подскарбия). Ни придворных министерских должностей, ни тем более высших постов в католической иерархии руськие князья первого послеунийного поколения, за несколькими редкими исключениями, еще не занимали, так что дорогу в сенат им прокладывали себе воеводские и каштелянские уряды в «своих» воеводствах — Киевском, Волынском и Брацлавском. Соответственно, в руках «княжат головных» — Острожских, Заславских, Збаражских, Вишневецких, Сангушко, Чорторийских, Корецких — сосредотачивается абсолютное большинство сенаторских урядов из этих трех воеводств: между 1569–1648 гг. в числе сенаторов был 21 представитель от семи княжеских родов, что по численности не уступало представительству в наследственном совете Великого княжества Литовского.

Другим аспектом якобы понижения княжеского статуса стала отмена практики, по которой княжеские вооруженные отряды отправлялись на войну под знаменем князя, отдельно от поветового войска. Люблинский акт 1569 г. о военной повинности шляхты новоприсоединенных воеводств говорит так: «На войну все паны и обитатели Волынской [и Киевской. — *Н.Я.*] земли должны выставлять свои отряды в соответствии с обычаями Короны».

В этой формулировке, как видим, вопрос о князьях повисает в воздухе: они просто не упомянуты, хотя в остальных параграфах привилея обязательно перечисляются три группы элиты: князья, паны, земляне. Создается впечатление, что на щекотливом вопросе редакторы привилея просто не заострили внимания. Ведь княжеские отряды были бесплатной вооруженной силой, тем более важной, что в Польском королевстве, в отличие от Великого княжества Литовского, общее ополчение шляхты уже превратилось в фикцию, и как раз накануне унии для охраны пограничья было создано регулярное наемное войско в составе 2–6 тысяч жолнеров (для его оплаты предназначалась

73. Круглая башня Острожского замка. Современное фото

четверть доходов имений королевского престола — «кварта», отсюда и название войска — «кварцянное»), а внешние войны осуществлялись так называемыми «затяжными», то есть, собственно, также нанятыми за плату вооруженными формированиями шляхты. При таких условиях княжеские («надворные») отряды были необходимой поддержкой для дорогой и малочисленной шляхетской армии. В отличие от практики Великого княжества надворные войска государством не контролировались и правительственному военному командованию подчинялись только в ходе боевых операций.

О приблизительном соотношении кварцяного и надворного войска может дать представление следующее число. Василий-Константин Острожский при необходимости мог выставить собственную армию из 15 тысяч воинов — панцирных бояр,

шляхты-ленников и клиентов, которые владели землей на территории его родовых владений на условиях несения военной службы. В начале XVII в. надворные армии приобретают стройную организацию, состоя из подразделений, сформированных по видам распространенного в то время вооружения: гусарских (тяжелая конница), так называемых казацких (легкая конница), пеших. Отдельные боевые соединения могли формироваться из иностранных наемников — немцев, венгров, молдаван; наконец, князя Острожские и Корецкие располагали подразделениями «военных татар», которые формировались из татарского населения, проживавшего в их владениях в статусе военнообязанных ленников. Княжеские войска использовались для самообороны от татар, для борьбы с казаками, а также тогда, когда цель внешней войны соответствовала личным интересам князя или же когда он сам решал начать собственную войну в поисках «рыцарской славы». Примером последнего может служить активное участие Адама и Константина Вишневецких в посажении на русский престол Лжедмитрия, поддержка Романом Ружинским Лжедмитрия II, вмешательство Самуила Корецкого и Михаила Вишневецкого в династическую войну 1612–1616 гг. в Молдавии и т. п. Следовательно, как видим, отмена системы военных повинностей,

которая действовала в Великом княжестве Литовском и обязывала выстав-
лять на войну вооруженные отряды, соответствующие размерам землевла-
дения, не только не лишила князей их прерогатив, но, наоборот, дала им
возможность бесконтрольно формировать собственные вооруженные силы,
не подчиненные королю. Олигархи с незапамятных времен, обладающие соб-
ственными дворами, традициями, войском, ореолом извечного авторитета,
князья обладали и другой реальной возможностью манипулировать госу-
дарством — они были просто самыми богатыми людьми в нем. Вот красно-
речивый пример: в казне князя Януша Острожского, единственного наслед-
ника рода Острожских, к моменту его смерти († 1620) хранилось наличными
600 тыс. червонных золотых, 290 тыс. золотых разной монеты и 400 тыс. так
называемых «талеров битых», а кроме того, 30 бочонков серебряного утиля
и слитков, что в сумме равнялось двум годовым бюджетам Речи Посполитой
в мирное время. Беспрецедентными были и размеры княжеских владений,
например «Заднепровского княжества» Вишневецких на Левобережной
Украине со столицей в Лубнах, сложившегося в конце XVI — первой четвер-
ти XVII в. и, по мнению Михайлы Грушевского, по территории не имевшего
аналогов в тогдашней Европе. Латифундии типа Заднепровской вотчины
Вишневецких возникли вследствие вспышки княжеской хозяйственной
активности после Люблинской унии, когда олигархи из далеких окраин
Великого княжества Литовского вдруг ощутили вкус к власти. Регион оби-
тания их дедов и прадедов — Волынь — к этому времени уже был разде-
лен и перераспределен. Следовательно, княжеская волна катится к югу:
на Киевщине и Брацлавщине в последней четверти XVI — начале XVII в. вы-
растают огромные владения Острожских, Корецких, Збаражских, Ружинских.
Они формируются разными путями, прежде всего посредством тотального
выкупа земель у местной шляхты, которой Литовский статут 1566 г. впер-
вые предоставил право без ограничений отчуждать свои имения. Огромные
земельные пространства, лишь формально находясь под контролем прави-
тельства, превращаются в микросоциальности в государстве, где действует
единственная власть — князя, окруженного вооруженными слугами, васса-
лами, клиентами, искателями хлеба на вельможных дворах. Естественно, что
князь был и центром политических группировок своего региона, определяя
настроения шляхетской общественности и цинично манипулируя символом
«золотых вольностей» — сеймиками. По-видимому, каждый шляхтич мог бы
применить к себе слова мелкой волынской шляхтянки, которая, отзывая свои
судебные иски к слугам Богуша Корецкого, которые принесли ей убытки,
сказала: «Я с князем тягаться несильна».

Встреча Руси с Русью: галицкая шляхта на Волыни и в Киевщине

Обсуждая непосредственные последствия Люблинской унии, нельзя обойти вниманием миграционные процессы, стимулировавшиеся после 1569 г. сменой государственной принадлежности Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств. Территория обитания русинов-украинцев (Галиция, Подолье, Холмщина, Волынь, Надднепрянина), до этого разделенная между двумя государствами — Польским королевством и Великим княжеством Литовским, впервые оказалась в составе одного политического организма. К моменту «встречи» население ее польской и литовской частей, невзирая на общность языка и веры, чувствовало явную взаимную отчужденность. Для «волынцев» и «киевлян», которые не спешили породниться даже между собой, галицкие «панове заграничники», как их здесь называли, были людьми чужого, по-иному обустроенного мира. А галичан, в свою очередь, ничто не влекло в Киев: например, в помяник Киево-Печерского монастыря в конце XV — первой трети XVI в. записаны богомольцы отовсюду, только не из Галиции. Священное сердце Руси — величественные руины Киева — для них были присыпаны пеплом забвения, потому что историческая память ориентировалась на более близкие символы — собственных «королей руських», чьи привилегии на земельные пожалования интенсивно фальсифицируются на протяжении XVI в. Ни те ни другие не чувствовали себя частью какой-то «русской» общности. Для галичан отчизной была политическая родина — Польское королевство, а матерью-кормилицей собственно Галицкая или Подольская Русь. В сознании волынцев и киевлян отчизны в политическом смысле, похоже, еще вообще не существовало: они служили великому князю, а родным краем для них было конкретное воеводство, к социальной структуре которого принадлежал индивид. За единичными исключениями, не было и миграционных перемещений, поскольку Литовский статут запрещал жителям Короны покупать землю на территории Великого княжества. И хотя случаи поселения здесь женатых на местных женщинах «заграничников» имелись, они были крайне редкими.

Люблинская уния, ликвидировав межгосударственную границу, дала толчок к размыванию барьера отчужденности между галичанами, с одной стороны, и волынянами и киевлянами с другой. Бытовые же предпосылки для этого создавались упомянутой выше вспышкой княжеской активности. Именно в последней четверти XVI в. при дворах волынских вельмож стремительно растет число мелкой шляхты из Галицкой Руси. Более образованная, инициативная и мобильная в сравнении с боярами Волыни и Киевщины, галицкая шляхта

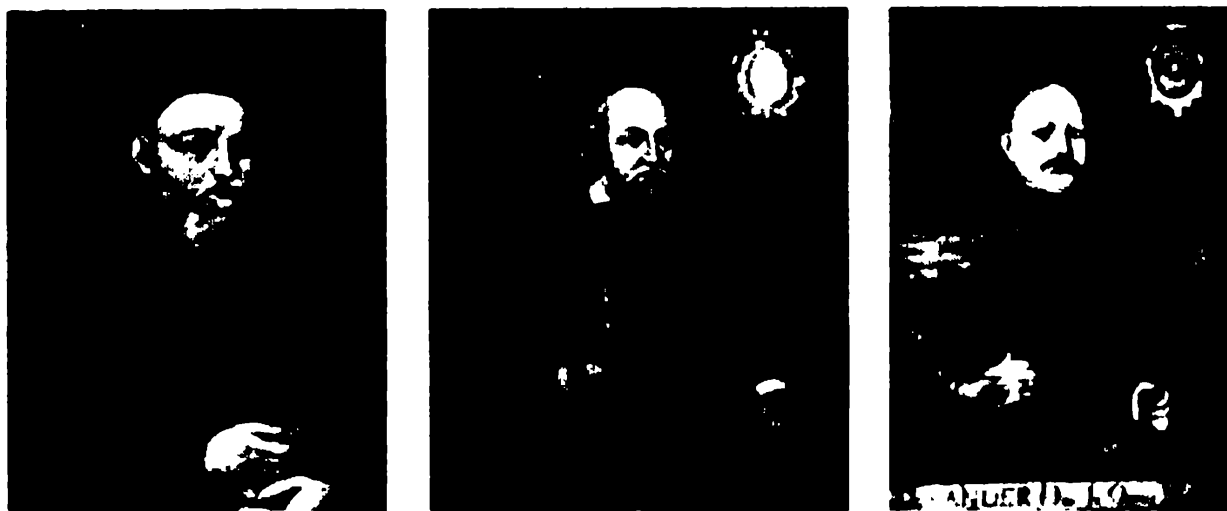
наравне со своими польскими коллегами становится правой рукой вельможных патронов, приобретая со временем по их протекции почетное положение и имения. Например, из семьи львовских горожан Плетенецких, несколько представителей которой служили Василию-Константину Острожскому и по его представлению получили шляхетский титул, происходил Александр Плетенецкий, который под монашеским именем Елисея при содействии князя сначала стал игуменом Пинского Лищинского (1595), а затем архимандритом Киево-Печерского монастыря (1599). Казначеем князя Василия-Константина был бывший каменец-подольский гродский (замковый) писарь, со временем первый ректор Острожской академии Герасим Смотрицкий, а его старший сын Стефан, брат знаменитого Мелетия Смотрицкого, служил секретарем Константина Острожского-младшего. Секретарь Януша Острожского Криштоф Казимирский, выходец из мелкошляхетской малопольской семьи, по рекомендации своего светлейшего патрона в 1598 г. принял сан киевского католического епископа (кстати, весьма толерантного по отношению к православным). Мацей Стемпковский из Галиции, будущий брацлавский каштелян, начинал свою карьеру в начале 1580-х гг. как слуга и поверенный князей Збаражских и т. д.

Приведенные примеры касаются наиболее заметных фигур, а между тем миграционный поток шляхты из Галиции, привлеченной перспективами службы на княжеских дворах, охватывал десятки, если не сотни лиц. На Волынь, а оттуда на Киевщину и Брацлавщину проникали новые люди, получившие «с руки князя» имения и урядницкие должности в новоприобретенных княжеских владениях. Наблюдения над миграцией шляхты показывают, что, например, в таких точках отсчета, как середина XVI — конец XVI — первая треть XVII в., ее число стремительно растет в пропорции 1:2:4, причем основной поток мигрантов движется по направлению Галиция—Волынь—Киевщина—Брацлавщина. Врастая в новую среду, русины-галичане (впрочем, как и поляки) становились органической частью своей новой родины и сыграли заметную роль в ее позднейшей судьбе. Так полностью интегрировались в местные сообщества политические деятели и администраторы из семей бывших княжеских слуг или клиентов Беневских, Станишевских, Витовских, Лясот, Чаплинских, Жулинских. Со службы князьям Острожским, Заславским, Збаражским, Корецким, Вишневецким, Чорторийским или Сангушко начинали свою «украинскую родословную» предки будущей казацкой старшины — Косинские, Герцики, Зеленские, Искры, Искрицкие, Мрозовицкие и предки церковных иерархов — Гизели, Заборовские, Коленды, Кроковские и многие другие. Наконец, появление новых княжеских латифундий на Киевской и Брацлавской землях повлекло за собой перемещение не только шляхты, но и простолюдины, к чему мы еще вернемся далее.

Рождение «старожитного народа руського»

Преодоление взаимной отчужденности отдельных регионов Руси-Украины благодаря физическому смешению населения стало одной из предпосылок выделения из православной массы Речи Посполитой — белорусов и украинцев — самосознающего себя украинского сообщества, которое вскоре начнет называть себя «старожитным народом руським Володимирового корня». Важно, однако, то, что и здесь в роли косвенной первопричины выступили волынские княжеские роды, прежде всего род Острожских. Чтобы понять, когда и как это произошло, необходимо проследить формирование «генеалогической программы» рода Острожских, то есть совокупности родословных доказательств, целью которых являлось объяснение и обоснование функции этого, по терминологии того времени, «княжеского дома» в обществе.

В самом общем, так сказать, «идеологическом» измерении упомянутая программа обуславливалась, насколько можно предполагать, конкуренцией двух культурных систем — руськой (в ее украинском варианте) и польской. Предпосылки для этого создала Люблинская уния 1569 г., которая в рамках одного политического организма — Польского королевства — свела вместе два отличных типа политической и бытовой культуры и, в частности, впервые столкнула носителей княжеской крови с практиками «золотых шляхетских вольностей». Это вынуждало «княжеские дома» подстраиваться под социальную иерархию нового для них государства так, чтобы не было уязвлено их сверхшляхетское, княжеское достоинство. Говоря метафорично, «княжеские дома» до того играли спектакль власти перед зрителями, которые без

74. Князь Василий-Константин и его сыновья Януш и Александр Острожские. Копии с портретов XVII в.

комментариев понимали, о чем шла речь, теперь же им следовало выйти на новую сцену и доступно «разъяснить» новым зрителям, кого именно те имеют счастье лицезреть. Средствами для таких «разъяснений» прежние княжеские слуги не обладали, поскольку они в них просто не нуждались, и даже временная дистанция, которая позволяла бы «измерить» древность рода, не привлекала внимания. По-видимому, во внутреннем использовании все это как-то осмыслялось, но наружу не выходило. Достаточно напомнить, что первые генеалогические опыты, возводившие род Острожских к киево-руським Рюриковичам, принадлежат польским шляхтичам Яну Красинскому и Бартошу Папроцкому и датируются послеуниейными годами: соответственно 1574-м и 1578-м.

Новая ситуация в жизни волынских князей совпала с вызванным той же Люблинской унией расширением географии культурной деятельности польских интеллектуалов, прежде всего мещан и мелкой шляхты. Отрабатывая выданные им жизненные авансы в роли панегиристов при новых, сказочно богатых панах, эти люди, с одной стороны, способствовали «разгерметизации» до того скрытой от постороннего взгляда русской традиции почитания сильных мира сего (так или иначе им приходилось ее воспроизводить для того, чтобы угодить своим патронам), а с другой стороны, та же традиция в их ретрансляции неминуемо модифицировалась. Ведь «про это» они могли рассказать, лишь ориентируясь на определенный образец (без которого тогдашняя словесность просто немыслима), то есть должны были согласовать свой рассказ с определенными риторическими стандартами светского описания «больших людей». Русская письменная традиция была в этом отношении беспомощной, так как еще не овладела соответствующими навыками, в отличие от «латинской» словесности конца XVI в., оперировавшей таким набором стандартов в почти автоматическом режиме. Именно этот режим и был включен для прославления рода Острожских — самого богатого и влиятельного княжеского дома того времени.

Кое-что требовалось наверстать. В первую очередь, зафиксировать дистанцию, то есть временное «измерение» древности рода. В качестве ориентира в генеалогических легендах обычно использовалась фигура предка-основателя рода. Самая ранняя из известных в настоящее время генеалогических реплик, посвященных Острожским, Яна Красинского 1574 г., еще не имеет конкретного адресата: она возводит род Острожских к «старым киевским княжатам». Однако уже через несколько лет данная версия под пером панегиристов конкретизируется, предлагая непрерывную генеалогическую цепь этих самых «киевских княжат»: от Владимира Великого до галицко-волынских Мономаховичей и «короля» Данила Галицкого, якобы прародителя Острожских в восьмом

колоне. Наконец, десятилетием спустя, была модифицирована и эта версия, потому что на горизонте появился новый персонаж из краев далеких и туманных — «первопредок Рус». Этот персонаж был известен ученым людям издавна: еще польская хроника конца XIV — начала XV в. упоминает трех мифических героев — Чеха, Леха и Руса, которые якобы искали обещанную им Богом землю, а найдя, «построили», соответственно, «три королевства»: Чехию, Лехию (то есть Польшу) и Русию. Фигура Руса и стала ключевой в окончательной версии генеалогической легенды Острожских, что в исполнении панегиристов приобрело форму нехитрого силлогизма: а) Рус создал государство, дав ему собственное имя и оставив в наследство потомкам; б) потомки «старых русьских княжат» — это Острожские, следовательно, в) Острожские являются законными наследниками Руса. Вот, к примеру, как это выглядело в поздравительной речи 1612 г. краковского профессора Себастьяна Слешковского, адресованной Янушу Острожскому:

Первый Твой предок, князь, это РУС, брат Леха... он пришел в этот край, который теперь зовется от имени его Русью, покорил его своей властью, долго и успешно правил, а затем оставил в наследство своим потомкам КИЮ, ЩЕКУ, ХОРИВУ, которые передали империю счастливой и расширенной своим далеким правнукам АСКОЛЬДУ и ДИРУ. [Далее идет длинное перечисление русьских князей, начиная от Олега, Игоря и т. д. вплоть до Даниила Галицкого. — *Н.Я.*] ДАНИИЛ владел всей Русью. Он был королем, имел королевский сан и навечно передал его своим потомкам на Руси...

В большинстве панегирических текстов упоминание о Русе как «прародителе» Острожских сопровождалось весьма специфическим акцентом — подчеркнутым паритетом не только Руса и Леха, но и их потомков, которые в настоящее время держат унаследованные от братьев владения. Описывая конкретнее «землю», которую «построил» Рус и «передал в наследство» русьским князьям, в том числе и Острожским, панегиристы не слишком беспокоятся об исторической точности. «Земля Руса» выступает в их описаниях как тождественная реалиям конца XVI — начала XVII в., занимая территории, которые входили в состав Польского королевства, — Волынь, Галицию, Киевщину и Подолье. Именно благодаря этому, слишком свободному, обращению с историей мы получаем возможность реконструировать тогдашнее восприятие Руси-Украины как самодостаточного пространства, в плане географии совпадавшего с территорией бывших южных и западных киево-русьских княжеств, в плане «исторического достоинства» ничем не уступающего польским землям, а политически

составлявшего сплошную сферу княжеской власти — от Киева до Львова. Естественно, «власть» эта виртуальная, но она наделяет руськое сообщество легитимностью, потому что воспринимается как дважды санкционированная: с одной стороны, у нее есть сакрализованное начало («искание своей земли» и ее «построение» прародителем Русом), а с другой — князья Острожские, законные наследники Руса, служат наглядным доказательством ее непрерывности.

Перестроенная таким способом «генеалогическая программа» Острожских создавала, безусловно, фундамент руськой идентичности, ни в чем не уступавшей польской, и в то же время будто бы втягивала разношерстные земли Украины-Руси в единый массив «исторических воспоминаний». Это, в свою очередь, давало повод для выделения нового политического субъекта со своей четко очерченной территорией («Руськой землею») — «старожитного народа руського», древность и целостность которого засвидетельствована таким неопровержимым «вещественным доказательством», как существование кровных наследников ее зодчего-праотца Руса. Несколько позже, во времена острой религиозной полемики, когда сохранение православия служило синонимом сохранения «прав и вольностей», Мелетий Смотрицкий в брошюре «Оправдание невинности» (1623 г.) напишет об этом так:

Наш руський народ получил эту вольность при своих князьях, с ней он был включен в преславное Польское королевство, она была подтверждена привилеями и присягой их милостей польских королей, ее он хранил нерушимо на протяжении всех прежних веков и ее же он должен сохранить и сегодня, передать своим потомкам и переливать с помощью Божьей и в дальнейшем — пока будет сохраняться он сам и его великие князья, то есть вплоть до конца времен.

Острожская академия

С учетом обрисованной выше роли князей Острожских в своего рода «модернизации» политической самоидентификации жителей Руси-Украины, нужно признать естественным и то, что именно в Остроге начался и демонтаж тогдашней руськой культуры. Возвышение Острога можно датировать 1574 г., когда Василий-Константин Острожский перенес сюда из Дубно главную администрацию своих владений. Это стало толчком к перемещению в Острог образованных урядников и клириков из свиты князя. Очевидно, тогда же началась перестройка Острожского замка, которой руководил итальянский архитектор Пьетро Сперендио, в 1572 г. получивший львовское гражданство, женившись

на дочери местного ремесленника, а вскоре по приглашению князя переехавший на постоянное жительство в Острог. Были и другие факторы, способствовавшие тому, что столица «княжеского дома» претендовала на роль культурного центра. Острог был вторым титульным центром епархии Восточной Волыни, владыка которой именовался епископом «луцким и острожским», следовательно, Богоявленский замковый храм — одно из наиболее монументальных православных сооружений того времени — имел статус кафедрального собора. Несколько богородичных образов, написанных в тогдашнем Остроге, специалисты относят к шедеврам православной иконописи. Любовь князя Василия-Константина к церковному пению и штат музыкантов, которыми он себя окружил, повлекли за собой появление особого «острожского напева», чему, без сомнения, должно было предшествовать долговременное культивирование традиций хорового искусства. В княжеском замке имелось достаточно большое собрание книг, которое включало в себя как православные богословские тексты, так и европейские издания светского и религиозного содержания: космографии, словари, грамматики, печатные издания книг античных авторов, католические и протестантские теологические произведения.

Возвышению города как интеллектуального центра способствовало и то, что на полдороге между Острогом — официальным центром имений князя и его частной резиденцией (Дубенским замком) лежал Дерманский монастырь, одна из самых богатых православных обителей Руси, находившаяся под патронатом Острожских. Монастырь славился монахами-книжниками, которые были связаны с монастырями Балкан и Ближнего Востока, а также хорошей библиотекой, которая в 1571 г. насчитывала, кроме богословской литературы, 40 «посполитых», то есть светских, книг. Неплохие собрания книг имелись и в расположенных неподалеку Дорогобужском, Степанском и трех небольших дубенских монастырях, монахи которых считались хорошими богословами (недаром именно здесь начинал свое монашеское служение знаменитый Иоанн Вишенский). Группа интеллектуалов, которая к середине 1570-х гг. сформировалась вокруг князя Василия-Константина, естественно, должна была соответствовать его личным пристрастиям. Симптоматично, однако, что появление Острожского ученого центра совпало по времени с первыми последствиями введения решений Тридентского собора (1544–1563), принявшего радикальную программу реформ по укреплению Римско-католической Церкви. В частности, в 1561 г. в Речь Посполитую приходят первые иезуиты — члены санкционированного собором монашеского сообщества нового типа, нацеленного на активную миссионерскую и образовательную работу среди иноверцев. Создаются первые иезуитские коллегии, в том числе в Вильне (1569 г.)

и руськом Ярославе (1574 г.). В 1573 г., с целью распространения идеи унии, Папская курия учреждает в Риме так называемую Греческую конгрегацию для налаживания связей с Константинопольским патриархатом, а в начале 1577 г. открывает Греческую коллегию — кузницу кадров для миссионерской работы на Востоке. На волне этих нововведений в 1574 г. был написан (и опубликован в 1577 г.) трактат известного иезуитского теолога и проповедника, тогдашнего ректора Виленской иезуитской коллегии Петра Скарги, «О единстве Божьей Церкви под одним Пастырем». Посвящая книгу Василию-Константину Острожскому, Скарга обосновывал необходимость объединения «истинной» (Римско-католической) и «ложной» (греческой) Церквей. Для того чтобы подчеркнуть господствующий в последней беспорядок, Скарга делает особое ударение на необразованности православного клира. По его мнению, это и понятно, потому что «не было еще в мире и не будет ни одной академии, коллегии, где бы теология, философия и другие свободные науки, на других языках [кроме латинского и греческого. — Н.Я.] изучались... Из словенских языков ни один не может быть ученым».

На вызов, брошенный Скаргой, руськая школа действительно не могла дать ответ, потому что, как писала киевская шляхта в 1571 г., «з млодости иншого писма отцове наши учити нас не давали, одно своего руского». Такое традиционное направление имел и первый ученый центр православных интеллектуалов в г. Миляновичи на Волыни, где с конца 1560-х гг., под протекцией московского эмигранта князя Андрея Курбского, группа богословов занималась переводом с греческого и латыни произведений отцов Церкви, сборников наставлений и т. п. Однако Миляновичский кружок уже вскоре отступил в тень на фоне мощного научно-издательского заведения, которое в 1576 г. начало действовать в Остроге на средства князей Острожских. Его первоначальная цель была совершенно конкретной: подготовить выпуск первой печатной Библии на церковнославянском языке и тем самым утвердить престиж «словенского» языка наравне с признанными священными языками — древнееврейским, греческим и латынью. Как можно предполагать, эта программа была порождена несколькими импульсами, первым из которых, вероятно, стало желание опровергнуть упомянутые выше упреки Скарги относительно беспомощности «словенского» языка, ведь печатная версия Священного Писания повысила бы его статус и одновременно продемонстрировала «старожитность» «греческой веры» русинов. С другой стороны, появление аутентичного текста печатной Библии соответствовало распространенной в то время антипротестантской идее, согласно которой переводы Священного Писания приводят к его искажению, в результате чего множатся ереси. Наконец, не исключено, что намерение

75. Титульный лист
Острожской Библии 1581 г.

издать Библию именно в Остроге являлось отзвуком впервые выдвинутой тогда же идеи о перенесении столицы Константинопольского патриархата в Острог (несколько позже обсуждался еще один вариант — сделать столицей патриархата Киев как древнейший религиозный центр «всей Руси»).

Библия, сверенная по нескольким авторитетным спискам, в том числе греческим — полученным из Ватикана от папы, и церковнославянским, так называемым Геннадьевским — из Москвы от царя Ивана Грозного, вышла в свет 12 августа 1581 г. Эта книга, напечатанная в Остроге русским эмигрантом Иваном Федоровым Москвитиним, с полиграфической стороны является признанным шедевром славянского книгопечатания, а с точки зрения истории текста и по сей день считается каноничной.

Вместе с тем продукция действовавшей с 1578 по 1612 г. Острожской типографии (литургическая и патристическая литература, а также произведения членов ученого кружка)

не вполне соответствовала программным принципам, лежавшим в ее основе. Из 28 известных на сегодняшний день изданных здесь наименований книг лишь 14 были церковнославянскими; шесть составлены из текстов на обоих языках, церковнославянском и «простом», то есть книжном староукраинском, а еще шесть напечатаны «простым» языком. В ослаблении порыва, направленного на подъем церковнославянской традиции, можно усмотреть изменения в настроениях князя-патрона, который с конца 1580-х до середины 1590-х гг. вел сложную политическую игру вокруг перспектив унии Католической и Православной Церквей. Когда же в 1596 г. уния все же состоялась вопреки его личному проекту, о чем детальнее речь пойдет далее, Острожский мобилизовал свою ученую дружину на опровержение ее законности, а это, в свою очередь, ставило новые задачи.

Работа ученых в Остроге, по сути, была историко-филологическими студиями богословской направленности, нацеленными на исправление испорченных переписчиками мест, на текстологические разыскания и сравнения,

перевод с греческого и комментирование восточнохристианской патристики. Поэтому современники и применяли в отношении Острожского ученого центра название «академия», которым в XV–XVI вв. традиционно именовали научные кружки или общества. Иногда это понятие использовали обобщенно, имея в виду как собственно «академию», то есть сообщество ученых, так и школу, которая функционировала при ней. Последняя, вероятно, была основана в 1578 г., когда Острожская типография для надобностей «дитищного училища» переиздала Букварь, впервые напечатанный во Львове в 1574 г. Папский нунций Болоньети упоминает школу в 1583 г., называя ее «греческой коллегией», а Шимон Пекалид в посвященной Острожским панегирической поэме (1600 г.) употребляет выражение «трехъязычный лицей» и «трехъязычная гимназия». Похоже, Острожская школа возникла как «побочный продукт» работы ученого кружка и именно так рассматривалась ее патроном, Василием-Константином Острожским. По крайней мере, он никогда не хлопотал о предоставлении ей официального статуса (право преподавания в учебном заведении «семи свободных искусств» должно было утверждаться привилеем короля). Следовательно, школа функционировала как своего рода придворный лицей, который готовил кадры для «академии», а также предоставлял бесплатное образование детям княжеских вассалов и клиентов, чтобы, как писал отец одного из мальчиков, «на потом годнейший до служб княжат их милостей быти могл».

Имеются лишь косвенные свидетельства об объеме преподававшихся здесь учебных предметов. Предполагают, что ученики изучали (очевидно, в сокращенном виде) дисциплины цикла «семи свободных искусств» — грамматику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку, риторику и диалектику. Риторика, вероятнее всего, дополнялась основами поэтики, а в курсе диалектики давались элементы философии. Нововведением, вскоре триумфально вошедшим в практику руського образования, стало изучение грамматики трех языков — греческого, латинского и церковнославянского. Появление школы славяно-греко-латинского типа было настоящей революцией в образовательной православной традиции, впервые соединив на порубежье греко-славянского культурного ареала и католической Европы византийский «Восток» и латинский «Запад».

Можно заметить две волны притока работавших в Остроге интеллектуалов, которые совпали с началом подготовки издания исправленного текста Библии и обострением в середине 1590-х гг. борьбы вокруг церковной унии. На протяжении первого периода среди здешних ученых мы видим подолянина богослова Герасима Смотрицкого, белорусского астролога Тимофея Михайловича Аннича, литовца астролога и поэта Андрея Римшу, русского «первопечатника»

76. Кирилл Лукарис.
Портрет XVII в.

Ивана Федорова Москвитина, типографа из подляшского Заблудова Гриня Ивановича, теологов-острожан Мотовила и Мартина Грабовича. С ними сотрудничает группа греческих богословов и церковных деятелей: архиепископ Кизикийский и Тырновский Дионисий Рали (Дионисий Палеолог), который привез из Рима в Острог греческий текст Библии; переводчики греческих текстов Евстафий Нафанаил с Крита и Эммануил Мосхопулос; архиепископ греческой общины в итальянском городе Поло Тимофей.

На втором этапе, в 1590-х гг., в Остроге работают ученые-греки, проповедники и теологи Эммануил Ахилеос, Лука Сербин, Никифор Парасхес-Кантакузен, Кирилл Лукарис (последний впоследствии станет патриархом Александрийским и Константинопольским). Кроме них, к издательской и учебной работе

было привлечено немало поляков и русинов: протестанты-теологи Мартин Броневский и Каспар Лушковский, доктор медицины Ян Лятош, Шимон Пекалид — поэт родом из Малой Польши, львовский поэт Гавриил Дорофейович, белорусский книгопечатник Петр Мстиславец, воспитанник Венецианского и Падуанского университетов острожанин теолог Киприан, будущий игумен Почаевского монастыря Иов Желизо. Здесь же мы видим и первых воспитанников Острожской школы, среди которых переводчик и проповедник Демьян Наливайко, богословы-галичане Иван Княгининский и Иван Борецкий (будущий митрополит Киевский), белорус Исаакий Борискович и др.

В качестве компенсации за переводческую, редакторскую или писательскую работу острожские ученые получали от князя урядницкие должности или церковные посты в монастырях, которые находились под патронатом Острожских. Иван Федоров был наместником, а Иов (Иван) Княгининский архимандритом богатого Дерманского монастыря, Дионисий Палеолог — архимандритом Дорогобужского, Иов Желизо — игуменом Дубненского, а Исаакий Борискович — Степанского монастырей. Герасим Смотрицкий, как уже упоминалось, исполнял обязанности княжеского казначея, а Мартин Броневский и Мотовило были адвокатами-поверенными князя; Василий Малюшицкий и Каспар Лушковский управляли соответственно Суражской и Степанской

волостями; Демьян Наливайко получил пресвитерство в Богоявленском замковом храме и т. п.

В начале XVII в. и научно-издательская активность, и школа начинают приходить в упадок в связи с охлаждением интереса к ней находящегося в слишком преклонном возрасте князя Василия-Константина. Перед смертью (†1608) он так и не позаботился об имущественном обеспечении школы и легализации ее статуса — права преподавания в ней «семи свободных искусств» (что кажется особенно парадоксальным с учетом того, что в 1595 г. невдалеке от Острога, в Замостье, Ян Замойский сумел создать мощное высшее учебное заведение — Замойскую академию). Считают, что препятствием к утверждению Острожской школы, как и многих других начинаний старого князя, послужили недостатки его характера — половинчатость решений и быстрая потеря интереса к начатому делу. Впрочем, это всего лишь гипотеза, а причины могли быть и другими, ведь до сих пор еще не проведено детальных исследований внутренних мотивов поведения «некоронованного короля Руси», который был, судя по высказываниям современников, человеком очень непростого нрава.

2. Церковь и руськое общество от Брестского собора до легализации православной иерархии (1596–1632)

Накануне межцерковной унии

Попытка достичь религиозного согласия между православными и католиками впервые была предпринята, как уже упоминалось, при митрополите Киевском Исидоре, который на Флорентийском соборе 1439 г. принял акт объединения Восточной и Западной Церквей. Флорентийская уния так и не была реализована, однако в качестве прецедента и теологической основы возможного церковного союза о ней вновь вспомнили на Тридентском соборе (1544–1563), при выработке программы реформирования Римско-католической Церкви, столкнувшейся с вызовом протестантизма. Речь шла прежде всего о том, чтобы укрепить западную ветвь христианства, достигнув межконфессионального взаимопонимания с Московией — к тому времени самым большим христианским государством восточного обряда. Однако визит в 1581 г. папского легата Антонио Посевино к царю Ивану IV Грозному не принес успеха, и это внесло коррективы в замыслы сторонников унии. Особенно поспособствовал этому отчет Посевино, изданный в 1586 г. отдельной книжкой под названием

«Московия». Автор объяснял провал своей миссии тем, что к делу приступили не в Руси, а в Московии. По его мнению, Московия «по традиции чрезвычайно зависит в делах религии от Руси [русских земель Речи Посполитой. — Н. Я.]... Поэтому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к Католической Церкви».

В 1582 г. видим Антонио Посевино уже в Варшаве, где он вместе с тогдашним папским нунцием Болоньети, опираясь на опыт Общества иезуитов, к которому принадлежал, разрабатывает программу мероприятий, полезных для церковного взаимопонимания: создание семинарий для обучения миссионеров; налаживание пропаганды среди русской, особенно княжеской, элиты; распространение книгопечатания на русском языке, по поводу чего он пишет папе: «Ни пушки, ни даже крупнейшие арсеналы не приблизят время завоевания Севера и Востока скорее». В 1583–1584 гг. Посевино и Болоньети начинают также переговоры с князьями Василием-Константином Острожским и Юрием Слуцким, убеждая их поддержать униатскую инициативу. И не без успеха — в 1585 г. Острожский писал папе: «Ничего так горячо не желаю, как единства веры и согласия всех христиан, и, если бы дело требовало за такое великое добро отдать жизнь, я бы не поколебался».

Переговоры осложнились конфликтом, который повлекла за собой календарная реформа. В 1582 г. папа Григорий XII ввел так называемый григорианский календарь — с поправкой в 10 дней; в Речи Посполитой он был введен королевским универсалом от 5 (15) октября 1582 г. Константинопольский патриарх Иеремия в ответ призвал Церкви восточного обряда придерживаться старого (юлианского) календаря. В начале 1584 г. во Львове дошло до столкновений из-за того, что здесь католические иерархи накануне рождественского богослужения, которое отныне не совпадало с католическим, опечатали русские храмы. И хотя король Стефан Баторий в январе 1584 г. издал новый универсал, поясняя, что изменение календаря касается лишь светских, а не церковных, календарные трения отодвинули на второй план перспективу унии. А в 1585 г. папа Григорий XIII, поддерживавший идею унии, умер, Болоньети и Посевино отбыли в Рим, и на некоторое время вопрос стал неактуальным.

Однако сама идея успела пустить корни и даже оформиться в двух различных вариантах своей возможной реализации. Первый перекликался со взглядами уже упоминавшегося Станислава Ореховского-Роксолана, который еще в 1540-х гг. писал, что обе ветви христианства могли бы соединиться в «универсальной унии» как самодостаточные и равноправные, то есть согласно проекту Флорентийского собора. Иных позиций придерживался польский кардинал Станислав Гозий, который истолковывал унию как подчинение Восточной

77. Резиденция константинопольских патриархов. Дереворит из книги Мартина Крузия «*Turcograeciae libri octo*» (Базель, 1584)

Церкви папе. С некоторыми видоизменениями именно такой вариант унии предлагал в уже упомянутом трактате «О единстве Божьей Церкви под одним Пастырем» иезуит Петр Скарга. «Истинной», уверял он читателей, является лишь одна Церковь — Римско-католическая, и для Руси было бы наиболее полезным отбросить «ошибки греков» и объединиться с престолом «истинной веры». То есть речь шла о так называемой «региональной унии» — между Киевской митрополией Речи Посполитой и Римом, без оглядки на остальные церковные сообщества восточного обряда: антиохийское, греческое, московское и т. п.

Скарга также отмечает практические преимущества признания православными иерархами верховенства папы: это сняло бы напряженность во взаимоотношениях между православными и католиками, повысило престиж русского духовенства, поспособствовало искоренению «еретиков», наконец, укрепило бы государство, ослабив межконфессиональные раздоры (именно на этих пунктах будут вскоре акцентировать внимание сторонники унии). Чтобы объединить Церкви, считал Скарга, достаточно, чтобы митрополита Киевского благословлял не константинопольский патриарх, а папа и чтобы православные, признав его верховенство, приняли католический Символ веры, сохраняя собственную обрядность и язык богослужения. Похожую программу десятилетием позже

предложит и ректор Ярославской иезуитской коллегии Бенедикт Гербест в труде «Изложение веры Римской Церкви» (1586). Сходство позиций обоих иезуитов красноречиво: хотя Общество Иисуса не принимало специального решения по этому вопросу, архитекторами концепции унии стали польские иезуиты, которые впервые обозначили контуры будущей унии и выбрали из двух ее стратегий более реалистичную — региональную.

Однако при жизни Сикста V, противника унионных замыслов, дело не продвинулось далее концептуальных размышлений. Практическая же инициатива исходила из неожиданного источника: 20 июня 1590 г. четверо православных владык (луцкий епископ Кирилл Терлецкий, львовский Гедеон Балабан, пинский Лев Пелчицкий, холмский Дионисий Збируйский) на синоде в Берестье (ныне Брест) подписали заявление, в котором выражали готовность признать верховенство папы при условии сохранения традиционного церковного уклада и восточного чина богослужения.

Этот шаг диктовался самой логикой жизни православного сообщества. Идея унии крутилась в головах элиты уже почти полвека, суля благоприятные перспективы для нормализации разлаженной внутрицерковной жизни. Потребность в кардинальном реформировании была очевидной для каждого, кто критически наблюдал за деморализацией церковной верхушки, озабоченной борьбой за прибыльные вакансии, и необразованностью и приниженным положением рядового клира, зависимого от прихоти светских землевладельцев. Изъяны православия особенно рельефно выделялись на фоне предложенных Тридентским собором мер по укреплению Католической Церкви. Угрожающим сигналом стал, в частности, заметный отток мирян в протестантские вероучения, к чему мы еще вернемся. Все больший дискомфорт создавала для руських иерархов деятельность городских братств, с последней четверти XVI в. густо замешенная на реформационных практиках (например, Львовское Успенское братство, получив в 1586 г. от антиохийского патриарха Иоакима право патриаршей ставропигии, то есть неподчинения местным владыкам, начало активно вмешиваться в церковные дела, претендуя на контроль над духовенством). Наконец, появился и дополнительный политический стимул, ускоривший события: в 1589 г. Константинопольский патриархат признал автокефалию Московского патриархата, глава которого носил титул «патриарха Московского и всей Руси». В подтексте этого титула угадывались претензии на украинские и белорусские земли, что автоматически делало сторонниками идеи унии короля и правящую верхушку Речи Посполитой.

Таким образом, на протяжении 1591–1594 гг. была начата подготовка акта унии, ускоренная тем, что с 1592 г. папский престол занял Климент VIII,

решительный сторонник объединения Церквей. В Речи Посполитой позиции иерархов, настроенных благосклонно к унии, усиливались тем, что в 1593 г. владими́ро-берестейским владыкой стал бывший берестейский каштелян и сенатор Ипатий (Адам) Потий, человек образованный и авторитетный. В то же время обнаружались и первые сложности: князь Василий-Константин Острожский настаивал на собственном проекте, который опирался на принцип «универсальной унии», то есть объединение Восточной и Западной Церквей при согласии всех патриархов, в том числе Московского. Это делало реализацию унии нереальной, как с учетом враждебного отношения Московии к «латинству», так и ввиду турецкой власти, которая не дала бы согласия на сотрудничество церковной верхушки своего государства с Римом. Контуры конфликта между князем и владыками четко обозначились в конце 1594 г., когда без согласования с ним Терлецкий и Потий, при участии луцкого католического епископа Бернарда Мацейовского, составили так называемые «Торчинские артикулы» — сформулированные в г. Торчин на Волыни условия, на которых могла бы осуществиться уния (данный документ подписали тогдашний митрополит Михайло Рагоза и семь владык). В феврале 1595 г. Кирилл Терлецкий вручил Торчинский акт папскому нунцию в Польском королевстве, а тот передал его в Рим.

Вот основное содержание пунктов, на основании которых вскоре будет провозглашена уния: 1) формы таинств и обрядов руськой Церкви остаются неизменными; 2) кандидаты на высшие духовные посты избираются только из людей «руськой и греческой нации», епископов рукополагает митрополит, а митрополита избирают епископы, однако подтверждение он должен получить от римского папы, а не от константинопольского патриарха, как было до сих пор; 3) православные епископы становятся членами сената наравне с католическими (вопреки рекомендациям и даже настояниям Рима этот пункт не был реализован вплоть до 1790 г.); 4) все монастыри, храмы и церковные братства находятся под контролем епископов без вмешательства светских лиц; 5) людей восточного обряда запрещается перекрещивать в католичество, допускаются смешанные браки без перехода одного из брачующихся в веру другого (первый из этих пунктов так и остался декларацией); 6) руськая Церковь

78. *Ипатий Потий. Рисунок 1714 г.*

наравне с католической может содержать школы и семинарии «греческого и словенского языка», а также основывать собственные типографии; 7) юрисдикция Константинопольского патриархата на территории Речи Посполитой теряет силу, следовательно, объявляются недействительными все посвящения, которые будет делать патриарх.

После того как папский нунций Маласпина осторожно, чтобы, как он писал, «не вызвать каких-то беспорядков в государстве, которые впоследствии были бы приписаны мне», провел несколько консультаций, а король гарантировал льготы униатскому духовенству, было решено, что Кирилл Терлецкий и Ипатий Потий отправятся как представители Киевской митрополии в Рим для совершения унии. Между тем ситуация складывалась далеко не в пользу согласия между православными. Торчинские артикулы, посланные Потием на ознакомление Острожскому, князь воспринял крайне негативно. Светский патрон русской Церкви поставил ультиматум: артикулы должны быть обсуждены на соборе при участии духовенства и шляхты. Потий пообещал, но сдержать слова не смог. Воспрепятствовал король: приняв во внимание «некоторые но-

вости», то есть информацию о нарастании со всех сторон оппозиции, Сигизмунд III признал созыв собора излишним, потому что, во-первых, как он резонно мотивировал в письме князю, забота о душах верующих — это дело пастырей, а не мирян, а во-вторых, многолюдные собрания не облегчают, а затрудняют дело.

Возмущенный князь ответил знаменитым «Оповещением» — универсалом от 25 июля 1595 г., напечатанным в Острожской типографии. Титулуя себя «Константин, Божою милостью князя Острожское», он призывал православную Русь стать на защиту оказавшегося под угрозой «благочестия». В конце августа того же года князь послал своего уполномоченного на съезд протестантов Польши и Литвы, призывая к общим действиям против короля как нарушителя присяги о соблюдении межконфессионального мира. Здесь нужно пояснить, что с 1573 г. короли Речи Посполитой, вступая на престол, присягали на так называемых Pacta Conventa [«Договорных пактах»], которые представляли собой соглашение между правителем

79. Сигизмунд III Ваза.
Прижизненный портрет
Эльстраке

и шляхтой-избирателями; помимо среди прочего, там имелся и пункт о ненарушении прав иноверцев-некатоликов. Несоблюдение королем перечисленных в соглашении обязательств освобождало шляхту от обязанностей подданства и давало основание воспользоваться «правом сопротивления», вплоть до вооруженных выступлений.

Угроза Острожского, который имел пятнадцатидвадцатитысячное собственное войско и которого могли поддержать и магнаты-протестанты, серьезно беспокоила королевский двор. На двух специальных заседаниях сената, созванных по этому поводу, дебатировалась необходимость уступок князю или даже вообще подвергалась сомнению своевременность принятия унии. Характерно, что ее противниками были католические иерархи, недовольные перспективой уравнивания Православной Церкви с Католической. Перевесил силовой подход — использовать подходящий момент, опираясь на крепкую королевскую руку. Таким образом, посольство Терлецкого и Потия в конце сентября 1595 г. отправилось в Италию, везя с собой рекомендательные письма от короля, нунция Маласпини и Скарги к папе и генералу Общества иезуитов. Прогнозируя ситуацию, Скарга в своих письмах без особого оптимизма писал: «Народ их какой-то несговорчивый, грубый и очень непокорный... Эти мятежные еретики и схизматики сплачиваются, очень раздраженные сближением владык с Католической Церковью».

Два собора в Берестье 1596 г.

Руськие владыки, вопреки угрозам Острожского и слухам о том, что княжеские люди схватят их по пути в Австрии или в самой Италии, добрались до Рима благополучно. После официальных заседаний 23 декабря 1595 г. в зале Константина — одном из наиболее пышных залов Ватикана, в присутствии 33 кардиналов состоялась торжественная церемония принятия Киевской митрополии в союз с Римско-католической Церковью, в память о чем папа приказал выбить медаль с надписью «*Ruthenis receptis*» [«На приобщение русинов»]. Тем же днем, 23 декабря, датирована и папская булла *Magnus Dominus* [«Великий Господь»], которая объявила унию свершившейся.

Ближайшие месяцы показали, что на самом деле до этого было еще далеко. За те полгода, что Потий и Терлецкий ездили в Рим (с осени 1595 по март 1596 г.), агитация против унии приобрела самые резкие формы, о которых некий грек-аноним, современник событий, писал так: «А наибольшим чудом было то, что светские паны и простой люд возгорелись святой ревностью и со всей силой сопротивлялись их [униатским] планам». Еще один тогдашний наблюдатель,

называя владык-униатов «покоя христианского нарушителями», язвительно добавляет, что они были в Риме «яко медведе музыкаю скоморошскою, тарарушками утешани».

На сейме весной 1596 г. проблема унии впервые обсуждалась публично. Православные послы требовали от короля сместить с епископских кафедр Потия и Терлецкого, а получив отказ, объявили, что не признают ни унию, ни церковных иерархов, которые заключили ее без согласия мирян. Аналогичную позицию заняли и братства, прежде всего влиятельное Львовское. Некоторой загадкой для историков остается вспышка казацкого восстания под предводительством Северина Наливайко и Мартына Шаулы, которое пришлось на сентябрь 1595 — июнь 1596 г. и сосредоточилось в нетрадиционных для казацкой активности местностях: на Волыни и Белоруссии. Современники, в частности, с уверенностью утверждали, что за репрессивными действиями повстанцев против окружения луцкого владыки Кирилла Терлецкого стоял князь Василий-Константин Острожский.

К церковному собору, назначенному на 16 октября 1596 г. в Берестье, обе стороны готовились не как к экуменической акции, а как к решающему столкновению. Группа сторонников унии в ожидании острых дебатов запаслась

четырьмя иезуитскими теологами во главе с самим Петром Скаргой и тремя католическими епископами — луцким, львовским и холмским. Православную сторону, кроме епископов, не подписавших Торчинских артикулов (львовского и перемышльского), представляли трое уполномоченных Константинопольского патриархата и около двухсот представителей среднего духовенства: архимандритов,

игуменов, протопопов. Кроме того, шляхта каждого руського воеводства выслала на собор светских представителей, а мещане больших городов — собственные делегации. Понятно, что участниками собора были и князь Василий-Константин Острожский и его сын Александр: Острожские привели с собой достаточно большой вооруженный отряд, в том числе татарский эскорт.

Съехавшись в Берестье и не найдя, как и можно было ожидать, понимания даже в отношении совместного заседания, обе партии на третий день, 18 октября, начали соборы порознь: униаты в городской соборной церкви

80. Памятная медаль в честь Берестейской унии «*Ruthenis receptis*». 1596 г.

Святого Николая под охраной отряда одного из королевских посланцев, а православные — в усадьбе, где остановились князя Острожские. Каждый собор начался с провозглашения собственной правомерности, а закончился осуждением «отступников». Униатский митрополит Михайло Рагоза проклял и лишил сана непослушных львовского и перемышльского владык, а на православном соборе наместник константинопольского патриарха Никифор, в свою очередь, отлучил от Церкви и лишил сана митрополита Рагозу и владык-униатов.

Так Русь раскололась на две неравные части: православные без иерархов, с одной стороны, и иерархи-униаты без верующих — с другой. И на первых, и на вторых легла тень церковной анафемы. И первых, и вторых окутал пыл совершенно светской вражды. В официальном протесте, записанном 23 октября 1596 г. в судебные книги замка волынского г. Владимира, участники православного собора заявили о твердом намерении не только не принимать акт унии, но, наоборот, объединиться и всеми силами выступить против унии. А в обращении Василия-Константина Острожского к королю то, что произошло, квалифицировалось как нарушение прав «русского народа» и сопровождалось глухой угрозой скорой смуты как следствия нарушения прав и вольностей подданных короля.

Ответом Сигизмунда III, решительно принявшего сторону униатов, можно считать универсал от 15 декабря 1596 г., которым решения униатского собора провозглашались обязательными. Отныне королевский патронат над «людьми греческой русской веры» не распространялся на «отступников», а за сторонниками унии официально закреплялись высшие церковные посты, кафедры, монастыри и их имения, а также юрисдикция надо всем низшим духовенством восточного обряда.

Начиналось великое противостояние, которое превратило Брестскую унию, задуманную как инструмент взаимопонимания, в символ раздора, вражды и насилия.

81. Церковь Св. Николая в Берестье.
Рисунок 1759 г.

Обеим сторонам, увлеченным стихией борьбы, суждено было в равной степени стать жертвами собственного рвения. Размышляя о причинах этого феномена, необходимо признать, что православные ничего не теряли от унии, даже больше: владыки-униаты, в поисках опеки Римской курии через головы епископата польской Католической Церкви, без сомнения, укрепляли позиции православных в католическом государстве. Ничто не угрожало и традиционной обрядности русьской Церкви, а наиболее острые догматические расхождения в артикулах унии трактовались с осторожной деликатностью и отдавались на откуп будущим богословам. Поэтому в основе враждебного отношения к унии лежало прежде всего сопротивление «новинкам»: ментальное неприятие всякого нововведения, опровержение его как покушения на устоявшуюся, а следовательно, справедливую и добрую старину. А к организованному сопротивлению подталкивали не конфессионально-мировоззренческие причины, а социальный инстинкт. Перед Русью возникала дилемма: за кем идти, чьему призыву подчиниться, монарха на троне или собственного некоронованного правителя «Божьей милостью»? Выбрав князя Острожского, Русь тем самым ответила, кому, по ее представлениям, принадлежит приоритет.

Протестанты — третья сила в споре

Начало распространения протестантских вероучений, направленных на реформирование Церкви, на польских землях относится к первым десятилетиям XVI в. В частности, в вассальной по отношению к польскому королю Пруссии протестантизм имел настолько молниеносный успех, что в 1544 г. в Кенигсберге [ныне Калининград] начал действовать лютеранский университет, превратив Кенигсберг во второй после Виттенберга центр лютеранства. Параллельно реформационные настроения охватили польско-немецкое пограничье Силезии: во Вроцлаве с 1519 г. начали печатать произведения Мартина Лютера, а в 1525 г. был издан лютеранский катехизис. Призывы к обновлению религиозной жизни путем упрощения обрядности и укрепления личной веры проникали в глубь Польши как через студентов-поляков, обучавшихся в немецких университетах, так и через распространение протестантской литературы, массово печатавшейся в немецких княжествах. Критикуя упадок духовной жизни, корыстолюбие и деморализацию духовенства, польские интеллектуалы солидаризировались с протестантскими требованиями реформ, выдвигая лозунг поворота к «чистому Евангелию и искреннему слову Божьему».

Начиная с середины XVI в. несколько направлений протестантского вероучения утвердились во внутренних землях Польского королевства. В 1548 г.

в Великой Польше нашли убежище члены изгнанного из Австрии и Чехии протестантского сообщества чешских братьев, близких по вероучению к лютеранам; они активно вовлекали в свое движение местное население, и в 1573 г. уже существовал 31 приход чешских братьев. В целом же в великопольских воеводствах в последней четверти XVI в. к лютеранам отошло свыше 40% католических парафий.

В Малой Польше и в соседней с ней Галицкой Руси приобрел популярность кальвинизм, который утверждался тем, что шляхта просто устраняла из костелов католических ксендзов и передавала приходы сторонникам учения Кальвина (1509–1564), которые проповедовали дешевую церковь, демократизированную структуру церковной власти и предоставление в ней голоса светским представителям. О массовости этого явления дают представление следующие цифры: в конце XVI в. в трех малопольских и Руськом воеводстве функционировало от 206 до 297 кальвинистских религиозных общин, а в 1554 г. состоялся первый синод, который придал структурные формы церковной организации кальвинистов.

Аналогичные процессы в середине XVI в. охватили и Великое княжество Литовское, где благодаря мощной поддержке канцлера Николая Радзивилла Черного кальвинизм стал на некоторое время вообще господствующим среди магнатов и шляхты вероучением. В частности, в 1562 г. в Несвижской типографии Радзивиллов на территории Белоруссии был впервые напечатаан на руськом языке кальвинистский катехизис, составленный Шимоном Будным.

Наконец, в 1565 г. из кальвинистской Церкви выделилась так называемая *Ecclesia Minor* [«Младшая Церковь»], сторонники которой называли себя польскими братьями (оппоненты дали им пренебрежительное название «ариае», по имени одного из раннехристианских еретиков Ария). Отрицая догмат Святой Троицы, польские братья признавали лишь Бога Отца, зато Христа считали человеком, осененным Духом Святым после воскресения. «Новокрещенцы» (вступая в церковную общину, польские братья принимали повторное крещение) представляли собой одно из наиболее радикальных течений протестантизма, пропагандируя, например, освобождение крестьян от зависимости и требование того, чтобы каждый человек зарабатывал хлеб насущный своими собственными руками. В конце XVI в. выходец из Италии Фауст Социн (1529–1604), влившись в сообщество польских братьев, придал их вероучению социальную умеренность и теологическую завершенность. Социниане, то есть последователи Социна, провозглашали разум человека (*ratio*) главным инструментом для постижения Священного Писания, а моральное самоусовершенствование — единственным способом преодоления греховности.

Рациоцентризм доктрины социниан побуждал их придавать огромное значение распространению образования. В частности, в 1600 г. в малопольском г. Ракове они открыли типографию, которая на протяжении 1600–1638 гг. издала свыше 200 наименований книг, а с 1602 г. здесь же действовала Раковская социнианская академия (она была закрыта постановлением сейма в 1638 г.).

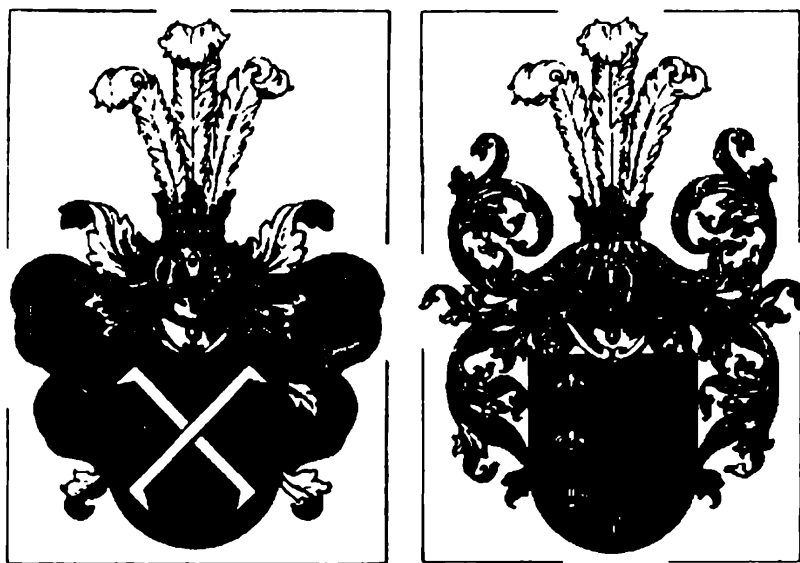
Многообразие конфессиональных течений вызвало к жизни в 1550–1560-х гг. движение, тяготевшее к образованию польской Церкви, которая на экуменических началах объединила бы католиков и протестантов под верховенством папы (глава тогдашней Католической Церкви в Польше, примас Якуб Уханский, даже видел в этом сообществе место для православных). Залогом жизнеспособности такой Церкви ее сторонники считали реформы по протестантскому образцу: внедрение в богослужение народного языка вместо латыни, разрешение вступать в брак духовенству, демократизацию управления. Эти планы не были реализованы, однако сама активизация религиозной жизни способствовала примирению представителей разных вероучений, важнейшим следствием чего стал акт Варшавской конфедерации 1573 г., по которому католики и протестанты взаимно гарантировали сохранение религиозного мира и неприменение оружия для решения межконфессиональных конфликтов. Этот пункт Варшавской конфедерации вошел и в уже упомянутые *Pacta Conventa*, то есть обязательства, которые брал на себя, присягая, каждый новоизбранный король.

Протестантские вероучения не обошли стороной и Украину-Русь. В Галиции кальвинистские пасторы и прокальвинистски настроенная шляхта уже в середине XVI в. находились под опекой магнатов Мацея и Николая Стадницких, перемышльского каштеляна Станислава Дроговского (родившегося в православной семье), руського воеводы Николая Сенявского, подольского воеводы Ежи Язловецкого, Яна Тарновского и др. Последовавшее за этим распространение учения социниан было здесь непосредственно связано с личностью выдающегося теолога и проповедника, крещеного еврея из Мантуи Франко Станкаро (1501–1574), который по приглашению Стадницкого на протяжении 1561–1570 гг. был пастором школы и семинарии, основанной в г. Дубецке. Именно здесь Станкаро написал один из своих самых известных трактатов «*De Trinitate et Incarnatione*» [«О Троице и Воплощении»]. Через Дубецкую школу за время ее существования прошло свыше 300 юношей из шляхетских семей Перемышльской и Сяноцкой земель, поэтому не без оснований Иоанн Вишенский в своих посланиях несколько позже сетовал: «Поеретичили вси обитальницы Малои Руссии» (полемист называет своих земляков-галичан «новокрещенцами», то есть он имел в виду не кальвинистов, а социниан).

Распространилось учение польских братьев также и на Волыни. Здесь, как предполагают, почву для реформационных идей в известной степени подготовила секта «жидовствующих». Она появилась еще в конце XV в. среди новгородско-московских еретиков, но там была быстро уничтожена, и часть ее последователей эмигрировала в Великое княжество Литовское. Жидовствующие отрицали догмат триединства Бога и божественную природу Христа, а также роль Церкви как посредника при общении человека с Богом, доказывая, что моральных добродетелей можно достигнуть через изучение Библии и духовное самоусовершенствование. Источники упоминают подолгу проживавших на Волыни представителей этой секты: старца Артемия, священника Исаяю и монахов Феодосия Косого и Игнатия, которых опекали местные паны Кадьян Чаплич-Шпановский и Кирдей и князь Василий-Константин Острожский (характерно, что впоследствии Феодосий Косой, как считают, прибился к Младшей Церкви, то есть сообществу польских братьев). Впрочем, сказать определенно, откуда поступали на Волынь протестантские импульсы, от жидовствующих или от польских братьев Галиции и Малой Польши, за недостатком соответствующих источников трудно, но несомненным является то, что в последней четверти XVI в. немало местных панских семей уже имели в своем составе «еретиков»-социниан.

Меньшее распространение на Волыни получил кальвинизм, который проник сюда преимущественно через связи с белорусско-литовской верхушкой. В частности, через увлечение этим протестантским течением прошли и княжеские роды Заславских, Сангушко, Збаражских и Вишневецких. Поэтому раздражающие до сих пор украинских историков религиозные обращения православных магнатов не были ни «изменой», ни чем-то исключительным: они были целиком созвучны общей конфессиональной ситуации в тогдашнем Польско-Литовском государстве. Ортодоксальное православие руських князей в середине — второй половине XVI в. (так же как и ортодоксальное католичество) вполне в согласии с конфессиональной «модой» аристократических верхов сначала вытеснялось протестантскими «новинками», а после наступления укрепленного послетридентскими реформами католицизма возвращалось в объятия ортодоксального вероучения. Прокатолическая позиция королевского двора, с которым так или иначе были связаны интересы магнатских кланов, определила характер религиозных предпочтений как вчерашних протестантов, так и вчерашних православных. По язвительному высказыванию польского историка Влодзимежа Двожачка, «магнаты, опережая какие бы то ни было притеснения со стороны короля, массово и едва ли не наперебой отходили от дела, которое считали проигранным».

Что касается численности протестантской шляхты Волыни и Киевщины, то за недостатком соответствующих источников определить ее трудно. Исследователи допускают, что число общин на пике распространения протестантизма, то есть в конце XVI — начале XVII в., должно было быть достаточно большим. Среди прочего, особенно выделяется кальвинистская община в Берестечке, существовавшая под протекцией владельцев города князей Пронских; аналогичным образом Горностаи занесли кальвинизм в свои владения на Киевском Полесье. В Остроге активными деятелями Острожского учебного кружка были «чешский брат» Мартин Броневский и социниане Мотовило и Каспар Лушковский. Около 1600 г. появилась первая социнианская школа

82. Гербы Чапличей «Кирдея»
и Немиричей «Клямры»

Чаплич-Шпановский, внук покровителя жидовствующих Кадьяна, основывает первую социнианскую школу среднего типа и одновременно — низшую школу в г. Березка.

Спутницей протестантизма была идея перевода Священного Писания на «национальные» языки. Руськое сообщество Великого княжества Литовского это движение также не обошло стороной. А начало ему было положено деятельностью знаменитого полочанина Франциска Скорины (ок. 1490 — ок. 1551), издавшего в Праге в 1517–1519 гг. в переводе на «простой» язык Псалтырь и часть книг Библии. Его труд продолжил другой полочанин — Василий Цяпинский, вероятнее всего кальвинист, который в 1570-х гг. осуществил первый перевод Евангелия и сам издал его в собственной «убогой типографии» (как он ее называет). Аналогичные интеллектуальные сдвиги

на Волыни, основанная в г. Гоще владельцем города — Гаврилом Гойским; в начале XVII в. возникают первые социнианские общины в Остроге и Староконстантинове, а с 1608 г. подобные центры создаются по инициативе Павла Сенюты-Ляховецкого в Ляхивцах и Сенютовичах. На Киевщине около 1610 г. по инициативе Стефана Немирича, отца будущего покровителя и лидера социниан Юрия Немирича, возникла социнианская община в Черняхове, а на Волыни, в Киселине, с 1612 г. Мартин

наблюдаются на Волыни, где в 1556–1561 гг. появляется Пересопницкое Евангелие, переведенное, как сказано в послесловии, «изъ языка българского на мову рускую, то для лепшого вырозумленя люду христіанского посполитого». Показательно, что переводчик широко привлекает и использует чешский текст Священного Писания (не под влиянием ли чешских братьев?). Еще один местный перевод Евангелия, который в 1581 г. сделал Валентин Негалевский в с. Хорошеве, опирался на польский текст социнианина Мартина Чеховица, изданный в 1577 г. К сожалению, ни Пересопницкое, ни Хорошевское Евангелия напечатаны не были.

Тенденция к сближению духовной жизни православных и протестантов хорошо иллюстрирует судьба катехизиса Стефана Зизания — церковного писателя и богослова, уроженца с. Потелич в окрестностях Дрогобыча (ок. 1570 — ок. 1606). Катехизис Зизания, изданный в Вильне в 1595 г., был осужден как еретический и православной, и католической церковной экспертизой, поскольку в христологической концепции автора и те и другие ортодоксы усмотрели влияние социнианского учения о небожественной природе Христа. Впоследствии брат Стефана Лаврентий, автор еще одного катехизиса, пытался издать свое произведение в Москве. Однако и там, на диспуте 1627 г. с русскими богословами, Зизания обвинили в ереси, а уже напечатанный тираж книги уничтожили.

Завершая краткий обзор распространения протестантских вероучений в Украине-Руси, стоит подчеркнуть, что в противостоянии, начавшемся между Православной и Униатской Церквями после Берестейской унии 1596 г., протестанты сразу заняли сторону православного «благочестия» как оппозиционного по отношению и к их противнику Римско-католической Церкви. А навыки полемики, организованность и горячее рвение к гонимой вере, выработанные протестантами в борьбе за выживание, их православные союзники начали перенимать уже с первых дней войны, объявленной унии.

Словесная война за и против межцерковной унии

Испытанным оружием протестантов было слово: проповедь и печатная книга. С созданием Общества иезуитов (1540 г.), аккумулировавшего мощные интеллектуальные силы Католической Церкви, ответ «еретикам» не заставил себя долго ждать. Реформационное свободомыслие распространялось под аккомпанемент полемики, которая сопровождалась появлением огромной печатной продукции, посвященной конфессиональным проблемам. Порой очень остро

написанная, полемическая словесность привлекала внимание читателя, приучая его к логике доказательств и контраргументов. Объем продукции такого рода нарастал как лавина и в Речи Посполитой. К примеру, можно упомянуть, что здесь на протяжении 1564–1600 гг. одни лишь иезуиты издали 126 полемических трудов. Протестанты не остались в долгу: силами одной только Раковской типографии, как уже говорилось, в 1600–1638 гг. было выпущено более 200 наименований книг, а кроме Ракова, такая продукция печаталась во Вроцлаве, Гданьске, Торуне, Кракове, Люблине, Пинчеве и многих других городах. Часто с подлинно молниеносной оперативностью она дублировалась в польском переводе латиноязычные издания, появлявшиеся на Западе. Тогда же сложилась и практика параллельного издания версий произведения на двух языках — латинском и польском, а также оперативной печати коротких памфлетов, обращенных к конкретному оппоненту с обоснованием ошибочности взглядов, изложенных

им в какой-то предыдущей книге. Такая форма дискуссии была до блеска отшлифована идеологами реформационного движения Кальвином, Меланктоном, Серветом, Цвингли и др.

Православной церкви, если она хотела поспеть за временем, предстояло в кратчайшие сроки освоить этот арсенал приемов и тактик. Удавалось не все и не сразу. Это в конечном итоге не должно удивлять: ни жанр теологического трактата, ни жанр полемики не практиковался до конца XVI в. в русской церковной традиции, которая склонялась скорее к проповеднической прозе в стиле «плетения словес», то есть пышно орнаментированного языка, который проник на Русь в конце XIV — начале XV в. с Балкан. В последней четверти XVI в. этот давний арсенал проповеди был существенно модифицирован в поединке с опытными «латинскими» полемистами, сначала иезуитами, а затем и оппонентами-униатами.

Первой полемической пробой русского пера стало «Послание до латын из их же книг», написанное около 1582 г. в ответ на трактат Петра Скарги «О единстве Божьей

83. Страница Пересопницкого Евангелия. 1556–1561 гг.

Церкви под одним Пастырем». Допускают, что этот текст по поручению князя Василия-Константина Острожского сочинил сочинянин Мотовило. Автор применил приемы протестантской полемики, что вызывало острую реакцию православных: князь Андрей Курбский, например, демонстративно возвращая Острожскому подаренный экземпляр, с возмущением писал:

[С начала времен не слыхано,]... чтобы христианин правоверный услаждался епистолиями арианина христоненавистного.

Более широкий поток полемических произведений открывает книга ректора Острожской школы Герасима Смотрицкого «Ключ Царства Небесного», изданная в Остроге в 1587 г. Это сильно и живо написанное произведение, направленное против календарной реформы, было ответом на упомянутую выше брошюру 1586 г. Бенедикта Гербеста «Изложение веры Римской Церкви». На краткую апологетическую историю католицизма Смотрицкий ответил такой же краткой обличительной историей папства, опираясь на протестантский тезис о «папе-антихристе», чья власть является «предадием», тогда как ключ от Царства Небесного доступен лишь людям «степенной» православной веры. Календарную реформу Смотрицкий рассматривает не с догматической, а с повседневной точки зрения, сочно зарисовывая «великий и дивный розрух», к которому она приведет в повседневной жизни. Автору известны и виновные:

А то все справа тых новоименных законников, которим уприкрилося звати християны, прозвалися езусяны, или езуитаны... робити чого потребного не хотять, так они старое поруть, да опят пошивають...

Следующее произведение, изданное в Остроге в 1588 г., называлось «О единой истинной православной вірі» и было подписано псевдонимом Василий Суражский (авторство приписывают члену Острожского ученого кружка Василию Малюшицкому). Эта книга стала первым богословским произведением, посвященным критике догматических расхождений между православными и католиками, хотя формальным поводом к ее написанию также стал спор вокруг нового календаря. Это примечательно: календарную реформу, хотя она, казалось бы, не имела отношения к догматическим спорам, и православные, и протестанты восприняли как диктат папы, побаиваясь, как писал в 1597 г. «чешский брат» Мартин Броневский, чтобы «за этим календарем не стояло чего-то другого». Таким образом, календарный вопрос

превратился в своего рода разминку перед большим словесным противостоянием по поводу унии.

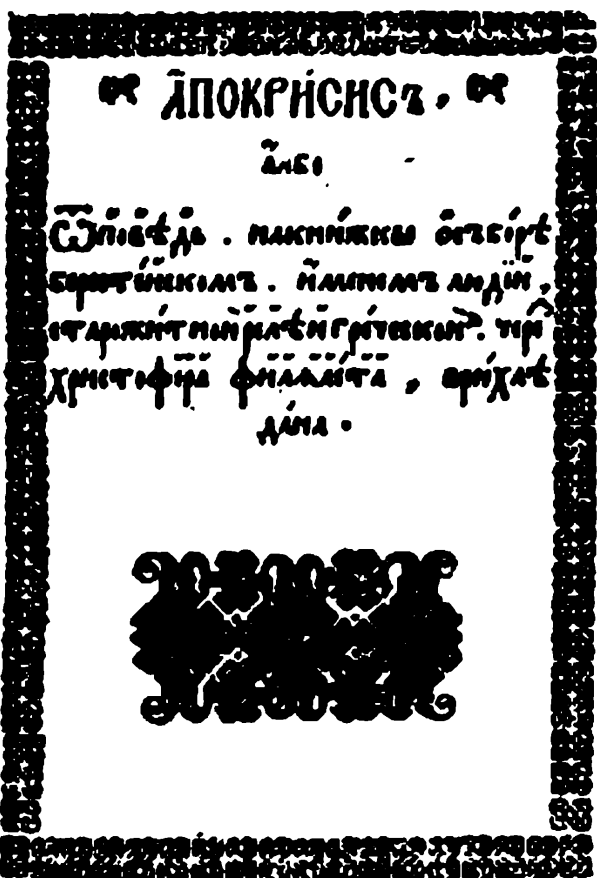
Дебаты вокруг унии открыла книга анонимного автора (вероятнее всего, Ипатия Потия), изданная в Вильне в 1595 г. под названием «Унія альбо выклад предшейших артыкулов ку зъодноченю греков с костелом рымским належащих». Произведение развенчивало агитационные выпады против унии. Потий не оставил без внимания и тезис о «папе-антихристе», обращаясь в свойственном ему энергическом стиле к читателю:

Нехай же тобі, дурню, што их слухаеш... скажут геретыкове, если відають имя тоє Антихристово...

Ответ не заставил себя долго ждать. В следующем 1596 г., как раз накануне Брестского собора, Стефан Зизаний издает в Вильне одновременно на польском и руськом языках «Казанье святого Кирила, патріархи Єрусалимского, о Антихристі и знаках его». Используя трактат кальвиниста Зибранда Люберта «De Papa Romano» [«О римском папе»], Зизаний перечисляет 11 «знаков» в подтверждение того, что папа является посланцем ада. Невзирая на очевидную абсурдность, идея «папы-антихриста», пропагандируемая протестантскими, а затем и православными проповедниками, стала одним из серьезных козырей в агитации против унии.

Новую силу словесные баталии приобрели после Брестского собора 1596 г., надолго определив «линию баррикад», разделившую Русь униатскую и Русь православную. Вступительное слово предстояло провозгласить Скарге и Потю, двум духовным отцам унии: в начале 1597 г. появились две

версии (польская и руськая) книги «Описание ѥ оборона собору руского Берестейского». Эти версии были напечатаны анонимно, но считают, что текст принадлежал Скарге, а перевод — Потю. Авторы, естественно, описывают собрание униатов как каноническое, а православных как частную

84. Титульный лист труда Христофора Филалета «Апокрисис» (Острог, 1598)

«схажку в каменицы берестейской», спровоцированную «еретиками» — кальвинистами и арианами.

Ответ оппонентов оказался стилистически более сильным. Уже летом того же года в Кракове, в социнианской типографии Родецкого, вышел (тоже анонимно) сборник актов православного собора под названием «Эктезис» [«Краткая выборка»]. Здесь в форме протокола изложен ход событий, процитированы документы, названы имена присутствующих, пересказаны выступления на диспутах и т. п. Документальность произведения создавала сильное впечатление, убеждая читателя в том, что с канонической стороны православный собор безукоризнен, а противозаконной «схажкою» было как раз собрание униатов.

Однако самым заметным среди ранних полемических произведений стал написанный по заказу князя Василия-Константина Острожского и изданный осенью 1597 г. в той же социнианской типографии в Кракове по-польски, а в начале 1598 г. в Остроге по-руськи трактат под названием «Апокрисис» [«Ответ»]. Автор подписался псевдонимом Христофор Филалет [Христоносец Правдолюб], под которым скрывалось доверенное лицо старого князя, протестант из Великой Польши Мартин Броневский (ок. 1568–1624). «Апокрисис» — это действительно одна из вершин высоко-полемического стиля, книга, отмеченная ярким литературным талантом и мастерством опытного диспутанта, меткой логикой целящего в слабые места оппонента. Еще более существенным является то, что именно в «Апокрисисе» была сформулирована программа, которой на протяжении десятилетий будет руководствоваться украинская оппозиция. Напоминая о принципах Варшавской конфедерации 1573 г., нарушенных королем в отношении православных, Филалет обращается к шляхте Речи Посполитой с многозначительным призывом: «Стережитесь того, абы тоєю дирею, которая ся в правах нам служащих діет, вси ся вашим милостям свободы не вислизнули».

Права и вольности русинов и поляков, предостерегает он, «в едних дощках... замкнены и едными звязками утвержени суть», поэтому нарушение их

85. Мелетий Смотрицкий. Гравюра из книги Якова Суши «*Saulus et Paulus Ruthenae unionis*» (Рим, 1666)

равновесия — это прямой путь к гражданской войне. Следовательно, «милость и согласие», о которых говорят униаты, могут обернуться катастрофой для государства, решившегося посягнуть на веру своих граждан, ведь «Ничего не ест так добровольного, як набоженство и віра».

Нет необходимости останавливаться на всех произведениях, которые после 1598 г. вышли из-под пера про- и антиуниатски настроенных публицистов: поток полемической словесности охватывает слишком много имен и трудов, изданных в Остроге, Львове, Вильне, Киеве. В этом потоке можно выделить два главных течения, отражавшие характерный для того времени способ мышления и, в свою очередь, побуждавшие читателя к действиям. Первое течение, начало которому было положено книгой Филалета, невзирая на остроту отдельных выпадов, отражает тревожное предчувствие катастрофы, призывая к поиску путей преодоления опасного раскола. С особой силой эта позиция отражена в произведениях и даже самой жизни Мелетия Смотрицкого.

Максим (после монашеского пострига Мелетий) Смотрицкий (ок. 1577–1633) был сыном первого ректора Острожской школы Герасима Смотрицкого. Учился в Остроге и Виленской иезуитской академии; после 1600 г. как наставник белорусского княжича Богдана Соломерецкого осуществил вместе со своим подопечным образовательное путешествие, слушая лекции в протестантских университетах Вроцлава, Лейпцига, Нюрнберга и Виттенберга. С 1608 г. проживал в Вильне, приняв в 1618 г. монашеский постриг в Виленском Братском монастыре, а осенью 1620 г. был рукоположен в сан полоцкого архиепископа; на протяжении 1625–1626 гг. совершил паломничество к христианским святыням Востока. После возвращения по приглашению князя Александра Заславского, наследника Острожских, стал архимандритом Дерманского монастыря недалеко от Острога, где и прожил до смерти. Очевидно, тогда же, в 1627 г., начал склоняться к унии, о чем открыто объявил через год, после конфликта с участниками Киевского православного собора 1628 г. На этом соборе была предана анафеме его книга «Апология», в которой Смотрицкий доказывал, что основные догматы Западной и Восточной Церквей не расходятся, а потому примирение между ними возможно и даже желательно в перспективе интересов Руси.

Кроме знаменитой «Грамматики словенской» (1619), которая стала первой кодификацией церковнославянского языка в восточнославянской редакции, перу Смотрицкого принадлежит ряд трудов теологично-публицистического содержания. В частности, громкую славу молодому богослову принесла уже его первая книга — трактат «Антиграфы» (1608 г.), написанный в ответ на произведения Ипатия Потия «Герезия» и «Гармония». Однако по-

настоящему знаменитым его сделала изданная в Вильне в 1610 г. брошюра «Тренос, или Плач Восточной Церкви». Накануне ее появления Вильна была взбудоражена драматическими событиями: Ипатий Потий (к тому времени уже митрополит) силой захватил десять православных храмов и добился запрещения собраний и богослужений Виленского православного братства. В ответ последовали угрозы, а в августе 1609 г. было осуществлено покушение на Потия, спровоцировавшее репрессии. На горизонте замаячил тревожный призрак военного конфликта, который в книге Смотрицкого отзывается предчувствием гражданской войны «Руси с Русью». Произведение не было обращено, как было принято в полемической литературе, к конкретному оппоненту. Вступительные разделы, написанные с большой художественной силой, представляют собой сетования «Матери-Церкви» на всех своих детей, забывших о согласии, обманувших и покинувших ее, соблазнившись суетой мира. Другую часть книги составляют рассуждения теологического характера, однако и здесь автор делает язвительные выпады не в сторону униатов, а в сторону служителей Православной Церкви — неучей, пропойц и стяжателей, чье призвание «не благоустройство церковных дел, а стакан в корчме». Эти инвективы характерно подчеркивают позицию Смотрицкого, который не столько призывает к победе «благочестия» любой ценой, сколько ищет способы примирить «Русь с Русью».

На протяжении 1628–1629 гг. в свет выходят целых три труда Мелетия Смотрицкого (упомянутая выше «Апология», «Протестация» и «Паренезис» [«Напутствие»]), в которых автор пытается вновь и вновь убедить оппонентов в том, что примирение уберезит православие от упадка, а русинам предоставит права, благоприятные для образования и Церкви. Уния, доказывает он, ничем не угрожает русинам, более того, борьба между униатами и православными не стоит того, «чтобы мы, Русь, друг друга проклинали: отцы сыновей, брат брата, сыновья отцов». Выход из кризиса Смотрицкий усматривает в создании собственного патриархата под номинальным верховенством папы — не как главы римской Церкви, а как Вселенского Пастыря. «Стародавняя на руських землях не Православная Церковь, а церковное единство», — в который раз напоминает он оппонентам, излагая историю крещения Руси и зарождения ее церковных институтов. Остро критикуя православное церковное сообщество в последней из своих работ, изданной во Львове в 1629 г. под названием «Экзетезис» [«Сопоставление»], Смотрицкий подчеркивает его главный изъян — неспособность к самообновлению: не прогрессирует образование, не стабилизируется церковный порядок, все остается «по-старому», то есть в состоянии деградации.

Противоположный полюс ценностных установок представляет самый талантливый мастер русского слова того же времени Иоанн Вишенский родом из г. Судовая Вишня неподалеку от Перемышля. Биографические сведения о нем крайне скудны: родился между 1545 и 1550 гг.; жил в Луцке, Львове и Остроге; монашеский постриг, вероятно, принял в Дубенском монастыре на Волыни; как послушник бывал в Спасском монастыре около Перемышля и в Уневском и Жидиченском монастырях. Около 1576–1580 гг. совершил путешествие к Святофонской горе в Грецию, где жил монахом, а под конец жизни — аскетом-отшельником (умер ок. 1620 г.). За это время посетил Украину один раз — в 1604–1606 гг. На призыв вернуться домой, так как этого требует «народно ожидание», ответил категорически:

Ни бо аз с народом завіты завіщевал, ниже отвіты творил... Почто мя ожидают? Егда заимствовах что у кого и долг отдати должен есмь?

Печать максимального ригоризма лежит на всех сохранившихся произведениях Вишенского, написанных преимущественно в форме посланий. Что же касается их общей направленности, то громит ли афонский отшельник с несравненным темпераментом епископов-отступников, объединившихся с «антихристовым племенем», мечет ли громы и молнии на «сдохший труп» Римско-католической Церкви или горячо проповедует «смиренную глупоту» в противовес «латинским басням», убеждает ли в равенстве панов и «хлопов простых» перед лицом Божьей благодати, — его позиция бесхитростно проста. Пусть «как слюна» исчезнет все, что нарушает старину. А она держится на сохранении «русской простоты» под лозунгом «лучше дома в благочестии, пусть и немного зная, сидеть», сохраняя закон и веру прадедов, чем подвергнуться «огню адскому». Апокалиптической метафорой зла для афонского аскета, который живет вне времени и пространства, является «Лядская земля, поросшая терниями безверия и безбожия». В ней нет ни одного зерна добра: «Все струп, все рана, все пухлина, все гнилство... все гріх, все неправда, все лукавство, все хитрост, все коварство, все кознь, все лжа... все дым, все суета...»

Пророчество о гибели «Лядской земли» Вишенский вкладывает в уста самого Саваофа, а о поляках и говорить излишне:

турки честнійшие ест пред богом в суді и правді якої-такой, нежели крещеные ляхи, которые на евангельскую науку сопротивно борют и оную своим злым житием и гордостію... попирают!

Погрозив кулаком «ляхам», полемист не сдерживает гнева и против домашних сторонников обновления Руси. Они под его обжигающим пером превращаются в сонмище монстров, зараженных развратом, безверием и корыстолюбием, которых антихрист «ослепил и помрачил».

Насколько оторванный от современной ему жизни, настолько же и безгранично талантливый как мастер филигранного слова, Иоанн Вишенский представляет крайнюю границу православной консервативности. Отзвуки этого ригоризма слышны не в одном произведении тогдашней словесности. Все дальше удаляясь и по форме, и по содержанию от «милей старины», эти тексты по инерции продолжают призывать к сопротивлению любым новшествам.

Силовые конфликты «Руси с Русью».

Иезуитское миссионерство и враждебность к «ляхам»

Дискутируя между собой, интеллектуалы-полемисты не взвешивали слова и удары, которыми им приходилось обмениваться в азарте противоборства. А тем временем словесная война, из года в год выплескивавшаяся на общество, вызывала не только словесную реакцию.

Силовые конфликты, связанные с разжиганием про- и антиуниатских страстей, время от времени возникали уже в ходе дискуссий об ожидаемой унии. Ярким примером этого может служить инцидент в Луцке весной 1591 г., когда луцкий староста Александр Семашко, новообращенный католик, испытывавший личную вражду к владыке Кириллу Терлецкому, с помощью оружия захватил соборную замковую церковь и приказал на Пасху организовать в ее притворе гулянья с музыкантами и танцами. Его слуги развлекались тем, что стреляли по церковному куполу и крестам, а людей, попытавшихся прекратить святотатство, жестоко избивали.

Наделение пастырской властью Ипатия Потия, епископа Владимиро-Берестейского, с 1599 г. униатского митрополита, не способствовало мирному разрешению конфликта. Потий (1541–1613) был человеком крутого нрава, привыкшим приказывать (до пострига он занимал пост берестейского каштеляна, да и родом был из старинной подляшской шляхты, приближенной к великокняжескому двору). Агрессивность нового владыки в решении церковных споров слишком явно контрастировала с декларируемой униатами программой братского примирения. Склоняя несогласных к унии, Потий действовал безапелляционно: в 1596 г. при помощи оружия он отбил у православных Владимирский Ильинский монастырь и собственноручно разодрал пополам на престольный антиминс; в 1601 г. он собственноручно остриг

бороду попу церкви Василия во Владимире и т. д., — чем вызвал еще более сильное сопротивление.

Смягченным вариантом ответа на эти безобразия стало распространение православными священниками среди прихожан самых невероятных выдумок об униатских владыках. Например, о Потии говорили, что он когда-то принял иудаизм и даже позволил себя обрезать. После смерти луцкого владыки

Кирилла Терлецкого (†1607), о котором всегда ходило немало сплетен, распространился слух, будто вероотступник закончил жизнь «злой смертью»: его якобы удушил в погребке дьявол и спрятал тело в пустой бочонок из-под денег; затем хитрые слуги возили мертвеца по селам, выдавая его за живого с тем, чтобы взимать с людей налог, а после выбросили труп в болото, «и там ему вороны глаза выклевали», пока крестьяне не вытянули тело из грязи и не закопали. Произошло же это потому, подчеркивает, пугая наивного читателя, рассказчик, что Терлецкий был «зрадцею Церкви Восточное».

Опечатывание и принудительная передача храмов, вооруженные нападения на верующих, попытки отстранить неуниатов от участия в городской жизни вызывали и более острую реакцию, чем распространение агитационных выдумок. Например, рукоположенный в 1610 г. на Перемышльскую епархию униатский владыка Афанасий Крупецкий смог вступить в Перемышль только через год, и то только опираясь на охранительный королевский мандат, потому что местная шляхта угрожала ему физической расправой. В Вильне в 1609 г., как уже упоминалось, акции Ипатия Потия, направленные против виленских братчиков, привели к покушению на него: виленский райца Иван Тупека чудом не убил митрополита, потому что тот успел посохом заслониться от удара, и сабля, скользя по нему, лишь отсекала потерпевшему пальцы и рассекла одежду.

Напряженная ситуация с 1609 г. сложилась в Киеве. Уполномоченный Потия Антоний Грекович приехал сюда для того, чтобы взять под свое наместничество митрополичий Софийский монастырь. С упорным сопротивлением

86. Кирилл Терлецкий. Копия с портрета XVII в.

православного духовенства впервые солидаризировались казаки: гетман Григорий Тискиневич предостерег, чтобы Грекович не слишком спешил, иначе его убьют, «яко пса». После ряда конфликтов угрозу привели в исполнение: в феврале 1618 г. казацкая ватага утопила наместника в Днепре, или, как злобно запишет один киевлянин, «под лед посадили воды пить». Кровавым эксцессом в ноябре 1623 г. завершилось аналогичное противостояние в Витебске, где толпа мещан осуществила самосуд над полоцким униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем, убив его и выбросив тело в Двину.

Накануне трагедии канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега предостерегал Кунцевича:

Злоупотребляя своей властью, Вы своими поступками разожгли те опасные искры, которые всем нам угрожают пагубным и опустошительным пожаром.

Искра действительно разожгла пламя, потому что за убийство архиепископа последовала жестокая расплата: 19 человек были казнены, город лишен магдебургского права, ратуша разрушена. Однако и витебская трагедия не отрезвила разъяренных противоборством пастырей: призывы Мелетия Смотрицкого к миру на Киевском соборе 1628 г. православные иерархи заклеямили как измену, а его книгу «Апология», посвященную поискам понимания, предали анафеме.

Распри между униатами и православными не только разъединяли Русь, но и накаляли до предела и без того не идиллические взаимоотношения между католиками и верующими восточного обряда. В 1604 г. львовский протопоп, жалуясь на Ипатия Потия, который в католическом кафедральном костеле при всем народе отлучил от Церкви православных, констатирует, что после его отъезда «...люди на людей, дома на дома повстали... З доброй приязни Руси з поляки окрутне сия великая неприязнь вщела».

Львовскому протопопу вторит в своей «Протестации» 1621 г. Иов Борецкий: униаты «нарушают святой покой, разрушают давнюю любовь и согласие между поляками и Русью».

Обострение антикатолических настроений отмечают также папские нунции. Например, Козимо де Торрес в своем отчете от 1622 г. писал, что русины возненавидели католических священников так, что, «завидев латинского ксёндза, они плюют на землю от ужаса и отвращения». Особенно раздражающую роль в нарастании межконфессионального напряжения играло Общество Иисуса.

87. Сейм Речи Посполитой. Фрагмент гравюры из книги Максимилиана Фредра «*Gestorum populi Poloni sub Henrico Valesio*» (Гданьск, 1652)

С одной стороны, создавая сеть своих коллегий (о характере обучения в них речь пойдет далее) иезуиты, как писал еще в конце XVII в. Лазарь Баранович, «научили Русь латыни», то есть открыли своим воспитанникам двери к европейской образованности. Однако, с другой стороны, обучение в иезуитской школе часто было чревато утратой руськой идентичности. Вот как остро говорит об этом анонимный волынский шляхтич в 1620-х гг.:

Аж ты дал синка своего, дал до проклятои школы, а звлаща до навчання діаволского вызуитов. Аж они там твоего сынка русинка, засмаковавши ему поганую діаволю науку, ошукали... Аж юже и на віру свою святую правдивую яко пес щекаєт, и на тебе, отца, и на матер на свою, и на увес род свой, и віры, и языка своего многославного святого вырекаєтся.

Пылкая филиппика волынца — не одинокий вопль в пустыне. Антииезуитские памфлеты, распространенные по всей Европе, отмечены одинаковым отвращением к «испанской саранче» (как часто называли членов Общества, намекая на происхождение его основателя Игнатия Лойолы), хотя в каждой стране им выставлялся отдельный счет. В Польше иезуитское миссионерство привело к упадку религиозной толерантности и нарушению межконфессионального равновесия, за что воинство Лойолы справедливо упрекали тогдашние польские публицисты и политические деятели. Потери Руси были еще более ощутимы. Согласно отшлифованной тактике, главный

педагогический и проповеднический удар отцы иезуиты направляли на аристократов, то есть княжеские семьи. Первым их достижением стало обращение в католичество в 1579 г. старшего сына князя Василия-Константина Острожского Януша, а в 1583 г. — второго сына, Константина-младшего. Начиная с 1590-х гг. один за другим появляются первые прозелиты-католики в семьях Збаражских и Вишневецких, а в первой четверти XVII в. — в семьях Сангушко, Чорторийских, Корецких, Заславских. И хотя средняя и мелкая шляхта Волыни и Надднепрянщины в абсолютном большинстве своем оставалась православной, обращение княжеской верхушки, да еще в момент раздора «Руси с Русью», воспринималось как катастрофа, спровоцированная злой волей иезуитов.

Шляхта и мещане на страже православного «благочестия»

Пока богословы обменивались литературными залпами, шляхта и мещане нашли собственную тактику действий в привычных для себя сферах — сеймовой оппозиции и корпоративных методах сопротивления. Эпопея сеймовой борьбы вокруг унии продолжалась с 1596 г. до середины XVII в., повторяясь рефреном на каждом сейме и едва ли не в каждой сеймиковой инструкции — наказе, составлявшемся поветовой шляхтой для своих послов на сейм. Показательно, что именно церковная уния подтолкнула шляхту Волынского, Киевского и Брацлавского воеводств к активному участию в парламентарной жизни Речи Посполитой, потому что до тех пор на сеймах практически не было слышно голосов ни волынцев, ни киевлян. На сейме 1597 г. мы впервые наблюдаем инициативу с их стороны. Тон задавал, как и можно было ожидать, князь Василий-Константин Острожский, чья сенаторская речь на долгое время стала идеологическим кредо руськой оппозиции. Бегло остановившись на «грехах наших» как первой причине растревожившей Русь смуты, старый князь гораздо детальнее проанализировал вторую причину — нарушение королем *Racta Conventa* и древних прав руського народа. Как отмечает автор сеймового дневника, «не забыл он и о том, что споры, злоба и ненависть растут между большими людьми, а это угрожает отчизне опасностью».

На этом же сейме прозвучала еще одна речь — волынца-протестанта, клиента Острожских Демьяна Гулевича, которая, в отличие от рассудительных слов старого князя, прозвучала, как комментирует протоколист, «достаточно остро». Гулевич сформулировал конкретные требования: аннулировать решение Брестского унийного собора и лишить епископских кафедр тех владык, которые признали верховенство папы. Характерно, что православные послы,

еще не полагаясь на собственные ораторские навыки, поручили представлять свои требования протестанту.

Сейм разъехался, не приняв ни одного решения. Готовясь к следующему сейму, Острожский призывал лидера литовских кальвинистов (и своего зятя) Криштофа Радзивилла «Перуна» к общим действиям, поскольку и протестантам, и православным, по его выражению, «наступили на шею нарушители прав и вольностей». И вновь в числе киевско-волынских послов 1598 г. в Варшаву поехали два протестанта — Демьян Гулевич и Мартин Бронеvский, вероятный автор «Апокрисиса». Накануне сейма воынская шляхта подала коллективную жалобу в сеймовый суд на униатских владык Ипатия Потия и Кириллa Терлецкого за то, что те, не имея соответствующих полномочий, передали православное население под юрисдикцию папы, тем самым нарушив права руськой Церкви, гарантированные великими князьями литовскими и королями польскими. Но до рассмотрения судебного иска дела не дошло за нехваткой времени, поэтому между православными и униатами, согласно королевскому универсалу, провозглашалось временное перемирие до разрешения спора. Накануне очередного, уже третьего после унии сейма в Вильно в мае 1599 г. собрался съезд некаатоликов. С православной стороны его возглавили князья Константин Острожский и Федор Сангушко, от кальвинистов прибыли виленский, смоленский и берестейский воеводы Криштоф Радзивилл, Ян Абрамович и Криштоф Зенович, от лютеран — бжеско-куявский воевода Анджей Лещинский. На съезде была провозглашена конфедерация — формальный союз для солидарных действий: стороны взаимно обязались защищать от посягательств свободу богослужения и церковного имущества, являясь для наведения порядка по первому вызову туда, где назревало нарушение их прав. Для координации был избран совет «генеральных провизоров», в который вошло 21 православный и 20 протестантов. По своему составу совет выглядел импозантно. С православной стороны в него были избраны представители княжеских родов, а со стороны протестантов провизоров представляли великий литовский маршалок, 5 воевод и 14 каштелянов из Литвы, Белоруссии, Польши и Руси.

Составившая конфедерацию посольская группа, огласив на сейме 1601 г. перечень утеснений некаатоликов и угрожая сорвать сейм (а для принятия любого решения необходимо было согласие всей Посольской избы), добилась такого проекта сеймовой конституции, по которому высшие православные церковные посты могли быть предоставлены только лицам «настоящей греческой религии». Победа эта была скорее моральной, потому что король под воздействием прокатолически настроенной части сенаторов отклонил

проект, а православно-протестантская фракция в знак протеста покинула заседание.

К новому сейму, который должен был состояться в начале 1603 г., конфедераты готовились тщательно. В частности, секретные переговоры вели между собой Василий-Константин Острожский и Криштоф Радзивилл «Перун», причем, как рассказывает Радзивилл-младший, сын Криштофа и внук старого князя, Острожский приказывал: «Если кто-то от кого отступится, отступи от него, Боже!» Неизвестно, о чем тайно договаривались между собой два лидера оппозиции, но прибытие на сейм Александра Острожского, младшего сына Василия-Константина, с двухтысячным войском имело должный эффект. Острожский-младший, который и вообще вел себя на этом сейме очень активно (в конце года он скоропостижно скончался), сумел перетянуть на свою сторону многих послов-католиков, начинавших

все более неблагоприятно относиться к унии как очагу внутреннего раздора. Между тем и король, очень нуждаясь в согласии сейма на планируемую им шведско-польскую войну, вынужден был проявить уступчивость. Поэтому сейм 1603 г. стал в известной степени переломным, принесся первые, хотя бы и скромные, успехи противникам унии. В частности, из-под власти униатского митрополита был выведен Киево-Печерский монастырь: по древнему обычаю его архимандрита должна была избирать киевская шляхта и духовенство. Эта уступка, во-первых, создавала прецедент, а во-вторых, превращала Киев в твердыню православной оппозиции, что вскоре, в чем мы убедимся ниже, кардинально изменит расклад противоборствующих сил.

Ободренные успехом, православные на очередном сейме 1605 г. провели через Посольскую избу проект постановления, который гарантировал восстановление православной иерархии. Король отклонил его как слишком радикальный, а весь сейм был вновь сорван. Между тем большинство послов, недовольных политикой Сигизмунда III, в начале 1606 г. встали в оппозицию к нему. На протяжении года состоялось три оппозиционных съезда — в Стенжице, Вислице и Сандомире, где был сформулирован ультиматум королю. Среди его пунктов было и требование удалить из Речи Посполитой

88. Князь Криштоф Радзивилл «Перун». Рисунок первой половины XVII в.

иезуитов-чужеземцев, а также вернуть русской Церкви восточного обряда ее былой статус. Так начинался Сандомирский рокош, или рокош Зебжидовского 1606–1607 гг. («рокошами» называли вооруженные выступления шляхты против короля в экстраординарных ситуациях, когда считалось, что правовые основания государства опасно попорчены; возглавил это шляхетское движение краковский воевода Николай Зебжидовский). Умеренную фракцию в рокоше составляла киевская, волынская и брацлавская шляхта, редактировавшая пункт о «греческой религии» для Сандомирских артикулов. Их содержание не вызвало возражения и у рокошан-католиков, а парновский каштелян Петр Стабровский на обсуждении произнес пламенную речь о притеснениях православных. Настроения рокошан передает и один из памфлетов, имевших хождение между ними: «Преславная рыцарская кровь украинного люда, жалбно сетуя на польского короля, взывает о мести к Богу...»

Согласившись удовлетворить часть требований православных, король предложил компромиссный вариант: он обещал, что каждый униатский владыка останется в своем сане до смерти, но в дальнейшем духовные посты будут предоставляться только лицам «настоящей греческой религии», однако без формальной ликвидации унии. На сейме в 1607 г. этот пункт вошел в сеймовое постановление. В королевском привилее, изданном для его подтверждения, провозглашалось право «греческой религии» на свободное богослужение и гарантировалось, что в будущем иерархов будут замещать в соответствии с древним обычаем. Однако в тексте привилея содержалась определенная двусмысленность: русской Церкви не был возвращен былой статус, то есть при желании ее можно было рассматривать как подчиненную папе, а не патриарху. Поэтому вокруг вопроса, кого следует считать представителями «настоящей греческой религии», и далее велись рьяные дебаты, сопровождавшиеся борьбой за епископские вакансии. Утверждение после смерти Ипатия Потия (†1613) митрополитом униата Иосифа Вельямина Рутского, рукоположенного папским престолом вместо обещанного представителя «настоящей греческой религии», выразительно продемонстрировало, как на практике работает двусмысленная формулировка закона. В итоге лишь решительное казацкое вмешательство в 1620 г. разрубило этот гордиев узел, о чем детальнее речь пойдет далее.

* * *

Одновременно с укреплением сеймовой оппозиции шляхты решительным противником унии на арене общественной жизни выступили мещане. Неудивительно, что благодаря уровню развития городской

жизни лидирующие позиции здесь занял Львов, руськая община которого уже приобрела значительный опыт гражданской организованности, добывая себе место под солнцем в борьбе с конкурентами — львовянами-католиками (поляками и немцами). Органом, который стимулировал новое движение, стало церковное братство, основанное при храме Успения Богородицы в руськой части города еще в 1460-х гг. (в 1540-х гг. в предместьях Львова возникли еще два руських церковных братства, впоследствии подчинившиеся «старшему», Успенскому).

Аналогичные братства существовали также в других городах Галиции, Волыни и Белоруссии в качестве союзов прихожан определенной церкви (например, Луцкое Крестовоздвиженское братство известно по документам уже в 1483 г.). Первоначально братства опекали семьи своих членов, попавших в затруднительное положение, контролировали соблюдение моральных устоев общины, заботились об обеспечении храма книгами, иконами и свечами, устраивали храмовые праздники и т. п. В соответствии со средневековыми традициями, жизнь братств была окутана тайной и ритуализована. Характерными ритуалами братчиков являлись общие пиры, знаки с символами братств («цихы»), «братский сундучок», то есть касса коллективных денежных взносов, штрафы воском за некоторые нарушения сложившихся правил поведения, запрет на вынесение секретов общины за пределы братства.

В 1570-х гг. характер православных церковных братств существенно меняется. Поводом к этому, вероятнее всего, послужила необходимость противопоставить себя католическому окружению, активизировавшемуся после реформ Тридентского собора. В числе прочих нововведений именно тогда возникают многочисленные католические братства, создаваемые с целью повышения набожности верующих (инициаторами их создания обычно выступали монашеские католические ордена, в частности Общество иезуитов, которое с 1571 г. при своих коллегиях начало организовывать молодежные Марийные братства, несколько позже — Братство милосердия, святого Лазаря и др.). Одновременно, как уже говорилось выше, зарождается интерес к протестантским реформам, которые впечатляли своими новшествами образованные и материально независимые группы населения — шляхту и мещан. Когда «портные и сапожники» впервые принялись за чтение и толкование Святого Письма, а затем стали вмешиваться в церковные дела, претендуя на контроль за духовенством, это вызывало возмущение православных церковных верхов. Во Львове на почве несогласия Успенского братства с владыкой Гедеоном Балабаном вспыхнул затяжной конфликт, в ходе которого владыка, намекая на протестантские настроения братчиков, называл их «еретиками» и даже отлучил от Церкви. Этот конфликт

длился до тех пор, пока право патриаршей ставропигии, то есть неподчинения местной церковной власти, предоставленное братству в 1586 г. антиохийским патриархом Иоакимом и подтвержденное в 1593 г. константинопольским патриархом Иеремией, не сделало мещан независимыми от владыки (правом ставропигии впоследствии пользовались еще несколько больших братств — Виленское, Луцкое, Киевское). Совмещая мотивы «православной Реформации» с противодействием католическому окружению, Львовское Успенское братство к началу 1570-х гг. выступило с уже апробированным протестантским оружием — собственной типографией. Эта первая русская типография была создана в 1573 г. по инициативе и на деньги братства, при этом наиболее существенным оказался взнос зажиточных львовских горожан — седельщика Сенька Калениковича и художника Лаврентия Пухалы. В 1574 г. здесь вышли в свет сразу две книги, сделанные «первопечатником» Иваном Федоровым Московитином: Апостол и Букварь (последний, как сказано в предисловии, был составлен впервые «ради скорого младенческаго научения»). После этого почти 20 лет типография не действовала, поскольку братство, материально обремененное сооружением нового каменного храма — Успенской, или Валашской, церкви, которая и поныне является украшением Львова, не имело возможности выкупить заложенные ростовщикам шрифты и печатное оборудование. Но с 1591 г. книгопечатание было возобновлено, и в дальнейшем типография работала без серьезных перерывов вплоть до Новейшего времени, издавая литургическую, богословскую, учебную, панегирическую и другую книгопродукцию на староукраинском, церковнославянском, греческом, латинском и польском языках. Решение об издании книги принималось общим собранием братчиков, на котором определялся и ее тираж. Затем подписывался контракт с мастером-печатником, который, в свою очередь, нанимал и обеспечивал питанием и жильем подмастерьев. Печатное же оборудование, шрифты и бумага для издания обеспечивались братством. Непосредственное руководство типографией осуществляли уполномоченные братчики, и это не раз приводило к столкновениям с церковной властью, которую задевало то, что «свіцькіі тикаються» в сферу подконтрольную Церкви. Другим направлением просветительской работы, в которой члены Львовского братства, как и в случае с книгопечатанием, значительно опередили другие города Руси, стало школьное образование. Основателями Львовской братской школы, которая возникла около 1585 г. (ее первый устав под названием «Порядок школьный» был написан в 1586 г.), стали львовские мещане Юрий Рогатинец и Дмитрий Красовский и галицкие богословы Стефан и Лаврентий Зизаний, а первым ректором — ученый грек, архиепископ Еласонский Арсений. В первый же год

в школу записалось 22, а во второй — 26 мальчиков, преимущественно дети львовских ремесленников и священников. С самого начала школа находилась под непосредственным контролем братства. Два выборных брата, «искусных ради строения школьного», согласно уставу, должны были заботиться о ее материальном обеспечении, присматривать за учителями («да соглядают науки и діл дидакаловых»), осуществлять контроль за приемом учеников и определением платы за учебу, знакомить родителей с тем, «яковым способом будут сына учить». Установление светского надзора за школой также стало первым проявлением секуляризации учебного процесса в православной практике. Заданием школы, как декларировалось в ее статуте, являлось обучение детей: «Наук христианских грецких и словенських... и ж бы піючи в чужих студеницах [колодцах] воды наук иноязычских, віры своєї не отпадали».

С 1592 г., когда по ходатайству князя Василя-Константина Острожского школа получила королевскую привилегию на право преподавания «семи свободных искусств», здесь, наряду с греческим и церковнославянским, стали преподавать латынь, а курс риторики был дополнен поэтикой, что в сумме составило цикл «гуманистических студий» [humaniora], практиковавшийся в иезуитских коллегиях и протестантских гимназиях.

Поэтому к дебатам относительно унии львовские братчики подошли во всеоружии: с типографией, школой, а главное, с навыками и опытом организованных солидарных действий. Таким образом, понятно, почему с первых дней образования антиуниатской оппозиции Успенское братство оказалось одной из наиболее авторитетных ее движущих сил, отсылая петиции на сеймы и принимая участие во всех организованных шляхтой акциях. В частности, представители братства присутствовали на Брестском соборе, на Виленском съезде православных и протестантов 1599 г., на собраниях рокошан 1606 г. и др. Возник странный симбиоз, невозможный в других, неэкстремальных обстоятельствах, когда с «панами

89. *Оборот титульного листа учебника Лаврентия Зизании «Грамматика словенская» (Вильно, 1596)*

мещанами», словно с равными, переписывались спесивые волынские князья, а шляхта, проявляя поддержку, записывалась в мещанские союзы (эта львовская практика имела продолжение и при создании Луцкого и Киевского братств, соучредителями которых на равных началах стали шляхтичи и горожане).

Остается добавить, что по образцу Львовского в 1590-х гг. как грибы после дождя вырастают братства и школы в других городах — Перемышле, Сатанове, Комарне, Красноставе, Галиче и т. п. (всего в Украине-Руси в конце XVI — первой половине XVII в. действовало около 30 братских школ, таким образом, существовало столько же достаточно активных братств).

В Галиции братское движение было в целом намного более конфликтным, чем на Волыни и Киевщине, где, как уже упоминалось, католическое население городов составляло единичные случаи. Зато на пограничных с Польшей землях список взаимных претензий католиков и православных, накопившихся за два века соседствования, накалял до предела и без того взрывоопасную атмосферу, а искра, высеченная унией, разжигала огонь быстрее, чем где бы то ни было. Редко католическая сторона руководствовалась степенной мудростью Перемышльского магистрата, который в 1605 г., осуждая попытки нескольких цеховых мастеров не принимать лиц «греческой религии» в цехи, обратился к взволнованным русинам с такой речью:

Паны соседи!.. Ваши милости вместе с нами совместно и нераздельно здесь, в Перемышле... как привилеями, так и правами нераздельно спаяны. Так и теперь хотим, чтобы не было иначе, а чтобы всегда, как и раньше... при всякой вольности... мы оберегали друг друга сообща.

Зачастую же отношения, наоборот, обострялись вследствие действий слишком ревностных католиков, которые во имя «спасения душ» обращали церкви в костелы, ультимативно требовали присутствия православных на католических богослужениях, святотатствовали в храмах, запрещали руськие церковные процессии. Например, львовские мещане, жалуясь в 1609 г. королю, описывали свое положение так:

Испытываем мы, народ руський, от народа польского тяжкие притеснения, подобные ярму египетской неволи. Хоть и не мечем, но горше меча потомство наше губят запреты заниматься нам промыслами и ремеслами... лишен русин на своей исконной земли Руськой, в самом руськом Львове того, чем только и может человек прожить. Подобно немотствующему стаду или овцам, просим Вашу Королевску Милость о помощи.

А менее покорные жители города Холм, как свидетельствует жалоба представителей католического общества этого города в 1619 г., уже были готовы начать мятеж, многозначительно угрожая соседям-полякам: «Еще посмотрим, кто нас будет фантувать (производить конфискацию имущества. — *Примеч. перев.*)!».

Тайное рукоположение митрополита под охраной казацкой сабли

Признание за Киево-Печерским монастырем права неподчинения униатскому митрополиту, добытое на сейме 1603 г., стало своеобразным звонком к пробуждению Киева. Именно с этого момента начинается триумфальное для священной столицы Руси «киевское столетие» — время высокого подъема киевской учености, которая косвенно (и даже вопреки умеренным жизненным позициям ее лидеров) привела к радикальным переменам в судьбе всего русского сообщества. Вступительным аккордом к этому послужило то, что в монастырь по приглашению архимандрита-львовянина, вероятно воспитанника Острожской академии Елисея Плетенецкого, начал понемногу стекаться цвет тогдашней православной элиты.

Еще при жизни Плетенецкого (†1624), которого современники называли «ученых людей прибежищем и патроном наук», практически одновременно в Киеве была создана типография при монастыре и открыты братство и братская школа. Типографию, выкупленную у львовского владыки Гедеона Балабана, архимандрит перевез в Киев в конце 1615 г., и уже в следующем 1616 г. в ней увидел свет «Часослов», предназначенный для школьного обучения, а в 1619 г. — монументальный иллюстрированный сборник церковных служб святым «Анфологион» объемом более тысячи страниц. В целом же при жизни Плетенецкого и его преемника, киево-печерского архимандрита в 1624–1627 гг., блестящего эрудита-галичанина Захарии Копыстенского, изпод монастырского печатного станка вышло более 20 названий книг, и даже была создана в Радомышле под Житомиром специальная монастырская бумажная

90. Елисей Плетенецкий. Копия с портрета XVII в.

мастерская для нужд типографии. К сопоставлению и сверке текстов, по которым осуществлялись издания литургической и поучительной христианской литературы, был привлечен определенный круг ученых, которые, как и некогда в Остроге, составляли богословскую группу, объединенную общим трудом и проживанием в монастыре. В первой трети XVII в. в эту группу входили такие яркие фигуры русской культурной жизни того времени, как лексикограф, автор изданного в 1627 г. первого «Лексикона словенороссийского» Памво Беринда, и его брат, типограф Стефан Беринда, богослов и грамматик Лаврентий Зизаний, церковный историк и проповедник Захария Копыстенский, переводчик и комментатор патристики Тарасий Земка, поэт и церковный публицист Касиян Сакович, поэт-панегирист Александр Митура и др. По привычной, опробованной еще в Остроге схеме рядом с типографией и группой ученых должна была появиться школа. Она возникла одновременно с братством и была непосредственно связана с ним. «Днем рождения» школы традиционно считают запись от 14 октября 1615 г. Галшки Гулевичивны, жены киевского шляхтича Стефана Лозки, по которой школе и братству была дарована усадьба в городе:

Православним и благочестивим христианом... тым тылко, которые в Православной благочестивой Церкви Восточней набоженства греческого, свой двір у Києві на монастыр ставропигион, также теж и на школу дітем так шляхетским, яко и местским.

Началом 1616 г. датирован первый «упыс», то есть акт основания Киевского Богоявленского братства, созданного по образцу Львовского и белорусских — Виленского и Могилёвского. Уже к моменту его основания к братству приписалось «безчислено» лиц местного духовенства, шляхты и мещан, а спустя некоторое время к ним присоединился гетман Петро Сагайдачный «зо всим Войском Запорожским». Последний факт звучал особенно убедительно для современников: приписавшись к братству, Войско Запорожское получало формальное право осуществлять над ним опеку. Новообразованный на подаренной Гулевичивной городской усадьбе Богоявленский монастырь и школа при нем формально находились под патронатом братства, но руководство учебным процессом принадлежало Киево-Печерскому монастырю. Именно ученые из монастырской группы Елисея Плетенецкого были первыми преподавателями школы; отсюда же вышли и ее первые ректоры — Иов Борецкий, Мелетий Смотрицкий и Касиян Сакович. Что касается учебных программ, то вплоть до реформы Петра Могилы 1632 г., о которой речь пойдет дальше, Киевская школа ориентировалась на Львовскую братскую школу.

На опасность духовного и просветительского оживления в Киеве первым обратил внимание тогдашний униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский, который в 1618 г. писал:

Серьезным препятствием в Киеве является новое братство, основанное схизматиками три года тому назад без привилея его Милости короля, где они собираются и совещаются... Если это братство не будет ликвидировано, едва ли стоит ожидать чего-то хорошего.

Митрополит был прав. Ростки унии в Киеве, и без того единичные, были весьма радикально выкорчеваны уже упомянутой расправой 1618 г. над Антонием Грековичем, а впоследствии, в январе 1625 г., еще и над униатским священником Софийской митрополичьей слободы Иваном Юзефовичем и его защитником, войтом Федором Ходыкой, которым подстрекаемые членами братства запорожцы отрубили головы. Немногочисленные местные католические институции тоже не могли претендовать на значительную роль. К 1620-м гг. в Киеве функционировали только кафедральный католический собор и небольшой доминиканский монастырь, а с середины 1620-х здесь поселилось несколько монахов Бернардинского ордена. В 1620 г. по приглашению тогдашнего киевского воеводы Станислава Жулкевского в городе попытались закрепиться иезуиты, но потерпели неудачу и должны были перенести свою резиденцию в Фастов — резиденцию киевских католических епископов.

С другой стороны, рядом с Киевом существовала сила, за помощью к которой мещане обращались в затруднительных ситуациях уже с конца XVI в., — Запорожская Сечь. В частности, одним из таких обращений было и приглашение в 1609 г. запорожцев с целью обезвреживания Грековича как слишком активного наместника униатского митрополита. К услугам казаков прибегал, среди прочих, и архимандрит Елисей Плетенецкий, который в 1613 г. с их помощью вооруженным путем отбил имения Киево-Печерского монастыря, конфискованные униатским митрополитом.

Во время архимандритства Елисея Плетенецкого впервые заявила о себе еще одна церковная институция, которая стала звеном сцепления между киевскими архиереями и казаками. Речь идет о Трахтемировском монастыре, расположенном на безлюдных кручах над Днепром неподалеку от Канева. Патроном монастыря считалось Войско Запорожское, а с 1616 г. его игуменом стал князь Езекиил Булыга-Курцевич — человек, близкий к киевской церковной верхушке, влиятельный и образованный (в метрике Падуанского университета, где обучался князь, он под 1600 г. записал

91. *Иезуитский кляштор на Подоле в Киеве. Фрагмент рисунка Яна Вестерфельда, ок. 1651 г.*

свое имя по-руськи). Сам монастырь, обладая статусом «войскового запорожского», был традиционно не столько религиозным институтом, сколько казацкой резиденцией на пограничье между «волостью» и Днепровским Низом. Здесь хранились военная казна, клейноды и арсенал, проводились старшинские рады, действовал госпиталь для старых и покалеченных запорожцев. С утверждением в Трахтемирове Булыги-Курцевича казацкая святыня стала на некоторое время посредником между Сечью и церковным Киевом — местом, где киевские иерархи встречались с казацкими вождями, оказывая влияние на буйные казацкие головы и обсуждая планы совместных действий. В переносном смысле

можно сказать, что именно в Трахтемирове началось приобщение казаков к религиозным и — шире — общественным нуждам руського сообщества.

Это была достаточно радикальная метаморфоза рыцарей Степи, до тех пор настолько слабо связанных с церковной жизнью, что еще и в конце 1570-х гг. о них говорили, как бы курьезно это ни звучало, что они якобы «религии преимущественно магометанской». В то же время в начале 1620-х гг. усилиями киево-печерских иерархов Православная Церковь начала шаг за шагом целеустремленно «нострифицировать» казачество, подчеркивая, что они — люди «нашего рода, наши братья и правоверные христиане». К этому перевороту сознания мы еще вернемся впоследствии, а здесь стоит лишь отметить, что сопротивление попыткам внедрить в Киеве унию и поддержка архимандрита Елисея Плетенецкого стали первыми признаками проникновения в казацкую среду представлений о совершенно новой для себя миссии — защитников Православной Церкви и «древнего руського обычая». Вот при таком раскладе сил киевские иерархи, в согласии с тогдашним гетманом Петром Сагайдачным и казацкой старшиной, решились на рискованный шаг. В марте 1620 г. в Киев прибыл, возвращаясь из московского путешествия домой, иерусалимский патриарх Феофан, торжественно встреченный членами братства, духовенством и казаками: последние, по выражению летописца, «обточиша его стражбою аки пчелы матицу свою ж». Феофан осуществил

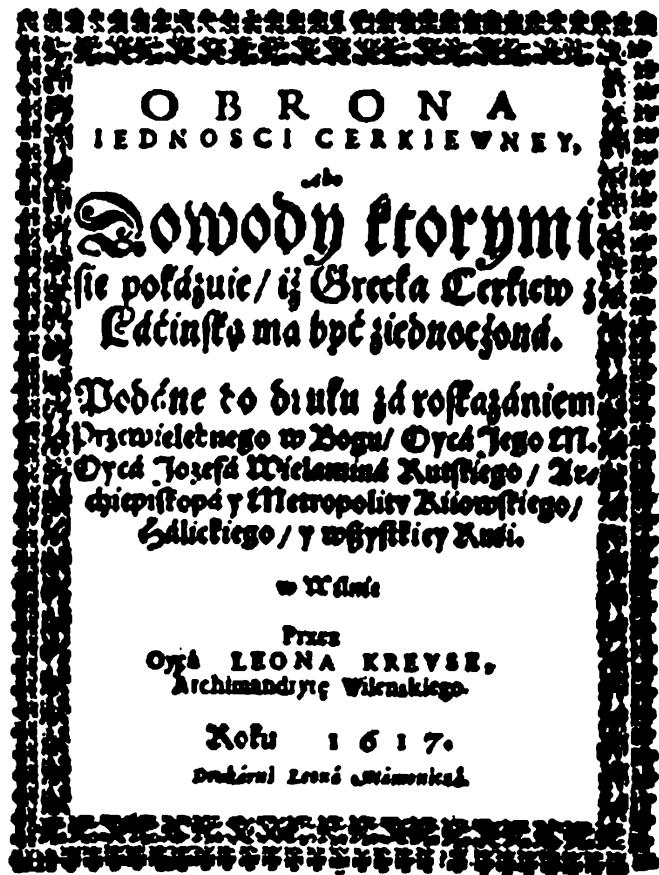
и объезд близлежащих монастырей, особенно долго прогостив в Трахтемирове. В конце лета в Киево-Печерском монастыре был собран съезд при участии шляхты, мещан и казаков, который обратился к патриарху с просьбой рукоположить православных иерархов вместо униатских и тем самым восстановить Киевскую православную митрополию, которой к тому времени номинально не существовало. Феофан колебался, остерегаясь «короля и ляхов». Не обошлось, как предполагают некоторые историки, и без угроз в адрес глубокоуважаемого старца, пока тот, наконец, не согласился. В октябрьскую ночь 1620 г., в Братской церкви на ремесленном Подоле было произведено тайное поставление иерархов — при плотно закрытых ставнями окнах, чтобы даже свет не привлекал внимания чужих глаз. Таким необычным способом Феофан рукоположил Иова Борецкого в митрополиты, Мелетия Смотрицкого в архиепископы Полоцкие, Исаяю Копинского — в епископы Перемышльские. Спустя несколько дней в Трахтемирове на владими́ро-берестейскую владычную кафедру вступил Езекиил Курцевич, еще позже в Белой Церкви Исаакий Борискович получил сан луцкого епископа, а Паисий Ипполитович в Животове на Брацлавщине — сан владыки Холмского. Православный епископат был полностью восстановлен. Оставалось, однако, самое трудное: добиться его легального признания, поскольку, согласно закону и традиции, только король мог утверждать иерархов на их «хлебах духовных».

92. Аллегория верховенства «священства» над «царством». Гравюра в панегирике студентов Киевского Лаврского коллегиума в честь Петра Могилы «Eucharisterion албо Вдячность» (Київ, 1632)

Новое политическое сознание, или Появление «третьего народа» в Речи Посполитой «Двух Народов»

Двенадцать лет, прошедшие между тайным рукоположением иерархов и смертью Сигизмунда III (†1632), которая положила конец затяжному противоборству короля-католика и его православных подданных, были наполнены сеймовой борьбой. Она вспыхнула с новой силой, сопровождаясь острыми словесными баталиями защитников и противников киевской акции. Впрочем,

93. Титульный лист труда униата Льва Кревзы «*Obrona jedności cerkiewnej*» (Вильно, 1617)

воду нарушения прав «русского народа» отступниками-униатами, которые поломали «святой покой, разрушают давнюю любовь и согласие между поляками и Русью». В собственное оправдание Борецкий писал:

Мы, присоединившиеся к Короне по договорам, скрепленным присягой, испытываем насилие, притеснения веры, обвиняют нас в мятежах и злоумышлениях, по отношению к которым мы чисты... Мы не мятежники, не подстрекатели, мы взяли то, чем владели раньше, что наши предки нам оставили и отдали... — Божьи законы и обычаи, а еще и шестисотлетнюю традицию.

Приведенный отрывок является весьма характерным для направленности тогдашней полемики. Памфлеты и заявления, напечатанные на протяжении 1620-х гг., по содержанию резко отличаются от предшествовавших им полемических произведений. Богословские дискуссии относительно церковных догматов отошли на второй план. Сила слова и гибкость мысли были направлены на утверждение достоинства «великоименитого русского народа» как

и то и другое, так же как и все предшествующие усилия, ни к чему бы не привели, если бы за спиной Иова Борецкого и новопоставленных иерархов время от времени не поблескивала казацкая сабля, напоминая, кто именно опекает нелегально восстановленную митрополию. Например, уже в феврале 1621 г., по представлению униатского митрополита Иосифа Велямина Рутского, по стране были разосланы королевские универсалы с приказом арестовать Борецкого и Смотрицкого как «шпионов», которые якобы установили отношения с султаном при посредничестве иерусалимского патриарха. Однако гораздо легче было отдать приказ, чем его выполнить. На защиту Мелетия Смотрицкого встала вся православная Белоруссия, а Иов Борецкий, никуда не выезжая из Киева, чувствовал себя в полной безопасности под охраной казаков. Более того, в том же 1621 г. он объявил публичный протест («Протестацию») по по-

сообщества «одной крови», потому что, как напишет в полемической брошюре «Утверждение невинности» (1621 г.) Мелетий Смотрицкий, «не вера делает русина русином, поляка поляком, литвина литвином, а рождение и кровь руськая, польская, литовская».

С точки зрения православных полемистов, подлинным «старожитным народом руським», которому принадлежат старинные права и вольности, были они, а не «полукровки» и «отступники» униаты. Сторонники унии, естественно, отстаивали противоположную точку зрения — согласно их аргументации, руськая Церковь получила свои права и вольности тогда, когда приняла в 1439 г. Флорентийскую унию и отбросила «ошибки греков», поэтому в настоящее время законными наследниками этих благ выступают униаты — «настоящие русины». В этих словесных баталиях за право первородства «руський народ» как носитель очерченного комплекса прав и вольностей начинает довольно незаметно для обеих сторон, приобретать все более четкие политические контуры, преобразуясь под пером православно-униатских полемистов в третий самостоятельный компонент Речи Посполитой «Двух Народов», то есть польского и литовского. Мелетий Смотрицкий в только что упомянутой брошюре впервые напишет об этом так: «Мы народ, как уже было сказано, вольный, народ свободный, народ, который рожден в одной отчизне вместе с двумя другими [ее] народами».

Два года спустя, в очередной брошюре «Оправдание невинности» (1623 г.), тот же Смотрицкий дополнит характерной деталью взгляд на место русинов в государственном сообществе «двух народов»: согласно его рассуждениям, права «руського народа» как политического субъекта были заложены очень давно — «при руських князьях», и именно с этими правами по договору («через пакты и присяги») он вошел в Польско-Литовское государство: «С той же вольностью руський народ объединился в единое тело со свободными народами — польским и литовским, слился и укрепился под общим главой».

На то, что зафиксированная здесь идея договорного вхождения Руси в Речь Посполитую в роли «третьего» равноправного народа стала в 1620-х гг. распространенной, указывает, в частности, использование ее в светском тексте — обращенной к сенату «Суппликации» 1623 г. (ее автором считают авторитетного волынского шляхтича Лаврентия Древинского, котрый между 1613 и 1632 г. был 14 раз послом на сеймы от Луцкого сеймика). Церковная уния, пишет Древинский, расшатывает политическое единство Руси и Польши, поэтому

пока еще держится уния политическая, обеспечивая целостность отчизны, свободу, права и вольности трех народов, необходимо отбросить эту кость раздора, эту фальшивую [церковную] унию.

В завершение стоит отметить, что сейм 1623 г., к которому обращался автор «Суппликации», как и остальные сеймы, отложил решение православно-униатских споров ввиду важности других государственных дел. Разгневанный Древинский, покидая Посольскую избу, бросил на прощание униатскому митрополиту Иосифу Вельямину Рутскому:

Видно, что ничего мы не достигнем против вас при жизни этого короля, но во время междуцарствия мы уже всеми силами восстанем против вас.

Комментируя этот инцидент, Рутский записал: «Мы посмеялись над этим, так как над этим и в самом деле можно разве что смеяться».

Время показало, что смеется тот, кто смеется последним. Близорукость королевского двора, который на протяжении бурных 1620-х гг. не замечал качественного перерождения руського сопротивления, из конфессионального протеста, направленного на защиту находящейся под угрозой «доброй старины» превратившегося в осознанное общественное движение, вскоре обойдется Речи Посполитой утратой части Украины-Руси.

Смерть престарелого короля Сигизмунда III, как и предрекал Лаврентий Древинский, принесла ожидаемые перемены. На элекционном сейме 1632 г. были приняты «Статьи успокоения греческой религии», а 14 марта 1633 г. их подтвердил своим дипломом сын покойного, новоизбранный король Владислав IV. В королевском привилее законодательно утверждалось то, чего фактически и так удалось добиться сеймовым сопротивлением шляхты, мещанской оппозицией и, наконец, казацкой саблей. Проба сил состоялась, и русины вышли из этой реки не такими, какими они вошли в нее, осознав себя третьей силой в Речи Посполитой «Двух Народов».

3. Шляхта, простонародье, казаки: узел взаимосвязи и противоречий

Колонизация степного пограничья. Поляки и евреи на новоосвоенной территории

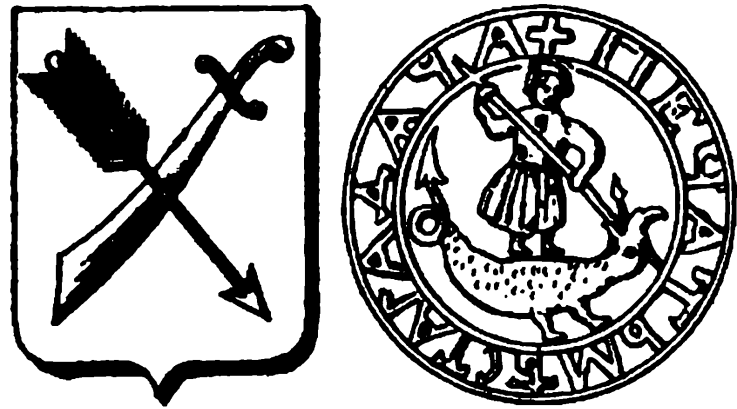
Учащению пульса общественной жизни, о котором говорилось выше, сопутствовали существенные изменения в хозяйственно-экономическом быту, наметившиеся в последней четверти XVI в. Наиболее выразительно эти из-

менения дали о себе знать на соприкасающихся с Диким полем южных и юго-восточных землях, которые на языке того времени именовались Украиной.

Уже на Люблинском сейме 1569 г. было принято решение разобраться с этими дальними землями, которые, согласно акту унии, от Великого княжества Литовского переходили к Польскому королевству. Поэтому сейм постановил провести перепись местных «пустошей», то есть опустошенных татарами поселений, с целью определения наиболее пригодных для повторного заселения и оборонительного переустройства. Составленная в 1570 г. перепись не сохранилась до нашего времени, однако пе-

речень возникших в последней четверти XVI в. местечек укрепленного типа с небольшими крепостями («замочками»), около которых селились люди, показывает, что большинство из них возникло на месте старых, иногда даже древнерусских укреплений. Некоторая часть из них напрямую идентифицируется с древними поселениями, например Васильков (старый Василев), Белая Церковь (Юрьев), Макаров (Воронин), Белиловка (Раставец), Володарка (Володарев), Ружин (Щербов), Антонов (Розволож), Корсунь, Ржищев и др. В других случаях никто уже и не помнил старого названия, поэтому отмечалось лишь, что местечко возникло «на старом городище», как в случае Котельни в урочище под Житомиром, Ходоркова и Корнина на р. Ирпень, Брусилова и Рожева на р. Здвиж, Кодни и Черняхова на р. Тетерева, Бердичева и Троянова на р. Гнилопята, Паволочи на р. Раставице и т. п. Города строились и «на сыром корене», то есть на месте, где до того не существовало фортификационных укреплений, при наличии какого-то поселения (так возникли Полтава, Батурин, Умань и др.).

С появлением новых местечек вокруг них сосредотачивалось сельское население, которое отныне могло переждать татарский набег за стенами «замочка» (татары обычно не осаждали укрепления: их тактика основывалась на внезапном нападении и мгновенном отступлении). Таким образом, достаточно быстро большинство поселений городского типа обрастало волостью, то есть селами, которые, как говорилось тогда, «тянули» к местечку, образуя его налоговую, церковную и торговую округу. В местечке находилась урядницкая администрация и располагался храм — центр прихода, потому что большинство

94. Городские гербы Хорола и Гадяча середины XVII в. (прорисовка)

так называемых «сел» были фактически хуторами и не имели собственных храмов. Здесь же сосредотачивалась и местная торговля, поскольку в местечках, согласно их локационному привилею, один или два раза в год проходили ярмарки, а раз или два в неделю — так называемые торги, то есть базарные дни. В ярмарочные и торговые дни городское и окрестное сельское население освобождалось от торговых налогов, продавая продукцию натурального хозяйства, незамысловатые ремесленные изделия, скот и т. п.

Поражает количество городских поселений (более 300), выросших в последней четверти XVI — первой половине XVII в. в пограничных («украинных») Киевском и Брацлавском воеводствах. Хотя по большей части население их не превышало сотни дворов, то есть приблизительно 600–700 человек, все же они выполняли для своей округи роль центров жизни. Большинство из них пользовались лишь ограниченной формой самоуправления, но части удалось добиться привилегированного статуса, то есть получить магдебургское право, например: Василькову, принадлежавшему Киево-Печерскому монастырю (1586 г.), Новому Ружину князей Ружинских (1590 г.), королевским городам Корсуню (1584 г.) и Чигирину (1592 г.) и др. Правом самоуправления пользовались и многочисленные города, основанные в конце XVI — первой четверти XVII в., на левом берегу Днепра князьями Вишневецкими: Пирятин, Журавлиха, Прилуки, Жовнин, Лубны, Снятинка, Лохвица, Ромны, Хорол, Гадяч и т. п. В 1620–1630-х гг. несколько самоуправляемых местечек возникли также в центрах староств — округов, принадлежавших короне: Батурин, Богуслав, Стеблев, Боровица, Данилов [современная Медведовка], Лысянка, Мглиев, Жаботин, Смела и т. п.

Даже ограниченные формы самоуправления способствовали торговой активности городского населения и оживлению ремесла. Например, в Белой Церкви, которая возникла как сторожевой пограничный замок в середине XVI в., а в 1588 г. получила привилей на магдебургское право, в 1640-х гг. уже проживало более 250 ремесленников разных профессий — до 30% жителей. Население, стекавшееся в новые города, автоматически оказывалось под защитой «городского права». Как некогда в средневековой Европе распространенная пословица утверждала, что «городской воздух делает человека свободным», так и здесь малые крепости, выдвинутые на передний край Поля, способствовали расширению состоятельного и независимого слоя «панов мещан».

Заметный демографический прирост наблюдался и в старых городах. По данным налоговых переписей, численность населения между серединой XVI в. и 1620-ми гг. выросла в Житомире и Виннице более чем вдвое, в Остре в 2,5 раза, в Киеве в 3,6, в Каневе — в 4, в Черкассах почти в 5 раз.

Понятно, что ни один из этих городов, в том числе самый крупный, Киев, по числу жителей не мог сравниться, допустим, с тогдашним Львовом (в конце XVI в. в Киеве проживало 7 тысяч, а во Львове — более 12 тысяч человек). Однако в целом показатель плотности населения изменился до неузнаваемости. По подсчетам Миколы Крикуна, на еще недавно полупустых Киевщине и Брацлавщине в первой половине XVII в. проживало, соответственно, 500–550 и 450–500 тысяч человек, что не сильно отличалось от показателя по Волини (до 700 тысяч) — региона с издавна высокой плотностью населения.

Внезапный скачок в освоении юга и юго-востока стал непосредственным следствием, с одной стороны, ослабления татарской опасности, а с другой, — протекционистской политики правительства, помноженной на частную инициативу людей, которые дерзко селились в опасной близости от татарских путей. Что до первого, то практиковавшаяся в Польском королевстве система защиты порубежья оказалась безусловно эффективнее той, которая существовала в Великом княжестве Литовском. В частности, позитивную роль сыграло создание в 1563 г. кварцяного войска: подчиненные польному гетману (то есть военачальнику «в Поле», в отличие от генерального главнокомандующего — коронного гетмана) кварцяные роты охраняли южную пограничную полосу. Параллельно, в 1570-х гг., происходит структурное оформление и Войска Запорожского — еще одного защитного щита на краю Поля, о котором детальнее речь пойдет далее. Кроме того, в конце XVI — первой половине XVII в. разрастаются отряды самообороны — надворные войска князей, а также волинского, киевского и подольского панства, соединявшихся по вызову польных гетманов с кварцяным войском. На эти отряды приходилась значительная доля боевых действий против татар. Хотя это и не решило окончательно татарскую проблему, но времена тотальной беззащитности порубежья действительно остались позади.

Благоприятные условия для колониционного оживления создавала и протекционистская политика правительства, которая выражалась в предоставлении пограничным, и в особенности новым, городам налоговых и таможенных льгот. Например, «яко люди украинные» были полностью освобождены от уплаты торговой пошлины на территории всей Речи Посполитой купцы Канева, Черкасс, Переяслава, Винницы, Брацлава, Белой Церкви и др. Мещанам упомянутых городов не были известны и обычные на остальной территории налоги: единственная их повинность заключалась в том, чтобы, как тогда говорили, «конно оружно» выезжать в составе отрядов местных королевских наместников навстречу татарам во время очередной тревоги.

Королевское правительство, декларируя потребность в строительстве оборонных замков и не раз обещая соорудить их за собственный счет, не обладало для этого ни силами, ни деньгами. Поэтому участие короля в колонизационных акциях ограничивалось содействием частным инициативам. Например, после ревизии 1570 г., целью которой являлся подсчет «пустошей» Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, Стефан Баторий, а затем и его преемник Сигизмунд III вынашивали планы раздачи «заслуженным лицам», то есть воинам-ветеранам, выявленных ревизорами пустых земель. Однако инициатива натолкнулась на сопротивление сейма, который ревностно относился к отчуждению никому не принадлежавшего земельного фонда в частные руки. Поэтому в крупных масштабах эта акция осуществлялась лишь трижды: в 1584, 1590 и 1609 гг. В 1584 г. заслуженный воин князь Кирик Ружинский получил урочище Котельну под Житомиром. Сейм в 1590 г. санкционировал предоставление четырем тогдашним казацким «старшим» (Войтеху Чоновицкому, Криштофу Косинскому и др.) земель к югу от Белой Церкви: городища Володарка, поселка Розволож и урочищ Рокитная и Ольшаница. На этом же сейме черкасский староста князь Александр Вишневецкий добился подтверждения своих прав на «пустынь реки Сулы», купленной еще его отцом у брацлавского шляхтича Михайла Байбузы — наследника старинных владений князей Глинских. Наконец, в 1609 г. приближенный к королю подольский магнат Валенты-Александр Калиновский «за значительные и кровавые заслуги» в обороне пограничья (а еще в большей степени — за поддержку короля в упомянутом выше рокоше 1607 г.) получил «некую пустку, называемую Умань» — обширную степную полосу над Полем, в верховьях реки Ятрань.

Эти пожалования нередко упоминаются в старой историографии как пример якобы безудержной и безостановочной раздачи королем украинских земель польской шляхте после Люблинской унии, что, однако, не соответствует действительности. Что касается раздачи земель всякому, кто этого пожелает, то после перечисленных выше акций подобное более не повторялось, просто потому что этого не позволил бы сейм. Сказанное не означает, что контролируемый королем свободный земельный фонд был неприкосновенным. На Киевщине и Брацлавщине, обычно по представлению гетманов, король действительно жаловал опустевшие земельные наделы «заслуженным жолнерам», то есть воинам-ветеранам. Но, во-первых, эти пожалования были небольшими, а во-вторых, представляли собой не наследственную, а пожизненную собственность. Если же принять во внимание то, что речь шла о немолодых, искалеченных войнами людях, то их пребывание в Украине оказывалось действительно временным. Поэтому колонизационный бросок после Люблинской

унии был следствием прежде всего хозяйственной активности местной элиты — князей и панов (это в одинаковой мере касается как частных, так и королевских земель, старостами которых в то время являлись волынские князья: именно они на собственные средства строили «замочки» и основывали новые поселения). В этом нетрудно убедиться, просмотрев имена владельцев или инициаторов основания городов и местечек, которыми покрылись Киевщина и Брацлавщина в 1570–1620-х гг.

князья Острожские: Березань, Быков, Белая Церковь, Вильск, Гельмязов, Дымер (Ходычев), Красное, Переяслав, Пиков, Рокитна, Тетиев, Трилисы, Яблунев;

князья Збаражские: Антонов, Бершадь, Володарка, Гайсин, Дашев, Ладыжин, Погребище, Прилуки, Соколец;

князья Ружинские: Котельня, Паволоч, Романов[ка], Ружин;

князья Корецкие: Билиловка (Раставица), Белогородка, Кальник, Линцы;

князья Вишневецкие: Варва, Гадяч, Горошин, Жовнин, Корсунь, Кременчуг, Крылов, Лохвица, Лубны, Мошны, Переволочная, Пырятин, Прилуки, Ромны, Хорол, Чигирин;

Киево-Печерский монастырь: Васильков, Радомышль;

киевские паны:

Аксаки — Мотовиловка (Гуляники); Бутовичи — Брусилов; Вильгорские — Ялминка; Вороники — Денешы, Троянов; Горностаи — Лищин; Лозки — Рожев; Немиричи — Олевск, Черняхов; Макаревичи-Ивашенцевичи — Макаров, Мотыжин; Тышкевичи — Бердичев, Белополье, Кодня, Махновка, Нехворощ, Слободище; Олизары-Волчковичи — Коростышев; Проскуры-Суцанские — Иванков, Корнин; Харленские — Бышев, Гостомель, Ржищев; Тыши-Биковские — Ходорков;

брацлавско-винницкие паны:

Стрижовские — Янов; Мелешки — Куна; Шашковичи — Вишковцы и т. д.

Поэтому, как видим, на протяжении первых пятидесяти лет после Люблинской унии лишь единичные населенные пункты городского типа Киевщины и Брацлавщины были основаны неместными богачами, как, например, Фастов и Черногородка неподалеку от Киева — киевским католическим епископом, Буки и Умань на границе Киевщины и Подолья — соответственно Струсями и Калиновскими. Таким образом, активное хозяйственное освоение пристепного пограничья осуществлялось, так сказать, собственными силами. Однако к моменту взрыва казацкой революции и на Волыни,

95. Переяслав на рукописной карте
Заднепровья 1630-х гг.

и на Киевщине и Брацлавщине уже проживало немалое количество польской шляхты. Среди путей ее проникновения на эти земли особую роль суждено было сыграть брачными связями. К моменту заключения Люблинской унии основными брачными партнерами местных князей выступали либо белорусско-литовские магнаты (Радзивиллы, Глебовичи, Сапеги, Ходкевичи и т. п.), либо белорусские князья (Крошинские, Слуцкие, Соломерецкие и др.), либо влиятельные местные панские семьи — Чапличи, Семашки, Горностаи, Ело-Малинские и т. д. Браки с поль-

ским, к тому времени «заграничным» панством были очень редкими, если не единичными. Некоторое время после унии ситуация принципиально не менялась, но в конце XVI и в первых десятилетиях XVII в. намечается существенный перелом. Его можно объяснить тем, что самостоятельной жизнью начало жить первое после унии поколение княжеских потомков, которые чувствовали себя уже частицей Польского королевства, а не Великого княжества Литовского. Поэтому уже к середине XVII в. брачными партнерами волынских князей стало более 40 семей польской (или ополяченной галицкой) знати: Даниловичи, Замойские, Зборовские, Калиновские, Конецпольские, Лещинские, Любомирские, Мнишеки, Опалинские, Остророги, Потоцкие, Собеские, Струсы, Тарлы, Тенчинские, Фирлеи, Язловецкие и др. Некоторые из них породнились одновременно с несколькими княжескими семьями, как, например, Лещинские с Сангушками, Заславскими, Корецкими и Вишневецкими, Замойские с Острожскими и Вишневецкими, Фирлеи с Вишневецкими и Збаражскими и т. п.

Следствием этих брачных контактов стало то, что имения, которые до сих пор при угасании той или иной ветви рода вращались в замкнутом кругу «своих», начали постепенно перетекать к могущественным и влиятельным польским магнатам. Именно так, например, к Даниловичам перешли по наследству обширные земли волынцев Семашек, к Фирлеям — владения угасшего рода Гойских, к Лещинским — часть Киевского Полесья, принадлежавшая с древнейших времен Горностаям, и т. п. Особенно рельефно эти изменения

обозначились после внезапного, почти мистического вымирания княжеских родов на протяжении 1620–1650-х гг. Угасая один за другим, с исторической арены сошли Острожские (мужская линия рода прекратилась в 1620 г., а последняя представительница женской линии умерла в 1654 г.), Збаражские (1631), Пронские (1638), Порицкие (1640), Корецкие (1651), ветвь Сангушко-Кошерских (1653). Без преувеличений повальная смерть Острожских (на протяжении 1618–1620 гг. из жизни ушло четыре представителя мужской линии этого рода — младенец Ян-Владимир, юноши Адам-Константин и Януш-Павел и уже пожилой сын Василия-Константина Острожского Януш) передала большую часть необозримых владений некоронованных королей Руси в руки двух малопольских магнатских семейств — Замойских и Любомирских, чьи представители были женаты на внучках Василия-Константина Катерине и Софии. Аналогичным образом к Конецпольским перешли по наследству земли Порицких, к Лашам — Курцевичей-Буремльских, к Красицким — Сангушко-Кошерских и т. п.

Польские земельные приобретения наследственно-брачного происхождения локализовались по большей части на Волыни и в Центральной (нестепной) Киевщине. Зато на Брацлавщину и Поднепровье польские магнаты приходили другим путем — занимая по мере вымирания князей административно-наместнические уряды в староствах пограничья. Это давало им возможность держать руку на пульсе местной жизни, в частности скупать земли, освобождавшиеся при обеднении или угасании того или иного рода местной шляхты. Например, в начале XVII в. именно такой контроль удалось установить над Винницким и Брацлавским староствами семье Калиновских, представители которой постепенно скупали города и села у давних брацлавских земьян — Козаков-Звенигородцев, Кудренков, Золотарей, Слупиц и др.

Особенно интенсифицировалось это своеобразное «административное наступление» после смерти в 1620 г. последнего мужского представителя рода Острожских — князя Януша, который монопольно контролировал порубежную полосу Киевщины как белоцерковский, богуславский, каневский, переяславский и черкасский староста. Эти староства вскоре стали добычей горстки мощных польских семейств, обладавших значительным влиянием при дворе, — Конецпольских, Любомирских, Жулкевских, Казановских, Калиновских. Например, Переяславское старостство с 1636 по 1649 г. занимали друг за другом два Конецпольских; два Любомирских между 1621–1649 гг. владели Белоцерковским староством и т. д. Такое, почти наследственное, управление реализовывалось в худшем для местного населения варианте: сам аристократ не жил в медвежьем углу над татарским путем, поэтому реально староством

управляли его наместники («подстаросты»), заботившиеся в первую очередь о самих себе. Недаром один из современников писал об украинских наместнических урядах следующее: «Говоря по-простому, каждый ищет, что его [собственное], а что — Богово».

Новые владельцы быстро включились в начатую еще князьями жесткую конкуренцию за земли, которые с конца XVI в. стали неожиданной ценностью и здесь, в прежде полупустом пограничье. Столкновения соседей были обычным делом в кругу князей и панов: носивший саблю на поясе (и тем более имевший надворное войско) предпочитал не обременять себя судебными хлопотами. Острожские воевали с Збаражскими и Вишневецкими, Ружинские — с Корец-

96. Шляхтичи. Любительский рисунок XVII в.

кими и Тышкевичми, Збаражские — с Корецкими и т. д. (на эти «войны» часто выходили многотысячные отряды «со всем аппаратом военным» и даже с бубнами и хоругвями). Важно другое: до сих пор это были «свои», внутренние «войны», так сказать, ссоры в семейном кругу. Польские магнаты, собственно, продолжали делать то же самое, но их действия уже воспринимались как «чужое» вторжение, посягательство на якобы устоявшийся мир и порядок. Показательной в этом отношении является солидарная ненависть киевской шляхты к Самуилу Лащу-Тучапскому — свояку и наследнику

князей Ружинских, который на посту коронного стражника вместе со своей командой «родом из ада» (именно так ее называли киевляне) в 1630–1646 гг. сторожил татарские пути. Параллельно Лащ подвизался в конфликтах с соседями, заработав в ходе судебных процессов 236 баниций (приговоров на лишение гражданских прав) и 17 инфамий (приговоров на лишение чести). Пользуясь протекцией коронного гетмана Станислава Конецпольского, наглец, как рассказывали, даже подшил судебными приговорами свой плащ, появившись в нем при дворе. После смерти Конецпольского (†1646) осмелевшая шляхта, собрав посполитое рушение, силой выбила Лаща из всех захваченных им имений и заставила его бежать с Киевщины.

Беспрецедентное возвышение горстки польских магнатов, которых русины называли «королевьятами», локализовалось преимущественно

во взрывоопасной зоне — на территории казацкого мира, что с логической неизбежностью вело к катаклизмам. Отряды магнатов, вооруженные контингенты их слуг и арендаторов, по большей части с пренебрежением и презрением относившихся к местному населению, делали неразрешимыми социальные антагонизмы, религиозные противоречия, имущественные конфликты, наконец, просто бытовые столкновения. И хотя наступление польского землевладения было не столь всеохватывающим, как его традиционно представляют (в среднем оно колебалось приблизительно между четвертью и третью местного поземельного фонда, причем преимущественно за счет десятка магнатских латифундий, потому что имения мелкой и средней шляхты неместного происхождения едва покрывали 6% территорий), однако все негативные изменения в общественной жизни ассоциировались в сознании русинов именно с «ляхами» — носителями нового, чужого уклада. Сумму антагонизмов Богдан Хмельницкий охарактеризует вскоре в простых и исчерпывающих словах: «Поляк и спокойствие на Руси сосуществовать не могут».

* * *

Проникновение польских магнатов в пристепной край сопровождалось еще одним обстоятельством, которое впоследствии приведет к кровавым событиям. Появление в городах Киевщины и Брацлавщины еврейского населения, до того эпизодическое, отныне стало массовым. Первые конфликты, связанные с внезапным увеличением числа еврейских купцов, произошли в Киеве в 1619 г., в правление воеводы Станислава Жулкевского. Непривычная для местного населения еврейская предприимчивость вызывала нарекания со стороны конкурентов-киевлян (аналогичные столкновения в 1620-х гг. произошли также в Богуславе, Житомире, Борисполе и др.), но претензии этим не ограничивались. Неудовлетворенность усиливалась и тем, что евреев как людей, не подчиненных «городскому праву», не привлекали, в отличие от горожан, к вооруженной службе в Поле при приближении татар. Активные киевляне добились решения спора в свою пользу: рассмотрев их жалобу, Сигизмунд III признал, что действительно «украинным людям» от евреев нет ни помощи, ни пользы в вопросах обороны, потому нецелесообразно позволять им селиться в Киеве. Однако в более мелких местечках численность еврейского населения продолжала расти.

Параллельно с 1620–1630-х гг. становится распространенной практика, втянувшая в конфликт не только мещанство, но и казаков, а также крестьян. Нуждаясь в деньгах, шляхта и королевские наместники начинают все шире передавать в аренду зажиточным еврейским предпринимателям населенные

пункты или даже целые староства. В разное время в руках евреев-арендаторов находились Житомирское, Корсунское, Богуславское и Любецкое староства. И в частных, и в королевских владениях арендаторы пытались за короткий срок, отпущенный им контрактом, получить как можно большую прибыль, взимая вопреки обычаю пошлину и вводя сверхурочные работы и налоги. Постепенно в руках евреев полностью сосредоточились аренда мельниц и корчем, а также хозяйственно-промышленная деятельность — выжигание поташа, варка селитры, рыболовство, скупка и перепродажа продуктов охоты. Образ ненавистного обдиралы-арендатора дополнялся тем, что евреи пришли на эти земли вместе с поляками, следовательно, как и поляки, были новыми людьми, носителями чужого уклада. Антиеврейские настроения подогревались также религиозным предубеждением: ведь наравне с татаринном еврей принадлежал к категории «неверных». Подобные настроения постепенно накапливались наряду с социальной ненавистью, и в конце концов в пламени казацкой войны еврейскому населению пришлось сторицей заплатить и за свои, и за чужие грехи. Речь об этом пойдет далее.

Крестьяне, бояре, мещане: специфика жизненного уклада

За распаханной целиной, стадами скота, построенными замками, пасеками, мельницами и рыболовными прудами немой стеной стояли подданные — крестьяне, которые, подобно земле, являлись частной собственностью шляхты. Социальные и налоговые группы, так же как региональное многообразие этого самого многочисленного класса Украины-Руси, были настолько неоднородными, что даже его краткая характеристика заняла бы слишком много места. Поэтому ограничимся лишь обзором общих направлений тех изменений, которые произошли в положении крестьян между древнеруськой эпохой и временем, о котором ведется речь в данной части очерка.

Эти изменения можно представить в виде трех основных линий, первой из которых стала постепенная утрата собственности на обрабатываемую землю, когда в процессе так называемой «феодализации» верховный землевладелец — князь или король — передавал своим вооруженным вассалам во владение территории, освоенные крестьянами-пахарями. Второе изменение повлекло за собой медленное, но неуклонное слияние свободных хлеборобов с невольниками — людьми, которых сажали на незанятые земли их владельцы: параллельное существование обеих категорий приводило к постепенному понижению имущественных и личных прав свободного сельского населения.

Наконец, третья волна изменений была обусловлена прикреплением крестьян к обрабатываемой ими земле, в результате чего отношения подданных с паном-землевладельцем, до этого выражавшиеся в формуле «опека и защита / плата за опеку», трансформировались в право владельца распоряжаться трудом и имуществом, а позже и самой жизнью подданного.

Земледельческое население Украины-Руси неравномерно проходило через эти ступени. В густонаселенных регионах, где не хватало свободных земель (как, например, в Галиции или Холмщине), крестьяне уже на рубеже XV–XVI вв. зависели от собственника имения. Переход к принуждению подданных ускорился здесь и в связи с появлением так называемых фольварков — панских хозяйственных дворов, в которых руками крестьян обрабатывалась земля, выращивался хлеб и выкармливался на продажу скот. Фольварочное ведение хозяйства требовало рабочих рук, поэтому денежные и натуральные налоги все чаще стали дополняться барщиной, то есть отработками в панском хозяйстве. И если раньше отработки ограничивались несколькими днями в году, совпадая с сезонными работами — пахотой, покосом или жатвой, то в конце XV в. крестьянские отработки составляли один день в неделю с одного двора, а с середины XVI в. повседневной практикой становится двухдневная, а порой и трехдневная барщина. Не уменьшались и натуральные подати, а также разовые отработки в так называемых «толоках», когда подданные насыпали или чинили дамбы, принимали участие в возведении хозяйственных зданий, свозили на собственных подводах и конях хлеб в торговые пункты и т. п.

Фактически крестьяне владели своими наделами без ограничений — наследовали их, дарили, покупали, продавали, делили и т. п. Но все это никогда не было оформлено на законодательном уровне, поэтому с точки зрения права крестьянской собственностью признавалось лишь движимое имущество — инвентарь, урожай, скот, а также домашняя и хозяйственная утварь. С распространением фольварочного типа хозяйства часто возникала необходимость увеличить барскую запашку или приусадебные фольварочные земли, и подданных просто-напросто сгоняли с их наделов, что вызывало особенное ожесточение, поскольку собственноручно отвоеванную у природы землю крестьянин считал своей природной, Богом данной собственностью. Одновременно с превращением свободного пахаря в рабочую силу господского фольварка все более ограничивались и его личные права. В частности, сейм Польского королевства принял уже в 1505 г. постановление, согласно которому крестьянин мог покинуть свое хозяйство и перейти на другое место жительства лишь с согласия господина. Ограничение свободы перемещения сопровождалось подчинением крестьян юрисдикции владельца, или так называемому домениальному суду,

97. Пахота. Гравюра из Учительного Евангелия (Киев, 1637)

причем его решения не подлежали пересмотру ни одной апелляционной инстанцией, даже королевской.

Однако этот классический образ подневольного крестьянина, о котором в середине XVII в. проживший почти 20 лет в Речи Посполитой французский инженер Боплан писал, что он находится «в худшем положении, чем каторжане на галере», не был повсюду одинаковым. Крестьянское законодательство Великого княжества Литовского было намного мягче, чем нормы польского права, которые действовали в Галицкой Руси и на Западном Подолье. Например, Литовские статуты последовательно различали статус свободного крестьянина и невольника (в литовско-руськом государстве неафишируемое рабство просуществовало почти до конца XVI в., пока под давлением христианской морали его не упразднил Статут 1588 г.). Достаточно большой контингент невольников («паробки», «жонки невольные», «челядь невольная»), постоянно пополнявшийся за счет московских пленных и пленников-татар, работал на дворовых работах или получал ограниченные в праве отчуждения земельные наделы, которые закреплялись за их потомками. Благодаря контрасту с невольниками независимость свободных землепашцев в Великом княжестве сохранялась намного дольше, чем на территории Польского королевства. В частности, право «выхода», то есть перемещения на другое место проживания, ограничивалось только уплатой «отступного» (впрочем, достаточно высокого, поэтому, переходя от одного владельца к другому, крестьяне предпочитали делать это нелегально, путем так называемого «побега»). В связи с замедленным развитием фольварков введение барщины также началось позже и нормировалось так называемой «Уставой на волоки» — аграрной реформой 1557 г., выразившейся в обмере крестьянских наделов и введении нормированных повинностей в зависимости от качества и величины земельных наделов («волоки»). На Волыни «волочная помера» затронула только два староства, Кременецкое и Ковельское, а также небольшую часть частных имений в северо-западном, более близком к Берестейской земле углу. Что же

касается Киевщины и Брацлавщины, то здесь, за исключением нескольких эпизодов, «волочная помера» вообще не проводилась. Вот характерная реакция местных крестьян на одну такую попытку, которую в 1593 г. хотел осуществить в Слободищах на Житомирского повета Фридрих Тышкевич. Как повествует землемер, собранная по этому случаю община, услышав новость, «в один голос закричала»:

Упаси Боже, чтобы мы это сделали и позволили разобрать свои наделы на волоки и вписать в реестр свои семьи! Не было здесь такого никогда, чтобы наши паны переписывали нас — свободных людей — и детей наших, и имущества наши, чтобы у себя в неволе держать. Ни отцы наши, ни мы сами, уже успев и здесь постареть, никогда такого не слыхивали и не видавали... А если нет, так мы сейчас же как свободные люди отдадим нашему пану, у которого здесь сидим, по 20 грошей [отступного. — *Н.Я.*] и выйдем прочь, а в неволе быть не хотим.

Замедленное распространение фольварочного способа ведения хозяйства способствовало тому, что в отношениях между паном и крестьянами достаточно долго сохранялась модель подчинения по формуле «опека и защита / плата за опеку». Таким образом, крестьянские повинности ограничивались натуральными податями, исполнением подводных и крепостных работ, а также толоками (иногда часть повинностей и даней или все они заменялись денежным налогом — чиншем). Именно поэтому, например, ускоренное втягивание Волыни в последней четверти XVI в. в гданьскую торговлю хлебом и, соответственно, бурный рост фольварков с неизбежно сопутствовавшей им барщиной повлекли за собой лавину нелегальных крестьянских выходов — «побегов».

На Брацлавщине и в степной и левобережной частях Киевщины хроническая нехватка рабочих рук на необозримых пространствах пустой земли принуждала землевладельцев быть особенно осторожными в отношении к крестьянам, которым предоставлялось тем больше льгот, чем ближе к татарскому пограничью лежали панские владения. Например, зафиксированные в ревизиях второй четверти XVII в. крестьянские повинности в местных староствах характерно различаются между собой именно с этой точки зрения. Подданные Житомирского староства должны были работать на замковых работах раз в неделю зимой и два раза — летом, зато жители Белой Церкви — лишь раз в неделю летом и два дня в году во время покоса, а зимой им нужно было привезти в замок лишь подводу дров. В Брацлавском старостве крестьяне отработывали всего шесть дней ежегодно, а в Переяславском и вообще были

98. Работа зависимых. Гравюра
из Учительного Евангелия
(Киев, 1637)

освобождены от всяких работ, повинностей и даней, кроме натуральной повинности на содержание старосты. Стоит добавить, что и сама барщина (там, где она имела место) отрабатывалась на Киевщине не с «дыма», то есть крестьянского двора, а с «дворища» или «служб» — совокупности дворов так называемой большой крестьянской семьи, в которых проживало совместно несколько поколений (в степных регионах дворища называли «хуторами»). Фактически это уменьшало количество отработочных дней, поскольку отработка суммарно возлагалась на взрослое мужское население всего дворища.

Еще одной характерной чертой Киевщины и Брацлавщины было

огромное количество освоенной, но не обрабатываемой земли. Налоговые переписи постоянно отмечают такие случаи, фиксируя, какие крестьянские дворища («службы») заселены, а какие пустуют, потому что их владельцы попали в татарский плен или перешли куда-то в поисках лучшей доли. Вот, к примеру, как выглядело это соотношение в нескольких соседних селах одной из волостей Киевского Полесья по данным ревизии 1571 г.: с. Клочки 9 служб заняты, 5 пустуют; с. Дорогины — 2 заняты, 2 пустуют; с. Камьяна — 24 заняты, 10 пустуют; с. Норинск — 10 заняты, 2 пустуют. На примере этого небольшого (заметим, более или менее защищенного от татар) участка, где треть освоенной земли пустовала в ожидании рабочих рук, видно, насколько острой была проблема нехватки крестьянского населения. Практически неисчерпаемый резерв плодородных, уже подготовленных в свое время для возделывания, но незанятых почв превращал Киевщину и Брацлавщину (а с конца XVI в. и левый берег Днепра) в гигантский насос, «высасывавший» наиболее активный крестьянский элемент из других регионов. Сюда путем «побега» мог переселиться каждый в достаточной степени энергичный крестьянин, который был готов ради свободы и достатка возделывать свою ниву, как писал в 1593 г. удивленный увиденным австрийский посол Эрих Лясота, «с ружьем на плече и тесаком на боку». Льготное положение переселенцев гарантировалось практикой «слобод», то есть освобождения

от всех налогов и повинностей сроком от 10–15 до 30 лет (магнаты охотно шли на это, чтобы привлечь рабочие руки в свои обширные, но пустующие и неприбыльные владения).

Крестьянский «побег» — это одно из самых удивительных явлений того времени. По закону срок, по истечении которого переселенцы не подлежали возвращению прежнему пану, равнялся в польских законах году и шести месяцам, в русько-литовских — десяти годам, а для беглецов из Польского королевства в Великое княжество — трем годам. На протяжении этого времени шляхтич мог разыскивать своих подданных и силой вернуть их, а в случае, если новый владелец противился этому, ему угрожали штрафы, а то и судебная баниця, то есть объявление вне закона. Законодательство изобилует грозными приговорами о штрафах за укрывание чужих подданных, об ускорении судебной процедуры и о повышении денежных компенсаций. Параллельно, и почти открыто, по селам ходят «выкотцы» (обычно бывшие беглецы, которые уже обжились на новом месте), которые подговаривают крестьян и организуют переселение. На многолюдных ярмарках княжеские и панские «осадчие» призывают «на слободы», объявляя места переселений и условия льгот. При основании «слобод», то есть новых льготных сел, публично закапывались столбы, на которых вырезалась цифра, указывающая на число лет, в течение которых будет действовать освобождение от налогов и повинностей. Князь Василий-Константин Острожский, например, вкопал такой столб на Старокиевской горе, основывая слободу прямо над Киевом, а князь Януш Збаражский в 1604 г. в одной лишь Ясеницкой волости над р. Здвиж поставил 15 столбов на селищах-пустошах (словом «селище» в то время называли опустевшее село). Наиболее парадоксальным является то, что с крестьян-переселенцев, осуществлявших «нелегальную акцию» — перегон своего скота через чужие владения, их собственник брал еще и специальную плату за потраву, так называемую «мимоходщину».

2 Чинь Сина 2

Со іудичи водити пхиса дщиті.
 Її дщ кола йма чуб. о іудичи дщиті
 Около водіт чщиса і дщиті
 Гла вісї на тѣ, йїї на вї дщиті.

99. Ловля рыбы. Гравюра
 Никодима Зубрицкого из книги
 «Ифіка ієрополітика» (Киев, 1712)

При просмотре судебных книг, в которых нашли отражение процессы шляхты о возвращении подданных или об уплате отступного за вывезенное имущество, создается впечатление, будто бы вся крестьянская Украина-Русь конца XVI — середины XVII в. жила на колесах. «Эра крестьянского выхода», как иногда называют этот период историки, действительно дала чрезвычайно высокий процент миграций. Согласно подсчетам Миколаы Крикуна, по данным судебных книг Руського и Белзского воеводств, беглецы покинули в первой половине XVII в. около 2 тысяч местных сел, а в небольшом по территории Подольском воеводстве — 618 сел. В этом безостановочном движении имелись свои закономерности. Наряду с локальными миграциями к более доброму пану в соседнюю волость (таких тоже хватало) обозначается главное направление — из Галиции, Волыни и Подолья на восток и юго-восток, то есть на недавно колонизованные земли Киевщины, Брацлавщины и Заднепровья. Активно перемещается на юг и крестьянское население Северной Киевщины — Полесья, окрестностей Овруча и Остра. Характерно, что в эту переселенческую волну почти не были втянуты обитатели неукраинских этнических земель: среди беглецов практически отсутствуют крестьяне из собственно польских, литовских или белорусских земель.

Благосостояние переселенцев зависело только от их трудолюбия и усердия. Можно привести немало примеров достойной удивления крестьянской зажиточности в этих краях, где, как говорили ревизорам брацлавские бояре еще в 1545 г., «мужик пышнее и богаче, чем пан». Вот некоторые из них: в 1587 г. в с. Пески на юге Житомирщины было ограблено 20 крестьян, и те подали перечни своих потерь, более или менее сопоставимые по ценности. Один из них перечисляет среди украденного: 10 коп денег наличностью (рабочий конь стоил 5–6 коп); 2 свиты из лондонского (то есть тонкого) сукна стоимостью по 3 копы каждая; жупан из лондонского сукна с 24 серебряными пуговицами за 8 коп; 6 узорчатых плахт; 100 локтей тонкого полотна; 6 женских сорочек из тонкого полотна; 4 мужские сорочки; лисью шапку, покрытую лондонским сукном; колчан с луком и тремя десятками стрел. Таким образом, что хранилось в крестьянских сундуках, мы можем себе приблизительно представить. Что в хлеву? Аналогичная история: жолнеры в 1602 г. захватили скот двух крестьян поблизости местечка Пикова на Брацлавщине: у одного было отнято 5 коней, 15 волов, 14 коров, 70 овец, 40 свиней; у второго — 10 волов, 8 коров, 4 телки, 30 свиней, 40 овец. Что на поле? В 1613 г. в междоусобной войне Тышкевичей с Острожскими во время наезда на с. Махновка Житомирского повета захвачено у 48 обитателей села 1215 коп ржи, 1115 коп пшеницы, а у 25 из них еще и 1375 возов сена.

Однако все-таки, вопреки несопоставимо более свободным условиям жизни киевско-брацлавского крестьянина в сравнении с его волынским, а особенно галицким собратом, именно Брацлавщина и Киевщина вскоре станут очагом социальных конфликтов. Причины этого видятся не столько в экономических реалиях или чрезмерном притеснении крестьянской массы, сколько в специфической ментальности земледельцев степной зоны. Освоив своим собственным трудом земли и воды опасного края, переселенцы не допускали и мысли о том, что доставшаяся им по Божьему праву собственность на самом деле им не принадлежит. С другой стороны, жизнь с глазу на глаз с татаринном породила независимость и отвагу, родственную казацкой. Поэтому даже слабые попытки ввести барщинные порядки, привычные для внутренних регионов государства, вызывали здесь бурную реакцию и рассматривались как покушение на волю. А между тем режим подданства польского типа не мог понемногу не проникать и сюда, хотя бы потому, что, как уже отмечалось, значительная часть местных земель оказалась в непосредственной собственности польских магнатов, для которых независимость простонародья была явлением странным и противоестественным. Другим фактором, который подпитывал сопротивление крестьян попыткам перевести их в подчиненное положение, была близость казацкого мира. Так называемое «оказачивание крестьян» — призрак опасности, который навис над шляхтой «украинных» воеводств уже с начала XVII в. Каждый переселенец-колонист так или иначе должен был быть воином, поэтому лично свободное казачество, которое проживало на этих же землях рядом с крестьянами, мало чем от них отличалось. А назвать себя казаком, переместившись из хутора в одном старостве на хутор в другом, было не так и сложно. Потому-то ревизоры порубежных королевских владений, не зная, как квалифицировать достаточно большие группы населения, применяют по отношению к ним в 1620–1630-х гг. довольно странный как для официальных документов термин — «непослушные». Таких «непослушных» то ли крестьян, то ли казаков, согласно люстрации 1622 г., например, в 25 хуторах Переяславского староства было более тысячи, наряду с 280 «послушными». В Черкасском старостве на хуторах проживало также более тысячи «непослушных», а в Богуславском на 12 хуторах обитало только несколько «послушных» крестьянских семей. На опасность сближения крестьян с казаками еще в 1605 г. указывал князь Януш Острожский, призывая принять срочные меры, «чтобы хлопы наши... к казакам не приставали». Достичь этого так никогда и не удастся, тем более после того, как с 1625 г. территория шести южных староств была официально признана резиденцией казацких полков — Белоцерковецкого, Каневского, Корсунского,

Переяславского, Черкасского и Чигиринского. Это способствовало настолько плотному переплетению казаков и крестьян, что попытка смирить крестьянина барщиной стала равняться рискованной попытке надеть ярмо на негибкую казацкую шею.

* * *

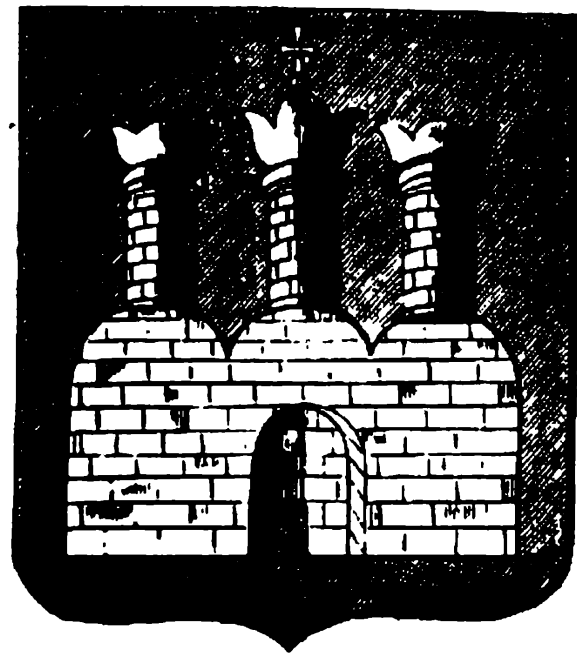
Военизированный характер пограничной жизни Поднепровья привел к появлению широкой «нейтральной полосы» между шляхтой и крестьянами, заполненной вооруженными людьми самых разных мастей. Например, кроме казаков, появление которых на исторической арене уже было отслезено нами, здесь с XV в. заметна еще одна своеобразная группа военного населения, так называемые «конные слуги», населявшие округа великокняжеских замков: Житомира, Овруча, Остра, Любеча, Черкасс, Канева. Задачи обороны требовали достаточно большого контингента рыцарей-бояр низшей категории, за право пользования землей несших военную службу, охраняя соответствующую замковую округу, в которой лежал боярский надел (он так и назывался — «служба»). Подобно западноевропейским ленам или феодам, такой надел передавался по наследству лишь по мужской линии и только при условии, что следующие поколения владельцев будут нести ту же вооруженную службу замку, что и их предок, впервые получивший «службу».

По мере расслоения на протяжении первой половины — середины XVI в. конных слуг на «уроженных» (шляхту) и «подлейших» (бояр) лишь немногим из них удалось удержаться на высшей ступеньке. Большинство же, не получив шляхетских привилегий, утвердилось в статусе полурыцарей, или, по терминологии того времени, панцирных бояр (в отличие от «правого» рыцарства-шляхты). В последней трети XVI в. островки владений панцирных бояр существовали еще при всех замках Киевского воеводства, а в XVII в. — лишь в Овручской, Остерской и Любечской замковых округах (например, близ Остра в 1636 г. их проживало 36 семей, или почти 70 обязанных вооруженной службой мужчин). Эти люди были подчинены старосте того замка, в округе которого владели землей на условиях наследственной конной службы. Других повинностей, кроме службы «конем» в отряде старосты, панцирные бояре не исполняли. От размеров надела, которым владела боярская семья, зависело число «коней», то есть вооруженных всадников, которые она должна была выставлять. Как люди военного, то есть шляхетского рода занятий, бояре имели право покупать землю у подлинной шляхты, приобретая вместе с этим и права личного шляхетства. А коль скоро это не освобождало их от службы «конем» на замок, то и называть их начинали «замковой шляхтой» или «замковыми

земьянами» (именно из этой социальной прослойки происходили, в частности, гетманы Иван Мазепа и Павло Тетеря).

Полушляхетский статус панцырных бояр оттенялся тем, что между ними и крестьянами существовала еще одна ступенька — так называемые «путные бояре», или «замковые слуги», которые также жили на земельных наделах вокруг великокняжеских замков. К их повинностям относились доставка почты, обеспечение замка дровами, несение караула на валах и т. п. Путные бояре не могли приобрести шляхетских прав, но, в отличие от крестьян-подданных, были лично свободными людьми.

В этой путанице, слишком сложной для не посвященных в тонкости «украинной» жизни, с трудом ориентировались люди некиевского происхождения. Вот, например, как своеобразно именуется бояр-овручан один из приговоров Люблинского трибунала [апелляционного суда] 1624 г.: «Казаки, которые зовутся боярами Овручского староства». Впрочем, люблинские канцеляристы, путаясь в терминологии, верно передали суть. Для современников не было загадкой то, что профессиональные воины из числа панцырных бояр и их «ошляхетненной» братии — замковой шляхты — комплектовали старшинский контингент Войска Запорожского, нередко следуя наследственной традиции, т. е. из одних и тех же семей. Например, род овручских бояр, а позже замковых земьян Федоровичей дал Запорожской Сечи двух полковников: Саська, убитого в 1594 г., и Тимофея, который возглавлял один из полков Сагайдачного в битве под Хотинем в 1621 г. Среди казацких старшин конца XVI — середины XVII в. мы находим немало бояр и замковых земьян Любечской замковой округи. Это, в частности, Величковские (из Савичей-Величковских происходил, вероятнее всего, гетман Григорий Савич-Черный), Томиловичи (Томиленки), Кононовичи (ср. «старшого» Войска Запорожского Савву Кононовича, которого тогдашние источники называют «Москалем»: так нередко именовали любечан — обитателей московского пограничья), Семаковичи (Злобицкие), Гладкие, Тупичи (Тупицы), Пушкари (Ресинские), Жуки и др. Не менее активно интегрировались в казацкий мир остерские и овручские бояре: среди старшин

100. Городской герб Остра.
Рисунок 1660-х гг.

мы встречаемся с представителями местных семей Вешняков, Пашин (Пашинских), Шумейков, Тетерь и т. п. Из житомирцев в той же роли можно вспомнить Шаул, Заньковичей, Зубовичей (Билашей), Андриевичей, Малковичей (Маловичей); из киевской боярско-шляхетской мелкоты — Прокоповичей, Хомичей, Медведовских, Мух, Яблоновских и многих других.

Столь же необычным, как и бояре, казалось жителям внутренних регионов Речи Посполитой и мещанство Киевщины. Как уже упоминалось, кроме традиционных занятий горожанина — ремесла и торговли, на нем лежали оборонительные функции, то есть, собственно говоря, сторожевая боярская служба при тех замках, в которых казаки вытеснили бояр, а между тем местные наместники не особо полагались на таких строптивых подданных, как казачество. Это хорошо заметно по ревизиям Канева, Черкасс, Белой Церкви, Переяслава, Корсуня и Богуслава 1615–1636 гг., в которых отмечено, что единственной обязанностью мещан является «конно оружно» являться на вызов старосты для выезда в Поле, а сверх этого, как пишут ревизоры, они «ничего не должны». Очевидно, именно военизированным характером местных городов можно объяснить то, что совсем скоро, во время казацких войн, несколько выходцев из мещанских семей Поднепровья станут хорошими полковниками, такими как братья Золотаренки, Мартин Небаба или претендент на гетманство Яким Сомко.

Среди множества оттенков употребляемого в то время емкого понятия «яко на Украине» наиболее характерным все же являлся оттенок условности сословных перегородок между мелким шляхтичем, боярином, мещанином и казаком. На пограничных землях, население которых жило под угрозой общей опасности, вместо сословного барьера на первое место выдвигался фактор профессиональной солидарности «вооруженного люда». Это способствовало созданию своеобразной социальной микроструктуры, свойственной лишь «Украине» (в тогдашнем значении слова). Ее можно охарактеризовать как смешанную: шляхетскую — по независимой позиции и чувству собственного достоинства, боярско-казацкую — по роду занятий, вызывающе отважную — по способу жизни и сложившимся ценностям и, наконец, что весьма существенно, слабо дифференцированную по имущественному признаку. Не подлежит сомнению и абсолютное преобладание в этом пограничном социуме украинского или, по крайней мере, украинизированного этнического элемента. Поэтому неудивительно, что в каждом очередном конфликте с местными властями новой (польской) волны, проникающей в Надднепрянщину с 1620–1630-х гг., потенциально

присутствует элемент межэтнического антагонизма. В конце концов, примеры не придется искать слишком далеко: именно такое столкновение между чигиринским шляхтичем-казаком Богданом Хмельницким и Александром Конецпольским подтолкнет к началу казацкой революции.

Казачество между «реформой Стефана Батория» и смертью Петра Сагайдачного

В позднейших казацких летописях обычно рассказывают о том, как король Стефан Баторий (1576–1586) выбрал из казаков шесть тысяч «отборного войска», разделил его на шесть полков, поставил гетмана, вручил клейноды и печать, назначил полковников, обозных, судей и сотников и приказал охранять татарское пограничье, а за это пожаловал казакам плату, предоставил город Чигирин в качестве резиденции и Трахтемировский монастырь как госпиталь для преклонных возрастом и покалеченных. В баторианской легенде, оформленной еще до Хмельнитчины, нашла обобщенное выражение серия правительственных мероприятий по упорядочению казацкой стихии, которая с 1540-х гг. превратилась в фактор, приводивший к серьезным осложнениям дипломатических отношений между Турцией и Польско-Литовским государством. В 1568 г. король и великий князь Сигизмунд II Август впервые адресовал свой универсал не пограничной администрации, а «подданим нашим, козакам тым, котрыє з замков и мест украинных зъехавши, на Низу перемешкивают». В нем он для начала пригрозил им суровыми карами за вылазки в татарские улусы, а затем предложил занять службу с определенным жалованьем при пограничных замках.

Осуществив по поручению короля поездку-ревизию на Днепровский Низ, тогдашний коронный гетман Ежи Язловецкий, который в молодости и сам казачил на Подолье, предложил уточненный вариант. Согласно поданному им представлению, казаки полностью выводились из-под юрисдикции пограничных урядников и как отдельная военная единица подчинялись гетманской власти. Их непосредственным руководителем, подчиненным лишь королю и коронному гетману, становился назначенный сверху «старшой и судья над всеми низовыми казаками», а сами казацкие вооруженные силы приравнивались к наемному войску с установленной платой. Таким образом, в 1570 г. был сформирован первый отряд из 300 человек под командованием «старшого» — шляхтича из Бара Яна Бадовского, воина из шляхетской семьи, издавна имевшей отношение к казакованию (то ли отец, то ли брат Яна погиб в несчастливом походе князя Дмитрия Вишневецкого-Байды на Молдавию). Роль этой

101. Панорама Трахтемирова. Гравюра из издания «*Suaneae oder die am Bosphoro Thracico ligende hohe Stein-Klippen*» (Аугсбург, 1687)

акции, невзирая на ее внешнюю скромность, чрезвычайно велика, поскольку организация казаков в отдельное подразделение, подчиненное собственному «старшому», создавало прецедент признания казачества в качестве легитимного элемента общества.

И Язловецкий, и Бадовский умерли в 1575 г., поэтому созданный ими казацкий отряд просуществовал недолго и слабо повлиял на прекращение самовольных походов на татарско-турецкую территорию. В частности, без согласования с казацким начальством в 1574 г. состоялась нашумевшая экспедиция в Молдавию, где продолжались военные действия между турками и очередным претендентом на престол Ионом Воде (Ивоней), пригласившим на помощь соседнюю подольскую шляхту. Несколько ротмистров пограничных кварцянских рот (Сверчовский, Козловский, Осмольский, Копицкий, Яницкий, Соколовский, Стужинский и другие — все из семей, так или иначе упоминающихся в военной истории пограничья) с отрядами численностью в 200 запорожцев, брацлавян и «барян», то есть жителей Барского староства, отправились в Молдавию. Командовал ими Иван Сверчовский, которого позже прославил Леонард Горецкий в книге «Описание войны Ивони», изданной в 1578 г. во Франкфурте-на-Майне. Горецкий описывает казацкого главаря как «мужа опытного в военном деле и наделенного необычайной силой», а запорожцев как храбрых воинов, которым принадлежит основная заслуга в победах Ивони над турками. Под именем Свирговского Иван Сверчовский вошел в позднейшую

казацкую традицию как один из первых гетманов Войска Запорожского, а народная песня, посвященная его гибели (по преданию, в битве под Килией), является высоким образцом жалобно-героической поэзии казацкого цикла:

Тоді буйні вітри завивали: — Де ж ви нашого
гетьмана сподівали? — Тоді кречети налітали:
— Де ж ви нашого
гетьмана жалковали? — Тоді орли загомоніли:
— Де ж ви нашого
гетьмана схоронили? — Тоді жайворонки повилися:
— Де ж ви з нашим
гетьманом простилися?

К первой половине 1570-х гг. относятся походы еще одного легендарного «гетмана» — князя Богдана Ружинского. Существуют глухие свидетельства о целой казацкой династии Ружинских — обедневшей княжеской семье с Волыни, представители которой служили «княжатам головным»: Сангушко, Острожским и Вишневецким. В частности, сотником надворной хоругви брацлавского воеводы и польного литовского гетмана Романа Сангушко был Григорий Иванович Ружинский, дядя Богдана, а его отец Остафий Иванович служил черкасским и каневским подстаростой Михаила Вишневецкого, а затем киевским подвоеводой Василия-Константина Острожского (оба имели связи с казацким миром). Атаманами низовых казаков предания называют также обоих братьев Богдана — Николая (†1592) и Кирика (†1599), будто бы возглавлявших между 1587–1588 гг. казацкие походы; с Войском Запорожским связывается еще одно имя, самого старшего дяди Остафьевичей — Михайла Ивановича.

«Гетман Богданко» в конце 1575 г, в ответ на набег восьмидесятитысячного войска перекопских татар осуществил ночной конный рейд вброд через Сиваш, занял крепость Ор [на Перекопском перешейке; ныне не существует], а затем двинулся на турецкую Кафу и овладел ею, освободив

102. Турецкий всадник.
Гравюра из книги Сигизмунда
Герберштейна «*Rerum
Moscoviticarum commentarii*»
(Базель, 1556)

сотни пленников. В следующем 1576 г. Ружинский отправляется во второй поход — на Асламкерман, турецкую крепость на Таванской переправе в низовье Днепра [на месте нынешнего Берислава]. Чтобы проделать брешь в стене, гетман приказал заложить под нее порох. Произошел неожиданный взрыв, который ударил по своим; среди погибших был и Ружинский. Этот поход в количественном отношении был одним из самых крупных для того времени: в жалобе королю хан указывает на то, что в войске покойного князя имелось по три тысячи днепровских, брацлавских и винницких казаков.

Следующим, 1577-м, годом датируется очередная казацкая вылазка, на этот раз в Молдавию, где после гибели Ивони династическую, а одновременно и антитурецкую войну продолжил Иван Подкова, который объявил себя братом убитого и при посредничестве барского шляхтича-казака Станислава Копицкого (участника похода Сверчевского) призвал на помощь казаков. Возглавляемые «гетманом» Яковом Шахом, казаки в сентябре триумфально вошли с Подковой в столицу Молдавии Яссы, но удержать города не смогли и отступили на Сечь. По пути Подкова был предательски схвачен и по требованию султана казнен во Львове. Свидетель его казни Талдуччи, агент тосканского герцога, описывая это событие, влагает в уста Подковы преисполненную гордой риторики речь, которую тот якобы произнес на лобном месте:

...Меня привели на казнь, и я не знаю за что, потому что не чувствую за собой никакой вины, заслуживающей такого наказания. Одно лишь я знаю, что всегда храбро дрался против врагов христианской веры и всегда заботился о пользе и выгоде нашей отчизны. Быть щитом против неверных — вот мысль, которая никогда не покидала меня...

Весной 1578 г. около двух тысяч казаков, а в июне того же года — еще один казацкий отряд ходили на Молдавию с новыми претендентами на господарский престол Александром и Петром, воюя с турками, а заодно опустошая молдавские территории. Между тем на Днестре зимой 1576 / 77 г. упомянутый Яков Шах совершил нападение на татарское посольство. В ответ крымчаки огнем и мечом прокатились по Южной Волыни, якобы ища Шаха, который нашел убежище в имениях Острожского; летом 1577 г. они повторно напали на Подолье и Восточную Галицию, а в начале 1578 г. — на Острожскую волость. Со своей стороны,

103. Иван Подкова.
Рисунок XVII в.

султан после молдавской войны пригрозил, что войдет в Речь Посполитую с собственным войском для усмирения казацкого произвола. При таких тревожных обстоятельствах очередной шаг по упорядочению пограничной стихии делает новоизбранный польский король — Стефан Баторий [Иштван Батори]. Этот семиградский князь и закаленный в битвах сорокадвухлетний воин был коронован на польский престол в мае 1576 г. после длительного и драматического соперничества претендентов. Крутой и решительный человек, Баторий сразу же после избрания заявил на сейме, что будет «не глиняным и не рисованным», а настоящим королем. На протяжении 1578 г. он провел энергичную реформу армии: в частности, были созданы отряды так называемой выбранецкой пехоты — войска, которое рекрутировалось из добровольцев-крестьян, — а также увеличена численность гусарской (тяжеловооруженной) и «казацкой» (легковооруженной) конницы. В рамках этих мероприятий предполагалось использовать и казаков.

В июле в 1578 г. королевский посланник, венгр Янчи Бегер, поехал в Черкассы, чтобы набрать на королевскую службу 500 казаков, а 16 сентября того же года во Львове с казацкими представителями было заключено соглашение, известное под названием Соглашение с низовиками. Верховным главой [dux supremus; в польских текстах — «hetman»] «Днепровского войска, которое зовется низовым» и получает соответствующую денежную плату и сукно из казны, назначался черкасский староста князь Михаил Вишневецкий (двоюродный брат знаменитого Байды-Вишневецкого), «старшим» Ян Оришовский, брацлавский шляхтич из пограничной шляхты, а писарем, то есть казначеем и интендантом, — Янчи Бегер. Резиденцией только что созданного войска стал город Трахтемиров под Каневом со старинным Зарубским монастырем, где должны были разместиться казацкий госпиталь и храниться предоставленные королем регалии — малиновая хоругвь, военная печать, бунчук, булава, бубны и трубы. За это казаки обязывались «не воевать в Валашской земле и не чинить там никаких разбоев.. Того же придерживаться и в отношении Белгорода, Очакова, Тягини [ныне Бендеры. — Н.Я.], не наносить вред крымскому царю, его землям, людям, улусам, степям и челяди, скоту и всякой вещи...».

Упомянутый казацкий отряд под руководством Михаила Вишневецкого принимал активное участие в Ливонской войне против Московии. В частности, сохранился отчет 1581 г. о выдаче платы людям, которые ходили «по службе Его Королевской Милости на Москву», — прообраз будущих казацких реестров. Поскольку рядом с именем по большей части отмечалось и происхождение казака, упомянутый реестр отображает этнический состав тогдашнего казачества. Кроме украинцев, большой процент в нем составляли выходцы из Белоруссии

104. Стефан Баторий.
Гравюра конца XVI в.
с портрета Мартина Кобера

(вероятно, сказалось то, что именно здесь находился театр военных действий); имеется немного поляков, русских, молдаван, в единичных случаях встречаются немцы, сербы, татары, черкесы.

На протяжении последнего двадцатилетия XVI в. численность казаков возрастала. Например, в 1583 г. отряд насчитывал 600 человек, а в 1590 г. на официальной службе числилась тысяча казаков. И хотя эти числа не охватывали всех тех, кто причислял себя к казачеству или «казачил» эпизодически, однако реестры укрепили казаков в осознании своей обособленности. Поэтому неудивительно, что уже первая известная казацкая петиция 1582 г. содержала жалобу о нарушении казацких вольностей местной пограничной администрацией, которая «хочет взимать [с них] дани и налоги», а также пытается установить свою юрисдикцию помимо председателя «старшого». В письме-ответе Стефан Баторий согласился с противозаконностью этих действий, потому что, как он отмечал, «низовые казаки, особенно те, которые получают от нас плату, а живут в городах, местечках и где-то еще», должны подчиняться только собственной

администрации. Уже в начале XVII в. это письмо использовали в качестве доказательства вольностей, предоставленных казакам королем. Именно так появился легальный казацкий иммунитет — первая веха на пути к утверждению Войска Запорожского.

* * *

Мероприятия Стефана Батория, направленные на введение казачества в русло регулярной службы, оказались не слишком результативными, что подтверждается самовольными казацкими походами, раз за разом осуществлявшимися с конца 1570-х гг. по уже привычным маршрутам: в Молдавию, на Белгород и Тягиню, на татарские стойбища и даже по морю на Гезлеве [современная Евпатория]. Жертвой безуспешных репрессий, направленных на сдерживание казацкой активности, в 1583 г. стал даже королевский уполномоченный и первый писарь Войска Запорожского Янчи Бегер, казненный

вместе с 30 казаками, обвиненными в нападении на турецкие укрепления на Днестре и распространении слухов о том, что они сделали это по приказу короля. Колоритным свидетельством того, насколько засасывала запорожская стихия людей, назначенных правительством для ее сдерживания, может служить эпизод, описанный в сеймовом дневнике 1587 г.: казацкий «старший» Ян Оришовский, появившись на сейме с петицией об уплате его реестровикам жалованья, сел во время ее зачитывания в Посольской избе «по-турецки».

Цикл партизанских вылазок завершился, как того и стоило ожидать, ответным ударом: на 1589 г. приходится одно из самых крупных для того времени татарских нападений на Подолье и Галицию, когда татарские отряды достигли Львова, и только объединенными усилиями шляхты и казаков от них удалось отбиться. Одновременно начал собираться в большой поход султан Мурад III, угрожая направить в Украину 200-тысячную армию и истребить казачество, если сама Речь Посполитая, как он заявил, беспомощна в отношении собственных подданных. Реагируя на эту угрозу, сейм в 1590 г. принял «Порядок о низовиках и Украине», который гарантировал исполнение взятых перед султаном обязательств «вывести украинских людей с Низа всех». Казаки передавались под надзор коронному гетману и назначенному им «старшому», а их ротмистры и сотники непременно должны были быть шляхтичами. Людей, внесенных в реестр, обязывали приносить присягу, что они самовольно не будут переходить границ Речи Посполитой «ни по воде, ни по суше, с целью грабежа и войны с соседними государствами, не будут перехватывать купцов, не будут принимать в свое общество без воли старшего».

Сурово запрещалось вписывать в реестр изгнанников, дезертиров и лиц, осужденных лишением чести, а все пограничные урядники должны были вылавливать и вешать согласно законам войны людей, «которые отправляются в Поле за добычей, особенно на территорию соседних государств».

Грозное постановление сопровождалось утвержденной сенатом «ординацией» [распоряжением] о наборе тысячного казацкого отряда, возглавляемого «старшими» — шляхтичами Яном Оришовским, Криштофом Косинским, Войтехом Ченовицким и Федором Загоровским. Для постоянного местопребывания («лежи») казацкого войска отводилось урочище Кременчуг на левом берегу Днепра или специально построенный замок, а продовольственное содержание возлагалось на пограничную администрацию. Из этих, в целом продуманных, мероприятий, как писал современник событий и один из первых хронистов казатчины Иоахим Бельский (кстати, родственник Яна Оришовского), «не вышло ровным счетом ничего». С одной стороны, правительство не сумело обеспечить обещанного жалованья, а с другой, — нечего было и надеяться на то,

что немногочисленные отряды старост пограничных замков смогут совладать с морем «своевольного казачества» (именно так стали называть всех тех, кто оказался вне реестра и жил, добывая себе «казацкий хлеб», искоренению которого должна была способствовать ординация 1590 г.).

* * *

Спровоцировавшей взрыв искрой стал конфликт между одним из казацких «старших», Криштофом Косинским, и белоцерковецким старостой князем Янушем Острожским, который силой присоединил к имениям староства «пустош Рокитную», предоставленную Косинскому за службу согласно сеймовому постановлению 1590 г. В конце декабря 1591 — начале января 1592 г. Косинский, своими силами восстанавливая справедливость, штурмом взял несколько городов, в том числе Белую Церковь и Переяслав, и, захватив оружие и продовольственные запасы, укрепился в Триполье, откуда

вел переговоры с посланными расследовать эксцесс королевскими комиссарами. О раннем периоде жизни казацкого вожака не известно практически ничего, кроме того, что он был шляхтичем из Подляшья и до ухода на Днепровский Низ, вероятнее всего, служил князьям Острожским; в составе казацкой старшины он упоминается с 1586 г.

Пока Косинский сидел в Триполье, события (по-видимому, неожиданно для него самого) приобрели характер достаточно крупной войны. На протяжении всего 1592 г. отмечаются вспышки казацкого неповиновения на Киевщине и Брацлавщине, откуда доносились глухие слухи о каком-то «большом вреде» от казацких наездов, и на Южной Волыни, где ватаги казаков начали нападать на шляхетские усадьбы. Поскольку в придворных кругах историю с Косинским считали частным делом Острожских, в карательную экспедицию, собранную в начале 1593 г., отправились преимущественно надворные отряды Януша Острожского и тогдашнего черкасского старосты Александра

Belli Ostrogiani ad Piątkos

LIBER PRIMVS.

Roma virisq̄ cano ducibus à Catharactis,
Quos atra, innocuos Altilo armatas in agras
Ruffia vasta tuos, regiones fusa per amplas.
Masa mihi causas memora, quo fulmine belli,
Quidnis parans Altilo ferax, tot adire labores,
Insignes pictare Duces, quælis Sarmata fulget,
Impulerit: tamens animis audacibus ira?
Si tua thuricremis onerani altaria donis,
Adnas ad montes, viridi præcilius in herba.
Si merui Iuuenis vatum gestamina lauros,
Impatiens otii, nummi contemptor auari.
Magnanimos ser in astra Duces, dic funera Martii,
Utq̄ repentino somnerunt pralia motu.
Fare age, qui prima commisit sentina pugna?
Virtutesq̄ vitiosq̄, aut tanti incendia belli?
Tange chelyum plectro, nam magnos itur in hostes.
Gens facili victu, bellu & nescia vinci:
Europa atque Asia, popularæ assueta penates,
Omnia animum ducit, per densa pericula Martii.
Tu memotare potes, summantia culmina hinc,
Et bello extingillos Iuuenes, & præmia pugna.

105. Страница поэмы Шимона Пекалида «De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nizoviis» (Krakow, 1600)

Вишневецкого. В битве под Пяткой [в настоящее время в Чудновском р-не Житомирской обл.] 2 февраля 1593 г. казаки потерпели сокрушительное поражение: согласно воспоминаниям современников, скорее всего преувеличенным, на поле боя полегло от 2 до 3 тысяч казаков; победители захватили 26 пушек и «все хоругви». В конечном итоге повстанцы капитулировали, обязавшись лишиться Косинского гетманства, отступить за пороги, отчислить из войска княжеских слуг-беглецов, которые присоединились к восстанию, и в дальнейшем беспрекословно служить Острожским, никогда не бунтуя против них. Кроме присяжного письма, которое от «имени всего войска» подписали Криштоф Косинский и его писарь Иван Кречкович, побежденный казацкий вожак должен был лично трижды, преклонив колени, «бить челом» старому князю Василию-Константину и его сыновьям, что входило в рыцарский ритуал «покорности» вассала сеньору.

Как видим, дебют казачества в роли вооруженной оппозиции протекал как сугубо внутренний конфликт патрона и непокорного слуги, без вмешательства посторонней силы. Аналогичный характер носило и краткое продолжение этой истории весной 1593 г. На этот раз объектом казацких претензий стал черкасский староста князь Александр Вишневецкий, которому Косинский не простил его участие в битве под Пяткой. Подойдя в мае к Черкассам, двухтысячный казацкий отряд готовился к штурму, но, после того как в одном из столкновений погиб Косинский, казаки отошли. Летом нападение повторилось, и на этот раз оказалось успешным, так что Вишневецкий был вынужден пойти на уступки. Согласно заключенному между ним и запорожцами соглашению, казаки получали право свободного ухода на Низ и возвращения, участникам войны 1591–1593 гг. была гарантирована амнистия, а князь должен был вернуть захваченное имущество и коней.

Фактически все это перечеркивало грозные пункты сеймовой ординации 1590 г., однако острая внешнеполитическая необходимость заставила короля закрыть глаза на очередное «казацкое своеволие». В связи с началом австро-турецкой войны 1593–1606 гг. (так называемой Пятнадцатилетней), по инициативе

106. Аллегоричная композиция «Успешная война». Дереворит из трактата Чезаре Рипы «Iconologia» (Падуя, 1618)

папы Климента VIII и австрийского императора Рудольфа II Габсбурга обсуждались планы антитурецкой коалиции — Священной лиги. Определенная ставка делалась и на казацкие силы, основанием чему служили, среди прочего, регулярные сообщения европейских дипломатов из Стамбула и Варшавы о вылазках казаков на турецкие и татарские владения. Характерным образцом такого документа может служить «Записка о том, какую пользу можно извлечь из союза с казаками в случае войны с Турцией», адресованная в 1587 г. секретарем папского нунция в Польше Карло Гамберини Венецианскому сенату. Как сообщает автор, ему удалось провести предварительные переговоры с «казацким гетманом» (Оришовским?), и тот пообещал:

заки в любое время готовы идти на службу к светлейшему дожу, как он прикажет, и я сам поведу на поле боя 10 тысяч храбрых воинов.

Несколько позже, в 1592 г., венецианский посол в Польше Пьетро Дуодо определил численность казаков в 12–15 тысяч, характеризуя их как «народ чрезвычайно боевой» [*gente valorissima*].

Идея антитурецкой лиги, отвергнутая осторожными правительственными кругами Речи Посполитой, нашла сторонника в лице князя Януша Острожского. В частности, летом 1593 г., еще до начала Пятнадцатилетней войны, князь Януш через своего белоцерковецкого подстаросту завлекал казаков на императорскую службу. Некоторые историки предполагают, что не без помощи Острожских летом 1594 г. на Сечь, располагавшуюся тогда на острове Базавлук, переправили и Эриха Лясоту, императорского посла (он прожил здесь почти месяц, описав впоследствии запорожский быт в своем бесценном для истории казачества «Дневнике»). Посольство Лясоты, подкрепленное подарком императора Рудольфа II в 8 тысяч серебряных талеров и военными хоругвями с императорской символикой, не дало ожидаемых результатов: казаки ограничились небольшими диверсиями против татар и турок, отказавшись от большого похода ввиду недостатка коней. Осенью 1594 г. через папского посла Алесандро Комуловича не названному по имени казацкому вожаку была передана булла папы с призывом к «общей защите христианства» и 100 золотых флоринов в подарок Войску Запорожскому. Перед этим Комулович вел переговоры с Василием-Константином Острожским, и осторожный князь выразил готовность воевать против турок, но только при согласии короля. Это позволяет предполагать, что неназванным «казацким гетманом» мог быть слуга Острожских Северин Наливайко — таким путем Острожские неофициально включались в войну.

* * *

Сведений о личности Северина Наливайко (сам себя он называл «Семерий») сохранилось немного. В письме, отправленном к королю в начале 1596 г., он пишет о себе как о воине-профессионале, который «с молодых лет при многих казацких гетманах во многих местах и неприятельских землях промышлял казацким хлебом». Во время восстания Криштофа Косинского Наливайко служил сотником надворной коругви Острожских, поэтому принимал участие в разгроме запорожцев под Пяткой. Это повлекло длительную неприязнь между ним и низовиками, хотя, как повествует в своем «Дневнике» очевидец событий Лясота, Наливайко накануне первого похода в Молдавию прислал на Сечь свою саблю в знак «повиновения» сообществу. Не совсем ясно и происхождение казацкого героя. Традиционно его считают сыном гусятинского ремесленника, выходцем из простолюдыя. Однако вероятнее всего, то была дань тогдашней польской традиции, которая собирательно называла казаков «хлопством» «бунташной чернью», хотя на самом деле большинство старшины происходило из шляхты или полушляхты-бояр (например, в событиях, о которых пойдет речь далее, все казацкие вожаки были шляхтичами: Микошинский, Лобода, Шаула, Кремпский, Подвысоцкий и др.). Похоже, род Наливайко-Бирковских принадлежал к боярам-слугам князей Острожских, а один из братьев Северина, Демьян, был даже настоятелем соборной замковой церкви в Остроге, активным деятелем Острожского ученого кружка и, возможно, исповедником старого князя Василия-Константина.

Войско Северина Наливайко впервые упоминается в июне 1594 г., наряду с отрядами запорожцев, которые действовали под предводительством тогдашних «старших» Григория Лободы, Богдана Микошинского и Матвея Шаулы. Спалив турецкие и молдавские поселения на нижнем Днестре, Наливайко по собственной воле попробовал сделать то, чего безуспешно добивались от запорожцев послы антитурецкой коалиции, — задержать поход конницы крымского хана, который отправился на помощь туркам на театр военных действий. Однако достичь успеха не удалось: татары быстрым рейдом прошли Молдавию и вторглись через Покутье в Галицию, грабя и выжигая все на своем пути (поэтому для Руси поход наливайковцев оказался медвежьей услугой), а далее через Карпаты двинулись в Венгрию. Между тем Наливайко объединился с Лободой и под императорскими знаменами продолжил в Молдавии военные действия против турецкого ставленника господаря Арона, ссылаясь «на письма Его Императорской Милости, а также панов воевод семиградского, мунтянского и валашского» (Трансильвания, Валахия и ее восточная часть, Мунтения, вступили в Пятнадцатилетнюю войну

на стороне Габсбургов). Когда же Арон и сам присоединился к антитурецкой коалиции, обе казацкие армии (Лободы и Наливайко) численностью около 12 тысяч в феврале следующего 1595 г., уже совместно с Молдавией принимали участие в боях против турков в понизовье Днестра и Дуная. Затем Наливайко и его люди якобы «по просьбе Его Милости христианского императора» воевали в Венгрии: как впоследствии свидетельствовал сам Наливайко, «не за какие-то деньги, а только по нашему рыцарскому желанию».

Между тем коронный гетман Ян Замойский в конце лета 1595 г. вошел в Молдавию со своим собственным войском и посадил на господарский престол своего ставленника Иеремию Могилу; последний признал двойной протекторат — короля и султана, а параллельно был улажен назревавший вооруженный конфликт между Османской империей и Речью Посполитой. Со стабилизацией польско-турецких отношений продолжение молдавской одиссеи казаков становилось нежелательным, поэтому Замойский ультимативно потребовал ее прекращения. Таким образом, к осени 1595 г. и запорожцы под предводительством реестрового гетмана Григория Лободы, и возвратившиеся из Венгрии наливайковцы остались без «казацкого хлеба».

Реестровики нашли радикальный выход из положения, разместившись «на зимние лежи» на Подолье и юге Киевщины, собирая «станции» [поборы на собственное содержание] в имениях местной шляхты. Дискомфорт от казацкого соседства заключался не только в станциях, хотя и они были достаточно ощутимыми. Долговременное пребывание казаков «на волости» приводило к «оказачиванию» крестьян, да и вообще к крестьянской социальной активности, что не могло не раздражать шляхту.

Наливайко и его воинам «на ближней волости» места не хватило. Поэтому его многотысячная армия двинулась сначала на Волынь, получив осенью 1595 г. достаточно большую контрибуцию с Луцка, а затем на Беларусь, где осуществила грабительский рейд на Слуцк, Бобруйск и Могилев, и в конце января 1596 г. опять вернулась на Волынь. В местечке Степани, владении Острожских [в настоящее время Сарновского р-на Ровенской обл.], казацкий гетман устроил себе зимнюю штаб-квартиру.

107. Станислав Жулкевский.
Копия с портрета XVII в.

Не исключено, что казацкие наезды на усадьбы сторонников церковной унии, осуществленные именно в это время, происходили с молчаливого согласия старого князя. По крайней мере, о придворной свите Василия-Константина говорили, что в ней едва ли не половина «казаков Наливайко» и что они «пьют за здоровье Наливайко».

Ни местная королевская администрация, ни шляхта не имели достаточно сил для того, чтобы противодействовать почти двенадцатитысячному хорошо вооруженному и закаленному в битвах войску. Поэтому впервые было решено воспользоваться силами коронной армии, которая в конце февраля 1596 г. отправилась в карательный поход под предводительством польного гетмана Станислава Жулкевского. В Украине к ней присоединились вооруженные отряды бывшего казацкого «приятеля» князя Кирика Ружинского, князей Януша Заславского и Михаила Вишневецкого, брацлавского старосты Ежи Струся и нескольких местных панов. Жулкевский планировал разбить отряды недружелюбных по отношению друг к другу запорожцев Лободы и Наливайко по отдельности. При дворе знали о разногласиях между ними. Например, королевский секретарь Рейнольд Гейденштейн писал: «Лобода руководил старыми, чистой крови низовиками, а Наливайко подчинялись одни преступники и беглецы».

В этом утверждении должна быть крупца истины, потому что тот человеческий материал, о котором говорит Гейденштейн, всегда в избытке имелся среди пестрого «украинного люда». С другой стороны, речь шла не о крестьянах-беглецах, которым сам казацкий вожак в уже упомянутом письме к королю предлагал «обрезать нос и уши, не допуская в [казацкое] войско». Это полностью опровергает взгляд на наливайковщину как «крестьянское восстание», особенно если принять во внимание присутствие в войске Наливайко многочисленной шляхты, в том числе католиков, и даже мелких князей, таких как Юрий Друцкий-Горский и Флориан Гедройц.

Стратегический план Жулкевского не удался. Маневрируя и вступая в небольшие бои, Наливайко оторвался от противника и пробился к Белой Церкви, где соединился

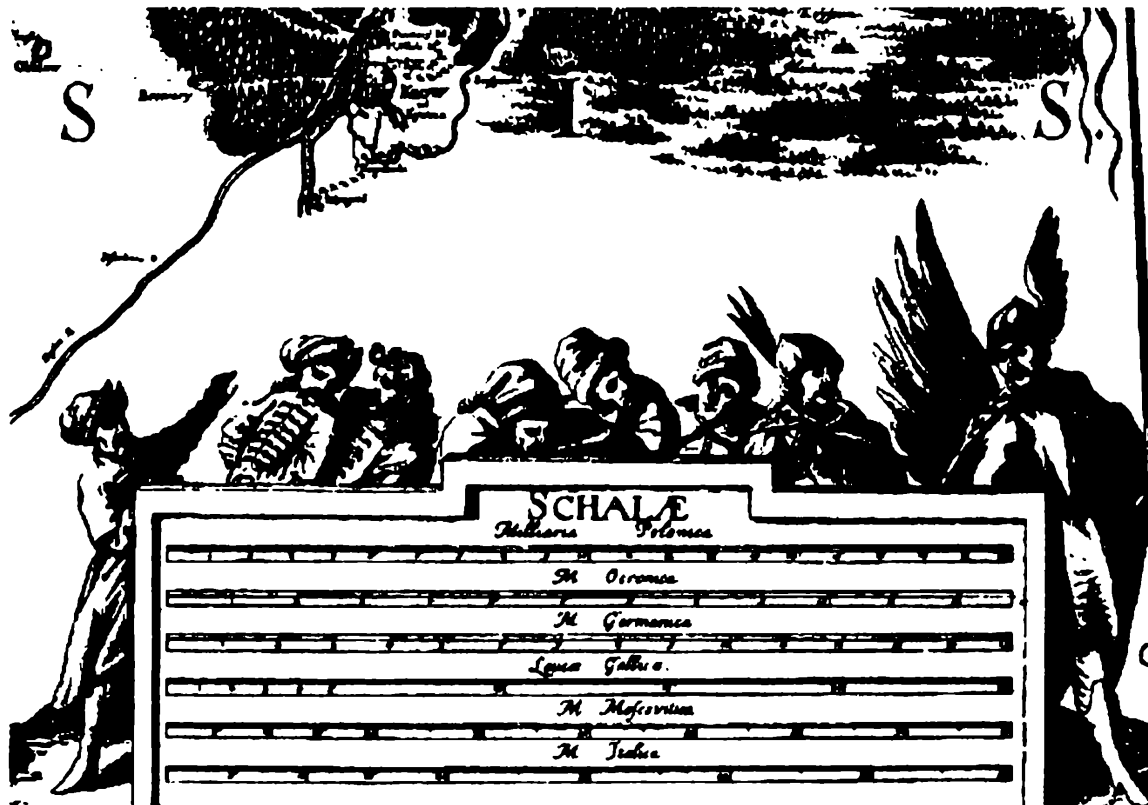

108. Легкая конница войска Речи Посполитой. Рисунок с гравюры 1656 г.

с запорожцами Лободы. После нескольких столкновений, особенно после битвы в урочище Острый Камень недалеко от Триполья, в которой погибло много старшин, казаки вынуждены были переправиться через Днепр и отступить к Переяславу, а затем отходить в глубь Поля, надеясь, что войско Жулкевского не осмелится их преследовать. Однако одному из отрядов польного гетмана удалось обойти повстанцев с тыла, преградив путь к отступлению. Близ г. Лубны окруженные заложили лагерь, известный под названием «лагеря на Солонице» (по названию р. Солоницы, которая именно здесь впадает в Сулу). Около 26 мая 1596 г. началась двухнедельная осада казацкого укрепления, усиленного четырьмя рядами телег, рвами и насыпными валами. Среди осажденных находилось много невоенных — двинувшихся вслед за отступавшим войском семей казаков, поэтому скоро стала ощущаться нехватка воды, пищи и корма для скота. В кризисной ситуации, как и можно было ожидать, немедленно обострились противоречия между упомянутыми выше группами повстанцев; в одном из столкновений даже погиб гетман реестровцев Григорий Лобода, на которого пало подозрение в тайных переговорах с Жулкевским. Под непрерывным пушечным обстрелом осажденные согласились с требованием Жулкевского выдать вожаков, причем, как пишет хронист Иоахим Бельский, «меж ними было большое смятение, что было слышно даже в нашем лагере». Капитулируя, казаки передали в руки польного гетмана более десяти человек из старшины, в том числе Наливайко и Матвея Шаулу, а также пушки, хоругви, булаву и другие военные клейноды. Условием капитуляции являлось обещание Жулкевского, что после того, как оружие будет сложено, казаков отпустят невредимыми. Этого, однако, не произошло. В ходе внезапного замешательства, конкретный повод к которому так и остался невыясненным, жолнеры учинили резню в уже обезоруженном лагере и, как записал Иоахим Бельский, «так их немилосердно секли, что на милю или даже более лежал труп на трупе. И если было всего в лагере с чернью и женщинами до десяти тысяч, то вырвалось не более полутора тысяч...».

В донесении польного гетмана, который пытался смягчить этот не слишком рыцарский инцидент, упомянуто «несколько десятков человек», убитых жолнерами, венграми и русинами, в порыве мести.

Так завершилась первая настоящая война коронной армии с казаками. Матвея Шаулу и остальных запорожских вожаков казнили в то же лето во Львове, а Северина Наливайко после следствия, которое длилось почти год, приговорили к смерти в Варшаве 11 апреля 1597 г., применив привычное для того времени наказание для государственных преступников — четвертование.

109. Казацкая старшина. Рисунок на карте Боплана «*Delineatio specialis et accurata Ukrainae*» (Гданьск, 1650)

Описывая казнь Наливайко, уже упомянутый Иоахим Бельский резюмировал: «Был он человеком красивым, к тому же и воин не последний...» Полвека спустя распространится легенда о том, что казацкого гетмана сожгли в специально сделанном для этого медном быке. Анализируя ее, Иван Франко пришел к выводу, что в основу этой мрачной сказки — коллективного произведения фантазии людей середины XVII в. — были положены древнегреческие предания о жестоком агригентском тиране Фалариде (VII в. до н. э.).

* * *

Первый же после разгрома восстания сейм 1597 г. объявил казаков «военными преступниками и врагами родины», а коронному гетману поручил «истребить их до последнего». Неосуществимость этого постановления, как и позднейших постановлений подобного содержания, проистекала из того, что казачество уже переросло рамки правительственного контроля, пропитав собой всю «украинную» жизнь. Пока власть пыталась репрессиями сбить верхушку айсберга — вооруженные «своевольные купы», постепенно расширялось казацкое землевладение — атрибут «значного» казачества, казачавшего на протяжении нескольких поколений. Эта преисполненная

самоуважением прослойка была убеждена в том, что ее независимость оплачена податью крови и верной службы королю, а любое наступление на нее расценивалось как покушение на справедливость. «Значные казаки» уже на рубеже XVI–XVII вв. владели обширными имениями на границе с Полем, бесстрашно закладывая свои хутора и пасеки чуть ли не на татарских путях. Первым упоминанием о появлении собственно казацкого землевладения можно считать привилей короля Сигизмунда Августа 1571 г. «товарищу низовых казаков» Омельяну Ивановичу на «землю Сивера на обеих сторонах Ворсклы». Согласно завещанию 1600 г. другого «значного казака и обывателя чигиринского» Тишка Волевача, ему принадлежал купленный еще его дедом и растянувшийся на десятки километров земельный клин за р. Тясмин

110. Печать Войска
Запорожского 1595 г.
(реконструкция)

хуторами, лесами, пахотными землями и сенокосами, а кроме этого, двор в Чигирине, четыре табуна лошадей, несколько отар овец, большие запасы оружия и 2 тысячи коп денег наличностью (для сравнения, рабочая лошадь стоила 5–6 коп). Под 1615 г. упоминаются находящиеся еще глубже в степи обширные земельные владения под названием «Плоский лес» — собственность другого чигиринского казака, Максима Михайловича, а в 1630 г. сын Тишка Волевача, обозный Войска Запорожского Иван, покупает у чигиринской казачки Федоры ее «отчизные» земли с пасекой и лесом, расположенные вообще за р. Ингулец, чуть ли не в самом сердце Поля. Согласно более поздним упоминаниям, также известно,

что пасеками вплоть до Черного леса и устья р. Каменки, притока Ингульца, владел отец чигиринского сотника Богдана Хмельницкого Михайло.

Численность людей, причислявших себя к реестровым казакам (в связи с текучестью населения Сечи бессмысленно пытаться подсчитать численность запорожцев), исчислялась в первой четверти XVII в. тысячами семей. В Белой Церкви согласно люстрации 1616 г. на 300 мещанских дворов приходилось 300 казацких, в Богуславе аналогичное соотношение выглядело как 200:400, в Стеблеве 100:400, в Чигирине 50:500, в Крылове 50:400, в Каневе 100:1346, в Черкассах 150:800, в Переяславе 300:700, в Боровице 50:100 и т. д. В целом же исследователи по материалам налоговых переписей 1616 и 1622 гг. насчитывают в степной части Киевского воеводства около 9–10 тысяч казацких дворов,

то есть по меньшей мере 50–60 тысяч человек, проживавших «на казацком праве» и уж, конечно, не разделявших правительственного взгляда на самих себя как на общественную аномалию.

К этим подсчетам нужно еще прибавить и тех, кто владел землей в княжеских и панских латифундиях на условии выставления в случае военной надобности пана одного вооруженного «казака» на коне. О численности этой служилой прослойки могут дать представление упоминания о размерах «казацких отрядов» того или другого магната, состоявших из «погребищан» и «прилучан» князей Збаражских, «уманских казаков» Калиновских, «лубенских казаков» князей Вишневецких (под 1623 г. фигурирует даже «атаман Войска Запорожского лубенский») и т. п. Этот вооруженный люд, который также отождествлял себя с казачеством, не менее чем вдвое увеличивал общую численность боеспособного казацкого населения.

Приняв это во внимание, не стоит удивляться тому, что в случае военных трудностей король раз за разом прибегал к помощи такого взрывоопасного помощника, как казаки. Ведь в первых трех десятилетиях XVII в. Речь Посполитая принимала участие в нескольких войнах с Швецией, Московией и Турцией, а казаки были резервом дешевой вооруженной силы (например, дешевле было содержать 6 тысяч казаков, чем нанимать 600 немецких пехотинцев). Так что за репрессивными постановлениями следовали очередные наборы казацкого реестра, что фактически раз за разом восстанавливало легальное положение Запорожской Сечи. Сеймы обстоятельно обсуждали «казацкий произвол», принимая грозные декларации, но в то же время текущая необходимость вынуждала правительство использовать казацкое оружие.

Из тех способов решения казацкой проблемы, которые в немалом количестве предлагались на рубеже XVI–XVII вв., без внимания остались как раз те, которые, по выражению тогдашнего польского публициста Криштофа Пальчевского, опирались «не на меч Александра Великого, а на мудрость Соломона», в частности руководствовались необходимостью территориально обозначить казацкую автономию, где за казаками признавались бы права «рыцарского» сословия. Среди дальновидных, хотя и утопических, проектов подобного содержания заслуживают внимания предложения, изложенные в ряде произведений и писем 1590-х гг. киевского католического епископа Юзефа Верещинского, и созвучный им мемориал 1596 г. ксендза Петра Грабовского «Нижняя Польша». Верещинский, помимо всего прочего, предлагал создать в Заднепровье «казацкое княжество» со следующей схемой устройства: всю территорию следовало разбить на 13 административных единиц-полков, во главе которых стояли бы казацкие полковники,

которые, в свою очередь выставляя «по всякому требованию короля» трех-четыредесятную армию, должны были в военных вопросах подчиняться гетману, а роль высшего управителя в этом микрогосударстве отводилась «шляхетному князю», с распространением его власти как на казаков, так и на остальное население. Весьма похожим образом размышлял Грабовский: по его мнению, в степной части Киевщины и Брацлавщины стоит создать автономную территориальную единицу, подчиненную непосредственно королю и населенную уравненными в правах со шляхтой, казаками и мещанами. Задачей этих людей, наделенных за службу земельными имениями, должна была стать оборона границ от турок и татар, а одновременно и содействие хозяйственной колонизации. Весьма показательны, что схожую направленность имели предложения Северина Наливайко, изложенные им в 1596 г. в письме к королю. Казацкий главарь обосновывал необходимость постройки замка

в междуречье Днестра и Южного Буга, «где от сотворения мира еще никто не жил», и передать его окрестности на поселение казакам, оплачивая из казны их сторожевую службу теми деньгами, которые ныне идут в уплату упоминков крымскому хану.

Все эти проекты так и остались лишь на бумаге не только потому, что в королевской казне хронически не хватало денег, но и потому, что одновременно с ростом казацкой силы вырастал и призрак казацкого сепаратизма. Например, во время восстания Наливайко и Лободы ходили слухи о том, что казаки хотят провозгласить собственное государство во главе с «царем Наливаем», то есть Наливайко. Сами казаки осознавали собственную силу в той мере, в какой рос объем услуг, оказываемых Войском Запорожским Речи Посполитой. Крупные отряды реестровцев во главе с Самойло Кошкой принимали участие в войне со Швецией 1601–1602 гг. Сразу после нее полем казацкой деятельности стали события так называемой Московской смуты и последовавшей за ней интервенции Речи Посполитой в Россию. Толчком к этому, как известно, послужило появление в 1602 г. в Киево-Печерском монастыре

НА КОНТЕРФЕТУ

Obraz Dimitra Wielkiego Czarza
Mosciewskiego.

NA oblike DIMITRA w Poczciwym palerzki /
Obraz z nimu przybywal - obywatel tu i tam iul
Dany iul fana i koscuski wawra i set stary /
I wafida po smota oszczadzi iary.
Ciel po Oszczadzi mila - Proszko rozkala /
Ego sowa chotego iul - y kowal iul.

111. Лжедмитрий. Дереворит из панегирика Станислава Гроховского на брак Самозванца с Мариной Мнишек «Piesni na fest ucieszny» (Krakow, 1606)

загадочной личности, выдававшей себя за царевича Дмитрия, сына царя Ивана Грозного. По рекомендации архимандрита Елисея Плетенецкого Дмитрия Самозванца переправили в Острог искать поддержки у князей Острожских; не получив ее, весной 1603 г. он перешел ко двору другого православного князя — Адама Вишневецкого. Тот, в свою очередь, переслал «царевича» к своему брату Константину Вишневецкому, по чьей инициативе Самозванца представили королю. В итоге коалиция пограничных магнатов с собственными надворными отрядами, преимущественно казацкими, осенью 1604 г. отправилась вместе с «царевичем» отбивать московский престол. Вероятнее всего, при посредничестве князя Адама Вишневецкого «царевич» в конце 1603 — начале 1604 г. также посетил Сечь, заручившись поддержкой запорожцев. Поэтому в его лагерь под Черниговом в ноябре 1604 г. прибыло около 7 тысяч казаков, которые вместе с донским казачеством составили основное ядро армии. Позже к ней присоединилось еще около 10 тысяч запорожцев, которые после гибели «царевича» поддержали в 1607–1610 гг. следующего самозванца — авантюриста Лжедмитрия.

Тысячи казаков мы видим также в войске короля Сигизмунда III, который официально вступил в войну в 1609 г. В частности, в московской кампании 1611–1613 гг. только на легальной королевской службе их числилось 30 тысяч, а в полках, которые гетман Петро Сагайдачный в 1618 г. повел на Москву, чтобы выволить из осады королевича Владислава, их было около 20 тысяч. Именно успехам казацкого оружия (и особенно Сагайдачного в кампании в 1618 г.) Речь Посполитая обязана Деулинским перемирием 1618 г., по которому удалось вернуть утраченные в свое время в борьбе с Московией Смоленск, Чернигов и Новгород-Северскую землю.

В московских походах, лишенных ореола борьбы за веру, с особенной яркостью проявилась грабительская суть «казацкого хлеба». Запорожцы жгли и уничтожали все живое на своем пути, не уступая в этом татарам. Например, армия Сагайдачного, направляясь на выручку королевичу, превратила по дороге в пепел русские города Ливны, Елец, Скопин, Ряжск и др., вырезая население, как писали тогдашние русские источники, вплоть до младенцев и сея панический страх перед «богопротивными запорогами». Вот характерная угроза, которую Сагайдачный якобы адресовал взятым в осаду жителям г. Михайлова накануне штурма:

...Утром град ваш, как птицу, рукой своей возьму и обращу его в ничто, и предам огню. А тем, кто живет в нем, малому и старому, повелю отсечь руку и ногу и бросить псам.

112. Петро Конашевич-Сагайдачный.
Гравюра из панегирика Касияна Саковича
«Вірші на жалосний погреб зацного
рыцера Петра Конашевича Сагайдачного»
(Київ, 1622)

Впрочем, уже в конце того же 1618 г., после заключения перемирия, три сотни запорожцев перешли на службу к московскому царю, действуя по обычным традициям военных наемников, предлагавших свою саблю каждому, кто хорошо платит, а сам Петро Сагайдачный в январе 1620 г. отослал в Москву посольство с предложением «служить головами своими».

Убедительнее всего казаки доказали то, что Речь Посполитая нуждается в них, в ходе Хотинской войны 1621 г., когда в ответ на непрерывную казацкую партизанщину и польское вмешательство в молдавские дела турецкая армия во главе с самим султаном Османом III отправилась «завоевывать Лехистан». Грозная армия, состоящая из стопятидесяти тысячного регулярного войска (не считая татарскую конницу и вспомогательные отряды), в июле 1621 г.

перешла Дунай. В конце августа она уже стояла напротив армии короля под Хотином [в настоящее время райцентр Черновицкой обл.], угрожая раздавить ее 35 тысяч воинов одной лишь своей массой. В последние дни перед началом боев к коронным отрядам присоединилось более 38 тысяч собранных после длительных переговоров с королем казаков во главе с Петром Сагайдачным. Стоит отметить, что накануне похода султан тоже засылал на Сечь своих лазутчиков, подговаривая к союзу и обещая опеку автономной казацкой округе со столицей в Киеве или Каменец-Подольском. Кровавопролитные позиционные бои, главный удар которых приняли на себя казацкие отряды, длились в течение всего сентября, пока 8 октября 1621 г. не было заключено перемирие.

Хотинская война стала апогеем казацкой славы в Речи Посполитой: подвиги казаков сравнивали с античными образцами героизма и патриотизма, а самих их называли главными спасителями «общей отчизны» от исламской угрозы. Армянский хронист из Каменец-Подольского, современник событий,

писал: «Если бы не было казаков, одному Богу известно, не были ли бы поляки уничтожены за три-четыре дня». А панегирик школяров Киевской братской школы в 1622 г., констатируя, что в самом деле «бог віст, якъ бы было, кгда бы запорозское войско не прибыло», поучительно наставляет:

Оттоль відаймо, чого згода доказует,
Домы, панства [государства. — *Н. Я.*] и царства вцале заховует.
Дай, боже, зьгоду межи всіми христіаны
И звитязство христіанским царом над поганы.

Однако братство по оружию, объединившее казаков со шляхтой в борьбе против общего врага, сохранялось недолго. Смерть Петра Сагайдачного 10 апреля 1622 г. от раны, полученной в Хотинской войне, разожгла тлеющий пожар вражды, которую до этого гасил дипломатический талант авторитетного казацкого гетмана.

Борьба за самоутверждение: казацкие войны 1625–1638 гг.

На похоронах Петра Конашевича-Сагайдачного он был воспет в поэме тогдашнего ректора Киевской братской школы Касияна Саковича как «славный рыцарь и правый гетман», достойный бессмертной славы, что «въ молчаню нігды не зостане, поки Дніпръ зъ Дністром многорыбные плынути. будутъ». Свое уважение к казацкому гетману выразила и польская сторона. Якуб Собеский, отец будущего короля Яна III Собеского, в свое время видный политический деятель, в мемуарах о Хотинской войне писал: «Этот Петро Конашевич, человек редкого мужества и зрелости в суждениях, изобретательный в словах и поступках... в глазах будущего потомства достоин стать рядом с самыми выдающимися людьми Польши своего времени».

Сведения о происхождении и юношеских годах Сагайдачного достаточно скудны. Предполагают, что он родился в 1577 или 1578 г. в семье Конашевичей-Попелей, руськой шляхты из-под Перемышля. В 1580–1590-х гг. он учился в Остроге; на протяжении второй половины 1590-х якобы служил у киевского земского судьи Яна Аксака и к 1600 г. оказался на Запорожской Сечи. Начало его гетманства относят ко времени между 1605 и 1610 гг. Однако явным лидером казацкого сообщества Сагайдачный стал после того, как под его руководством было осуществлено несколько громких и невиданных по своей дерзости морских походов: в 1614 г. на малоазиатский порт Синоп; в 1615 г. в околицы

Стамбула, когда сам султан из окон дворца мог видеть дым разведенных запорожцами пожаров, а в бою с турецкой флотилией был взят в плен турецкий адмирал и захвачено несколько галер; в 1616 г. на Кафу и во второй раз — на Трапезунд и босфорское побережье.

Именно дерзкие морские походы запорожцев спровоцировали появление именно в это время в украинской литературе героико-патриотического образа рыцаря-казака. Вот, например, как данный мотив звучит в упомянутой поэме Касияна Саковича 1622 г.:

Они ойчизні нашої суть обороною,
От татар поганих и турков заслоною...
О запорозком войску кто писма читает,
Тот им мензство и славу, хоть не рад, признает,
Бо завше в нем такіи рицери бывали,
Што менжне неприателей ойчистых бивали,
И жадное рицерство в нас не єст такъ славно,
Якъ запорозокое, и неприателюм страшно.

113. Казацкие «чайки» под Кафой. Гравюра из панегирика Касияна Саковича «Вірші на жалосний погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного» (Київ, 1622)

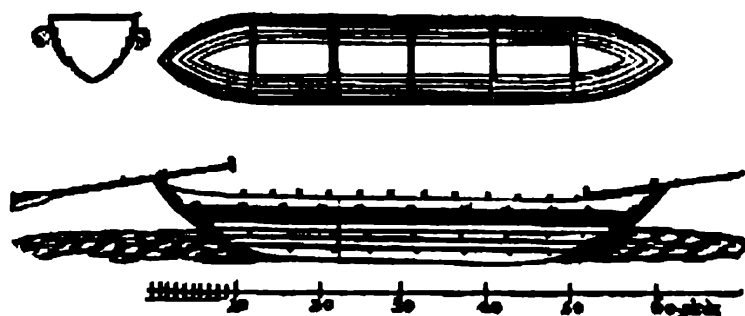
Созвучными этой патетике оказались и отклики на казацкие походы в Западной Европе, известия о которых поступали туда от находившихся в Стамбуле дипломатов. В частности, детально описывают их венецианские послы Вальер и Контарини, посол Франции де Сези (в беллетризованной форме его донесения были изданы отдельной брошюрой в 1620 г.), английский дипломат По, итальянский миссионер в Крыму Дортели д'Асколи и др. Французский историк Бодье, автор изданной в 1631 г. в Париже «Общей истории турок», писал: «Само имя казаков наводит страх и ужас на Константинополь. По городу часто проносятся слухи, что они появились опять, чтобы предать все огню и мечу».

Казацкие победы в упомянутых трудах трактовались как триумф

христианского духа над ужасной исламской империей. Восхищенные интонации слышны и в мемуарах французского инженера-фортификатора Гийома Левасера де Боплана, который в течение 1630–1647 гг. состоял на службе гетмана Станислава Конецпольского (и поэтому, воюя с казаками, не испытывал к ним особого тепла). Боплан детально описывает тактику морских походов и, как человек технического склада ума, даже сопровождает свое описание чертежом казацкой «чайки». По его словам, запорожцы не представляют жизни без свободы и столь мало дорожат собою в бою, что «большинство из них погибает почетной смертью на войне». Описывая свое путешествие к порогам, хвастливый француз подчеркивает собственную отвагу достаточно красноречивым образом:

Среди казаков ни один не может считаться настоящим казаком, если не поднялся на [лодке] через все пороги. Следовательно, по их обычаю и меня можно признать казаком, и именно в этом моя слава, которую я добыл себе во время этого путешествия.

Зато у политической элиты Речи Посполитой подъем популярности казачества восторга не вызывал, и для этого имелись серьезные основания. Казацкая героика слишком дорого обходилась казне и мирному населению, потому что ответом на каждую морскую или сухопутную экспедицию запорожцев становился очередной татарский набег. Например, в отместку за поход под Стамбул татары в 1615 г. пронесли опустошительным смерчем по Подолью и Волыни, когда, как хвастался хан, было сожжено 200 городов и сел, а также взято на каждого татарина по семь-восемь пленников. В ответ на взятие Трапезунда в 1616 г. крымчаки напали на Волынь, где им, как тогда говорили, «не хватало рук для сбора и лыка для связывания [пленников]». Логическим следствием казацких походов стало и обострение взаимоотношений с Османской империей. Над Речью Посполитой, а фактически над ее пограничьем — Украиной с осени 1615 г. нависла угроза турецкого вторжения (неудачной попыткой его реализации стала Хотинская война 1621 г.). Другая проблема, которая беспокоила правительство, касалась внутренней ситуации.

114. Чертеж казацкой «чайки» Гийома Левассера де Боплана в его книге «Description d'Ukraine» (Руан, 1660)

Хорошо осведомленный в украинских делах князь Ежи Збаражский указывал на «явное или тайное расположение к казакам едва ли не всей Киевщины и Белоруссии», где им «содействуют и желают всяческого успеха» как шляхта, так и мещане. Комментируя распространение казацкого влияния в Украине, сеймовое постановление 1609 г. под страхом смерти требовало, чтобы «города и мещане не отдавались под их юрисдикцию», а королевские легации на сеймики 1615 и 1616 гг. констатировали «внутреннюю опасность» в Украине, где «заводят себе свое удельное государство казаки».

В течение некоторого времени, благодаря гибкой дипломатии и авторитету Петра Сагайдачного, удавалось сохранять пусть и шаткий, но мир. Немало способствовало этому и то, что чрезмерно активные запорожцы чувствовали над собой тяжелую руку гетмана. Как писал уже упомянутый Якуб Собеский, Сагайдачный, «не задумываясь, приговаривал к смерти за наименьший проступок». Умело обходя острые углы в отношениях с властью, гетман осуществлял компромиссную политику, направленную на завоевание легальной позиции в государстве для «значного казачества», то есть наследственных реестровцев. Яркой выраженной иллюстрацией к маневрированию между «ястребами» из правительственных кругов и радикализмом своевольных запорожских низов являются соглашения на Ольшаницкой (1617) и Роставицкой (1619) переговорных комиссиях, где Сагайдачный, казалось бы, уступал требованиям королевских комиссаров сократить реестр и сжечь казацкий флот, но вскоре вновь добивался того, что Войско Запорожское фактически сохраняло прежние права. К периоду гетманства Петра Сагайдачного, очевидно, следует отнести и окончательное организационное оформление Войска Запорожского (хотя основы его, естественно, были заложены раньше). Речь идет о таких фундаментальных институтах казацкого самоуправления, как рада и казацкий круг; деления на полки, сотни и десятки во главе с полковниками, сотниками и десятниками (атаманами); упрочение военных должностей есаулов, то есть гетманского штаба, обозных, заведовавших артиллерией, военного писаря, прапорников (хорунжих); появление с тех пор обязательных горнистов и добышей, подающих боевые сигналы.

Под защитой Войска Запорожского при Сагайдачном был осуществлен и такой весомый общественный акт, как восстановление православной церковной иерархии, о чем уже упоминалось ранее. Это превращало казацкое сообщество в официального защитника русской церковной жизни. Внезапное обращение в лоно Церкви степных рыцарей, о которых еще недавно говорили, что они «*religionis nullius*» [«никакой веры»], требовало обоснования. Да и само Войско Запорожское в 1620-х гг. уже было настолько мощной и хорошо

структурированной вооруженной силой, что отождествлять его с «своевольными ватагами безродного сброда» было довольно сложно. Поэтому именно к началу 1620-х гг. относятся первые попытки киевских церковных интеллектуалов составить «историческую биографию» казачества. В ее основу, как можно предположить, легли утверждения польского историка Мацея Стрыйковского, одного из наибольших авторитетов русской исторической мысли того времени. В своей «Хронике польской, литовской, жемайтской и всея Руси» (1582 г.) Стрыйковский впервые назвал «казаками» древнерусских дружинников, а «казаки» в войске великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича вообще были часто встречающимися персонажами в его труде. Развивая миф о древнерусских истоках казачества, митрополит Киевский Иов Борецкий в своей брошюре «Протестация» (1621 г.) специально акцентирует извечный характер «православности» казацкого войска — органической части «русского народа». Казаки, как возвышенно пишет Борецкий, — это не безродный сброд, а

племя того честного русского народа из Яфетового семени, который и по Черному морю, и по суше воевал с Греческим царством. Это воинство того колена, которое при русском монархе Олеге плавало на своих лодках по морю, а приладив колеса к лодкам, и по земле, которое штурмовало Константинополь. Это тот народ, который при Владимире Великом, святом русском монархе, воевал с Грецией, Македонией и Иллирией. Это тот народ, чьи предки вместе с Владимиром крестились и веру христианскую принимали от Константинопольской Церкви, и по сегодняшней день в ней рождаются, крестятся и живут.

Речь шла, как видим, прежде всего о том, чтобы объединить казаков, которых до сих пор воспринимали как разноплеменную помесь авантюристов и «степного сброда», с православной Русью и тем самым доказать законность их права представлять интересы Православной Церкви. Тезис Борецкого оказался настолько актуальным, что его тотчас подхватило православное духовенство по всей стране. В частности, почти дословно родословная от «русского колена» повторяется в уже упомянутой поэме Касияна Саковича на смерть Петра Сагайдачного. В том же 1622 г. в Вильно вышел анонимный труд «Эленхус», где подчеркивалась роль казачества в религиозных конфликтах, а в 1625 г. победу Войска Запорожского в пышных барочных стихах прославил в поэме «Лабиринт» воспитанник Краковской академии, белорус, будущий ректор Киевской братской школы Фома Иевлевич, резюмируя: «Из-за этого процветает их слава в мире, достигающая небес».

Сближение Православной Церкви и Войска Запорожского сопровождалось рядом символических акций. В 1620 г. гетман Петро Сагайдачный почетным эскортом со всеми старшинами встречал на границе Речи Посполитой и сопровождал за ее пределы иерусалимского патриарха Феофана — «от волков противных сторожаху», как многозначительно намекнет летописец. Накануне Хотинской войны, когда Сагайдачный приезжал в Варшаву для того, чтобы заручиться обещанием короля «успокоить греческую религию», его сопровождал князь-монах, игумен казацкого Трахтемировского монастыря Езекиил Курцевич. Наконец, преисполнены символики и сами похороны гетмана «при церкви школы словенское» Киевского Братского монастыря.

Наделение Войска Запорожского нимбом героики «старой Руси» стало первым шагом к фундаментальному изменению общественных структур. На глазах менялась руководящая сила православного сообщества: на смену старой княжеской аристократии, которая возглавляла Русь со времен Киевской державы, первый шаг к политическому лидерству сделала казацкая старшина в лице Петра Сагайдачного и его приближенных. В этом намерении молодую политическую элиту поддержала загнанная в угол Православная Церковь. И хотя после восстановления в 1632 г. православной иерархии Церковь, не нуждаясь в таком непредсказуемом союзнике, как казачество, заняла более осторожную позицию, ситуация, как мы увидим дальше, уже вышла из-под ее контроля.

Взрывоопасность союза Церкви и казачества не осталась без внимания оппонентов. Папский нунций Козимо де Торрес в своем отчете в Рим 1622 г. писал:

Нельзя применять против них насильственные меры, потому что, кроме свободы совести, которую король гарантировал своей присягой, препятствием являются также казаки — воинственный и смелый народ, который стоит на страже ее иногда с мольбой, иногда с угрозой на устах, но всегда с оружием в руках.

Об опасности использования казацкой силы в том же 1622 г. говорит и полоцкий униатский архиепископ Иосафат Кунцевич, предостерегая:

Они [казаки] позже, презрев Бога, его помазанника [короля] и собственную совесть, отважатся на еще большие дела, чем те, на которые отважился Наливайко.

Осуществления пророчеств Кунцевича не пришлось долго ждать. Поводом к первому после смерти Петра Сагайдачного конфликту стало вмешательство запорожцев в крымские дела, где продолжалась междоусобная борьба между членами династии Гиреев, завершившаяся восхождением на престол в 1623 г. Мехмед-Гирея и его брата Шагин-Гирея. Когда в 1624 г. Стамбул попытался лишить обоих власти, братья обратились за помощью на Сечь. Весной 1624 г. отряд казаков осуществил поход на Кафу в интересах Мехмеда и Шагина, а в июле и августе, когда турецкий флот отправился в Крым громить непокорных вассалов, запорожские «чайки», сжигая и грабя, трижды высаживались в предместьях Стамбула. В декабре 1624 г. Шагин-Гирей заключил с Войском Запорожским, как с отдельным государством, формальный договор, где отмечалось:

Если бы у пана гетмана, есаулов, атаманов и всего Войска появился какой-то неприятель, то я, Шагин-Гирей, как только меня оповестят, со всеми беями и мурзами приду им на помощь. А если появится неприятель у меня, они должны, по моему извещению, помогать мне согласно присяжным актам.

Тогда же, в 1624 г., на Запорожье по протекции митрополита Иова Борецкого появился некий Александр Яхия, называвший себя сыном султана Мехмеда III (1595–1603) и гречанки-христианки и искавший союзников для организации династического переворота. Хотя из этих планов ничего не вышло (Яхию переправили в Москву, а оттуда через Архангельск — в Западную Европу), казацкая дипломатическая активность обеспокоила королевский двор. Каплей, переполнившей чашу терпения, стала реакция запорожцев на требование правительства воздержаться от морских походов (весной и летом 1625 г. были осуществлены целых три вылазки на побережье Босфора). Отвечая королевскому посланцу, сечевики с вызовом заявили:

115. Станислав Конецпольский.
Копия с портрета XVII в.

им известно о соглашении короля с султаном, но казаки с султаном соглашения не заключали.

Осенью 1625 г. карательное войско численностью 8 тысяч жолнеров во главе с польным гетманом Станиславом Конецпольским быстрым маршем двинулось на Украину и подступило к Черкассам, на несколько дней опередив запорожцев, которых вывел из Сечи гетман Марко Жмайло. Решающая битва имела место с 19 по 22 октября сначала на р. Цыбульник под Крыловом, а затем около Курукового озера в урочище Медвежьи Лозы [напротив современного Кременчуга], куда отступил Жмайло. Казаков к этому времени насчитывалось около 20 тысяч, а воинов Конецпольского около 17–18 тысяч, учитывая и надворные отряды магнатов, присоединившиеся к коронной армии. Характерным образом ее состав определяют тогдашние московские источники: «поляки и ляхи» («поляками» здесь названы люди из отрядов киевских панов-русинов — Немирича, Ельца, Стрибиля и др.).

Штурм казацкого лагеря не принес успеха, поэтому Конецпольский предложил мирное соглашение. Его условия на протяжении нескольких дней бурно обсуждала казацкая рада; на ней же Михайлу Дорошенко, представителю умеренной части реестровцев, вручили гетманскую булаву. В конечном итоге 5 ноября 1625 г. был заключен мир, казаки принесли присягу, а на прощание польный гетман «приветствовал и угощал» Дорошенко и его старшину у себя в ставке в знак окончательного примирения. Куруковское соглашение сокращало реестр до 6 тысяч; казаков обязывали сжечь «чайки» и в дальнейшем воздерживаться от морских походов, не вступать в отношения с иностранными правителями и не вмешиваться в дела городских и замковых урядников. У выписанных из реестра казаков не отбирались казацкие права, но они обязывались переселиться в одно из шести староств, которые отныне становились резиденциями шести казацких полков: Черкасского, Каневского, Корсунского, Чигиринского, Белоцерковского и на левом берегу Днепра Переяславского. А тот казак, который хотел бы и впредь владеть землей на территории магнатских латифундий, автоматически превращался в зависимого.

* * *

Согласие продлилось пять лет. Начало войны со Швецией за побережье Балтики, длившейся с 1626 по 1629 г., опять вынудило увеличить казацкий реестр, перечеркнув главный пункт Куруковского соглашения. Параллельно в 1628 г. возобновилось соперничество Мехмед-Гирея и Шагин-Гирея с султаном, в которое вновь были втянуты запорожцы. На сей раз по политическим соображениям это было на руку правительству Речи Посполитой, поэтому власть

закрыла глаза на новые казацкие экспедиции в Крым, что свело на нет и другие договоренности, к которым пришли на Куруковом озере. Последующие же события разворачивались уже по инерции, спровоцированной случаем. В крымском походе погиб Михайло Дорошенко. И когда избранный вместо него другой представитель умеренной старшинской группы, Григорий Савич-Черный, в ходе очередного пересмотра казацкого реестра в январе—феврале 1630 г. потребовал, чтобы 300 выписанных из него запорожцев прибыло с артиллерией в гетманскую ставку, если хотят быть восстановленными, ответом стал мятежный уход сечевиков «на волость».

Там их ожидал горючий материал: после завершения Шведской кампании в Украину вернулось много казаков, не внесенных в реестр, а к тому же на Киевщине впервые были размещены на постой выведенные из Прибалтики жолнеры, чинившие произвол и грабившие население. Около 10 тысяч запорожцев во главе с Тарасом Федоровичем (Трясилом) в конце марта 1630 г. подошли к Черкассам, застав Черного врасплох, и в местечке Боровице осудили его и четвертовали как изменника, отрубив сначала руки, а затем голову. С именем Тараса Трясила связаны первые в казацкой истории универсалы, обращенные ко всем, кто «был когда-либо казаком и кто хочет им стать», — с призывом сражаться «за веру и старинные вольности». На призыв повстанцев начали стекаться казаки-выпищики, мещане и «окозаченные» крестьяне, а когда Федорович подступил к Корсуню, на его сторону перешло и большинство сосредоточившихся там реестровых казаков. Параллельно вспыхнули бунты по селам, поэтому, как писал Конецпольский, «никто из местной шляхты не чувствовал себя в безопасности в своем доме».

На подавление восстания было выслано сначала несколько кварцянских рот, которые оттеснили казаков на левый берег Днепра, в Переяслав. С подходом основной армии бои стали более ожесточенными и длились около трех недель, но взять казацкий лагерь не удалось. После того как по инициативе умеренной старшины начались мирные переговоры, Трясило вместе с частью казаков покинул лагерь и отступил на Сечь. В итоге 8 июня в 1630 г. было подписано Переяславское соглашение, по которому казаки соглашались выполнять пункты Куруковского трактата, а Конецпольский предоставлял амнистию участникам восстания. Запорожцы в который раз пообещали сжечь «чайки» и не выходить в море, зато реестр был увеличен до 8 тысяч.

Станислав Конецпольский назвал всю Переяславскую войну «комедией», потому что на самом деле она ничего не изменила. Сразу после подписания соглашения запорожцы осуществили очередное нападение на турецкое побережье близ Килии и Варны, а в 1632 г. король, начиная войну

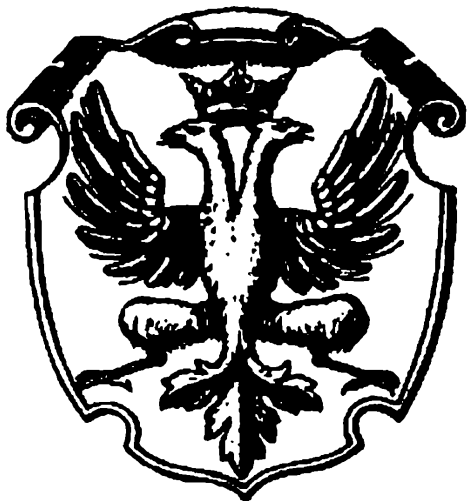
с Московией, объявил расширенный набор в реестр. В Смоленской войне, которая велась на протяжении 1632–1634 гг. и завершилась капитуляцией московского войска и окончательным переходом к Речи Посполитой Смоленской и Чернигово-Северской земель, участвовали крупные казацкие силы. В частности, только на Северщине под командой Адама Киселя и князя Иеремии Вишневецкого действовало около 20 тысяч казаков; другой отряд во главе с гетманом реестровцев Тимофеем Орендаренко принимал участие в осаде Смоленска и воевал под Вязьмой, Ржевом и Калугой. Как видим, военно-политическая конъюнктура уже в который раз перечеркнула намерения правительства максимально сократить численность казачества.

Между тем в Украине нарастали трения между радикальными и умеренными казацкими группировками и время от времени вспыхивали локальные выступления. В частности, в Нежине весной 1631 г. произошло ожесточенное вооруженное столкновение казаков с коронными жолнерами; какие-то казацкие ватаги без ведома и вне контроля казацкого гетмана стекались в Лубны, Остер, Переяслав и Черкассы, а на казацкой раде в Каневе в начале 1635 г. вновь подстрекал к восстанию неутомимый Тарас Федорович.

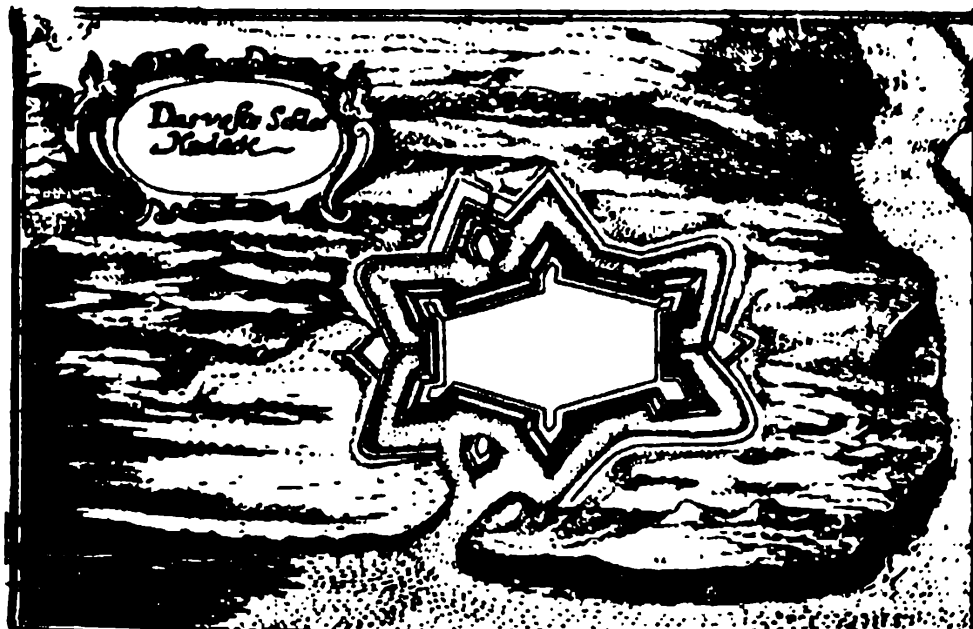
Ответом на это предгрозовое напряжение стало очередное постановление сейма 1635 г., согласно

которому в Киевское воеводство вводилось кварцянское войско и устанавливалась смертная казнь для всякого реестровца, который «проявит себя как мятежник, непокорный нашим гетманам, своим начальникам и своей старшине, или как инициатор черной рады» («черными» назывались рады, созываемые не старшиной, а казацкими низами — «чернью»). По предложению Станислава Конецпольского этот же сейм постановил построить крепость над первым из порогов, Кодацким, чтобы перекрыть подвоз хлеба и боеприпасов на Сечь, а одновременно и контролировать выход запорожцев в Поднепровье.

Крепость возвели немедленно, с марта по июль 1635 г.; сам Конецпольский, к тому времени уже коронный гетман, присутствовал при ее закладке, а руководство инженерными работами осуществлял уже упоминавшийся французский инженер де Боплан. Не менее оперативной была и казацкая реакция на ее появление. В начале августа отряд запорожцев во главе с Иваном Сулимой, возвращаясь из морского похода, захватил Кодак, перебил замковый гарнизон и разрушил крепостные укрепления. Сразу же после этого Сулиму окружили

116. Герб Черниговского воеводства. Рисунок 1633 г.

117. План Кодацкой крепости. Гравюра из издания «*Cyaneae oder die am Bosphoro Thracico ligende hohe Steinklippen*» (Аугсбург, 1687)

на одном из днепровских островов, и находившиеся в отряде реестровцы, согласившись с требованием королевского комиссара, сожгли на его глазах «чайки» и предательски выдали главарей. Трех из них, в том числе Сулиму, четвертовали в Варшаве, а четвертого, Павла Бута, помиловали по ходатайству коронного канцлера Томаша Замойского.

После этого эксцесса время затишья, отпускаемое перемириями, становится все более коротким. «Стоглавая казацкая гидра», как тогда называли казачество политики Речи Посполитой, вновь зашевелилась уже в первой половине июля 1637 г., когда на Сечи провозгласили гетманом помилованного товарища Сулимы Павла Бута (Павлюка). Пытаясь опередить события, военное руководство срочно устранило тогдашнего реестрового гетмана Василя Томиленко, заподозренного в контактах с запорожцами, и назначило временным «старшим» переяславского полковника Савву Кононовича. Павлюк отреагировал на это универсалом к переяславским казакам, объявив в нем Кононовича и его приближенных изменниками, которых надлежит «поймать и доставить в Войско».

В конце июля 1637 г. отряды Павлюка выступили из Сечи, заложив лагерь в Крылове близ Черкасс, куда был доставлен Савва Кононович, его писарь Федор Онушкевич и несколько других старшин; там же на казацкой раде им был вынесен смертный приговор. Повстанческие отряды, состоявшие из казаков-выпищиков, мещан и «оказаченных» крестьян, начали нападать на шляхетские усадьбы, так

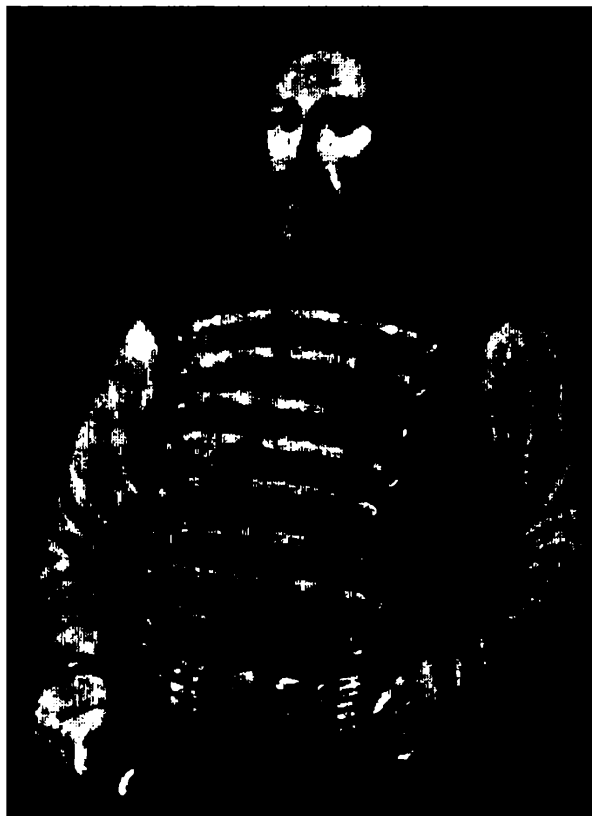
что, как писал в своем дневнике очевидец событий Шимон Окольский, их владельцы «бежали из своих имений с душами... потому что уж лучше холщовое здоровье, чем шелковая смерть». Одновременно Павлюк рассылал универсалы с призывом:

...Именем Войска под угрозой наказания: кто зовется нашим товарищем, пусть выступит за христианскую веру и наши золотые вольности, которые мы заслужили своей кровью.

Однако эти призывы не произвели желаемого эффекта: значительная часть реестровцев не поддержала восстания, напротив, выступила против него в составе войска польного гетмана Николая Потоцкого, которому была поручена карательная экспедиция. Поэтому кровопролитная битва под Кумейками близ Канева, состоявшаяся 16 декабря 1637 г., оказалась в известной степени братоубийственной — первой в череде подобных битв, которыми изобилует украинский XVII век. Силы Бута потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены с большими потерями (по тогдашним данным, до 5 тысяч) отступить на юг, под местечко Боровица около Черкасс. Там,

при посредничестве православного шляхтича Адама Киселя, начались переговоры, в ходе которых повстанцы выдали польному гетману Бута и других своих главарей. На казацкой раде в лагере под Боровицею «старшим» был избран переяславский полковник Ильяш Караимович, а войсковым писарем — Богдан Хмельницкий, собственной подписью скрепивший акт капитуляции. Бута вместе с полковниками Василием Томиленком и Григорием Лыхим, как и их предшественников, четвертовали в Варшаве; схваченного позже киевского сотника Богдана Кизима Потоцкий приказал предать позорной с точки зрения воинских обычаев казни — посадить на кол (это произошло в Киеве в первые дни января 1638 г.).

По Украине прокатилась волна террора. Казацкие головы по приказу польного гетмана катились с плах в Переяславе и Нежине, а по примеру Потоцкого, как свидетельствует

118. Николай Потоцкий. Копия с портрета XVII в.

очевидец событий Шимон Окольский, «паны наказывали своих своевольных подданных, одних лишали жизни, других имущества». Так неотвратимо увеличивался счет взаимно пролитой крови: как напишет вскоре новый мятежный казацкий гетман Дмитро Гуня, «невинно пролитая кровь взывает к Богу о мести, призывая и нас к этому же». К весне 1638 г. в воздухе запахло очередной войной. Королевский комиссар, который безуспешно пытался опередить события, взяв в марте силами реестровцев Сечь, должен был признать: «Казаками против казаков воевать — все равно что волком пахать». Во второй половине марта запорожцы под предводительством новоизбранного гетмана Яцека Остряницы (Острянина) выступили на левый берег Днепра, обратившись с воззваниями теперь уже не к казакам, а ко «всему руському народу», даже к православным шляхтичам в отдаленных уголках Подолья, Волыни и Покутья. Восстание мгновенно охватило и Левобережную Украину, и на этот раз ситуацию удалось переломить только благодаря вмешательству надворного войска князя Яремы Вишневецкого. После нескольких крупных боев, особенно в июне под местечком Жовнином (при впадении р. Сулы в Днепр), где восставшие потерпели серьезное поражение, Остряница с ближайшей старшиной и несколькими сотнями казаков, прорвав осаду, ушел на территорию Московии.

Однако около 20 тысяч осажденных не капитулировало, избрав вместо Остряницы одного из героев Павлюковой войны — Дмитра Гуню. 10 июня они окопались на выгодной позиции в устье одного из днепровских рукавов — так называемой Старице. Старицкий лагерь, укрепленный, как писали очевидцы, «от воды к воде», под непрерывным обстрелом и атаками выдержал шестинедельную осаду, ожидая помощи из Сечи. Однако казакам, которые везли запасы продовольствия и оружия, пробиться к осажденным без потерь не удалось: пушки были отбиты противником, а еды было привезено всего лишь на два дня. Эта неудача надломила осажденных. Но и коронное войско было истощено и утомлено не меньше, поэтому 3 августа 1638 г. начались переговоры.

119. Казацкие послы. Фрагмент рисунка Яна Вестерфельда, ок. 1651 г.

Финал кампании был уже почти традиционным, разве что без требования выдать главарей, потому что Гуня с несколькими старшинами накануне покинул лагерь. Казаки передавали польному гетману оружие и войсковые клейноды, а также присягали быть покорными. Впервые принесли взаимную присягу не мстить друг другу запорожцы и реестровцы, потому что в этой войне, как и в войне Павлюка, они воевали в разных лагерях.

В конце ноября 1638 г. в урочище Маслов Став [близ современной Мироновки на Киевщине] состоялась «завершающая комиссия с казаками». Согласно «Ординации Войска Запорожского», которую еще весной принял сейм, а теперь подписала старшина, казачество принимало новые условия своего существования в Речи Посполитой. Оно должно было согласиться с ликвидацией выборности гетмана и полковников (отныне их заменяли назначаемые королем комиссар и полковники из благонадежной шляхты); артиллерию и клейноды Войско Запорожское передавало в руки упомянутого комиссара; подтверждался шеститысячный реестр с делением на шесть полков в соответствии с Куруковским соглашением. Все не вошедшие в реестр превращались в мещан королевских городов или в панских подданных (в постановлении сейма 1638 г. на этом делается особое ударение: «Тем, кого военное счастье оставило в живых, повелеваем превратиться в крестьянское простонародье»). Была восстановлена и Кодацкая крепость, чей гарнизон в 700 жолнеров должен был сторожить путь на Запорожскую Сечь; а на самой Сечи отныне постоянно находился отряд реестровых казаков, состав которого следовало периодически обновлять, чтобы реестровцы не успевали соблазниться «своеволием». Так Речь Посполитая, как тогда казалось ее политикам, разрубила узел проблем, связанных с казатчиной.

* * *

Дамба, которой в 1638 г. правительство перегородило казацкое русло, на этот раз сохранялась относительно долго — до 1648 г. Предпосылкой «десятилетия золотого покоя», как впоследствии будут называть этот промежуток времени, стал не только антиказацкий террор, но и то, что Речь Посполитая не вела ни одной войны, поэтому не нуждалась в казацкой сабле и не провоцировала беспокойства очередными наборами реестров. Кроме того, зажатая казацкая масса нашла две отдушины, через которые выходил избыток энергии. Первой пользовалась преимущественно казацкая «чернь» — выпищики и казаки, которым угрожало обращение в панских подданных. Речь шла об эмиграции в заднепровские степи московского пограничья, или, как тогда говорили, «государеву украину». Достаточно большой

поток эмигрантов спровоцировали и восстания 1637–1638 гг.: их участники покидали родные места, как сами говорили в «распросных речах», записанных русскими дьяками, «боясь от поляков убойства». Прибывших приводили к присяге и отправляли на проживание на специально определенные для них земли вокруг Курска, Воронежа, Орла, Кром, Белгорода (в Белгород только в июне 1638 г. переселилось около 10 тысяч украинцев). Во время переговоров 1640 г. в Москве послы Речи Посполитой требовали вернуть 20 тыс. беглецов, называя пункты их проживания под Ливнами, Осколом, Валуйками, Воронежем, Курском и т. п. Переселенцам предоставлялась помощь в виде денежного «жалования за выход», а на местах их наделяли землей и подсобными угодьями для ведения хозяйства, приписывая к разряду «государевых» крестьян, а казаков уравнивая в правах и обязанностях к русским казакам сторожевой службы. Таким образом, путь, проложенный в русское степное порубежье на протяжении «десятилетия золотого покоя», заложил основы будущей Слободской Украины. Другая часть казачества искала счастье в наемных войсках на Западе. Благоприятные условия для этого создавала Тридцатилетняя война, которая продолжалась с 1618 по 1648 г. и охватила большинство европейских стран. Еще в середине 1620-х гг. попытки использовать запорожцев в борьбе с Католической лигой (Австрией, Испанией и Папским государством) предпринимал шведский король Густав Адольф, а в манифесте 1631 г. он называл казаков «благородными и свободными рыцарями» и «обладателями Днепра и Черного моря». Услугами казаков пользовались и другие страны антигабсбургской группировки, в том числе Франция. Первую попытку нанять запорожцев французское правительство осуществило в 1636 г.; во второй половине 1640-х казацкий корпус численностью 2600 воинов принимал активное участие в боевых действиях во Фландрии, по ненадежным сведениям, он отметился и при осаде Дюнкерка в 1646 г. В свою очередь, Альбрехт Валленштайн и другие полководцы Католической лиги просили короля Сигизмунда III, чтобы тот послал им в помощь запорожцев. В конце 1632 г. советник австрийского императора Квестенбер сообщал Валленштайну, что принял меры к тому, чтобы «любой ценой набрать шесть тысяч казаков и прислать их в Вену». И хотя новоизбранный король, Владислав IV, запретил вербовку, однако имеются свидетельства, что пункты вербовки все же действовали в 1635 г. во Львове и из казаков был сформирован корпус под командованием Павла Носковского; еще один четырехтысячный отряд под командой Тарасского воевал на территории Люксембурга.

4. Раздвоенный мир, или Общий образ культуры Украины-Руси конца XVI — середины XVII в.

Ветер перемен затронул не только социальную сторону жизни руського общества, но и повседневную религиозность и формы набожности, образование, письменность — одним словом, культуру в ее широком понимании. Буквально на глазах двух поколений коренным образом преобразуются Церковь и школа, уверенно заявляет о себе только что появившееся книгопечатание, возникают неизвестные до того формы искусства — школьный театр и виртуозное многоголосное («партесное») пение. Острая религиозная полемика спровоцировала появление светской публицистики, а вместе с ней и систематизированного богословского мышления, разработанного в теологических трактатах; появляется вкус к стихотворному слову, наконец, впервые просыпается историческая мысль с ее извечными вопросами: «Кто мы? Откуда и куда идем?» Объясняя феномен «культурной революции» в Украине-Руси конца XVI — середины XVII в., нельзя не отметить того, что она явным образом перекликалась с так называемой

конфессионализацией — процессом становления системного контроля Церкви над жизнью мирян, который со второй половины XVI в. начал постепенно утверждаться в Европе, докатившись в конце того же столетия до Речи Посполитой. Конфессионализация проявилась как в католическом, так и в протестантском мире, а при митрополитах Иосифе Рутском и Петре Могиле также и в сообществах восточного обряда, униатском и православном. В борьбе за души верующих каждая из Церквей стремилась более четко, чем раньше, обозначить «собственную территорию» — путем унификации конфессиональных практик, подготовки образованного клира и проповеднического пастырства; путем своеобразной «национализации» церковного пространства с подчеркнутой апелляцией к «своим» религиозным ценностям; путем внедрения действенной опеки над школой и пропагандирования активных форм набожности, в том числе и в «светском», то есть культурно-художественном, проявлении.

120. Иосиф Вельямин Рутский.
Копия с портрета XVIII в.

В Украине-Руси первым импульсом к подобным изменениям стало столкновение Православной и Униатской Церквей, каждую из которых логика конкуренции подталкивала к обновлению, или, по меткому выражению о. Бориса Гудзяка, к появлению «ментальности реформ», что повлекло за собой радикальные преобразования прежнего руського образования, а затем, по самой логике развития, и лавиноподобные изменения и новшества в культуре в целом.

Первые шаги на пути конфессионализации: «ментальность реформ»

Первой на путь конфессионализации встала Униатская Церковь, которую в 1613 г. возглавил европейски образованный и гибкий митрополит Иосиф Вельямин Рутский. Наиболее дальновидной акцией нового митрополита стала реформа монашества, начало которой было положено в 1617 г. Отныне униатские монастыри, выведенные из-под епархиальной власти, должны были подчиняться, по примеру католических монашеских орденов, общему для всех протоархимандриту, стоящему во главе Василианского ордена, объединившего все монашеские сообщества (новый Орден был назван по имени святого Василия Великого — одного из отцов Церкви, особенно почитаемого христианами восточного обряда). Общий для всех тип послушничества и общий монашеский устав, помимо укрепления дисциплины, открывали путь к внедрению обязательного богословского обучения монахов-новичков («новициев»). Это соответствовало задачам отцов-василиан, которые, подобно иезуитам, были нацелены не на аскетическое уединение, а на просветительскую и проповедническую работу среди мирян. Духовный и интеллектуальный уровень восточного христианства всегда определялся черным духовенством, которое формировало высшую иерархию, поэтому реформа закладывала реальный фундамент для повышения престижа Униатской Церкви. Реализуя эту стратегию, Рутский выхлопотал для василиан 26 ежегодных бесплатных стипендий в Греческой коллегии в Риме и папских коллегиях Оломоуца, Праги, Вены, Браунсберга и Вильны. В частности, особым авторитетом стала пользоваться Греческая коллегия, через которую на протяжении первой половины XVII в. прошло наибольшее число будущих иерархов новой Церкви: сам Иосиф Вельямин Рутский, Илья Мороховский, Афанасий Селява, Лев Кревза, Иеремия Почапковский, Рафаил Корсак, Никифор Лозовский, Адам Терлецкий, Киприан Жоховский и др.

Новый униатский митрополит отказался от силовых приемов, характерных для его предшественника Ипатия Потия, и инициировал первые шаги к примирению с православными. Уже с середины 1620-х гг., реально оценивая

121. Герб господаря Молдавии
Мирона Бернавского
(Барновского)

ситуацию, при которой в Киевской митрополии параллельно функционировали два церковных сообщества восточного обряда, Рутский начал осторожные переговоры с Иовом Борецким и Мелетием Смотрицким, одновременно поддерживая дружественные контакты с луцким православным владыкой князем Афанасием Пузиной, а впоследствии и с Петром Могилей. Хотя общий синод православных и униатов, запланированный на 1629 г. во Львове, собрать не удалось, уже сам замысел свидетельствовал о том, что диалог «Руси с Русью» начался. Умеренные круги видели выход в создании в Киеве патриархата с двойной юрисдикцией — константинопольского патриарха и папы (с таким проектом, в частности, в 1635 г. выступил волынский воевода князь Адам Сангушко, а в 1645 г. сам православный митрополит Петро Могила). Однако противо-

действие Римской курии, не заинтересованной в появлении альтернативных церковных структур, помешало реализовать эти замыслы. Безынициативность преемников умершего в 1637 г. Рутского, а затем смерть самого Могилы (†1647) и начало казацкой революции превратили упомянутый проект в некое подобие музейного экспоната — доказательство того, что обе стороны в конце концов осознали раскол русской Церкви как зло, от которого можно избавиться, лишь идя на взаимные уступки.

Что касается Православной Церкви, то после легализации в 1632 г. православной иерархии она вступила во времена невиданного до тех пор подъема. Кроме объективной причины — поддержки большинства мирян, этот подъем был обусловлен и субъективным фактором: личностью митрополита Киевского (1632–1647) Петра Могилы. Латиноязычная эпитафия неизвестного автора на смерть митрополита дает представление о масштабах этой личности в глазах современников:

Этот вот владыка в повиновении
держал при жизни всех русинов.
Сейчас могила скорбная
и небо держат его.
Тело Могилы — в могиле,

душа же витает где-то в небесах.
И тот и этот мир
будут слишком малы для него.

Петро Могила родился в 1596 или 1597 г. в семье молдавских господарей: престол занимали поочередно его дядя Иеремия (1595–1606) и отец Симеон (1606–1607). Браки четырех дочерей господаря Иеремии, двоюродных сестер Могилы, сделали его свояком самых известных семейств Речи Посполитой, в том числе руських княжеских: Раина Могилянка вышла замуж за князя Михаила Вишневецкого, а вторая, Екатерина, была выдана за князя Самуила Корецкого. Молодой воеводич получил соответствующее своему происхождению образование; в частности, предполагают, что он учился в Замойской академии. Не питая надежд вернуть утраченный Могилами трон, он начал служить в коронной войске Речи Посполитой, в частности принимал участие в Хотинской войне с турками. Однако военная карьера не привлекала молдавского аристократа, а тем временем после смерти Захарии Копыстенского освободился один из наиболее престижных в православной иерархии постов — архимандрита Киево-Печерского монастыря. Поэтому в 1627 г., похоже, еще даже не приняв монашеского пострига, Могила был избран архимандритом, а с ноября 1632 г., после легализации Православной Церкви, стал ее главой — киевским митрополитом.

После десятилетий гонений и едва ли не подпольного существования Киевскую митрополию возглавил человек из аристократической династии, равный среди равных в кругу первых лиц государства. Это обстоятельство истолковывалось как знак возвращения утраченного престижа и не могло не повлечь за собой всплеска энтузиазма. «През тебе прагнет Русь направы», — обращаются к Могиле, поздравляя его со вступлением в сан, печатники Лаврской типографии в панегирике «Евфония веселобрмьяча» [«Звонкоголосый хорал»] — одном из наиболее патетичных

122. Петро Могила. Фрагмент фрески 1644 г. из церкви Спаса на Берестовом в Киеве

творений ученой киевской музы тех времен. Панегирик начинается возвышенной строфой:

Преч з Роксолянских смутки уступуйте
Границ, ламенты сердца не турбуйте:
Юж ест веселье, ах, досыт стогнаня!
Преч нареканя.

Могила достиг митрополичьего престола, согласно авторскому образному изложению, «по рекам слез... по жалостным плачам», но теперь все позади. Подобно библейскому щиту («тарче Сиона»), он встанет на страже руських прав, и Русь наконец утешится спокойствием, потому что Могила «все добре справит, добре направит».

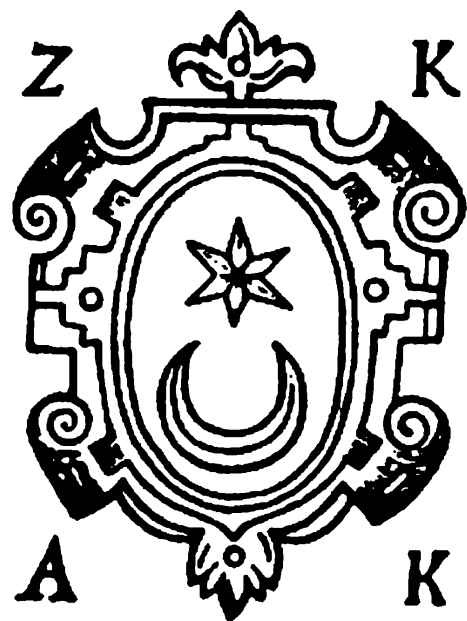
Новому митрополиту действительно удалось достичь установления мира среди паствы, и одновременно он придал ожидаемую «направу» церковной жизни, осуществив целый ряд реформ, внутренне укрепивших Православную Церковь. Его реформы явным образом перекликаются с теми, которые в конце XVI в. привели к оздоровлению католического церковного мира. Как и там, в основу было положено два главных принципа: укрепление церковной дисциплины и формирование нового поколения церковнослужителей — более образованного и лучше подготовленного к исполнению пастырских обязанностей (об образовательных нововведениях, которые подчинялись этой цели, речь пойдет далее). Одним из ключевых шагов по реформированию сугубо церковной жизни стала унификация литургии и утверждение в 1646 г. новых обязательных литургических правил, известных под названием Требника Могилы. Киевский Требник (свод церковных служб и изложение порядка проведения молитв и обрядов), огромный фолиант объемом около полутора тысяч страниц, — первый напечатанный Требник в истории православия (издан в 1646 г. в Киево-Печерском монастыре) — составил сам Петро Могила. Осуществляя его подготовку, митрополит и его помощники проделали масштабную редакционную работу, подбирая пастырские чины из церковнославянских и греческих текстов, отчасти дополняя их в случае отсутствия соответствующего текста переводами латинского ритуала, а отчасти составляя самостоятельно. Одновременно для просветительских надобностей был подготовлен первый православный катехизис с толкованием основных символов веры; его обсудили в 1640 г. на синоде в Киеве и в 1641 г. на Соборе в Яссах, а после одобрения четырьмя патриархами Восточной Церкви напечатали в 1645 г. в Киеве. (Для сравнения, первый католический катехизис

по постановлению Тридентского собора был издан на латыни в 1566 г., его польский перевод появился в 1568 г., а литовский — в 1585 г.) Наконец, как и в обновленной реформами Римско-католической Церкви, в обязанности священника стало входить провозглашение по воскресеньям и праздникам проповедей для прихожан (в Польше их первая официальная программа была напечатана в 1601 г.).

В общем русле католической реформы, положившей начало обновлению ортодоксального христианства после Тридентского собора, находились и мероприятия, направленные на «национализацию» православия (именно так с конца XVI в. «национализировалась» польская, чешская и другие Церкви латинского обряда). Этой цели служила пропаганда культа местных реликвий и икон, почитания собственных святых, использование локального христианского фольклора и т. п. При Петре Могиле был осуществлен ряд целеустремленных мероприятий, наполнивших живым содержанием религиозное сознание христианина-русина благодаря физической осязаемости объектов поклонения — святых, икон, чудес. В Лаврской типографии в 1635 г. было напечатано произведение одного из ближайших сподвижников Могилы Сильвестра Косова «Патерикон» — сборник житий печерских святых, составленный на основании Киево-Печерского патерика; в 1638 г. в этой же типографии вышла в свет «Тератургема» Афанасия Кальнофойского с описанием новейших чудес, связанных со знаменитым монастырем. Наконец, в 1643 г. Могила торжественно канонизировал всех Печерских угодников, более ста мощей которых покоилось в пещерах. В том же году был напечатан и текст молебна с поминанием небесных заступников руського народа — святых «в Малой Россіи просіявших».

Под более широким углом зрения стоит оценивать и инициативу митрополита по проведению (по большей части на его собственные средства) масштабных реставрационных работ в Киеве, которые вернули «из темноты подземной», как писали тогда, Десятинную церковь, Софийский собор, Трехсвятительскую церковь, храм Спаса на Берестове и Михайловскую церковь в Выдубицком монастыре. Эти сооружения, связанные с прошлым княжеской Руси, для людей того времени были не архитектурными памятниками, а «вещественным доказательством», наглядно демонстрировавшим непрерывность существования «руського народа», поэтому их восстановление представляло собой мощную идеологическую акцию (недаром именно в это время впервые записано поверье, согласно которому Киев будет стоять до тех пор, пока в Святой Софии стоит Нерушимая стена с Богородицей-Орантой).

Ко времени правления митрополита Петра Могилы относится также пропагандистское наполнение «доказательствами» взгляда на руськую Церковь

123. Герб Захарии
Копыстенского «Леліва».
Гравюра в издании
«Толкование на Апока-
липсис» (Киев, 1625)

как на апостольскую, то есть основанную апостолом Андреем, а следовательно, равновеликую Римско-католической Церкви апостола Петра. Эта идея, оформившаяся в 1620-х гг., опиралась на летописную легенду о странствии апостола Андрея к киевским холмам. Согласно «Повести временных лет», апостол «вшед на горы сия, благослови я, и постави крест». В Густинской летописи — первом обобщающем произведении по истории Украины-Руси, написанном, как предполагают, архимандритом Киево-Печерского монастыря Захарией Копыстенским между 1624 и 1627 гг., это же событие приобретает топографическую конкретность и дополняется сценой крещения киевлян:

...Ихъ же [киевские горы] благослови и крестъ на нихъ водрузи недалече нинішней браны отъ полудня; такожде и о созданиі града прорече, и люди, яже тамо быша, учи и крести.

Упомянутый выше «Патерикон» Сильвестра Косова, изданный в 1635 г. под патронатом Петра Могилы и украшенный всеми знаками тогдашней учености — ссылками на труды предшественников, элементами диспута по схеме «вопрос / ответ» и пространными теологическими размышлениями, распространил апостольское крещение не только на киевлян, но и на весь «роксоланский», то есть русский, народ:

Согласно нашим славянским хронистам, роксоланский народ выводит истоки своего крещения от Андрея, святого апостола.

На тот факт, что восприятие русской Церкви как апостольской уже крепко укоренилось к середине XVII в., указывает, в частности, характерный пассаж из панегирика 1658 г. киево-могилянских студентов на смерть преемника Могилы — митрополита Сильвестра Косова: здесь престол Киевской митрополии прямо назван «апостольским».

Апостольская легенда, с одной стороны, служила доказательством древности русской христианской традиции, которая, по Копыстенскому, «трвает юж тому тысячний шестсотный и двадцатый ся пишет рок», а с другой, — словно

подтверждала еще одну идею Захарии Копыстенского, обоснованную в 1621 г. в только что процитированном трактате «Палинодия, или Книга обороны»: идею о руководящей роли Церкви в жизни руського сообщества. На этой Церкви, как пространно доказывает Копыстенский, лежит непрерывно проступающий «знак притомности Духа Святого и Благодати его»: сначала в апостольском крещении Руси Андреем, затем в «выборе веры» князем Владимиром, еще позже — в чудотворениях в Киево-Печерском монастыре. Поэтому именно с Киева начнется пробуждение «рода нашего росийского»: Русь воскреснет, познавая киевскую святость, ныне (то есть в 1621 г.) якобы находящуюся во тьме «пред очима малодушных».

Как бы развивая рассуждения Захарии Копыстенского — похоже, главного «теоретика» киевского церковно-интеллектуального пробуждения в предмогилянское десятилетие, — увидели свет, уже в рамках мероприятий Петра Могилы, два упомянутых агиографических труда 1635 и 1638 гг.: «Патерикон» Сильвестра Косова с изложением житий древних киево-печерских чудотворцев и «Тератургема» Афанасия Кальнофойского с описанием современных чудес. Главный пропагандистский акцент обоих трудов декларируется во вступительной части «Патерикона». Нагромождая барочную астральную символику, Косов представляет читателю Киев как центр вселенной, вокруг которого вращаются планеты, воплощенные в фигурах киево-печерских угодников. Поэтому к Киеву, словно к небесам, надлежит обращаться православным христианам, желающим спасти душу, потому что «Kiovia nostra coelum est» [«Наш Киев небо есть»].

Акцент в этом и других произведениях того времени на мессианской функции Киева — «богохранимого града» и «второго Иерусалима», а также на ведущей роли Православной Церкви, которая одна лишь может обеспечить «добрый и крепкий фундамент» для руського сообщества, возвышаясь над богатым и бедным, знатным и простолюдином, с «князьями мира сего» включительно, приобретает неожиданный ракурс, если мы примем во внимание размышления

124. Обряд погребения. Гравюра мастера Ильи в издании «Требник» (Киев, 1646)

Петра Могилы о фигуре идеального государя, высказанные им в нескольких предисловиях и посвящениях к изданиям Лавры. Для европейских мыслителей эта проблема была почти банальной, если судить по количеству посвященных ей трудов, однако на украинской почве она была озвучена впервые именно в интерпретации Могилы. Характерно, что под его редакцией (а возможно, в его собственном переводе с греческого) Лаврская типография в 1628 г. впервые издала знаменитый византийский памятник VI в. — «Наставление» диакона Агапита императору Юстиниану, где были сформулированы основные постулаты идеи обожествления власти, призванной посредничать между Богом и людьми (это произведение было очень популярным в Европе и не один раз переиздавалось начиная с 1509 г.). В предисловии Могилы призывает «боговенчаных» правителей «научиться» тому, для чего им «на земли властительское правленіе врученно есть», а кто именно должен «учить», становится ясным из еще одного предисловия митрополита к Учительному Евангелию 1637 г.:

Стан Цесарский и Кролевский есть досить поважній, але... годность священническая над станами наизацнейшими того світа продкует. (Сословие императоров и королей весьма почтенно, но достоинство священническое превосходит и наизнатнейшие сословия мира сего. — *Примеч. перев.*)

В каких категориях это воспринималось современниками, видно, в частности, из упомянутого панегирика 1633 г. печатников Лаврской типографии новопоставленному митрополиту. Петра Могилу, пишут панегиристы, ожидают в Киеве «руины Софии» и киевские «стены», возвышающиеся «от Ярослава», то есть со времен князя Ярослава Мудрого. Первый пункт ожиданий («руины Софии») — это возвращение руськой Церкви ее прежнего древнеруського блеска, восстановление его из этих «руин». Второй пункт ожиданий (возведенные князьями киевские «стены») не столь очевиден. Прослеживая перегруженный барочной высокопарностью ход мысли авторов, мы можем убедиться, что возвращение митрополичьей столицы в Киев ассоциировалось в их воображении с восстановлением прав Руси: панегиристы «напоминают» Петру Могиле, «яко пред тым Россія бывала славна, як много патронов мівала». Ныне она в упадке, но с появлением могущественного покровителя грядут лучшие времена:

Маєш, Россія, юж тепер отміну
 Фортуны, маєш триумфу годину:
 Ото прав твоих Петр єст оборона,
 Тарча [щит] Сіона.

В этом контексте стоит напомнить панегирик киевских студентов в честь Петра Могилы 1632 г., где митрополита прямо отождествляют с королем:

В особѢ твоєи світлой, отче велебнійшій,
Витаю кроля, вижу триумф презацнійшій.

Не менее красноречива также эпитафическая надпись, в которой сообщается о реставрации Могилой в 1643–1644 гг. киевского храма Спаса на Берестове: здесь недвусмысленно проводится параллель между титулом митрополита и титулом основателя храма, князя Владимира:

Сію црковь созда великій и всея Росии княз и самодержец святыи
Владимир... обнови ся смиренным Петром Могилою архієпископом ми-
трополитом Києвским Галицким и всея Росіи...

Эти специфические акценты и косвенные намеки на восприятие фигуры митрополита-аристократа как правителя, державшего «в повиновении всех русинов», оставляют немало места для досужих предположений на тему: «Что было бы, если бы...» Однако преждевременная внезапная смерть Петра Могилы (†1647) поставила крест на теократических планах окружения митрополита, если таковые вообще имелись в действительности.

Школа, коллегия, гимназия, академия

Обновление церковной жизни осуществлялось под аккомпанемент реформаторских нововведений в сфере школьного образования, на архаичность которого еще в конце XVI — начале XVII в. сетовали ранние полемисты, а бескомпромиссный Иоанн Вишенский, протестуя против них, метал громы и молнии на «латинскую злоковарную мудрость», почерпнутую «из грамматик, риторик, диалектик и прочих коварств тщеславных, дьявола содержащих». Начало реальному компромиссу между византийско-славянской просветительской традицией и «латинской наукой», как уже говорилось, было положено в Острожской коллегии, где впервые в практику православного школьного образования были включены «семь свободных искусств» — грамматика, поэтика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Сочетание греческого и церковнославянского языков с латынью на фоне одновременного преподавания элементов философии и теологии придавало Острожскому начинанию кардинально реформаторский характер.

По стопам Острожской коллегии пошла и самая авторитетная из братских школ — Львовская, организованная в конце 1585 г. как «грецкая и руская ведле стародавних обычаев и порядков», однако уже с начала 1590-х переориентировавшаяся на преподавание латыни и цикла «семи свободных искусств» (по грамоте константинопольского патриарха Иеремии 1589 г. местной братской типографии было позволено также издавать книги, «училищу потребные, сиріч граматуку, піітику, реторику, філософію»).

Острог и Львов сделали первую заявку на приобщение православного школьного образования к европейским образовательным стандартам: в Европе уже с середины XVI в. окончательно утвердился тип школы, которую историки впоследствии назовут «гуманистической». Это терминологическое определение объясняется тем, что изучение латинского языка здесь завершалось так называемыми «гуманистическими штудиями» [studia humaniorum] — поэтикой и риторикой. Обе дисциплины опирались на «подражания древним» [imitatio antiquorum] — усвоение и копирование учениками в собственных упражнениях текстов античных авторов как стилистического эталона; эти же тексты как моральный эталон должны были прививать ученикам образцы добронравия. Общепринятый канон этой всеевропейской программы «образованного благочестия» [pietas litterata] кристаллизовался на протяжении второй половины XVI в. в протестантских гимназиях и иезуитских коллегиях. Техническая сторона «гуманистического» образования опиралась на упорядочение последовательности учебных дисциплин, деление учеников на соответствующие классы, введение четкого расписания занятий и более или менее унифицированных методик обучения. Что же до остального, то школы непримиримых оппонентов по вере отличались разве что тем, что протестантские наставники дополняли изучение античных авторов катехизисом Лютера, а иезуиты — толкованием отцов Церкви.

На фоне вышесказанного переориентация руського образования на западные образцы делает более понятным возмущение Иоанна Вишенского, который не без основания беспокоился о чистоте «преділов, яко же положили отцы наши». С удвоенной энергией эта дискуссия разгорелась в Киеве, когда летом 1631 г. Петро Могила, тогда еще киево-печерский архимандрит, параллельно к братской школе «греко-словенского» профиля, действовавшей с 1615 г., открыл собственное училище при монастыре, впервые в практике православного школьного образования откровенно ориентированное на организационную структуру иезуитских коллегий. Православные фундаменталисты восприняли это как вызов; оппоненты Могилы доказывали, что воспитанники Лаврской школы, «западняя схизмы упившеся... ко римлянном уклонятя». Порой дебаты

достигали такой остроты, что, как писал ректор новой школы Сильвестр Косов, ее профессора, ложась спать, не были уверены в том, что ночью ими не «начинят желудки днепровских осетров». Но в конечном итоге компромисс был достигнут. Лаврская и братская школы объединились: школа по-прежнему располагалась на мещанско-ремесленном Подоле, однако перенимала организационные формы обучения, предусмотренные Петром Могилой.

Так осенью 1632 г. началась почти трехсотлетняя история славного Киево-Могилянского коллегиума, который современники называли академией, хотя формального королевского привилея на существование школы более высокого уровня митрополит при жизни добиться не успел (впервые школа получила такой статус по акту Гадячской унии 1658 г., затем подтвержденному грамотами Петра 1694 и 1701 гг.).

Кроме грамматики, поэтики и риторики, в коллегиуме практически с момента его создания изучали «высшие науки» [superiora] — философию и сокращенный, а с последней трети XVII в. полный курс богословия. Распорядок учебного дня, структура и последовательность дисциплин и формы их преподавания, а также система поощрения школяров и градаций молодежи совпадали с организационным порядком протестантских гимназий и иезуитских коллегий повышенного, или так называемого академического, типа. Воспитанников трех низших («грамматических») классов, как и там, называли *puer* [«ребенок»], а двух средних («гуманистических» — поэтика и риторика) и двух старших классов (философия и богословие) — *studiosus* [«спудей», то есть студент]. Максимально приближенными к европейским были учебные программы, особенно в низших и средних классах, опиравшиеся на использование универсальной по всей Европе учебной литературы: грамматики испанского иезуита Эммануила Альвара для изучения латыни; соответственно препарированных произведений Вергилия, Цицерона, Горация, Ливия, Овидия, Тацита и др. — для чтения и истолкования римских классиков. Одинаковыми с европейскими школами были и учебники поэтики и риторики, например, знаменитый трактат о поэтике Юлиа Скалигера, впервые изданный в 1561 г., учебник риторики Киприано Соареса 1562 г., официально введенный в иезуитские программы обучения в 1599 г. и впоследствии переиздававшийся по всей Европе более 200 раз.

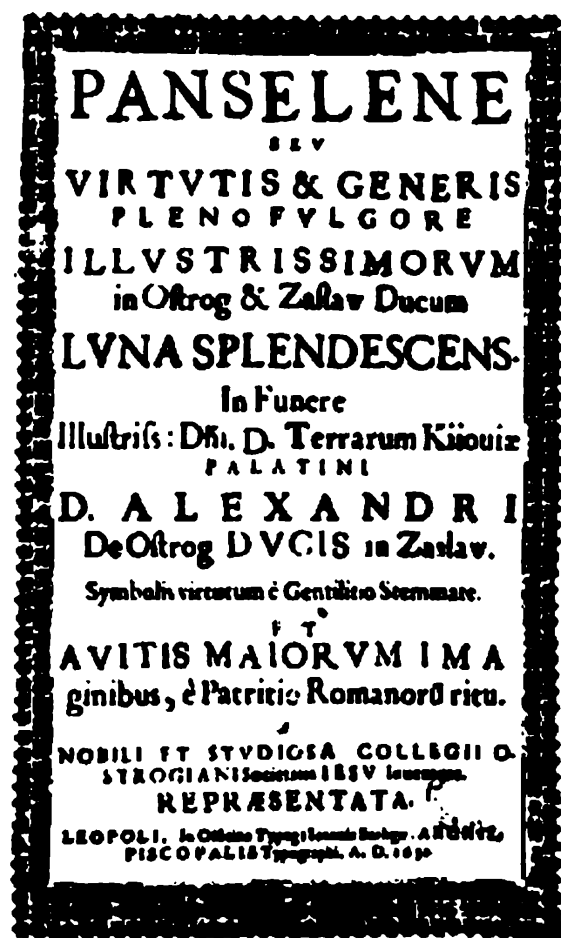
Укреплению связей, объединявших украинскую образовательную практику с европейской, способствовало также появление в конце XVI — первой трети XVII в. на территории Украины-Руси сети иезуитских коллегий. Проникновение иезуитского школьного образования в Речь Посполитую непосредственно связывают с Чехией. В 1563 г. именно оттуда с ознакомительной

миссией был прислан доктор теологии Балтазар Гостоунский, а уже в 1565 и в 1566 гг. по его ходатайству были открыты две первые школы на западных окраинах государства в Бране (Браунсберге) и на восточных в мазовецком Пултуске. Третьей стала основанная в 1570 г. школа в Вильне, которая с 1578 г. получила статус академии с правом предоставления «академических степеней» — бакалавра и магистра. С этого времени число иезуитских коллегий неуклонно росло: к середине XVII в. их насчитывалось в Речи Посполитой 32, а число профессоров, которые здесь преподавали, достигало более 400 человек. Более трети этих учебных заведений — двенадцать — действовало на территории будущей Украины. Согласно правилам Общества, открытие новой школы могло состояться лишь в том случае, если фондационный акт обеспечивал средствами к существованию по крайней мере 20 человек учебного персонала и обслуги. Впервые в руських воеводствах удалось выполнить эти условия благодаря дарственным актам в 1571 г. владелиц г. Ярослава — Софии Костковой из Одровонжов и ее дочери Анны, жены князя Александра Острожского. Реально Ярославский коллегиум начал функционировать с 1575 г.; в конце XVI в., когда в нем насчитывалось уже более 600 учеников, он был преобразован в одну из немногих в Речи Посполитой коллегий академического уровня — с регулярным преподаванием философии и теологии.

Следующие две коллегии на украинских землях были открыты почти одновременно во Львове и Луцке — соответственно в 1606 и 1609 гг. В частности, во Львовской коллегии в 1608 г. уже обучалось около 200 человек; после открытия в 1613 г. класса философии число учеников выросло до 500, а позже, когда в 1650-х учебный курс был дополнен теологией, достигало 700 и более человек; с 1646 г. при коллегии стала действовать собственная типография. Стоит прибавить, что это учебное заведение в 1661 г. получило привилей на статус университета — первого на территории Украины-Руси (к сожалению, полностью воплотить этот замысел в жизнь не удалось). Луцкая коллегия не достигла таких образовательных высот. После нескольких лет существования только низших («грамматических») классов местные профессора открыли в 1614 г. «гуманистические» классы поэтики и риторики; тогда же был основан специальный класс церковнославянского языка [*Slavonicae linguae*]; позже время от времени, при наличии соответствующих профессоров, здесь преподавались философия и моральная теология, а число учеников колебалось в пределах 150–200 человек. Аналогичный уровень — с нерегулярным преподаванием философии и элементов теологии — имели также коллегии в Каменец-Подольском (с 1610 г.), Остроге (с 1626 г.), Перемышле (с 1628 г.). Несколько других коллегий функционировали как учебные заведения среднего уровня,

где обучение завершалось поэтикой и риторикой: в Фастове (с 1625 г.; в 1647 г. перенесена в Киев), Виннице (с 1630 г.), Баре (с 1636 г.), Овруче (с 1646 г.). Наконец, только грамматические классы существовали в основанных накануне казацкой революции школах в Переяславе (с 1635 г.) и Новгороде-Северском (с 1638 г.).

Отношение православной общественности к иезуитским учебным заведениям трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, сохранилось немало свидетельств о резко негативной, даже враждебной, оценке образовательной деятельности иезуитов как «ловцов душ», но, с другой, очевидно, преобладали прагматические соображения. Ведь иезуитская «наука» была очень качественной и к тому же бесплатной. Показательным в этом отношении является завещание 1579 г. брацлавского каштеляна Василия Загоровского — ревностного благотворителя Православной Церкви. Детально инструктируя исполнителей своей последней воли, как надлежит воспитывать его малолетних сыновей, чтобы те «писма своего русского и мовенья рускими словы и обычаев цнотливых и покорных русских не забачали», Загоровский в конце пишет, что, когда дети подрастут, их надлежит послать в Виленскую иезуитскую академию, потому что «там хвалят дітям добрую науку». Стоит прибавить, что таким же прагматичными соображениями руководствовались не только шляхтичи и горожане, но иногда даже православные священники: например, среди учеников Луцкой коллегии под 1634 г. упоминается Андрей Сакович, попович из Потелича. В общем же через иезуитские школы, расположенные на территории Украины-Руси, с конца XVI до середины XVII в., по приблизительным подсчетам, могло пройти около 2,5–3 тысяч юношей. Примеры более известных личностей, чьи биографии достаточно известны (как, скажем, Богдана Хмельницкого или Лазаря Барановича), показывают, что учеба в коллегиях Общества Иисуса не обязательно приводила к религиозной конверсии, как обычно утверждала старая историография, в которой само слово «иезуит» было синонимом мракобесия.

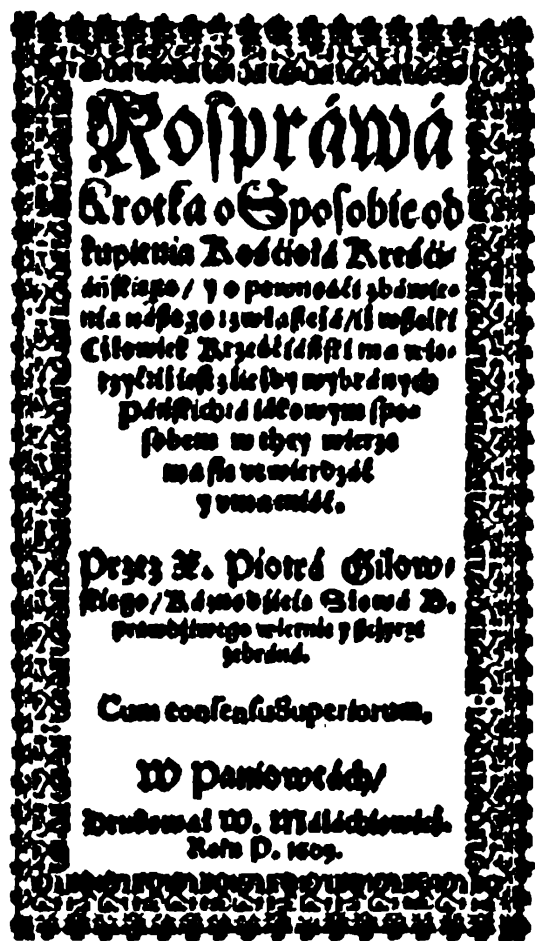

125. Титульный лист панегирика студентов Львовской иезуитской коллегии на смерть князя Александра Заславского «Panselen» (Львов, 1630)

Оценивая роль иезуитского школьного образования в истории украинской культуры, нужно также принять во внимание «интернациональный» состав и большой образовательный багаж профессуры, приезжавшей преподавать в местные коллегии и опосредованно прививавшей ученикам в буквальном смысле слова «всеевропейские» интеллектуальные стереотипы (стоит напомнить, что допущенные к преподаванию иезуиты проходили до этого многолетнюю выучку). Блеск их эрудиции, организуемые ими пышные театрализованные процессии, школьные представления на религиозную тематику и хоровые декламации, углубленное штудирование античных авторов служили как непосредственным образцом, так и толчком к бурному обновлению украинской культуры, начало которому было положено именно в это время.

Оппоненты иезуитов — протестанты — также создали собственную сеть школ на землях будущей Украины. Заметным явлением среди них была,

в частности, уже упоминавшаяся кальвинистская гимназия в Дубецке Перемышльской земли (1560–1580-е гг.). Кальвинистские школы среднего уровня, то есть с классами поэтики и риторики, существовали также в г. Панивцы недалеко от Каменец-Подольского (1590–1611 гг.; при ней действовала даже собственная типография), в Крылове (1593–1612 гг.), в Берестечке (между 1585 и началом 1640-х гг.). С конца XVI в. на Волыни и на Западной Киевщине появился ряд учебных заведений антитринитариев. Исследователи насчитывают несколько десятков таких школ, впрочем условно, потому что их архивное наследие погибло вместе с упадком в середине XVII в. самих протестантских общин. На основании косвенных упоминаний можно предполагать, что они были преимущественно грамматическими, редко достигая «гуманистического» уровня (то есть классов поэтики и риторики). Гипотетически таковыми время от времени, при наличии соответствующих преподавателей, могли быть школы в Черняхове близ Житомира (вторая четверть XVII в.), а также на Волыни — в Гоще (1600–1639), Киселине (1614–1638), Бабине (между 1633 и 1649 гг.) и Березке (1638–1644). Стоит

126. Титульный лист трактата кальвиниста Петра Гилёвского «Rozprawa krótka o sposobie odkupienia» (Панивцы, 1609)

добавить, что профессорами этих школ иногда становились известные теологи, преследуемые в Польше (Теофил Молитор, Криштоф, Ян и Петр Статориусы и др.), которые находили пристанище во владениях состоятельных местных протестантов — волянян Гойских и Сенют и киевлян Немиричей. Это автоматически повышало уровень преподавания в Гоще и Черняхове — центрах имений первых и вторых.

С только что упомянутым Киселином [в настоящее время Локачинского р-на Волынской обл.] связан и самый яркий эпизод протестантского школьного образования в Украине-Руси, так называемая социнианская Киселинская академия, которая действовала на протяжении 1638–1658 гг. Именно сюда, в принадлежащее волынскому магнату-протестанту Юрию Чапличу местечко Киселин, перебрались из Малой Польши после закрытия в 1638 г. знаменитой Раковской академии изгнанные по приговору сената раковские профессора. По фрагментарным упоминаниям о деятельности Киселинского учебного центра можно предположить, что он сохранял раковский академический уровень — с преподаванием философии и теологии. До нашего времени дошло и несколько имен местных ректоров и магистров, каждый из которых оставил след в истории Реформации: Евстафий Гизель (Кисель), Теодор Симонид, Петр Стегман, Людвиг Голайсен, Матис Твердохлиб и др.

Наконец, говоря о новой образовательной волне, нужно еще раз упомянуть Униатскую Церковь. Первые шаги в направлении создания собственной школы «гуманистического» типа предпринял митрополит Ипатий Потий, который на собственные средства основал в 1609 г. такое образовательное заведение при епархиальном соборе г. Владимира (Волынского), где, согласно королевскому привилею, было позволено обучать «всех наук языком грецким, латинским, словенским [церковнославянским], польским и руским». В 1639 г. аналогичная школа-гимназия «грецких и латинских наук» была открыта в Холме по инициативе местного униатского владыки Мефодия Терлецкого; ее первым ректором стал известный агиограф и церковный писатель Яков Суша, а в 1643 г. школа получила специальную привилегию от папы Урбана VIII. Рост авторитета Холмской гимназии даже вызвал попытку превратить ее в униатскую академию, однако этот замысел не удалось реализовать.

Подводя итог обзору нововведений в школьном образовании, стоит прибавить, что с появлением учебных заведений «гуманистического» типа заметно интенсифицировались образовательные путешествия в заграничные университеты и в то же время претерпели существенные изменения устоявшиеся маршруты. На протяжении XV — середины XVI в. «пересадочным пунктом» для юношей из Украины-Руси служила Краковская академия, после которой

127. Ян Замойский.
Гравюра XVII в.

они направлялись по большей части в университеты Италии. Во второй половине XVI в., во-первых, образовательные путешествия становятся едва ли не модой для выходцев из состоятельных семей, а во-вторых, круг университетов резко расширяется за счет протестантских учебных заведений Центральной Европы. Весьма популярным становится Лейденский университет, где в то или другое время обучались юноши из руських панских семей Черленковских, Сенют, Немиричей, Древинских, Мушат-Охлоповских и многих других. То же касается и нескольких немецких (Лейпцигского, Страсбургского, Гейдельбергского, Ростокского) и прусского Кенигсбергского университета, а также лютеранской академической гимназии в Гданьске, высшие классы которой приравнялись к университетскому образованию (здесь, в частности, учились волынцы Гулевичи, Чапличи, Городинские, Иваницкие и др.). После обучения в протестантских учебных заведениях

Пруссии, Германии, Швейцарии или Бельгии юноши нередко направлялись дальше — в католические университеты Франции и Италии, и такое путешествие длилось много лет. Например, записанный в каталог Лейденского университета под 1639 г. волынец Остафий Мушата-Охлоповский вернулся домой только в 1647 г., как записано в книгах замковой канцелярии г. Владимира: «Меновите зе Франциеи, в которой од року 1639 през тые вси прошлие лита аж до року теперешнего студиорум кавза [ради обучения] был и зоставал».

Показательно, что право обучения в любом из заграничных университетов, католическом или протестантском, расценивалось как неотъемлемый элемент свободы личности. Папский нунций в Речи Посполитой Марио Филонарди, характеризуя такую ситуацию, писал в своем отчете 1639 г.:

Не только схизматики, но и католики вольны посылать своих сыновей туда, куда им угодно, в Польшу или за границу, и ныне этого нельзя запретить, не вызвав беспорядков по всему королевству.

Расценивая как позитивный фактор образовательные путешествия молодежи в западноевропейские университеты, украинские историки до сих пор почти не уделяли внимания университету гораздо более близкому, расположенному непосредственно на украинско-польском пограничье и созданному, по замыслу его основателя, как раз для распространения образования в «запущенной Руси». Речь идет о Замойской академии — высшем учебном заведении, открытом на средства канцлера и великого коронного гетмана Яна Замойского в центре его владений, г. Замостье Холмской земли Руського воеводства. В октябре 1594 г. папа Климент VIII специальной буллой санкционировал появление нового университета с тремя факультетами — «свободных искусств», права и медицины (в 1648 г. к ним был присоединен теологический факультет). Вскоре, в 1595 г., был утвержден устав, согласно которому отныне действовали классы и кафедры. Учебная программа предусматривала два уровня — низший пятилетний и высший академический, продолжительностью в шесть лет. На низшей ступени, как и в «гуманистических» коллегиях, изучались грамматика, поэтика и риторика, в то время как академические классы соответствовали университетскому уровню и обслуживались сначала восемью, а затем десятью профильными кафедрами (число кафедр позже возросло; накануне закрытия университета в 1784 г. их насчитывалось 23). Сохранившиеся учебные программы по математике и астрономии, естественным наукам, политике и праву свидетельствуют как об основательном обучении молодежи, так и о попытке увязать теоретические знания с жизнью. Таковую же направленность имело и изучение юриспруденции, в рамках которой профессора читали лекции по римскому, саксонскому и магдебургскому праву, комментировали статуты Речи Посполитой, знакомили студентов с процессуальностью и канцелярскими формулами судопроизводства и нотариата.

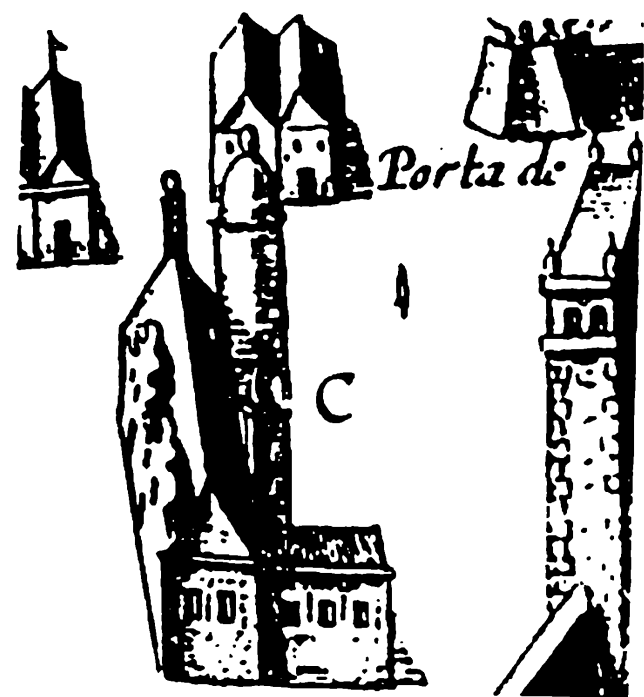
Согласно замыслу Яна Замойского, перед основанной им академией стояла практическая задача — готовить своих воспитанников к публичной службе. Такой ракурс обучения был особенно привлекательным для малосостоятельной шляхетской молодежи и горожан, рассчитывавших зарабатывать на хлеб или делать карьеру в администрации и адвокатуре. Другой чертой, обеспечивавшей популярность академии, был ее, говоря современным языком, демократизм: наряду с юношами «великих фамилий» (как Замойские, Потоцкие, Лещинские, Конецпольские и др.) здесь, благодаря дешевизне содержания и небольшому расстоянию от дома, обучались дети ремесленников, купцов и даже крестьян, из галицких, малопольских и волынских земель. Как свидетельствуют сохранившиеся реестры, выходцы из престолярства нередко

составляли до половины студентов, тогда как шляхта, по подсчетам Генрика Гмитерека, никогда не насчитывала более 60% от числа учащихся. Кроме этого, очень важной чертой, способствовавшей притоку юношества из некаатолических семей, были спокойные межконфессиональные отношения: в университете наряду с католиками учились православные, униаты, армяне-григорианцы и протестанты, однако источники не фиксируют конфликтов на религиозной почве.

С момента основания Замойской академии и до середины XVII в. в студенческих метриках, согласно подсчетам Генрика Гмитерека, записано около 4,5 тысячи фамилий (поскольку некоторые фамилии повторялись ежегодно при переходе в высшие классы, это число, естественно, больше абсолютного количества слушателей). Что до территориального происхождения молодежи,

то здесь, несомненно, лидировала Галиция; следующие за ней, почти одинаковые по численности группы составляли выходцы из Волыни и соседних польских Люблинской земли и Мазовии. Характерно, что среди волынцев мы видим юношей из таких заметных некаатолических семей, как Бокии, Войны-Оранские, Гойские, Древинские, Еловицкие, Ело-Малинские, Жоравницкие, Кисели, князя Курцевичи, Ледуховские, князя Пузины, Чапличи и др. Несколько меньше зафиксировано в студенческих реестрах выходцев из Киевщины, Брацлавщины и Подолья; как и среди волынцев, здесь преобладал состоятельный контингент: Аксаки, Бутовичи, Вороники, Грузевичи, Ельцы, Стрибилы, Сушанские-Проскуры, Тиши-Быковские, Дешковские, Черленковские, Шашкевичи, Слупицы, Ярмолинские и много других.

Показательно, однако, что наряду с зажиточными юношами в Замостье училось немало выходцев из бедных шляхетских семей, которые из поколения в поколение зарабатывали на хлеб адвокатской практикой или службой при судебно-административных канцеляриях тех воеводств, где продолжало действовать русько-литовское право: Верещаки, Колчицкие, Минковские, Мужилковские, Родкевичи, Шпаковские и др. Достоинно внимания и то, что в Замойской академии часто обучались друг за другом представители нескольких поколений

128. Здания Замойской академии на плане Брауна, начало XVII в.

одной и той же семьи, например: Аксаки (1608–1642), Балабаны (1598–1684), Гулевичи (1619–1680), Кисели (1609–1651), князя Пузины (1595–1647), Семашко (1597–1655), Терлецкие (1615–1642), князя Четвертенские (1634–1760) и т. п. Этот факт косвенно свидетельствует об установлении определенной преемственности образовательной традиции, когда само образование и интеллектуальные ценности все более переставали быть экзотическим достоянием энергичных одиночек, постепенно превращаясь в обыденную норму жизни. Как жаловались судье в 1645 г. Гулевичи, недоброжелательные соседи, совершив наезд на их усадьбу в с. Радошин на Волыни, вывезли среди прочего имущества и семейную библиотеку — «болше нижли тисечу книг». Каких-нибудь полвека ранее такое колоссальное книжное собрание нельзя было найти не только в сельском шляхетском дворе, но и в княжеских замках или монастырских книгохранилищах.

Разнообразие языковых и конфессиональных практик

Окинув взором сферу школьного образования, нетрудно убедиться в том, насколько стремительно она разрослась в конце XVI — первой половине XVII в. Однако главная суть перемен заключалась даже не в том, что появилось много новых школ, а в том, что они в основе своей противоречили прежнему содержанию образования, разворачивая Украину-Русь, по образному выражению Дмитра Чижевского, «лицом к Западу». Сегодня мы обычно усматриваем в этом явлении лишь его позитивную сторону, а между тем на плюсы таких масштабных инноваций обычно накладываются и минусы. Несомненно, вестернизация русской культуры стала альтернативой ее полонизации, вооружив православную интеллектуальную элиту собственной ученостью, в отсутствие которой так горько упрекал русинов Петр Скарга в 1577 г. Однако ускоренный темп заимствования новых культурных стандартов, которые русины не успевали ни отбирать, ни модифицировать, приспособивая к «своему», «родному», породил неминуемую вторичность при воспроизводстве ближайшего западного образчика — польского. Быстро и особенно ярко это проявилось в наиболее востребованной сфере — языковой.

Именно в это время в «высоких» и школярских образцах тогдашней украинской словесности впервые устанавливается триязычие, то есть такой тип литературы, который создавался на трех языках — словенском (церковнославянском), польском и латыни. Как видим, в этом перечне отсутствует собственно украинский, то есть разговорный язык, который называли тогда «простым». Характерно, что такая запоздалая иерархия употребления языков, имевшая

в свое время место по всей средневековой Европе, а на протяжении XV–XVI вв. начавшая уже преодолевать путь вытеснения универсальной латыни «национальными» языками (на латыни каждый из которых также назывался «простым» — *lingua vulgaris*), задержалась и среди армян, и среди евреев Речи Посполитой. Первые говорили на армяно-кипчацком, а в религиозных текстах использовали староармянский (грабарь), а вторые говорили на языке идиш, сформировавшемся на основе немецких диалектов, но письменным языком у них оставался древнееврейский (иврит).

Что касается «простого руського», то можно предположить, что его карьере как письменного языка помешала стремительная кодификация польского, осуществленная на протяжении XVI в. — «золотого века» польской культуры. Именно польский — в качестве понятного жителям Руси — вместе с усвоенной недавно латынью превратился в средство светского культурного общения, тогда как церковнославянский и в дальнейшем обслуживал сферу сакрального. Таким образом, можно утверждать, что как раз упомянутый выше школьный бум притушил тот стихийный процесс развития «простого» языка, который прослеживается в последней четверти XVI — начале XVII в. в судебных протоколах, канцелярских шутках-пародиях или публицистике Острожского ученого центра. Чем более мощным становилось дыхание латинско-польской учености, тем более насыщались латынью и полонизмами судебные протоколы, до тех пор пока практически не утратили живого языкового колорита, а шутники и церковные публицисты просто перешли на польский (по подсчетам Ярослава Исаевича, на протяжении 1586–1616 гг. тексты на «простом» языке составляли всего 8,5% продукции украинских типографий). Причина такого положения дел крылась не в личном ополячивании авторов «простых» текстов — писарей, адвокатов или церковных публицистов: абсолютное большинство из них исповедовало и в дальнейшем восточный обряд, а многие из них впоследствии подтвердят свою «руськость» в рядах казацкого войска. Упомянутый симптом косвенно подтверждает, что сознание пишущих руководствовалось иерархией престижности языков, в которой первую ступеньку (благодаря усилиям обновленной школы) заняли латынь и польский, а руський, на котором еще до недавнего времени и писали, и шутили, получил статус языка для домашнего употребления. Среди прочего, убедительным свидетельством этого являются подписи руськой шляхты на разнообразных коллективных протестах, заявлениях и актах (например, на акте выборов митрополита Сильвестра Косова в 1647 г.), когда люди, известные своей непоколебимой проруськой позицией, записывают собственные фамилии по-польски, поскольку или про-

сто не умеют писать на кириллице, или неосознанно подчиняются ощущению второсортности руськой подписи на публичных заявлениях.

Триязычие украинской словесности того времени, без сомнения, явление красочное, даже феноменальное, потому что, создавая свои произведения на польском (как Мелетий Смотрицкий, Сильвестр Косов или Афанасий Кальнофойский), «словенском» (как Захария Копыстенский) или на латыни (как Иван / Ян Домбровский), человек не переставал видеть мир глазами своей «милой Руси» и своего окружения. Однако, боюсь, наш пиетет перед этим ярким феноменом в чем-то подобен восхищению узенькими улочками средневекового города, то есть не учитывает дискомфорта проживания в нем. Ведь для человека того времени возможность выбора впервые нарушала привычную логику сформированных веками норм поведения. Социальные изменения, дополненные разнообразием языковых и религиозных практик, вносили смятение в мир стабильных ценностей — в мир до тех пор единственно возможный, а следовательно, уютный.

В частности, это наиболее выразительно прослеживается в сфере вероисповедания. Уже не принимая во внимание тех людей, которые под воздействием протестантских поисков успевали трижды сменить обряд на протяжении жизни, мигрируя от православия к кальвинизму или антитринитризму, а далее — к католицизму, посмотрим под этим углом зрения на разделение руськой Церкви на Православную и Униатскую. Следствием разделения стала не только социальная дестабилизация, о которой говорилось выше, но и отток значительной части верующих в католичество. Слишком поверхностно было бы сводить это явление к одной лишь погоне за более «престижной верой». Раскол в древней отеческой конфессии вносил дисбаланс в религиозное сознание индивида, заставляя его колебаться между старой и новой Церквями до тех пор, пока он не делал выбор в пользу третьего — чужого, но надежного берега. Совершенно очевидно, что руськая Церковь накануне унии нуждалась в «направе» и что уния создавала возможности для этого. Однако

129. Титульный лист поэмы Яна Домбровского «Самоенае Borysthenides» (Без места издания, 1620)

не менее очевидно и то, что могилянское оздоровление православия пришло слишком поздно для той части верующих, которая, устав от противостояния, отдала преимущество латинскому обряду.

Характерным примером разбалансированного мироощущения может быть также факт смены Церкви в экстремальных ситуациях, будто в лихорадочном поиске более «надежной» веры, которая защитит и спасет от болезни, беды, плена. Именно так, например, смертельно раненный в Московии в 1610 г. князь Роман Ружинский, еще в 1600 г. подписывавший письма в поддержку Львовского православного братства, прямо в военном лагере стал униатом. Аналогичным путем пришел к Католической Церкви князь Кароль Корецкий, воспитанный в строгом православии, которого ни образовательное путешествие на Запад, ни воинская служба в коронной армии, то есть в преимущественно католическом окружении, не отвратили от веры предков. Однако в надежде на чудо князь сменил обряд во время плена и заключения в Стокгольме в 1608–1613 гг. Накануне казни стал католиком даже казацкий герой Иван Сулима. Описывая это событие, Альбрехт Радзивилл в своем дневнике лаконично констатирует:

Сулима принял католичество... А был у него золотой образок, подаренный папой Павлом V за героическую битву, в которой он, захватив турецкую трирему, освободил 300 пленных и привез их в Рим; поэтому просил, чтобы это свидетельство победы положили в землю вместе с его телом.

Проявление «ментальности реформ», то есть мировоззрения, созвучного началу Нового времени, когда стали возможными изменения фундаментальных ценностей Средневековья, мы наблюдаем и в удивительном смешении святынь и обрядов между иноверцами. Ни до, ни после этого мы не столкнемся уже с таким большим количеством браков между людьми разных конфессий, с массовым участием в службах в храме «чужого» обряда, с захоронением не по конфессиональной принадлежности, а по личному выбору — рядом с телами предков, все равно какой веры, с поклонением «не своим» иконам, с одариванием «не своих» храмов и т. п. Стоит также обратить внимание на мирное сосуществование христианских, мусульманских и иудейских анклавов: к примеру, в небольшом Остроге в начале XVII в., кроме православных церквей, функционировали мечеть, синагога, молельня антитринитариев, кальвинистский и католический храмы.

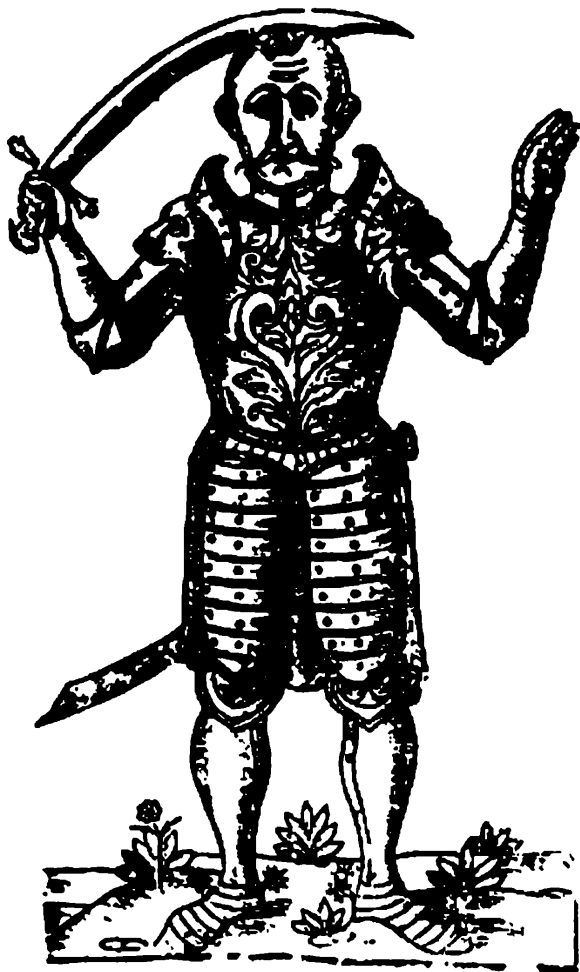
С другой стороны, религиозная открытость тогдашнего человека все более вступала в противоречие с продвижением упомянутой выше

конфессионализации, то есть постепенным введением системного контроля Церкви над мирянами. В борьбе за души паствы каждая из Церквей настаивала на религиозной дисциплине, клеймя как кощунство смешение конфессиональных практик и распространяя легенды-страшилки о «вероотступниках», то есть людях, сменивших обряд. Характерно, что в исполнении оппонентов по вере такие легенды зачастую оборачиваются своим собственным зеркальным отражением, обыгрывая одни и те же сюжеты: страшное материнское проклятие вероотступнику, его нарочито зловещую или «закономерную» смерть и т. п. Среди примеров такой, почти зеркальной, парности можно с католической стороны вспомнить два рассказа иезуитов — о предании анафеме в 1593 г. матерью-«схизматичкой» своего сына, только что обращенного католика Юрия Тышкевича, и о зловещих знамениях, якобы сопровождавших в 1631 г. смерть ярого врага Общества Иисуса князя Ежи Збаражского. Православными аналогами этих повествований стали легенды о материнском предостережении-проклятии княгини Раины Вишневецкой (†1619), призванном уберечь ее сына Ярему от принятия католичества, и об увещевании монаха-отшельника, согласно которому два последних представителя рода князей Острожских погибнут, если обратятся в католическую веру, что и произошло: оба, как напишет Петро Могила, «в єдином літі окаанні умроша», и с ними прервался славный род «отступства ради от правія греческіа віри».

Впрочем, «разграничение территории» между Церквями вплоть до начала войн и катаклизмов второй половины XVII в. еще не слишком влияло на бытовые контакты мирян. Об этом свидетельствуют красноречивые упоминания в тогдашних источниках, где мы сталкиваемся то с эпизодами дружественного застолья униатских и православных иерархов (Волынь, 1614 г.), то с рождественским пиром, где в «совершенной гармонии» забавляются православные, католики и протестанты, более того, даже пробуют дискутировать о божественной природе Христа (Полесье, 1617 г.), то с веселой попойкой антитринитариев с их «добрыми приятелями» иезуитами (Каменец-Подольский, 1640 г.)

130. Раина Могильянка, супруга князя Михаила Вишневецкого. Копия с портрета начала XVII в.

131. Аллегория шляхтича-«сармата». Дереворит из труда Вацлава Куницкого «*Obraz szlachcica polskiego*» (Краков, 1615)

и т. д. На уровне массового сознания терпимость к людям другого обряда объяснялась не только рационально как право свободного шляхтича придерживаться собственной веры, но и мистически — как убежденность в том, что вера является непостижимым даром Божиим, поэтому подлежит лишь Божьему осуждению или одобрению. Эта вторая — мистическая — составляющая часть веротерпимости передавала право вынесения приговора относительно «правильности / неправильности» обряда юрисдикции потустороннего суда, не влияя на земные, бытовые и товарищеские отношения разноверцев.

Однако такое положение вещей, по инерции еще сохранявшееся в повседневной жизни, все больше вступало в противоречие как с установками Церквей, так и со светской литературой, в которую также начинают проникать антагонистические мотивы, до тех пор характерные преимущественно для церковной пропаганды. Таким образом, отношения католиков с православными постепенно приобретают форму воинственной «национализации» конфессий, каждая из которых начинает рассматриваться уже не как сообщество иного

(конечно же, «неправильного») обряда, а как воплощение этнической принадлежности оппонента — ляха-католика или русина-православного: борьба вер по логике противостояния шаг за шагом сближается в восприятии с борьбой народов «русского» и «лядского».

«Сарматы-роксоланы» и/или «польские сарматы»

Религиозная и языковая пестрота русского общества, в котором причудливым образом переплелись, с одной стороны, вживание в польскую культуру, словно в свою собственную, а с другой — осуждение «лядских хитростей», определила своеобразные формы политической идентичности тогдашних украинцев-русинов. Как уже упоминалось, толчком к выделению из сообщества

Речи Посполитой «двух народов» третьей составляющей — «старожитного народа руського Володимирового корня» — стали: 1) панегирическая традиция князей Острожских, очертившая древнейшую территорию совместного обитания и политического единства русинов, 2) полемика вокруг унии, в которой впервые была четко артикулирована идея контракта, то есть якобы договорного вхождения «руського народа» в Польско-Литовское государство. И первое, и второе было порождением идей, служивших фундаментом тогдашней Речи Посполитой как страны «народа-шляхты», объединенного общими правами и свободами.

Огромную роль во вписывании «руського народа» в сообщество Речи Посполитой сыграл так называемый сарматизм, начало которому было положено, как уже упоминалось, в середине XVI в. и бурное развитие которого пришлось на первую половину XVII в. Напомню, что в основе сарматской идеологии лежал этногенетический миф, согласно которому племена «воинственных сарматов» (будущая шляхта) якобы покорили в свое время местное население (будущее простонародье), создав по истечении времени государство «золотой шляхетской вольности» — Речь Посполитую. Воспевая культ воинского героизма, патриотизма и богоизбранности Речи Посполитой как «оплота христианства» [*antemurale Christianitatis*], трубадуры сарматизма отмечали исключительность политического строя «государства сарматов» — свободного сообщества свободных граждан, которые сами избирают себе правителя и сами руководят своей страной на принципах «согласия и братства», то есть всеобщего шляхетского равенства. Уже в первой половине XVII в. сарматизм превратился из идеологической доктрины в настоящий «воздух эпохи», создав собственное словотворчество, этикет поведения, бытовые ценности, моду, психологию, искусство (его иногда так и называют — сарматское барокко). Что же касается Руси, то уже упоминалось, что галицкая шляхта вообще стояла у истоков сарматизма, называя себя «племенем сарматов-роксоланов» и выступая — как партнер «польских сарматов» — равноправным претендентом на сарматское наследие.

Идея «Великой Сарматии», которая раскинулась от Балтики до Черного моря, крепко и надолго поселилась в литературе Речи Посполитой, подтолкнув к формированию «сарматской» политической идентификации, объединявшей шляхту вне зависимости от этнической принадлежности, языка или конфессии. Характерно, что в патриотическом пылу выделения «руського народа» как сообщества, равного двум титульным народам Речи Посполитой — полякам и литвинам, руськая версия сарматизма даже обрастает курьезной мегаломанией — утверждением, будто «Сарматия» была основана на Руси.

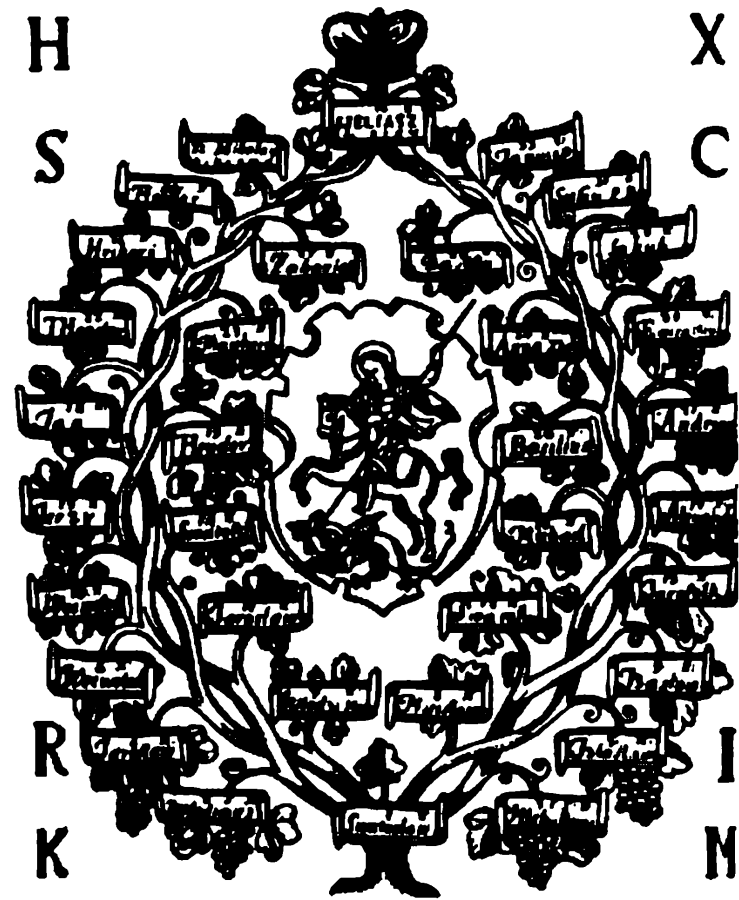
В своей поэме «Об Острожской войне» (1600 г.) Шимон Пекалид локализует сарматский корень в Остроге, где впервые «поставили свои жилища воинственные сарматы-аланы», а согласно поэме Яна (Ивана?) Домбровского «Днепровские камни» (1620 г.), «воинственный сармат» впервые появился на Днепре близ Киева, откуда установил господство «над всеми племенами Сарматии». Главным героем воспетой в этой поэме «империи русов», вышедшей из сарматской колыбели, является Киев, из чего логично следует, что старая княжеская столица является в то же время прародиной всего «сарматского мира». Так же четко разграничивает польских и русских сарматов в своем выступлении на сейме 1641 г. волынец Адам Кисель. Как и церковные интеллектуалы 1620-х гг., он объясняет объединение Руси и Польши как контракт, хотя субъектами договорных взаимоотношений у него уже являются не русские князья, а шляхта:

...Наши предки, русские сарматы, добровольно пришли к вашим милостям, польским сарматам... Не к стране, но со страной, не к религии, но с религией, не к титулам и отличиям, но с титулами и отличиями — так мы пришли к нашей общей отчизне.

Едва ли не обязательные экскурсии в историю, характерные для русской словесности того времени, становятся главным средством мобилизации «исторической памяти», демонстрируя правопреемственность и непрерывность политического существования русского народа на своей территории. Высшим, сакральным символом этого служит, как уже упоминалось, непрерывность чудотворений в Киеве — столице первосвятителей Руси Ольги и Владимира, а наглядным доказательством преемственности власти выступают княжеские роды «Владимировой ветви» — Острожские и Четвертенские. Континуитет же собственно «народа» (в его тогдашнем значении: как «народа-шляхты») обеспечивают панские семьи, чья родословная якобы прослеживается с древнерусских времен. Характерно, что именно на 1630–1640-е гг. приходится создание генеалогических легенд влиятельного русского панства — с современной точки зрения курьезных, но совершенно оправданных логикой мышления того времени. Например, происхождение волынцев Киселей Сильвестр Косов в предисловии к «Патерикону» (1635 г.) возводит к летописному эпизоду 997 г., когда сообразительные жители Белогородки, взятые в осаду печенегами, показали наивным посланцам противника колодцы, наполненные киселем, а те «подивися и от грядя всояси идоша». Эпизод перенесен в Киев, а инициатором остроумной выдумки объявляется основоположник рода «рыцарь Свентольдич,

гетман войска руського», который именно за это получил прозвище Кисель. Еще один пример: род киевских панов Сущанских-Проскур Петро Могила выводит от юного пажа византийской царевны Анны, жены Владимира Великого: получив приказ отнести из церкви во дворец просфору, голодный юноша якобы по пути съел ее, за что и получил «титул Проскуров».

То, что «древнерусские» акценты генеалогических легенд воспринимались с полным доверием, подтверждается их отражением в трехтомном гербовнике ученого львовского доминиканца Шимона Окольского, в котором немало записей посвящено русинам (гербовник был напечатан в Кракове в 1641–1645 гг.). Скажем, пересказывая фантастическую басню о происхождении волынцев Еловичей от Ела, сына Александра Македонского и его любовницы Роксаны, Окольский «отслеживает» перемещения этого Ела: сначала он жил в Херсонесе, отсюда «ушел» на Русь и основал город, который назвал в честь своей первой родины *Chersonia*, то есть Корсунь, а всем окружающим землям дал имя в честь матери — Роксолания (из чего, как видим, тоже следует упомянутый выше приоритет «роксоланской» Сарматии над «польской»). И, даже отмечая очевидно нерусское происхождение тех или иных семей, Окольский умудряется связать их с княжеской Русью. Скажем, для выходцев якобы из Литвы Немиричей (на самом деле семьи тюркского происхождения) их «русскость» подчеркивается следующим образом: предок Немиричей, переселившись на Русь, сменил свой герб на новый — «Клямры» («Скобы»), потому что на Руси скобы символизируют благочестие. Ведь византийский император, как рассказывает Окольский, подговаривая князя Владимира креститься, прислал ему выгравированные на золотой пластине скобы — символ Страшного суда. Тот же, узнав от посланца, что это означает, тяжело задумался и т. д. (далее идет краткий пересказ летописного

132. Генеалогическое древо князей Четвертенских. Гравюра в трактате Афанасия Кальнофойского «*Teratourgema lubo cuda*» (Киев, 1638)

сюжета о «выборе веры»). Как видим, даже в «литовской» родовой легенде акцент смещен в пользу «руськости» пришельца — с помощью упоминания об обращении в христианство Владимира Святославича.

В выделенном таким образом «руськом народе» князей и шляхты Иов Борецкий впервые, как уже упоминалось, нашел место и для казаков: он их истолковал как потомков тех княжеских воинов, которые «при руськом монархе Олеге» плавали на своих «чайках» по Черному морю и штурмовали Константинополь.

Дисгармонию в стройную триаду «народа» князей-панов-воинов вносила лишь одна, однако, как вскоре обнаружится, наиболее существенная деталь — неоднородность «руського народа», разделенного не только по вертикали на князей-шляхту-казаков, но и по горизонтали — по критерию восприятия универсальных ценностей шляхетской Речи Посполитой. Впрочем, здесь основной водораздел также совпадал с сословными перегородками, потому что ясно, что руськая родовая знать и православные иерархи-шляхтичи как полноправные члены шляхетского общества чувствовали себя в Речи Посполитой намного комфортнее казачества, постоянно подвергавшегося репрессиям (уже не говоря о желанных правах). Идея договорного вхождения «руського народа» в польско-литовское сообщество «двух народов», скрепленная лозунгами сарматского братства и «золотых вольностей», дистанцировала шляхту — русинов и поляков — регионально, но не политически: «ляха» недолюбливали как «чужого», однако не видели в нем врага. Напротив, для казаков и мещанско-крестьянского простонародья, вытолкнутого за борт «шляхетской республики», осознание своей причастности к «руському народу» потенциально означало враждебность, направленную на ядро Речи Посполитой — Польшу.

Мир большинства на фоне «ментальности реформ» элитарной культуры

В заключение остается добавить, что обновление ценностей и идей, которыми питалась мысль интеллектуалов, сосуществовало с мало затронутым «ментальностью реформ» сознанием обычных людей. Интеллектуальные и художественные поиски элиты выглядят мозаичным орнаментом на поверхности повседневной жизни Украины-Руси и в дальнейшем руководствовавшейся старинными правилами поведения, или так называемыми привычками сознания. Именно они определяли различие поступков на «добрые» и «злые», оценку «чинного» или, напротив, «своевольного», то есть неадекватного сложившимся нормам поведения и т. п. Формы социальной реакции, вытекавшие

из этого, имеют собственный культурный код, который сегодня понять трудно. Воспитанные на иных поведенческих эталонах, мы некоторые поступки воспринимаем как бытовые курьезы (к примеру, действия, направленные на обещание: бросание в воду или дерганье за бороду), некоторые кажутся нам причудливыми, а некоторые — просто дикими, хотя на самом деле все они мотивировались «правилами» повседневной культуры того времени. Еще одним препятствием на пути к истолкованию этих «правил» является то, что они составляли «воздух эпохи», в котором органически жил каждый человек: следовательно, не было необходимости ни осмысливать их, ни фиксировать в писаном слове, в отличие от предложенных интеллектуалами «новинок». Опосредованные проявления традиционной ментальности можно заметить в наивном консерватизме, отразившемся в немногочисленных частных письмах того времени или высмеиваемом в шуточных пародиях, героями которых выступают адепты «старины» — например, неуклюжие «палешуки» (полищуки). В частности, остроумно насмехается над этим типом людей пародия в форме речи, якобы произнесенной на сейме берестейским шляхтичем-полищуком Иваном Мелешко: ее автор сочно высмеивает «тые нудные немецкие штуки» и разнообразные новомодные «дурнины» в быту, питании, поведении женщин и т. п.

Вторым сигналом, проступающим сквозь густой туман времени, является поразительная суеверность самых широких групп населения — от элиты до простонародья (впрочем, это явление не было сугубо украинским: вся Европа в XVI–XVII вв. жила в истерической атмосфере «дьявольского знака», эсхатологических тревог и бытовых суеверий). Характерные образцы предрассудков мы обнаруживаем, например, в одной из анонимных хроник, составленной между 1637 и 1647 гг. в Остроге.

133. Вызывающие бурю ведьмы.
Дереворит 1489 г.

Автор не имел честолюбивых амбиций «писателя»: его заметки названы выписками из книжки популярного польского хрониста Мартина Бельского («З Кройніки Бельського речі потрібні вибрані»). Поскольку же хроника Бельского заканчивается 1598 г., то после выписок автор самостоятельно прибавил ряд сообщений, относящихся к более позднему времени, до 1636 г., причем большую половину текста здесь занимают описания гибели князя Самуила Корецкого в турецком плену и гонений на православных княжны-фанатички Анны Алоизы Острожской. На нескольких листах рукописи, занятой этими заметками, помещен рассказ о целых шести мистических явлениях: о появлении таинственных писем на зданиях острожских иноверцев — католиков и евреев; об ангелах с обнаженными мечами и о свечах, самопроизвольно загорающихся на церковных банях; о ведьмах, которые привели к мору на Волыни; о дьявольской порче, которую наслали на княжну Острожскую посредством сушеных лягушачьих лапок, и о зачарованном Острожском замке.

Детальные описания гаданий, поверий и колдовства русинов — «русских чар» — оставили и тогдашние польские поэты. Например, Себастьян Кленович посвятил этому сюжету отдельную «песню» своей поэмы «Роксолания» в 1600 г., уже в первых строках, заинтриговав читателя:

Скорее теперь удивляться
будешь ты обычаям руським.
Ныне о них я тебе
Стихом своим поведаю.

Описывая разнообразные ритуалы гаданий, поэт и сам не демонстрирует рационализма, наоборот, вполне серьезно пишет:

Видел колдуний я сам,
парящих по ночам в небе,
Видел летающих ведьм,
гарцующих ночью.
Видел, как из чистого неба
своим заклятием чародейским
Те волшебницы дожди
и тучи вызывали с небес.

В упомянутой Острожской хронике о ведьмах говорится без поэтического вдохновения, но с той же непоколебимой уверенностью в их существование.

В частности, рассказывая о пошести на Волынь в 1624 г., автор с эпическим спокойствием, как о вещи совершенно обыденной, говорит:

...І попалили відьми в Мирополю для перестатя [прекращения] мору, ано еще горше мерло. І в Барановці знайшли відьм кілька і боялися палити, аби не горій [хуже] було.

Средневековая религиозная культура с ее экзальтированной верой в дьявольские козни и чудеса мирно сосуществует с философскими знаниями. На 1640-е гг. приходится, с одной стороны, преподавание первого полного курса философии, прочитанного по-латыни в Киево-Могилянской коллегии, — «Opus totius philosophiae» Иннокентия Гизеля, а с другой — поразительно наивная хроника «текущих» чудес, составленная здесь же, в Киеве, Петром Могилой. Не менее сочно описывает такие же чудеса образованный львовянин, воспитанник Замоиской академии Михаил Гунашевский, который в 1640-х гг. составил так называемую Львовскую летопись. Как православному человеку Гунашевскому особенно импонируют чудеса с антикатолическим подтекстом, например помещенный под 1637 г. сюжет о «новости» из Рима. Там, говорится в летописи, падал невероятной величины град и «крававый дождь», а над городом летал монах в белых одеяниях и вопил: «Беда тебе, беда, Рим!»

* * *

Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что многомерность культуры Нового времени достигла Украины-Руси слишком ускоренной поступью, мгновенно проскочив ступени тех постепенных модификаций, которые меняли человека, общество, науку, политику, экономику Европы на протяжении XVI в., шаг за шагом

134. Муза Калиона, покровительница наук. Дереворит из панегирика Яна Островского на брак князя Януша Острожского «Epithalamion de nuptiis» (Краков, 1597)

формируя очертания «новой» картины мира. Но даже там, невзирая на всю свою медлительность, этот переход сопровождался болезненными пароксизмами насилия, смут и злобы. Тем более тревожной эта угроза становилась для внезапно брошенной в водоворот «нового» Украины, лишь усугубляясь конфликтом внутри русской Церкви и неоднородностью общества, часть которого вписалась в систему «новых» ценностей Речи Посполитой, а часть — резко отбрасывала их. Еще более широкое пространство для противоречий открывалось вследствие дробления до тех пор общей и единственно возможной веры на ряд альтернативных — по выбору самого человека. Исчезала точка опоры — нерушимость старых традиций, окруженных авторитетом Божественного установления; индивид оказывался один на один со своими сомнениями, взгромождая на собственные плечи ответственность и за свой выбор, и за свою судьбу. Анализируя прощание Европы со Средневековьем, итальянский философ Романо Гвардини писал:

...В переломные эпохи пробуждаются самые глубокие пласты человеческого естества, с неизвестной до этого силой просыпаются первобытные инстинкты: страх, насилие, жадность, возмущение против порядка... Внутреннее напряжение выплескивается в историю.

Правильность этой мысли подтвердили дети и внуки людей эпохи обновления, которые уже во второй половине XVII в. залили собственную землю потоком эгоизма, политических измен, жестокости, свирепого и не поддающегося логике противоборства. Начало же полосе «скитаний духа», как называют философы временные отрезки смут, периодически охватывающих жизнь человеческих сообществ, было заложено, как бы это ни парадоксально, на протяжении нескольких десятилетий бурного культурного переоснащения Украины-Руси.

РАЗДЕЛ V

КАЗАЦКАЯ ЭРА

1. Казацкая революция 1648–1657 гг.

Казацкое восстание 1648 г. открыло новую страницу украинской истории. Начавшись как очередная вспышка казацкого неповиновения, оно вскоре переросло в грандиозную войну, вовлекшую миллионы человеческих судеб, переключившую карту Украины и косвенно подтолкнувшую к изменениям геополитических структур Центрально-Восточной Европы, где вскоре утвердится мощная Российская империя и угаснет Речь Посполитая. Историки называют этот взрыв по-разному: великой казацкой войной, казацкой революцией, национально-освободительной войной, Хмельнитчиной. Каждое название по-своему оправданно, потому что выделяет тот или иной язычок пламени, на протяжении почти сорока лет пожирившего Украину. Земля, еще недавно считавшаяся краем молочных рек и кисельных берегов, была щедро полита своей и чужой кровью. Используемое в этой книжке понятие «революция», как мне кажется, наиболее адекватно отображает суть событий. Во-первых, они втянули в свою орбиту не только все сословия и социальные группы, но и всякого человека, которому просто негде было укрыться от огненного вихря. Во-вторых, в результате восстания изменилась конфигурация политического пространства, на котором пролегли новые границы Речи Посполитой и Московского царства. В-третьих, в новообразованной казацкой державе возникла уже совершенно иная социальная иерархия, ведь вместо родовой — княжеской и шляхетской — элиты к власти впервые пришли люди, добившиеся ее «правом сабли»: казацкая старшина. Наконец, в-четвертых, войны середины XVII в. на несколько веков вперед, если не до сегодняшнего дня, определили украинский национальный идеал — фигуру героя-казака, борца «за волю Украины», вокруг которого впервые в одном ритме начали двигаться и элитарная, и простонародная культуры.

Период, о котором пойдет речь, всегда находился в центре внимания историков Украины, и одна лишь библиография посвященных ему трудов

составила бы том, превышающий объем этой книги. Романтическая героизация и жестокое упорство крестьянского бунта, битва за национальную независимость и священная война «за веру», столкновение польского и украинского культурных миров и метафора борьбы за «воссоединение с братским русским народом», восстание черни и эпохальная страница рождения Украинского государства — вот основные ракурсы рассмотрения этой эпохи. Однако любая одномерная оценка, насколько бы добросовестно она ни фиксировала победы / поражения, геройства / измены, успехи / неудачи, в случае, когда речь идет о катаклизме такого масштаба, неминуемо нивелирует взрывной драматизм коллизий и участвовавших в них персонажей. Гениальный Николай Гоголь, вынашивая мечту написать собственную историю казацкой революции, как лишь немногие исследователи-специалисты, чувствовал эту преисполненную экспрессии полифонию. Она виделась ему закутанной

в потоп речей неугасаемой страсти, и в решительный, отрывистый лаконизм силы и свободы, и в ужасный, дышащий диким мщением порыв, и в грубые, суровые добродетели, и в железные несмягченные пороки, и в самоотвержение неслыханное, дикое и нечеловечески-великодушное.

Такая история, в которой, по Гоголю, «слышишь запах, цвет земли, времени, народа», не написана до сих пор. Не по силам она и мне. Поэтому моя цель скромнее — постепенно перелистывая страницы прошлого, докопаться до мотивов, которые двигали «теми ужасающими рыцарями Хмельнитчины», как называл казаков неблагосклонный к восстанию Пантелеймон Кулиш. Душой казацкой революции с самого ее начала стал Богдан Хмельницкий — человек-легенда уже в восприятии современников. Поэтому с рассмотрения этой фигуры и стоит начать.

Богдан Хмельницкий — человек, вождь-освободитель, «бич Божий»

В 1648 г. Богдану Хмельницкому было за пятьдесят, то есть он был человеком опытным и зрелым (предполагают, что он родился в 1595 г.). О юности будущего гетмана или о его жизни в расцвете сил известно очень мало. Его отец, мелкий шляхтич Михайло Хмельницкий герба «Абданк», происходил, согласно гипотезе Ивана Крипьякевича, из Перемышльской земли; в качестве слуги польного гетмана Станислава Жулкевского он проживал при его дворе

в г. Жолква [в настоящее время Львовской обл.], затем перешел на службу к другому галицкому магнату — Яну Даниловичу, владельцу г. Олеско [ныне также Львовской обл.]. Когда в 1597 г. Данилович занял уряд корсунского и чигиринского старосты, Хмельницкий стал от его имени чигиринским «подстаростой», то есть замковым наместником. Предполагают, однако, что он переселился на Чигиринщину на несколько лет раньше, выполняя «с руки» Даниловича функции осадчего — организатора крестьянских переселений на так называемые «пустоши». Приблизительно в то же время он получил от Даниловича хутор Суботов под Чигирином, заложил там пасеку, а позже даже основал собственную слободу Новоселки с несколькими подданными. В 1620 г. Хмельницкий-старший принимал участие в походе Станислава Жулкевского на Молдавию, а в октябре того же года пал в битве с турками под Цецорой. Обитая среди казаков, он был близко связан с ними и даже вступил в брак с казачкой — матерью Богдана Хмельницкого. Предание, согласно которому он некоторое время являлся сотником Войска Запорожского, очевидно, легендарного происхождения.

Место рождения Богдана спорно: по противоречивым упоминаниям того времени, им могли быть и Черкассы, и Переяслав, и Суботов, и Чигирин (последнее считается наиболее вероятным). При крещении мальчик получил двойное имя — Теодор (в просторечье Богдан) и Зиновий. В торжественных случаях духовенство называло его Зиновием, но собственноручно гетман всегда подписывался как Богдан. Есть надежные свидетельства, что подростком он учился во Львовской иезуитской коллегии, где прошел классы грамматики, поэтики и риторики, то есть получил обычное для шляхтича того времени «гуманистическое» образование.

Первое упоминание о военном опыте Хмельницкого-младшего приходится на 1620 г. и несчастливую битву под Цецорой, в которой погиб его отец, а сам юноша попал в турецкий плен. Через два года пленника выкупила мать, по другим данным — его обменяли на одного из турецких пленных. После этого приключения судьба Богдана уже тесно связана с реестровым Войском Запорожским, а сам он причисляет себя к профессиональным воинам — людям, «привыкшим добывать кусок хлеба саблей». Есть упоминания, правда сомнительной достоверности, о его участии в казацких морских походах 1620-х гг., а в 1633 г. он будто бы отличился в Смоленской войне, за что получил от короля Владислава IV в подарок саблю. Принимал участие в казацком восстании 1637 г. под руководством Павла Бута (Павлюка), а после поражения был среди той реестровой старшины, которая, осознав безысходность ситуации, пошла на переговоры с польным гетманом Николаем Потоцким.

135. Панорама Чигирина. Рисунок второй половины XVII в.

ле и в окружении короля Владислава IV. Когда французский посол в Речи Посполитой граф де Брежи начал переговоры о найме казаков на французскую службу для участия в Тридцатилетней войне, кто-то из придворных порекомендовал ему вести дело именно с Хмельницким. В 1644 г. де Брежи писал кардиналу Джулио Мазарини, что среди казаков есть «очень способный полководец Хмельницкий, его здесь при дворе уважают». Свою встречу с Богданом посол описывает следующим образом:

На днях был в Варшаве один из старшин казацкой нации, полковник [!] Хмельницкий... Он был у меня, я дважды с ним разговаривал. Это образованный, умный человек, который силен в латинском языке.

Женат Богдан Хмельницкий был трижды. Его первой женой была Анна Сомковна, сестра будущего наказного гетмана Якима Сомка, умершая между 1645–1647 гг. (от этого брака родилось три сына — Тимош, Юрий и Остап, умерший в детстве, и четыре дочки). Во второй раз Хмельницкий обвенчался в июле 1648 г. в Чигирине с якобы воспитанницей своей жены, шляхтянкой Мотроной. Этому браку предшествовало драматическое приключение: недруг Хмельницкого, чигиринский подстароста Даниил Чаплинский, совершил наезд на Суботов, жестко избил канчуками сына сотника Остапа (из-за чего мальчик и умер), а красавицу Мотрону увез и обвенчался с ней. Поэтому второй брак Хмельницкого, поскольку он состоялся при живом муже, вступил в законную

силу только после того, как иерусалимский патриарх Паисий повторил обряд венчания в Киеве, в начале 1649 г. Брак с Мотроной закончился не менее драматично, чем начался. Летом 1651 г. старший сын Богдана Тимош, ненавидевший мачеху, приказал повесить ее на воротах отцовского двора в Чигирине якобы за супружескую измену. В конечном итоге в августе 1651 г. Хмельницкий женился в третий раз на сестре нежинского полковника Ивана Золотаренка Анне, вдове одного из казацких полковников. Эта степенная и умная женщина пользовалась всеобщим уважением; умерла она в 1667 г. монахиней Киевского Вознесенского женского монастыря.

Внешность гетмана воспроизведена на известной гравюре гданьского гравера Гондиуса, сделанной с зарисовки 1651 г. Абрахама Вестерфельда, придворного художника литовского гетмана Януша Радзивилла. Дополняют представление о внешнем облике и манере поведения Хмельницкого заметки мемуаристов. Вот как описывает гетмана в своем подорожном дневнике венецианский посол Альберто Вимина, посетивший Чигирин в июне 1650 г.:

Роста он скорее высокого, нежели среднего, широк в кости и крепкого сложения. Речь его и способ управления показывают, что он обладает зрелым суждением и проницательным умом... В обращении он мягок и прост, чем привлекает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в узде строгими взысканиями. Всем, кто входит в его комнату, он пожимает руку и всех просит садиться, если они казаки.

О бытовых привычках Хмельницкого известно, например, что он курил длинную турецкую трубку и любил кофе, в то время еще мало употреблявшийся в Европе. Хорошо стрелял из лука и, как и все шляхтичи и казаки того времени, всегда носил при себе саблю. В хорошем настроении мог поиграть на бандуре. Наконец, как тогда было заведено, много пил, отдавая предпочтение

136. Богдан Хмельницкий. Гравюра Вильгельма Гондиуса 1651 г.

домашним напиткам — водке, пиву и меду. Павел Алеппский, племянник антиохийского патриарха Макария, которого гетман принимал в Богуславе в 1654 г., описывает этот спартанский прием следующим образом:

Затем подали к столу миски с водкой, которую пили ложками [чарками?] еще горячей. Гетману поставили высший сорт водки в серебряном кубке. Он сначала предлагал пить нашему владыке патриарху, а потом пил сам и угощал каждого из нас... Затем были поданы на стол расписные глиняные блюда с соленой рыбой в вареном виде и с иным в малом количестве. Не было ни серебряных блюд и кубков, ни серебряных ложек, ни чего подобного, хотя у каждого из слуг его есть по несколько сундуков, наполненных блюдами, чашами, ложками и сокровищами ляхов из серебра и золота.

Простоту быта Хмельницкого отмечают и те мемуаристы, что посещали гетманскую резиденцию в Чигирине. Альберто Вимина в уже упомянутом дневнике так описывает покои, где его принимали:

В этой комнате нет никакой роскоши, стены голые и не обставленные изысканными креслами, стоят только грубые деревянные лавки, покрытые кожаными подушками... Стол отличается не большею роскошью, едят обычно без салфеток, из серебра лишь ложки и кубки, а остальная посуда оловянная. Вероятно, он (Хмельницкий) ввел такие обычаи, дабы помнить о своем положении и не возноситься духом слепящей гордыни...

Сохранились яркие свидетельства о характере гетмана, в котором подмечали как будто два естества — одно взрывное, холерическое, другое задумчивое и мрачное. Современники не раз описывают взрывы гетманского гнева, когда он мог кричать «с такой неистовой яростью, что кидался по покоям, рвал на себе волосы, ногами бил о землю или же метался, словно безумный, утративший разум».

Во время таких приступов, как тогда писали, никто не решался ему перечить, «а кто посмел бы, лишился бы жизни». Припадки ярости могли сопровождаться молниеносным раскаянием. Как-то на раде, когда старшина отвергла целесообразность похода в Молдавию (о чем пойдет речь далее), гетман рубанул саблей по руке черкасского полковника Яска Пархоменко, но тотчас же, опомнившись, трижды поклонился и велел внести бочонок меда со словами: «Детки мои, напейтесь и меня не судите!» Вообще же в публичных выступлениях и в общении с рядовыми казаками Хмельницкий демонстрировал

совершенное владение искусством показной открытости и смелого жеста. Это обеспечивало ему устойчивый авторитет среди простых казаков, а его тяжелая рука играла серьезную роль в поддержании дисциплины (литовский канцлер Альбрехт Радзивилл, например, в своем дневнике под 1650 г. писал, что Хмельницкий «держит всех русинов в таком повиновении, что те готовы все сделать по одному его жесту»). Общеизвестной была и такая примечательная черта характера гетмана, как хитрость, которой часто прикрывались чувства и намерения, совершенно противоположные провозглашавшимся. По словам одного из современников, «это был человек с тысячей изворотов, и его следовало остерегаться тем более, чем больше он обнаруживал смирения».

Разное восприятие казацкого вождя просматривается уже во взглядах современников — людей, которые, по выражению Ивана Франко, «испытали на собственной шкуре кровавую драму Хмельнитчины». Для шляхтичей-врагов гетман был, конечно же, изменником, разбойником, «кровожадным тираном», «возмутителем спокойствия», но при этом никто не ставил под сомнение его героизм и силу — впрочем, истолковываемые как «бич Божий», посланный Речи Посполитой за грехи, так что даже само имя Богдан объяснялось как «Богом данный для наказания». Именно этой аллегорией начинает свою книгу «История гражданских войн в Польше» (изданную в Венеции в 1671 г.) упоминавшийся выше Альберто Вимина. Описывая комету, появившуюся над Польшей 15 мая 1648 г., венецианец наделяет это явление мистическим смыслом. По его словам, то был «могучий знак небес о пламени этой войны», поэтому само имя ее вождя символично — Богдан, то есть «Богом данный» [«Deo datus»]. Современник и земляк Вимины Майолино Бизачиони, автор двухтомного труда «История гражданских войн последнего времени» (Венеция, 1654), изображает Богдана Хмельницкого как одного из самых старших и авторитетных людей в казацком войске — человека, наделенного острым умом, но склонного к предательству, жестокого и коварного. В таких же мрачных тонах описан гетман и в «Элогии выдающимся полководцам» неаполитанца Лоренцо Красо (Венеция, 1683). Хмельницкий предстает здесь как изменник родины — Польского королевства, как человек выдающихся способностей, но охваченный смятением и раздвоением духа. В латиноязычной стихотворной эпитафии гетману Красо пишет:

Знаменитый силой тела и хитростью ума, чтобы побороть шляхту, он вооружил крестьян. Снискав у них уважение и почет, он разрушал города, принуждал войска бежать, отвоевывал провинции; раз побитый, снова побивал, вынужденный бежать, сам вынуждал к бегству, словно тот Антей, сам себя

подталкивал вперед. Взбунтовавшись против короля, просил у него прощения, получив его, бунтовал вновь. Хотя и был в союзе с татарами, московитами, турками, он часто нарушал договоренности, при этом не изменяя своему слову. Однако был он неблагодарен отчизне, потому что ускорил обещанную ей гибель, разрушил ее до основания. Человек без всякой религии, умер он без нее неуспокоенным, потому что его бунтарский дух одна лишь смерть могла успокоить.

В большей степени сочувствовали событиям в Украине на противоположной части Европейского континента — в охваченной революцией Англии. Видя в Богдане Хмельницком союзника, побеждающего общего врага — «латинян и папистов», лорд-протектор Оливер Кромвель в 1649 г. будто бы даже написал послание к гетману. Его текст не обнаружен, однако сохранилась интитуляция, в которой в патетическом стиле перечисляются достижения и добродетели казацкого вождя:

Богдан Хмельницкий, Божьей милостью генералиссимус войска и древней греческой религии и Церкви, повелитель всех запорожских казаков, ужас и истребитель польской шляхты, завоеватель крепостей, искоренитель римских священников, преследователь язычников, Антихриста и иудеев...

В украинских источниках об эпохе революции фигура гетмана также представлена по-разному. Ученая православная поэзия уже в начале войны — в стихотворениях, прибавленных к реестру Войска Запорожского 1649 г., — обыгрывает истолкование имени гетмана «Богдан — Богом данный» для того, чтобы подчеркнуть его богоизбранность и мессианство в осуществлении двух подвигов — перед Церковью и перед Русью:

Помазанец Божий кроль, а Богдан ест даний
 Од Бога, сего ради Богданом названий...
 При Могилі Петрові хрести заслужонії,
 При Богдану в Русі ест воздвижонії...
 З синов Владимирових Россія упала —
 З Хмельницьких за Богдана на ноги повстала.

Еще раньше, в начале 1649 г., когда гетман триумфально въезжал в Киев, студенты Киево-Могилянской коллегии приветствовали его декламацией как Моисея, спасителя, защитника и освободителя «из лядской неволи». Эта

метафора надолго закрепились в украинской литературе, питая украинскую мысль на протяжении всего XVIII в., и только в «Истории русов», анонимном историко-публицистическом произведении конца XVIII — начала XIX в., сквозь густую пелену славы впервые проглянули некоторые сомнения. Здесь Хмельницкий и в дальнейшем герой из героев, однако, описывая дебаты старшины относительно перехода Украины под протекцию московского царя, автор вкладывает в уста казаков острые антигетманские выпады: те называют гетмана «зрадцею и предателемъ отечества», потому что он ведет свой народ в «новые оковы рабства и неволи, в державу, в которой владычествуется самое неключимое рабство и невольничество в высочайшей степени».

В потоке фольклорных памятников сохранилось немало дум, которые прославляют Богдана как гетмана-освободителя. Однако имеются и такие, в которых речь идет о союзе Хмельницкого с татарами, оплаченном уведенными в неволю украинскими пленниками, здесь уже к гетману обращены не слова, а проклятия;

Бодай тебе, Хмельниченку, перва
куля не минула,
а другая устрілила — у серденько
уцілила.

В так называемой «Летописи Самовидца», составленной свидетелем казацкой революции, эта позорная плата упоминается также достаточно часто, и именно как упрек гетману. Впрочем, умеренный Самовидец вообще видит в революции не столько ее героическую сторону, сколько несчастье для мирного населения, воплощенное в лице Хмельницкого:

И хто может зраховати так неошачованную шкоду (невосполнимые потери. — *Примеч. перев.*) в людех, що орди позабирали, а маєтності козаки побрали, бо в тот час не било милосердія межи народом людским. Не тил (не только. — *Примеч. перев.*) жидов губили и шляхту, але и посполитим людем, в тих краях живучим, тая ж біда была.

На весах военного счастья

К 1648 г. Речь Посполитая была одним из самых сильных государств Европы. Ее западные и северные соседи — немецкие княжества и Швеция — залечивали раны после опустошительной Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., а восточный

137. Титульный лист «Реестра
Войска Запорожского 1649 года»

противник — Московия была усмирена поражением в Смоленской войне 1632–1634 гг. На юге не лучшие времена переживала до тех пор непобедимая Османская империя: янычарские бунты расшатывали престол, по стране бесчинствовали шайки разоренных воинов-тимариотов, а расходы государства едва ли не вдвое превышали доходы. Тем временем Речь Посполитая, широко раскинув свои владения от Балтики до Черного моря, казалась весьма благополучной. Усмирение украинского казачества в войнах 1630-х гг. казалось надежным и окончательным, знаменитая гусарская конница непобедимой, экономика и торговля процветающими, а внутренняя политическая жизнь гармоничной и совершенной. Трещин, прикрытых этим эффектным фасадом, до поры до времени не было видно, а с началом казацкой революции они, как это часто бывает, обнажились все и сразу. Главными болезнями, подтачивавшими государственный организм изнутри, были, с одной стороны, слабость королевской власти, а с дру-

гой — коррупция верхов и политическая демагогия, прикрытая громкими тирадами о патриотизме и «золотых шляхетских вольностях». Одним из последствий коррумпированности, проявлявшейся в покупке урядов и должностей за деньги, стали, в частности, легкие победы казаков над коронным войском в первые два года казацкой революции, что особенно подчеркивало упадок воинственности «сарматской» шляхты. Как язвительно иронизировал автор одного из тогдашних анонимных стихотворений «Нарекания на нынешних поляков», обычаи мужественных предков перевернуты «вверх ногами», потому что

им трубы, а нам куры подают знак к подъему, они сторожили свои лагеря, а мы телеги, они получали вознаграждение за мужество, а мы за скупость, их мысль вдохновляли шанцы, а нашу танцы...

Расцвет «золотых шляхетских вольностей» еще более контрастно подчеркивал социальную пропасть между бесправием простолюдинов и неог-

раниченной властью над ним панов («Славное Польское королевство — рай для шляхты, ад для крестьян», — говорит одна из эпиграмм того времени). В десятилетие «золотого покоя» 1638–1648 гг. крестьянская проблема, до тех пор смягчавшаяся казацким сопротивлением и успехами колонизации Надднепрянщины, обострилась и в Украине. Увеличение промышленного вывоза хлеба и скота из Киевщины и Брацлавщины, отмечаемое именно в это время, косвенно свидетельствует о том, что и здесь начала вводиться фольварковая система ведения хозяйства, а следовательно, истекали сроки освобождения колонистов от налогов и барщины, провоцируя крестьянский протест. Тем временем все более выразительные черты приобретало нерасположение к «ляхам». Анонимный автор «Размышлений о нынешней казацкой войне», написанных в 1651–1652 гг., именно последнее выделяет в качестве одной из главных причин восстания:

Руський народ издавна стал испытывать смертельную ненависть к ляхам и, наследуя ее, в ней находится и поныне; она разгорается при наименьшей возможности и настолько крепнет, что Русь предпочла бы... терпеть иго турка или любого другого тирана, чем спокойно и счастливо жить в свободной Речи Посполитой.

Именно на 1630–1640-е гг. приходится ярко выраженные словесные декларации этой «смертельной ненависти». Проявлялась она по-разному, главное же содержание можно свести к противопоставлению поляков и русинов как непримиримых врагов, готовых уничтожить друг друга. Во Львовской летописи под 1637–1638 гг. наталкиваемся на описания антиказацких карательных экспедиций, во время которых, утверждает автор-русин, население того или иного местечка якобы уничтожалось по этническому признаку: «буде би толко русин був». Жители Коростышева на Житомирщине, изгоняя в 1640 г. из города католиков, руководствуются аналогичным лозунгом: прочь всякий, кто «веры католической или лях». Лозунгом казацких вождей становится месть: как пишет в 1638 г. Дмитро Гуня из осажденного Старицкого лагеря коронному гетману Станиславу Конецпольскому, «невинно пролитая кровь взывает к Богу о мести». Умеренный и не слишком благосклонный к «запорожскому гультайству» автор Летописи Самовидца начинает свои записки фразой, так же апеллирующей к отплате за несправедливость: «Початок и причина войны Хмельницкого ест едино от ляхов на православіе гоненіе и козаком отягощеніе» («чего не звикла была Україна терпіти», — как прибавляет он). Положение казаков на протяжении десятилетия «золотого покоя» 1638–1648 гг. метко передает тогдашняя

VLADISLAW IV VASA REGIS POLONIAE ET SILESIAE PRINCEPS
ELECT MAGN DUX LITHANIAE SMY. SEVER. CORDIA

138. Владислав IV. Гравюра
с портрета Питера Рубенса
1624 г.

казацкая присказка: «Ляхи нас запихнули в мех, но (его) не завязали». «Стоглавая казацкая гидра», у которой, по выражению коронного гетмана Николая Потоцкого, на месте отсеченной головы тут же вырастает другая, только замерла в ожидании искры, из которой родится пламя. Роль именно такой искры суждено было сыграть недоброй истории с чигиринским сотником Богданом Хмельницким, на чей хутор Суботов «заехал» в 1647 г. подстароста Александра Конецпольского Даниил Чаплинский. Хмельницкий попробовал искать правды легально и даже лично жаловался королю Владиславу IV, однако, как утверждает легенда, получил от него ответ: «*Vel pop habes frameam stupide?*» [«Разве у тебя, дурак, нет сабли?»].

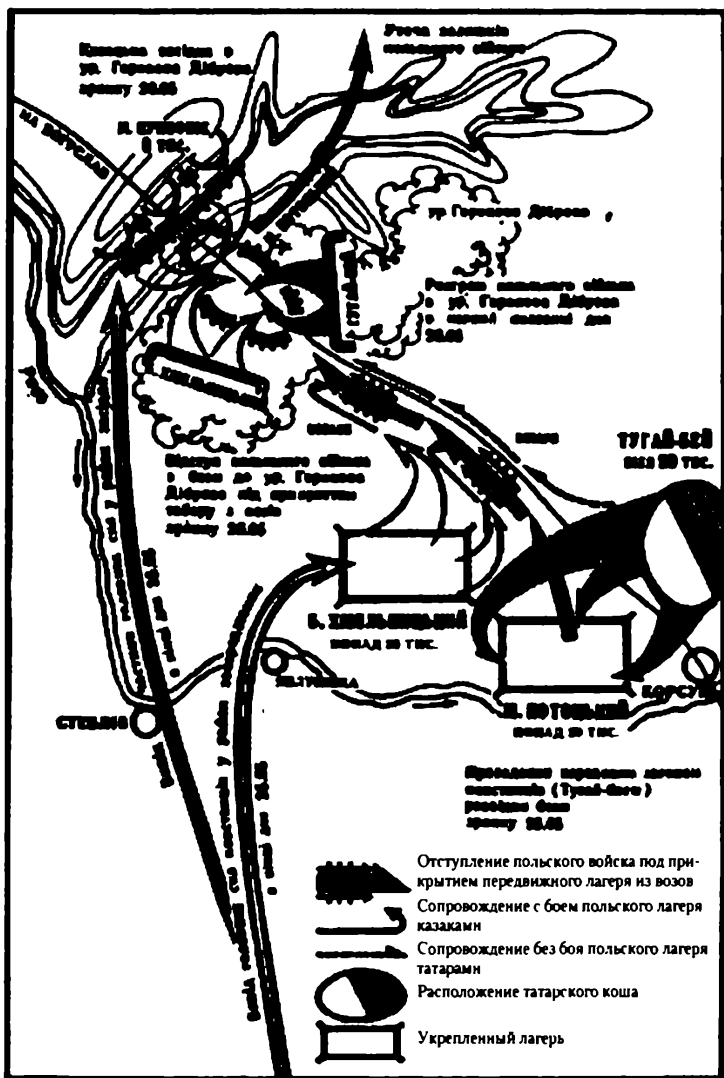
Было подобное сказано или нет, но за год до того король начал тайно готовиться к войне с Турцией, намереваясь увеличить численность коронной армии, в том числе за счет двадцатитысячного казацкого корпуса (стоит

напомнить, что реестр Войска Запорожского, согласно ординации 1638 г., включал лишь 6 тысяч воинов). Весной 1646 г. казацкое посольство, в составе которого был и Богдан Хмельницкий, вело переговоры с Владиславом IV, добиваясь за участие в планируемой войне возвращения вольностей и увеличения реестра. Если верить тогдашним слухам (впрочем, едва ли несомненным), король якобы вручил послам соответствующие привилегии, хоругвь с собственным гербом и гетманскую булаву, а они обязались до определенного времени не разглашать ни содержания переговоров, ни получения клейнодов. Оппозиция сейма воинственным планам Владислава IV перечеркивала упомянутые договоренности. Король, однако, не оставил замысла. В конце лета 1647 г. по его поручению Украину посетил канцлер Ежи Осолинский, повторно встретившись с казацкими представителями и будто бы передав им деньги на изготовление чаек для морского похода и вручив письмо на набор казацких отрядов. Тогда же якобы Осолинский передал Хмельницкому хоругвь и булаву, то есть утвердил его в гетманском достоинстве. Впоследствии гетман ссылался на эту «волю его королевской милости», но был ли это лишь

способ придать восстанию законности, или для этого имелись реальные основания, навсегда останется тайной, потому что даже если такие переговоры и в самом деле имели место, то проходили они вдалеке от посторонних глаз. Допускают, что Хмельницкий и его единомышленники намеревались в конце октября — ноябре 1647 г. внезапно напасть на ставку назначенного коронным гетманом комиссара Войска Запорожского Яцка Шемберка в Трахтемирове, чтобы захватить артиллерию и клейноды. Однако эти планы были раскрыты, а Хмельницкий арестован и передан чигиринскому полковнику Станиславу Кричевскому, который приходился Богдану кумом. Тем временем к полковнику обратились сообщники Хмельницкого — чигиринские сотники Федор Вешняк, Кондрат Бурляй и Токайчук, просившие отпустить узника на поруки, чтобы тот мог поехать в ставку Шемберка и оправдаться. Кричевский кума из тюрьмы выпустил, а поручители, сделав вид, что готовятся к поездке в Трахтемиров, «набрав муки на телеги, сами на коней сели» и с небольшим сопровождением в конце декабря 1647 г. выехали из Чигирина. Однако путь их лежал, как и можно было ожидать, не в ставку Шемберка, а за днепровские пороги.

Первые последствия этого отъезда, на который местная администрация не обратила внимания, посчитав его обычным эпизодом для Украины, сказались уже в начале февраля 1648 г. Призвав запорожцев к себе на остров Томаковку, Богдан Хмельницкий напал на Сечь, располагавшуюся тогда на мысе Микитин Рог, и перебил гарнизон коронного войска, который с 1638 г. находился там регулярно. Казаки-реестровцы, находившиеся в составе гарнизона, просто перешли на сторону восставших, в очередной раз подтвердив старую присказку: «Казаками против казаков воевать — все равно что волком пахать». Так же через несколько дней поступили и чигиринские реестровцы, которые были направлены для подавления инцидента. Тогда же казацкий круг избрал Богдана Хмельницкого гетманом Войска Запорожского.

К концу апреля, когда новый гетман вышел из Сечи, началась закупка через доверенных лиц на Волыни, в Галиции и даже в Польше пороха и других военных припасов. Одновременно были установлены отношения с крымским ханом Исламом-Гиреем III, в результате чего стороны достигли договоренности о взаимопомощи. И хотя в целом, по словам одного из приближенных гетмана, Силуяна Мужилковского, «татарове, учувши о той войні, з боку гляділи, которому нога послизнеться», и, только убедившись в силе казацкого войска, стали помогать ему «яко воін воїнові», Богдан Хмельницкий решил две важные стратегические проблемы — обезопасил себя от удара с тыла и укрепил казацкое войско, традиционно пешее, татарской конницей.

139. Схема Корсунской битвы 1648 г.

соединением должен был осуществлять двадцатилетний сын Николая Стефан Потоцкий, а оба гетмана — коронный Николай Потоцкий и польный Мартин Калиновский — остались дожидаться в лагере под Корсуном подхода надворных магнатских войск.

29 апреля 1648 г. Потоцкий-младший подошел к верховьям р. Желтые Воды, притока Ингульца, где столкнулся с казаками и татарами. Силы по численности были очевидно неравными, поэтому было решено, не принимая бой, окопаться лагерем и держать осаду. Тогда Хмельницкий, оставив часть войска около осажденных, двинулся наперерез реестровому казачеству, спускавшемуся вниз по Днепру. После переговоров реестровцы без единого выстрела перешли на сторону восставших и вместе с ними двинулись к Желтым Водам. 12 мая, выстроившись боевым строем, объединенное впервые за многие годы войско реестровцев и запорожцев прошло мимо лагеря осажденных, дав приветственные залпы.

Параллельно продолжалась переписка с коронным гетманом Николаем Потоцким. Ссылаясь на обиды и притеснения казаков, Хмельницкий просил «восстановить справедливость» — отменить ординацию 1638 г., вывести из Украины коронное войско и разрешить морские походы. А когда надменный коронный гетман пригрозил: «Скорее вы окажетесь на колу, чем дождетесь вольностей», Хмельницкий ответил рассудительно: «Будет, пан гетман, так, как Бог даст».

Дождавшись пяти-шеститысячного отряда перекопского бей Тугая, казачье войско численностью около 10–11 тысяч в конце апреля 1648 г. вышло из Сечи. Николай Потоцкий, готовясь к столкновению, выслал четыре казачьих реестровых полка на кораблях вниз по Днепру, а два других присоединил к кварцяному отряду, который продвигался по суше навстречу восставшим. Общее руководство этим насчитывавшим до 5–6 тысяч воинов

На следующий день и казаки еще остававшихся в лагере двух полков также перебежали к восставшим. Осознавая тупиковость ситуации, Стефан Потоцкий согласился капитулировать, однако переговоры сорвались, и 14 мая начался штурм лагеря. Гетьманич пытался спасти положение отчаянным прорывом, но в ночь с 15 на 16 мая в урочище Княжеские Буераки в верховьях р. Каменки был окружен и полностью разгромлен. Уцелевшие воины были взяты в плен татарами, а сам Потоцкий был смертельно ранен. Среди других пленников находился и киевский шляхтич Иван Выговский: гетман якобы выменял его, как давнего знакомого, у татарина за коня; вскоре он станет писарем Войска Запорожского, а со временем — гетманом.

Сразу после битвы казацко-татарская армия быстрым маршем двинулась на север и осадила лагерь обоих гетманов на левом берегу р. Рось близ Корсуня. Окруженные приняли решение идти на прорыв, однако Хмельницкий, узнав от лазутчиков об этом плане, приказал устроить ловушку на пути отступления — в балке Горихова Диброва неподалеку от Корсуня. На рассвете 26 мая 1648 г. казаки и татары пропустили противника, в боевом порядке покидавшего лагерь, и медленно двинулись за ним. Когда в полдень эта масса людей приблизилась к балке, их начали плотно обстреливать с тыла, загоняя в поросший кустарником глубокий буерак, где путь был специально перекопан рвами и завален колодами. Здесь и произошла яростная битва, в которой сам коронный гетман Николай Потоцкий храбро рубился, как простой солдат, получив три сабельных удара в голову, а польный гетман Мартин Калиновский был ранен пулей в руку и татарской саблей — тоже в голову. Через несколько часов бой завершился; большинство жолнеров погибло, а оставшиеся в живых попали в плен к татарам. Как рассказывает Львовская летопись, побежденный коронный гетман после битвы якобы гордо бросил Хмельницкому: «Хлопе, мовить, чим же так зацному рицерству Орд татарских... заплатиш?», на что получил лаконичный ответ: «Тобой». Так и вышло, потому что в татарский плен отправились оба гетмана — коронный и польный. Известие о катастрофе в Гориховой Диброве ошеломило современников. Как высокопарно писала одна из тогдашних английских газет: «Польша в пыли и крови пала к ногам казаков».

* * *

За несколько дней до Корсунской битвы умер король Владислав IV, поэтому, согласно традиции, власть в государстве на время междуцарствия переходила к главе польской Церкви, гнезненскому архиепископу Мацею Лубенскому. Фактически же она сосредотачивалась в руках канцлера Ежи Осолинского, трезво оценивавшего казацкую проблему. По его инициативе уже в июне начались

переговоры с повстанцами, которые поручили вести лидеру православной шляхты Адаму Киселю. Требования Богдана Хмельницкого звучали аналогично требованиям предыдущих казацких восстаний: увеличить реестр до 12 тысяч, восстановить казацкое самоуправление и вернуть вольности, успокоить конфликты православных и униатов в спорах за храмы. Историки по-разному оценивают эту скромную, учитывая выигрышный расклад сил, платформу. Одни, как Михайло Грушевский, считают, что гетман действовал в рамках привычной казацкой логики, другие предполагают, что он маневрировал с целью выиграть время, третьи, что он оттягивал продолжение боевых действий, пытаясь привлечь союзников. Порой можно встретить мнение, что Хмельницкий будто бы с первых дней войны имел осознанную «программу освобождения украинских земель из-под польского гнета». Несомненно, это преувеличение: гетман еще долго чувствовал себя частью Речи Посполитой, и его намерения не выходили за рамки «казацкого автономизма», как удачно охарактеризовал эту позицию Вячеслав Липинский в своем анализе начала революции.

Параллельно переговорам обе стороны накапливали силы. Под с. Челганский Камень на Волыни с конца июня 1648 г. начало стекаться коронное войско. Оба гетмана были в плену, поэтому командование было возложено на трех не обладавших достаточным военным авторитетом «регентариев» — князя Владислава-Доминика Заславского, Николая Остророга и Александра Конецпольского (Хмельницкий впоследствии саркастически обзовет их, соответственно, «Периной» за пышное телосложение и избалованность, «Латиной» за склонность к ученым занятиям и «Дытыной» (ребенком) — за молодость и неопытность). Накануне возобновления военных действий под Челганским Камнем собралось около 35–40 тысяч шляхтичей и жолнеров, среди которых преобладала легкомысленно пренебрежительная оценка казацких сил. Эта армия не была крепкой в том числе и потому, что приведенные магнатами надворные отряды не хотели находиться в подчинении у не имеющего авторитета командования, а офицерский корпус разъедали амбиции: как писал князь Заславский, каждый «товарищ» (рядовой воин) хотел быть ротмистром, ротмистр полковником, а полковник — гетманом.

Противоречия углублялись и тем, что среди сенаторов уже определенно сформировались две партии по отношению к казацкой революции: умеренная, склонная к уступкам, и агрессивная, ярче всего воплощенная в позиции князя Яремы Вишневецкого, которого автор Львовской летописи метко называет «з руського покоління лях».

Князь Ярема (1612–1651) был сыном овручского старосты Михаила Вишневецкого и молдавской княжны Раины Могилянки, двоюродной сестры

киевского митрополита Петра Могилы. Рано осиротев (его отец погиб в 1616 г., а мать умерла в 1619-м), мальчик воспитывался в семье опекунов в католическом окружении, затем обучался во Львовской иезуитской коллегии и в католических университетах Рима, Падуи и Болоньи, а в 1631 г. объявил о своем переходе в католичество (по легенде, Могилянка перед смертью страшной клятвой матери обязала Ярему не отрекаться от веры предков, и это проклятие привело к его преждевременной кончине). Наследник необозримых владений в Заднепровье, один из самых богатых магнатов Речи Посполитой, Вишневецкий-младший принадлежал к последнему поколению руських вельмож, которые еще чувствовали за собой голос династической крови и моральное право на власть над Русью, одновременно растворяясь в политическом мире Речи Посполитой и претендуя в нем на особое положение первых среди равных. Впрочем, колоритную иллюстрацию к подлинному отношению князя Яремы к идеалам Речи Посполитой представляет эпизод, произошедший в 1647 г., когда уязвленный заднепровский правитель окружил четырехтысячным надворным войском святыню польского парламентаризма – Посольскую избу, собираясь рубить каждого, кто пойдет против его воли, «хотя бы и самого короля» (этот скандал удалось уладить только благодаря лихорадочным усилиям посредников).

Восстание «неблагодарной черни» разозлило Вишневецкого (в данном случае в понятие «чернь» обычно вкладывают слишком буквальное содержание, забывая, что, с точки зрения надменного князя, в эту категорию мог попасть кто угодно). Взрыв войны застал Ярему в Лубнах, однако уже вскоре, переправившись через Днепр в районе Любеча, он объявляет свое кредо:

Если Хмельницкий и его гультайство после уничтожения кварцяного войска и пленения гетманов добьется своих требований и останется при старых вольностях, я в такой отчизне жить не желаю, так как и в самом деле лучше нам вымереть, чем допустить, чтобы над нами воцарилось поганство и бесчинство.

140. Князь Ярема Вишневецкий.
Портрет XVII в.

Кровавый карательный марш шеститысячной армии Вишневецкого, рубивший «виновного и невинного», как писали очевидцы, пролег через Овруч, Житомир, Котельню, Бердичев, Константинов и Збараж к Челганскому Камню, где собиралось коронное войско. Этот поход оборвал и без того тонкую нить взаимопонимания в мирных переговорах. Князь считал себя мстителем за жестокий террор, учиненный над поляками и евреями, который после корсунской победы проявился в ужасающих формах крестьянской войны, о чем более подробно пойдет речь дальше. Однако хроника кровавой жатвы июня—июля 1648 г. настолько опутана обоюдными призывами к мести, что едва ли удастся найти в ней правого и виноватого. Ураган слепой ненависти темного простонародья пал на головы католического духовенства, шляхты и евреев-арендаторов, а воспитанный в трех европейских университетах добрый христианин и образцовый рыцарь Ярема ответил на него такими же безоглядными расправами. Одновременно и невдалеке от него, то опережая, то отставая, справлял кровавую тризну «вождь бешеного плебса» (как его называют польские источники) казацкий полковник Максим Кривонос. Именно он, пока Войско Запорожское отдыхало, в июне и июле осуществлял рейды по Брацлавщине и Подолью, захватывая города и местечки и уничтожая иноверцев. Печальную равнозначность «правд» обоих мстителей — шляхетского и казацкого — точно определил Хмельницкий: на требование правительственных комиссаров выдать для соответствующего наказания Кривоноса гетман ответил: «В обмен на Вишневецкого».

В сентябре 1648 г. коронное и казацкое войска отправились навстречу друг другу. Коронная армия была перегружена обозом: количество телег достигало 100 тысяч, потому что, не принимая всерьез будущую битву, шляхта, как писал один из очевидцев, «выбралась на войну как на свадьбу». На стороне казаков был численный перевес, их было 50–70 тысяч, а несколько позже к ним присоединилась и татарская конница. Противники сошлись около с. Пилявцы близ Староконстантинова [в настоящее время Пилява Хмельницкой обл.], и 23 сентября на небольшой топкой равнине на обоих берегах р. Иквы, на одном из которых предварительно укрепился Богдан Хмельницкий, начался решающий бой. Казакам удалось загнать пехоту противника на узкую дамбу и фактически перебить ее, одновременно завязав бои с разрозненными отрядами конницы, которая действовала беспорядочно и несогласованно. Военная рада, которую прямо на конях созвал князь Владислав-Доминик Заславский, решила отступить под прикрытием лагеря из телег, однако планируемого порядка сохранить не удалось, потому что среди шляхты началась паника, произведенная вестью о будто бы еще одной приближающейся армии татар. Тогда было решено покинуть лагерь

и спастись верхом. Первыми это сделали сами региментарии, а затем, как рассказывает очевидец, «войско, увидев, что нет вождей, побросало на землю оружие, панцири, копыя, и все бросилось наутек».

Александр Конецпольский бежал, переодевшись в крестьянскую одежду, а Заславский даже потерял по пути гетманскую булаву. Наутро пустой лагерь стал добычей казаков: им досталось более 90 пушек, запасы пороха и оружия, кони; общую же стоимость снаряжения и другого имущества оценивали в колоссальную по тем временам сумму — от 7 до 10 миллионов золотых. Пилявецкий побег стал позорной и беспримерной страницей в военной истории Речи Посполитой, одновременно открыв казацко-татарской армии дорогу на запад.

Поход на Галицию носил характер демонстрации силы. Главная армия, к которой присоединился наследник крымского престола, брат хана Крым-Гирей, через Базалию, Збараж, Тернополь, Зборов и Глиняны направилась во Львов и в начале октября 1648 г. уже атаковала его предместья. Осада длилась три недели, пока наконец, взяв с горожан выкуп в сумме более 200 тысяч дукатов, Хмельницкий не двинулся дальше — на Замостье. За спиной его продолжала бурлить слепая крестьянская война, порождая десятками повстанческие ватаги на Волыни, в Галиции и Покутье, разрушавшие шляхетские дворы и сеявшие хаос и анархию.

Взятие Замостья открыло бы восставшим путь на Варшаву, поэтому в столице начали обсуждать вопрос о созыве посполитого рушения, временным командующим которым сейм назначил князя Ярему Вишневецкого. В решающую фазу вошла и борьба между сторонниками двух претендентов на до сих пор вакантный престол — Яна Казимира и Карла Фердинанда, братьев покойного Владислава IV. Не последнюю роль сыграло и вмешательство Богдана Хмельницкого, который высказался в пользу кандидатуры Яна Казимира (некоторые историки допускают, что на позицию гетмана повлияли секретные гарантии, которые предоставил ему королевич).

141. Казацкая конница под Львовом. Фрагмент гравюры середины XVII в.

Пока на протяжении ноября продолжалась осада Замостья и велись переговоры с горожанами о выкупе, а также проходили выборы нового короля (17 ноября 1648 г. королем стал Ян Казимир), казацкое войско начало постепенно таять. Сразу после Львова повернули домой татары Крым-Гирея. Покинула войско и часть повстанцев, удовлетворившись захваченной добычей, а остальные изнемогали от усталости и холодов. Начались эпидемии и голод, усиленный враждебностью местного польского населения. В этих условиях продолжение войны становилось бесперспективным, и умеренная группа старшины высказалась за переговоры с новоизбранным королем. Таким образом, в Варшаву отправилось казацкое посольство, предлагая мир на условиях, которые предусматривали: амнистию повстанцам; установление двенадцатитысячного реестра; восстановление казацкого самоуправления; предоставление права свободного выхода в море; удаление с территории казацкой юрисдикции кварцяного войска; определение гетману Войска Запорожского «под булаву» одного из староств Надднепрянщины. После предварительных переговоров с прибывшим в казацкий лагерь секретарем Яна Казимира Николаем Смяровским Хмельницкий 23–24 ноября 1648 г. повернул свои полки домой. Такой ход событий убедительно доказывает, что в восприятии гетмана цель войны, как и до этого, сводилась к решению казацкой проблемы в рамках Речи Посполитой. На второй день нового 1649 г. (по новому стилю) Хмельницкий триумфально въехал в Киев. Его встречала многотысячная толпа, звон церковных колоколов и выстрелы замковых пушек. Церемонией был предусмотрен въезд гетмана через Золотые ворота, где студенты Киево-Могилянской коллегии приветствовали его декламациями, называя, как уже упоминалось, «Моисеем, спасителем, освободителем и вызволителем из лядской неволи». Здесь же ожидали гетмана и иерусалимский патриарх Паисий, и митрополит Киевский Сильвестр Косов, которые въехали с ним в город, посадив на сани рядом с собой. Несколько дней спустя патриарх в Софийском соборе отпустил Хмельницкому все сегодняшние и будущие грехи (отпущение будущих грехов представляло собой один из элементов коронационной процедуры, что придает неожиданный подтекст данной церемонии) и под пушечные залпы благословил на войну «с ляхами». В разгадке сценария этой встречи, особенно проведения казацкого гетмана под Золотыми воротами, то есть дорогой повелителей княжеской Руси, кроется, как кажется, ответ на вопрос, в чьей именно голове «казацкий автономизм» впервые превратился в идею создания независимой казацкой Украины. Сам ли Богдан или высшие православные иерархи оформили этот триумфальный въезд именно таким образом? И не стал ли он тем неуловимым мгновением, когда история на крутом вираже изменяет свой стремительный бег.

142. Панорама Варшавы. Гравюра с рисунка Дальберга 1656 г.

* * *

Начатые под Замостьем переговоры продолжились в феврале 1649 г. в Переяславе, однако приехавшая из Варшавы для заключения мира комиссия увидела перед собой уже не казацкого вожака, а властного, уверенного в своих силах повелителя Руси, который говорил шокированным послам:

Действительно правда, что я малый и незначительный человек, но это Бог мне дал, что ныне я единовластный самодержец руський... Я уже довел до конца то, о чем никогда не думал, а далее доведу и то, что задумал. Выбью из лядской неволи весь руський народ, а если раньше я воевал за обиду и кривду мне причиненные, то теперь буду воевать за нашу веру православную...

Украинским панам, которых в посольстве было большинство, Хмельницкий советовал, чтобы от «ляхов отrekliсь и с казаками остались, потому что Лядская земля погибнет, а Русь будет господствовать...». О Киеве же высказался следующим образом: «Вольно мне там распоряжаться, мой Киев, я пан и воевода киевский; дал мне то Бог... с помощью сабли моей».

Дебаты с комиссарами, которые тщательным образом записывались в дневнике посольства, отражают также территориальную трансформацию позиции гетмана. «Казацкий автономизм», еще месяц тому назад питавший его мысль, приобрел совершенно иные политические очертания, переместившись

с традиционной казацкой территории — Надднепрянщины — на «всю Русь до Львова, Холма и Галича».

Тщетно глава посольства Адам Кисель терпеливо уговаривал Богдана Хмельницкого не вредить отчизне — Речи Посполитой и вместе противостоять «неверным»; напрасно убеждал, что опасно втягивать в войну простонародье, так как самим Богом установлено, чтобы «крестьяне пахали, а казаки воевали». Неуслышанными остались и напоминания о верности королю, которого сам гетман выбрал для себя в правители. Переговоры завершились всего лишь временным перемирием «до травы», то есть до весны, когда опять станут возможными конные переходы. Пограничной полосой по перемирию на юге был признан Каменец-Подольский, на западе — междуречье рек Случь и Горынь, на севере — р. Припять.

Придерживаться перемирия оказалось трудно обеим сторонам. С февраля 1649 г. велась борьба за пограничный Бар на Подолье, в марте 1649 г. начались локальные столкновения по водоразделу рек Случь и Мурафа, а в конце мая коронное войско вступило на казацкий берег Горыни. Одновременно в Украину прибывали татарские отряды, а чуть позже подошел с сорокатысячными силами сам

хан Ислам-Гирей III. Под булавой Хмельницкого собралось 30 казацких полков общей численностью около 80–90 тысяч воинов (числа в 300, а то и 400 тысяч, не раз упоминавшиеся в старой историографии, являются порождением преувеличенной фантазии современников). Помимо 40–50 тысяч казаков-профессионалов, в их состав входила масса добровольцев — мещан и крестьян. Об этой части казацкого войска Летопись Самовидца, скептически объясняя энтузиазм простонародья жадой военной добычи, писала:

Всяк живой подался в казаки, так что едва ли можно было отыскать село, в котором отец или сын не пошел бы в войско... даже в городах с Магдебургским правом и бурмистры, и райцы уряды свои бросали, бороды брили и в то войско шли...

Коронная армия была несравненно меньше и достигала 15 тысяч жолнеров. Поэтому, когда в конце июня 1649 г. казацко-татарские силы

143. Адам Кисель. Копия с прижизненного портрета

начали приближаться к Староконстантинову, отряды региментария Адама Фирлея и объединившиеся с ними магнатские хоругвы спешно отступили под защиту Збаражской крепости, укрепившись лагерем под ее стенами. Несколько штурмов, в которые Хмельницкий бросал на профессиональных воинов только что мобилизованных добровольцев, оберегая отборные казацкие полки, окончились неудачей. Затем под прикрытием плотного огня пушек атакующие стали насыпать валы вокруг лагеря Фирлея и окапывать его глубокими рвами с тем, чтобы заблокировать армию противника. Так с 10 июля 1649 г. началась месячная осада голодного войска в Збараже [в настоящее время райцентр Тернопольской обл.]. Ее героем с коронной стороны стал князь Ярема Вишневецкий, который взял на себя фактическое руководство обороной и сумел под шквальными обстрелами и штурмами отстоять крепость, а с украинской — полковник Станислав Мрозовицкий, погибший здесь же в одном из боев и под именем Морозенко воспетый в одной из наиболее поэтических песен-дум казацко-героического цикла («Ой, Морозе-Морозенку, преславний козаче, за тобою, Морозенку, вся Україна плаче»).

Пока длилась осада, киевский полковник Станислав (Михаил) Кричевский во главе Киевского, Чернобыльского и Овручского полков перекрыл подход в Украину литовскому гетману Янушу Радзивиллу, приняв бои в районе белорусского Лоева на правом берегу Днепра (в которых он был смертельно ранен). Другая часть казацко-татарской армии во главе с Хмельницким и Ислам-Гиреем III в начале августа двинулась наперерез пятнадцатидвадцатитысячному войску, которое вел на помощь осажденным сам король Ян Казимир. Имея информацию о маршруте его продвижения, гетман устроил засаду около переправы через р. Стрыпу близ г. Зборов [в настоящее время райцентр Тернопольской обл.] и 15 августа 1649 г. в момент форсирования реки по условленному сигналу нанес внезапный удар по авангарду и тылу королевской армии. Кровавопролитный бой на переправе биограф Ислам-Гирея III Хаджи Мехмед Сенай с восточной красочностью описывает так:

Именно в этот день начался такой ожесточенный бой, что со времен пророка Адама не случалось такой войны... Сверкание острых сабель с полудня до вечера переполняло чашу небес, а пыль из-под копыт [мусульманских коней] покрывала небесный свод мраком.

Коронная армия потеряла до 7 тысяч убитыми и ранеными, а сам король оказался в ловушке; его лагерь со спешно насыпанными валами и рвами кольцом окружили со всех сторон казаки и татары. Вечером сенаторы предлагали

144. Ян Казимир Ваза.
Гравюра 1649 г. Вильгельма
Гондиуса с портрета Даниеля
Шульца

тайно вывести Яна Казимира из осады, однако он наотрез отказался. Напротив, демонстрируя незаурядное мужество, он под обстрелом ходил по лагерю и подбадривал воинов. Тогда возник другой план: за спиной у Хмельницкого начать переговоры с ханом, играя на чувствительной струнке крымской политики — не сосредотачивать чрезмерную силу в руках какой-либо из сторон, поддерживая перманентное состояние войны «между гяурами» — войны, приносившей Крыму доход. Поэтому 16 августа между ханским визиром Сефером Гази-агой и канцлером Ежи Осолинским начались официальные переговоры без участия казацкой стороны. И хотя от требований крымчаков, как писал Осолинский, у него «отняло язык и закружилось в голове», выбора не было. Согласно достигнутой договоренности, Речь Посполитая обязывалась уплачивать ежегодные упоминки «двору Чингизидов», то есть хану, соглашалась на выпас татарского скота в нейтральной полосе над реками Ингул и Великая Вись,

а кроме того, должна была выплатить 200 тысяч золотых отступного за возвращение конницы в Крым без захвата пленников и еще дополнительно 200 тысяч за выкуп армии, осажденной в Збараже. Ведший переговоры ханский визир коснулся и казацкого вопроса, потребовав от правительства признания сорокатысячного реестра Войска Запорожского.

Угроза превращения хана из союзника в могучего врага заставила Богдана Хмельницкого следом за татарскими послами снарядить в лагерь Яна Казимира и свое посольство, предложив 17 собственных переговорных статей, выработанных накануне. «Казацкие пункты» на этот раз очерчивали намного более широкую территорию автономии — три воеводства (Киевское, Брацлавское и Черниговское) и восточные районы Волыни и Подолья до р. Случь. Местные административные уряды должны были предоставляться лишь руськой православной шляхте, все евреи и иезуиты должны были быть выселены. Одновременно послы требовали амнистии для шляхты, которая принимала участие в военных действиях против коронной армии, а также крестьян

и мещан, причастных к повстанческим выступлениям. Нашлось место в соглашении и для религиозного вопроса: на казацкой территории должна была быть отменена Униатская Церковь, а православный митрополит и два епископа — получить места в сенате наравне с католическими иерархами.

Под вечер 19 августа 1649 г. перед Ежи Осолинским и Адамом Киселем Хмельницкий принял присягу, которой обязался соблюдать Зборовское мирное соглашение, а на следующий день в сопровождении старшинской свиты въехал на белом коне в королевский лагерь, где его принял Ян Казимир. Свидетели рассказывают, что гетман выглядел мрачно, но держался с достоинством. В ночь на 23 августа была снята наконец и осада Збаража. Спустя несколько дней коронное войско отправилось на запад, а казацкое — в направлении Киева. Повернули домой и татары, взимая по дороге, вопреки договоренностям, плату живым товаром за участие в войне. Случалось, что пленников брали даже на глазах казацких полковников, которые были не в состоянии чем-то помочь. Так окончилась Зборовская кампания 1649 года.

* * *

Зборовский договор, выгодный для казачества, возвращал назад в зависимость крестьянскую массу, которая наравне с казаками проливала кровь в боях и теперь так же, как и казаки, считала себя свободной. Впрочем, ее интересы во время мирных переговоров никем не учитывались, а переяславский полковник Петро Головацкий, бывший драгун, прямо говорил крестьянам, которые находились в казацкой армии под Зборовом, что им уже «хватит воевать с панами, пора идти гречиху сеять». Казацкая верхушка, впервые столкнувшись с крестьянским вопросом, оказалась в двусмысленном положении. И хотя возвращение шляхты в свои имения, оговоренное в соглашении, сопровождалось напоминанием Хмельницкого о том, чтобы владельцы вели себя со своими подданными «скромно», это вряд ли могло воспрепятствовать неминуемым конфликтам. Уже в начале октября 1649 г. Адам Кисель в одном из писем извещал: «Плебс по-прежнему держится вместе, не пускает панов домой».

В непосредственной связи с крестьянской проблемой находилась и проблема составления казацкого реестра. Определенная соглашением сорокатысячная квота даже приблизительно не соответствовала реальной численности казачества и обратившегося в казаков простонародья, а между тем всех не вписанных в реестр Зборовский договор автоматически превращал в панских подданных. Поэтому первые известия о вооруженном сопротивлении процедуре вписания в реестр начали поступать уже с сентября 1649 г., то есть с того времени, как только распространился слух об этом пункте соглашения.

Составление реестра растянулось на несколько месяцев, протекая с большими сложностями. В частности, в декабре 1649 г. часть не попавших в него казаков подошла к чигиринской резиденции гетмана, угрожая ему расправой. В январе на сторону не вписанных в реестр казаков стало несколько полковников, в феврале на Запорожской Сечи вспыхнуло восстание казацкой гольтьбы, возглавленное Худолием, а в Кальнике поднялся антигетманский мятеж «оказначенных» мещан.

Так же непросто продвигалось и утверждение Зборовского договора сеймом, где развернулись острые дебаты между сторонниками умеренной и воинственной позиций. В частности, повис в воздухе пункт с требованием упразднить церковную унию и не были ратифицированы статьи, обеспечивавшие постоянное место в сенате для киевского православного митрополита и двух владык. В конце лета 1650 г., когда возвратившийся из татарского плена коронный гетман Николай Потоцкий призвал воевать до тех пор, пока вся земля не покраснеет от казацкой крови, сторонники силовой политики получили преимущество. Таким образом, уже в конце 1650 г. пограничные военные столкновения приобрели характер откровенной подготовки к будущей войне, а декабрьский сейм постановил довести численность коронного войска до 36 тысяч, а литовского до 15 тысяч, одновременно объявив на следующий 1651 г. посполитое рушение, то есть всеобщую мобилизацию шляхты.

В апреле 1651 г. эта армия была сконцентрирована близ г. Сокаль, на границе Галиции и Волыни. Богдан Хмельницкий, закончив со своей стороны мобилизацию, во второй половине мая перебросил казацкое войско в район Збаража, ожидая подхода татарской конницы. Накануне боев численность коронных и казацких сил была приблизительно одинаковой. Под булавой Хмельницкого находилось около 100 тысяч человек, в том числе «доброе войска», то есть профессиональных казаков, до 40–50 тысяч, остальные — крестьяне и мещане. Союзническая татарская конница, которую привел лично хан Ислам-Гирей III, насчитывала от 30 до 40 тысяч всадников. Коронные силы имели около 40 тысяч воинов регулярной армии, столько же жолнеров из надворных отрядов, до 40 (по другим данным, 60–80) тысяч шляхтичей посполитого рушения. Некоторые историки считают эти цифры завышенными, считая казацко-татарскую армию равной 100, а коронную 60–70 тысяч человек (современники, склонные к преувеличениям, писали, что в битве сошлось 400 тысяч воинов). Так или иначе, но оба огромных войска готовились к столкновению, которое стало одной из самых масштабных и кровавых битв в Европе XVII в.

Армии были стянуты к низменности в окрестностях г. Берестечка [в настоящее время райцентр Волынской обл.], которая начиналась от р. Стырь и была

обрамлена с одной стороны болотами, а с другой лесом. Сами же боевые порядки, принимавшие участие в операции, растянулись на 7–8 км. Первый день боев, 28 июня 1651 г., не дал преимущества ни одной из сторон. На второй день чаша весов будто бы начала склоняться на сторону казацко-татарского войска. На третий день поле битвы с утра покрылось таким густым туманом, что столкновения возобновились лишь пополудни, когда конница князя Яремы Вишневецкого под звуки горнов и барабанов пошла в атаку, а к ней тотчас же присоединились другие полки. Обе стороны дрались с отчаянной отвагой; как рассказывает очевидец, «все было в огне, не было ничего слышно, лишь грохот... ружейной стрельбы и пушек, так что мы уже думали, что оттуда живым не вернется никто».

Наемной немецкой пехоте удалось, потеснив казацкие ряды, прорваться к холму, где находилась ставка хана, и несколько ядер упало вблизи ханской палатки. Взрывом будто бы был ранен в ногу сам Ислам-Гирей, погиб его брат, калга Крым-Гирей, и получил тяжелое ранение Тугай-бей. Напуганные татары начали бежать. Богдан Хмельницкий с несколькими старшинами ринулся наперерез, чтобы вернуть их обратно. После острого разговора, который состоялся между ним и ханом, тот будто бы приказал повернуть назад, однако на сей раз взбунтовались уже мурзы, отказываясь вступать в бой: дескать, их кони мокры, переутомлены и голодны, а нынче — байрам, когда мусульманам вообще воевать запрещено. Хуже всего было то, что Ислам-Гирей, отступая, увел с собой силой гетмана, лишив казацкое войско генерального командования (впоследствии ходили слухи, что хан вел двойную игру, якобы даже пообещав королю выдать Хмельницкого).

Потерпев поражение, казацкая армия отступила к р. Пляшевке, притоку Стири, где тыл прикрывали болото и заросли. Ночью казаки под ливнем вырыли окопы и насыпали земляные укрепления, превратившие лагерь в своеобразную крепость, которую можно было взять лишь осадой. С 1 по 10 июля

ИСЛАМ-ГИРЕЙ Sultan Ibrahim Giray Khan des Turcs, figure par gravure contre les Allemands, en 1651, et mort contre le Mogor.

145. Ислам-Гирей III. Гравюра середины XVII в.

146. *Битва под Берестечком 1651 г. Гравюра середины XVII в.*

осажденные успешно отбивали штурмы и даже сами осуществляли боевые вылазки, однако положение в лагере было тяжелым. Давали о себе знать разногласия между старшинами, ранее сдерживаемые твердой рукой гетмана. Не хватало питьевой воды. Нарастали трения между крестьянами и казаками (археологические раскопки лагеря показывают, что отряды одних и других даже здесь держались по отдельности). Осажденные попробовали начать мирные переговоры с королем, но они не принесли успеха, а ультиматум о безоговорочной капитуляции был неприемлем. Поэтому возник план прорыва из окружения: навести переправу через болота и Пляшевку.

Кальницкий полковник Иван Богун, принявший на себя функции наказного (то есть временного) гетмана, ночью с 9 на 10 июля 1651 г. начал готовить переправу, вымачивая ее возами, палатками, седлами, тулупами, военным снаряжением. Однако, когда крестьянская часть войска узнала о начале операции (а Богун сначала вывел казацкую конницу, чтобы обеспечить вооруженное прикрытие прорыва), осажденных охватила паника: они были уверены, что старшины с казаками специально бросают их в ловушке, отвлекая противника. Толпы людей ринулись к переправе, топя друг друга, а заодно и наведенные такими усилиями мосты. В этом хаосе Богуну удалось вывести без потерь лишь двадцатитысячный отряд конницы и спасти часть артиллерии. На протяжении одного лишь дня, 10 июля, в боях и панике погибло до 8 тысяч человек, так что, как рассказывали очевидцы, «вода от их крови покраснела». Полностью был уничтожен и казацкий арьергард, который прикрывал отступление. Именно

с ним связан легендарный эпизод Берестецкой битвы, когда около 300 казаков держали несколько часов оборону одного из островков на переправе. На предложение сохранить им жизнь, если они сложат оружие, смертники демонстративно вытряхнули в воду деньги из кошель и продолжили защищаться дальше. Мужество последнего из них, который, как писали свидетели, «один противостоял всей польской армии», получив 14 ран, поразило Яна Казимира. Король предложил герою помилование, однако тот гордо ответил, что о жизни уже не беспокоится и хочет умереть как воин. В руки жолнеров, которые под вечер заняли лагерь, попало 18 пушек, 7 бочек пороха, 20 казацких хоругвей, гетманская булава и печать, документы канцелярии Богдана Хмельницкого и его казна с 30 тысячами талеров.

В замешательстве во время взятия лагеря погиб также коринфский митрополит Иоасаф, который привез в подарок гетману меч, освященный на Гробе Господнем. Митру и украшенное драгоценностями Евангелие, принадлежавшие покойному, король вместе с казацкими хоругвями собственноручно возложил на алтарь чудотворной «греческой» иконы Холмской Богородицы. Эту икону хранили в специальной палатке в ставке короля, почитая ее как небесную покровительницу коронного войска. Как напишет один из участников битвы, победа была обретена «при поддержке Святейшей Девы, чей чудотворный образ, взятый из Холма, из монастыря отцов василиан-униатов, держал при себе король».

* * *

Разгром казацкого войска под Берестечком стал той последней каплей, которая переполнила чашу сведения взаимных счетов. До этого восстание еще носило характер гражданской войны внутри Речи Посполитой; после Берестецкой битвы оно окончательно переросло в польско-украинскую войну. Марш коронной армии от Берестечка на юг и одновременный поход литовских отрядов под командованием Януша Радзивилла в сторону Киева сопровождались непрекращающимися партизанскими вылазками населения. Жолнеры питались только жареным зерном, которое сами собирали по полям; в лагерях забивали и ели коней и даже падаль, а вскоре начались эпидемии и массовое дезертирство. В частности, именно тогда, в лагере под Паволочью, проболев семь дней, на 39-м году жизни умер от дизентерии шляхетский герой князь Ярема Вишневецкий. Как писал один из участников этого тяжелого похода, «теперь мы окружены со всех сторон врагом — спереди, по сторонам и сзади. Крестьяне разрушают за нами мосты и переправы, грозя нам: “Если бы вы и захотели убежать, то не убежите”».

Богдан Хмельницкий, в свою очередь, уже 17 июля 1651 г. разослал из Белой Церкви приказ правобережным полковникам «не откладывая ни на неделю» прибыть в его ставку с уцелевшими полками. Здесь же, в Белой Церкви, был заложен крепкий военный лагерь, о котором коронный гетман Николай Потоцкий вскоре напишет королю: «Взять их лагерь невозможно». Ко второй половине августа под булавой Хмельницкого было сконцентрировано около 25 тысяч казаков и 6 тысяч ногайцев, приведенных Карач-беем, а на левом берегу Днепра напротив Киева, взятого Янушем Радзивиллом, стояли два полка численностью до 4 тысяч человек. Неожиданная мощь возрожденного после разгрома казацкого войска, а одновременно голод, эпидемии и усталость соединенной польско-литовской армии заставили победителей отказаться от ультимативного языка и перейти к согласованию взаимных уступок. В таких обстоятельствах для начала была установлена переписка относительно возможного перемирия, а с 10 сентября 1651 г. начались и сами переговоры.

Комиссия по заключению перемирия, которую возглавили с коронной стороны Адам Кисель, а с казацкой Иван Выговский, заседала в Белой Церкви с 15 по 28 сентября в сопровождении далеко не мирных событий. Среди рядовых казаков распространился слух, что старшина будто бы намеревается предать их, «выдав ляхам». Поэтому около 10 тысяч мятежников вместе с татарами Карач-бея окружили белоцерковский замок, в котором шли переговоры, и начали готовиться к штурму. И хотя Хмельницкому удалось подавить мятеж, казнив 15 вожаков и двух полковников, однако ситуация достигла максимального напряжения и оба войска были приведены в боевую готовность. В таких условиях королевским комиссарам пришлось пойти на еще большие уступки, чем планировалось до этого. Согласно Белоцерковскому соглашению, казацкий реестр должен был быть сокращен до 20 тысяч, а юрисдикция Войска Запорожского ограничивалась Киевским воеводством (Брацлавское и Черниговское возвращались в подчинение коронной администрации). Гетман также обязывался разорвать союз с татарами и в дальнейшем не поддерживать отношений с иностранными государствами.

Впрочем, мирное Белоцерковское соглашение оказалось всего лишь бумажным свидетельством перипетий войны, так как собранный весной в 1652 г. сейм его не ратифицировал — на этот раз не по принципиальным соображениям, а потому, что впервые в истории парламентаризма Речи Посполитой принятие решения было сорвано одним из шляхтичей, наложившим вето на проект сеймового постановления. По Украине тем временем поползли слухи о сокращении реестра. Как писала со свойственной ей образностью Александра Ефименко, «вокруг договаривающихся сторон бушевало такое море ненависти,

озлобления, недоверия, что нелепо было бы верить в возможность укротить эту дикую стихию договором; никто и не верил».

Упомянутая нератификация соглашения развязывала руки Богдану Хмельницкому, который в апреле 1652 г. оповестил старшин о подготовке к новой войне. Формальным поводом к началу боевых действий стал поход гетмана Тимоша во главе казацко-татарского отряда в Молдавию (о молдавской дипломатии Хмельницкого речь пойдет далее). Ему наперерез была послана коронная армия под командованием польного гетмана Мартина Калиновского. Войско Калиновского, состоявшее из 12 тысяч гусарской конницы и 8 тысяч пехоты, стало лагерем между горой Батог над р. Буг и местечком Ладыжин [в настоящее время райцентр Винницкой обл.], ожидая подкрепления. Позиции были выбраны и укреплены небрежно: быстрого нападения не ожидали, и внезапное появление противника стало полной неожиданностью. До вечера 1 июня 1652 г. казаки и татарская конница окружили лагерь, а на второй день начали штурм. Когда преимущество казаков стало очевидным, гусары решили отступить к реке и прорываться вплавь, оставляя на произвол судьбы пехоту. Калиновский с обнаженной саблей кинулся им наперерез. А тем временем от пушечного выстрела загорелись телеги с сеном — огонь охватил палатки, поднялась паника, во время которой казаки и татары окончательно прорвали оборону. До вечера в бою пало около 8 тысяч коронных воинов и была уничтожена половина знаменитого шляхетского гусарства; погиб гетман и много других военачальников, еще больше попало в плен к татарам. Так был взят кровавый реванш за Берестечко.

Однако разгром под Батагом не охладил пыла воинственной группы сенаторов. Сейм, собравшийся вскоре после катастрофы, отклонил предложение Богдана Хмельницкого о восстановлении Зборовских статей. Девиз «ястребов» был озвучен устами канцлера Анджея Лещинского: «Необходимо или противопоставить силе мятежника последние силы, или отдать на разграбление нас самих и наших детей, а третьего выхода нет».

До конца 1652 г. было создано 68 новых конных хоругвей, а общая численность коронного войска достигла 34 тысяч. Новая кампания началась пробным наступлением в марте 1653 г. отрядов коронного обозного Стефана Чарнецкого: вихрем прошли они по Брацлавщине, руководствуясь лозунгом своего начальника: «Не оставлять русина даже и на расплод!» С июля 1653 г. близ Львова начали концентрироваться основные силы коронной армии во главе с самим королем, а от переговоров, которые несколько раз предлагал Хмельницкий, правительство демонстративно отказывалось.

В начале октября 1653 г., после нескольких маневров, коронная армия поставила лагерь под местечком Жванец на р. Днестр напротив Хотина

[в настоящее время Каменец-Подольского района Хмельницкой обл.]. Ее численность достигала 40 тысяч; приблизительно таким же было и казацкое войско, блокировавшее вместе с татарами жванецкий лагерь, разгромив спешившее к нему подкрепление. Началась затяжная осада, в которой обе армии одинаково страдали от холода, голода и недостатка фуража; для обеих обыденным явлением стало дезертирство. Богдан Хмельницкий с целью его предотвращения даже позволил татарам брать в плен казаков, без разрешения покидавших лагерь, а среди осажденных в конце ноября вспыхнул мятеж пехоты, часть которой с боями покинула позиции. Сил для решающей битвы не хватало ни у одной из сторон, и тогда Ислам-Гирей III, как и под Зборовом, взял на себя роль посредника, не заинтересованного в чрезмерном усилении кого-то из противников. Таким образом, начались переговоры, на которых хан требовал возобновления Зборовского договора, уплаты «упоминков» и разрешения взять пленников на территории Польского королевства вплоть до р. Вислы. Именно по этим пунктам после длительных дебатов 17 декабря 1653 г. удалось достигнуть договоренности.

Переговоры между крымчаками и Яном Казимиром выглядели странно: во-первых, они завершились устным соглашением, а не формальным письменным договором; во-вторых, не состоялось даже встречи после перемирия коронованных лиц, хотя и хан и король присутствовали на позициях. Кроме того, королевские комиссары не настаивали на присяге казаков, а сам Хмельницкий отошел в тень, выставив вместо себя полковников-статистов. Однако эта двусмысленная ситуация удовлетворяла все три стороны. Татары достигли равновесия сил истощенных соседей, получив еще и огромную сумму «упоминков» и выгодное количество пленных. Коронная верхушка тешила себя иллюзией, будто бы Зборовское соглашение осталось неподтвержденным. Не менее сложными были и расчеты Богдана Хмельницкого, который делал ставку уже на третью сторону: 11 октября 1653 г. Земский собор Московского царства постановил принять Войско Запорожское с «городами их и землями» под «государя высокую руку». Так казацкая проблема после кровавой шестилетней войны вышла за рамки внутренних разногласий Речи Посполитой.

Ужасы войны

Банальной истиной является то, что за высокими мотивами любой войны, во имя которых она ведется, кроются бесчисленные страдания, смерть, опустошения и жестокий автоматизм уничтожения человеком себе подобных. Не стала исключением из этого печального правила и казацкая революция.

Как и всякий грандиозный катаклизм, в воображении потомков она ассоциируется с полями битв, стремительным бегом атакующих коней, монументальными ликами вождей, деяниями героев. Обесценивание жизни тысяч незаметных людей — не героев, а жертв войны — не попадает в поле нашего зрения. Но если мы, всматриваясь в то время, ставим себе задачу познать прошлое, а не только узнать в нем привычный образ, необходимо проникнуться сочувствием и к их судьбам.

Проницательный диагноз тому, что вспыхнуло как очередное для Речи Посполитой казацкое восстание, поставил уже в конце мая 1648 г. Адам Кисель в письме к королю: начинается «ужасная крестьянская война». За две-три недели, прошедшие с Корсунской битвы, Украину охватила буря, бурлившая уже вне контроля и, по-видимому, не по желанию Богдана Хмельницкого. Весть о казацких победах под Желтыми Водами и Корсунем стала искрой, которая попала в бочку сухого пороха, вызвав до тех пор невиданный взрыв активности простонародья. В нем смешались вместе и упорный социальный антагонизм, и опьянение отсутствием власти, вековечное влечение к «жизни без пана» и жажда мести за старые несправедливости. Едва ли не каждый крестьянин мгновенно превращался в воина — врага старых порядков, олицетворением которых были «ляхи» (под которыми понимали и украинских панов) и еврей-арендаторы, а буйство толпы, как всегда, снимало табу на убийство. Наоборот, прочитав «руський Отченаш», следовало «смешать вражью кровь в поле с желтым песком» (как говорится в нескольких думах о Хмельнитчине). Общины сел и местечек превращались в вооруженные ватаги, из которых формировались крупные отряды и выдвигались самые энергичные «старшины», объявлявшие их «казацкими». Самовидец в своей летописи напишет об этом так: «Все, что живо, поднялось в казачество».

На левом берегу Днепра, где простонародье традиционно было более всего проникнуто казацким духом, крупные повстанческие отряды уже в начале июня 1648 г. разгромили резиденцию князя Яремы Вишневецкого в Лубнах, а в течение того же месяца взяли Борзну, Нежин и Новгород-Северский. По Южной Киевщине, Брацлавщине и Подолью, сжигая шляхетские усадьбы и разоряя города и местечки, прошли смерчем отряды Ивана Ганжи, Олександренко, Чуйка, Трифона из Бершади, Неминикорчмы, Кошки (Кушки), Степка и др. В июле—августе крестьянско-мещанские ватаги появились на Волыни и Полесье, а в конце августа — в Галиции и Покутье, к осени 1648 г. замкнув огненным кольцом все украинское пространство от Чернигово-Северщины до Карпат.

Обычной военной единицей повстанческих ватаг стала созданная по казацкому образцу сотня (которая могла насчитывать несколько сотен человек);

там, где восставших было значительно больше, во главе их становились «полковники». Когда на охваченную волнениями территорию прибывало Войско Запорожское, крестьянско-мещанские формирования действовали в согласии с ним, а то и просто вливались в его состав (что вскоре вызовет у гетмана трудности с составлением казацкого реестра 1649 г.). Как писал Кисель, «простонародье создало второе и третье войско, которое было намного больше, чем войско Хмельницкого, и уже тогда не плембс оказался в подчинении у Хмельницкого, а Хмельницкий стал зависимым от его чрезмерного разрастания».

Двигателем террора, как видно из свидетельств пленных повстанцев и из жалоб шляхтичей, которым повезло спастись, была ненависть. Шляхта утверждала, что бунты начались «с неумолимой ненависти к католикам и полякам»; «к католической вере»; «к людям шляхетского сословия». Аналогичны заявления самих узников: они убивали из ненависти к неволе и от невозможности терпеть далее «польское господство»; мстили за несправедливость в отношении «благочестивой Руси»; стремились не оставить «ни одного ляха на свете», потому что «отныне скорее человеческие языки вывернутся, чем ляхи будут над нами господствовать». Достойна внимания и обмолвка в летописи Самовидца, в общем неблагоприятного к простонародью:

Ширились Украиной слухи, что после подавления своеволий Хмельницкого, должны были паны Украину опустошить и большую часть заселить людьми немецкими и польскими.

Упоминания о слухах такого содержания перекликаются с фразой из приписываемого Хмельницкому призывного универсала, якобы изданного весной 1648 г.:

Поляки святой целью своей политики поставили уничтожение нашего самоуправного строя, и они назначают нам урядников не для того, чтобы законно править над мещанами и крестьянами, а лишь для того, чтобы силой удержать в своих руках города.

Карательный марш князя Яремы Вишневецкого, который, переправившись с шеститысячным надворным войском с левого берега Днепра на Полесье, во второй половине июня 1648 г. двинулся на усмирение Киевщины и Брацлавщины, лишь подлил масла в огонь. Сажая на колы, уставляя городские площади виселицами, рубя головы и руки, а также выкалывая глаза всем, кого лишь заподозрили в сочувствии к казакам, князь прошел через города Котельню, Вчерайше,

Погребище, Вахновку, Немиров и Прилуки. Лозунгом этого кровавого рейда было «мучить виновного и невинного», чтобы посеять в простонародье ужас — единственное, чем, по мнению Вишневецкого, можно «укротить мерзкую чернь». Однако действие повлекло за собой равноценное противодействие. Остановив княжеское войско под г. Махновка [в настоящее время Винницкой обл.], крестьянско-казацкие отряды Максима Кривоноса начали теснить Вишневецкого назад, стремительно овладевая при поддержке местного населения городами Южной Волыни: Быстриком, Пяткой, Чудновом, Черторыей, Полонным, Острогом, Межиричем, Староконстантиновом. Одновременно отдельные повстанческие отряды взяли под свой контроль практически всю территорию между реками Случь и Горынь, захватив Заслав, Гощу, Ровно, Клевань, Олыку, а в конце концов вместе с казаками Кривоноса — Кременец, Луцк и Владимир. Все это сопровождалось кровавым террором. Как писал Самовидец,

усе забияли, не щадячи ані жон и дітей їх, маєтності рабовали, костели па-
лили, обваліовали, ксіонзов забияли, дворі зась и замки шляхецкіє и двори
жидовськіє пустошили, не заставаючи жадного цілого. Рідкій в той криві
на тот час рук своїх не умочил...

Неслыханная резня лета 1648 г. породила с обеих сторон фанатичную готовность бороться до последнего. В уже упомянутом призывном универсале, якобы изданном Хмельницким, сказано: «А как покинет нас судьба, то положим перед ними мертвые тела и трупы, отдадим не станции [налоги], а душу и кровь нашим начальникам; не покинем городов и нив, лишь дорогу застелем могилами».

«Крестьянская чернь выглядит лучше всего плачущей, хуже всего — смеющейся», — повторяли каратели, а украинское простонародье отвечало преисполненной жестокого сарказма прибауткой: «Шляхтич и жид хороши только печеными». Эпическим апофеозом ненависти звучит песня о гибели полковника Данила Нечая, убитого несколько позже, в феврале 1651 г.: герою отрубили голову, но он и мертвый продолжает угрожать «ляхам»:

Качається Нечаєва голова по ринку. Качається і говорить: «Іще буду жити,
як ся била із ляшками, так і буду бити».

* * *

Кровавый счет, который подвел итог длившемуся десятилетиями противостоянию, оказался особенно трагичным для евреев, попавших под колесо слепой крестьянской войны. Стоит заметить, что выявившийся в ней антииудейский

фанатизм украинского крестьянства выглядит несколько неожиданным: ведь русские земли Речи Посполитой почти не захватила волна антиеврейских настроений, которая в первой половине XVII в. проявилась в погромах в Вильне, Берестье, Кракове, Люблине и Перемышле, а также в ритуальных процессах над «осквернителями Святого Причастия» в городах Малой Польши — Ленчице, Сандомире, Сельце, Сохачеве, Бохне, Кракове и т. п., где купцов и ремесленников раздражала еврейская конкуренция. Однако внезапная вспышка юдофобии в охваченной восстанием Украине также имела социальную причину: причастность еврейской торгово-посреднической массы к миру «ляхов». Как уже отмечалось, магнаты охотно зарабатывали с помощью предприимчивых и денежных евреев, передавая им право на сбор налогов в своих владениях, на разнообразные промыслы и аренду корчм и мельниц. Поэтому еврей-арендатор будто бы переключал на себя напряжение между владельцем и подданными, а религиозная неприязнь — ощущение «христианского унижения» — дополнительно усиливала социальную враждебность. Самовидец, перечисляя причиненные Руси несправедливости, напишет:

Ліпше пошанованне... жидищеві спросному (гнусному. — Примеч. перев.) било, аніжели найліпшому християнинові русинові.

Характерно, что автор еврейской хроники того времени Натан Ганновер вкладывает в уста Хмельницкого подобную мысль, будто бы высказанную накануне восстания: «Мало того что нас поработили паны, ведь даже племя, наиболее униженное среди всех народов, владычествует над нами».

К социальной и религиозной причинам добавилась еще одна, отразившаяся в источниках лишь косвенными намеками, поэтому четко обозначить ее труднее. Один из универсалов Хмельницкого, столь же апокрифический, как и упоминавшийся выше, якобы призывал «войтов, и бурмистров, радцев и всяких урядников греческой веры»:

Своих панов и слуг их, евреев, убивайте, рубите, истребляйте для чистоты нашей земли, которую обещаем сделать благословенной.

С мистическим образом земли, «очищенной» от неверных, «распявших Бога» (разумеется, это не было изобретением Хмельницкого, проводившего прагматическую политику в отношении евреев), мы еще раз сталкиваемся в стихах, которые декламировали студенты Киево-Могилянской коллегии, приветствуя въезд гетмана в Киев в начале января 1649 г.:

Честь Богу, хвала, навіки слава Войську Дніпровому,
Же з Божей ласки загнали ляшки ку порту Вісляному.
А род проклятий жидовський стятий (вырублен. — *Примеч. перев.*), чиста
Україна...

Через несколько лет об «очищении благословенной страны» вспомнит также архидиакон Павел из Алеппо, который в 1654 г. проезжал в свите антиохийского патриарха Макария через Украину, следуя в Москву:

Что касается породы жидов и армян, то их вконец истребили... Хмель (да будет долга его жизнь!), завладев этими многочисленными городами, истребил в них целиком все чужие народы, и теперь эта страна занята чисто православными казаками... О, какой это благословенный народ! И какая это благословенная страна! Великое достоинство ее в том, что в ней совершенно ни одного чужого другой веры, а только чисто православные, верные и набожные.

В разгадке символики «очищенной земли», похоже, кроется эта третья — не социальная или религиозная, но ментальная — причина еврейских погромов. Вероятнее всего, за представлениями о «чистой земле» стояло убеждение в том, что будто «скверная» кровь неверных, стекая с земли в ад, «очищает» саму землю. По крайней мере, на такую мысль наводит несколько более поздняя реплика 1670-х гг., адресованная другим «неверным» — туркам:

Дождь идет частый, скверна кров
поганских башей
Дождем да истекает скоро
с земли нашей.
Недостойна тых псов кров,
дабы нам світила,
Праведно єст, бы псов кров
дождем во ад снисходила...

Итак, можно предположить, что грех убийства как такового снимался благодаря представлениям о «праведной» цели уничтожения евреев — социального врага и религиозного оппонента, и именно это послужило толчком к массовому террору.

147. Гравюра из книги Иосифа Липмана Машеля «*Kinoh al geserath Ukraina*» («Плач на беды св. общины Украины») (Прага, 1648)

Июнь—июль 1648 г. сохранился в памяти евреев Речи Посполитой как «Врата мести», а 21 июня, день взятия Немирова, и поныне почитается среди скорбных дат еврейского календаря. По данным тогдашних еврейских хронистов, повстанцы убили до 100 тысяч человек, в том числе при взятии Максимом Кривоносом Немирова около 6 тысяч, Тульчина — 1,5 тысячи, Бара — 2 тысяч, Полонного — 10 тысяч, Острога — около тысячи. Эти числа очевидно завышены, потому что во всей Речи Посполитой до начала казацкой революции, согласно подсчетам современных еврейских историков, проживало около 150–170 тысяч евреев, в том числе в охваченных пламенем казацкой революции регионах — 51 тысяча, однако несомненным остается факт, что почти 300 еврейских общин, осевших в Украине, прекратили свое существование именно тогда. Вот типичная

картина ужасающих погромов, засвидетельствованная в одном из писем жолнеров: «Жидаы все вырезаны, дворы и корчмы спалены». Самая яркая еврейская хроника трагических месяцев, составленная жителем Заслава Натаном Ганновером (и напечатанная впервые в Венеции в 1653 г.), с эсхатологической патетикой повествует о неслыханных жестокостях, преднамеренном разрушении еврейских жилищ, превращении синагог в конюшни, целеустремленном истреблении детей. Другой еврейский хронист напишет о своих несчастных земляках так:

Губил их меч на улице и ужас в доме. Мужчины и женщины, юноши и девушки, будто овцы, подставляли шею под нож, не желая спасти свою жизнь служением чужим богам. Горько оплакивают плакальщицы растерзанные священные книги и свои Торы, из которых враг смастерил себе сандалии.

По странному совпадению, год начала казацкой революции — 1648 — в иудейских каббалистических книгах был предопределен как год пришествия Мессии. Раввин Иехель-Михель, убитый в 1648 г. в Немирове, незадолго

до гибели высчитал, что буквы имени Хмель (Хмельницкий) — это первые буквы еврейского высказывания: «Муки прихода Мессии наступают в мире», поэтому казацкая резня стала восприниматься как их первый симптом. Вместо обещанного воскрешения и возвращения «каждому в свой удел» наступили кошмары погромов, но это только усилило мессианские ожидания. Позже, после появления нескольких «учителей» и «праведников», это привело в конце концов к возникновению на территории Украины в середине XVIII в. нового еврейского вероучения — хасидизма, к которому мы еще вернемся позже.

* * *

Вместе с «чужими» — поляками и евреями — щедро хлебнуло военного горя и само украинское простонародье: крестьяне и горожане мелких местечек. Прежняя историографическая традиция столь крепко связала их с казаками в понятии «[крестьянский] народ», что освободиться от этой иллюзии тяжело и сейчас. Действительно, социальным идеалом зависимого простонародья был свободный казак. Однако, опираясь на источники, можно с уверенностью утверждать, что эта любовь не была взаимной. Казаков и крестьян разделяло многовековое деление общества на «тех, кто воюет» и «тех, кто трудится», в котором первым следовало проливать кровь, а вторым — работать, кормя воинов и восхищаясь их щедрым «рыцарским обычаем», пренебрежением к смерти, лихим конем и острой саблей. Пролитая «рыцарская» кровь стоила в таком образом разделенном мире дороже, чем «мужицкая» жизнь. Немало свидетельств презрительного отношения казаков к простонародью («мужикам») мы можем найти и в событиях казацкой революции, в частности в эпизодах насилия над мирным населением. Его грабили и уничтожали, не разделяя на «своих» и «чужих»: горожан и крестьян, единоверцев и людей другой конфессии. Вот лишь один поразительный пример «пропорциональности» в распределении жертв между разными конфессиями: в местечке Киселин на Волыни, после того как осенью 1648 г. его разграбили и сожгли казаки вместе с татарами, из 35 христианских дворов уцелело 15, из 37 еврейских — 20.

Грабежи сопровождались массовым вандализмом по отношению к простонародью. И казаки, и жолнеры коронного войска вели себя одинаково жестоко, потому что именно в жестокости «люди войны» всегда видели тот признак рыцарской силы, которого по своей природе были лишены люди позорных для воина занятий: ремесленники, купцы, крестьяне. Характерным примером этих привычных практик войны может служить осада Гомеля, осажденного

летом 1649 г. полковником Мартином Небабой, приказавшим своим казакам уничтожить как «ляхов», так и мещан-единоверцев:

Идите-ка, молодцы, буйные головы, и добудьте этих мещан и ляхов, а взяв их — всех до единого порубите, никого не оставляя в живых, город же сожгите.

Трагедию мирного крестьянского населения, метавшегося между двумя противоборствующими сторонами, неспособного уберечься от насилия ни там, ни здесь, с особенно яркой силой передает один из эпизодов голодной збаражской осады, описанный очевидцем-жолнером 20 августа 1649 г.:

Крестьяне, которые съехались к нам из волости перед осадой и очень страдали, а также умирали от голода, были отпущены домой. Однако не было им от казаков пощады, на которую они надеялись: тотчас же татары взяли до 4 тысяч душ с женщинами и детьми обоих полов. Других же, убежавших между рвами, секли и стреляли, на что смотрели остальные крестьяне, оставшиеся в [осажденном] городе.

За нехваткой источников высчитать общее число потерь мирного населения трудно. Однако свидетельства, сохранившиеся по отдельным регионам, поражают. По данным налоговых присяг от февраля 1650 г. только на юге Волыни на протяжении первых двух лет войны исчезло от 80 до 85% мирного населения, то есть ориентировочно до 100 тысяч человек. Как записано в налоговых присягах со слов «старцев», то есть уцелевших крестьян и мещан преклонного возраста, людей «рубил» казаки и коронные жолнеры, брали в плен татары, добивал в опустошенных хозяйствах голод; некоторым, из наиболее энергичных и молодых, удалось бежать за Днепр. О сходных последствиях казацко-татарского похода осени 1648 г. в Галиции свидетельствует, среди прочего, налоговый реестр Перемышльской земли 1651 г.: здесь о многих украинских селах и местечках сказано, что прежнего поселения нет, потому что оно «полностью опустошено казаками» [*tota per Cosacos desolata*].

Неизбежно сопровождающее войну уничтожение населения, отток огромных масс от земледельческого труда, вереницы беженцев, безнаказанность ватаг разъяренных террором вооруженных людей за короткое время превратили цветущий край в пустыню. Жители охваченных войной регионов массово переселялись в Молдавию, на левый берег Днепра и далее — в «московскую

украину» (будущую Слобожанщину), а тысячи несчастных попадали в плен. В конце 1648 г. пленников было так много, что цены на них упали невиданно низко: татары меняли у казаков шляхтича на коня, а еврея — на щепотку табака. Второй раз человеческий товар настолько же обесценился во время кампании осени 1654 — весны 1655 г., когда татары, выступавшие тогда на стороне коронной армии, опустошили лишь на одном Подолье 270 сел и местечек, сожгли не менее тысячи церквей, уничтожили до 10 тысяч детей. Воины карательной экспедиции Стефана Чарнецкого тогда же, по свидетельству очевидцев, сами передавали татарам массы пленников, обменивали их на луки, стрелы и пищу. Осенью 1655 г. московская армия, идя на Львов, о чем пойдет речь далее, выжгла по пути села и города на расстоянии 30–60 км от пути следования армии, а параллельно стотысячный корпус крымских, ногайских, белгородских и буджацких татар опустошал территорию от Киева до Каменец-Подольского.

Логическим спутником разрушенного войной хозяйства стал голод. Львовская летопись относит его начало уже к осени 1648 г., отмечая: «Был также и голод везде, где только прошли войска казацкие». Правда, московский царь выразил сочувствие единоверцам, разрешив беспошлинный вывоз хлеба в Украину, однако цены выросли так стремительно, что деньги и драгоценности, добытые в виде военной добычи, быстро перетекли в руки тех же московских купцов, и в ноябре 1649 г. казаки и мещане опять жаловались русским дипломатам, что «они ныне помирают голодной смертью».

За голодом последовали эпидемии. От одной из них, когда зимой 1648 / 49 г. «люди мер округне всюди», умер, в частности, и полковник Максим Кривонос. Второе известие о большом море приходится на 1650 г.: «Люди падают и лежат, словно дрова, до Днестра, около Шаргорода и далее к Брацлаву».

Очередная вспышка крупной эпидемии длилась с лета до глубокой осени 1652 г., уничтожив целые села между Днестром и Днепром; новый взрыв эпидемии пришелся на весну 1655 г., сосредоточившись на этот раз в Уманщине и уморив до половины расположенного здесь на постой московского войска. Впрочем, эпидемические болезни были обычным явлением в армии, где скапливались многотысячные человеческие массы: мор бушевал во время осады Замостья и Жванца, а от эпидемии дизентерии, косившей коронное войско во время летнего марша из-под Берестечка в Белую Церковь, погиб, как уже упоминалось, один из главных военачальников Речи Посполитой, князь Ярема Вишневецкий.

Вот такой предстает Украина времен казацкой революции в человеческом, а не героическом измерении, когда, как писал Самовидец, «не было милосердия между народом людским».

Дипломатия гетмана в поисках выхода

Описывая собранную Богданом Хмельницким в Переяславе в феврале 1649 г. старшинскую раду, Летопись Самовидца добавляет:

Тамже и послове от короля венгерского на той же раді были: так зараз по усіх землях слава козацкая и Хмелницкого пошла, же монархи разні отзивалися з приязню и подарки прислали, бо послове от его царского величества з Москви, от господарей волоского, мултянского з великими подарками почали приходити, що до болшого зятрення и пихи (пыла и гордыни. — *Примеч. перев.*) гетмана Хмелницкого побужали...

Однако на дипломатической шахматной доске, над которой уже с лета 1648 г. ломал голову гетман, гордыня была далеко не главной фигурой. Внезапная смена дипломатических акцентов, вояжи казацких послов и этикетные поклоны вперемешку с угрозами лишь на первый взгляд кажутся хаотическими. Присмотревшись, мы можем усмотреть за ними достаточно последовательные маневры между тремя крупными государствами, которые возвышались над казацкой Украиной. Стремясь получить выгоду от нарушенного политического равновесия между Речью Посполитой, Турцией и Московским царством, гетман в то же время пытался втянуть в эту рискованную игру более мелких соседей — Крымское ханство, Молдавию, Валахию, Семиградье. Далекое не все комбинации удалась, а после скоропостижной смерти Хмельницкого последующие маневры уже не отличались той же гибкостью, которой удавалось достигать лишь благодаря его уму и авторитету.

Главным «приятелем» Хмельницкого (именно такой термин используется в тогдашней переписке хана с гетманом) был Ислам-Гирей III и находящиеся в положении крымских сателлитов беи Ногайской и Перекопской Орд. Ввиду двухвекового сосуществования / противоборства татар и казаков этот выбор основного партнера не кажется неожиданным. Прецеденты, как уже упоминалось, имелись еще в полулегендарное время Остафия Дашковича, а в середине XVII в. природа сходства между партнерами осознавалась обеими сторонами: как говорил один из крымских послов в Варшаве, «казакам и татарам нельзя опуститься до земледелия, им нужна война». Вскормленные одной Степью и привыкшие к одинаково добываемому воинскому хлебу, казаки легко находили общий язык с татарами, да и сами были для них «кардаш казак» [«братьями казаками»]. Религиозная же несовместимость в моменты, когда на карту была поставлена сама жизнь, стоила немного. Достаточно колоритно

этот двойной расчет проступает в оправданиях Богдана Хмельницкого перед назаретским митрополитом Гавриилом:

Сам он знает, что людям православной христианской веры не гоже иметь с бусурманами близкие отношения и союз. Только ведь нынче.. настало именно такое время поддерживать с бусурманами братство и единство... чтобы освободить святые божьи церкви и православную христианскую веру из рук поляков и еретиков.

Дипломатические отношения были установлены в ходе посольства к хану из Сечи накануне восстания (похоже, среди послов был и сын Богдана Тимош, который в случае совместных военных действий должен был остаться в качестве заложника в Бахчисарае). Результатом переговоров стал поход перекопского бея Тугая с отрядом в несколько тысяч всадников, который на стороне казацкого войска принял участие в боях под Желтыми Водами и Корсунем в 1648 г. Военная добыча распределялась между союзниками согласно заранее достигнутым договоренностям: пленники — татарам, кони делились пополам, имущество отходило казакам. Этот раздел, впрочем, не всегда совершался по-любовно, а что касается захвата пленников, то, вопреки постоянным уверениям татар, будто они не будут брать в плен мирное население, эта союзническая договоренность на протяжении всей войны практически не выполнялась. Напоминание же Хмельницкого, чтобы татары «людей веры греческой не брали, только ляхов», звучит как злая ирония: хватая пленников, крымчаки не устраивали своим жертвам экзамена по катехизису.

В битве под Пилявцами на казацкой стороне выступала буджацкая конница Аутимир-мурзы численностью около 5 тысяч; под Львовом и Замостьем Хмельницкого сопровождали отряды уже упомянутого Тугай-бея и брата хана, калги-султана (наследника престола), Крым-Гирея: в счет оплаты его услуг пошла взятая с львовских горожан контрибуция деньгами и товарами на сумму около 200 тысяч талеров. К Зборовской кампании были привлечены силы ногайских орд; принимал в ней впервые личное участие и сам хан Ислам-Гирей III вместе со своим визиром Сефером Гази-агой. В переговорах, которые визир от имени хана вел с канцлером Ежи Осолинским, его объяснение татарского участия в кампании предельно откровенно: «Мы предпочли бы служить лучше вам, чем вашим холопам, однако своей жизнью мы рискуем ради тех, кто нам больше платит».

Официальный биограф Ислам-Гирея III Хаджи Мехмед Сенай выразил суть крымской политики более афористично: «С какой стороны ни упади труп, все на пользу ислама».

Колоритную деталь к казацко-татарским взаимоотношениям добавляет упоминавшийся уже мятеж против подписания Белоцерковского соглашения в сентябре 1651 г. Растревоженная слухами о том, что гетман собирается и казаков, и татар отдать в руки «ляхов», взбунтовавшаяся чернь, взяв в осаду Белоцерковский замок, где проходили переговоры, и угрожая казацкой старшине, действовала в полном братском согласии с шеститысячным отрядом перекопских татар Карач-бея, который тогда находился под командованием гетмана.

Отношения Богдана Хмельницкого с татарской элитой складывались по-разному. На переговорах с королевскими комиссарами в Переяславе в феврале 1649 г. гетман, похоже, с искренним воодушевлением говорил о перекопском бее Тугае:

...Мой брат, моя душа, единственный сокол в мире, готовый сделать для меня все, чего я пожелаю. Вечна наша с ним казацкая приязнь, которой мир не разорвет.

Примером противоположного может служить эпизод лета 1653 г., когда во время военных действий на Подолье мурзы, которым показалась слишком малой добыча, захваченная в нападениях на подольские местечки, начали грабить казацкую территорию. Гетман приказал отбить пленников силой, и только вмешательство хана уладило вооруженный конфликт, длившийся четыре дня. В конце этого же года после жванецкой осады Хмельницкий, зная обычаи тех, с кем его соединяла «вечная приязнь», даже расставил казацкие отряды на пути возвращения татар домой в Крым, а уманскому полковнику приказал на всякий случай свезти жителей Уманщины в крупные местечки.

В тесной связи с крымским вопросом разворачивалась сложная дипломатическая интрига, которую Богдан Хмельницкий начал плести уже в октябре 1648 г., отправив посольство в Стамбул. Содержание первых переговоров неизвестно, но второе казацкое посольство, вскоре опять отправленное в Порту, повезло просьбу о султанской протекции над Русью «вплоть до Вислы». До нашего времени дошла лишь копия гетманского письма, которое везли послы, поэтому имеются небезосновательные сомнения в ее достоверности, поскольку здесь содержится слишком неожиданная просьба предоставить Хмельницкому во владение Молдавию, господарь которой якобы предал османов. Голинский, один из тогдашних польских мемуаристов, обрамил этот эпизод полусказочной историей о том, как султан Ибрагим I проигнорировал «малозначащего человека» — казацкого гетмана, а тот, обидевшись, обратился к янычарам; те

взбунтовались, свергли Ибрагима и поставили нового султана — несовершеннолетнего Мехмеда IV, чьи советники пообещали Украине татарскую помощь в обмен на Каменец-Подольский. В этой выдумке достоверными являются разве что две детали: восстание янычар в Стамбуле действительно имело место, а Хмельницкий интенсивно переписывался с визиром несовершеннолетнего правителя Бектеш-агой, надеясь при его посредничестве укрепить союз с ненадежными крымчаками. Более детальная информация о первых официальных переговорах стамбульского посла с Хмельницким приходится на лето 1650 г., когда в Суботове гетман принял султанского постельничего Осман-агу, а в ответ направил в Порту очередное посольство во главе с полковником Антоном Ждановичем.

В соответствии с практикой османской дипломатии, установление отношений со Стамбулом приравнивалось к признанию вассалитета, поскольку в письме к султану следовало величать его своим господином, а себя — подданным. Ясно, что от формул дипломатического ритуала до реального подданства было еще достаточно далеко, однако сам факт казацко-турецкого сближения получил широкую огласку. В частности, Адам Кисель, с тревогой следивший за развитием событий, тогда же обратился к митрополиту Киевскому Сильвестру Косову с просьбой повлиять на гетмана, чтобы «предотвратить крайне безумный союз с неверными».

Об интенсивности дипломатических отношений, установленных на протяжении 1650 г., свидетельствует то, что в октябре Осман-ага прибыл в Чигирин во второй раз, пробыв там более месяца, а в Стамбуле гетману вообще предложили держать своего резидента, то есть постоянного представителя. В центре переговоров находился вопрос о принятии Войском Запорожским турецкого протектората. Султанское окружение тщательно обдумывало это, потому что единства по отношению к казацкому восстанию среди членов правительства не было: одни считали полезным избегать прямой поддержки, мотивируя это потребностью сохранить мирные отношения с Речью Посполитой, другие делали акцент на выгодных перспективах принятия гетмана под опеку (характерно, что сторонников союза с казаками поддерживала и мать несовершеннолетнего султана, «будучи русинкой»; более подробных сведений об этой красавице пленнице, еще одной роксолане султанского двора, нет). Вторая партия победила, и в начале 1651 г. в Чигирин отправилось посольство с султанским нишамом (официальным письмом), в котором шла речь о протекции, «предоставляемой другим христианским монархам от моей [султана] могущественной империи, которая будет вам выдана в детальных артикулах и условиях».

Более позднее посольство в 1653 г. привезло гетману санджаки, то есть клейноды правителя, признавшего верховенство султана: булаву, саблю, знамя и кафтан.

Стоит напомнить, что вассалами турецкого султана были все ближайшие соседи Украины, правители небольших государств Причерноморско-Карпатского региона — молдавский и валахский господа, крымский хан и князь Семиградья (Трансильвании). Стамбул обещал гетману даже большие права, чем у хана, а формула вассалитета предлагалась весьма льготная, предусматривавшая лишь частичное ограничение внешней политики и уплату в казну Османской империи определенной ежегодной суммы дани. В свою очередь, султан брал на себя обязательство защищать Украину от внешних врагов.

Предложения Стамбула выглядели приемлемыми, особенно если учесть сложное положение истощенной войной Украины, поэтому часть полковников на старшинской раде высказалась за. Однако очередная междоусобица претендентов на молдавский господарский престол, в которой казацкая армия, возглавленная гетманичем Тимошем, поддержала не турецкого протеже Штефана Георгицу, а его противника Василе Лупу, отсрочила решающий акт объединения с Портой. А сближение с Москвией, явно обозначившееся летом 1653 г. и завершившееся Переяславским соглашением, вообще лишило турецкую карту актуальности — вплоть до времени противоборства преемников Богдана Хмельницкого, о чем более подробно пойдет речь далее.

В контексте казацко-турецких взаимоотношений более ясными становятся и перипетии контактов Хмельницкого с остальными правителями — молдавскими христианскими вассалами султана, Валахией и Семиградьем (в состав которого входила тогда часть современного Закарпатья). Дипломатические отношения с правителями этих государств (господарями Василе Лупу и Матеем Басарабом и князем Дьердем I Ракоци) были установлены осенью 1648 г. Первые посольства от них Богдан Хмельницкий принимал в лагере подо Львовом, а ответное посольство в семиградскую столицу Феервар [в настоящее время на территории Венгрии] отправилось в середине ноября (правда, уже не застало в живых князя Ракоци). Отношения с его сыном и наследником Дьердем II Ракоци (1648–1660), установленные в декабре 1648 г., развивались вяло, и до объединения военных усилий, чего добивался Хмельницкий, дело так и не дошло. Напротив, когда в 1653 г. началась уже упомянутая борьба за власть в Молдавии между Лупу и Георгице, трансильванский князь принял сторону второго, вступив в открытый конфликт с казацким войском. Небольшие венгерские подразделения осенью того же года даже принимали участие в Жванецкой

кампании на стороне коронной армии, а вооруженный союз был заключен только в 1656 г., на фоне сближения между Трансильванией, Швецией и Украиной.

Так же неровно складывались отношения с обоими придунайскими княжествами — Молдавией и Валахией. Василе Лупу, правитель Молдавии, поддерживал связи с Чигирином с октября 1648 г., параллельно не забывая и об услугах Варшаве, куда он передавал шпионскую информацию и деньги для найма жолнеров. Поводом более тесно привязать Молдавию к украинской политике стал летний поход 1650 г. калги-султана Крым-Гирея на молдавские земли — якобы для наказания за нападения молдавских отрядов на татар. Богдан Хмельницкий как союзник хана был обязан участвовать в этой экспедиции (или, по крайней мере, особо подчеркивал это в своих письмах). Переправившись вместе с татарами через Днестр, гетман в сентябре 1650 г. неожиданно занял Яссы, а затем в ультимативной форме потребовал заключения союза, залогом чего должен был стать брак дочери Василе Лупу Розанды с сыном Хмельницкого Тимошем. Привязывая Молдавию к Украине, этот брак одновременно вводил бы казацкого вождя в круг легитимных правителей, находящихся под протекцией османов. Дальновидная политическая комбинация гетмана позволяла бы ему также потенциально претендовать на молдавский престол (Лупу не имел сыновей), а с другой стороны, давала шанс достичь нейтралитета в украинско-польском конфликте фактического правителя Литвы Януша Радзивилла, женатого на старшей дочке Василе Лупу.

Свадьба Тимоша и Розанды должна была состояться в конце 1650 — начале 1651 г. Дело, однако, завершилось не так быстро, как планировал гетман. Лупу медлил, выискивая способ избежать опасного своячества, и только поддержанные ханом угрозы в конечном итоге ускорили свадьбу. В конце июля 1652 г. шеститысячный казацкий отряд Тимоша отправился в свадебный поход; венчание состоялось в Яссах, а в начале сентября гетманич с молодой женой вернулся на родину. Стоит добавить, что «домна Розанда», как ее называли в Украине, родив через год двух детей-близнецов, чья последующая

*148. Тимош Хмельницкий.
Портрет второй
половины XVII в.*

судьба неизвестна, после гибели Тимоша в 1653 г. еще некоторое время жила в Чигирине, а впоследствии вышла замуж во второй раз за француза Андре де Бюи, прибывшего к казакам под фамилией Антоновский, и погибла в 1685 г. в Молдавии во время очередных волнений в этой стране.

Превращение Василе Лупу в свояка не принесло Хмельницкому ожидаемых выгод. Весной 1653 г. в Молдавии вспыхнул очередной династический мятеж, в котором претендента на престол Штефана Георгицу поддержали правители Семиградья и Валахии. Казацкое войско во главе с Тимошем Хмельницким пошло выручать гетманского свата и даже взяло столицу Молдавии Сучаву, однако по приказу честолюбивого гетманича двинулось дальше на территорию Валахии, вызвав сопротивление объединенных трансильванско-валашских сил. Отброшенные назад к Сучаве и взятые в плотную двухмесячную осаду, казаки понесли большие потери, а во время одного из обстрелов был смертельно ранен и сам Тимош. Казацкая старшина прохладно относилась к молдавским планам гетмана и недолюбливала задиристого гетманича. Поэтому когда Богдан приказал выступать в поход на помощь осажденным, то столкнулся с открытым сопротивлением полковников, которые заявили, что нет надобности воевать в чужой земле, оставляя беззащитной свою собственную. Спасательная экспедиция явилась слишком поздно: под защитой лагеря осажденные с телом гетманича уже вышли из Сучавы, направляясь в Украину. 30 октября 1653 г. в гетманскую столицу Чигирин под пушечные залпы был внесен гроб с телом Хмельниченка. С его смертью стали неактуальными и молдавские династические планы гетмана, связанные с отчаянно храбрым, но неуравновешенным, вспыльчивым и слишком упрямым старшим сыном Тимошем.

Переяславское соглашение 1654 г.

Дипломатическая активность Богдана Хмельницкого, заключавшаяся в балансировании между Варшавой и Стамбулом и его вассалами — Крымом, Молдавией и Семиградьем, с первых же дней войны была дополнена сложной сетью контактов с северо-восточным соседом — Московским царством. Недостаточно было бы объяснять это одной лишь реальной силой крупного соседнего государства, с позицией которого следовало считаться. В основе сближения лежала прежде всего традиция давних связей с Москвой Запорожской Сечи: ведь еще со времен Байды-Вишневецкого царь поддерживал запорожское казачество как потенциального оберегателя от татарских набегов не только польско-украинского, но и русского порубежья. Не один раз осуществлялись и общие экспедиции «московских казаков» с так называемых

«царских украин», донских и запорожских, против крымчаков. По царскому распоряжению на Сечь время от времени доставлялся порох, оружие и пищу, а в конце 1580-х гг. одно из обсуждавшихся решений казацкой проблемы заключалось в том, чтобы за счет царя построить ряд крепостей в низовье Днепра, разместив там сторожевые запорожские гарнизоны, которые содержались бы московским правительством. В этом контексте показательным представляется и то, что наемное царское войско в конце XVI в. состояло главным образом из искателей военного счастья из Украины (например, по свидетельству англичанина Джильса Флетчера, который находился в России в 1588 г., на 4300 наемных пехотинцев здесь приходилось 4 тысячи украинцев).

Не менее традиционными были и контакты запорожцев со своими побратимами по образу жизни — донскими казаками. Донцы вместе с запорожцами возводили на московский престол Дмитрия Самозванца и воевали в войске Лжедмитрия; крупное донское подразделение находилось в составе Войска Запорожского во время Хотинской войны 1621 г.; на 1637 г. приходится знаменитый совместный поход на турецкую крепость Азов в устье Дона, когда объединенным казацким силам в ходе так называемого «азовского сидения» удавалось до 1641 г. удерживать в своих руках это мощное укрепление. Почти регулярными были также общие морские походы на турецкое побережье, когда запорожские «чайки» и донские струги по предварительной договоренности встречались просто в море. На 1631 г. приходится даже заключение «приговора» о взаимной помощи в случае нападения третьей силы на Сечь или Дон.

Параллельно со стихийной казацкой дипломатией связь с двором единоверного царя налаживали православные иерархи, которых подталкивало к этому обострение православно-униатского конфликта в Речи Посполитой. Этому, в частности, особенно способствовало то, что ярко выраженных промосковских симпатий придерживался тайно рукоположенный в 1620 г. на Киевскую митрополию Иов Борецкий, поддерживавший личные контакты с царским двором и приложивший немало усилий

149. Алексей Михайлович. Гравюра Мейсенса (Вена, 1670)

для установления достаточно тесных отношений между Москвой и казацкой верхушкой.

Поэтому первое письмо Богдана Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу, написанное сразу же после побед под Желтыми Водами и Корсунем 18 июня 1648 г., не выглядит неожиданным. Его написание было ускорено и тактическими соображениями: обеспокоенное восстанием в Украине, а особенно казацко-татарским союзом, царское правительство весной 1648 г. начало мобилизацию войска в русском пограничье — Путивле, Белгороде, Курске. Реальной угрозой становилось появление этих сил на украинской территории для соединения с коронной армией в борьбе с татарами — союзниками Хмельницкого, и письмо гетмана к царю было призвано предотвратить катастрофу. Рассказывая о начале восстания, Хмельницкий не только описывал несправедливости по отношению к христианам «от ляхов», но и предлагал Алексею Михайловичу выдвинуть свою кандидатуру на вакантный престол после смерти Владислава IV, обещая поддержку Войска Запорожского:

Зичили бихмо собі (желали. — *Примеч. перев.*) самодержца господаря такого в своєї землі, яко Ваша Царская Велможност, православний хрестиянский цар...

Впрочем, осенью того же года в письме к трансильванскому князю Дьердю I Ракоци гетман писал, что был бы рад видеть именно его «опекуном и королем Польши, нашей родины»; одновременно делая дипломатические шаги, направленные на поддержку кандидатуры Яна Казимира (что лишний раз подчеркивает разницу между провозглашаемыми и подлинными намерениями Хмельницкого).

Письмо к царю принесло необходимые тактические результаты: подготовка к запланированному походу в Украину сошла на нет. Развивая дипломатический успех, гетман в конце июля 1648 г. еще раз письменно обратился к царю, на этот раз с просьбой объявить войну Речи Посполитой. Московию дразнили территории, утраченные в Смоленской войне с Речью Посполитой 1632–1634 гг., однако царское правительство не чувствовало достаточно сил для нарушения мирного соглашения, а именно так рассматривалось бы вмешательство в казацкие дела, поэтому просьбы о военной помощи, которыми Хмельницкий засыпал Москву после того, как дипломатические отношения с января 1649 г. стали достаточно интенсивными, позитивных последствий не имели. Гетманских послов принимали в Москве любезно, одаривали щедро

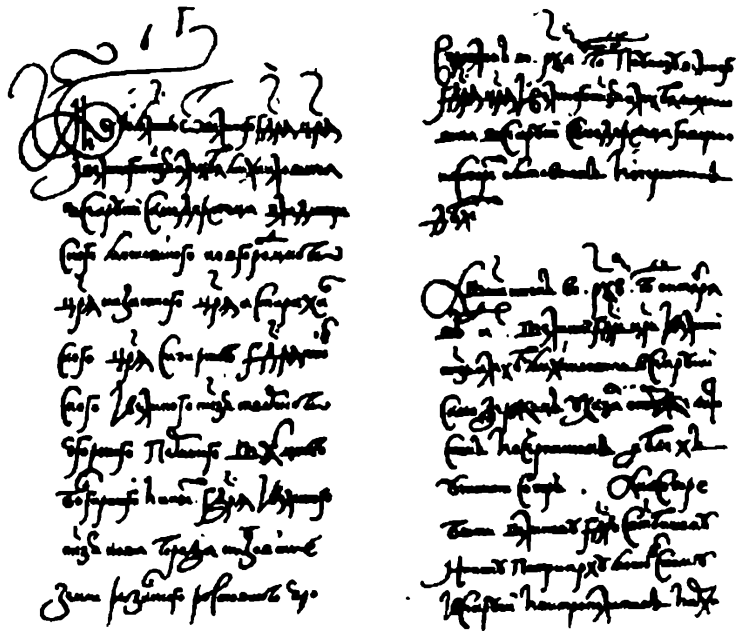
и даже удостоили царской аудиенции, во время которой царь по дипломатическому этикету приказывал «спрашивать о здоровье Богдана Хмельницкого». Одновременно московские посольства посещали Чигирин, однако дальнейших предложений о посредничестве между королем и Войском Запорожским, которое способствовало бы прекращению войны, дело не заходило, тогда как гетман делал главную ставку на втягивание царя в войну. В этой дипломатической игре программа Хмельницкого постепенно менялась. Сначала речь шла только об осторожном прощупывании возможности установления протекции царя над Войском Запорожским как военной единицей («Чтоб он, государь, им помочь учинил ратными людьми, а они, Черкасы, ему, государю, вперед будут надобны»). Позже, на переговорах в апреле 1649 г., уже говорилось о переходе «под высокую руку» царя Войска Запорожского «с землями», а в письме к Алексею Михайловичу, датированном концом апреля этого же года, гетман впервые писал о «всей Руси», которая ожидает милости и обороны от царя. В конечном итоге с 1651 г. в письмах гетмана уже идет речь о договорном подданстве:

Всей Малой Русью, духовного чина и светского всяких чинов люди, мещане и казаки, дадим на себя договорные письма за руками [подписями] и большим подтверждением [присягой].

Представляется, что изменение планов гетмана относительно взаимоотношений с Московией — от предоставления военных услуг царю до установления его протектората над территорией — произошло под воздействием двух факторов. С одной стороны, султанские предложения подтверждали, так сказать, цену молодого казацкого государства, а с другой — Богдан Хмельницкий испытывал все более активное идеологическое давление со стороны высших иерархов Восточной Церкви, которые яростно клеймили сближение с «неверными». О существенности первого момента свидетельствует то, что именно турецкую карту, поддразнивая Москву, использовал гетман, демонстративно заявляя русским послам, что примет протекторат султана, если не получит положительного решения царя:

А если только нам и нашим послам не будет оказана полная государева милость, то нам некуда деваться, кроме как идти к турецкому царю.

Что же касается влияния церковных иерархов, то о нем, естественно, можно лишь догадываться, так как никто не записывал, какие пастырские напутствия

150. Фрагмент постановления
Поместного собора 1653 г.

держат под своей государевой рукой», то есть весьма возможно, что именно патриарх, советуя гетману, стал инициатором этого шага. На протяжении 1649–1653 гг. в роли посредников на переговорах с московским правительством выступали, кроме Паисия, митрополит Назаретский Гавриил, константинопольский патриарх Афанасий и митрополит Коринфский Иоасаф, который даже привез гетману освященный на Гробу Господнем меч. Энергичные иерархи не только поддерживали своим авторитетом и присутствием гетманские посольства, но и выполняли доверительную посредническую миссию, передавая из Чигирина в Москву и обратно тайные поручения. Наконец, все они, осуждая «братство» казаков с татарами и турками, подговаривали гетмана и казацкую старшину к союзу с единоверным царем ради пользы «праведной веры». Можно предположить, что они стояли за Хмельницким и тогда, когда тот доказывал царю резонность нарушения мирного договора с Речью Посполитой, потому что, дескать, на это его благословят четыре вселенских патриарха. Ведь, как уверенно писал гетман, «мне это известно, потому что пишет мне об этом вселенский патриарх Царьграда Парфений и иерусалимский — Паисий».

Явный отголосок константинопольской идеи единения христиан восточного обряда слышен и в мотивации, которой гетман обосновывал перед царскими посланцами в апреле 1649 г., почему он добивается именно царской милости (можно сравнить, насколько отличается эта мотивация от идеи договорного вхождения Руси в состав Польского королевства, получившая распространение в преддверии казацкой революции):

давали гетману почтенные старцы, приехавшие в Украину из «пасти бусурманской», то есть из Османской империи. Показательно, однако, что именно иерусалимский патриарх Паисий торжественно встречал Богдана Хмельницкого во время триумфального въезда в Киев в начале 1649 г., благословив в Софийском соборе «на войну с ляхами». Он же сопровождал первое посольство гетмана в Москву, отправленное сразу после упомянутых торжеств. По словам патриарха, Хмельницкий поручил ему лично хлопотать перед московским царем, чтобы тот «соизволил Войско Запорожское

От Владимирова святого крещения одна была у нас благочестивая христианская вера с Московским государством и одну мы имели власть. А разъединили нас неправдами своими и насилием лукавые ляхи...

Перелом в отношении осторожного московского правительства к казацкому вопросу стал заметен в конце 1650 г., а уже в январе 1651 г. в Чигирин прибыло посольство думного дьяка Лариона Лопухина, которое засвидетельствовало, что в Москве начали серьезно обдумывать перспективы принятия в подданство казацкой Украины с прицелом на войну против Речи Посполитой. Созванный в феврале 1651 г. Земский собор высказался в пользу расторжения «вечного мира» с королем, а в июле того же года митрополит Назаретский Гавриил привез гетману устное подтверждение царской милости. В марте следующего, 1652 г. начались переговоры об условиях возможного союза. Московская дипломатическая машина действовала медленно, поэтому только через год, в начале июня 1653 г., сановники Русского государства окончательно склонились к принятию Войска Запорожского под протекцию царя. Султанское посольство, которое в конце мая 1653 г. привезло гетману, как уже упоминалось, клейноды вассала Османов, окончательно убедило царский двор в том, что медлить рискованно. Поэтому уже 2 июля 1653 г. царь Алексей Михайлович издал грамоту, в которой шла речь о принятии Украины «под нашего Царского Величества высокую руку», чтобы Войско Запорожское не стало «врагом Креста Христова». Принятое вдогонку осеннее постановление Земского собора от 11 октября было формальной церемонией для обоснования разрыва мирных отношений с Речью Посполитой: «вечный мир» 1634 г. объявлялся недействительным, а одновременно постановлялось:

Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку... И чтоб их не отпустить в подданство турецкому салтану или крымскому хану...

Дело считалось срочным, потому уже на второй день было сформировано уполномоченное посольство с титулом «про государевы великие дела» во главе с боярином Василием Васильевичем Бутурлиным. Сопровождали Бутурлина опытные дипломаты Иван Алферьев и Ларион Лопухин, а также свыше 40 сановников и служащих разных рангов. Специально отправленные церковные служители везли хоругвь, крест и образ Спаса — царский подарок гетману. В качестве переводчика ехал воспитанник Киево-Могилянской коллегии шляхтич Степан Колчицкий. Насколько серьезно относились в Москве к возможным колебаниям

казацкой политики, свидетельствует то, что послы выехали, даже не дождавшись обязательной в дипломатической практике того времени посольской инструкции (она нагнала их уже в дороге). В первой декаде ноября 1653 г. посольство прибыло в Путивль — тогдашний пограничный пункт, но вынуждено было задержаться здесь вплоть до конца года, ожидая, пока в Переяславе, который был выбран в качестве места совершения торжественного акта, соберутся полковники с войском. Наконец, в начале января 1654 г. Бутурлин и сопровождавшие его прибыли в Переяслав, где местный полковник Павло Тетеря устроил им торжественную встречу при въезде в город.

Выбор незначительного Переяслава, а не Киева (чего предварительно желали в Москве) для осуществления торжественной церемонии является фактом многозначительным. Историки никогда не узнают, о чем в действительности думал Богдан Хмельницкий, форсируя заключение союза, потому что наивно было бы отождествлять устные заявления этого виртуозного мастера политической интриги с его реальными намерениями. Последние можно реконструировать отчасти по действиям, а отчасти (так как не все задуманное воплощалось) — по сплетению сопутствующих, на первый взгляд несущественных деталей. Одной из них, похоже, как раз и был выбор места церемониального акта, который подсказывает логическую параллель: вместо сакральной столицы «всея Руси» — казацкий полковой Переяслав, вместо декларируемого вечного союза с единоверным царем — военное казацкое соглашение, продиктованное ситуацией.

Утром 18 (8 по старому стилю) января в 1654 г., в воскресенье, накануне официальной церемонии гетман созвал закрытую старшинскую раду, которая еще раз одобрила запланированный акт. В два часа дня барабанщики ударили в барабаны, созывая на раду «все товарищество». Впрочем, это явное преувеличение, потому что в городе находился лишь Переяславский полк Павла Тетери, крестника гетмана. Всего же, по подсчетам Михайлы Грушевского, на Переяславской соборной площади собралось около 200 представителей старшины и казачества, среди них 12 полковников.

Как записано в отчете московского посольства, Богдан Хмельницкий, открывая раду, произнес речь, где отметил тяжелые испытания шестилетней войны «с притеснителями и врагами нашими, которые хотят искоренить Божью церковь». Эта рада, сказал он, собралась для того,

чтобы есте себе с нами обрали государя из четырех, которого вы хотите. Первый царь есть турецкий, который многижды через послов своих призывал нас под свою область; второй — хан крымский; третий — король полский,

который, буде сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великия Росия государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец восточной, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим. Тут которого хотите избирайте! Царь турский есть бусурман: всем вам ведомо, как братия наши, православнии христиане греки беду терпят и в каком суть от безбожных утеснений. Крымской хан тож бусурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есмя. Какое пленение, какое нещадное пролитие крови христианские от полских панов утеснения, — никому вам сказывать ненадобеть... А православный христианский великий государь царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона, единого исповедания... которого естли со усердием возлюбим, кроме царския высокия руки, благодатишнейшаго пристанища не обрящем.

В ответ на эту речь, согласно тексту посольского отчета, все вскричали:

«Волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достати!» Потом полковник переяславской Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал: «Вси ли тако соизволяете?» Рекли весь народ: «Вси единодушно». Потом гетман молыл: «Буди тако! Да Господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою!» А народ по нем, вси единоголосно, возопил: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб есмы во веки вси едино были!»

Даже если, читая этот отчет, мы примем во внимание ритуально возвышенную по отношению к царю и православию стилистику московского дипломатического этикета, все равно придется констатировать, что рада прошла в согласии (что случалось нечасто). В то же время ее омрачил публичный скандал в Успенском Переяславском соборе, когда присланные из Москвы церковнослужители позвали казацкую старшину к принесению присяги. Удивленный гетман потребовал, чтобы сперва от имени Алексея Михайловича присягнули послы — на то, что государь не выдаст его, гетмана, и все Войско Запорожское, польскому королю, а также не нарушит их вольностей.

Бутурлин, в свою очередь, с негодованием протестовал:

В Московском государстве прежним великим государем нашим... веру чинили их государские подданные, также и великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичю... они веру чинят на том,

что им... служить, и радеть, и прямить, и всякого добра хотеть; а того, что за великого государя веру учинити, николи не бывало и вперёд не будет; и ему, гетману, и говорить было о том непристойно, потому что всякий подданной повинен веру дати своему государю, и они б, гетман и все Войско Запорожское, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и веру великому государю дали по евангельской заповеди без всякого сумнения.

Ситуация становилась критической, поэтому гетман со старшиной покинул собор и провел долгое совещание. Высланные еще раз к московским послам полковники Тетеря и Григорий Лесницкий пытались уговорить Бутурлина, приведя аргумент, который казался им убедительным: польские короли всегда присягают своим подданным. На что Бутурлин ответил, что «тово в образец ставить непристойно, потому что те короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том николи в правде своей не стоят»; царь принял Войско Запорожское по его просьбе, поэтому казаки должны помнить о царской милости и присягнуть, а «государское слово переменено не бывает». Несмотря на очевидную двусмысленность положения, отступить было некуда. Вернувшись в собор, гетман и старшина принесли присягу, «что быти им з землями и з городами под государевою высокою рукою навеки неотступными».

По окончании переговоров, длившихся еще несколько дней после церемонии, Бутурлин и члены посольства разъехались по полкам для принятия присяги. В течение января — февраля 1654 г. на территории 17 полков присягнуло более 127 тысяч человек, в том числе 64 тысячи казаков. От присяги отказалось высшее духовенство, ссылаясь на отсутствие разрешения Константинопольского патриархата; часть мещан Переяслава, Киева и Чернобыля принесла присягу лишь под давлением казаков; не присягали Уманский, Брацлавский, Полтавский и Кропивьянский полки. По некоторым данным, до мая медлила с присягой и Запорожская Сечь. Однако говорить о серьезном сопротивлении присяге нет оснований. По свидетельству Летописи Самовидца, «увесь народ з охотою тое учинил. ...И немалая радость межи народом стала». После шести лет изнурительной войны все более сильными становились промосковские симпатии, выражавшие иллюзию на спасение от военных невзгод. Люди не понимали, что на самом деле приближалась война еще более масштабная, ради которой, собственно говоря, и было заключено Переяславское соглашение.

* * *

Классификация Переяславского акта с точки зрения международного права является предметом длительных дискуссий. Документами, которые должны были бы составлять полный комплект к договору 1654 г., являются: 1) так называемые «Статьи Богдана Хмельницкого», с которыми украинское посольство в марте 1654 г. отправилось в Москву, и согласованный вариант, состоящий из 11 статей, или «договорных пунктов» (первые утрачены целиком, а от вторых сохранились лишь сделанные московскими дьяками переводы с царскими резолюциями); 2) три черновых проекта (их оригиналы были утрачены во время Руины) жалованных грамот Алексея Михайловича, подтверждавших вольности Войска Запорожского, закреплявших за гетманской булавой Чигиринское староство и признававших давние права шляхты. В соответствии с Мартовскими статьями (как традиционно называют «договорные пункты») и уточняющими и разъясняющими их жалованными грамотами, гетману принадлежала верховная власть в сфере законодательства, администрации, суда, финансов, войска на собственной территории и отношений с иностранными государствами. То есть речь шла о распространенном тогда протекторате правителя более сильного государства над более слабым (собственно, именно в такой зависимости от султана находились Крымское ханство, Семиградье, Молдавия и Валахия, и на таких же условиях Стамбул предлагал свою опеку Хмельницкому). Признаками вассальной зависимости в московском (как и в турецком) варианте служили две обязанности: уплата денежной дани в казну правителя-протектора и некоторое ограничение объема сношений с иностранными государствами, которые правитель вассального государства не мог вести в ущерб суверену. В украинском случае гетман должен был информировать царский двор о своих внешних контактах и не вступать без его санкции в переговоры с польским королем и султаном (при жизни Хмельницкого украинская сторона этот пункт игнорировала, а впоследствии его нарушение служило главным основанием для обвинения гетманов в измене). Несколько несогласованной была формулировка пункта о дани: в гетманском варианте договора ее следовало передавать в виде готовой «суммы», а по «Мартовским статьям» ее должна была собирать царская администрация. Наконец, огромную роль в будущем укреплении позиций Москвы на украинской территории суждено было сыграть неосмотрительному согласию казацкой стороны на ввод в Киев и Чернигов русских воевод в качестве постоянных представителей царя.

Кроме приведенной характеристики Переяславского договора, сформулированной Андрием Яковливым, существуют и другие интерпретации с точки

зрения международного права: как акта неполной инкорпорации Московией казацкой державы в виде автономии (эта трактовка появилась в XIX в., ее же придерживалась и советская историография); как объединения двух государств на основании персональной унии под властью царя; как военного союза, подкрепленного протекторатом. В последнее время можно встретить попытки определения объединения Московии и казацкой державы как конфедерации, но эта мысль неправомерна, учитывая саму природу конфедеративной связи, предполагающей равное партнерство объединяющихся политических организмов, между тем как правитель Украины — гетман — признавал себя подданным царя. Многие нюансы послеперяславской истории русско-украинских взаимоотношений, о которой более подробно речь пойдет далее, объясняются тем, что Москва и Чигирин вкладывали разное содержание в суть заключенного в Переяславе договора. Гетман и его окружение видели в этом акте прежде всего выгодную политическую комбинацию, которая гарантировала казакам защиту на фоне сохранения внутреннего мира. Ведь абсолютное большинство населения восприняло положительно союз с единоверным царем, тогда как многовековое предубеждение в отношении «бусурман» делало аналогичный союз с турками непопулярным, а возможность польско-украинского примирения уже была перечеркнута взаимно пролитой кровью. Зато Москва, согласившись принять гетмана «под высокую царскую руку», всегда понимала протекторат как поглощение, и именно под этим углом зрения была использована и неясность или непродуманность формулировок Переяславского соглашения, и внутренние неурядицы (коих после смерти Богдана Хмельницкого было немало). По меткому выражению Николая Костомарова, «московская политика не допускала федеративного идеала, и присоединение Украины к Московскому государству понимала не иначе, как в смысле превращения свободных казаков в царских».

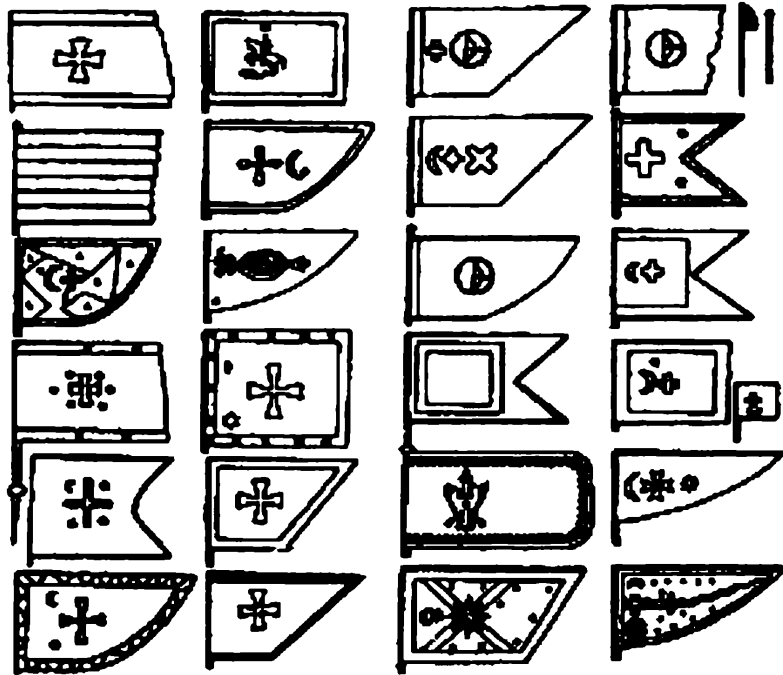
Это не только размышления либерального интеллектуала XIX в. В русской «Летописи о многих мятежах», написанной в 1658 г., простодушно сообщалось, что царь с Божьей помощью «попленил Литву, Белую Русь и Малую Русь».

В заключение стоит напомнить, что немало историков, комментируя вхождение казацкой Украины в состав Московского государства, пользовались метафорой «воссоединения», которая сформировалась под воздействием нескольких историографических традиций. Главный вклад в распространение взгляда на Переяславский акт как на «воссоединение» принадлежал церковной истории: начиная с киевской словесности конца XVII в. и заканчивая работами начала XX в. историки церковного круга оценивали прошлое в понятиях сплошного, русско-украинско-белорусского, православного пространства, которому

смертельно угрожает «латинство», а спасает от гибели «воссоединение» под скипетром православного царя. Для историков XIX в., над которыми довлел так называемый «государственно-юридический» подход к интерпретации событий, не последнюю роль играла магия терминов «милости» и «пожалования», которыми оперирует Переяславское соглашение (хотя в действительности обе формулы — всего лишь элемент дипломатического этикета, а русские должностные лица воспринимали взаимоотношения с Украиной как договорные еще и во времена Петра I). Наконец, в советское время проблема приобрела идеологическую актуальность, потому что формула «воссоединения двух братских народов» санкционировала монолитность Советской империи, одновременно подчеркивая роль ее формирующего ядра — России, которая «освобождала от чужеземных захватчиков» входившие в состав Советского Союза («воссоединенные») соседние земли.

Территория и модель власти / управления казацкой державы

Принципы внутренней организации казацкой державы формировались «на марше», в ходе войны, поэтому не удивительно, что их — приближая к современным понятиям — можно сравнить с военной диктатурой, где гетман осуществлял власть от имени войска. Более того, даже само название государства — Войско Запорожское — отождествлялось с его персоной. Красноречивое свидетельство этого — официальная титулатура Богдана Хмельницкого и его преемников: если, например, за именем короля, хана и т. п. перечислялись земли, подвластные их юрисдикции, то титул правителя Украины звучал как «гетман Войска Запорожского». Гетмана избирали казаки, однако в качестве главы государства он стоял над всеми сословиями, обладая правом издания законов, высшей административной и судебной властью — для казачества в роли непосредственного руководителя, для остального населения как высшего арбитра. Полноправные жители государства, не несшие военную службу (шляхта и мещане), оставались «при давних правах и вольностях», то есть сохраняли традиционное самоуправление и свои имущественные прерогативы. Правда, если верить московским присяжным спискам в 1654 г., на казацкой территории осталось всего около 300 шляхетских семей, да и те рано или поздно должны были смешаться с городской верхушкой или влиться в казацкую старшину, что и произошло позже. Грань же между мещанами и казаками вообще была очень подвижной: по подсчетам Ивана Крипьякевича, в ходе войны к казачеству примкнуло от 50 до 80% городского населения.

151. Знамена казацкого войска в середине XVII в. (прорисовка)

В правовом отношении не произошло радикальных изменений и в положении крестьян: они, как и прежде, должны были выполнять «обычную повинность» в пользу своих владельцев. Впрочем, свою часть выигрыша «оказаченная» в ходе войны крестьянская масса все же получила, освободившись от частной подданнической зависимости и превратившись в подданных Войска Запорожского — «посполитых» (то есть простых людей), которые владеют обрабатываемой землей при условии уплаты налогов в военную казну.

Наличие развитых форм городского (магдебургского) и шляхетского (земского) самоуправления с традиционной выборной ротацией компенсировало фактическое отстранение шляхты и мещан от политической жизни, отныне сосредоточенной в руках нового «политического народа» — казачества, а на деле — казацкой старшины. Ее частичная выборность, так же как и уже упоминавшаяся прозрачность перегородок между социальными группами населения, придавала казацкой державе стихийно-демократический характер. В ней, хотя и без соответствующих юридических деклараций, утверждалось сословное равенство — с распределением функциональных обязанностей без выделения привилегированного законом сословия в ущерб остальным. Со временем эта гармония будет нарушена, в казацкой старшине проснутся вкус к «шляхетской» генеалогии и собственнические аппетиты, начнется закрепощение посполитых и посягательства на права мещан. Но это — дело будущего, тогда как государству Богдана Хмельницкого, а отчасти и его преемников удавалось совместить два несовместимых принципа: военную диктатуру и народовластие.

Государство, созданное Богданом Хмельницким, сумело просуществовать (хотя и утрачивая шаг за шагом элементы своего суверенитета) почти полтора века, и это в значительной мере свидетельствует о его жизнеспособности. При жизни Хмельницкого оно охватывало территорию с населением более 3 миллионов человек и площадью около 200 тысяч кв. км. На юге его границы простирались по обоим берегам Днепра до Дикого поля, на западе приблизительно

совпадали с порубежьем старого Брацлавского воеводства, на севере в районе г. Звягеля [совр. Новоград-Волынский] доходили до р. Горини, далее выше Овруча тянулись через Припять до левого берега Днепра, где крайними северными пунктами были Любеч, Новгород-Северский и Стародуб [теперь Брянской обл. в Российской Федерации]; в конце 1650-х гг. Войску Запорожскому принадлежала еще и часть Южной Белоруссии.

Административное деление повторяло структуру войска: территориальные единицы соответствовали иерархии боевых подразделений, обеспечивая максимально быструю мобилизацию военнообязанного населения, то есть казачества. Эту политико-административную систему иногда считают казацким нововведением, но такой взгляд не кажется неопровержимым: территориальное деление многих средневековых государств считалось с необходимостью оперативной мобилизации вооруженного населения. Не были здесь исключением также поветы и воеводства Великого княжества Литовского и Польского королевства, первоначально являвшиеся центрами обитания рыцарства-шляхты, которая по вызову правителя должна была являться «на коне и при оружии» в ополчение собственной округи — повета, откуда они направлялись под знамена нескольких поветов, подчинявшихся высшему военачальнику — воеводе. Другое дело, что к середине XVII в. первоначальное содержание подобного территориального деления было в значительной степени забыто, так как с течением времени на него наложилось фискальные и судебные функции. Что же касается деления нерыцарского населения (служилых бояр и мещан) на десятки и сотни, то вплоть до казацкой революции, как уже упоминалось, именно по такому принципу была организована самооборона от татарских набегов.

Самым мелким воинским подразделением казацкой армии был курень, соответствовавший десятку, в который входило от 10–20 до 30–40 воинов определенного хутора, села или части местечка или города. Возглавлял курень выборный куренной атаман, а местной общиной, которая снаряжала казацкий отряд на войну, в селах руководил выборный войт. Курени объединялись в высшую военную, а одновременно и административно-территориальную единицу — сотню во главе с сотником, которого назначал полковник и который вместе с сотенной старшиной (есаулом, писарем и хорунжим) размещался в сотенном местечке, бывшем их резиденцией; гражданскими делами в сотне ведал городской атаман совместно с органами мещанского самоуправления. Сотня не имела стандартных размеров и обычно включала в себя 200–300 воинов. Сотни объединялись в полки и территориально подчинялись конкретному полковому городу, где находилась резиденция полковника (назначаемого гетманом) и полковой старшины: есаула, обозного, судьи, писаря, хорунжего.

Количество полков не всегда было одним и тем же. В реестре, составленном по Зборовскому договору 1649 г., их насчитывалось 16: Белоцерковский, Брацлавский, Кальницкий, Каневский, Киевский, Корсунский, Кропивенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилуцкий, Уманский, Черкасский, Черниговский, Чигиринский. В 1651 г. был создан Паволоцкий полк, в 1655 г. — Белорусский и т. д. Согласно данным Зборовского реестра, полк мог насчитывать от 11 до 22 сотен; например, в 1654 г. Корсунский полк насчитывал более 5 тысяч казаков, Полтавский — более 6 тысяч, Нежинский — около 12 тысяч и т. п. Как и в сотенном местечке, в полковом городе гражданскими делами казачества ведал городской атаман, а мещан — органы самоуправления. Обязанности командира полка как боевой единицы полковники совмещали с функциями председателей администраций полковой территориальной округи, в которой им были предоставлены широкие судебные, карательные и финансовые полномочия.

Автономной единицей оставалась Запорожская Сечь, не входившая ни в один из полков и подчинявшаяся непосредственно гетманскому правлению. Сечь сама избирала себе кошевого атамана (в отличие от назначавшихся гетманом полковников).

Верхушку властных структур составляла генеральная старшина, которую также называли «войсковая»: наказной гетман, обозный, судья, писарь, два есаула, хорунжий и бунчужный. В ведении генерального писаря, чьи обязанности можно приравнять к функциям канцлера, то есть хранителя государственной печати, а если соотносить с современными понятиями, то министра иностранных дел или государственного секретаря, находилась Генеральная военная канцелярия — штат дипломатической и административной служб. Генеральный обозный руководил снабжением армии оружием и сугубо военными вопросами, то есть, по современным понятиям, был министром обороны, имея в своем распоряжении собственный вспомогательный штат из есаулов, хорунжих, экономов, пушечных писарей и т. п. Генеральные судьи (обычно их было двое) заведовали гетманским судом; в XVIII в. он был преобразован в специальный апелляционный орган — Генеральный суд, через который проходили дела, рассмотренные предварительно в сотенных и полковых судах. Должности генерального есаула, генерального хорунжего и генерального бунчужного не имели четко очерченных функций и сводились к выполнению непосредственных поручений гетмана (иностранцы называли этих людей «генерал-адъютантами»). Генеральная старшина в целом составляла при гетмане малую старшинскую раду, а при участии полковников образовывала большую раду (венецианский посол Альберто Вимина называет ее «сенатом»).

Резиденцией гетманского аппарата, а следовательно, столицей государства при Богдане Хмельницком и нескольких его преемниках был Чигирин [в настоящее время райцентр Черкасской обл.], а точнее, чигиринский замок на крутой горе над р. Тясмин. В мирное время здесь хранились гетманские регалии: булавы, хоругви (знамена), бунчук и печать Войска Запорожского (во время походов как регалии, так и гетманская канцелярия находились при гетмане). Знамена еще не имели стандартизированного вида — одного и того же цвета, с одинаковой эмблемой и т. п.: на хоругви, врученной Богдану Хмельницкому в Переяславе от имени царя, было вышито золотом изображение Спаса Нерукотворного, а само знамя, вероятнее всего, было черно-красным; под тем же 1654 г. упоминается также черно-желтое знамя гетмана с крестом, а под 1655 г. — три знамени: с изображением покровителя руського воинства архангела Михаила (без указания цвета), белое с вышитым гербом Хмельницкого и красное (без указания эмблемы).

Что касается финансовых служб, то под 1654 г. впервые упомянут гетманский подскарбий, который ведал доходами и расходами Войсковой казны, однако официально во времена Хмельницкого должности генерального подскарбия еще не существовало, и все финансовые дела гетман контролировал лично. Источниками доходов казны должны были стать бывшие королевские земли, имения Католической Церкви и эмигрировавшей шляхты, однако ввести регулярное налогообложение их обитателей в военной сумятице так и не удалось. Источниками денежных поступлений были пограничные торговые пошлины с ввозимых и вывозимых товаров, натуральная дань на содержание войска, поземельный чинш и налоги на шинкование (продажу пива, меда и водки), использование мельниц, аренду и открытие рудников и дегтярен, продажу табака и т. п. В 1649 и 1652 гг. датируются упоминания о гипотетических попытках чеканить в Чигирине собственную монету,

152. Освящение знамени.
Миниатюра из рукописного
«Служебника» 1665 г.

однако вероятность этого сомнительна, потому что позже о деньгах Богдана Хмельницкого уже никто не вспоминает, и нумизматам такая монета неизвестна. В денежном обращении тогда ходили польские, австрийские, венецианские, русские и турецкие золотые и серебряные монеты, впрочем, как и в любом другом государстве того времени, поскольку перемещение денежных масс не ограничивалось.

Старшинский корпус: социальная и мировоззренческая несовместимость

Старшинский корпус, на который опирался Богдан Хмельницкий на протяжении своего десятилетнего гетманства, обычно разделяют на казацкое и шляхетское крыла, якобы принципиально противопоставленные друг другу. В этом имеется определенное упрощение, так как на самом деле вокруг гетмана находилось не две, а три группировки лидеров, которые действовали более или менее согласованно, лишь находясь под его тяжелой рукой. Смерть властного гетмана положила конец этому эфемерному единству, выпустив на волю сдерживаемые до тех пор противоречия. На первый взгляд они кажутся следствиями психологического характера — властолюбия, политической близорукости, склонности к атаманщине. Если же копнуть глубже, то в хаосе борьбы «всех против всех», наступившей во время Руины, можно разглядеть три течения, которые соответствовали интересам трех лидерских групп, окружавших Хмельницкого и за нехваткой отведенного им времени так и не успевших переплавиться в политическую элиту единомышленников.

Первой была группа реестровой («старинной») старшины Войска Запорожского, объединенная чувством воинской солидарности независимо от того, была ли она казацкого или шляхетского происхождения. Из этой среды вышли и сам Богдан Хмельницкий, и его ближайшие соратники, которые стояли во главе войска с самого начала войны: Иван Богун, Кондрат Бурлай (Бурляй), Федор Вешняк, Иван Волевач, Яцко Воронченко, Матвей Гладкий, Иван Голота, Филон Джеджалий, Лаврин Капуста, Роман Катиржний, Яцко Клиша, Федор Лобода, Лукьян Мозыря, Максим Нестеренко, братья Нечаи, Тимофей Носач, Мартин Пушкар, Семен Савич, Василь Томиленко, Богдан Топига, Иван Федорович, Иван Чарнота (Чернята), Прокопий Шумейко и много других. Многие из этих людей, преимущественно ровесников Хмельницкого, имели опыт собственного старшинства или даже принадлежали к старшинской династии, как, например, овручские шляхтичи Федоровичи, чей вероятный прапрадед Саско был полковником Войска Запорожского еще в 1594 г.,

а прадед или дед Тимофей возглавлял один из полков Сагайдачного под Хотинем в 1621 г. Из рода любечской замковой шляхты Савичей-Величковских происходил реестровый гетман Григорий Савич-Черный, и вообще любечская шляхетская округа дала казачеству не одного старшину из семей Томиленко, Гладких, Пушкарей-Ресинских. Задолго до казацкой революции связали свои судьбы с Сечью овручские и остерские земляне и бояре Вешняки, Шумейки, Клиши, Вороны. Не новичком в среде казачества был и киевский шляхтич Федор Лобода — потомок реестрового казацкого гетмана времен Наливайко Григория Лободы. Из мелкошляхетского рода Буцней-Чарнот, обитателей Барского староства, поставлявшего в течение XVI в. шляхетский элемент казачеству (ср. легендарного «гетмана» Ивана Свирговского), происходил Иван Чарнота.

«Бывал гетманом запорожским», как свидетельствуют тогдашние источники, отец Лукьяна Мозыри, а Михайло Дорошенко, дед еще молодого в начале войны Петра Дорошенко, возглавлял Войско Запорожское после смерти Петра Сагайдачного. Этим людям Хмельницкий доверял больше всего, они и составляли ядро окружения гетмана, как, например, Федор Вешняк, которого называли советником гетмана, или Филон Джеджалий, который «безотлучно при нем находился».

Вторую группу старшины на протяжении 1648 г. образовали шляхтичи, которые до войны лично с казацким миром связаны не были (хотя, когда речь идет о киевско-брацлавской шляхте, здесь трудно найти семью, не имевшую в то или иное время контактов с Сечью). Большинство из них перешло на сторону повстанцев сразу после первых побед, руководствуясь чувством «русской» солидарности, оказавшейся в переломный момент сильнее лояльности к Речи Посполитой. Крутой политический выбор облегчался чисто повседневными взаимоотношениями добрососедства, кумовства, свояченичества, семейной дружбы с казацкой реестровой старшиной, поэтому проблем с адаптацией не возникало. Украинская шляхта, как нож в масло, входила в старшинскую верхушку как благодаря личному доверию гетмана, так и благодаря цепной

*153. Иван Выговский.
Копия с портрета XVII в.*

реакции обращений, начавшейся ускоренным переходом на сторону казачества нескольких наиболее заметных фигур, среди которых особое место принадлежало куму Хмельницкого Станиславу Кричевскому. В свое время он был любимцем коронного гетмана Станислава Конецпольского; с 1643 г. занимал должность полковника Чигиринского реестрового полка как «шляхтич родовитый и опытный в делах рыцарских» (происходил он из берестейской русьской шляхты, к середине XVII в. уже окатоличенной). Перейдя под Желтыми Водами на сторону восставших, пожилой чигиринский полковник вновь «открывает» свои русьские корни и даже переходит из католичества в православие, приняв новое имя — Михайло (позже это же сделает и киевский магнат Юрий Немирич; вполне возможно, что через подобное обращение прошли полковники Адам Хмелецкий, Станислав Мрозовицкий и др.). В качестве киевского полковника Михайло Кричевский был участником всех боев 1648 — первой половины 1649 г. и имел огромный авторитет среди казаков. Но в конце июля 1649 г. он получил смертельное ранение под Лоевом, где его полк понес большие потери, перекрывая проход армии Януша Радзивилла в Украину. Очевидец рассказывает, что, когда раненого привезли в ставку Радзивилла и его давние знакомые стали напоминать ему «шляхетские и прежние заслуги», Кричевский «только пожимал плечами и, хватаясь за голову, повторял лишь одно: разве ж это безделица — 30 тысяч человек загубить».

Заметной фигурой среди предвоенной православной шляхты был овручанин Иван Выговский. Он начинал карьеру канцеляристом и адвокатом в Луцке, а в начале 1648 г. служил писарем при Шемберке, правительственном комиссаре реестрового Войска Запорожского, и именно с его отрядом попал в плен под Желтыми Водами. Благодаря профессиональным усилиям Выговского в течение 1648 г. сформировался административный и дипломатический штаб Хмельницкого — Генеральная войсковая канцелярия. Возглавляя ее вплоть до смерти гетмана, бессменный генеральный писарь был посвящен в самые секретные дела: «Ни один полковник не знает того, что думает Хмельницкий, только Выговский», — писал один из современников.

Почти с первых же дней войны мы видим в казацком войске четырех братьев Выговского и многих полковников родом из киевской и брацлавской шляхты: Самойла Богдановича-Зарудного, Антона Ждановича, Михайла Зеленского, Силюяна Мужилковского, Григория Сахновича-Лесницкого, Ярему Петрановского и др. Уже в начале восстания на казацкую сторону переходит жолнер драгунской хоругви, будущий переяславский полковник и один из самых ярых противников примирения с Польшей Петр Головацкий (Гловацкий). После битвы под Корсунем в июне 1648 г. свой жизненный выбор сделали

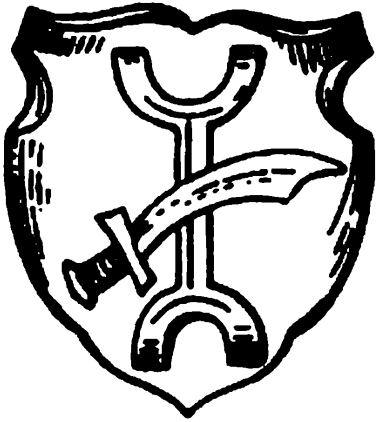
коронный ротмистр Остап Гоголь и Адам Хмелецкий из Перемышльской земли, племянник покойного героя антитатарских походов киевского воеводы Стефана Хмелецкого. Другой галичанин, Иван Креховецкий, тогда же начинает свою «казацкую карьеру» в должности корсуньского полкового писаря (со временем он станет одним из самых заметных дипломатов Хмельницкого и генеральным судьей). На Покутье осенью 1648 г. организовывает собственный пятнадцатитысячный отряд из мелкой шляхты, мещан и крестьян галицкий шляхтич Семен Высочан (впоследствии, перейдя на территорию казацкой Украины, он станет лисянским полковником). Из Западной Брацлавщины со своими людьми уходит на казацкую территорию представитель старинного панского рода Степан Байбуза, со временем уманский полковник, из киевского Полесья — Прокоп Бережецкий и Григорий Закусило, из черниговского Левобережья — борзнянский полковник Петро Забила и его сын Иван. Одновременно на Подолье повстанческие отряды возглавляет сын теребовльского подстаросты, постельничий покойника Владислава IV, воспитанник Краковского и Падуанского университетов Станислав Мрзовицкий.

Новое шляхетское пополнение вливается в Войско Запорожское в 1649–1650 гг., когда после Зборовского соглашения началось массовое «оказачивание» шляхты в воеводствах, перешедших под юрисдикцию Войска Запорожского: Киевском, Брацлавском и Черниговском. Устрашающий взрыв революции весной—летом 1648 г. заставил сотни шляхетских семей эмигрировать на Запад, покидая дома, а иногда и убегая, как они сами писали, «в одной рубашке». Некоторое время изгнанники питались иллюзорными надеждами на материальную поддержку польской «братии шляхетской». Начиная с осени 1648 г. проблема беженцев обсуждалась на сеймах, однако помогать разоренным эмигрантам никто не спешил, более того, позицию коронной шляхты можно свести к выражению одного польского посла: «Кто им навредил, тот пусть и возмещает». Неудивительно, что в конечном итоге случилось то, о чем предостерегал на одном из сеймов Адам Кисель: руськая шляхта, «доведенная до края отчаянья, начнет сама заботиться о себе».

С осени 1649 г. наблюдается массовое возвращение беженцев и их переход в казаки (к концу этого же года в Войске Запорожском было, по донесениям московского дипломата Григория Кунакова, более 6 тысяч шляхтичей). Именно тогда среди казацкой старшины впервые встречаются фамилии Бруяк, Верещак, Гуляницкие, Дзики, Житкевичи, Искрицкие, Кохановские, Красносельские, Кропивницкие, Кульчицкие, Миневские, Немир, Сулим, Чекановские и многие другие. Практически на сто процентов были укомплектованы шляхтой штаты полковых писарей и Генеральной войсковой

канцелярии, что и понятно: эта служба требовала образования, знания законов и канцелярской практики, а в посольствах еще и этикета дипломатических сношений. Обращение шляхты в казачество воспринималось как совершенно естественное. Характерной деталью, подчеркивающей это, является, например, обязанность шляхты Белоцерковского замка сопровождать гетмана в составе его личной свиты. Несколько позже, в 1664 г., это формулировалось следующим образом: шляхетские обитатели местных замковых сел Лесевичи, Ковшовата, Насташка, Скарживка, Мазепинцы и др. должны, «перепоясавшись оружием, выступать на стороне гетмана всякий раз, когда гетман будет садиться на коня для войны».

Третью группу старшины, вынесенную на вершину власти революцией, составляли выходцы из казацкой черни, мещан, иногда даже крестьян. Это крыло, в отличие от двух предыдущих, не было единым целым. Зажиточные

154. «Герб собственный»
волынских шляхтичей
Гуляницких

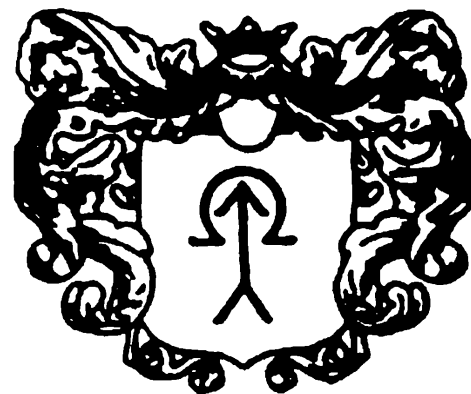
горожане, которыми, например, были Яким Сомко, Иван и Василий Золотаренко или Мартин Небаба, быстро слились со «старинной старшиной», приобретя военный опыт и даже славу полководцев. Например, бывший прежде коростышевским мещанином, а впоследствии черниговским полковником Небаба был охарактеризован шведской дипломатической агентурой как «один из самых лучших полковников Хмельницкого». О феноменальном мужестве Небабы свидетельствует его последний бой под Лоевом в 1651 г., где он, потеряв правую руку, перехватил саблю левой и защищался до последнего вздоха. В отличие от этих людей, близких к гетману, несколько в стороне держались такие заметные среды казачества фигуры, как прежний подданный Адама

Киселя из Носовки черниговский полковник Степан Пободайло (Подобайло), еще довоенный «полевой вождь» казацкой черни уманский полковник Иван Ганжа (впоследствии он даже перейдет на сторону противника из-за личного несогласия с Хмельницким), вождь казацко-крестьянских отрядов Максим Кривонос, который возглавлял практически независимую от гетмана армию, в генеральных битвах даже стоявшую отдельным лагерем. Сюда же относятся и менее заметные с точки зрения тогдашних источников полковники и старшины Олександренко, Вдовиченко, Гречиха, Гавратенко, Максименко, Матвей Положный, Семен Оргиенко, Михайло Богаченко, Бугай, Пихотник.

Все три упомянутые группы старшинской верхушки имели несовпадающие представления о целях войны. Полковники из «старинного» казачества,

испытывая острую личную антипатию «к ляхам», в то же время совершенно спокойно воспринимали переговоры и уступки, относясь к ним как к коллизиям, неизбежным во всякой войне. С точки зрения казацкой традиции очередная попытка помериться силами с Речью Посполитой была обычным походом, в котором сложенные казацкие головы — не трагедия, но и поиск замирения в случае проигрыша также не трагедия. Конечным итогом войны в их понимании должна была стать добытая саблей автономия казацкой территории под покровительством одного из правителей соседних великих держав (неважно, какого именно) — московского царя, турецкого султана или польского короля, что в переносном смысле соответствовало обычаям вооруженного наемничества: служить саблей тому, кто больше платит. Подавленная могучей волей Богдана Хмельницкого, эта традиционная модель казацкого поведения не давала о себе знать вплоть до его смерти, потому что гетман сам решал, кому предлагать саблю и как распоряжаться добытой свободой. Но после смерти Хмельницкого все вернулось на круги своя, и именно старшинский элемент из «старинных» казаков первым начал разваливать созданное ценой нечеловеческих усилий государство, так и не научившись подчинять собственные, нередко очень значительные, амбиции высшей цели.

Впрочем, трения по поводу права первенства случались еще при жизни гетмана, и альтернативные претензии на гетманство возникали как раз в среде «старинной» старшинской группы, уверенной в своем опыте и популярности. Люди, которые начинали вместе с Хмельницким войну как равные ему, нелегко привыкали к автократизации его власти (это едко и точно подметил в 1654 г. киевский непоказаченный шляхтич Павел Олекшич в письме к своему приятелю — «старинному» казаку-шляхтичу Ивану Богуну: «Хмельницкий, который был вашим товарищем, теперь стал вашим паном»). О Даниле Нечае, которого тогдашние польские источники называют «первым лицом после Хмельницкого», ходили слухи, что популярному брацлавскому полковнику «хотелось быть вторым гетманом». В январе 1652 г. был обвинен в подстрекательстве к антигетманским бунтам и казнен еще один представитель «старинной» старшины, корсунский полковник Лукьян Мозыря. Весной 1652 г. антигетманское движение возглавил миргородский полковник Матвей Гладкий, который, по свидетельству московских агентов, «назвался вместо Хмельницкого гетманом».

155. «Герб собственный» киевских шляхтичей Нечаев

Новая старшина из перешедших в казачество шляхтичей при жизни Хмельницкого на булаву не претендовала и мериться в авторитете с гетманом не решалась. В ее политических ориентациях можно выделить два главных направления и соотнести их с двумя фазами войны: до и после смерти гетмана. В первом случае это фанатичное антипольское упорство, готовность бороться до конца, победить или погибнуть. Осмелившись присоединиться к восстанию, шляхтичи сожгли за собой все мосты, и какие-то мелкие уступки с польской стороны ничего не меняли в их положении, напротив, подчеркивали их измену. А потому, как писал в своем посольском отчете в 1649 г. московский дипломат Григорий Кунаков, анализируя ситуацию в Украине,

шляхта де баниты паче всех Богдана Хмельнитцкого к войне на Польшу наговаривают: такие де нам поры николи не будет, теперь-то де и смирить, покаместа не справились.

Серьезно относились к этому и противники, различая собственно казаков, шляхту и крестьян. «Плебс распустить, шляхту-изменников выдать» — вот стереотипные требования ультиматумов казацкому командованию и, наоборот, не менее стереотипный пункт мирных соглашений: «Шляхту, которая присоединилась к Войску Запорожскому, амнистировать».

После смерти Богдана Хмельницкого, особенно когда стала очевидной сомнительность альянса с Московским царством — государством деспотического типа, неприемлемого для шляхты, воспитанной на идеалах вольностей Речи Посполитой, настроения старшин-шляхтичей меняются. Московская опасность, помноженная на разгул анархии, подталкивает их к компромиссу со старым привычным миром: на смену антипольскому упорству приходят попытки примирения, впрочем, уже запоздалые, потому что на политическую арену выступила третья сила, не слишком заметная под твердой рукой Хмельницкого, — простолюдины. Среди лидеров черни самой яркой фигурой был, вне сомнения, Максим Кривонос — казак незаурядных военных способностей, воспламененный фанатичной ненавистью к «панам», безжалостный и жестокий даже с точки зрения тех, далеких от современных представлений о человечности времен. Начало войны Кривонос встретил уже человеком немолодым, так как среди повстанцев был его взрослый сын Кривоносенко, который после смерти отца (в конце 1648 г.) некоторое время даже возглавлял один из полков. Довоенная биография «вождя безумного плебса» не была известна самим современникам: одни утверждали, что он происходил из мещан Острога или был купцом из Могилева-Подольского, другие называли его

бывшим подданным Немиричей с Житомирщины; ходил даже слух, что он вообще иноземец, уроженец Шотландии, «сызмальства воспитанный во всех видах морской службы». Объединяясь с самыми ярыми противниками примирения, полковниками-шляхтичами Головацким и Хмелецким, Кривонос отстаивал лозунг: «Кончатъ эту войну своим счастьем, которое нас [повстанцев] сопровождает, а не переговорами».

Питательной средой для антигетманских бунтов, память о которых не покидала воображения казацких низов, были левобережные полки, традиционно теснее всего связанные с Запорожской Сечью. Самые заметные вспышки недовольства приходятся на периоды упорядочения казацкого реестра, возвращавшие в статус зависимых некогда перешедших в казачество крестьян и мещан. В октябре 1651 г. против беспорядков в Черниговском полку, которые возглавил Степан Пободайло, выбранный полковником на казацкой раде (а к тому времени гетман уже обычно назначал полковников сам), Хмельницкий даже готовил к походу четыре верных ему полка. Весной 1652 г. гетман прибег к еще более крутым мерам, казнив нескольких мятежных левобережных старшин во главе с миргородским полковником Матвеем Гладким. В ответ на репрессии чернь Миргородского и Прилуцкого полков якобы избрала гетманом Вдовиченко, и только возобновление в конце мая боевых действий разрядило инцидент.

Своеобразным символом будущего раздора может служить старшинская рада, собранная в мае 1653 г. для обсуждения предложений Стамбула относительно протектората. На ней мы видим три партии: одна, возглавляемая «старинным» казаком Филоном Джеджиалием, соглашалась на союз с султаном (этим путем впоследствии пойдет еще один выходец из «старинного» казачества Петро Дорошенко), другая, во главе с киевским шляхтичем Антоном Ждановичем, предшественником Выговского и Тетери, советовала наладить переговоры с Речью Посполитой, третья высказалась за московскую ориентацию. Решение принял, плетя очередные виртуозные комбинации и надеясь перехитрить казацкую судьбу, сам гетман, однако смерть оказалась хитрее его.

Роль «казацкого отца», умевшего твердой рукой придать единство своему строптивому и разношерстному окружению, понимали все. Вот как, например, звучит ностальгическая легенда о внутреннем согласии в Украине всего через два года после смерти гетмана, когда в 1659 г. один из вожаков простонародья Иван Безпалый скажет:

Между нами, войском кошевым и городовым, такой междоусобной брани не бывало, только брат за брата, а товарищ за товарища верно и любовно все вместе жили.

Начало московско-польской войны. Смерть Богдана Хмельницкого

Весной 1654 г. началась московско-польская война, которую спровоцировали усилия казацкой дипломатии. Главные силы царской армии двинулись на Белоруссию, где предполагалось нанести стратегический удар вдоль смоленского пограничья; до осени того же года были взяты Полоцк, Витебск и Смоленск. В этой интервенции деятельное участие принимал восемнадцатитысячный казацкий полк под командованием наказного гетмана Ивана Золотаренко. В июле 1654 г. Золотаренко оккупировал Быховский, Кричевский и Могилевский поветы, в которых его армия перезимовала, а летом 1655 г. двинулся на север, взяв Свислочь, Минск и наконец — совместно с московскими полками — Вильну и Гродно.

Наступление на Белоруссию должно было совпасть с параллельным наступлением на Волынь, однако широких боевых действий, которые планировали царские воеводы, Богдан Хмельницкий не поддержал, озабоченный безопасностью южного пограничья. Весной и летом 1654 г. здесь продолжались локальные

бои между коронными отрядами и казаками Поднестровья, однако еще более удручающая перспектива была впереди: в июне 1654 г. польской дипломатии удалось достичь значительного успеха, заключив «вечный договор» с ханом. Он аннулировал отныне невыгодное для Крыма казацко-татарское соглашение и устанавливал оборонительно-наступательный союз против Московии и казацкой Украины.

В октябре 1654 г. тридцатитысячная армия во главе с коронным гетманом Станиславом Потоцким «Реверой» вошла на Брацлавщину, а татарское войско двинулось в направлении Умани. Начало опустошению Брацлавщины положило взятие небольшого местечка Буша [в настоящее время Винницкой обл.], осажденного в конце ноября хоругвями Стефана Чарнецкого. После того как большинство защитников пало, жена местного сотника Зависного подожгла бочку с порохом и подняла на воздух себя, оставшихся защитников замка

156. Московский стрелец.
Гравюра середины XVII в.

и нападающих. Разъяренные большими потерями жолнеры истребляли всех подряд. Около 70 уцелевших жителей спрятались в пещере над рекой, отказываясь сдаться, и тогда в укрытие была направлена вода из ручья. Следом за Бушей, как писал Чарнецкий, «пали к ногам короля» 130 городов и местечек между Днестром и Бугом. В конце 1654 — начале 1655 г. десятки местных населенных пунктов полностью обезлюдели, так как их жители были или уничтожены, или уведены в плен татарами, или разбежались (в частности, в течение этих месяцев в одну лишь в Молдавию убежало около 10 тысяч подолян). Один из участников похода описывает тогдашнее запустение Брацлавщины так: «Города и села пусты, куда войско не прибудет людей не застает».

Во второй половине января 1655 г., когда в Украину подошли полки московского воеводы Василия Шереметьева, соединенные казацко-русские силы наконец также выступили на театр военных действий. 29–31 января над р. Багвой под Охматовом [в настоящее время Черкасской обл.] состоялась генеральная битва, в которой с обеих сторон пало до 30 тысяч воинов, а многие замерзли, так как стояли сильные морозы (более поздняя казацкая традиция назовет это место Дрожиполем). И хотя войну не выиграла ни одна из сторон, наступление коронной армии было приостановлено.

Лето 1655 г. прошло под знаком событий, получивших в польской истории название Потопа — пятилетней смуты, охватившей страну и поставившей ее к краю гибели. Шведский король Карл Густав X, оценив начало московской интервенции в Белоруссию и Литву в качестве подходящего повода для того, чтобы поставить точку в полувековом соперничестве Швеции с Польшей за Балтийское побережье, в июле 1655 г. ввел свою армию на территорию противника. Молниеносная капитуляция познанского воеводы вместе с посполитым рушением шляхты стала сигналом к катастрофе: армия массово складывала оружие перед шведами, а сам король Ян Казимир должен был отступить в Силезию. В начале сентября шведское войско взяло Варшаву, а вскоре и Краков. Тогда же,

157. Карл Густав. Гравюра Кюселя, середина XVII в.

сразу после взятия московско-казацким войском Вильны, объявили о принятии шведского протектората и фактические правители Великого княжества Литовского Януш и Богуслав Радзивиллы.

Драматические перипетии шведско-польской войны, окончившейся только в 1660 г., непосредственно повлияли на развитие событий в Украине. Уже в конце мая 1655 г., то есть за несколько месяцев до нападения Карла Густава на польскую территорию, начинаются интенсивные дипломатические контакты между ним и Богданом Хмельницким, к которым были привлечены и союзники шведского короля — семиградский князь Дьердь II Ракоци и бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм. Согласно достигнутым договоренностям казацкая армия вместе со вспомогательным московским корпусом Бутурлина выступила в поход на запад, на Львов. 29 сентября 1655 г. город был взят в осаду, которая вяло тянулась до начала ноября. Весть о появлении в тылу татар изменила планы гетмана: взяв с горожан контрибуцию, он повернул свои полки назад, навстречу хану. После нескольких боев, проведенных в ходе этого марша, Хмельницкий и Мехмед-Гирей IV возобновили мирное соглашение, скрепив союз взаимной присягой.

Пассивность Хмельницкого при оказании поддержки шведам проистекала из серьезных расхождений во взгляде на территориальную проблему, что сказалось во время осады Львова. Согласно намерениям гетмана, западные руськие земли после падения Польши должны были войти в состав казацкой державы, и именно об этом он писал, обращаясь к осажденным горожанам Львова:

Мы уже поделились с этими тремя народами [Семиградьем, Бранденбургом и Швецией]: Его Высочество шведский король пусть принимает то, что ему дал Господь Бог в его распоряжение, а что нам Господь Бог помог освободить Украину нашу руськую — на этом я стою.

Зато шведский король, рассматривая Хмельницкого как вооруженного наемника, выставил собственные претензии на Галицию, что и у казацкой старшины, и у гетмана вызвало острое негодование. Параллельно начали накапливаться разногласия с Москвой. Поводом к раздражению послужило требование Бутурлина, чтобы отвоеванные галицкие города присягали на верность царю, а это уж точно не входило в планы старшины. Суть этих первых столкновений хорошо иллюстрируется словами Ивана Выговского, сказанными на переговорах с представителями Львовского магистрата: «Докуда дошла казацкая сабля, дотуда и должно быть казацкое господство». Еще одним яблоком раздора между московским правительством и Богданом Хмельницким стали регионы Южной Белоруссии, оккупированные Золотаренко. Наказной гетман вводил

здесь казацкую администрацию, тогда как царские воеводы считали эти земли присоединенными «на имя царя».

В таких обстоятельствах, учитывая неопределенность ситуации, Богдан Хмельницкий вступает в тайные переговоры с королем-изгнанником Яном Казимиром, предлагая казацкую помощь в обмен на уступку руських территорий «с Владимиром, Львовом, Ярославом, Перемышлем включительно». Правда, как трезво добавляет Хмельницкий, это маловероятно, потому что даже если бы во всем королевстве осталась всего сотня шляхтичей, то они и тогда никогда не согласились бы на это добровольно.

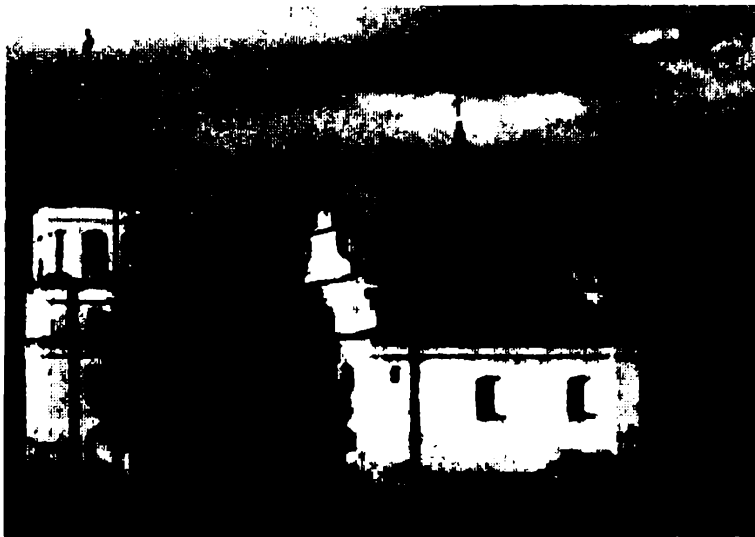
Смягчение антипольской позиции заметно и при обсуждении пунктов только что упоминавшегося мирного соглашения с ханом: гетман якобы обещал Мехмед-Гирею «отступить от Москвы» и способствовать возвращению на трон Яна Казимира.

Тем временем неожиданные изменения претерпел расклад сил союзников. Царское правительство, обеспокоенное успехами своего союзника Швеции — потенциального претендента на обладание всем балтийским побережьем, круто меняет ориентиры внешней политики. В мае 1656 г. Московия объявляет войну Карлу Густаву и начинает мирные переговоры с прежним противником — Речью Посполитой. На съезд по заключению перемирия Богдан Хмельницкий выслал собственных представителей, которые должны были добиться того, чтобы граница между Речью Посполитой и казацкой державой проходила «как при древних князьях руських». Однако казацкие послы не были допущены к переговорам, и им даже не сообщали о содержании дебатов, рассматривая их, по словам самих посланцев, «как псов возле церкви Божьей». Более того, по непроверенной информации, полученной казацкими дипломатами, по условиям договора Украина якобы возвращалась Речи Посполитой (что на самом деле не предполагалось).

Когда посланцы доложили гетману о том, что произошло, тот, как описывает очевидец,

завопил, словно безумный, утративший разум, и молвил: «Уж, дети, о том не печальтесь! Я знаю, что с этим делать: нужно отступать от руки Царского Величества, а пойдем туда, куда повелит Верховный Владыка — да не только под христианского государя, но и под бусурмана».

С ноября 1656 г. Хмельницкий разворачивает бурную дипломатическую активность, форсируя подписание соглашений с Швецией, Семиградьем, Валахией, Австрией, Молдавией и Крымом; возобновляются также переговоры

158. Ильинская церковь в Суботове.
Современное фото

болезни проявились в начале 1657 г.; чувствуя приближение смерти, он в апреле созвал старшинскую раду и с ее согласия завещал гетманскую булаву своему шестнадцатилетнему сыну Юрию. Понятно, что фигура юного гетманича имела значение сугубо символическое: предполагалось, что ореол имени Богдана погасит раздоры среди честолюбивой старшины.

В конце июля у гетмана случилось кровоизлияние в мозг, и через несколько дней, 6 августа 1657 г., он умер в Чигирине, а через месяц был похоронен в Суботове, в им же построенной Ильинской церкви. Казацкий историк начала XVIII в. Самойло Величко вложит в уста гетманского секретаря Самойла Зорки речь, якобы провозглашенную на похоронах. Она дает представление о том, как оценивали роль Богдана Хмельницкого потомки, которые уже пережили и Руину, и мазепинский погром:

Умер добрый вождь наш, оставив по себе бессмертную славу, тот, от мудрости коего не только мы, его подручники, но и вся Речь Посполитая Малорусская уповала долгих лет счастливой жизни и преуспевания! Умер тот, кому десница Всемогущего везде подавала скорую помощь, когда он с вашими милостями, милостивым панством праведно ополчался за вольности и древние права, на братьев и вместе с тем врагов наших — Савроматов польских...

В то время, когда смерть выбила кормило из властных рук Хмельницкого, молодая казацкая держава со всех сторон была окружена врагами ее независимости.

Однако еще большая опасность — несогласие — таилась внутри, а хитроумный гетман, плетя союзнические комбинации, поневоле сам закладывал основу для раздоров, потому что каждый его дипломатический ход в конечном итоге перерос в братоубийственную войну между сторонниками полярных внешне-политических ориентаций.

2. Руина (1658–1678)

4 сентября 1657 г. в Чигирине прошла старшинская рада, которая до совершеннолетия Юрия Хмельницкого возложила гетманские обязанности на генерального писаря Ивана Выговского; еще через месяц это решение одобрила большая рада в Корсуне при участии рядовых казаков, мещан и духовенства. На ней присутствовали и послы иностранных государств — Швеции, Семиградья, Австрии, Турции, Крымского ханства, Молдавии и Валахии, что прибавляло авторитета регентству Выговского. Тогда же гетман-регент (уже от своего имени) продолжил переговоры с королем Яном Казимиром, подтвердил «приязнь» хану и султану и оформил союзный договор с Швецией, а к царю было направлено посольство с просьбой признать нового гетмана. Принимая булаву, Выговский заявил:

Сия булава доброму на ласку, а злomu на кару. Коль меня гетманом выбрали, то потакать в войске я никому не буду, потому что Войско Запорожское без страха быть не может.

Рада одобрила эту жесткую линию. И даже более, как пишет в своем отчете царский посол Артамон Матвеев, которому многое из сказанного в Корсуне показалось «непристойными речами», присутствующие на раде «все душами укрепились, чтобы им за гетмана и за свои вольности стоять единодушно».

Окружение Выговского к этому моменту выглядело импозантно. Кроме старой старшины (такой, как генеральный судья Самойло Богданович-Зарудный, обозный Тимофей Носач, полковники Григорий Гуляницкий, Григорий Лесницкий, Иван Богун, Антон Жданович, Павел Тетеря, Петро Дорошенко и др.), в гетманской столице за несколько недель до смерти Богдана Хмельницкого появился человек, принадлежащий к наиболее ярким фигурам этой щедрой на крупные личности эпохи, — Юрий Немирич. Немирич (1612–1659) происходил из старинного панского рода с Киевщины и был одним из самых богатых аристократов Речи Посполитой. Крещенный в протестантском вероисповедании,

в которое обратился его отец, он с молодых лет получил блестящее образование сначала в академии антитринитариев в польском Ракове, затем в университетах Лейдена, Амстердама, Оксфорда и Кембриджа. Обучаясь в Сорбонне, он издал в Париже на латинском языке труд под названием «Разыскания о московитской войне», посвященный сравнению устройства Московского царства и Речи Посполитой. Его перу принадлежат также несколько произведений теологического содержания, в частности напечатанный в Париже латиноязычный трактат «Описание и изложение духовного арсенала христиан». Вернувшись домой, молодой пан принимает участие в нескольких военных кампаниях и одновременно, в качестве сеймового посла, начинает представлять интересы киевской шляхты на сейме, получив репутацию дерзкого и красноречивого лидера протестантов. Казацкую революцию Немирич воспринял враждебно, однако шок от неожиданных поражений отрезвил его, поэтому он, как и еще один магнат-русин Адам Кисель, становится на позицию компромиссов: в 1652 и 1654 гг. в роли комиссара он принимал участие в переговорах с Хмельницким, а осенью 1655 г. выступал посредником между гетманом и шведами, на чью сторону перешел, ища как протестант поддержки короля-протестанта. После того как шведская интервенция в Польшу потерпела поражение, Немирич, к тому времени уже зрелый сорокапятилетний политик, делает головокружительный, с точки зрения современников, шаг — в июле 1657 г. переезжает в Чигирин, где, как тогда писали, перешел «под протекцию казаков» и «окрестился в руськую веру», то есть вернулся к вероисповеданию своих дедов — православию. Тогда же он получил титул казацкого полковника, а после избрания Выговского гетманом сразу же стал его правой рукой. Обращение Немирича было зенитом утверждения казацкой державы, а союз двух таких опытных политиков, как Немирич и Выговский, усиленный продемонстрированным в Корсуне единством старшины, сулил благоприятные перспективы на будущее. Однако в один миг эти прогнозы разлетелись вдребезги, и на Украину опустился мрак того драматического периода истории, о котором действительно, как высказался Володимир Винниченко, невозможно читать без брома.

Вступительный аккорд к гражданской войне: Мартин Пушкарь против Ивана Выговского

Возмутительницей спокойствия, предвещавшей начало междоусобицы, стала до того отодвинутая в тень Запорожская Сечь. Последнее заметное известие о ней относится к 1650 г. — в связи с антигетманским выступлением, которое было решительно подавлено, а его вожак Худолий по приказу гетмана

берег Днепра, где в окрестностях Полтавы продолжались локальные столкновения между прогетманскими силами и казаками Пушкаря и его пехотным полком, состоявшим, как зло заметит в своей летописи Самойло Величко,

з винников, броварников, пастухов и наймитов людских... которій то полк мало в себе имел товариства з добрим Христиіанским сумленіем, и оружием до войны приличним, но тилко з рогатинами, косами и кіями, и из сердцами до убійства и разграбленія именій людских готовими.

160. Казак с головой турка.
Рисунок середины XVIII в.

После двухнедельной осады Полтавы Выговскому удалось выманить разношерстное казацко-запорожско-крестьянское войско Мартина Пушкаря и Якова Барабаша в урочище Жуков Байрак под городом, где в июне 1658 г. был дан открытый бой. Пушкаревцы были наголову разбиты, погиб и сам Пушкарь, дравшийся чрезвычайно храбро (по выражению Величко, «работал в том бою пребогато»). Отсеченную голову полковника — первую старшинскую голову, покотившуюся в братоубийственной войне, — на копье принесли

к шатру Выговского. Полтава в тот же день была сожжена дотла, а Барабаш пойман и спустя некоторое время повешен. Как утверждали современники (впрочем, как всегда, преувеличивая), антигетманское выступление привело к гибели до 50 тысяч людей с обеих сторон, уничтоженных уже без вмешательства «ляхов».

Самойло Величко, родившийся во время Руины, позже с несравнимым пафосом опишет этот вступительный аккорд к гражданской войне:

Еще огонь многокровной и многоплачевной внутренней Хмельницкого войны з Поляками вожженні, и чрез осьм лет силно палавшій, и Украину, з короною Полскою в распре тогда сущую, зело снедавший не угаснул; еще трупы человеческіи, на розних Лядских и Украинских полях бранним оружіем посланніи, вконец не истлеша; еще земля по многих горизонтах кровію людскою обагренная, дождевними кроплями неизмовенна; еще аер от трупов человеческих посмрадшій, не пришел бе до первобытного чистого

и неврежденности своего; еще матерей по синах, и жен по мужех и иных кровных своих, оружіем военным умерщвленных, слезоточные не осохли зеницы; еще ни Украина от Поляков, а ни Поляки от Украины могли в домах своих, милой з покровными своими компаніи ужити, или сладким сном уснути, а ни вожделенного покоя певними быти, аж тут на сей стороне Днепра, от Переяслава и Полтави, з причини двох человек, нового тогда Гетмана Виговського Мартина Пушкара Полковника Полтавского, новий внутреннего междуособия и кровопролития великого огня, добра людские пожигающей и вконец истребляющей, воспламеняется и свою на разорение людское приемлет силу; еже бысть тако.

Попытка вернуться в привычный мир: Гадячское соглашение 1658 г.

Поход Ивана Выговского на мятежного полковника, поддержанного царем, продемонстрировал, что жребий брошен. Антимосковские настроения казацкой старшины из окружения нового гетмана, неудовлетворение высшего духовенства, с самого начала косо смотревшего на Переяславское соглашение, вмешательство в казацкие дела тайной дипломатии, наконец, более близкое знакомство с политическими обычаями Московии, отталкивавшие действовавшими на людей, воспитанных в пиетете перед идеалом «золотых вольностей» Речи Посполитой, ускорили то, что началось в последние месяцы жизни Богдана Хмельницкого, когда старый гетман лихорадочно искал альтернативных союзников. Иван Выговский, автор этих дипломатических хитросплетений, продолжил взятый курс, подтвердил соглашения с ханом, султаном и правителями Валахии, Молдавии и Семиградья, заключил союз с Швецией и, наконец, окончательно наладил дипломатические контакты с королем Яном Казимиром, начатые Хмельницким.

После длительных переговоров гетман собрал 16 сентября 1658 г. под Гадячем казацкую раду, на которую прибыли и комиссары Речи Посполитой. Один из них, волеиц Станислав-Казимир Беневский, хороший знакомый большей части старшины, произнес речь, завершив ее патетическим призывом: «Отчизна взывает к вам: “Я вас породила, не москали — я вас вскормила, взлелеяла, прославила. Опомнитесь, будьте родными детьми, а не выродками!”» — на что, как свидетельствует очевидец, казаки одобрительно закричали: «Верно говорит!»

Беневский задел тонкую струну. Действительно, слишком крепкой еще была в то время пуповина, связывавшая украинскую элиту — «старинную» и новую старшину из шляхты, городские верхи, высшее

духовенство — с политическим миром Речи Посполитой. Ведь на его традициях они выросли и с его стандартами сверяли собственные ценности (ярким доказательством, в частности, может служить эпизод принятия присяги в Переяславе 1654 г., описанный выше).

Рада одобрила так называемые Гадячские пункты — соглашение о возвращении казацкой державы под скипетр польского короля. Гадячский трактат, главным создателем которого считают Юрия Немирича, предусматривал превращение Речи Посполитой в федерацию трех государств — Польского королевства, Великого княжества Литовского и Великого княжества Руського, то есть казацкой территории в тех границах, которые сложились к тому времени. Все три части федерации должны были объединять личность совместно избранного короля, общий сейм и обязанность согласованных военных действий против внешнего врага. Органом законодательной власти на территории Великого княжества Руського объявлялось Национальное собрание, то есть выборный парламент, а исполнительная власть должна была принадлежать пожизненно избранному и утвержденному королем гетману. Княжество обладало собственной казной, своим высшим судебным органом и подчиненной гетману армией в составе тридцатитысячного Войска Запорожского и десяти тысячной наемной армии. Православная Церковь уравнивалась в правах с Римско-католической, так что в общем сенате Речи Посполитой постоянные места сенаторов получали православный митрополит и пять епископов, а уния на территории Княжества Руського должна была быть отменена. Отдельный пункт Гадячского соглашения оговаривал основание двух университетов — Киево-Могилянской академии, равной в правах с Краковской, и еще одной высшей школы со статусом университета; на всей территории государства было позволено без ограничений учреждать коллегии и гимназии с правом преподавания на латыни. Наконец, провозглашалась полная свобода печати (в том числе в вопросах религии), лишь бы печатная продукция не содержала выпадов против личности короля.

Если бы идеи Гадячского соглашения — яркого памятника тогдашней политико-правовой мысли — были реализованы, это действительно дало бы Речи Посполитой шанс на обновление в новых формах сосуществования ее народов и одновременно гарантировало бы защиту уже достигнутого — признания за человеком права на личную, имущественную и политическую свободу. Выступая на сейме в апреле 1659 г. как «канцлер Великого княжества Руського», Юрий Немирич от имени «воинственного, славного с древних времен на море и на суше народа руського» именно эту свободу назовет главной причиной возвращения казацкой державы в состав Речи Посполитой:

Мы рождены в свободе, воспитаны в свободе, и как свободные люди теперь возвращаемся к ней. И готовы умирать за нее... вместе со всей нашей отчиной. Она [свобода] была нашим мотивом во всем, это та основа, которую не разорвали ни отличия в языках, ни даже религия...

На волне энтузиазма, вызванного Гадячским соглашением, Иван Выговский одержал блестящую победу над московским войском в Конотопской войне 1659 г. Сигналом к ней послужила царская грамота, объявленная после Гадячской рады, с призывом к неповиновению «изменнику» Выговскому; в то же время через агентов и лазутчиков была начата антигетманская агитация среди простолюдинов, опирающаяся на антишляхетские настроения низов. В свою очередь, гетман в конце марта 1659 г. издал собственный универсал, в котором писал, что царь хочет «невольничьим способом» поработить Украину и ликвидировать казацкие вольности, поэтому он, гетман, решился «склониться к польскому государству», чтобы «нашу свободу, кровью добытую и освященную, мы могли сохранить и после смерти передать нашим потомкам».

После этой словесной перепалки и нескольких локальных столкновений с отрядами царских воевод более чем стотысячная армия под командованием князя Алексея Трубецкого, Григория Ромодановского и Семена Пожарского перешла в апреле 1659 г. украинскую границу и, опустошая окраины, двинулась на юг. После нескольких боев с казаками Нежинского и Черниговского полков она потеснила пятитысячный казацкий отряд полковника Григория Гуляницкого к Конотопу и к лету взяла его в осаду. В начале июля на выручку осажденным подошел Иван Выговский: его шестнадцатитысячное войско было усилено почти тридцатитысячной татарской конницей во главе с самим ханом Мехмед-Гиреем и отрядом наемников — поляков, сербов, немцев, румын — в несколько тысяч человек. Удачным маневром армия Выговского оттянула часть сил противника от Конотопа и, устроив засаду, 9 июля 1659 г. ударила по нему на переправе через р. Сосновку. Царские воеводы потерпели сокрушительное поражение, от которого, по высказыванию Самойла Величко, «мог убежать к своему обозу под Конотоп лишь тот, у кого были крылатые кони». В битве на Сосновке погиб князь Пожарский, а два других воеводы начали спешно отступать в направлении русского Путивля. В целом же на поле боя полегло до 40 тысяч московского войска (потрясенные современники называли, как всегда, преувеличенные числа, насчитывая потери вплоть до 130 тысяч). Тем временем Орда в окрестностях Севска и Белгорода сожгла до 10 тысяч дворов, вывела в плен и уничтожила около 27 тысяч человек. Выдающийся русский историк Сергей Соловьев впоследствии опишет это событие так:

Цвет московской конницы... сгиб в один день... Никогда после того царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения. В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву... После взятия стольких городов, после взятия столицы литовской царствующий град затрепетал за собственную безопасность... шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль.

Однако Ивану Выговскому было не до похода на Москву. Сейм Речи Посполитой внес изменения в подписанный на переговорах текст Гадячского соглашения, в очередной раз подрезав и без того тонкую нить примирения (в частности, было оспорено право Великого княжества Руського чеканить собственную монету; выборы гетмана должны были осуществляться путем представления на утверждение королю не одной, а четырех кандидатур; ограничивалась дипломатическая самостоятельность гетмана, которому запрещалось принимать иностранные посольства; сокращался реестр Войска Запорожского). Эти поправки превращали соглашение в модифицированный вариант Зборовского договора 1649 г., и с этим не могли смириться даже единомышленники гетмана, например полковник Иван Богун. Еще большее сопротивление вызывало соглашение среди казацкой черни, особенно в открыто враждебных Выговскому после разгрома Мартина Пушкаря южных полках на левом берегу Днепра. Во главе с переяславским полковником Тимошем Цицурой там началось восстание, таким образом, в тылу у Выговского возникли промосковские точки сопротивления в Ромнах, Гадяче, Лохвице, Полтаве. Дополнительным ударом стала диверсия против улусов Ногайской Орды, осуществленная кошевым Запорожской Сечи Иваном Сирко, который воспользовался отсутствием мужского населения, принимавшего участие в Конотопской войне в качестве союзника гетмана (возвращаясь из похода, неутомимое «низовое товарищество» направилось на ненавистный Чигирин).

Поэтому и хан, и гетман, не подавив сопротивления в тылу и не выбив московских гарнизонов из Киева, Чернигова, Переяслава и Пирятина, как предварительно планировалось, должны были заняться обезвреживанием запорожской экспедиции. Между тем Цицура, опираясь на полковников Якима Сомка и Василя Золотаренко, двух свояков Богдана Хмельницкого, раздосадованных тем, что регентство при юном гетманиче было поручено Выговскому, а не им, нанес удар по отрядам, оставленным для обороны чернигово-северского пограничья, а разгромив их, торжественно пригласил воеводу Алексея Трубецкого вступить в Украину. В начале августа

1659 г., в одном из локальных столкновений в пограничье («за Кобыжчей») от рук людей Цицюри погиб сорокасемилетний Юрий Немирич — самый образованный русин, аристократ и первый канцлер задуманного им, но так и не построенного Великого княжества Руського. Показательно, что смерть этого человека вызвала вздох облегчения как в Польше, так и в Московии. В одном из писем-с-новостями, ходивших среди польской шляхты, злорадно сообщалось: «Не помогло ему и то, что стал русином», а в Москве довольно констатировали: наконец убит «злодей и еретик».

20 сентября 1659 г. в урочище Маслов Став под местечком Германовка [в настоящее время Киевской обл.] собралась «черная рада», то есть казацкое собрание, созванное по инициативе низов; принимали в нем участие и запорожцы. Обуздать эту раду у Выговского шансов практически не было. Его противники били беспроигрышной картой: гетман «продал Украину ляхам». Казацким послам на сейм — Ивану Сулиме и Прокопу Верещаке — не дали слова, зарубив на месте, а сам Выговский был вынужден спасаться бегством. Несколько дней спустя старшинская рада в Белой Церкви провозгласила гетманом Юрия Хмельницкого. Иван Выговский покорился этому решению и отослал Хмельниченку гетманские клейноды — бунчук и булаву. Смена гетмана, аргументированно утверждает современная исследовательница Руины Татьяна Таирова-Яковлева, не означала триумфа антипольских настроений, как традиционно считалось до сих пор: наоборот, на упомянутой старшинской раде впервые отчетливо проявились устремления к полной независимости: не быть ни под властью короля, ни под властью царя.

После Белоцерковской рады экс-гетман как номинальный киевский воевода (потому что в Киеве в то время уже сидел царский наместник) в 1660 г. принимал участие в боях коронной армии с московско-казацким войском под Чудновом, о чем более подробно пойдет речь далее. Под 1662 г. имеются упоминания о его пребывании, вместе с тогдашним польным гетманом Ежи Любомирским, во Львове (именно тогда один из мемуаристов опишет внешность Выговского: «Человек высокий, нос большой, борода желтая»). После утверждения гетманом Павла Тетери (об этом также будет рассказано позже) Иван Выговский поддержал антигетманскую оппозицию, был предательски схвачен и 26 марта 1664 г. по приказу Тетери расстрелян без суда и следствия, хотя, будучи сенатором, пользовался неприкосновенностью (оправдываясь перед сеймом, Тетеря обвинял экс-гетмана в подстрекательстве к мятежам).

Гибель Юрия Немирича и Ивана Выговского окончательно перечеркнула будущее Гадячского соглашения. Хорошо разработанное теоретически, оно разбилось, с одной стороны, об анархию казацких низов, а с другой,

о присущую им социальную антипатию к шляхетскому правопорядку. Как справедливо писал Николай Костомаров, украинцы продемонстрировали неспособность понять и оценить свершения мысли голов, стоявших выше уровня целого народа.

Горькая судьба Юрася Хмельниченко

Избранный на Белоцерковской казацкой раде в конце сентября 1659 г. гетман Юрий Хмельницкий (1641–1685) 4 октября декларировал свою верность Польскому королевству, а несколькими днями позже, чтобы достигнуть понимания со старшиной левобережных казацких полков, присягнувших царю, выслал посольство к московскому воеводе князю Алексею Трубецкому. Послы повезли с собой проект так называемых Жердовских статей, сформулированных гетманским окружением, в которых вассальная зависимость Гетманщины от царя была сведена к минимуму. В частности, предлагалось следующее: чтобы московские гарнизоны не размещались нигде, кроме Киева, как при Богдане Хмельницком; чтобы войско, присланное в Украину, подлежало командованию гетмана; чтобы царское правительство не сносилось со старшиной в обход гетмана и не принимало во внимание никаких писем, не удостоверенных его печатью; чтобы во всех внешних переговорах, имеющих отношение к интересам Украины, присутствовали ее представители с правом голоса.

Алексей Трубецкой, приняв посольство, пригласил Юрия Хмельницкого на личные переговоры в Переяслав. Тот медлил некоторое время, опасаясь засады, но в конечном итоге с немногочисленным старшинским сопровождением поехал, однако их действительно ожидала ловушка. Воевода, по согласованию с левобережной, промосковски настроенной старшиной, 27 октября 1659 г. созвал раду, окруженную сорокатысячным московским войском. После того как эта «свободная» рада провозгласила Хмельниченка гетманом, князь предложил ему для подписи не те статьи, которые были переданы посольством, а так называемые Переяславские статьи — фальсифицированный вариант Мартовских

161. Юрий Хмельницкий.
Набросок портрета, 1749 г.

статей 1654 г. (позже под названием «Статей Богдана Хмельницкого» именно их текст войдет в Свод законов Российской империи).

Переяславские статьи 1659 г., на которых нового гетмана силой заставили принести присягу, утверждали противоположное тому, что требовала в своем жердовском проекте старшина. Резко ограничивалось право иностранных сношений гетмана; он должен был посылать войско по первому вызову царя и наоборот, без его разрешения не имел права начинать никаких военных действий; московские воеводы должны были быть введены, помимо Киева, во все крупные города; без санкции царя гетман не имел права назначать и смещать полковников, а войско не могло переизбирать гетмана; митрополиту Киевскому следовало признать верховенство московского патриарха. Излишне комментировать настроение, с которым гетманское окружение возвращалось в Чигирин. В воздухе повисло ощущение неизбежного конфликта, и все более четко очерчивалась демаркационная линия — Днепр, разделивший жителей Заднепровья и Правого берега сначала на две враждебные партии, а впоследствии и на два государства. Масла в огонь подлила и расправа с братом Ивана Выговского, Данилой, шурином гетмана (Данило был женат на дочери Богдана Хмельницкого Елене). Взятый в плен московскими стрельцами, Данило, быховский полковник, был жестоко замучен, а его тело демонстративно отправлено вдове, возможно, с целью запугать мятежников. Реакция тем не менее оказалась прямо противоположной. Вот как повествует о ней очевидец, польский посланец Силецкий:

В понедельник [5 января в 1660 г.] в Суботов привезли тело Данило Выговского, жестоко замученного в столице по приказу самого царя. Все тело его иссечено кнутами, глаза выколоты и залиты серебром, уши сверлом вывернуты и залиты серебром. Пальцы перерезаны. Ноги на жилы разобраны. Одним словом — неслыханное зверство. Прибежал Хмельницкий утром, увидев тело, горько плакал. Данилова жена [Елена Хмельницкая] проклинала его страшными проклятиями... Большое после этого началось возмущение, как увидели такую жестокость.

Поводом к расторжению соглашения, подписать которое был принужден Юрий Хмельницкий, стали события лета 1660 г., когда после заключения мира между Швецией и Речью Посполитой свободная от действий на Шведском театре войны армия Речи Посполитой выбила из Литвы и Белоруссии русские отряды и переместилась на Волынь. Навстречу ей должны были направиться московские силы и гетман «со всеми полками», а возглавил эту кампанию самоуверенный царский воевода Василий Шереметьев, который якобы похвалялся:

Сими, мне от государя моего врученными войсками, всю Польшу оберну в пепел и самого короля в серебряных кайданах представлю государю моему.

Не церемонился Шереметьев и с казаками. По свидетельству «Летописи Самовидца», он публично бросил в адрес Юрия Хмельницкого:

«Прилично би тому гетманишку еще гуси пасть, а не гетмановат», — яков слово боярское зараз Хмелниченкови донеслося, и не тилко вго велми уразило, але и до измени намірненной скорейшую подало причину.

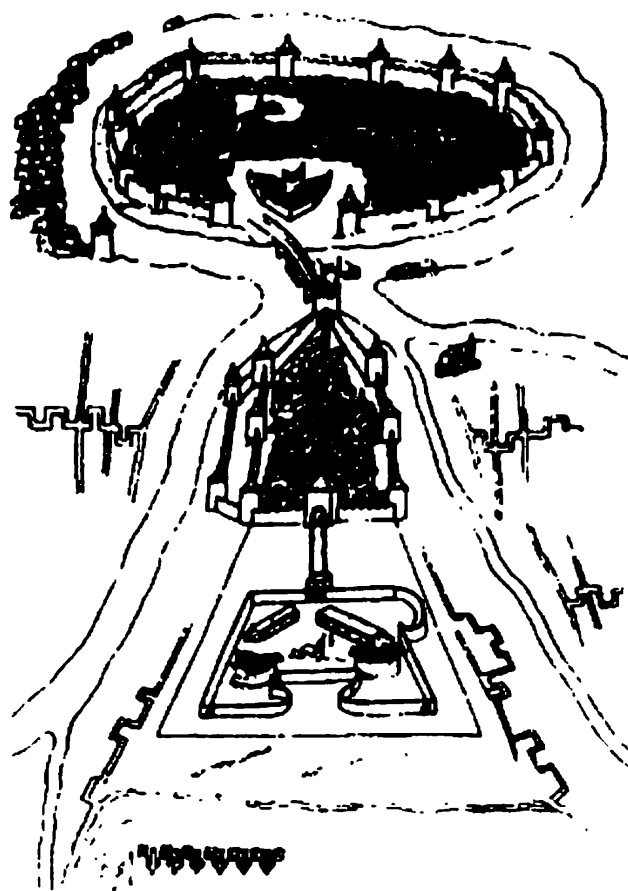
Следовательно, финал похода Шереметьева не стал неожиданностью. 15 сентября 1660 г. под местечком Чудновом [в настоящее время Житомирской обл.] сорокатысячное московское войско и тридцатитысячный казацкий отряд под командой наказного гетмана Тимофея Цицюры были окружены польско-татарской армией, в составе которой находились и казаки, верные Ивану Выговскому. Немного поколебавшись, а также выдержав на подступах к Чуднову несколько боев, Юрий Хмельницкий, который шел на помощь осажденным, вступил в переговоры с польским командованием. Они завершились подписанием 17 октября под с. Слободищами соглашения, которое в целом повторяло Гадячское соглашение, но уже без упоминания о Великом княжестве Руськом. Тогда же часть заднепровцев из отряда Цицюры перебежала к Хмельницкому, а остальных разъяренный Шереметьев, капитулируя, выдал татарам. Это, правда, не помогло ни московским ратникам, ни самому воеводе: часть из них татары вырезали, а часть погнали в плен вместе с преданными казаками (судьбу пленников разделил и сам Шереметьев, выведенный в Крым, где пробыл в неволе 20 лет).

Слободищенское (Чудновское) соглашение не уняло страстей. Казацкая рада в Корсуне приняла его, а в это же время Яким Сомко от имени Переяславского, Нежинского и Черниговского полков принес в Переяславе повторную присягу на верность царю и был провозглашен наказным гетманом вместо Цицюры. Юрий Хмельницкий, опираясь на поддержку польско-татарских отрядов, осенью 1661 г. попробовал сломить оппозицию Сомко (кстати, своего дяди: мать Юрася была сестрой Якима), однако успеха не достиг, напротив — обозлил население бесчинствами, без которых не обходился ни один татарский поход. Следующая попытка замирения левобережных полков, летом 1662 г., оказалась такой же безуспешной, осада Переяслава не удалась, Сомко с московскими отрядами оттеснил Хмельницкого к Днепру и здесь, напротив Канева, разбил вдребезги. Гетман, едва успев бежать

в Чигирин, послал за Ордой, но ее по дороге к гетманской ставке перехватили запорожцы, и хотя больших потерь татары не понесли, однако воспользовались случаем возместить убытки, распустив отряды от Днепра до Лубен для взятия пленников.

Среди всеобщего хаоса и беспорядка стало наконец ясно, что гетманская булава слишком тяжела для юнца, которому ко времени избрания гетманом едва минуло восемнадцать. Помимо этого, Юрий вообще был физически хилым человеком («по натуре евнух», как писал летописец): он с детства болел эпилепсией и страдал от периодических приступов ипохондрии, равно как и от экзальтированной религиозности. Чувствуя себя слепой игрушкой в руках судьбы, юноша в критические ситуации терялся и паниковал. Уже в Чудновской кампании 1660 г. он порывался отречься от булавы под предлогом своей болезни и «обездоленности», а в конце 1662 г. на старшинской раде в Корсуне объявил, что уходит в монастырь. В январе 1663 г. митрополит Киевский Дионисий Балабан лично постриг бывшего гетмана в монахи под именем Гедеона.

Несколько забегаая наперед, кратко взглянем в последующую судьбу этого человека, который имел несчастье родиться под сенью отцовской власти, не унаследовав ни таланта, ни воли отца. Монашеский постриг не укрыл Юрася-Гедеона от мирских бурь: на протяжении 1664–1667 гг. его, оговоренного Павлом Тетерей, держали в заключении в Мальборкской крепости на севере Польши. Недолго пришлось ему пожить на свободе и после освобождения: в 1672 г. гетманича захватили в плен татары, переправив как потенциальную политическую карту в Стамбул, где он жил до 1677 г. Когда же турецкая армия начала в 1677 г. очередную кампанию на территории Украины, о чем более подробно будет сказано далее, султанские советники вспомнили о громком имени узника. Под помпезным титулом «князя Сарматии и Украины, повелителя Войска Запорожского» бывший монах был послан на завоевание собственной родины. Когда же необходимость в гетмане-

162. План Каменца: город и крепость, соединенные мостом. Турецкий рисунок конца XVII в.

марионетке отпала, Юрия в 1681 г. опять вернули в Стамбул. Описывая свою тогдашнюю встречу с ним, польский дипломат писал:

Хмельницкий очень грустен и пребывает все время под стражей. Жалка его жизнь: имеет в груди три раны, из которых постоянно течет кровь, да и от других болезней страдает.

В конце концов по очередной политической надобности Хмельниченка в 1683 г. еще раз привезли в Украину. Два последних года жизни «сарматский князь», несчастная жертва собственного имени, жил в Немирове [в настоящее время Винницкой обл.], управляя им с помощью турецкого отряда и проявляя, по всей видимости, болезненную жестокость. Одна из ужасающих расправ, совершенная по его приказу над семьей богатого местного купца-еврея якобы за неуплату пошлины, повлекла за собой жалобу в Стамбул. Уже ненужного туркам марионеточного гетмана в конце 1685 г. привезли на суд в Каменец-Подольский, где по приговору султанского наместника публично задушили веревкой на мосту, который и теперь соединяет крепость и город, а тело бросили в р. Смотрич. Такой жалкой смертью закончилась сорокачетырехлетняя жизнь наследника знаменитого Богдана.

«Война берегов»: Павло Тетеря и Иван Брюховецкий

Созванная в Чигирине после отречения Юрия Хмельницкого рада правобережных полков в январе 1663 г. избрала гетманом Павла Тетерю, который в новейшей историографической традиции получил характеристику человека ничтожного, жестокого и корыстолюбивого, вероятнее всего основанную на высказываниях его оппонентов из промосковской партии. Например, в заметках киевского полковника Василия Дворецкого, врага правобережных гетманов, под 1663 г. записано следующее:

В том же году Павел Тетеря после него [Юрия Хмельницкого] гетманом стал, большой губитель и разоритель всей Украины, одной мысли с Выговским Иваном, весь дух лядский, и под лядскую руку всю Украину он хотел подвести.

Намного спокойнее пишет о Тетере Самойло Величко, отдаленный двумя поколениями от противостояния тогдашних старшинских партий:

...Рожаю (рода. — *Примеч. перев.*) шляхетного Козакокурского, в науце писменной цвечоній (обучен. — *Примеч. перев.*) и во всяких речах беглій.

Новый гетман действительно был человеком «казацкого рожаю» и происходил из рода остерских шляхтичей Тетерь-Моржковских, связанных, как и весь вооруженный люд Поднепровья, с казацким миром. В частности, под 1630 г. упоминается остерский казацкий полковник Иван Тетеря, возможно, отец Павла (мальчика крестил Богдан Хмельницкий, поэтому достовернее всего, что его отец принадлежал к тогдашней старшинской верхушке Войска Запорожского). Накануне казацкой революции Павло служил канцеляристом во Владимире, а сразу после ее начала стал переяславским полковым писарем. Вплоть до смерти Хмельницкого крестник гетмана оставался одним из его наиболее доверенных послов для особенно важных миссий; умирая, Богдан указывал старшине на Тетерю, уже переяславского полковника, как на возможного претендента на гетманскую булаву. Во время гетманства Ивана Выговского Тетеря был генеральным писарем (именно он готовил текст Гадячского соглашения); позже он вступил в брак с дочерью Богдана Хмельницкого Еленой, вдовой младшего брата нового гетмана, Данила Выговского. При юном Хмельниченке Тетеря выполнял функцию основного советника, поэтому, слагая с себя гетманские полномочия, Юрась назначил наказным гетманом Тетерю, а Чигиринская рада утвердила этот выбор.

Как и люди его круга, новый гетман связывал будущее казацкой державы не с Москвой (которую близко знал сам, не раз побывав там в качестве посла), а с Варшавой и Бахчисараем. Сообщая о своем избрании королю, он отмечает, что смена власти прошла мирно, а перед радой он сам якобы ездил к хану для примирения (на выборах действительно присутствовал крымский представитель Батирча-мурза, которому кто-то из полковников даже предлагал «стать в круг», то есть принять участие в процедуре избрания). Поэтому нет ничего странного в том, что сакраментальную дилемму внешнеполитической

163. Павло Тетеря. Портрет XVII в.

ориентации Павло Тетеря пытался решить с помощью союзников — поляков и татар, а преодолевая внутреннюю анархию, опирался на «степенное» казачество и православную шляхту. Пока правобережные полки меняли гетмана, левый берег Днепра также сотрясали драматические события, связанные с булавой. Весной 1662 г. в Козельце гетманом был избран полтавский полковник Яким Сомко, дядя и оппонент Юрия Хмельницкого. Однако этот выбор удовлетворил не всех. Нежинский полковник Василий Золотаренко, свояк Сомко, сам примеряясь к булаве, пустил в ход опробованное оружие: обвинил

соперника в измене «великому государю»; Сомко ответил тем же. Из Москвы на обоих — как на родственников Хмельницкого — посматривали с недоверием и не торопились подтвердить решение Козлецкой рады, мотивируя это отсутствием на ней царского представителя и тем, что избрание состоялось не на полной раде — «без совета всего Войска Запорожского». Поэтому оба претендента соревновались в том, кто более верен царю, а тем временем на поверхности политической жизни появилась еще одна фигура — Иван Брюховецкий (1623–1668). По убийственной характеристике «старинной» старшины, Брюховецкий, бывший «старший слуга» Богдана Хмельницкого, был «человечком никудышным и непородным казакком». После смерти Хмельницкого он сопровождал несовершеннолетнего Юрася «на науку» в Киев, а когда того провозгласили гетманом, отправился на Сечь. Будучи умелым демагогом и мастером оказывать влияние на толпу, Брюховецкий за годы своего

пребывания на Запорожье завоевал авторитет среди простодушной черни, играя на тонкой струне сечевиков — нелюбви к старшине. Вместе с отрядом запорожцев в 1662 г., в давно забытом звании «кошевого гетмана», он прибыл к московскому воеводе Григорию Ромодановскому, якобы следуя на казацкую раду, которая созывалась для вручения булавы. Пребывание в ставке князя в течение нескольких недель не прошло зря: демонстрируя подчеркнутую лояльность, Брюховецкий настолько вошел в доверие к Ромодановскому, что

164. Иван Брюховецкий.
Портрет XVIII в. по рисунку
Самойла Величка

тот рекомендовал его царю как наиболее надежного претендента на гетманство. Запорожская же агитация против старшины, распространявшая слухи о том, что Брюховецкий, человек с Сечи, якобы является защитником интересов черни, привлекла на его сторону казацкие низы. При таком раскладе настроений результат выборов становился уже делом техники. В конце июня 1663 г. в поле под Нежином была собрана «полная», или черная, рада, на которую явилось более 40 тысяч городских казаков и запорожцев (Самовидец в своей летописи комментирует это событие как «новую беду, которой при других гетманах не бывало»). Сторонники Брюховецкого, с одной стороны, и Сомко с Золотаренко (эти двое помирились слишком поздно) — с другой, прибыли туда при полном вооружении, даже с пушками, а царский уполномоченный князь Данило Великий-Гагин на всякий случай окружил Нежин стражей. Среди бурных столкновений и криков, не стихавших три дня, чернь провозгласила Брюховецкого гетманом, а Сомко, Золотаренко и их сторонников Великий-Гагин под предлогом защиты их жизни заточил в тюрьму в Нежинской крепости. В начале октября 1663 г. они вместе с несколькими полковниками по представлению нового гетмана были казнены как изменники царя, а еще около 50 человек были высланы в Сибирь. Сразу после Нежинской рады голытьба принялась грабить усадьбы старшины и состоятельных мещан, что сопровождалось террором и насилием. В одной из старшинских летописей читаем:

И тогда запорожци великую беду людям чинили и грабительство за поблажкою Брюховецкого. Обезчестило себе людославне Низовое Войско Запорожское, христианское, не менш татар знущаяся всячески, глумили честь девичую и жоночую, и бедние мужи и отци не смели перечити их безчинству басурментскому... А сколко забили оны людей, застаючих честь семейную, страшно и вспомянуть.

То же, хотя и более сдержанно, констатирует Самовидец:

...Которое забойство три дни тривало. ...А старшина козаки значніе, яко змогучи, крилися, где хто могл, жупани кармазиновіе (сделанные из дорогого красного сукна. — *Примеч. перев.*) на сермяги миняли.

Тогда же был полностью сменен аппарат власти. Передав полковничьи уряды своим сторонникам, прежде всего людям, которые вышли вместе с ним из Сечи, Иван Брюховецкий осуществил своеобразный переворот, плотно

замешенный на социальной демагогии. Московское правительство было полностью удовлетворено таким ходом событий, ведь посредником между Москвой и непредсказуемой казацкой массой стал тот, кто, по меткому высказыванию Татьяны Таировой-Яковлевой,

ценил царские подачки больше гетманской власти, кто угождал воеводам, а не стремился установить собственные порядки на подвластной ему территории. И страшная сила анархо-запорожского крыла, порожденного Хмельнитчиной, наконец победила, навязав Украине своего лидера...

Черная рада июня 1663 г. ознаменовала окончательное разделение казацкой державы на «два берега» с двумя гетманами во главе, каждого из которых признала верховная власть: Павла Тетерю король Речи Посполитой, Ивана Брюховецкого — московский царь. В октябре того же года правобережный и левобережный гетманы впервые формально оказались по разные стороны фронта, поскольку возобновилась война между Речью Посполитой и Московией (фактически она прекратилась в 1664 г. без подписания мирного соглашения). Раздел Украины на две гетманщины расставил все точки над «i» в противоборстве обоих государств, расчищая поле для боевых действий и гарантируя привлечение как в королевскую, так и в царскую армию «верного» казачества.

Не слишком большую коронную армию во главе с самим Яном Казимиром 22 октября 1663 г. торжественно приветствовал в Белой Церкви Павло Тетеря, произнеся речь по-украински (чтобы, как запишет свидетель, «понравиться своему народу»). За несколько дней коронные силы вместе с десятью полками Павла Тетери под командой наказного гетмана Ивана Богуна и тридцатитысячной союзнической конницей татар переправились через Днепр, быстрым маршем прошли до Глухова и в московском пограничье соединились с литовским войском, наступавшим через Северщину. Однако ни взять штурмом Глухов, ни продолжить наступление не удалось. Неся большие потери от голода и болезней, Ян Казимир уже в феврале 1664 г. начал отступать в Белоруссию. Этот поход стал последней попыткой Речи Посполитой переломить в свою пользу ход более чем столетнего противостояния с Московией, начавшегося еще во времена Ливонской войны. Теряя свои более ранние территориальные приобретения на Смоленщине и Северщине, Речь Посполитая одновременно теряла и казацкую Левобережную Украину.

Остается добавить, что в королевском походе 1663 г. погиб один из самых популярных героев казацкой революции, который с первых ее дней был

соратником Богдана Хмельницкого, — Иван Богун. Во время осады Глухова и в других боевых акциях на Чернигово-Северщине казаки действовали вяло, по свидетельству других участников боев, «ничем не помогали и даже очень мешали», то есть в который раз подтверждали старую поговорку: «Казаком против казака воевать — все равно что волком пахать». Это послужило основанием для обвинения наказного гетмана в измене: 27 февраля 1664 г. Богун арестовали и расстреляли якобы по приказу короля, хотя возможно, что он погиб и при попытке ареста. Смерть Богун в тогдашних сообщениях окутана вымыслом, что и не удивительно: современники считали казацкого героя колдуном, которого пуля не берет, поэтому Богун мог лишь таинственным образом исчезнуть, а не погибнуть (именно в таком образе человека «с несколькими жизнями» Богун утвердился и в новейшем восприятии благодаря роману Генрика Сенкевича «Огнем и мечом»).

Пока король продвигался с войском в московское пограничье, Павло Тетеря пытался усмирить Полтавщину, а тем временем у него в тылу вспыхнуло восстание. На Киевщине антигетманское движение возглавили полковники Дмитро Сулименко и Семен Высочан, а на Подолье брацлавский полковник Остап Гоголь провозгласил себя (впрочем, на достаточно короткое время) подданным московского царя. Вероятно, что в подготовке антигетманского переворота принимал участие Иван Выговский, расстрелянный, как уже говорилось, в марте 1664 г. Именно он назван «главным подстрекателем беспорядков» в донесении папского нунция из Варшавы.

На протяжении лета 1664-го и весны 1665 г. правобережная Гетманщина превратилась в арену жестокой и хаотической войны, в которой сошлись, с одной стороны, переправленные из-за Днепра полки Ивана Брюховецкого, отряды местных повстанцев, выведенные кошевым Иваном Сирком из Сечи запорожцы и московские ратные люди, а с другой — полки Павла Тетери, усиленные татарами и коронным войском печально известного еще со времен Хмельнитчины Стефана Чарнецкого. Сам Тетеря описывал в одном из своих писем ситуацию следующим образом: «Никогда еще Украина не пылала таким страшным бунтом, как теперь. Раздуваемый со всех сторон, он запылал над моей головой».

Репрессивный поход Чарнецкого, человека безжалостного в подавлении черни, стал мрачным символом этой братоубийственной войны. Особенно жестокому истреблению были преданы города Надднепрянщины: Канев, Белая Церковь, Стеблев, Бужин, Суботов, Ставище. О плачевном состоянии Суботова, гнезда Богдана Хмельницкого, один из тогдашних хронистов писал так:

Суботов был пуст, а псов с Чигирина, з Суботова и з інших пустих міст українських великое мнозство было, которые чередами ходячи не тилько мертвих трупи їли, але й живым людем шкодили (вредили. — *Примеч. перев.*).

Легендарная традиция приписывает польскому региментарию еще один грех: осквернение могилы Богдана Хмельницкого в Суботове, где якобы по его приказу жолнеры раскопали могилу гетмана и выбросили из гроба кости Богдана и Тимоша. Проверка тогдашних свидетельств показывает, что на самом деле ничего подобного не случилось, однако само появление легенды красноречиво: надругательство над прахом создателя казацкой державы воспринималось как зловещее предвестие ее собственной судьбы.

Ни один из гетманов не достиг победы в «войне берегов», а мелкие столкновения, продолжавшиеся по всему Правобережью, слабо влияя на стратегический расклад сил, истощали измученное население, деморализовали его и сеяли анархию. Когда весной 1665 г. коронное войско, в котором нуждался король Ян Казимир, отступило домой, Павло Тетеря понял, что его положение безнадежно. Впрочем, пессимистические настроения сопровождали «резидента Его Королевского Величества в Украине», как называла Тетерю тогдашняя «*Gazette de France*», на протяжении всего его короткого гетманства. Уже сообщая о своем избрании, Тетеря в письме к королю от 21 февраля 1663 г. называет его «тяжелой и опасной ношей»; в июле того же года посреди охватившего Украину хаоса гетман пишет Яну Казимиру:

Не желаю оставаться более при моих нынешних хлопотных обязанностях, да и не могу из-за разлаженного здоровья... [мечтаю] когда-то насладиться спокойной жизнью, без зависти и человеческих подозрений.

Покинув Чигирин, Павло Тетеря на некоторое время сделал своей резиденцией Брацлав, а в середине апреля 1665 г., потерпев поражение от предводителя уманской казацкой черни Василя Дрозденко, окончательно покинул Украину: как писали современники, «поехал к королю, а войско свое распустил, кто куда хочет». Отбывая, экс-гетман увез с собой гетманские клейноды, архив, часть пушек и военную казну (клейноды и архив в 1669 г. будут от имени Речи Посполитой торжественно возвращены Петру Дорошенко). На казацкую территорию Павло Тетеря больше никогда не возвращался, проживая свой век на Волыни в местечке Колках [в настоящее время Волынской обл.] как шляхтич-землевладелец. Симптоматично, однако, что он сохранил

авторитет среди запорожцев: именно ему они поручили посредничество между Сечью и правительством при гетмане Михайлы Ханенко. Говорили, что перед смертью (†1671) Тетеря якобы принял католическое вероисповедание и завещал свое имущество иезуитам, по другой версии, он якобы умер униатом (ни то ни другое не соответствовало действительности).

* * *

В «войне берегов» доверие казачества потерял не только Павло Тетеря. Не менее стремительно падала популярность Ивана Брюховецкого среди казаков Заднепровья. И когда Тетеря развязал узел проблем самоустранением, левобережный гетман начал искать опору среди тех, кто вознес его к власти. Осенью 1665 г. он, первым из гетманов вместе с генеральной старшиной, тремя полковниками и свитой из 500 человек, выезжает на поклон к царю (как говорят официальные русские документы, «видети его государевы пресветлыя очи»). В Москве гетмана встретили ласково и одарили щедро и, более того, даже женили (по его же просьбе) на «московской девице» — княжне Дарье Исканской рода Долгоруких. Тогда же Брюховецкому был пожалован титул боярина, а старшине из его свиты — звание дворян. В то же время гетманский визит в столицу не остался только проявлением этикетной вежливости. Именно здесь в декабре 1665 г. Брюховецкий подписал позорные Московские статьи, которые сводили автономию казацкой державы к символическому минимуму. В частности, предполагалось следующее: налоги с мещан и крестьян, как и доходы от торговли, отныне должны были собираться под контролем воевод и идти непосредственно в царскую, а не гетманскую казну; во все без исключения большие города Украины и даже на Кодак над Сечью вводились воеводы с вооруженными гарнизонами; воеводам передавалась юрисдикция над неказацким населением; митрополита Киевского отныне должен был ставить «русский святитель», присланный из Москвы. Проект статей, поданных в виде челобитной царю, писался в самой Москве, вероятно, в тесном сотрудничестве с боярами. Однако сама идея нововведений, фактически санкционировавших передачу власти воеводам, принадлежала, как аргументированно доказывает Татьяна Таирова-Яковлева, не царским советникам, а Брюховецкому.

Ощущая шаткость своего положения, гетман лихорадочно искал защиты и поддержки (характерно, что он даже выпросил у царя двор в Москве: как он сам объяснял, «чтобы ему было куда приехать... потому что там [в Украине] шаткие бывают времена»). В свою очередь, того же хотели и полковники, ведь сведение к минимуму гетманской власти ограждало их от возможной расправы со стороны того же гетмана.

Весной 1666 г. на территории левобережных полков появились царские дьяки для проведения переписи населения и его доходов, что стало предвестием взрыва. Еще одним его симптомом можно считать конфликт Брюховецкого с украинским духовенством. В ответ на гетманское письмо, в котором сообщалось, что отныне в Киеве «быть московскому митрополиту», киево-печерские монахи заявили:

Как только прибудет к ним в Киев московский митрополит, они запрутся в монастырях, и разве что их из монастырей за шею и за ноги будут тянуть.

И первое, и второе вместе с дикими в глазах казачества титулами гетмана и генеральной старшины вело к краху гетманства Брюховецкого. Лопнуло терпение даже у расположенных к гетману запорожцев; в письме из Сечи кошевой Иван Рог писал:

Услыхали мы, что Москва будет на Кодаке, но ее нам не нужно. Плохо ты делаешь, что начинаешь с нами ссориться... Хоть ты от Царского Величества получил пожалования, однако достоинство свое получил от Войска Запорожского, Войско же не знает, что такое боярин, знает только гетмана.

Андрусовское располовинивание 1667 г.

После самоустранения Павла Тетери в правобережных полках быстро выдвинулся его преемник: властный, энергичный и честолюбивый. Речь идет о Петре Дорошенко (1627–1698) — «старинном казаке», сыне казацкого полковника Дороша (Дорофея), внуке реестрового гетмана Войска Запорожского Михайлы Дорошенко, убитого татарами в 1628 г. Петр родился в Чигирине; получил неплохое образование (гипотетически, в Киево-Могилянской коллегии); по свидетельству современников, был «в языке светском ловок, а также умел во всевозможных вещах». В начале казацкой революции он упоминается при Богдане Хмельницком как его «старший слуга»; с 1649 г. он известен как пушечный писарь Чигиринского полка, впоследствии наказной полковник и дипломат, а с 1657 г. — полковник Прилуцкого, позже Чигиринского полков. На стороне Ивана Выговского Дорошенко принимал участие в разгроме оппозиции Пушкаря и подписании Гадячского трактата; от имени Юрия Хмельницкого осуществлял переговоры во время Чудновской кампании; при Павле Тетере занимал пост генерального есаула и черкасского полковника.

Когда после отъезда Павла Тетери гетманом провозгласил себя один из вождей казацких низов, медведовский сотник Степан Опара, Дорошенко начинает собственную игру. В августе 1665 г. его при поддержке татарских мурз избирает гетманом Малая рада под Богуславом. Большая рада, созванная в начале 1666 г. в Чигирине (на ней едва ли присутствовала и тысяча казаков, потому что несколько правобережных полков в тот момент признали власть царя, а в Корсуне и Белой Церкви находились коронные гарнизоны), подтвердила это избрание. Участники рады присягнули на верность друг другу, причем, как отмечает очевидец, «при каком монархе будут оставаться, русском ли, польском, не оговаривали».

Обратившись к королю с просьбой признать его гетманское звание, новый гетман в то же время начал решительное подавление группировок промосковской ориентации — овручского полковника Василя Децика и уже упомянутого уманского главаря Василя Дрозденко, который называл себя брацлавским полковником. Взяв после нескольких недель осады Брацлав, гетман рассеял почти сорокатысячное войско Дрозденко, а его самого казнил. Число сторонников Дорошенко — казака в нескольких поколениях, который «Поле знает», — начало расти: при осаде Брацлава он уже имел двадцатитысячное войско, а теперь к нему перешло и большинство казаков из отрядов его соперников-неудачников.

Старшинская рада, которую, укрепив свои позиции, созвал в 1666 г. Петро Дорошенко, одобрила его стратегию: «выгнать всех ляхов с Украины в Польшу» и, заручившись поддержкой хана Адиль-Гирея, объединить полки по оба берега Днепра. Тогда же, идя по стопам Богдана Хмельницкого, гетман начал переговоры с султаном как вероятным протектором Украины. Уже в январе 1666 г. ему удалось вытеснить коронные отряды из Украины, а летом того же года — выбить из Надднепрянщины московские войска.

Ход событий ускорила весть о предварительном постановлении комиссии по перемирию в Андрусове неподалеку от Смоленска, где 8 июня 1666 г. истощенные войной Московия и Речь Посполитая согласовали взаимные

165. Петро Дорошенко.
Портрет XVIII в.

территориальные уступки. Согласно Андрусовскому перемирию от 20 января 1667 г., окончательно утвержденному несколько позже, Московии возвращались Смоленск и Северщина, а казацкие земли стороны разделили по Днепру на две половины, подчиненные соответственно королю и царю. Киев временно оставался за левобережным гетманом, а Запорожская Сечь должна была находиться под общим протекторатом обоих государств. Таким образом, прецедент фактического существования двух Гетманщин — на левом и правом берегах Днепра — закреплялся юридически, перечеркивая кровавые усилия долгих двадцати лет. Как справедливо напишет Самойло Величко, условия были выгодны «обоим монархам, ущемлены были только казаки».

Общее возмущение энергичнее других выразил Петро Дорошенко. В ноябре 1666 г. он присоединился со своими полками к татарам, которые напали на коронную армию и совместно с казаками нанесли ей сокрушительное поражение. Для Петра Дорошенко это стало первым шагом к переходу под турецкий протекторат. Как писал современник, нежинский протопоп Симеон Адамович,

Дорошенко со своими единомышленники безбожными хану крымскому учинил присягу на вечное подданство ни царскому величеству, ни королю полскому не служить, толко з Ордою на обеих монархов воевати.

В начале октября 1667 г. армия Дорошенко, усиленная двадцатитысячной ордынской конницей и трехтысячным отрядом янычар, взяла в осаду под местечком Подгайцы в Галиции коронное войско во главе с тогдашним польным гетманом, впоследствии королем Яном Собеским. Однако в момент, когда военное счастье, казалось, обещало полную победу, кошевой Запорожской Сечи Иван Сирко, действуя в согласии с Собеским, осуществил опустошительную вылазку на Перекоп и Северный Крым. Этот поход, после которого в Крыму, как писали современники, остались «только псы да коты», а полторы тысячи татарских женщин и детей были выведены в неволю, стоил Дорошенко союзника. Казаки на всякий случай даже начали выкапывать рвы, чтобы защитить свой лагерь от разъяренных татарских воинов. 16 октября 1667 г. калга Керим-Гирей заключил с осажденными сепаратное соглашение и поспешил домой, а Петру Дорошенко, вместо ожидаемого выхода Украины из-под власти короля, пришлось присягнуть на верность Речи Посполитой и вернуться в Чигирин ни с чем.

Беспокойно было и в левобережной Гетманщине. Как уже говорилось, проведение фискальной переписи населения, предусмотренное Московскими статьями 1665 г., нанесло резкий удар по популярности Ивана Брюховецкого.

Как доносил в мае 1666 г. московскому воеводе Петру Шереметьеву Местоблюститель Киевской митрополии Мефодий Филимонович,

учала бысть в Запорогах и в Полтаве шатость (волнения. — *Примеч. перев.*) великая, потому что запорожцы и полтавцы, и всех малороссийских городов полковники, и старшина, и казаки, также и духовенство — все боярина и гетмана не любят.

Проявлением этой нелюбви стали бунты лета 1666 г. в Полтавском и Переяславском полках. В частности, в Переяславе был убит местный полковник Данило Ермоленко и несколько старшин, «иссечена», как тогда выражались, часть Московского гарнизона, сам воевода взят в осаду, а город сожжен.

Окончательно лояльность казаков Заднепровья подорвала весть о подписании Андрусовского перемирия. Как и в окружении Петра Дорошенко, глаза левобережной старшины обратились к третьей стороне великого треугольника, в котором Украина маневрировала с начала казацкой революции: к Османской империи. Симптоматична (а возможно, и подозрительна) синхронность двух старшинских рад, состоявшихся в январе 1668 г.; рады левобережных полков в Гадяче (ее созвал Брюховецкий) и рады правобережных в Чигирине, созванной Дорошенко. Обе рады приняли решение не признавать верховенства ни царя, ни короля, а перейти под протекцию султана и жить «по обе стороны Днепра жителям в согласии». Тогда же, почти одновременно, из Гадяча и Чигирин в Стамбул были высланы два посольства. После этого на левом берегу Днепра сразу вспыхнуло восстание против московских гарнизонов, а Брюховецкий вместе с присланными ему на помощь ханом татарами отправился освобождать уже взятые в осаду московской армией пограничные города. В ответ на известие о «шатости» московская армия быстро перешла границу и начала продвигаться в глубь украинской территории.

Обращаясь с универсалами к казакам Заднепровья, Иван Брюховецкий призывал спасти «нашу милую отчизну Украину», а причиной своего выступления против царя называл то, что «русские и поляки, помирившись, постановили нас, Войско Запорожское, и весь народ христианский украинский и Украину, отчизну нашу, до основания разорить». Действительно ли гетман решил спасти «милую отчизну», только ли цеплялся за очередной шанс, предоставленный политической конъюнктурой, останется навсегда тайной, потому что до кровавого финала его правления оставалось меньше месяца. С легкой и авторитетной руки Николая Костомарова, первого исследователя Руины, Брюховецкий обычно представляется символом моральной деградации. Историк изобразил

его жадным, свирепым, коварным и лживым, не имевшим никаких идеалов, кроме грубого личного эгоизма. Не отличаясь ни пронизательностью, ни умением управлять обстоятельствами, Брюховецкий, как пишет Костомаров, «умер ужасной, но достойной своей безнравственности смертью».

В этой характеристике конечно же излишне много эмоций и морализаторского ригоризма. Иван Брюховецкий действительно был не жертвенным героем, а всего лишь человеком, брошенным в водоворот невзгод, чрезмерных для человеческих сил. Ему верила наивная казацкая чернь, и на этой волне он маневрировал в своей демагогической политике приспособленчества. Однако джинн анархии, которого он выпустил из бутылки, быстро стал неуправляемым и уничтожил самого гетмана.

В мае 1668 г. по призыву левобережной старшины полки Петра Дорошенко переправились через Днепр. В урочище Сербино Поле под Диканькой [в настоящее время Полтавской обл.] 18 июня войска обоих гетманов, двух бывших «старших слуг» Богдана Хмельницкого, сошлись, и Дорошенко послал Брюховецкому призыв к переговорам. Личная охрана левобережного правителя, состоявшая из преданных ему запорожцев, пыталась помешать этому, но остальные казаки «с громкими криками и проклятиями» потянули Брюховецкого к Сербиной могиле, где его ожидал верхом на коне Дорошенко. По его сигналу (как будет сказано впоследствии, неправильно понятому) толпа растерзала беспомощную жертву. После этого Дорошенко заявит запорожцам, что не желал смерти своего противника, и повелит отвезти изуродованное тело в Гадяч, чтобы с честью похоронить в построенной Брюховецким же соборной Богоявленской церкви. На могильной плите выгравировали составленную черниговским архиепископом Лазарем Барановичем эпитафию, прозрачно намекавшую на «злости» покойника, который просит людей о милосердии и прощении:

Прошу всѣх посполу,
в земном лежа долу
Не стався суворо, то дай ми слово:
«Вѣчна йому буди
пам'ять от всѣх людей».

Демьян Многогрешный за и против Москвы

Гетманом «обоих берегов» Петро Дорошенко не пробыл и года. Отразив московское наступление и вернувшись в Чигирин, он поручил оборону северной границы черниговскому полковнику Демьяну Многогрешному,

однако силы Многогрешного были очевидно неравны силам армии воеводы Григория Ромодановского. Тем временем Дорошенко не мог прислать подкрепление, потому что из Сечи вновь подул ветер анархии. Вместо покойного Брюховецкого запорожцы сразу же после его гибели избрали на гетманство Петра Сухова, а тот при поддержке традиционно связанных с Сечью левобережных южных полков и хана Адиль-Гирея занял Переяслав, Миргород, Полтаву и Лубны. Борьба с мятежниками, затянувшаяся до середины следующего, 1669 г., распыляла и без того немногочисленное войско Дорошенко и Многогрешного, а между тем Ромодановский взял в осаду Чернигов. По напутствию черниговского архиепископа Лазаря Барановича, неутомимо призывавшего в проповедях вернуться «под высокую руку» царя, старшина Черниговского, Новгород-Северского и Стародубского полков объявила Многогрешного «северским гетманом» и начала переговоры с воеводой. В марте 1669 г. в Глухове, в присутствии царских послов и Лазаря Барановича, казацкая рада левобережных полков подтвердила гетманские полномочия Многогрешного и одобрила предложенные его окружением новые, так называемые Глуховские статьи, которые должны были заменить в отношениях с московским правительством пресловутые Московские статьи 1665 г. В частности, в ведение гетманской администрации был возвращен сбор налогов; количество городов, в которых должны были стоять гарнизоны воевод, ограничивалось; позволялось формировать особый гетманский полк из тысячи наемников для охраны и полицейской службы (позже такие полки получают название компанейских); резиденция гетмана переносилась из скомпрометировавшего себя Гадяча в Батури.

Демьян (Демко) Многогрешный недолго удерживал гетманскую булаву. Крестьянин по происхождению (за что «старинная» старшина пренебрежительно называла его «мужичьим сыном»), человек простоватого, крутого и недипломатичного нрава, новый гетман удивительно быстро нажил себе врагов, резкие же его высказывания по отношению к московскому правлению, достаточно независимая позиция и особенно нескрываемая симпатия к Дорошенко, за здоровье которого Демко позволял себе пить на пирах при всем народе, являлись питательной почвой для доносов, вскоре посыпавшихся в Москву. Например, авторы последнего такого доноса, перечислив целых 37 пунктов «измены», прибавляют:

Если бы мы записали все доказательства измены Демко, то не уместили бы всего не только на листе бумаги, но и на воловьей шкуре.

Смещенные Многогрешным с занимаемых должностей генеральный обозный Петр Забила, генеральный писарь Кость Мокриевич, переяславский полковник Думитрашко Райча и еще несколько человек, заручившись поддержкой царского наместника, 12 марта 1672 г. силами русского отряда окружили ночью гетманский двор в Батурине и заключили в кандалы захваченного врасплох гетмана. Исходящему бессильной яростью, раненному в столкновении Демко оставалось дать выход ненависти разве что на словах, в угрозах, что он соберет казаков и татар и «загонит» с ними москалей «за столицу», потому что, дескать, Москва хочет предательски уничтожить все местное население и опустошить Украину.

Прозрение пришло к «мужичьему сыну» слишком поздно: ему пришлось ощутить на своей шкуре, как велика власть царя над казацкими порядками. Свободно избранного гетмана судил не суд Войска Запорожского в Батурине, как того требовал обычай. Он первым из гетманов был тайно, без ведома полков, вывезен в Москву, допрошен с применением пыток и осужден на казнь. На лобном месте казнь была заменена вечной ссылкой; некоторое время Демьяна, его семью и нескольких слуг, вывезенных вместе с ним, держали в Тобольском остроге, а затем записали на московскую казачью службу при Селенгинском остроге. В последний раз экс-гетман упоминается под 1688 г. На склоне жизни он якобы постригся в монахи; умер в начале XVIII в.

Описывая падение Многогрешного, нельзя обойти молчанием соглашательское поведение духовенства. Одним из первых доносчиков на гетмана стал нежинский протопоп Симеон Адамович, который еще накануне его официального утверждения с усердием докладывал в Москву, что тот будто бы хва-

лится сделать так, чтобы «у нас в Малой России и нога московская не стояла». Когда после ареста гетмана его брат, черниговский полковник Василь Многогрешный, искал временного укрытия в одном из местных монастырей, ему отказали и архимандрит Елецкого монастыря, известный проповедник и богослов Иоаникий Галятовский, и оба игумена — Никольского и Максаковского монастырей. Переодетому в рясу беглецу все-таки удалось спуститься на лодке по Десне и Днепру к Киеву. Однако, когда он попросил помощи у игумена

166. Демьян Многогрешный. Рисунок Самойла Величка, первая четверть XVIII в.

Братского монастыря, ректора Киево-Могилянской коллегии Варлаама Ясинского, тот просто выдал его московскому воеводе.

Избавившись от Многогрешного, верноподданная старшина выслала царю проект новых статей, которыми должны были регулироваться взаимоотношения московского правительства с Гетманщиной. В частности, было предложено следующее: запретить гетману раз и навсегда связи с иностранными государствами; поставить его действия под контроль военного суда, а компанейский полк, на который он мог бы опереться, распустить; в дальнейшем никогда не допускать казацкую чернь к участию в выборах гетмана. Этими пунктами и были дополнены новые Конотопские статьи 1672 г., которые во всем остальном совпадали с Глуховскими. Остерегаясь неожиданностей, старшина собрала узкую раду «значных людей» в Казацкой Дубраве между Конотопом и Путивлем, и то не по украинскую, а по московскую сторону границы. В окружении стрельцов воеводы Григория Ромодановского, под аккомпанемент неутомимой агитации черниговского архиепископа Лазаря Барановича согласия удалось достичь сразу, тем более что кандидатура была согласована заранее. 27 июня 1672 г. гетманом левобережных полков стал генеральный писарь, один из доносчиков на Многогрешного Иван Самойлович, сын священника с Правобережной Украины. Запорожцы, сразу же ставшие в оппозицию к гетману-поповичу, достаточно язвительно прокомментировали это избрание.

Для казацких рад, писали они, «особое місце есть — Росава [то есть урочище Маслов Став над р. Росавой между Каневом и Кагарлыком], а нинішними времени под Стародуб забрело».

Однако Самойловичу, человеку умному, гибкому и дипломатичному, удалось удерживать булаву дольше других тогдашних гетманов — целых 15 лет.

Турецкая альтернатива Петра Дорошенко

Пока в левобережной Гетманщине происходили описанные события, Петро Дорошенко, отчаявшись в возможности самостоятельно преодолеть анархию, превращавшую в недостижимый мираж его замысел объединить, как он говорил, в единой казацкой державе «Княжество Руськое, которое имело бы границами Перемышль, Ярослав, Львов, Галич, Владимир», бросил опасный жребий. Его преамбулой стали так называемые «Статьи, в которых Дорошенко поддался турецкому султану», переданные еще в начале 1668 г. в Стамбул. До конца года Чигирин посетило два султанских посла, а в марте следующего, 1669 г. на генеральной раде под Корсунем было официально провозглашено «подданство султану». На очередной раде в июле того же года турецкий посол привез

гетману «санджаки», то есть знаки султанской милости — булаву, бунчук, хоругвь и кафтан, а также нишам [грамоту], где сообщалось, что султан принимает казаков под свою протекцию

так, как служат мне валашский и мунтянский господари... чтобы земля ваша в покое была и чтобы никто ее не опустошал... И за то не хочу от вас ни дани, ни труда, ни даров, но предоставляю вам вольности, при которых можете нерушимо жить. Только вы, как будет мне нужно войско, должны идти с гетманом туда, куда будет приказано... Если будете нерушимо держать слово, буду всем вам и земли вашей защитником...

Характерно, что в грамоте речь шла о территории «обоих берегов Днепра». То, как это понимали Дорошенко и его сторонники, видно из предварительно посланных ими в Стамбул оговорок: «До Перемышля, Самбора и от города Киева на 12 миль, до Вислы и Немана, и до Севска и Путивля».

И хотя Петро Дорошенко не порывал окончательно с Речью Посполитой, признавая себя также вассалом польского короля, слух о султанской протекции резко ударил по популярности гетмана, «продавшего Украину в турецкое иго». На этой волне сразу же появилось целых два претендента на его булаву, причем обоих выдвинула Запорожская Сечь. Первым был уже упомянутый Петро Суховей, который привлек на свою сторону Корсунский, Уманский, Белоцерковский, Паволоцкий, Торговицкий и Кальницкий полки, а после него все теми же запорожцами в августе 1669 г. гетманом был избран уманский полковник Михайло Ханенко, человек пропольской ориентации. Последний сохранял руководство над частью казачества вплоть до 1674 г. За это время войска обоих правобережных гетманов трижды сходились в братоубийственных столкновениях, а погибшие исчислялись тысячами. Кончил Ханенко тем, что в марте 1674 г. перебрался на левый берег Днепра и присягнул на верность царю, но уже в 1677 г. опять вступил в сношения с польским королем; был заточен и, вероятнее всего, казнен.

Борьбой между Дорошенко и Ханенко удачно воспользовалось королевское правительство. Хорошим примером здесь может послужить эпизод с так называемой Острожской комиссией. Осенью 1669 г. Петро Дорошенко выслал свое посольство на коронационный сейм, пытаясь добиться от новоизбранного короля Михала Вишневецкого возобновления Гадячского соглашения. Летом 1670 г. в Остроге начала работу комиссия по заключению перемирия, на рассмотрение которой Дорошенко представил 24 пункта с созвучными пунктам Гадячского трактата требованиями: подтвердить казацкую

юрисдикцию в Киевском и Брацлавском воеводствах и в прилегающих землях Подолья, Волыни и Полесья; упразднить здесь церковную унию и гарантировать статус Православной Церкви; возобновить упомянутое в Гадячском соглашении право на основание «двух академий» и т. п. Поскольку королевских комиссаров такой радикальный вариант не удовлетворял, они провели параллельные переговоры с послами «настоящего гетмана» Михайлы Ханенко, чьи требования были намного более скромными. Именно с Ханенко 2 сентября 1670 г. было подписано Острожское соглашение, где о казацком государстве не упоминалось, а уступки ограничивались признанием «вольностей и привилегий» Войска Запорожского и гарантией статуса Православной Церкви. Именно в такой редакции соглашение было в конце 1670 г. ратифицировано сеймом; там же Петро Дорошенко был объявлен «изменником отчизны». Гетман категорически отреагировал на это постановление сейма: «Если король и Речь Посполитая позволяют себе с нами такие шутки, то должна пролиться христианская кровь».

Угроза гетмана была исполнена быстро. Летом 1671 г., после ряда столкновений с коронными подразделениями и отрядами Михайлы Ханенко, дело дошло до масштабных военных действий на Подолье. Армия коронного гетмана Яна Собеского вместе с полками Ханенко и запорожцами во главе с Иваном Сирко заняли Брацлав, Могилев, Бар, Меджибож и Винницу, а в декабре 1671 г. полки Дорошенко, татары и насчитывавший несколько тысяч корпус янычар начали отбивать упомянутые города. И это была лишь прелюдия к большой войне. Ведь принятие Петром Дорошенко турецкого протектората логично вело к столкновению Речи Посполитой с Турцией, как в свое время принятие московского подданства — к войне между Московией и Речью Посполитой.

В конце 1671 г. султан Мехмед IV послал королю формальное извещение о том, что он выступает походом «на Лехистан» для защиты «вилайета» своего обиженного вассала Дорошенко и «казацкого народа». В июне 1672 г. более чем

167. Турецкий военный лагерь. Гравюра конца XVI в.

стотысячная турецкая армия, возглавленная самим султаном, перешла Дунай; на марше к ней присоединились десяти-пятнадцатитысячное татарское войско, 6 тысяч воинов из Валахии и Молдавии и двенадцатитысячный отряд Петра Дорошенко. После десятидневной осады 26 августа 1667 г. пал неприступный Каменец-Подольский, о котором турки говорили, что эту крепость построил «сам Аллах», а в начале сентября был осажден Львов. Потрясенное Польское королевство лежало беззащитным перед ужасающей армией, с легкостью берущей одно укрепление за другим, стирая с лица земли непокорных. О серьезном сопротивлении нечего было и думать, поэтому послы короля Михала Вишневецкого прибыли в турецкий лагерь просить мира. Он был подписан 28 октября 1672 г. в Бучаче [в настоящее время райцентр Тернопольской обл.] на позорных для Речи Посполитой условиях: Западное Подолье под названием Каменецкого вилайета переходило в состав Османской империи; Дорошенко как султанскому вассалу передавалось Брацлавское и южная часть Киевского воеводств (эти земли соглашение называло «Украинской державой в старых границах»); султану должна была быть уплачена огромная контрибуция, а впоследствии — достаточно крупные ежегодные «упоминки». Сейм этого соглашения не ратифицировал, поэтому, хотя военные действия утихли, о конце войны не могло быть и речи.

Триумф османов оказался пирровой победой для Петра Дорошенко. Падение Каменец-Подольского, в котором турки превратили часть церквей и костелов в мечети, бесчинства татарских разъездов, слухи о вывозе мальчиков в янычарские школы вызывали панический ужас у населения. Люди начали массово покидать и без того полупустую территорию гетманской юрисдикции. Обезлюдели целые округа; нагруженные нехитрыми домашними пожитками, гоня скот, многотысячные вереницы беженцев тянулись в Канев и Черкассы, скапливались на переправах и следовали на левый берег Днепра, где расселялись в полках или двигались еще дальше, на земли московской «украины» — Слобожанщину. Это вавилонское столпотворение воспринималось как конец света, и виновником его считали Дорошенко, который «продал Украину в турецкое иго». В довершение всего в январе 1674 г., воспользовавшись ослаблением Речи Посполитой, на правый берег Днепра вступили полки Ивана Самойловича и русское войско. Московско-казацкие силы столкнулись с Петром Дорошенко и его союзниками — татарами и турками, проливая реки крови, уничтожая друг друга, а заодно и принуждая свирепыми репрессиями к послушанию (неизвестно кому и неизвестно, как надолго) уже совершенно ничего не понимающее население. С осени этого же года на города, подчиненные Дорошенко в Восточном Подолье, — Рашков, Бар, Могилев, Брацлав

начал наступление Ян Собеский (к тому времени уже избранный королем), поклявшийся сейму вернуть земли, утраченные по Бучачскому соглашению. Противодействие турецкой армии Собескому дополняло чудовищное разрушение спорных территорий.

Убегая куда глаза глядят из этого огненного ада, на протяжении 1674–1675 гг. на левый берег Днепра, в Волынь и Галицию переселилось почти все население Брацлавского и Уманского полков и практически полностью обезлюдела Надднепрянина. Часть ее жителей эмигрировала, а часть принудительно вывез Самойлович, приказавший массово переселять местных жителей за Днепр, чтобы лишить Дорошенко опоры в людях и продовольствии. Забегая немного вперед, следует добавить, что в 1678–1679 гг. Иван Самойлович по инициативе московских воевод продолжил эту акцию с еще большим размахом и окончательно сжег уцелевшие населенные пункты правобережной поднепровской полосы, чтобы положить конец существованию Черкасского, Каневского, Чигиринского и Корсунского полков (люди называли это «великим сгоном»). По тогдашним донесениям о завершении операции, жители Черкасс, Канева, Корсуня, Ржищева и других городов были «на сию сторону [Левобережье] согнаны и от неприятеля отлучены, а села и местечки по ту сторону все без остатка сожжены».

Оплакивая исчезновение с лица земли надднепровской колыбели казачества, Самойло Величко в своей летописи сравнит эту катастрофу с падением Вавилона:

Паде, Украина тогочасная Малоросійская Козакоруская, з многими крепкими гради и веси, аки Вавилон оній древній град великій... Приходило нам пустую и мертвую Малую Росію, матку нашу, полними слез огладати очима, и красніе жилища отцев и праотцев наших зрети дивієм звером водворенієм.

С падением популярности Петра Дорошенко его начинает покидать казацкая старшина. Одни признают власть Ивана Самойловича, принося, соответственно, присягу на верность царю, другие переходят на сторону новоизбранного (и признанного весной 1675 г. королем) «наказного гетмана» Остапа Гоголя, которому подчинялись Подольский (Могилевский), Брацлавский, Кальницкий и Уманский полки. К осени 1675 г. при Дорошенко в Чигирине,

168. Подпись Ивана Сирка

который едва ли не единственный уцелел в вихре разрушения, оставалось не более 5 тысяч казаков. Сам город, по свидетельствам очевидцев, превратился в устрашающий невольничий рынок: татары открыто перепродавали здесь захваченных на левом берегу Днепра христианских пленников, в чем им, как рассказывают, помогали сами чигиринцы. Люди страдали от нехватки хлеба, который уже два года как не сеяли, а голодные ватаги татар терроризировали окрестности. Все проклинали гетмана, и его воля в поединке с судьбой в конечном итоге была сломлена.

В начале октября 1675 г. он пригласил кошевого Запорожской Сечи Ивана Сирко (на этот раз сообщника на почве неприязни к левобережному гетману-поповичу) прибыть в Чигирин, где он, Дорошенко, отдаст гетманские клейноды «сечевому товариству» и принесет присягу на верность царю. Эта церемония состоялась 10 октября: гетман вручил Сирко булаву, бубны и хоругви и поклялся на Евангелии, передавая себя на милость царю, гарантированную словом Сирко. Но на этом искупление не завершилось. От Дорошенко потребовали прибыть на левый берег Днепра и там повторно присягнуть перед Самойловичем и Ромодановским, а после его отказа на Чигирин выступило тридцатитысячное московско-казацкое войско. Жители окрестных городов, капитулируя, присягали на подданство царю; Чигирин остался один на один с нападающими. Обороняться с горсткой верных казаков было бесполезно; не пришла помощь ни из Сечи, ни от прежних союзников — турок и татар. После короткого боя Петро Дорошенко капитулировал; акт присяги состоялся 9 сентября 1676 г. в Янчарце под Чигирином, куда из города двинулась процессия священников с крестами, а за ними — гетман со старшиной, казаки и горожане. 19 сентября ему пришлось присягнуть в третий раз, уже на левом берегу в лагере Самойловича и Ромодановского — там Дорошенко передал Самойловичу две булавы, которые были присланы турецким султаном. Через месяц, 17 октября 1676 г., гетманские клейноды Дорошенко с триумфом увозили в Москву: хоругви волочили по земле, а булавы и бунчук несли головами вниз. В Кремле их сложили у ног сидевшего на троне царя, а тот повелел три дня выставить их на показ народу.

Так окончилась бурная политическая жизнь Петра Дорошенко. Первые полгода после капитуляции он прожил в Соснице [в настоящее время район Черниговской обл.], предоставленной ему в собственность универсалом Самойловича, который отнесся к раздавленному сопернику с достойной уважения корректностью. Весной же 1677 г. по требованию царского правительства и вопреки сопротивлению Самойловича и старшины Дорошенко пришлось выехать в Москву. Там бывший гетман некоторое время находился

в почетном заключении при дворе, выступая в роли консультанта во время войны с Турцией и Крымом, а затем, с 1679 по 1682 г., служил воеводой в Вятке, после чего ему было пожаловано имение в с. Ярополче под Москвой. Умер он 9 ноября 1698 г.; похоронен в Ярополче. Несчастливый в первом браке (женой Дорошенко была неуправляемая в поступках алкоголичка, дочь Павла Яненко-Хмельницкого), Дорошенко в 1684 г. женился на Агафье Еропкиной и даже имел от нее троих сыновей и дочь. Правнучкой гетмана от этого брака была знаменитая русская красавица, жена Александра Пушкина Наталья Гончарова. В ее семье помнили об этом происхождении: брат Натальи поставил над могилой Дорошенко часовенку, которую разобрали только в 1953 г.

Рукотворная пустыня после Чигиринских войн 1677–1678 гг.

Капитуляция Дорошенко не остановила польско-турецкую войну, которая продолжалась на территории раскромсанной Украины. В ходе боев турецкая армия в октябре 1676 г. окружила войско Яна Собеского около местечка Журавно на Днестре [в настоящее время Львовской обл.] и заставила подписать так называемый Журавненский мир, который подтвердил территориальные уступки в соответствии с Буцацким трактатом. Тем временем московское правительство, считая оккупированную территорию Дорошенко своей, демонстративно не стало выводить из нее войска. Поэтому весной следующего 1677 г. опять началась война, на этот раз русско-турецкая.

Турки, как уже говорилось, использовали марионеточную фигуру Юрия Хмельницкого, которому султан якобы намеревался «вернуть землю и булаву». В марте 1677 г. Юрия вывезли из Стамбула в турецкий лагерь на Дунае, где армия готовилась к маршу, и стали рассылать от его имени призывные универсалы, в которых сообщалось, что турки идут защищать население от несправедливостей и насилия со стороны татар, поляков и русских.

Девяностотысячное войско сераскира [главнокомандующего] турок Ибрагим-Шейтана, двинувшееся на Чигирин, состояло из конницы и янычарской пехоты, а также соединений султанских вассалов — татар, молдаван и валахов. В Чигиринском замке наспех сооружали новые укрепления, углубляли рвы, подвозили оружие и запасы продовольствия. Крепостной гарнизон к началу осады насчитывал 12,5 тысячи воинов — казаков левобережных полков и московских ратных людей. Одновременно подтянулась пятидесяти-тысячная московская армия, впервые укрепленная слободскими казацкими полками — Сумским и Ахтырским; готовились к походу и полки Самойловича,

насчитывавшие около 20 тысяч. Осада Чигирина выпала на август 1677 г. и продлилась три недели: когда главные силы Самойловича и московских воевод с боями пробились к городу, турки вынуждены были отступить перед их стремительным натиском.

Неудача под Чигирином стоила свободы Ибрагим-Шейтану, подвергнутому заключению по приказу султана, и власти крымскому хану Селим-Гирею, который был сослан на о. Родос (хан действительно принимал участие в осаде неохотно, потому что накануне заключил мирное соглашение с кошевым Сечи Иваном Сирко; татары воевали вяло и первыми отступили от города). В Османской империи была объявлена всеобщая мобилизация, а главнокомандующим новым походом был назначен великий визирь Кара-Мустафа. В конце июня 1678 г. турецкая армия вместе с конницей нового хана Мурад-Гирея (в целом насчитывавшая 130–140 тысяч) опять вступила в Украину. Кара-Мустафа вез за собой и гетмана-невольника Юрия Хмельницкого, держа его, как доносили московские шпионы, под строгой стражей. Самойлович, готовясь к войне, также отдал приказ о всеобщей мобилизации, после которой его отряды насчитывали до 50 тысяч, а войско князя Ромодановского — до 70 тысяч человек.

Турецкая армия, как и в прошлом году, направилась на Чигирин и 18 июля 1678 г. взяла его в осаду, расположившись огромным лагерем, который растянулся на 10 км вдоль р. Тясмин. Уже на следующий день начался шквальный обстрел замковой горы из пушек, прерывавшийся лишь с целью новой атаки; одновременно турки пытались пробить взрывчаткой брешу в крепостных укреплениях, осуществив за время осады 25 подкопов.

В левобережной Гетманщине на борьбу за Чигирин — колыбель казацкой державы — смотрели как на дело чрезвычайное. Тогдашний Местоблюститель Киевского митрополичьего престола Лазарь Баранович распорядился, чтобы ежедневно по всем церквям священники молились за победу. Казацкие панегиристы воспевали успехи первого чигиринского похода как возвращение «русьской славы». Вот как, например, звучит это в поэме Александра Бучинского-Яскольда:

169. Кара-Мустафа. Гравюра Георга Этцлера, после 1683 г.

Ныне Русь на пути
 Своих предков гордых
 Гонит вскачь по лесам татарские орды
 И, срывая с турка блестящие шишаки,
 Рисует себе славы пожизненной знаки.

Совсем иначе оценивали Чигиринскую кампанию в Москве. Правительству было жаль и сил, и средств, уходивших на борьбу за стратегически малозначительную крепость, а с геополитической точки зрения возможность превратить ее округу в нейтральную зону казалась совершенно приемлемой. Поэтому воевода Григорий Ромодановский, действуя согласно секретной инструкции, не спешил на выручку осажденным, а когда московско-казацкое войско в первой половине августа 1678 г. все же пробилось к окрестностям Чигирина, приказал защитникам оставить замок, подпалив деревянные здания и предварительно набив порохом пушки. В ночь с 11 на 12 августа, после того как пожар разгорелся, они начали взрываться, так что в конечном итоге был поднят на воздух и главный пороховой погреб. Сила взрыва была настолько мощной, что зарево осветило оба лагеря противников, а в небо взлетели каменные глыбы крепостных стен. Наутро турки вошли в руины крепости Богдана, а несколько дней спустя великий визирь приказал сровнять с землей остатки укреплений.

Непрекращающиеся военные действия длились еще два года, пока Московия и Османская империя не заключили в январе 1681 г. в Бахчисарае перемирие сроком на 20 лет. Согласно этому перемирию, московско-турецкая граница прошла по Днепру, однако территория южнее Киева между Днепром и Бугом (то есть бывшие владения Дорошенко) должна была оставаться незаселенной. А когда через пять лет (в 1686 г.) царь и польский король заключили так называемый Вечный мир, направленный против Стамбула, то его пункты, в целом повторявшие Андрусовское перемирие, были дополнены аналогичной договоренностью, по которой полоса Дорошенко между Киевом и Чигирином объявлялась «пустой» и не должна была принадлежать ни одной из сторон: «Те места должны оставаться пустыми так же, как есть теперь». Так в конце XVII в. великие державы разрубили узел противоречий вокруг еще недавно цветущей казацкой Надднепрянщины. Русский монах Иван Лукьянов, проезжая через эти места и не встретив за пять дней путешествия ни одной живой души, описал свои впечатления следующим образом:

И поидохом в степь глубокою; и бысть ам сие путное ществие печально и уныливо, бяше бо видети ни града, ни села; аще бо быша прежде сего грады красны и нарочиты селы видением — но не точию пусто место и не населяемо не бе видети человека... А земля зело угодна и хлебородна и овощу всякого много; сади — что дикий лес: яблоки, орехи воложские, сливы дули, да все пустыня...

О том же пишет Самойло Величко: следуя из Белой Церкви на запад, можно было увидеть лишь руины замков и оборонительных валов, где обитали во множестве дикие звери, а обвалившиеся стены служили укрытием для змей.

170. Иван Самойлович.
Портрет XVIII в.

Подолье, традиционная житница довоенной Украины, не могло прокормить собственным хлебом 15 тысяч воинов турецкого гарнизона в Каменце: запасы продовольствия подвозили сюда из-за Днестра, из Молдавии. В Барском старостве населения не осталось вообще, не считая горстки местных татар, которые жили здесь с середины XVI в. (и теперь, как рассказывали, вернулись к полукочевому образу жизни). Полностью прекратилось и торговое движение, лишь немногочисленные караваны верблюдов ходили под турецким конвоем от Каменца к Шаргороду, где располагалась фактория восточных купцов. Характерное свидетельство содержат так называемые «Мемуары Божо», изданные в 1699 г. в Париже (их приписывают секретарю польской королевы Делараку, который в середине 1680-х гг. бывал в Украине). Описав

ужасное опустошение края, Божо пишет, что голландцы якобы предлагали польскому королю проект его повторной колонизации, но правительство это предложение отклонило.

Так закончилась Руина. Не потому, что братья ужаснулись, оглянувшись на реки пролитой крови, а потому, что убивать друг друга было уже некому.

* * *

Вскоре после подписания Вечного мира в 1686 г. подошла к концу карьера левобережного гетмана Ивана Самойловича, которого современники считали (очевидно, преувеличивая его вину) главным виновником

ужасающего запустения правого берега Днепра. Вот как говорит об этом Самойло Величко, приложивший к своему труду письмо, якобы написанное гетману от имени «товарыства» запорожским кошевым Иваном Сирко:

Уважай же теперь, Пане Гетман Самойлович, чого доказал еси, какую услугу Богу и отчизне оказал: Дорошенка заслал еси в неволю непрестанную, Чигирин зо всею Україною сегобочною утерял еси, многому множеству крве христіанской всеу проліятися допустил еси, и от такого мнимаго благополучія обоих сторон Гетманом начал еси титуловатися. Що-ж тебе по стороне сегобочной запустелой? Якого себе чаешь з неї пожитку и обогащенія? — разсмотри... А так власній ты естесь погубитель Чигирина и остатка сегобочной України...

На самом же деле после опустошения казацкого Правобережья промосковская лояльность гетмана «обоих берегов» все же пошатнулась и он уже не мог удержаться от намеков на то, что «не так будет, как Москва с поляками в мирных своих договорах постановила: учиним мы так, как нам нужно».

Казацкая старшина не любила Ивана Самойловича, обвиняя его во властолюбии, гордыне и nepотизме, поэтому нашлись уши, которые услышали эти неосторожные выпады. Подлил масла в огонь и бессмысленный поход на Крым 1687 г., возглавленный фаворитом царевны Софьи князем Василием Голицыным, когда московско-казацкое войско впустую прошло маршем по степи, в которой татары выжгли траву. Способ устранения гетмана был уже известен: несколько человек из генеральной старшины подписали донос, обвинив Самойловича в сепаратистских намерениях, взяточничестве и даже заговоре с татарами, которым он якобы приказал поджечь степь. 1 августа 1687 г. прямо в походе Самойлович был взят под стражу и отправлен в Москву, а в ноябре того же года выслан вместе с сыном в Тобольск; другому сыну, черниговскому полковнику Григорию, также обвиненному в измене, отрубили голову. О них, кажется, пожалели немногие, а Самовидец не без злорадства отметил в своей летописи:

Вмісто роскоши — строга неволя, вмісто карет дорогих и возников — простий возок, теліжка московская с подводником, вмісто слуг нарядних — сторожа стрелцов, вмісто музики позитивов — плач щодений и нареканя на свое глупство пихи, вмісто усіх роскошей панских — вічная неволя. На том скончилося гетманство поповичово.

3. Мазепа и мазепинцы

Многоликий Иван Мазепа

Через несколько дней после ареста Ивана Самойловича, 3 августа 1687 г., в лагере над р. Коломак казацкая рада, окруженная полками князя Василия Голицына, избрала нового гетмана. Выборы прошли без неожиданностей: одаренная накануне старшина назвала предложенное князем имя генерального есаула Ивана Мазепы. Поговаривали, что рекомендация обошлась новому гетману в 10 тысяч золотых и что взятка была оплачена за счет предшественника, так как половина имущества Самойловича была конфискована царской казной, а вторую передали казне Войска Запорожского. Тогда же Мазепа подписал так называемые Коломацкие статьи из 11 пунктов. В целом они повторяли предыдущие, Конотопские, однако имелись в них и некоторые дополнения, направленность которых выглядела уже традиционной: декларируя сохранение казацких «прав и свобод», статьи хоть немного, да усиливали зависимость гетмана от московских властей. В частности, постановлялось, что он не будет иметь ни права смещать старшину «без воли и указа», ни права конфисковать имущества, предоставленные членам старшины царем. Новинкой стал тот пункт статей, которым предусматривалось сглаживание разницы в подданстве украинцев и русских:

Народ малороссийский всякими мери и способы с великороссийским соединять и в неразорванное и крепкое согласие приводить, дабы никто голосов таких не испушал, что Малороссийский край — гетманского regimentу, а отзывались бы везде единогласно: Их Царского Пресветлого Величества самодержавной державы.

Так начиналось двадцатиоднолетнее правление Ивана Степановича Мазепы-Колединского, человека, чья личность и поныне вызывает споры, а жизнеописание обросло паутиной фантастических выдумок. Этому дополнительно способствовало то, что в эпоху Романтизма судьба Мазепы силой случая и моды оказалась в центре внимания многих европейских деятелей искусства — художников, музыкантов, поэтов (свои произведения гетману посвятили Джордж Байрон, Виктор Гюго, Александр Пушкин, Юлиуш Словацкий и др.). С уверенностью можно сказать, что ни один другой деятель украинской истории не стал героем такого количества зарубежных художественных

произведений. Понятно также, что романтический антураж, допустим, поэмы Байрона имеет не больше общего с Украиной конца XVII в., чем голливудская кинолента о Робин Гуде — с британской действительностью XIII в.

Что же касается историографии, то к началу XX в. над образом Мазепы тяготело официальное клеймо измены, выжженное имперской идеологической машиной настолько глубоко, что само его имя служило метафорой вероломства (эту же тональность подхватили в писаниях о Мазепе и советские историки). Напротив, за пределами Советского Союза в научных работах, созданных на волне украинской национально-освободительной борьбы, Мазепа не раз воспевался как жертвенный рыцарь украинской идеи. Комментируя подобный образ, Михайло Рудницкий писал:

Мазепа при всем своем интеллекте и энергии не был таким программным героем. Как настоящий государственный деятель и хороший дипломат, он следовал требованиям своей эпохи, колебался, кидался в разные стороны, был лисом, волком, и всего лишь человеком со страстями, себялюбием, упрямством и иногда слишком большой верой в собственные силы.

Наконец, в новейших трудах (например, Ореста Субтельного за рубежом или Валерия Смолия в Украине) фигура гетмана оценивается спокойнее и исследуется с целью обнаружения логики внезапного перерождения верного царского слуги в борца за независимость. При этом, как мне кажется, политические мотивы целесообразно рассматривать еще и с учетом того очевидного факта, что антимосковское «перерождение» Мазепы не было явлением индивидуально-психологического порядка. Ведь точно так же, послужив — кто меньше, кто больше — царю и отчаявшись в возможности сохранить права левобережной Гетманщины легальным путем, восставали в конце концов против Московии и Брюховецкий, и Многогрешный, и Самойлович. Их действия выглядят менее заметными, так как не вышли за рамки локальных, внутренних событий. Напротив, поступок Мазепы был освещен столкновением двух самых ярких звезд европейской истории начала XVIII в. — шведского

171. Иван Мазепа. Гравюра Данеля Бея, вторая половина XVIII в.

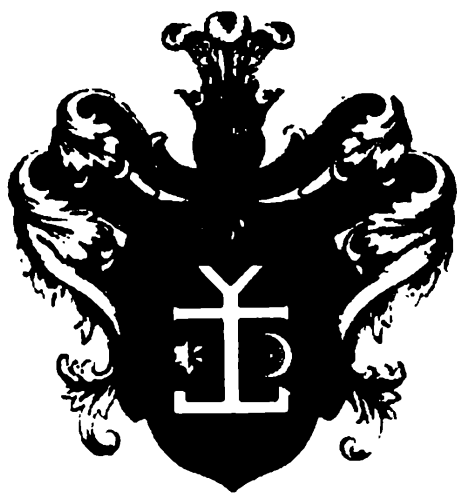
короля Карла XII и русского царя Петра I. Превращение Московии из провинциального царства в одну из наиболее влиятельных империй континента, начавшееся благодаря победе над Швецией, вписало Мазепу в контекст европейской геополитики, а следовательно, наделило масштабностью типичное для Украины завершение гетманской карьеры.

Стоит более точно расставить акценты и в том, что касается столь популярного в старой литературе «лицемерия» Мазепы, который, дескать, «с иезуитской хитростью» говорил царю и московским сановникам одно,

а думал другое. Во-первых, требовать прямодушной нравственности в политике наивно, так как всякая политика — это узаконенное необходимо публичное лицемерие. Во-вторых (и это гораздо более существенно, но редко учитывается), в гетманской Украине русских не любил никто, причем неприязнь была одинакова что к рядовым ратным людям, что к воеводам. Подсознательное неприятие московского мира проходит приглушенным лейтмотивом через всю украинскую историю послехмельницкого времени, существенно отличаясь от предыдущих счетов с «ляхами». Как ни парадоксально, но враг-лях был человеком «своей» политической и культурной орбиты, в то время как единоверный «москаль» — будто существом с другой планеты, основополагающе

чуждой украинцам. Эта скрытая оппозиционность легко попадала на страницы доносов, потому что ее не нужно было долго выискивать — она жила в подсознании, вырываясь или навеселе, или в драке, или в доверительных разговорах, но, естественно, никогда официально не декларировалась на уровне контактов с московскими властями. Поэтому «лицемерие» Мазепы в этом вопросе ничуть не отличалось от «лицемерия» всего населения, от рядового казака до церковного иерарха.

Жизненный путь гетмана складывался достаточно извилисто. Родился он 20 марта 1639 г. в с. Мазепинцы Белоцерковской замковой округи в семье местного замкового шляхтича Степана-Адама Мазепы-Колединского. Его отец, как и остальная мелкая белоцерковская шляхта, поддержал казацкую революцию, а в 1654 г. даже стал белоцерковским городовым атаманом, а впоследствии принадлежал к сторонникам Ивана Выговского. Мать, Марина Мокиевская, после смерти мужа под именем Марии (в схиме Магдалины) постриглась в монахини; с 1686 г. она была игуменьей Киево-Печерского Вознесенского

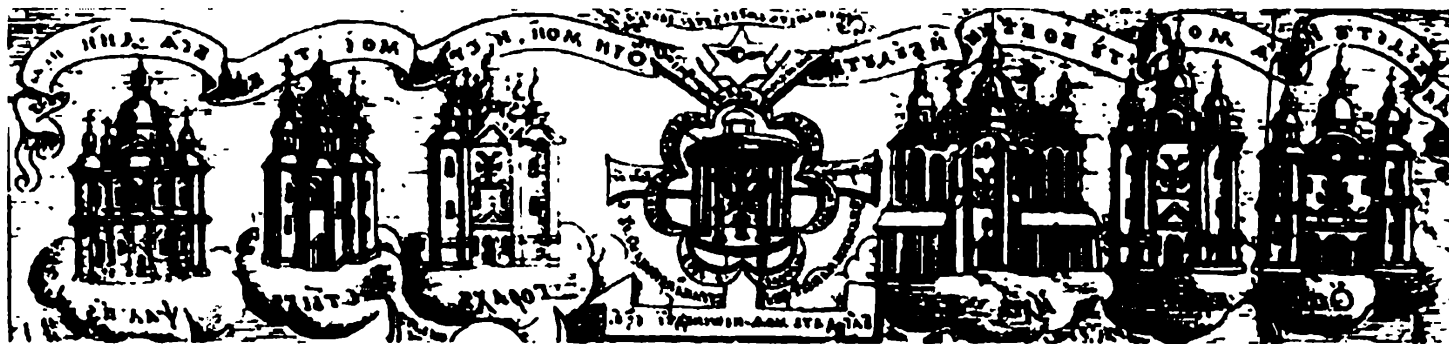
172. Герб Ивана Мазепы
«Курч»

монастыря, который впоследствии был перенесен на киевский подол и объединен с Флоровским, где существует и поныне. Будучи образованной, умной и властной женщиной, она вплоть до самой смерти (†1707) оказывала на сына большое влияние. Образование мальчик получил в Киево-Могилянской коллегии, затем в Краковской академии. Благодаря знакомству отца с некоторыми людьми придворного круга молодой провинциал был принят на придворную службу в качестве пажа короля Яна Казимира; за счет короля в течение 1657 г. он изучал военное дело в Голландии; во второй раз выезжал в образовательное путешествие в Германию, Италию и Францию.

Позже Мазепа служил при дворе, выполняя дипломатические поручения, в частности в посольствах к Ивану Выговскому (1659), Юрию Хмельницкому (1660), Павлу Тетере (1663). После 1665 г. он возвратился домой, вероятно, в связи со смертью отца. Более поздняя романтическая традиция с подачи автора одного из тогдашних дневников (и личного недруга Мазепы) Яна Хризостома Пасека свяжет отъезд Мазепы с любовной авантюрой: муж любовницы Мазепы будто бы приказал привязать его, голого, к необъезженному жеребцу, и тот занес беднягу из-под Варшавы... в украинские степи.

Между 1668–1669 гг. Мазепа входит в более узкий круг правобережной казацкой старшины, женившись на дочке белоцерковского полковника Семена Половца, одного из сподвижников Богдана Хмельницкого (киевские шляхтичи Половцы-Рожиновские считали себя потомками старинного татарского княжеского рода). Благодаря этому браку вчерашний королевский придворный близко сошелся с Петром Дорошенко, вскоре достигнув ранга генерального есаула и возглавляя важные гетманские миссии в Крым и Турцию. Во время очередной поездки в Крым в 1674 г. он был захвачен в плен запорожцами, которые будто бы хотели его казнить, однако красноречивый пленник, как рассказывает Самойло Величко, настолько убедительно говорил в свою защиту, что кошевой Иван Сирко решил: «Не убивайте его, когда-нибудь он еще пригодится родине».

Так ли это было или нет, но Мазепу вместе с письмами Дорошенко запорожцы действительно как пленника переправили к левобережному гетману Ивану Самойловичу. Стоит напомнить, что именно в 1674 г. многие из старшины Дорошенко, утратив веру в его шансы на победу, перешли на левый берег Днепра. Этот путь выбрал и Мазепа и вскоре привлек к себе симпатии Самойловича настолько, что тот сделал его воспитателем собственных сыновей, а с 1682 г. — генеральным есаулом Войска Запорожского. Параллельно росло и расположение к нему московского двора, куда он чуть ли не ежегодно ездил от имени Самойловича, в 1680 г. подружившись, в частности, с фаворитом

царевны Софьи Алексеевны князем Василием Голицыным. Благодаря этому обстоятельству избрание Мазепы на гетманство на Коломацкой раде 1687 г. было почти автоматическим и бесконфликтным.

Стремительной карьере нового гетмана способствовал не только жизненный, военный и политический опыт, выгодно выделявший его образованием и хорошими манерами. Природа наделила Мазепу уникальным даром привлекать к себе людей. Вот как об этом впоследствии напишет один из ближайших сообщников гетмана, его генеральный писарь Пилип Орлик:

Никто не мог лучше обработать человека, расположить его к себе. Не достигнув своей цели с первого раза, он не складывал оружия, не переставал обрабатывать человека до тех пор, пока не делал его своим. ...Покойный Мазепа весьма красиво вел разговор, и любо-дорого было слушать его, все равно, с кем и о чем он говорил.

Стоит добавить, что гетман свободно владел, кроме польского и русского, латынью, итальянским, немецким и, по-видимому, французским и татарским языками, поэтому действительно мог говорить с кем угодно на его языке в буквальном смысле слова. Кроме того, по свидетельству очевидцев, он принадлежал к людям, умеющим внимательно слушать, при этом мало говоря, а в придачу в совершенстве владел искусством «говорить и не сказать», как выразился французский дипломат Жан Балюз, который в 1704 г. посетил гетмана в Батурине.

Сведения о внешности Мазепы (также как и около 20 его портретов-гравюр) дают представление о гетмане уже в немолодом возрасте: наиболее раннее изображение, выполненное известным киевским гравером Леонтием Тарасевичем, датируется 1695 г. Бросается в глаза, что художники и авторы письменных описаний приблизительно одинаково запечатлели надменность и в то же время утонченность гетманского облика. Например, упомянутый Балюз писал:

173. Фрагмент гравюры Ивана Мигуры из панегирика в честь Ивана Мазепы (Киев, 1706)

Вид у него суровый, глаза блестящие, руки тонкие и белые, как у женщины, хоть тело его крепче тела немецкого рейтара, и наездник он знатный.

Другой очевидец отмечал:

Мазепа был весьма некрасив лицом... Но его белые, тонкие, полные грации руки завораживали вас, и его гордая голова с белыми бублями, длинные обвислые усы, а над всем этим величие, чувство достоинства и строгость, смягченная элегантностью.

Придворная выучка юношеских лет и образовательные путешествия по Западной Европе объясняют довольно необычный для казацкой старшины образ жизни гетмана. Например, Балюз отмечал «куртуазность, присущую пану Мазепе», светское удовольствие от общения с ним и роскошные пиры в гетманской резиденции на Гончаровке под Батурином. Упоминает Балюз также о коллекции оружия и картин и «отменной библиотеке гетмана». О последней с ностальгией вспоминал в эмиграции и Пилип Орлик, отмечая, что она содержала «богатство книг, которому не было равного в Украине», в том числе старинные рукописные кодексы. Интерес к вещам такого рода хорошо иллюстрируется тем фактом, что в 1701 г. Мазепа купил пышно иллюминированное Пересопницкое Евангелие, которое впоследствии подарил переяславскому

кафедральному собору (теперь на этом кодексе, как известно, приносят присягу президенты Украины).

Вероятно, не без влияния матери гетман оставил след в истории церковного строительства как один из самых щедрых меценатов, каких только знала Украина. Перечень построек — результат его благотворительности — поражает воображение: исследователи насчитывают 12 новопостроенных и до 20 отреставрированных на его средства храмов, а старшина после смерти Мазепы в Бендерах даже не смогла точно подсчитать всего того, что он выдал «щедрой рукой в набожном порыве на строение многих церквей и монастырей». Например, только в Киеве гетман построил Богоявленскую церковь Братского монастыря на Подоле, Николаевский военный собор, церковь Всех Святых над Экономическими воротами Киево-Печерского монастыря и стену вокруг него, а одновременно отреставрировал собор Святой Софии, Кирилловскую церковь, Михайловский Златоверхий монастырь, Успенский собор и Троицкую надвратную церковь Киево-Печерского монастыря. Отдельной страницей меценатства Мазепы, которого панегиристы называли «протектором киевских Афин», было радение о собственной alma mater — Киево-Могилянской коллегии, которая по его ходатайству получила от Петра I в 1701 г. подтверждение титула академии и ежегодную субсидию в размере тысячи золотых. На средства гетмана был возведен главный корпус (так называемый Мазепинский, перестроенный в 1730-х гг.) и обновлена академическая бурса; во время его гетманства здесь обучалось больше студентов, чем за всю предыдущую и последующую историю заведения, — около двух тысяч, а многие воспитанники отправившись в образовательные путешествия за границу. От коллекций и книжных собраний Мазепы, как и от изготовленных по его заказу иконостасов или церковной утвари, сохранилось немного. Тем ценнее два уникальных памятника, находящиеся за пределами Украины. Один из них, хранящийся в Халеби (Алепо) в Сирии, — это переписанное на средства Мазепы Евангелие на арабском языке, оправленное драгоценными камнями, а другой — вырезанная итальянским

данием титула академии и ежегодную субсидию в размере тысячи золотых. На средства гетмана был возведен главный корпус (так называемый Мазепинский, перестроенный в 1730-х гг.) и обновлена академическая бурса; во время его гетманства здесь обучалось больше студентов, чем за всю предыдущую и последующую историю заведения, — около двух тысяч, а многие воспитанники отправившись в образовательные путешествия за границу. От коллекций и книжных собраний Мазепы, как и от изготовленных по его заказу иконостасов или церковной утвари, сохранилось немного. Тем ценнее два уникальных памятника, находящиеся за пределами Украины. Один из них, хранящийся в Халеби (Алепо) в Сирии, — это переписанное на средства Мазепы Евангелие на арабском языке, оправленное драгоценными камнями, а другой — вырезанная итальянским

174. Василь Кочубей. Портрет первой половины XVIII в.

мастером-гравером серебряная столешница для причастия, подаренная гетманом храму Гроба Господня в Иерусалиме.

Чтобы более рельефно представить мир этого яркого человека, стоит вспомнить и об интимной стороне жизни Мазепы, в частности о его любовных похождениях. На протяжении всей жизни гетмана сопровождала слава покорителя женских сердец, однако ее апофеозом стала связь шестидесятилетнего сурового воина с собственной крестницей Мотрей, шестнадцатилетней дочкой генерального судьи Василя Кочубея. Родители девушки решительно протестовали против их брака, потому что, не говоря уже о разнице в возрасте, церковь запрещала брак между крестным отцом и крестницей. Влюбленные виделись тайком, пока в 1704 г. девушка не убежала к своему любовнику; ее решительность и пылкость были настолько безудержными, что родственники считали, что ее заговорили. Остерегаясь церковного проклятия и скандала, который покрыл бы Мотрю позором, а для него обернулся непредвиденными последствиями, Мазепа отослал девушку обратно к родителям. Сохранились 12 написанных им после этого тайных писем к Кочубеевне, исполненных нежности и обещаний любить до смерти, «хоть будешь моей, хоть не будешь».

Стоит добавить, что в результате этого приключения гетман нажил себе непримиримого врага в лице Кочубея. Способы мести были уже испробованы: в 1707 г., выдав дочку за одного из казацких старшин, Чуйкевича (впоследствии Мотря вместе с мужем будет выслана в Сибирь, а после возвращения пострижется в монахини), Кочубей послал царю донос, обвинив Мазепу в измене. Весной 1708 г. повторный донос подписал, кроме него, и полтавский полковник Иван Искра. Однако подкупленное Мазепой следствие, которое осуществляли московские приятели гетмана, признало заговорщиками... самих доносчиков. После пыток их в кандалах отослали к Мазепе, который в то время стоял походным лагерем около с. Борщевка под Белой Церковью. Именно здесь в июле 1708 г. состоялась публичная казнь — обоим отсекли головы, хотя до событий, которые подтвердили правдивость обвинений, оставалось всего несколько месяцев (позже условно опознанные останки Кочубея и Искры перенесут в Киево-Печерскую лавру и символично похоронят под стенами трапезной).

Благодаря доносу Кочубея и Искры сохранился текст якобы составленной Мазепой в 1698 г. думы, которую доносчики приложили в качестве доказательства гетманской неблагонадежности. Дума и в самом деле преисполнена намеков, а заканчивается она призывом, который вскоре мазепинская старшина попробует перевести из плоскости поэзии в плоскость жизни:

Гей, панове-єнерали,
 чому ж есте так оспалі?
 І ви, панство-полковники,
 без жадної політики
 Озмітеся всі за руки —
 не допустіть горької муки
 Матці своїй больш терпіти,
 нуте врагов, нуте бити!
 Самопали набивайте,
 острих шабель добувайте,
 А за віру хоч умріте
 і вольностей бороніте!
 Нехай вічна буде слава,
 же през шаблю маєм права!

Путь к полтавской катастрофе

Между 1687 и 1708 гг., то есть в период гетманства Мазепы, на территории Гетманщины не велось ни одной внутренней войны, а те или другие вспышки казацких бунтов достаточно твердо подавлялись гетманом. Благодаря этой мирной передышке здесь окончательно утвердились нормы социального строя, в большей или меньшей степени определявшие жизнь казацкой державы вплоть до ликвидации ее автономии. Стабилизация социальной структуры общества явилась убедительным подтверждением того, насколько далекими от жизни были популистские лозунги казацкой революции об отмене старых обычаев «казацкой саблей». Когда волна перемен спала, оказалось, что сменились лишь имена и титулы людей, которые заняли место бывшей шляхты. Решающую роль в закреплении этих перемен сыграли мероприятия Ивана Мазепы. Некоторые историки объясняют внутреннюю политику Мазепы сознательным стремлением сформировать крепкое привилегированное сословие, на которое можно было бы опереться в борьбе за «вольности». Причина, однако, кажется более простой: Мазепа был сыном своего времени, то есть не представлял упорядоченного мира без деления его на высших и низших, привилегированных и зависимых, господ и подданных. В конце концов, так представлял себе государственное здание и Богдан Хмельницкий, а нововведением Мазепы (которое на самом деле лишь узаконило существовавшую практику) стало то, что к корпусу новой (старшинской) элиты начали теперь причислять не одну лишь должностную старшину Войска Запорожского, но и членов старшинских семей, которым не хватило урядов в военно-административной иерархии.

Речь идет о внедрении института «знатных товарищей» — бунчукового, значкового и войскового. Эти звания предоставлялись родственникам генеральной, полковой и сотенной старшины, лицам, которые по каким-то причинам остались без должностей, или просто отличившимся определенными услугами людям. Носители этих званий уравнивались с должностной старшиной и составляли в некотором смысле резерв кандидатов на замещение соответствующих урядов. Например, бунчуковые товарищи, которые должны были находиться подле гетмана для особых поручений, по рангу следовали непосредственно за полковниками, а значковые (для поручений полковников) уравнивались с сотниками. Эти титулярные военные звания закрепили прецедент существования наследственной привилегированной группы, отделенной от рядового казачества.

Старшинская верхушка именно при Мазепе впервые начинает называть себя «шляхетской», неосознанно апеллируя к традициям политической культуры своей прежней родины — Речи Посполитой. Это и не удивительно: ведь и сам гетман, и укрепленная его усилиями когорта новой знати, по сути, оставались носителями стереотипов и привычек этой культуры. Особенно ярко упомянутая преемственность проступает в повседневной политической риторике старшины с ее ссылками на права, законные привилегии и вольности (что было совершенно чуждо московской элите). В согласии с общественными практиками Речи Посполитой оставались также представления о строе и порядке, потому что его регулятором, как и некогда, выступали старые судебно-административные кодексы — Литовский статут для казачества (в наследство от «народа-шляхты») и «Саксон», то есть свод городского права, для горожан. Соответственно, совершенно иначе, чем в Московии, трактовались институты сословного самоуправления, категории подсудности, ответственности и неприкосновенности личности, наконец, само понятие частной собственности как центрального элемента права.

Подчеркивая свою прямую преемственность с руськой дореволюционной шляхтой, казацкая старшина впервые начинает «припоминать» линии родства и свои же шляхетские гербы. В связи с переходом на сторону восставшего казачества значительного числа шляхтичей отыскать «шляхетских» родственников было нетрудно. Поэтому новая казацкая знать в конце XVII — начале XVIII в. начинает с гордостью изображать на своих печатях те же гербы, что использовались шляхтой по польскую сторону границы. Например, у Апостолов это герб «Юньчик», особенно распространенный в Литве, где он объединял около 20 семей; у Гамалий — упоминающийся с XIII в. герб «Дрия», которым пользовалось более 40 семей; у Думитрашков — герб «Сас», чрезвычайно распространенный

среди русской шляхты Галиции (здесь им пользовалось около 200 семей, в частности Креховецкие, Кульчицкие, Попели, Шептицкие и др.). Эти примеры можно множить, ведь большинство старшинских фамилий Гетманщины пользовалось гербами, перенесенными из Речи Посполитой кем-то из обратившейся в казачество шляхты и переданными по наследству своим казацким родственникам. Излишне говорить о том, что потомки мелкой шляхты автоматически оставались при своих старых гербовых знаках, как Адамовичи при знаке «Лелива», Голубы — «Юньчик», Дубницкие — «Заглоба», Забилы — «Остоя», Косинские — «Рогалья» и т. д. Чтобы лучше представить, насколько этот обычай не совпадал с обычаями Московии, напомню, что русское дворянство начало пользоваться гербами лишь в конце XVIII в., причем сами гербовые знаки оформились преимущественно под влиянием так называемых «польских», то есть польско-украинско-литовско-белорусских гербовых символов.

Укрепление привилегированного, отделенного от простолюдинства сословия шло параллельно с принципиальными изменениями в системе землевладения. Некоторое время после казацкой революции земельный голод не ощущался: прежние магнатские латифундии при невысокой населенности Левобережной Украины давали достаточно пространства для заложенной в 1648 г. формы собственности, называвшейся заимкой. Универсал Ивана Брюховецкого 1668 г. провозглашал «свободное каждому, где кто захочет, обитание», а земля, в которую был вложен труд, автоматически становилась неотчуждаемой. Более поздний юридический памятник середины XVIII в. — «Права, по которым судится малороссийский народ» (о нем детальнее пойдет речь далее) — узаконивал прецедент заимки следующим образом:

Кто бы себе какие грунта и угодия нажил, а оные прежде никакова владельца не имели или бы кто на пустую землю пришел и тую землю распахивал либо лес росчищал или занял... таковыя недвижимыя имения имеют быть того, кто владеет, собственныя, как бы купленныя.

Крестьяне («посполитые») наравне с казаками оседали на свободных землях, считаясь подданными Войска Запорожского, то есть подлежа военной администрации и платя определенные налоги (частью деньгами, частью натурой, частью отработками) в пользу гетманской казны. При этом крестьяне отличались от казаков не объемом личных прав, а характером обязанностей: кого привлекала военная служба и кто был достаточно состоятелен, чтобы приобрести коня и оружие, мог записаться в казаки, и, наоборот, обедневший казак свободно переходил к более дешевым крестьянским повинностям.

Наряду с крестьянским и казацким путем освоения заимок образовывались и более крупные, старшинские имения. Собственник большой заимки, подтвержденной гетманом, мог основывать слободы, то есть селить на освоенной территории и предоставлять рабочий инвентарь тем, кого тогдашние документы называют «легкими людьми», — бездомным и неоседлым, а также «заходим с других сторон». Благодаря военным опустошениям и крестьянским побегам с Волыни, Галиции и Белоруссии «легких людей» было достаточно. Они охотно стекались в старшинские слободы, получая многолетние (до 15 лет) льготы. Но срок льгот рано или поздно заканчивался, что автоматически превращало слобожан в зависимых крестьян землевладельца.

С неуклонным уменьшением резерва свободных земель распространяется так называемая «скупля», то есть выкуп старшиной заимок у обедневших крестьян и казаков (правда, большее распространение она получила позже, в первой трети — середине XVIII в.). При этом случалось и так, что казак или крестьянин, продав свое поле, оставался жить на нем «под протекцией» лица, купившего землю, а со временем его потомки также превращались в зависимых. Излишне говорить о том, что, когда лоскуты еще свободных заимок вклинивались во владения богачей, «скупля» сопровождалась злоупотреблениями, а то и насилием.

Достаточно важную роль в создании старшинских латифундий сыграли так называемые «ранговые имения», то есть земли гетманского фонда, налоги с которых должны были идти на содержание определенных должностных лиц. Эти владения предоставлялись носителям того или иного военного уряда («ранга») вместе с крестьянами, которые здесь жили. Старшина достаточно быстро начала рассматривать «ранговых посполитых» как собственных подданных. Данная практика укреплялась тем более легко, что «ранговые села» могли передаваться и отставным урядникам как вознаграждение за службу, а для пополнения рангового фонда приписывались другие имения, находившиеся в гетманском подчинении. И если до Мазепы гетманы еще довольно редко использовали такое средство вознаграждения «за услуги, которые доброй заплата ожидают», то новый гетман раздавал доходы с ранговых владений чрезвычайно широко, в том числе старшинским вдовам и детям. Например, при Самойловиче в Черниговском полке было отчуждено 27 подобных имений, а при Мазепе уже 48; всего же, по подсчетам исследователей, Мазепа издал около тысячи универсалов, подтверждавших землевладение новой знати.

Формы крестьянской зависимости от землевладельцев документы того времени определяют как «обыклое [обычное] послушенство». В последней четверти XVII в. оно сводилось, очевидно, к сезонным отработкам и натуральным податям.

175. Косовица. Гравюра Олександра Тарасевича из книги «*Rosarium et officium B. Mariae Virginis*»

Однако на рубеже XVII–XVIII вв. мы в первый раз сталкиваемся с подзабытой барщиной, то есть регулярным трудом каждой крестьянской семьи на панском поле или дворе. Характерен универсал Ивана Мазепы 1701 г. о наказании одного из сотников за злоупотребления в предоставленном ему в ранг селе с предостережением, чтобы «не болше, только два дні в тиждень роботу йому панщиною (барщиной. — *Примеч. перев.*) отправовали, а інші дні на свої оборочали потреби».

Итак, как видим, пройдя сквозь бурю социальных потрясений, разорванный круг вновь сомкнулся и социальные отношения вернулись к привычной модели, существовавшей накануне казацкой революции. Понятно, что это не добавляло популярности ни Мазепе, которого простонародье всегда называло «ляхом», ни его старшинскому окружению. Упрекая гетмана, кошевой Запорожской Сечи Иван Гусак писал: «Теперь видим, что бедным людям хуже, чем было при ляхах». Не заставили долго ждать и беспорядки на местах: на протяжении 1687–1691 гг. в южных полках чернь жгла старшинские имения и грабила скот, а Мазепа отвечал на это решительными репрессиями. Социальное сопротивление «новым богатым» сказалось также в выступлении в 1692 г. военного канцеляриста Петрика (Петра Иваненко), который с помощью запорожцев и хана Саадат-Гирея пытался осуществить антигетманский переворот, рассылая с Сечи призывные универсалы и щедро приправляя антимосковские лозунги социальной демагогией:

Мазепа и старшина при поддержке московского царя разделили между собой нашу братию, приписали ее себе в неволю, и разве что в плуг не впрягают.

Мазепе было хорошо известно о настроениях казацкой черни, однако, воспитанный в понятиях, согласно которым право голоса принадлежит только «политическому народу» (знати), он действовал как гетман верхов, даже не пытаясь завоевать популярность простонародья. События ближайшего будущего показали, насколько нерасчетливой была такая политика (стоит сравнить, насколько умело манипулировал настроениями черни Богдан

Хмельницкий, хотя в социальной сфере он осуществлял ту же простаршинскую линию, что и Мазепа).

Еще более непопулярным делала гетмана его лояльность московским властям. Царские распоряжения, прямым исполнителем которых был Мазепа, втягивали казачество в непрерывные, изнурительные, иногда бессмысленные походы, как, например, в 1689 г. под командой князя Василия Голицына, когда его армия при поддержке пятидесятитысячного корпуса казаков дошла до Перекопа и, даже не штурмуя его, отступила. В 1695–1696 гг. молодой честолюбивый царь Петр I вел так называемые Азовско-Днепровские войны за выход к морю. В тяжелых (и не слишком успешных) азовских походах на казацкое войско пришлось большая часть боев и человеческих потерь, но еще более тяжкий груз несло мирное население, страдая от передвижений московской армии. В 1699 г. Мазепа писал царю:

176. Петр I. Гравюра Файторна 1698 г.

Вот уже 11 лет как идет война с Крымом, и все московские войска идут через нашу землю... топчут травы и хлеб, вырывают и выжигают буераки. Гонцы непрестанно ездят не только с царскими грамотами, но и с воеводскими письмами, требуют от жителей корма и питья, а иначе — бьют и бесчестят даже казацкую старшину.

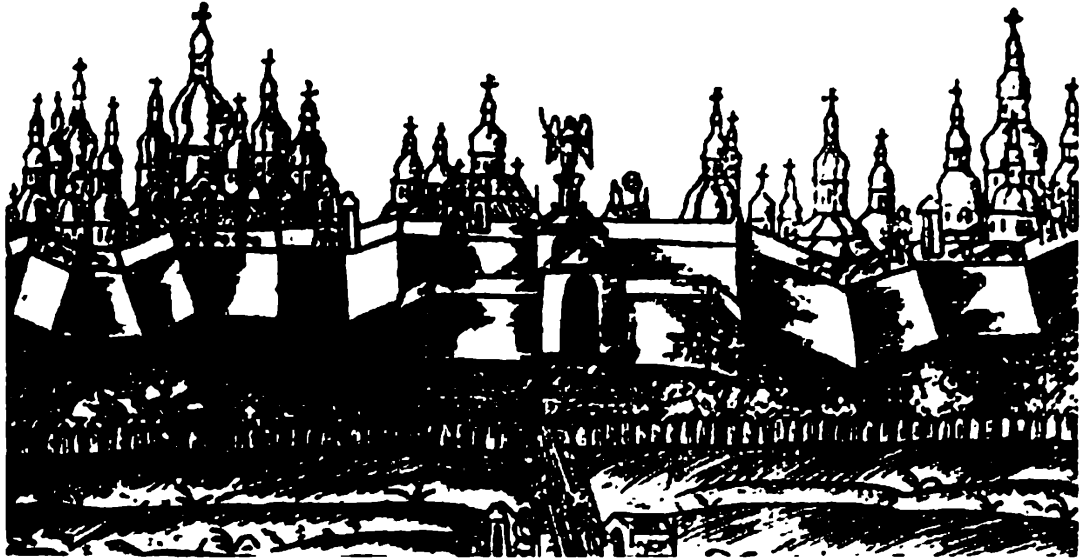
Еще через год он вновь пишет:

За 12 лет с начала своего гетманства я совершил 11 летних и 10 зимних походов, поэтому не трудно понять всякому, какие трудности, убытки и разорения от этих непрестанных походов терпит Украина.

Однако худшие времена были впереди. В 1700 г. началась так называемая Великая Северная война за контроль над балтийским побережьем между Швецией, с одной стороны, и Россией и ее союзниками — Данией, Саксонией, Речью Посполитой и Пруссией — с другой, и продолжалась она вплоть до 1721 г.

Балтийские планы Петра I были безгранично далеки от интересов Украины, и даже более того: позднейшая принудительная переориентация украинской торговли на русское «окно в Европу», которое прорубил Петр, нанесла экономике Гетманщины тяжелый удар. Однако казацкие полки вынуждены были принимать участие и в этой войне, начало которой ознаменовалось разгромом в ноябре 1700 г. царской армии под шведской крепостью Нарва [в настоящее время на территории Эстонии]. На протяжении 1701–1704 гг. многотысячные казацкие корпуса под командованием полковников Михаила Боруховича, Данила Апостола и Михаила Миклашевского воевали в Эстляндии [Эстонии], Ливонии [Латвии] и Литве, принимая участие во взятии крепостей Нотебург [переименованной Петром в Шлиссельбург; в настоящее время под г. Санкт-Петербург]; Ниеншанц [на этом месте в 1703 г. был заложен Санкт-Петербург]; Кингисепп [в настоящее время на российской стороне пограничной с Эстонией Нарвы], Дерпт [в настоящее время г. Тарту в Эстонии] и др.

Военная ситуация дополнительно осложнялась событиями в Речи Посполитой. В 1702 г. шведский король Карл XII ввел сюда свои войска, захватив молниеносным маршем Краков и Варшаву и одновременно оккупировав территорию Великого княжества Литовского. Шляхта, которая считала главным виновником поражений избранного в 1697 г. на польский престол правителя Саксонии Августа II, летом 1704 г. провозгласила его низложение и возвела на престол познанского воеводу Станислава Лещинского. Осенью 1705 г. тот подписал польско-шведское мирное соглашение, направленное против России. В свою очередь, другая часть магнатов и шляхты не признала избрание Лещинского, поддержав Августа Саксонца (Августа Сильного) и его союз с Петром I. Все это превратило Речь Посполитую в арену упорной войны как между соседними государствами, так и между собственными гражданами. Активное участие в ней, действуя в Галиции и Белоруссии в пользу Августа II, принимали и казацкие полки, возглавленные полковниками Иваном Мировичем и Михаилом Миклашевским. Осенью 1706 г. Карл XII с целью нейтрализации Августа II вступил на территорию принадлежащей тому Саксонии и принудил его к сепаратному миру. В соответствии с подписанным в Альтрандштадте соглашением, Август отрекался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал военный союз с Россией. Петр I, потеряв союзника, начал лихорадочные приготовления к войне на своей территории, так как весной 1707 г. ожидалось генеральное наступление соединенных польско-шведских сил через Белоруссию и Смоленск на Москву, а через Волынь — на Киев.

177. Киево-Печерская крепость. Рисунок из издания
«Календарь или місяцослов» (Київ, 1726)

Казацкое войско, которое на протяжении этих семи тяжелых лет воевало на всех фронтах вместе с московской армией, не только не получило никакого вознаграждения за участие в экономически изнурительных и необычных для него, учитывая климатические условия севера, экспедициях, но, напротив, испытывало притеснения и пренебрежительное отношение к себе со стороны царских офицеров. Дискриминация была настолько нескрываемой, что даже самые лояльные полковники роптали, а сдержанный гетман должен был написать царю: от такого обращения у казаков «зело отпадает сердце к великому государю».

Передислоцированные в конце 1706 г. в Украину царские полки, ожидая новой кампании, вели себя здесь как на оккупированной территории и чинили наглые беззакония и реквизиции продуктов, фуража и скота, хотя давление официально введенного чрезвычайного налога уже и само по себе было огромным: необходимо было собрать запасы продовольствия для семидесятитысячной армии и фуража на 55 тысяч коней на три месяца, а в Киеве — провианта для двухтысячного городского гарнизона на два года, а кроме того, навести два моста через Днепр. В 1706 г. началось срочное сооружение Киево-Печерской крепости, которой Петр I придавал большое значение как опорному пункту на пути возможного продвижения противника. В экстренном порядке на эти «городовые работы» были брошены казаки Гадяцкого, Переяславского, Киевского и Черниговского полков. Полковники жаловались Мазепе, что московские приставы «казаков палками бьют, уши шпагами отрезают», а тем временем в их домах «великороссийские люди грабят их хаты,

разбирают и жгут, женщин и дочерей насилуют, лошадей, скот и всевозможные пожитки забирают, старшину избивают до смерти».

Разгул произвола и безнаказанности царских солдат на фоне слухов об ожидаемом расформировании казацкого войска выразительно иллюстрируется отраженной в одном из тогдашних документов полупьяной угрозой московского офицера, раздраженного напоминанием о законе: «Полно вам, блядины дети, хохлы свои вверх поднимать! Уже вы у нас в мешке».

Напряжение того времени ярко описано в письме генерального писаря Пилипа Орлика, составленном им уже в эмиграции, в 1721 г., и адресованном тогдашнему местоблюстителю патриаршего престола, бывшему учителю Орлика Стефану Яворскому. Орлик, например, рассказывает, как фаворит Петра I Александр Меншиков в июле 1706 г. на званом обеде в Батуристине, будучи навеселе, выболтал намерения царя относительно Украины. Указав глазами на старшину, он почти во всеуслышание сказал Мазепе:

Гетман Иван Степанович! Время уже братья за этих врагов... Не может быть лучшего времени, чем теперь, когда здесь Царское Величество с армией... Ты верен государю, но нужно на деле это доказать и память потомкам о себе оставить... что один такой верный был гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству российскому принес.

Глухая ненависть старшины, на глазах у которой разрушали казацкое войско, уничтожали благосостояние и обдумывали уничтожение вольностей и даже самих жизней, постепенно подходила к критическому пределу. Одни, как запорожцы, считали Мазепу «не отцом, а отчимом Украины» — продавшимся царю предателем, который «живет в Москве, и лишь тень его в Украине». Другие возлагали надежды на гетманскую инициативу. Орлик в уже упомянутом письме рассказывает, что миргородский полковник Данило Апостол прямо говорил гетману: «Глаза всех к тебе обращены, и не дай бог тебе умереть — тогда мы окажемся в такой неволе, что и куры нас загребут».

А прилуцкий полковник Дмитро Горленко высказался еще яснее:

Как мы за душу Хмельницкого всегда Богу молимся и имя его благословляем, что Украину от ига лядского освободил, так, напротив, и мы, и дети наши в вечные роды душу и кости твои будем проклинять, если нас при гетманстве таком после смерти своей в такой неволе оставишь.

Иван Мазепа видел, слушал, колебался и выжидал. Как никто другой из старшины, он понимал, что ни победа России, ни победа Швеции и поддерживаемой ею Речи Посполитой не сулит Украине ничего доброго. По предположению Олександра Оглоблина, одного из лучших знатоков проблематики, связанной с Мазепой, в близком окружении гетмана уже с начала Великой Северной войны обсуждались два варианта возможной политической ориентации: пропольский, направленный на возобновление Гадячского соглашения 1658 г., и прокрымский, рассчитанный на достижение независимости в союзе с татарами. Сам гетман, старый и опытный политический лис, не очень верил ни в один из двух вариантов, однако понимал, что пассивное ожидание так же пагубно. Поэтому с осени 1705 г., при посредничестве тетки короля Станислава Лещинского, княгини-русинки Анны Дольской, которая стала его кумой в Дубно во время похода на Волынь, Мазепа начинает осторожную переписку с Лещинским. Вероятно, в начале 1707 г. к этим контактам присоединился и Карл XII. Прямой информации о содержании переговоров между Мазепой, Карлом XII и польским королем не сохранилось: они были настолько тайными, что их содержание достаточно путано передает даже исповедник и будущий биограф Карла Георг Нордберг.

Дату перелома, произошедшего в душе осторожного гетмана, отметил его ближайший сообщник Пилип Орлик. Как он впоследствии детально опишет, 27 сентября 1707 г. посланник принес Мазепе очередные два письма, зашитые в шапку: от княгини Дольской и от короля Станислава Лещинского, где сообщалось, что проект договора готов, слово за гетманом. Этой ночью ни Мазепа, ни Орлик не спали. Утром Мазепа вызвал писаря к себе и, держа в руках крест, сказал:

Я клянусь перед всевидящим Богом, что [делаю это] не для собственной пользы, не для высших почестей, не для большего богатства и не для каких-то других прихотей, но для вас всех, кто находится под моей властью и управлением, для жен и детей ваших, для общего блага матери моей отчизны, бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа малороссийского, для возвышения и расширения прав и вольностей Войска. Я хочу с Божьей помощью поступить так, чтобы вы, ваши жены и дети и отчизна вместе с Войском Запорожским не погибли ни от Москвы, ни от шведов. Если же я решаюсь это сделать ради каких-то моих частных интересов, то порази меня в душу и тело, Боже, в Троице Святой Единой, и невинные муки Христовы.

После этих слов Мазепа поцеловал крест и попросил присягнуть на нем Орлика. К тому времени гетману было почти 70 лет, он был бездетен и сказочно

богат, следовательно, не думал об обеспечении своих потомков. Хватало и почестей: в 1702 г. Мазепа стал кавалером только что основанного Петром I почетного ордена Андрея Первозванного, а в канцелярии немецкого императора в Вене уже лежал выхлопотанный царем диплом о пожаловании гетману княжеского титула. Поэтому можно верить, что старый политик сказал Орлику правду: не честолюбие и выгода толкали его на смертельный риск, а чувство ответственности за судьбу «бедной отчизны» и Войска Запорожского. Так в ночь с 27 на 28 сентября 1707 г. был брошен опасный жребий.

В начале 1708 г. трехстороннее соглашение, о котором писал король Станислав Лещинский, было согласовано. Его точное содержание остается неясным до сих пор, потому что оригинал не сохранился, а переговоры были окружены строжайшей секретностью. Осторожный гетман, боясь натолкнуться на преждевременные неприятности, считал, что открыто выступить стоит лишь тогда, когда царь, как он говорил Орлику, «не сможет не только Украины, но и государства своего защитить от шведской силы». По мнению Миколы Андрусяка и Ореста Субтельного, которые реконструируют содержание украинско-польско-шведских договоренностей на основании косвенных свидетельств, соглашение в целом опиралось на Гадячское соглашение 1658 г. Украина в виде Великого княжества Руського должна была войти в состав Речи Посполитой как равноправный третий член федерации, а гарантом соблюдения пунктов соглашения выступал шведский король. До окончательного завершения военных действий с ним заключался договор сугубо военного характера: Карл XII принимал на себя обязательство оборонять Украину от Петра I с помощью собственного вспомогательного войска, которое на территории Гетманщины действовало бы под командованием Мазепы; на период войны шведы получали право дислоцироваться в Стародубе, Мглине, Батурине, Полтаве и Гадяче.

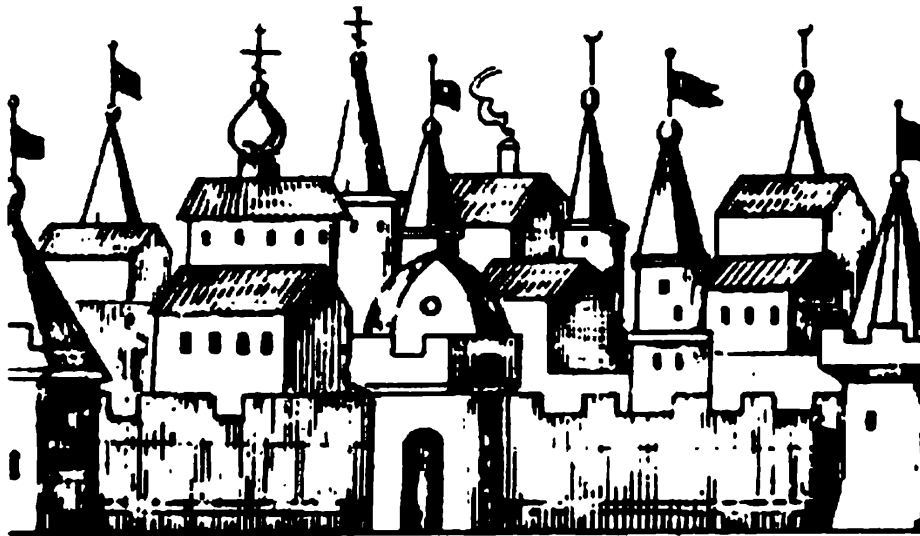
Фатальное стечение обстоятельств ускорило ход событий. В результате серии несчастливых случайностей Карл XII потерпел неудачу в наступлении на Москву, поэтому в октябре 1708 г. внезапным маршем перешел из московской Северщины на территорию Стародубского полка. Причиной этого незапланированного перемещения стала угроза голода: русская армия, отступая перед шведами, применила тактику выжженной земли, и Карл, страдая от недостатка продовольствия и фуража, решил переждать зиму во владениях союзника-гетмана. Присутствие шведской армии потенциально превращало Украину в арену главных военных действий, однако ни гетман, ни посвященная в его планы старшина не были к этому готовы, поскольку соглашение с Карлом XII и в дальнейшем оставалось глубокой тайной, в то время как рядовое казачество готовилось воевать «против шведа».

Времени на соответствующую агитацию и организационные мероприятия уже не оставалось. К тому же, вследствие тактической ошибки одного из шведских генералов, Стародуб оказался в руках московской армии, то есть по ту сторону фронта остался один из ближайших сообщников Мазепы, стародубский полковник Иван Скоропадский. Кроме того, из 10 полков, находившихся под булавой гетмана, к октябрю в его распоряжении оставались только три, а остальные воевали в Польше и Белоруссии. С учетом непосредственно подчиненных Мазепе трех компанейских и четырех сердюцких полков, его силы в целом были более чем скромными: около 5 или 7 тысяч воинов (вместо обещанных Карлу 30 тысяч). Марш Карла XII на юг стал для гетмана полной неожиданностью. Как напишет впоследствии Орлик, на известие об этом он не смог сдержаться от возгласа: «Какой черт гонит его сюда? Он же приведет ко мне всю московскую свору!» Так и произошло в действительности. Московские подразделения, перейдя украинскую границу, двинулись в направлении Батурина, а Петр I начал письмами торопить Мазепу к походу. Когда царский авангард был уже в двух днях перехода от гетманской столицы, Мазепа спешно выехал из Борзны, где находился в эти тревожные дни, в Батурин, за одну ночь сжег опасную часть архива и 3 ноября 1708 г., оставив около 3 тысяч человек для обороны Батурина, выехал с остальными казаками на встречу Карлу XII. Вместе с ним отправилась и генеральная старшина: обозный Иван Ломиковский, судья Василий Чуйкевич, писарь Пилип Орлик, есаулы Андрей Гамалия и Дмитро Максимович, хорунжий Иван Сулима и бунчужный Федор Мирович; на стороне гетмана на тот момент находилось также девять полковников, несколько бунчуковых товарищей и часть канцеляристов.

Анонимный автор «Истории русов», публицистического памятника конца XVIII — начала XIX в., вложит в уста Мазепы знаменитую речь, якобы

178. Карл XII. Гравюра Фзилжеха 1743 г.

ГРАДЪ БАТУРИНЪ.

179. Панорама Батурина. Гравюра XVIII в.

произнесенную перед войском на переправе через Десну: «Мы стоим теперь, братия, над двумя пропастями, готовыми нас поглотить, ежели не изберем пути для себя надежного их обойти».

В такой ли изысканной форме обращался гетман к казакам или нет, но безусловно одно: он должен был дать объяснение своим действиям, ведь рядовые воины считали, что идут в поход «против шведа». Ответом на его аргументы стала растерянность; часть войска той же ночью бежала назад, не ответив на призыв объединиться с иноземцами-еретиками (шведы исповедовали лютеранство).

Vae victis *

Слухи о переходе Ивана Мазепы на сторону шведов застали Петра I в с. Погребки недалеко от Новгорода-Северского. В середине ноября 1708 г. был объявлен первый царский манифест, в котором сообщалось, что «вор Мазепа... забыв страх Божий и свою присягу» предал царя для того, чтобы «Малороссийскую землю вернуть в рабство». Население призывали не поддаваться на призывы «вора» и поддержать царское войско; беспроигрышным ходом в манифесте стало то, что Петр I обещал отменить чрезвычайные военные налоги, будто бы введенные гетманом для собственного обогащения, о чем он, царь, только теперь с возмущением узнал.

* Горе побежденным (*лат.*).

Первой жертвой царского гнева пала гетманская столица: Петр приказал Меншикову «Батурин... другим в пример сжечь весь». Взятый в осаду 11 ноября город располагал артиллерией и заранее подготовленными запасами пороха и продовольствия, то есть мог бы продержаться до подхода Мазепы, однако развязку ускорила измена. Прилуцкий полковой обозный Иван Нос показал солдатам Меншикова тайный подземный ход. На рассвете 13 ноября 1708 г. московское войско вступило в город и внезапным ударом перебило казачий гарнизон Дмитра Чечеля и немца Фридриха Кенигсека, руководителей обороны. После этого солдаты принялись за безоружных горожан, которые, как подчеркнет впоследствии автор «Истории русов», «нисколько в умысле Мазепы не участвовали»: за один день было уничтожено около 6 тысяч батуринцев (по другим данным, до 15 тысяч), в том числе женщин и детей. Напоследок Меншиков, «быв чужд человечеству», приказал до основания сжечь разграбленный город вместе со всеми церквями: как пишет очевидец, после пожара уцелела только «одна хатка, под самой стеной вала стоячая». Трупы несчастных жертв покрыли улицы, а изувеченные тела взятых в плен казаков привязывали к доскам и бросали в р. Сейм, чтобы, проплывая мимо, они наводили ужас на всех, кто вознамерится поддержать Мазепу. Кенигсек оказался счастливее Чечеля, так как умер от ран. Чечеля же для устрашения населения колесовали в Глухове.

Расплата за измену гетмана на этом не закончилась. На второй день после батуринской резни Петр I писал Меншикову:

Пришла мне мысль, что в Прилуках у многих гетманских единомышленников, которые нынче при нем, имеются жены и дети. Поэтому соизволь послать туда специально кого-нибудь из драгун и взять их под стражу.

Поэтому события в Батурине стали словно прелюдией к террору, охватившему Украину. Вскоре в Лебедине [в настоящее время Сумской обл.] начала действовать специальная следственная комиссия, которая жестокими пытками вырывала признания у подозреваемых. Одновременно награждались доносчики, и это привело, как высказался один из историков Руины и мазепинского периода Дмитро Дорошенко,

к настоящей оргии доносов: все то худшее, что имелось в украинском обществе, выплыло теперь на поверхность и пыталось воспользоваться моментом, чтобы обогатиться или сделать служебную карьеру.

Автор упомянутой «Истории русов» насчитывает до девятисот человек, замученных Лебединской комиссией (к тому времени в Гетманщине проживало около 800–1000 старшинских семей, то есть террор обошел стороной немногих). Хоронили несчастных на специальном кладбище «мазепинцев», отделенном от обычного. В целом же, как докладывал своему Министерству иностранных дел французский посол в России,

московский генерал Меншиков принес на Украину все кошмары мести и войны. Всех приятелей Мазепы бесчестно пытали; Украина залита кровью, разрушена грабежами. Везде обнаруживается страшная картина варварства победителей.

Тогда же имущества выехавшей с Мазепой старшины были конфискованы и розданы московским генералам (так стали «украинскими помещиками» Меншиков, Головкин, Долгоруковы, Шереметьевы, Шафировы) или той части казацкой верхушки, которая успела «передумать» и засвидетельствовать царю свою лояльность. В частности, еще накануне батуринской резни в царскую ставку прибежали с раскаянием миргородский полковник Данило Апостол, компанейский полковник Игнат Галаган, генеральный хорунжий Иван Сулима и несколько других. Собрав 17 ноября 1708 г. старшинскую раду в Глухове, Петр I объявил гетманом стародубского полковника Ивана Скоропадского. Накануне выборов ему предлагали кандидатуру более молодого и энергичного черниговского полковника Павла Полуботка, но царь отклонил ее, красноречиво мотивируя это тем, что «Полуботок слишком хитрый, из него может выйти второй Мазепа». Правда, с формальной стороны царское назначение выглядело как избрание: ставшая в круг старшина назвала имя Скоропадского сама (как запишет очевидец, «помолчав мало все»). За день до выборов, 16 ноября 1708 г., в Глухове провели имитацию казни Мазепы. На площади был установлен эшафот с виселицей, на него поставили чучело, которое олицетворяло гетмана, громко зачитали приговор, а затем палач повесил чучело, предварительно сорвав с него ленту кавалера ордена Андрея Первозванного. На девятый день после «казни», 23 ноября, одновременно и в Глуховском Троицком соборе, и в Успенском соборе Москвы было инсценировано знаменитое предание анафеме Мазепы (с тех пор церковную анафему гетману провозглашали более двухсот раз во всех церквях Российской империи в первое воскресенье Великого поста вплоть до ее торжественной отмены в правление Павла Скоропадского 10 июля 1918 г.). Автором сценария церемонии в Глухове, как предполагают, был префект Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович, а в Москве

ее лично проводил прежний приятель Мазепы Стефан Яворский, к тому времени ставший местоблюстителем патриаршего престола. Достаточно детальное описание глуховской церемонии оставил автор «Истории русов» (его сообщения о событиях XVIII в., в отличие от мистифицированных выдумок о более раннем времени, достаточно достоверны). Итак, предание анафеме было проведено в присутствии царя, новоизбранного гетмана и старшины. Духовенство в черной одежде внесло свечи черного цвета; палач, проволочший «тело», то есть чучело символично повешенного гетмана, через весь город, затащил его в храм. Священники, обступив «тело» и оглашая псалмы, повернули свечи пламенем вниз, а новгород-северский протопоп Афанасий Заруцкий, осуществлявший службу, концом жезла ударял чучело в грудь, выкрикивая: «Анафема! Пусть будет проклят!» После «тело» крюками было выволочено из храма и брошено, будто на растерзание псам. Стефан Яворский, предав анафеме Мазепу в Москве, откликнулся на это событие еще и стихотворением, в которых сравнил гетмана с «ядовитым и свирепым змием», который пожирает утробу «матери-родины».

* * *

Тем временем военное счастье склонялось не на сторону Карла XII и Мазепы. Продвижение шведской армии, которая в условиях невероятно суровой зимы 1708/09 г. испытывала трудности от недостатка жилья и теплой одежды, проходило тяжело, остановившись наконец на линии Ромны—Гадяч—Прилуки—Лохвица. Реквизиции продовольствия и фуража вызывали сопротивление местных жителей, ведь простонародье смотрело на шведов как на оккупантов. Призывные гетманские универсалы не сильно улучшали положение — «лях» Мазепа был слишком непопулярен, и именно на эту антипатию опиралась царская контрагитация. О гетмане распространяли слухи: что он тайный католик, вознамерившийся вернуть Украину в «польское иго», что в каком-то селе он будто бы сорвал в храме образ Богородицы, топтал его ногами и присягал «шведской вере». Эти басни пересказывали местные священники, и темная масса верила им, невзирая на всю нелепость обвинений, так как в действительности Мазепа был щедрым опекуном Церкви и ревностным православным, его мать-игуменья и сестра-монашка обе умерли в монастырях, а личными приятелями гетмана были высшие церковные иерархи того времени: Варлаам Ясинский, Лазарь Баранович, Стефан Яворский, Иоасаф Кроковский. Впрочем, именно они, повинувшись царскому приказу, настроили против Мазепы низшее духовенство, поэтому попам оставалось лишь подчеркивать связь гетмана с лютеранином Карлом XII и католиком Станиславом Лещинским.

Солдаты Карла как протестанты дополнительно подвергались элементарной ксенофобии, так как не крестили лба, не ходили в церковь, ели мясо в постные дни, говорили на непонятном языке. Когда голодная зима подтолкнула войско к реквизициям продовольствия, начались партизанские вылазки, поддержанные царской щедростью: за пленного шведского генерала давали 2 тысячи московских рублей, за полковника — тысячу и т. д., вплоть до 3 рублей за голову рядового солдата. Враждебность населения особенно усилилась после неудачной попытки Карла XII овладеть в начале 1709 г. Слободской Украиной, когда в боях подверглись разрушению Краснокутск, Котельва, Мурафа, Опишня.

В этой ситуации единственным утешением Мазепы стало то, что в марте 1709 г. на его сторону перешла Запорожская Сечь — извечный оппонент гетмана на протяжении долгих лет его правления. Бывших противников примирила общая антирусская враждебность, поэтому кошевой Кость Гордиенко, разбив по пути несколько московских отрядов, 6 апреля 1709 г. привел восьмитысячное войско в ставку Карла XII и Мазепы. Тогда же шведский король письменно подтвердил, что берет Войско Запорожское под свою опеку и обязуется не подписывать соглашения с Петром I без участия казацких представителей; кроме того, король еще раз гарантировал сохранение прав и вольностей казацкой державы.

Ответ Петра I на действия запорожцев был быстрым и решительным. В конце апреля на Сечь двинулись три полка под командованием Петра Яковлева и казацкий компанейский полк Игната Галагана. Спускаясь по Днепру, они сначала взяли казацкое местечко Келеберду, затем вырезали более тысячи обитателей запорожской крепости Переволочная, расположенной ниже впадения Ворсклы в Днепр, и сожгли речную флотилию сечевиков, которая стояла на местной переправе. После этого в середине мая 1709 г., благодаря изменническому посредничеству Игната Галагана, который царским словом обещал Сечи неприкосновенность, были взяты и сами сечевые укрепления. В плену оказалось 300 запорожцев, которых здесь же «по достоинству» казнили. Как впоследствии опишет кошевой Стефаненко, им

головы срывали, шеи на плахе рубили, вешали и другим тиранским смертям предавали... мертвых из гробов множество не только [членов] товарищества, но и монахов откапывали, головы им отсекали, шкуры снимали и вешали.

Так перестала существовать Чертомлыцкая (иначе Базавлуцкая) Запорожская Сечь. Еще через несколько дней сечевые укрепления были

разобраны и до основания сожжены, а из скарбницы были вывезены 36 пушек, 13 хоругвей и другие войсковые клейноды. После этого полк Яковлева вместе с казаками Галагана двинулся вниз по Днепру, вылавливая и казня даже тех запорожцев, которые находились на промыслах и вообще ничего не знали о том, что творится в Украине.

Сечевики, которым посчастливилось спастись, бежали в низовья Днепра на ханскую территорию, где при впадении р. Ингул в Днепр основали Олешкивскую Сечь, к которой мы еще вернемся в дальнейшем. Бывшие запорожские земли были приписаны к Миргородскому полку, и Петр I с удовлетворением констатировал «разрушение проклятого места, которое корень зла и надежда врага»; в другом из своих тогдашних писем он пишет:

Полковник Яковлев завладел этим проклятым гнездом и вырезал всю сволочь. Таким образом мы истребили последний пень мазепинского рода...

Так приближался момент решающего шведско-московского столкновения. Силы обеих сторон стягивались к Полтаве. Карл XII рассчитывал, овладев городом, обеспечить армию провиантом и амуницией (еще со времен Мазепы в местной крепости были сосредоточены большие запасы пищи, фуража, пороха и одежды). Одновременно взятие Полтавы позволяло бы установить контроль над бассейном р. Ворсклы, а следовательно, над удобной речной переправой через Днепр в Переволочной, что, в свою очередь, облегчало связь с Крымом, Турцией и польским войском Станислава Лещинского. Однако попытки взять крепость осадой и штурмами не удались. Наконец на рассвете 8 июля 1709 г. обе армии сошлись в открытом бою вблизи с. Яковцы под Полтавой. Битва длилась всего несколько часов, и еще до полудня шведская армия была разгромлена: ее потери насчитывали 10 тысяч убитыми и до 3 тысяч пленными. Причина ужасного поражения до тех пор непобедимого героя Карла XII, которое изменило политическую карту Европы, выдвинув на одно из первых мест Россию и фактически навсегда подорвав мощь Речи Посполитой и Швеции, и поныне является предметом дискуссии среди историков. Силы противников численно были неравными (шведско-казацкая армия насчитывала до 25 тысяч воинов, а войско Петра I — около 42–45 тысяч), однако судьбу боя решило не это. Считают, что фатальную роль сыграло то обстоятельство, что Карл, легендарный вождь, один лишь вид которого воодушевлял солдат, не смог лично возглавить армию. Незадолго до битвы он был тяжело ранен, после операции пролежал пять дней без сознания, а в день битвы его носили между воинскими рядами на носилках. Генералов разделяло ревнивое несогласие, а кроме того, они просто не привыкли в критических

ΠΑΝΕΓΥΡΙΚΟΣ

ἠὲ
ὀλοβο πολεμίων.

ἡ Βασιλείᾳ καὶ Βασιταῖσι Σεβαστάσι
ΠΟΒΤΔΣ.

Προσφάτῳ καὶ Βασιλοδρασκόντι
αὐτῷ Γέν. Ἰωάν. καὶ Βασιλικῷ Καζν.
ΠΕΤΡῶ ΔΑΔΙΟΥΣΗΣ.

καὶ Βασιλῆα καὶ Μάγιστρον, καὶ Ἐκκλῆσιαν Ῥωσσίαν
Ολοδράσκον. καὶ αὐτῶν ἀπὸ:
ἰατροῦ Γεν. Δ. Μπ. Ἰωάν. ἑρ.

ἘΓΩΜΕ ΔΑΝΝΟΝ.

Προσφάτῳ καὶ Ἰωάν. πρὸ Βασιλοδρασκόντι
Βασιλῆα, ἡ Βασιλικῷ Ἰωάν. Σεβαστά
Ολοδρασκόντι. Προσφάτῳ Βασιλῆα, καὶ Βασιλικῷ
αὐτῷ Σεβαστάσι καὶ Βασιλικῷ
αὐτῷ Σεβαστάσι καὶ Βασιλικῷ
αὐτῷ Σεβαστάσι καὶ Βασιλικῷ

ἡ Τελεσίᾳ ὀλοβο Βασιλῆα Ἰωάν. καὶ Βασιλικῷ
αὐτῷ Βασιλικῷ καὶ Βασιλικῷ

180. Титульный лист
панегирика Феофана
Прокоповича в честь победы
Петра I в Полтавской битве
(Киев, 1709)

(преимущественно запорожцев Костя Гордиенко, которые, собственно, и раздобыли несколько лодок и организовали паром для переправы короля и гетмана) переправились в свите Мазепы, отступавшего вместе с Карлом. 12 августа 1709 г. беглецы прибыли в Бендеры, где им предоставила убежище турецкая администрация. Лестью и даже подкупом Петр I пытался склонить султана выдать Мазепу, обещая 300 тысяч золотых за его голову, однако тот по просьбе Карла XII и иностранных дипломатов объявил гетмана своим неприкосновенным гостем.

Однако эти перипетии уже мало волновали Мазепу. Обессиленный поражением и тяжелым переходом через раскаленную степь, он почти не вставал. Умер он, как рассказывают свидетели, во время грозы и страшного ливня в ночь со 2 на 3 октября 1709 г. За несколько часов до смерти прощаться с ним приходили Карл XII, английские и голландские дипломаты, которых он уже

ситуациях действовать самостоятельно. Поэтому, когда в отдельных точках боя возникало напряжение, одновременно разгоралась и паника, спровоцированная отсутствием общего тактического плана. Ко всему прочему, в какой-то момент пушечное ядро разорвалось под носилками Карла, они разломились пополам, и король упал, потеряв сознание. Солдатам показалось, что он убит, и это стало поводом к общему беспорядку и бегству.

Короля удалось посадить в карету и начать организованное отступление в направлении переправы на Переволочной. Однако паромы и запорожские лодки, которые стояли на переправе, как уже упоминалось, были сожжены во время разрушения Сечи. После долгих уговоров генералы убедили Карла, чтобы тот в сопровождении верной гвардии в ночь с 10 на 11 июля 1709 г. переправился через Днепр, следуя в турецкие владения, а главное подразделение из 13 тысяч воинов оставил для прикрытия; под вечер 11 июля он капитулировал. Со шведами к моменту капитуляции находилось около 3 тысяч казаков, но в плен попало не более пятисот, потому что остальные, зная, что пощады им не будет, кинулись в реку, переплывая ее под обстрелом вплавь. Еще около 2 тысяч казаков

не узнавал, но бредил, звал в беспамятстве мать, говорил о каких-то битвах и шкатулке с секретными бумагами, которые необходимо обязательно спрятать. На известие о его смерти в Бендерской крепости ударили из пушек.

Торжественные похороны состоялись 4 октября 1709 г. в церкви с. Варница под Бендерами; вскоре тело гетмана перевезли в монастырь Святого Георгия в Галац над Дунаем [в настоящее время на территории Румынии] и похоронили в крипте монастырского собора. Не ведавший покоя при жизни, Мазепа не нашел его и после смерти: во время Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. грабители в поисках гетманских сокровищ выкинули прах из гроба, поэтому усилиями Орлика он был перезахоронен в третий раз. Наконец, в XIX в. останки гетмана якобы еще раз перенесли из соборной крипты во двор монастыря, но это документально не подтверждено, поэтому местонахождение могилы Мазепы и до сих пор остается такой же загадкой для историков, как и его бурная жизнь.

Попытка реванша Пилипа Орлика

В день смерти Ивана Мазепы в Бендерах находилось до 5 тысяч казаков (преимущественно запорожцев во главе с Костем Гордиенко) и более 40 старшин: его племянник Андрей Войнаровский, генеральный писарь Пилип Орлик, обозный Иван Ломиковский, хорунжий Клим Довгополый, бунчужный Федор Мирович, прилуцкий полковник Дмитро Горленко, бунчуковый товарищ Иван Максимович, Григорий и Иван Герцики, Федор Третьак, Федор Нахимовский и др. Материальное положение, особенно рядового казачества, было плачевным. Уже осенью 1709 г. запорожцы закладывали и продавали оружие, чтобы обеспечить себе пропитание, а некоторые даже нанимались на крестьянские работы. А между тем надежды на реванш в значительной степени зависели от наличия денег — этого извечного «нерва войны». Так что после смерти гетмана остро встал вопрос о его наследстве, включавшем как военную казну, так и личное имущество самого богатого в казацкой державе человека (учитывая наличность, золотые слитки и драгоценные камни, наследство Мазепы оценивалось в огромную сумму до 1,2 миллиона шведских рейхсталеров).

Перед смертью Мазепа рекомендовал в качестве преемника на гетманство своего племянника Андрея Войнаровского, и в таком случае казна не вышла бы из-под контроля войска. Войнаровский от гетманства отказался, однако на наследство претендовал. Для улаживания конфликта по распоряжению Карла XII была создана специальная комиссия, которая должна была определить соотношение между личным имуществом покойного и имуществом, принадлежащим

Войску Запорожскому. Опросив ряд свидетелей, комиссия решила спор в пользу Войнаровского, отписав ему львиную долю имущества Мазепы. Не стал докапываться до истины и король: он сам задолжал покойному гетману, а затем, уже в Бендерах, Войнаровскому около 300 тысяч талеров и предпочитал иметь дело с частным кредитором, а не с военной казной. Так эмигранты остались практически без средств к существованию, и, хотя впоследствии шведское правительство предоставило им небольшую денежную пенсию, финансовые трудности преследовали мазепинцев всю жизнь. Нарекания на Войнаровского, который, по мнению старшины, с помощью подкупа присвоил себе гетманские сокровища, звучали так долго, как долго жили люди, соревновавшиеся за мазепинское наследство в Бендерах. Забегая наперед, стоит добавить, что сам Войнаровский как потенциально опасная политическая фигура был в 1716 г. по приказу

Петра I похищен среди бела дня в Гамбурге, тайно перевезен в Санкт-Петербург, а оттуда после допросов выслан в Якутск; умер он в ссылке в 1742 г., лишь в незначительной степени воспользовавшись гетманскими деньгами, которые попали в его руки не совсем честным способом.

Пока в Бендерах шел спор о наследстве, параллельно обсуждалась и кандидатура нового гетмана. Наконец, 16 апреля 1710 г. гетманом был избран генеральный писарь покойного Мазепы Пилип Орлик (1672–1742), которому суждено было стать первым в украинской истории политическим эмигрантом. Его многолетнее служение «общему благу матери моей отчизны, бедной Украине» (как он сам писал) особенно впечатляет, если принять во внимание, что Украина была названной, а не родной матерью этого, по выражению шведского историка Альфреда Енсена, «донкихота созданного в мечтах образа». Корни Пилипа

Орлика восходили к чешскому баронскому роду Орликов, одна ветвь которого еще во время Гуситских войн XV в. выехала в Польское королевство, со временем осев в Западной Белоруссии. Именно здесь, в с. Косут вблизи Ошмян [в настоящее время Гродненской обл.], 21 октября 1672 г. родился будущий гетман. Мать, Ирина Малаховская, крестила мальчика по православному обряду, а отец Стефан, шляхтич-католик, погиб в бою с турками под Хотинем (1673), когда малышу не было и года. Учился Пилип в Виленской иезуитской академии, затем для продолжения обучения направился в православную Киево-Могилянскую

181. Пилип Орлик. Копия с портрета XVIII в.

академию. Здесь он обратил на себя внимание профессора философии, будущего Местоблюстителя Патриаршего престола Стефана Яворского; по рекомендации Яворского в 1693 г. Орлик занял должность секретаря канцелярии митрополита Киевского, а вскоре переместился в Батурин в гетманскую канцелярию.

На образованного шляхтича-канцеляриста вскоре обратил внимание Мазепа, и молодой чужестранец начинает стремительное восхождение по ступеням казацкой административной лестницы, достигнув в 1706 г. одной из высших должностей — генерального писаря Войска Запорожского. В эти же годы Орлик входит в тесный семейный круг казацкой элиты: в 1698 г. он вступил в брак с дочкой полтавского полковника Анной Герцик, а в 1702 г. сам Мазепа крестил его первого сына Григора. Генеральные писари традиционно находились ближе всего к гетманам, поскольку были посвящены во все дела внутренней и внешней политики. Не стал исключением из этого правила и Орлик: его одного Мазепа посвящал в опасные планы, перед ним, как уже рассказывалось, произнес клятву о бескорыстии своих намерений и взял с него ответную присягу верности.

Гетманскую булаву тридцативосьмилетний Орлик принимал без особой радости, понимая, что придется возложить собственную жизнь на алтарь долга, ведь вместе с клейнодами казаки передавали гетману заботу о возвращении утраченной родины. В поздравительной речи к Карлу XII, произнесенной вскоре после выборов, Орлик напоминает об этой непосильной ноше, и сквозь барочный словесный узор проступает искренняя тревога и растерянность:

Выдержать ли мне, не имеющему никаких заслуг, на плечах, подобно Атланту, который поддерживал падающее небо, груз правления Украиной, мне, недостойному такой чести и даже, скажу больше, такой тяжести? Мне ли, неопытному аргонавту для такой большой и могущественной власти, в наш жестокий век направлять раскачанный вихрями и бурями украинский корабль к благословенным островам? Мне ли, подобно Тезею блуждая по извилистым тропкам, вывести из лабиринта страшного рабства красавицу Ариадну — нашу отчизну, которую стережет московский дракон, и вернуть ей прежнюю волю?

Вероятнее всего, именно Орлику принадлежит идея (а скорее всего, и авторство) соглашения, принятого в день выборов между гетманом, с одной стороны, и старшиной и войском — с другой. Это соглашение, известное под названием «Конституция прав и свобод Войска Запорожского» [*Pacta et constitutiones legum liberatatumque Exercitus Zaporoziensis*], нередко с наивным энтузиазмом трактуют как «первую конституцию Украинского государства», вкладывая

новейшее содержание в формулу «*pacta et constitutiones*». В действительности же составители акта 1710 г. мыслили его как традиционные для Речи Посполитой *pacta conventa* [«договорные пункты»], на соблюдение которых избранный правитель (там — король, здесь — гетман) присягал перед «свободным народом» (там — шляхтой, здесь — казачеством). Идеал договорного правления являл собой стержень политической культуры Речи Посполитой, и именно на этот образец ориентировались Орлик и его старшина, придав своему соглашению даже идентичное с практиками Речи Посполитой название — *pacta et constitutiones*. Другое дело, что принятие Войском Запорожским собственных «договорных пунктов» стало действительно крупным событием, поскольку свидетельствовало о политической зрелости казацкой державы, впервые «осознавшей» себя и формально зафиксировавшей распределение прав и обязанностей между гетманом и «казацким народом».

Конституция начинается историческим экскурсом — своего рода официальным представлением украинской истории под казацким углом зрения, к чему мы еще вернемся далее. После этого обозначены главные элементы государственной правосубъектности — территория, финансы, судопроизводство, религия. Пристальное внимание уделено также формам «полезного устройства», подобающего «свободной нации». Последнее предполагало систему ограничений гетманской власти с помощью четко структурированной иерархии выборных должностей: их представители должны были составлять Генеральную раду — своего рода сенат, дополненный институтом «послов» от полков и запорожского (сечевого) казачества. Эти органы должны были решать все государственные дела совместно с гетманом, регулярно собираясь на три ежегодные сессии и не допуская при помощи «свободы голоса» «самоуправства» и «нарушения прав и вольностей» с его стороны. Опекуном же «посполитого люда», то есть мещан и крестьян, провозглашался политический народ государства — казачество.

В преамбуле Конституции торжественно декларировалось, что «Украина по обе стороны Днепра должна быть на вечные времена свободной от чужого господства», и именно для того, чтобы достичь этого, Войско Запорожское передает себя во власть шведского короля. В заключении помещен текст присяги гетмана, которой он обязался, среди прочего, быть преданным и верным «нашей отчизне», заботясь о ее неприкосновенности и благе.

Из приведенных пассажей видно, что борьба предполагалась бескомпромиссная и конкретно направленная против Петра I. Главным союзником в ней и в дальнейшем оставался Карл XII, который в мае 1710 г. дипломом-подтверждением признал себя опекуном казацкой державы. Нашелся и еще один, традиционный сообщник: в начале февраля 1711 г. в Бахчисарае, после

длительных переговоров, Пилип Орлик и хан Девлет-Гирей подписали соглашение из 23 пунктов. Оно декларировало «неразрывное братство, дружбу и военный союз» татар с казаками как на период освобождения Украины «из московского ярма», так и на будущее. Стороны обязывались бороться за отделение от России не только левобережной Гетманщины, но и Слободской Украины; татары отныне не должны были ни забирать пленников в Украине, ни жечь церквей на ее территории. Границы между ханством, казацкой державой и Турцией закреплялись «по давним утверждениям» (намек на попытки Петра I завладеть побережьем Черного и Азовского морей, для противодействия которым в конечном итоге и искал союзников хан). Характерно, что в соглашении упомянуты и донские казаки: они должны были бы объединиться с украинскими под булавой гетмана, получив такие же права и вольности, как и Войско Запорожское (формулировке этого пункта предшествовала поездка генерального есаула Григория Герцика в Кубанскую Орду, где после разгрома восстания Кондратия Булавина 1708 г. проживало немало выходцев с Дона). Итак, как видим, речь шла о широком антимосковском фронте в Приазовье и Причерноморье для сопротивления продвижению России на юг.

Карл XII, со своей стороны, приложил немало дипломатических усилий, чтобы привлечь к совместным действиям Османскую империю и польскую оппозицию (в Речи Посполитой после Полтавской битвы, опираясь на царское войско, опять утвердился Август II Саксонец, а часть сторонников Станислава Лещинского с отрядом около 3 тысяч человек осталась при Карле XII). В итоге в конце ноября 1710 г. султан объявил войну Петру I. Пробной экспедицией перед выступлением главной армии должен был стать поход татар, казаков Пилипа Орлика и упомянутого польского корпуса. В январе 1711 г. конница хана Девлет-Гирея вместе с Кубанской Ордой направилась на Слободскую Украину, дойдя до Харькова, однако глубокий снег парализовал действия всадников, поэтому в целом поход закончился безрезультатно. Почти одновременно из-за Днестра на территорию Подолья выступили казаки Пилипа Орлика совместно с польским отрядом и почти двадцатитысячной конницей ногайцев Буджацкой

182. Ханский дворец в Бахчисарае.
Гравюра из книги

и Белгородской Орд. Сначала наступление развивалось успешно, даже втянув местное население, так что казацкие силы существенно увеличились. Однако во время затяжной осады Белоцерковской крепости, которую не удалось взять штурмом, ногайцы вышли из-под контроля. Приближался весенний паводок, что осложнило бы их возвращение домой, а поход без захвата пленников не обещал никаких выгод. Доводы о том, что хан дал клятву не опустошать казацкий край, для ногайских мурз, испокон веков оппозиционно настроенных по отношению к Бахчисараю, значили мало. Поэтому, покинув армию, татары распустили мелкие отряды от рек Рось и Тетерев до Днепра, взяли пленных и с ними вернулись домой. Разбежались по домам, спасая свои жилища, и те люди, что присоединились к войску Орлика во время наступления, а гетману с малой горсткой сторонников пришлось ни с чем возвращаться в Бендеры. Рассказывая в письме Карлу XII о ходе этого несчастливого похода, Орлик писал:

На всем пространстве от Днестра до Роси нахватили они [ногайцы] в плен несколько тысяч духовных и светских людей, казаков, посполитых, женщин и детей, и погнали к своим белгородским, буджацким и ногайским жилищам, опустошили огнем и мечом весь край... Все разрушено, разграблено, сожжено, народ согнан в неволю, только город Умань со своими предместьями один остался оплакивать несчастье, постигшее Украину. Достаточно сказать о том, что у меня было более 16 000 казаков Войска Запорожского, кроме мещан, в полках Чигиринском, Уманском, Торговицком, Кальницком, Корсунском, Богуславском, Каневском, и несколько сотен в полку Белоцерковском, теперь же едва осталось 3000. Не только мещане, но и казаки, владевшие в этих полках своими домами и семьями, узнав о враждебных поступках татар, разбежались от меня в разные стороны спасать своих жен и детей...

Так прошел последний масштабный ордынский набег на Украину, и это опустошительное нашествие (несмотря на то, что мурзы по приказу султана были наказаны, а пленники возвращены) лишило Орлика поддержки украинского населения и перечеркнуло его планы.

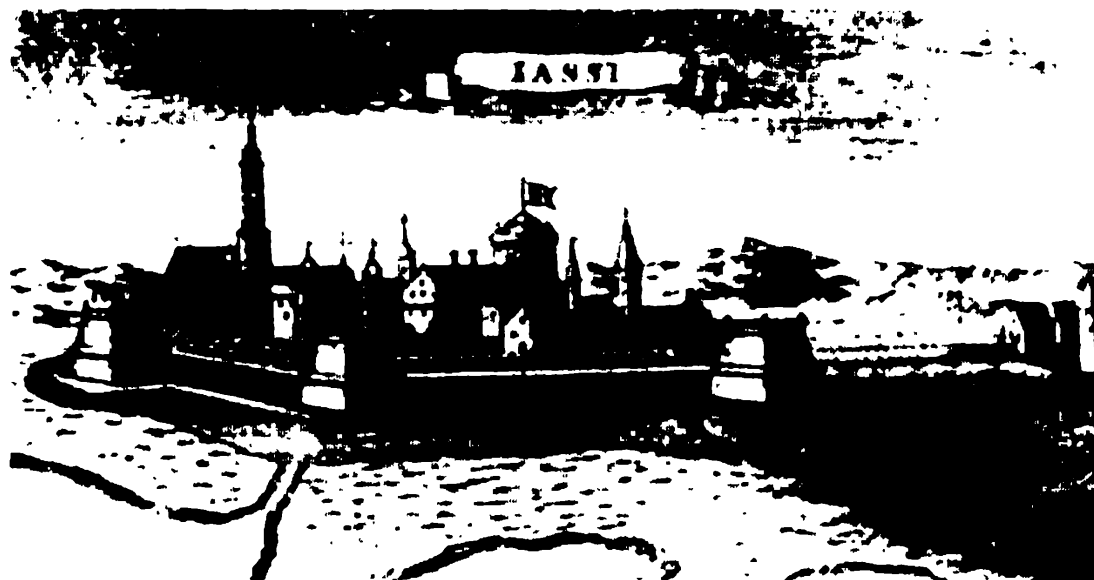
В начале лета 1711 г. Петр I начал контр наступление. Население тех городов, которые весной поддержали Орлика, было принудительно согнано на левый берег Днепра, еще раз проследовав по маршруту «великого сгона», осуществленного, как уже говорилось, в 1678–1679 гг. Иваном Самойловичем. Тем временем царская армия направилась в Молдавию в расчете на поддержку тогдашнего господаря Дмитрия Кантемира, который в апреле 1711 г. подписал соглашение

о союзе с Россией. Однако не все из этих расчетов были воплощены в жизнь, и в июле 1711 г. войско Петра I было блокировано поблизости от Станилешти около Ясс на правом берегу р. Прут. Взятому в кольцо турками, татарами и казаками Орлика царю пришлось капитулировать, подписав так называемый Прутский мир. Среди прочего, Петр I должен был отречься от претензий на Украину:

Что касается Польши и прилегающих к ней казаков, запорожцев и тех казаков, которые находятся в союзе с яснейшим ханом Крыма, паном Девлет-Гиреем, то в дальнейшем... он должен из всех этих мест немедленно выйти.

Как видим, данный пункт сформулирован достаточно расплывчато (имеются свидетельства, что русские дипломаты добились этого путем подкупа великого визира). Поэтому сразу же после подписания мира начались споры русской и турецкой сторон о том, что же следует понимать под «землями казаков». В декабре 1711 г. в Стамбул для консультаций с советниками султана выехало также посольство Орлика — генеральный писарь Иван Максимович, несколько старшин и запорожский кошевой Кость Гордиенко. Они настаивали на том, что под «землями казаков» нужно понимать Украину «по обе стороны Днепра со всем Войском Запорожским» — так, как об этом шла речь в трехстороннем соглашении гетмана с ханом и шведским королем. По этому соглашению именно эта территория должна была образовывать казацкую державу под протекторатом шведского короля и опекой султана.

Такое толкование спорного пункта казалось приемлемым турецкому правительству, заинтересованному в создании буферного государства между

183. Панорама Ясс. Гравюра конца XVII в.

Османской империей и Россией. Поэтому в конце 1711 г. султан объявил Петру I новую войну, требуя выведения его армии из Украины. Однако до военных операций в этот раз не дошло. Царское войско было занято на театре Великой Северной войны, где продолжалась борьба за Эстляндию [Эстонию], поэтому русские дипломаты использовали другое оружие — взятки и подкуп. За солидные суммы, переданные великому визиру и остальным членам султанского дивана [совета], в апреле 1712 г. был согласован, а в июне подписан сроком на 25 лет Адрианопольский договор, согласно которому «землями казаков» султан признавал лишь территорию на правом берегу Днепра, поэтому отсюда следовало вывести царское войско, между тем как левый берег Днепра и Киев оставались под юрисдикцией России.

Накануне подписания Адрианопольского соглашения, 16 марта 1712 г., султан Ахмед III издал привилей на имя Пилипа Орлика — повелителя «Украины на этой стороне Днепра», где «гетман Запорожья и Украины Петро Дорошенко жил со своим народом». Государству Орлика предоставлялся льготный протекторат по крымскому образцу — без уплаты дани, но с обязанностью поддерживать турецкое войско во время войны. Этот привилей, как некогда привилей Дорошенко, остался мертвой буквой. Когда в феврале 1713 г. казацкий отряд во главе с Дмитрием Горленко направился укрепляться на Правобережной Украине, он встретил серьезное сопротивление введенного сюда польского войска. Более года продолжались непрекращающиеся бои, пока наконец в апреле 1714 г. султан, занятый гораздо более важными для себя проблемами на Балканах, фактически продал государство Орлика Речи Посполитой, заключив с ней договор об уступке спорной территории.

* * *

Планы были проиграны, и в Бендерах делать было больше нечего. В конце 1714 г. Пилип Орлик и более 20 человек из его окружения выехали через Вену в Швецию (остатки гетманской старшины, в том числе Дмитро Горленко и Иван Максимович, последовали домой, в левобережную Гетманщину, в надежде на помилование, а Кость Гордиенко вместе с запорожцами направился на Сечь). С этого времени и до смерти жизнь гетмана-эмигранта подчинялась единственной цели — убедить правителей европейских государств в необходимости коалиции против России. Добиваясь «освобождения бедной отчизны нашей Украины от тяжкого и тиранского московского подданства» (как он сам пишет), неутомимый эмигрант впервые заявил об опасности, которая крылась для соседей за укреплением мощного государства Петра I. Сохранившееся до наших дней письменное наследие изгнанника огромно: оно охватывает частную

и официальную переписку, политические проекты, наконец, уникальный дневник объемом более 2 тысяч страниц, который Орлик вел с 1720 по 1733 г., описывая свои скитания по европейским дворам, частые материальные трудности и еще более тяжелую, как он сам признается, безысходность, охватывавшую его: «Крайнее отчаянье готово привести меня к смерти, потому что я уничтожен целиком, с головы до пят».

Поставленной цели «донкихот созданного в мечтах образа», как известно, не достиг: слишком крепко стояла на ногах новая Россия, укрепленная Петром I и его преемниками. Умер семидесятилетний Пилип Орлик в одиночестве (жену и шестерых детей жизнь разбросала по всей Европе) в Яссах 4 июня 1742 г. Место его захоронения неизвестно.

4. Последние десятилетия казачества на Правобережной Украине

Гетманы «турецкие» — гетманы «польские»

Адрианопольский трактат 1712 г. и дополнившие его статьи 1714 г. окончательно закрепили за Речью Посполитой казацкие земли Правобережной Украины, протянувшиеся по ее степной части от Среднего Поднепровья до Днестра. На протяжении нескольких предшествующих десятилетий, пока между Османской империей, Россией и Речью Посполитой продолжалась борьба за эту территорию, Поднепровье в узком смысле — от Стаек до Чигирина — должно было оставаться незаселенным, играя роль своеобразного буфера между тремя государствами. Провозглашенного нейтралитета, однако, не придерживалась ни одна из сторон, широко используя в обоюдной борьбе казачество. Таким образом, на Правобережной Украине формируются почти одновременно две казацкие юрисдикции, признававшие верховенство соответственно султана или польского короля, то воюя между собой, то хаотически переходя на одну либо другую сторону. В частности, первым «турецким» гетманом после падения Петра Дорошенко стал Юрий Хмельницкий, чья резиденция на протяжении 1677–1685 гг. (с перерывами) находилась в Немирове, вплоть до того момента, когда он был казнен. После заключения Бахчисарайского соглашения 1681 г. султан передал Правобережье в управление своему вассалу, молдавскому господарю Георгию Дуке, с титулом «господаря Молдавии и Украины». Именно в правление Дуки (1681–1684) и назначенного им наказного гетмана Ивана Драгинича были восстановлены центры

казацкой администрации в Белоцерковском, Корсуньском и Чигиринском полках и началось повторное заселение опустевших земель людьми, возвращавшимися в свои дома с левого берега Днепра. Параллельно казацкие формирования продолжал использовать избранный в 1674 г. на польский престол Ян III Собеский: в конце 1670-х — начале 1680-х гг. его верховенство признавали около 3 тысяч казаков во главе с гетманом Остапом Гоголем (†1679), чья резиденция находилась в Киевском Полесье, в г. Дымере. Когда же началась новая польско-турецкая война, на сторону короля в 1683 г. перешел со своими людьми один из «султанских» казацких старшин, Степан Куницкий, назначенный наказным гетманом. Именно его казаки принимали участие в походе Собеского 1683 г. с целью освобождения Вены, взятой в осаду стотридцативосьмитысячной армией великого визиря Кары-Мустафы.

Ослабление турецкого давления, спровоцированное военными неудачами османов, развязывало руки королю. Поэтому Ян Собеский в 1684 г. официально восстановил «Войско Запорожское Его Королевской Милости», которое, как и раньше, располагалось на территории традиционных казацких полков. Его гетманом был утвержден бывший запорожец Андрей Могила, которого казацкая рада избрала вместо Степана Куницкого, обвиненного в поражении казаков во время одного из походов на Молдавию (самого Куницкого на той же раде убили, когда он собирался бежать, «сменив казацкий жупан на одежду монаха»). Сейм в 1685 г. подтвердил казацкие «права и вольности», поэтому до конца 1680-х здесь уже сформировалась зона казацкой юрисдикции, охватывавшая четыре полка: Богуславский, Брацлавский, Корсуньский и Фастовский (иначе Белоцерковский). Составленный Могилей в 1686 г. «правдивый реестр» казацкого войска, посчитанного «от головы до головы», составлял около 2 тысяч человек.

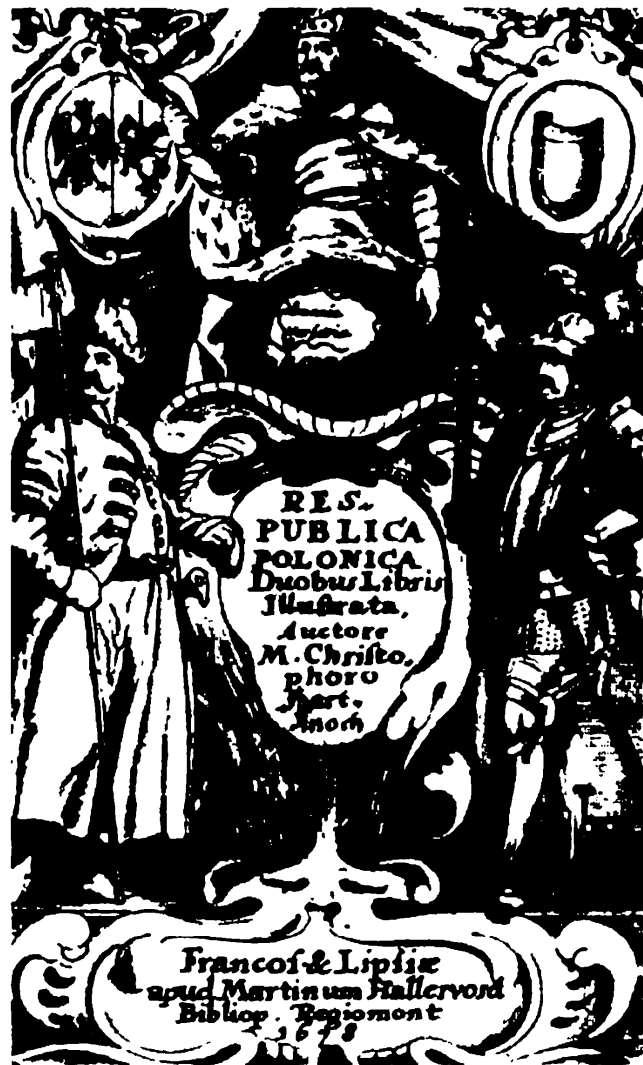
Параллельно с утверждением Андрея Могилы на «польском» гетманстве в турецкой части Правобережной Украины с 1684 г. гетманом стал признанный султаном Федор Сулименко — до этого один из старшин Куницкого. На протяжении 1684–1685 гг. оба гетмана, «польский» и «турецкий», упорно бились за Немиров и Брацлав, пока наконец отряд Сулименко численностью до 1200 человек не перешел на сторону Могилы, а самого Сулименко захватили в плен и казнили. Его преемником на «турецком» гетманстве стал некий Самченко, а затем Стецик Ягорлицкий (по мнению Тараса Чухлиба, под этим именем скрывался казацкий полковник Степан Лозинский). Резиденция Стецика находилась в Ягорлике, а сам он с 1690 г. подчинялся не непосредственно султану, а крымскому хану Селим-Гирею и непрестанно воевал с «польскими» гетманами (умер он от ран, вероятно, осенью 1695 г.). Вскоре прекратила свое

существование и сама «ханская» Гетманщина: согласно Карловацкому мирному соглашению 1699 г., вся территория Правобережной Украины возвращалась Речи Посполитой, а следовательно, пост «украинского гетмана, состоявшего на службе у Османской Порты» был отменен.

Тем временем в «польской» Гетманщине после смерти Андрея Могилы (†1688) булаву поочередно держали наказные гетманы Гришко Иванович (1689–1692) и Самойло Самусь (1693–1704), а полковниками пяти казачьих полков — Фастовского, Богуславского, Брацлавского, Корсуньского и Кальницкого — были Андрей Абазин, Захарий Искра, Семен Палий и др.

В соответствии с «приповедными письмами» короля, которые предоставляли полковникам право комплектовать казачье войско, началось заселение упомянутых полковых округ. Людей призывали селиться в слободах, заново осваивая старые пепелища и пустоши. Хотя подписанный в 1686 г. Вечный мир между Речью Посполитой и Россией предусматривал существование к югу от Киева нейтральной незаселенной полосы, однако ее фактическая колонизация повлекла за собой такой отток населения с левого берега Днепра (а именно оттуда прибывала основная масса возвращавшихся в не так давно покинутые жилища), что левобережный гетман Иван Самойлович даже выставлял сторожевые отряды над днепровскими переправами, чтобы вылавливать перебежчиков.

Формальным поводом к новому возвышению «польского» казачества стала инициатива короля Яна Собеского, героя антиосманских войн последней четверти XVII в. Прагматичный политик и воин, король стремился дешевым способом защитить пограничье государства от России, Крыма и Порты. С другой стороны, видя в казачестве взрывоопасную силу, Собеский рассматривал уступки казакам как временные меры — пока в них имелась необходимость (по его выражению, «потакая им до определенного времени»). Осложнений

184. Титульный лист труда Христофора Гарткноха «*Respublica Polona*» (Франкфурт, 1678) с тройным изображением Яна III Собеского

не пришлось ждать долго. Когда началось повторное заселение опустошенного края, шляхтичи-землевладельцы также обратили взоры на свои, казалось бы, навсегда утраченные владения. Однако шансов вернуть их, пока там хозяйничали казаки, было немного. В 1687 г. один из прежних местных магнатов Стефан Писочинский писал: «Казаки в этих местах... узурпировали власть... покорили наш край, оказывая такое сопротивление, что едва ли кто-то из нас сможет сюда вернуться».

Полковники и в самом деле не собирались «возвращать» бывшим владельцам заново освоенные земли, а казацкое самоуправление, быстро окрепнув, постепенно приобретало не только административную, но и политическую независимость (шляхта утверждала, что казаки создали в Поднепровье «свой удельный край»).

Палиивщина

В 1696 г. умер Ян Собеский, а в 1699 г. Речь Посполитая и Османская империя подписали, как уже упоминалось, Карловацкий трактат, по которому султан, помимо прочего, отказывался от претензий на Правобережную Украину. «Потакание» казачеству теряло актуальность, поэтому сейм в 1699 г. постановил распустить казацкие формирования. В ответ на универсал коронного гетмана, который требовал исполнения этого постановления, фастовский полковник Семен Палий от имени собранной в августе 1699 г. старшинской рады написал письмо-протест новому королю — Августу II Саксонцу Палию же приписывают и такую заносчивую фразу, якобы сказанную тогда:

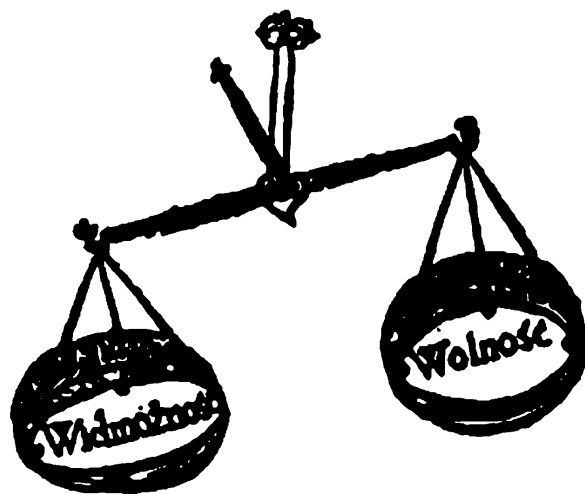
Я не уйду из Фастова; я основал его в свободной казацкой Украине, и Речи Посполитой не должно быть до этого дела, потому что только я — настоящий казак и гетман казацкого народа.

С лета 1700 г. начались вооруженные столкновения казаков с коронным войском, а в конце 1701 г. противостояние приобрело масштабы настоящей войны, охватив территорию Киевщины, Южной Волыни и Восточного Подолья, что сопровождалось, как и в 1648–1649 гг., уничтожением шляхты, евреев, католического и униатского духовенства. Повстанцам, в частности, удалось выбить коронные отряды из Немирова, Винницы, Бара, Бердичева и др., а в ноябре 1702 г. захватить Белую Церковь, провозгласив, что война закончится лишь тогда, когда «по всей Украине от Днепра до Днестра и до реки Случь ноги лядской не будет». Неоднократные обращения к Петру I с просьбой об оказании

военной помощи не возымели успеха, так как русского царя и польского короля объединяли союзнические интересы в Великой Северной войне. Поэтому уже весной 1703 г. коронной армии удалось отбить часть взятых казаками городов. Когда же в мае 1704 г. царское войско вместе с казаками из Заднепровья перешло Днепр, продвигаясь в глубь Речи Посполитой на помощь Августу II Саксонцу, о чем упоминалось выше, проблема казацкого Правобережья разрешилась сама собой. Оккупированное Мазепой, оно автоматически переходило под его булаву, а между 1704–1709 гг. здесь даже возросло количество полков, потому что к уже имевшимся добавилось еще три – Могилевский, Уманский и Чигиринский.

Во главе правобережного казачества выступал Семен Палий – по его имени события 1700–1704 гг. получили в фольклорной традиции название Палиивщины. Народные предания наделили героя, как и надлежало, чертами защитника бедных и обездоленных – казацкого чародея, которого и пуля не берет, и вражий глаз не видит, и саблю которого поднять никто не может и т. д. Настоящая фамилия фастовского полковника была Гурко; родился он в казацкой семье на левом берегу Днепра, в г. Борзны [в настоящее время Черниговской обл.]. Учился он будто бы в Киево-Могиланской академии; долго находился на Сечи. На Правобережную Украину вышел оттуда, возможно, вместе с Андреем Могилой после официального восстановления «польского» казачества. Как белоцерковский полковник Палий располагался в Фастове [в настоящее время Киевской обл.], организуя казацкие слободы и распоряжаясь на территории полка, по его собственным словам, «будто в своем хозяйстве». Здесь за несколько лет он приобрел славу «казацкого отца» в успешных походах на татарских охотников за головами. Был, без сомнения, человеком незаурядного организационного и военного таланта, а также большого личного мужества (как писал русский монах-паломник Иван Лукьянов, который общался с турками в Очакове, Белгороде и Бендерах, там о Палии ходила «страшно грозная слава»).

Хотя в восстание, кроме казаков, были втянуты мещане и даже украинская шляхта (например, за контакты с Палием в 1702 г. был публично казнен,

185. Рисунок из сборника стихов Данила Братковского «*Świat po części przejrzały*» (Краков, 1697)

согласно приговору военного суда, родовитый волынский шляхтич поэт Данило Братковский), однако основной базой Палия являлась казацкая чернь. Специфический колорит этого войска ярко описывает только что упомянутый Иван Лукьянов:

А когда мы приехали [в Павлоочь] и стали на площади... так нас обступили, как есть около медведя; все казаки, палеёвщина... а все голудба безпорточная, а на ином и клока рубахи нет, страшны зело, черны что арапы и лихи что собаки: из рук рвут.

Если поверить этому описанию, станет понятным, почему Запорожская Сечь благоволила к «казацкому отцу» Палию, а не «ясновельможному» левобережному гетману Мазепе, заявляя: «Если будет Палий гетманом, то сможет управиться со всей начальной старшиной». Контакты между Мазепой и Палием завязались еще в 1688 г., когда фастовский полковник в первый раз обратился через левобережного гетмана к московскому правительству с просьбой принять округу правобережцев под царский протекторат (позже такие обращения повторялись). Однако после вступления царской армии на Правобережье на своих местах остались все полковники, кроме главного героя — Семена Палия. По представлению Мазепы, «казацкий отец» летом 1704 г. был арестован и по обвинению в измене выслан в Тобольск (после перехода Мазепы на сторону шведов Палия весной 1709 г. привезли назад в Украину, и он даже присутствовал на Полтавской битве, хотя по слабости уже не принимал в ней участия; умер он в 1710 г. в Межигорском монастыре под Киевом, куда отбыл, предчувствуя приближение смерти; похоронен там же).

Считают, что Мазепа «сдал» знаменитого казацкого вожака царским воеводам по двум причинам. Во-первых, слишком отличной от мазепинской была социальная ориентация Палия, так что потенциально пламя беспорядков могло перекинуться на левый берег Днепра. Во-вторых, популярный среди казацких низов Палий был опасным конкурентом, а Мазепа хорошо помнил, как умело Москва умеет манипулировать настроениями черни, используя ее выдвигенцев.

* * *

Казацкий строй в формах, приближенных к левобережной Гетманщине, просуществовал на территории бывшей державы Дорошенко, охватывавшей семь полков, до 1714 г. Его правовые основания были достаточно необычны. Фактически в крае хозяйничала Россия (впрочем, как и вообще во всей Речи Посполитой во время правления царского ставленника Августа II

Саксонца), в то время как юридически он принадлежал королю. С другой стороны, эти земли оставались и в дальнейшем объектом пристального внимания Османской империи, заинтересованной в создании буферного казачьего государства между Крымским ханством и Россией. Попыткой каждой из трех великих держав развязать запутанный клубок себе на пользу стала Русско-турецкая война 1711–1713 гг. На стороне турок, как уже упоминалось, в ней принимали участие польские сторонники короля-эмигранта Станислава Лещинского и украинские казаки Пилипа Орлика, а также присоединившаяся к ним часть местных полков во главе с бывшим «польским» гетманом Самойлом Самусем. Адрианопольский мир России и Османской империи 1712 г. и возобновление пунктов Карловацкого трактата между Стамбулом и Варшавой 1714 г. окончательно решили судьбу казачьего Правобережья, которое отныне объявлялось неотъемлемой частью Речи Посполитой. Осенью 1713 — весной 1714 г. местное население было — уже в третий раз — согнано на левый берег Днепра царским войском в ходе официальной передачи спорной территории королю. Полвека спустя колыбели украинского казачества суждено будет в последний раз гореть в зловещих событиях Колиивщины, о которых мы будем говорить далее.

5. Культура, освещенная заревом войны

Поколенческие ритмы «долгого» XVII в.

Желая упорядочить знание о слишком широком потоке прошлого, охватывающем судьбы миллионов и групповые устремления, мы его вынужденно упрощаем, дробя историю на отрасли знания (политика, экономика, социальные отношения и т. п.) или на промежутки времени — века. Обычно всякий «век», вызывая ассоциации с некоторой характерной чертой, приобретает в нашем воображении обобщенный образ: XVI век предстает как «век Реформации», XVII — как «век войн», XVIII — как «век Просвещения» и т. п. Образы эти чаще всего условны, потому что отделить социальные отношения от культурного или экономического фона в такой же степени невозможно, в какой невозможно связать в единое целое все события, происходившие, допустим, в Европе в промежутке времени между 1600 и 1700 гг. Однако особенно ощутимой условность деления «по векам» становится тогда, когда речь заходит об истории конкретной страны, так как внутренняя связь местных событий неминуемо «сжимает» или «расширяет» тот или иной век. С другой стороны, образ «собственного века» формируется

из всей совокупности нашего знания не только о событиях, но и о хозяйственной жизни, религиозном сознании, стереотипах поведения и моде в искусстве, наконец, о некой сумме коллективных устремлений, разделявшихся большей частью общества. Накапливаясь, упомянутые стремления в какой-то момент обычно подталкивают общество к новшествам, прокладывая таким образом дорогу новой политике, новому сознанию и новым поведенческим стереотипам, которые будут определять облик уже последующего «собственного века».

Отмечая эти колебания, или, как их еще называют, конъюнктурные ритмы, историки пытаются определить некоторые доминантные признаки культуры того или иного общества на протяжении какого-то целостного промежутка времени (под культурой здесь имеются в виду не произведения искусства, а система устоявшихся в сообществе понятий, ценностей и мировоззренческих установок). В том, что касается украинского сообщества, накануне казацкой революции, как мы уже видели, доминантной чертой его культуры была мировоззренческая мозаичность — «раздвоенного мира» с присущей ему пестротой политических, социальных и конфессиональных идентичностей, а тип образования, предложенный слишком быстро изменившейся школой, породил скорее не столько украинскую культуру, сколько новую культуру в Украине. Однако уже на рубеже XVII–XVIII вв. перед нами предстает ярко выраженный целостный образ «украинскости», опиравшейся на более или менее однородную шкалу мировоззренческих ценностей. «Раздвоенный мир» первой половины XVII в. как будто сошелся воедино, причем его новая ипостась надолго (а в некоторых случаях и до сегодняшнего дня) определила характерные черты украинской культуры Нового времени.

В накоплении изменений, подтолкнувших к этому, можно заметить определенную цикличность, которая совпадала с приблизительно тридцатилетними отрезками времени, то есть соответствовала жизненной активности пяти поколений. Каждое из них ставило перед собой собственные цели, однако их усилия, подобно ярусам многоэтажного здания, наслаивались друг на друга. Первому поколению после Люблинской унии 1569 г. суждено было физически «сблизить» две достаточно разные Руси-Украины — «литовскую» и «польскую». На долю их сыновей — поколения 1596–1620-х гг. — выпала азартная борьба с церковной унией, впервые потребовавшая обращения к «историческим воспоминаниям» для доказательства непрерывного существования «старожитного руського народа Володимирова корня». Третье поколение, 1620–1640-х гг., попробовало доказать право «руського народа» быть третьим равным в Речи Посполитой — государстве «Двух Народов», а заодно впервые увидело в «народе» сообщество «крови и веры», объединявшее не только

рыцарей-шляхту, но и казаков, и мещан. Логическим завершением этого акта рождения ранненационального сознания стала осуществленная следующим, четвертым поколением попытка с помощью оружия разрушить враждебный идее «русского народа» мир Речи Посполитой — с последовавшими за этим жестокими распрями и гражданской войной.

Наконец, на долю пятого поколения — последнего в «тревожном XVII веке» — выпало в отблесках прощального фейерверка Мазепы и Орлика осмыслить пройденный путь сквозь призму извечных вопросов: «Кто мы? Куда идем? Чего хотим?» Люди мазепинского времени выросли уже с казацкого корня, поэтому, формулируя свой ответ, видели перед собой не княжескую киево-русьскую, как интеллектуалы Острожской академии, а казацко-русьскую Украину. Это, однако, не мешало первым и вторым оставаться по отношению друг к другу «современниками». Ведь они опирались на общий круг понятий, стремлений и мировоззренческих стандартов и подчинялись одной и той же сверхидее — найти в потоке бытия место для «русского народа». Именно это обстоятельство позволяет говорить о «долгом XVII веке», растянувшемся от Люблинской унии до времен Мазепы и Орлика. Носители этой культурной «программы» в начале XVIII в. были физически уничтожены или выброшены в эмиграцию, поэтому «долгий XVII век» оставил в наследство следующему, «короткому XVIII веку» лишь декоративную интерпретацию этой программы эпигонами (их, как известно, в конце концов также перемелет имперская идеологическая машина, пока волна романтиков очередного «долгого XIX века», осмысливая собственную украинскость, не преобразует русско-казацкую идею в казакофильство — символическое знамя современной Украины).

Еще раз окинув взором украинскую культуру XVII в. в целом, можно утверждать, что она именно тогда пережила поистине революционные потрясения, окончательно распрощавшись со своим надэтническим, византийско-русьским наследием и приобретя ярко выраженные индивидуальные («модерные») черты. Начальной фазой этой «национализации», начавшейся в конце XVI в. с поворота образования, словесности и политической культуры «лицом к Западу», стал период мировоззренческой раздвоенности, вызванный параллельным сосуществованием старой и новой систем ценностей. Казацкая революция, разрушив старый мир и залив Украину кровью, в то же время подготовила почву для окончательного утверждения новых культурных ценностей, призванных оправдать и морально компенсировать как социальные катаклизмы, так и бессмысленное неистовство взаимного уничтожения. Действительно, как говорили в древности, *bellum omnium pater* [война — всему отец].

Рождение «казацко-руської отчизны»

Когда в хаосе Руины столкнулись разделенные собственным пониманием блага для Украины лидеры московской, Речь-Посполитской и турецко-татарской группировок, едва ли не каждый из них сетовал на губительность раздора. «Жалься, Боже, України, що не вкупі має сини» [«Пожалей, Боже, Украину, чьи сыны разобщены»], — говорилось в стихах Ивана Мазепы, а Петро Дорошенко призывал в своих универсалах «оба берега Днепра» объединиться в «первичном согласии и братской любви». К единению призывают «королевский» гетман Михайло Ханенко, «царский» гетман Иван Самойлович и «ханский» гетман Петро Суховей. В одном из самых ярких документов эпохи Руины — универсале 1669 г. — Суховей пишет:

Погибель всем вам, старшим и меньшим, отцам и матерям, молодым и старым, и всему единоутробному братству моему посполитому украинскому — христианскому народу, который по эту и ту сторону Днепра живет! Объявляю и извещаю, и предостерегаю, чтобы вы в союзе между собой, находясь крепко, твердо и нерушимо в милой любви и братском согласии, не поддались на разосланные от имени его Царского Величества грамоты и слова, которые мягче, чем елей, а на самом деле — стрелы, которыми, разрывая наше единство, пытаются нас присоединить к себе и, прибрав к своим рукам, обратить в прах.

В унисон с декларациями Суховея звучат призывы сторонников его оппонента Дорошенко (вот как выразительно это звучит, например, в письме 1670 г. к «сообществу и посольству» города Лубны):

Каждый, кто только Бога и правду любит, должен признать, что пан гетман Дорошенко... привел всех украинских людей по обе стороны Днепра и Войско Запорожское к полному желанному братству и единству, так что все этому единению радовались... Потому что, если не будем все держаться одной мысли, то на какие вольности и на какую безопасность каждый из народа нашего может потом надеяться?

Мотив осуждения тех «безрассудных», которые сами направляют на себя сабли, и похвалы тем, кто склоняется к «братству и согласию», неизменно присутствует в письмах тогдашней старшины с каждой стороны. К прекращению междоусобной бойни призывают и уважаемые церковные авторитеты.

Лазарь Баранович, черниговский архиепископ и местоблюститель Киевской митрополичьей кафедры, поэт и проповедник, в 1671 г. в одном из стихотворений пишет:

Как в море лодку волны качают,
Так Украину войны донимают,
Или даже хуже: лодка в море плавает,
В крови Украина. В распрях слава погибает!
Над морем, Боже, господин Ты и ветрами —
Дай, чтобы утихли бури между нами.

Пусть и не так умело, как знаменитый черниговец, но на ту же тему пишут многочисленные анонимные поэты второй половины XVII в., изображая гражданскую войну в апокалиптических картинах междоусобной бойни, где

Брат брата убивает
и самого отца кровь проливает...
Не один внук деда,
не один сосед соседа убил,
собственный брат на брата,
отец на сына меч наострил...

Именно внутреннее несогласие, а не внешний враг воспринимается в качестве главной причины бед, или, как напишет в своей думе Мазепа: «През незгоду всі пропали, самі себе завоювали». Ему вторит «казацкий панегирист» Александр Бучинский-Яскольд в своей поэме 1681 г. «Чигирин»:

Надвигается сила большая в бедную Украину,
Которая тридцать лет уж
плачет о Руине,
Вконец лишённая богатства
врагами чужими,
А более всего в распрях
собственных сыновей,
Раскромсана теми,
кто в злой вражде
Хату жаром спалил от собственной печи.

Над хаосом разногласий политических ориентаций, личной вражды и амбиций, как видим, возвышается общая идеальная цель — восстановление

186. Лазарь Баранович. Гравюра Олександра Тарасевича 1693 г.

«братства» жителей края, изуродованного гражданской войной. В роли словесного символа этой цели утверждается метафора матери-отчизны, растерзанной собственными детьми. Она присутствует без преувеличения в большинстве текстов начиная с конца 1650-х гг. О «милой своей матке, плачущей отчизне» пишет Суховей; этот образ постоянно используют Дорошенко и его старшина, напоминая оппонентам о «бедной Украине, милой отчизне нашей». О судьбе «оплаканной отчизны нашей Украины» печалятся Михайло Ханенко, Иван Брюховецкий, Иван Самойлович и Петро Иваненко (Петрик). Буквально за считанные годы прежняя «милая наша Русь» (еще в сознании

Богдана Хмельницкого — часть политической отчизны, Речи Посполитой) вследствие трагедии братоубийства превращается в глазах людей Руины в самодостаточную патриотическую ценность — «милую отчизну нашу Украину». На то обстоятельство, что прежняя «милая Русь» и нынешняя «милая Украина» — лишь разные имена одного и того же, указывает определение территориального пространства новорожденной «Украины». Как видно из деклараций Дорошенко и Самойловича (а впоследствии и Мазепы и Орлика), она не ограничивается лишь казацким ареалом. Дорошенко видит ее границы «от Путивля за Перемышль и Самбор вплоть до Сянока», а в представлении Самойловича ее западная граница охватывает «Подолье, Воынь, Подлясье, Подгорье и всю Червоную Русь, где стоят славные города Галич, Львов, Перемышль, Ярослав, Люблин, Луцк, Владимир, Острог, Заслав, Корец, которые с начала существования здешних народов принадлежали руським монархам».

Материализовавшись в сознании своих обитателей, «казацко-руськая отчизна» (как вскоре назовет ее Самойло Величко) остро требовала собственного места на карте истории. Интеллектуалы не заставили себя долго ждать, и первой слово взяла Церковь.

Изменения в жизни Православной Церкви. Прошлое и настоящее глазами ее служителей

Чтобы лучше понять позицию церковных кругов, стоит бросить беглый взгляд на те перемены, которые произошли во внутренней жизни Православной Церкви после казацкой революции. Во время архипастырства Петра Могилы (†1647) православные иерархи, уже не нуждаясь, как до того, в казацкой сабле для защиты своих интересов, переориентировались на королевскую власть и православную знать. Революция, однако, внесла коррективы в политику церковных верхов. Религиозные лозунги, брошенные Богданом Хмельницким с целью легитимации казацкого восстания и вовлечения в него всех слоев русского общества, сделали православие господствующей конфессией на территории созданной казацкой державы. С другой стороны, концентрация неограниченной военной и административной власти в руках гетмана противоречила идее доминирования духовной власти над светской — идее, которую, как уже упоминалось, киевские церковные верхи пропагандировали накануне революции. После ряда конфликтов Хмельницкого с тогдашним митрополитом, Сильвестром Косовым, Церковь потерпела поражение, а гетману удалось не только взять на себя верховный патронат над ней, но и навязать церковной верхушке тесные контакты с восточными патриархами и — уже при их посредничестве — достичь признания Церковью законности своей политической власти.

Однако после смерти в 1657 г. авторитетного митрополита, всего на несколько месяцев опередившей смерть Богдана Хмельницкого, «послушание» церковных иерархов казацкой власти вышло боком. Поддержка того или иного гетмана в угоду Москве или Варшаве превращается в норму поведения церковных верхов, углубляя раскол в обществе, а нередко и прямо провоцируя конфликты. С разделением казацкой державы на лево- и правобережную фактически разделилась и Церковь. Избранного на митрополию после смерти Сильвестра Косова луцко-острожского владыку

187. Дионисий Балабан. Копия с портрета XVII в.

188. Гедеон Святополк-Четвертинский. Копия с портрета XVII в.

Дионисия Балабана (1657–1663), ставленника Ивана Выговского, не признали левобережные гетманы, поэтому его резиденция находилась в Чигирине (умер и похоронен он в Корсуне). Между тем в Киеве и на левом берегу Днепра функции архипастырей с 1659 по 1685 г. исполняли так называемые «местоблюстители митрополичьего престола» — черниговский архиепископ Лазарь Баранович (1659–1661, 1670–1685) и поставленный по инициативе московского правительства нежинский протопоп Мефодий Филимонович (1661–1668). Духовенство же казацких земель Правобережной Украины после смерти Дионисия Балабана избрало митрополитом Иосифа Нелюбовича-Тукальского (1663–1675), сторонника Петра Дорошенко, который постоянно находился в Чигирине, ни разу не посетив престольного Киева. Параллельно им епархиями Галиции, Волыни и Подолья руководил избранный на митрополию кандидат Павла

Тетери, перемышльский владыка Антоний Винницкий (1663–1679). В конце XVII в., с переходом местных верующих в унию (о чем более подробно пойдет речь далее), православные приходы и монастыри казацкого Правобережья вообще лишились архипастыря и стали считаться «заднепрской» частью созданной в 1701 г. Переяславской епархии.

Обозначенный выше раздор ослабил Православную Церковь как раз в тот момент, когда ей более всего были необходимы силы. Ведь сразу после смерти Богдана Хмельницкого царское правительство принялось подчинять Киевскую митрополию Московскому патриархату. Однако, невзирая на постоянное давление, этого удалось достигнуть лишь спустя тридцать лет. Поводом послужило появление кандидатуры на пост наивысшего церковного иерарха, одинаково приемлемой и для Москвы, и для казацкой верхушки. Им стал луцко-острожский владыка, сват гетмана Ивана Самойловича князь Гедеон Святополк-Четвертинский, эмигрировавший в 1684 г. с Волыни на левобережную Гетманщину из-за конфликтов с униатами (те ему, как он писал, «пакости деяху» и даже «на отнятиє живота... многажды наглствоваху»). Волынский эмигрант был фигурой представительной во всех отношениях: князь, потомок благодетелей Православной Церкви, мученик за веру, епископ

с двадцатипятилетним стажем, а ко всему прочему еще и гетманский сват. Лазарь Баранович именно так оценил его прибытие в Батурин, иронически заметив: его «разве что митрополитом Киевским сделать, потому что другого ему места нет».

По представлению Самойловича в Киеве в июле 1685 г. был созван собор для избрания митрополита. Высшее духовенство на нем не появилось, рассчитывая таким образом сорвать эту акцию как незаконную (санкции константинопольского патриарха на нее не было). Однако присутствующие на соборе миряне, гетманские посланцы, настаивали на своем, и владыка Гедеон был провозглашен митрополитом. Возмущенные иерархи, не теряя времени, созвали другой собор и объявили на нем протест, который, естественно, никаких последствий не возымел. В ноябре 1685 г. в Москве, в присутствии царя, патриарх Иоаким рукоположил Гедеона на Киевский митрополичий престол, взяв с него присягу «не иметь причитания никакого [к Константинопольскому патриархату], не находиться у него в послушании и из-под его пастырства, по дальности пути, полностью выйти».

В мае 1686 г. царские дипломаты, заручившись согласием султанского двора, за взятку в 200 золотых и 120 соболиных шкур, врученных константинопольскому патриарху Дионисию, получили отпускные грамоты об уступке архипастырства над Киевским митрополичьим престолом. В расписке, которую Дионисий дал московским дьякам, взятка носила благозвучное название «милостыни».

Царская грамота, изданная по случаю избрания Гедеона Четвертинского на митрополию, торжественно подтверждала «привычные права и вольности». Формально так было еще и при обоих преемниках владыки Гедеона, избранных Киевскими соборами: Варлааме Ясинском (1690–1707) и Иоасафе Кроковском (1708–1718). И хотя определенные трения с Московским патриархатом начались уже с конца 1680-х, в частности из-за его попытки осуществлять цензуру изданий Киево-Печерской монастырской типографии, однако в целом украинская церковная верхушка не могла иметь нареканий на свое положение. При царе Федоре Алексеевиче (1676–1683) и царевне Софье (1682–1689), а также восшедшем на престол в 1689 г. Петре I, наставником которых был киево-могилянский воспитанник проповедник и церковный писатель Симеон Полоцкий, в Москве входят в моду «латиняне», то есть представители киевской учености. Преодолевая сопротивление ортодоксов, которые протестовали против «душетлительной отравы латинского зломудрия», в Россию с последней четверти XVII в. начинает поступать продукция украинского книгопечатания, украинское проповедничество, образцы

школьного образования, а вскоре и высшие церковные кадры (эта «украинизация» русской культуры будет продолжаться почти век).

Из всего сказанного становится понятным, почему киевские церковные интеллектуалы демонстрировали подчеркнутую лояльность к царскому престолу, который казался им гарантом спокойствия и стабильности, в противовес расколотой междоусобицами старшинской элите. Красноречивую символику, отражающую этот ход мыслей, мы видим, в частности, на гравюре изданного в 1669 г. в Киеве трактата «Мир с Богом человеку» — его автором был архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель, один из главных интеллектуальных и духовных авторитетов своего времени. В центре композиции «Бог-Отец через Святого Духа одухотворяет царского двуглавого орла», на крыльях орла запечатлен весь букет добродетелей, якобы свойственных царскому правлению: «Вера, надежда, мудрость, правда, бодрость, мужество, любовь, молитва, милостыня, воздержание, кротость, благость».

Здесь же, в гербовом (то есть посвященном царскому гербу) стихе «На его Царского Пресветлого Величества мирное знамение», Гизель называет Алексея Михайловича «Миротворцем», а в прозаическом посвящении, не раз подчеркивая понятие «мира» как одной из основных христианских ценностей, среди прочего пишет:

Будут ділеса Твоя правная Мир, и удержит правда Твоя Покой, и вселятся людіє Твої в граді мирном, и вселятся уповаше, и почіють с богатством... Того ради Россія Малая аще и єсть от многих воен нещаслива, блаженна обача за сіє єсть, яко сих лютих времен на отвращеніє бід, на утоленіє скорбей Тебе, Пресвітлій Цару, тако благочестивого и премудрого монарху над собою имієт.

В том же тоне комментирует царский герб и черниговский архиепископ Лазарь Баранович — один из самых известных тогдашних проповедников и церковных писателей. В гербовом стихотворении «На Его Пресвітлого Царського Величества знаменіє», предваряющем текст его книги «Трубы словес проповедных» (1674), он прославляет царского орла, то есть царя, как высшего и справедливого судью-арбитра:

...ОРЕЛ всюды смотрить,
Аще кто добрі творить, или
в царстві лотрить [разбойничает].

МЕЧ злону, а доброму
ВІНЕЦЬ зготований,
Злий будет покараний,
а добрый вінчаний.

Важно и то, что в православном монархе церковные умы видели не только залог внутреннего мира, но и гарантию защиты от исламской угрозы. Ведь, согласно христианской традиции XVI—XVII вв., «богомерзкіе агаряне», то есть турки и татары, расценивались как абсолютное зло, поэтому контакты старшинской верхушки с Крымом и Турцией давали духовенству достаточную пищу для опасений. Среди многочисленных славословий подобного содержания, адресованных «благочестивому» царю, упомяну гербовое стихотворение, которое типограф Иоанн Армашенко присовокупил к Минее, изданной в Киево-Печерской типографии в 1680 г. Прославляя царского двуглавого орла, автор отмечает, что именно в его силе «власть лунну бісурманску поврещи под нозі». Еще более выразительно этот мотив звучит в его же гербовом стихотворении, предпосланном «Синописису», о котором детальнее речь пойдет далее:

С тым Даром російській род наш ликовствуєт.
Под кровом Орлих Крыл знамени царска
Не повредит нас Луна б̆сурманска.

Два упомянутых момента — чувство личного комфорта, выгодно отличавшего жизнь церковных иерархов от ненадежной судьбы казацкой старшины, а также общепринятый в церковных кругах взгляд на царя как «миротворца» — послужили главным фоном для оформления церковного взгляда на прошлое и настоящее Украины. Наиболее последовательно церковная концепция выражена

189. Царский герб. Гравюра из труда
Йоана Максимовича «Алфавіт римами
сложенный» (Чернигов, 1705)

в двух произведениях 1670-х гг.: в анонимном «Синописе» и в «Кройнике з летописцев стародавних» архимандрита Киево-Михайловского Златоверхого монастыря Феодосия Софоновича. «Синопис» в первый раз вышел из типографии Киево-Печерского монастыря в 1674 г., уже в 1678 г. увидело свет второе издание, в 1681 г. — третье, а в целом до конца XVIII в. труд переиздавался около 30 раз. Напротив, «Кройника» ходила только в списках-копиях (один из них 1687 г. даже попал в Швецию и сохранился поныне; в XVIII в. отдельные разделы этого списка были переведены по-шведски).

В предисловии к «Кройнике» Феодосий Софонович определяет свою цель следующим образом:

В Руси я уродившись в вере православной, за слушную речь почиталем, абвм ведал самъ и иншимъ руским синомъ сказал, — отколь Русь почалася и як панство Руское, за початку ставши, до сего часу идет...

По правде говоря, эту громкую декларацию автор вряд ли исполнил. Основная часть его труда, занимающая более 60% всего текста, пересказывает традиционную (по «Хронике» 1582 г. Мацея Стрыйковского) событийную канву древнеруськой истории. Историю Руси XIV–XVI вв. Софонович вообще не выделяет в качестве отдельного сюжета, практически отождествляя ее с историей Литвы и Польши, а события Хмельнитчины и Руины излагает как перечень битв. Казацкая борьба истолковывается при этом достаточно отстраненно, даже без привычного для старых текстов словца «наши», которым авторы маркировали собственную принадлежность к той или иной стороне. Как и другие люди церковного мира, Софонович симпатизирует сильной монархической власти, более того, выражает неожиданную для украинского летописания похвалу царю Ивану III, собирателю русских земель вокруг Москвы. В событиях Руины он одобряет тех представителей старшины, которые «держались царя православного», и осуждает их оппонентов, которые «не помнили великие царские милости».

Таким образом, собственно континуитета «Панства Руського» от Киевской Руси «до сего времени» читатель в произведении не видит. Однако само намерение, озвученное в предисловии, красноречиво: автор считал современную ему Украину наследницей «Панства Руського», а вот хватило ли ему умения и таланта, чтобы оформить свое мнение в виде убедительном изложении, — это уже другой вопрос.

В отличие от концептуально расплывчатой «Кройники» совершенно по-новому формулирует взгляд на историю Украины анонимный автор

«Синописиса» (исследователи идентифицируют его с Иннокентием Гизелем, не исключая также возможного авторства Иоанна Армашенко или эконома Киево-Печерского монастыря, составителя двух компилятивных исторических трудов Петра Кохановского). Главная цель «Синописиса» (кстати, написанного, в отличие от «Кройники», не по-украински, а на языке близком к церковнославянскому) заложена уже в его названии, в котором автор обещает проследить непрерывную историю Киева от «самодержца Владимира» до наследника его «государства», царя Алексея Михайловича:

Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира, и о наследниках благочестивой державы его Российской, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великой, Малой и Белой России самодержца.

После изложения киево-руської истории вплоть до разрушения Киева Батыем автор, игнорируя традиционное для предшествующего украинского историописания представление Галича как наследника Киева и лишь попутно упомянув Галицко-Волынское княжество, перескакивает к борьбе Москвы с татарами в XIV в., детально повествует о Куликовской битве и дает детальное описание выезда митрополита из Киева с последующим созданием Московского патриархата, которому надлежит пребывать в Москве «аки в Третьем Риме в место папы Ветхаго Рима». Войны второй половины XVII в. истолковываются как возвращение Киева, захваченного чужеземцами, под законную власть московского царя, наследника древних киевских князей: «По многих переменах своих... аки на первое бытіе возвращаяся». Взгляд на историю «Великия, Малыя и Белыя Росии» как неделимой династической «отчины» московского скипетра позволяет автору утверждать существование единого политического тела «российских народов» — украинцев

190. Иннокентий Гизель.
Копия с портрета XVII в.

и русских — с общими историческими корнями и общим настоящим. Особенно показательны, что роль Богдана Хмельницкого и казацкой старшины в событиях «возвращения отчины» даже не упоминается.

Концепция «Синописа» была очень быстро растиражирована через Киево-Могилянскую коллегию. Показательным примером наивного, школярского усвоения ее может служить стихотворение XVII — начала XVIII в. «О Великій Росії і о сопротивії с Ляхи, і о граді Києві». После краткого перечисления деяний киево-руських князей («преславної Росії») следует рассказ о том, как на нее, опустошенную Батыем, «ляхи... восташа»,

Государство своє распространиша,
Київ-град перемогли
і над нами возмогли,
і Русь надвоє злі розділиша.

Затем речь идет о том, как в Великороссии «царі вірнії возсіяша» и как они, увидев, что «Русь бо Малая обижаема, от ляха... утісняема», на всеобщую радость «совокупляют» обе земли, вследствие чего

Київ-град многожди плененний,
От врагов окресних опустошенний
Радосно ликуєт и, поя, торжествуєт.

Это неуклюжее школярское рифмоплетство является одним из первых симптомов того, как на основании исторической концепции киевских архиереев закладывались основания новой идентичности славянского населения Российского государства. Известный гравер Иван Щирский, воспитанник Киево-Могилянской академии, проиллюстрировал это графически, введя в употребление

популярную до недавнего времени аллегория трех «дев» как символа Украины, Белоруссии и России. «Девы» были изображены им на печатном тезисе 1708 г. по случаю избрания Иоасафа Кроковского киевским митрополитом. Сам тезис не сохранился, однако имеется его описание, составленное в первой половине XIX в. историком Киево-Могилянской академии Виктором Аскоченским:

191. *Войсковый канцелярист. Рисунок Тимофея Калининского, последняя четверть XVIII в.*

На первом плане слева изображены три девы в коронах из городков и башен, представляющие Великую, Малую и Белую России. Малая Россия, облаченная в порфиру, стоит на коленях и с радостным видом простирает руки к Иоасафу; на лице девы, представляющей Белую Россию, видно скорбное моление; Великая же Россия как будто поручает единоплеменниц своих попечению иерарха, выражая движением своим, что она все сделала и впредь готова делать для доставления им тишины и счастья.

Таким образом, как видим, картина прошлого, предложенная «Синописом», представляла Украину в роли пассивной жертвы «злых ляхов», освобожденной и осчастливленной благодаря «совокуплению» с единоверным царем. Свободе, добытой с помощью сабли в огне казацкой революции и Руины, эта смиренная схема не оставляла места, и тогда за перо впервые взялись казацкие публицисты.

Образ украинской истории в «литературе канцеляристов»: Григорий Грабянка, Пилип Орлик, Самойло Величко

Исторические произведения, вышедшие из старшинской среды конца XVII — начала XVIII в., традиционно неудачно именуют «казацко-старшинскими летописями», хотя с летописями в привычном значении слова они имеют немного общего — это скорее публицистика, примерившая на себя одежды историописания. Поэтому еще Михайло Грушевский предлагал для них более точное определение: «литература канцеляристов», а Дмитро Чижевский квалифицировал их как «историческую литературу», то есть также связывал с изящной словесностью. Нескрываемой целью этих произведений являлось обоснование правомерности взгляда на казацкую Гетманщину как на законную «отчину» Войска Запорожского, то есть легитимация своего государства, созданного «през саблю» рядовыми людьми военного сословия, что с перспективы тогдашнего понимания власти равнялось бунту.

Предложенное казацкими интеллектуалами «новое прочтение» украинской истории фиксируется впервые одновременно в трех памятниках — преамбуле к «Конституции» Пилипа Орлика (1710 г.), произведении Григория Грабянки «Дійствія презільної брані» (1710 г.) и двух книгах Самойла Величко, впоследствии объединенных под условным названием «Летопись» (они были написаны между 1715–1728 гг.). Авторы всех трех текстов почти в одно и то же время прошли одинаковый путь: все трое

учились в Киево-Могилянской коллегии и примерно одновременно, то есть в конце 1680-х — начале 1690-х гг., начали служебную карьеру: Грабянка казацкую (дослужившись в 1730 г. до ранга гадячского полковника), Орлик и Величко — канцелярскую (в частности, первый и второй соответственно около 1700-го и в 1705 г. стали канцеляристами Генеральной военной канцелярии). После падения Мазепы Орлик, как уже рассказывалось, стал гетманом-эмигрантом, а Величко, заподозренный в сочувствии к мазепинцам, на протяжении 1708–1715 гг. находился в заключении. Сходство концепции всех трех созданных ими текстов, а иногда даже и дословные совпадения — одна из загадок литературы того времени. Или все трое просто изложили на письме то, что на рубеже XVII–XVIII вв. витало в воздухе? Или воспользовались каким-то общим прототекстом, уничтоженным в пламени событий 1708–1709 гг.? А может, вынесли из стен своей *alma mater* одинаковые взгляды на историю? Или издавна были единомышленниками, поэтому и написали об одном и том же столь похожим образом? По-видимому, мы никогда не получим убедительного ответа на эти вопросы, а потому обратимся к самой концепции. В наиболее концентрированном виде она изложена в преамбуле к «Конституции» Пилипа Орлика, в введении к «Действиям» Грабянки и в так называемом «Универсале Богдана Хмельницкого, посланном во всю малороссийскую Украину, которая лежит по обе стороны Днепра, а также в дальние русские города» — псевдодокументальной вставке в «Летопись» Величко (Величко охотно использовал этот прием, к чему мы еще вернемся).

Итак, главным (и практически единственным) субъектом истории во всех трех текстах выступает «казацкий народ» — своего рода двойник «сарматского народа-шляхты» Речи Посполитой. Как уже упоминалось, сарматская легенда приписывала шляхте пришлое происхождение — от «воинственных сарматов», которые будто бы в древние времена покорили местное славянское население. Казацкая версия легенды (впоследствии ее назовут «хазарской», иначе «казарской») находит аналогичных предков для казаков в «скифском роду хазар», которые в свое время пришли из Передней Азии и, перейдя Дон и покорив местное население вплоть до р. Эльбы, сменили именование «хазары» на «казаки». Особенно буйные историко-географические фантазии на тему воинственности «алано-хазар», которые были «устрашением для окрестных народов», содержит произведение Грабянки. Более сжато, но не менее категорически об этом идет речь и в преамбуле к «Конституции» Пилипа Орлика — здесь казаки названы «воинственным древнейшим казацким народом, который раньше звался хазарским». Перебрасывая мостик преемственности между «казаками-хазарами»

и современностью, автор преамбулы с легкостью перемещается из Хазарии в Киевскую Русь, а оттуда в Речь Посполитую:

Тот народ своими удалыми походами по морю и по суше не только на окрестные племена, но и на самую Восточную империю [Византию] наводил такой страх, что восточный император, стремясь жить с ним в мире, заручился прочной брачной связью с его правителем — назначил своему сыну дочь кагана, то есть князя казаков. После прославленный в вышних праведный Бог-судья из-за умножившихся несправедных поступков и грехов отвернулся от этого казацкого народа, наложив на него многочисленные покаяния... А напоследок подчинил Польскому королевству оружием победоносных Болеслава Храброго и Стефана Батория, королей польских.

Характерно, что об упомянутом здесь эпизоде бракосочетания в 732 г. Константина, сына византийского императора Льва III Исавра, и дочери хазарского кагана повествует и Григорий Грабянка (путая, правда, хронологию и имена).

Легитимирующая функция именно такого представления украинской истории, в которой главная роль отведена воинам, а следовательно — и заслуженной ими «през саблю» власти, еще ярче проступает в произведении Самойла Величко. Здесь последовательно подчеркивается «шляхетство» казаков: в «Летописи» Величко они всегда «шляхетнорожденные», то есть равня воинам-шляхте Речи Посполитой. И более того, путем прямого отождествления понятий «сарматы» и «хазары» Величко сводит воедино обе легенды — сарматскую и хазарскую, называя предков русьского воинства то «сарматско-казацкими», то «сарматско-хазарскими». В составе же теперешнего «казацко-русьского-савроматийского наброду» Величко (так же, как и Грабянка и Орлик) различает два социальных слоя — «шляхетнорожденных казаков» и «сельский посполитый люд». Призванием первых, как и шляхты, является война и «рыцарские подвиги» во имя защиты вторых, а те, в свою очередь, должны, как мы видим из «Конституции» Орлика, платить подати на войско и исполнять повинности, «которые входят в обязанности посполитые». Жизненным пространством этого политического сообщества, по Величко, являются «земли Киевская, Галицкая, Львовская, Холмская, Белзская, Подольская, Волынская, Перемышльская, Мстиславская [!], Витебская [!] и Полоцкая [!]

(в другом месте — «от Подолья и Волох по Вислу и вплоть до самой Вильны и Смоленска»).

Доходя до сакраментального пункта — обоснования законности казацкого восстания против короля-помазанника, Грабянка апеллирует к религиозным

утеснениям («ляхи запретили православную веру»), Орлик — к защите «православной веры, прав и вольностей», Величко — к рыцарскому «праву на сопротивление» * :

Монархи Полськіе, яко им прислушало и подобало, бяху к своим подвласним людем, Руссом и Козакам, ласкавыми и милостивими Панами... древнейшіе их права и волности... умоцняли. Лечь панове державци Полськіе и их дозорци... вси тіе Королевские мандати и привилея чрез свою гордость уничтожающе, своим неситим желаніем, з людским утесненіем и обидами... чиниоли довлетвореніе. [Нарушая королевскую волю, паны]... наложилися били вольний зъ древнихъ веков народъ православный и шляхетный, козако-россійской... в подданское себе ярмо вложити.

Следовательно, в том, что казаки нарушили присягу, виновны прежде всего «паны», то есть магнаты. Ведь именно они, вопреки королевской воле, презрели права казаков, нарушили «божье и естественное право свободного, шляхетного савроматийского казацко-русского народа». Стоит обратить внимание на аналогичную апелляцию к «естественному праву» в написанном Пилипом Орликом в 1712 г. «Своде прав Украины», целью которого, как и так называемого «Манифеста к европейским государствам», являлось обоснование законности действий Ивана Мазепы и самого Орлика. Изобразив нарушение царем прав и вольностей казацкого государства — «независимого княжества», созданного Богданом Хмельницким, Орлик подчеркивает, что «казаки обладают правом человеческим и естественным, одним из главных принципов которого является: народ всегда имеет право протестовать против гнета и возвратить себе пользование древними правами...».

Итак, как видим, казацкий образ украинской истории опирался на три главных тезиса: 1) что легитимность созданного казаками государства происходила из давности права их предков, «воинственных хазар», на завоеванные земли и из более поздней рыцарской службы князьям и королям, которые в обмен за эту службу предоставили им права и вольности на этих же землях;

* «Право на сопротивление» [jus resistendi] и «отказ от повиновения» [non praestanda oboedientia] были обязательными элементами средневекового рыцарского права, поскольку сюзерен (в данном случае король), принимая вассала на службу (здесь — Войско Запорожское), провозглашал над ним «опеку», то есть обязывался защищать от обидчиков. В случае несоблюдения «опеки» вассал мог провозгласить «отказ от повиновения», и тогда вооруженное выступление против сюзерена рассматривалось не как измена, а как разрешенное законом средство самообороны — «право на сопротивление».

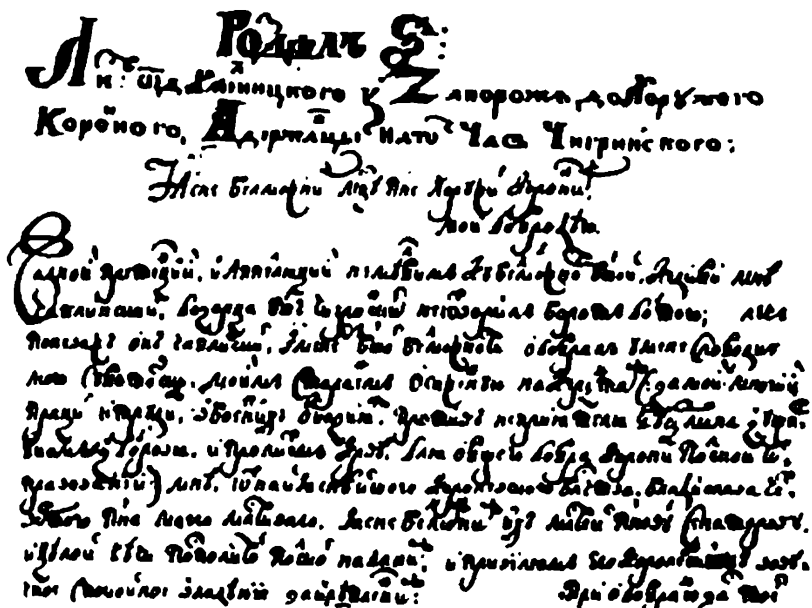
2) что Войско Запорожское представляло интересы руського общества в целом, поскольку защищало «благочестивую веру»; 3) что казацкое восстание было не бунтом, а законным сопротивлением, оказанным нарушителям прав и вольностей «шляхетных казаков».

Нетрудно убедиться, насколько разительно этот образ прошлого противоречил его церковной версии, о которой говорилось выше. Там стержнем исторического бытия выступало возвращение Руси-Украины, захваченной «ляхами», к своим первоистокам — под скипетр православного монарха, наследника Владимира Святого. Здесь в роли творца истории выступал «шляхетный казацкий народ» — законный хозяин своей земли, сам избравший, какому правителю служить в обмен на соблюдение собственных прав и вольностей, нарушение которых освобождало его от присяги верности.

Последний нюанс казацкого понимания правопорядка очень рельефно передает Филипп Орлик, который в не раз упомянутом письме 1721 г. вкладывает в уста Мазепы следующие слова:

...Постановил был... писать до Царского Величества благодарственный за протекцію его лист и в нем выписать все наши обиды преждніе и теперешніе, прав [и] волностей отнятіе... а наконец приложить, что мы как свободне под высокодержавную Царского Величества руку для православного восточного единоверія приклонилися, так, будучи свободным народом, свободне теперь отходим...

Остается добавить, что такая концепция прошлого бытовала как живое убеждение до тех пор, пока физически существовало казачество. Старшине XVIII в. она служила основанием для отстаивания автономии Гетманщины, а последнему певцу казацких вольностей, автору «Истории русов», для обоснования непрерывности политического существования Руси-Украины, чей народ обладает «естественным правом» защищать собственную свободу.

192. Страница из рукописи Самойла Величка. Автограф (?)

Запорожская Сечь — квинтэссенция народовластия

Очерченные выше концепты «литературы канцеляристов» с завершением казацкой эпохи переместились в кабинеты историков. Иное будущее было суждено и еще одной идее, также впервые сформулированной казацкими авторами начала XVIII в.: о Запорожской Сечи как эталоне и квинтэссенции народовластия. Первая попытка рефлексии над ценностями «военного народовластия» принадлежит, вероятно, Пилипу Орлику, который, как вспоминает в мемуарах его сын Григор, повторял, что «казацкий народ всегда высказывался против автократии». В «Конституции» 1710 г. коллективное мнение выборной старшины названо «старинным законом вольностей» Войска Запорожского; согласно «Конституции», гетман не должен ничего ни решать, ни осуществлять без одобрения Войска, потому что справедливого строя можно достичь, лишь управляя с помощью «общих рад». Сердцем же Войска, или, как сказано в «Конституции», его «гнездом», является «Сечь-оплот» (пользуясь случаем, стоит добавить, что понятие «оплот» [antemurale] принадлежало к широко используемым понятиям сарматской идеологии и применялось к Речи Посполитой в целом как к «оплоту христианства» на границе с исламским миром).

В несколько размытом виде образ «Сечи-оплота» присутствует и в произведении Григория Грабянки. Описывая возникновение низового казачества, он подчеркивает, что за порогами селились самые мужественные — те, кто «презирал ярмо рабское и рабскую покорность»; быт их был по-спартански неприятельным, а богатство они презирали, считая «Русь своим наибольшим богатством». Акцентирование пренебрежения материальными благами еще со времен Античности было общим местом в описаниях утраченного «золотого века» человечества, поэтому приложение его к Сечи весьма красноречиво — именно в запорожском сообществе автор видит нарушенную позднейшими украинцами гармонию.

Однако подлинным творцом сечевой легенды стал Самойло Величко. Стилистическим средством, с помощью которого он конструирует свой образ Сечи, являются вставки в авторский текст так называемых «писем», которыми якобы обменивались гетманы и кошевое сообщество. Именно в этих псевдодокументах «истинный Малой России сын» (как он сам себя называет), избегая прямых оценок, изложил собственный взгляд — далеко не всегда лояльный по отношению к Москве — на действия «хороших» и «плохих» гетманов, на «справедливый строй» и на то, что является «благом» для отчизны. Кроме упомянутых «писем», Величко поместил в своем произведении ряд действительно аутентичных документальных материалов, поэтому уже с XIX в. историки, попадая под

магию «документальности» его труда, широко обсуждали и вопрос о том, подлинными ли были упомянутые «письма». Несомненно, кошевые Сечи и гетманы переписывались, и Величко как канцеляристу Генеральной военной канцелярии были известны документы такого типа. Поэтому его «письма», оформленные по правилам делопроизводства того времени, формально производят впечатление достоверных. Другое дело, что он наполнил их собственной рефлексией, весьма далекой от реальных событий. Остается добавить, что с точки зрения того времени это было не фальсификацией, а общепринятым литературным приемом: художественный вымысел в историописании не запрещался.

Итак, в «Летописи» помещены тексты 15 писем из Сечи и 7 на Сечь — от Богдана Хмельницкого, Ивана Выговского, Петра Дорошенко и Ивана Самойловича (сюда стоит прибавить еще три письма мазепинского времени, по всей видимости, действительно аутентичных). Модель идеальных отношений между «правителем» (гетманом) и «политическим народом» (Войском Запорожским, олицетворением которого является Сечь) сформулирована уже в первом комплекте переписки — между Богданом Хмельницким и кошевым сообществом. Гетман «докладывает» запорожцам о своих действиях, просит «соизволения и совета» на такой крутой поворот внешней политики, как Переяславское соглашение, доводит «до сведения» копии царских грамот и просит «совета», будто бы обговаривая перспективы протектората и т. п. Войско (Сечь), в свою очередь, дает ему тот или иной «совет» и наставляет «внимательно смотреть», чтобы в задуманном соглашении не было ничего «лишнего и отчизне нашей шкодливого, а предковечнимъ правамъ и вольностямъ нашимъ противного и неполезного».

Условный характер этой «переписки» станет совершенно очевидным, если вспомнить, что Запорожская Сечь как политическая единица для Богдана Хмельницкого просто не существовала: после своего выхода из Запорожья в начале восстания, отдав дань казацкой традиции, гетман если и контактировал с кошевым сообществом, то разве что репрессивно, подавляя враждебные себе проявления анархии.

Очертив идеальный эталон, Величко подгоняет под него оценку преемников Богдана. Так, Выговский после смерти Хмельницкого якобы извещает кошевое «товариство» о своем избрании, заявляя, однако, что не хочет «утверждаться на этом гетманском уряде» без согласия «Войска Низового Запорожского», потому что именно оно «естесте корень и утверждение чести и векопомной слави прочіим войскамъ городовимъ Украинно-Малоросійскимъ».

В то же время Выговский обещает кошевому товариству наследовать во всем Богдану Хмельницкому, который якобы «в разных случаях во время

своего уряда делал все только с согласия и совета Сечи» (в действительности гетманство Выговского, как уже рассказывалось, началось с подавления сечевой оппозиции силой).

Ответное письмо сечевиков содержит главные принципы поведения «правителя», сформулированные коллективным разумом «народа»: гетман не должен ничего затевать и не заводить никаких «новшеств», не посоветовавшись с Сечью, особенно тогда, когда речь идет об «общем благе» или «упадке отчины», потому что только коллективный совет предоставит ему гарантию «безотказного расположения». Главной же задачей гетмана является забота о сохранении старинных вольностей и бдение о том, чтобы не случилось ничего «вредного... для нашей отчины».

Во всех последующих «письмах» к гетманам Сечь выступает в роли мудрого советчика и высшего судьи, который то поучает на примере «доброего нашего вождя» Богдана Хмельницкого, то упрекает за «разорение несчастной нашей украино-малороссийской отчины», то угрожает Божьим наказанием и мстью «всех украинцев обеих сторон Днепра», когда придет время за кровь «братии» заплатить собственной кровью. Здесь же заложена и оценка действий гетманов, среди которых все, кроме «доброего вождя» Богдана, оказались клятвопреступниками, властолюбцами, «выродками отчины нашея». Анатомия измены и неизбежный печальный конец каждого из них, как констатируется в «письмах», закономерны: они не прислушивались к «многократной здоровой раде нашей, всего войска Низового Запорожского, и ни во что оную и нас вменяючи», в нарушение закона казацкой старины, установленного Хмельницким, потому что тот «завше о всемъ зъ нами словесно и чрезъ писма свои наражался, и на радѣ нашей нѣгди, аж до кончини своея, незавелся».

Сечь в концепции Величка выступает и главным гарантом давних прав и вольностей «казацко-руського народа». Как подчеркивается в одном из «писем» к Самойловичу, Богдан Хмельницкий, переходя под протекцию царя, позаботился, чтобы были «всякіе Козацкіи волности войсковіе и права з обылними

193. Казацкая старшина. Фрагмент иконы «Покров Богородицы» из с. Сулимовка, 1741 г.

присягами и записами мощно закрепили». Именно их будут всегда защищать запорожцы, готовые «стояти до смерти нашей, при знаменитих що в нас есть и славних знаках». Что же касается намерений царских воевод взять власть в свои руки, то это означало бы

Украину Малоросійскую подати въ подданство; чого кождей добрий и цнотливий зь предковъ Украинскихъ и войска Запорожского молодець... на тое призоволити не хочеть.

Запорожцев не запугать этим, потому что, как гордо заявляет Величко устами кошевого товариства, «сильна есть и мощна чернь Днепровая своими помочними потугами, а плодна есть матка Козацкая».

Если напомнить, что именно Величко соединил сарматскую и хазарскую легенды и отождествил «казацкий народ» с «сарматской» шляхтой Речи Посполитой, идейные основания его позиции станут более ясными. Предложив свою — казацкую — модель воспетого трубадурами сарматизма народовластия, Величко словно констатирует окончательное расщепление казацкого и польского политических миров. Место же для символа сарматского республиканизма, прочитанного по-казацки, было найдено идеальное: на Сечи, которую сама природа отделила от земель кровавого столкновения заднепровцев с правобережцами, а казацкая традиция окутала ореолом старины. Возможно, потому, что произведение Величко, в отличие от труда Грабянки, было неизвестно современникам (кроме автографа, сохранился лишь один его список, тогда как Грабянки — более 50; и Грабянка был издан впервые в 1793 г., тогда как Величко — только в 1848–1864 гг.), образ Сечи как символа украинскости практически не имеет аналогов в литературе XVIII в. Однако уже в «Энеиде» Котляревского, попав на благоприятную почву романтических, а затем и народнических идей, образ Сечи-символа полностью завоевывает украинское культурное пространство, окончательно стирая барьер, всегда разделявший в реальной истории двух антагонистов — низовое казачество (Запорожскую Сечь) и городское казачество (Войско Запорожское в прямом смысле).

Восприятие Сечи как главного выразителя «справедливого строя», будто бы созвучного украинскому национальному духу, видоизменяясь в зависимости от веяний времени, дожило до наших дней. Более того, даже не каждый историк, положив руку на сердце, сможет похвастаться тем, что слово «казак» не ассоциируется в его спонтанном воображении с полуголым запорожцем, пишущим письмо турецкому султану.

«Мы» и «они», или Новое восприятие соседей

Рождение целостного восприятия «казацкой отчины», этническая территория которой впервые стала отождествляться с государственно-политическим казацким строем, а «народ» приобрел признаки политического сообщества, вобравшего все разнообразие социальных групп и даже индивидуальных типов — от «верных сыновей», которые служат на «благо отчины», до «блудных сыновей», которые «по слабоумию ей вредят», — окончательно выделило Гетманщину в кругу соседей. Радикальные внешнеполитические изменения, перекроившие карту Речи Посполитой, вырвав казацкую территорию из традиционного, польско-литовско-русского, и переместив в другой — московский — политико-географический контекст, также требовали осмысления. Поэтому именно на вторую половину XVII — начало XVIII в. приходится формирование нового взгляда на так называемое порубежное пространство, населенное людьми, живущими по ту сторону казацкой границы. К этому подтолкнуло и то, что взаимодействие с ними или полностью изменилось (поляки, русские), или существенно модифицировалось (татары, турки). На особенностях восприятия «литвинов» (белорусов и литовцев) и «валахов» (молдаван и румын) мы не будем здесь останавливаться, поскольку оно не носило рубежной окраски, маркируясь в целом нейтральной констатацией «инаковости».

Начнем с поляков — «врага № 1» казацкой революции. В левобережной Гетманщине, жители которой шаг за шагом все более отделялись от мира Речи Посполитой, отношение к «ляху» словно балансирует между двумя полюсами, которые зависят от личного опыта и эмоций. Для людей старшего поколения, чья молодость пришлась на Хмельнитчину, Польша и в даль-

нейшем ассоциировалась с давними обидами. Например, гетман Иван Самойлович в одном из писем 1675 г. писал: «Для поляков русин, что собачья кость, и недостоин русин, а особенно наш брат казак, не только того, чтобы перед поляком сесть, но и стоять трудно».

Самойловичу вторит и Иван Мазепа, используя в одном из своих писем 1708 г. распространенные стереотипы периода казацко-польских войн:

194. Рисунок из сборника стихов Лазаря Барановича «*Lutnia Apollinowa*» (Киев, 1671)

Скорее звезды очутятся на небе, а небо пропадет плуг, чем Украина вернется к Короне Польской, и казацкий народ, который испытывает испокон веков ненависть к польскому, соединится с Речью Посполитой. Jak s świat światem, nie będzie Kozak Polakowi bratem, ошпарившись водой лядского побратимства.

Параллельно, даже среди людей старшего поколения, мы можем найти тех, кто оставлял прошлое прошлому, сожалея об утраченной солидарности. В частности, ровесник Самойловича и Мазепы, черниговский архиепископ Лазарь Баранович, в одном из стихотворений изданного им в 1671 г. сборника польскоязычных стихов «Lutnia Apollinowa» [«Лютня Аполлона»] пишет, обращаясь к воображаемому поляку:

Я бы только был рад, лях-брат.
Если бы ты руський знал,
Чтобы вернулись те времена,
Когда ходили турка бить,
И святой гнев, направленный на турка,
Соединял ляха и русина.

Ту же двойственность мы замечаем и у младшего поколения. Одни унаследовали эмоционально окрашенную полонофобию (хотя самих поляков знали уже скорее по рассказам, нежели по собственному опыту), а другие демонстрируют скрытую симпатию. Ярким примером первого может послужить произведение Григория Грабянки; здесь «высокомерные ляхи» служат иллюстрацией к напоминанию о том, что Господь гордых усмиряет, а униженных возвышает. Они, как и подобает антигероям, своевольным и непостоянным (последнее обвинение, кстати, является зеркальным отражением польских упреков в адрес казаков):

ни королю не повинуются, ни между собой несогласны, но сколько ляхов есть в польской стране, столько и советов; каждый свое слово и совет выше другого хочет поставить, и сами составляют советы и писанием утверждают, но от всего того позже отрекаются.

В противовес антипольским пассажам такого рода сталкиваемся и с размышлениями, где эмоциональное отращение отсутствует. Здесь особенно ярким примером может послужить «Летопись» Самойла Величко. Невзирая на ряд риторических инвектив в адрес «отщепенцев ляхов» и невзирая на триумфальные

описания казацких побед над коронным войском, в тексте Величко мы раз за разом сталкиваемся с ностальгией по утраченному единству. Описывая истоки обоих народов в своей, весьма своеобразной, редакции сарматской легенды, Величко заостряет внимание на их первоначальном «братстве»:

Поляки... отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившия и изщедши, и сами власною братією нашою Савроматами и Руссами съ початку бывши, а несытость славы и богатства душевреднаго въ себѣ имущи, от сопребыванія зъ продками нашими древнихъ онихъ вѣковъ отдалилися, и иное именованіе (еже есть Ляхи и Поляки) себѣ учинивши, а за Вислу заволокшися... повстали напрасно и безсовѣстно (яко иногда Каинъ на Авеля) на Руссовъ, албо Савроматовъ, власную зъ древности природную братію свою...

Мотив первоначального «братства» и позднейшей «измены ляхов» — одна из наиболее ярких авторских находок Величко. Характерно, что в позднейшей литературе XVIII в. он не имел распространения, повторно всплыл в «Истории русов» на рубеже XVIII–XIX вв., где процитированный пассаж воспроизведен дословно, а уже оттуда он попал в «Закон Божий» — один из программных документов Кирилло-Мефодиевского братства, который в конце 1845 — начале 1846 г. составил молодой Николай Костомаров.

В глазах Самойла Величко оба народа — и свой, и польский — «преславные в Европе», а кровопролитие между ними определяется как «междоусобица, наложившая на них великие потери и беды». Окончательный разрыв Польши и казацкой Украины Величко отражает в двух «речах», показательных не столько своим содержанием, сколько элегической тональностью (Величко действительно был блестящим стилистом); первая якобы была произнесена Богданом Хмельницким накануне Переяславского соглашения, а вторая королем Яном Казимиром — после его заключения:

[Хмельницкий:] Панове поляки, здаетмися же уже отъ сего часу вѣчне зъ собою розлучимся, ми будемъ не ваши, а ви не наши, якои шкоди нѣкогда ви собѣ нагородити не возможете, а ни ми ку награжденію вамъ оной явимъ склоность нашу, поневажъ не отъ насъ до того стануль початокъ, але отъ васъ власних, не мѣете теди ви того жаловати, що зъ доброй своей волѣ, албо неразумія и легкомыслия утеряли и погубили.

[Ян Казимир:] Панове братя, прійшлисми за непогамовнимъ гнѣвом и упоромъ нашимъ до того, жесми утратили Украину, яко златое яблоко, жесмо

утратили яко свѣтъ очію нашою, жесмо наконець утратили и вѣчне чуждими зостали добрихъ молодцов Козаковъ братѣ нашей, за которихъ оружіемъ и стражею чрезъ многіе времена, яко за крепкими мурами, до сихъ часовъ въ тишинѣ покою зоставалисмо, а прочіимъ непріателемъ нашимъ білисмо страшними.

О распространенности в левобережной Гетманщине настроений, созвучных позиции Величко, свидетельствует небольшой стих студента пиитики Киевской академии Андрея Герасимовича, написанный около 1719–1720 гг. (его пробуют датировать временем Выговского, однако терминология и несколько конкретных реалий явно опровергают подобную трактовку). Наш школяр остро укоряет каких-то таинственных «ляхолюбцев» (следовательно, такие имелись), которые чрезмерно «ляхов хвалят» — и даже не могут произнести ни слова «без хвал лядских». У них «вся охота» адресуется «ляхам» — там они находят «и мудрость, и добродетель». Подводя итог, школяр предостерегает:

До тех пор добра нам не будет,
Пока у нас сии люди.

Это наивное рифмоплетство свидетельствует о симптоматичном явлении — поляки, «отойдя, остались» связующим звеном казацкой державы с культурным пространством Речи Посполитой. Проявляясь в тех или иных формах, оно будет присутствовать в украинской культуре едва ли не до конца XVIII в., то есть до окончательной переориентации духовной жизни Киева и Гетманщины на российские образцы.

* * *

Восприятие украинским сообществом русских выглядит более прямолинейным. Как уже отмечалось, вплоть до окончательного стирания разницы политических укладов, то есть до ликвидации Гетманщины и остатков автономии, что повлекло за собой растворение «казацкой» культуры в русской, «москаль» оставался и политически, и культурно «чужим» для украинца. Панегирические пассажи в сторону «добронравного и добросердечного» царя и его «богохранимого православного государства» находились как бы в одной плоскости сознания, а повседневная реакция на «москаля» как существо опасное уже своей инаковостью — в другой. Отношение к русским в послехмельническое время характеризовалось глухой недоброжелательностью,

усиленной неприязнью нового — странного и непонятного — московского мира. Даже намного позже, в начале XIX в., потомок казацкой старшины Петр Чуйкевич констатировал:

[Малорусский] народ не любит русских, от которых отличается наречием, обычаями и нравами. Имя москаля служит у них насмешливым.

Неприязнь дополнительно усугублялась тем, что украинское население общалось преимущественно с репрессивными группами русских — солдатами и представителями царской администрации, которые нередко ощущали себя здесь, словно в осажденном лагере, а следовательно, демонстрировали со своей стороны презрение к «хохлам». (Показательно, что в Левобережной и Центральной Украине этноним «москаль» в XIX в. сузил свое значение, обозначая, как правило, «служилого» — солдата, чиновника и т. п. в свою очередь, для нейтрального обозначения русских применялось слово «великоросс»; в это же время в Галиции, не имевшей тесных контактов с русскими, слово «москаль» сохранило свое первоначальное значение — русский.)

Бытовая неприязнь к «дурной Москве», проявлявшаяся навеселе или неосторожно сказанном слове, была обычным делом, поэтому так легко попадала в доносы. Параллельно сохранилось немало свидетельств осмысления действий царского правительства как вредных для Украины. Такие антимосковские выпады освещают более глубокие причины недоброжелательности, служившей питательной почвой для оппозиционных выступлений, или, как их называли в московских канцеляриях, «малороссийских шатостей». Показательно, что упомянутые, говоря современным языком, аналитические документы происходили из разных казацких групп: как анти-, так и прорусских. Характерным примером первого может служить письмо старшины времен Дорошенко 1670 г. к жителям г. Лубны. Главную причину распрей в Украине старшина видит в «тайном лукавстве» Москвы, напоминая:

Каждый из вас помнит, как много гетманов в недавнее время стало в Украине, отчизне нашей, с созвонения московского; как много по их требованию выведено из отчизны нашей честных людей; как много крови невинных душ народа нашего было пролито... как много и до нынешнего времени братии нашей... находится в московской ссылке в неволе; все это делалось на наших глазах и на нашей памяти... Москва натравливает народ наш и Войско Запорожское, чтобы мы друг друга резали...

Похожую мысль развивает лояльный к царю Самойло Величко, вкладывая ее в одно из упомянутых выше «писем» Петра Дорошенко на Сечь:

Поляки... зъехавши за Смоленскомъ, в нѣякомсь селѣ Андрусовѣ, выторговали тамъ у Росіян себѣ насъ, аки безсловеснихъ и ничто невѣдущихъ скотовъ... Що Росіяне, тимъ Андрусовскимъ договоромъ отъ Поляковъ принявши, латво отчизну нашу, Малую Росію, на двое раздѣлили, принявши себѣ часть тую, що отъ Переяслава; а часть сюю, що отъ Чигирина, з Кіевомъ святимъ градомъ вашимъ, и изъ вами, войскомъ Запорожскимъ, но и тое на двое себѣ раздѣливши, от себе отринули...

Читая это письмо, пишет Величко, «статечніи и розумніе запорожцы плакали». Плач запорожцев о судьбе Украины, разделенной пополам «русскими», симптоматичен. В тексте «Летописи» Величко, в целом лояльной, мы неоднократно наталкиваемся на язвительные антимосковские выпады (вероятно, сам автор этого не желал, и такие обмолвки были подсознательными). Например, описывая несимпатичного ему Выговского, который привел к разорению «мать нашу малороссийскую», Величко одновременно определяет действия его оппонента Цицюры, верного Москве, как «богоненавистную братоубийственную службу». Еще один пример: выступление Ивана Брюховецкого против царя и воевод названо «объединение для обороны и спасения отчизны», а в уста запорожского кошевого Ивана Сирко Величко вкладывает пророческие слова о захваченном в плен сечевиками Мазепе, что тот «отчизне нашей впредь згодиться» (стоит напомнить, что «Летопись» писалась уже после полтавской катастрофы, когда с церковных амвонов звучала анафема гетману).

Красноречивы и такие вкрапления в перечень деяний Петра I, которые Величко приводит в рассказе о его восхождении на престол:

Сѣчь Запорожскую раззориль... Полякамъ тогочную отдалъ Украину... уничтожилъ и обременилъ зѣло всѣхъ Малоросіянвъ, такъ шляхетской козацкой, так и посполитой кондиціи сущихъ.

Пункт о «порабощении» украинцев дословно совпадает с декларациями антимосковских группировок, где пассажи о «московском ярме» и о намерениях Москвы «сделать своими холопами и невольниками» казаков были общим местом, начиная с Ивана Выговского и заканчивая Пилипом Орликом, который в «Конституции» 1710 г., в «Своде прав Украины» 1712 г. и многочисленных письмах и обращениях, написанных уже в эмиграции, до блеска отшлифовал

195. *Феофан Прокопович.
Портрет конца XVIII в.*

стилистику антимосковской публицистики, доказывая, что казаки добровольно отдали свое «независимое княжество», созданное Богданом Хмельницким, под протекцию московскому единовержному царю, а тот «по-тирански» уничтожил их вольности и привилегии, «наложил на них... ярмо несравненно более жестокое, чем то, которое неверные накладывают на завоеванные народы».

Распространенность настроений такого рода можно проиллюстрировать характерным примером: когда в начале 1709 г., Петр I спросил киевского воеводу, нет ли между монахами Братского монастыря (то есть профессорами Киево-Могилянской академии) промазепинских симпатий, тот ответил, что во всем Киеве есть только один человек, искренне благоволящий Москве: Феофан Прокопович. Вряд ли в этом было особое

преувеличение. Старшина и духовенство служили царю не без рвения — ради обороны Украины, по карьерным соображениям, ради возможности возвыситься над другими или выслужить имение, однако за фасадом служебного рвения «истинных сынов российского отечества» скрывалась прохладная отчужденность по отношению к русским — людям, представлявшим собой враждебный казачьим правам и вольностям московский строй.

* * *

«Лях» и «москаль», несмотря на нерасположение к ним, были все-таки «своими», то есть людьми славяно-христианского мира. Напротив, по другую сторону казацкой границы лежала «земля агарянская», населенная, как убеждала Церковь, лютым врагом христианина — турок и татарин. Совпадало ли реальное восприятие мусульманских соседей с их церковными образами? В том, что касается восприятия турков, кажется, в целом совпадало. Доказательством этого может служить то, что украинской словесности того времени турок известен не как человек, а лишь как абстрактный символ зла. Турки — это «псы», «скверные варвары», «люнатики» (намек на исламский полумесяц), бить их «праведно», потому что «сам Бог и Божья Мать» благословляют христиан «ко брани» с неверными. Святой долг казачества — бороться с «турчином», как завещали предки. Насколько далеко

в глубь времен уходило представление о непрерывности русько-османского противостояния, демонстрирует пассаж из поэмы Олександра Бучинского-Яскольда «Чигирин», где поэт выводит на битву с турками князя Владимира Святославича, которого на самом деле от появления турок отделяло едва ли не пять столетий:

Потому что с того еще времени, как княжил у нас
Владимир,
Мы с турками дрались, боролись с
ними.
Князь тот, Руськую державу грудью
защищал,
Словно стекло, высокомерие гордых крушил,
истоптав.

В отличие от обезличенного «турка», восприятие татарина было намного более гибким. Как и положено исламскому оппоненту, к тому же повседневному врагу украинского народа, татарин — это «адский сын», «нечестивый бусурманин», «хищный вор» и т. п. Соответственно, казацкая слава заключается в том, чтобы, как напишет Грабянка, «мечом и силой с татарами бороться». Воспевая эту сторону казацкой жизни, воспитанник Киево-Могилянской академии, наставник царских детей и придворный проповедник Симеон Полоцкий в своем сборнике проповедей «Вечеря духовная» в 1681 г. поместил специальное «Слово к православному и христоименитому Запорожскому воинству», называя казаков «львами с даром языка» и «воинами Царя Небесного»:

Ви персми вашими, аки необоримою стѣною, російскую землю ограждаете, и отъ навѣтовъ нечестивихъ бѣсурманъ защищаете. Ви неусипнія стражіе жребія

196. Татарский воин. Гравюра XVII в.

Пресвятія Богородици... и скоріи отмстителіе врагомъ злбнимъ Богомъ поставленни есте... и тако Вашимъ промисломъ и крѣпстію миръ желанній восточнѣй братіи и сродникомъ Вашимъ сотворяете, радость, веселіе и безбѣдство приносите, и вся хрестоименітія люди молитвенники о себѣ содѣваете.

Однако церковно-христианская модель не учитывала, мягко говоря, всех нюансов казацко-татарских взаимоотношений, особенно со времен казацкой революции, когда татары превратились в главного союзника Войска Запорожского. Описывая начало войны, даже православный ортодокс Грабянка вынужден признать, что боевой побратим Хмельницкого, перекопский мурза Тугай-бей был «воин славный и несказанно отважный». Величко пойдет еще дальше, написав: «Неволницкое ярмо лядзкое... тогдижъ шаблюю козацкою и кримскою зостали оттяти и уничтожени».

Впрочем, именно в труде Величко, более всего приближенном к реальной жизни тогдашней Украины (да и просто самым большим по объему во всей староукраинской литературе), мы найдем ответ на то, как казаки воспринимали татар. Медленно листая «Летопись» и наталкиваясь на традиционные инвективы против «бусурман», в какой-то момент с удивлением замечаешь, что автор успел незаметно создать образ храброго рыцарского народа, который никогда не воюет «неславно и бесчестно», хотя и понимает цель войны иначе, чем христиане: прибегает к вознаграждению «незаработанным трудом» (то есть захватом пленных). Взаимоотношения казаков и татар под пером Величко из глобального противостояния превращаются в ритуал противников-рыцарей — они «гостевают» или «посещают» друг друга (то есть осуществляют взаимные наезды-отплаты), а захватив друг друга в плен, ведут честный торг, определяя размер и срок выкупа. Характерно, что Величко несколько раз проигрывает один и тот же эпизод: казаки объявляют пленным татарам, что, если на протяжении указанного срока те не доставят выкуп, они будут отосланы в «безысходную» московскую неволю; татары же, услышав это, «вздрагивают от страха», быстро добывают деньги, после чего пленников «ласково отпускают». Гетманы и кошевые атаманы обмениваются с ханом учтивыми письмами в поисках соседской или военной «приязни» или выражая удивление по поводу каких-то неадекватных рыцарским понятиям действий. Вот образец подобных упреков, изложенных в якобы написанном Иваном Сирко «письме» к хану по поводу ночного (в рыцарском этосе — предательского) нападения на Сечь:

Якого злого замислу Вашего и недишкреціи (яко тих людей которіи рицерскимъ промисломъ бавячися и правду в себе заховати любите) яко нѣгди несподѣвалисьмося на себе...

Квинтэссенцией этого «письма», явно беллетризованного, а может, и просто выдуманного, является не столько перечень героических запорожских деяний, для устрашения перечисленных Сирко, сколько итоговая фраза:

Що зась з охочихъ молодцовъ чамбули, зходитимутся и бытимутся, того намъ и Вамъ до зайстя в войну великую, причиною ставити сполне не треба.

Это на удивление точное отображение казацко-татарских взаимоотношений на протяжении нескольких веков сосуществования над берегами одной и той же степи. Таким образом, именно Величко нужно отдать приоритет в признании того очевидного факта, что характер соседства / побратимства казаков и татар никоим образом не уместился в рамки церковного тезиса об извечном противостоянии. Впрочем, на политическом уровне это не менее выразительно декларируется в «Конституции» Пилипа Орлика 1710 г.:

Законы близкого соседства неразрывно связывают и тесно переплетают судьбу казацкого народа с Крымским государством... Войско Запорожское неоднократно вступало с ним в военный союз и принимало союзническую помощь для защиты своей отчизны и своих вольностей, а потому новоизбранный гетман должен добиться возобновления прежних побратимских отношений с Крымским государством, вооруженной поддержки от него и подтверждения вечной приязни.

В причудливом мире барокко

Пантелеймон Кулиш остроумно описывает дом Малороссийской коллегии в Глухове (построен в 1723 г., сгорел в 1784 г.), которого он никогда не видел, следующим образом:

Над глубокими нишами, в которых чинно расставлены были огромные Минервы, Фемиды, Марсы, древние ораторы и философы в соседстве с усами гетманами в длинных жупанах и широких горностаевых мантиях, красовались в разнообразных группах малороссийские войсковые клейноды, перемешанные с купидоновыми луками и колчанами (козаки давно уже

не употребляли луков), с лирами Аполлона и меркуриевыми жезлами... Знамена, бунчуки, сабли, римские шлемы, козацкие шапки, латы, ковши, змеи, утыканные шипами булавы, птицы, полумесяц и звезды венчали капители колонн и пилястров, окружали окна, висели фестонами, плелись в гирляндах, ползали по карнизам и под карнизами. Но все это было расположено с таким причудливым вкусом, с такой неожиданной смелостью и дикой пестротой, что не хочется верить, чтобы чья-нибудь голова трудилась над сортировкой этих орнаментов...

Силой художественного воображения Кулиш на удивление точно передал эстетические вкусы людей конца XVII–XVIII в., которые мы ныне зовем барочными, связывая с итальянским словом «барокко» [«вычурное», «причудливое»]. Теоретики классицизма в конце XVIII в. уничтожительно обозначили барочный стиль, который под разными названиями, постепенно вытесняя традиции Ренессанса, продержался со второй половины XVI и почти до конца

XVIII в. как недоразумение в искусстве и кричащая бесвкусица, вредная для гармонии. Высмеивались, в частности, свойственные барочной эстетике нагромождение украшений, аллегорий и эмблем, восхищение парадоксом, искусственно подчеркнутая театральность. Абсурдными, искусственными, в лучшем случае смешными казались барочные произведения людям XIX в., и лишь в конце XIX — начале XX в. историки искусства заговорили о барокко как о весьма своеобразном направлении, сначала восстановив его «доброе имя» на поле изящных искусств, а после Первой мировой войны — и в сфере литературы, эстетической и этической мысли, теологии (тогда же сформировался взгляд на барокко как на целостную культурно-историческую эпоху). Поскольку этот феномен имел свои формальные особенности (и даже собственные названия) в разных регионах Европы, в настоящее время наиболее интересно выяснение локальной специфики, или так называемых «национальных вариантов» барокко, приспособленных к местным канонам

197. Титульный лист панегирика Стефана Яворского в честь митрополита Варлаама Ясинского

культуры. Этот подход приобретает особую важность, если вспомнить, что «тревожный XVII век» стал для Европы стартовым веком формирования наций, начавших самореализовываться в создании национальных государств. Идеал универсального человека, выпестованный Ренессансом, был вытеснен той нехитрой истиной, что человек Нового времени «национален». Прежде всего это проявилось в сфере политики — войнах и социальных потрясениях, проходивших, однако, под аккомпанемент барокко, которое обращалось к новому человеку в каждой стране на близком ему языке — от понятной религиозной символики до буквального внедрения национальных языков во все сферы письменной культуры.

Что касается более общего, мировоззренческого содержания барокко, то его появление было вызвано необходимостью обновления христианских ценностей, пошатнувшихся в ходе Ренессанса и протестантско-католического противостояния XVI в. «веку Реформации». Начало формальным новшествам положил Тридентский собор 1545–1563 гг., наметивший пути к реформированию Католической Церкви, однако это повлекло за собой «освежение набожности» не только среди католиков, но и в протестантском и православном мирах. Сквозь призму одной из центральных дилемм барочной этики — между красотой земной жизни и неизбежностью ее конца — моделировались такие основополагающие проблемы человеческого бытия, как предназначение индивида, мера его ответственности за свои поступки, критерии совершенства и степень возможности их достижения в реальной жизни. Трагический конфликт между ощущением краткости земного пути и стремлением достичь счастья здесь, на земле, сопровождался расцветом мистических настроений и экзальтированных религиозных чувств. В изобразительном искусстве и литературе это проявилось в избыточной декоративности и сложном языке символов, аллегорий и метафор, которые словно связывали вместе все конкретное, скоротечное, придавая ему вневременную универсальность. Впрочем, темной и непонятной барочная символика кажется лишь нам, людям другого культурного кода, а меж тем творения тогдашней культуры адресовались не нам, а «людям барокко», понимавшим язык его аллегорий.

198. Аллегория
быстротечности жизни.
Гравюра из книги
«Les Emblemes... par un Pere
Carusin» (Париж, 1631)

В общем течении барокко как универсальной системы, утверждение которой стало одновременно и точкой отсчета для национальных культур Нового времени, иногда различают два главных направления, метафорически названные «цивилизацией чтения Библии» и «цивилизацией алтаря». В первом, свойственном преимущественно протестантским странам Европы, верх взяли интеллектуальные абстракции и углубление в богословие, во втором, прежде всего католическом, — внешняя эффектность: декоративность, сфера форм, музыки, живописи. Преобладание чувственных элементов над умственными является характерной чертой и украинского барокко, которое унаследовало барочную эстетику своих первых «учителей» нового искусства — поляков.

С легкой руки Дмитра Чижевского, одного из «открывателей» славянского барокко, оно получило в Украине статус «национально-органического стиля», якобы созвучного эмоциональному украинскому характеру. Иногда также говорят о стихийной барочности украинской культуры вообще, где орнаментализм якобы всегда доминирует над глубиной содержания. Оставляя дискуссии по этому поводу компетентным знатокам искусства, необходимо взглянуть на украинское барокко в историческом контексте, чтобы понять, почему именно этот общеевропейский стиль (а точнее, культурно-историческая эпоха) был с таким энтузиазмом подхвачен в Украине второй половины XVII в.

Лихолетье Руины, казалось бы, не должно было способствовать расцвету муз, однако классическое *inter arma silent Musae* [«Когда говорят пушки, музы молчат»] в послехмельницкой Украине не подтвердилось. Дарованная природой пластичность человеческого существа, способного цепляться за жизнь в самых неблагоприятных обстоятельствах, счастливо соединилась с энтузиазмом молодого общества, которое пишет собственную историю с чистого листа (как уже отмечалось, в сознании людей конца XVII — начала XVIII в. отсчет «древности» начинался с казацкой революции). Яркое подтверждение молниеносной нормализации жизни в Украине там, где хоть на мгновение стихали вихри войны, оставил Павел из Алеппо [Халеба], спутник антиохийского патриарха Макария III, который описал в своем объемном дневнике переезд своего патрона через казацкие регионы в 1654 и в 1656 гг., в ходе путешествия в Москву и обратно. Путевые заметки диакона из Алеппо, хоть и исполнены по-восточному цветистых преувеличений, интересны тем, что взглядом стороннего наблюдателя он увидел важные детали самоорганизации общества, направленные на преодоление военных разрушений: большое количество госпиталей [богаделен] для людей преклонного возраста, а также налаженные формы опеки священников над осиротевшими детьми, число которых умножила война. Особенно же сильное впечатление произвели на диакона Павла

199. Киевский пейзаж. Гравюра Леонтия Тарасевича из книги «Патерик или отечник печерский» (Київ, 1702)

не утраченные в сумятице жестокого времени приветливость и веселость «благословенного народа» этой «благословенной страны». Описывая свой ночлег на обратном пути из Московии, проведенный за Днепром напротив Киева, так сказать, с видом на купола церквей Киево-Печерского монастыря, путешественник пишет:

С той минуты, как мы завидели Печерский монастырь, блестящий в отдалении своими куполами, и как только коснулось нас благоухание этих цветущих земель, наши души вострепетали от радости и ликования, сердца наши раскрылись и мы изливались в благодарениях Господу Богу. В течение этих двух лет в Московии замок висел на наших сердцах, а ум был до крайности стеснен и подавлен, ибо в той стране никто не может чувствовать себя сколько-нибудь свободным и довольным, кроме разве коренных жителей... Напротив, страна казаков была для нас как бы наша собственная страна, а ее обитатели были нам добрыми приятелями и людьми вроде нас самих.

Зафиксировано в дневнике Павла Алепского и немало впечатлений, которые касаются культурно-образовательной сферы. Например, уже в первой после переправы через Днестр записи (патриарх следовал из Молдавии) мы читаем следующее:

Начиная с этого города [Рашкова] и по всей земле русских, то есть казаков, мы заметили вызвавшую наше удивление прекрасную черту: все они,

за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы.

Еще больше удивила диакона Павла образованность монахинь и воспитанниц Киевского Вознесенского монастыря: «Все они умеют читать, знакомы с философией и логикой».

Реплики такого рода, разбросанные по другим тогдашним источникам, косвенно свидетельствуют о подъеме общественного престижа образования. Более того, ученость начинает отождествляться с патриотическим долгом — утверждением славы «казацко-русской отчизны». Вот как характерно определяет эту функцию «наук» поэт Иван Величковский в своем панегирике 1687 г. в честь гетмана Самойловича:

Тая ты [набожность. — *Н.Я.*] устрояет учених любити,
а наукам патроном особливим быти,
З которих растет слава, оздоба, подпора
милой отчизнѣ нашей и утѣха скоро.

Более пространно о том же говорится в предисловии к сборнику Величковского «Млеко от овцы, пастыру належное» (1691 г.). Впервые вынося на суд читателя так называемые «куръезные стихи», построенные на игре формой, поэт посвящает свою попытку «на оздобу отчизни»:

Уважаючи я, иж мно́гиі наро́дове, звла́ща в нау́ках обфиту́ючіє, мно́го ма́ют не ты́лко ораторских, але и поетицких, чу́дне а мисте́рне, природным их язы́ком, от высóких ра́зумов составленных трудолю́бій... я, яко истинный сын Малоросси́йскои отчизны нашей, болѣючи на то сердцем, иж в Ма́лой нашей Ро́ссии до си́х ча́с таковых... не огляда́ю тру́дов, з горли́вости мо́еи ку милой отчи́знѣ... умы́слилем... нѣзкото́рыє значнѣйшыє шту́ки поети́цкіє ру́ским язы́ком вы́разити... на оздо́бу отчи́зни нашей и утѣху малоросси́йским сином ей, звла́ща до чита́ня охóчим и любомудрым.

В предисловии к своему историческому труду 1710 г., носящему красноречивый заголовок «Коя ради вины сия история начатся писати», то же самое декларирует и Григорий Грабянка: его произведение — это услуга отчизне. Кто бы ныне знал о Моисее, с пафосом вопрошает он читателя, если бы о нем не рассказывалось в Священном Писании? О Навуходносоре? Кире? Александре Македонском? Он, Грабянка, не раз об этом вспоминал:

Тихубоитимъ подобнихъ побѣдителей
Исторіи мнѣ многочастнѣ въ сладокъ
чтущу и ползу народомъ ихъ еже къ
безсмертной имъ славѣ проразумѣвшу,
соболѣзновахъ не мало, яко и нашего
отчества ничимъ же отъ нихъ во во-
инскихъ трудахъ разнствующого: въ
толикой забвенія пучинѣ дѣла видя
погруженна; сего ради не коею либо
любоостратною славицею, но общою
возбужденій ползою судихъ... немолч-
ная дѣйствія не оставляю въ пепелѣ
погребеннихъ повѣстми свѣту явити.

Уважение к учености автоматически усиливало спрос на образовательные заведения. И в самом деле, с последней четверти XVII в., как только немного стихают военные бури, Киево-Могилянская академия и основанная Лазарем Барановичем коллегия в Новгороде-Северском (в 1689 г. она была перемещена в Чернигов) нешуточно расцветают. Число студентов Академии при гетманстве Ивана Мазепы достигло, как уже упоминалось, рекордного уровня: 2 тысячи слушателей (после полтавского поражения их количество резко падает до 161, но к 1715 г. вновь восстанавливается и составляет около 1100 человек). Во главе академического сообщества и среди профессоров мы видим едва ли не самых ярких за всю историю учебного заведения писателей, проповедников и theologов — Лазаря Барановича, Иоаникия Галытовского, Варлаама Ясинского, Антония Радивиловского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича.

Откликаясь на возросший спрос, активно действуют типографии: старая, Киево-Печерского монастыря, и новая, основанная в 1674 г. Лазарем Барановичем в Новгороде-Северском (в 1679 г. она была перенесена в Чернигов). Кроме литургических книг, здесь издаются сборники проповедей и пособия по риторике, теологические трактаты, панегирики, духовная поэзия, житийные произведения, буквари, учебники. Книги выходят не только на церковнославянском,

200. Теза в честь ректора
Киево-Могилянської академії
Прокопа Колачинського. Гравюра
Івана Щирського, 1690-е гг.

но и на польском, латыни и «простом», то есть приближенном к разговорному украинскому, языках. Наиболее яркой чертой светской продукции тогдашней словесности является ее насыщенность античными мотивами, которые проникли в руськое школьное образование еще в конце XVI — начале XVII в., а теперь расцвели особенно буйным цветом. Античные сюжеты используются и в пышном графическом оформлении киевских и черниговских изданий, как правило, высокого профессионального качества, нередко очень дорогих. Примером одной из таких ценных книг может служить напечатанная в Киеве в 1712 г. «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная» — стихотворное изложение этики, морали и норм поведения (о ее популярности свидетельствует то, что переиздания «Ифики» осуществлялись впоследствии в Санкт-Петербурге в 1718, 1724, 1764 гг., во Львове в 1760 г., в Вене в 1774 г., в Москве — в 1796 г.).

Оживление книжного обращения способствовало скоплению в руках образованных людей достаточно крупных собраний книг. Как уже упоминалось, уникальная библиотека была у Ивана Мазепы (она сгорела при разрушении Батурина в 1708 г.), крупные книжные коллекции принадлежали Лазарю Барановичу, Иоаникию Галятовскому, Феофану Прокоповичу, Димитрию Тупталу, Самойлу Величко и многим другим. Тогдашнее отношение к книге ярко передает латиноязычная элегия профессора Киево-Могилянской академии, впоследствии Местоблюстителя Русского патриаршего престола Стефана Яворского (1658–1722), чье собрание насчитывало более 600 книг. Свою элегию, известную под названием «Слезное с книгами прощание», Яворский написал незадолго до смерти, в 1721 г.:

В путь отправляйтесь, книжки, что часто листал и ласкал я
 В путь, мое сияние, идите! Утеха и украшение мое!
 Другим, более счастливым душам пищей будьте отныне.
 Другие блаженные сердца нектаром вашим поите!
 Вы единственные были мне нектаром, медом питательным;
 С вами в мире, книжки, сладко жить было.
 Вы мое сокровище наиценнейшее, вы слава моя наибольшая.
 Вы всегдашняя любовь и блаженство мое!

* * *

Благоприятный общественно-моральный климат, окружавший интеллектуальную жизнь и подталкивавший одаренную личность к деятельности, не мог не вызывать резонанса также и в сфере образно-художественной, тем более что главные функции искусства, как их понимали тогда — *docere*,

delectare, movere [«наставлять, приносить удовольствие, трогать»], — были идеально созвучны пафосу служения на «оздобу отчизни». Именно с этого, внутреннего, импульса началось превращение «культуры в Украине» в «украинскую культуру», осуществленное на протяжении второй половины XVII в. на землях левобережной Гетманщины. Осознание человеком себя как «истинного сына» своей отчизны становилось как бы площадкой для создания собственных культурных ценностей, на которые «чужое», привнесенное извне, отныне могло наслаиваться, не заслоняя «национального», а, наоборот, дополняя художественную образность новыми идеями, невиданной до того стилизацией, неожиданными мотивами и т. п.

Такими путями украинская культура превратилась в самостоятельную часть всевропейского барокко. Это произошло тем естественнее, что барочная эстетика уже не была в новинку: исследователи датируют ее проникновение в Речь Посполитую (а следовательно, и Украину-Русь) последней четвертью XVI в. Под знаком барокко киевская школьная литература жила с 1620–1630-х гг., а в книжную графику элементы барочной стилистики вошли еще раньше. Однако лишь на исходе XVII в. барочная украинская культура, выделившись в своем «казацком» варианте из общего потока культурного развития Речи Посполитой, приобретает самостоятельные формальные признаки (показательно, что на это самое время приходится и выделение польского, или «сарматского», барокко).

Наиболее выразительно барочные мотивы дали о себе знать в памятниках архитектуры и книжной графики. Первому способствовало то, что с последней четверти XVII в. левобережная Гетманщина была охвачена настоящим строительным бумом. Основателями и меценатами храмов впервые становятся «новые богатые» — гетманы и казацкая старшина, за чей счет было построено немало архитектурных жемчужин, отчасти сохранившихся до наших

201. Георгиевский собор Киевского Выдубицкого монастыря, 1696–1701 гг.
Современное фото

202. Гравюра Ивана Щирского
в панегирике Лаврентия Крщоновича
в честь Лазаря Барановича «*Redivivus*
Роепіх» (Чернигов, 1683)

дней, например: Троицкая церковь Густинского монастыря (1670-е гг.), Троицкий собор в Чернигове (1679 г.), собор Мгарского монастыря (1682 г.), храм Покрова Богородицы в Харькове (1689 г.), Крестовоздвиженский собор в Полтаве (1689 г.), церковь Всех Святых над экономическими воротами Киево-Печерского монастыря (1696 г.), Георгиевский храм в Киевском Выдубицком монастыре (1696 г.), Вознесенский собор в Переяславе (1700 г.), церковь Святой Екатерины в Чернигове (1715 г.), Преображенская церковь в Прилуках (1716 г.) и др. За оживлением церковного строительства стояла не только экономическая стабилизация,

но и глубокое, а вместе с тем наивное религиозное чувство новой элиты, которая отношения с Богом моделировала по чисто земному образцу, пытаясь свои грехи (а их у честолюбивой и корыстной старшины при жизни накапливалось немало) искупить материальными пожертвованиями.

Внешним проявлением усиления набожности стал, как некогда в средневековой западноевропейской готике, порыв ввысь — вертикальное устремление украинских церквей. Эту деталь отметил еще Павел из Алеппо: почти обо всех увиденных храмах у него говорится, что они «высоки и величественны», «с высокими башнями», «с высокими апсидами». Это новшество кажется особенно характерным, если принять во внимание, что конструкция храмов, как и раньше, опиралась преимущественно на крестово-купольный, то есть приземистый, вариант. Знаменуя появление новых эстетических вкусов, появляется лепной настенный декор, окна разукрашиваются колонками и фронтонами, пышно орнаментируются фасады. Эти грациозные украшения, совмещенные со стремительным движением храмов ввысь, составляют самую примечательную черту украинского церковного строительства того времени.

Конец XVII — начало XVIII в. знаменуется также стремительным развитием книжной графики, в которой практически одновременно работают сразу три выдающихся в истории украинского искусства мастера — Олександр и Леонтий Тарасевичи и Иван Щирский. Первые два были, вероятно,

братьями, их происхождение спорно: по одной гипотезе, они происходили из нежинской казацкой старшины, по другой — были выходцами из Закарпатья, родственниками марамарошского и мукачевского епископа Василия Тарасовича. Оба учились в мастерской граверов Килианов в Аугсбурге, а начинали самостоятельный творческий путь в типографии Виленской иезуитской академии (вместе с ними в 1680-х гг. здесь начал работать и черниговец Иван Щирский). В 1688 г. Александр Тарасевич переехал в Киев; здесь же мы видим и Леонтия Тарасевича и Щирского (Александр постригся в монахи в Киеве, а Щирский в Чернигове). Между 1689 и 1693 гг. Леонтий Тарасевич вновь работал в Вильне, затем вернулся в Киев, где и умер (до 1710 г.), вероятно, также приняв постриг. Эти три художника оставили огромное количество первоклассных с точки зрения изобразительной техники и барочных по типу образного мышления графических произведений, преисполненных зашифрованного ассоциативного содержания и пышной аллегорической театральности.

Украинская иконопись, в отличие от графики, с меньшей степенью отразила влияние барокко. Усиление живописного начала в трактовке ликов святых, связанное с проникновением в иконопись элементов западноевропейской традиции живописи, более всего ощутимо в творчестве галицких и волынских мастеров, таких как Иван Руткович (†1703), Юрий Шимонович-старший (†1690), Василь Петрахович и Иов Кондзелевич (родился ок. 1667 г.). Это, впрочем, не означает, что влияние западных художественных канонов полностью обошло стороной казацкие земли. Бесспорным новшеством становятся большие размеры икон, что было обусловлено увеличением высоты храмов и расширением их внутренних объемов; параллельно развивается сницарское обрамление икон и пышная, буйно орнаментируемая резьба иконостасов. Большие форматы, яркие краски, широкое использование позолоты не подавляют, однако, идеализированной духовной возвышенности икон. Невзирая на яркость цветов и совершенно реалистически выписанные сцены дополнительного ряда, иконы и в дальнейшем остаются торжественными и сдержанными, соответствуя

203. Св. Димитрий Ростовский (Данило Туптало). Портрет конца XVIII в.

204. *Иоаникий Галятовский.*
Копия с портрета конца XVII в.

своему назначению — не светских картин на религиозные сюжеты, а предмета поклонения, который должен вызывать молитвенное настроение.

Наконец, огромную роль в утверждении новых эстетических вкусов сыграла литература. Особенно способствовали этому три ее главных смысловых направления: 1) светское повествовательно-публицистическое, представленное прозой Грабянки и Величко (здесь, не говоря уже о стиле повествования, текущего потоком риторических аккордов, барочным является сам взгляд авторов на историю как на грандиозное поучительное действие, где каждая битва преисполнена пафоса, а каждое действующее лицо представляет собой идеал или антиидеал); 2) светское панегирическое и эмблематическое, которое по типу аллегорий и символов более всего перекликается со своими польскими прототипами, и даже более, язык большинства панегириков и, «эмблематических стихов», то есть

рифмованных пояснений к гербам и аллегорическим изображениям, и в дальнейшем оставался польским или латинским; 3) духовное, представленное житиями святых, духовными стихами и проповедью (это течение литературы существовало почти исключительно на украинском языке, апеллируя к набожному «руському» читателю).

Высокие образцы тогдашней духовной литературы свидетельствуют о том, что она оформилась в самостоятельный феномен под влиянием мировоззренческо-эстетических веяний барокко. В частности, особенно ярко это проявилось в эмоционально-личностном религиозном чувстве, которое воодушевляло духовную поэзию. Сохранилось немало ее образцов, однако непревзойденным классиком следует признать выдающегося теолога и писателя Данилу Туптало, который вошел в историю Православной Церкви под именем святого Димитрия Ростовского. Родился Туптало в 1651 г. в г. Макарове под Киевом, в семье казацкого сотника. Учился в Киево-Могилянской коллегии; в 1668 г. под именем Димитрия принял монашеский постриг; проповедовал и был игуменом в разных монастырях; в 1702 г. по приказу Петра I был рукоположен митрополитом Ростовским и Ярославским на территории России; умер в 1709 г. (после открытия в 1752 г. его нетленных мощей

канонизирован). Самым выдающимся трудом святого Димитрия стало упорядочение житий святых, почитаемых Православной Церковью (под названием «Книги житий святых» этот монументальный четырехтомный труд был впервые издан Киево-Печерской типографией в 1689–1705 гг.).

Очень популярной была и первая книга Димитрия Туптала — сборник рассказов о чудесах Богородичной иконы Черниговского Троицко-Ильинского монастыря «Руно орошенное»: еще при жизни автора на протяжении 1680–1702 гг. ее переиздали семь раз. Значительное место в творческом наследии святого Димитрия занимает также духовная поэзия, насыщенная новым для украинской литературы, пронзительно личностным мотивом экстатической любви к Богу. Вот фрагмент одного из его кантов для пения на три голоса (по преданию, венок именно этих кантов Димитрий Ростовский просил спеть себе перед смертью):

Превзидох міру, о мой вічний Боже
 Во дневних злобах.
 Кто ми в том поможет?
 Преступих закон, о мой кріпкий Боже
 И кто мні нині, грішному, поможет?
 Разві Ти, Отче, високий в милости
 Подаси руку мні в моєй бідности.
 Яко вся моя літа иждих блудне,
 В мірських суєтах, грішний,
 пребих гнусне.
 Восприйму на ся зрак сина блудного
 Пойду умолю Отца небесного:
 «Согріших, Отче, и моя єсть вина,
 Нісьмь достоин бити у Тебе за сина.
 Согріших к Тобі, Отче милосердний,
 Будь мні милостив, молю аз злосердий.
 А гріхи, их же творих от юности,
 Остави, прости по Твоей благости...»

Не менее ярко новшества отразились на жанре проповеди украинской литературы того времени, а искусство проповеди переживало в последней четверти XVII и начале XVIII в. наивысший подъем за всю свою историю. Перечень многих талантливых проповедников, порожденных бурным обновлением религиозной жизни, открывает блестящий эрудит, воспитанник, а впоследствии ректор Киево-Могилянской коллегии, с 1669 г. архимандрит Елецкого

Успенского монастыря в Чернигове Иоаникий Галятовский (ок. 1620–1688). Перу Галятовского принадлежит свыше 20 книг, в том числе таких популярных среди современников, как сборник проповедей «Ключ разумѣнія» (ее трижды переиздавали еще при жизни автора: в 1659, 1663 и 1665 гг.) и два сборника рассказов о чудесах и мистических видениях «Небо новое» и «Скарбница потрібная», адресованные проповедникам для использования включенных в них примеров (первая из этих книг до конца XVII в. также выдержала три издания, в 1665, 1666 и 1699 гг., вторая увидела свет в 1676 г.). Среди богословских трудов Галятовского стоит упомянуть теологические трактаты «Грѣхи розмаїтіи» (1685 г.) и «Души людей умерлых» (1687 г.), а также целый ряд полемически-богословских произведений, направленных против язычества, иудаизма, ислама, протестантизма и католичества, например: «Месіа правдивый» 1669 г., «Rozmowa bialocerkiewska» 1676 г., «Alkoran Machometow» 1683 г., «Боги поганскіе» 1686 г. и др.

Не менее ярким проповедническим талантом природа наделила нескольких современников о. Иоаникия, как и он, воспитанников Киево-Могилянской коллегии. Особенного внимания среди этих блестящих представителей «киевской учености» последней трети XVII в. заслуживает проповедник Киево-Печерского монастыря, а позже игумен Киевского Пустынно-Микильского монастыря Антоний Радивилловский (†1688), автор двух сборников проповедей, изданных в 1676 и 1688 гг.; уже не раз упомянутый черниговский архиепископ, проповедник, богослов и поэт Лазарь Баранович (1620–1693), среди многочисленных произведений которого и два сборника проповедей, впервые увидевших свет в 1666 и 1674 гг., а вскоре переизданных вторично; уже упомянутый Димитрий Ростовский (1651–1709) — автор, среди прочего, огромного количества проповедей, по большей части до сих пор не опубликованных; наконец, Стефан Яворский (1658–1722) — богослов, философ и проповедник, с 1701 г. Местоблюститель Московского патриаршего престола. Яворскому принадлежит свыше 250 проповедей, лишь частично опубликованных на протяжении XIX в.

Согласно барочной установке проповеднического мастерства, оратор должен был поразить слушателя, привлекая его внимание риторическими эффектами и логическими парадоксами. Первооткрывателем такого типа красноречия в Украине был, без сомнения, Иоаникий Галятовский, который советовал проповедникам, чтобы те с целью «повабить» людей, которые «под время проповіданія... в церквѣ дрімають и спять», рассказывали слушателям разнообразные занятные вещи

о звірах, птахах, гадах, рибах, деревах, зілах, каміннях і розмаїтих водах, а також вживали (использовали. — *Примеч. перев.*) пропозицій... мудрих та дивних, часом веселих, часом смутних, котрі людей барзо охочими до слухання чинять.

Именно такой была манера проповедничества Антония Радивиловского, засвидетельствованная в более чем 200 сохранившихся текстах его проповедей. Радивиловский особенно любит морализаторские примеры из античной и европейской истории: они вкрапляются в проповеди в виде драматичных повествований-эпизодов, насыщенных диалогами и бытовыми зарисовками, что, без сомнения, должно было «повабить» невнимательных слушателей. Иной, более пышный стиль культивировали Лазарь Баранович, Димитрий Ростовский и Стефан Яворский, чьим проповедям свойственна тщательно продуманная изысканность формы, нанизанные одна на другую риторические конструкции, желание поразить воображение слушателей неожиданной метафорой. Вот, к примеру, как в одной из своих проповедей Димитрий Ростовский представляет Рождество Христово:

Кругом сили небесні концерти воспівають, а хором управляет Святий Гавриїл, бія такту неувядающою і в зимі лілеєю.

Заглянув в будущее, мы не можем не упомянуть о том, что красочная высокопарность и пышный, построенный на параллелизмах синтаксис Грабянки, Величко и барочных проповедников еще не раз отзовутся в украинской литературе, от русскоязычного Николая Гоголя до собственно украинской прозы XIX–XX вв.

* * *

Завершая этот обзор, стоит подчеркнуть, что автор не ставил задачи охватить в деталях всю духовную и художественную жизнь второй половины XVII — начала XVIII в. Целью было не потерять за деревьями представления о лесе, то есть, вынужденно упуская те или иные нюансы, не потерять из поля зрения магистральной направленности культурного процесса. А направляющей его линией можно считать то, что в период Руины и правления Мазепы завершилось формирование модели украинской культуры Нового времени. Прологом к этому стал «поворот лицом к Западу», начало которому было положено группой ученых-острожан, продолжение связано с киевскими интеллектуалами 1620–1640-х гг., а завершающие штрихи — с творчеством нового поколения

воспитанников Киево-Могилянской коллегии: по-барочному красочного, насквозь идеологизированного Самойла Величко и по-барочному экзальтированного в своей набожности Дмитрия Ростовского. Благодаря кровавому вихрю воен, первые побеги «украинскости», претендовавшей лишь на равное право голоса в сообществе Речи Посполитой «Двух Народов», переросли в осознанную любовь «казацкого народа» к своей отчизне и в стремление «утверждать ее славу» не только саблей, но и пером или художественными творениями. Так на карте Европы появилась еще одна национальная — украинская — культура, облаченная в одеяния эстетики барокко — стилевой доминанты тогдашнего европейского культурного пространства.

РАЗДЕЛ VI

МЕЖ РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

1. «Пророчество Вернигоры», или Колиивщина: дилемма украинско-польских взаимоотношений в Речи Посполитой

Окончательный итог продолжавшимся на Правобережной Украине в последней трети XVII — начале XVIII в. войнам был подведен Адрианопольским и Карловицким мирными договорами 1712 и 1714 гг. Согласно им, Османская империя сохранила лишь давнюю сферу своего влияния, совпадавшую с северными границами Крымского ханства, Буджацкой и Эдисанской Ордами в Причерноморских степях. Россия закрепила на казацких землях левого берега Днепра, северной окраиной которых был Стародубский полк [в настоящее время на территории Брянской обл. Российской Федерации]; на Правобережье России достался Киев с прилегающей сорокакилометровой округой, окаймленной по периметру пограничными форпостами-таможнями в Триполье, Василькове, Белогородке и др. Позже, с 1734 г., российская юрисдикция распространилась и на земли Запорожской Сечи, протянувшиеся по степи от Днепра до Южного Буга (подробнее об этом речь пойдет далее). За Речью Посполитой или, точнее, за Польшей, ведь украинские территории входили в состав Польского королевства, закреплялись Галиция, Подолье, Волынь и большая часть Киевщины (административный центр которой переместился из Киева в Житомир). «Потеря Киева», на котором была сфокусирована общая «историческая память» западных и восточных земель будущей Украины, а также отток наиболее энергичной части населения за Днепр, на казацкую территорию, ставшую основным полигоном социальной активности, обусловили специфику «коллективного портрета» русинов Речи Посполитой. По-видимому, его наиболее заметной по сравнению с предшествующим периодом чертой следует признать отсутствие на протяжении всего XVIII в. осознанных манифестаций руськой идентичности. Шляхта,

которая еще недавно вместе с казаками боролась за независимость, столкнувшись с дилеммой «Россия или Польша», сделала массовый выбор в пользу привычного для нее польского мира, интегрируясь в него тем быстрее, чем агрессивнее становилась политика Российской империи в отношении Речи Посполитой. Одновременно уже не подпитываемая ветрами из Киева и казацкой Украины идентичность горожан спонтанно сужалась всего лишь до конфессионального отличия между католиком (поляком) и приверженцем «греческой веры» (русином). Поэтому принципиальных потерь русьскому сообществу удалось избежать лишь на уровне «безмолвствующего» крестьянского большинства, которое сохраняло традиционные верования, язык, бытовые навыки. Консервированию крестьянского быта способствовало и сельское духовенство. Из православного оно на рубеже XVII–XVIII вв. превратилось в униатское (о чем подробнее будет рассказано далее), однако подчинение высших иерархов Риму лишь незначительно изменило рядовой клир, в частности не прибавило ему образованности и не открыло более широких интеллектуальных или политических горизонтов. Именно эта на первый взгляд непривлекательная деталь обеспечила сохранение русьскости священников, потому что образованность влекла за собой автоматическое перемещение человека в польскую культурную среду.

С другой стороны, этнический традиционализм простонародья в условиях языкового и религиозного отчуждения от собственной элиты (так как паны стали говорить на чужом польском языке и посещать чужой католический храм) дополнительно обострял подпитываемую социальным антагонизмом враждебность восприятия «панов-поляков». И хотя политическая верхушка Речи Посполитой в конечном итоге достигла того, к чему так долго стремилась, — уничтожила «многоголовую казацкую гидру», которая «является корнем и началом всего зла», однако этот успех можно было сравнить с ампутацией больного органа, когда причина болезни так и не устранена. Именно эта болезнь и в дальнейшем разъедала государство изнутри, проявляясь, в частности, в хроническом для XVIII в. социальном бандитизме — гайдаматчине и опишковстве. Призрак враждебного «хлопства», притихшего в ожидании «новой Хмельнитчины», вновь и вновь всплывает в политической мысли тогдашней Речи Посполитой. Как писал основанный в Варшаве в 1763 г. журнал «Монитор», от руських крестьян «всегда несет возмутительным, бунтарским духом, и если бы их не держали в страхе постоянно размещенные там войска и надворные гарнизоны панской милиции, они тотчас бы подняли бунт».

В последней трети XVIII в. даже дебатировалась идея принудительной аккультурации русинского простонародья, опиравшаяся на унифицирующие

тенденции Просвещения (такие же меры предлагались и в отношении евреев). Прежний взгляд на Речь Посполитую как на сообщество политически лояльных жителей Польши, Руси или Литвы, вне зависимости от того, на каком языке они говорят и какую религию исповедуют, заменила концепция «народа» как монолитного единства — с одним языком и одинаковыми обычаями. Только такое государство, считали лучшие умы Просвещения, предоставит гарантию безопасности, проложит путь прогрессивному развитию образования, правопорядка, устранил архаичные пережитки и добьется благополучия для своих граждан. Стоит напомнить, что в согласии с этой доктриной, именно в последней трети XVIII в., немецкий язык был объявлен обязательным в многоэтничной Габсбургской монархии, а в охваченной пламенем революции Франции сохранение региональных языковых отличий воспринималось как признак контрреволюции: как говорил в 1794 г. депутат Конвента Бертран Барер де Вьёзак, «язык свободного народа должен быть одним и тем же для всех». Похожие идеи мы находим и в политической мысли Речи Посполитой. К примеру, будущий вождь повстанцев Тадеуш Костюшко в 1789 г. писал, что решение украинской проблемы невозможно без приучения русинов к польскому языку, в том числе путем введения его в церковный обряд, потому что только так «со временем в них войдет польский дух». Языковая ассимиляция руського простонародья воспринималась также как залог его лояльности, потому что, как подчеркивал один из самых заметных политических деятелей Речи Посполитой второй половины XVIII в. Гуго Колонтай, бунты всегда вспыхивали там, где низы не умели говорить по-польски.

На волне тревожной неуверенности в отношении будущего Польско-Литовского государства в последней трети XVIII в. оформилась (скорее всего, среди полонизованной руськой шляхты) шляхетская версия преданий простонародья Надднепрянщины о казаке-провидце Вернигоре, мазепинце и ведуне, который будто бы предсказывал, что ныне в Украине — горе и войны, однако она находится у Бога на особом попечении, поэтому после кровавой битвы наступят хорошие времена. В шляхетском варианте легенды Вернигора предвещает ужасы Колиивщины и предостерегает украинцев, чтобы те не проливали кровь своих польских братьев, поскольку Польша — это и их родина. Впоследствии пророчества казацкого ведуна свяжут с другими событиями, а сам он станет известной фигурой польской литературы. В частности, в 1863 г., во время восстания, которое пробудило надежды на восстановление Речи Посполитой, популярной была песня Антона Шашкевича «Вернигора», завершавшаяся словами:

Будет добро после беды,
Помиримся уже с ляшками,
Поклонимся шапочками,
Единая мысль, единое дело,
Столицей нам Варшава.

В XIX в. к легенде о Вернигоре обращался Юлиуш Словацкий, в XX в. — Станислав Виспянский и многие другие. Характерно, что пророчества могли переноситься на совершенно новые события, однако сама фигура Вернигоры и в дальнейшем служила мистическим символом общности польско-украинских интересов. В частности, ярким дидактизмом именно такого содержания наполнена картина известного польского художника Яна Матейка «Вернигора», написанная между 1875 и 1883 гг.: фигура вдохновенного ведуна здесь помещена между двумя группами

персонажей — поляков и украинцев, а на переднем плане художник изобразил мальчика в белой одежде — символ объединения обоих народов в будущем.

Антитеза «пророчество Вернигоры — Колиивщина» кажется всеохватывающей метафорой для описания русько-польских взаимоотношений в Речи Посполитой XVIII в., будто выделяя два главных течения «русскости». Одно из них, шляхетское, слилось с польским, в своих собственных судьбах воплотив все драматичные коллизии низвержения общей родины — Речи Посполитой. Напротив, другая, простонародная, демонстрировала решительно-агрессивную враждебность к этому государству. Отмеченные противоречия мы попробуем проследить ниже, для начала кратко воссоздав тот историко-политический фон, на котором они взаимодействовали.

Речь Посполитая между хаосом и попытками «направы»

Польская историография традиционно делит XVIII век на две половины — «саксонское время» (связанное с пребыванием на троне представителей саксонской династии Веттинов Августа II, 1697–1733, и Августа III, 1734–1763) и период правления последнего короля Речи Посполитой

Станислава Августа Понятовского (1764–1795). «Саксонское время» считается одним из наиболее тягостных отрезков польской истории, характеризовавшимся затяжным кризисом в политике, экономике и культуре. Едва завершив тяжелые войны предыдущего XVII в., последствиями которых явились разрушенное хозяйство и большие демографические потери, Речь Посполитая по инициативе ставленника Петра I Августа Саксонца втянулась в новую, еще более кровопролитную войну — Великую Северную (1700–1721). Ее перипетии, в частности временное низложение Августа (1704–1709) и возведение на престол Станислава Лещинского, превратили страну в арену гражданского конфликта между промосковской партией, которая поддерживала Саксонца, и прошведской, состоявшей из сторонников Лещинского и его протектора, шведского короля Карла XII. Поражение шведов под Полтавой вернуло трон Августу Саксонцу и одновременно превратило русского царя-победителя в подлинного хозяина Речи Посполитой. Это стало поводом к новой внутренней войне, длившейся на протяжении 1715–1716 гг., между шляхтой и саксонскими отрядами. В конечном итоге в 1717 г. состоялся так называемый Немой сейм, на котором окруженные русской армией послы подтвердили продиктованные Петром I условия мира, в том числе ограничение численности войска Речи Посполитой восемнадцатью—двадцатью тысячами для Польского королевства и шестью тысячами для Великого княжества Литовского (на самом деле вооруженные силы государства в дальнейшем были еще меньше, колеблясь между 12–16 тысячами, что в сравнении с армиями соседних государств составляло пропорцию 1:11 с Пруссией, 1:17 — с Австрией, 1:28 — с Россией).

Разоруженная таким образом страна фактически оказалась под непровозглашенным протекторатом Санкт-Петербурга. Эта зависимость лишь углубилась после следующей гражданской войны 1733–1735 гг., вызванной борьбой претендентов на престол после смерти Августа II. При поддержке России, Пруссии и Австрии королем стал сын покойного, Август III, который жил почти исключительно в Саксонии, интересуясь своими восточными владениями главным образом как источником доходов для перестройки Дрезденского двора. Между тем над территорией Речи Посполитой в 1740–1760-х гг. пронесли бури еще двух больших войн, в которых столкнулись интересы многих государств — так называемой Войны за австрийское наследство (1742–1748) и Семилетней войны (1756–1763). И хотя обессиленное государство принимать участие в них уже не могло, его население подверглось разорению и понесло огромные хозяйственные потери, потому что часть боев проходила именно здесь. По образному высказыванию Оскара Халецкого, повторившего популярную метафору XVIII в.,

старинный оплот христианства можно было сравнить теперь с придорожной корчмой, обслуживающей преимущественно русские войска, которые благодаря этому смогли появиться на полях сражений Центральной Европы.

Печальным следствием «саксонских времен» стали также деморализация и коррумпированность правительства и политиков, приученных к беспринципному маневрированию между владетельными дворами могущественных соседей. С 1720-х гг. и почти до конца века основные рычаги власти сосредотачивались в руках просаксонской, а затем прорусской группировки, которую современники кратко называли «Фамилия» (его члены были связаны семейными узами с представителями могущественного клана князей Чарторижских: именно так в польском произношении стала звучать фамилия волынских князей Чорторыйских). Оппоненты Фамилии, в зависимости от развития политической интриги, искали поддержки то во Франции, то в Австрии, то в России или Пруссии. Это лишь усугубляло межгрупповые конфликты, провоцируя внутреннюю анархию и дальнейшее бесцеремонное вмешательство извне.

Сказанное, впрочем, не означает, что кризис политического строя оставлял общество безразличным. Поиски путей «направы» разлаженного государственного механизма начались уже в последние годы правления Августа III, а между 1761 и 1764 гг. был опубликован четырехтомный фундаментальный труд монаха Ордена пиаров Станислава Конарского «О плодотворном проведении рады» [«O skutecznym rad sposobie»].

Опираясь на идеи старопольского республиканизма, Конарский ратовал за неотложное и кардинальное упорядочение сеймового представительства, в частности за упразднение знаменитого *liberum veto*^{*}, которым любой посол мог блокировать решение сейма, нормировать численность и представительские функции послов, лишить права голоса безземельную шляхту (чьими голосами особенно злоупотребляли соперничавшие политические группировки) и т. п.

До первых реальных попыток реформирования дело дошло после утверждения в 1764 г. на троне (благодаря очередной интервенции русских войск) тридцатидвухлетнего ставленника Фамилии Станислава Августа

* Здесь стоит напомнить, что сеймы Речи Посполитой опирались на принцип единогласного принятия решений. Поэтому несогласие даже одного посла, который мог наложить veto на то или иное сеймовое постановление, вообще срывало заседание сейма. Впервые такой случай произошел, как уже упоминалось, на сейме 1652 г., когда из-за этого не было ратифицировано Белоцерковское соглашение. В XVIII в. «свободное veto» (*liberum veto*) стало довольно частой болезнью сеймования.

Понятовского. Сплотив вокруг себя «новых людей» и преодолевая сопротивление консервативной части сената и сейма, образованный и энергичный король принялся за подготовку реформ, призванных упорядочить финансовую систему, упразднить *liberum veto* и урегулировать религиозный вопрос (в «саксонские времена» права не католиков были существенно ограничены, что повлекло за собой острое напряжение в обществе). На сейме 1766 г. удалось одобрить часть предложенных проектов. Однако при поддержке русского посла князя Николая Репнина против сеймовых решений весной 1767 г. были провозглашены — под демагогичными лозунгами «защиты веры» — сразу две шляхетские конфедерации, а уже в июне в противовес им (впрочем, также с подачи Репнина) возникла — под девизом «защиты вольности» — третья, Радомская конфедерация. Собравшиеся в Радоме обратились к Екатерине II с просьбой предоставить гарантии неизменности «старинного строя».

Политический хаос, в который оказались втянуты широкие массы шляхты, настроенные радомской пропагандой против «тирана» Понятовского и одновременно возмущенные бесцеремонным русским хозяйничаньем в крае, завершился провозглашением самой крупной из известных до того шляхетских конфедераций — Барской. Она была провозглашена в феврале 1768 г. в г. Бар [ныне райцентр Винницкой обл.], а до осени 1769 г. параллельно в остальных воеводствах и землях было организовано еще 35 конфедераций, ставивших своей целью защиту «золотых вольностей». Несколько позже, в 1775 г., платформа конфедератов была изложена в программном трактате одного из идеологов конфедерации, волынского шляхтича-русина Михала Вильгорского «О восстановлении старинного устройства согласно исконным принципам Речи Посполитой». В 1771 г., как предполагают, по личной договоренности с Вильгорским, специальный труд, посвященный польскому общественному строю «золотых вольностей», написал также знаменитый французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо.

206. Станислав Август Понятовский. Прижизненный портрет Крафта

Ответом на Барскую конфедерацию стала очередная интервенция русской армии. Рассеянные конные отряды добровольцев до 1772 г. противостояли ей методами партизанской войны на всей территории Речи Посполитой — от Литвы до предгорий Татр, пока не были разгромлены по отдельности русским полководцем Александром Суворовым.

Конфедераты продемонстрировали рыцарский героизм «шляхетского народа», сумевшего, в отличие от деморализованной верхушки, сохранить бескорыстную жертвенность во имя родины и идеалов. Однако последствия, которые повлекла за собой Барская конфедерация, имели совершенно противоположный эффект. Непосредственно Украины касалась, в частности, вызванная ею Колиивщина, к которой мы еще вернемся в дальнейшем. Что же касается Речи Посполитой в целом, то разгром конфедератов стал формальным основанием для первого раздела страны. 5 августа 1772 г. в Санкт-Петербурге представители России, Пруссии и Австрии подписали соглашение — как иносказательно утверждалось в соответствующем манифесте, «остерегаясь полного распада государства вследствие анархии и духа групповщины», — в соответствии с которым к государствам-союзникам отходили «санитарные полосы», то есть территории по периметру Речи Посполитой. К Пруссии отошли три северо-западные воеводства, Варминская епископская область и северная часть Великой Польши общей площадью 36 тысяч кв. км с населением 580 тысячи человек; Австрия получила часть Малой Польши, а также Галицию с Руським, Белзским и западными окраинами Волынского и Подольского воеводств размером 83 тысячи кв. км с 2 миллионами 650 тысячами жителей; России передавались земли Восточной Белоруссии с городами Полоцк, Витебск и Мстислав, а кроме этого, часть Ливонии [Латвии], то есть в целом 92 тысячи кв. км площади с 1 миллионом 300 тысячами населения.

Созванный в сентябре 1773 г. сейм под угрозой еще больших территориальных потерь ратифицировал соглашение. Парадоксально, но этот же сейм дал старт серии попыток спасти Речь Посполитую путем проведения реформ. Именно на нем была создана Комиссия национального образования [Komisja Edukacji Narodowej], которой удалось положить начало новому школьному образованию, а следовательно, подготовить общество к радикальным реформам 1780–1790-х гг., ознаменовавшим последнее десятилетие существования страны (к мероприятиям Комиссии мы еще вернемся в дальнейшем). Вскоре, в 1775 г., возник так называемый Постоянный совет — упорядоченный исполнительный орган, который при поддержке короля начал прокладывать дорогу нововведениям, воплотившимся наиболее полно в программе Гуго Колонтая — волынского шляхтича, уроженца с. Дедеркалы [в настоящее время Кременецкого р-на Тернопольской обл.].

Согласно взглядам Колонтая, на смену обветшалому республиканизму Речи Посполитой должна была прийти централизованная конституционная монархия с равными гражданскими правами для шляхты и мещан и сбалансированной представительной системой. Именно по этому пути пошел так называемый Четырехлетний, или Великий, сейм, заседавший с осени 1788 до весны 1792 г. И хотя большинству из принятых здесь реформ уже не суждено было воплотиться в жизнь, эти годы действительно всколыхнули общественно-политическую мысль в стране. Кульминацией Четырехлетнего сейма, над которым выразительно развевались лозунги Великой французской революции 1789–1793 гг. «Liberté, Egalité, Fraternité» [«Свобода, Равенство, Братство»], стало принятие Конституции 3 мая 1791 г., до сегодняшнего дня отмечаемое в Польше как национальный праздник. Конституция провозглашала «волю народа» высшим сувереном государства и определяла новые принципы государственного устройства: наследственность регулируемой законом монархической власти; уравнивание в правах шляхты и горожан; реформирование архаичных сеймовых практик, в том числе отмена *liberum veto*; образование централизованных органов исполнительной власти и т. п.

Ответом на эту — уже последнюю — попытку «направы» Речи Посполитой, в которой не была заинтересована ни одна из соседних великих держав, стала так называемая Война за второй раздел. Формально ее инициировали лидеры магнатской оппозиции Станислав Счастливый Потоцкий, Ксаверий Браницкий и Северин Жевуский, несогласные с принятием Конституции 3 мая, но фактически за ними стоял русский императорский двор. Екатерина II в одном из писем еще накануне провозглашения Конституции писала об этом с предельной откровенностью, предлагая сохранить выгодный для России прежний порядок вещей, поскольку для российских интересов нет ни нужды, ни пользы в том, чтобы Польско-Литовское государство упрочило свою дееспособность. Следовательно, сначала в Петербурге, а затем в г. Торговица [в настоящее время Уманского р-на Киевской обл.] в мае 1792 г. была провозглашена конфедерация, направленная против новой Конституции (уже через несколько дней к конфедератам присоединились русские войска). В конце июля 1792 г. была взята Варшава, а с августа по январь 1793 г. представители союзных государств согласовывали второй раздел Речи Посполитой, по которому Пруссия получала остатки Великой Польши, а Россия — Центральную Белоруссию и Правобережную Украину без Волыни.

Последней вспышкой сопротивления стало восстание марта—ноября 1794 г., возглавленное польским национальным героем Тадеушем Костюшко (1746–1817). Хотя формально Речь Посполитая еще существовала, дни ее

207. Аллегория разделов Речи Посполитой. Гравюра Лемира, конец XVIII в.

были сочтены, поэтому повстанцы призывали народ к оружию под лозунгом: «Погибнуть под обломками собственного края или освободить отцовскую землю от насилия и позорного ярма».

7 мая 1794 г. Костюшко издал знаменитый Полянецкий универсал, который освобождал крестьян от крепостной зависимости и призывал принять участие в войне; к восстанию также присоединились горожане, особенно жители Кракова, Варшавы и Вильно. Подавлять сопротивление принялись прусская и русская армии. В июне 1794 г. царские отряды завладели Краковом, в августе — Вильной, а 4 ноября русская армия во главе с Александром Суворовым штурмом взяла Прагу — предместье Варшавы. В этот день, докладывал Суворов, его солдаты уничтожили 12 тысяч «мятежников», а 2 тысячи утонули, в поисках спасения пытаясь переплыть

Вислу. За месяц до этого, в битве под Мацейовицами на подступах к Варшаве, попал в плен тяжело раненный Костюшко; по легенде, падая с коня (что и привело к пленению), он произнес сакраментальное: «Finis Poloniae!» [«Конец Польше»]. Так и произошло на самом деле: 25 ноября 1795 г. король Станислав Август Понятовский, к тому времени уже вывезенный в почетное заключение в Гродно, подписал отречение от престола — это был «подарок» Екатерине II, чьи именины приходились как раз на этот день. В июле 1796 г. был согласован, а 27 января 1797 г. подписан окончательный текст трактата между Россией, Пруссией и Австрией о третьем разделе Речи Посполитой, по которому она прекращала свое существование в качестве самостоятельного государства. Австрии отошла вся Малая Польша со столицей Краковом и Галицкая Русь со Львовом, Пруссии — Великая Польша и старые земли Ордена с городами Мальборк и Крулевец [нем. Кенигсберг, в настоящее время Калининград], России — Литва, Белоруссия, Волынь, Киевщина, Подолье.

Так в который уже раз был модифицирован рубеж между землями с русским населением, разделенным на этот раз на русскую и австрийскую части.

Граница в целом совпадала со старой (еще до Люблинской унии 1569 г.) границей Польского королевства и Великого княжества Литовского. Новым оказалось лишь деление по реке Збруч, пополам рассекавшей старое Подольское воеводство: его восточная часть с Каменцем и Летичевом принадлежала России, а западная — Австрии. Следовательно, 80% украинского этноса вошло в новый XIX в. в качестве подданных Российской империи. Царский манифест назвал это актом «освобождения и воссоединения» (обе дефиниции подхватит русская историография, а в дальнейшем и советские историки). Демагогическое лицемерие в отношении «освобождения» едва ли требует комментариев, потому что совершенно очевидно, что за царским «освобождением» стояло гораздо более жесткое принуждение, чем в парламентской (пусть и разбалансированной) Речи Посполитой. Оценка «воссоединения» не столь очевидна. Невзирая на всю противозаконность данного акта, совершенного путем агрессии, с подавлением сопротивления шляхты и при апатии замороченных пропагандой низов, объединение Волыни, Подолья и Надднепрянщины в рамках одного государственного пространства закладывало территориальную основу для новейшего «национального проекта», который уже совсем скоро начнет будоражить умы украинских интеллектуалов.

Шляхта и горожане: набросок социального портрета

Драматические коллизии в жизни Речи Посполитой XVIII в. и по сей день обычно отождествляют с историей Польши, что делает их для украинских исследователей «не своими», а следовательно, и весь этот период оказывается огромным «белым пятном» на карте прошлого Украины. А между тем активными действующими лицами, а нередко и лидерами бурного века являлись представители элиты всех территориальных составляющих Польско-Литовского государства — Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. Называя себя «польской» шляхтой, используя самоназвания «поляк» и считая своей родиной «Польшу», тогдашние литовцы, белорусы и украинцы еще не придавали этому слову этнического содержания, то есть «Польша» была для них, как и раньше, синонимом понятия «Речь Посполитая» — обозначением политической принадлежности и общешляхетской солидарности. Что же касается более конкретных мотивов их поведения, до сих пор совершенно не изученных, то здесь, похоже, ведущую роль играли сугубо местные реалии: издавна устоявшиеся формы локальных социальных иерархий, нюансы «окраинного» сознания, стабильность клиентарных и соседско-свояческих связей, наконец, региональная идентичность и региональный патриотизм. Эти приметы традиционного общества — архаичные

с точки зрения просветительских устремлений варшавских политиков — способствовали тому, что именно на окраинах Речи Посполитой поклонение шляхетскому идолу «старопольских золотых вольностей» оставалось особенно живучим. Самые яркие патриотические вспышки были связаны с шляхтой не польского, а литовского, белорусского или украинского происхождения. К примеру, на сейме 1773 г., ратифицировавшем первый раздел государства, единственным депутатом, заявившим публичный протест, стал шляхтич из белорусско-литовского Новогрудка Тадеуш Рейтан: в знак возмущения он разорвал на себе одежду и бросился на пол с возгласом: «Кто любит Бога, кто верен отчизне, пусть теперь от нее не отступается!..» Уроженцем белорусско-украинского пограничья был Тадеуш Костюшко, а волынская шляхта горячо поддержала Барскую конфедерацию. В частности, одним из ее видных идеологов, как уже упоминалось, выступал представитель старинного рода Вильгорских Михал, чьи предки вели свое боярское происхождение, вероятно, еще со времен Галицко-Волынского княжества. Здесь же, на Волыни, проявилось наиболее активное сопротивление реформам Четырехлетнего сейма, которые были расценены как покушение на «золотые вольности». Характеризуя настроения местной шляхты, Гуго Колонтай в 1792 г. писал королю:

Я настоятельно предостерегаю Вашу Королевскую Милость: обращаться с Волынью надо осторожно, потому что там — испорченные граждане...

В политических позициях этих «испорченных граждан» действительно странным образом переплетались совершенно противоположные полюса — страх перед русской экспансией и готовность сотрудничать с Москвой, консерватизм в отношении к крестьянскому вопросу и просветительские взгляды на прирожденные права человека, раболепие по отношению к магнатской верхушке и преклонение перед лозунгом «братства шляхты». В Варшаве считали, что волынская шляхта «только и ждет прихода Москвы, готовясь сесть вместе с ней на коней», и одновременно Бенедикт Гулевич, лидер волынской шляхты в 1780–1790-х гг. (и также выходец из старинного руського рода), рассудительно писал:

Не много получит Польша, если, сбросив ярмо 3-го мая [то есть Конституцию. — *Н.Я.*], вернется к ярму московских гарантий.

Еще один пример: в целом на Волыни к Гуго Колонтаю относились с антипатией, упрекая его в том, что он «публикует мятежные, принимая во внимание

крестьян-подданных, произведения». В то же время Гулевич в 1791 г. излагает свой взгляд на крестьянскую проблему также достаточно «мятежным» образом:

Я — сторонник вольности, не терплю деспотизма и не выношу, чтобы мной руководил какой-то пан. А мысля так, могу ли я стерпеть, чтобы миллионы людей были личными невольниками. Религия и республиканизм образуют во мне это чувство, и я должен следовать ему.

Анализируя настроения сторонников и противников реформ Четырехлетнего сейма, некоторые польские историки объясняют враждебность к ним шляхты Галиции, Подолья, Киевщины и Волыни тем, что здесь был слишком значительным неоседлый и малоземельный элемент, зависевший от оппозиционеров-магнатов. Действительно, бескрайние магнатские латифундии, на которых сидела «на кондициях» мелкая шляхта, оставались, как и ранее, характерной особенностью этих земель. Однако среди людей, формировавших политическое кредо местной общественности последней четверти XVIII в., мы видим как раз не магнатов, а прежде всего потомков старого руського панства-бояр — Ледуховских, Гулевичей, Вильгорских, Вороничей, Еловицких, Войн-Оранских и др. После падения Речи Посполитой часть из них переселится подальше от России, на австрийские земли, а часть сделает головокружительную карьеру в России (как, например, Вильгорские — вскоре блестящие санкт-петербургские придворные «графы Виельгорские»).

Абсолютная неизученность шляхетских сообществ XVIII в. в украинских воеводствах Речи Посполитой, к сожалению, не позволяет объяснить причины живучести панского авторитета и проследить мотивы жизненного выбора этих людей в момент падения Речи Посполитой. Так что остается лишь отметить саму проблему как весьма существенную для понимания тех жизненных катаклизмов, которые пережила шляхта Галиции и Правобережной Украины, оказавшаяся в конце XVIII в. в экстремальных условиях политической и мировоззренческой неразберихи.

208. Шляхтич. Рисунок Жана Поля Норблена, последняя четверть XVIII в.

Что же касается сферы образования и бытовой культуры, то интегрированность русьской элиты в польский мир прослеживается здесь намного рельефнее, чем в предыдущее столетие. И в дальнейшем широко бытует двуязычие, но уже с выразительной иерархией престижности: польский язык служит для дружеского и семейного общения шляхты, а сфера применения украинского ограничивается только сношениями с крестьянами. По-прежнему популярен поведенческий типаж «старопольского сармата» — отважного и грубоватого воина, верного сына отчизны, прямодушного защитника «золотых вольностей», которого объединяет с остальной шляхтой «братство крови». Укоренению этого поведенческого стандарта способствуют и магнатские дворы: как в Польше, так и в Литве, Белоруссии или Украине здесь господствует общая шкала ценностей, в которой главное место отведено мужским забавам: охоте, пьянству и «политике», то есть участию в сеймиковых съездах как главном сосредоточении

местной публичной жизни. Другая сторона «сарматских добродетелей» представлена наивной идеализацией старины, провинциальным консерватизмом и общекультурной ограниченностью, надежно отгороженной от мира неприятием всего чужого. Поэтому украинский шляхтич, наравне со своей «братией» других регионов Речи Посполитой, полностью соответствовал высмеиваемому в образованных варшавских кругах второй половины XVIII в. типу «старопольского сармата», который произносит длиннющие речи на ужасающей смеси польского и латыни, ест и напивается до чертиков, а на сеймиках рубится на саблях с соседом.

В то же время к новым мировоззренческим явлениям, которые начали выразительно оформляться с середины XVII в. и стали доминировать в первой половине XVIII в., относится фанатизация религиозной жизни, что было непосредственно связано с так называемой «конфессионализацией»,

209. Коронованная икона Богородицы. Шумск, первая четверть XVIII в.

проявившейся приблизительно одинаково во всех европейских странах и выражавшейся во введении четких формулировок правд веры, укреплении конфессиональной дисциплины, унификации религиозных практик, установлении контроля над паствой и т. п. Выразительным примером может служить «охота на ведьм»: по подсчетам исследователей, пик ведьмовских процессов в Польском королевстве приходится на вторую половину XVII – первую треть XVIII в. Для Руси аналогичные подсчеты еще не проведены, однако можно предполагать, что и она не осталась в стороне от «болезни века». Например, Львов в 1754 г. побил своеобразный рекорд в издании бессмысленной литературы о дьявольских кознях. Именно здесь была опубликована четырехтомная энциклопедия ксендза Бенедикта Хмелевского «Новые Афины, или Академия, наполненная разнообразным знанием», где среди прочего давались практические советы относительно распознавания ведьмовских примет, различных видов колдовства и т. п. Вспышка фанатизма стала одним из симптомов более широкого явления – экзальтации религиозных чувств, склонности к многолюдным церковным службам и торжествам, а также особого пиетета перед чудотворными культами (например, на протяжении XVIII в. на территории Речи Посполитой состоялась торжественная коронация 29 чудотворных икон, а впервые такая церемония была проведена в 1717 г., утвердив культ Ченстоховской Матери Божьей как «королевы Польши»). Религиозное дисциплинирование общества, без сомнения, должно было дать ощутимый толчок к растворению православной шляхты в католическом окружении. Это происходило тем естественнее, чем более массовым становился только что упомянутый поведенческий стереотип «старопольского сармата», не предусматривавший места для иноверцев. Впрочем, специфика религиозного мироощущения новообращенных русинов-католиков до сих пор не исследована, и некоторые свидетельства вынуждают поставить под сомнение прежнее мнение историков об их агрессивном прозелитизме, направленном на собственных подданных крестьян. Например, весьма характерными кажутся обвинения в адрес окраинных панов, высказанные в дневнике одного из варшавских придворных:

Не заботясь об общественном благе, они предпочитали, чтобы в их имениях строились церкви, а не латинские костелы, потому что церкви им ничего не стоили, кроме предоставленного общине дерева для строительства, тогда как обустройство латинского костела обходилось дорого...

Инвективы доброго католика красноречивы: шляхта не навязывала простонародью собственную веру, принудительно превращая «греческие» храмы

в костелы; иначе обстояло дело с католическими монастырями: их количество действительно значительно увеличилось в это время на руських землях. Однако, основывая их, паны едва ли вынашивали далекоидущие планы принудительной католизации. Речь шла о более прозаических вещах: монастырь становился престижным местом захоронения основателя и членов его семьи, поставлял капелланов для нужд панского двора, обеспечивал обслуживание церковных торжеств и праздничных служб, наконец, удостоверял набожность своих благотворителей, укрепляя их престиж в глазах соседей.

На конец XVIII в. приходятся и первые проявления «чуждачества» среди лиц польского происхождения, которые начинали вызывающе идентифицировать себя с украинской стороной. Начало этому, похоже, положил герой известной фольклорной баллады о Бондаривне, каневский староста Николай Потоцкий: в 1773 г. магнат-«неформал» перешел из католического обряда в униатский и стал щедрым ктитором Почаевской лавры, выступив инициатором, помимо всего прочего, коронации образа чудотворной Почаевской Богородицы. Подобную трансформацию пережил Август Яблоновский (1769–1791) — сын новогрудского воеводы, рожденный в Дрездене, а воспитанный в г. Ляхивцы на Волыни на попечении дворака Стефана Матюшенко. Поселившись в материнском имении в г. Стеблеве [в настоящее время Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл.], Яблоновский в 1788 г. перешел в униатство, отпустил казацкий оселедец и освободил часть подданных от барщины, организовав из них надворный казацкий отряд в 500 всадников. Остается напомнить, что восхищение украинским прошлым вскоре станет еще более распространенным явлением среди польской и полонизированной шляхты и сначала выльется в романтическое — так называемое «украинское» — течение в польской литературе, а с середины XIX в. и в сознательное обращение к украинскости молодых людей из правобережных шляхетских семей Рыльских, Антоновичей, Старицких, Косачей и многих других.

* * *

Жизнь руських городов XVIII в., в отличие от шляхетской, выглядит достаточно бесцветной. Упадок городских центров как очагов экономики и торговли, характерный для всей Речи Посполитой конца XVII–XVIII в., не обошел стороной и Украину. Абсолютное большинство поселений городского типа, количество которых возросло еще столетие тому назад, так и осталось мелкими частновладельческими населенными пунктами с символической формой самоуправления и преобладанием среди их жителей не ремесленников, а сельскохозяйственных производителей. Например, в Волынском

воеводстве в 1770-х гг. частным владельцам принадлежало 90,4% поселений городского типа, в Брацлавском — 98, в Киевском — 69,7, в Подольском — 77,2%. Статус жителей этих городов фактически был приравнен к статусу крестьян-подданных, а ремесло, которым они занимались, подчинялось надобностям панского двора и удовлетворению спроса собственной сельской округи. Свободные, или так называемые королевские, города в гораздо большей степени, чем прежде, ощущали на себе давление администрации старост, которая игнорировала городское самоуправление, вмешивалась в действия магистратов, облагала мещан налогами и повинностями сверх нормы. Параллельно наблюдается разложение городского самоуправления изнутри, что проявилось в падении авторитета выборных властей, их коррумпируемости, взяточничестве, финансовых злоупотреблениях. Общеизвестным среди исследователей является и то, что заметно снизился уровень жизни горожан, а следовательно, ухудшилось состояние застройки, деградировало городское школьное образование и формы городской жизни в целом. Городская магдебургия старела на глазах, превращаясь в анахронизм, и нечего было надеяться, что правительство, занятое проблемой выживания самого государства, проникнется заботой об ее обновлении.

Новой страницей в жизни частных городов стало основание на их территории панских «мануфактур», в которых наряду с крепостными работали вольнонаемные рабочие. Потоцкие открыли в Тульчине фабрику «ординарных сукон», а в Махновке — чулочную, экипажную и крахмальную фабрики; Чарторыйские в Корце — фабрику по производству «фаянса, равного английскому»; Плятеры в Немирове — полотняную фабрику и т. п. Эти мануфактуры постепенно вытесняли соответствующие отрасли городского ремесла, подрывая цеховую систему, которая и без того дышала на ладан. Мода на городские шляхетские резиденции, которая стала распространяться со второй половины XVII в., наполняла город контингентами панских слуг и другим чужеродным элементом (насколько широкой была упомянутая мода, может служить

210. Николай Потоцкий.
Портрет Якова Головацкого,
1770-е гг.

пример Перемышля, где в начале XVIII в. из 31 каменного дома на рыночной площади 15 принадлежали шляхте). Зависимые от панов люди увеличивали прослойку населения, неподвластного магистрату и вообще чужого в городской среде, что также приводило к деградации традиций самоуправления.

Отдельного внимания заслуживают межэтнические отношения в городах. В целом можно констатировать постепенное сглаживание конфликтов между поляками и русинами даже в Галиции, где еще до недавнего времени конкуренция и религиозные трения делали их достаточно острыми. Это, без сомнения, стало следствием перехода руського населения в униатство, что повлекло за собой отмену дискриминационных ограничений на занятие ими выборных должностей в органах самоуправления и на другие формы участия в городской жизни.

Вера бедных: феномен хасидизма

Как и в предшествующие века, самобытным элементом этнической палитры городов оставались евреи. Численность еврейского населения городов и местечек в конце XVII — на протяжении XVIII в. существенно выросла благодаря протекции магнатов, заинтересованных в посред-

нических и арендных услугах. Следовательно, только на территории Галиции во второй половине XVIII в. проживало около 30% евреев Речи Посполитой, в которой в целом их насчитывалось более 600 тысяч человек — приблизительно треть еврейского населения тогдашней Европы. По подсчетам Ежи Мотылевича, во многих поселениях западного пограничья Галицкой Руси евреи составляли до половины, а порой и более мещанского населения: в Добромиле — 70,2%, Перемышле — 55,6, Дрогобыче — 58,8, Ряшеве — 49,8, Сяноке — 36,4, Ярославле 22,3%. Подобное соотношение было характерно и для остальной руськой территории, поэтому именно в XVIII в. формируется известный вплоть до Второй мировой войны колоритный тип галицкого, волынского, подольского или киевского местечка как еврейского «штетла» с обязательной синагогой и школой, со звучащими на улицах и базарах тремя — еврейским, украинским и польским — языками. Дополнительно этому способствовало и то, что при

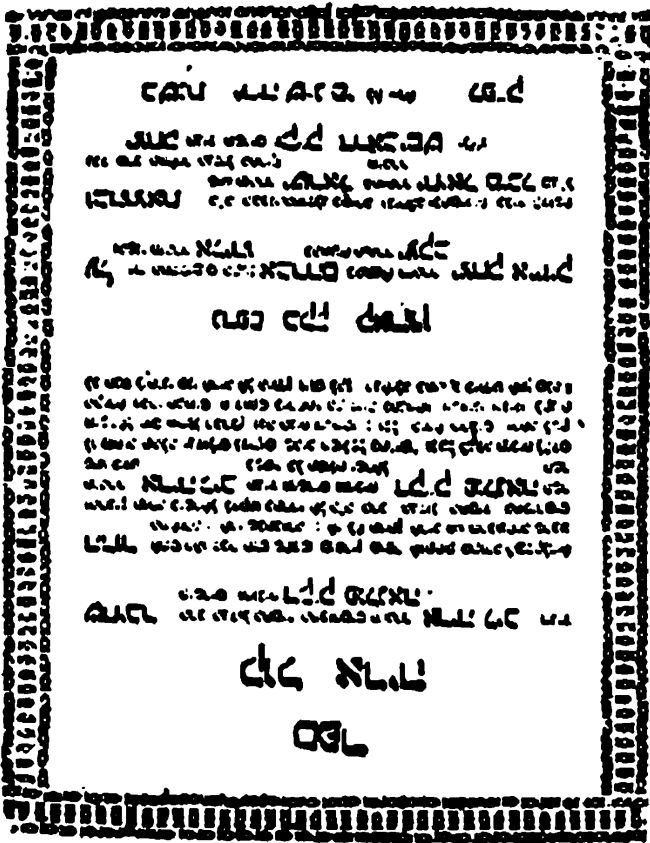

211. Арендарь Давид Лейбович. Любительский рисунок начала XVIII в.

Петре I было осуществлено принудительное выселение евреев из Российской империи. Запрещение на проживание в пределах России лицам иудейского вероисповедания повторялось при императрицах Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине II (именно тогда кенигсбергский раввин Лейб Эпштейн даже написал трактат о том, что евреям нельзя жить в Санкт-Петербурге, потому что в период белых ночей верующий еврей не может точно определить время утренней и вечерней молитвы). Поэтому еврейское население скапливалось в Речи Посполитой, а когда восточные территории бывшего Польско-Литовского государства оказались в составе Российской империи, именно здесь проляжет так называемая «черта постоянной еврейской оседлости».

Занятия еврейского населения оставались традиционными — торговля, ростовщичество, арендаторство, корчмарство и нецеховое ремесло. Что касается первого, то здесь даже наблюдается отчетливое доминирование еврейских купцов, сосредоточивших в своих руках три четверти вывоза всех товаров. Среди ремесленников традиционно зажиточными были золотых дел мастера, тогда как представители бытовых ремесел — сапожники, портные, скорняки, стекольщики — имели еще более скромные доходы, чем их коллеги-христиане. Считают, что именно в XVIII в. в еврейском сообществе резче, чем до того, стала проявляться имущественная поляризация. Накопив достаточно большие капиталы, зажиточная верхушка купцов, ростовщиков и ювелиров начинает все чаще переселяться из еврейских кварталов в престижные части городов, окружая свой быт роскошью. На фоне обнищания горожан, о чем упоминалось выше, это провоцировало особую неприязнь христианского населения, заканчиваясь погромами, как, например, в Заславе на Волыни (1747) или Житомире (1753), где имели место фанатичные эксцессы христианской толпы против евреев, обвиняемых в ритуальных убийствах. Впрочем, евреев-богачей насчитывались единицы, а в целом еврейское сообщество нищало, разделяя судьбу остального городского населения. В последней четверти XVIII в., по подсчетам исследователей, каждый двенадцатый еврей Речи Посполитой не имел стабильных средств к существованию, а каждый шестидесятый был попрошайкой.

Имущественная поляризация подчеркивала образовательную бездну между полунищей массой и рафинированными интеллектуалами, проводившими ученые талмудические диспуты и заботившимися о школах и типографиях. Необразованные сельские лавочники, корчмари, разносчики товаров, ремесленники могли приобщиться к религиозной жизни лишь в синагогах, где господствовала недоступная для них ученость, а между тем нищенский быт, наполненный борьбой за существование в недоброжелательном окружении,

212. Титульный лист книги проповедника хасидизма Арье Лейба бен-Абрагама из Полонного (Корец, 1798)

нуждался в эмоциональной, понятной простому человеку вере. И вот в 1730-х гг. среди бедноты возникает мистическое религиозное движение, которое считают одним из крупнейших переворотов в духовной истории евреев — своеобразным аналогом христианской Реформации. Родиной хасидизма (от слова «хасид» — благочестивый) суждено было стать украинскому Подолью. Именно здесь, в Меджибоже [в настоящее время районный центр Хмельницкой обл.], родился его легендарный основатель Израель бен Элиезер (ок. 1700–1760), который получил от современников имя Баал Шем Тов, то есть в дословном переводе «Обладатель Доброго Имени». После многолетних скитаний по еврейским общинам Галиции и Подолья в роли странствующего знахаря и проповедника Баал Шем Тов около 1740 г. осел в Меджибоже, окружив себя учениками. Письменных трудов основатель хасидизма, за исключением нескольких писем,

не оставил, поэтому впоследствии его ученики распространили афористические высказывания учителя и систематизировали суть его проповедей и бесед. Один из них, раввин Яков Иосиф из волынского Полонного, в 1781–1782 гг. напечатал три сборника собственных проповедей, которые опирались на учение Баал Шем Тоба.

Его суть можно охарактеризовать формулой «Вся земля наполнена Богом», то есть весь мир является проявлением божественного, поскольку Бог присутствует везде и во всем. Постоянная связь между Богом и человеком выражается, по представлениям хасидов, не только во влиянии Бога на человеческие дела, но и, наоборот, в способности человека силой своей молитвы «повлиять» на Бога и через Него — на мир. Каждый человеческий поступок определенным образом отзывается в небесных сферах, но наибольшую роль играет молитва, которая из механического ритуала должна стать возвышенным порывом к небу, освобождением человека от материальной оболочки. Наиболее полно осуществляет такое слияние с Богом «праведник» — цадик: его молитва способна влиять на небесные сферы действеннее, чем молитвы обычных евреев.

Душой он постоянно находится на небе, а его земная функция — спасти души людей, поэтому каждый верующий должен передать себя под его духовную опеку (цадиками стали ученики Баал Шем Това и их потомки, статус цадика, наставника и судьи своей общины, считался наследственным, поэтому сформировались целые династии цадиков, которые продолжают до наших дней). Укрепить же веру можно только тем, что каждый человек станет в повседневной жизни благочестивым — хасидом. Вот как выглядит эта установка в одной из раввинских проповедей:

Существует талмудическое высказывание: «Если все люди раскаются, то придет Спаситель-Мессия». И тогда я решил сделать что-то для этого. В успехе я не сомневался, но с чего начать? Мир столь огромен! И я решил начать со своей страны, которая известна мне неплохо. Но и страна моя слишком велика, так не лучше ли начать с моего города? Но и город мой огромен, начну-ка я лучше с моей улицы, нет — с моего дома, нет — с моей семьи. А по-видимому, придется-таки начать с самого себя!

Остается добавить, что экзальтированный (украинский) вариант хасидизма не прижился в Литве и Белоруссии, где еврейское население было более образованным. Зато большой популярностью там стало пользоваться хасидское течение, начало которому положил в конце XVIII в. знаменитый иудейский теолог Шнеур Залман. Оно более рационально, в частности в нем приуменьшена роль цадика и религиозного экстаза в молитве. Именно в этом варианте хасидизм существует до наших дней, охватывая тысячи последователей по всему миру; священной прародиной своей веры евреи-хасиды считают Меджибож, где был похоронен Баал Шем Тов, а также украинские города Умань, Брацлав и Полонное, связанные с именами его учеников и последователей.

Крестьянская проблема.

Социальный бандитизм: опришки и гайдамаки

На протяжении XVIII в. во всех восточноевропейских странах, где еще сохранялась, в отличие от Западной Европы, зависимость крестьян, заметно обостряется крестьянская проблема. Ученые считают ее логическим следствием стремления элит ко все более роскошной жизни, которая повлекла за собой переориентацию панского хозяйства с внутренних потребностей на рынок с целью получения средств для роскошного образа жизни — отныне уже обязательного атрибута высших сословий, для строительства дорогостоящих

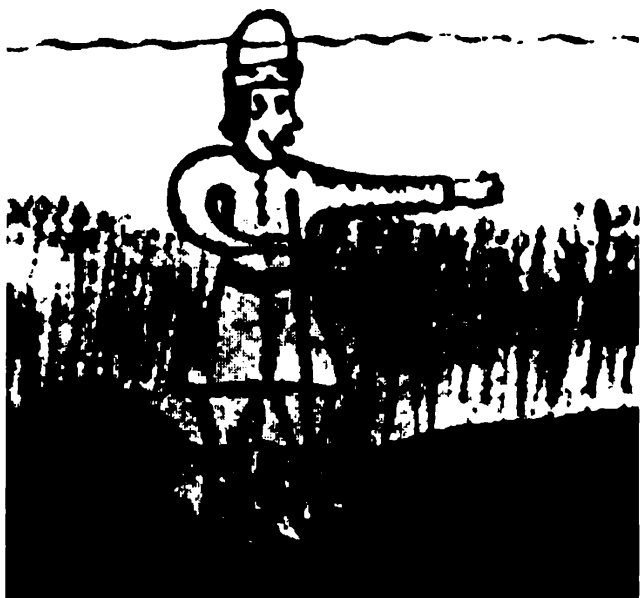
дворцов и обустройства дорогих парков, для покупки предметов роскоши. В России спорадические выступления простонародья переросли в кровавую крестьянскую войну 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева. Один за одним вспыхивали — в ответ на усиление барщинного принуждения — крестьянские бунты в Венгрии (1735, 1753, 1755, 1764, 1765). В казацкой Гетманщине на Левобережной Украине середины — второй половины этого же века фиксируются крестьянские беспорядки в Стародубском, Миргородском

и Лубненском полках, на Новгород-Северщине, Слобожанщине. Что же до украинских регионов Речи Посполитой, то здесь ситуация дополнительно осложнялась, как уже упоминалось, враждебностью к «чужому» пану — «ляху/католику», а взрывы ненависти подкреплялись памятью о не таком уж и давнем «казацком времени».

Характерной для когда-то принадлежавшей Речи Посполитой части Украины деталью было и то, что местные магнаты из-за огромных размеров своих латифундий (к примеру, Потоцким в одном лишь Брацлавском воеводстве принадлежало 18 тысяч кв. км земли) управляли ими не напрямую, а через аренды и субаренды, то есть над крестьянином возвышалась целая пирамида владельцев, которые удовлетворяли свои аппетиты путем дополнительных взысканий. Объем и характер крестьянских повинностей был

в разных местностях неодинаковым. Наиболее тяжелыми они были там, где барщинное принуждение в свое время не было поколеблено казацкой революцией, — в Галиции, на Волыни, Западном Подолье. Например, на Волыни отработки с крестьянского двора в пользу панского хозяйства выросли на протяжении XVIII в. в среднем с 194 до 240 дней в году, а в Галиции в конце века могли достигать 300 дней. Кроме этого, крестьян обязывали к многочисленным дополнительным работам — починке мельниц, дорог и прудов, перевозке грузов, прядению шерсти и т. п.

Увеличение объема повинностей сверх устоявшегося обычая чаще всего инициировалось временными пользователями — арендаторами и субарендаторами. Это ярко иллюстрируют тогдашние крестьянские жалобы

213. Крестьянин в поле.
Любительский рисунок 1765 г.
в рукописи драмы Георгия Кониского
«Воскресение из мертвых»

(суплики), адресованные владельцу. Например, в одной из них (1758 г.) жители сел Тершова и Завадки Самборской королевской экономии так описывают увеличение барщины, введенное арендатором: раньше день пахоты или перевозки снопов или сена считался за два дня барщины, а теперь — за один; за доставку одной телеги дров записывали день барщины, а теперь за то же требуют две телеги; разбрасывание в течение половины дня навоза в поле считалось за день барщины, а теперь за то же нужно работать полный день и т. д. Конфликты с арендаторами становятся едва ли не основной особенностью крестьянской жизни. Мирной попыткой решить их были жалобы, в которых после перечисления несправедливостей обычно добавлялось: «А как на это не будет панской милости наших вельможных дидичей, выйдем из села» (так называемые «побеги», то есть переходы крепостных на другое место жительства, оставались для XVIII в. столь же частыми, как и столетие тому назад). Однако жалобы не слишком помогали беде, потому что вельможный пан был далеко, а арендатор чувствовал себя в селе царем и богом. Вот как колоритно описывает именно такую ситуацию повторная жалоба жителей с. Белая Камень-Подольского староства 1789 г.:

После отъезда ясновельможных панов и любезнейших господ [комиссаров, которым была подана первая жалоба. — *Н.Я.*] более ста человек уже наказано, но это еще не все, а по-прежнему нам выговаривают*: «Вот ваша суплика: Что же вы себе думали, что это ваши отцы приехали и, значит, суплику подали, а ваши отцы в Белой не задержались, к черту поехали, а мы как были вашими панами, так и будем, сучьи дети» — и в смех...

Случались и более резкие формы протеста — угрозы, драки, поджоги дворов и т. п. Однако в целом этим спонтанным вспышкам возмущения было далеко до той опасности, которую скрывало в себе бунтарское Поднепровье, хотя здесь барщинное принуждение не шло ни в какое сравнение с остальными регионами. Основные повинности в бывшем центре Руины, заново колонизованном на протяжении 1730–1740-х гг., сводились к денежному налогу (чиншу) и натуральной подати (именно эта форма зависимости охватывала 70% местных крестьянских хозяйств). Во многих местностях долго сохранялись «слободы», то есть льготные поселения, вообще освобожденные от уплаты налогов. Впрочем, и сами налоги в сравнении с галицкими или волынскими часто

* До этого места текст суплики составлен по-польски, а далее угрозы арендаторов крестьяне излагают дословно, то есть по-украински.

выглядели чисто символическими. Однако это, как мы убедимся в дальнейшем, не смягчало напряжения, потому что состав местного населения существенно отличался от населения внутренних регионов страны, формируясь из пришлого элемента — энергичного, предприимчивого, а иногда и авантюрного. Кроме того, когда на старые места в 1730-х гг. вернулась изгнанная Петром I Запорожская Сечь, ее близость вновь стала ощущаться на Киевщине и Восточном Подолье. Что же касается запорожцев, то они всегда чувствовали себя здесь как дома — ведь это была их земля, на которой веками проливалась казацкая кровь, поэтому «гулять» по ней они считали своим неоспоримым правом. А кому симпатизировали крестьяне, чужой «лядской» власти или запорожским ватагам, спрашивать излишне.

* * *

Вот на таком неоднородном фоне в двух пограничьях Речи Посполитой (киевском — на границе с Запорожской степью и галицком — в лесах и полонинах Карпат, где проходила граница Польского королевства, Валахии и Венгрии) огромного размаха достиг социальный бандитизм, который тогдашние источники именуют опришковством и гайдаматчиной. Слово «опришок» (вероятнее всего, заимствованное из румынского, где оно обозначало разбойника) встречается в официальных актах с 1550 г., а слово «гайдамака» (от турецкого *haydamak*, то есть «разбойник») — с конца XVII в. Избегая пейоративного содержания правительственной терминологии, фольклорная традиция часто называет опришков «черными парнями», а гайдамаков «бурлаками» (от татарского «бродяга»). Впоследствии бурлаками стали называть также отходников и странствующих батраков, однако первоначальное значение этого слова ярко выражено, к примеру, в одной из песен гайдамацкого цикла: по призыву одного из «бурлаков» собираются хоронить атамана все «бурлаки», которые сами себя по казацкому обычаю называют «паны-молодцы»:

Гей, збирайтеся, панове молодці,
та все народ молодий!
Гей, збирайтеся, панове молодці,
в славний лісок Лебедин...

Гайдамаков и опришков фольклорная традиция изображала как благородных разбойников, отбирающих у богачей несправедливо нажитое добро и раздающих его бедным, защищающих обиженных и убогих. Вот как, например, это звучит в легенде о самом знаменитом опришке — Олексе Довбуше (†1745):

Разбивали тех панов, которые крестьянам кривду причиняли; у богатых брали, а бедным раздавали; за нас заступались и нас защищали от всякой беды.

В действительности и первым и вторым случалось «разбивать» не только панов, но и своего брата-простолюдина (естественно, зажиточного), однако симпатии к ним крестьянской массы от этого не уменьшались. Разбойников, как свидетельствуют тогдашние источники, охотно поддерживали в селах — кормили, прятали, лечили. В судебных документах мы все время сталкиваемся с упоминаниями о том, как опришки или гайдамаки действуют «в согласии и союзе или сообща и в хорошей дружбе» с жителями сел и местечек, а в Надднепрянщине еще и с монахами мелких православных монастырей (таковые существовали на протяжении всего XVIII в., считаясь, как уже упоминалось, «заднепрской» частью Переяславской епархии).

Опришки, как и гайдамаки, кроме симпатий населения, обладали еще одним существенным преимуществом. Действуя в пограничной полосе, ватаги молодцев, в отличие от правительственных карательных отрядов, переходили ее без колебаний. Центром опришковства было так называемое Покутье — пограничье Польши, Валахии и Венгрии в Карпатах между реками Днестр и Черемош, отделенное хребтом Черногорья. Опришковские ватаги (как и гайдамацкие) собирались весной, когда деревья покрывались густой зеленью. Избирая в качестве постоянного места пребывания малодоступные горные верховья и оттуда спускаясь вниз, они нападали на заранее выбранные усадьбы, а в случае преследования молниеносно убегали только им известными тропами на территорию какой-то из соседних стран. Стоит напомнить, что по ту сторону границы действовали свои разбойничьи ватаги, потому разделить опришков-«венгров» (русинов или молдаван из буковинского нагорья) можно разве что условно, на основании государственного подданства. Ну а для самих разбойников это вообще не имело никакого значения, поэтому мы и встречаем столь часто упоминания о своеобразных «международных» ватагах.

214. Горные разбойники.
Народная картинка из Подгалья

Невзирая на сходство целей и принципов формирования, опришковские ватаги существенно отличались от гайдамацких. Группы опришков скорее напоминают архаичные «союзы сильных юношей», вступая в которые молодой человек как бы переступал черту нормативного мира. Если судить по преданиям о самом популярном среди «черных парней» — Олексе Довбуше, присоединение к ватаге сопровождалось присягой на топорцах — гуцульском боевом оружии, завершавшейся словами:

А если я не соблюду присягу — пусть меня не минет этот топор и это опришковское оружие на земле и под землей...

215. Олекса Довбуш.
Народная картинка

Языческая присяга на оружии, завершающаяся именно таким речевым оборотом, известна уже со времен Киевской Руси, но произнесенная устами человека XVIII в., уже много веков исповедующего христианство, она наводит на размышления. Впрочем, гуцульская языческая мифология, как известно, считается одной из наиболее живучих в славянской традиции. Ею, в частности, культивируется и символический образ топорика — оружия пращуров-великанов («лелетов»), которые, согласно гуцульской легенде, когда-то жили в Черногоре — центре вселенной, откуда народы разошлись в разные стороны. С рудиментами архаичного мировоззрения связано также только что процитированное упоминание присяги о мире «под землей»: как видно из известной песни о ранении и гибели Довбуша, места телу разбойника там не нашлось. Умирая, он обращается к опришкам с просьбой «поднять [его тело] на топорцы и отнести в Черногору», но не хоронить там, а иссечь «в маковую крошку». Напротив, награбленные сокровища принадлежали земле. Смертельно раненный Довбуш (1745), перенесенный представителями власти из леса в с. Космач, на вопрос, где спрятаны добытые им ценности, как свидетельствует протокол, ответил: «В горной долине в Черногоре. Бог знает, я знаю. Земля ими будет пользоваться». Не менее загадочен набор сакральных предметов, найденных у Довбуша: наряду с христианскими ладанкою, бутылкой освященного масла и деревянным крестиком были у него «девять зерен в узелке» и «перья разных птиц». Без детальных этнологических исследований неясными остаются также истоки опришковского обычая

не спасать, а добивать раненых и больных членов ватаги во время похода, что наивно было бы объяснять всего лишь инстинктом самосохранения: тот, у кого он был в достаточной степени развит, не ходил в опришки.

Опришковство как форма социального бандитизма продержалось в Карпатах с середины XVI в. до 1720–1730-х гг., испытав наибольший подъем именно в эпоху, о которой здесь идет речь. За три века оно выработало собственные ритуалы и символику, объяснить которые можно только в том случае, если отказаться наконец от взгляда на этот феномен как на один лишь криминал или «форму классово-борьбы крестьян западноукраинских земель против крепостничества и гнета поработителей». Полагаю, что расшифровка глубинных мотивов поведения опришков даст возможность понять внутреннюю структуру и неписанные законы опришковских гуртов. Стоит добавить, что это облегчается наличием сравнительного материала по аналогичным группам «благородных разбойников» в румынских, венгерских и словацких горных регионах, а также на Балканах.

Пограничный фактор играл определяющую роль и в феномене гайдамачины. Через пограничную полосу между Россией и Речью Посполитой запорожские ватаги с территории Поля, контролируемой Сечью, переходили на Киевщину, базируясь, как правило, в Черном лесу (фрагменты этого лесного массива до сих пор сохранились между городами Смела, Каменка и Чигирин). Отсюда, обрастая сообщниками-крестьянами (или «мужиками», как называют их гайдамаки-запорожцы), разбойничьи группы осуществляли рейды на усадьбы шляхты и евреев-арендаторов, костелы, местечки, хутора. Тактика этих нападений основывалась на выработанных веками татарско-казацких приемах степного разбоя. Опорной базой отряда был закладывавшийся в безопасном месте кош [с тюркского — «стойбище», «лагерь»], а уже отсюда отдельные конные разъезды, участники которых брали с собой по несколько коней для быстрого перемещения, отправлялись на опасный промысел. Вернувшись с награбленным, гайдамаки «дуванились» [от турецкого *divan* — «собрание», «раздел добычи»], а затем врассыпную или вместе, как посчастливится, отступали назад через границу на сечевую территорию или еще дальше — в пограничные земли ханской Степи. Эти перемещения локализовались в полосе, которую в настоящее время занимает юг Черкасской и северная и западная части Кировоградской областей. Безупречная ориентация в лабиринте степных балок и урочищ вдоль притоков Южного Буга, Ингула и Ингульца позволяла гайдамакам без особых трудностей избегать преследования и даже перегонять между пограничными пунктами захваченный скот, направляясь к центру Бугогардовской паланки на Буге ниже впадения р. Синюхи (об административно-территориальном делении владений Запорожской Сечи см. подробнее ниже).

216. Гайдамак.
Рисунок XVIII в.

Основной добычей гайдамаков были не столько захваченные ценности, сколько скот — его перегоняли стадами, отарами, табунами нередко до тысячи голов. Краденый скот сразу же перепродавали в пограничных селах, местечках и на самой Сечи. Походы запорожских ватаг, которые сами гайдамаки на допросах называли хождением «в Польскую область по добычу», не раз инспирировались руководством Бугогардовской паланки, поскольку приносили определенную выгоду и ему. Понятно, что от пойманных властями разбойников-неудачников паланка категорически отмежевывалась, заявляя, как, например, на пограничной комиссии в 1751 г., что «в претенсии полской не есть причиною, ибо в Запорожском Войске Низовом бивает по своей охоті и разних нацей, а потом возвращаются паки в свои отечества, и тамо или инде где от них либо какіє послідовали зліє поступки, то оноє Войску Запорозькому Низовому почитать не есть прилично и ненадежно».

Традиционность степного разбоя диктовала не менее традиционную, то есть казацкую, структуру гайдамацких ватаг. В отличие от опришковских групп побратимов, связанных взаимной клятвою, гайдамаки создавали сугубо военные отряды (часто достаточно крупные — до 300–500 человек) для отдельных акций. Во главе таких отрядов, помимо выборного атамана, нередко стоял еще и есаул, а к главному — запорожскому —

ядру по принципу создания наемнических «затяжных рот» присоединялись на местах «затяжные казаки» и «мужики». Бывало, что гайдамацкие отряды ходили под боевым знаменем — хоругвью, выстроившись пешим и конным строем. Как дисциплинированная вооруженная группа, они, по свидетельству тогдашних источников, особенно заботились о том, чтобы забрать с поля брани убитых и раненых, вывозя их на телегах, а затем устраивая павшим почетные воинские похороны. Вот как, например, описывается такой церемониал в русских оперативных донесениях 1750 г.:

...при котором де погребении было их, гайдамак, боле 100 человек и все при том чинили пальбу, а по погребении после пальбы зарядили ружья свои с пулями...»

В сообщении варшавской газеты «Kurier Polski», где под 1736 г. рассказывается о повешении гайдамаков под Уманью, мы находим похожее свидетельство: «После отхода наших разъездов эти гайдамаки, заскочив в те же места, поснимали трупы и под залпы похоронили их».

В годы войны за престол между Августом III Саксонцем и Станиславом Лещинским (1733–1734) разбойничья гайдаматчина впервые приобрела политический подтекст. В конце 1733 г. союзное Саксонцу русское войско вступило на Правобережную Украину, обратившись за поддержкой к местному населению. Это молниеносно трансформировалось в призыв «бить панов» и вызвало появление целого ряда гайдамацких ватаг, состоящих из казаков, жолнеров, крестьян и различного криминального элемента. Среди них быстро выделился отряд Верлана, бывшего сотника шаргородской надворной милиции Любомирских, который объявил себя гайдамацким полковником и даже взял штурмом Жванец, Броды и Збараж. После победы Августа Саксонца Верлан отступил в Молдавию; его последующая судьба неизвестна. Параллельно действовало еще несколько гайдамацких отрядов — запорожцев Матвея Гривы и Медведя (оба до 1736 г. совершали наезды на шляхетские усадьбы и даже города — Винницу, Паволочь, Сквиру, Погребище, Крилов, Чигирин), а также прежнего сотника надворной милиции князей Четвертинских Савы Чалого. После 1735 г. Чалый бежал на Сечь, в 1740 г. опять вернулся на княжескую службу, но уже в следующем году был казнен как изменник одной из гайдамацко-запорожских ватаг. Объединенными усилиями русской и польской армий вспышку бунтарства 1734–1735 гг. удалось погасить. Пленных гайдамаков по закону военного времени вешали на месте, часто — специально на русско-польской границе «для устрашения других разбойников». Уже упоминавшаяся газета «Kurier Polski» в январе 1737 г. писала:

Казаки, или гайдамаки, разъезжают по границе, прячась в пасеках и приднепровских лесах. Потерпев несколько поражений от нашего войска, они уже не осмеливаются врываться в нашу страну, а потому местные жители защищены от этих разбойников...

Этот оптимизм оказался преждевременным. Та же газета на протяжении 1737 г. регулярно публикует известия о том, что в окрестностях Летичева,

Смелы, Белой Церкви, Крылова, Шаргорода, Немирова, Лисянки и Суботова раз за разом появляются гайдамацкие ватаги, которые

врываються, хватают все, что могут схватить, и исчезают, потому что разьезды не могут их выследить — они словно сквозь землю проваливаются.

Ведя эту необъявленную войну, карательные отряды ловили и казнили едва ли не каждого попадавшегося на глаза запорожца. Своеобразный рекорд, в частности, поставила уманская военная администрация, которая в течение 1737–1741 гг., как видно из реестра канцелярии Коша Войска Запорожского, распорядилась повесить 110 сечевиков. Из-за немногочисленности регулярных войск (сокращенная Немым сеймом армия Речи Посполитой была в состоянии выставить на всю Правобережную Украину не более 4–5 тысяч воинов) большую роль в борьбе с гайдаматчиной начали играть надворные магнатские отряды, или так называемая «надворная милиция», формировавшаяся из пестрого казацкого элемента — казаков Гетманщины и бывших запорожцев. Опираясь на нее, магнаты в который раз забывали старую поговорку, согласно которой казаком против казака воевать — все равно что волком пахать: и Верлан, и Сава Чалый, а вскоре и Иван Гонта начинали со службы в надворных отрядах.

Русское правительство, со своей стороны, грозно требовало от сечевого руководства, чтобы гайдамаки не выходили с территории Войска Запорожского, а также чтобы на Сечь «впредь приеманны не были, но вовся искореняемы без пощады». Русские военные отряды, как и польские, регулярно гонялись за гайдамаками, впрочем, часто констатируя в рапортах, что их «никак взять было немочно», напротив, разбойники еще и угрожали, что «команду выколят». В целом же, как констатировал в рапорте 1750 г., направленном в Санкт-Петербург, киевский губернатор Михаил Леонтьев, «вышеописанные злодеи не толико умяютца, но от времени к времени умножаютца».

Взрыв Колиивщины 1768 г.

На рубеже 1765–1766 гг. гайдамацкая проблема была усугублена церковным конфликтом. Как уже упоминалось, сельские и городские приходы Поднепровья были униатскими, но параллельно существовало несколько православных монастырей, которые относились к «заднепрской» Переяславской епархии. На призыв Мельхиседека Значко-Яворского, игумена одного из этих монастырей — Мотронинского под Чигирином, священники 150 приходов

объявили о своем обращении в православие и подчинении о. Мельхиседеку, который к тому времени исполнял функции наместника Переяславского епархиального правления на Правобережье. Ответом униатских церковных властей стали репрессии, направленные на «новосхизматиков», а в июле 1766 г. по обвинению в шпионаже был арестован и сам Значко-Яворский. Обиженный клир, в свою очередь, взял под защиту жаботинский сотник Харко, якобы заявив, как пишет один из представителей местного униатского духовенства, что «смог бы поднять еще большее восстание, чем покойный Хмельницкий». Харко схватили и казнили как мятежника (по другим данным, убили в Жаботине), и, как утверждается в только что упомянутой записке, «ужас охватил весь местный край». «Ужас», по-видимому, не слишком точное слово для определения глухой враждебности простонародья, которое привыкло видеть виселицы, отчего, впрочем, «разбойничьего разгула» не становилось меньше. Вернее было бы сказать, что в Поднепровье наступило предгрозовое затишье, которое разразится громом весной 1768 г.

Роль искры суждено было сыграть Барской конфедерации. Руководствуясь лозунгом «защиты веры и вольностей», баряне силой сгоняли людей в Канев, Чигирин, Смелу и принуждали присягать на верность конфедерации. Гонения настигли также «новосхизматиков»: их угрожали «вырезать на корню». Как говорится в одной из тогдашних жалоб, написанной мещанами Канева,

конфедераты чинили по всей Украине разные жестокости и беспорядки, поэтому в результате такие непристойные поступки дали повод к гайдаматчине...

Жители г. Мошны точнее передают то, чего опасалось от конфедератов простонародье. В жалобе на своего урядника они утверждают, что тот вознамерился на них «конфедерацію спровадити, то єсть ляхов, чтобы з нас, християн, кождый в живих не остался...».

Точный диагноз вспышке позже поставят и в Санкт-Петербурге. В императорском указе от 12 июля 1768 г. говорилось:

Бунт польських в Украине и Подолии крестьян должно считать следствием Барской конфедерации, ибо тут фанатизм католиков возбудил равной и в наших единовѣрных...

Авторы петербургского манифеста, однако, не упоминают главного — собственной роли в ходе событий. А их хронология была следующей:

в середине марта 1768 г. конфедераты издали первые зазывные универсалы, а уже между 20–26 марта, как свидетельствовал потом на допросах вождь повстанцев Максим Зализняк, к нему в Мотронинский монастырь (куда он пришел из Сечи «на послушаніє») прибыло семь запорожцев во главе с атаманом Юхимом Шелестом. Тот якобы показал Зализняку письменное распоряжение кошевого, «чтоб итти в Полшу для прогнания конфедератов и жидов и для грабежа их». Через несколько дней Шелест был убит в ссоре, таинственное письмо исчезло, а на призыв «казацкой почты» около монастыря, расположенного в глухом лесном урочище Холодный Яр, к концу апреля собралось около 700 запорожцев и 300 жителей Правобережья — крестьян и казаков из надворной милиции. На устроенном здесь же коше Максима Зализняка избрали

атаманом (далее он будет называть себя «полковником Низового Войска Запорожского»), а один из монахов Мотронинского монастыря отслужил, как говорит Зализняк, «молебен за наши успехи» (фольклорная традиция назовет этот молебен «освящением ножей»).

Во второй половине мая 1768 г., практически одновременно со вступлением русской армии на Правобережную Украину, повстанцы вышли из Холодного Яра, следуя привычным маршрутом гайдамаков — Медведовка (родина Зализняка), Жаботин, Смела, Корсунь, Богуслав, Канев, Лисянка. Уже в начале июня Зализняк издает универсалы с призывом «ляхов и жидов казнить», а командующий русскими подразделениями Апраксин в своих письмах, обращенных к местному населению, просит не содействовать конфедератам, потому что это будет расценено как «плохие намерения». Подозрительная

синхронность разворачивания событий настораживает еще больше, если учесть, что одновременно по всему Поднепровью распространяются слухи о «золотой грамоте», которую императрица якобы через о. Мельхиседека передала Зализняку, приказав ему «войти в пределы Польши, чтобы вырезать и уничтожить с божьей помощью всех поляков и евреев».

Сохранился текст этой «грамоты», ясное дело, апокрифический. Но показательно, что в протоколе допроса Зализняка нет ни слова о «золотой грамоте»,

217. Иван Гонта. Народная картинка 1822 г.

которая, вероятнее всего, подтолкнула запорожца к действиям и которую он, по идее, должен был бы вспомнить под пытками в доказательство собственной невинности. Напротив, текст протокола содержит явный компромат на Запорожскую Сечь, прежде всего упомянутое выше письмо кошевого атамана с призывом «итти в Полшу»: в версии русских властей именно Сечь представляли в роли главного виновника катастрофы.

Впрочем, хитросплетения петербургской интриги были разгаданы уже современниками. Непосредственные впечатления от взрыва кровавой стихии в 1768 г. описал секретарь французского посольства в Санкт-Петербурге Шарль Рюльер, автор книги «История анархии в Польше». Главной причиной кровопролития, по его мнению, стали провокации со стороны русских властей, которые при посредничестве православного духовенства умышленно спровоцировали вспышку религиозного фанатизма среди украинских крестьян и казаков, лишь усиленную социальной ненавистью.

Сами же события разворачивались следующим образом: после выступления из Холодного Яра отряды гайдамаков, объединившись в достаточно большое (до 2 тысяч) войско, на протяжении трех недель взяли штурмом уже упомянутые города Медведовку, Жаботин, Смелу, Корсунь, Богуслав, Канев и Лысянку. Поход сопровождался расправами над польским и еврейским населением. 20–21 июня 1768 г. пришел черед Умани. Когда город уже был окружен, на сторону гайдамаков перешел сотник надворной милиции Потоцких Иван Гонта, на которого была возложена оборона. Поэтому в считанные часы крепость пала и началось истребление ее жителей и людей из окружающих поселений, бежавших сюда, надеясь найти спасение за крепостными стенами. Несколько уцелевших очевидцев описали ужасы уманской резни, когда, как скажет впоследствии на допросе Максим Зализняк, гайдамаки

против состоящаго во оном местечку народу усилили, причем поляков, жи- дов, а притом и тех, кои во услужении конфедератов были веры греческой, поколото немалое число, а сколько — заподлинно знать не могу, однако думаю, не менее как всех мужеска и женска пола, даже до сущих младенцев, тысячи две человек поколото...

Гайдамацкий вождь, похоже, приуменьшил число жертв, потому что традиционно их насчитывают от 12 тысяч и более. Главный удар пал на еврейскую часть населения — здесь особенно многочисленную. В еврейских свидетельствах об уманской резне рассказывается:

Все евреи закрылись внутри синагоги... Наконец разбойники привезли пушку и ядрами стреляли по синагоге... Убили тысячи евреев, так что кровь их переливалась за порог синагоги...

Впрочем, не многим лучшей оказалась судьба поляков и украинцев-униатов: на протяжении одного дня было вырезано 400 учеников местного василианского коллегиума, а тела их брошены в колодцы. В целом же за три недели июня 1768 г., согласно подсчетам польских и еврейских историков, число убитых, сожженных или уничтоженных иным способом достигло 200 тысяч, хотя с надлежащей беспристрастностью эта цифра не проверена до сих пор. Гайдамацкий взрыв трагических июньских недель впоследствии получил название Колиивщины — от слова «колій», которым в Поднепровье обозначают мясников, специализирующихся на забое свиней. Говоря о Колиивщине, нельзя не упомянуть аморальности советской историографии, которая даже этимологическому словарю украинского языка навязала объяснение этого термина не от слова «колій», а от слова «кіл», то есть палка, которая, дескать, являлась оружием большинства повстанцев.

В водовороте гайдаматчины, на протяжении июня — начала июля 1768 г. вынесшего на поверхность около 30 более мелких повстанческих отрядов, один из них, перейдя турецкую границу, спалил пограничное местечко Балту [в настоящее время Одесской обл.]. Запахло международным скандалом и даже войной, да и силы конфедератов, против которых русские власти спровоцировали взрыв гайдаматчины, к тому времени уже были рассеяны, так что в начале июля 1768 г. царское войско окружило под Уманью лагерь уже ненужных гайдамаков. Те, наивно считая русских солдат союзниками, не оказывали сопротивления, следовательно, без единого выстрела удалось арестовать более тысячи вооруженных отчаянных людей. Большинство из них (более 840) как подданных Речи Посполитой передали польскому командованию, а остальных вывезли в Киев. Польскую партию пленников вскоре казнили в с. Сербы [в настоящее время Могилевского р-на Винницкой обл.] и в с. Кодне близ Житомира, где четвертовали и Ивана Гонту. В более поздней легенде будет рассказываться, что с него сдирали кожу кусками, а он приговаривал: «И здесь збрехали проклятые ляхи! Говорили, что будет болеть, а оно и не болит».

Суд над русской группой узников (более 220 человек) состоялся в Киеве, и приговор был более мягким. Всех следовало бить кнутами, а затем на щеках и на лбу раскаленным железом выжечь клеймо из трех букв — ВОР. После этого осужденным вырывали ноздри и в кандалах отправляли на Нерчинские каторжные рудники. Узников разделили на четыре группы, приведя приговор в исполнение в форме поучительного спектакля: для успокоения турецкого

правительства — в пограничной Балте, польского — на Васильковском пограничном форпосте под Киевом, а для устрашения сечевиков — под Черным лесом и на р. Самаре. В заключение стоит упомянуть, что Максим Зализняк по пути в ссылку пытался бежать, но был пойман; его дальнейшая судьба неизвестна.

Во второй половине XVIII в. одинокие гайдамацкие ватаги еще всплывают то на Правобережной Украине, то на Левобережной, то на Слобожанщине, однако ни по количеству, ни по дерзости операций ни одна из них уже не могла сравниться с гайдаматчиной 1730–1760-х гг.

Как и опришковство, гайдамацкий социальный бандитизм всегда был полем противостояния польских и еврейских историков, с одной стороны, и русских и украинских — с другой. Первые склонны приписывать эти явления «разнузданным инстинктам полудикого общества» (как выразился еще в 1901 г. Францишек Равита-Гавронский), вторые же склонны закрывать глаза на жестокий ход событий, возводя гайдаматчину в ранг «национально-освободительного движения против шляхетской Польши». Не будучи специалистом по гайдаматчине, я не считаю возможным предлагать готовые рецепты поиска понимания. Однако выход все-таки видится мне в напоминании банального постулата: историк не судит, а пытается понять своих героев, беспристрастно выслушивая и убийцу, и его жертву. А под таким углом зрения гайдаматчину еще не исследовали.

Изменения в жизни Церкви. Василианское просветительство

В последний раз о церковной жизни на Правобережной Украине и Галиции мы упоминали по случаю раздора, который разделил Киевскую православную митрополию на левобережную (которой с 1659 до 1685 г. руководил Местоблюстителем Митрополичьего престола) и правобережную, где, в свою очередь, в 1664 г. были избраны два митрополита — Иосиф Нелюбович-Тукальский (1664–1675), которому подлежали верующие казацкого Поднепровья, и Антоний Винницкий (1663–1679), чье архипастырство признавали на Волыни, Галиции и Подолье. Во второй половине тревожного XVII в. не избежала внутренних смут и униатская церковь. Их удалось урегулировать лишь при митрополите Киприане Жоховском (1674–1693).

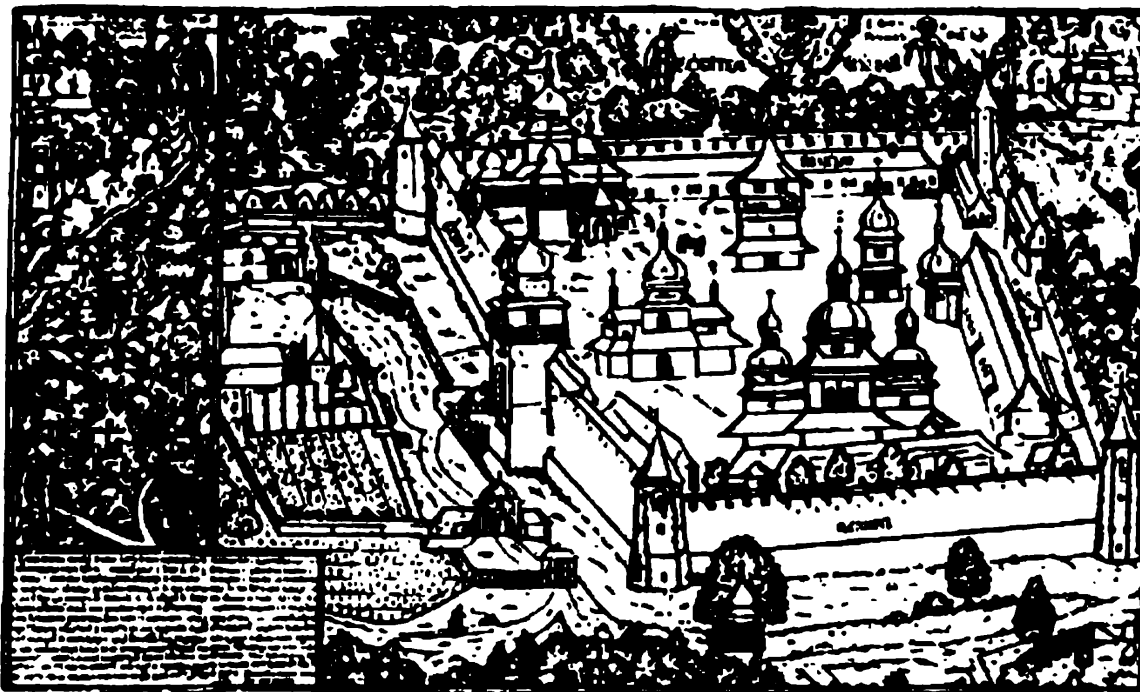
В вихре Руины и непрерывных войн — русско-польской 1654–1667 гг. и польско-турецкой 1672–1676 и 1683–1684 гг. — изолированные от Киевского митрополичьего престола православные владыки епархий Волыни, Галиции и Подолья оказались в тупиковом положении. Контакты

с Константинопольским патриархатом были прерваны из-за военных действий, а одновременно была утрачена связь с Киевом, поскольку Местоблюститель престола жил в Чернигове, на территории враждебного государства. Здесь в конце концов в 1685 г. на митрополию был избран, как уже упоминалось, князь Гедеон Святополк-Четвертинский, признавший верховенство патриарха Московского. Однако и Московский патриарший престол после смерти патриарха Адриана (†1700) не был канонически занят: сначала им руководил местоблюститель Стефан Яворский (†1722), а в 1721 г. Петр I своим указом вообще ликвидировал патриаршество. Отныне Российская Православная Церковь, а следовательно, и Киевская митрополия находились в ведении Священного синода, который фактически был подчинен императору.

С учетом сказанного не вызывает удивления то, что накануне смерти митрополита Антония Винницкого (†1679) часть влиятельных православных иерархов, в частности лично близкий к королю Яну III Собескому львовский владыка Иосиф Шумлянский, перемышльский владыка Иннокентий Винницкий и архимандриты Уневского и Овручского монастырей Варлаам Шептицкий и Сильвестр Тваровский, начали переговоры с папским нунцием о примирении с униатами. Сам Шумлянский в 1677 г. в присутствии короля присягнул унии, пообещав огласить ее в своей епархии после того, как сможет убедить духовенство и мирян. Его намерения (иногда их называют «проектом новой унии») предполагали так и не достигнутое вопреки обещаниям Брестского акта унии 1596 г. уравнивание прав духовенства греческого и латинского обрядов, а также обращение в унию шляхты и членов городских братств.

В 1680 г. в Люблине состоялся съезд православных и униатских иерархов для богословской дискуссии, однако попытка организационного примирения не удалась. Тем временем по стопам Шумлянского пошли упомянутые выше Иннокентий Винницкий, Варлаам Шептицкий и Сильвестр Тваровский, которые в 1681 г., как и он, негласно признали унию в присутствии нунция.

Среди этих перипетий наступил 1686 год — год подписания так называемого Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Согласно одному из его пунктов, царское правительство получало право опеки над православным населением Польско-Литовского государства, а Православная Церковь на ее территории — как часть Киевской митрополии — должна была перейти под юрисдикцию Московского патриархата. Тем самым тысячи православных Речи Посполитой в глазах своих сограждан превращались в представителей чужих, потенциально враждебных интересов. Это стало последним толчком к решению церковной проблемы, которая, собственно, была уже и так почти решена. Между 1692 и 1703 гг. все православные епархии на руських землях Польского королевства признали

218. Креховский монастырь. Эстамп Дионисия Синкевича, 1699 г.

унию: в 1692 г. Перемышльская, в 1700 г. Львовская, в 1702 г. Луцкая, в 1703 г. унию одобрила подольская часть Львовской епархии, а с 1709 г. к этим решениям присоединилось и самое авторитетное Львовское братство, предварительно обеспечив себе автономию от епископской власти. Помня грустный опыт Брестского собора, иерархи дипломатично подготовили свою паству, поэтому в целом обращение огромных территорий было осуществлено без осложнений. Дополнительно этому способствовало и активное участие в церковной жизни мелкой православной шляхты, которая понимала, что в новых политических условиях изменение религиозной ситуации становится неизбежным. Остается добавить, что аналогичные процессы безболезненно прошли и в Белоруссии.

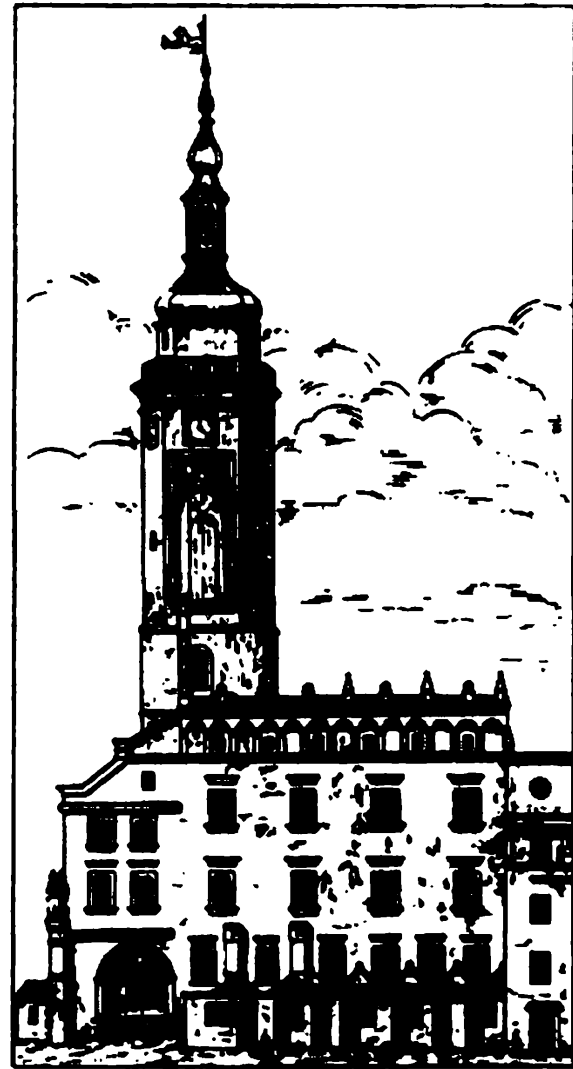
Поэтому с начала и почти до конца XVIII в. Киевская митрополия униатского обряда охватывала восемь епархий Украины и Белоруссии, которые позже называли диоцезиями: Киевскую митрополицию, Полоцко-Витебскую, Владимиро-Брестскую, Пинско-Туровскую, Луцко-Острожскую, Львовско-Галицкую (ей подчинялось и Подолье), Перемышльско-Самборскую и Холмско-Белзскую. Постоянной резиденцией униатского митрополита сначала была Вильна, а со второй половины XVIII в. Радомысль на Житомирщине, где находилась митрополичья консистория — административно-судебный орган управления церковными делами. Накануне первого раздела Речи Посполитой (1772) Киевская униатская митрополия насчитывала 9300 приходов и около 4,5 миллиона верующих.

Что касается ее внутренней структуры и обрядности, то после Замоиского синода 1720 г., где эти вопросы были поставлены впервые, она постепенно подверглась заметной латинизации. В частности, были внесены поправки в богослужебные книги и сам порядок литургии в соответствии с католическим каноном, а также введен целый ряд сугубо католических религиозных праздников. Произошли изменения во внутреннем убранстве храмов (например, было позволено снять иконостасы и поставить скамьи) и даже во внешнем виде священников, которые стали брить бороды. С одной стороны, новшества отдаляли Униатскую Церковь от традиционного православия, но с другой — они способствовали взаимопониманию между людьми греческого обряда и их соседями-католиками, потому что именно в это время приобретает легитимность так называемая «двуритуальность», когда верующие обоих обрядов стали взаимно крестить детей, беспрепятственно заключать браки, принимать участие в совместных службах. Однако если экуменические достижения униатства нужно отнести к его несомненным успехам (особенно если принять во внимание внутреннюю нестабильность Речи Посполитой XVIII в.), то безусловно негативную роль играло то, что Униатская Церковь медленно, но неизбежно полонизировалась в языковом плане. Если литургию еще традиционно совершали «по-руськи», то проповеди и другие церковные чины все чаще становились польскоязычными, исподволь, через полонизацию клира, приводя к полонизации прихожан. Впрочем, в большей мере это касалось высшего и городского духовенства, потому что сельские священники, как уже упоминалось, были далеки от польского языка и культуры (а точнее, от культуры вообще, поскольку улучшение церковной организации на протяжении XVIII в. так и не успело докатиться до сельских попов, материально нищих, необразованных и полностью зависимых от шляхты — владельцев поселений, входивших в определенный приход).

Таково было положение Униатской Церкви накануне раздела руських территорий между Россией и Австрией. После падения Речи Посполитой судьба униатских церковных структур сложилась в двух государствах по-разному. В Российской империи указом Екатерины II 1795 г. митрополичья кафедра и подчиненные ей епархии, кроме Полоцкой, были ликвидированы, последний митрополит Феодосий Ростоцкий был депортирован в Петербург, а пожелавшие остаться в унии миряне были подчинены белорусской униатской архиепископии. Одновременно Синод форсировал переход в православие населения, совращенного, согласно официальной формуле, «лестью и насилием с пути правого в соединение с римскою верою». За два-три года уполномоченные Санкт-Петербургом миссионеры, при активной поддержке представителей

русских властей на местах, применяя анти-польскую агитацию, а местами — принуждение и шантаж, обратили в православие на Киевщине, Волыни и Подолье около 4700 униатских приходов (этого удалось избежать только 16 василианским монастырям, которые продержались вплоть до окончательного запрещения Василианского ордена в 1838 г.). На протяжении 1796–1797 гг. укоренилась и новая церковно-административная структура новообращенных регионов, где были созданы Подольская, Волынско-Житомирская и Киевская православные епархии. Остается добавить, что в ходе этой «реправославизации» немало верующих, особенно среди шляхты и духовенства, перешли в католицизм, не приемля православие в его русском варианте. В целом же, ввиду подчиненности Русской Православной Церкви светской власти, целью так называемого «воссоединения» униатов с православием была не столько забота о душах паствы, сколько политическая необходимость ускорения русификации новоприсоединенных территорий.

Значительно благоприятнее сложилась судьба Униатской Церкви в Галицкой Руси, которая в 1772 г. отошла Австрии. Венский двор, в отличие от петербургского, встал на путь радикального укрепления униатства (правда, также по политическим соображениям: с целью достижения баланса сил в новоприсоединенных владениях). В 1774 г. декретом императрицы Марии-Терезии запрещалось употреблять слово «униат», которое отныне заменялось словом «греко-католик»: как пояснялось, чтобы «покончить со всем, что могло бы дать повод униатам считать себя хуже римо-католиков». Тогда же, в 1774 г. была основана Венская греко-католическая семинария (в 1783 г. она была переведена — под названием Генеральной — во Львов). Сын и соправитель Марии-Терезии Иосиф II в 1775 г. уравнил духовенство Греко-католической Церкви со светской знатью, что открывало им доступ в сеймы; он же в 1781 г. издал известный «Толерантный эдикт» об уравнивании в правах людей разных вероисповеданий — католиков, греко-католиков,

219. Львовская ратуша.
Рисунок конца XVIII в.

православных и протестантов, что существенно нормализовало межконфессиональные отношения. Одновременно правительство позаботилось о материальном обеспечении приходских священников, а с 1786 г. была введена обязательная литургия на языке местного населения. Наконец, кульминацией австрийских реформ стало восстановление в 1808 г. Галицкого митрополичьего престола. Комплекс этих мероприятий, будучи частью проводившейся Иосифом II просветительской церковной политики Габсбургов, превратил греко-католическое духовенство Галиции в верного сторонника венской политики и венского престола, а с другой стороны, заложил основания для той особой роли, которую ему было суждено сыграть в будущих процессах национального самоосознания жителей Западной Украины.

* * *

На протяжении всего XVIII в. центральную роль в Униатской Церкви играл созданный в 1617 г. митрополитом Иосифом Велямином Рутским монашеский Орден василиан, о котором уже говорилось выше. В 1770 г. в Речи Посполитой существовало около 150 василианских монастырей, в том числе в Украине такие крупные, как Почаевский, Дерманский, Жидичинский, Уневский и т. п. Замоийский синод 1720 г. постановил объединить монастыри украинских диоцезий в отдельную «провинцию» — Свято-Покровскую: белорусские монастыри входили в Свято-Троицкую провинцию. Окончательная легализация обеих провинций, утвержденная папским бреве 1742 г., завершила более чем вековой период формирования Василианского ордена, который отныне получал название Sancti Basilii Magni Ruthenorum [«Русинский Чин Святого Василия Великого»]. Его члены подчинялись собственному иерарху — протоархимандриту, избиравшемуся сроком на четыре года из кандидатов то одной, то другой провинции, и его резиденцией считался монастырь в Тороканах в Подляшье. Статус самоуправляющейся провинции имел также Супрасльский монастырь — одна из самых крупных и богатых василианских обителей. Накануне разделов Речи Посполитой отцы-василиане занимали среди монашеских орденов страны пятое по численности место, уступая лишь таким старинным орденам, как францисканцы, иезуиты, бернардинцы и доминиканцы, и охватывая более 1250 человек. После распада государства к Австрии отошло 42 монастыря, но в 1782 г. большинство из них в ходе секуляризации были закрыты (за несколько лет, в течение которых проводились уже упомянутые церковные реформы Иосифа II, правительство секуляризовало около 600 католических и греко-католических монастырей). Секуляризованы были и те, что оказались в составе Российской империи:

только 16 из них удалось продержаться до 1839 г., когда царским указом уния было отменена окончательно.

Самой яркой страницей в истории Василианского ордена XVIII в. стала просветительская работа, хотя, разумеется, монахи не оставляли и традиционной благотворительной деятельности: содержания госпиталей, то есть богаделен, приютов для сирот, аптек и т. п. Василианское школьное образование появилось еще в середине XVII в., однако до 1770-х гг. его задача преимущественно сводилась к обучению церковных кадров в диоцезиальных семинариях, возникших на базе старых соборных школ Владимира (ок. 1728), Холма (1759) и Луцка (около 1763 г.), а также новых, основанных в Бучаче (1712), Львове (1720), Умани (1766) и т. п. Попутно стоит отметить, что большинство из них финансировались местными магнатами: например, школа в Шаргороде была открыта на средства Станислава Любомирского, в Бучаче — Николая Потоцкого, во Львове — Францишека Любомирского, в Умани — Францишека Потоцкого и др. Высшие, то есть теологические, классы имелись лишь в Луцкой и Львовской семинариях, в остальных же обучение завершалось классами риторики и философии.

Параллельно более крупные василианские монастыри (в Кременце, Гоще, Загорове, Замостье, Каменке, Виннице, Почаеве и др.) организовали учебные классы для так называемых новициев — послушников, которые готовились принять постриг. Здесь обучение длилось чуть больше года, в течение которого слушатели изучали риторику и философию — основополагающие дисциплины для овладения искусством проповеди; численность учащихся не была большой, колеблясь от одного до двух десятков человек.

На новый уровень василианское школьное образование вышло в последней трети XVIII в., что было непосредственно связано с реформами, начало которым положила только что основанная Комиссия национального образования. Появление этого управленческого органа являлось реакцией на бреве

220. Кафедральный собор
Холмской унийной епархии.
Гравюра Теодора Раковецкого
1765 г.

221. Гравюра Ивана Филиповича из издания «Летургікон сі єсть Служебник» с изображением Успенской братской церкви (Львів, 1759)

английского, французского и итальянского. Одновременно в программы вошли не практиковавшиеся в иезуитских коллегиях естественно-математические науки, а также в качестве отдельных дисциплин история и право. Основой нового образования был провозглашен принцип свободы личности, а главной задачей школы — воспитание гражданина и патриота вне зависимости от конфессиональной принадлежности учеников. Как уже упоминалось, подобный комплекс идей отразился впоследствии в нереализованных реформах Четырехлетнего сейма и Конституции 3 мая. Заглядывая в будущее, остается добавить, что образовательное направление, начало которому было положено

папы Климента XIV от 21 июля 1773 г. («Dominus ac Redemptor») о ликвидации Общества иезуитов. Речи Посполитой это угрожало полным развалом школьного образования, потому что еще с конца XVI в. оно было почти полностью сосредоточено в руках именно иезуитов. Поэтому сейм обязал выборных членов Комиссии взять под контроль конфискованное в пользу государственной казны имущество ликвидированного Общества, прежде всего школьные здания, библиотеки, капиталы и все то, что обеспечивало работу иезуитских коллегий. И хотя эти мероприятия не смогли в полной мере уберечь оставшееся после иезуитов наследство от разворывания, однако они стали толчком к выработке новой образовательной стратегии, опиравшейся на характерный для идеалов эпохи Просвещения утилитаризм. Конкретно это сказалось в резком сокращении занятий латынью и изучении, кроме польского (на Руси также церковнославянского), новых европейских языков: немецкого, ан-

Комиссией, после разделов Речи Посполитой нашло продолжение в школах Виленского учебного округа, к которому вплоть до 1832 г. относилась вся Правобережная Украина.

Василианский орден стал одним из наиболее активных пропагандистов и исполнителей образовательной реформы. На протяжении 1780-х гг. появился целый ряд василианских четырех-шестилетних школ среднего уровня, которые ориентировались на программы Комиссии: Владимирская, уровень преподавания в которой удостоился особенно высоких оценок, Каневская, Барская, Острожская и др. Соответствующие изменения были внесены и в учебные циклы старинных училищ Ордена. Одновременно немало василиан мы видим среди учителей так называемых «академических», то есть подчиненных непосредственно Комиссии, школ в Каменец-Подольском, Кременце, Луцке, Виннице и Житомире. Квалифицированные педагогические кадры Ордена из числа молодых образованных монахов, часто с заграничной выучкой, делали василианские школы весьма популярными (например, через Владимирскую проходило до 300 учеников в год, в Каневской в конце XVIII в. их было около 600 и т. п.). Учились здесь преимущественно юноши греко-католического вероисповедания, однако хватало и детей местной римско-католической шляхты и горожан-евреев.

Не менее весомый вклад в образовательно-культурную жизнь украинского сообщества внесли типографии Василианского ордена, действовавшие во Львове, Уневе и Почаеве. По подсчетам Марии Пидлипчак-Маерович, за 1648–1800 гг. они выпустили 469 изданий, в том числе кириллических (на церковнославянском и староукраинском языках) — 286, польских — 118, латинских — 80. Самой мощной среди них была Почаевская, на которую приходится абсолютное большинство напечатанного — 394 наименования. Свыше 60% продукции составляла литургическая литература, а также книги религиозного содержания: сборники проповедей, молитвенники, религиозные песни, к которым, в частности, относится и трехязычный, чрезвычайно популярный не только среди униатов, но и среди православных по всей Украине почаевский Богогласник 1790 г., включавший канты на украинском, польском и латинском языках.

Светская продукция была представлена школьными учебниками, словарями, популярной исторической литературой, переводами античных и современных французских авторов, календарями-советчиками и т. п. Эти книги печатались почти исключительно на польском, что соответствовало упомянутой выше полонизации интеллектуальной жизни. В свою очередь, к двуязычным почаевским изданиям принадлежал изданный в 1722 г. первый польско-церковнославянский словарь «Лексикон сиречь словесник славенский»

(о необходимости такого издания свидетельствует то, что в 1772 и 1803 гг. тиражи были опубликованы повторно). Стоит также отметить, что в Почаеве в 1787 г. была переиздана опубликованная в Риме в 1783 г. книга ученого-василианина Игнатия Кульчинского «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» [«Образец Руськой Церкви»], которую считают первой попыткой синтетической истории Греко-католической Церкви, написанной с привлечением документов Ватиканского архива.

2. Угасание казацких автономий в подросийской Украине

После поражения мазепинцев, довершенного физическим уничтожением или эмиграцией наиболее активной части казацкой старшины, царская машина России начала шаг за шагом подминать под себя автономные казацкие порядки в Гетманской Украине, на Слобожанщине и на Запорожской Сечи. Угасание казацких автономий совпало по времени с становлением абсолютистской монархии, однако за Русским государством — по выражению Николая Бердяева, «самым державным и бюрократичным в мире» — стояла насчитывавшая несколько веков мощная традиция государственного строительства. С тех пор как Московское царство провозгласило себя преемником Византии в «единственно праведной» христианской вере, территориальная экспансия рядилась еще и в мессианские одежды борьбы с «неправдами». Псковский монах Филофей еще в середине XVI в. писал, обращаясь к Василию III: «Да вѣси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

В усилиях по «собираанию» русских, а затем и соседних земель территория «третьего Рима» с конца XVI в. до конца XVII в. выросла с 430 тысяч до 5,1 миллиона кв. км, но это был лишь пролог к разрастанию Русского государства. К примеру, в 1914 г. оно охватывало площадь в 23,8 миллиона кв. км, то есть в среднем увеличивалось на 80 кв. км ежедневно. Параллельно с территориальными приобретениями перестраивалась и гигантская управленческая машина, постепенно превращаясь в «вещь-для-себя», направленную на тотальное огосударствление всех сфер жизни. Этому способствовали как традиции неограниченной царской власти, так и слабое развитие гражданских форм активности, которые могли бы через институты сословного самоуправления

222. Панорама Глухова. Гравюра XVIII в.

и парламентское представительство сдерживать шествие властных структур к бесконтрольной гегемонии (именно таким путем, в частности, шло развитие в странах Западной Европы и Речи Посполитой, способствуя постепенному законодательному оформлению прав личности и сословий).

Реформы Петра I Великого, венчанного на царство в 1682 г., а в 1721 г. провозглашенного императором (†1725), были направлены на резкую вестернизацию управленческого аппарата и армии, не изменяя принципиально суть властной модели. Напротив, царизм еще глубже проник во все сферы — экономику, политику, культуру, религию, ломая все то, что не укладывалось в него, и подчиняя жизнь каждого человека высшей цели: приумножению могущества абсолютистского «хорошо управляемого» государства. Идеальная модель такого государства в годы долгого правления императрицы Екатерины II (1762–1796) ориентировалась на принципы Просвещения, согласно которым неременным условием разумного и справедливого строя является введение всеобщих, обязательных для всех законов. На этом фоне особенно раздражающей аномалией выглядели западные регионы империи, общественный строй которых опирался на принципы договорного сосуществования «народа» и «правителей». Разнообразие их укладов «хорошо управляемое» государство должно было противопоставить единую административную систему и государственный контроль, осуществлявший регулирование из центра. Следовательно, на долю Петра I и его преемников выпало, как писала прославляемая французскими просветителями XVIII в. «Семирамида Севера» Екатерина II, выбить «дерзкие мечтания» из голов новых подданных — украинцев, белорусов, литовцев, поляков.

Казацкой Украине было суждено первой попасть под колесо унификации (с конца XVIII в. на этот же путь, хотя и следуя несколько иным сценариям, вступят Правобережная Украина, Белоруссия, Литва и Польша). Автономные структуры Гетманщины не были готовы противодействовать мощной имперской машине. На фоне энергичных реформ Петра I их военная демократия выглядела анахронизмом, и никто не собирался наделять их временем, которое сделало бы возможной ее естественную эволюцию. Напротив, в процессе ликвидации автономных институций были использованы в качестве прецедентов как раз те изъяны, которые вели к ослаблению казацкой державы с момента ее возникновения: отсутствие единой политической линии верхов, социальные трения между старшиной и казацкими низами, склонность духовенства и горожан к поиску поддержки у царского правительства, наконец, элементарное отсутствие юридически закрепленных принципов внутреннего устройства: последнее опиралось на «права и вольности привычные», но никогда не было урегулировано законодательно. Унифицирующие мероприятия реализовывались одновременно в двух плоскостях. С одной стороны, постепенно урезались полномочия властных институтов, а с другой — это компенсировалось льготами привилегированным группам населения с тем, чтобы, как писал в 1774 г. малороссийский генерал-губернатор Петр Румянцев, «привязать их к России и возбудить патриотизм к общему отечеству». В итоге русской администрации удалось и первое, и второе. Хронологии этих нововведений и их непосредственным последствиям посвящен следующий параграф.

Политико-административное устройство и общество Гетманщины

Политико-административное устройство Гетманщины вплоть до его ликвидации оставалось в основных чертах таким, каким оно сложилось при Богдане Хмельницком. Аппарат власти возглавлял гетман, управление на местах осуществляли полковники и сотники, а совещательным органом при гетмане была рада так называемой генеральной старшины — писарь, судья, обозный, есаул, хорунжий и бунчужный. Исполнительные функции возлагались на Генеральную военную канцелярию, а апелляционной инстанцией для судов низшего уровня, полковых и сотенных, выступал Генеральный военный суд. Официальной резиденцией гетмана и высших административных и судебных органов служил Глухов [в настоящее время райцентр Сумской обл.], куда гетманская столица была перенесена в 1708 г., после разрушения Батурина.

Все казацкое население Гетманщины, как и при Хмельницком, считалось «войском» и разделялось на 10 округов-полков — Гадячский, Киевский (растянувшийся по левому берегу Днепра с центром в Козельце), Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилуцкий, Стародубский и Черниговский. Общее число воинов, становившихся «при военной необходимости» под булаву гетмана, колебалось от 40 до 50 тысяч (например, по данным 1723 г., на мобилизацию явилось 55 241 казак: 16 540 пеших и 38 701 конный). Согласно так называемым Решетилевским статьям 1709 г., которые старшина подала на подпись Петру I (правда, они так и не были утверждены официально), казацкое войско входило в состав русских вооруженных сил как часть Украинской дивизии царской армии, однако сохраняло особенности комплектования, внутренней структуры, системы обеспечения и мобилизации. По составу это была сословная армия, в которой наследственную вооруженную службу несли только обладатели «казацких земель». Считаясь привилегированным сословием, они не платили налогов и имели право свободно заниматься промыслами и торговлей, в частности такой прибыльной, как водочная. Казаки подлежали юрисдикции сотенной, полковой и генеральной старшины. В случае мобилизации каждый боеспособный воин, занесенный в «компут» (реестр) своего полка, должен был явиться на место сбора «в ружю, пороху, пулях, свинцю», а в мирное время, по распоряжению военной администрации, нести сторожевую службу на границах и принимать участие в возведении различных укреплений — повинность, которой злоупотребляли уже в правление Петра I: в 1715 и 1721 гг. на так называемые «ладожские канальные работы» под Санкт-Петербург было вывезено 20 тысяч казаков; позже, в 1732–1733 гг., к строительству Украинской линии — системы фортификаций длиной около 285 км — было привлечено более 25 тысяч казаков и т. д.

Самообеспечение во время походов и фортификационных работ обходилось недешево. Еще дороже обходилось оружие, а казак, прибывая на сборный пункт, обязан был иметь при себе мушкет, саблю, копьё, около килограмма пороха и до полусотни пуль. Традиционно дорогими были лошади, а тем временем у каждого воина должно было быть две «хорошие» лошади установленной стоимости, не используемые для хозяйственных нужд. К полному казацкому снаряжению относились также телеги с тягловыми конями и погонщиком для транспортировки запасов фуража, провианта и т. п. Далеко не каждый мог вынести такое материальное бремя, поэтому уже с 1720-х гг. реестры хронически недоукомплектовывались. Поэтому гетманским универсалом 1735 г. казачество было поделено на две группы: более зажиточную («выборных»),

на которую ложилось несение собственно военной службы, и более бедную («подпомочников»), которая должна была снабжать войско провиантом, оружием, конями и т. п. Одновременно выделилась еще одна группа вспомогательного населения — «подсоседки», то есть люди казацкого сословия, которые селились по чужим дворам и, не имея собственной усадьбы, жили «со своего заработка», другими словами, батрачествуя. Общее соотношение разных категорий населения гетманской Украины в 1760-х гг., то есть ко времени ликвидации гетманства, по несколько округленным подсчетам Зенона Когуца, выглядело следующим образом:

казацкая старшина — 2,4 тысяч чел.;

священнослужители, русская и иностранная знать, иностранные служащие и другие лица, освобожденные от уплаты налогов, — 11 тыс.;

казаки: выборные — 176 тыс., подпомочники — 198 тыс., подсоседки — 80 тыс., другие — 1 тыс.;

мещане — 34 тыс.;

крестьяне: в частных владениях — 465 тыс., на ранговых землях — 25 тыс., другие — 25 тыс.;

всего: 1 млн 17 тысяч чел.

Эти данные свидетельствуют, что половину населения составляли крестьяне и что абсолютное большинство из них было уже не подданными Войска Запорожского, то есть свободными земледельцами, а людьми, подчиненными

частным лицам: по подсчетам Михаила Слабченко, к середине XVIII в. «свободных» сел оставалось немногим более 10%, тогда как остальные находились в частной собственности старшинских семей, и некоторые из них (Апостолы, Разумовские, Полуботки, Скоропадские и др.) владели тысячами подчиненных им крестьян. За сухими цифрами приведенных соотношений стояла острая крестьянская проблема, отягченная специфически местными нюансами. До начала XVIII в. крестьяне, приписанные к военной казне, могли по желанию переходить на казацкую службу. Однако старшина, заинтересованная в стабильном исполнении

223. Крестьяне Черниговщины. Рисунок Тимофея Калининского, последняя четверть XVIII в.

повинностей, стала препятствовать подобным переходам. Одновременно, как уже отмечалось, неуклонно сокращалось число «ранговых» сел (то есть сел казны), которые одно за одним, вместе со своими жителями, также переходили в частную собственность. Большой размах приобрела и скупка «казацких земель» у обедневшего казачества, что сопровождалось многочисленными злоупотреблениями: превращая бывших казаков в подданных, новые владельцы прибегали к насилию, шантажу, принуждению. Вскоре самой логикой новых социальных практик был поставлен вопрос о запрещении свободного перехода крестьян с одного места на другое. В частности, в 1739 г. было запрещено переселение из Слобожанщины на территорию Гетманщины, а в 1761 г., согласно приказу («ордеру») тогдашнего гетмана Кирилла Разумовского, затруднен был переход на новое место и в Гетманщине: чтобы поселиться на новом месте, необходимо было предъявить письменное согласие прежнего владельца. Наконец, императорский указ от 3 мая 1783 г., помимо других мероприятий по ликвидации отличий местного устройства, провозгласил окончательное запрещение крестьянских переходов. Таким образом, относительно независимая крестьянская масса была превращена в таких же бесправных крепостных, как и в исконно русских регионах империи.

Ухудшение положения крестьян, определенно заметное уже с первой трети XVIII в., вызывало своеобразную реакцию, которая в канцелярском языке того времени получила название «искания казачества». Уменьшение казацких вооруженных сил, почти даровых, а потому полезных империи, вынуждало царское правительство в щекотливом вопросе занимать ту позицию, которая была ему выгодна на конкретный момент (правда, всегда подчеркивая свою роль в «охранении прав малороссийского народа» от старшинских злоупотреблений). Например, в 1723 г., нуждаясь в увеличении армии, Петр I издал указ, согласно которому казаки, превращенные в подданных, могли вернуться в прежнее состояние, если «ищущий казачества» документально подтверждал казацкое звание своего отца или деда. Впоследствии, когда потребность в многочисленном казацком войске отпала, аналогичные притязания крестьян, даже подкрепленные документами, стали расцениваться как «предерзость» и подавляться с помощью карательных команд.

«Искание казачества» представляет собой одну из ярких страниц в истории Гетманщины, особенно если учесть, что до нашего времени дошли многочисленные заявления и жалобы, связанные с этими акциями, где впервые от собственного имени «заговорила» до тех пор немая крестьянская масса. В отчаянном стремлении отстоять независимость отдельные села или даже группы сел обнаруживали феноменальную стойкость, десятилетиями

противостоя карательным командам и будто бы в уменьшенном масштабе воспроизводя на примере собственной судьбы драму отмирания казацких вольностей под давлением гигантской государственной машины. Например, жители Кулаг и Суботовичей Стародубского полка сопротивлялись попыткам превратить их «в мужиков» более тридцати лет, с 1748 по 1779 г. Аналогичная «война» в селах Фоевичи и Челхов того же полка растянулась на 1731–1749 гг., а в селах Злодеевка, Пины и Угроиды Сумского полка в соседней Слободской Украине — на 1731–1784 гг.; здесь карательная команда при взятии села была вынуждена применить артиллерию. В с. Турбаи Миргородского полка крестьяне в течение 1769–1789 гг. вели настоящие бои с армейскими отрядами, заявив, как записано в одном из рапортов местной администрации, что они не соглашаются на то, чтобы в казачьем звании была признана только часть односельчан:

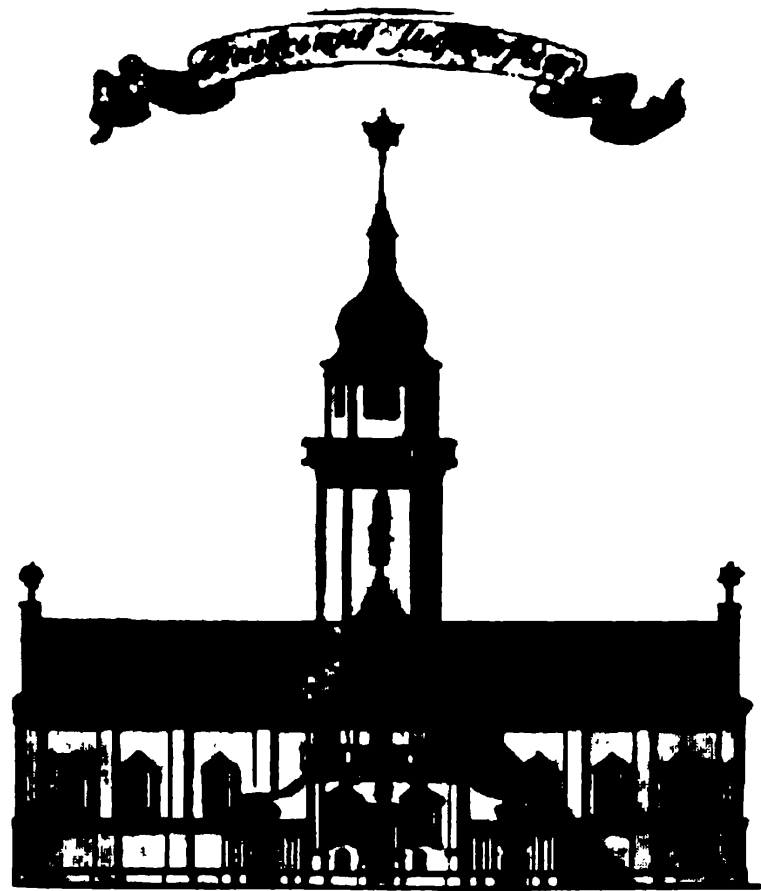
Мы хотим, чтобы суд сделал всех нас казаками по нашим свидетельствам, иначе, сколько бы суд ни прожил в селе и чего бы от нас ни требовал, мы не послушаем, пусть и пропадем все, но не поддадимся никому и ничьему приказу, разве всем царством придут нас брать.

Параллельно с изменениями в социальной сфере население Гетманщины затронули и те нововведения Петра I, которые были направлены на установление государственного контроля над экономикой — торговлей, ремеслами и финансами. До мазепинского восстания гетманская территория еще не платила налоги в русскую казну. Первое бремя, которое на общегосударственных принципах приняло на себя местное население после полтавского поражения, заключалось в содержании 8–11 полков царского войска, отныне постоянно дислоцированного здесь «для сохранения внутренней тишины и границ»; во время военных кампаний численность этой армии увеличивалась (например, во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в Гетманщине и Слобожанщине на протяжении шести лет была расквартирована почти вся действующая армия, ее обслуга и командующий корпус). Соответственно, население облагалось изнурительным денежным налогом и натуральными поборами хлеба, фуража и провианта, не считая многочисленных злоупотреблений — принудительного изъятия волов и коней для нужд армии, реквизиции телег, использования местного населения в качестве погонщиков при обозах на принципах самообеспечения и т. п.

Ощутимый удар реформы Петра I нанесли украинской торговле, принудительно введенной в рамки общероссийских регламентаций. Запрещение

свободного вывоза целого ряда так называемых «заповедных», то есть стратегически важных сырьевых товаров, которые следовало сдавать на казенные склады (таких, как конопля, воск, поташ, селитра, хлеб и др.), дополнялось обязательным требованием экспортировать остальные предметы торговли не по привычным, устоявшимся веками путям через Речь Посполитую, а через северные русские порты, что увеличивало расходы на транспорт и вообще не приносило выгоды в связи с трудностями тяжелого и долгого пути. Торговые ограничения на импорт заграничных товаров быстро сказались на положении городов, которым невольно пришлось переориентироваться на внутренний российский рынок, и то лишь в качестве перевалочных пунктов на пути движения сырья в Москву и Петербург, потому что готовые промышленные товары — текстиль, бумага, оружие, металлические изделия — в Украину ввозились именно оттуда, подрывая ее собственное ремесленное производство. Одновременно появление основанных по инициативе правительства «казенных мануфактур», то есть фабрик, где работали приписанные к ним крестьяне близлежащих сел, подрывало традиционную цеховую систему.

Наложившись на общий упадок городской жизни, вызванный старением магдебургского самоуправления, система мероприятий Петра I в итоге привела к тому, что, хотя на территории Гетманщины насчитывалось около 200 населенных пунктов городского типа, однако город как таковой (за исключением разве что Киева) здесь фактически исчез, будучи заменен, по меткому выражению Михаила Слабченко, «его суррогатом — ярмарочным пунктом». На это указывают, в частности, невероятно низкие показатели заселенности. Даже в самом крупном городском центре, Киеве, количество дворов колебалось в пределах 2,5–6 тысяч, а в остальных полковых центрах в среднем не превышало 400–600. Казацкие администрации относились без должного уважения

224. Киевский магистрат в XVIII в.
Реконструкция Володимира Ленченка

к Магдебургскому праву, по которому жили такие «города» (а скорее, большие села). Поэтому неоднократно возникали конфликты городских органов самоуправления с сотниками и полковниками, а в Киеве — с гетманами. Ярким примером этого может служить изматывающая эпопея противостояния Киевского магистрата гетманам, длившаяся начиная с правления Ивана Самойловича и до сложения полномочий Кириллом Разумовским. Несогласие возникало по любому, часто малосущественному поводу и сопровождалось обширными жалобами киевлян царю и русским воеводам на действия казацких властей. В проигрыше оставались обе стороны — и старшина, и мещанство, потому что каждый конфликт давал правительству хороший повод для вмешательства в городские дела, шаг за шагом урезая полномочия органов самоуправления под предлогом «приличного устройства». Отрезвление пришло слишком поздно, как видно на примере только что упомянутого Киева. Когда указом Николая I от 23 декабря 1834 г. было окончательно ликвидировано магдебургское самоуправление Киева, к тому времени уже безнадежно разлаженное коррупцией и финансовыми злоупотреблениями войтов и бурмистров, по городу ходило анонимное стихотворение, где, среди прочего, говорилось:

Прогуляли дело наши,
Москаль будет разбирать!

«Казацкие вольности» в петербургской редакции 1720–1740-х гг.

Экономика гетманской Украины постепенно разрушалась будто бы сама собой, изнутри, зато коррекция политического строя, осуществлявшаяся Санкт-Петербургом, была совершенно целенаправленной. Начало ей положили репрессии против сторонников Ивана Мазепы с одновременным установлением более бдительного, чем до того, надзора за старшинским корпусом. Как писал тогдашний киевский губернатор князь Дмитрий Голицын,

для нашей безопасности на Украине нужно в первую очередь посеять вражду между полковниками и гетманом... нужно, чтобы во всех городах полковниками были люди, которые не согласны с гетманом; когда они будут не согласны, то все их дела будут нам открыты...

Согласно указу 1715 г., гетман мог утверждать полковников лишь после согласования с царским наместником, а с 1730-х гг. их уже бесцеремонно

назначали, не спрашивая гетманского согласия. Показательно, что именно после полтавского поражения среди высшей старшины впервые появились люди не местного происхождения, зато «нерушимой верности» — сербы Антон Танский и Михаил Милорадович и русский Петр Толстой.

Когда в ходе реформирования органов высшего управления новопроектированной Российской империи прежние «приказы» были заменены так называемыми коллегиями, Петр вместо одного из Посольских приказов — Малороссийского, в ведении которого находилась Гетманщина, в 1722 г. создал Малороссийскую коллегия. Она должна была подчиняться не Коллегии иностранных дел, заменившей Посольские приказы, а Сенату. Это мероприятие выразительно продемонстрировало, что, с точки зрения царя, Гетманщина уже не представляла собой отдельного политического организма. Необходимость в Малороссийской коллегии мотивировалась демагогично — необходимостью прекращения «в судах и войску беспорядков для охранения малороссийского народа», однако ее подлинной задачей стало установление контроля за финансами. Коллегия действовала в составе шести офицеров русского происхождения — командиров расквартированных в Украине царских полков. Резиденция Коллегии находилась в Глухове, а возглавлялась она «президентом» Степаном Вельяминовым, который откровенно заявлял старшине:

Согну я вас так, что и другие треснут! Уже ваши давности переменить велено, а поступать с вами по-новому.

Конфликт между Вельяминовым и казацкой верхушкой вынес на поверхность политической жизни черниговского полковника Павла Полуботка, с чьим именем связан последний эпизод открытого противостояния Петербургу. После смерти Ивана Скоропадского († 1722) генеральная старшина обратилась к Петру I за разрешением избрать нового гетмана, возложив временные гетманские обязанности на Полуботка как наказного гетмана. Одновременно вступила в административные полномочия и Малороссийская коллегия, которая принялась налаживать учет налоговых поступлений, принимать от недовольных жалобы на действия Генерального суда и старшины. Тем самым президент Коллегии фактически ставил под собственный контроль казацкие суды, финансы и администрацию, то есть те сферы, которые до этого находились в ведении гетмана. На поданные несколько раз ходатайства о скорейшем проведении гетманских выборов Петр I ответил, что, поскольку все гетманы были изменниками, он должен «подыскать весьма верного и надежного человека». Таким образом, о свободном выборе уже не могло быть и речи, а Павло Полуботок, кандидатуру

которого старшина предлагала еще в 1708 г., когда избрали Скоропадского, был «слишком хитер» и среди благонадежных не числился.

Тем временем конфликт между генеральной старшиной и Степаном Вельяминовым, который прилагал энергичные усилия для подчинения Малороссийской коллегии Генеральной военной канцелярии, судов и казны, разгорался все сильнее. Наконец в июне 1723 г. Полуботок как наказной гетман вместе с генеральным судьей Иваном Чернышем и писарем Семеном Савичем был вызван в столицу для объяснений. Вдогонку ходатайству с просьбой о лик-

видации ненавистной Коллегии, которое они повезли с собой, царю были пересланы так называемые Коломацкие челобитные — петиция, составленная на старшинской раде в лагере над р. Коломак, где в 1723 г. стояло казачье войско. Один из ее пунктов содержал просьбу о выборах нового гетмана, а второй — об отмене введенных Малороссийской коллегией налогов, выводе из-под ее юрисдикции казацких судов и освобождении Гетманщины от постоя русской армии. Под петицией стояли подписи большинства генеральной старшины и полковников, причем последние высказывались не только от себя, но и от имени «товарищества», то есть рядовых казаков.

Раздраженный этой неожиданной активностью казачества, Петр I «с великим гневом и яростью» приказал заточить в тюрьму в Петропавловскую крепость сначала Полуботка, Черныша и Савича, а вскоре и остальных арестованных и привезенных

в Петербург «заговорщиков»: миргородского полковника Данилу Апостола, генерального есаула Василя Жураковского, генерального бунчужного Якова Лизогуба, регента Генеральной военной канцелярии Дмитра Володковского и других — всего 16 человек. Началось следствие: узникам грозили ссылки в Сибирь, а Полуботку — и того хуже, потому что по доносу земляка, а ныне «первенствующего члена Священного Синода» Феофана Прокоповича, его упрекали в контактах с Пилипом Орликом. Развязка наступила внезапно. 29 декабря 1724 г. в каземате умер Павло Полуботок (он похоронен на крепостном кладбище церкви Сампсония Странноприимца), а через месяц сошел

225. Павло Полуботок. Копия с портрета начала XVIII в.

в могилу и его могущественный враг Петр I. Еще через две недели дело было закрыто, хотя арестованную старшину вместе с семьями еще некоторое время держали в столице в качестве заложников.

18 февраля 1725 г. по поводу произошедших событий был объявлен манифест новой императрицы Екатерины I. Главная вина сводилась к «скверному лакомству» старшины, которая стремилась обогатиться, «простой народ обидя и разоряя», тогда как защищать его была призвана Малороссийская коллегия, созданная в интересах «поспльства». Комментируя это высказывание, нельзя не признать, что старшина и в самом деле не гнушалась тем, чтобы прибирать к рукам чужое, притесняя казаков и крестьян. Однако еще в меньшей степени роль народного благодетеля подходила царскому правительству: усилиями Малороссийской коллегии денежные налоги с населения за два года ее управления (1722–1724) увеличились с 45 до 140 тысяч рублей.

Достойная сожаления смерть Павла Полуботка уже в глазах современников создала вокруг него героический ореол жертвенности во имя казацкой отчины. Очевидно, именно в это время появилась и апокрифическая «речь» Полуботка, будто бы обращенная к Петру I, где наказной гетман смело бросает прямо в глаза императору обвинения в несправедливостях, причиненных Украине, которая заключена в «неключимое рабство», достойное «азиатского тирана, а не христианского монарха». Заканчивается речь патетически:

Я знаю, что на нас ожидают кандалы и мрачные темницы, где нас выморят голодом и притеснениями по московскому обычаю, но пока я еще жив — говорю тебе истину, о Государь! Ты будешь держать неизбежный ответ перед Царем всех Царей, всемогущим Богом, за погибель нашу и всего народа!

Автор «речи Полуботка», одного из самых ярких свидетельств тогдашних настроений старшины, неизвестен. Сама она циркулировала в нескольких редакциях: одну впервые опубликовал в Париже в 1789 г. в своих «Анналах Малой России» бывший атташе французского посольства в Петербурге Жан Бенуа Шерер. Несколько другая версия помещена в анонимной «Истории русов» конца XVIII — начала XIX в.; еще одна редакция была опубликована в 1822 г. в «Истории Малой России» Дмитрия Бантыша-Каменского.

Наконец, с именем Павла Полуботка связана новейшая легенда, появившаяся уже в начале XX в. и вплоть до сих пор время от времени будоражащая украинцев. Речь идет о так называемом «завещании Полуботка»: выезжая по вызову царя в Петербург, осмотрительный гетман якобы запаковал собственные драгоценности и часть драгоценностей казны и переправил по морю

в Англию, где они были размещены в одном из банков, с условием возвращения потомкам, но только в том случае, если они будут жить в независимом Украинском государстве. Характерно, что после длительного перерыва легенда о сокровищах Полуботка опять всплыла во время так называемой «хрущевской оттепели» 1960-х — как символ мечтаний о независимости.

* * *

После смерти Екатерины I (†1727) Верховный тайный совет, опекунский орган при императоре-младенце Петре II, ввиду перспективы приближения Русско-турецкой войны, изменил политику в отношении Гетманщины с целью «приласкания тамошнего народа» (война действительно началась, но позже, в 1735 г., и продолжалась до 1739 г., сопровождаясь бессмысленными потерями и минимальным военным результатом; лояльность казацкой старшины весьма пригодилась правительству, так как территория Украины служила и базой размещения, и источником материально-технического обеспечения армии). По решению Верховного тайного совета полнота верховенства над Гетманщиной передавалась из ведения Сената Коллегии иностранных дел, Малороссийская коллегия была ликвидирована, а казачеству было позволено «выбрать гетмана по-прежнему». Правда, в секретной инструкции министру Коллегии иностранных дел Федору Наумову, направленному контролировать выборы, отмечалось, что избранным должен быть миргородский полковник Данило Апостол, а если бы дело обернулось по-иному, наместник должен был «то собрание под каким пристойным претекстом остановить». Впрочем, даже такое избрание/назначение было встречено в Украине с энтузиазмом: императорский указ был зачитан в храмах «при благодарственном пении», а в Петербург шли письма от всех полков с благодарностью за монаршую милость.

Церемония гетманских выборов была проведена в Глухове 12 октября 1727 г. Согласно официальному отчету, сам ее ход, после того как все казацкие полки собрались у дома, где остановился Федор Наумов, выглядел следующим образом:

И из дому оного министра, где обрание гетману было, нес Его Императорского Величества присланную к малороссийскому народу милостивую грамоту секретарь Непеин в корете цуком на серебряном блюде... За тою грамотою шли з знамям глуховской сотник Иван Мануйлович, з гетманскою булавою бывший полковник Левенец. А оная булава несена на подушке, покрытою тафтою красною. З бунчуком судья наказный Федор Гречаной, с войсковым прапором сотник Иван Гамалия, с войсковою печатью бунчуковой товарищ

Андрей Миклашевской... За оными ж Его Императорского Величества грамотою и гетманскими клейнотами ехал в корете цуком господин тайной советник и министр, да с ним сидел по левую сторону полковник миргороцкой Данил Апостол, что ныне гетман.

Неожиданностей не случилось: гетманом единогласно был избран семидесятитрехлетний Данило Павлович Апостол (1654–1734), выходец из старшинского рода, самый старший по возрасту полковник (уже с 1682 г.) полковник, «приятель» всемогущего фаворита Александра Меншикова.

Вскоре после избрания Апостол поехал в Москву на коронацию малолетнего императора Петра II, везя с собой петицию о возвращении «давних вольностей». Ответом на нее стали так называемые Решительные пункты 1728 г. Они не возвращали Гетманщине «вольностей», однако вводили более мягкий вариант подчинения по сравнению с тем, который был установлен через Малороссийскую коллегию Петром I. В частности, гетман в военных делах подчинялся русскому командованию, однако гражданский наместник, который должен был неотлучно находиться при нем, наделялся функциями советника, а не министра с распорядительными полномочиями. Генеральную старшину и полковников утверждал император, однако из предложенных гетманом двух-трех кандидатур, а старшину низшего звена гетман мог назначать сам. Реорганизованный Генеральный суд отныне должен был состоять из трех украинцев и трех русских, однако его «президентом» был гетман, а юридическим основанием деятельности — «малороссийские права». Устанавливался аналогичный двойной контроль и за казной, для чего вводились посты двух генеральных подскарбиев — украинца и русского. Наконец, русские получали право покупать землю на территории Гетманщины, однако при этом они подчинялись казачьей администрации и обязывались не переселять в новоприобретенные имения русских крестьян-крепостных.

Описание торжественной встречи «при знаменах и музици войсковой», устроенной в Глухове в октябре 1728 г.

226. Данило Апостол. Рисунок XVIII в.

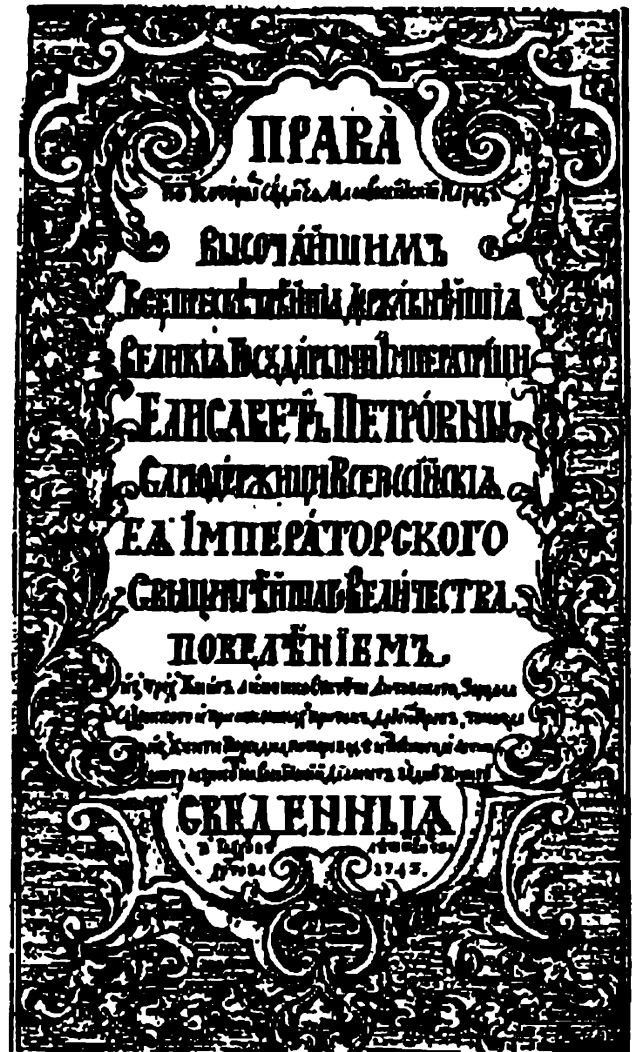
по случаю возвращения Данилы Апостола из Москвы, свидетельствует о том, какое значение придавалось и восстановлению гетманства, и Решительным пунктам. Соответствующую жалованную грамоту императора во время праздничного молебна положили «высоко на украшенном амвоне» и публично зачитывали после службы Божьей, а вся церемония завершилась пышным пиром:

При музице войсковой и пушечной стрелбе целоденною охотою бавился его ясневелможность з бунчуковими и войсковими товарищи и прочею старшиною.

Данило Апостол, маневрируя между причудливо располовиненными властными структурами, установленными Решительными пунктами, проявил себя осмотрительным политиком. За недолгое гетманство (он умер в январе 1734 г.) ему удалось начать, а частично и осуществить ряд практических мероприятий по приведению в порядок расшатанной реформами Петра I экономики. В частности, на протяжении 1729–1731 гг. было проведено так называемое Генеральное следствие об имуществе, то есть ревизия поземельного фонда гетманской Украины, что дало возможность разобраться на этом запущенном участке хозяйства и вернуть в казну часть захваченных владельцами земель. Апостолу также первым из гетманов удалось разобраться с делами казны, установив точный бюджет расходов центральной администрации, который покрывался за счет вывозной пошлины (ввозная, согласно Решительным пунктам, передавалась в русскую казну).

С 1728 г. под председательством генерального судьи Ивана Борзны начала работать кодификационная комиссия в составе 12 человек. Она была призвана согласовать в едином своде законодательные нововведения, проникшие в судебные практики под названием «Войсковых обычаев», с более давними кодексами уголовного и гражданского права, использовавшимися в Украине. К последним относились Литовский статут и так называемый «Саксон» — использовавшаяся в судах редакция Магдебургского права с комментариями польского юриста конца XVI в. Бартоломея Гроицкого «Порядок городских прав». Кодификационную комиссию также обязали позаботиться о переводах статей, которые войдут в составленный ею свод, с польского языка на украинский (впрочем, было бы слишком смело называть «украинским» языком курьезный суржик книжного староукраинского и делового русского, которым пользовались в высших канцеляриях Гетманщины, хотя в канцеляриях низшего уровня был распространен язык, близкий к разговорному украинскому).

Забегая наперед, стоит добавить, что кодификационная комиссия Данилы Апостола пережила его самого. Выработанный ею свод из 30 разделов и 1716 артикулов, абсолютное большинство которых основывалось на Литовском статуте, был передан на рассмотрение Сената только в 1744 г. под названием «Права, по которым судится малороссийский народ». Но было уже поздно: к тому времени Сенат обдумывал способы распространения на Гетманщину имперского законодательства. Поэтому для начала «Права» были заморожены в канцелярии Сената, затем (в 1756 и 1766 гг.) их пытались использовать в рамках предполагаемой общеимперской кодификации, а в 1807 г. даже положили в основу нового законопроекта под названием «Собрание малороссийских прав», однако в силу политических обстоятельств они так и не были претворены в жизнь. Впрочем, это не помешало использовать «малороссийские права» даже после ликвидации Гетманщины: в повседневной практике украинские суды опирались на труды местных юристов — «Суд и росправа в делах малороссийских» Федора Чуйкевича (1750 г.), «Книга Устав и прочие права малороссийские» Кондратьева (1764 г.) и др. Окончательная же ликвидация местных правовых особенностей совпала с установлением в губерниях Левобережной Украины, согласно императорскому указу 1843 г., общих норм судопроизводства на основании свода законов Российской империи (на Правобережной Украине действие Литовского статута было прекращено указом Сената 1840 г.).

227. Титульный лист рукописного кодекса «Права, по которым судится малороссийский народ» (Глухов, 1743)

* * *

После смерти Данилы Апостола выборы нового гетмана были вновь задержаны, а властные полномочия передавались так называемому Правлению

гетманского уряда — несколько смягченному варианту Малороссийской коллегии. Официально это объявлялось временным, однако, по секретной Инструкции тогдашней императрицы Анны Иоанновны, было окончательным; еще одна тайная инструкция рекомендовала распространять слухи о том, что главной причиной налоговых тягот был гетман, поэтому ликвидация гетманской власти принесет облегчение «малороссийскому народу». Правление состояло из шести человек: троих русских из среды высших чинов дислоцированной на территории Гетманщины русской армии и троих украинцев — генерального судьи, есаула и генерального подскарбия. В практической деятельности Правлению надлежало руководствоваться Решительными пунктами 1728 г., а на заседаниях, согласно императорскому распоряжению, сидеть вокруг стола «в равенстве»: так, чтобы офицеры находились напротив старшины. Этим, правда, «равенство» и исчерпывалось, так как реально руководство осуществляли высшие чины русской тройки — сперва князь Шаховской, затем князь Барятинский и др. Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. неограниченными полномочиями был наделен также фельдмаршал Миних, главнокомандующий царской армией, расквартированной на территории Гетманщины и Слобожанщины. Одно время он даже хлопотал о том, чтобы ему передали эти земли в наследственную собственность как герцогство, относясь к украинским автономным порядкам с подчеркнутым презрением. Например, когда Генеральный суд решил спор Миниха с семьей Марковичей не в его пользу, он, не подбирая дипломатических выражений, «угрожал им словами, что таких-де судей повесить или, бив кнутом, сослать в Сибирь, а о правах говорил, что шельма писал, а каналаия судил...».

Полоса надежд: правление Кирилла Разумовского (1750–1764)

Однако, казалось, уже обреченной Гетманщине суждено было еще раз пережить полосу надежд. Правда, на этот раз причиной послужили не политические резоны, а сентемент новой императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762), тайно вышедшей замуж за простого казака из с. Лемеша на Черниговщине Алексея Разумовского (1709–1771). Взятый вместе с другими юношами за красивый голос и статную осанку в придворную капеллу (на протяжении XVIII в. мода на украинских музыкантов в Петербурге не переводилась), Алексей сошелся там с Елизаветой — тогда еще царевной. В 1744 г. она совершила путешествие на родину «графа» Разумовского (графский титул был пожалован семье

Разумовских в 1744 г.), поклонилась киевским святыням и достаточно благосклонно восприняла высказанные ей просьбы старшины о восстановлении «давних вольностей», в том числе и гетмана.

Желанного кандидата не пришлось долго искать — им стал младший брат Алексея Разумовского Кирилл, которому к тому времени исполнилось всего лишь 16 лет. Впрочем, декоративное гетманство было не к спеху, поэтому юный граф отбыл в заграничное образовательное путешествие в сопровождении своего наставника Григория Теплова. Тем временем гетманскую Украину щедро осыпали царскими милостями: ее территория была освобождена от армейского постоя, а жителям разрешена свободная торговля хлебом; в 1745 г. была восстановлена Киевская митрополия, которая при Петре I, в 1722 г., была понижена в статусе до архиепископии; наконец, в 1747 г. был издан императорский указ «О бытии в Малороссии гетману по прежним правам и обыкновениям». 5 марта 1750 г. в Глухове, с большой торжественностью и соблюдением надлежащего церемониала, двадцатидвухлетний Кирилл Разумовский был заочно «избран» на гетманство, а императрица по этому поводу присвоила ему чин генерал-фельдмаршала и вручила в придворной церкви Петербурга гетманские клейноды — знамя, бунчук, военную печать и серебряные литавры; одновременно в его распоряжение передавались все ранговые имущества и финансы Гетманщины. В июле того же года в сопровождении многочисленных экипажей, всадников, музыкантов, скороходов и даже труппы актеров новый гетман прибыл в Глухов, где его встречали старшина, духовенство, несколько тысяч казаков. Впрочем, театральность события этим и исчерпывается, потому что молодой гетман оказался не такой безвольной марионеткой Петербурга, как того можно было ожидать. В его правление (1750–1764) Гетманщина пережила последнюю попытку приспособиться к новому положению вещей, не поступившись при этом вольностями. Направление этих усилий определяли черты личности самого Кирилла Разумовского. Воспитанный при столичном дворе и связанный

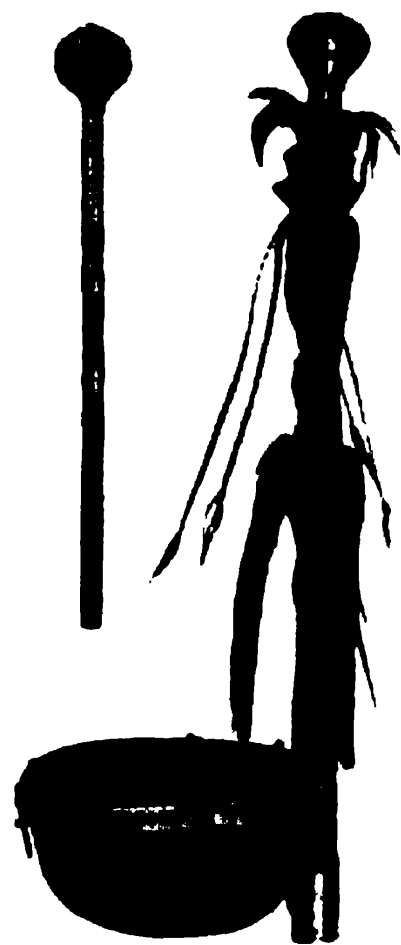

228. Елизавета Петровна. Гравюра Чемесова, 1761 г.

семейными узами с высшей русской аристократией благодаря браку с родственницей императрицы Екатериной Нарышкиной, гетман рассматривал Украину конечно же в качестве части Российской империи, однако находящейся под контролем местной власти, в центре которой он видел самого себя. О таком направлении политики красноречиво свидетельствуют, в частности, мероприятия Разумовского, направленные на перестройку гетманской столицы. При гетманстве Скоропадского и Апостола столицей, как уже упоминалось, был Глухов, который принадлежал к неплохим городам: как писал в 1703 г. русский паломник Иван Лукьянов, «в малороссийских городах другога вряд ли такова города сыскать; лучше Киева строением и житием». Однако Разумовский решает перенести свою резиденцию в старую, мазепинскую столицу — Батурин. Именно здесь, на живописном крутом берегу р. Сейм, петербургский архитектор англичанин Чарльз Камерон несколько позже начнет строительство по заказу Разумовского роскошного дворца первоклассной архитектуры в стиле классицизма (его центральный корпус сохранился поныне), а итальянец Ринальди

заложит вокруг парк. К проектированию в Батурине «национальных строений» были привлечены самые известные придворные мастера из Санкт-Петербурга (в связи с ликвидацией гетманства эта часть замысла осталась на стадии подготовительных работ). Одновременно гетман вынашивал планы открытия в своей новой столице университета и реформирования Киево-Могилянской академии.

Попытка превратить Батурин в «маленький Петербург» логично перекликается с мероприятиями Кирилла Разумовского, направленными на законодательное закрепление позиций украинской знати, в которую превратилась казацкая старшина. Тенденция к отождествлению себя со старинной шляхтой наметилась среди казацкой верхушки, как уже говорилось, еще в период правления Ивана Мазепы, однако выраженную форму она приобрела только в 1740-х гг. Например, проект «Прав, по которым судится малороссийский народ» предусматривал, что носители всех казацких войсковых званий, начиная с сотников, будут признаны «шляхтой» с распространением на них прав, установленных Литовским статутом для лиц шляхетского сословия. Реанимация, казалось бы, затертой от длительного

229. Булава, бунчук и литавры (XVII в.?)

употребления фразеологии Статута имела более глубокий, нежели просто юридическая казуистика, подтекст. Апелляция к шляхетскому статусу, да и к самому понятию «шляхты» косвенно свидетельствует о том, что казацкая старшина сохранила в гораздо большей степени, чем того можно было ожидать, связь со своей политической колыбелью — Речью Посполитой. Представления о справедливом строе, о правах и функциях элиты, о способах ее самоорганизации, на которые можем натолкнуться в тогдашних памятниках, были целиком перенесены из практик Речи Посполитой вместе с понятием «шляхта», разве что под последней уже понимали не старожитную родовую, а военную, старшинскую знать.

Реформирование судопроизводства, проведенное Кириллом Разумовским в 1760–1763 гг., также, по сути, было направлено на реанимацию того строя, который существовал до казацкой революции. За реформой Генерального суда недвусмысленно проступают состоящие из депутатов-шляхты апелляционные трибуналы Речи Посполитой: двум традиционным генеральным судьям здесь отныне должна была помогать выборная коллегия из 10 депутатов — по одному от каждого полка. Вместо полковых судов вводились обычные для Речи Посполитой земские, гродские и подкоморские суды для рассмотрения гражданских, уголовных и межевых дел. Более того, уголовные (гродские) суды должны были возглавлять, подобно старостам Речи Посполитой, полковники, а земских судей, подсудков, писарей, подкомориев и их помощников-коморников должна была, как и в Речи Посполитой, избирать «шляхта» соответствующей округи.

Еще одним нововведением, подчеркивавшим тенденцию к «ошляхетниванию» гетманской Украины по образцу Речи Посполитой, стал созыв старшинских съездов в Глухове для обсуждения наиболее важных дел, что было аналогично практике шляхетского сейма. В частности, в сентябре 1763 г. именно такой съезд, в котором приняло участие около ста старшин среднего и высшего ранга от всех полков, одобрил упомянутую судебную реформу. Один из его участников в своей речи, запись которой сохранилась, прямо говорит о необходимости введения «сейма», или Генеральной рады, для возрождения «силы нашего шляхетства». Характерным манифестом старшинского мировоззрения времени правления Кирилла Разумовского является поэма переводчика Генеральной войсковой канцелярии Семена Дивовича «Разговор Великороссии с Малороссией», написанная в 1762 г. Напоминая о военных заслугах казачества, Дивович особенно подчеркивает, что казацкая старшина — это люди «не без знатных рангов», которые не уступают русской знати, разве что называются иначе. Но это вещь второстепенная, потому что, как отмечает

автор, Украина перешла под скипетр русского царя добровольно, и потому ее статус равнозначен статусу России.

А разность наша есть
в приложенных именах:
Ты Великая, а я Малая,
живем в смежных странах...
Так мы с тобою равны
и одно составляем,
Одному, не двум
государям присягаем...

Поиски доказательств, направленных на то, чтобы, по меткому выражению Зенона Когута, «приместить Украину внутри большей, русской идентичности», не были внове. Напротив, выдвижение на первый план старшинской «шляхты» в роли хозяина Гетманщины свидетельствовало о появлении достаточно четкой политической платформы, опиравшейся на лояльность по отношению к царю, но с подчеркиванием того, что Украину и Россию соединяет только скипетр общего монарха, тем временем как правитель, правительство, территория, финансы в Гетманщине свои. Петиция к императрице от имени Войска Запорожского и «малороссийского народа», одобренная на Глуховской раде 1763 г., в которой подчеркивалось восстановление договорных отношений между царем и казачьим государством на основании «Статей Богдана Хмельницкого», совершенно четко свидетельствует именно о такой направленности мыслей. Радикальным нововведением глуховских дебатов стала и вторая из обсуждавшихся здесь петиций — о закреплении за родом Разумовских наследственного гетманства: ее подписали полковники и часть генеральной старшины.

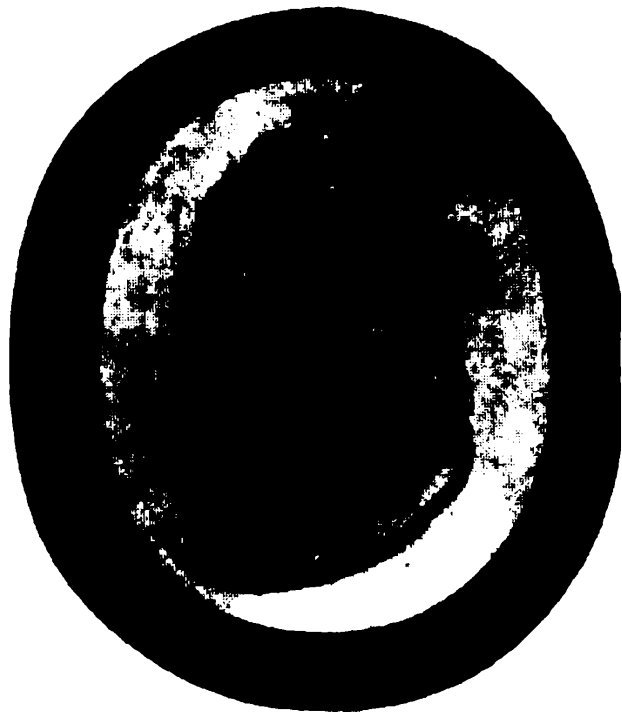
Глуховский старшинский съезд, о котором с должной бдительностью донесли в Петербург киевский губернатор Федор Воейков и митрополит Арсений Могилянский еще до того, как туда дошли упомянутые петиции, вызывал недовольство тогдашней императрицы Екатерины II. Поэтому в январе 1764 г. Кириллу Разумовскому было приказано ехать в столицу для объяснений. Ко всему прочему, как раз накануне императрица ознакомилась с так называемой «Запиской о непорядках в Малороссии, которые идут в настоящее время от злоупотреблений правами и обычаями, подтвержденными в грамотах». Ее составил секретарь Екатерины II, бывший воспитатель Разумовского Григорий Теплов, который после утверждения своего подопечного на гетманстве несколько лет прожил в Украине. «Записка» рассматривала Гетманщину как органическую

часть русской государственной территории, силой оторванную, а впоследствии законно возвращенную под скипетр царя. Критическое острие «Записки» было направлено прежде всего против старшины, чьи злоупотребления, по мнению Теплова, процветают из-за несовершенства «малороссийского права», особенно же — из-за «конфузного польского Статута», положения которого,

для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны малорусскому народу, в самодержавном владении пребывающему.

Считается, что именно «Записка» Теплова стала поводом к решительным действиям. По требованию Екатерины II Кирилл Разумовский в конце февраля 1764 г. подписал добровольное отречение от гетманства (в награду за лояльность были подтверждены предоставленные ему еще Елизаветой Петровной огромные имения в Украине и немалая пожизненная пенсия). Императорский указ от 21 ноября 1764 г. ликвидировал гетманский пост, а управление передавалось новообразованному органу — Малороссийской коллегии (ее традиционно называют Второй Малороссийской коллегией). В состав Коллегии должны были войти четыре высших русских офицера и четыре представителя генеральной старшины, а «президентом» Коллегии и одновременно генерал-губернатором края назначался граф Петр Румянцев, который с апреля 1765 г. почти на четверть века осел в Глухове. Показательно, что, согласно предостережению Екатерины II, украинцы и русские на заседаниях Коллегии должны были сидеть не друг против друга, как в период правления гетманского правительства, а попеременно, чтобы у старшины выветрилось «развратное мнение, по коему поставляют себя народом, от здешнего [русского. — Н.Я.] совсем отличным».

Среди других предписаний Екатерины II заслуживают внимания те, в которых она указывает Петру Румянцеву в случае необходимости искоренять «внутреннюю ненависть» украинцев к русским, а также тщательным образом отслеживать настроения простого народа с целью привлечения его на свою сторону. Что же касается мероприятий по ликвидации особенностей местного

230. Екатерина II. Мраморный барельеф Мари Анн Колло, 1769 г.

уклада, то их было рекомендовано вводить постепенно и осторожно. Как писала императрица в одной из своих инструкций прокурору Сената князю Александру Вяземскому,

Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями, нарушить оныя отрешением всех вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостию. Сии провинции, также и смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, что бы они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу... когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло...

Что же касается Кирилла Разумовского, то он в дальнейшем проживал в Петербурге или за границей и только на склоне лет вернулся в Украину. Умер он в 1803 г. в Батурине; похоронен здесь же, в построенной на его средства Воскресенской церкви, которая существует и поныне (прах гетмана в поисках драгоценностей потревожили в советское время, поэтому его гроб не сохранился). В местном предании, объединившем двух батуринских гетманов — Мазепу и Разумовского, рассказывается, что церковь была построена из кирпича так называемого мазепинского столба — башни, уцелевшей во время погрома Батурина 1708 г.

Новый порядок, новые «чины», новые «дворяне»

Губернаторское правление Петра Румянцева началось с проведения в течение 1765–1767 гг. тотальной ревизии хозяйства гетманской Украины. Именно тогда была впервые осуществлена перепись населения, детально зафиксирована земельная собственность и имущество каждого хозяина и т. п. (материалы так называемой Румянцевской описи, сохранившиеся до сих пор, насчитывают более тысячи томов), вытеснялись старые институты власти. Сначала Второй Малороссийской коллегии подчинили Генеральную войсковую канцелярию, затем — Генеральный войсковой суд: в 1767 г. он был реорганизован в один из департаментов Коллегии. Такими же департаментами стали и другие органы гетманской администрации — Канцелярия генеральной артиллерии, Генеральная счетная комиссия и Канцелярия малороссийской казны. Параллельно в делопроизводство вводились единые по всей империи формы документации и контроля за штатами. Эти нововведения сопровождалось

серией «тихий» мероприятий Румянцева, который брал на ответственные должности сторонников нового порядка и одновременно способствовал интеграции старшинской шляхты в мир русской знати, предоставляя старшине общеимперские чины, что, по его выражению, должно было пробуждать «патриотизм к общему отечеству».

Начало Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. несколько притормозило реформаторские инициативы генерал-губернатора, назначенного главнокомандующим русской армией. Стоит напомнить, что эта война была успешной для России: по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. она получала часть побережья Черного моря, а Крымское ханство провозглашалось независимым от турецкого султана, то есть фактически переходило под контроль Екатерины II. (Вскоре, в 1778 г., около 40 тысяч христиан ханства были принудительно переселены в Приазовье, а уже в 1783 г., спровоцировав в Крыму внутреннюю междоусобицу, русское правительство свергло с престола последнего хана Шагин-Гирея и присоединило Крым к империи.)

После победного завершения войны еще сохранявшиеся на украинских окраинах империи остатки партикуляризма теряли в глазах Петербурга всякую целесообразность. Поэтому в 1775 г. была ликвидирована Запорожская Сечь, к чему мы еще вернемся далее, а указом от 11 сентября 1781 г. на территории Гетманщины вместо прежнего полкового устройства вводилось Малороссийское генерал-губернаторство, включавшее три губернии, или наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. Эти административные единицы должны были быть устроены согласно предписаниям общеимперского «Установления о губерниях» и разделялись на 11 уездов. В губернских центрах и уездных городах создавались административные и судебные учреждения по образцу тех, которые действовали в великороссийских губерниях, а остатки администраций, отличавшихся от этого образца, такие как Малороссийская коллегия, Генеральный суд, полковые и сотенные правления, теряли силу. Как уже говорилось, 3 мая 1783 г. вышел императорский указ, по которому крестьяне прикреплялись к месту своего проживания, а им самим запрещалось покидать своих владельцев. Наконец, указом от 9 июля 1783 г. вместо казацких создавалось десять конных (так называемых «карабинерских») полков регулярной армии с шестилетним сроком службы. Они должны были формироваться из бывших казаков, отныне именуемых «казенными землепашцами» и обязанных военной повинностью, основанной на принципах рекрутирования трех солдат с 500 душами населения. Старшина, также подпадавшая под действие этого указа, получала российские «табельные чины» в соответствии с Табелью о рангах — порядком прохождения службы

государственными чиновниками, установленному в 1722 г. Петром I (Табель различала 14 военных, штатских и придворных «рангов», то есть чинов, которые равнялись принадлежности к дворянскому сословию). Что касается старшины, то она разделялась на военные ранги в зависимости от должности: например, полковые есаулы и хорунжие, которые продолжали службу, отныне становились соответственно ротмистрами и поручиками, а уходя в отставку, получали ранги ступенью выше — премьер-майора, секунд-майора и т. п. «Табельные чины» должны были быть пожалованы также и тем представителям старшины, которые решили посвятить себя гражданской службе в рангах коллежских асессоров, титулярных советников и т. п. Тех, кто не хлопотал бы о новых званиях (как писал один из современников, «по привязанностям к малороссийским чи-
нам»), оказалось немного. До 1784 г., то есть до окончания срока, на который растянулась эта акция, абсолютное большинство казацкой старшины обзавелось «табельными чинами», уравнившись таким образом с российским служилым дворянством.

Следовательно, когда в 1785 г. был объявлен знаменитый манифест Екатерины II «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», где впервые гарантировались неприкосновенность личности, имущества и чести, региональное самоуправление, а также право свободного въезда и выезда из страны лицам дворянского звания*, казацкой старшине оставалось только формально подтвердить свое знатное происхождение «по силе малороссийских прав». Такая процедура предусматривала предоставление документов для подтверждения того, что кто-то из предков кандидата в «российские дворяне» или принадлежал к старшине, или происходил «не от здешней престонародной породы», а от «польской», то есть польско-литовской шляхты. В генеалогиях, которые интенсивно оформлялись (и фальсифицировались) в ходе подтверждения старшиной дворянства, мы сталкиваемся со множеством забавных нелепостей вроде возведения Белецкими-Носенками своего рода к угасшей еще в XV в. волынской ветви

231. Герб Сологубов
«Правдич»

кандидата в «российские дворяне» или принадлежал к старшине, или происходил «не от здешней престонародной породы», а от «польской», то есть польско-литовской шляхты. В генеалогиях, которые интенсивно оформлялись (и фальсифицировались) в ходе подтверждения старшиной дворянства, мы сталкиваемся со множеством забавных нелепостей вроде возведения Белецкими-Носенками своего рода к угасшей еще в XV в. волынской ветви

* Стоит напомнить, что подобная совокупность прав была законодательно оформлена в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, а следовательно, и на украинских землях, еще в середине XV в. К тому же она распространялась не только на шляхту, но и на другие свободные группы населения.

князей Носов, Скоропадскими — к некоему мифическому «референдариию Украины того берега». Случалось, что дворянство подтверждали достаточно курьезным образом. Так, в качестве примера можно привести «цедулу» (записку) гетмана Ивана Скоропадского 1711 г., которая приводилась Сологубами в доказательство близости их предка к гетману:

Тоби, скурвому сину Василю Салогубу, нехай буде відомо, иж доносил нам жалобливе пан Антон Трохимович, сотник сребрянскій, же ти з своеи мужицкой глупости... овец ему по уговору не отдалесь... зачим умыслъне посилаючи от боку нашего посланного, приказали ему конечно тебе, як собаку, за шию взявши и в колоду забивши, примкнути до обозу, гді... знатного кієвого караня не увойдеш, декляруем непременно.

В связи с той легкостью, с которой осуществлялось подтверждение «благородной» родословной, процент дворян в бывшей Гетманщине к концу XVIII в. был значительно выше, чем в остальных регионах империи, включая, по подсчетам Зенона Когута, около 23–25 тысяч человек. Это число, несомненно, охватывает много людей мещанского или даже крестьянского происхождения, над чем современники язвительно насмехались. Например, в анонимном черниговском стихотворении «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственные» едко пародируется подтверждение дворянства «по гербу», на котором изображена лопата «держалном вверх... в середине грабли, вилы и топор»; понадобилось же оно кандидату для того, чтобы его «никто не брал за чуб».

Последние попытки воспрепятствовать переменам в Гетманщине

Усилия, направленные на обеспечение для себя места в социально престижных структурах Российской империи, не исключали попыток казацкой старшины хоть как-то воспрепятствовать происходящим на родине переменам. Подходящей нивой для этого, в частности, стала деятельность Комиссии для сочинения проекта Нового уложения, выборы в которую объявила Екатерина II в 1766 г. — с целью обсуждения реформ российского законодательства. В итоге из реформы ничего не вышло, поэтому в 1769 г., под предлогом начала Русско-турецкой войны, Комиссия была распущена. Однако бурные выборы (из Украины были избраны депутаты: 11 от старшины и рядового казачества, 10 от горожан, 2 от Запорожской Сечи) и особенно составленные избирателями «наказы» свидетельствовали о том, насколько

живучими оставались здесь, как раздраженно писал Петр Румянцев, «любовь к своей земле» и стремление «к умоначертаниям прежних времен». Общим пунктом всех депутатских наказов стало требование возобновить договор, на основании которого «гетман Богдан Хмельницкий со всем малороссийским народом» перешел «под государство великороссийское». Правда, под давлением генерал-губернатора хлопотать о возобновлении гетманства избиратели осмелились лишь в одном из наказов — от рядовых казаков Прилуцкого полка, а в остальных ограничились требованием соблюдения старинных обычаев и юридических практик, в частности Литовского статута, упоминание о котором звучит особенно часто. Красноречивым свидетельством старшинской позиции является разыскание на обоснование депутатских наказов, написанное переводчиком Петербургской академии наук, депутатом старшины Лубенского полка Григорием Полетикой под названием «Историческая справка: на каком основании Малая Россия находилась под польской республикой и согласно каким договорам отдалась российским государям, и патриотическая мысль о том, как ее теперь можно обустроить без нарушения ее прав и вольностей, чтобы она была полезной для российского государства». Высказанные в этом «Историческом разыскании» идеи в конце XVIII — начале XIX в. в публицистической форме будут частично повторены в анонимной «Истории русов» — самом ярком памятнике старшинской политической мысли Гетманщины. «Полезным» правление в Украине, по мнению автора «Исторического разыскания», будет тогда, когда оно полностью сосредоточится в руках «шляхты». Следовательно, ей следует предоставить право свободно выбирать из своей среды урядников, а также устанавливать, отменять и исправлять действующие на украинской территории законы, определять налоги и повинности и т. п.

Требования разных социальных групп избирателей совпадали еще в одном пункте — образовательном. Отмечая, что «в здешнем народе особливейшая к наукам склонность и охота видится», наказы сетуют на упадок образования и хлопчут о разрешении открыть два университета с типографиями при них (это явно перекликается с упомянутыми выше проектами Кирилла Разумовского); о поддержке Киево-Могилянской академии и Черниговского коллегиума; об основании девичьей гимназии; об освобождении книгоиздания от цензуры и т. п. Комментируя этот пункт наказов, стоит добавить, что и в самом деле на середину XVIII в. приходится «особливейшая к наукам склонность», засвидетельствованная ростом числа образовательных путешествий юношей из Украины за границу — в университеты Германии, Швеции, Франции и т. п. Поэтому совершенно уместно в приказе старшины Глуховского

полка отмечалось, что «иные, отсылая детей своих в иностранные земли, приходят в оскудение», а многие вообще «не имеют к этому способу».

На поток украинских инициатив Екатерина II отреагировала спокойнее, чем раздраженный «фальшивыми республиканскими мыслями» генерал-губернатор Петр Румянцев. По мнению императрицы, «желание к чинам, а особенно к жалованию» рано или поздно должно перевесить влечение к автономным вольностям. Этот расчет оказался верным, что хорошо подтверждается бесконфликтной ликвидацией остатков казацкого строя на протяжении 1780-х гг. Мы не знаем, как оценивала эти события старшина в доверительных частных беседах. На поверхности же остались только невыразительные следы единственного реального проявления сопротивления, связанного с поездкой в 1791 г. сына миргородского полковника, модного в петербургских салонах поэта Василия Капниста, в Пруссию. От имени своих единомышленников Капнист якобы должен был установить контакты с канцлером Эвальдом Герцбергом и прозондировать почву в отношении того, окажет ли Пруссия поддержку антирусскому восстанию в Украине. Канцлер ответил уклончиво, побаиваясь провокации и не желая нарываться на межгосударственный конфликт. Более обширной информацией о людях, от чьего имени Василий Капнист вел переговоры, и об обсуждении, которое должно было предшествовать им, в настоящее время историки не располагают, поскольку сама миссия, естественно, была тайной. Свидетельство же о ней, помещенное в рапорте канцлера королю, следующее:

232. Батури́нский дворец Кирилла Разумовского. Современное фото

Он утверждает, что его послали жители этой страны, доведенные до крайнего отчаяния тиранией, которую российское правительство, а именно князь Потемкин, осуществляли над ними, и что он хотел бы знать, могут ли они рассчитывать на протекцию Вашего Величества в случае войны — тогда они попробуют сбросить русское ярмо. Он говорит, что это была страна давних запорожских казаков, у которых отняли все их привилегии, бросив их к ногам русских...

Тихое угасание слободской Украины

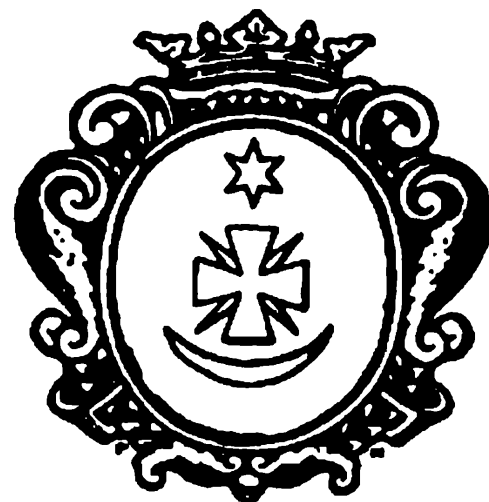
Григорий Сковорода в одном из писем называет Малороссию, то есть гетманскую Украину, своей матерью, а Слобожанщину — теткой. Эта метафора на удивление метко передает родственную, но неодинаковую судьбу двух казацких ареалов — старого и нового, «слободского», который с середины — второй половины XVII в. разросся на землях бывшего Дикого поля за путивльским пограничьем Московского царства. Переселенцы с охваченных пожарами войн Надднепрянщины, Подолья и Волыни прибывали сюда, снимаясь с родных мест целыми селами, а то и округами. В 1652 г. около тысячи казаков во главе с полковником Иваном Зиньковским, выйдя из-под волынского Острога целым полком — с обозным, писарем, девятью сотниками и даже двумя священниками, заложили у слияния рек Тихая Сосна и Острогоща будущий город Острогожск; другая группа переселенцев основала на старом Сумином городище г. Сумы. А в 1654 г. 37 казацких семей построили небольшую крепость на Харьковском городище над р. Лопанью — вскоре сюда придут еще 587 семей, крепость будет расширена и перестроена, она начнет обрастать предместьями, пока наконец не превратится в один из наиболее крупных городов слободской Украины — Харьков. В 1659 г. 670 переселенцев осели на древнем городище над татарским бродом на р. Северский Донец, положив начало г. Салтову; немного позже уманский полковник Мыкола Сененко с 200 казацкими семьями поселился на месте будущей Мурафы; в 1663 г. атаман Яков Черниговец занял с группой колонистов из-за Днепра устье р. Балаклия, основав одноименный город. В целом же, по подсчетам Дмитра Багалия, в последней четверти XVIII в. в этих некогда безлюдных степях проживало более 990 тысяч человек, в абсолютном большинстве своем переселенцы из Украины, и около половины между ними были свободными «военными обывателями», то есть бывшими казаками.

Большие группы переселенцев, прибывая на свою новую родину, сразу сооружали укрепления, которые после прибытия городского торгового и ремесленного населения превращались в города — Острогожск, Охтырку, Харьков, Сумы и др. Менее крупные коллективы оседали в основанных ими же селах, а поскольку эти поселения были освобождены от налогов, то по старинной украинской традиции их называли «слободами», что дало имя всему обширному региону, который занимал современные Курскую, Белгородскую и Воронежскую области Российской Федерации и Сумскую, Харьковскую и Донецкую области нынешней Украины. Абсолютное большинство колонистов были зажиточными людьми, или, согласно канцелярской формуле тогдашних русских источников,

«семьянистыми и прожиточными», умудряясь в нелегком путешествии через Днепр и степи перевозить сельскохозяйственный инвентарь и даже перегонять скот — коней, коров, волов, свиней, овец.

Неудивительно, что такому степенному контингенту царское правительство охотно содействовало. Хозяйственные «черкасы», как называли их в московской документации, оседая на безлюдных пограничьях государства, одновременно и окультуривали их, и образовывали живой защитный щит на татарских путях и речных переправах. Переселенцы, в свою очередь, получали собственные выгоды от протекции правительства: их взаимоотношения с властью на долгие годы ограничивались приношением присяги верности царю, тогда как в «черкасские обыкlosti», то есть внутреннюю жизнь казацких общин, русская администрация не вмешивалась.

Главными привилегиями слобожан являлись право свободной, не облагаемой налогом и не ограниченной размерами «заимки», то есть разрешение разрабатывать целинную почву, из которой выросла здешняя поземельная собственность, а также право на занятие хозяйственными промыслами — под них отводились лесные, луговые и речные угодья, в ходе более поздних правительственных межеваний приписанные к конкретному населенному пункту «вопче», т. е. как земли общего пользования. С частных заимок следовало нести военную службу, а если они по тем или иным причинам пустовали, местная старшина могла передавать их вновь прибывшим поселенцам или продавать на сторону (впоследствии это стало одним из источников формирования крупных старшинских имений). К наиболее прибыльным местным промыслам относилось свободное винокурение, утверждавшееся царскими жалованными грамотами в качестве сугубо украинской льготы, неизвестной населению внутренних регионов России. В лесных районах достаточно большие прибыли приносило дегтярство и пчеловодство, а в степных — вываривание селитры, скотоводство, садоводство. К «черкасским обыкlostям» принадлежало также право переселенцев на заведение мельниц и беспошлинную торговлю, считавшуюся вместе с винокурением заменителем денежного жалованья за военную службу. Торговые льготы способствовали быстрому формированию крупных ярмарочных центров в Харькове, Охтырке, Сумах. В целом же в последней четверти XVIII в. на Слобожанщине, где концентрировалась крупная сухопутная посредническая торговля между

233. Герб Донцев

купцами Украины, России, Турции и Польши, функционировало свыше 270 ярмарок, через которые проходили огромные объемы сырья и товаров местного и иностранного происхождения.

Стабильная и состоятельная жизнь жителей слободской Украины обеспечивалась и тем, что царское правительство вплоть до 1760-х гг. не вмешивалось в их внутреннее самоуправление, устроенное по привычной для казачества полково-сотенной схеме. Пять слободских территориально-административных полков, которые сформировались уже в первые годы заселения края, охватывали Острогожский, Харьковский, Сумской, Охтырский и Изюмский полковые округа. Численность казачества, выставяемого этими полками в случае военной необходимости, в разное время была неодинаковой: на рубеже XVII–XVIII вв. в самом большом Сумском полку насчитывалось 1230 боеспособных воинов, в Харьковском — 850, Охтырском — 820, Острогожском — 350, Изюмском — 250. Согласно постановлению так называемой Комиссии установления слободских полков 1732 г., комплект боеспособных казаков Слобожанщины был определен в 4200 человек — тысяча в Охтырском полку и по 800 в остальных (всего же «выборного» казачества насчитывалось 22 тысячи, а «подпомочников» и «подсоседков» — 86 тысяч).

Как и в гетманской Украине, вся полнота гражданской, судебной и военной власти на территории полка принадлежала полковникам. Эта должность была особенно почетной и уважаемой, поскольку в свое время именно полковники возглавили переселение, а в новых условиях осуществляли посредничество между казаками и царской администрацией. Поэтому достаточно быстро на главное место выдвинулось около десятка семей, которые на протяжении всего XVIII в. комплектовали полковничий корпус: Донцы-Захаржевские, Квитки, Кондратьевы, Шидловские, Лесевицкие и др. Стоит добавить, что сперва полковников избирали на старшинских радах и только утверждали царскими жалованными грамотами, а впоследствии, как и в Гетманщине, фактически назначали сверху. Однако, в связи с отсутствием сепаратистских настроений, это происходило без заметных конфликтов и с учетом мнения казаков.

Ни гетманского правления, ни приближенной к гетману Генеральной рады Слобожанщина не знала. Жизнь полков замыкалась на собственной полковой старшине, состоявшей, кроме полковника, из обозного, судьи, есаула, хорунжего и двух писарей — одного для военных, второго для гражданских надобностей. В военных вопросах полковники подчинялись белгородскому воеводе — командиру так называемого Белгородского полка, к которому были приписаны слободские казацкие формирования. Что же касается гражданской сферы, в частности «прав и вольностей», то в каждом из полков она регулировалась

собственной жалованной грамотой, а высшей апелляционной инстанцией выступали центральные общероссийские органы: сперва Разрядный, а впоследствии Великокороссийский приказ.

Впрочем, с течением времени объем самоуправления на Слобожанщине, как и в гетманской Украине, начал постепенно сужаться. Так, после переписи населения 1732 г., согласно решениям упомянутой Комиссии установления слободских полков, общеармейской регламентации были подчинены и казацкие вооруженные силы; с 1735 г. запрещалось свободное перемещение населения за пределы Слобожанщины; с 1748 г. казаков прикрепили к полковым территориям, затруднив переход из одного полка в другой.

Окончательная отмена полкового строя Слобожанщины совпала с ликвидацией гетманства в соседней гетманской Украине. Согласно манифесту Екатерины II от 8 августа 1765 г., вместо пяти полковых административных округов была создана Слободско-Украинская губерния с общеимперскими органами управления. Отныне здесь надлежало сформировать пять гусарских полков, в которые на добровольных началах могли записываться бывшие казаки, а теперь «военные обыватели». Тот из них, кто не нес военную службу непосредственно, обязывался платить денежный «подушный оклад» от каждого лица мужского пола своей семьи. Старшина же, подобно старшине Гетманщины, получала «табельные чины». На их основании после 1785 г. она также начнет хлопотать о подтверждении российского дворянства, однако число семей, которым повезло добиться его, было незначительным — немногим более 60. Судя по «наказам» слободской знати депутатам упомянутой выше Комиссии Нового уложения, она, в отличие от гетманской шляхты, политических амбиций не имела.

Финальные полвека Запорожской Сечи

Угасание на протяжении XVIII в. казацких автономий, и в частности ликвидация Запорожской Сечи, не может быть детально рассмотрено без внимания к наступлению Российской империи в Северном Причерноморье, начало которому положил Петр I. Итог ему подвели Русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. которые, как утверждают иногда и сегодня, «освободили» эти земли «от многовекового турецко-татарского господства». В переводе с языка пропаганды на язык фактов это означало захват территории Крымского ханства и его степных сателлитов-ногайцев, которые к концу XVIII в. уже не представляли никакой угрозы для империи. Наоборот, «последний бастион кочевников», над которым нависла всей своей громадой Россия, помышлял разве что

о собственном спасении. Впрочем, в этой фразеологии не все в порядке и с понятием «кочевники». На Крымском полуострове, то есть в самом ханстве, кочевой образ жизни давно стал историческим преданием: по переписи 1740 г., здесь насчитывалось 48 административно-судебных округов («кадалыков»), охватывавших 9 городов и 1399 сел. Что же касается жителей степи в Восточном (от р. Берды до Днепра) и Западном (от Буга до Днестра) Ногаях и в Буджаке (между Днестром и Дунаем), то они во второй половине XVIII в. также вели уже полуоседлый образ жизни, выращивая на своих «зимовищах» ячмень, просо и гречиху на продажу и разводя скот, а пограничные столкновения с молдаванами или славянским населением превратились из грозных степных набегов в обычные соседские конфликты.

Стоит напомнить и о том, что у России была не только прагматичная цель добиться выхода к Черному и Азовскому морям; ее продвижение на Юг было связано с мессианским мотивом похода в Святую землю с целью опеки над всеми христианами греческого обряда, своего рода восстановления Византии после Византии. Не случайно в окружении Екатерины II даже родился проект создания на руинах побежденной Турции Греческого государства, корона которого предназначалась внуку императрицы — Константину Павловичу.

Именно в это время убежденность в моральном праве России на захват тюркско-мусульманского Юга, обоснованном в манифестах Екатерины II и историописании ее царедворцев, надолго (если не до сегодняшнего дня) вошла в плоть и кровь русского мироощущения.

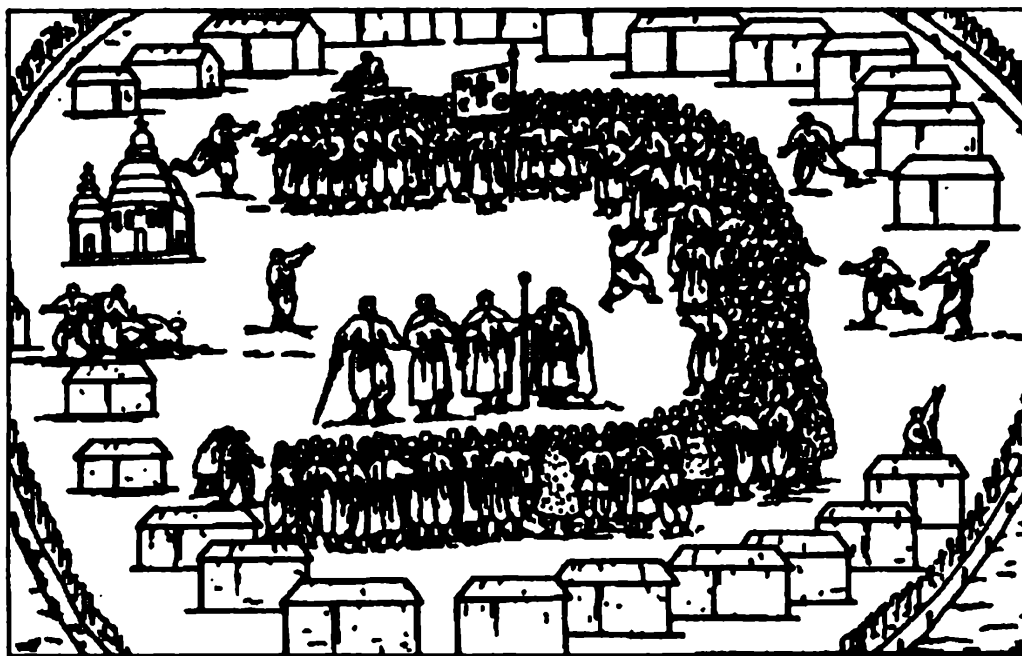
На полпути между Россией и землями ее мессианских устремлений лежала Украина — плацдарм для размещения вооруженных сил и основной источник снабжения армии продовольствием, фуражом и транспортными средствами. Используя казачье население в войнах за Причерноморье и достигнув своей цели, царское правительство рано или поздно должно было ликвидировать уже не нужный ему буфер. Поэтому неудивительно, что на Слобожанщине первая волна наступления на автономию пришла на время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., а вторая и здесь, и в Гетманщине совпала с победным окончанием войны 1768–1774 гг. Эти же обстоятельства решили и судьбу Запорожской Сечи.

О Сечи мы в последний раз упоминали в связи с репрессиями 1709 г. против сторонников Ивана Мазепы, когда сечевые укрепления на Чертомлыке были разрушены, часть запорожцев уничтожена, а те, кому посчастливилось спастись, поначалу осели на р. Каменке, а впоследствии, в 1712 г., переселились на территорию Крымского ханства, заложив кош ниже впадения в Днепр р. Ингульца — в Олешках [в настоящее время г. Цюрупинск Херсонской обл.].

Жизнь под протекцией хана не складывалась. Запорожцы бедствовали, поскольку русская граница отрезала их от территории сбыта продуктов традиционных промыслов — соли, рыбы и скота. В то же время кош облагали поборами в пользу ханской казны, заставляли принимать участие в далеких походах с войском хана и даже в земляных работах по укреплению Перекопской линии, отделявшей Крымский полуостров от материка, а это воспринималось как болезненное унижение воинского достоинства. Казаки начали по одному возвращаться в Гетманщину (лишь в 1714 г. в Глухове и Конотопе было принято на поселение 350 сечевиков), и «товарыство» постепенно таяло.

В мае 1728 г., когда на восстановленное гетманство был избран авторитетный среди запорожцев Данило Апостол, в Олешковской Сечи произошел своеобразный вооруженный переворот. Сторонники русского протектората разгромили курени оппонентов, свергли с кошеводства мазепинца Костя Гордиенко и, прихватив военные клейноды, направились на лодках вверх по Днепру. Однако на остров Чертомлык, куда они следовали, их не пустили. Поэтому пришлось еще несколько лет жить на ханской территории, при впадении в Днепр р. Каменки [около современного с. Меловое Бериславского р-на Херсонской обл.], где кошевым опять стал непримиримый враг России Гордиенко. После его смерти (†1733) пророссийские настроения опять укрепились, и в августе 1733 г., в результате соответствующих переговоров, запорожцам была послана жалованная грамота императрицы Анны Иоанновны с разрешением вернуться. В марте 1734 г. они заложили так называемую Новую Сечь — на полуострове, образуемом р. Подпольной и Днепром, в 5–7 км от Чертомлыка. Летом того же года в Лубнах, на переговорах с тогдашним киевским губернатором Иоганом Вейсбахом, удалось согласовать условия проживания запорожцев под протекторатом императрицы. За Сечью признавалось право на исконную казацкую территорию, которая ей «весьма принадлежит»: от верховьев р. Самары до р. Буг с востока на запад и от рек Тясмина и Орели до ногайских владений с севера на юг. На этих землях, которые официально стали именоваться Вольностями Войска Запорожского, сохранялось казацкое самоуправление. Как военная единица Сечь получала ежегодное денежное жалованье и подчинялась, вместе с казацкими формированиями Гетманщины, русскому командованию (во время правления Кирилла Разумовского — гетману).

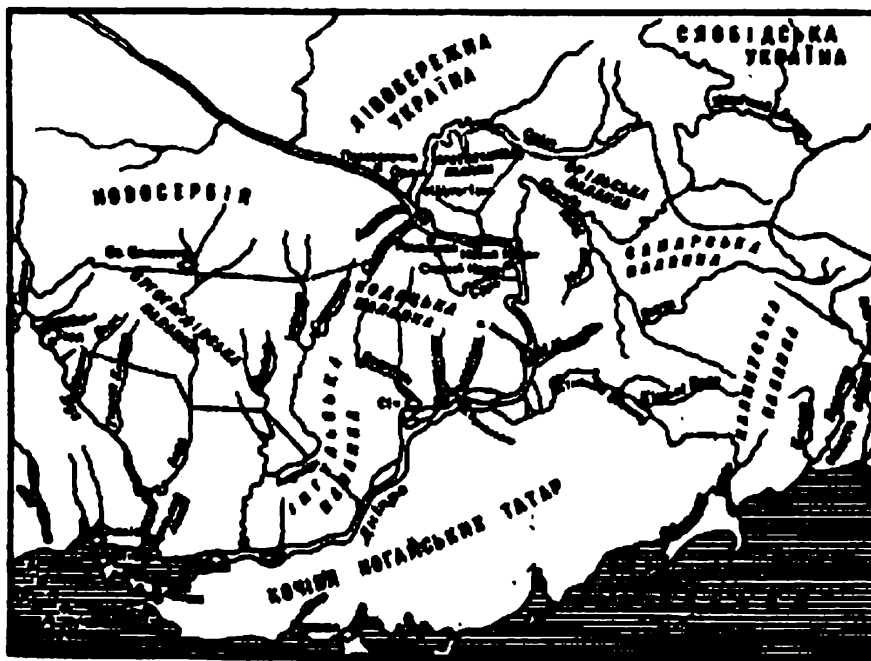
Жизнями жителей запорожских земель и в мирное, и в военное время ведал кошевой атаман, которого «товарыство» избирало на один год, съезжаясь 1 января на Сечь для общей Войсковой рады. Сохранились яркие описания этой процедуры, опиравшейся, как предполагают, на древние ритуалы Днепровского Низа, сложившиеся по меньшей мере в XVI в. После службы

234. *Выборы кошевого на Запорожской Сечи. Рисунок последней четверти XVIII в.*

Божьей старшина выходила из Покровской сечевой церкви (наиболее почитаемым на Сечи был культ Покрова Богородицы — покровительницы Войска Запорожского), неся знаки отличия своих урядов, и становилась в круг на сечевой площади, вокруг которой толпилось рядовое товарищество. Сначала бросали жребий между куренями на промысловые угодья, а затем, выкрикивая имена кандидатов, приступали к выборам старшины — кошевого, судьи, писаря, есаула, обозного, булавничего, хорунжего и др. Дело редко обходилось миром, потому что кандидат, предложенный одной из групп, мог пройти только методом всеобщего согласия, чего удавалось в итоге достичь преимущественно с помощью кулаков. Впрочем, тот факт, что в последний период существования Сечи из года в год избирались одни и те же лица (например, Петро Калнышевского был кошевым 10 лет — с 1765 по 1775 г.), свидетельствует о постепенном сведении роли Войсковой рады к традиционной формальности, поскольку ее результаты заранее определялись «значными», то есть состоятельными и влиятельными казаками — как правило, старшиной предыдущих сроков избрания. Что же касается полномочий кошевого, то они были огромными: кошевой возглавлял войско, администрацию, финансы, суд, а также представлял Войско Запорожское в отношениях с российскими и соседними иностранными (крымскими, польскими, молдавскими) властями.

Собственно Сечь представляла собой крепость, окруженную рвом и деревянно-земляными укреплениями. Внутри вала находились жилые

235. Карта-схема паланок Вольностей Войска Запорожского

помещения, войсковая канцелярия, школа, церковь и пушкарня; за крепостной стеной лежало торгово-ремесленное предместье, так называемый Крамный базар с палатками, шинками, мастерскими и т. п. Центром внутренней части крепости была площадь, вокруг которой стояли 38 крытых камышом длинных зданий — куреней, которые, собственно, и назывались кошем. В каждом из них проживало по несколько сотен человек, однако значение куреней не сводилось только к роли жилья. Курень считался главной военной и административно-хозяйственной единицей Войска Запорожского, оформившейся еще в старину на принципах землячества (об этом свидетельствуют названия куреней — Каневский, Полтавский и т. п.). Во времена Новой Сечи территориальное распределение уже утратило значение, но каждый запорожец, жил ли он на коше или покинул его по старости, был записан «товарищем» в «компут» определенного куреня, своеобразной коммуны с совместным имуществом и средствами. Средства накапливались от добычи, которую всегда складывали вместе, от доходов с промысловых угодий и палаток на сечевом предместье и т. п., а использовались они на питание, одежду и оружие. Во главе куреня стоял выборный куренной атаман, в пределах куренного «товарищества» наделенный абсолютной властью.

Запорожцы, среди которых боеспособный элемент на протяжении XVIII в. насчитывал около 20 тысяч человек, жили или на коше, неся сторожевую службу, производя починку крепости, выпасая скот и т. п., или,

после женитьбы, уходили в паланки. Территория Вольностей Войска Запорожского была поделена на восемь паланок (округов): на правом берегу Днепра — Бугогардовскую, Ингульскую и Кодацкую, на левом — Протовчанскую, Орельскую, Самарскую и Кальмиусскую, вдоль Днепровского устья — Прогноинскую. На пограничье каждой из них, на смежных землях запорожцев с Крымским ханством, ногайцами, Речью Посполитой, Гетманщиной, слободской Украиной и Областью Войска Донского, существовали сторожевые поселения, где были расквартированы небольшие боевые отряды и проживала паланковая старшина — полковник, писарь, атаманы слобод. В ведении паланковой старшины находились казацкие зимовники (хутора), которые, подобно зимовищам соседей-ногайцев, закладывались на определенный срок с хозяйственной целью — для разведения скота, пчеловодства или выращивания зерновых (сеяли вокруг зимовника до тех пор, пока почва не истощалась, а затем перемещались на новое место). По данным на 1766 г., только крупных зимовников на запорожской территории насчитывалось до 4 тысяч, и это без учета малых хуторов, в которых не ставили здания, а лишь выкапывали землянку и ограждали загоны для скота. Как видно из перечней имущества, встречающихся в тогдашних документах, на зимовниках состоятельных казаков сосредотачивались тысячные отары овец, а стада крупного рогатого скота и конские табуны могли достигать сотни голов. На зимовниках последнего кошевого атамана Петра Калнышевского, например, после его ареста в 1775 г. было конфисковано свыше 14 тысяч овец и более тысячи голов крупного рогатого скота, а также 639 коней, 9 буйволов, 5 ослов и более 100 свиней.

Рыболовные и лесные угодья делились между куренями жеребьевкой, а прибыли от промысловых занятий шли на общие нужды коша. Напротив, степными пространствами, на которых разбивались зимовники, каждый запорожец мог пользоваться без ограничений, взяв «билет» у кошевого начальства, уплачивая «дымовое» и закладывая собственное хозяйство там, где ему пожелается и где имеется свободное место. Освоив поле и соорудив на нем постройки, собственник мог в дальнейшем свой хутор продать, заложить, подарить, передать в наследство и т. п. Со второй половины XVIII в. это стало весьма актуально, поскольку немало зимовников превратились в хорошо обустроенные хозяйства, ориентировавшиеся уже не на удовлетворение внутренних потребностей, а на рынок — на продажу скота, шерсти, масла, хлеба, табака, масла и т. п.

Своеобразие социального облика Запорожской Сечи как братства равных выработало идеал презрительного отношения к накоплению материальных

ценностей. Согласно канону поведения «настоящего» запорожца, все добытое нужно было с щедростью прогулять с «товарыством», на людях. Такой стереотип закрепился и в фольклорной традиции:

Гей, что на Лугу хорошо добывает,
То на Сечи пропивает...
Казацкая добыча впустую пропадает:
Неделю казак зарабатывает,
За один день пропивает.

Однако опоэтизированный образ запорожца-гуляки не вполне согласуется со своим реальным прототипом. Как метко выразился один из лучших знатоков экономической жизни Украины XVIII в., Михаил Слабченко, в сечевых зимовниках «уже не гремели выстрелы, не звенели сабли, зато был слышен скрип торговых весов, будто платками взмахивали ветряные мельницы и бряцали деньги».

И в самом деле, запорожские земли эпохи Новой Сечи (1734–1775), на которых проживало около 200 тысяч населения, не без основания считают краем процветающей экономики, благодаря хозяйственному освоению степей на принципах свободного предпринимательства, широкому использованию наемного труда, бурному товарообмену и достаточно широкому денежному обращению. Этому в значительной мере способствовал приток крестьян («посполитых»), которые, проживая в слободах, считались подданными Войска Низового Запорожского, платили «оклад» и исполняли некоторые повинности, однако сохраняли полную свободу перемещения, что и обеспечивало приток рабочей силы в зимовники. Географическое же расположение паланок на торговых путях с востока и юга в центральные регионы Украины и России приносило крупные таможенные доходы, дополнявшиеся денежными поступлениями от традиционной запорожской торговли крымской солью и от содержания корчм, шинков, постоялых дворов, ледников и т. п. Таким образом, неимущего запорожца все больше вытеснял предприимчивый запорожец при деньгах. Однако царскому правительству оказались ненужными ни первый, ни второй.

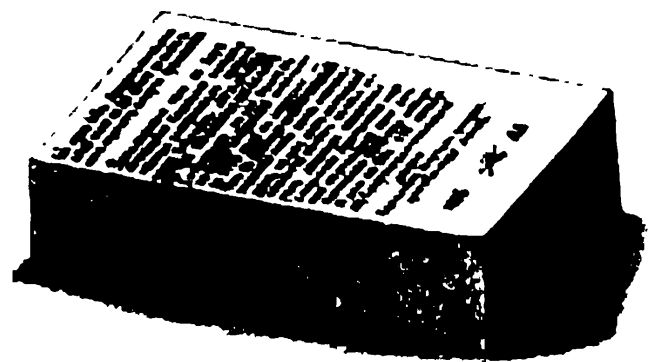
В жестко контролировавшем подданных государстве независимое население Сечи раздражало: еще Петр I называл Запорожье «корнем всякого зла». При преемниках царя-реформатора правительство терпело присутствие этого островка вольностей на окраинах «хорошо упорядоченной» империи до тех пор, пока запорожцы были нужны в качестве часовых южных границ. Однако

и тогда кольцо вокруг Вольностей Войска Запорожского неумолимо сжималось. Уже в 1735 г., сразу после основания Новой Сечи, на расстоянии 2–3 км от ее владений был сооружен Ново-Сеченский ретраншемент, где постоянно дислоцировался отряд регулярной армии, а комендант, согласно инструкции, должен был пристально следить за настроениями казаков. Впоследствии вокруг сечевых паланок появились и другие ретраншементы — Усть-Самарский, Новобогородицкий, Биркутский и т. п.; тогда же была введена паспортизация населения запорожских земель. Построенная в 1731–1733 гг. Украинская линия — линия фортификационных укреплений от Днепра до Северского Донца протяженностью около 285 км — пересекла территорию Орельской паланки.

С 1751 г. началась так называемая «сербская» колонизация, когда русское правительство позволило сербам и черногорцам переселяться из подчиненных Османской империи земель в верховья рек Ингул и Ингулец; в 1754 г. здесь была построена крепость Святой Елисаветы [в настоящее время Кировоград] — центр новообразованной провинции Новая Сербия, выкроенной из земель Бугогардовской и Ингульской паланок. Еще одна волна колонистов, выходцев из Молдавии, вскоре

образовала Новослободский полк, продвинувшись еще южнее Новой Сербии, а в 1753 г. на левом берегу Днепра, вплотную к самым восточным запорожским окраинам, был основан второй округ сербских и черногорских колонистов — Славяно-Сербия. В 1764 г. все новозаселенные земли были объединены в новую административную единицу — Новороссийскую губернию, руководство которой рассматривало запорожские владения как «пустые», поэтому ни официальные ходатайства перед правительством, ни попытки силой остановить разбор сечевых земель не давали желаемого результата. Это хорошо видела и сама сечевая старшина. Как писал еще в 1755 г. писарь Дмитро Романовский, «уже Войско в мешок взято, только не нашли еще способа, как этот мешок завязать».

Проблема была решена внезапно. 15 июня 1775 г., возвращаясь домой с театра Русско-турецкой войны, генерал Петр Текелли с крупными вооруженными силами в размере 10 пехотных, 8 кавалерийских и 13 донских казачьих полков, пройдя быстрым маршем через паланки, окружил сечевую крепость и объявил запорожцам, что волей императрицы Сечь ликвидируется.

236. *Плита на могиле Петра Калнышевского. Современное фото*

Разница в силах была настолько очевидной, что окруженные сдались без боя. Большинству запорожцев той же ночью удалось на лодках выйти из окружения, спустившись по Днепру в ханские владения, а оттуда — за Дунай, под протекцию султана, где была заложена так называемая Задунайская Сечь. Сечевые укрепления и все сооружения на территории крепости были разобраны, архив и военная казна с регалиями и ценностями вывезены, старшина арестована. По распоряжению Екатерины II кошевого судью Павла Головатого и войскового писаря Ивана Глобу сослали в Сибирь (первый умер в 1790 г. в Туруханском, а второй в 1795 г. в Тобольском монастыре). Последнего кошевого атамана, восьмидесятипятилетнего Петра Калнышевского, заключили в тюрьму в Соловецком монастыре, где он просидел до 1801 г., пока не был освобожден молодым императором Александром I. Уже глухой и слепой, соловецкий узник умер там же в 1803 г.; похоронен он на монастырском кладбище. На выгравированной позже эпитафии написано:

Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Калнышевского, сосланного в сию обитель по высочайшему же повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по высочайшему же повелению, снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу, 110 лет от роду, смертью благочестивую, доброю.

Через два месяца после разрушения Сечи, 14 августа 1775 г., был объявлен соответствующий Императорский манифест — один из самых ярких образцов демагогии, характерной для Петербурга времени правления Екатерины II. В нем «малороссийским казакам» как «полезным гражданам» противопоставляется «сонмище... людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры» — Запорожская Сечь. Последняя якобы живет грабежами «в совершенной праздности, гнуснейшем пьянстве и презрительном невежестве». Далее, вопреки только что сказанному о «праздности», запорожцы обвиняются в том, что завладели многими землями для устройства на них «собственного хлебопашества, в чем довольно уже и преуспели», а самое главное — задумали «составить из себя посреди Отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением». Поэтому уничтожение Сечи — это выполнение монаршего долга перед Богом, перед империей, да и «пред самим вообще человечеством». Что же касается запорожских земель,

то отныне, как объявлял манифест, они будут принадлежать «Отечеству полезным жителям».

Таковых хватало. На бывших землях Войска Запорожского фавориты и приближенные императрицы получили огромные пожалования: Григорий Потемкин около 150 тысяч десятин, князь Александр Вяземский 200 тыс., Кирилл Разумовский 35 тысяч и т. д. В целом же здесь до 1784 г. было роздано более 4 миллионов десятин, но и этим еще не был исчерпан земельный фонд Сечи. Со второй половины 1780-х начинается интенсивная колонизация «Новороссии», как стали называть степное Причерноморье, заселяемой иностранными переселенцами — болгарами, молдаванами, немцами, греками и русскими раскольниками. Переплавка в одном котле этого пестрого этнического конгломерата, который через несколько поколений также станет частью украинского народа, лежит уже за хронологическими рамками нашего очерка.

* * *

Подводя итог обзору угасания порядков, рожденных казацкой революцией 1648 г., стоит отметить, что реакция на это в трех центрах автономий, которым она дала жизнь, была неодинаковой. В частности, символическим представляется то, что потерю вольностей гетманской Украины подытожила остро публицистическая «История русов», тогда как для Слобожанщины этот своеобразный завершающий аккорд можно связать с личностью Григория Сковороды (1722–1794), казацкого сына из с. Чернуха Лубенского полка, чья удивительная жизнь странствующего философа на протяжении 24 предсмертных лет протекала именно здесь. Автор «Истории русов», потомок старшины, которая дорогой ценой и добывала, и утрачивала независимость, гордо провозглашает, что «всякое творение имеет право бытие свое защищать, собственность и свободу», и с пафосом вопрошает современников:

Какое взыскание предлежит за кровь народа Рускаго, пролитую от крове Гетмана Наливайка до сего дне, и пролитую великими потоками за то единственно, что искал он свободы, или лучшей жизни в собственной земле своей и имел о том замыслы, всему человечеству свойственные?

В свою очередь, Сковорода, который еще в конце 1750-х, проживая в Гетманщине, писал: «Будь славен вовек, о муже избранне, вольности отче, герою Богдане», после глубокого кризиса, олицетворением которого стал его мистический сон 1758 г. с видением «различных охот жития человеческого», находит духовное равновесие в Слобожанщине, избрав путь странствующего

«старца», преисполненного «чувствия любви, благонадежности, спокойствия, вечности». Села и хутора слободской Украины, никогда не знавшей катаклизмов, пережитых Гетманщиной, станут его Аркадией вне времени и пространства. К ее жителям обращены слова философа:

Оставь земны печали и суетность мирских дел!
Будь чист, хоть на час малый, дабы ты выспрь возлетел...
Кинь весь мир сей прескверный. Он-то вточь есть темный ад.
Пусть летит невежь враг черный; ты в горный возвысись град.

Именно их, своих благодарных учеников-слобожан, далеких от политических амбиций гетманской старшины, Сковорода призывает:

Да не равняем нас со превзошедшими нас!..
Всяк жребием своим да будет доволен!..
Всяк имеет свое зло и добро, и всякому свое дано...

Так в конце XVIII в. интеллектуальная Украина словно бы разделилась на две части: энергично-деятельную и прекраснодушно-мечтательную, пытающуюся укрыться от реалий жизни Российской империи в тихом хуторском раю «милый сердцу Малороссии». Впрочем, все они в равной степени любили свой край. Например, дочь отважного Василия Капниста в воспоминаниях об отце, которого в товарищеском кругу в шутку называли «Васькой Пугачевым», писала:

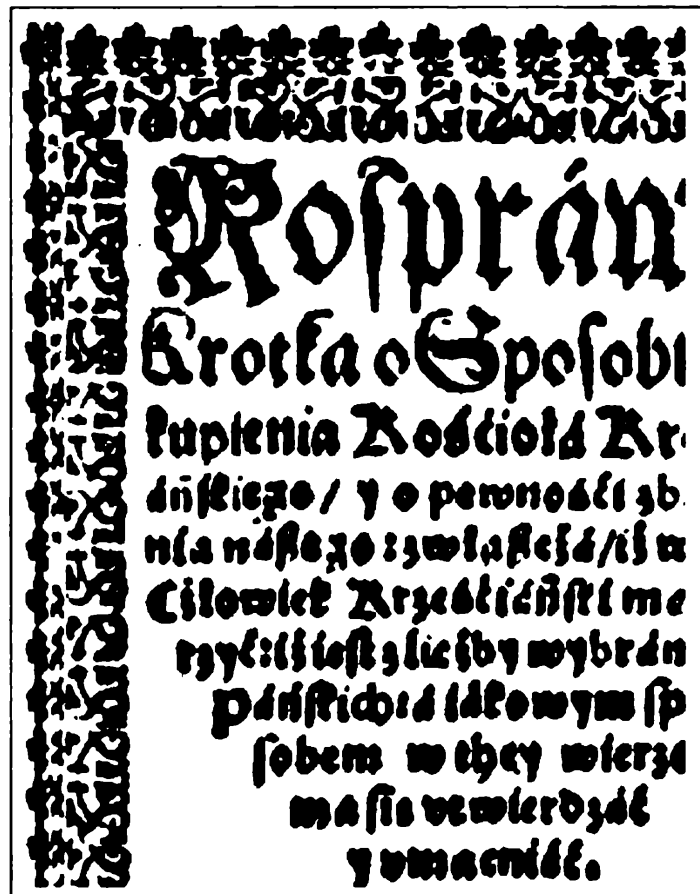
Мой отец страстно любил свою родину и готов был пожертвовать всем своим имуществом ради добра Малороссии...

Под сенью той же любви живут очень разные люди, от блестящих царедворцев (как канцлер Александр Безбородько, один из гипотетических авторов «Истории русов») до рядовых провинциальных помещиков, сыновей казацкой старшины, в чьих имениях уже подрастают Иван Котляревский, Григорий Квитка-Основьяненко, Николай Гоголь. После уничтожения Запорожской Сечи, которой безоговорочно принадлежали симпатии простонародья, в виденье прошлого влилась еще и простонародная струя: и для старшинских потомков, и для простых людей ликвидация низового казачества превратилась в пронзительный символ утраты Украиной себя самой — загубили «степь широкую, край веселый»:

«Гей ви, запорожці, гей ви, молодці,
Та де ж ваші рушниці [ружья]?»
«Ой, наші рушниці у пана в світлиці,
Самі ми в темниці».

Такие, еще в значительной степени импульсивные переживания и душевные движения уже скоро получают окончательное оформление и сольются в романтической национальной идее, соединившей миф о запорожской героике с научным исследованием истории казачества, а любовь к «милей Малороссии» с осознанной необходимостью культивировать ее язык, обычаи, самобытность, наконец, служить ей. Но этим займутся уже внуки и правнуки тех людей, на глазах у которых исчезала казацкая Украина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиографія

Представлений нижче перелік літератури не являється бібліографією українського Середньовіччя і раннього Нового часу в строгому сенсі слова. В нього включені лише ті твори, які дозволять читачеві ознайомитися з самими новими поглядами на ту чи іншу проблему. Це, во-перших, роботи узагальнюючого характеру, а також збірники і альманахи статей, в яких пропонуються новаторські концепції, во-других — присвячені спеціальним питанням монографії. Другі представлені як книги останнього десятиліття, з яких можна дізнатися про досягнення попередників, або більш давніми дослідженнями, чия повнота і добросовісність, однак, залишаються непереборними до цих пір. Що ж стосується статей в наукових журналах, то вони згадані лише вибірково — тільки в тому випадку, якщо вони містять принципові концептуальні новації або торкаються сюжетів, які до цього не розглядалися. Нарешті, слід зауважити, що тут відсутня інформація про джерельну базу української історії: посилання на неї читач знайде в кожній з перерахованих праць.

Александрович В. Західноукраїнські малярі XVI століття. Шляхи розвитку професійного середовища. Львів, 2000.

Апанович О.М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.

Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків, 1993 (перепечатка видання: Харків, 1918).

Боровський Я.Ф. Походження Києва, історіографічний нарис. Київ, 1981.

Брайчевський М.Ю. Походження Русі. Київ, 1968.

Брайчевський М.Ю. Утвердження християнства на Русі. Київ, 1988.

Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська рада 1654 року. Київ, 2005.

- Брехуненко В.А.* Стосунки українського козацтва з Доном у XVI – середині XVII ст. Київ, 1998.
- Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004.
- Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Власто А.П.* Запровадження християнства у слов'ян. Вступ до середньовічної історії слов'ян / Пер. с англ. Р. Ткачук та Ю. Терех. Київ, 2004.
- Голобуцький В.* Запорозьке козацтво. Вид. 2-е. Київ, 1994.
- Горобець В.* Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою, 1654–1676. Київ, 2001.
- Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.
- Гошко Т.* Нариси з історії магдебурзького права в Україні (XIV – початок XVII ст.). Львів, 2002.
- Грабовецький В.В.* Карпатське опришківство. Львів, 1966.
- Грабович Г.* До історії української літератури: Дослідження, есеї, полеміка. Київ, 2003.
- Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 1–10. Київ, 1991–1998 (ре-принт изданий 1913–1936 гг.).
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гуржій О.* Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст. Кордони, населення, право. Київ, 1996.
- Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Перекл. з англ. М. Габлевич. Львів, 2000.
- Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.
- Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000.
- Дашкевич Я.* Україна і Вірменія: Збірник статей. Львів, 2001.
- Дашкевич Я.* Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ССХХІІ. Львів, 1991.
- Дворнік Ф.* Слов'яни в європейській історії та цивілізації / Пер. с англ. В. Верлока, В. Кіку, Д. Матіяш. Київ, 2000.
- Джиджора І.* Україна в першій половині XVIII віку. Розвідки і замітки. Київ, 1930.
- Дзюба Е.Н.* Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским. Вторая половина XVI – первая половина XVII в. Киев, 1987.

- Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом: Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003.
- Дмитриев М.В.* Православие и Реформация: Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.
- До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. 1–2. Львів, 2004.
- Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Нью-Йорк, 1985.
- Дорошенко Д.* Нарис історії України. Т. 1–2. Київ, 1992 (ориг. изд.: Прага, 1932).
- Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Ефименко А.Я.* История украинского народа. Київ, 1990 (ориг. изд.: СПб., 1906).
- Європейське відродження та українська література XIV–XVIII ст. / Ред. О. Мишанич. Київ, 1993.
- Жолтовський П.М.* Художнє життя на Україні у XVI–XVIII ст. Київ, 1983.
- Жукович П.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1608 г.). СПб., 1901.
- Жуковський А.* Петро Могила і питання єдності церков. Київ, 1997 (ориг. изд.: Париж, 1969).
- Заборовский А.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.
- Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі. Львів, 2002.
- Заяць А.* Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття. Львів, 2003.
- Інкін В.* Сільське суспільство Галицького Прикарпаття у XVI–XVIII століттях: історичні нариси. Львів, 2004.
- Ісаєвич Я.* Українське книговидання: витоки розвиток, проблеми. Львів, 2002.
- Ісаєвич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966.
- Історія української культури. Т. 2: Українська культура XIII – першої половини XVII ст. / Ред. Я. Ісаєвич. Київ, 2001.
- Історія української культури. Т. 3: Українська культура другої половини XVII–XVIII ст. / Ред. В. Смолій. Київ, 2002.

- Історія Центрально-Східної Європи / Ред. Л. Зашкільняк. Львів, 2001.
- Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Истории российских евреев (До второй половины восемнадцатого века). Иерусалим, 1988.
- Капраль М.* Національні громади Львова XVI–XVIII ст. (соціально-правові взаємини). Львів, 2003.
- Кацмарчик Я.* Богдан Хмельницький / Пер. с польск. І. Сварник. Львів, 1998.
- Коваленко О.Б.* Павло Полуботок — політик і людина. Чернігів, 1996.
- Когут З.* Коріння ідентичности. Студії з ранньомодерної та модерної історії України / Пер. с англ. С. Грачова. Київ, 2004.
- Когут З.* Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ, 1996.
- Компан О.С.* Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963.
- Котляр М.Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998.
- Котляр М.Ф.* Галицько-Волинський літопис XIII ст. Київ, 1993.
- Котляр М.Ф.* Історія дипломатії Південно-Західної Русі. Київ, 2002.
- Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). Київ, 1996.
- Кривошея В.В.* Національна еліта Гетьманщини (Персональний склад і генеалогія козацької старшини, 1648–1782). Київ, 1998.
- Крижанівський О.П., Плохій С.М.* Історія Церкви та релігійної думки в Україні: кінець XVI — середина XIX ст. Київ, 1994.
- Крикун М.* Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст.: Кордони воєводств у світлі джерел. Київ, 1992.
- Крикун М.* Земські уряди на українських землях у XV–XVIII ст. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ССХХVІІІ. Львів, 1994.
- Кримський А.* Історія Туреччини. Київ, 1996 (перепечатка издания: Київ, 1924).
- Крип'якевич І.* Богдан Хмельницький. Вид. 2-е. Київ, 1990.
- Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984.
- Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.
- Крупницький Б.* Гетьман Пилип Орлик (1672–1742): його життя і доля. Київ, 1991 (перепечатка издания: Мюнхен, 1956).
- Кулаковський П.* Канцелярія Руської (Волинської) метрики (1659–1673). Студія з історії українського регіоналізму в Речі Посполитій. Острог; Львів, 2002.
- Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.

- Леп'явко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996.
- Леп'явко С.* Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернігів, 1999.
- Лескинен М.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
- Липинський В.* Україна на переломі. 1657–1659. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті / Ред. Л.-Р. Білас і Я. Пеленський. Філядельфія, 1991.
- Липинський В.* Участь шляхти у великому українському повстанні під проводом гетьмана Богдана Хмельницького / Ред. Л. Р. Білас. Філядельфія, 1980.
- Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе / Ред. Я. Грицак. Київ, 1994.
- Любавский М.* Очерки истории литовско-русского государства. М., 1915.
- Маслійчук В.* Козацька старшина Харківського слобідського полку (1654–1706). Харків, 1999.
- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000.
- Микитась В.* Давньоукраїнські студенти і професори. Київ, 1994.
- Мицько І.А.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990.
- Мордвінцев В.М.* Російське самодержавство і Українська Православна Церква в кінці XVII–XVIII ст. Київ, 1997.
- Мьцык Ю.А.* Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978.
- Наливайко Д.* Очима Заходу. Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ, 1998.
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
- Нічик В.М.* Петро Могила в духовній історії України. Київ, 1997.
- Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Київ, 2001 (перепечатка издания: Нью-Йорк, 1960).
- Оглоблин О.* Люди старої України. Мюнхен, 1959.
- Окіншевич А.* Генеральна старшина на Лівобережній Україні XVII–XVIII ст. // Праці Комісії для виучування історії західноруського і українського права. Т. 2. Київ, 1926.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I: Главные тенденции политических взаимоотношений / Ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998.
- Острогорський Г.* Історія Візантії / Пер. с нем. А. Онишко. Львів, 2002.
- Осягнення історії: Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчя / Ред. А. Винар, І. Пасічник. Острог; Нью-Йорк, 1999.

- Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004.
- Паядайте-Василяскене А.-В.* Кириличні списки Другого Литовського Статуту: палеографія, хронологія, кодикологія / Пер. с лит. Львів, 2004.
- Первый Литовский статут 1529 года: Материалы научной конференции. Вильнюс, 1982.
- Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження): Збірник статей. Київ, 2003.
- Півторак Г.* Звідки ми і наша мова. Київ, 1994.
- Пірко В.* Заселення і господарське освоєння степової України в XVI — XVIII ст. Донецьк, 2004.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева С.А.* Хазары. Изд. 2-е. М., 1986.
- Плохий С.Н.* Папство и Украина. Политика Римской курии на украинских землях в XVI—XVII вв. Киев, 1989.
- Полонська-Василенко Н.* Запоріжжя XVIII ст. та його спадщина. Ч. 1–2. Мюнхен, 1965–1967.
- Попович М.* Нарис історії культури України. Київ, 1998.
- Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. М., 1938; Т. 2: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
- Ричка В.* Княгиня Ольга. Київ, 2004.
- Ричка В.* Церква Київської Русі (соціальний та етнокультурний аспект). Київ, 1997.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.
- Русина О.* Україна під татарами та Литвою. Київ, 1999.
- Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001.
- Сагановіч Г.* Невядомая вайна. 1654–1667. Мінск, 1995.
- Сас П.* Політична культура українського суспільства (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Київ, 1998.
- Свердлов В.Б.* Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983.
- Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
- Слабченко М.* Организация хозяйства Украины от Хмельницкого до мировой войны. Ч. 1: Хозяйство Гетманщины в XVII—XVIII вв. Одесса, 1925.
- Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. Київ, 1993.

- Смолій В.А, Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999.
- Соціум. Альманах соціальної історії / Ред. В. Горобець, Н. Старченко. Вип. 1–4. Київ, 2002–2005.
- Степовик Д.В.* Українська графіка XIII–XVIII століть. Еволюція образної системи. Київ, 1982.
- Стороженко І.С.* Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст. Дніпропетровськ, 1996.
- Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. / Пер. с англ. В. Кулик. Київ, 1994.
- Ткаченко М.* Нариси з історії селян на Лівобережній Україні в XVII–XVIII ст. // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. Кн. 26. Київ, 1931.
- Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
- Толочко О.П.* Русь: держава і образ держави. Київ, 1994.
- Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. Київ, 1998.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1996.
- Толочко П.П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980.
- Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII століть / Ред. В. Смолій. Вип. 1–3. Київ, 2000–2003.
- Україна XVII століття: суспільство, філософія, культура / Ред. А. Довга, Н. Яковенко. Київ, 2005.
- Українське суспільство на зламі Середньовіччя та Нового часу. Нариси з історії ментальності та національної свідомості / Ред. В. Смолій. Київ, 2001.
- Ульяновський В.І.* Історія Церкви та релігійної думки в Україні. Середина XV – кінець XVI ст. Кн. 1–2. Київ, 1994.
- Федорук Я.О.* Міжнародна дипломатія і політика України. 1654–1657. Ч. I: 1654 рік. Львів, 1996.
- Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
- Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси, 750–1200 // Пер. с англ. Д.М. Буланина и Н.А. Лужецкой. СПб., 2000.
- Фрис В.* Історія кириличної рукописної книги в Україні X–XVIII ст. Львів, 2003.
- Хижняк З.І.* Києво-Могилянська академія. Вид. 2-е. Київ, 1981.
- Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. До 100-річчя від дня народження професора Дмитра Похилевича / Ред. Л. Зашкільняк, М. Крикун. Львів, 1998.

- Чижевський Д.* Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994 (перепечатка издания: Нью-Йорк, 1956).
- Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2003.
- Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Швидько А.К.* Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI–XVIII вв. Днепропетровск, 1975.
- Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / Пер. с англ. М. Габлевич. Львів, 2001.
- Шелухин С.* Україна — назва нашої землі з найдавніших часів. Дрогобич, 1992 (репринт издания: Прага, 1936).
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. М., 1989.
- Щербак В.* Українське козацтво: формування соціального стану (друга половина XV — середина XVII ст.). Київ, 2000.
- Юхо І.* Крыници беларуска-литовскага права. Мінск, 1991.
- Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні в XVI–XVII ст. Київ, 2002.
- Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
- Яковлева Т.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII ст. Причини і початок Руїни. Київ, 1998.
- Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.
- Яковлів А.* Впливи старочеського права на права українсько-литовської доби XV–XVI ст. Прага, 1929.
- Backvis C.* Renesans i Barok w Polsce. Studia o kulturze / Oprac. H. Dziechcińska, E.J. Głębicka. Warszawa, 1993.
- Bardach J.* Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999.
- Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII w. Warszawa, 1970,
- Bardach J., Leśniодorski B., Pietrzak M.* Historic ustroju i prawa polskiego. Wyd. 2-ie. Warszawa, 1994.
- Basarab J.* Pereiaslav 1654: A Historiographical Study. Edmonton, 1982.
- Borek P.* Ukraina w staropolskich diariuszach i pamiętnikach. Bohaterowie, forrecc, tradycja. Kraków, 2001.
- Brogі Bercoff G.* Królestwo słowian. Historiografia Renesansu i Baroіcu w krajach słowiańskich / Tłum. E. J. Gębicka, W. Jekiel, A. Zakrzewski. Izabelin, 1998.

- Cegieński T., Kędziela L.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. Warszawa, 1990.
- Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny, 1370–1632. Warszawa, 1934.
- Chrześcijaństwo w Polsce: zarvs przemian. 966–1979 / Red. J. Kłoczowski. Lublin, 1992.
- Chynczewska-Hennel T.* Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i kozaczyzny od schyłku XVI do połowy XVII w. Warszawa, 1985.
- Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe. A Special Issue / Eds. I. Banac and F.E. Sysyn // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. X. No. 3–4.
- Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian–Russian Encounter, 1600–1945 / Eds. A. Kappeler, Z.E. Kohut, F.E. Sysyn and M. von Hagen. Edmonton–Toronto, 2003.
- Czapliński W.* Władysław IV I jego czasy. Warszawa, 1972.
- Davies N.* God's Playground: A History of Poland. Vol. 1. Oxford, 1981.
- Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy, 1564–1995 / Red. L. Grzebień. Kraków, 1996.
- Frick D.A.* Meletij Smotryc'kyj. Cambridge, Mass., 1995.
- Gajecy G.* The Cossack Administration of the Hetmanate. Vol. 1–2. Cambridge, Mass., 1978.
- Gezeirot Ta'h: Jews, Cossacks, Poles and Peasants in 1648 Ukraine // Jewish History. A Special Issue. 2003. Vol. 17. No. 2.
- Hetmani Rzeczypospolitej Obojga Narodów / Red. M. Nagielski. Warszawa, 1995.
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej / Red. J. Kłoczowski. T. 1. Lublin, 2000.
- Jakowliw A.* Das deutsche Recht in der Ukraine und seine Einflüsse auf das ukrainische Recht im 16–18. Jahrhundert. Leipzig, 1942.
- Janeczek A.* Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo bełskie od schyłku XIV do początku XVII w. Wrocław, 1991.
- Kaminski A.S.* The Cossack Experiment in Szlachta Democracy in the Polish-Lithuanian Commonwealth: The Hadiach (Hadziacz) Union // Harvard Ukrainian Studies. 1977. Vol. 1. No. 2.
- Kaminski A.S.* Historia Rzeczypospolitej wielu narodów, 1505–1795. Lublin, 2000.
- Kaminski A.S.* Republic vs Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, Mass., 1993.
- Kempa T.* Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. Toruń, 1997.
- Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A.* The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2000.

- The Kiev Mohyla Academy. A Special Issue// Harvard Ukrainian Studies. 1984. Vol. 8. Nos. 1–2.
- Kriegseisen W.* Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1991.
- Kuchowicz Z.* Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI–XVIII w. Warszawa, 1993.
- Litwin H.* Napływ szlachty polskiej na Ukrainę, 1569–1648. Warszawa, 2000.
- Maciszewski J.* Szlachta polska i jej państwo. Wyd. 2-ie. Warszawa, 1984.
- Magosci P.R.* Ukraine: A Historical Atlas. Toronto, 1985.
- Марра Мунди.: Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя // Ред. І. Гирич, Я. Грицак, М. Капраль та ін. Львів, 1996.
- Mazepa e il suo tempo. Storia, cultura, società / A cura di G. Stedina. Alessandria, 2004.
- Mączak A.* Klientela. Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XV–XVII w. Warszawa, 1994.
- Mączak A.* Nierówna przyjaźń. Układy klientalne w perspektywie historycznej. Wrocław, 2003.
- Mediaevalia Ucrainica. Ментальність та історія ідей / Ред. Л. Довга, О. Толочко, Н. Яковенко. Т. 1–5. Київ, 1992–1998.
- Міędzy sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie / Red. T. Chynczewska-Hennel, N. Jakowenko. Lublin, 2000.
- Міędzy Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVIII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcickowi w 70 rocznicę urodzin / Red. T. Chynczewska-Hennel i in. Warszawa, 1993.
- Motylewicz J.* Miasta ziemi przemyskiej i sanockiej w drugiej połowie XVII i XVIII wieku / Przemysł, 1993.
- Mrozowska K.* Komisja Edukacji Narodowej 1773–1794. Kraków, 1973.
- Obolensky D.* The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. London, 1982.
- Ochmański J.* Historia Litwy. Wyd. 3-ie. Wrocław, 1990.
- Olszewski H.* Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii 1652–1763. Poznań, 1966.
- Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652. System parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie. Warszawa, 1995.
- Pajewski J.* Bunczuk i końcerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Poznań, 1997.
- Pelenski J.* Inkorporacja ukraińskich ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści – próba nowego spojrzenia // Przegląd Historyczny. 1974. T. 65, z. 2.
- Pidlypczak-Majerowicz M.* Bazylianie w Koronie i na Litwie. Szkoły i książki w działalności zakonu. Warszawa, 1986.

- Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. Poznań, 1995.
- Plokhyy S.* The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. Oxford, 2001.
- Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII w. Warszawa, 1987.
- Poland and Ukraine: Past and Present / Ed. P.J. Potichnyj. Edmonton–Toronto, 1980.
- Polska XVII wieku. Państwo – społeczeństwo – kultura / Red. J. Tazbir. Warszawa, 1974.
- Pritsak O.* The Origin of Rus. Vol. 1: Old Scandinavian Source other than the Sagas. Cambridge, Mass., 1981.
- Pritsak O., Reshetar J.S.* Ukraine and the Dialectics of Nation-Building // Slavic Review. 1963. No. 2.
- Proshonema. Історичні та філологічні розвідки, присвячені 60-річчю академіка Ярослава Ісаєвича / Ред. Б. Якимович. Львів, 1998.
- Radyszewski R.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Kraków, 1996.
- Rethinking Ukrainian History / Ed. I.L. Rudnytsky, J.-P. Himka. Edmonton, 1985.
- Rosman M.* Founder of Hasidism. A Quest the Historical Ba'al Shem Tov. Berkeley and Los Angeles, 1996.
- Ruthenica: Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / Ред. В. Ричка, О. Толочко. Т. 1–4. Київ, 2002–2005.
- Saunders D.* The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750–1850. Edmonton, 1985.
- Senyuk S.* A History of the Church in Ukraine. Vol. 1: To the End of the Thirteenth Century. Rome, 1993.
- Serczyk W.A.* Hajdamacy. Wyd. 2-ie. Kraków, 1978.
- Serczyk W.A.* Historia Ukrainy. Wyd. 2-ie. Wrocław, 1990.
- States, Societies, Cultures. East and West / Eds. J. Duzinkiewicz et al. New York, 2004.
- Stone D.* The Polish-Lithuanian State, 1386–1795. Seattle, 2001.
- Sydorenko A.* The Kievan Academy in the Seventeenth Century. Ottawa, 1977.
- Sysyn F.E.* Between Poland and the Ukraine: The Dilemma of Adam Kysil, 1600–1653. Cambridge, Mass., 1985.
- Sysyn F.E.* History, Culture and Nation: An Examination of Seventeenth-Century Ukrainian History Writing. Cambridge, Mass., 1985.

- Sysyn F.E.* The Political Worlds of Bohdan Khmel'nyts'kyi // *Palaeoslavica*. 2002. Vol. 10, no. 2.
- Sysyn F.E.* Regionalism and Political Thought in Seventeenth-Century Ukraine. The Nobility's Grievances at the Diet of 1641 // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6, no. 2.
- Szczygiel R.* Lokacje miast w Polsce XVI wieku. Lublin, 1989.
- Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit — upadek — relikty. Wyd 4-e. Poznań, 1998.
- Tazbir J.* Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII w. Wyd. 3-ie. Kraków, 2000.
- Tazbir J.* Reformacja w Polsce. Szkice o ludziach i doktrynie. Warszawa, 1993.
- Toilet D.* Historia Żydów w Polsce od XVI wieku do rozbiorów. Warszawa, 1999.
- Tomkiewicz W.* Jeremi Wiśniowiecki (1612–1651). Warszawa, 1933.
- Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989.
- Ukraine and Russia in their Historical Encounter / Eds. P.J. Potichny et al. Edmonton, 1992.
- Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective / Eds. P. J. Potichnyj, A. Howard. Edmonton, 1988.
- Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Krakow, 1950.
- Velychenko S.* National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992.
- Weinryb B.D.* The Jews of Poland: A Social and Economic History of the Jewish Community in Poland from 1100 to 1800. Philadelphia, 1972.
- Wiek XVII. Kontrreformacja. Barok. Prace z historii kultury / Red. J. Tazbir. Wrocław, 1970.
- Williams G.H.* Protestans in the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Cambridge, Mass., 1988.
- Wisner H.* Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVI–XVII wieku. Wyd. 3-ie. Warszawa, 2001.
- Wojcik Z.* Dzikie Pola w ogniu. O Kozaczyźnie w dawnej Rzeczypospolitej. Wyd. 3-ie. Warszawa, 1968.
- Zajączkowski A.* Szlachta polska. Kultura i struktura. Warszawa, 1991.
- Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce. Wybór artykułów / Red. J. Paszen-da. Kraków, 1993.

СПИСОК ІЛЛЮСТРАЦІЙ

1. Карта-схема расселения восточнославянских племен. По изданию: *Magosci P.R. Ukraine: A Historical Atlas. Toronto, 1985.*
2. Высадка викингов с корабля для нападения на побережье (реконструкция). По публикации в журнале «Хроніка-2000», 1992, 2.
3. Меч X века. Археологическая находка (Киев). *Іванцов І.О. Стародавній Київ. Київ, 2003.*
4. Печать князя Святослава Игоревича (прорисовка): *Іванцов І.О. Стародавній Київ. Київ, 2003.*
5. Ритуальные танцы. Изображение на браслетах XII–XIII вв.: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
6. Илья Пророк. Средневековая каменная иконка: Історія української культури. Т. 2. Київ, 2001.
7. Печать князя Владимира Святославича (прорисовка): *Румянцева В.В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.*
8. Крещение князя Владимира Святославича. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.
9. Граффити XI в. на стене собора Святой Софии в Киеве (прорисовка): С.А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
10. Княжеская семья. Рисунок из «Изборника Святослава» XI в.: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
11. Примирение князей. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.
12. Капитель Борисоглебского собора XII в. в Чернигове: *Логвин Г.Н. По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ, 1968.*
13. Пострижение в монахи. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

14. Переписывание книг. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.
15. Руський воїн. Реконструкція Петра Толочко: Історія Української ССР. Т. 1. Київ, 1981.
16. Боярський терем. Реконструкція Миколи Холостенко: Історія Української ССР. Т. 1. Київ, 1981.
17. Инициал из Остромирова Евангелия XI в.: Г.Н. Логвин. З глибин. Давня книжкова мініатюра. Київ, 1974.
18. Пахота. Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи XV в.
19. Металлические стилосы XIII в. Історія української культури. Т. 2. Київ, 2001.
20. Поход руської дружини на печенегов. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.
21. Укрепления на Змиевых валах (реконструкция): *Іванцов І.О.* Стародавній Київ. Київ, 2003.
22. Битва русичей с половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.
23. Монгольское письмо. Образец середины XVII в.; *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
24. Монгольские воины в бою. Арабский рисунок начала XIV в. По публикации в журнале «Родина», 2003, № 11.
25. Печать князя Романа Галицкого (прорисовка): Історія української культури Т. 2. Київ, 2001.
26. Галицкие монеты второй половины XIV – первой четверти XV в. (прорисовка): Історія української культури. Т. 2. Київ, 2001.
27. Печать Юрия Львовича с надписью «Король Руси». По публикации в журнале «Родина», 2003, №11.
28. Король Людовик Венгерский (Лайош Великий). Дереворит XVI в.: *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992.
29. Гербы Белзского, Руського и Подольского воеводств.
30. Герб «Корчак» Дмитра из Горая.
31. Герб «Сас», распространенный среди многих семей руськой галицкой шляхты.
32. Церковь XV в. в с. Сутковцах на Подолье. Современное фото: Історія української культури. Т. 2. Київ, 2001.
33. Благовещение. Фрагмент фрески 1418 г. из Святотроицкой замковой часовни в Люблине: *Różycka Bryzek A.* Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w kaplicy zamku lubelskiego. Lublin, 2000.

34. Фрагмент страницы из армянского рукописного Евангелия 1639 г. Из сборника Национальной библиотеки в Варшаве. По каталогу выставки «Rzeczpospolita w dobie Jana III» (Warszawa, 1983).

35. Львовские евреи. Любительский рисунок XVII в. По публикации Мирона Капраля: «Соціум. Альманах соціальної історії», 2003, вип. 2.

36. Заседание городской рады. Фрагмент дереворита XVI в. По публикации Натальи Белоус: «Соціум. Альманах соціальної історії», 2003, вип. 2.

37. Знаки львовских ремесленных цехов. XVI – начало XVII в. История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982.

38. Обучение ученика. Миниатюра из книги «Ars memorativa» (Аугсбург, 1479): *Зданевич Б.* Каталог інкунабул. Київ, 1974.

39. Посвящение папе Сиксту IV в труде «Прогностичная оценка текущего 1483 года магистра Юрия Дрогобича из Руси» (Рим, 1483): *Ісаєвич Я.* Українське книговидання. Львів, 2002.

40. Отправление в образовательное путешествие. Дереворит из книги Николая Рея «Zwierzyniec» (Краков, 1562): *Grzybowski S.* Sarmatyzm. Warszawa, 1996.

41. Итальянский дворик дворца Корняктов во Львове. 1580 г. Современное фото: *Логвин Г.Н.* По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ, 1968.

42. Брат-рыцарь Тевтонского ордена Фрагмент дереворита конца XV в.: *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 2001.

43. Въездная башня Луцкого замка. Современное фото: *Логвин Г.Н.* По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ, 1968.

44. Печать князя Дмитра-Корибута Северского: *Lietuvos užsienio politikos dokuinentai. Krevos aktas. Vilnius, 2002.*

45. Владислав Ягайло. Фрагмент донаторской фрески 1418 г. из Свято-троицкой замковой часовни в Люблине. *Różycka Bryzek A.* Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w kaplicy zamku lubelskiego. Lublin, 2000.

46. Герб Великого княжества Литовского. Дереворит из книги Себастьяна Мюнстера «Cosmographia universalis» (Базель, 1545): *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 2001.

47. Панорама Мальборка. Дереворит конца XVI в.: *Voguska M.* Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy. Warszawa, 1981.

48. Руины въездной башни Кремянецкого замка. Современное фото.

49. Замок в Троках (теперь г. Тракай в Литве). Современное фото.

50. Герб Волынской земли.

51. Гербы Острожских/Заславских(1), Збаражских/Вишневецких(2), Корецких, Сангушек и Чорторыйских (3).

52. Битва с татарами. Дереворит из книги Мацея Меховського «*Descriptio Sarmatarum Asianae et Europianaе*» (Krakow, 1521). По публикации в журнале «Родина», 2003, №11.

53. Герб Киевской земли.

54. Венчание на великое московское княжение Дмитрия, внука Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода второй половины XVI в.

55. Князь Роман Сангушко. Копия с портрета второй половины XVI в. Из сборника Ровенского историко-краеведческого музея: *Жолтовський П. Український живопис XVII-XVIII ст.* Київ, 1978.

56. Православные участники Ферраро-Флорентийского собора. Фрагмент дереворита из книги «*Elucidarius errorum ritus Ruthenici*» (Без места издания, близько 1502 г.): *Гудзяк Б. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії.* Львів, 2000.

57. Карта-схема епархии Киевской митрополии в конце XVI в.: *Гудзяк Б. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії.* Львів, 2000.

58. Фрагмент карты Вацлава Гродецкого «*Polonia finitimarumque locorum*» (Базель, 1558) с изображением городов Волыни и Подолья: *Троневич П. Луцький замок.* Луцьк, 1998.

59. Привилей великого князя литовского Александра киевским мещанам 1494 г. и герб Киева XVII в.: *Делімарський Р. Магдебурзьке право у Києві.* Київ, 1996.

60. Ремесленники-оружейники. Дереворит XVI в.: *Сагановіч Г. Нарыс гісторіі Беларусі.* Мінск, 2001.

61. Сигизмунд I Старый. Дереворит из книги Дециуса «*De Sigismundi Regis temporibus*» (Краков, 1521): *Rutkowski A. Zamek Piastów i Jagiełłonów w Warszawie.* Warszawa, 1985.

62. Титульный лист латинского перевода Второго Литовского статута 1566 г.: *Bardach J. Statuty litewskie a prawo rzymskie.* Warszawa, 1999.

63. Фрагмент карты Гийома Левассера де Боплана «*Delineatio specialis et accurata Ukrainaе*» (Гданьск, 1650) с изображением Дикого поля: *Боплан Гийом Левассер де.* Описание Украины. М., 2004.

64. Татары уводят пленных. Дереворит из венгерской хроники 1488 г. По публикации в журнале «Родина», 2003, № 11.

65. Султан Мехмед II Фатиг. Портрет Джентиле Белини конца XV в.: *І. Іналджик. Османська імперія. Класична доба, 1300-1600.* Київ, 1998.

66. Татарская переправа через реку. Рисунок Гийома Левассера де Боплана в его книге «*Description d'Ukraine*» (Руан, 1660): *Боплан Гийом Левассер де.* Описание Украины. М., 2004.

67. Герб князей Ружинських.
68. Московський ратник. Німецька гравюра 1579 г.: *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 2001.
69. Сигизмунд II Август. Гравюра 1554 г.: *Rutkowski A.* Zamek Piastów i Jagiełłonów w Warszawie. Warszawa, 1985.
70. Карта-схема Речі Посполитой около 1570 г. По изданию: *Magosci P. R.* Ukraine: A Historical Atlas. Toronto, 1985.
71. Панорама Люблина. Гравюра конца XVI в.: Торгівля на Україні. XIV – середина XVII століття. Волинь і Наддніпрянщина. Київ, 1990.
72. Фрагмент сеймової конституції 1569 г. (Краков, 1569). По публікації в буклеті «Sejm złotego wieku» (Warszawa, 1993).
73. Круглая башня Острожського замка. Сучасне фото: *Логвин Г.Н.* По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ, 1968.
74. Князь Василь-Константин і його синів Януш і Александр Острожські. Копії з портретів XVII в.: *Кетра Т.* Dzieje rodu Ostrogskich. Toruń, 2003.
75. Титульний лист Острожської Біблії 1581 г.: *Кетра Т.* Dzieje rodu Ostrogskich. Toruń, 2003.
76. Кирилл Лукарис. Портрет XVII в.: *Соловій М. М., ЧСВВ.* Мелетій Смотрицький як письменник. Рим-Торонто, 1977.
77. Резиденція константинопольських патріархів. Дереворит із книги Мартина Крузія «Turcograeciae libri octo» (Базель, 1584): *Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.
78. Іпатій Потій. Рисунок 1714 г.: *Саверчанка І.* Апостал єднання і вери Язеп Руцкі. Мінск, 1994.
79. Сигизмунд III Ваза. Прижиттєвий портрет Ельстраке: *Wójcik Z.* Jan Kazimierz Waza. Wrocław, 1997.
80. Пам'ятна медаль в честь Берестейської унії «Ruthenis receptis». 1596 г.: *Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.
81. Церковь Св. Николая в Берестье. Рисунок 1759 г.: *Саверчанка І.* Апостал єднання і вери Язеп Руцкі. Мінск, 1994.
82. Гербы Чапличей «Кирдея» и Немиричей «Клямры».
83. Страница Пересопницького Євангелія. 1556-1561 гг.: *Ісаєвич Я.* Українське книговидання. Витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002.
84. Титульний лист труда Христофора Филалета «Апокрисис» (Острог, 1598): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574–1700). Львів, 1981.

85. Мелетий Смотрицкий. Гравюра из книги Якова Суши «Saulus et Paulus Ruthenae unionis» (Рим, 1666): *Frick D. A. Meletij Smotryc'kyj. Cambridge, Mass., 1995.*

86. Кирилл Терлецкий. Копия с портрета XVII в.: *Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.

87. Сейм Речи Посполитой. Фрагмент гравюры из книги Максимилиана Фредра «Gestorum populi Poloni sub Henrico Valesio» (Гданьск, 1652). По публикации в буклете «Sejm złotego wieku» (Warszawa, 1993).

88. Князь Криштоф Радзивилл «Перун». Рисунок первой половины XVII в.: *Wisner H. Janusz Radziwiłł, 1612–1655. Warszawa, 2000.*

89. Оборот титульного листа учебника Лаврентия Зизании «Грамматика словенская» (Вильно, 1596). По факсимильному изданию В.В.Нимчука: Київ, 1980.

90. Елисей Плетенецкий. Копия с портрета XVII в.: *Жолтовський П. М.* Український живопис XVII-XVIII в. Київ, 1978.

91. Иезуитский кляштор на Подоле в Киеве. Фрагмент рисунка Яна Вестерфельда, ок. 1651 г.: *Боплан Гійом Левассер де.* Опис України. Київ, 1990.

92. Аллегория верховенства «священства» над «царством». Гравюра в панегирике студентов Киевского Лаврского коллегиума в честь Петра Могилы «Eucharisterion албо Вдячність» (Київ, 1632): Українська поезія. Середина XVII ст. Упорядники В.І. Крекотень, М.М. Сулима. Київ, 1992.

93. Титульный лист труда униата Льва Кревзы «Obroga jedności cerkiewnej» (Вильно, 1617): *Саверчанка І.* Апостал яднання і веры Язэп Руцкі. Мінск, 1994.

94. Городские гербы Хорола и Гадяча середины XVII в. (прорисовка): *Румянцева В.В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.

95. Переяслав на рукописной карте Заднепровья 1630-х гг.: *Боплан Гійом Левассер де.* Опис України. Київ, 1990.

96. Шляхтичи. Любительский рисунок XVII в.: *Жолтовський П.* Художне життя на Україні в XVI–XVIII ст. Київ, 1983.

97. Пахота. Гравюра из «Учительного Евангелия» (Киев, 1637): История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982.

98. Работа зависимых. Гравюра из «Учительного Евангелия» (Киев, 1637): *Степовик Д. В.* Українська графіка XVI–XVIII століть. Еволюція образної системи. Київ, 1982.

99. Ловля рыбы. Гравюра Никодима Зубрицкого из книги «Ифіка ієрополітика» (Киев, 1712): *Степовик Д. В.* країнська графіка XVI–XVIII століть. Еволюція образної системи. Київ, 1982.

100. Городской герб Остра. Рисунок 1660-х гг.: *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.
101. Панорама Трахтемирова. Гравюра из издания «*Suaneae oder die am Bosphoro Thracico ligende hohe Stein-Klippen*» (Аугсбург, 1687): *Боплан Гийом Левассер де.* Опис України. Київ, 1990.
102. Турецкий всадник. Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «*Regum Moscoviticarum commentarii*» (Базель, 1556): *Grzybowski S.* Król i kanclerz. Kraków, 1988.
103. Иван Подкова. Рисунок XVII в.: *Жолтовський П. М.* Український живопис XVII–XVIII ст. Київ, 1978.
104. Стефан Баторий. Гравюра конца XVI в. с портрета Мартина Кобера: *Kronika Pawła Piaseckiego, biskupa przemyskiego.* Kraków, 1870.
105. Страница поэмы Шимона Пекалида «*De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nizoviis*» (Krakow, 1600).
106. Аллегоричная композиция «Успешная война». Дереворит из трактата Чезаре Рипы «*Iconologia*» (Падуя, 1618): *Ripa C.* Iconologia. Przełożył I. Kania. Kraków, 2002.
107. Станислав Жулкевский. Копия с портрета XVII в.: *Podhorodecki L. Stefan Czarniecki.* Warszawa, 1998.
108. Легкая конница войска Речи Посполитой. Рисунок с гравюры 1656 г.: *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i mieczem» (1648–1651).* Opracował M. Nagielski. Warszawa, 1999.
109. Казацкая старшина. Рисунок на карте Боплана «*Delineatio specialis et accurata Ucrainae*» (Гданьск, 1650): Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. М., 2004.
110. Печать Войска Запорожского 1595 г. (реконструкция): История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982.
111. Лжедмитрий. Дереворит из панегирика Станислава Гроховского на брак Самозванца с Мариной Мнишек «*Piesni na fest ucieszny*» (Krakow, 1606): *Wisner H.* Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995.
112. Петро Конашевич-Сагайдачный. Гравюра из панегирика Касияна Саковича «*Вірші на жалосний погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного*» (Київ, 1622): *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
113. Казацкие чайки под Кафой. Гравюра из панегирика Касияна Саковича «*Вірші на жалосний погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного*»

(Київ, 1622): Степовик *Д. В.* Українська графіка XVI–XVIII століть. Еволюція образної системи. Київ, 1982.

114. Чертеж казацкой «чайки» Гийома Левассера де Боплана в его книге «Description d'Ukraine» (Руан, 1660): *Боплан Гийом Левассер де.* Описание Украины. М., 2004.

115. Станислав Конецпольский. Копия с портрета XVII в.: *Podhorodecki L. Stefan Czarniecki.* Warszawa, 1998.

116. Герб Черниговского воеводства. Рисунок 1633 г.: *Румянцева В.В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.

117. План Кодацкой крепости. Гравюра из издания «Cyaneae oder die am Bosphoro Thracico ligende hohe Stein-Klippen» (Аугсбург, 1687): *Боплан Гийом Левассер де.* Опис України. Київ, 1990.

118. Николай Потоцкий. Копия с портрета XVII в.: *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i mieczem» (1648-1651).* Opracował M. Nagielski. Warszawa, 1999.

119. Казацкие послы. Фрагмент рисунка Яна Вестерфельда, ок. 1651 г.: *Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст.* Київ, 2001.

120. Иосиф Вельямин Рутский. Копия с портрета XVIII в.: *Соловій М.М., ЧСВВ.* Мелетій Смотрицький як письменник. Рим-Торонто, 1977.

121. Герб господаря Молдавии Мирона Бернавского (Барновского). Гравюра в издании «Октоїх» (Львів, 1630): *Українська поезія. Середина XVII ст.* Київ, 1992.

122. Петро Могила. Фрагмент фрески 1644 г. из церкви Спаса на Берестовом в Киеве: *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.

123. Герб Захарии Копыстенского «Леліва». Гравюра в издании «Толкование на Апокалипсис» (Киев, 1625): *Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст.* Київ, 2001.

124. Обряд погребения. Гравюра мастера Ильи в издании «Требник» (Киев, 1646): *Степовик Д. В.* Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.

125. Титульный лист панегирика студентов Львовской иезуитской коллегии на смерть князя Александра Заславского «Panselene» (Львов, 1630): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574–1700). Львів, 1981.

126. Титульный лист трактата кальвиниста Петра Гилёвского «Rozprawa krótka o sposobie odkurpienia» (Панивцы, 1609): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574-1700). Львів, 1981.

127. Ян Замойский. Гравюра XVII в.: *Grzybowski S. Król i kanclerz*. Kraków, 1988.
128. Здания Замойской академии на плане Брауна, начало XVII в.: *Rudomicz B. Efemeros czyli Diariusz prywatny pisany w Zamościu w latach 1656–1672*. Cz. 1. Przekład W. Froch, opracowanie M.L. Klementowski, W. Froch. Lublin, 2002.
129. Титульный лист поэмы Яна(Ивана?) Домбровского «Самоепае Вогыsthенiдес» (Без места издания, 1620): Центральный государственный архив Украины в г. Киеве, коллекция старопечатных книг.
130. Раина Могилянка, супруга князя Михаила Вишневецкого. Копия с портрета начала XVII в.: *Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв.* Л., 1981.
131. Аллегория шляхтича-«сармата». Дереворит из труда Вацлава Куницкого «*Obraz szlachcica polskiego*» (Краков, 1615): по репринтному переизданию: Kraków, 1997.
132. Генеалогическое древо князей Четвертенских. Гравюра в трактате Афанасия Кальнофойского «*Teratourgema lubo cuda*» (Киев, 1638): *Степовик Д.В. Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи.* Київ, 1982.
133. Вызывающие бурю ведьмы. Дереворит 1489 г. из книги Ульриха Молггора «*De lamiiis*». По публикации Катерины Дисы: «Соціум. Альманах соціальної історії», 2003, вип. 2.
134. Муза Калиопа, покровительница наук. Дереворит из панегирика Яна Островского на брак князя Януша Острожского «*Epithalamion de nuptiis*» (Краков, 1597): Библиотека Ягеллонского университета, Отдел старопечатных книг, № 4669.
135. Панорама Чигирина. Рисунок второй половины XVII в.: *Величко С. Літопис. Т. 2. Переклав В. Шевчук.* Київ, 1991.
136. Богдан Хмельницкий. Гравюра Вильгельма Гондиуса 1651 г.: *Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв.* Л., 1981.
137. Титульный лист «Реестра Войска Запорожского 1649 года»: Российский государственный архив древних актов. Ф. 196. Оп. 1, Д. 1691. По публикации: *Історія української культури. Т. 3.* Київ, 2003.
138. Владислав IV. Гравюра с портрета Питера Рубенса 1624 г.: *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i mieczem» (1648–1651).* Opracował M. Nagielski. Warszawa, 1999.
139. Схема Корсунской битвы 1648 г.: *Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко. І.С. Як козаки воювали.* Дніпропетровськ, 1990.

140. Князь Ярема Вишневецкий. Портрет XVII в.: *Wójcik Z. Wojny kozackie w dawnej Polsce*. Kraków, 1989.
141. Казацкая конница под Львовом. Фрагмент гравюры середины XVII в.: *Мельник Б.В. Вулицями старовинного Львова*. Львів, 2001.
142. Панорама Варшавы. Гравюра с рисунка Дальберга 1656 г.: *Fabiani V. Na dworze Wazów w Warszawie*. Warszawa, 1988.
143. Адам Кисель. Копия с прижизненного портрета: *Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII-XVIII вв.* Л., 1981.
144. Ян Казимир Ваза. Гравюра 1649 г. Вильгельма Гондиуса с портрета Даниеля Шульца: *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem imieczem» (1648–1651)*. Opracował M. Nagielski. Warszawa, 1999.
145. Ислам-Гирей III. Гравюра середины XVII в.: *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i mieczem» (1648–1651)*. Opracował M. Nagielski. Warszawa, 1999.
146. Битва под Берестечком 1651 г. Гравюра середины XVII в.: *Wójcik Z. Wojny kozackie w dawnej Polsce*. Kraków, 1989.
147. Гравюра из книги Иосифа Липмана Машеля «Kinoh al gesserath Ukraina» («Плач на беды св. общины Украины») (Прага, 1648): Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины»). Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового. М.; Иерусалим, 1997.
148. Тимош Хмельницкий. Портрет второй половины XVII в.: *Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв.* Л., 1981.
149. Алексей Михайлович. Гравюра Мейсенса (Вена, 1670): Де ля Невилль. Записки о Московии. Перевод и комментарии А. С. Лаврова. М., 1996.
150. Фрагмент постановления Поместного собора 1653 р.: *Wójcik Z. Wojny kozackie w dawnej Polsce*. Kraków, 1989.
151. Знамена казацкого войска в середине XVII в. (прорисовка): *Історія української культури*. Т. 2. Київ, 2001.
152. Освящение знамени. Миниатюра из рукописного «Служебника» 1665 г.: *Логвин Г.Н. Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль*. М., 1965.
153. Иван Выговский. Копия с портрета XVII в.: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
154. «Герб собственный» волынских шляхтичей Гуляницких. Дереворит из книги Бартоша Папроцкого «Herby rycerstwa polskiego» (Krakow, 1584).
155. «Герб собственный» киевских шляхтичей Нечаев: *Lipiński W. Zdziejów Ukrainy*. Kijów, 1912.

156. Московский стрелец. Гравюра середины XVII в.: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
157. Карл Густав. Гравюра Кюселя, середина XVII в.: *Wójcik. Z. Jan Kazimierz Waza. Wrocław, 1997.*
158. Ильинская церковь в Суботове. Современное фото: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2001.
159. Письмо Юрия Немирича Дьєрдю II Ракоци. Автограф 1658 г.: Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 381.
160. Казак с головой турка. Рисунок середины XVIII в.: *Wójcik Z. Wojny kozackie w dawnej Polsce. Kraków, 1989.*
161. Юрий Хмельницкий. набросок портрета, 1749 г.: *Степовик Д.В. Українська графіка XVI—XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.*
162. План Каменца: город и крепость, соединенные мостом. Турецкий рисунок конца XVII в. По публикации Дариуша Колодзейчика в журнале «*Varok. Historia - literatura - sztuka*», 2001, t. VIII/1.
163. Павло Тетеря. Портрет XVII в.: *Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992.*
164. Иван Брюховецкий. Портрет XVIII в. по рисунку Самойла Величка: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
165. Петро Дорошенко. Портрет XVIII в.: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
166. Демьян Многогрешный. Рисунок Самойла Величка, первая четверть XVIII в.: *Величко С. Літопис. Т. 2. Переклав В. Шевчук. Київ, 1991.*
167. Турецкий военный лагерь. Гравюра конца XVI в.: *Величко. С. Літопис. Т. 2. Переклав В. Шевчук. Київ, 1991.*
168. Подпись Ивана Сирка: *Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 1997.*
169. Кара-Мустафа. Гравюра Георга Этцлера, после 1683 г.: По каталогу выставки «*Rzeczpospolita w dobie Jana III*» (Warszawa, 1983).
170. Иван Самойлович. Портрет XVIII в.: Мазепа. Упорядкування Иванченка Ю.О. Київ, 1993.
171. Иван Мазепа. Гравюра Данеля Беля, вторая половина XVIII в. По каталогу выставки «*Гетьман Иван Мазепа. Погляд крізь століття*» (Київ, 2003).
172. Герб Ивана Мазепы «Курч».
173. Фрагмент гравюры Ивана Мигуры из панегирика в честь Ивана Мазепы (Киев, 1706). По каталогу выставки «*Гетьман Иван Мазепа. Погляд крізь століття*» (Київ, 2003).

174. Василь Кочубей. Портрет первой половины XVIII в.: *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
175. Косовица. Гравюра Олександра Тарасевича из книги «Rosarium et officium V. Mariae Virginis» (Вильно, 1677): *Степовик Д.* Олександр Тарасевич. Київ, 1975.
176. Петр I. Гравюра Файторна 1698 г.: *Невилль Де ла.* Записки о Московии. Перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996.
177. Киево-Печерская крепость. Рисунок из издания «Календарь или місяцослов» (Київ, 1726): История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983.
178. Карл XII. Гравюра Фзилжеха 1743 г.: По каталогу выставки «Гетьман Иван Мазепа. Погляд крізь століття» (Київ, 2003).
179. Панорама Батурина. Гравюра XVIII в.: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
180. Титульный лист панегирика Феофана Прокоповича в честь победы Петра I в Полтавской битве (Киев, 1709): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 2 (1701–1764).
181. Пилип Орлик. Копия с портрета XVIII в.: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
182. Ханский дворец в Бахчисарае. Гравюра из книги «Cyaneae oder die am Bosphoro Thracico Ligende hohe Stein-Klippen» (Аугсбург, 1687): Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
183. Панорама Ясс. Гравюра конца XVII в.: *Costin M.* Latopis Ziemi Mołdawskiej i inne utwory historyczne. Tłumaczenie, wstęp i komentarze I. Czamańska. Poznań, 1998.
184. Титульный лист труда Христофора Гарткноха «Respublica Polona» (Франкфурт, 1678) с тройным изображением Яна III Собеского. По каталогу выставки «Rzeczpospolita w dobie Jana III» (Warszawa, 1983).
185. Рисунок из сборника стихов Данила Братковского «Swiat po czesci przejrzanu» (Краков, 1697): *Roksolański Parnas.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVII wieku. Wybrał i opracował R. Radyszewski. Kraków, 1998.
186. Лазарь Баранович. Гравюра Олександра Тарасевича 1693 г.: *Степовик Д.В.* Леонтій Тарасевич і українське мистецтво барокко. Київ, 1986.
187. Дионисий Балабан. Копия с портрета XVII в.: Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. Київ, 2001.
188. Гедеон Святополк-Четвертинский. Копия с портрета XVII в.: *Величко С.* Літопис. Т. 2. Переклав В. Шевчук. Київ, 1991.
189. Царский герб. Гравюра из труда Йоана Максимовича «Алфавіт римами сложенный» (Чернигов, 1705): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 2 (1701–1764).

190. Иннокентий Гизель. Копия с портрета XVII в.: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
191. Войсковый канцелярист. Рисунок Тимофея Калинского, последняя четверть XVIII в.: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
192. Страница из рукописи Самойла Величка. Автограф(?): *Величко С.* Літопис. Т. 1. Переклав В. Шевчук. Кит, 1991.
193. Казацкая старшина. Фрагмент иконы «Покров Богородицы» из с. Сулимовка, 1741 г.: *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
194. Рисунок из сборника стихов Лазаря Барановича «Lutnia Apollinowa» (Київ, 1671): *Radyszewski R.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVII wieku. Kraków, 1996.
195. Феофан Прокопович. Портрет конца XVIII в. По каталогу выставки «Гетьман Іван Мазепа. Погляд крізь століття» (Київ, 2003).
196. Татарский воин. Гравюра XVII в.: *Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII w. Warszawa, 1987.
197. Титульный лист панегирика Стефана Яворского в честь митрополита Варлаама Ясинского «Arctos et antarctos coeli Rossiaci» (Київ, 1690): *Степовик Д.В.* Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.
198. Аллегория быстротечности жизни. Гравюра из книги «Les Emblemes ... par un Pere Carucin» (Париж, 1631): *Morsztyn Z.* Emblemata. Opracowali J. i P. Pelcowie. Warszawa, 2001.
199. Киевский пейзаж. Гравюра Леонтия Тарасевича из книги «Патерик или отечник печерській» (Київ, 1702): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 2 (1701–1764).
200. Теза в честь ректора Киево-Могилянської академії Прокопа Колячинського. Гравюра Івана Щирського, 1690-е гг.: *Степовик Д. В.* Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.
201. Георгиевский собор Киевского Выдубицкого монастыря, 1696–1701 гг. Современное фото: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
202. Гравюра Івана Щирського в панегирике Лаврентія Крщоновича в честь Лазаря Барановича «Redivivus Roenix» (Чернігов, 1683): *Степовик Д. В.* Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.
203. Св. Димитрий Ростовский (Данило Туптало). Портрет конца XVIII в. По каталогу выставки «Гетьман Іван Мазепа. Погляд крізь століття» (Київ, 2003).

204. Иоаникий Галятовский. Копия с портрета конца XVII в.: История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983.
205. Август II Саксонец. Гравюра с прижизненного портрета: *Link-Lenczowski S. Rzeczpospolita na rozdrożu, 1696-1736. Kraków, 1994.*
206. Станислав Август Понятовский. Прижизненный портрет Крафта: *Serczyk W.A. Początek końca. Warszawa, 1997.*
207. Аллегория разделов Речи Посполитой. Гравюра Лемира, конец XVIII в.: *Serczyk W. A. Początek końca. Warszawa, 1997.*
208. Шляхтич. Рисунок Жана Поля Норблена, последняя четверть XVIII в.: *Serczyk W. A. Początek końca. Warszawa, 1997.*
209. Коронованная икона Богородицы. Шумск, первая четверть XVIII в.: *Логвин Г.Н. По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ, 1968.*
210. Николай Потоцкий. Портрет Якова Головацкого, 1770-е гг.: *Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.*
211. Арендарь Давид Лейбович. Любительский рисунок начала XVIII в.: *Друзюк-Скоп Г., Л. Скоп. Образ галицкого еврейства XIV–XVIII вв. в украинской иконописи. М., 1996.*
212. Титульный лист книги проповедника хасидизма Арье Лейба бен-Абрагама из Полонного (Корец, 1798): *Исаевич Я. Українське книговидання. Витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2003.*
213. Крестьянин в поле. Любительский рисунок 1765 г. в рукописи драмы Георгия Кониского «Воскресение из мертвых»: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
214. Горные разбойники. Народная картинка из Подгалья: *Grzybowski S. Sarmatyzm. Warszawa, 1996.*
215. Олекса Довбуш. Народная картинка: История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983.
216. Гайдамак. Рисунок XVIII в.: История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983.
217. Иван Гонта. Народная картинка 1822 г.: История Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1983.
218. Креховский монастырь. Эстамп Дионисия Синкевича, 1699 г.: *Степовик Д.В. Українська графіка XVI–XVIII ст. Еволюція образної системи. Київ, 1982.*
219. Львовская ратуша. Рисунок конца XVIII в.: *Мельник Б. В. Вулицями старовинного Львова. Львів, 2001.*
220. Кафедральный собор Холмской униейной епархии. Гравюра Теодора Раковецкого 1765 г.: *Rytle M. Koronasya cudownego obrazu Najświętszey Maryi Panny w chełmskiey katedrze obrządku greckiego. Berdyczow, 1780.*

221. Гравюра Ивана Филиповича из издания «Летургікон сі есть Служебник» с изображением Успенской братской церкви (Львів, 1759): *Запаско Я., Ісаєвич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 2 (1701-1764).
222. Панорама Глухова. Гравюра XVIII в.: Мазепа. Упорядкування Ю.О. Иванченка. Київ, 1993.
223. Крестьяне Черниговщины. Рисунок Тимофея Калининского, последняя четверть XVIII в.: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
224. Киевский магистрат в XVIII в. Реконструкция Володимира Ленченка: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
225. Павло Полуботок. Копия с портрета начала XVIII в.: *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
226. Данило Апостол. Рисунок XVIII в.: Величко С. Літопис. Т. 2. Переклав В. Шевчук. Київ, 1991.
227. Титульный лист рукописного кодекса «Права, по которым судится малороссийский народ» (Глухов, 1743): Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
228. Елизавета Петровна. Гравюра Чемесова, 1761 г.: О. Чайковская. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.
229. Булава, бунчук и литавры (XVII в.): Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
230. Екатерина II. Мраморный барельеф Мари Анн Колло, 1769 г.: *Чайковская О.* «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.
231. Герб Сологубов «Правдич»: *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914.
232. Батуринский дворец Кирилла Разумовского. Современное фото: Історія української культури. Т. 3. Київ, 2003.
233. Герб Донцев: *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914.
234. Выборы кошевого на Запорожской Сечи. Рисунок последней четверти XVIII в.: *Яковенко Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 1997.
235. Карта-схема паланок Вольностей Войска Запорожского: *Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І. С.* Як козаки воювали. Дніпропетровськ, 1990.
236. Плита на могиле Петра Калнышевского. Современное фото. Из журнала «Mówią wieki. Ukraina». 1995, grudzień 12 (439).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абазин Андрей 559
 Абрамович Ян 302
 Август II Саксонец (Сильный)
 Веттин, герцог саксонский, король польский и вел. кн. литовский 536, 553, 560-562, 616, 617, 726
 Август III Веттин, герцог саксонский, король польский и вел. кн. литовский 616-618, 641
 Августин Аврелий 67
 Авель 588
 Агапит, св. 80, 380
 Адальберт Трирский, архиепископ магдебургский 55
 Адам, библейский персонаж 429
 Адамович Симеон, протопоп 506, 510
 Адамовичи, род 532
 Адиль-Гирей, хан крымский 505, 509
 Адриан, патриарх московский 648
 Аксак, имя собств. 196
 Аксак Ян 357
 Аксаки, род 321, 390, 391
 Александр, претендент на молдавский престол 340
 Александр Великий (Македонский), царь 353, 399, 600
 Александр Всеволодович, кн. белзский 127, 128
 Александр Казимирович, вел. кн. литовский и король польский 201-203, 217, 221, 252, 716
 Александр I, российский император 695
 Алексей, митрополит 207
 Алексей Михайлович, царь московский 455-459, 461-464, 490, 493, 494, 498, 501, 503, 506, 509-512, 515, 516, 572, 575, 722
 Алеппский (Алепский) Павел, архидиакон 412, 443, 598, 599, 600, 604
 Алферьев Иван 459
 Альвар Эммануил 383
 Аль-Загали 195
 Аль-Идриси 34
 Аммиан Марцелин 104
 Анастасия, кн., супруга Олелько Владимировича 194
 Анастасия, кн., дочка Ярослава Мудрого 65
 Андраш 65

- Андраш, королевич, сын Андраша II
 Арпада, кн. перемышльский 129
 Андраш II Арпад, король венгерский
 127, 128, 135
 Андрей, апостол, св. 54, 378, 379, 540,
 544
 Андрей Боголюбский, кн.
 владимиро-суздальский 74, 97
 Андрей Владимирович, кн., сын
 Владимира Ольгердовича
 Киевского 212
 Андрей Ольгердович, кн. полоцкий
 181
 Андрей Юрьевич, кн. волынский
 133, 134, 177
 Андриевичи, род 336
 Андрусак Микола 540
 Анна, дочь Дмитра из Горая 148
 Анна, кн., дочь Ярослава Мудрого 65
 Анна «багрянородная», кн., супруга
 Владимира Святославича 56–58,
 64, 399
 Анна, кн., супруга Романа Мстисла-
 вича 127, 128
 Анна Иоанновна, российская импе-
 ратрица 631, 672, 689
 Анна Мстиславовна, кн., супруга
 Даниила Галицкого 129
 Анна Тверская, кн., супруга Свид-
 ригайло Ольгердовича 186, 190
 Антей 413
 Антоний, митрополит гадицкий 154
 Антоний Печерский, св. 79, 80
Антонович Владимир 6
 Антоновичи, род 628
 Апостол Данило Павлович, гетман
 536, 538, 544, 666, 668-671, 674,
 689, 727
 Апостолы, род 531, 660
 Апраксин 644
 Ариадна 551
 Арий 285
 Армашенко Иоан (Иоанн) 573, 575
 Арнесты, род 158
 Арон, молдавский господарь 347, 348
 Арсений, архиепископ еласонский
 306
 Артемий, старец 287
 Арье Лейб бен-Абрагам из
 Полонного 632, 726
 Аскольд, легендарный киевский
 князь 41–43, 45, 51–53, 55, 268
Аскоченский Виктор 576
 Аспарух, хан болгарский 105
 Атилла, хан гуннский 104
 Атлант 551
 Аутимир-мурза 449
 Афанасий, патриарх константино-
 польский 458
 Ахилеос, Эммануил 274
 Ахмед III, османский султан 556, 557
 Ашины, тюркский род 105
Багалий Дмитрий 684
 Бадовский Ян 337, 338
 Бай-буза, имя собств. 196
 Байбуза Михайло 320
 Байбуза Степан 473
Байрон, Джордж 522, 523
 Балабан Арсений, епископ галицкий
 155
 Балабан Гедеон, епископ львовский
 155, 278, 305, 309
 Балабан Дионисий, митрополит ки-
 евский 495, 569, 570, 725
 Балабаны, род 391
 Байдык, имя собств. 230

- Балиш, имя собств. 230
 Балюз Жан 526, 527
Бантъш-Каменский, Дмитрий 667
 Барабаш Яков 485, 486
 Баранович Лазарь, архиепископ черниговский 300, 385, 508, 509, 511, 518, 545, 567, 568, 570–572, 586, 587, 601, 602, 604, 608, 609, 725, 726
 Барбона Пьетро 173
Бардах Юлиуш 223
 Барер де Въёзак (Въёзак), Бертран 615
Бартошевич Юлиан 191
 Барятинский, кн. 672
 Батбай, хан болгарский 105
 Батура, имя собств. 196
 Батый (Бату), хан Золотой Орды 98, 115-120, 237, 575, 576
 Бахта, имя собств. 230
 Беата из Божидара, супруга Дмитра из Горая 148
 Бегер Янчи 341, 342
 Безбородько Александр 697
 Безпалый Иван 477
 Бектеш-ага 451
 Бела, герцог венгерский 65
 Бела IV, король венгерский 117, 129
 Белецкие-Носенки, род 680
 Бель, Данель 523, 724
 Бельский Иоахим 343, 350, 351
 Бельский Мартин 402
 Бельский Федор 199
 Беневские, род 265
 Беневский Станислав-Казимир 487
 Бенько Дмитро 149
 Бердебьяки, род 196
Бердяев Николай 656
 Бережецкий Прокоп 473
 Березовские, род 149
 Берендей, имя собств. 196
 Беринда Памво 310
 Беринда Стефан 310
 Берк, хан Золотой Орды 118
 Бернавский (Барновский), Мирон, молдавский господарь 374, 720
 Бессараб Матей, валашский господарь 452
 Бибельские, род 148
 Бизачиони Майолино 413
Блок Марк 168
 Богаченко Михаил 474
 Богданович-Зарудный Самойло 472, 483
 Богун Иван 434, 470, 475, 483, 490, 500, 501
 Бодье 358
 Божо 520
 Бокии, род 258, 390
 Болеслав I Храбрый, король польский 51, 65, 579
 Болеслав Стыдливый, кн. краковский 130
 Болеслав (Юрий) Тройденович, кн. волынско-галицкий 134, 135, 177
 Болестрашицкие, род 148
 Болоньети 273, 276
 Бондаривна, имя собств. 628
 Боняк, хан половецкий 124
 Боплан Гийом Левассер де 22, 228, 241, 328, 351, 359, 366, 716, 719, 720
 Борзна Иван 670
 Борецкие, род 149
 Борецкий Иван (Иов), митрополит киевский 274, 299, 310, 313, 314, 361, 363, 374, 400, 455

- Борис, царь болгарский 55
 Борис, кн., св., сын Владимира
 Святославича 68, 97, 121
 Борискович Исаакий, епископ луц-
 кий 274, 313
 Боровицкие, род 204
 Борухович Михаил 536
 Боцано Христофор де 173
 Боярские, род 149
Брайчевский Михайло 31, 32
 Браницкий Ксаверий 621
 Бранкович Мария 247
 Братковские, род 149
 Братковский Данило 561, 562, 724
 Брежи, де, граф 410
 Броневский Мартин (Христофор
 Филалет) 274, 288, 291–294, 302,
 718
 Брячислав Изяславич, кн. полоцкий
 68
 Бруно Кверфуртский, еп. 65, 109
 Бруяк, род 473
 Брухан, имя собств. 230
 Бруховецкий Иван, гетман, боярин
 496, 498-501, 503, 504, 506-509,
 523, 532, 568, 591, 723
 Бугай, имя собств. 474
 Будный Шимон 285
 Булавин Кондратий 553
 Булан, каган хазарский 55
 Булгак, имя собств. 196
 Булыга-Курцевич Езекиил, кн., игу-
 мен 311–313, 362
 Бундур, имя собств. 196
 Буремльские, кн. род 192
 Бурляй (Бурлай) Кондрат 419, 470
 Бурундай 117, 132
 Бут, имя собств. 230
 Бут Павел («Павлюк») 367–370, 409
 Бутовичи, род 321, 390
 Бутурлин Василий Васильевич 459-
 461, 480
 Бухгольцы, род 159
 Буцней-Чарноты, род 471
 Бучинский-Яскольд Александр 518,
 567, 593
 Бюи Андре де (Антоновский) 454
 Бялый Ян 174
 Валленштайн Альбрехт 371
 Вальер 358
 Вапковские, род 148
 Варда Фока, византийский импера-
 тор 56, 57
 Василий, кн., сын Семена
 Оленьковича 198
 Василий Великий, св. 373, 652
 Василий II Македонянин, византий-
 ский император 56, 57
 Василий III Иванович, вел. кн мо-
 сковский 202, 252, 656
 Василько Романович, кн. волынско-
 галицкий 127-131
 Василько Ростиславич
 (Теребовльский), кн. 97, 123, 124
 Вацлав IV, король чешский 183
 Вдовиченко 474
 Вейсбах Иоган 689
 Великий-Гагин Данило, кн. 499
 Велицкие, кн. род 192
Величенко Степан 9
 Величко Самойло 5, 15, 482, 486, 489,
 496, 498, 506, 510, 515, 520, 521,
 525, 568, 577-580, 582, 583, 585,
 587–589, 591, 594, 595, 602, 606,
 610, 723
 Величковские, род 335

- Величковский Иван 600
 Вельяминов Степан 665, 666
 Вергилий 383
 Верещака Прокоп 491
 Верещаки, род 390, 473
 Верещинский Юзеф, епископ киевский 20, 353
 Верлан 641, 642
 Вернигора 615, 616
 Вестерфельд Абрахам 411
 Вестерфельд Ян 369, 718, 720
 Вешняк Федор 419, 470, 471
 Вешняки, род 336, 471
Викторова Лидия 113
 Вильгорские, род 321, 625
 Вильгорский Михал 619, 624
 Вими́на Альберто 411–413, 468
 Винницкий Антоний, митрополит киевский 570, 647, 648
 Винницкий Иннокентий, епископ перемышльский 648
Винниченко Володимир 484
 Виспянский Станислав 616
 Витвицкие, род 149
 Витенас, кн. литовский 176
 Витовские, род 265
 Витовт (Великий) Кейстутович, вел. кн. литовский 179, 181–184, 186–188, 190, 198, 199, 221, 235
 Вишенский Иван (Иоанн) 270, 286, 296, 297, 381, 382
 Вишневецкие, кн. род 192, 203, 261, 263, 265, 287, 301, 318, 321, 322, 324, 339, 353, 715
 Вишневецкий Адам, кн. 262, 355
 Вишневецкий Александр, кн. 320, 344, 345
 Вишневецкий Андрей, кн. 258
 Вишневецкий Дмитрий (Байда, «Думитрашко»), кн. 241–243, 245–248, 337, 341, 454
 Вишневецкий Иван, кн. 247
 Вишневецкий Ярема Михайлович, кн. 366, 369, 395, 422–425, 429, 433, 439–441, 447, 722
 Вишневецкий Константин, кн. 258, 262, 355
 Вишневецкий Михаил, кн. 230, 262, 339, 341, 349, 375, 396, 422, 721
 Владимир Василькович, кн. владимирский и брестский 95
 Владимир Володаревич (Владимирко), кн. галицкий 124, 125
 Владимир Игоревич, кн. черниговский 111, 127
 Владимир Мономах, кн. киевский 70, 71, 98, 126, 138, 143
 Владимир Ольгердович, кн. киевский 179, 180, 182, 190, 194, 195, 197–199, 212, 213
 Владимир Святославич (Великий, Креститель), кн. киевский, св. 15, 45, 51–58, 61–65, 68, 69, 73, 81–84, 95, 109, 121, 143, 267, 361, 379, 381, 397, 399, 400, 414, 459, 564, 575, 581, 593, 713
 Владимир Ярославич, кн. галицкий 125
 Владислав III Варненчик, король польский 144, 156, 190
 Владислав IV Ваза, королевич, затем король польский 355, 371, 409, 410, 418, 421, 456, 473, 722
 Владислав Опольский, кн. силезский и галицкий 136, 155, 156

- Владислав Ягайло (Ягайло Ольгердович), король польский и вел. кн. литовский 136, 144, 148, 156–158, 181–187, 191, 251, 715
- Воде Ион (Ивоня) 244, 338, 340
- Водофф Владимир* 96
- Воейков Федор 676
- Войнаровский Андрей 549, 550
- Войно-Оранские, род 390, 625
- Войткович Демид 204
- Волевач Иван 352, 470
- Волевач Тишко 352
- Волконские, кн. род 70
- Володарь Ростиславич, кн. галицкий 123, 124
- Володковский Дмитро 666
- Волчко 160
- Волчкович Васко 149
- Волчковичи (Ходоровские), род 148
- Вороничи, род 321, 390, 625
- Воронченко Яцко 470
- Вороны, род 471
- Воропай, имя собств. 196
- Воротынский Семен, кн. 201
- Всеволод Владимирович, кн. владимирский 121
- Всеволод Святославич, брат кн. Игоря Святославича Старого 98
- Всеволод Ярославич, кн. переяславский 66, 68, 70, 79, 111
- Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий 68
- Выговские, род 197, 472
- Выговский Данило 493, 497
- Выговский Иван, гетман-регент 20, 421, 436, 471, 472, 477, 480, 483–487, 489–491, 493, 494, 496, 497,
- 501, 504, 524, 525, 570, 583, 584, 589, 591, 723
- Высоцкий Сергей* 60
- Высочанские (Высочаны), род 149
- Высочан Семен 473, 501
- Вяземские, кн. род 70
- Вяземский Александр, кн. 678, 696
- Вячеслав Ярославич, кн. смоленский 66, 68
- Габсбурги, императорская династия 348
- Гавратенко 474
- Гавриил, митрополит галицкий 154
- Гавриил, митрополит назаретский 449, 458, 459
- Гаецкий, Джордж* 9
- Галаган Игнат 544, 546, 547
- Галичанские, кн. род 192
- Галичи Шмуэль, Ашер, Ельяким 161
- Галки, род 148
- Галятовский Иоаникий, архимандрит 510, 601, 602, 606–608, 726
- Гамалии, род 531
- Гамалия Андрей 541
- Гамалия Иван 668
- Гамберини Карло 346
- Ганжа Иван 439, 474
- Ганновер Натан 442, 444
- Гарткнох Христофор 559, 724
- Гваньини Алессандро 244
- Гвардини Романо* 404
- Гедимин, вел. кн. литовский 176–179, 184, 194, 199
- Гедиминовичи, литовская династия 177, 179, 180, 191, 194, 206
- Гедройц Флориан, кн. 349
- Гейденштейн Рейнольд 349
- Гельбеземы, род 159

- Генигер, род 244
 Генрих Анжуйский (Валуа), король польский и вел. кн. литовский 22
 Генрих Латвийский 175
 Георгий Амартол 93
 Георгий Русин из Тычина 172
 Георгицу Штефан, молдавский господарь 452, 454
 Герасим, митрополит киевский 208
 Герасимович Андрей 589
 Герберштейн Сигизмунд 339, 719
 Гербест Бенедикт 278, 291
 Германарих, готский конунг 32
 Герниги, род 159
 Герцберг Эвальд 683
 Герцик (Орлик) Анна 551
 Герцик Григорий 549, 553
 Герцик Иван 549
 Герцики, род 265
 Гилёвский Петр 386, 721
 Гирей, крымская ханская династия 363
 Гжегож из Санока, архиепископ львовский 171, 172
 Гизели, род 265
 Гизель (Кисель) Евстафий 387
 Гизель Иннокентий, архимандрит 403, 572, 575, 725
 Гладкие, род 335, 471
 Гладкий Матвей 470, 475, 477
 Глеб, кн., св., сын Владимира Святославича 68, 97
 Глебовичи, род 322
 Глигнер Эразм 243
 Глинская Елена Васильевна, супруга Василия III, вел. кн. московского 202
 Глинские, кн. род 197, 202, 320
 Глинский Богдан, кн. 229
 Глинский Михаил Львович, кн. 199, 201, 202, 214, 253
 Глоба Иван 695
Гмитерек Генрик 390
 Гоголь Николай 408, 609, 697
 Гоголь Остап 473, 501, 515, 558
 Гозий Станислав, архиепископ гнезненский 276
 Гойские, род 322, 387, 390
 Гойский Гаврило 288
 Голайсен Людвиг 387
 Голинский 450
 Голицын Василий, кн. 521, 522, 526, 535
 Голицын Дмитрий, кн. 664
 Головатый Павел 695
 Головацкий Петро 431, 472, 477
 Головацкий Яков 629, 726
 Головкин 544
 Голота Иван 470
Голубинский Евгений 95
 Голубы, род 532
 Гольдберги, род 159
 Гольшанский Андрей, кн. киевский 182
 Гольшанский Иван, кн. киевский 182, 199
 Гольшанский Михаил, кн. киевский 183
 Гольшанский-Дубровицкий, Юрий, кн. 213
 Гондиус (Гондт), Вилем (Вильгельм) 22, 411, 721
 Гонта Иван 642, 644–646, 727
 Гончарова Наталья 517
 Гораций 383
 Гордиенко Кость 546, 548, 549, 555, 556, 689

- Горецкий Леонард 244, 338
 Горленко Дмитро 538, 549, 556
 Горностаи, род 288, 321, 322
 Городенские, кн. род 69
 Городинские, род 388
 Горст Генрих 174
 Гостоунский Балтазар 384
 Гошовские, род 149
 Гоштовт (Гаштольд) Иван 190
 Гоштовт (Гаштольд) Мартин
 Иванович 198
 Гоштовт (Гаштольд) Ольбрахт 222
 Гоштовтовна (Гаштольдовна) Мария,
 супруга Семена Олельковича, кн.
 киевского 198
 Гоштовты (Гаштольд), род 188
 Грабовецкие, род 149
 Грабович Мартин 274
 Грабович Мотовил 274
 Грабовский Петр 353, 354
 Грабянка Григорий 577–580, 582, 585,
 587, 593, 594, 600, 606, 609
 Грекович Антоний, наместник митро-
 полита киевского 298, 299, 311
 Гречаной Федор 668
 Гречиха 474
 Грива Матвей 641
 Григорий Вигилянций Русин из
 Самбора 172
 Грилло 247
 Гродецкий Вацлав 216
 Гроицкий Бартоломей 163, 670
Греков Борис 32, 36, 37, 84
 Григорий Болгарин, митрополит ки-
 евский 209
 Григорий XI, папа римский 156
 Григорий XII, папа римский 276
 Григорий XIII, папа римский 276
 Гроховский Станислав 354, 719
 Грузевичи, род 390
Грушевский Михайло 6, 8, 23, 55, 97,
 139, 153, 188, 245, 261, 263, 422,
 460, 577
Гудзяк Борис, 373
 Гулевич Бенедикт 624, 625
 Гулевич Демьян 301, 302
 Гулевичи, род 258, 388, 391, 625
 Гуляницкие, род 473, 474, 723
 Гуляницкий Григорий 483, 489
 Гунашевский Михаил 403
 Гуня Дмитро 369, 370, 417
Гуревич Арон 5
 Гусак Иван 534
 Гусейн 230
 Густав II Адольф, король шведский 371
 Гуте Герман ван 174
 Гуюк, хан монгольский 117
 Гюго Виктор 522
 Дажбог 56
 Дальберг 427
 Данило Романович Галицкий, кн.
 галицко-волынский 98, 122, 127–
 133, 267, 268
 Даниил Заточник 94
 Данилович Ян 409
 Даниловичи, род 322
Дашкевич, Ярослав 25
 Дашкович Остафий Иванович 240,
 241
Двожачек Влодзимеж 287
 Дворецкий Василий 496
 Дворсковичи, род 148
 Девлет-Гирей, крымский хан
 (XVII в.) 246
 Девлет-Гирей, крымский хан
 (XVIII в.) 553–555

- Дедко Дмитрий 135
 Деларак 520
 Демьян, св. 108
 Дершняки, род 148
 Децик Василь 505
 Дециус 222
 Дивович Семен 675
 Дидушицкие, род 148
 Дзики, род 473
 Джеджалий Филон 470, 471, 477
 Джучи, хан монгольский 115
 Джучиды, монгольская династия 115
 Диментер-солтан (Димитр), татарский бей 178
 Дионисий, митрополит киевский 180
 Дионисий, патриарх константинопольский 571
 Дионисий Рали (Дионисий Палеолог), тырновский митрополит 274
 Дир, легендарный князь киевский 41, 42, 43 268
 Длугош Ян 185, 198
 Дмитрий, св. 215
 Дмитрий-внук, вел. кн. московский 200, 716
 Дмитрий Донской, кн. московский 194
 Дмитрий (Иоаннович), царевич 355
 Дмитрий-Корибут Ольгердович, кн. чернигово-северский 179, 181–183, 188, 715
 Дмитрий Самозванец 262, 354, 355, 455, 719
 Дмитро из Горая 147-149, 714
 Добеслав из Сенна 148
 Добровский Йозеф 98
 Доброгост из Шамотул 148
 Добрянские, род 149
 Довбуш Олекса 636, 638, 726
 Довгирд 189
 Довгополый Клим 549
Довнар-Запольский Митрофан 218
 Долголдаты, кн. род 197
 Долгорукие, кн. род 503
 Долгорукий Юрий, кн. владимиросуздальский 70, 125
 Долгоруковы, род 544
 Долмат 196
 Дольская Анна, кн. 539
 Домбровский Иван (Ян) 393, 398, 721
 Доминичи Паоло (Римлянин) 173
 Домонты, кн. род 197
 Донцы, род 685, 728
 Донцы-Захаржевские, род 686
 Дорош (Дорофей) 504
Дорошенко, Дмитро 8, 11, 543
 Дорошенко Михайло 364, 365, 471, 504
 Дорошенко Петро, гетман 14, 471, 477, 502, 504–509, 511–517, 519, 525, 556, 557, 562, 566, 568, 570, 583, 590, 591, 723
 Дорофейович Гавриил 274
 Дортели (д'Ортели) д'Асколи 358
 Драгинич Иван 557
 Драгомирецкие Кальнофойские, род 149
 Древинские, род 388, 390
 Древинский Лаврентий 315, 316
 Дрогобыч (Котермак) Юрий (Георгий) 169, 170, 715
 Дроговский Станислав 286
 Дрогойовские, род 148
 Дрозденко Василь 502, 505
 Друцкий-Горский Юрий, кн. 349

- Дубницкие, род 532
 Дубровицкие, кн. род 192
 Дука Георгий, молдавский господарь 557
 Думитрашки, род 531
 Думитрашко Райча 510
 Дунс Скот Иоанн 96, 103
 Дуодо, Пьетро 346
 Дьёрдь I Ракоци, кн. трансильванский 452, 456
 Дьёрдь II Ракоци, кн. трансильванский 452, 480, 482, 485, 723
 Дядьковичи, род 148
Егоров Вадим 118
 Екатерина I, российская императрица 667, 668
 Екатерина II, российская императрица 619, 621, 622, 631, 644, 650, 657, 676-681, 683, 687, 688, 694-696, 727
 Ел, легендарный сын Александра Македонского и Роксоланы 399
 Елена Ростиславовна 127
 Елизавета Петровна, российская императрица 631, 672-674, 677, 727
 Елизавета, дочь Ярослава Мудрого 65
 Еловицкие, род 390, 625
 Еловичи, род 399
 Ело-Малинские, род 322, 390
 Ельцы, род 390
Енсен Альфред 550
 Ермоленко Данило 507
 Еропкина Агафья, супруга Петра Дорошенко 519
Ефименко Александра 436
 Ефросиния, дочь Мстислава Владимировича 127
 Жаба Ходок Иванович 148
 Жданович Антон 451, 472, 477, 482, 483
 Жевжики, род 196
 Жевуский Северин 621
 Желиборские, род 149
 Желизо Иов, игумен 274
 Жижемские, кн. род 70
 Житинские, род 204
 Житкевичи, род 473
 Жмайло Марко 363
 Жоравницкие, род 390
 Жоховский Киприан, митрополит киевский 373, 647
 Жуки, род 335
 Жулинские, род 265
 Жулкевские, род 323
 Жулкевский Станислав 311, 325, 348-350, 408, 719
 Жураковский Василь 666
 Заберезинский Ян Юрьевич 202
 Забила Иван 473
 Забила Петр 473, 510
 Забилы, род 532
 Заблудов Гринь Иванович 274
 Заборовские, род 265
 Загоровский Федор 343
 Загоровский Василий 385
 Задеревецкие, род 148
 Закусило Григорий 473
 Зализняк Максим 643-645, 647
 Залман Шнеур 633
 Замойские, род 322, 323, 389
 Замойский Томаш 367
 Замойский Ян 275, 348, 388, 389, 721
 Заньковичи, род 336
 Заремба Ян 174
 Заруцкий Афанасий, протопоп новгород-сиверский 545

- Заславские, кн. род 70, 192, 203, 265, 287, 301, 322, 715
- Заславский Александр, кн. 294, 385, 721
- Заславский Владислав-Доминик, кн. 422, 424, 425
- Заславский Януш, кн. 349
- Заяц Андрий* 163
- Збаражские, кн. род 192, 203, 261, 263, 265, 287, 301, 321-324, 353, 715
- Збаражский Александр Федорович, кн. порицкий 215
- Збаражский Ежи, кн. 360, 395
- Збаражский Януш, кн. 203, 331
- Збируйский Дионисий, епископ холмский 278
- Зборовские, род 322
- Зборовский Самуил 248
- Зебжидовский Николай 304
- Зеленские, род 265
- Зеленский Михаил 472
- Земка Тарасий 310
- Зенович Криштоф 302
- Зизаний Лаврентий 289, 306, 310, 718
- Зизаний Стефан 289, 292, 306
- Зильбер Еухариус 170
- Зинрихи, род 159
- Зиньковский Иван 684
- Значко-Яворский Мельхиседек, игумен 642-644
- Золотаренки, род 336
- Золотаренко Василий 474, 490, 498, 499
- Золотаренко Иван 411, 474, 478, 480
- Золотари, род 323
- Зоммер Йоган 247
- Зоммерштайны, род 159
- Зорка Самойло 482
- Зубовичи (Билаши), род 336
- Зубрицкий Никодим 331, 719
- Ибн-Батута 118
- Ибн-Русте* 34, 40
- Ибн-Фадлан 35, 60
- Ибрагим I, османский султан 450, 451
- Ибрагим-Шейтан 518
- Иван III Васильевич, вел. кн. московский, «государь всея Руси» 199, 200, 235, 252, 253, 574, 716
- Иван IV Васильевич Грозный, царь московский 70, 202, 246, 253, 272, 275, 355
- Иван Владимирович, кн. киевский 194
- Иваненко Петр (Петрик) 534, 568
- Иваницкие, род 388
- Иванович Гришко 559
- Иванович Омелян 352
- Игнатий, монах 287
- Игорь Рюрикович (Старый), кн. киевский 43, 45, 46, 47, 55, 65, 81, 83, 109, 268
- Игорь Святославич, кн. новгород-северский 98, 112
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 68, 69
- Изяслав Ярославич, кн. киевский 66, 68
- Изяславичи Полоцкие («Рогволжи внуки»), потомки кн. Изяслава Владимировича 68, 69
- Изяславичи («Ярославлі внуки»), потомки кн. Изяслава Ярославича 69

- Иевлевич, Фома 361
 Иезекииль, библейский пророк 38
 Иеремия Могила, молдавский госпо-
 дарь 348, 375
 Иеремия, патриарх константино-
 польский 276, 306, 382
 Иехель-Михель 444
 Илларион, митрополит киевский 65,
 95
 Илья-громовец, пророк св. 55,
 713
 Илья, мастер 379, 720
 Иммануэль-бар-Якоб 195
 Ингеборг, дочь Мстислава
 Владимировича 47
 Ингельд 47
 Ингигерда (Ирина), супруга
 Ярослава Мудрого 46, 64
 Индикоплов, Косьма 93
 Иннокентий IV, папа римский 132,
 133
 Иоаким, патриарх антиохийский 306
 Иоаким, патриарх московский 571
 Иоанн Зонара 93
 Иоанн I, митрополит киевский 75
 Иоасаф, митрополит коринфский
 435, 458
 Иона Рязанский, митрополит мо-
 сковский 209
 Иосиф Волоцкий 195
 Иосиф II Габсбург, император ав-
 стрийский 651, 652
 Ипполитович Паисий, епископ
 холмский 313
 Ираклий, византийский импера-
 тор 31
Исаевич Ярослав 169, 392
 Исая 286
 Исерлес Моше 161
 Исидор, митрополит киевский 208,
 209, 275
 Исканская Дарья, княгиня, супруга
 Ивана Брюховецкого 503
 Искрицкие, род 265, 473
 Искра Захарий 559
 Искра Иван 529
 Искры, род 265
 Ислав Ярославич, кн. киевский 89
 Ислам-Гирей III, крымский хан 419,
 428, 429, 431, 432, 433, 438, 448,
 449, 722
 Исраэль бен Элиэзер (Баал Шем
 Тов) 632, 632
 Казановские, род 323
 Казимир, король польский 64
 Казимир III (Великий) Пяст, король
 польский 134-136, 144, 148, 154,
 160, 162, 181, 207
 Казимир IV Ягайлович, король
 польский и вел. кн. литовский
 158, 171, 190, 198, 199, 221, 235,
 252
 Казимирский Криштоф, епископ ки-
 евский 265
 Каин 588
 Кайдаш, имя собств. 196
 Калантай, имя собств. 197
 Каленикович Сенько 306
 Каллимах (Филиппо Буонакорси)
 171
 Калиновские, род 321-323, 353
 Калиновский Валентий-Александр
 320
 Калиновский Мартин 420, 421, 437
 Калининский Тимофей 576, 660, 725,
 727

- Каллиопа 403, 721
 Калнишевский, Петро 690, 692, 694, 695, 728
 Кальвин Жан 285, 290
 Кальнофойский Афанасий 377, 379, 393, 721
 Камерон Чарльз 674
Каминьский Анджей 9
 Кантемир Дмитрий, молдавский господарь 554
 Капнист Василий 683, 697
Капраль Мирон 158–160
 Капуста Лаврин 470
 Караимович Ильяш 368
 Кара-Мустафа 518, 519, 558, 723
 Каранда, имя собств. 230
 Карач-бей 436, 450, 485
 Карачовские, кн. род 70
 Карл, имя собств. 47
 Карл XII, король шведский 524, 536, 539-541, 545-554, 617, 724
 Карл Великий, император франкский 63
 Карл Густав X, король шведский 479-481, 723
 Карл Фердинанд, брат Владислава IV Ваза 425
 Карпини Джованни ди 132
 Касим, золотоордынский царевич 229
 Катажина, дочь Дмитра из Горая 148
 Катиржний Роман 470
 Качибирей-солтан (Хаджи-бей) 178
 Квестенбер 371
Квитка-Основьяненко Григорий 697
 Квитки, род 686
 Кезгайлы, род 188
 Кейстут Гедиминович, вел. кн. литовский 178, 181
 Кенигсек Фридрих 543
 Керим-Гирей, наследник Адиль-Гирея 506
 Керскорф 189
 Кизим Богдан 368
 Кий, легендарный полянский князь 31, 32, 41, 268
 Килианы, род 605
Кинан Эдвард 98
 Киприан, митрополит киевский 155, 208
 Киприан, монах 274
 Кир 600
 Кирдеи, род 148, 258
 Кирдей, имя собств. 287
 Кирилл Туровский, епископ 95
 Кисели, род 390, 391, 398
 Кисель, Адам 366, 368, 398, 422, 428, 431, 436, 439, 440, 451, 473, 474, 484, 722
 Кленович Себастьян 172, 173, 402
 Климент VIII, папа римский 278, 346, 389
 Климент XIV, папа римский 654
 Климент Охридский 58, 59
 Климент Смолятич, митрополит киевский 95
 Клиша Яцко 470
 Клиши, род 471
 Клопперы, род 159
 Кмитич Криштоф 240, 241
 Кнут Лавард, король датский 47
 Княгининский Иван (Иов), архимандрит 274
 Княгиницкие, род 149
 Кобер Мартин 342

- Кобыз, род 197
Ковалевский А.П. 35
 Козаки-Звенигородцы, род 323
 Козловский 338
Когут Зенон 9, 660, 676, 681
 Козарины, род 258
 Коздаут, имя собств. 197
 Кожан, имя собств. 197
 Колачинский Прокоп 601, 725
 Коленды, род 265
 Колло Мари Анн 677, 727
 Коломан (Кальман) Арпад, кн. волынско-галицкий, король галицкий 127, 128
 Колонтай Гуго 615, 620, 621, 624
 Колчицкие, род 390
 Колчицкий Степан 459
 Комулович Алесандро 346
 Конарский Станислав 618
 Конашевичи-Попели, род 357
 Кондзелевич Иов 605
 Кондратьев 671
 Кондратьевы, род 686
 Концепольские, род 322, 323, 389
 Концепольский Александр 337, 418, 422, 425
 Концепольский Станислав, гетман 251, 324, 359, 363-366, 417, 472, 720
 Кониский Георгий 634, 726
 Константин (Кирилл, Философ), св. 58, 59, 99
 Константин Багрянородный, византийский император 14, 33, 39, 40
 Константин Великий, император римский и византийский 54, 200
 Константин Павлович, вел. кн. 688
 Константин Преславский 58
 Константин V, сын Льва III Исавра, византийский император 579
 Константин IX Мономах, византийский император 65
 Контарини 358
 Кончак, хан половецкий 111
 Кончаки, род 197
 Кононович Савва, «Москаль» 335, 367
 Кононовичи, род 335
Копиленко М.М. 44
 Копинский Исая, еп. 313
 Копицкий Станислав 338, 340
 Копыстенские, род 149
 Копыстенский Захария 309, 310, 375, 378, 379, 393, 720
 Кордыш, имя собств. 197
 Корецкие, кн. род 192, 203, 261-263, 265, 301, 321-324, 715
 Корецкий Богуш, кн. 203, 242, 258, 263
 Корецкий Кароль, кн. 394
 Корецкий Самуил, кн. 262, 375, 402
 Кориат-Михаил Гедиминович, кн. подольский 178, 179
 Кориатовичи, потомки Кориат-Михаила Гедиминовича 178–180
 Кормильчич Владислав 127
 Корсак Рафаил, митрополит киевский 373
 Косачи, род 628
 Косинские, род 265, 532
 Косинский Криштоф 320, 343, 344, 345, 347
 Косов Сильвестр, митрополит киевский 377-379, 383, 392, 393, 398, 426, 451, 569
 Косткова София 384

- Косткова (Острожская) Анна 384
Костомаров Николай 6, 464, 492, 507, 508, 588
 Костюшки, род 258
 Костюшко Тадеуш 615, 621, 622, 624
 Котермак Михайло 169
 Котлу-бай 197
Котляр Микола 84, 98
Котляревский Иван 100, 585, 697
 Кохановские, род 473
 Кохановский Петр 575
 Кочубей Василь 528, 529, 724
 Кочубей (Чуйкевич) Мотря (Кочубеевна) 529
 Кошка Самойло 354
 Кошка (Кушка) 439
 Кошки, род 258
 Краевские, род 204
 Красинский Ян 244, 267
 Красицкие, род 323
 Красносельские, род 473
 Красо Лоренцо 413
 Красовский Дмитрий 306
 Кревза Лев, архимандрит 314, 373, 718
 Кремпский 347
 Креховецкие, род 149, 532
 Креховецкий Иван 473
 Кречкович Иван 345
 Кривонос Максим 424, 441, 444, 447, 474, 476, 477
 Кривоносенко 476
Крикун Микола 332
 Кричевский Станислав (Михаил) 419, 429, 472
Крипьякевич Иван 125, 408, 465
 Кроковские, род 265
 Кроковский Иоасаф, митрополит киевский 545, 571, 576, 577
 Кромвель Оливер, лорд-протектор Британского королевства 414
 Кропивницкие, род 473
 Крошинские, кн. род 322
 Крузий Мартин 277, 717
 Крупецкий Афанасий, епископ перемышльский 298
 Крушельницкие, род 149
 Крщонович Лаврентий 604, 726
 Крым-Гирей, хан крымский 425, 426, 433, 449, 453
 Кубрат I, хан болгарский 105
 Кубрат II, хан болгарский 33
 Кудаш, имя собств. 230
 Кудренки, род 323
Кузенков П. 43
 Кузьма, св. 108
Кулиш Пантелеймон 408, 595, 596
 Култак, имя собств. 197
 Кульчинский Игнатий 656
 Кульчицкие, род 149, 473, 532
 Кунаков Григорий 473, 476
 Куницкий Вацлав 396, 721
 Куницкий Степан 558
 Кунцевич Иосиф (Иосафат), архиепископ полоцкий 299, 362, 363
 Курбские, кн. род 70
 Курбский Андрей, кн. 271, 290
 Курцевичи, кн. род 390
 Курцевич-Буремльские, кн. род 323
 Куря, хан печенежский 45
 Кутлубах-солтан (Кутлуг-бей) 178
Кучера Михайло 109
 Кучук, имя собств. 197
 Кыптай, имя собств. 230
 Кычкыр, имя собств. 197
 Кюсель 479, 723
 Лагодовская Барбара 174

- Лагодовские, род 148
 Лагодовский Александр Ванко 174
 Лащи, род 323
 Лащ-Тучапский Самуил 324
 Лев (I) Даниилович 136
 Лев Диакон 44
 Лев III Исавр, византийский император 579
 Лев Юрьевич, кн. галицкий 133, 134, 177
 Левенец 668
 Ледуховские, кн. род 390, 625
 Лейбович, Давид 630, 726
 Лелюша 189
 Ленченко, Володимир 663, 727
 Леонтьев, Михаил 642
 Лесевицкие, род 686
 Лесницкий Григорий 461, 483
 Лех, мифический первопредок 268
 Лешко (Лешек) Белый, кн. краковский 127, 128
 Лещинские, род 322, 389
 Лещинский Анджей, воевода 302
 Лешинский Анджей, канцлер 437
 Ливий 383
 Лжедмитрий II 262, 355, 455
 Лизогуб, Яков 666
 Линдеры, род 159
Линниченко Иван 84
Липинский Вячеслав 7, 8, 9, 24, 422
 Липман Машель Иосиф 444, 722
 Лобода Григорий 347-350, 354, 471
 Лобода Федор 470, 471
 Лоевичи, род 148
 Лозинские, род 149
 Лозинский Степан (Ягорлицкий Стецик) 558
 Лозка Галшка Гулевичивна 310
 Лозка Стефан 310
 Лозки, род 321
 Ломиковский Иван 541, 549
 Лоховский Михаил 373
 Лойола Игнатий 300
 Ломоносов Михайло 36
 Лопухин Ларион 459
Лотман Ю.М. 82
 Лубенский Мацей, архиепископ гнезненский 421
 Лука, евангелист 136
 Лука Сербин 274
 Лукарис Кирилл 274, 717
 Лукьянов Иван 519, 561, 562, 674
 Лупу Василе, молдавский господарь 452-454
 Лупу Розанда («домна Розанда») 453, 454
 Лушковский Каспар 274, 288
 Любарт Дмитрий Гедиминович, кн. волынский 134, 136, 177-180
 Люберт Зибранд 292
 Любецкие, кн. род 192
 Любомирские, род 322, 323
 Любомирский Ежи 491
 Любомирский Станислав 653
 Любомирский Францишек 653
 Людовик Анжуйский (Лайош Великий, Людовик Венгерский), король венгерский 135, 136, 155, 181, 714
 Лютер Мартин 284
 Лятош Ян 274
 Лыбедь, легендарная сестра Кия, Щека, Хорива 31, 32
Лысяк-Рудницкий Иван 11, 12, 24, 25
 Лыхий Григорий 368
 Лябенвольф Панкрац 174

- Лянцкоронский Предслав 239-242
 Лянцкоронский Станислав 241, 242
 Лясота Эрих 346, 347
 Лясоты, род 265
 Мазарини Джулио, кардинал
 Франции 410
 Мазепа, боярское имя 197
 Мазепа (Мазепа-Колединский)
 Иван Степанович, гетман 335,
 522-531, 533-535, 537-551, 561,
 562, 565-568, 578, 580, 581, 586,
 587, 591, 592, 601, 602, 609, 662,
 664, 674, 678, 688, 724
 Мазепа-Колединский Степан-Адам
 524
 Мазовецкий Конрад 130
 Макаревичи-Ивашенцевичи, род 321
 Макарий III, патриарх антиохий-
 ский 412, 443, 598
 Максименко 474
 Максимович Дмитро 541
 Максимович Иван 549, 555, 556
 Максимович Йоан 573, 725
 Мал, легендарный древлянский
 князь 46
 Малала, Иоанн 93
 Маласпина 280, 281
 Малаховская Ирина, мать Пилипа
 Орлика 550
 Малик-баша 230
 Малковичи (Маловичи), род 336
 Мальфрид Мстиславовна, супруга
 Сигурда Крестonosца 47
 Малюшицкий (Суражский) Василий
 274, 291
 Мамаевичи, потомки хана Мамаю
 201
 Мамай, хан 201
 Мануйлович Иван 668
 Марковичи, семья 672
 Мария, дочь кн. Мстислава Удалого
 129
 Мария-Терезия Габсбург, импера-
 трица австрийская 651
 Мария Тюдор «Кровавая», королева
 английская 254
 Мария, дочь кн. Юрия Львовича 134
 Марсилиу Падуанский 96
 Мартино из Пармы 173
 Масуди 42
 Матвеев Артамон 483
Матейко Ян 616
 Матюшенко Стефан 628
 Махмедер, имя собств. 230
 Мацейовский Бернанд, епископ луц-
 кий 279
 Медведовские, род 336
 Медведь 641
 Мейсенс 455, 722
 Меланхтон 290
 Мелешки, род 321
 Мелешко Иван 401
 Менгли-Гирей I, хан крымский 235,
 236, 238, 240
 Менгу-Тимур, хан Золотой Орды
 117
 Меншиков Александр 538, 543, 544,
 669
 Мессия 633
 Мешко II, король польский 65
 Мефодий, св. 58, 99
 Мехмед II Фатиг, султан турецкий
 238, 716
 Мехмед III, султан турецкий 363
 Мехмед IV, султан турецкий 451,
 513-515, 517

- Мехмед-Гирей, хан крымский 363, 364, 480-482, 489
- Меховский Мацей 243, 256
- Мигура Иван 527, 724
- Миклашевский Андрей 669
- Миклашевский Михаил 536
- Микошинский Богдан 347
- Миллер Герхард Фридрих* 36
- Милорадович Михаил 665
- Миндовг, кн. литовский 176
- Миневские, род 473
- Миних Бурхард Кристоф 672
- Минковские, род 390
- Мирович Иван 536
- Мирович Федор 541, 549
- Митура Александр 310
- Михал Вишневецкий, король польский и вел. кн. литовский 512, 514
- Михаил Борисович, вел. кн. тверской 195
- Михаил Всеволодович, кн. черниговский 129, 132
- Михаил Олелькович, кн. новгородский 195, 198, 199
- Михаил, сын Сигизмунда Кейстуовича 189
- Михаил III Исавр, византийский император 17
- Михайлович-Аннич, Тимофей 273
- Михайлович Максим 352
- Мнишек Марина 354, 719
- Мнишеки, род 322
- Многогрешный Демьян (Демко) 508–511, 523, 723
- Многогрешный Василь 510, 511
- Могила Андрей 558, 559, 561
- Могила Петро Симеонович, митрополит киевский 310, 372, 374-383, 395, 399, 403, 423, 569, 718, 720
- Могилянка Раина, супруга кн. Михаила Вишневецкого 375, 395, 422, 423, 721
- Могилянка Екатерина, супруга Самойло Корецкого 375
- Могилянский Арсений, митрополит киевский 676
- Мозыря Лукьян 470, 471, 475
- Моисей, библейский персонаж 414, 426, 600
- Моисей, игумен 97
- Моисей Маймонид 195
- Мокиевская Марина (Мария, Магдалина), мать Ивана Мазепы 524, 525, 548
- Мокош (Макошь) 56
- Мокриевич Кость 510
- Моксак, имя собств. 230
- Молггор Ульрих 721
- Молитор Теофил 387
- Монастырские, род 149
- Монвиды, род 188
- Мономаховичи, потомки кн. Владимира Мономаха 70, 128, 267
- Мономаховичи Мстиславичи, потомки кн. Мстислава Великого 70
- Мономаховичи Юрьевичи, потомки кн. Юрия Долгорукого 70
- Мормул, имя собств. 197
- Мороховский Илья, епископ владимирский 373
- Мосхопулос Эммануил 274
- Мотовило 288, 290
- Мошончичи, род 148

- Мрзовицкие, род 265
 Мрзовицкий Станислав
 (Морозенко) 429, 472, 473
 Мстигнев 148
 Мстислав (Федор, Гаральд)
 Владимирович, кн. черниговский
 46, 68, 91, 127
 Мстислав Великий, кн. галицкий 70,
 71
 Мстислав Изяславич, кн. киевский
 126
 Мстислав Удалой, Мономахович, кн.
 галицкий 128, 129
 Мстиславец Петр 274
 Мужилловский Силуян 419, 472
 Мужилловские, род 390
 Мурад III, султан турецкий 343
 Мурад-Гирей, хан крымский 518
 Мухи, род 336
 Мушата-Охлоповские, род 388
 Мушата-Охлоповский Остафий 388
 Мюнстер, Себастьян 182
 Навуходоносор 600
Назаренко А.В. 62
 Наливайко Демьян 274, 275, 347
 Наливайко Северин («Семерий»,
 «царь Наливай») 282, 346–351,
 354, 362, 471, 696
 Наливайко-Берковские, род 347
 Нарышкина Екатерина, супруга
 Кирилла Разумовского 674
 «Настаска» Чагрова, любовница
 Ярослава Владимировича 125
 Наум Охридский 58
 Наумов Федор 668
 Нафанаил Евстафий 274
 Нахимовский Федор 549
 Небаба Мартин 336, 446, 474
 Негалевский Валентин 289
 Нелюбович-Тукальский Иосиф, ми-
 трополит киевский 570, 647
 Неминикорчма 439
 Немирич Стефан 288
 Немирич Юрий 288, 472, 483–485,
 488, 491, 723
 Немиричи, род 321, 387, 388, 399,
 477, 717
 Немиры, род 473
 Непеин 668
 Несвижские, кн. род 69
 Нестеренко Максим 470
Нестор, условный автор «Повести
временных лет» 33, 41, 95
 Нечаи, род 475, 723
 Нечай Данило 441, 470, 475
 Никифор, наместник патриарха кон-
 стантинопольского 283
 Никола, архимандрит печерский 213
 Николай I, российский император
 10, 664
 Никон, игумен 95
 Нифонт, митрополит галицкий 154
 Ногай, имя собств. 230
 Ной 151
 Норблен Жан Поль 726
 Нордберг Георг 539
 Нос Иван 543
 Носы, кн. род 681
 Носач Тимофей 470, 483
 Носковский Павел 371
 Обадия, каган хазарский 106
 Оберней, род 197
 Оболенские, кн. род 70
 Овидий 383
Оглоблин, Александр 539
 Одоевские, кн. род 70

- Окольский Шимон 368, 369, 399
 Олаф Скотконунг, король шведский 64
 Олег, кн. киевский 43, 45, 47, 48, 55, 81, 268, 400
 Олег «Настасьчич» Ярославич, кн. галицкий 125
 Олег Святославич, кн. древлянский 45
 Олег Святославич, кн. черниговский 69
 Олександр Нос, кн. волынский 187
 Олександренко 439, 474
 Олекшич Павел 475
 Олелько Владимирович, кн. киевский 190, 194, 209
 Олельковичи, потомки Олелько Владимировича 190, 195–199, 203, 235
 Олельковичи-Слуцкие, потомки Михаила Олельковича 198
 Олесницкий Збигнев, епископ краковский 188
 Олизары, род 258
 Олизары-Волчковичи, род 321
 Ольга, супруга кн. Игоря Рюриковича 46, 47, 52, 54, 55, 84, 398
 Ольга, дочь Юрия Долгорукого 125
 Ольгерд Гедиминович, вел. кн. литовский 177–179, 181, 182, 185, 186, 197, 207, 208, 361
 Ольгердовичи, потомки Ольгерда Гедиминовича 178, 181, 185, 188, 194, 195
 Ольговичи, потомки кн. Олега Святославича 69, 79, 127, 199
 Онушкевич Федор 367
 Опалинские, род 322
 Опара Степан 505
 Оргиенко Семен 474
 Орендаренко Тимофей 366
 Ореховский (Ориховский)-Роксолан Станислав 151–153, 257, 276
 Оришовский Ян 341–343, 346
 Орлик Григор 551, 582
 Орлик Пилип, гетман 526, 527, 538–541, 549–557, 563, 565, 568, 577–582, 591, 595, 666, 724
 Орлик Стефан 550
 Орлики, баронская династия 550
 Осман III, султан турецкий 356
 Осман-ага 451
 Осмольский 338
 Осолинский Ежи 418, 421, 430, 431, 449
 Островский Ян 403, 721
 Острожецкие, кн. род 192
 Острожская Анна-Алоиза, княгиня 402
 Острожская Катерина, княжна 323
 Острожская София, княжна 323
 Острожские, кн. род 70, 192, 203, 261–263, 265–270, 274, 294, 321–324, 339, 345, 347, 348, 355, 395, 397, 715
 Острожский Адам-Константин, кн. 323
 Острожский Александр Константинович, кн. 266, 282, 283, 303, 384, 717
 Острожский Василий-Константин Константинович, кн. 198, 203, 258, 262, 265, 266, 269–273, 275, 276, 279–284, 287, 291, 293, 301–303, 307, 331, 339, 340, 345–347, 349, 717

- Острожский Дашко Федорович, кн. волынский 187
- Острожский Илья Константинович, кн. 203
- Острожский Константин Иванович, гетман 202, 203, 215
- Острожский Константин-младший Константинович, кн. 265, 301, 302
- Острожский Ян-Владимир, кн. 323
- Острожский Януш Константинович, кн. 263, 265, 266, 268, 301, 323, 344, 346, 403, 717, 721
- Острожский Януш-Павел, кн. 323
- Остророг Николай 422
- Остророги, род 322
- Остряница (Острянин) Яцек 369
- Отрок, брат хана Сырчана 98
- Оттон, маркграф саксонский
- Оттон I, император германский 64
- Оттон II, император германский 55
- Охмат, имя собств. 230
- Павел, апостол, святой 43
- Павел V, папа римский 394
- Павел Русин из Кросна 172
- Падовано (Джованни Мариа Моска) 174
- Паисий, патриарх иерусалимский 411, 426, 458
- Палий (Гурко) Семен 559-562
- Пальчевский Криштоф 353
- Папроцкий Бартош 235, 243, 248, 267, 723
- Парасхес-Кантакузен Никифор 274
- Парфений, патриарх константинопольский 458
- Пархоменко Яско 412
- Пасек Ян Хризостом 525
- Пашины (Пашинские), род 336
- Пекалид Шимон 273, 274, 344, 398, 719
- Пеленский, Ярослав* 138, 258
- Пелчицкий Лев, епископ турово-пинский 278
- Перегринус из Болоньи 173
- Перун 55–57
- Петр, апостол, св. 378
- Петр, архиепископ 132
- Петр, митрополит галичский 154
- Петр, претендент на молдавский престол 340
- Петр I Алексеевич, российский император 465, 524, 528, 529, 535-538, 540–544, 546–548, 550, 552-557, 560, 571, 591, 592, 606, 617, 631, 636, 648, 657–659, 662, 665–667, 669, 670, 673, 680, 687, 693, 724
- Петр II, российский император 668-670
- Петр Рареш, молдавский господарь 247
- Петрановский Ярема 472
- Петрахнович Василь 605
- Пивторак Григорий* 102
- Пидлипчак-Маерович Мариа* 655
- Писочинский Стефан 560
- Пихотник 474
- Плетенецкие, род 265
- Плетенецкий Александр (Елисей), архимандрит 265, 309-312, 355, 718
- Плохий Сергей* 9
- По 358
- Пободайло (Подобайло) Степан 474, 477
- Подвысоцкий 347

- Подкова Иван 340, 719
 Пожарский Семен, кн. 489
 Полак Яаков, раввин 161
 Полетика Григорий 682
 Половец Семен 525
 Половцы-Рожиновские, род 525
 Положный Матвей 474
 Полозович Семен 239-241
Полонская-Василенко, Наталия 8, 10
 Полоцкий Симеон 571, 593
 Полуботки, род 660
 Полуботок Павел (Павло) 544, 665-668, 727
 Попели, род 149, 532
 Порицкие, кн. род 323
 Порохницкие 148
 Порохницкий (Прухницкий) Ян, архиепископ львовский 148
 Посевино Антонио 275, 276
 Потемкин Григорий, кн. 683, 696
 Потий Ипатий (Адам), митрополит киевский 279-282, 292, 294, 295, 297-299, 302, 304, 373, 387, 717
 Потоцкие, род 322, 389, 645
 Потоцкий Николай (XVII в.) 368, 409, 418, 420, 421, 431, 436, 720
 Потоцкий Николай (XVIII в.) 628, 629, 653, 726
 Потоцкий Станислав «Ревера» 478
 Потоцкий Станислав Счастный 621
 Потоцкий-младший Стефан Николаевич 420, 421
 Потоцкий Францишек 653
 Почаповский Иеремия, епископ луцкий 373
 Преслужичи, род 148
Пресняков А.Е. 62
 Претвич Бернард 241-243, 245
Прицак, Омелян 9, 37
 Прозоровские, кн. род 70
 Прокопович Феофан 544, 548, 592, 601, 602, 724, 725
 Прокоповичи, род 336
 Пронские, кн. род 288, 323
 Пронский Семен, кн. 203, 242
 Проскуры-Сущанские, род 321, 390, 399
 Псевдо-Аристотель 195
 Птолемей 32
 «Пугачев Васька» 697
 Пузина Афанасий, кн., епископ луцкий 374
 Пузины, кн. род 390, 391
 Пухала Лаврентий 306
 Пушкари (Ресинские), род 335, 471
 Пушкарь Мартин 470, 484-487, 490, 504
 Пушкин Александр 517, 522
 Пясты, кн. род 62, 181
 Равита-Гавронский Францишек 647
 Рагоза Михайло, митрополит киевский 279, 283
 Радзивилл Альбрихт 394, 413
 Радзивилл Богуслав 480
 Радзивилл Криштоф «Перун» 302, 303, 718
 Радзивилл-младший, сын Криштофа 303
 Радзивилл Черный Николай 225, 285
 Радзивилл Януш 411, 429, 435, 436, 453, 472, 480
 Радзивиллы, род 188, 198, 322
 Радивилловский Антоний, игумен 601, 608, 609
 Разумовские, граф. род 660, 676

- Разумовский Алексей, граф 672
 Разумовский Кирилл, граф, гетман
 661, 664, 673–678, 682, 689, 696,
 727
 Раковецкий Теодор 727
Ранке Леопольд фон 6
 Раннеры, род 159
 Рашид-ад-дин 113
 Рей (Рэй) Николай 152, 153
 Рейтан Тадеуш 624
Ренан Эрнест 5
 Репнин Николай, кн. 619
 Ржевские, кн. род 70
 Римша Андрей 273 5
 Ринальди 674
 Рипа, Цезаре 345, 719
 Ритор Захария 38
 Робин Гуд 523
 Ровенские, кн. род 192
 Родкевичи, род 390
 Рог Иван 504
 Рогатинец Юрий 306
 Рогволод, кн. полоцкий 69
 Рогнеда, кн. полоцкая, супруга
 Владимира Святославича 69
 Роговицкие, кн. род 192
 Родецкий 293
 Роксолана, любовница Александра
 Македонского 399
 Роман, митрополит киевский 207
 Роман Игоревич, кн. черниговский
 127
 Роман Изяславич, кн. галицко-
 волинский 126
 Роман Мстиславич, кн. галицко-
 волинский 98, 124–129, 714
 Романовичи, кн. род 70, 128–130,
 134, 135, 137, 177
 Романовский Дмитро 694
 Ромодановский Григорий 489, 498,
 509, 511, 516, 518, 519
 Ростислав, сын Михаила
 Всеволодовича Черниговского
 129, 130
 Ростислав Владимирович, кн. тмута-
 раканский 123
 Ростиславичи, потомки Ростислава
 Владимировича 123–126
 Ростокский Феодосий, митрополит
 киевский 650
 Руальд 47
 Рубенс Питер 418, 722
 Рудницкие, род 149
Рудницкий Михайло 523
 Рудольф II Габсбург, немецкий им-
 ператор 346
 Ружинские, кн. род 192, 263, 318,
 321, 324, 339, 716
 Ружинский Богдан Остафьевич
 («гетман Богданко»), кн. 243, 339,
 340
 Ружинский Григорий Иванович, кн.
 339
 Ружинский Кирик Остафьевич, кн.
 320, 339, 349
 Ружинский Михайло Иванович, кн.
 339
 Ружинский Николай Остафьевич,
 кн. 339
 Ружинский Остафий Иванович, кн.
 339
 Ружинский Роман, кн. 262, 394
 Румянцев Петр, граф 658, 677–679,
 682, 683
 Рус, мифический прадед 268,
 269

- Руссо Жан-Жак 619
 Руткович Иван 605
 Рутский Иосиф Вельямин, митрополит киевский 304, 311, 314, 316, 372–374, 652, 720
 Рюльер Шарль 645
 Рюрик, легендарный князь новгородский 10, 41, 43
 Рюрик Ростиславич, кн. галицкий 72, 121, 123, 124
 Рюриковичи, кн. род 37, 62, 63, 70, 71–73, 134, 137, 138, 176, 188, 191, 206, 252, 267
Рыбаков, Борис 31, 38, 84
 Рыльские, род 628
 Саадат-Гирей, хан крымский (XVI в.) 240
 Саадат-Гирей, хан крымский (конец XVII в.) 534
 Саваоф 296
 Савич Семен 470, 666
 Савич-Величковские, род 335, 471
 Савич-Черный Григорий 335, 365, 471
 Сагайдачный (Конашевич Сагайдачный) Петро, гетман 310, 312, 335, 337, 355–358, 360, 362, 363, 471, 720
 Сакович Андрей 385
 Сакович Касиян 310, 356–358, 361, 720
 «Самовидец», автор летописи 415, 417, 428, 439–442, 447, 448, 462, 494, 499, 521
 Самойлович Иван, гетман 14, 511, 514–518, 520–523, 525, 533, 554, 559, 566, 568, 570, 571, 583, 584, 586, 587, 600, 664, 724
 Самойлович Григорий Иванович 521
 Самусь Самойло 559, 563
 Самченко, гетман 558
 Сангушки, кн. род 192, 203, 261, 265, 287, 301, 322, 339, 715
 Сангушко Адам, кн. 374
 Сангушко Роман, кн. 258, 339, 716
 Сангушко Федор, кн. 203, 242, 302
 Сангушко-Ковельский Василий, кн. 204
 Сангушко-Кошерские, кн. род 323
 Сапега Лев 299
 Сапеги 322
Сапунов Б.В. 95
 Сатиевские, кн. род 192
 Сахнович-Лесницкий Григорий 472
 Свейн, король шведский 58
 Свентольдич, легендарный «гетман войска руського», «Кисель» 398, 399
 Сверчковский, («Свирговский») Иван (Ян) 241, 338–340, 471
 Свидригайло (Швитригайла, Болеслав) Ольгердович, кн. 147, 184–191, 193, 194, 198, 203, 208, 214
 Святополк Владимирович, кн. 64, 65, 68, 81
 Святополк-Четвертинский, Гедеон, кн., митрополит киевский 570, 571, 648, 725
 Святослав, сын кн. Владимира Святославича 68
 Святослав Игоревич, кн. киевский 43, 44, 45, 46, 65, 81, 107, 713
 Святослав Ярославич, кн. черниговский 66, 68
 Святославичи (Ольговичи), кн. род, потомки Святослава Ярославича 69, 70, 79

- Сези, де 358
 Селим-Гирей, хан крымский 518, 558
 Селява Афанасий, митрополит киевский 373
 Семаковичи (Злобицкие), род 335
 Семашки, род 258, 322, 391
 Семашко Александр 297
 Семен Олелькович, кн. киевский 194, 195, 198, 199, 226
 Сененко Мыкола 684
Сеник, София 96
Сенкевич Генрик 501
 Сенюта-Ляховецкий Павел 288
 Сенюты, род 387 388
 Сенявские, род 242
 Сенявский Николай 241, 286
 Сенявский Прокоп 243
 Сервет 290
 Сефер Гази-ага 430, 449
 Сецигнёвский Якуб 241
 Сигизмунд II Август, король польский и вел. кн. литовский 246, 251, 252, 254, 255, 260, 337, 352, 717
 Сигизмунд Кейстутович, вел. кн. литовский 184, 187–190, 194
 Сигизмунд Корибутович, «наместник Чешкского королевства» 183, 188
 Сигизмунд I Старый, король польский и вел. кн. литовский 155, 202, 203, 219, 222, 241, 252, 716
 Сигизмунд III Ваза, король польский 280, 283, 303, 313, 316, 320, 325, 355, 371, 717
 Сигурд Крестоносец, король норвежский 47
 Сикора Яцко 155
 Сикст IV, папа римский 169, 170, 715
 Сикст V, папа римский 278
 Силецкий 493
 Сильвестр 95
 Симеон Могила, молдавский господарь 375
 Симонид Теодор 387
 Синеус, легендарный князь 41
 Синкевич Дионисий 649, 727
 Сирко Иван 490, 501, 506, 513, 515, 516, 518, 521, 525, 591, 594, 595, 723
 Скалигер Юлий 383
 Скарга Петр 271, 277, 281, 282, 290, 292, 391
 Скобейко 189
 Скворода Григорий 684, 696, 697
 Скорина Франциск 288
 Скоропадские, род 660, 681
 Скоропадский Иван, гетман 541, 544, 665, 674
 Скоропадский Павел 544
Слабченко Михаил 660, 663
 Слешковский Себастьян 268
Словацкий Юлиуш 522, 616
 Слонечковичи, род 148
 Слупицы, род 323 390
 Слуцкие, кн. род 322
 Слуцкий Юрий, кн. 276
 Смельдфельды, род 159
Смолий Валерий 523
 Смотрицкий Герасим 265, 273, 274, 291, 294
 Смотрицкий Мелетий (Максим), архиепископ полоцкий 265, 269, 293–295, 299, 310, 313–315, 374, 393, 718
 Смотрицкий Стефан 265

- Смярковский Николай 426
 Соарес Киприано 383
 Собеские, род 322
 Собеский Якуб 357, 360
 Соколовский 338
Соловьев Сергей 489
 Сологуб Василий 681
 Сологубы, род 680, 681, 727
 Соломерецкие, кн. род 70, 322
 Соломерецкий Богдан 294
 Соломон, библейский царь 130
 Солтаны, род 258
 Сомко Яким 336, 410, 474, 490, 494, 498, 499
 София, дочь Семена Олельковича 195
 Софонович Феодосий, игумен 574
 Софья Алексеевна, московская царица 521, 571
 Социн, Фауст 285
 Сперендио Пьетро 269
 Стабровский Петр 304
 Стадницкий Мацей 286
 Стадницкий Николай 286
 Станислав Август Понятовский, король польский и вел. кн. литовский 617, 619, 622, 726
 Станислав Лещинский, король польский и вел. кн. литовский 536, 539, 540, 545, 547, 553, 563, 617, 641
 Станишевские, род 265
 Станкаро Франко 286
 Старицкие, род 628
 Статориус Криштоф 387
 Статориус Петр 387
 Статориус Ян 387
 Стегман Петр 387
 Стемпковский Мацей 265
 Степко 439
 Степанские, кн. род 69, 192
 Стефан, св., первомученик 80
 Стефан, епископ владимирский 122
 Стефан Баторий (Иштван Батори), король польский и вел. кн. литовский 20, 276, 320, 337, 341, 342, 579, 719
 Стефан Великий, молдавский господарь 195
 Стефан Душан, царь сербский 58
 Стефан I Святой, король венгерский 51, 65
 Стефаненко 546
 Стрибилы, род 390
 Стрибог 56
 Стрижовские, род 258, 321
 Струси, род 321, 322
 Струсь Ежи 349
 Струсь Якоб 241, 242
 Струтинские, род 149
 Стрыйковский Мацей 139, 361, 574
 Стужинский 338
Субтельный, Орест 9, 523, 540
 Суворов Александр 620, 622
 Судислав 128, 129
 Судислав, сын кн. Владимира Святославича 68
 Сулейман I Великолепный, турецкий султан 247
 Сулима Иван (времен Хмельницкого) 366, 367, 394, 491
 Сулима Иван (времен Мазепы) 541, 544
 Сулименко Дмитро 501
 Сулименко Федор 558
 Сулимы род 473

- Суховой Петро 509, 512, 566, 568
 Суша Яков 293, 387, 718
 Схария 195
 Сырчан, хан 98
Сысын, Франк 9
 Тавлуй 197
Таирова-Яковлева, Татьяна 491, 500, 503
 Талалай 197
 Талдуччи 340
 Танский Антон 665
 Тарасевич Олександр 534, 568, 604, 605, 724, 725
 Тарасевич Леонтий 526, 599, 604, 605, 725
 Тарасович Василий, еп. 605
 Тарасский 371
 Тарлы, род 322
 Тарновский Ян 286
 Тарон 32
Татищев В.Н. 126
 Тацит 383
 Тваровский Сильвестр, архимандрит 648
 Твердохлиб Матис 387
 Теве Андре 244
 Тезей 551
 Теккели Петр 694
 Темплы, род 159
 Тенчинские, род 322
 Тенчинский Анджей 148
 Теплов Григорий 673, 676, 677
 Тептюковичи 148
 Теребердей 230
 Терлецкие, род 149, 391
 Терлецкий Адам 373
 Терлецкий Кирилл, епископ луцко-
 острожский 278–282, 297, 298, 302, 718
 Терлецкий Мефодий, епископ холмский 387
 Тетери (Тетери-Мрожковские), род 336, 497
 Тетеря Иван 497
 Тетеря Павло, гетман 335, 460, 461, 477, 483, 491, 495–498, 500–505, 525, 570, 723
 Тимофей, архиепископ из города Поло 274
 Тимур (Тамерлан), монгольский полководец 119
 Тискиневич Григорий 299
 Титмар, архиепископ мерзебургский 65
 Токайчук 419
Толочко Олексий 9, 61, 64, 72, 73
 Толочко Петр 87
 Толстой Петр 665
 Толук 230
Томашиевский Степан 8, 71
 Томиленко Василий 367, 368, 470
 Томиловичи (Томиленки), род 335, 471
 Томислав, король хорватов 51
 Томша Штефан 247
 Топига Богдан 470
 Торрес Козимо де 299, 362
 Тристенские, кн. род 192
 Трифон из Бершади 439
 Тройден, кн. мазовецкий 177
 Трохимович Антон 681
 Третьак Федор 549
 Траян, римский император 108
Трубачев Олег 37, 83

- Трубецкой Алексей, кн. 489, 490, 492
 Трубецкие, кн. род 70
 Трувор, легендарный князь 41
 Тугай-бей 433, 449, 450, 594
 Тупека Иван 298
 Тупичи (Тупицы), род 335
 Туптало Данило (Димитрий, св. Димитрий Ростовский), митрополит ростовский 602, 605–607, 609, 610, 726
 Тучанский Макарий, епископ галичский 155
 Тыши-Биковские, род 321
 Тышкевич Фридрих 329
 Тышкевич Юрий 395
 Тышкевичи, род 321, 324
 Угедей, каган монгольский 117
 Ульяна Тверская, супруга кн. Ольгерда Гедиминовича 185, 186
 Урбан VIII, папа римский 387
 Уханский Якуб, архиепископ гнезненский 286
 Ущаны, род 197
 Файторн 724
 Фаларид 351
 Фарлоф 47
 Федор Алексеевич, царь московский 571
 Федор Иванович, царь московский 70
 Федор Кориатович, кн. подольский 182
 Федор Любартович, кн. волынский 179, 182
 Федора 352
 Федоров Иван, Москвитин 272, 274, 306
 Федорович Иван 470
 Федорович Сасько (Саско) 335, 470
 Федорович Тарас (Трясило) 365, 366
 Федорович Тимофей 335, 471
 Федоровичи, род 335, 470
 Феодор, митрополит галичский 154
 Феодор Студит, св. 79, 80
 Феодосий Косой 287
 Феодосий Печерский, игумен, св. 79, 80, 92, 95
 Феопемпт, митрополит киевский 75
 Феофан, патриарх иерусалимский 312, 313, 362
 Феофил, византийский император 34
 Феофилакт, митрополит киевский 75
 Фзилжих 541, 724
 Филимонович Мефодий, протопоп 507, 570
 Филипович Иван 654, 727
 Филипп II, король испанский 254
 Филонарди Марио 388
 Филофей, монах 253, 656
 Фиоль Швайпольт 157
 Фирлеи, род 322
 Фирлей Адам 429
 Флетчер Джильс 455
 Фома Аквинский 96
 Фотий, митрополит киевский 208
 Фотий, патриарх константинопольский 42
 Фракас Николо 173
Франклин Саймон 96
 Франко Иван 351, 413
 Фредр Максимилиан 300, 718
 Фридрих I Барбаросса, германский император 125
 Фридрих-Вильгельм, курфюрст бранденбургский 480

- Фридрихи, род 159
 Фрик Дэвид 9
 Хаджи-Гирей, хан крымский 235
 Хаджи Мехмед Сенай 429, 449
 Халаимы, род 97
 Халецкий Оскар 256, 617
 Хам 151
 «Хам Данилей Кукса» 681
 Ханенко Михайло, гетман 503, 512, 513, 566, 568
 Харальд Суровый 65
 Харко 643
 Хинчевская-Геннель Тереза 9
 Хлодвиг, король франков 66
 Хмелевский Бенедикт 627
 Хмелецкий Адам 472, 473, 477
 Хмелецкий Стефан 473
 Хмельницкая (Золотаренко) Анна Васильевна, третья супруга Богдана 411
 Хмельницкая Анна Сомковна (Якимовна), первая супруга Богдана 410
 Хмельницкая (Выговская) Елена Богдановна 493, 497
 Хмельницкая Мотрона, вторая супруга Богдана 410, 411
 Хмельницкий Богдан (Теодор-Зиновий) Михайлович (Хмель, Хмельниченко) 143, 325, 337, 352, 368, 385, 408–415, 417–443, 445, 448–454, 456–458, 460–466, 469–478, 480–487, 490, 492–498, 500, 502, 504, 505, 508, 519, 525, 530, 534, 535, 538, 568–570, 576, 578, 580, 583, 584, 588, 592, 594, 643, 658, 676, 682, 696, 721
 Хмельницкий Михайло 352, 408, 409
 Хмельницкий Остап Богданович 410
 Хмельницкий Тимош Богданович, «гетьманич» 410, 411, 437, 452–454, 502, 722
 Хмельницкий Юрий Богданович, «Хмельниченко», Юрась Хмельниченко, монах Гедеон 410, 482, 483, 491–498, 504, 517, 518, 525, 557, 723
 Ходыка Федор 311
 Хомичи, род 336
 Ходкевичи, род 322
 Хорив, легендарный князь 31, 32, 41, 268
 Хорс 56
 Храбр Черноризец 59
 Худолий 431, 484
 Цамблак Григорий, митрополит киевский 208
 Цвингли Ульрих 290
 Цельтис Конрад 172
 Цицерон 383
 Цицюра Тимош (Тимофей) 490, 491, 494, 591
 Цяпинский Василий 288
 Чайковские, род 149
 Чалый Сава 641, 642
 Чаплинские, род 265
 Чаплинский Даниил 410, 418
 Чаплич Юрий 387
 Чапличи, род 322, 388, 390, 717
 Чаплич-Шпановский Кадьян 287, 288
 Чаплич-Шпановский Мартин 288
 Чарлан 230
 Чарнецкий Стефан 437, 478, 479, 501
 Чарнота Иван 470, 471
 Чекановские, род 473

- Челек, имя собств. 230
 Чемесов 727
 Ченовицкий Войтех 343
 Черленковские, род 388, 390
 Чернберги, род 159
 Черниговец Яков 684
 Черныш Иван 666
 Четвертенские, кн. род 69, 192, 203, 391, 398, 721
 Четвертенский Федор, кн. 203
 Чешек Себастьян 174
 Чех, мифический прадед 268
 Чеховиц Мартин 289
 Чечель Дмитро 543
 Чигас 230
Чижевский Дмитро 47, 391, 577, 598
 Чингисиды, потомки «Бурого волка» (Борте Чино) 112, 114, 115, 117
 Чингисхан (Темучин), монгольский хан 112-115
 Чоновицкий Войтех 320
 Чорторыйские (Чарторижские), кн. род 192, 203, 261, 265, 301, 618, 715
 Чорторыйский Александр, кн. волынский 189, 258
 Чуйкевич Василий 529, 541
Чуйкевич Петр 590
 Чуйкевич Федор 671
 Чуйко, род 439
 Чурба, имя собств. 230
 Чурилы, род 148
 Чухлиб, Тарас 558
 Шамбат (Самбат), хан болгарский 33
 Шагин-Гирей, хан крымский (XVII в.) 363, 364
 Шагин-Гирей, хан крымский (XVIII в.) 679
 Шандыр, имя собств. 197
 Шаула, имя собств. 197
 Шаула Мартын 282
 Шаула Матвей 347, 350
 Шаулы, род 336
Шашкевич Антон 615
 Шашкевичи (Шашковичи), род 321, 390
 Шашковские, род 258
 Шафировы, род 544
 Шах Яков 340
 Шахматов Алексей 99
 Шаховские, кн. род 70
 Шаховской, кн. 672
Шевелев Юрий 99
Шевченко Игорь 9, 25, 51, 96
 Шелест Юхим 644
 Шеллеры, род 159
Шелухин Сергей 21
 Шемберг Яцек 419, 472
 Шемет, имя собств. 197
 Шепель, имя собств. 197
 Шептицкие, род 532
 Шептицкий Варлаам, архимандрит 648
 Шереметьев Василий 479, 493, 494
 Шереметьев Петр 507
 Шереметьевы, род 544
 Шерер Жан Бенуа 667
 Шидловские, род 686
 Шимонович-старший Юрий 605
 Шомака, имя собств. 197
 Шпаковские, род 390
 Шроты, род 159
 Штаде, фон, маркграф Северной марки 65
 Штейнкелеры, род 159
 Штехеры, род 159

- Шульц Даниэль 430, 722
 Шумейки, род 336, 470, 471
 Шумейко Прокопий 470
 Шумлянские, род 149
 Шумлянский Иосиф, епископ
 львовский 648
Щапов Ярослав 81
 Щек, легендарный князь 31, 32, 41,
 268
 Щирский Иван 576, 601, 604, 605,
 725, 726
 Эдмунд Железнобокий, король ан-
 глийский 65
 Эльжбета, дочь Дмитра из Горая 148
 Эльстраке 280, 717
 Эпштейн Лейб 631
 Эразм Роттердамский 172
 Этцлер Георг 518, 723
 Юзефович Иван 311
 Юрий Кончакович, хан половецкий
 114
 Юрий Львович, «король Руси» 133,
 714
 Юстиниан II, византийский импера-
 тор 31, 380
 Яблоновские, род 336
 Яблоновский Август 628
 Яворский Стефан 538, 545, 550, 551,
 596, 601, 602, 608, 609, 648, 725
 Ягеллоны, потомки Владислава
 Ягайло 252
 Ядвига, королева польская 136, 144,
 181, 182
 Язловецкие, род 322
 Язловецкий Ежи (Юрий) 241, 242,
 286, 337, 338
 Яков Иосиф из Полонного 632
Яковенко Наталия 9
 Яковлев Петр 546, 547
Яковлив Андрий 463
 Ян II Казимир Ваза, король поль-
 ский и вел. кн. литовский 425,
 426, 429–431, 435, 438, 456, 479,
 481–483, 487, 500, 502, 506, 525,
 588, 722
 Ян Русин из Туробина 172
 Ян III Собеский, король польский и
 вел. кн. литовский 357, 506, 513–
 515, 517, 558–560, 648, 724
 Яненко-Хмельницкий Павел 517
Янечек Анджей 146
 Яницкий 338
 Ярмолинские, род 390
 Ярополк Святославич, кн. киевский
 45, 52
 Ярослав (Мудрый) Владимирович,
 кн. киевский 46, 62, 63–66, 68–70,
 73, 76–79, 81, 91, 95, 110, 123, 143,
 380
 Ярослав Владимирович, кн. галиц-
 кий 125, 127, 128
 Ярослав Изяславич, кн. луцкий 125
 Ярославичи («Ярославлі внуки»),
 кн. род 69
 Ясинский Варлаам, митрополит ки-
 евский 511, 545, 571, 596, 601, 725
 Яфет 151, 173, 361
 Яхия Александр 363

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга	5
Территория Украины: историческое ядро и позднейшие приращения	13
Названия и самоназвания украинской территории.	17
Восток и Запад в украинском прочтении	23
Предисловие ко второму изданию [2005]	26

РАЗДЕЛ I

От Кия до «последнего викинга» Святослава

Кий и его «поляне» — ребус для историков	31
Русы и «Руськая земля» в IX–X вв.	34

РАЗДЕЛ II

Под знаком византийской цивилизации

1. Киевская Русь — государство и люди	53
Владимирово крещение Руси в легенде и реалиях	53
Контурь государственного здания XI в.	61
Борьба князей за киевское «причастие» в XII–XIII вв.	68
Люди Руси: oratores, bellatores, laboratores	74
Письменность. Язык. «Древнерусская народность» или этносы?	92
2. Русь и Степь	103
Кочевь государства — враги / соседи русичей	104
Империя Чингисхана и Чингисидов перед нападением на Русь	112
Походы Батьа. Создание Ак-орды, или Золотой Орды	115

3. Галицко-Волынское княжество — Королевство Руськое	121
Формирование территории. «Сепаратизм» Ростиславичей	121
Войны за «галицкое наследство». Данило Галицкий	127
Новый передел «галицкого наследства». Финал киево-русской истории	134
Куда «перетекла» киево-русская история	137

РАЗДЕЛ III

НЕПОХОЖИЕ ОТВЕТВЛЕНИЯ РУСЬКОГО СТВОЛА (КОНЕЦ XIV — СЕРЕДИНА XVI в.)

1. Галицкая и Подольская Русь	144
Изменения в этническом составе населения в XV в.	145
От бояр и дружинников к шляхте-русинам «польской нации»	146
Православная и Римско-католическая Церкви: первые опыты сосуществования	153
Конфессиональная и этническая пестрота городов. Городские «нации»	158
Распространение Магдебургского права	
Первые ремесленные цехи	162
«Открытие мира» с помощью книги и путешествий.	
Латинская школа в руських городах	168
«Галицкий Ренессанс»:	
неолатинская поэзия, архитектура, пластические искусства	171
2. Киевская и Волынская земли	175
Гедимин и Ольгерд — «собиратели руських земель»	177
Великое княжество Литовское при Ольгердовичах и Витовте	179
Свидригайло в династической войне 1432–1438 гг.	184
Две социальные модели XV в.	
Волынь Свидригайло и Киевское княжество Олельковичей	190
Изменение расстановки сил между Вильной и Москвой.	
Восстание Михаила Глинского	199
«Княжеский синдром» — визитная карточка Волыни XVI в.	202
Обретение самостоятельности Киевской митрополией.	
Сосуществование православных с католиками	207
Город, городское право, городское население	215

От партикулярных привилеев к законодательной системе: Литовские статуты и реформы 1560-х гг.	220
3. Первые сто лет казачества	225
Дикое поле. Пороги. Великий Луг	225
Ранние упоминания о казаках-татарах и казаках-русиных.	
Спор об истоках украинского казачества	228
Крымское ханство — катализатор казатчины	235
Рыцари христианства в мусульманском платье	238
Запорожская Сечь князя Байды-Вишневецкого	244

РАЗДЕЛ IV

УКРАИНА-РУСЬ — ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ «ДВУХ НАРОДОВ»

1. Люблинская уния и первые десятилетия после унии	251
Привлекательность унии	252
Волынцы и киевляне на Люблинском сейме 1569 г.;	
унийный привилей	256
Всплеск княжеского могущества после унии	259
Встреча Руси с Русью:	
галицкая шляхта на Волыни и в Киевщине	264
Рождение «старожитного народа руського»	266
Острожская академия	269
2. Церковь и руськое общество от Брестского собора до легализации православной иерархии (1596–1632)	275
Накануне межцерковной унии	275
Два собора в Берестье 1596 г.	281
Протестанты — третья сила в споре	284
Словесная война за и против межцерковной унии	289
Силовые конфликты «Руси с Русью».	
Иезуитское миссионерство и враждебность к «ляхам»	297
Шляхта и мещане на страже православного «благочестия»	301
Тайное рукоположение митрополита под охраной казацкой сабли	309
Новое политическое сознание, или Появление «третьего народа» в Речи Посполитой «Двух Народов»	313

3. Шляхта, простонародье, казаки: узел взаимосвязи и противоречий	316
Колонизация степного пограничья. Поляки и евреи на новоосвоенной территории	316
Крестьяне, бояре, мещане: специфика жизненного уклада	326
Казачество между «реформой Стефана Батория» и смертью Петра Сагайдачного	337
Борьба за самоутверждение: казацкие войны 1625–1638 гг.	357
4. Раздвоенный мир, или Общий образ культуры Украины-Руси конца XVI — середины XVII в.	372
Первые шаги на пути конфессионализации:	
«ментальность реформ»	373
Школа, коллегия, гимназия, академия	381
Разнообразие языковых и конфессиональных практик	391
«Сарматы-роксоланы» и/или «польские сарматы»	396
Мир большинства на фоне «ментальности реформ» элитарной культуры	400

РАЗДЕЛ V
КАЗАЦКАЯ ЭРА

1. Казацкая революция 1648–1657 гг.	407
Богдан Хмельницкий — человек, вождь-освободитель, «бич Божий»	408
На весах военного счастья	415
Ужасы войны	438
Дипломатия гетмана в поисках выхода	448
Переяславское соглашение 1654 г.	454
Территория и модель власти / управления казацкой державы	465
Старшинский корпус: социальная и мировоззренческая несовместимость	470
Начало московско-польской войны.	
Смерть Богдана Хмельницкого	478
2. Руина (1658–1678)	483
Вступительный аккорд к гражданской войне: Мартин Пушкарь против Ивана Выговского	484

Попытка вернуться в привычный мир: Гадячское соглашение 1658 г.	487
Горькая судьба Юрася Хмельниченко	492
«Война берегов»: Павло Тетеря и Иван Брюховецкий	496
Андрусовское располовинивание 1667 г.	504
Демьян Многогрешный за и против Москвы	508
Турецкая альтернатива Петра Дорошенко	511
Рукотворная пустыня после Чигиринских войн 1677–1678 гг.	517
3. Мазепа и мазепинцы	522
Многоликий Иван Мазепа	522
Путь к полтавской катастрофе	530
<i>Vae victis</i>	542
Попытка реванша Пилипа Орлика	549
4. Последние десятилетия казачества на Правобережной Украине . . .	557
Гетманы «турецкие» — гетманы «польские»	557
Палиивщина	560
5. Культура, освещенная заревом войны.	563
Поколенческие ритмы «долгого» XVII в.	563
Рождение «казацко-русской отчизны»	566
Изменения в жизни Православной Церкви.	
Прошлое и настоящее глазами ее служителей	569
Образ украинской истории в «литературе канцеляристов»:	
Григорий Грабянка, Пилип Орлик, Самойло Величко	577
Запорожская Сечь — квинтэссенция народовластия	582
«Мы» и «они», или Новое восприятие соседей	586
В причудливом мире барокко	595

Раздел VI

Меж Речью Посполитой и Российской империей

1. «Пророчество Вернигоры», или Колиивщина: дилемма украинско-польских взаимоотношений в Речи Посполитой	613
Речь Посполитая между хаосом и попытками «направы»	616
Шляхта и горожане: набросок социального портрета	623
Вера бедных: феномен хасидизма	630

Крестьянская проблема. Социальный бандитизм:	
опришки и гайдамаки	633
Взрыв Колиивщины 1768 г.	642
Изменения в жизни Церкви. Василианское просветительство	647
2. Угасание казацких автономий в подросийской Украине	656
Политико-административное устройство и общество Гетманщины	658
«Казацкие вольности» в петербургской редакции 1720–1740-х гг.	664
Полоса надежд: правление Кирилла Разумовского (1750–1764)	672
Новый порядок, новые «чины», новые «дворяне»	678
Последние попытки воспрепятствовать переменам в Гетманщине	681
Тихое угасание слободской Украины	684
Финальные полвека Запорожской Сечи	687

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиография	701
Список иллюстраций	713
Именной указатель	728

Наталья Яковенко

**ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**

Дизайн обложки *Д. Черногаев*

Редактор *Е. Леменева*

Корректор *М. Смирнова*

Макет и компьютерная верстка *В. Фролова*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК- 005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 70 x 90/16
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 48. Тираж 1000. Заказ № 2552

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14